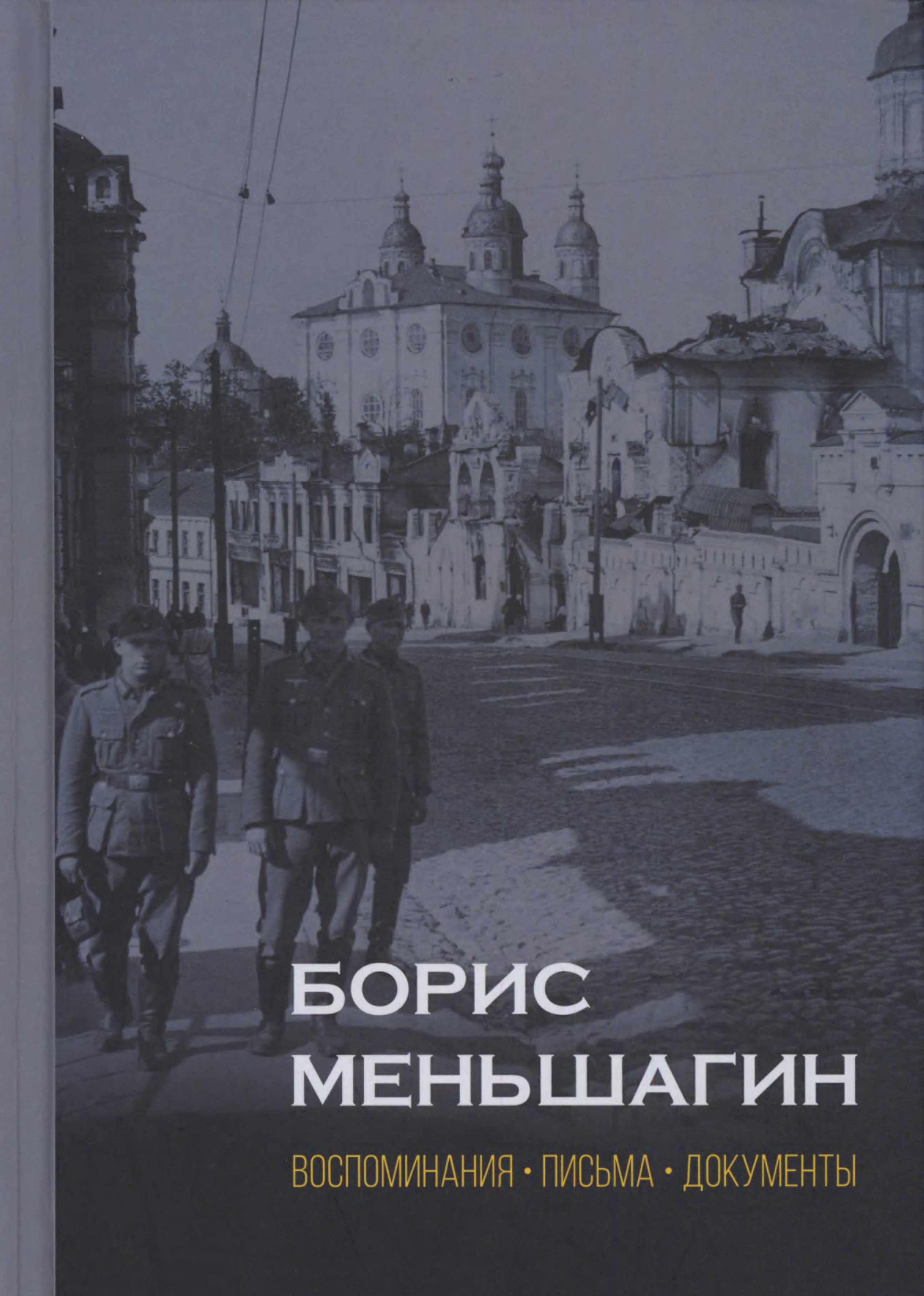

БОРИС МЕНЬШАГИН

ВОСПОМИНАНИЯ • ПИСЬМА • ДОКУМЕНТЫ

БОРИС МЕНЬШАГИН
ВОСПОМИНАНИЯ • ПИСЬМА • ДОКУМЕНТЫ

БОРИС МЕНЬШАГИН

ВОСПОМИНАНИЯ • ПИСЬМА • ДОКУМЕНТЫ

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2019

УДК 94
ББК 63.3(0)62
Б 825

Б825 **Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы** / Сост. и подг. текста П. М. Полян. — М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — 824 с., ил.

ISBN 978-5-4469-1619-1

В последнее время в историографии всё чаще встречается имя Бориса Георгиевича Меньшагина (1902–1984) — интереснейшей личности с уникальной судьбой. Успешный смоленский адвокат в довоенные годы, бургомистр Смоленска и Бобруйска в годы немецкой оккупации, осужденный за это к 25 годам тюрьмы, автор интереснейших в историческом плане свидетельств, оставленных как во время следствия и в заключении, так и по выходе на свободу.

К его судьбе вполне применима знаменитая сталинская формула, но с небольшой модификацией: не «Изолировать, но сохранить!», а «Сохранить, но изолировать!». Как бургомистр Смоленска он стал невольным заложником Катынской трагедии и аферы — расстрела польских военнопленных офицеров НКВД весной 1940 г., обнаружения следов этого преступления немцами весной 1943 г. и попытки СССР переложить ответственность за него на Третий Рейх на Нюрнбергском трибунале летом 1946 г.: именно сфальсифицированные чекистами «показания» Меньшагина легли в основу «доказательной базы» бесславного советского обвинения.

Следственное дело Меньшагина, как и его обширные воспоминания начала 1950-х гг., написанные в камере-одиночке Владимирского централа, увы, до сих пор недоступны исследователю. Но и дошедшие до нас другие свидетельства Меньшагина последних лет его жизни — письменные воспоминания, аудиоинтервью и письма — составляют ядро книги и, вместе с подборкой уникальных документов, являются памятником эпохе и истинным кладом для историка, прежде всего — для исследователя немецкого оккупационного режима в СССР и советского коллаборационизма.

Хотя война и окончилась уже три четверти века назад и в мир иной ушли практически все ее участники, иной раз кажется, что война всё еще идет, настолько горяч обличительный и пропагандистский пафос! На самом деле куда интересней и плодотворней разобраться в том историческом феномене, который являют собой судьба и личность Меньшагина. Свободному от стереотипов анализу, собственно, и посвящена эта многоголосая книга, рассчитанная как на круг историков-профессионалов, так и на широкую читательскую аудиторию.

Составление, подготовка текста и биографический очерк: *Павел Полян*
Редколлегия: *Майкл Дэвид-Фокс*, *Павел Полян* и *Габриэль Суперфин*
Статьи и воспоминания: *Сергей Амелин*, *Майкл Дэвид-Фокс*, *Павел Полян*, *Надежда Левитская*, *Наталья Лин*, *Валентин Костин*, *Ирина Дороднова*, *Вера Лашкова* и *Габриэль Суперфин*
Комментарии: *Павел Полян* при участии *Габриэля Суперфина*, *Сергея Амелина*, *Веры Лашковой* и *Николая Поболя*
Подбор иллюстраций и указатели: *Павел Полян* и *Сергей Амелин*
Карта оккупированного Смоленска: *Сергей Амелин*

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

(Павел Полян)

Еще в самом начале 1990-х гг. Габриэль Суперфин познакомил меня и моего друга Николая Поболя (1939–2013) с военными воспоминаниями Меньшагина. В головах наших соткался мираж книги, и мы все трое начали эту работу, точнее, продолжили ту, что уже сделал Суперфин, готовя книгу 1988 года.

Запрягали мы долго, стартовали лёжа на печи и ехали, к сожалению, крайне неспешно, поскольку кругом тогда открывалось столько другого — еще более, казалось, интересного! За десятилетие с гаком было приготовлено, а лучше было бы сказать заготовлено — крайне мало: самый текст «Воспоминаний о пережитом» в первом приближении, разметка под комментарий, с десяток-другой новых примечаний. Правда, мы с Поболем съездили в Смоленск, где заглянули в архивы и взяли одно интервью[1], но даже познакомиться с Надеждой Григорьевной Левитской, душеприказчицей Меньшагина, так тогда и не удосужились.

Между тем воспоминания поражали своей уникальностью (ни один экс-бургомистр, даже из тех, кто уцелел на Западе, ничего подобного даже не попробовал написать!), исторической насыщенностью и некоей особой интонацией самостоятельно мыслящей личности. Осознание уникальности и значимости этого источника, как и самой личности Меньшагина, начало быстро нарастать в начале 2010-х гг., когда в литературе об оккупации накопилась критическая масса вторичных текстов о режиме оккупации и когда начала костенеть крайне односторонняя оценка смоленского экс-бургомистра[2].

После смерти Николая Поболя в 2013 г., разбирая его архив, я составил список начатых нами вместе, но так и не законченных дел и проектов. И первым в этом списке стоял проект «Меньшагин».

И только тогда я прибавил обороты и вообще перешел в рабочий режим. Первым делом созвонился и встретился с Надеждой Григорьевной

---

[1] У Натальи Евтихиевны Сенявской (1920–2015), одноклассницы С. Ф. Клышейко, племянницы Меньшагина.

[2] См. в наст. издании, с. 211–249.

и разобрался с основными источниками, долгие годы лежавшими у всех на виду, в библиотеке-архиве Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына на Таганке.

Новый, точнее, дополнительный импульс работе придала встреча в Москве, осенью 2015 г., — почти случайная, — с Майклом Дэвидом-Фоксом, профессором Джорджтаунского университета в Вашингтоне. Оказалось, что он давно занимается историей оккупированного Смоленска, а о воспоминаниях самого Меньшагина даже слыхом не слыхивал. Знакомство с ними, по его словам, вывело его на совершенно новый уровень знания и осознания этой проблематики. В то же время весьма своевременным оказался грант Школы международных отношений Джорджтаунского университета, выданный М. Дэвид-Фоксу для поддержки архивного поиска.

Как бы то ни было, но, начиная с осени 2015 г., работа над проектом «Меньшагин» приобрела несколько иной — еще более интернациональный и, главное, совершенно системный и интенсивный — характер. Поиски материалов о Меньшагине привели к неопубликованному интервью 1978 г., взятому у него Лисовской, к материалам о его службе в армии, к его тюремной карточке, как и к двум его надзорным делам в ГАРФе, содержавшим то, что в настоящем издании обозначается как «Письма наверх», к его дружеской эпистолярии. Пришлось углубиться во многие тематические комплексы, непосредственно связанные с Меньшагиным, — такие как роль провинциального советского адвоката в довоенном судопроизводстве, как организация городского самоуправления на оккупированных территориях СССР, как этноцид евреев и цыган и стратоцид умалишенных, как лагеря советских военнопленных. Особый блок составляли Катынь и Нюрнберг, связанные не только друг с другом, но также, каждая и по-своему, с Меньшагиным. Колоссальная — 25-летняя — и подчеркнуто изоляционистская отсидка заставила вникнуть и в послевоенный правовой статус коллаборантов, и в «нюансы» правоприменения к ним таких актов, как Указ от 19 апреля 1943 г. или амнистия от 17 сентября 1955 г.

Иными словами, судьба смоленского экс-бургомистра стала своего рода зондом в историческую толщу чуть ли не целого столетия.

Работа над книгой потребовала приложения, наряду с традиционными, новейших методов историко-архивного поиска, ставших возможными лишь в самые последние годы, а также привлечения и мобилизации усилий многих и самых разных коллег. Своего рода побочными ее результатами стали поиск и установление контактов с сыном и дочерью В. Хизвера, с сыном Г. И. Дьяконова и дочерью самого Б. Г. Меньшагина, а также основание личного фонда Меньшагина в архиве Международного Мемориала.

Отправной точкой этого проекта как книжного начинания было, разумеется, издание 1988 г.[1] Вся последующая работа над книгой имела свои внутренние этапы и естественным образом вылилась в газетные и журнальные публикации[2].

Ядро книги составляют «Воспоминания», т.е. все известные составителю тексты самого Б. Г. Меньшагина, собранные из трех источников и относящиеся к двум жанрам, — воспоминаний (1972) и интервью (1977 и 1978 гг.). Общей особенностью интервью являлся большой хронологический разброс затрагиваемых в них событий и частичное их взаимоналожение (дублирование содержания).

Этим обусловлено то обстоятельство, что настоящее издание в своей главной — мемуарной — части является контаминированным, составленным из фрагментов трех указанных источников, последовательно подвергнутых следующим составительским процедурам[3].

Первая — это фрагментация, т.е. разбиение исходных текстов на отдельные эпизоды, тематически цельные внутри себя. Вторая — селекция, сравнение источников друг с другом, установление тематического или текстуального взаимоналожения и предпочтение одного из них (как правило, более полного)[4]. Третья — номификация — присвоение составителем заголовков всем отобранным фрагментам[5]. И, наконец, четвертый — хронологическая композиция, т.е. выстраивание в условно-временной последовательности описываемых во фрагментах событий.

Композиция же мемуарного раздела книги напрашивалась сама собой: «Перед войной», «Во время войны» и «После войны».

Костяк раздела «Перед войной» составили материалы книги 1988 г.[6], раздела «Во время войны» — «Воспоминания о пережитом. 1941–1945 гг.», а раздела «После войны» — контаминация двух интервью — 1977

---

1 *Меньшагин, 1988.*

2 *Меньшагин, 2017*; *Меньшагин, 2018*; *Меньшагин, 2019а*, а также: *Полян П.* «По Смоленской дороге леса, леса, леса...»: судьба Бориса Меньшагина и его воспоминаний // Новая газета. 2017. 4 октября. С. 16–17. Небольшие фрагменты из воспоминаний публиковались также И. Р. Петровым и К. М. Александровым по копиям, предоставленным Г. Г. Суперфином.

3 Осуществлено составителем по согласованию с членами редколлегии.

4 Фрагмент-дублер при этом отбрасывался или использовался для комментирования. «Пострадавшее» от этого интервью 1978 года как таковое (т.е. в первоначальном виде) опубликовано в: *Меньшагин, 2019б.*

5 В строго научном издании их, как и любую конъектуру, требовалось бы взять в квадратные скобки. Но в данном случае решено было, в интересах читательского восприятия, обойтись без этой процедуры.

6 За исключением одного фрагмента, посвященного показательным процессам в Центре и опущенного в настоящем издании в силу своей сугубой вторичности и компилятивности.

и 1978 гг., причем во фрагментах из интервью 1978 г. частично сохранены и вопросы интервьюера (Н. П. Лисовской)[1].

Источниковедческие вопросы в нашем случае неотрывны от исторических: подробная характеристика источников дана в историографической статье П. М. Поляна. В настоящем издании все тексты по сравнению с предыдущими их публикациями — в Париже ли в 1988 г. или в российской периодике, подготовлены заново — избавлены от вкравшихся в них неточностей, повторов и случайных признаков устной речи, адаптированы к современным нормам правописания и пунктуации (кроме Документов № 1 и 2, где именно аутентичность принципиальна). Некоторые сокращенные слова, не раскрытые в источниках, здесь раскрываются без оговорок.

Второй раздел — эпистолярия Меньшагина как неотъемлемая часть его литературного наследия. Его личные письма писались в 1971–1984 гг. — по выходе из тюрьмы. Два больших корпуса адресованы В. И. Лашковой и Г. Г. Суперфину (вместе с его мамой), адресатом еще нескольких выявленных писем была Н. Г. Левитская. С некоторой натяжкой, но эпистолярией можно считать и письма Меньшагина из Владимирской тюрьмы «наверх», точнее, его жалобы в различные судьбоносные инстанции — партийные, правительственные, судебные, в прокуратуру и в КГБ, а также руководству тюрьмы[2].

Сведенный воедино корпус текстов Б. Г. Меньшагина и связанных с ним и его деятельностью документов представляет собой ценнейший исторический источник, затрагивающий и довоенный, и военный, и послевоенный этапы существования СССР.

По ходу подготовки книги удалось пересмотреть и, не претендуя на исчерпывающий итог, предложить новые решения целого ряда факультативных для нее вопросов, таких, например, как отношения внутри русской оккупационной администрации, топография дулагов в Смоленске, Холокост в Смоленске, советские фальсификации вокруг трагедии в Катыни или история меньшагинской семьи. Хочется надеяться, что собранный материал послужит фундированной разработке двух важнейших тематических комплексов военной истории России — жизни под немецкой оккупацией и советского коллаборационизма.

Научный аппарат книги обширен и разноформатен. Вслед за настоящей заметкой, раскрывающей принципы состава и композиции книги, следует написанный П. М. Поляном биографический очерк,

---

[1] Фрагменты выстроились не вперемешку, а в два блока, граница между которыми обозначена в примечаниях.

[2] *Меньшагин, 2019а.*

охватывающий весь жизненный путь Б. Г. Меньшагина (при ссылках в дальнейшем будем называть его очерком, а историографическую статью — статьей).

Далее следуют статьи С. А. Амелина и М. Дэвида-Фокса, посвященные специфике деятельности Меньшагина, взятой в ее историческом контексте. Они построены на анализе как того, что он включил в свои воспоминания, так и того, что он в нее — и совершенно сознательно — не включил. Но именно эти лакуны оказываются очень даже «говорящими», а иной раз и «кричащими» или «красноречивыми». При этом С. Амелин останавливается только на одном, но ключевом эпизоде — отношении Меньшагина к немецкой оккупации накануне и в момент ее установления, а М. Дэвид-Фокс разбирает несколько других, не менее выразительных «лакун».

В своей второй статье П. М. Полян анализирует источниковедческие и историографические аспекты меньшагинского наследия, различия в рецепции (нередко мифологической) его судьбы, а также предпринимает попытку реконструкции некоторых параметров его личности и поведения.

Миниблок «Postscriptum. Вспоминая Меньшагина» составили воспоминания нескольких лиц (Н. Левитской, Н. Лин, В. Костина и И. Дородновой, В. Лашковой и Г. Суперфина), лично знавших Меньшагина и общавшихся с ним. К общеисторической картине его личности они добавляют сугубо человеческие краски.

Важным разделом книги являются «Документы», вобравшие в себя уникальные и принципиально важные для ее контекста материалы, вводящие в научный оборот и в контекст книги ключевые первоисточники.

Завершают книгу именной и географический указатели, подготовленные С. Амелиным и П. Поляном.

В целом книга Меньшагина насыщена разнообразными событиями и вообще густо «населена». Установленные персоналии комментируются единожды — как правило, при своем первом упоминании (далее см. по указателю). Широко известные исторические личности (например Ленин, Пушкин или Керенский) не комментируются, как и персоны, сведениями о которых, — дополнительными к тому, что сообщает о них сам Меньшагин, — не располагаем. Внутриобластные и внутригородские топонимы не комментируются и не актуализируются, за исключением особо оговоренных случаев[1].

---

[1] Особые случаи топонимических ударений в тексте не выделены. Но заметим, что столь важный для книги топоним «Катынь» правильно ударять на первом слоге («Ка́тынь»), а не на втором, как это делается в подавляющем большинстве случаев. В то же время другой топоним — Княжа́я Губа — требует ударения на втором слоге своего первого слова.

Применительно к «Воспоминаниям» в некоторых случаях и в порядке исключения комментируется и локация фрагмента по отношению к первоисточнику текста — несохранившимся нумерованным тетрадям.

Комментарии к книге подготовлены П. М. Поляном при участии Г. Г. Суперфина, С. А. Амелина, Н. Л. Поболя и В. И. Лашковой. Комментарии, принадлежащие иным лицам, оговариваются.

В издании приняты следующие сокращения:

АММ — Архив «Международного Мемориала», Москва

АОУ ФСБ СО — Архивный отдел Управления ФСБ по Смоленской области, Смоленск

БВО — Белорусский военный округ

Б. Г., Б. Г. М. — Борис Георгиевич Меньшагин

Викадо — От WiKdo (Wirtschaftskommando), Экономическое управление Вермахта

ВС — Верховный Суд

ГАКО — Государственный архив Калужской области, Калуга

ГАНИСО — Государственный архив новейшей истории Смоленской области, Смоленск

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва

ГАСО — Государственный архив Смоленской области, Смоленск

гб — госбезопасность

ГВП — Главная военная прокуратура СССР

губ. — губерния

ГУГБ — Главное управление госбезопасности НКВД

ГФП — Тайная полевая полиция (Geheime Feldpolizei, или GFP)

ДиПи — перемещенные лица (от DP, Displaced Persons)

ДРЗ — Дом Русского зарубежья им. А. И. Солженицына, Москва

Зам. — заместитель

ЗапОблЗУ — Западное областное зоотехническое управление, Смоленск

ИРО — Международная организация по делам беженцев (IRO, International Refugee Organisation)

ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь

КГБ — Комитет государственной безопасности (при Совете министров СССР, 1954–1978 / СССР, 1978–1991), Москва

КОНР — «Комитет освобождения народов России» (1944–1945)

МВД — Министерство внутренних дел СССР

МГБ — Министерство государственной безопасности СССР

МСР — Международная служба розыска Международного Красного Креста (The International Tracing Service, МСР; Bad Arolsen, Германия)

НА ИРИ РАН — Научный архив Института российской истории РАН, Москва

НКВД — Наркомат внутренних дел СССР (1934–1946)
НП — газета «Новый путь», Смоленск (только при ссылках на номер).
НСДАП — Национал-социалистическая германская рабочая партия (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei; 1920–1945)
НТСНП / НТС — Национально-трудовой союз нового поколения / Национально-трудовой союз (1936–1957; далее — Народно-трудовой союз)
ОСО — Особое совещание
райзо — районный земельный отдел
РГАКФД — Российский государственный архив кинофотодокументов, Красногорск, Московская область
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, Москва
РГИА — Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия (с 1946 — Советская армия)
РОА — Российская освободительная армия
РП — газета «Рабочий путь», Смоленск
РПЗЦ — Русская православная Зарубежная церковь
РПЦ — Русская православная церковь
РФ — Российская Федерация
СА — Смоленский архив (здесь, как и в *Меньшагин, 1988*: коллекция из 541 документа архива бывшего Смоленского областного комитета ВКП(б), захваченная в 1941 г. немцами, в 1945 г. обнаруженная американцами и в 2002 г. возвращенная в РФ, в ГАНИСО)
СБПБ — «Союз борьбы против большевизма», Бобруйск
СГПИ — Смоленский государственный педагогический институт им. К. Маркса, Смоленск
СД — то же, что SD
СЗ — Собрание законов и распоряжений СССР
СМ СССР — Совет министров СССР
СС — то же, что SS
ст. — статья
у. — уезд
УК — Уголовный кодекс
Указ — Указ Президиума Верховного совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 г.
УКГБ — Управление КГБ
УНРРА (UNRRA, United Nations Relief and Rehabilitation Administration) — Администрация ООН по оказанию помощи и восстновлению
УПВС — Указ Президиума Верховного совета СССР
УПК — Уголовно-процессуальный кодекс

ФСБ — Федеральная служба безопасности РФ
ЦА — Центральный архив
ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны РФ, Подольск
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург
ЦДАВО — Центральный архив высших органов власти и управления Украины, Киев.
ЧГК — Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, Москва

BA/MA — Bundesarchiv/Militärarchiv, Freiburg (Федеральный военный архив Германии, Фрайбург)
ERR — Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg («Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга»)
HP — Harvard Project on the Soviet Social System. Widener Library, Harvard University, Cambridge near Boston
FSO — Исторический архив Института Восточной Европы при Бременском университете, Бремен
IfZ-Archiv — Архив Института новейшей истории, Мюнхен
NARA — National Archives of the United States, Washington
SD — Sicherheitsddienst des Reichsführers SS (Служба безопасности СС), одно из ключевых подразделений Управления имперской безопасности (RSHA) и СС
SS (от нем. Schutzstaffel — эскадрон прикрытия) — специальные вооруженные формирования нацистов в 1923–1945 гг.
USHMM — United States Holocaust Memorial Museum, Washington

Ссылки на литературные источники, встречающиеся в книге один-единственный раз, даются полностью, а на те, что встречаются чаще, — в сокращенном виде:

Абаринов, 1991 — Абаринов В. Катынский лабиринт. М.: Новости, 1991. 208 с.[1]

Амельченков, 2012 — Иеромонах Серафим (*В.Л. Амельченков*). Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (на материалах Смоленской области). Смоленск: Свиток, 2012. 256 с., илл.

---

[1] См. 2-е, дополненное и исправленное, издание: *Abarinow W.* Oprawcy z Katynia. Rosyjski dziennikarz na tropie zbrodniarzy / Tłumaczenie: W. Dworak, K. Rumińska. Kraków, 2007. 344 c. (URL: http://lib.rus.ec/b/193426).

Будницкий, Зеленина, 2012 — Будницкий О.В., Зеленина Г.С. Идейный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // «Свершилось: пришли немцы!»: Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М.: РОССПЕН, 2012. 325 с.

Грибанов, 2008 — Грибанов А.Б. История публикации воспоминаний Б.Г. Меньшагина // Катынские материалы: документы, исследования, свидетельства, полемика [Сайт]. 2008. 1 апреля). URL: http://katynfiles.com/content/gribanov-menshagin.html

Емельянова, 1999 — Емельянова Н.Г. Обзор фондов учреждений, созданных немецко-фашистскими захватчиками в период оккупации Смоленской области 1941–1943 гг. [Справка]. Смоленск: ГАСО, 1999.

Епифанов, Кукулиев, 2008 — Епифанов А.Е., Кукулиев Э.Р. Наказание особо опасных государственных преступников в СССР. 1948–1958 (Историко-правовой аспект). Волгоград: Волгоградский институт экономики, социологии и права, 2008. 180 с.

Зверева, 2016 — Зверева С.Г. Жизнь и музыка в оккупированном Смоленске и некоторых других советских городах в годы Великой Отечественной войны // Искусство музыки. Теория и история (ИМТИ). Электронное издание Гос. института искусствознания. М., 2016. № 14. С. 114–178.

Илькевич, 2013 — Илькевич Н. Фальсификация следствия органами безопасности в 1937–1938 гг.: методы и приемы. Документы. Палачи и их жертвы. Смоленск: Край Смоленский, 2013. 256 с.

Ковалев, 2004 — Ковалев Б. Нацистская оккупация и коллаборационизм в Риге. Рига, 2004. 487 с.

Ковалев, 2009 — Ковалев Б. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Я. Мудрого, 2009. 372 с.

Ковалев, 2011 — Ковалев Б. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011. 619 с.

Кодин, 2011 — Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция: Смоленщина. 1917–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 272 с.

Комаров, 2005 — Комаров Д.Е. Смоленское сражение в архивных документах // Край Смоленский. 2005. № 9–10. С. 38–46.

Комаров, 2016 — Комаров Д.Е. Органы гражданского управления Смоленской области в период гитлеровской оккупации // Известия Смоленского университета. 2016. № 4 (36). С. 361–373.

Костюченков, 2011 — Костюченков А.А. Бургомистр Смоленска Б.Г. Меньшагин. Отражение политических репрессий, «Катынского дела» и немецкой оккупации в судьбе советского адвоката // Вестник «Катынского мемориала». 2011. № 11. URL: http://archive.li/EQILq

Котов, 1966 — Котов Л.В. Смоленское подполье. М.: Московский рабочий, 1966. 240 с.

Котов, 1990 — *Котов Л.* Реликты войны. 1. Как было уничтожено Смоленское гетто // Край Смоленский. Ежемесячный общественно-политический журнал (Смоленск). 1990. № 2 (ноябрь). С. 40–48.

Котов, 1991 — *Котов Л.* Реликты войны. 3. Катынь // Край Смоленский. 1991. № 1 (январь). С. 43–51.

Котов, 1994 — *Котов Л.* В Смоленске оккупированном... // Край Смоленский. 1994. № 7–8. С. 53–73.

Лебедева, 2008 — *Лебедева Н. С.* Специальная комиссия и ее председатель Бурденко // Катынские материалы: документы, исследования, свидетельства, полемика. URL: http://www.katyn-books.ru/library/specialnaya-komissiya-i-ee-prededatel-burdenko.html [оригинальный русский текст статьи: *Lebiediewa N.* Komisja Specjalna i jej przewodniczacy Nikolaj Burdenko // Zeszyty Katynskie. 2008. Nr 23. S. 56–101].

Левитская, 2003 — *Левитская Н.Г.* Борис Георгиевич Меньшагин // Тут не одно воспоминанье. Сборник памяти Натальи Мильевны Аничковой. М., 2003. С. 228–231.

Левитская, 2005 — *Левитская Н.Г.* [Воспоминания]. М., 2005. (С посвящением Наташе). 124 с.

Лисовская, 1988 — *Лисовская Н.П.* Адвокат — бургомистр — узник [Рец. на: *Меньшагин, 1988*] // Гласность. 1988. № 27. С. 158–176.

Макаров, 2009 — *Макаров А.А.* Заметки о Б.Г. Меньшагине (по материалам архива Общества «Мемориал») // Габриэлиада. К 65-летию Г.Г. Суперфина / Ред. Г. Левинтон, Н. Охотин. [2009]. URL: http://www.ruthenia.ru/document/545574.html.

Меньшагин, 1988 — *Меньшагин Б.Г.* Воспоминания: Смоленск... Катынь... Владимирская тюрьма... / Подг. к печати А. Грибановым, Н. Горбаневской, Г. Суперфином; предисл. А. Грибанова (без подписи); коммент. и послесл. комментатора Г. Суперфина. Париж: YMCA-Press, 1988. 247 с.

Меньшагин, 2017 — *Меньшагин Б.* Воспоминания о пережитом. 1941–1944 / Публ. и вступ. заметка П. Поляна // Новый мир. 2017. № 12. С. 9–89.

Меньшагин, 2018 — Заполярный интернатовец. Письма Б.Г. Меньшагина к В.И. Лашковой / Публ. В.И. Лашковой, П.М. Поляна и Г.Г. Суперфина; предисл. П.М. Поляна // Новый мир. 2018. № 9. С. 122–165.

Меньшагин, 2019а — Б.Г. Меньшагин. Письма наверх из Владимирского централа / Публ. и вступит. статья, предисловие П.М. Поляна; примечания П.М. Поляна и Г.Г. Суперфина // Новый мир. 2019. № 2. С. 103–136.

Меньшагин, 2019б — Литературное наследие Б.Г. Меньшагина и фрагмент его интервью 1978 года / Вступ. ст. и публ. П. Поляна. // Cahiers du Monde russe. 2019. Vol. 59. No. 4. P. 521–551.

Мозохин, 2006 — *Мозохин О.Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М.; Жуковский: Кучково поле, 2006. 752 с.

Молодова, 2010 — *Молодова И.Ю.* Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население: Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010. 273 с.

Никифоров, 2013 — *Никифоров С.* Местные вспомогательные органы власти на оккупированной территории Центрального Черноземья в период Великой Отечественной войны // Известия регионального финансово-экономического университета (Курск). 2013. № 2.

Полян, 2002 — *Полян П.* Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на Родине / Предисл. Д. Гранина. М.: РОССПЭН, 2002. 898 с. (Изд. 2-е, переработанное и дополненное).

Судоплатов, 1996 — *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. М.: Гея, 1996. 498 с.

Структура и деятельность, 2011. — Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны: [Сб. док.] / Главное управление Службы безопасности Украины в Автономной Республике Крым / Сост., подг. текста: А.В. Валякин, А.А. Кохан. Симферополь: Нижняя Ореанда, 2011. 649 с.

ТСД — Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. 1927–1939: В 5 т. Т. 5: 1937–1939. Кн. 1: 1937 / Отв. ред. В.П. Данилов. М.: РОССПЭН, 2004. 645 с.

Цынман, 2001 — *Цынман И.И.* Бабьи яры Смоленщины. Появление, жизнь и катастрофа Смоленского еврейства. Смоленск: Русь, 2001. 524 с.

Яковенко, 2015 — *Яковенко М.В.* Воспоминания времен Отечественной войны // Я помню [Сайт]. 2015. 17 мая. URL: https://iremember.ru/memoirs/mediki/yakovenko-mstislav-vladimirovich/.

Cohen, 2013 — *Cohen L.R.* Smolensk under the Nazis: Everyday Life in Occupied Russia. Rochester: University of Rochester Press, 2013. 364 p.

Doubson, 2012 — *Doubson V.* Smolensk // Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945. Vol. II. Part B / Ed. M. Dean. Bloomington: Indiana University Press, 2012. P. 1820–1824.

Hartmann, 2001 — *Hartmann C.* Massensterben oder Massenvernichtung? Sowjetische Kriegsgefangenen im "Unternehmen Barbarossa". Aus dem Tagebuch eines deutschen Lagerkommandanten // Viertelsjahreshefte für Zeitgeschichte. 2001. Hf. 1. S. 97–158.

Hasenclever, 2010 — *Hasenclever J.* Wehrmacht und Besatzungspolitik in der Sowjetunion. Die Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete 1941–1943. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2010. 613 S.

Kalush, 1964 — *Kalush V.* In the Service of the People of a Free Byelorussia: Biographical Notes on Professor Radoslav Ostrowsky. L.: Abjednannie, 1964. P. 45.
Radchenko, 2013 — *Radchenko Y.* Accomplices to Extermination: Municipal Government and the Holocaust in Kharkiv, 1941–1942 // Holocaust and Genocide Studies. 2013. Vol. 27. No. 3. P. 443–463.

Книга проиллюстрирована фотографиями и факсимиле уникальных документов из государственных и частных архивов, а также оригинальной картой оккупированного Смоленска. В оформлении использованы материалы АММ, ГА РФ, ГАСО, РГАСПИ, РГВА, УФСБ по Омской области, FSO, Цифрового народного архива (Краков–Варшава), архивов Смоленского государственного университетов, Смоленского государственного музея-заповедника, а также собраний А. Алоина, С. Амелина, Ю. Дьяконова, И. Закурдаева, С. Зверевой, Н. Левитской, Н. Лин, В. Костина, П. Поляна, Г. Суперфина и И. Трапезникова (в подрисуночных подписях в скобках — названия улиц в годы оккупации после переименований 13 декабря 1941 г.). Подбор иллюстраций осуществлен П. Поляном и С. Амелиным.

Карта оккупированного Смоленска и его окрестностей подготовлена С. Амелиным.

По ходу работы и научного поиска составитель, члены редколлегии, авторы статей и комментаторы сталкивались со множеством разнопрофильных проблем — от сугубо банальных до уникальных и от сугубо научных, источниковедческих и исторических до упорного (точнее, упертого) противодействия некоторых из архивов, чинивших препятствия на этом пути и не желавших идти навстречу ни в большом, ни в малом.

Тем не менее именно коллегиальная и дружеская помощь, щедрая и разносторонняя, позволила книге преодолеть большую часть этих преград (жаль, что не все!) и состояться в ее нынешнем виде. Одна только география дружественных и сочувственных коллег и институций впечатляет: Владимир, Волгоград, Калуга, Курск, Москва, Новосибирск, Смоленск, Санкт-Петербург, Саратов, Тверь и Тула в России, Берлин, Бремен, Гиссен, Мюнхен, Фрайбург и Штутгарт в Германии, Вашингтон, Клинтон (штат Мичиган) и Айл оф Пальмс близ Чарлстона (штат Южная Каролина) в США, Иерусалим в Израиле, Рига в Латвии, Тарту в Эстонии, Тбилиси в Грузии Варшава в Польше, Париж во Франции и Глазго в Великобритании!

Большим подспорьем в работе оказалось колоссальное развитие, которое в последние годы получили дигитальные ресурсы гуманитарного профиля — от цифровых подшивок центральных и областных газет до генеалогических сайтов и электронной базы данных Службы розыска Красного Креста в Бад Арользене.

Составитель сердечно благодарит Надежду Григорьевну Левитскую, хранительницу воспоминаний Бориса Меньшагина, Надежду Борисовну Ефремову, его дочь, Габриэля Суперфина, инициатора издания, Майкла Дэвида-Фокса, Сергея Амелина, Веру Лашкову и Николая Поболя — товарищей по работе над книгой, Сергея Эрлиха, Елену Качанову, Анну Никитину, Льва Голода и Игоря Тимофеева, ее издателя, редакторов и верстальщиков, а также Алексея Алоина, Георгия Вомпе, Александра Гурьянова, Ирину Дороднову, Юрия Дьяконова, Игоря Закурдаева, Светлану Звереву, Максима Каиля, Бориса Ковалева, Дмитрия Комарова, Валентина Костина, Наталью Лин, Алексея Макарова, Александра Никитяева, Игоря Пермякова, Игоря Петрова, Григория Пернавского, Бориса Равдина, Сергея Романова и Лию Штанько — за щедрую и разностороннюю поддержку в работе над книгой на всех ее этапах.

За ценные уточнения, справки и иную помощь — слова признательности в адрес Льва Аронова, Анастасии Артеменко, Ирины Байковой, Семена Белоковского, Николая Бессонова, Олега Будницкого, Сергея Бычкова, Андрея Василевского, Нины Волковой, Татьяны Ворониной, Галины Гавриловой, Александра Грибанова, Светланы Герасимовой, Владимира Губайловского, Виктора Дзевановского, Константина Дроздова, Натальи Емельяновой, Александра Епифанова, Юлии фон Зааль, Марины Игнатовой, Александра Катровского, Филиппа Киффера, Евгения Кодина, Виктора Кондрашина, Ольги Корниловой, Владимира Коротаева, Сергея Красильникова, Илью Кублановского, Геннадия Кузовкина, Натальи Лебедевой, Константина Литвицкого, Татьяны Максимовой, Валери Меликьян, Александра Микерова, Дениса Никитаса, Сергея Никифорова, Ольги Новиковой, Нино Нодия, Рюдигера Оверманса, Никиты Петрова, Ларисы Роговой, Бориса Романова, Олега Романько, Алексея Серого, Бориса Соколова, Натальи Сенявской, Романа Смолоржа, Натальи Солженицыной, Яна Стрекова, Татьяны Тарасенковой, Валерия Теплова, Леонида Терушкина, Игоря Трапезникова, Роланда Фойцика, Анны Фокиной, Бориса Хавкина, Галины Цурьевой, Василины Чернышевой, Елены Чибисовой, Ларисы Чирковой, Татьяны Шор, Анатолия Яблокова и Инессы Яжборовской.

Отдельное спасибо коллективам тех российских, немецких, американских и международных архивов, на документы которых мы с благодарностью опирались, и редакциям тех СМИ, в которых увидели свет публикации или интервью, возникшие по ходу работы над этой книгой (это газеты «Ведомости» и «Новая газета», журналы «Новый мир», «Лехаим», «Cahier du Monde russe» и «Историческая экспертиза», радио «Эхо Москвы»).

И, разумеется, Школе международных отношений Джорджтаунского университета (Вашингтон, США), поддержавшему исследовательскую часть работы над книгой, и издательству «Нестор-История».

Павел Полян

О БОРИСЕ МЕНЬШАГИНЕ

ФЕНОМЕН МЕНЬШАГИНА: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

(*Павел Полян*)

Пролог

В последнее время в историографии всё чаще встречается имя Бориса Георгиевича Меньшагина (1902–1984) — интереснейшей личности с уникальной судьбой. Успешный смоленский адвокат в довоенные годы, бургомистр Смоленска и Бобруйска в годы немецкой оккупации, осужденный за это к 25 тюремным годам, которые отсидел полностью и почти исключительно в одиночке.

К его судьбе вполне применима знаменитая сталинская формула, но с небольшой модификацией: не «Изолировать, но сохранить!», а «Сохранить, но изолировать!». Как бургомистр Смоленска он стал невольным заложником Катынской трагедии и Нюрнбергской аферы — расстрела польских военнопленных офицеров НКВД весной 1940 г., обнаружения следов этого преступления немцами весной 1943 г. и попытки СССР переложить ответственность за него на Третий Рейх на Нюрнбергском трибунале летом 1946 г. Именно сфальсифицированные чекистами и приписанные ему «свидетельства», как устные, так и письменные, легли в основу «доказательной базы» бесславного советского обвинения.

Вместе с тем Меньшагин — автор и подлинных, интереснейших в историческом плане свидетельств. Его воспоминания, интервью, письма — без преувеличения памятник эпохи и истинный клад для исследователя советских репрессий, немецкой оккупации и советского коллаборационизма.

Скрипичным ключом к ним вполне могла бы послужить следующая цитата: «История — мое любимое занятие... Даже когда кончал гимназию, там мне записали, что проявлял склонность к анализу исторических процессов и пониманию их». А эпиграфом, или девизом: «Долгом своей совести считаю нужным запечатлеть на бумаге свои воспоминания о пережитом».

Хотя война и окончилась уже три четверти века назад и в мир иной отошли практически все ее участники, подчас кажется, что она всё еще идет, настолько срывают свои голоса ее главпуры и рупора, настолько фонят ее раскаленные микрофоны и настолько неистов их обличительный и пропагандистский пафос: «Не забудем, не простим!»

Что не забудем, господа? Кого не простим, товарищи? Ведь мы мало кого знаем не то что по делам — по именам! Наши военные архивы всё еще закрыты, но и в открытой своей части они нередко ужасают: вспоминаю папки с представлениями к наградам заслуженных партизан. Ни алфавита, никакого иного индекса — чистый хаос и вавилон! Между главпуровскими половицами провалились тысячи героев-партизан, не говоря уже о бургомистрах или членах управы многих городов.

На самом же деле куда интересней и плодотворней вооружиться берушами и разобраться в том историческом феномене, который являют собой судьба и личность Меньшагина, взятые не в плоском пропагандистском, а в многомерном историческом контексте.

Перед войной: красноармеец и правозаступник

Семья и детство

Борис Георгиевич Меньшагин[1] родился 26 апреля / 9 мая 1902 г. Считалось, что в Смоленске, но скорее всего, это произошло гораздо южнее — в Николаеве или по соседству, в Херсонской губернии, где за несколько дней до рождения Бориса венчались его родители.

Его отец, Георгий (Егор) Федорович Меншагин, родился 13 апреля 1856 г. в Осташкове Тверской губернии. Был он сыном псаломщика (позднее дьячка) Воскресенской церкви Осташкова[2]. Окончив в 1871 г. полный курс Осташковского духовного училища, а затем и четыре курса Тверской духовной семинарии, он поступил в 1876 г. на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета. Еще в университетское время — 28 сентября 1879 г. — Георгий Федорович женился на девице Елизавете Павловне Черняевой, из мещан[3].

В 1881 г., окончив университет, он начал карьеру судебного чиновника следователем в Архангельской губ. (Мезень, Онега, 1881–1883)[4].

---

1 Написание фамилии варьировалось, но основным вариантом был «Меншагин».

2 ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 19071. Л. 1–2. Интересно, что отделу кадров РККА Б.Г. Меньшагин сообщал, что родом он из дворян (РГВА. Служебная картотека офицеров РККА. См. также приказ о его отчислении: РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2969. Л. 36, 36 об.).

3 ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 19071. Л. 35а.

4 Здесь и далее сведения о служебных перемещениях Г.Ф. Меншагина и частично о его детях почерпнуты из его личного дела Калужского окружного суда (Государственный архив Калужской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 364). В фонде Министерства юстиции Российской империи хранится другое его личное дело (РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 8381).

Затем в 1883–1887 гг. последовала служба в церковном ведомстве (исполнял должность секретаря в консисториях Подольской, Могилевской, 1884–1886; Томской, 1886–1887[1]). Затем — снова в судах (Екатеринбургская губ., 1887–1889; Симбирской губ., 1889).

После длительного отпуска по болезни был принят на службу в Госконтроль и в Министерство путей сообщения — на железных дорогах (Самаро-Златоустовской, Оренбургской, Закавказской и Харьковско-Николаевской). Прослужив по этому ведомству около десяти лет (1891–1902), Меншагин уволился оттуда из-за «расстроенного здоровья». В октябре 1902 г., т.е. спустя четыре месяца после рождения сына Бориса, он вернулся на службу в суды, в частности в Смоленск, — в основном защитником по назначению с разъездами по уездам на судебные процессы (октябрь 1902 — сентябрь 1907), с перерывами на работу в Закавказье (1903). В сентябре 1907 г. Георгия Федоровича откомандировали в суды Калужского судебного округа, а в начале февраля 1910 г. назначили городским судьей в Боровск.

В 1909 г. Георгий Федорович серьезно заболел, а в сентябре 1915 г. попросил об увольнении со службы. Официально увольнение с чином статского советника и правом ношения мундира последовало 2 февраля 1916 г., а 28 марта 1916 г. была ему назначена пенсия в 1 тыс. рублей годовых[2]. Судя по его прошениям об отпуске и о состоянии здоровья, он обосновался в Елисаветграде Херсонской губернии, где проживал его старший сын от первого брака. Там он скорее всего и умер — не ранее 1916 и не позднее 1919 г.

В первом браке Георгий Федорович имел двоих сыновей — Вячеслава (16 сентября 1882, Онега Архангельской губ. — ?)[3] и Валериана (14 мая 1884 — 14 марта 1912) Меншагиных[4].

Второй брак был бездетный, а в третьем, с дочерью статского советника Ольгой Михайловной Заблоцкой (1868–?), — их венчанье состоялось в Симеоно-Агриппиновском молитвенном доме 22 апреля

---

1 В 1886 г. в Томске он выпустил справочную книгу «Состав священнослужителей Томской епархии с указанием существенных сведений для каждого члена причта».

2 РГИА. Ф. 1405. Оп. 502. Делопроизводство 1. Л. 33 об. — 34 (09.11.1915–31.03.1916).

3 Вячеслав Георгиевич учился в Елисаветградской гимназии и на юридическом факультете Новороссийского университета. В Елисаветграде же служил городским судьей до 1911 г.(?) (Списки студентов и посторонних слушателей императорского Новороссийского университета в осеннем полугодии 1902/03 учебного года. Одесса: Экономическая типография, 1902. С. 48–49; Памятная книжка Херсонской губернии на 1913 год. Херсон, 1913. С. 358; РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 8387).

4 Его сын, Валерьян Валерьянович, красноармеец (1910–1934), арестован в 1933 г., расстрелян по решению коллегии ОГПУ в 1934 г., реабилитирован в 1958 г. (http://base.memo.ru/person/show/2648716).

1902 г.[1], — родились два сына: Борис и Сергей (18.07.1904–13.11.1906) и дочь Александра (17.03.1903–?). Впоследствии она одна с детьми, без отсутствовавшего мужа, не подававшего ей известий о своих перемещениях, жила в Смоленске в доме 10 по Старо-Рославльскому шоссе.

Свое гимназическое обучение Борис начинал в 1911 г. почему-то в Бежице[2], где проучился до 1918 г., а продолжил и закончил — в Смоленске, в первой (бывшей имени Александра Первого) гимназии. Из упоминаемых в воспоминаниях лиц школьными его учителями были И. И. Соловьев и В. И. Мушкетов, а соучениками — В. И. Космовский и Н. Е. Скряков. Самому Борису в старших классах пришлось, вероятно, репетиторствовать: так можно понять его слова о том, что работать он начал с пятнадцати лет.

О своем детстве Меньшагин неожиданно отозвался, говоря об автобиографической прозе Валентина Катаева «Разбитая жизнь»: «Воспоминания Катаева понравились мне и потому, что напоминали мне мое детство. Хотя он на 3–4 года старше меня, но наши семьи по социальному и имущественному положению близки. Я жил примерно в таких же условиях, только не был двоечником и порядочным шалопаем, как Катаев, судя по его воспоминаниям. Некоторые события, о которых он пишет, я помню по газетам того времени. Газеты я читаю регулярно с 1910 г., за исключением периода с августа 1945 г. до начала 1952 г.»[3].

Собственная семья

4 ноября 1922 г. — в день Казанской Божьей матери — Меньшагин женился на Наталье Казимировне Жуковской[4], машинистке местного Смоленского издательства.

Поселились в доме №4 по улице Воровского, принадлежавшем, возможно, Жуковским. Семья Меньшагиных была приветливая, дома часто играли в лото или в карты. Фанни Фрумкина-Холмянская, дочь одного из тогдашних коллег Меньшагина, вспоминала о Меньшагине как о человеке красивом и представительном[5]. Наталья же была — как

---

[1] Метрическая книга за 1902 год (Державний архів Миколаївської області. Ф. 484. Оп. 1. Симеоно-Агриппиновский молитвенный дом).

[2] Пригород Брянска (ныне в городской черте). Бежицкая мужская гимназия при Бежицком заводе была открыта в сентябре 1911 г., т. е. в год поступления в нее Бориса. Интересно, что ни Бежица, ни Брянск в формулярном списке Г. Ф. Меншагина не фигурируют.

[3] Из письма Б. Г. М. к Г. Г. Суперфину от 27 февраля 1973 г.

[4] Родилась 24 ноября 1899 г. в Ковно. В качестве сопровождающего лица в ее карточке MCP указана, предположительно, ее мать — Цецилия Зубкович (Чернявская; р. 8 июня 1867 г. в Ковно). См.: https://digitalcollections.MCP-arolsen.org/03020101/name/pageview/2838042/2997942 .

[5] *Холмянская (Фрумкина) Ф. И.* Что помнится / Подг. и коммент. Т. Л. Ворониной // Архив еврейской истории. Т. 8. М., 2016. С. 21.

по констрасту — небольшого роста[1]. В «Воспоминаниях» Меньшагин отозвался о ней так: «Многим хорошим в своей жизни и деятельности я обязан ей». Это она предложила мужу: покуда служишь в армии, учись — пусть заочно, но учись!..

В 1979 г. он вспоминал: «Я 43 года с детства был единственным мужчиной в семье, где было 3, а потом и 4 женщины. Естественно, что я никаких хозяйственных функций не нес, а занимался учением, чтением, добычей средств к существованию»[2].

Загадочная фраза: кто эти три-четыре женщины, составлявшие меньшагинскую семью?

До 10 июня 1937 г. это, предположительно, жена, теща, Цецилия Зубкович (1867, Ковно — не ранее 1945) и тетя жены — дважды упомянутая Д. А. Зубова[3]. Собственные мать и сестра, если они в это время еще жили в Смоленске, могли обретаться по старому адресу Меншагиной-Заблоцкой: Старо-Рославльское шоссе, 10. В воспоминаниях Меньшагина из них всплывает только Наталья.

После 10 июня, — а это дата ареста комдива Клышейки, — в меньшагинскую семью влились еще две женщины — свояченница и племянница: Вера Казимировна Клышейко[4], сестра Натальи Казимировны и жена комдива Клышейко, и ее дочь Тася — Станислава Францевна Клышейко[5] — молодая певица, лирическое сопрано[6].

Тасин же отец — Франц Антонович Клышейко (1893–1938) — человек в Смоленске известный[7]. Здесь он участвовал в армейском строительстве, был военкомом Смоленских командных курсов. Комдив (1935), а с декабря 1936 г. — начальник Ленинградского института инженеров гражданского

---

[1] Сообщено Н. Е. Сенявской, одноклассницей Таси Клышейко (см. о ней ниже).

[2] Из письма Б. Г. М. Г. Г. Суперфину от 4 мая 1979 г.

[3] Возможно, русифицированная версия фамилии Зубкович.

[4] Родилась 17 сентября 1900 г. в Ковно. В Смоленске жил — и работал во время оккупации в управе — Н. К. Жуковский, брат жены, а в Москве у них был еще брат Константин, у которого Б. Г. М. останавливался в довоенные годы. С семьей Константина он поддерживал отношения и после того, как освободился из тюрьмы.

[5] Родилась 14 января 1919 г. в Царицыно (совр. Волгограде).

[6] Ср.: «С открытием театра смоляне обрели хотя и маленькую по размерам, но стабильно доступную концертную площадку, рассчитанную на исполнение камерной музыки. В одном из таких концертов, посвященном народной песне и назначенном на 27 сентября 1942 года, были объявлены выступления П. И. Климовского (баритон), А. А. Розанельского (тенор), О. Я. Ковалевой (меццо-сопрано), Е. А. Ясевич (лирическое сопрано), С. Ф. Клышейко (лирическое сопрано), А. С. Обловацкого (балалайка) и А. В. Пирожкова (рояль)» (*Зверева, 2016*. С. 143).

[7] Родился в сентябре 1893 г. в Вильно в рабочей семье. Участник Первой мировой (унтер-офицер, в инженерных войсках) и Гражданской войн, также участвовал в формировании и обучении отрядов РККА.

воздушного флота. 10 июня 1937 г. он был арестован, 30 декабря приговорен к расстрелу, а 14 февраля 1938 г. казнен (реабилитирован в 1962 г.).

Согласно послужному списку Клышейко от марта 1920 г., он был женат и имел полуторагодовалую дочь[1]. Следует, вероятно, предположить и ранний развод, коль скоро репрессии, «причитавшиеся» членам семьи врага народа, ни жены, ни дочери не коснулись.

И именно таким состав меньшагинской семьи оставался и на момент начала войны и оккупации Смоленска.

Своих детей у Бориса и Натальи Меньшагиных не было. Возможно, именно поэтому расставание с женой не миновало и самого Б. Г. М., как не миновало оно в свое время его непоседу-отца. Но произошло это уже тогда, когда Меньшагин был начальником не только семьи, но и города, в котором 29 октября 1940 г. родилась и росла его дочь Надя.

Наличие второй, параллельной, семьи, т. е. фактическое двоеженство, плохо уживалось в меньшагинском сознании: против этого восставали в нем и правовед, и православный прихожанин. Во всяком случае, на момент расставания со Смоленском трехлетняя Надя уже носила его фамилию. Ее матерью и его женой была Мария Федоровна Виренчик (Виренчикова), бывшая жена Сергея С., одного из довоенных подзащитных Меньшагина.

Большего об этом разводе и об этом браке мы не знаем и, наверное, не узнаем: сам Меньшагин о нем всегда и категорически молчал. Знали о нем, разумеется, знакомые и друзья, но, если они впоследствии и говорили об этом, как Е. А. Гофман или Н. Е. Синявская, то крайне осторожно и глухо.

Тем, что мы все-таки знаем, мы обязаны самой Надежде Борисовне Меньшагиной[2]. Но ей не было и пяти, когда она в последний раз видела отца, так что всё сохранившееся в ее памяти — хотя и достоверно, но, увы, неполно. Детская память охотнее берегла совсем другое — самое главное: то, как отец ее любил и как она его любила и обожала. А еще черного шпица в Бобруйске, а еще сногсшибательный торт на свой день рожденья, а еще то, как отец ел глазунью — сначала весь белок, а потом, как бы заключительным аккордом, желток — сразу и целиком. А еще то, как они жили в Берлине в гостинице, и мальчишка-официант приносил пиво и одно только пиво: больше ничего в ресторане не было...

---

[1] РГВА. Ф. 37976. Оп. 5. Д. 164–917. Л. 18 — 19 об.

[2] Первый подробный и обстоятельный разговор с ней по скайпу состоялся 23 марта 2019 г., после того как Г. Суперфин и я, анализируя главным образом документацию МСР, обнаружили прямые следы Надежды Борисовны Меньшагиной, по мужу Ефремовой, и проследили ее эмигрантскую планиду.

Была у Надежды старшая сестра, Лена (Ляля): она родилась 8 мая 1932 г., в 1940 г. ей шел девятый год, Меньшагин ее удочерил. А 15 марта 1945 г. появилась и младшая сестра — Люба, к этому периоду мы еще обратимся, но несколько позже.

Делопроизводитель РККА и правозащитник

Революция, прошив собою последние гимназические годы, привела Бориса Меньшагина, выходца из духовного сословия, в... Красную армию, в которой он прослужил без малого 10 лет — с 19 июля 1919 по 25 мая 1927 г. Согласно учетной карточке РККА, он — пехотинец и участник Польского похода 16-й армии. Служил он на должностях нестроевых: в 1919–1923 гг. — переписчик и конторщик в автопарке Западного фронта, затем обойщик, помощник шофера, конторщик, делопроизводитель и казначей-квартирмейстер автомастерских 16-й армии, делопроизводитель и заведующий хозяйственной либо технической частью автогрузового отряда, штабной автороты, штабного гаража или автомастерских Западного фронта.

К этому времени относится одно место в эпистолярии Меньшагина: «Еще со времен Гражданской войны, когда я служил в авточастях и частенько ломал голову, как из ничего сделать что-то, чтобы машины смогли бы выйти по наряду, я привык ценить вещи и бережно относиться к имуществу. Поэтому мне очень неприятно видеть, как без толку расходуются средства и гибнут хорошие еще вещи»[1].

Это объясняет в его характере как минимум две черты: первая — разгильдяйство и бардак были ему не по душе ни под каким соусом. И вторая: установка на противостояние трудностям и на активное их преодоление.

Последние три года армейской службы Меньшагина прошли в авиации, в ее наземной части. 5 мая 1924 г.[2] его перевели в старшие делопроизводители техчасти 2-й отдельной разведывательной и 18-й отдельной авиаэскадрильи, а с 1 декабря 1926 г. — исполняющим обязанности помначтехчасти 13-го авиапарка (Смоленск). С этой должности Меньшагин и был демобилизован 17 мая 1927 г.[3]

Если в армию Меньшагин поступал добровольно, то уходил из нее иначе: согласно учетной карточке — «по несоответствию службе в РККА». Сам Меньшагин позднее пояснял: за религиозные убеждения и регулярное посещение церкви.

---

[1] Из письма Б. Г. М. к Г. Г. Суперфину от 26 февраля 1972 г.

[2] Приказ Реввоенсовета СССР по личному составу № 114; § 1.

[3] Приказ Реввоенсовета СССР по личному составу № 120/19 от 17 мая 1927 г. (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2969. Л. 36 об.).

Но напомним, что Меньшагин, по совету жены, учился на заочных Высших юридических курсах Первого МГУ. Так что, когда Меньшагина вычистили из армии, без профессии он не остался.

Собственно юридическая карьера Меньшагина началась в 1927 или 1928 г. в Смоленске.

Но в родном городе Меньшагин надолго не задержался — и снова по причине религиозности: частые походы в Успенский собор на всенощные и обедни были у всех на виду. Показательно, что донос об этих грехах написала... дочка священника, вскоре сама ставшая адвокатом![1]

Меньшагин наивным не был и счел за благо на время покинуть Смоленск. В декабре 1928 г. он перевелся в коллегию защитников при облсуде Центрально-Черноземной области. Местом службы стала Орловщина, причем ее глубинка — Глодневский и Троснянский районы. В октябре 1929 г. он перевелся в Кромы — полугород-полусело, в котором проработал еще два года.

Семья же всё это время жила в Смоленске, куда в середине октября 1931 г. вернулся и Меньшагин. Пробыл, однако, недолго, ибо подвернулась работа в столице, пусть и не самая престижная: сначала, в конце 1931 г., юристом на Первом авторемонтном заводе, а позднее — во 2-м автогрузовом парке Мосавтогрузтранспорта, что в Бумажном проезде около Савеловского вокзала.

Там-то и столкнулся с ним Г. Кравчик, бывший сиделец и безработный юрист:

> Я вошел в помещение конторы на второй этаж, прошел по длинному коридору, сам еще не зная, обращусь ли в отдел кадров. На одной из дверей я прочел: «Юрист автопарка». Я постучал в дверь и вошел. В полутемной комнате, отгороженной от другой перегородкой, за столом сидел интеллигентного вида человек лет сорока, аккуратно одетый, в галстуке. Весь его вид не вписывался в окружающую его обстановку.
>
> На столе лежало большое количество бумаг, обложки для претензионных и судебных дел. Подняв голову и посмотрев на меня, он предложил мне сесть. Я стал рассказывать о себе. Я сказал, что имею юридическое образование, что работал в институте на Украине и показал свою трудовую книжку с записью о том, что уволен как “враг народа”. Как мне показалось, эта формулировка его не испугала, а, наоборот, вызвала ко мне более пристальное внимание — я почувствовал его доброжелательное отношение. Его взгляд вызывал доверие и сочувствие.
>
> Он мне сказал, что у него много судебных дел по взысканию задолженности по перевозкам, что ему действительно нужен помощник, но с моими документами идти в отдел кадров безнадежно. Попытаемся, как он сказал, обойти кадровика: пишите заявление о временной работе,

---

[1] *Меньшагин, 2019б.*

подпишем трудовое соглашение пока на шесть месяцев, а там будет видно. Он взял мое заявление и трудовое соглашение и пошел к директору автопарка. Так всё и было. Он вернулся с подписанным трудовым соглашением. Это было то, что мне нужно было[1].

Сам Меньшагин, а это был он, попытался вступить в Московскую коллегию защитников, но принят так и не был, отчего и вернулся в Смоленск. С 1937 г. и до прихода немцев он снова член Смоленской областной коллегии защитников. Так вышло, что начало его деятельности в Смоленске пришлось на самый разгар жесточайших политических репрессий в стране, т. е. на «Большой Террор», когда синусоида цены человеческой жизни провалилась в копеечные низины.

В нашем сознании устойчиво представление о том, что в это время адвокатского участия либо вообще не было (в случаях, когда дела шли через тройки или ОСО), или же оно было сугубо статистским, для придания видимости законности. Случай Меньшагина этого не опровергает, но всё же заметно расходится со стереотипом.

Наибольшую известность Меньшагину принесли цепкая защита и, в конце концов, отмена приговора («вышки») специалисту по бруцеллезу А. П. Юранову[2] и серьезное смягчение участи остальным подзащитным на процессе ветеринаров и животноводов: первое заседание прошло 24–28 ноября 1937 г., а второе, после обжалования в Верховном суде СССР, 25 января 1938 г., третье, после передачи дела на новое рассмотрение, — с 27 февраля по 3 марта 1939 г.

В другом случае — летом 1939 г. — он не только добился отмены расстрела двум, а затем и переквалификации с вредительства на халатность приговора трем осужденным землеустроителям — С. В. Фалку, И. Ф. Московскому и С. И. Кузнецову, после чего их выпустили на свободу как уже отсидевших новоназначенный срок. Он «отбил» еще и их жен, посаженных Особым совещанием на пять лет ИТЛ за недонесение о вредительской деятельности их мужей по первому приговору, отмененному для их мужей, но не отмененному для них![3]

---

1 *Меньшагин, 1988.* С. 135–136.

2 См.: *Юранов А.П.* Бруцеллез сельскохозяйственных животных и меры борьбы с ним. М.: Сельхозгиз, 1939. 32 с.

3 См. подробно об этих процессах и успехах Меньшагина-адвоката в: *Меньшагин, 1988.* См. также: *Макеев Б.В.* Деятельность органов прокуратуры и суда по расследованию уголовных дел о контрреволюционных преступлениях в 1937–1938 гг. (по материалам Западной и Смоленской областей) / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2007; *Кодин, 2011.* С. 126. URL: http://smolenschina-1917-1953.blogspot.de/2011/10/1917-1953-35_28.html (у Кодина иные даты: процесс — 25–30 сентября 1937 г., изменение приговора — март 1940 г.).

Понятно, что тогдашние следователи и прокуроры имели на Меньшагина немалый зуб. Уже после войны, в августе 1945 г., следователь Управления НКГБ по Смоленской области Б. А. Беляев, который вел дело Меньшагина-коллаборанта, первым пунктом записал: «Работая адвокатом в Смоленской коллегии адвокатов, защитником подстрекал обвиняемых отказываться от показаний, даваемых на предварительном следствии».

На что подследственный отвечал: никогда и никого не подстрекал, но всегда советовал — говорите правду.

Во время войны: начальник Смоленска

Наставления бургомистру и наставления бургомистра

Согласно воспоминаниям Меньшагина, бургомистром (начальником города) Смоленска он стал как бы случайно и спонтанно. Первоначально (28 июля) на эту должность прочили и даже назначили другого человека — Бориса Базилевского[1]. Но, взяв тайм-аут на один день и помозговав, немецкая администрация передумала и назначила астронома заместителем бургомистра, а юриста — бургомистром.

Номинально Управление начальника города Смоленска[2] было создано 25 июля 1941 г., а фактически 29–30 июля — в скромнейшем составе из 6 человек. Но уже к 10 августа его штатная численность выросла до 250 человек[3]. Управление расположилось в здании Мединститута (бывшего Дворянского собрания), что напротив Сада Бло́нье[4], между

[1] Базилевский Борис Васильевич (07.06.1985, Каменец-Подольский — 24.02.1955, Новосибирск). Выпускник физико-математического факультета Санкт-Петербургского Императорского университета (1910), с 1919 г. — профессор Смоленского государственного университета, заведующий кафедрой физики и астрономии (позднее — кафедры астрономии), и сотрудник СГПИ, где одно время был зам. директора по научной работе, а непосредственно перед оккупацией — и. о. директора. С 1926 г. — директор Смоленской обсерватории. Осенью 1937 г. был подвергнут нападкам (см. здесь о Базилевском: «бывший помещик», «заскорузлый помещик», «человек николаевской закалки») и находился на грани предания остракизму (*И.П. и К.П.* Вражеское гнездо в Пединституте // РП. 1937. № 220. 24 сентября. С. 2). С 25 июля 1941 г. — вице-бургомистр, с 1 октября 1942 г. и до освобождения Смоленска — директор Смоленской учительской семинарии. О его лжесвидетельствах о Катынской трагедии и послевоенной карьере см. ниже. Его свидетельство об оккупационном режиме в Смоленске см. в Документе № 10.

[2] Его еще часто называли управой: это равноправные синонимы, мы будем далее пользоваться обоими.

[3] Те же сведения Меньшагин приводит в: *Меньшагин Б.Г.* Два года // НП. 1943. 10 августа (см. Документ № 5).

[4] ГАСО. Ф. Р-2573. Оп. 1. Д. 1. Л. 2. Ныне здание Смоленской областной филармонии на ул. Глинки, 3. Топоним «улица Глинки» — единственный из заведенных

двумя параллельными улицами. До революции они назывались Дворянская и Малая Дворянская, а в 1920-х гг. были переименованы в Пролетарскую и Малую Пролетарскую. В 1938 г. Малую Пролетарскую переименовывают в улицу Маяковского (к 45-летию со дня рождения поэта).

В самом начале оккупации улица Маяковского (большевистский же поэт!) была переименована в Астрономическую[1]. А 13 декабря 1941 г. и Сад Блóнье был переименован в Сад Глинки, а улицы Пролетарская и Астрономическая — в улицы Глинки и Магистратскую. Здание, где располагалось Управление, имело вход с обеих сторон, что вызывало не только разночтения с адресом управы, но и ложные предположения о ее перемещении из одного здания в другое. К концу 1941 г. за зданием закрепился адрес «улица Глинки, 3»[2].

Советские военные коллаборанты (РОА и другие) были по факту скорее политико-пропагандистской, а не прикладной акцией. Даже к концу 1942 г. — времени подписания «Смоленского манифеста» — во всех соединениях Вермахта было задействовано лишь несколько первых десятков тысяч коллаборантов-славян. При этом, даже с учетом коллаборантов из других народов СССР, суммарное их число не превышало 150–200 тыс. штыков, причем самостоятельных боевых единиц ранга выше батальонного, состоящих исключительно из коллаборантов и под командованием одного из них, и вовсе не было[3].

А вот коллаборантов гражданских — обербургомистров округов, бургомистров городов и районов, волостных старшин и старост сел и деревень, комендантов улиц —уже не назовешь пропагандистской акцией: изо дня в день они занимались своими управленческими обязанностями — всерьез и без дураков.

Другое дело, что самостоятельно они почти ничего не решали, и, хоть и назывались органами местного русского самоуправления, но менее всего ими являлись. Зато приводными ремнями управления немецкого они, безусловно, были[4]: политические указания «начальнику Смоленска»

Смоленской управой (в декабре 1941 г.) сохранившийся до наших дней.

[1] Очевидно, что из-за расположенной поблизости обсерватории и, возможно, по предложению Б. В. Базилевского.

[2] Адрес Смоленского окружного управления: Магистратская, 5б. Это практически напротив Городского управления.

[3] См. об этом: *Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К.* Иностранные формирования Третьего Рейха. М.: АСТ-Астрель, 2011. 830 с. Иллюстрацией того же тезиса может послужить «Журнал боевых действий» командующего охранными войсками и тылом группы армий «Центр» за 2-е полугодие 1942 г. (ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 8. Д. 389. Перевод с нем. яз.).

[4] Документооборот осуществлялся, разумеется, на немецком языке.

отдавали другие — настоящие начальники Смоленска. И с этой точки зрения принципиальной разницы между бургомистром города и председателем юдената в гетто не было!

Функционал должности бургомистра был прописан в «Наставлениях бургомистру»[1], предписывавших им «выполнять все приказы и распоряжения коменданта, поддерживать общественный порядок, руководить деятельностью полиции, собирать оружие, регистрировать прибывающих граждан, задерживать военнослужащих Красной армии, предотвращать неразрешенные собрания и демонстрации, восстанавливать работу учреждений и предприятий, поддерживать в порядке сельхозорудия и автомашины, следить за затемнением»[2]. В то же время, как отмечает Б. Ковалев, им «запрещалось самовольно проводить какие-либо меры без согласия на то немецких властей, например, менять порядок управления и хозяйствования, делить землю, колхозный скот и запасы зерна»[3].

За то, как он справляется со своими обязанностями, бургомистр нес личную ответственность. Карательные же прерогативы его должности были при этом скромнейшие: наложение штрафа до 1 тыс. рублей и назначение ареста или принудительных работ на срок до 14 суток[4].

При этом лично Меньшагину доверяли и в комендатуре, куда он был каждодневно вхож, и в СД, куда он направлял ежемесячные отчеты.

Первыми через Смоленск прошли боевые части — различные соединения вермахта и СС, сжатые в мощный кулак группы армий «Центр». Командовали кулаком исключительно фельдмаршалы: до 18 декабря

---

[1] См. Документ № 1.2–1.4. Такие «Наставления» являлись непериодическим продолжающимся инструктивным документом, призванным актуализировать более общий установочный документ — «Инструкцию для бургомистров, волостных старшин и сельских старост» (Документ № 1.2). Лексические особенности русских версий указывают на вероятную принадлежность переводчиков к остзейским немцам (а возможно, и к бывшим военнослужащим царской армии), у которых письменный русский язык заметно уступал их русскому устному. Ср. также «Общую инструкцию по восстановлению хозяйства и задачам городских и сельских администраций» (“Allgemeine Richtlinien für den Aufbau und die Aufgaben der Stadt- und Gemeindewerwaltung” (NARA. T-501. Reel 72. Frame 1055–1062. Без даты)).

[2] Anweisung an die Bürgermeister (нем.). Впервые упомянуты в: *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 237. См. также: *Ковалев, 2004*. С. 49–50. Со ссылкой на: ГАСО. Ф. Р-2573. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–10.

[3] Там же.

[4] ГАСО. Ф. Р-2740. Оп. 1. Д. 15. Л. 28. Это эквивалентно масштабу полномочий волостного старшины, но сильно уступает полномочиям старшины районного в Брянском округе (*Молодова, 2010*. С. 51).

1941 г. — Федор фон Бок, а после и вплоть до сдачи Смоленска — Гюнтер фон Клюге. Никого из них гражданский бургомистр Меньшагин не видел ни разу, хотя ставка «Центра» располагалась буквально под боком — в прекрасном Красном Бору[1], а неподалеку, возле станции Гнездово, строилась «Беренхалле» — легендарная ставка Гитлера, лично посетившего Смоленск 13 марта 1943 г.[2]

К началу августа Красная армия только-только оставила город, но еще продолжала его обстреливать, фронт был буквально за Днепром. Но вермахт всё жал и давил, всё гнал ее дальше на восток, пока — уже поздней осенью — не загреб стратегическими клешнями в замковые клещи очередного грандиозного окружения-котла — Брянско-Вяземского[3]. К началу зимы Смоленск был уже в оперативном тылу группы армий «Центр», и образование тыловой зоны с центром в Смоленске выглядело логичным. В состав зоны входили Смоленская, Орловская, Витебская и частично Могилевская и Минская области[4].

Вся эта территория подчинялась генералу Максу фон Шенкендорфу (1875–1943), командующему тыловой зоной и охранными войсками группы армий «Центр» № 102. По должности он был фактически вторым после фельдмаршалов лицом в Смоленске.

Потомственный прусский дворянин и боевой офицер, нареченный, согласно семейной традиции, в честь другого Макса — прославленного пращура, немецкого поэта-патриота. Его личная боевая карьера в годы Первой мировой проходила в Северной Франции и прекрасно складывалась, чего нельзя было сказать о «карьере» всей германской монархии. С 1929 г. на пенсии, с 1933 — член НСДАП и активный участник тайного, под сурдинку, возрождения немецкой армии. 28 августа 1939 г. был возвращен в действующую армию в качестве начальника одного из пограничных соединений в Верхней Силезии. С 1940 г. полный генерал, 15 марта 1941 г. он получил свое назначение в группу армий «Центр»[5]:

---

[1] На месте современного профилактория железнодорожников.

[2] См.: *Солок К.* Загадка «Беренхалле» // О чем говорит Смоленск. Информационно-аналитический журнал. URL: https://journal.smolensk-i.ru/109/03/; *Тихонов Д.* Бункер Гитлера в Смоленске. Точку ставить рано // Смоленская народная газета. 2018. 30 апреля. URL: http://smolnarod.ru/politroom/bunker-gitlera-v-smolenske-tochku-stavit-rano/.

[3] По числу попавших в плен красноармейцев (665 тыс.!) он превосходил все котлы начала войны, кроме Киевского.

[4] Западнее размещался Рейхскомиссариат Остланд, созданный 17 июля 1941 г. и находившийся под гражданским управлением.

[5] Так называемый «Корюк 102» (от der Kommandant des Rückwärtigen Gebietes). В его штаб входил и отдел «Ic» — военная разведка и контрразведка, занятая сбором и обработкой всех разведсообщений, допросами военнопленных, духовным окормлением войск и взаимодействием с отделом прессы и пропаганды.

66-летний «дядюшка Макс» был самым пожилым изо всех коллег с аналогичным статусом[1].

Вот с ним-то Меньшагину свидеться довелось, как и с его штабным пропагандистом и контрразведчиком, подполковником Владимиром Шубутом (1893–1972), начальником отдела «Ic» штаба фон Шенкендорфа[2], до войны — помощником генерала Кестринга, военного атташе германского посольства в Москве и будущего командующего Восточными, т. е. национальными, войсками (Osttruppen) Рейха[3].

Комендатуры следили за единым и жестким режимом на всей оккупированной территории СССР.

В оккупированный Смоленск — почти одновременно — вошли и разместились сразу две комендантские службы — «ортскомендатура» (Ortskommandatur), она же «местная комендатура», и «фельдкомендатура» (Feldkommandatur), она же комендатура «полевая». Первая ставилась непосредственно боевыми частями немецкой армии и, как правило, не задерживалась на одном месте. Но именно она, местная комендатура во главе с ортскомендантом капитаном фон Швецом[4], собственно, и инициировала создание местного гражданского управления из оккупированных русских, и именно к фон Швецу вызывали поперву Меньшагина и Базилевского.

Даже не дожидаясь того, как управа конституируется, «ортскомендатура» с чувством исполненного долга самоустранилась[5] и передала все контакты, коммуникации и бразды в руки комендатуры «полевой».

Таким образом, еще с 29 июля командующей инстанцией для смоленской управы стала «полевая комендатура» № 813. В ее составе за вопросы гражданского управления и за контакты с локальной гражданской администрацией

---

[1] Он умер в июле 1943 г., находясь в отпуске в Могилеве. См. о нем подробнее: *Hasenclever, 2010*. S. 73–95, 202–204 и 247–254.

[2] *Hasenclever, 2010*. S. 248. Именно Шубут, вместе с капитаном Петерсеном, сопровождал Власова в его 3-недельной пропагандистской поездке по оккупированным областям 25 февраля — 10 марта 1943 г. (IfZ-Archive. ZS 417). Он же проводил занятия школы русских пропагандистов в смоленском «Лесном лагере» (См. ниже).

[3] См. протокол допроса консула И. Ламля 5 июля 1946 г. (Тайны дипломатии Третьего рейха. 1944–1955. М.: Демократия, 2011. С. 363–367). Со ссылкой на: ЦА ФСБ. К-512491. Меньшагин часто контактировал с переводчиком его штаба Р. Вагнером.

[4] Среди сотрудников — капитан Цунс, квартирмейстер капитан Хаберзак и переводчик, зондерфюрер Фидлер (зондерфюреры — гражданские служащие в Вермахте со своей системой рангов). Часто встречающийся в тексте М. Гессе также был переводчиком ортскомендатуры.

[5] А в октябре ортскомендатура и вовсе передислоцировалась на восток — в Можайск. Новый ортскомендант Смоленска, капитан фон Балласко, запомнился Меньшагину лишь тем, что отобрал у гражданского населения Смоленска отремонтированную управой баню (см. наст. изд., с. 378–379).

отвечал 7-й отдел. Меньшагин ежемесячно отчитывался перед комендатурой и СД о практической работе управы, а также о политической обстановке в городе и окрестностях. Каждое распоряжение бургомистра требовало согласований в 7-м отделе, а иной раз и в роте (отделе) пропаганды или даже в СД. Согласования эти происходили, но с разной скоростью, следствием чего нередко была расстыковка номеров и дат распоряжений[1].

Если Меньшагин, несмотря на все интриги и пертурбации, так и остался единственным бургомистром Смоленска за всё время оккупации, то личный состав самой комендатуры оказался куда более подвижным, чтобы не сказать текучим. Первым фельдкомендантом города был подполковник[2] Бинек, уже в ноябре 1941 г. его сменил подполковник фон Ягвиц.

Первый начальник 7-го отдела — оберкригсфервальтунгсрат Грюнкорн. Сотрудниками отдела, с которыми Меньшагину приходилось иметь дело, были инспектор Цицман и переводчик, зондерфюрер Оскар Гиршфельдт[3]. Этот состав меньшагинских «партнеров» продержался в Смоленске около пяти месяцев — вплоть до самого конца 1941 г., после чего их перевели в Могилев.

С нового 1942 г. изменилось и обозначение комендатуры: «полевую» фельдкомендатуру переименовали в штандортскомендатуру, несколько повысив ее бюрократический статус. Штадткомендантами теперь назначались генералы. Первым из них по очереди был генерал-лейтенант Дёнике, а первым начальником 7-го отдела при нем — оберрат Рот, переведенный сюда из Бобруйска. Для упрощения контактов с управой Рот назначил специального связного — кригсфервальтунгсасессора Бока.

Если о Грюнкорне и его команде Меньшагин в своих воспоминаниях отзывается очень тепло — как в деловом, так и в человеческом плане, то о Роте с Боком он не мог сказать ни того, ни другого. Впрочем, следующая смена не заставила себя долго ждать. Уже в первой половине апреля 1942 г. к исполнению обязанностей приступила новая команда: комендант города — генерал-майор Поль, кресло же Грюнкорна и Рота заняли прибывший из Брянска оберрат Гюнтер-Эрнст Краатц (Kraatz)[4] со своим

---

1 См. Документ № 2.

2 По другим сведениям, полковник.

3 Hirschfeldt Oskar Erich (3 октября 1901, Петроград — 11 июня 1942, под Гродно), немец, в 1919 г. окончил Тартускую немецкую гимназию, в 1920–1923 и 1927–1929 гг. учился на юридическом факультете Тартуского университета (в 1923–1929 гг. обучался в военном училище). В 1929–1932 гг. — мызный управляющий, в 1932–1934 гг. — кандидат на судебную должность Тартуского окружного суда, в 1935–1940 гг. — директор Тартуской тюрьмы. В 1940 репатриировался в Германию, в 1941–1942 гг. — в Вермахте (Album Academicum Universitatis Tartuensis. 1918–1944. Tartu, 1994. S. 60 (Matr. Nr. 790)).

4 С июня по октябрь 1941 г. советник полевой комендатуры и начальник 7-го отдела в Минске, с октября 1941 по апрель 1942 г. — в том же качестве в Брянске, а с апреля

переводчиком, зондерфюрером Зейдлером. В конце мая асессора Бока в качестве связного с Меньшагиным сменил асессор К. Бессель, но вскоре заменили и Бесселя — советником Фурмансом[1].

В начале февраля 1943 г. — следующая, четвертая по счету, «смена» в 7-м отделе, новым начальником которого стал советник Кеслер. Но была и пятая, поскольку о предстоящей эвакуации Смоленска Меньшагина информировал 18 сентября уже оберрат д-р Райшбёк (Reischböck)[2].

При этом 7-й отдел был далеко не единственным подразделением комендатуры, имевшим прямые отношения с управой и отдававшим ей свои приказы и указания. На втором месте по интенсивности контактов стоял отдел (или рота) пропаганды, или просто «Пропаганда», как ее все называли. Смоленская «Пропаганда» специализировалась на СМИ — прессе и радио: в ноябре 1941 г. Пропаганда взяла под свой контроль выход городской газеты на русском языке, каждый новый номер выходил только после ее отмашки. Руководил отделом доктор Кайзер (примерно до ноября 1941 г.), затем его сменил зондерфюрер доктор Шюле, бывший пресс-атташе Германского посольства в Москве. Третьим и последним начальником Пропаганды был майор Коста (начиная с мая–июня 1943 г.), одним из его сотрудников был Ремпе.

На третье место я бы поставил СД, курировавшую городскую полицию. До сентября 1942 г. она располагалась в здании бывшего Управления внутренних дел, затем в здании больничного городка Западной железной дороги и в отдельном здании на территории городской тюрьмы[3]. В начале августа 1941 г. полковник Зикс, майор Клингельнгоффер, а также Аугсбург[4]

1942 по январь 1943 г. — в Смоленске. Затем, по сведениям Меньшагина, был переведен в Могилев. По материалам его дела как военнопленного, в ноябре 1943 г. переведен в органы армейской разведки. 15 сентября 1944 г. был взят в плен частями советской армии в Румынии. С 15 марта 1945 по 15 ноября 1949 г. находился в лагерях для военнопленных №97 и 119 в Татарской АССР. 16 ноября 1949 г. арестован УМГБ по Смоленской области и направлен в тюрьму г. Смоленска. 27 апреля 1950 г. Военным трибуналом войск МВД Смоленской области на основании ст. 1 УПВС от 19 апреля 1943 г. и в соответствии со ст. 2 Указа Президиума от 26 мая 1947 г. «об отмене смертной казни» приговорен к 25 годам лишения свободы. Наказание отбывал в лагере для военнопленных №270 (Боровичи Новгородской области) и в ИТЛ Речном под Воркутой. 28 сентября 1955 г. освобожден и 16 октября 1955 г. убыл на родину (РГВА. Ф. 460п. Д. 1873823).

[1] Он пробыл в Смоленске до декабря 1942 г., после чего его заменил советник Ремпартс.

[2] Инспектором 7-го отдела в это время был Штейнбах.

[3] Офицерский состав расквартировался в д. 19 по Выгонному переулку. Хозяйственное подразделение СД располагалось по ул. Большой Краснофлотской, в четырехэтажном здании рядом со зданием 12-й средней школы.

[4] Предположительно, Эмиль Аугсбург (Emil Augsburg, 1904 — ок. 1981), эксперт СД по русским и польским вопросам, сотрудник Ваннзее-Института в Берлине.

и Ноак озадачили Меньшагина острыми вопросами срочной организации еврейского гетто, снабдив для этого фирменным блокнотом от НКВД. Впоследствии Меньшагину приходилось иметь дело и с другими представителями СД, в том числе с двумя начальниками — оберштарфюрером Массковым и с хауптштурмфюрером лейтенантом Торманом (по состоянию, соответственно, на ноябрь 1941 и на начало марта 1943 г.), а также с низовыми сотрудниками (хауптшарфюреры Ноак, Ранке, Рой, Кляйн и Э. Бек).

Эпизодические контакты были у Меньшагина и с абвером — военной контрразведкой, в частности с заместителем начальника абвергруппы 303 майором Эрдманом[1] и зондерфюрером Куглером, следователем и переводчиком.

Время от времени случались контакты с отделом сельского хозяйства (крейсландвиртшафтсзондерфюреры Бендер и Рейсхоф) или, коль скоро прифронтовой Смоленск превратился в город-госпиталь, с оберштабарцтами (гарнизонными врачами) Дезе и Хампелем[2].

Офицер так называемой «Передовой команды Москва» (Vorkommando Moskau), входившей в айнзацгруппу В, штаб-квартира которой дислоцировалась в Смоленске. Получив ранение во время бомбардировки, вернулся в Берлин. Штурбаннфюрер СС (1944). Избежав плена, служил в 1947–1968 гг. в Организации Гелена (впоследствии Bundesnachrichtendienst, или BND, — контрразведке ФРГ) экспертом по русским вопросам. Уволен в 1968 г. (*Петров И.* По следам Глеба Умнова // URL: https://labas.livejournal.com/1125154.html).

[1] Эрдман Филипп Иванович (подпольная кличка «доктор Берг»), впоследствии полковник, в Смоленске с января 1942 по июнь 1943 г. Абвергруппа 303 (ее начальником был подполковник Табрук) дислоцировалась в Смоленске с сентября 1941 до лета 1943 г. по двум адресам: ул. Дзержинского, 20 и 22 (Структура и деятельность, 2011. С. 196). Следователи НКВД обвиняли потом Меньшагина в сотрудничестве с Эрдманом в деле организации конспиративных квартир и поддельных паспортов для агентуры абвера в Смоленске (см. Документ № 11). Но едва ли Эрдман делился с бургомистром, например, сведениями об абвершколе «Сатурн», переведенной в Смоленск из Борисова. Она называлась — для конспирации — «Лесным лагерем» и располагалась в Красном Бору, в бывших дачах Смоленского облисполкома. Школа готовила разведчиков, диверсантов и пропагандистов. Здесь же начиная с января 1943 г. проходили и занятия офицерских курсов пропагандистов РОА, куратором которых с немецкой стороны был В. Шубут. Занятия сопровождались поездками в «образцовую деревню» Скрылевщина в 25 км к юго-западу от Смоленска и в образцовое хозяйство «Слобода». В Смоленске дислоцировались и другие абвергруппы: так, на южной окраине Смоленска, на территории бывшей машинно-тракторной станции размещалась антипартизанская диверсионная школа, которая была создана в 1943 г. при «Абверкоммандо 202» (*Ковалев, 2011*. Гл. 4).

[2] Хампель Эрвин (1909–?), капитан, врач, мобилизован в январе 1942 г. Взят в плен в Чехословакии 10 мая 1945 г. Репатриирован 9 октября 1948 г. из лагеря для военнопленных № 471 в Сталинской (Донецкой) области.

Случались и спорадические, если не единичные, контакты с представителями и других ведомств Рейха. Как, например, 11 или 12 сентября с Криге и Фелензином — инспекторами германского Министерства труда, целью которых была организация в Смоленске биржи труда. Или с представителем «Штаба Розенберга» Ульрихом, уполномоченным грабить в любом занятом городе любое его культурное наследие.

1 марта 1942 г. немцы провели очередную рутинную административно-территориальную реформу тыловой зоны, приведя ее в соответствие с линией фронта и оперативной зоной. В частности, был образован Смоленский округ как самостоятельная и крупная административная единица в рамках тыловой зоны (не путать с крошечным Смоленским районом, прилегающим к Смоленску!). Это повлекло за собой создание дополнительного властного этажа — в виде отдельных окружных органов гражданского (русского) управления, параллельных уже существовавшим городским и районным[1]. Правилом была вертикальная субординация: городские управления подчинялись окружным, руководители окружного уровня даже именовались иначе — обер-бургомистры, а не бургомистры[2]. Город Смоленск стал исключением: этому правилу он не подлежал, что говорило о том высоком авторитете, который успел завоевать к этому времени в глазах немцев сам Меньшагин.

Объективно понизив статус Смоленской городской управы, как, впрочем, и всех районных управ, реформа породила мощные конфликтогенные линии и очаги. Вовсю заполыхали интриги, провокации, подставы и доносы, а равно и опасения подстав, доносов и провокаций. Все смоленские окружные бургомистры, в особенности Ясинский[3] и Островский, не жалели сил для того, чтобы свалить Меньшагина и заменить его своим человеком, но во всех этих «битвах» неизменно побеждал Меньшагин.

С подчиненными он всегда был настороже: «Человек он был осторожный, внешне деликатный, особенно с дамами, но жесткий и твердый. Его побаивались даже его заместители», — вспоминала его секретарь[4].

Ах, до чего же всё это напоминало довоенную советскую партократическую жизнь!

---

1 Два других округа в тылу группы армий «Центр» — Брянский и Орловский (см. подробнее в: *Емельянова, 1999* и: *Костюченков, 2011*). У военных подобного удвоения инстанций не произошло.

2 См., например: *Молодова, 2010.* С. 42–43.

3 В мае 1942 г. Ясинского, кстати, убрал Краатц, недовольный его политикой расширения прав русской гражданской администрации. Ясинского на этом посту сменил его заместитель Никитин (см. Документ № 4.13).

4 Из допроса Е. К. Юшкевич от 6 июня 1945 г. (сообщено С. Зверевой).

Русская полиция как коса и оселок

Поначалу в составе Смоленского городского управления были только такие отделы: административный, земельный, городского архитектора, пригородных хозяйств, торгово-промышленный, просвещения, жилищный, общественного призрения, пожарный и финансовый. Отделом была и вспомогательная городская полиция, сформированная в первых же числах августа 1941 г.

Само по себе соотношение управы и полиции, особенно учитывая обязательное участие последней в карательных акциях, — важный организационный момент в осмыслении роли Меньшагина в жизни города.

В оперативном отношении городская полиция всегда была подчинена СД и ГФП, но до осени 1941 г. она как отдел управы была на городском иждивении. 22 сентября начальник полиции Третьего Рейха издал приказ о создании на оккупированной территориях Ordnungs-Dienst, или службы поддержания порядка[1].

Поначалу набор в полицию производился по личным заявлениям, на добровольной основе. Каждый полицейский получал повязку с номером и аусвайс, в котором был обозначен номер повязки. Оружие если и было, то только советское, «трофейное», и его, как правило, хватало не на всех. Формы и обмундирования поначалу тоже не было, если не считать самой номерной повязки. Первым начальником этой службы был Глеб Умнов[2].

При таких исходных полиция более всего напоминала сброд. И дисциплина ее была соответствующей, так что она скорее дискредитировала и себя, и управу.

Поскольку Умнов ничего не делал для исправления ситуации, недовольный этим Меньшагин на стыке зимы и весны 1942 г. снял его с этой должности. Сам Умнов при этом был оставлен в СД для выполнения спецпоручений: будучи до оккупации радиоинженером, он занялся радиоперехватом сообщений подпольных передатчиков в Смоленске и его окрестностях.

Возглавить же полицию предложили Николаю Георгиевичу Сверчкову (1898, Царское Село — 1957, Париж (?)), бывшему корнету русской армии, вдобавок художнику. Его репрессировали в 1931 г. по тянувшемуся

---

1 РГВА. Ф. 505. Оп. 2. Д. 16. Л. 2. См. также: *Костюченков, 2011.*

2 Умнов Глеб Константинович (28 июня 1916 г., Петроград — не ранее 1970?). Он же, на Западе, — Уманский Олег (родился 12 апреля 1916 г., Ростов). Его имя еще всплывет в так называемом «блокноте» Меньшагина (см. ниже). После войны жил в Мюнхене, собирал для немецкой контрразведки документы о власовском движении, составлял для американских оккупационных властей справки о русской эмиграции, затем в Карлсруэ, где значился переводчиком (см.: *Петров И.* По следам Глеба Умнова. URL: https://labas.livejournal.com/1125154.html. См. также документацию MCP: https://digitalcollections.MCP-arolsen.org/03020101/name/view/4033633).

с 1926 г. «делу масонов». После трех лет ссылки в Нарымском крае он жил в Новгороде, затем в Калинине, где во время двухмесячной оккупации города был заместителем начальника русской вспомогательной полиции и начальником ее оперативного отдела[1]. После освобождения Калинина в декабре 1941 г. бежал в Сычевку, а оттуда в Смоленск.

С 22 марта 1942 и по сентябрь 1943 гг. Сверчков — начальник окружной полиции Смоленска, активный участник уничтожения цыган и евреев. При нем полицейские получили что-то вроде униформы — советские гимнастерки с немецкими аксессуарами, даже с погонами — уникальный случай![2] С октября 1943 и по июнь 1944 г. — зам. начальника вспомогательной полиции СД в Минске, а затем в Сосновце, Ченстохове и других местах. В конце 1944 г. руководитель школы полиции СС в Карлсбаде, где наверняка пересекался и с Меньшагиным. Гауптштурмфюрер (капитан) войск СС и капитан РОА. После войны — в Казачьем корпусе Рогожина, затем в Зальцбурге и Линце[3].

Комплектовалась полиция, помимо местных жителей, отчасти и освобожденными военнопленными, а после мартовской, 1942 г., реорганизации еще и из русскоязычных иностранцев-эмигрантов. Существенной особенностью Смоленского округа была нарочито повышенная роль белорусского элемента в оккупационной администрации, в том числе и в полиции[4].

Упомянутая реорганизация предусматривала и частичный переход на мобильные конные или конно-пешие отряды по 100–150 человек, специально обученные для борьбы с партизанами и охраны железных дорог и других объектов. Их общая численность в Смоленском округе достигала 3 тыс. человек.

Из сопоставления воспоминаний Меньшагина с другими источниками возникает устойчивое представление о том, что до появления окружного

---

1 Агентурная кличка у немцев — Уваров.

2 См. на обложке кн.: *Дробязко С.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. Русская освободительная армия. М.: АСТ, 2000.

3 В Линце — зам. председателя Национал-социалистической партии России, после запрещения ее американцами переименованной в «Бюро по розыску родных и знакомых» (*Полян, 2002.* С. 445). См. о нем в: *Петров И.* Масон, художник, полицай // Личный блог. 2011. 20.11. URL: https://labas.livejournal.com/939412.html; *Котов Л.* Из истории борьбы трудящихся Смоленщины против фашистских оккупантов // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. IV. Смоленск, 1961. С. 189; *Касаткин М.А.* В тылу немецко-фашистских армий «Центр». М., 1980. С. 30; *Федоров Е.С.* Правда о военном Ржеве. Документы и факты. Ржев, 1995; *Он же.* Вторжение. Стражи «нового порядка» // Тверская жизнь. 2001. 21 декабря.

4 Согласно переписи населения 1926 г., доля белорусов в населении СССР составляла 3,3 %, а в РСФСР — 0,69 %. Доля белорусов в Смоленской губернии, включая Смоленск, была лишь немногим выше (0,89 %), что в абсолютном измерении соответствовало 20,4 тыс. чел.

уровня управления в марте 1942 г. смоленская вспомогательная полиция еще подчинялась — наряду с СД — бургомистру, а после — была перераспределена между уровнями русской власти и переподчинена бургомистру округа, в свою очередь не менее тесно взаимодействовавшему с СД.

Четким и наглядным доказательством этого является и подчеркнуто командная роль в них Николая Федоровича Алферчика (1917, Пинск или Гомель — 1995, Мельбурн). После того, как Пинск был оккупирован РККА в 1939 г., он бежал в «немецкую» Польшу — в Варшаву, где работал в «Русском общественном комитете» С. Л. Войцеховского[1]. Член НТС, он приехал в Смоленск еще в октябре 1941 г., чуть ли не раньше всех других эмигрантов. Здесь быстро выдвинулся в главные каратели: сначала — следователь и начальник 2-го (секретно-политического) отдела полиции города Смоленска, а потом в том же качестве, но в окружной полиции. Алферчик активно боролся с подпольем и партизанами, а перед сдачей Смоленска — вместе со Сверчковым из городской полиции — руководил «факельщиками», т.е. работами по поджогу всех деревянных зданий в Смоленске[2].

Само по себе это означало, что все карательные акции, в том числе и против цыган и евреев, осуществлялись органами окружного и городского уровня сообща, но под командованием СД и при верховенстве уровня окружного[3]. Это и только это объясняет то странное впечатление от слов Меньшагина о том, что о многих полицейских акциях он узнавал от Умнова, Сверчкова или Алферчика как бы постфактум и с некоторым опозданием: упомянутые уже не были его прямыми подчиненными и делились с ним новостями «по старой дружбе», а не «по службе».

Русская полиция в немецких руках была важным орудием их территориального господства. Сочетание местных русских с русско-эмигрантской головкой (и без немцев помешанных на антибольшевизме) более всего напоминало косу с оселком. Но никакой культурной «сенокосилке» никогда бы не справиться с теми задачами, которые эти злые, лишенные

---

[1] Войцеховский Сергей Львович (1900–1984) — русский эмигрант, публицист и поэт. С 1921 г. — в эмиграции в Польше, председатель правления «Российского общественного комитета» в Варшаве, помогавшего эмигрантам; в годы немецкой оккупации преобразовано в "Russische Vertrauensstelle". В 1944 г. эвакуировался в Германию, а 30 апреля 1945 г. в Фельдкирхе на границе с Лихтенштейном присоединился к дивизии Б. А. Смысловского, с которым был знаком по Варшаве. После 2 мая 1945 г. — во французской зоне оккупации Австрии, затем в Германии, в Равенсбурге, а около 1951 г. переехал в США, где основал «Российский политический комитет» (1953) и играл заметную роль в русской диаспоре «второй волны».

[2] Любопытно, что он был еще и капитаном смоленской футбольной команды, средства на которую из городского бюджета отпускал Меньшагин (сообщено С. Зверевой).

[3] Поэтому «приглашение» на ликвидацию гетто Гандзюка и неприглашение Меньшагина не было нарушением субординации, как это представлялось бы, не знай мы этот нюанс.

всяких комплексов и странно экипированные люди решали в городах и лесах. Немцы своих полицаев ценили и помогали им под конец войны эвакуироваться на запад, чтобы избежать советского возмездия.

И тут показательным примером может послужить тот же Алферчик.

С октября 1943 г. он начальник одного из отделов Минского СД, позднее — следователь «по русским делам» в СД в Брауншвейге. Из СД он спланировал в Берлин, в отдел безопасности КОНР. В декабре 1944 и феврале 1945 г. виделся с Меньшагиным в Берлине. За работу в Смоленске и Минске он четырежды (!) награждался орденами II класса в бронзе, серебре и золоте с мечами, в том числе дважды в Смоленске: 22 июня 1942 и 20 апреля 1943 г.[1]

После войны Алферчик жил в Зальцбурге и, опираясь на структуры всё того же НТС, в элиту которого он входил, работал на американскую и британскую спецслужбы. В 1946 г. он переложился из Алферчика в Павлова, а в феврале 1950 г., под новой фамилией, перебрался в Австралию, где, разумеется, тоже сотрудничал, но уже с австралийской спецслужбой и в 1958 г. благополучно натурализовался[2]. В 1966–1967 гг. Павлов-Алферчик был разоблачен КГБ[3]. А тому — что с гуся вода: в 1977 г. в Мельбурне Павлов — само благочестие! — основал, финансировал и возглавлял братство «Православное дело» — до тех пор, пока в 1992 г. его не скрутил паралич и пока 20 мая 1995 г. Павлов-Алферчик — убийца и палач! — не опочил себе в бозе![4]

Ликвидации душевнобольных и цыган

«Воспоминания о пережитом. 1941–1943» Бориса Меньшагина — это подробнейший рассказ экс-бургомистра о своей деятельности на этом посту. Он излагает события подробно, в их последовательности и связи, не избегая и оценочных суждений по поводу описываемых событий и лиц. В том числе и в отношении себя: в своем коллаборационизме он отдает себе полный отчет.

Тем значимее то, о чем он, и явно сознательно, умалчивает[5]. Как и то, о чем он хотя и говорит, но как-то по-особенному — неподробно, отстраненно, глухо, с отторжением.

---

1 См. Документ № 14.

2 См. персональное дело Павлова в: National Archive of Australia: A6119, 2723. URL: https://recordsearch.naa.gov.au/SearchNRetrieve/Interface/ViewImage.aspx?B=4025231. См. также: *Aarons M.* War criminals welcomed. Australia, a sanctuary for fugitive war criminals since 1945. Melbourn: Black Inc., 2001. P. 141–152.

3 См.: *С. Г-ич.* Осторожно, Алферчик! // Голос Родины. 1966. № 12. С. 4–5; *П. Ф-ко.* Я его знал! // Там же. 1967. № 3. С. 4; Следы не затерялись // Там же. № 6. С. 4.

4 Православная речь (Мельбурн). 1995. № 12. С. 11–12.

5 См. об этом в статьях С. Амелина и М. Дэвида-Фокса в наст. издании.

Главными его лакунами-умолчаниями, помимо семьи, являются ликвидации — полицейские акции по уничтожению определенных групп жителей города, в зоне его бургомистерской ответственности. Обреченных оккупантами контингентов — кроме партийных функционеров, политруков и партизан — было три: умалишенные, цыгане и евреи. О судьбе двух категорий военнопленных — советских в немецких руках и польских — в руках советских он говорит, но так глухо, как если бы его это не касалось, и он даже узнавал об этом последним.

Между тем 1942 г. начался с массового убийства психически больных в Гедеоновке — деревне на Московском шоссе, к востоку от Смоленска, сразу же за городской чертой. Для жителей Смоленска «Гедеоновка» звучала так же, как «Пряжка» для питерцев или «Белые столбы» и «Канатчикова дача» для москвичей.

На стыке 1941/1942 г. эта областная лечебница оказалась на скрещении двух мощных германских сил и интересов — вермахта, остро нуждавшегося после успешного советского контрнаступления в новых тыловых госпиталях, и СД, отвечавшей за окончательные решения всех вопросов немецкой идеологии, каковая не жаловала не только евреев, но еще и цыган, гомосексуалов и умалишенных.

Решение с Гедеоновкой, как говорится, «напрашивалось». В январе 1942 г. лечебницу «очистили» от больных, а в освободившиеся помещения из освобожденного Красной армией Можайска перевели еще один госпиталь утратившего боевую спесь вермахта.

При этом самим экс-постояльцам говорилось о скором переводе заведения куда-то под Витебск. Но все они, как писал Базилевский, «никуда не прибыли, а были расстреляны на том основании, что в Германии душевнобольных и сумасшедших не лечат, а расстреливают»[1].

Впрочем, Базилевский, хоть он и вице-бургомистр, всех деталей не знал: «психов» не расстреливали. Их убили технологичней и экономичней — в газвагенах («машинах-душегубках»). Поголовное уничтожение всех 95 больных, остававшихся в психбольнице[2], происходило в два присеста — 12 января (женщины) и 17 января (мужчины). По ошибке тогда затолкали в «газваген» и двух санитаров! Но отнимать у своих жертв теплые вещи рассеянные палачи не забывали.

И Меньшагин, конечно же, лукавил, когда писал, что впервые узнал о «Гедеоновке» якобы только в июле 1942 г. — от начальника полиции Н. Г. Сверчкова. Еще до «акции», только-только получив приказ очистить помещения от больных и от персонала, главврач П. Н. Кулик лично

---

[1] Ср. Документ № 10.

[2] 355 психиатрических больных и 50 человек медперсонала, в том числе 5 врачей, были до прихода немцев успешно эвакуированы в Пермь.

обращался к нему, но ни поддержки, ни хотя бы сочувствия не встретил: мол, приказы немецкого командования выполняются, а не обсуждаются![1]

Меньшагин, к слову, мог быть не только более забывчивым, но и менее уравновешенным, чем это может показаться на основании прочтения одних его мемуаров. Вот что показал о нем 6 октября 1943 г. (уже после освобождения города) главврач Смоленской кожно-венерологической больницы В. Ф. Раевский: «При обращении к начальнику города Меньшагину с просьбой обратить внимание на питание больных в кожно-венерологической больнице обычно был такой ответ: ваших больных-венериков надо не кормить и лечить, а расстреливать»[2].

Но уж тогда и лыко в строку — небольшая, но яркая подробность о гуманном докторе Раевском, рассказывавшем своим знакомым: «Видя, что от меня может ускользнуть перспективная должность врача-венеролога, я, будучи у штабного врача немецкой комендатуры Дезе, проинформировал его о своих познаниях в области венерологии и тогда же отрицательно отозвался о заведующей кожно-венерологическим диспансером Анне Захаревич, сказал Дезе, что она еврейка». Врача А. И. Захаревич после этого отстранили от работы и отправили в гетто, где она вскоре была расстреляна[3]. Арестованный летом 1944 г. советскими органами государственной безопасности Раевский заявил на допросе: «Рассказав Дезе о Захаревич как о еврейке, я цели предательства Захаревич не преследовал. В данном случае я просто хотел обеспечить себе работу по специальности». Вот так — ничего личного или антисемитского, одна лишь здоровая конкуренция!

И тогда уж еще одна яркая черточка из области оккупационной медицины в Смоленске. Вот фрагмент из протокола допроса Раевского следователем НКВД Б. А. Беляевым 20 мая 1944 г.:

> РАЕВСКИЙ: Хампель, в беседе в отношении необходимости установления в диспансере национальности доставляемых евреев, мне заявил, что в карточке «больного»... при установлении еврейской национальности следует писать: «Наличествует крайняя плоть», что означало, что обследуемый не является евреем. <...>
>
> Справки о результатах обследования, т.е. установления еврейской национальности давал я и за своей подписью. После периода определения

---

[1] *Котов, 1994.* С. 57–58. Впрочем, и достоверность показаний Кулика может быть поставлена под сомнение: переложить ответственность на кого-то другого всегда легко и приятно.

[2] Из записки В. Ф. Раевского от 6 октября 1943 г.: «Организация и состояние кожно-венерологической больницы г. Смоленска, зверства и произвол немцев во время оккупации» (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 15. Л. 52 об.). См. также: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Папка VI. Оп. 2. Л. 17–22.

[3] Данные о ней («Захаревич, врач, 35 лет») выбиты на мемориальной плите с именами убитых евреев на месте их расстрела в Вязовеньском лесу.

национальности в стенах диспансера, т. е. до мая 1943 года, заключения об установлении еврейской национальности, согласно указанию немецкой комендатуры, подписывались кроме меня и врачом Смирновым.

<...> Работу по определению национальности евреев я никому не решился передоверить и поэтому сам всё в этом вопросе контролировал... <...>

БЕЛЯЕВ: Один из свидетелей, допрошенный по Вашему делу, показывает, и это подтвердили и другие источники, что Вы были крайне довольны, когда Вам удавалось установить еврея.

РАЕВСКИЙ: Не отрицаю, эту работу для немцев я выполнил также аккуратно... <...>

БЕЛЯЕВ: Следовательно, в данном случае Вы настойчиво проводили в жизнь данное вам распоряжение, зная хорошо, что немецкие каратели евреев расстреливали. <...>

РАЕВСКИЙ: Да, это так. Я знал, что немцы евреев расстреливали и с этой целью специально устанавливали еврейскую национальность подозревавшегося или похожего на еврея. И, зная это, я помогал немцам устанавливать евреев, которые впоследствии расстреливались[1].

Хронологически следующими в коллективной очереди на смерть оказались цыгане.

Вообще Смоленщина была ими довольно густо населена, — как кочевыми, так и оседлыми. Крупнейшим оседлым как раз и было русско-цыганское село Александровское, чьи жители были потомственными крестьянами, а стало быть, и колхозниками.

Соответственно, и главная карательная акция прошла 24 апреля 1942 г. именно в этом селе. Рядом — село Коренёвщина, и тоже с цыганами, но по какой-то удивительной случайности каратели туда не зашли.

Командовал всей акцией Николай Федорович Алферчик. Накануне акции он получил у старосты поименный список жителей[2]. В пять часов утра около 400 человек карателей под его командой окружили село и выставили поголовно все население на улицу, после чего провели селекцию по списку: русских — по домам, а остальных — к расстрельным ямам, метрах в 400 от села.

Расстреляно было 176 цыган (есть поименный список), — как местных, так и пришлых или заезжих (в частности, случайные соседи из Коренёвщины или гости из деревни Кловка, приехавшие на мельницу). Расстреливали на две ямы, выкопать которые заставили мужчин: первая, побольше, для детей (их убивали первыми) и женщин, вторая — поменьше — для них самих.

---

[1] *Ковалев, 2011.* С. 204–205. Со ссылкой на: АО УФСБ СО. Д. 17567с. Л. 260–262 (Протокол допроса В. С. Раевского Б. А. Беляевым от 20 мая 1944 г.).

[2] ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 44. Л. 18.

Около 20 цыганок уцелели, — пройдя в этот момент вторую селекцию: немцам они говорили, что они русские и за цыганами просто замужем, и этого было достаточно, чтобы избежать казни. Именно благодаря им, уцелевшим, расстрел в Александровском — едва ли не самая задокументированная «цыганская акция» на оккупированной территории СССР. После освобождения цыганки явились в ЧГК и в госбезопасность и потребовали расследования: в фонде ЧГК этому случаю посвящено 70-листное дело с поименными списками[1]. На месте расстрельных ям у Александровского стоит памятник жертвам — первый такой памятник на территории бывшего СССР.

Другая цыганская колония была уничтожена возле аэродрома — в домах рядом с аптечными складами на Рославльском шоссе[2]: там положили еще 35 человек[3].

У Меньшагина же об этом — всего несколько фраз, равнодушных и не слишком правдивых: «В апреле из разговора с начальником городской полиции Н. Г. Сверчковым я узнал, что в первых числах этого месяца немцами были убиты все цыгане, проживавшие в с. Александровском, где до войны существовал специальный цыганский колхоз. Я был поражен и спрашивал: “За что?” — “Как цыгане”, отвечал Сверчков. Оказывается, немцы преследовали не только евреев, о чем у нас и до войны было известно, но и цыган».

Кроме путаницы, странной для коренного смолянина, смущает и анахронизм, неожиданный для человека с такой цепкой памятью, как у Меньшагина: акция в действительности состоялась не в первые числа апреля, а 24-го числа.

Еврейская жизнь: гетто в Садках

Вообще евреи и еврейская тема в «Воспоминаниях» не замалчиваются, встречаются часто. Накануне войны в Смоленске проживало около 15 тысяч евреев, из них подавляющее большинство — не меньше 14 тысяч — смогли эвакуироваться.

Самый ранний «еврейский» эпизод, разыгравшийся буквально за день до прихода в Смоленск немцев, связан с эвакуацией: «Пришли адвокаты

---

1 ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 1091.

2 Ср. в протоколе общего собрания проживающих в районе смоленского аэродрома кочевых цыган, состоявшемся в августе 1932 г.: «Мы, кочевники-цыгане, раньше жили в Польше, в 1915 году выехали в Россию, нам было хорошо в Польше, а в настоящее время плохо; мы голодные и холодные, находимся в этих местах, нам нигде нет места, милиция нас сгоняет, цыгана считают, что он вор» (Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине 1918–1938 гг.: Документы и материалы. Смоленск, 1994. С. 215).

3 Первыми сведениями об этноциде цыган в районе Смоленска я обязан замечательному цыганологу Николаю Владиславовичу Бессонову (1962–2017).

Гайдамак и Н. Гольцова с ручным багажом. Они говорили, что не знают, что им делать. Я сказал, что Гайдамак как еврейке оставаться опасно, ибо давно уже слышно о плохом отношении фашистов к евреям». Гайдамак уехала[1].

Меньшагин остался, и второй эпизод случился спустя неделю, 22 июля, уже при немцах и уже с ним лично, когда Борис Георгиевич вышел в город «на разведку». Меньшагина беспричинно интернировали немцы: может быть, в качестве одного из заложников. Разместили в совхозном хлеву около Тихвинки, где он по привычке «сделал переводчику какое-то замечание. Что он конкретно сделал и в отношении кого (только не меня), я сейчас никак вспомнить не могу. Но помню, как он в ответ на мои слова посмотрел на меня и ушел. Через несколько минут он вернулся вместе с немецким унтер-офицером, показал ему на меня и сказал: “Jude”. На это я ответил: “Нет, русский”. Тогда немец спросил меня, кем я здесь работал. Ответ был “адвокат”, что переводчик перевел: “Richter”, то есть судья. Я снова возразил: “Rechtsanwalt”»[2].

В результате для самого Меньшагина всё обошлось, назавтра за ним даже машину прислали, а еще через неделю назначили в начальники города. Но эти несколько минут пребывания в шкуре еврея, — да нет: всего лишь подозреваемого в еврействе! — многое, если не всё, объясняли в характере нового порядка[3].

Так что никаких иллюзий относительно немцев и их «еврейской политики» с ее целеполаганием уже окончательного — не географического, а биологического — решения еврейского вопроса у Меньшагина не было. Как не было у него и того всплеска антисемитизма, который — в лучах благосклонности немцев к сему направлению общественной мысли — вдруг обнаружился столь у многих. Лично Меньшагин антисемитом не был. А для нейтрального отношения вполне достаточно было отрешиться от наветов и предрассудков и оставаться примерным христианином, каковым Меньшагин и являлся.

Став бургомистром, пусть изредка и единично, но при каждом удобном и хорошо подстрахованном случае, он выручал отдельных евреев, выдавая им фальшивые, но спасительные для них документы. Сам он пишет о двух случаях — о чете Магидовых[4] и об окруженце Шламовиче. Майор

---

1 После освобождения Смоленка В. Е. Гайдамак вернулась в город и работала адвокатом в Горконсультации (ГАСО. Ф. Р-3541. Оп. 1. Д. 2. Л. 33).

2 Раздел «Во время войны».

3 Не потому ли он так горячо вступился и за малознакомого ему Демяновича, обвиненного в том, что он уклоняющийся от переселения в гетто еврей?

4 Когда их разоблачили, своего спасителя они не выдали. Попросил же за них у Меньшагина П. И. Кесарев, сам, как и Меньшагин, испытавший на себе ужас обвинения в принадлежности к еврейству.

Б. А. Беляев, его смоленский следователь в 1945 г.[1], всё никак не мог понять: зачем это Меньшагин, зная, что Шламович еврей — и, следовательно, рискуя и безо всякой выгоды для себя, — выдал ему удостоверение в том, что тот русский?

Но из этого вовсе не вытекало, что, будучи взят в антисемитскую кампанию своих новых работодателей, Меньшагин будет ее саботировать. Центральный узел в «еврейской» истории оккупационного Смоленска — это создание и ликвидация гетто, открытого СД и комендатурой уже 5 августа — вскоре после прекращения последних боев за Смоленск и в день передислокации в Смоленск из Минска айнзатцкоммандо № 8 под началом Шталекера[2]. К выбору места под смоленское гетто — на северо-востоке города, в заднепровских Садках, близ еврейского кладбища, как и к его функционированию, Меньшагин имел самое прямое касательство.

Нам еще предстоит разбираться с фальсификацией так называемого «Блокнота Меньшагина», но процитируем здесь записи, не вызывающие подозрений и посвященные созданию гетто: «4. Весь город, кроме еврейского квартала, должен быть до 16 часов освобожден евреями. 5. Все евреи, которые после этого срока останутся в городе, будут арестованы и расстреляны. 6. Из района поселения евреи не имеют права выходить без особого разрешения, выдаваемого комендантом города или полицией. <...> 8. Квартиры, освобожденные от евреев, поступают в распоряжение начальника города для заселения. 9. Всем евреям Смоленска запрещено иметь непосредственное сношение с Управлением начальника города и равно и с русским населением. Эти отношения осуществляются лишь через Еврейский комитет. <...> 12. Все евреи, достигшие 10-летнего возраста, обязаны нашить на одежду круглый знак из желтой материи диаметром 10 см. Эти знаки помещаются с правой стороны груди и на правой стороне спины. Евреи, обнаруженные после 16 часов 5.8 без указанных знаков, должны быть задержаны и препровождены в немецкую полицию (здание бывшего НКВД) для расстрела»[3].

Но в «Воспоминаниях о пережитом» об этом явно незабытом эпизоде и регламенте — ни полслова!

---

1 Беляев Борис Александрович (1911–?), майор гб, руководитель следственной группы УНКВД Смоленской обл. В органах с 1937 г.

2 В Смоленской области гетто были организованы также в Велиже, Монастырщине, Рудне, Хиславичах, Татарске, Рославле, Захарино, Любавичах, Шумячах, Петровичах, Микулине, Гусине, Починке и Красном, в них было уничтожено около 9,5 тыс. евреев (*Альтман И.* Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941–1945 гг. М., 2002. С. 94–101).

3 См. Документ № 2.

Насильственно освободив в Садках около 80 нееврейских частных домов и вскоре после этого оплетя периметр колючкой, сюда сселили как местных евреев, так и пришлых, — в основном беженцев из Белоруссии и даже из аннексированной Польши. Жили очень тесно, по 6–7 семей в одном доме, все носили свои желтые лоскуты-«лапики», а позднее еще и повязки на рукаве.

Скудный — 200 граммов в день — хлебный паек полагался только работающим. Поначалу, правда, выручал «бартер» — обмен носильных вещей на продукты питания, но ведь вскоре личные вещи кончились!..

С председателем юденрата, 50-летним зубным техником Пайнсоном, Меньшагин встречался еженедельно и старался евреям помочь, — избегая большого риска, разумеется. Тем не менее он выписывал в гетто не полагающуюся ему соль[1], которую евреи меняли на продукты. Он не потребовал у гетто вторично контрибуцию в 5 тыс. руб. за несвоевременную сдачу комплектов постельных принадлежностей, уже однажды истребованную комендатурой[2]. Несколько еврейских портных и сапожников получили с его подачи в комендатуре патенты, после чего работали совершенно официально и индивидуально — через биржу труда. То же, видимо, распространялось на врачей и прямых коллег Пайнсона — зуботехников (например, Давида Львовича Меркина), а иных даже вытаскивали в город на консультацию[3].

Смоленское гетто продержалось чуть меньше года, но вместе с тем это и самый долгий срок существования гетто на территории РСФСР[4]. Все остальные гетто в городах и весях Смоленщины были уничтожены раньше, и Меньшагин не мог этого не знать!

Он точно не питал никаких иллюзий и понимал, что реальная немецкая еврейская политика требовала от него прежде всего жесткого

---

[1] Крестовоздвиженская церковь, в которой она хранилась, располагалась непосредственно возле гетто.

[2] См. доклад Меньшагина начальнику Отдельного отряда «Смоленск» обершарфюреру СС Масскову, направленный накануне уничтожения гетто: «В гетто по распоряжению комендатуры изъято 60 комплектов постельных принадлежностей, швейных машинок — 3. За несвоевременную сдачу постельных принадлежностей еврейский Совет оштрафован на 5000 рублей» (Документ № 2). Ср. сообщенное нам Б. Ковалевым свидетельство о том, что в июне 1942 г. Меньшагин приказал евреям принести в городскую управу 7 тыс. руб. золотом (АО УФСБ СО. Д. 17567с. Л. 23).

[3] См. в свидетельстве П. И. Кесарева (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VI. Оп. 2. Д. 32. Л. 7). Это делает чуточку менее удивительным свидетельство Б. В. Базилевского о якобы рутинных приходах к нему и его жене Берты Ильиничны Гейвашович, 35–40 лет, бывшей коллеги по СГПИ, рассказывавшей им о жизни гетто (см. Документ № 10).

[4] Впрочем, по сравнению с гетто в Минске, Вильнюсе, Каунасе и Риге, это не так много.

и безжалостного отношения к жизни гетто — жизни, допускаемой лишь как прелюдия к смерти. Став дисциплинированным винтиком этой бесчеловечной машины, — пусть и без энтузиазма, пусть и не стремясь в «первые ученики», — Меньшагин исправно исполнял всё то главное, что «машина СД» от него требовала!

Вот еще пример — распоряжение советника Военного управления Феллензика Бирже труда от 8 ноября 1941 г.:

> Настоящим прошу Вас предписать воинским частям немедленно уволить работающих у них евреев. Если бы в некоторых отдельных случаях возникли затруднения, соответствующая воинская часть должна письменно сообщить об этом в Биржу труда. Биржа труда вынесет в данном случае обязательное решение. После исключения из списков, у евреев должны быть отняты все находящиеся у них инструменты и взяты на сохранение Управлением Начальника города. Бургомистр должен, согласовав это с Биржей труда, передать инструменты ремесленникам-арийцам. Конфискация инструментов должна быть сделана местными комендатурами через органы полиции. Найденное у евреев сырье, которое может быть обработанным, конфискуется и сохраняется. Все евреи должны быть помещены в гетто. <...> В дальнейшем евреи должны быть собраны в отряды для принудительных работ и должны получать наиболее трудные работы.

Копия приказа поступила бургомистру Смоленска — только для сведения. Меньшагин же начертал на ней резолюцию своему торговому отделу: «Доложить о патентах, выданных евреям. 9.Х1.41 г.»[1]. Не для того, чтобы доложить самому, а для того, чтобы было под рукой, если спросят.

Главным, хоть и ненадежным, «защитником» евреев оставался их труд, — как правило, непосильный и принудительный. Так, в отдел очистки города, которым руководил Г.С. Околович, ежедневно приходила рабочая колонна в 100 евреев, использовавшаяся на самых тяжелых и грязных работах (разбор развалин, мытье вагонов, очистка железнодорожных путей от снега, откачка выгребных ям)[2]. Около 200 евреев предоставлялись военно-строительной фирме «Тодт» и использовались на масштабных военно-строительных работах в Красном Бору и близ Гнездово[3]. Они-то и прожили на несколько месяцев дольше, чем остальные.

---

[1] См. Документ № 4.6.

[2] *Котов, 1994.* С. 62–63.

[3] *Котов, 1990.* Очевидно, это строительство двух ставок — фельдмаршальской и фюрерской.

Еврейская смерть: ров в Вязовеньках

Итак, у евреев последовательно отнимали — и отняли — всё: сначала свободу жительства и передвижения, потом — равноправие, пусть номинальное и эфемерное, в том числе право на статус безработного, затем — право собственности, в том числе на инструменты, сырье, даже на наволочки! Ну а в конце отнимут и самое последнее — жизнь!

Бургомистр Меньшагин ратовал за перевод гетто в окрестности Смоленска, дабы смоляне могли разбить на этом месте огороды. Л. Котов вменял ему на этом основании ни много ни мало как инициацию ликвидации: мол, «предложение Меньшагина оккупантам уничтожить гетто ими было принято»[1]. Предложение и правда двусмысленное, но во всем, что касалось евреев, корректные оккупанты решительно не нуждались ни в советах бургомистра, ни в его визах.

Первые убийства евреев в Смоленске начались еще в августе 1941 г. А убивать их в Смоленске было кому: в городе квартировали штабы аж двух айнзатцкоммандо — «В» (с 5 августа), шуровавшей по городу и всему округу (это они расстреляли в Смоленске первые 38 человек)[2], и “Moskau”, и вовсе скучавшей в ожидании своего часа (на них — 74 жертвы)[3].

Главная же ликвидация состоялась в ночь с 14 на 15 июля 1942 г. — в точности к годовщине оккупации Смоленска! Уж не подарок ли к славной дате у истоков 1000-летия Рейха захотели себе сделать палачи?!

Сама весть о ликвидации гетто — о «злодеянии», как Меньшагин это называл, — один из центральных моментов в его воспоминаниях. Принес ее первый заместитель Меньшагина Григорий Гандзюк[4] — принес якобы лишь назавтра, в 8 часам утра:

---

1 *Котов, 1991*. См. также в статье М. Дэвида-Фокса в наст. изд.

2 Ее командирами были: с июля по октябрь 1941 г. Артур Нибе, с ноября 1941 по февраль–март 1942 г. — Эрих Науманн и с марта по август 1943 г. — Хорст Бёме и, до передислокации из Смоленска, Эрих Эрлингер. Айнзатцгруппа B состояла из трех зондеркоммандо (7a, 7b и 7c) и двух айнзатцкоммандо (8 и 9). Именно командиру айнзатцгруппы 8 (до весны 1942 г. — «на паях» с управой Меньшагина), собственно, подчинялась русская служба поддержания порядка (Ordnungsdienst).

3 *Корсак А. В., Стеклов М. Е.* Смоленск // Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М., 2011. С. 915–918; *Стеклов М. Е.* Смоленская область // Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М., 2011. С. 919. В документообороте СД употребительнее иное обозначение: “Truppe Smolensk”

4 Гандзюк Григорий Яковлевич (27 августа 1910 г., Рига — ?), русский эмигрант, до войны проживал в Штуттгарте, активист НТС, первый заместитель бургомистра Смоленска, впоследствии бургомистр Орши и Борисова. В Смоленск приехал из Праги. С 1948 г. в Кемптене, куда прибыл из Чехии. С 1950 г. в США. См. URL: https://digitalcollections.MCP-arolsen.org/03020101/name/zoom/1980929/2024757.

Не успел я сесть за свой стол, как ко мне вошел мой заместитель Г.Я. Гандзюк, обычно он приезжал с некоторым опозданием, почему я был удивлен его раннему появлению. Поздоровавшись, Гандзюк сказал: «Сегодня ночью ликвидировано гетто, его имущество передается нам. Вы сами изволите поехать туда или разрешите мне принять это имущество?». — «То есть, как это ликвидировано?», — спросил я. Гандзюк несколько замялся и, жестикулируя руками и заикаясь, сказал, что евреи умерщвлены. — «Как, все? А Пайнсон?». — «И Пайнсон тоже»[1]. — «А куда же дети?». — «И дети тоже». — «Нет, я не поеду». — «Тогда разрешите мне?». — «Да, да!». Таков был дословный обмен фразами между мной и Гандзюком. Да, я еще спросил его: откуда это ему известно? На что он ответил также с некоторым замешательством: «Это достоверно». Но откуда он узнал об этом вопиющем злодеянии, он так и не сказал.

После этого Гандзюк вышел от меня и уехал в Садки. Я же пошел к другому своему заместителю Б. В. Базилевскому и рассказал ему о сообщении Гандзюка. Оба мы были в полном смысле слова ошеломлены. Сказал я еще своему секретарю А. А. Симкович. Она пришла в ужас и высказала опасение за свою дочь, мою крестницу, отец которой еврей. Слава Богу, она пережила войну и гибель изуверского гитлеровского режима.

Помню, какая тяжелая атмосфера возникла у меня дома, как плакала моя покойная жена, когда я рассказал о происшедшем в предшествующую ночь. По данным паспортного отдела, убито было 1003 человека, проживавших в гетто.

Надо сказать, что от бургомистров нигде и не требовали личного присутствия на «акциях». В то же время сомнительно, чтобы такие оперативные планы держали от них в тайне. Вот Гандзюку, вице-бургомистру, предложили если не участвовать в акции, то как минимум присутствовать! А бургомистру — ничего не сказали?

Другое дело, что Меньшагину 15 июля предстоял очень непростой, буквально тяжелый день: первая славная годовщина оккупации Смоленска немцами! К дате бургомистр накануне писал статью, вышедшую в «Новом пути», полном, как и все оккупационные газетенки, антисемитских материалов[2]. А вечером в гортеатре — юбилейный вечер: с концертом и банкетом, со шнапсом и артистками, в теплом кругу сотрудников комендатуры и управы!..

...Как обстояло дело с самой ликвидацией? Как она происходила?

---

[1] Расстреляны были он сам, его жена и их сын-студент.

[2] Впрочем, пару раз Меньшагин всё же опустился до этого (см. Документ № 5).

Полевая жандармерия (немцы) и смоленские «стражники» (русские), возглавляемые Алферчиком, ликвидировали тогда около 2 тыс. евреев[1], из которых лишь половина, согласно городской картотеке, были местными[2].

Евреи — жертвы, вестимо, любимые: на них, для них, ради них не жалко ничего — ни выхлопного газа, ни пуль, ни кубатуры во рвах. На казнь везли с ветерком: кого-то — с газовым, в нескольких «газвагенах» («душегубках»)[3], кого-то — под расстрел — на обычных грузовиках. Шоферы намотали в эту ночь от 4 до 8 рейсов. Везли за 10–15 км по Московскому шоссе, а затем еще 3 км по грунтовке — в район деревни Магаленщина Карахоткинского сельсовета, где, на опушке Вязовеньского леса, заранее была приготовлена глубокая и длинная траншея. В нее-то и сбрасывали трупы из газвагенов, в нее же падали и тела тех, кого ставили у края и расстреливали, как и тельца малышни, бросаемой в ров живыми, словно кошки.

В цепи палачей, как оказалось, был и один... еврей (sic!) — Владимир Фридберг, скрывавшийся под фамилией Николаев. В мае 1945 г. он показывал военному трибуналу: «Я лично на машине выехал с 30 евреями <...> в лес, где уже была приготовлена яма. Всех 30 евреев выстроили лицом к яме, после чего немецкий офицер из жандармерии построил сзади в ряд полицейских, где был и я. Кроме полицейских, были построены и немецкие солдаты на расстоянии 60 шагов. По команде дали залп по евреям... Всех расстреляли одним залпом»[4].

Еврейское имущество в Садках досталось отчасти мародерам-соседям, а по большей части — мародеру-управе[5]. Мебель, утварь, одежда — всё было вывезено на специально организованный склад, а затем распродано «через комиссионные магазины на территории Смоленского округа. Этим занимались Г. Гандзюк, Г. Околович, А. Дилигенский при активном участии Б. Меньшагина[6].

Впрочем, распродано было не всё: на подарок ко дню рожденья Краатцу из комендатуры ваза «из еврейских вещей» всё же нашлась,

---

1 По Котову — 1800 чел. Близкая цифра — 1860 чел. — в: Смоленск социалистический. Смоленск, 1958. С. 163. ЧГК после освобождения Смоленска реконструировала персональный список из 1327 имен (см. ниже).

2 Остальные были беженцами из других оккупированных мест.

3 По сообщению С. Романова, задокументировано наличие в Смоленске как минимум двух таких машин.

4 *Котов, 1990*. С. 48. В мае 1945 г. Фридберга-Николаева повесили.

5 Имеются свидетельства о том, что Меньшагин, Гандзюк и несколько полицейских приезжали 15 июля в опустевшее гетто, где разогнали толпу потенциальных мародеров из местных жителей. См., в частности, допрос А. И. Парфилова, 1926 г.р., бывшего жителя Садков, переселенного в Рачевку (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 1092. Л. 35–36) или А. И. Петровой (см. в статье М. Дэвида-Фокса).

6 *Котов, 1994*.

и Меньшагин пишет об этом совершенно спокойно, — походя и буднично[1].

Уцелел тогда — чудом! — всего один-единственный еврей-очевидец[2] — 14-летний Володя (Вейвл) Хизвер[3]. В списке расстрелянных в этот день значится его мать, 40 лет, под фамилией Хизберг, но без указания имени и отчества[4].Она же — Ханна Черномордик. Отец, Земмелий

---

[1] См. наст. изд., с. 483.

[2] Рассказ Евгения Ивановича Вакулюка (1930–2018) о том, как и он чудесным образом пережил ликвидацию гетто и назавтра встретил на улице Ленина еврея-закройщика по фамилии Белосток, рассказавшего ему об «эвакуации узников гетто в Слоним» (см., например: *Агранат З.* Помнить... И никогда не забывать. Смоленск, 2011. С. 43–48), не достоверен. Подробнее всего этот рассказ задокументирован в видеоинтервью Фонда Спилберга №2010.445.23 от 12 июля 2014 г. (см. URL: https://youtu.be/uuksHw_uj94). Из интервью явствует то лишь, что 11-летний Вакулюк вместе со старшей сестрой и отцом, Иваном Ивановичем Вакулюком, русским по национальности, проживал в Смоленске в статусе русского. Регулярно посещая в гетто свою мать, Эсфирь Ильиничну Качурину, 42-летнюю медсестру, он активно занимался контрабандой муки в обмен на ювелирные украшения и, возможно, вещи.

[3] Хизвер Владимир (Вейвл) Зиммелевич (10 августа 1927 г., Смоленск — 15 ноября 2002 г., Смоленск; Котов называет его Иосифовичем). В 1941 г. окончил семилетку. Счастливо избежав смерти во время ликвидации гетто, был принят и спасен в семье Я.П. Гредющко, столяра и друга его отчима (версия сайта «Смоленский некрополь» иная: «Переправившись через Днепр, встретился с окруженцем, командиром Красной Армии Н.П. Гринцевичем» — см.: URL: http://www.smolnecropol.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=531:hizver&catid=76:selifonovo). Вскоре у Гредюшко объявился и сам отчим — Иосиф Хизвер, командир Красной армии и то ли окруженец, то ли освобожденный из плена узник дулага № 185 в Вязьме. Взяв Володю, отчим организовал партизанский отряд, влившийся во 2-ю Клетнянскую партизанскую бригаду под командованием А.Н. Галюги и Т.М. Коротченко. Юный партизан Хизвер был связным и разведчиком, ходил на выполнение боевых заданий, участвовал в засадах. После того как в октябре 1943 г. бригада соединилась с регулярными частями Красной армии, его направили в Суворовское училище. Как суворовец Хизвер участвовал в Параде Победы в Москве 24 июня 1945 г. После войны окончил военное училище в Ленинграде, командовал взводом. В 1956 г. в связи с сокращением Вооруженных Сил СССР был уволен в запас в звании старшего лейтенанта. Вернувшись в Смоленск, работал электриком, а после окончания техникума легкой промышленности — на трикотажной фабрике. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени (1985), медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени. Похоронен на Селифоновском кладбище под Смоленском.

[4] Список, реконструированный ЧГК по расспросам граждан освобожденного Смоленска, насчитывал 1327 имен (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 1092. Л. 55 — 87 об.). См. публикацию этого и небольшого другого списка в: *Агранат З.* Помнить... И никогда не забывать. Смоленск, 2011. С. 49–96.

Хизвер, ушел из семьи, когда Володе было три года. Он перебрался в Калинин[1], дослужился до высот на чиновничьей службе, а когда началась война — очень быстро призвался и так же быстро погиб. А у Володи вскоре появился отчим, он же родной дядя, и даже фамилию не пришлось менять.

Глазами Володи Хизвера ликвидация выглядела так:

> Началось ночью, где-то в первом часу, когда все мы после изнурительного рабочего дня спали. Вначале появились автомашины и рассредоточились по проулкам и между домами. Никто этому не придал особого значения, не обратил внимания. Уснули. Вдруг меня тормошит мама: «Володя, Володя, проснись...» Открываю глаза, встаю... С улицы доносится шум, слышатся вопли женщин, крики детей. Что происходит? «Нас выселяют», — сказал кто-то. Куда, почему ночью?.. Часа в три ночи ворвались в наш дом: «Выходите! Быстро выходите! С собой взять только одежду...» Вижу немецкого жандарма с бляхой на груди и полицейских с карабинами. Толкают в спину прикладами, гонят на улицу.
>
> Гетто очищали поэтапно. Очистят столько-то домов, сгонят к перекрестку улиц на площадь, освещенную фарами автомашин, построят. Отделяют крепких мужчин и уводят. Остальных грузят в автомашины, увозят...[2]

Выйдя на улицу, Володя с мамой оказались возле откоса холма, спускавшегося от Садков к нефтебазе, склон которого представлял собой большое картофельное поле: «Мы видели, как сажали в “душегубки” женщин и детей. Вот скоро и наш наступит черед... Какое-то оцепенение, безразличие сковало душу. Мама тихо плачет... Вдруг она говорит мне: “Володенька, сынок, беги, беги, родной...” Я оглянулся, поблизости нет охраны, и рванулся к картофельному полю. Метров восемь, может, больше, пробежал и упал в борозду, прополз чуть и замер, уткнувшись в землю. Так я пролежал до утра и почти весь день, пока всё стихло. Ничего больше не видел, только слышал крики, шум, да гул моторов нагруженных людьми машин, уходивших из гетто»[3].

Осмелев, Володя Хизвер прополз по борозде вниз, почти до Новомосковской улицы, возле самой нефтебазы. Отряхнув землю и перебежав улицу, вышел к Днепру и, перейдя по мосту реку, стараясь не попадаться никому на глаза (страшно боялся!), пошел в город. Но мальчишеский его подбородок при этом по-прежнему словно вжимался в картофельные

---

[1] Вообще Хизверы были из Калинковичей в Белоруссии. У Земмелия было 8 братьев и одна сестра.

[2] *Котов, 1990.*

[3] Цит. по: *Котов, 1990.*

кусты, а в ушах застряли крики и плач евреев, рев моторов газвагенов и грузовиков, равнодушно-лающие команды немцев и матерные — глумливые — русских.

Впрочем, обнаружился источник, из которого следует, что в ночь ликвидации уцелел, возможно, не один Хизвер.

А именно: евреи в Смоленске содержались не в одном только гетто, но еще и в лагере организации «Тодт», размещавшемся в здании смоленской железнодорожной больницы. Об этом прямо писал, — ни на что, разумеется, не ссылаясь, — Л. Котов: «Гитлеровцы весной 1942 года в Смоленске и близ него развернули крупные военно-строительные работы, особенно в Красном Бору и близ Гнездова. Эти работы велись военно-строительной фирмой “Тодт”. На строительстве использовались, помимо немецких специалистов, советские военнопленные, поляки и евреи, доставленные из Варшавского гетто, из Витебска, Орши и других мест (около 2 тыс. человек). К ним же были приобщены около 200 евреев-мужчин, отобранных в Смоленском гетто. Кстати, как свидетельствуют очевидцы, евреи из Варшавского гетто, содержавшиеся в недостроенном здании смоленской железнодорожной больницы, были одеты в форму польских солдат[1]. Их расстреляли гитлеровцы, но где? Скорее всего — в Козьих Горах»[2].

Последнее предположение настолько фантастично, что недоверие, подкрепленное стандартным для Котова отсутствием ссылок, невольно распространялось и на остальное. Во всяком случае, ни в одну энциклопедическую статью это утверждение не просочилось, если не считать сайт Яд-Вашема, где можно прочесть: «После ликвидации гетто в живых были оставлены около 200 мужчин, труд которых использовался для строительных работ. Их уничтожили поздней осенью 1942»[3].

Но недавно встретился другой, независимый от неназванных котовского и ядвашемовского источник с очень близким содержанием. Это свидетельство П. И. Кесарева, врача гражданской больницы, о том, что часть польских евреев — ремесленников-мужчин — до самой зимы еще была в живых:

> Они работали в немецких частях и главным образом отстраивали здания для гестапо и новое здание железнодорожной больницы, которое было около моста. <...>
>
> Иногда в городскую больницу привозили этих больных или на осмотр к врачам в амбулаторию. Они проработали до октября или ноября. Когда

---

[1] Никто ведь за язык не тянет, но наш историк-патриот просто не может не замолвить от себя словечко в пользу сталинско-меркуловской фальшивки!

[2] *Котов, 1991.* С. 46.

[3] См.: https://www.yadvashem.org/ru/righteous/stories/smolensk.html.

> они кончили, их там же на участке работ расстреляли и там же закопали. Там, вероятно, больше тысячи человек было[1].

Всё это заставляет нас пересмотреть наши знания о Холокосте в Смоленске.

Еврейская жизнь: Володя Хизвер

...Вернемся к Володе Хизверу, вернемся в ту страшную ночь.

Никакого плана у мальчишки не было, и ноги сами понесли его навстречу спасителям и спасению: «...он благополучно добрался до Днепра, прошел берегом до переправы, оказался на левобережье, в южной части города. Куда идти? Дом возле Сенной площади, где жили до войны, сгорел, соседи разбрелись. Оказавшись возле Чертова рва за улицей Запольная, увидел домик. Вспомнил, что тут он бывал со своим отчимом до войны, здесь жил его товарищ по работе. Постучался. Семья столяра Гредюшко приняла мальчика. Накормили, спрятали. Володе повезло и дальше. Через несколько дней неожиданно сыскался отчим, бежавший из плена. Они вместе покинули Смоленск, ушли в Монастырщинский район. Там случайно встретились с партизанской группой Грицкевича. Началась другая жизнь — Володя стал партизаном 2-й Клетнянской партизанской бригады»[2].

Отчим Володи был ранен и пленен под Вязьмой (одну руку ему ампутировали). Вариант с побегом, — да еще с учетом расстояния между городами, — представляется не самым реалистичным. Выдав себя за белоруса, он, по всей видимости, получил в вяземском дулаге аусвайс и направление в Смоленск, куда и вернулся.

По окончании войны он жил в основном в Калинковичах, изредка наезжая в Смоленск. Умер в начале 1970-х, а его безжизненная рука-протез в черной перчатке страшно пугала внука-малолетку Алешу, когда тот появился на свет. Под конец жизни он выпивал, а выпивая — давал крыше немного ехать: без умолку говорил о войне и о том, что он — Герой Советского Союза.

Но партизаном он точно был, как был им и Володя Хизвер. Классический, чистопородный «сын полка», он был направлен после войны в Калининское Суворовское училище. Его лучшим другом-суворовцем стал

---

[1] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VI. Оп. 2. Д. 32. Л. 7. Проживали они, разумеется, уже не в гетто, а на казарменном положении в здании бывшей железнодорожной больницы вблизи места работы. См. также: http://www.holomemory.ru/place/211/?region=2.

[2] Цит. по: *Котов, 1990.* История В. Хизвера задокументирована еще и в видеоинтервью Фонда Спилберга №20183-1-27 от 13 октября 1996 г. (см. URL: https://yadi.sk/d/WW9EzGnv5EXGRg).

одновзводник Алик (Альберт) Валуев, сын Якова Петровича Валуева — одного из первых лиц в послевоенном Смоленске[1]. Почему он отправил в Суворовское своего единственного сына, уже не уточнить, но, как бы то ни было, Володя неожиданно получил в его лице покровителя и опекуна.

На праздники или каникулы Валуев-старший забирал их обоих в Смоленск. Володя — этот символически последний смоленский еврей — стал для него, первого лица в городе, как бы вторым сыном[2]. Именно поэтому Хизвер в интервью Фонду Спилберга не просто помянул Валуева, а назвал его, — метафорически, — своим приемным отцом.

27 мая 1967 г. в Вязовеньках, на месте убийства и братской могилы смоленских евреев, была высажена лиственничная роща и установлен белый обелиск со следующей надписью: «ЖЕРТВАМ ФАШИЗМА. Здесь захоронены 3 тысячи советских граждан Смоленска, зверски замученных в гетто и расстрелянных в 1942 г. фашистскими варварами. Вечная память, вечный покой». В 2014 г. новая табличка конкретизировала национальность погибших: «Здесь захоронены 3 тысячи советских граждан еврейской национальности». В 2016 году у входа в мемориал со стороны шоссе был установлен мемориальный камень с надписью: «За этим камнем стонет земля. Здесь в 1942–1943 годах во время оккупации Смоленска фашистскими захватчиками были зверски убиты тысячи человек мирных жителей города и окрестностей, узников еврейских гетто, партизан и коммунистов, членов их семей, военнопленных». А 21 июня 2018 г. рядом с обелиском была открыта плита из черного гранита с выбитыми на ней 1413 именами замученных и погибших евреев.

Имен было бы как минимум 1414, если бы Володя Хизвер единственный не спасся бы в тот чудовищный день. Разыскать же потомков его спасителя, столяра Гредюшко, не удалось. А жаль: столяр явно заслуживал того, чтобы быть занесенным в почетный ряд «Праведников мира»[3].

---

1 Валуев Яков Петрович (1906–1994), советский и партийный деятель. Начало войны встретил в должности 1-го секретаря Ельнинского горкома ВКП(б), с апреля 1942 г. — руководитель Ельнинского подпольного райкома ВКП(б). После освобождения Смоленска — председатель Смоленского облисполкома. В 1946–1950 гг. — 1-й секретарь Смоленского горкома КПСС, в 1950–1957 — 2-й секретарь Смоленского обкома КПСС, в 1957–1968 гг. — зав. отделом административных и финансово-торговых органов обкома. Автор книги «Ельнинские грозы. Воспоминания секретаря подпольного райкома партии» (Смоленск, 2000).

2 Благодарю за эти сведения детей В. И. Хизвера — Алексея Алоина и Анну Фокину, а также разыскавших их Александра Никитяева и Александра Микерова.

3 Как заслуживала того же и Елена Васильевна Целуйко из Барановичей, без которой Басе Пикман, еврейке из Мозыря и ее подруге, оказавшимся по ходу неудачной самоэвакуации в Смоленске, ни за что бы не выжить. Выдав Басю за свою двоюродную сестру, Лена переложила ее в Целуйко Наталью Матвеевну. Для этого ей пришлось сходить на прием к Меньшагину: «Тот устроил ей настоящий

Лагеря для военнопленных

Еще один важнейший «узелок» для Меньшагина — это советские военнопленные.

Важно понимать, что Смоленск, наряду с Минском, был крупнейшим узлом концентрации и распределения многочисленных советских военнопленных в оперативной зоне группы армий «Центр». Здесь даже номинально перебывало 7 дулагов и 3 сборных пункта, а основательно закрепилось 3–4 дулага: начиная с августа 1941 г. — № 240, а начиная с сентября и на всё время оккупации — № 126, № 231 и еще один, с неуточненным номером. Если же фактически, полагерно и понедолгу, — то обособленных площадок было даже больше, если вспомнить, что между 21 ноября и 8 декабря 1941 г. в Смоленске дислоцировались еще и дулаги № 121 и 161.

Дулаги, строго говоря, это вовсе не лагеря, а номерные подразделения вермахта, специализированные на охране и содержании неприятельских военнопленных. Да, они предназначались для лагерного бытия, более того, они и впрямь становились лагерями, но не ранее того момента, когда будет развернута соответствующая инфраструктура. Считалось, что оптимальные вместимость и личный состав дулага — это 5 тыс. военнопленных и 100–150 сотрудников.

Подразделения это мобильные, знай себе поспевающие за линией фронта. Один и тот же номер лагеря подразумевал не одну, а несколько последовательных локаций, т. е. прыжки с одного места на другое, а нередко и с одного театра боевых действий на другой: из Франции на Украину, например. Смоленские дулаги не были исключениями: вслед за вермахтом они «докочевали» сюда из Польши — через Белоруссию и с многочисленными «остановками».

В каждой конкретной локации дулаг представлял собой транзитно-распределительный лагерь, причем в нем часто оказывалась и часть гражданского населения, в том числе и те лица в гражданской одежде, относительно «цивильности» которых у немцев были сомнения[1]. Впрочем,

---

допрос, а узнав, откуда она, заявил: “Раз ты из Барановичей, отец твой был коммунистом, и я велю тебя сейчас арестовать”. На что Лена ответила: “Ну и что? Люди говорят, что вы до войны тоже были коммунистом”. Видимо, она попала в точку, потому что комендант не нашелся, что ответить, и велел выдать для меня паспорт» (*Пикман Б.* Моя сестра Лена Целуйко // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Белоруссии в годы немецко-фашистской оккупации. Минск, 2007. URL: http://mb.s5x.org/homoliber.org/ru/kg/kg020302.html). Никогда не бывший коммунистом Меньшагин, конечно же, нашелся бы что ответить. Но он боялся провокаций и скорее всего настороженно, с острасткой присматривался к посетительнице, пока не счел ее не опасной для себя.

[1] Подозревать в них окруженцев были все основания.

встречались дулаги и априори смешанного типа, когда в лагере, хотя и раздельно, содержались и военнопленные, и гражданские лица.

Показательно, что ЧГК (как, впрочем, и население) явно не отдавала себе отчета во всех нюансах этой дифференциации. Тот же дулаг №231, хотя и фигурирует в перечне мест массового уничтожения советских граждан в Смоленске и Смоленской области, но ни его номер, ни его специфика именно как дулага в этом перечне никак не отразилась[1]. Дулаг №126, напротив, явно «вбирал» в себя в сознании людей все дулаги города и неизменно обозначался в советской отчетности как «концлагерь №126»[2].

Есть немало свидетельств того, что первые военнопленные и, соответственно, лагеря для них появились в Смоленске чуть ли не в июле, в его конце. Военнопленные — да, а вот лагеря — нет: свидетели понимали под таковыми предшествующую дулагам ступень пленной голгофы — сборные пункты для военнопленных, подчинявшиеся непосредствено тем соединениям вермахта, которые этих людей брали в плен[3].

Первый же дулаг в Смоленске официально возник только 7 (а фактически — 10) августа 1941 г. — под №240[4]. Он состоял из двух изолированных лагерных пространств, или подлагерей (Teillager) — «Северного» и «Южного».

«Северный» располагался в районе совхоза «Печерск» — на перекрестье двух вылетных автодорог, ведших к Минскому шоссе. Вместимость его бараков поначалу не превышала 500 чел., так что для дулага пришлось прирезать и охватить проволокой большую смежную территорию: в результате там помещалось до 12 тыс. чел., страдавших не только от тесноты, но и от отсутствия укрытий от непогоды и недостатка питьевой воды[5].

«Южный» же лагерь (немцы называли его иногда «Юго-восточным») находился во дворе, в невыгоревших подвалах и на первых трех этажах выгоревшего здания общежития Медицинского института, что на Рославльском шоссе.

На стыке октября–ноября 1941 г. суммарная вместимость дулага составляла около 15 тыс. чел. (5 тыс. в Северном и 10 тыс. в Южном лагере).

---

[1] Также не удалось идентифицировать номер дулага в Красном Бору (см. ниже).

[2] См., например, «Акт судебно-медицинской экспертизы» от 22 октября 1943 г. за подписью Н. Н. Бурденко и др. (ГА РФ. Р-7021. Оп. 44. Д. 637. Л. 2–3).

[3] Этот водораздел — между действующей армией и тыловыми службами — весьма существен.

[4] 27 июля 1941 г. он начал свое перемещение в Смоленск из Яблонны-Легионово (BA/MA. RH. 49/9. Bl. 71).

[5] В качестве укрытий монтировались авиационные ангары (одного хватало на 300–500 чел.), осенью строились и бараки. Из ближайшего пруда в лагерь проведен «трубопровод» в виде пожарной кишки.

За период с 8 по 22 октября дулагом было отправлено по железной дороге на запад 75 тыс. военнопленных, около 10 из них пытались бежать и были при этом убиты (в самом лагере побегов за этот период не было зафиксировано).

Планировались расширение и улучшение условий содержания в обоих подлагерях, но 9 или 10 ноября 1941 г. дулаг № 240 был передислоцирован во Ржев[1]. Его комендантом всё время пребывания был полковник Маленц, отчет которого поражает совершенно фантастическими описаниями заботы о нуждах военнопленных и их спорадической — ну буквально единичной! — смертности[2].

Дулаг № 240 по времени перехлестнулся с крупнейшим смоленским дулагом — № 126, передислоцированным сюда из Минска[3]. Он был открыт 16 сентября 1941 г., а закрыт — накануне оставления Смоленска[4]. В первое время его комендантом был майор Ритшер (Ritscher) при адъютанте — старшем лейтенанте Радтке и начальнике отдела «Ic» — лейтенанте Эттке Гиссе. Вторым комендантом стал полковник Франке, третьим — Гиссе. Первым русским комендантом лагеря был капитан-кавалерист Костромин, попавший в плен еще под Волковысском, а его заместителем — Зелинский. Костромина сменил Романенко. Первым начальником русской лагерной полиции был Григоренко, вторым — бывший председатель Износковского райсовета Смоленской области — Тимофей Азарович Долганов, а третьим — Тупицын: все они были патологическими садистами, но Долганов — в особенности[5].

Дулаг № 126 до 12 февраля 1941 г. был приписан к западному театру военных действий, где имел статус фронтового шталага под тем же номером. Между 12 февраля и 25 апреля 1941 г. он базировался в Альтенграбове в Рейхе и был приписан к XI военному округу, 13 марта был преобразован именно в дулаг, в каковом качестве пребывал до 16 сентября 1944 г., когда был преобразован в армейский сборный пункт № 41[6].

Как и дулаг № 240, № 126 состоял из нескольких изолированных площадок, или подлагерей. Так называемый «Большой» лагерь размещался

---

1 BA/MA. RH. 49/9. Bl. 71.

2 BA/MA. RH. 49/78. Bl. 2.

3 В Минске он был впервые зафиксирован 10 июля 1941 г.

4 Из Смоленска дулаг № 126 перекочевал в Оршу, а потом в Борисов. См. «Справку о массовом истреблении немецко-фашистскими захватчиками пленных бойцов и командиров Красной Армии, а также гражданского населения в Смоленском концлагере № 126» (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 1089. Л. 1–13; имеется план территории лагеря).

5 См. свидетельство Григория Моисеевича Итунина от 11 октября 1943 г. (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 1090. Л. 54 — 56 об.).

6 BA/MA. RH. 49/6. Bl. 104–109.

на обширной территории разрушенных военных складов РККА в районе Краснинского шоссе, у самой кромки тогдашней городской черты[1], а так называемый «Малый» — в Нарвских казармах[2].

Вместимость «Большого лагеря» составляла около 25 тыс. чел., помещения для военнопленных практически не отапливались и не освещались. Температурные и санитарные условия в лагере чудовищные, питание — отвратительное, на грани или за гранью истощения, свирепствовал тиф. Доходило и до трупоедства, за что карали виселицей[3]. Утверждается, что за время существования лагеря с 20 июля 1941 по 25 сентября 1943 г. здесь погибло порядка 60 тыс. советских военнопленных[4], т.е. полторы или две людности самого оккупированного Смоленска.

Этим советским данным — уникальный случай! — нисколько не противоречат немецкие! Так, в журнале боевых действий группы армий «Центр», в записи за 13 ноября, читаем о результатах инспекции дулага № 126: ежедневная смертность — около сотни трупов , главная причина — от истощения. Наличный состав военнопленных в лагере — 15 тыс. чел., что в 10 раз больше его нормальной емкости. При этом нет ни бараков, ни нар, ни соломы, ни печного обогрева. Рацион: 300 г хлеба, 100 г конины и 200 г картофеля или пшена. Никакое трудоиспользование столь обессиленных военнопленных невозможно. К 17 декабря смертность достигла уже 200–250 чел., в большинстве лагерей тыловой зоны — тиф[5].

Имелся в Смоленске и госпиталь для военнопленных, размещавшийся в двух корпусах, в конечном итоге осевший в здании фельдшерской школы на Киевском шоссе[6]: он существовал с 20 июля 1941 по 25 сентября

---

[1] Это район современной ул. Николаева, с северной ее стороны, между переулком Зои Космодемьянской и улицей Багратиона (бывшей Большой Чернушенской), на которой размещалось отдельное здание управления лагеря.

[2] См. «Справку о злодеяниях и зверствах немецко-фашистских захватчиков в пересыльном лагере военнопленных № 126» от 11 октября 1943 г. (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 1090. Л. 1–24). Главврачами (оберштабарцтами) лагеря были последовательно майоры Заксе и Гивак. Начальником санслужбы лагеря (фактически русским комендантом) был Богданов, а его заместителем Костеренко.

[3] А.И. Валобуев рассказал о публичной казни четырех таких трупоедов в ноябре 1941 г. (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 1090. Л. 48). В дулаге № 203 военнопленных-каннибалов расстреливали (*Hartmann, 2001*. S. 157. Запись за 21 января 1942 г.)

[4] С разбивкой по отделениям: 45 тыс. в «Большом» и 15 тыс. в «Малом» лагерях. См. «Акт судебно-медицинской экспертизы» от 22 октября 1943 г. за подписью Н.Н. Бурденко и др. (ГА РФ. Р-7021. Оп. 44. Д. 637. Л. 2). См. также: *Костюченков, 2011*, со ссылкой на: ГАСО. Ф. 1630. Оп. 2. Д. 29. Л. 104–111.

[5] BA/MA. RH. 19 II/121. Bl. 57–67.

[6] Первый — хирургический — корпус находился в здании фельдшерской школы, а второй — смешанный — в недостроенном здании акушерско-гинекологической школы.

1943 г. Здания могли вместить не более 1000–1600 чел., но реально в них находилось единовременно до 4500[1].

Режим этого заведения намекал скорее на истребление, чем на лечение. Рацион — баланда и 200 г хлеба с опилками, врачебный уход как таковой отсутствовал, условия — антисанитарные. Здание не отапливалось, во многих окнах не было стекол; лежачие больные и раненые лежали прямо на полу. Не узники, а скелеты, обтянутые кожей. С декабря 1941 по август 1942 г. здесь царила эпидемия тифа. Считается, что в госпитале умерло или погибло от селекции 20–25 тыс. военнопленных.

Немецким главврачом был штабарцт Хорс, часто во время обходов требовавший снимать повязки с ран — в надежде разоблачить укрывательство здоровых среди больных. Русским же главврачом был военврач А. Г. Сергеев, в прошлом главврач госпиталя для советских военнопленных в Минске[2].

Долгое время не был ясен административный статус госпиталя: был ли он самостоятельной единицей (при этом военная медицина была автономна по отношению к управлению по делам военнопленных вермахта) или относился к дулагу № 126? Имевшиеся свидетельства с русской стороны (в частности замечательные воспоминания М. В. Яковенко) говорили скорее в пользу подчиненности госпиталя дулагу. «Против» же свидетельствовала дата открытия госпиталя, более чем на 1,5 месяца опережающая открытие дулага № 126. Данные из отчета коменданта дулага № 240 от 25 октября 1941 г. однозначно решили этот вопрос в пользу самостоятельности лазарета[3].

Третий смоленский дулаг — № 231 — был задействован в группе армий «Центр» начиная с 1 июля 1941 г. Из Борисова, где он стартовал, проследовал сразу в Вязьму, а оттуда во второй половине декабря дулаг сдал назад, в Смоленск, где оставался до конца апреля 1942 г. Его комендантом был майор Йоханнес Гутшмидт (1876–1961)[4]. Его предшественник на посту коменданта — майор фон Штитенкрон (von Stietencrone) — 20 ноября

---

[1] См. соответствующую справку в: ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 1093. Л. 1–4, 9. См. также показания бывших военнопленных врачей и фельдшеров — А. Н. Смирнова от 28 сентября, Д. А. Норицына от 10 октября, В. А. Хмырова от 10 октября и А. И. Чижова от 10 октября 1943 г., а также В. А. Тютюнникова (Там же. Д. 1090. Л. 17, 29–29 об., 41–46 об.). Все они выделяли факт «охоты» на евреев как среди узников лагеря, так и в среде лагерного медперсонала. Чижов сообщал об использовании крови военнопленных и даже санитаров для выработки противотифозной сыворотки для немецких солдат.

[2] Из свидетельства хирурга А. И. Чижова от 3 октября 1943 г. (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 14. Л. 1–11).

[3] BA/MA. RH. 49/78. Bl. 6.

[4] См. публикацию фрагмента его личного дневника (BA/MA. MSg. I/257) в: *Hartmann, 2001*.

удостоился от фон Шенкендорфа в Вязьме личной инспекции, по-солдатски грубой выволочки и даже процесса в трибунале за то, что тот допустил смерть 4 тыс. военнопленных в своем дулаге[1].

Сам по себе дулаг был сравнительно небольшим (от нескольких сот до 2500 чел.), размещался на территории авиазавода № 35, но отвечал и за две внешние площадки на маршруте эшелонов в Рейх — пункты горячего питания в Гусино и Рудне[2].

Первоначальной задачей, поставленной перед дулагом №231, была помощь дулагу №126[3]. 19 января 1942 г. генерал-квартирмейстер Вагнер издал приказ о карантине во всех лагерях, где был зафиксирован тиф: это затронуло оба смоленских дулага. Но наступала не только эпидемия, но и Красная армия, из-за чего 10 января самого Гутшмидта назначили... командиром одного из участков обороны Смоленска![4]

В районе железнодорожной станции Красный Бор находился еще один смоленский дулаг, номер которого установить пока не удалось. Он просуществовал фактически всё время оккупации города. Пленные содержались в нем на нескольких площадках — в районе холодильника и складов БВО и возле самого поселка Красный Бор, дачного пригорода Смоленска. Вместимость каждой из площадок — всего от 300 до 1000 чел., но своего максимума население лагеря явно достигало на стыке 1941 и 1942 гг., когда через него в порядке транзита в тыл прогоняли колонны военнопленных из разбомбленных районов Брянско-Вяземского «котла» для погрузки на железную дорогу. По оценке ЧГК, в могильниках возле лагеря — останки около 12,5 тыс. красноармейцев, не доживших до отправки на запад, в шталаги Рейха.

Транзитный характер Смоленского куста дулагов реализовался в целой серии так называемых «маршей смерти» октября–декабря 1941 г., когда через город прогоняли многотысячные колонны обессиленных военнопленных на вокзал. Один из таких маршей — из «Северного» лагеря дулага № 240 — состоялся в ночь с 19 на 20 октября: наутро по маршруту следования было подобрано 125 трупов людей без каких бы то ни было признаков побега или иного сопротивления.

---

1 См.: IfZ-Archiv, MA 855, Bfh. Rückwärtiges Heeresgebiet Mitte, Abt. Ia, KTB; MA 856, Bfh. Rückwärtiges Heeresgebiet Mitte, Quartiermeister, KTB (Mai–Dezember 1941). Серьезных последствий это для него не имело, если не считать комендантского «обмена» дулагами с Гутшмидтом, до этого отвечавшего за дулаг №203 в Кричеве.

2 На 3 тыс. чел. каждый (*Hartmann, 2001*. S. 156).

3 BA/MA. RH. 3v/150. Bl. 7. См. также: BA/MA. RH. 49/9. Bl. 17–25. Задача помощи дулагу №126 отчетливо зафиксирована и в дневнике Гутшмидта, в записях от 3 и 4 декабря 1941 г. (*Hartmann, 2001*. S. 155).

4 *Hartmann, 2001*. S. 157.

Военнопленных просто пристрелили за бессилие или медлительность.

Для смолян же, на чьих глазах всё это — и не раз — происходило, именно «марши смерти» были едва ли не самыми жуткими из преступлений оккупантов.

Высвобождение из плена

Одним из лейтмотивов воспоминаний, интервью и даже жалоб Меньшагина является тезис о вызволении им из плена, — а стало быть, и о спасении! — многочисленных советских военнопленных. Цифры, которые он при этом называет, варьируют от 2 до 4 тыс. чел.! И сам тезис, и цифры, на первый взгляд, довольно странные и сомнительные, но это только на первый взгляд.

Есть у этих утверждений самые серьезные основания. Массовое высвобождение (увольнение, или выведение из состояния плена) советских военнопленных, — как правило, с последующим переводом в другой статус, — действительно имело место, причем особенно интенсивно в самом начале войны.

Так, 25 июля 1941 г. был издан приказ генерал-квартирмейстера Э. Вагнера о высвобождении из плена представителей ряда «дружественных» национальностей — фольксдойче, прибалтов, украинцев, а также белорусов[1]. В официальной статистике Объединенного командования сухопутных войск среди освобожденных из плена фигурировали также румыны, финны, «кавказцы» и «туркестанцы»[2]. Согласно распоряжению Объединенного командования вермахта от 14 октября 1941 г., военнопленные подвергались проверке и сортировке на предмет их принадлежности к фольксдойче, украинцам, белорусам, грузинам или финнам[3].

Важной предпосылкой вывода их из статуса военнопленных являлось наличие у них семьи или близких родственников на уже оккупированной немцами территории (точнее, в ее тыловой части): к ним-то, в случае инициации хлопот и подтверждения сообщаемых сведений, отпускаемых и направляли с обязательством зарегистрироваться и трудоустроиться на родине (очень часто на месте их зачисляли в «хиви» — добровольные помощники вермахта, и использовали на разнообразных работах, не подразумевавших ношения оружия).

---

[1] Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтов: Статистические исследования / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. С. 334.

[2] BA/MA. RH. 3/v. Bl. 180.

[3] См.: *Gatterbauer H.* Arbeitseinsatz und Behandlung der Kriegsgefangenen in der Ostmark während des Zweiten Weltkrieges: Phil. Diss. Salzburg, 1975. S. 174, со ссылкой на: Dokumentationsarchiv des Österreichischen Wiederstandes in Wien. Nr. 8394.

Сами пленные, сидя за проволокой в лагерях, о таком шансе, разумеется, и не подозревали: в дулагах же этим занимались отделы «Ic» (разведка и контрразведка), в чьи обязанности входило выявление не только комиссаров и евреев (этих тоже «высвобождали» из плена, но фатально — для передачи в СД, т.е. отправки на тот свет), но и фольксдойче и других привилегированных. Привилегированное положение украинцев перед всеми остальными (кроме фольксдойче) всячески педалировалось; конец акции намечался на февраль 1942 г.[1]

Допускалась и нередко срабатывала «частная» инициатива. Например, когда кто-то из местного населения узнавал среди конвоируемых в дулаг или из дулага военнопленных своих мужей, сыновей и т.д. В таких случаях бесполезно было обращаться к администрации лагерей, но небесполезно — в городскую управу, к Меньшагину, наделенному правом обращаться в лагеря через 7-й отдел комендатуры, как правило, поддерживавший такие просьбы.

За время между 22 июня 1941 и 31 марта 1942 г. вермахт высвободил из плена в общей сложности 292 702 советских военнопленных, подавляющее большинство — в оперативной зоне группы армий «Юг» (246 727, или 84,3 %; в группе армий «Центр» — всего 32 001, или 10,9 %). В это число включены и фольксдойче (1718 чел., или 0,6 %), но подавляющее большинство — всё же украинцы (277 769 чел., или 94,9 %!)[2].

Десятки конкретных — с именами и судьбами — таких случаев приводит в воспоминаниях сам Меньшагин: например В. Кожуховский, А. Шламович, Сильницкий, врачи И. Н. Каменев, К. П. Зубков, Попов и Овсянников, фармацевт Будкина, медсестра Овчинникова, артисты Вдовенко, Спорышев, Кесаев и Гульковский, поэт Акульшин, шофер Н. Толкачев, пожарник Юрченко, переводчик Буйнов и др.

Но даже вместе с десятками не названных им все такие персональные случаи не потянут и на сотню. Откуда же тогда меньшагинские тысячи?

Как у бургомистра, у Меньшагина было собственное право хлопотать — в интересах города, нуждающегося в специалистах, — об индивидуальном переводе конкретных военнопленных из состояния плена в цивильный статус, с последующим предоставлением им работы в городских службах. Основания для этого были самые различные, причем трудоиспользование было не единственным.

Но не слишком ли смело приравнивать бумажное соучастие в бюрократической процедуре гордо звучащему «освободил из плена»?

---

[1] См. приказы командующего тылом группы армий «Юг» № 3924/41 от 25 и 27 декабря 1941 и 13 января 1942 г. (BA-MA. RH 22-119. Bl. 19).

[2] Далее — с гигантским отрывом — следуют эстонцы и «кавказцы» (BA/MA. RH. 3/v.150. Bl. 27).

Не банальная ли это «приписка»? И не чересчур ли это вообще — записывать на свой счет едва ли не каждого десятого высвобожденного военнопленного в оперативной зоне всей группы армий?

Полагаю, что нет: это реальная заслуга! Ни в каком другом крупном городе, находившемся под длительной немецкой оккупацией, высвобождение военнопленных не приобретало столь системного и массового характера. Конкурировал с ним разве что Р.К. Островский, обер-бургомистр Смоленского округа[1].

Иллюстрацией чему служит уже сам формуляр запросов, которые Меньшагин направлял — через 7-й отдел комендатуры — администрации дулага №126. В ГАСО, в фонде Смоленского городского управления имеется коллекция таких запросов и удостоверений советских военнопленных, датированных одним и тем же числом — 12 августа 1942 г.![2]

А о серьезности отношения Меньшагина к «контингенту» тех, кого он избавил от прелестей немецкого плена, свидетельствует следующий пассаж из его воспоминаний: «Существенное значение для освобожденных в свое время из плена имела замена имевшихся у них лагерных отпускных свидетельств на обычные гражданские документы. Замену эту я произвел в августе 1943 года, когда уход немцев из Смоленска стал вполне вероятным. Сделано это было из опасения того, что при отступлении немцы могут их вновь забрать в лагерь военнопленных. Опасения эти, по-видимому, не оправдались»[3].

Памяти жертв смоленских дулагов посвящено как минимум три мемориала. Самый крупный находится рядом с территорией бывшего «Большого» лагеря, на месте захоронений погибших в нем (на ул. Нормандии-Неман). Второй — на месте захоронения погибших в «Малом лагере» (в конце ул. Нарвской на склоне оврага). Третий — посередине между захоронениями погибших в лазарете для военнопленных и в лагере «Южный». Памятными знаками обозначены практически все места массовых захоронений военнопленных и мирных жителей на территории города. Два знака — на Большой Советской, на маршрутах от «Южного» и от «Большого» лагерей к вокзалу — напоминают о жертвах серии «маршей смерти» октября–декабря 1941 г.

---

1 См. в статье М. Дэвида-Фокса.

2 См. образчики в Документе №7. Визуальное представление об оригинале можно составить по иллюстрациям во вкладке 1, а также по факсимильной первопубликации («...Все судьбы в единую слиты...». По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков / Авт.-сост.: Н.Г. Емельянова, А.М. Дедкова, О.В. Виноградова, Г.В. Гаврилова, В.А. Кононов. Смоленск: Маджента, 2003. С. 18–19).

3 Раздел «Во время войны», главка «Накануне эвакуации и прощание с Базилевским».

А вот локации собственно лагерей пока никак не обозначены, хотя, как минимум, склады бывших Нарвских казарм и здание мединститута сохранились до сих пор.

Власов и «Смоленское воззвание»

Молва, а точнее концептуализированное домысливание приписывало начальнику Смоленска чуть ли не инициацию власовского движения: был он якобы, наряду с девятью другими видными горожанами Смоленска, автором адресованного самому Гитлеру меморандума о благотворности создания антибольшевистских русского правительства и армии[1].

Но, будучи всего лишь локальным гражданским ретранслятором немецкой оккупационной политики, Меньшагин, разумеется, и близко не был посвящен в ее особенности, в ее импульсы и тонкости, в ее токи и противотоки и менее всего в ее отражения в Берлине. Хотя все ее колыхания и дуновения неизменно отзывались на его бургомистерской шкуре[2], даже если он и не осознавал их источники и связи.

Вот два любопытных эпизода.

Первый — это встреча с генералом фон Шенкендорфом в ноябре 1941 г.:

> У себя в кабинете я обнаружил Б. В. Базилевского, разговаривавшего с толстым старым генералом. <...>
>
> Оказалось, что это главнокомандующий тыловой области Mitte генерал от инфантерии фон Шенкендорф посетил горуправление. Базилевский представил ему меня; он задал несколько каких-то вопросов, помню лишь, что он неоднократно повторял: «Население надо кормить!» Я пытался пожаловаться на то, что с кормежкой этой обстоит дело плохо, но от него, кроме повторения этой фразы, ничего добиться не мог. Затем Шенкендорф вместе со мною обошел все отделы горуправления, простился и отбыл.

Контекст генеральского рефрена ускользнул от Меньшагина. Между тем у фон Шенкендорфа, как и у обоих фельдмаршалов, фон Бока и фон Клюге, были схожие представления о «правильной» немецкой политике на оккупированных территориях. Голодная и холодная зима 1941/1942 г., реквизиции продовольствия у населения, обхождение с военнопленными и евреями к весне 1942 г. добили последние остатки доверия населения к немцам. И если симпатия населения — ценность, то откуда же ей тогда браться?

---

[1] *Стеенберг С.* Андрей Андреевич Власов. Мельбурн: Русский дом в Мельбурне, 1974. С. 46.

[2] Той самой, выспаться на которой грозился генерал-чекист Волошенко в 1945 г. (см. в наст. изд., с. 532).

Шенкендорф понимал, что одного-единственного лозунга немецкой пропаганды — «освобождение от большевизма!» — уже недостаточно, что население начало осознавать, что дело клонится не к свободе, а к новому рабству. Поэтому он выступал не за постепенную, как Розенберг, а за ускоренную ликвидацию колхозов, за религиозные свободы, — выступал за то, чтобы перестать быть для России «злой мачехой», а показать русским, что же такое навязываемые им «культурная Германия» и «новая Европа» — экономически.

Действительность же имела крайне мало общего с этими благоглупостями. То море, нет, тот океан советских военнопленных, которых принесли многочисленные котлы лета и осени 1941 г., порождал лишь горы трупов — к концу 1941 г. уже более двух миллионов красноармейцев, погибших в плену. Но и живых оставались миллионы, и возникал вопрос: что с ними делать?

В конце 1941 г. генерал фон Бок, командующий группой армий «Центр», даже написал Гитлеру письмо с предложением организовать из советских военнопленных русскую антисталинскую добровольческую армию тысяч так в двести штыков. В ответ же получил сердитый щелчок по носу и отповедь от Кейтеля: не командующих группами армий ума это дело, это — политика! Знай свой шесток, то бишь штабок!

А вскоре фон Боку пришла и увольнительная: 18 декабря в Смоленске его сменил фельдмаршал фон Клюге — с такими же, впрочем, взглядами.

Но когда в июле 1942 г. в немецкий плен угодил Власов, шелковый и податливый, Кейтелю всё же пришлось заново обсуждать с Гитлером и транслировать вовне отношение фюрера к мягким и заводным русским игрушкам. Фацит: генерал Власов — это кукла, но она тогда хороша, когда это наша, немецкая, кукла, когда это наша пропаганда и наша игра, но никак не русская, будь она хоть сто раз антисталинская! Никаких заигрываний, никакой собственной власовской, т. е. русской и национальной, пропаганды допускать не сметь! И в войсках поосторожней — никаких чисто русских дивизий или полков: русские — не выше батальона![1]

Бдительные немцы, однако, едва не прозевали эту же самую опасность, но закравшуюся не от чужих, а из собственных рук — прямо в армию или в оккупационные гражданские администрации: ее носителями оказались двуязычные русские эмигранты, нанятые самими немцами для работы на востоке в качестве переводчиков или чиновников-администраторов. Называлась эта опасность НТС — Народно-трудовой союз, пассионарная политическая организация молодых русских эмигрантов первой волны.

---

[1] Об отношении Гитлера к власовскому движению см.: *Двинов Б.* Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950.

Основанный 1 июня 1930 г. на Первом съезде представителей Русского союза национальной молодежи в Белграде, на Втором своем съезде в конце 1932 г., в том же Белграде, стал именоваться Народно-трудовым союзом нового поколения: принимали в него только молодежь — родившихся не ранее 1895 г. В 1943 г. вернулись к старому обозначению — НТС, а штаб-квартира организации при этом скрытно переместилась из Белграда в Берлин.

Концептуально НТС опирался на идеи корпоративного государства, или солидаризма, стратегически — преследовал цели свержения коммунистической власти в СССР, тактически — искал союзников и опирался то на Генеральный штаб армии Польши, то на различные организации Третьего Рейха. В еврейском вопросе НТС имел собственную позицию — антисемитскую, но не людоедскую: убивать жидов в новой России не надо, а вот поместить их в новую черту оседлости или, как вариант, вышвырнуть вон из страны (разумеется, без капитала) — надо. С этим отклонением от национал-социалистической доктрины немцы еще могли бы смириться[1], а вот неблагодарный лейтмотив НТС — идея независимого Русского государства — на немецких штыках, но без немцев (в точности так же, как и без большевиков!) — вызывала явное раздражение, а подчас и гнев. Еще в 1942 г. явный приоритет «русских» задач НТС перед «немецкими» стал настолько очевиден и заметен, что с лета 1943 г. на НТС обрушились немецкие репрессии. В 1943–1944 гг. было арестовано около 150 членов организации, некоторые из них погибли в концлагерях, а тех, кто выжил, освободили только в начале апреля 1945 г. по просьбе А. А. Власова.

Еще А. Даллин отмечал, что НТС «сумел инфильтрировать почти все немецкие ведомства, занятые русским вопросом, и оказывать на них давление»[2]. Сетью из небольших ячеек он охватил практически всю оккупированную территорию СССР, а когда, вопреки всем опасениям, поднялся Власов, НТС превосходно спелся и сплелся с его РОА и КОНР, напитывая их своей идеологией и своими кадрами, практически взяв в свои руки работу пропагандистских и разведывательно-диверсионных школ в Циттенхорсте, Вустрау и Дабендорфе под Берлином.

В Смоленске НТС определенно симпатизировал и покровительствовал Меньшагин, при обыске у него дома была найдена и их литература. Интересно, что члены Союза проживали здесь компактно, как

---

1 Она очень близка к их собственной на этапе планов «Мадагаскар» или «Люблин» (см.: *Полян П.* Недостающее звено в предыстории Холокоста. Размышления над перепиской Эйхмана и Чекменева ценой в два миллиона жизней // Полян П. Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования о Катастрофе. М.: РОССПЭН, 2010. С. 9–36).

2 *Dallin A.* German Rule in Russia. London: MacMillan, 1957. P. 526.

бы колонией, — в нескольких домах по Годуновской улице[1]: в доме 17, в квартире Г.С. Околовича[2], был их неформальный штаб[3], а у артистки В.В. Либеровской[4] — неформальный клуб. Резидентом смоленской ячейки поначалу был В.В. Брандт[5], а после его смерти руководство перешло к тройке из Околовича, Гандзюка и Алферчика[6].

Ну а сам Власов отметился в Смоленске еще задолго до РОА. Идея манипулируемой русской антисталинской армии оказалась живучей, и всегда находился в Берлине кто-то, готовый будировать ее на верхах. Но самый ход ее реализации только подчеркивал блефовость, липовость и липкую пропагандную начинку самой «идеи».

Ее первой реинкарнацией в конце 1942 г. стал фиктивный «Русский Комитет», во главе которого нарисовали Власова. В этом контексте

---

1 Совр. ул. Тухачевского.

2 Околович Георгий Сергеевич (1901, Рига — 1980, Дармштадт), российский эмигрант, один из руководителей НТС, возглавлял закрытые операции. В августе 1938 г. перешел советско-польскую границу и через 4 месяца вернулся. Во время войны вел подпольную работу в СССР, работал в городских управлениях Смоленска и Орши. В Смоленске занимал последовательно должность начальника отделов очистки, топливного и транспортного. 13 сентября 1944 г. был арестован гестапо, выпущен 4 апреля 1945 г. по ходатайству А.А. Власова. В 1950-е гг. агентами КГБ было совершено несколько неудачных попыток покушения на Околовича. С 1961 г. — председатель Исполнительного бюро НТС. В 1961 г. обнаружил и обезвредил бомбу, заложенную советскими агентами в строящееся здание издательства «Посев». В 1962–1970 гг. возглавлял издательство «Посев» во Франкфурте-на-Майне.

3 Сообщено С. Зверевой; по другим данным — члены НТС проживали в Смоленске в домах № 12, 19, 21 и 24 по Годуновской улице (BA-MA. RW 4/254. Bl. 356–357).

4 Либеровская Вера Владимировна (1885, Астрахань — ?), актриса и режиссер Смоленского областного театра драмы. До войны исполняла роли Хлестовой («Горе от ума»), Екатерины Ивановны («Мать своих детей» А. Афиногенова), Галчихи («Без вины виноватые» А.Н. Островского) и др. В мае 1942 г. возглавила театр (основная труппа успела эвакуироваться — в Красноуральск, а потом в Муром, вернулись в Смоленск 22 сентября 1944 г. — ?). Вместе с дочерью, пианисткой и преподавателем 1-й музыкальной школы Евгенией Алексеевной Колосовой, держала салон для русских «берлинцев» (т.е. членов НТС). Арестована 31 июля 1945 г. в Гродно, 15 ноября приговорена в Смоленске к 5 годам тюрьмы. Реабилитирована в 1993 г.

5 Брандт Владимир Владимирович (10.07.1892, Тульская губ. — 11.03.1942, Смоленск, умер от тифа).

6 После войны центрами НТС служили лагеря для перемещенных лиц в Мёнхенхофе под Касселем (1945–1947), Лимбурге (1947–1952), а затем Франкфурт-на-Майне (1952–1991). НТС издавал на русском языке и переправлял в СССР книги, журналы («Грани», «Посев») и газеты («Посев» и «За Россию»). В 1991 г. деятельность НТС в СССР была легализована, и ее штаб-квартира переместилась в Москву. См. также: *Полян, 2002*. С. 444–445.

русское управление а ля Меньшагин и русская антибольшевистская риторика а ля Власов виделись тому же Шенкендорфу важным оружием в борьбе строгих, но справедливых оккупантов за симпатии растерянных и отчаявшихся оккупированных. Поэтому он привечал Власова, встречался с ним, покровительствовал его поездкам по своей зоне в конце февраля — начале марта в 1943 г. с лекциями-байками о русском национальном государстве-мираже — без Сталина и большевиков.

В поездках его сопровождал — в качестве продюсеров и переводчиков — дуэт из подполковника Шубута и капитана Петерсена. 3 марта Власов был в Смоленске, выступал в гортеатре, но свидетельств его встречи с Меньшагиным нет ни одного. И вот вам второй эпизод — 14 декабря 1942 г., описанная Меньшагиным встреча с Шубутом в штабе фон Шенкендорфа. Для начала его попросили «ознакомиться с одним документом», каковым оказалось «обращение к народам России от имени организационной группы “Комитета по освобождению народов России”. Подписано оно было генерал-лейтенантами Власовым и Жиленковым и генерал-майором Малышкиным».

Немного удивляет, что Меньшагин перепутал мифический «Русский комитет» с реально существовавшим, но много позднее возникшим КОНРом. Но это и извинительно: ведь после Смоленска и Бобруйска работодателем Меньшагина был именно КОНР.

Продолжим цитату:

> Точного содержания этого обращения я не помню, но его антисоветская направленность несомненна.
>
> Вскоре я был приглашен в соседнюю комнату — кабинет майора Шубута. <...> Шубут спросил, согласен ли я с мыслями, содержащимися в обращении Власова и, если да, то не подпишу ли я его? Я подтвердил свое согласие и подписал обращение. На этом наш разговор окончился, и я ушел[1].

Сохранилась фотография, где Меньшагин — сугубо предположительно — запечатлен в момент подписания «Смоленского воззвания»: бургомистр, — возможно, в кабинете Шубута, — тут не один, а в обществе одного немецкого пехотного офицера[2], еще одного немца в штатском и трех своих сотрудников[3].

---

[1] См. в наст. издании, с. 486.

[2] Лейтенанта или капитана, с Железным Крестом I класса, полученным за Первую мировую войну.

[3] Из них наверняка в лицо мы знаем только одного — начальника отдела управы Г.И. Дьяконова (крайний справа, под портретом Гитлера), а остальные — это предположительно секретарь Е.К. Юшкевич (или переводчица М.Л. Гринцевич), вице-бургомистр В.В. Мочульский (?).

Интересно тут всё, начиная с даты подписания — 14 декабря. Меньшагин вспоминал, что его подпись была уже четвертой — вслед за подписями Власова как председателя, Малышкина как его секретаря и Жиленкова. Малышкин на допросе 2 апреля 1946 г. показал, что Жиленков, Благовещенский, Меньшагин и Зыков значились членами «Русского комитета» и их подписи также стояли под воззванием[1].

Это означает или еще одну неточность памяти Меньшагина, или же то, что воззвание подписывалось дважды — один раз с Меньшагиным и другой — без него. Потому что 27 декабря 1942 г. — и, разумеется, в Берлине (точнее, в Дабендорфе[2]) — состоялось официальное подписание так называемого «Смоленского воззвания».

Однако в итоговом варианте из 13 пунктов, утвержденном 12 января 1943 г. А. Розенбергом, остались всего две подписи — Власова и Малышкина[3]. 18 января 1943 г. воззвание — в виде печатной листовки «Почему я борюсь с большевизмом» — было запущено в пропагандистский оборот. Сотни тысяч печатных его экземпляров были разбросаны по всему периметру фронта (но только за его линией) в качестве идеологической наживки для бойцов РККА.

Но, судя по скорым уже результатам Сталинградской битвы, — не сработало.

Тем не менее, ставя свою подпись под власовским воззванием, Меньшагин ощутил себя на совершенно ином уровне причастности и принял как должное свою принадлежность к некоему, пусть и мифическому, органу — «зародышу будущего русского правительства»[4].

---

1 Меньшагина как сотрудника КОНР Малышкин упомянул также и на допросе от 24 апреля 1946 г., а Жиленков — на допросе от 5 мая 1946 г. (Генерал Власов: история предательства: В 2 т. и 3 кн. Т. 2. Кн.1: Из следственного дела А. А. Власова / Под ред. А. Н. Артизова и В. С. Христофорова. М.: РОССПЭН, 2015. С. 695, 696, 731, 778). О Меньшагине как о подписанте воззвания говорится и в некрологе, вышедшем в журнале «Посев» (1985. № 1).

2 Дабендорф — деревня в 40 км от Берлина. Здесь в начале 1943 г. был открыт пропагандистский и разведывательно-диверсионный учебный центр РОА (формально «Отдел восточной пропаганды специального назначения»), кузница власовских кадров.

3 Подробнее см.: *Петров И.* Заметки на полях: Бобров, Филистинский, Меньшагин. URL: https://labas.livejournal.com/889938.html См. также: *Александров К. М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945. 2-е изд. М., 2009. С. 94, 267, 319.

4 Своему секретарю он говорил, что собирался в Берлин по этим делам. Ей же он доверительно признавался в своих якобы монархических взглядах. Не желая присутствия немцев в России после войны, он полагал, что с ними можно и нужно мириться теперь, но затем — придется повести и с ними, как и с большевиками, борьбу "за восстановление русской монархии". Кроме пункта о короне, это довольно близко к платформе НТС, чем, возможно, и объясняется близость Меньшагина к живым НТСовцам.

Катынь и Аушвиц

Первые слухи о расстреле польских офицеров НКВД весной 1940 г. близ Катыни стали достигать немецких ушей еще весной 1942 г. Но уши были явно не те, до «правильных» ушей Йозефа Геббельса они доходили чуть ли не год. Лишь 13 февраля 1943 г. в Катынском лесу были начаты раскопки, и только 29 марта началась массовая эксгумация трупов.

13 апреля о находке впервые сообщили радио и газеты. И уже 18 апреля Меньшагин стал свидетелем этих немецких работ, куда его и еще нескольких «своих» русских доставила машина Отдела пропаганды[1].

Все, знавшие Меньшагина, говорили, что о Катыни он вспоминал особенно скупо и неохотно, всегда почти одними и теми же словами и просил ничего не записывать. Тем не менее сохранилось несколько версий его рассказов об этом, из них наиболее развернутая — в составе «Воспоминаний о пережитом».

Другим очевидцем-летописцем стал смоленский комсомольский поэт Константин Долгоненков, он же редактор оккупационной газеты «Новый путь»[2]. До оккупации один из авторов областной газеты «Рабочий путь», теперь он с таким же энтузиазмом клеймил уже не кулаков[3] и троцкистов, а жидов и большевиков.

Его непосредственным начальством был не 7-й отдел, а Отдел пропаганды — главный устроитель этой экскурсии. Самые свежие впечатления от поездки он тотчас же запечатлел в газете, в статье, озаглавленной «Чудовищное злодеяние большевиков. Тысячи трупов польских

---

[1] Трясясь в автомашине Отдела пропаганды, он, разумеется, не мог догадываться, что на следующий день — 19 апреля 1943 г. — Президиум Верховного совета СССР издаст Указ, по которому он будет осужден через 8 лет!

[2] Долгоненков Константин Акимович (24.12.1895, Рославль Смоленской губ. — 04.04.1980, Мюнхен), смоленский комсомольский поэт, член Союза советских писателей с 1934 г. Участник травли смоленского поэта А.Т. Твардовского (*Твардовский А.Т.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1983. С. 330, 604) и критика А.В. Македонова (*Илькевич Н.Н.* «Дело» Македонова. Из истории репрессий против Смоленской писательской организации. 1937–1938 гг. Смоленск: Траст-Имаком, 1996. С. 26–27). В оккупации редактировал русскоязычную городскую газету «Новый путь». По советским данным, являлся штатным вербовщиком абвергруппы 103 (Структура и деятельность, 2011. С. 94). Эмигрировал в конце войны, в эмиграции жил под фамилией Доманенко, сотрудничал с парижской газетой «Русская мысль» (псевд. «К. Акимыч»), работал в Центральной организации послевоенных (по расхожей версии — политических) эмигрантов в Мюнхене (ЦОПЭ).

[3] Сохранилась его пьеса 1930 г. «Ребята. Кулаки и их уловки» (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 656. Оп. 1. Д. 1040).

офицеров — в глубоких ямах среди сосонника»[1] (она вышла уже в этот день![2]).

Вот концовка статьи:

> Сколько же здесь, в этой страшной зоне, лежит в земле человеческих тел? Сколько из нас легли бы здесь еще? Неизвестно. Но знай, весь мир, что таких зон НКВД по России — неисчислимое количество. В них лежат русские, поляки, латыши, литовцы, эстонцы... Вся Россия «от края и до края, от моря и до моря» была превращена большевиками по главе с обер-палачом Сталиным в зону смерти.
>
> Такую же зону возмечтал иудо-большевизм создать из всей Европы, из всего земного шара под грохот барабана «мировой революции» и торжествующий рев интернационального еврейства.
>
> Можно ли до этого допустить? Нет, нельзя.
>
> Злодейски умерщвленных большевиками уже не воскресишь. Но мы обязаны отмстить за них и обезопасить себя и своих детей полным и беспощадным уничтожением иудо-большевизма.
>
> В этом мы, русский народ, братски солидаризируемся со всей Новой Европой по главе с Великогерманией. Солидаризируемся полностью, искренно, безоговорочно.

Следом в том же номере шел анонимный материал «Евреи — убийцы польских офицеров», где утверждалось, что «данные следствия дают основания утверждать, что убийство пленных польских офицеров было произведено еврейскими работниками ГПУ. <...> Из четырех названных смоленских работников ГПУ три — бесспорно евреи...»

Тема Катыни доминирует и в следующих номерах газеты, потеснив само Воскресение Христово. Так, в выпуске за 25 апреля целая полоса отведена под статью «Этого нельзя забыть», датированную 23 апреля и написанную Н. Никитиным. Обербургомистр (управляющий) Смоленского округа, оказавшийся уроженцем Катыни, не был в той же делегации, что и Меньшагин, а скорее всего, посетил раскопки в другой день, вероятно, 23 апреля. Давая отпор Сталину и его пропагандистам, уже поделившимся с миром своей «догадкой» о том, что не советских, а немецких это рук дело, он сумел как-то обойтись без антисемитских клише.

Преступление сталинских палачей и его параноидальная чудовищность сегодня, пусть и сквозь зубы, но признаны Россией и закреплены в мемориальном музейном комплексе «Катынь», существующем, впрочем, с 1978 г., когда он манифестировал советскую версию о немцах-палачах. Рассуждениями в этом духе всё еще пробавляются разве что

---

1 Слова «сосонник» в русском языке нет, есть «сосенник» и «сосняк». И зачем поэту занадобился неологизм, да еще такой неблагозвучный, — загадка.

2 По крайней мере номер, в котором вышла его статья, датирован тем же 18 апреля. Иначе нам пришлось бы или заподозрить Меньшагина в неточности и сместить все события на сутки назад, или предположить, что Долгоненков уже выезжал на место.

сталинисты-маргиналы и мудрец Вассерман. Своеобразным форпостом ее тени служит установленный в 1983 г. памятный знак 500 мифическим советским военнопленным, выкапывавшим, согласно этой версии, рвы для нескольких тысяч трупов и расстрелянных после этого немцами (ни один из их трупов до сих пор не найден). А своеобразным противовесом нынешней (подчеркну: правдивой) версии — стала экспозиция о дурном польском обхождении с советскими военнопленными советско-польской войны 1920 г., глумливо навязанная именно этому месту волей Владимира Мединского, современного продолжателя главпуровских традиций.

...Возвращаясь в весну 1943 г., заметим, что не стоит упускать из вида и самих разоблачителей катынского преступления. Та весна — это именно то время, когда вспыхнуло восстание в Варшавском гетто и когда один за другим вступали в строй циклопические крематории в Аушвице-Биркенау.

Меньшагин и сотрудники Смоленской управы были не единственными, кто в эти дни лицезрел Катынские раскопки — доверительно и по-соседски. За считаные дни, прошедшие после выпуска в свет новости о Катыни, пропагандисты превратили место преступного расстрела в достопримечательность, а «экскурсионное бюро» Геббельса поставило дело на довольно широкую ногу, направив туда не только медийный, но и чуть ли не туристский поток.

Поражает комбинация из следующих двух документов.

Первый — это запись в дневнике хозяйственного руководителя Смоленской окружной организации «Тодт». 2 мая 1943 г. он заехал в напичканную штабами Катынь за литерами (бесплатными билетами) для своих отпускников:

> ...В Катыни пришлось ждать. Использовал время для осмотра могил убитых польских офицеров. Ужасная картина. Трупы лежат в огромных массовых могилах, грудами. Выкопанные трупы, — у части из них руки закручены за спиной проводом[1] — лежат рядом друг подле друга. У многих видна пулевая рана на затылке. Документы, деньги, часы и т.д. остались при них. Раскопки производят русские из гражданского населения, их обильно снабжают табаком и водкой. Невыносимый смрад заражает воздух. Трупы тех, чья личность установлена, перекладывают в другие могилы тут же, на месте. Для этой работы потребуется еще много времени. До сих пор установлена личность только 100 человек, и трупы их захоронены заново. Как нам сказал сопровождавший нас жандарм из полевой жандармерии, точное число убитых еще не установлено. Но, во всяком случае, их свыше 12000. У некоторых убитых русские рабочие, производящие раскопки, выломали золотые зубы. Ежедневно, с 14 до 19 часов, происходит осмотр массовых могил. Многие иностранные комиссии уже осмотрели их, в том числе также группа бывших польских офицеров.

---

[1] Возможно, дефект перевода: на самом деле — веревкой.

Они рассматривали трупы, не обронив при этом ни одного замечания. Они отказались выступить по радио, чтобы изложить свое впечатление. Всё это были чистокровные поляки, которые, наверное, еще не уяснили все ужасы большевизма[1].

Второй — это отчет руководителя группы “Ausland IIc” абвера майора фон Ширбрандта (von Schierbrandt) от 20 апреля 1943 г., где он писал об использовании уже вражеской пропагандой ставших ей известными фактов о Катыни и методов, применяемых в Аушвице.

В частности, Катынью и шумихой вокруг нее, сетовал он, мгновенно воспользовалось польское движение Сопротивления, издавшее издевательский плакат на польском и немецком языках в форме «Распоряжения №35 Главного управления пропаганды правительства Генерал-Губернаторства» со следующим текстом:

11 апреля с.г. Комитет представителей польского населения отправился в Смоленск для того, чтобы на месте удостовериться в чудовищности и преступности советских истребителей поляков. Тем самым польскому населению станет очевидно, сколь это было бы ужасно, если Советам удалось бы вторгнуться на польские территории, оккупированные немцами. В этой связи, по распоряжению Главного управления пропаганды правительства Генерал-Губернаторства, в ближайшее время для представителей всех проживающих в нем народов будет организована ознакомительная поездка в концлагерь Аушвиц. Эта поездка послужит доказательством того, насколько гуманнее, по сравнению с большевистскими методами, являются немецкие приспособления, с чьею помощью осуществляется массовое уничтожение поляков немцами. Немецкая наука проявила здесь высоты европейской культуры: вместо скверных и примитивных методов ликвидации неудобного населения здесь можно видеть газовые и паровые камеры, электроплиты и т.п., с чьею помощью тысячи поляков в кратчайшее время и способом, подобающим чести немецкого народа, будут препровождены из состояния жизни в состояние смерти. Достаточно указать на то, что один только крематорий в течение суток способен переработать 3000 трупов.

На летние месяцы намечаются новые экскурсии в спецпоездах в концлагеря Маутхаузен, Ораниенбург, Дахау, Равенсбрюк и др.[2]

Что ж, отдадим должное оперативности и проницательности поляков, но в особенности — их феноменальной макаберности и саркастичности.

Укажем на «упущения» и от себя. Ведь прямо на месте, близ Катыни и Смоленска, находятся такие достопримечательности, как психбольница

---

[1] ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2187. Д. 230. Л. 48.

[2] Das Amt Ausland/Abwehr im Oberkommando der Wehrmacht. Eine Dokumentation / Materialien aus dem Bundesarchiv. Hf. 16. Bearbeitet von N. Müller unter Mitwirkung von H. Kaden, G. Grahn, B. Meyer u. T. Koops. Koblenz, 2007. S. 346–347.

в Гедеоновке, где в январе 1942 г. газвагенами ликвидировали весь ее контингент, или братская могила у села Александровского, где 24 апреля 1942 г. расстреляли около 200 цыган, или же целый ров в Вязовеньском лесу близ деревни Магаленщина, куда 15 июля того же года попáдало около 2000 узников Смоленского гетто.

Во время войны: после Смоленска

Начальник Бобруйска

20 сентября 1943 г. Меньшагин с семьей покинул Смоленск, бургомистром которого пробыл почти 26 месяцев!

А 26 сентября в город вошла Красная армия.

Меньшагин получил назначение в Бобруйск — на должность начальника города[1], немецким комендантом которого с сентября 1943 г. был генерал-лейтенант Адольф Гаманн.

После остановки в Борисове, где Меньшагин занимался в основном фильтрацией потока беженцев из Смоленска, он прибыл в Бобруйск, бургомистром которого оставался с 21 октября 1943 по 26 июня 1944 г. В первый же день комендант вручил ему второй орден 2-го класса в бронзе — «за Смоленск» и как бы авансом «за Бобруйск»[2]. А 1 января 1944 г., на новогоднем вечере в здании бобруйского гортеатра начальник комендатуры тыла 9-й армии («Корюк-532») генерал-лейтенант Бернгарт вручил Меньшагину и его заместителю[3] ордена «За заслуги» 2-го класса в серебре[4]. Еще

---

1 Первым начальником Бобруйска был некто Одинцов (HP/ Shedule B. Vol. 11. Case 317).

2 Напомним, что свой первый орден «за Смоленск» Меньшагин получил 16 июля 1943 г. (во вторую годовщину дня оккупации города) из рук коменданта Смоленска генерал-майора Поля.

3 Крупеня М.И., бывший бургомистр Брянска (по другим сведения — бургомистр г. Бежицы, перед войной носившего имя Орджоникидзеграда). См. о нем: *Штоппер С., Кукатов А.* Нелегальный Брянск 1941–1943: Нелегальная деятельность различных сил в оккупированных Брянске и Орджоникидзеграде с 6 октября 1941 по 17 сентября 1943 года. М.: Буквица, 2014. С. 246). Его заместителем, согласно Меньшагину, был Щорс. По другим сведениям, бургомистром Брянска был фольксдойче Карл Шифановский, а его заместителем Иван Иванович Плавинский (*Попов А.* НКВД и партизанское движение. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 245). Шифановского в 1954 г. приговорили к 25 годам лишения свободы (см. URL: https://all-decoded.livejournal.com/tag/ %D0%91%D1%80%D1%8F %D0%BD %D1%81%D0%BA %D0%BE %D0%B5%20%D0%BF %D0%BE %D0%B4%D0%BF %D0%BE %D0%BB %D1%8C %D0%B5%201941-1943). Бургомистром Брянска-2 был Сидельников (*Соловьев Ю.* Брянск в сентябре–октябре 1943 г. // Брянская тема. 2010. №9. С. 94–101).

4 Речь (Бобруйск). 1944. 5 января. С. 3.

один такой же орден Меньшагин получил 20 марта 1944 г. из рук генерал-майора Гаманна.

Согласно Документу № 14, 14 марта 1944 г. Меньшагину приказом главного командования 9-й армии и по представлению начальника 7-го отдела 9-й армии старшего советника Риттера было присвоено звание майора вермахта. Однако это настолько нетипично для русского гражданского коллаборанта-администратора, что не может быть взято на веру без верификации: по данным BA/MA, никакой Меньшагин в картотеке офицеров вермахта не фигурирует!

Как и в Смоленске, едва ли не каждый день Меньшагин издавал номерные распоряжения начальника города. Например, № 38 — о запретном времени хождения для гражданского населения на июнь месяц 1944 г. (от 7 июня). Или № 39 — о запрещении пользоваться военным имуществом и № 40 — о предупреждении лесных пожаров (оба от 8 июня)[1] и т. д.

Распоряжения эти печатались в газете «Речь», в июле 1943 г. перебравшейся сюда из Орла. Ее главным редактором был бывший одесский инженер-химик Михаил Александрович Илинич, он же Октан (другие псевдонимы: Илин и Натко), осенью 1941 г. перебежавший к немцам и служивший в 612-й пропагандной роте 2-й танковой армии. В марте 1944 г. основал и возглавил «Союз борьбы против большевизма» (СБПБ), чьим печатным органом и стала редактируемая им газета. Градусы его антисемитизма и борца с иудо-большевизмом были такими, что В. Самарин, ближайший его газетный сотрудник в Орле, склонен был даже считать его провокатором НКВД, выполняющим тонкое задание дискредитировать РОА и Германию[2].

4 марта 1944 г. бургомистр Меньшагин вступил в СБПБ, сразу же став его городским и окружным руководителем. Октан открыл отделения союза на предприятиях Бобруйска, в Осиповичах, Лапичах и Пуховичах. В селе Ско́бровка Пуховичского района Минской области 27 мая 1944 г. было открыто так называемое «Детское село Скобровка» (Kinderdorf Skobrowka). Здесь единовременно проживало около 700 детей в возрасте от 6–8 до 14–15 лет — 420 мальчиков и 280 девочек. Считалось, что всё это сироты из Полесья. По существу, это был транзитно-трудовой лагерь в рамках кампании «HEU-Aktion», где «H» — «Heimatlos» («Без родины»), «E» — «Elternlos» («Без родителей», хотя

---

1 Там же. 10 июня. С. 4 (сообщено Б. Равдиным).

2 *Пашин Н. С.* Из дневников «пропавшего без вести» // Новый журнал. 2014. № 277. С. 178–182. Запись за 5 декабря 1946 г., со ссылкой на В. Самарина. Само имя «Октан» Самарин расшифровывал как «Особый комиссар тыла армии неприятеля». Сводку материалов об Октане см. в заметке И. Петрова «Органическое соединение класса алканов» в его «Живом журнале», URL: https://labas.livejournal.com/915564.html.

среди «воспитанников» лагеря было немало и таких, кого у родителей забрали насильно) и «U» — «Unterkunftlos» («Без крыши над головой»). Кампанией было охвачено еще четыре подобных лагеря: Красный Берег, Лучицы, Петриков и Паричи.

Спустя неделю, 3 июня, Вермахт передал этот лагерь под управление СБПБ, переименовавшего его в «Юношеский поселок СБПБ». Участие в торжественной церемонии передачи приняли представители 9-й армии Вермахта, Меньшагин, Октан и два священника — о. Дмитрий Булгаков и Немшевич: начальником поселка назначили некого Грядюшко (sic!), капитана РОА!

Детей нещадно эксплуатировали и унижали, многочисленные устные свидетельства упорно связывают Скобровку еще и с функцией забора крови у детей для нужд расположенного неподалеку, в Марьиной Горке, немецкого госпиталя. Всего около 50 тысяч детей намечались к депортации в Рейх, и около 4500 действительно было угнано. Незадолго до освобождения Скобровки Красной армией, в начале июля, дети разбежались кто куда. 8 июля представители села, РККА и ЧГК составили акт о злодеяниях, связанных с этим лагерем.

Обращает на себя внимание то, как мало места уделил Меньшагин в своих воспоминаниях Бобруйску. А ведь стаж управления этим городом у него тоже немаленький — около 8 месяцев.

Но война в это время не стояла на месте, западный вектор ее вполне определился, и 29 июня 1944 г. — в ходе наступательной операции «Багратион» — был освобожден и Бобруйск.

Берлин, Карлсбад, Ауэрбах и снова Карлсбад

О том же, что было после эвакуации из Бобруйска, у Меньшагина не сказано вообще ничего!

Попытаемся всё же хоть что-то, хоть по вешкам и обрывкам, но восстановить.

Доподлинно известно, что 13 мая 1944 г. Меньшагин был в Минске, где виделся с Алферчиком, служившим там начальником одного из отделов Минского СД[1]. Известно, что Тася — ближайший член его семьи — какое-то время провела в Барановичах, где училась в гимназии и подрабатывала уборщицей: но скорее всего, это не Барановичи, а Бобруйск.

Все последующие задокументированные эпизоды с Меньшагиным — уже вне СССР.

В один из летних или осенних дней (точной даты не знаем) Меньшагин с семьей оказался в Берлине. После экскурсии 1943 г. здесь у него остались некоторые связи, в том числе и во власовском движении, но в

---

[1] Позднее — следователем «по русским делам» СД в Брауншвейге.

особенности в КОНР («Комитете освобождения народов России») — этой имитации гражданского правительства в изгнании. Наиболее плотными были контакты с начальником главного оргуправления генерал-майором Василием Федоровичем Малышкиным (1896–1946), начальником главного гражданского управления генерал-майором Дмитрием Ефимовичем Закутным (1897–1946) и заместителем начальника главного управления пропаганды полковником Михаилом Алексеевичем Меандровым (1894–1946).

11 ноября 1944 г. Меньшагина приняли в КОНР на службу — инспектором отдела по работе с военнопленными[1]. На этой, — судя по всему, номенклатурной, — должности он состоял вплоть до 15 апреля 1945 г. По заданию Закутного, он разработал «Положение об инспекторах по работе с военнопленными», а затем занимался организацией так называемого института уполномоченных КОНР, подбирая их кандидатуры для использования на работе среди русского населения и военнопленных, находившихся в Германии.

В Берлине Меньшагин с семьей осел и, похоже, довольно прочно: во всяком случае, в декабре 1944 г. (а скорее — все же в середине января 1945 г.) Алферчик проведал Меньшагина в его берлинской квартире (sic!), на дне рождения Таси Клышейко — меньшагинской племянницы[2].

В феврале 1945 г. Алферчик и Меньшагин снова встретились в Берлине — на этот раз совершенно случайно, в метро. Алферчик рассказал, что служит в отделе безопасности КОНР, но в подробности не вдавался[3].

Между тем в конце февраля 1945 г. КОНР и его гражданские службы (а это около 100 чел.) эвакуировались в Карлсбад[4]. Здесь номенклатурные привилегии КОНРа всё еще действовали, и Меньшагина с семьей снова поселили в отдельной квартире, а скорее всего в номере отеля «Ричмонд», служившего КОНРу общежитием[5]. Здесь, по словам Н. Б. Ефремовой,

---

[1] Интересно, что в интервью Закутного газете «Воля народа» от 6 декабря 1944 г. Меньшагин не фигурирует.

[2] День ее рожденья — 14 января.

[3] См. Документ № 14. Интересно, что в «Именном списке личного состава Штаба Вооруженных сил КОНР по состоянию на 22.2.1945» ни Алферчик, ни Меньшагин не значатся (BA/MA. MSG 149/6. Bl. 51–55).

[4] Что касается самой РОА, то в середине апреля 1945 г. она передислоцировалась сначала в Фюссен в Баварии, а 26 апреля — еще дальше на юг, к Праге (*Кромиади К.* За землю, за волю... Сан Франциско: Глобус, 1980. С. 214–218). Школа РОА — из Дабендорфа в деревню Гишюбель, в 12 км к югу от Карлсбада.

[5] См. об этом: *Петров И., Мартынов А.* «Неприглядная картина кулис» власовского движения: Михаил Самыгин и его книга // История отечественной коллаборации. Материалы и исследования. М., 2017. С. 117–120.

состоялась та единственная встреча Меньшагина с Власовым, о которой было известно в семье[1].

В начале мая Карлсбад был занят американцами, здесь Меньшагина и его близких застала весть о капитуляции Германии. 11 мая американский патруль задержал Меньшагина в местечке Фишери под Карлсбадом и направил в проверочный лагерь для перемещенных лиц в баварском городке Ауэрбахе близ Деггендорфа. И в этот же день американцы передали Карлсбад Красной армии.

25 мая, как только Меньшагина выпустили из лагеря, он бросился обратно в Карлсбад, в поисках своих. Застав в городе РККА, а в своей бывшей квартире (или номере) — распахнутые двери и полный разгром, он решил, что семью захватили большевики, заметался по городу и, возможно впервые в жизни, поддался необоримой панике и отчаянию.

— Что же делать, что же теперь делать?! — Как что?! Расставаться с жизнью, кончать с собой!

Добыв веревку, он отправился на ближайший лесистый холм, чтобы отыскать дерево с подходящим суком и поскорее покончить с этим. Когда Меньшагин уже пристраивался, мимо проходил какой-то местный житель и отговорил его от самоубийства[2].

Приняв это за перст судьбы, указующий на то, чтобы добровольно сдаться Советам и тем самым облегчить участь своих близких, Меньшагин так и поступил. И вот 28 мая 1945 г. он явился в штаб 48-й[3] стрелковой дивизии Первого Украинского фронта и сдался советским властям. Следователь особого отдела дивизии Клестов составил тогда специальный протокол о явке с повинной.

Но разговор с дочерью неожиданно выявил и другую — семейную — версию произошедшего там и тогда — версию, в которой роль провокатора и предателя сыграл бывший сотрудник Меньшагина по Смоленской управе Г. Н. Хоменко — инспектор торгового отдела, начальник административного отдела, а затем второй городской судья. Жене Меньшагина он сказал, что сам видел, как того расстреляли на мосту, а вернувшемуся в Карлсбад Меньшагину — о его семье, что — «все они пропали!»[4]

Дипячий мир: судьба близких

Между тем никто не «пропал», и все-все близкие экс-бургомистра хотя и разлетелись, но сумели попасть в желанную гавань — в американскую зону оккупации.

---

[1] Сообщено Н. Б. Ефремовой.

[2] См. в письме И. Корсунской Г. Суперфину от 1985 г. (*Меньшагин, 1988.* С. 161).

[3] По другим данным, 149-й дивизии.

[4] Хотя — кто и как мог это слышать?!

Наталья Казимировна, кстати, и не была в Карлсбаде. Судя по всему, она осталась в Берлине, откуда перебралась в северный американский анклав в британской зоне. Около шести лет провела она в лагере для перемещенных лиц в Дельменхорсте под Бременом[1], где столкнулась с малоприятным и даже опасным для жизни явлением — всепоглощающей и агрессивной ненавистью украинцев-оуновцев к русским и полякам, причем всё равно к каким — советским или антисоветским. 12 марта 1951 г. Наталья Меньшагина села в Бремерхафене на корабль "General Blatchford" — и через 10 дней ступила на американскую землю в Эллис-Айленде.

22 мая 1951 г. тем же маршрутом и далее в Детройт проследовал записанный как «поляк»[2] Георгий (Григорий) Иванович Дьяконов (18 ноября 1906, Смоленск —22 декабря 1990, Детройт) с семьей — женой, матерью, младшим братом с женой и тремя сыновьями — Даниилом, Геннадием и Юрием[3].

В 1920–1927 гг. Дьяконов работал курьером или разносчиком, в 1930–1931 гг. — техническим секретарем в газетах «Рабочий путь» и «Руднянский колхозник», в 1931–1932 гг. — счетоводом в конторе Смоленского депо, откуда был уволен 16 ноября 1932 г. — за личный отказ и агитацию против проведения подписки на заем 4-го завершающего года пятилетки, из-за чего охват подпиской даже не превысил 50%, «за разложение работы кассы взаимопомощи и за невыход на работу в ответственный момент в период ликвидации запущенности в отчетности» (sic!). 16 марта 1933 г., фактически по просьбе так называемого «треугольника» конторы депо, он был арестован старшим следователем Дорожно-транспортного отдела ОГПУ Котлинским. Ему инкриминировались антисоветская агитация[4], связь с заграницей, сбор сведений (не сказано, каких) с целью передачи иностранным государствам (не сказано, каким). По сути, Дьяконова судили и посадили за переписку с заграницей по филателистическим делам (с 1927 г. он собирал марки).

13 мая 1933 г. следствие было завершено, 14 мая датирован проект обвинительного заключения, однако приговора пришлось дожидаться

---

[1] В ответ на запрос Г. Суперфина, местный архив ответил, что в обработанной части архива упоминаний Дьяконовых или Меньшагиных им не встретилось.

[2] Такого рода «услуга», серьезно понижающая риск принудительной репатриации в СССР, существовала на «черном рынке» фальсификатов в послевоенном мире ДиПи (см.: *Полян, 2002*. Разделы 4 и 5).

[3] Юрий (род. 7 марта 1945 г. в Демменхорсте) — живет в США, англоязычный беллетрист (печатается под псевдонимом Yuri Dia Konov).

[4] Вот ее образчик: П.Д. Амосов, коллега по работе в депо, показал, что враждебное отношение к советской власти выражалось у Дьяконова в частности в словах об Александре III: «Как жаль, что хорошие люди умирают».

еще больше месяца: прокуратура завернула дело из-за небрежности его подготовки, а самого Дьяконова 28 мая даже выпустили из тюрьмы под домашний арест. 21 июня 1933 г. тройкой ОГПУ Западной области был приговорен к 3 годам ИТЛ.

По возвращении в Смоленск работал завхозом-кладовщиком в цирке. На обращение в НКВД о снятии судимости 28 сентября 1940 г. получил отказ. Реабилитирован 25 августа 1989 г. Прокуратурой Смоленской обл.[1]

Во время войны Дьяконов — высокопоставленный сотрудник управы: сначала — начальник паспортного стола, а затем — административного отдела. Он был лично близок к Меньшагину, который, выцарапав его однажды из СД, спас ему жизнь[2].

И Дьяконов, и Меньшагина осели в штате Мичиган[3], но к середине 1960-х гг. отношения между ними ослабли, чтобы не сказать испортились.

А о Тасе-Станиславе ходили слухи, что она вышла замуж за русского инженера, что у них двое детей и что они переехали в Калифорнию[4].

Но вот что о Тасе и о ее семье говорят документы Международной службы розыска Красного Креста (МСР). После бегства из Смоленска ее судьба еще долго оставалась в связке с судьбой дяди, экс-бургомистра. В Барановичах (а скорее всего не там, а в Бобруйске) она училась в гимназии и работала уборщицей в различных отелях. В Берлине в январе 1945 г. отмечали ее день рожденья, а в самые последние месяцы войны она оказалась в чешском городке Рыбаре (не Фишери ли это?) около Карлсбада, где даже начала учиться на модельера. С июля 1945 и по октябрь 1946 г. — Тася в Мюнхене (скорее всего в лагере для перемещенных лиц «СС-Казерне»), а затем — по сентябрь 1947 г. — в Ашшафенбурге, в другом ДиПи-лагере. Там, видимо, она вышла замуж за Николая Петрусенко[5], обретавшегося здесь еще с мая 1945 г. Перед этим, в 1943–1944 гг., он жил в Ландсхроне (Ланшкроуне) в чешских Судетах, где работал автомехаником. В мае 1947 г. был направлен в Бельгию, где сначала работал на шахтах в Бонн-Эсперанце под Льежем, а потом (с июня 1947 по февраль 1950 г.) жил в лагере в Монсе.

---

[1] АОУФСБСО. Дело № 14410с.

[2] См. в наст. изд., с. 495–497.

[3] Дьяконовы несколько раз переезжали, но не покидали штат Мичиган (Clinton Township; Detroit; Fraser; Saint Clair Shores). Их детройтский адрес есть в записной книжке Н. Г. Левитской.

[4] Сообщено Ю. Г. Дьяконовым.

[5] Родился 14 января 1912 г. в Бельске (по другим сведениям — в Екатеринославе, или совр. Днепре).

Тася же с мамой между тем оставалась в Германии. После возвращения Николая все они, в ожидании разрешения и корабля, проживали в лагере для беженцев в Бензхайме-Ауэрбахе. Летом 1951 г. их признали годными для эмиграции в США, а 31 марта 1952 г., в Бремерхафене, они взошли на борт американского парохода “General C. H. Muir” и отплыли в Нью-Йорк. И с ними — Вера Казимировна Жуковская и еще одна Жуковская — Катарина (первенец-дочка?)[1].

Что касается Марии Виренчик-Меньшагиной с дочерьми, то из рассказов Надежды Ефремовой и информации из поисковой базы данных Красного Креста вырисовываются следующие семейный портрет и маршрут.

Вместе с Верой и Тасей Клышейками Мария Виренчик с дочерьми и няней бежала на Запад — непосредственно из Карлсбада на поезде, битком набитом власовцами. Первое время они жили в лагере для перемещенных лиц «СС-Казерне» под Мюнхеном. Там их пути разошлись: Клышейки переселились в Ашшафенбург, а Меньшагины — в Шлезхайм-Фельдмохинг под Мюнхеном[2]. Маленькая Надя называла все эти лагеря «дипячьими» — от DP (ДиПи), displaced persons (перемещенные лица).

В Шлезхайме Мария Федоровна Меньшагина-Виренчик вышла замуж за Виктора Иосифовича Кляйна — немца, родившегося 15 февраля 1897 г. в Одессе. В ноябре 1920 г. он бежал из краснеющей России в Галлиполи в Греции, откуда перебрался сначала в Болгарию, а затем в Чехословакию. Здесь он учился в технических университетах Брно и Праги и приобрел специальности авиационного инженера-механика и эксперта по дизельным двигателям (с трудовым стажем, соответственно, в 13 лет и 3 года). Кроме русского и чешского языков, бегло знал немецкий и небегло — английский, французский и испанский. Показательно, что хоть он и принадлежал к первой еще, белой, эмигрантской волне, но из опасений насильственной репатриации пробовал выдать себя еще и за немца судетского!

До Шлезхайма он жил в австрийской Штирии, в Капфенберге близ Граца, откуда в 1947 г. перебрался под Мюнхен. В Мюнхене 28 октября 1947 г. он прошел профессиональную аттестацию.

«Дядя Витя» (так называла его Надя) удочерил всех дочек, дав им, как и жене, свою фамилию. При этом девичьей фамилией средней дочери — Надежды — оставалось «Меньшагина», как это следует

---

[1] См.: URL: https://digitalcollections.MCP-arolsen.org/03020101/name/zoom/2264250/ 2505469.

[2] Главной причиной этого переезда было желание УНРРА и ИРО развести украинских и русских ДиПи по разным лагерям.

из регистрационной карточки № G10650399[1]. В качестве бабушки Надежды указана Анна Меньшагина, которая в действительности была никакой не бабушкой, а просто Надиной няней, последовавшей за ребенком аж из Смоленска.

В начале 1950 г. они получили разрешение на выезд в Канаду, но 11 апреля 1950 г. добились изменения страны назначения на США, куда и отправились в 1951 г.[2] Американское гражданство Надя Кляйн получила в 1956 г., в 1970 г. она вышла замуж за Олега Ефремова — эмигранта с первого дня жизни (он родился в Югославии в 1927 г.). В 1979 г. умер отчим, а в 1991 г. — мать.

О дочери Меньшагина в Москве ходил слух, что она работала администратором Вашингтонского симфонического оркестра — в бытность его главным дирижером Мстислава Ростроповича, т. е. в 1977–1994 гг. Это удалось проверить, и оказалось, что действительно там в эти года работала — правда, не администратором оркестра, а личным секретарем Ростроповича — Надежда Ефремова, урожденная Кляйн, родившаяся в Смоленске (sic!) 29 октября 1940 г.[3]

Что касается Анны «Меньшагиной», 1892 г. рождения, няни Нади и Любы, то она приехала в США отдельно и несколько позже, — в качестве молодой «бабушки» и, очевидно, по линии воссоединения семей. Поселилась она в «толстовской деревне» под Нью-Йорком, где стала работать... няней! А когда состарилась и сама стала нуждаться в уходе, «внучка» Надя забрала ее к себе в Вашингтон, где та и умерла 2 августа 1962 г.[4]

Из Вашингтона Ефремовы перебрались в 1994 г. в городок Мак-Лин в штате Вирджиния (младшая сестра, Люба, живет там до сих пор), а затем к старшему сыну в городок Айл-оф-Пальмс, что под Чарлстоном в Южной Каролине.

...Там ее и настиг мой телефонный звонок и весть об этой, еще готовившейся тогда, книге.

---

1 Тут местом рождения Надежды указан, кстати, не Смоленск, а Рига (что, возможно, свидетельствует о желании Марии надежнее зацепиться с дочерьми за Запад, указывая в качестве страны происхождения Прибалтику, не входившую до войны в СССР). См. URL: https://digitalcollections.MCP-arolsen.org/03020104/name/zoom/6147512/6318083.

2 См. URL: https://digitalcollections.MCP-arolsen.org/03020104/name/zoom/6147512/6318064 и https://digitalcollections.MCP-arolsen.org/03020104/name/zoom/6147512/6318048

3 Сообщено Т. Максимовой и Л. Чирковой, архивариусом оркестра.

4 Сохранилось свидетельство о ее смерти, подписанное, в качестве источника информации, некоей “M. Klein”. Это, несомненно, Надя Кляйн, а “M.” означает не инициал, а “Miss”.

После войны: следствия в Смоленске и Москве

Млечный путь астронома Базилевского

С ведома Меньшагина, прекрасно понимавшего планы своего экс-заместителя, но всё равно вопреки немецким приказам прикрывшего его, Базилевский не побежал на запад, а остался в оккупированном Смоленске. А точнее — в Дрюцке, в 12 км от Смоленска по Киевскому шоссе. В тамошнем инвалидном доме, куда, по договоренности с его директором, он заранее перевез свою семью, профессор дожидался прихода Красной армии.

Что и произошло 26 сентября 1943 г. Уже назавтра, 27 сентября, Базилевского задержал разведотдел Управления войск НКВД по охране тыла Западного фронта. В этот же день состоялся и первый допрос, проведенный майором гб Тютевым, и примечательно, что тема Катыни в нем никак не затрагивалась[1].

28 сентября Базилевский пишет на 7 страницах что-то вроде объяснительной записки — текст под названием «Общая картина жизни в Смоленске во время немецкой оккупации»[2]. И вот здесь тема Катыни в советском изводе уже возникает.

7 октября на Базилевского открывают дело[3], после чего 8 октября переводят в Смоленск и уже 21 октября предъявляют обвинение по статье 58.1а («Измена Родине») — такое же, кстати, какое со временем предъявят Меньшагину.

Но уже 22 января 1944 г. следственное дело Базилевского заканчивается словами, просто волшебными для комбинации из сталинской юстиции и статуса экс-вице-бургомистра: «Освободить за отсутствием состава преступления»! Второй такой случай — поискать! Даже инициатива послать Гитлеру ко дню рожденья типографский приветственный адрес в сафьяновом переплете и одну из крепостных пушек сошла Базилевскому с рук!

Так что без тени риска ошибиться понимаешь: Базилевский — в обмен на сохранение жизни и свободы — согласился на все условия НКВД, включая любые оговоры и постановочные выступления[4].

---

1 АОУФСБСО. Дело № 8491с. Л. 8–13.

2 См. Документ № 10.1.

3 АОУФСБСО. Уголовное дело № 8491 (архивное — № 8491с). Дело вел лейтенант гб Каплан, а курировал начальник 2-го отдела НКГБ Смоленской области майор гб Рудинский.

4 Слухи о его якобы двойном агентстве с самого начала оккупации развенчиваются меньшагинскими воспоминаниями. Тем более нелеп домысел о том, что Базилевский через голову Меньшагина якобы посылал записки Гитлеру, в которых

А у НКВД интерес к нему — и даже потребность в нем! — обозначились скоро и отчетливо, особенно после того, как в октябре в Смоленске был найден «блокнот Меньшагина». И связано это было с Катынью как с политической проблемой СССР. В отсутствие бургомистра Меньшагина вице-бургомистру Базилевскому предстояло исполнить роль его «доверенного лица», нет, больше — роль «оракула» Меньшагина!

То, что именно Катынь стала причиной его 25-летнего срока, Меньшагин понял не сразу, но, раз осознав, более ни секунды не сомневался. Ведь он был уже на Лубянке, когда начался Нюрнбергский процесс, где советские юристы в голос и не рискуя сесть в лужу заявляли, что он, смоленский бургомистр Меньшагин, пропал без вести и что вместо него приходится удовлетворяться его заместителем, с которым Меньшагин якобы был и доверителен, и откровенен.

Если в своей сентябрьской «объяснительной» Базилевский помянул Меньшагина всего один раз и совершенно нейтрально[1], то, начиная с январского допроса, включенного в сообщение ЧГК, начался чистой воды оговор под диктовку следователя или прокурора. Профессор давал любые нужные им показания, застенчиво (точнее — беззастенчиво) ссылаясь при этом на Меньшагина, так кстати «пропавшего»[2].

Со стороны Базилевского клеветать на Меньшагина и называть его пьяницей и квислинговцем было, конечно, человеческой подлостью, но в деле спасения собственной шкуры разве до пустяков?

Сам же запрос на подлость и лжесвидетельство еще долгое время не отзывался.

Следующим актом этого запроса стало участие Базилевского в пресс-конференции для иностранных журналистов 22 января 1944 г. непосредственно в Катыни, о чем еще будет рассказано, а заключительным — выступление 1 июля 1946 г. одним из трех свидетелей обвинения по Катынскому вопросу в Нюрнберге[3]. Над поручениями Базилевский старательно работал и всегда с ними справлялся, но никогда с фурором: убедить журналистов или весь мир в правдивости этой советской лжи ни он, ни двое других нюрнбергских лжесвидетелей (В.И. Прозоровский

объяснял и отстаивал исконные права русского крестьянина (*Dallin A.* The German Rule in Russia. London [a.o.]: McMillan, 1957. P. 159).

[1] См. Документ № 10.1.

[2] Впрочем, и Меньшагину однажды довелось быть распространителем слухов о Базилевском, когда он посвятил статью памяти его и нескольких других смолян, повешенных, как полагал Меньшагин, на Молоховской площади Смоленска после занятия города Красной армией (см.: Документ № 5.7). Но неконтролируемые слухи это одно, а преднамеренная «деза» — совсем другое.

[3] См. протокол его допроса — документ обвинения с советской стороны «СССР-498» (ГА РФ. Ф. Р.-7445. П. 1. Д. 132. Л. 260–268).

и М. А. Марков), ни обвинитель Ю. В. Покровский[1] так и не смогли. Сталин был в бешенстве!

В этот же день, 22 января 1944 г., следственное производство по делу Б. В. Базилевского было прекращено, а назавтра его и вовсе освободили из-под стражи, вернув изъятые во время ареста и обыска личные документы и вещи.

И это еще не всё: за все свои оговоры Базилевский получил не только свободу, но и продолжение карьеры в придачу!

Из тюрьмы он перекочевал в профессора астрономии, на сей раз уже Новосибирского педвуза. Мало того: в его новом «Личном листке по учету кадров», заполненном 8 апреля 1946 г., есть примечательная лакунка: с 15 марта 1926 г. и по 19 сентября 1943 г. — безо всякого перерыва и вице-бургомистерского совместительства! — профессор, видите ли, трудился директором обсерватории Смоленского университета Наркомпроса РСФСР. Другая запись гласит: с 24 февраля 1944 и по 6 августа 1947 г. Базилевский — профессор кафедры астрономии уже Новосибирского пединститута, а по совместительству и профессор кафедры астрономии и гравиметрии Новосибирского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии[2].

В день его нюрнбергского «бенефиса» 1 июля 1946 г. немецкий адвокат доктор Отто Штамер ехидно полюбопытствовал о наказании, наверняка понесенном Базилевским как столь высокопоставленным предателем и коллаборантом:

> ШТАМЕР. Вы находитесь сейчас на свободе?
> БАЗИЛЕВСКИЙ. Не только нахожусь на свободе, а, как докладывал, являюсь профессором и в настоящее время в двух высших учебных заведениях.
> ШТАМЕР. То есть вы снова служите и пользуетесь уважением?
> БАЗИЛЕВСКИЙ. Да[3].

Вон оно, оказывается, как: могучий Советский Союз, победив в войне, великодушно прощал своих предателей, нисколечки их не преследуя!

Послевоенная судьба «везучего» астронома Базилевского была прямой противоположностью «карьере» адвоката Меньшагина за то же время, которому, вероятно, просто не повезло с чекистами.

---

[1] Им должен был быть Н. Д. Зоря, зам. Генпрокурора СССР, отвечавший в том числе и за катынский вопрос, но он был найден мертвым в своей постели в Нюрнберге 23 мая 1946 г.

[2] По предположению А. Катровского, выбор Базилевским Новосибирска был обусловлен тем, что в начале 1930-х гг. туда из Смоленска перебрался один его учеников — метеоролог В. А. Бугаев. Благодарю С. Красильникова за поиски и находки в университетском архиве Новосибирского государственного педагогического университета.

[3] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: В 7 т. Т. 3. М., 1958. С. 169.

Лишь изоляция от внешнего мира, в которой держали Меньшагина, избавила его от сильной икоты 1 июля 1946 г., когда в Нюрнберге выступал Базилевский. Об отчете Комиссии под руководством академика Н. Н. Бурденко Меньшагин хотя и слышал в 1945 г., но никаких деталей не знал. И только в 1971 (sic!) г., освободившись из тюрьмы и поселившись в Княжóй Губе[1], в доме-интернате для престарелых — да еще в рамках тамошнего внутрисоциумного конфликта, — ему довелось впервые узнать о своей «роли» в Катынском вопросе! Агрессивный сосед-«собеседник» прямо обвинил его даже в соучастии в убийстве, сославшись при этом на третий том протоколов Нюрнбергского процесса[2].

Тогда-то Меньшагин пошел в Зеленоборскую библиотеку, нашел нужную книгу и ознакомился с показаниями Базилевского, лично сообщившего международному трибуналу в Нюрнберге, что будто бы слышал от Меньшагина в сентябре 1941 г. про то, что все пленные поляки скоро будут убиты немцами, а через несколько дней — что они уже убиты.

Вот три отклика Меньшагина на это.

Первый:

> В октябре вся ортскомендатура была переведена в Можайск, и Цунса я больше не видел, слышал от какого-то немца, что он погиб там при воздушной бомбардировке. Поэтому показания Б. В. Базилевского, данные им в заседании Нюренбергского международного трибунала и напечатанные в 3-м томе протоколов этого трибунала о том, что будто бы Цунс сообщил мне о невозможности удовлетворения моего ходатайства об освобождении какого-то поляка, за которого меня просил Базилевский, потому что все поляки будут уничтожены, являются с первого до последнего слова наглой ложью. Никогда подобных разговоров у меня ни с Базилевским, ни с Цунсом не было, а с последним и быть не могло, так как никакого отношения к освобождению пленных он не имел, а все подобные дела проходили через фельдкомендатуру.
>
> Да, Базилевский несколько раз просил меня хлопотать об освобождении из плена известных ему людей, в том числе и поляка Кожуховского, сына владельца кондитерской в дореволюционное время. По всем этим просьбам их объекты были освобождены. Ни я никогда не отказывал Базилевскому, ни фельдкомендатура — мне. Что касается фамилии, названной Базилевским трибуналу, то она им выдумана, точно так же как фамилия Цунса осталась у него в памяти с того момента, как мы вместе с Базилевским были у него 29 июля 1941 года, и без всякого основания приплетена им в своих показаниях.

---

[1] Справкой о традиционном ударении этого топонима мы обязаны Е. Шталю.

[2] См.: Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 164–169.

Второй:

> Мне от души жаль этого несчастного лжесвидетеля, бывшего до этого порядочным человеком и купившего себе относительную свободу ценой клятвопреступления. Характерно, что при допросе меня ни один из следователей даже мельком не упомянул о показаниях Базилевского и к делу моему они не приложены. Это лучше всего доказывает их происхождение и цену.

И третий:

> Я понимаю, в каких трудных обстоятельствах был в то время Базилевский и не осуждаю его, но сказать, что он лжет и лжет не по ошибке, а заведомо для себя, — считаю своей обязанностью перед историей.

У астронома же Бориса Васильевича Базилевского никаких обязанностей перед историей не было — разве что перед космосом! Отчего в июне 1946 г. в Москве, на генеральной репетиции нюрнбергского спектакля в заученную свою роль он вставил еще и такой пассаж: «Нужно сказать, что Меньшагин вообще весьма быстро сделался “своим человеком” в немецкой комендатуре. Мне трудно высказаться о причинах этого быстрого завоевания Меньшагиным авторитета у немцев. Может быть, этому способствовало то, что сам Меньшагин был пьяницей и очень быстро нашел себе собутыльников в немецкой комендатуре, причем особенно сблизился с неким зондерфюрером Гиршфельдом, остзейским немцем, отлично владевшим русским языком и практически занимавшимся рядом вопросов, связанных с городским самоуправлением»[1].

Что ж, на семь бед один ответ: почему бы к греху клятвопреступления, к которому тебя насильственно понуждают, не добавить уже от себя еще и щепотку личной низости?

«Блокнот Меньшагина»

Кроме врак Базилевского, в руках у главного советского обвинителя на Нюрнбергском процессе Романа Руденко[2] был еще и «вещдок», связанный с Меньшагиным, — обнаруженный в делах горуправы блокнот Меньшагина на 17 неполных страницах[3], записи в котором можно датировать по контексту периодом между началом августа и ноябрем 1941 г. В блокноте среди прочего говорилось якобы и о расстреле польских

---

1 ГА РФ. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 132. Л. 263–264.

2 В 1942–1953 гг. — зам. прокурора, прокурор УССР. С 1953 г. — генпрокурор СССР.

3 По сообщению А. Яблокова, знакомившегося с «блокнотом» в начале 1990-х гг., последний вместе с другими вещдоками был предоставлен КГБ СССР и представлял собой тетрадь формата А4. Записи блокнота, включая фальсифицированные, представлены в Документе № 2.

военнопленных. Базилевский и лубянские почерковеды дружно подтвердили: рука — Меньшагина.

Записано же, согласно сообщению ЧГК, было в том числе следующее:

> На странице 10-й, помеченной 15 августа 1941 года, значится: «Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру». На странице 15-й (без даты) записано: «Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз. гор. (Умнову)». Из первой записи явствует, во-первых, что 15 августа 1941 года военнопленные поляки еще находились в районе Смоленска и, во-вторых, что они арестовывались немецкими властями.
>
> Вторая запись свидетельствует о том, что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершённом им преступлении в среду гражданского населения, специально давало указания о проверке этого своего предположения.
>
> Умнов, который упоминается в записи, был начальником русской полиции Смоленска в первые месяцы его оккупации[1].

Происхождение «блокнота» таково.

На момент освобождения Смоленска и Катыни от немцев главный палач польских военнопленных Всеволод Меркулов был уже наркомом. Кому же, как не ему, было возглавить соответствующие мероприятия по обработке самого места расстрела и подготовке его к неизбежному представлению его мировой общественности в единственно правильном свете?

Вскоре после 25 сентября 1943 г. в город прибыла оперативно-следственная группа комиссара гб 3-го ранга Леонида Райхмана[2] с заданием и мандатом навести должный глянец на Катынский расстрел, т.е. сфальсифицировать всё таким образом, чтобы потом можно было безбоязненно всё валить на немцев.

Не покладая рук группа работала больше трех месяцев — с 5 октября 1943 по 10 января 1944 г. и нарыла на два тома материалов предварительного расследования. Среди найденного и «блокнот Меньшагина» с 17 страницами рабочих записей, относящимися к августу–ноябрю 1941 г.[3], о чем

---

1 Сообщение специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров. М., 1944. С. 19–20.

2 Райхман Леонид Федорович (Элизар Файтелевич; 1908–1990), генерал-лейтенант гб. С 20 мая 1943 по 19 октября 1951 г. — зам. начальника 2-го Управления (с 4 июня 1946 г. — 2-го Главного управления) НКГБ-МГБ СССР. Курировал польский и катынский вопросы. Его близким другом был П. А. Судоплатов — один из сокамерников Меньшагина.

3 Не исключено, что он был обнаружен 6 декабря 1943 г., когда, по сообщению С. Зверевой, в разрушенном здании бывшей городской управы была обнаружена часть ее документации (ГАСО. Ф. 2573. Оп. 1. Д. 286).

замнаркома госбезопасности Богдан Кобулов незамедлительно, 16 октября, сообщил в ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову — заведующему отделом международной информации и одновременно начальнику ГЛАВПУРа: самому Кобулову имя Меньшагина, видимо, мало что говорило, иначе бы он не допустил ошибку в написании его фамилии («Миньшагин»)[1].

С самим блокнотом, разумеется, тоже хорошо «поработали». И только после того, как всё, включая блокнот, было готово, т.е. начиная с 12 января, в идеологический бой был введен «засадный полк» — «Специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров» под председательством члена ЧГК и академика Н.Н. Бурденко, — как операция прикрытия и как инструмент вброса «правильной» и «целесообразной» информации[2].

В крайне сложном контексте советско-польских отношений всё же следовало торопиться, и вот настал день, когда результат работы комиссии, т.е. доказательства немецкой ответственности за катынские расстрелы, были представлены на пресс-конференции Специальной комиссии для зарубежных журналистов, состоявшейся в Катыни 22 января 1944 г.

Вел ее Владимир Петрович Потемкин (1874–1946) — член комиссии Бурденко и человек далеко не случайный. В 1944 г. он был наркомом просвещения, а вот в сентябре 1939 г. — лишь замнаркома, зато иностранных дел.

Рассказывая о немецких кознях, Потемкин сделал особый упор на двух «неотразимых доказательствах» немецкого следа — на словах Меньшагина в передаче астронома Базилевского, впервые тогда выступившего эдаким смоленским оракулом[3], и на «блокноте Меньшагина», подлинность которого подтверждал всё тот же оракул-астроном[4].

При этом Потемкин допрашивал своих «свидетелей» прямо на камеру, так что «документальный» фильм «Трагедия в Катынском лесу», снятый в январе 1944 г. Центральной студией кинохроники, тотчас же был выпущен на пропагандистский экран[5]. В роли «профессора Базилевско-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 174. Л. 144–146 (сердечная благодарность С. Романову, сообщившему об этом источнике). См. ниже анализ этого документа.

[2] См.: *Лебедева, 2008*.

[3] Их антипольская риторика — в передаче якобы немецкого отношения к полякам и меньшагинского если не сочувствия, то как минимум толерантности к этой риторике — тем маловероятней, что собственная семья Меньшагина (первая жена, невестка и племянница) была польской.

[4] См. Документ № 10.2.

[5] Интересно, что из авторов фильма в титрах указан лишь один, да и тот оператор (А. Левитан). См. URL: https://www.youtube.com/watch?v=mFB234d5CNY. См.: *Городецкая А.* Взросление мутного киселя. Положив руку на Тору и на пистолет // Частный корреспондент. 2014. 17 ноября. URL: http://www.chaskor.ru/article/vzroslenie_mutnogo_kiselya_37000.

го» снялся сам профессор Базилевский, а в роли «блокнота Меньшагина» — сам блокнот Меньшагина.

Но на присутствовавших журналистов, в частности, на Александра Верта, всё это произвело жалкое впечатление вымученной постановочности: «Огласка этого дела (включая и посещение Катыни представителями западной прессы) была проведена русскими крайне неуклюже и грубо. Корреспондентам было разрешено присутствовать только на одном заседании Специальной комиссии, когда она производила опрос ряда свидетелей. Среди них был некий профессор Базилевский, астроном, дрожащий маленький человечек, которого немцы якобы уговорили или принудили стать помощником бургомистра Смоленска: он заявил, что его начальник, квислинговец, впоследствии бежавший с немцами, сообщил ему, что польские офицеры будут ликвидированы: в виде доказательства был также представлен принадлежавший, по его словам, этому бывшему бургомистру блокнот с многозначительной, хотя и несколько неясной записью: “Говорят ли люди в Смоленске о расстреле поляков?” <...> Вся процедура явно смахивала на инсценировку»[1].

ГВП, расследовавшая в 1990–1991 гг. обстоятельства расстрела и «следственных действий» группы Райхмана, установила и юридически зафиксировала систематические фальсификации. В частности, фальшивками оказались все девять «документов», предъявленных в качестве «вещдоков», в том числе и «блокнот Меньшагина». Прокурор ГВП Анатолий Юрьевич Яблоков констатировал: «Выводы экспертизы почерка Меньшагина нельзя считать обоснованными и объективными. Объективно в них только то, что почерк в блокноте и на четырех образцах почерка, представленных на исследование, идентичен, но кому он принадлежит, неизвестно. Утверждение Базилевского, что это почерк Меньшагина, не может приниматься во внимание, поскольку он сотрудничал с НКВД. С учетом всех этих обстоятельств, а также того, что самого Меньшагина скрывали в Московской, а затем Владимирской тюрьме и не взяли у него подлинных образцов для сравнительного исследования, следует признать, что “блокнот Меньшагина” — фальшивка, сфабрикованная в НКВД»[2]. Более того, по словам А. Яблокова, эта фальсификация была официально заактирована.

И все-таки это утверждение нуждается в одной поправке. Дело в том, что «блокнот Меньшагина» с записями о гетто — не выдумка и не лабораторный контрафакт, он действительно существовал! И Беляев в Смоленске, и Меретуков и Федотов в Москве — все меньшагинские следователи интересовались именно им и не с бухты-барахты.

---

[1] *Цит. по: Абаринов, 1991. С. 156.*

[2] *Яжборовская И., Яблоков А., Парсаданова В.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. С. 389.

Меретуков — единственный раз за следствие! — даже вызвал на допрос стенографистку для снятия дословных показаний о блокноте с типографским грифом «Начальник Смоленского областного управления государственной безопасности»[1] и с меньшагинскими записями в нем, что фактически подтвердил и сам Меньшагин, пояснивший это следующим образом.

В первых числах августа 1941 г. его вызвали в СД, располагавшееся в том же здании, что и гестапо (в бывшем здании НКВД) и приказали подобрать место для еврейского гетто. Удивившись тому, что Меньшагин ничего не записывает, и услышав в ответ, что не на чем, немец (майор Клингельнгоффер) подошел к встроенному в стенку кабинета шкафу, открыл его дверцу и, вытащив оттуда, протянул Меньшагину чистый блокнот с этим самым грифом, в который Меньшагин тут же начал конспектировать его указания. Решив, что это улика против кого-то из самих энкавэдэшников, Меньшагин не сопряг этот интерес с тем, о чем ему в Карлсбад писал из Праги Гандзюк, сообщая о публикации отчета Комиссии Бурденко с упоминанием «блокнота Меньшагина» с записями о расстреле поляков немцами[2].

Так что фальшивкой, очевидно, является не сам дневник, а вписанные в него «почерком Меньшагина» вставки о «поляках».

Сам дневник определенно цел, прокурор Яблоков рассказывал мне, что даже держал его в руках сравнительно недавно. Но все архивы системы ФСБ дружно открестились от моих запросов. И понятно, почему: предъявишь оригинал, и выяснится (точнее, подтвердится), что дневничок тухлый, со следами контрафакта и фальшака.

Впрочем, для доказательства того, что это именно так, оригинал и рассмотрение с лупой de visu не слишком-то и нужны. Ибо один вышеупомянутый чекист, Богдан Кобулов, все-таки «прокололся». К его письму Щербакову от 16 октября 1943 г. была приложена выписка из меньшагинского блокнота, относящаяся к августу–ноябрю 1941 г., а в ней — никаких записей хотя бы с упоминанием поляков[3].

Правда, приведенный Кобуловым текст — это машинопись всего лишь первых пяти страниц оригинала блокнота, текстуально зафиксированных в доступном нам фотостате части его страниц[4].

При этом подчеркнем несколько важных моментов.

---

[1] Блокнот можно видеть даже в кинофильме «Тайна Катынского леса», только листающий его статист переворачивает страницы, загибая их не вверху, а посередине — чтобы не было видно эту «шапку»!

[2] См. в аудиоинтервью, взятом у Б. Г. Меньшагина Н. П. Лисовской 10 июня 1978 г. (АММ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 19. Л. 57–59). Подразумеваемый Гандзюком «Отчет ЧГК» был опубликован в «Правде» 26 января 1944 г.

[3] См. Документ № 1.1.

[4] См. Документ № 1.3.

Сам фотостат — неполная версия карандашных записей в блокноте: Кобулов пишет о 17 страницах, а фотостатом охвачено всего 9 листов, а именно листы с 5 по 13 фотостата, взятых к тому же не подряд, коль скоро листу 11 фотостата соответствует страница 10 первоисточника, а листу 13 — страница 15[1]. Правда, уверенно можно утверждать, что начальные страницы фотостата, судя по их тематике (указания по созданию гетто), соответствуют началу записей в оригинале.

Именно поэтому — как разоблачающее свидетельство о гетто и как первые несколько страниц находки — Кобулов их и привел в качестве приложения к письму в Главпур. Никакими поляками в том письме и не пахло, иначе бы Кобулов, член тройки, подписывавший катынские расстрельные листы, непременно отметил бы и их или даже в первую очередь их! Но он этого не сделал, что косвенно говорит об отсутствии записей о польских военнопленных в первоисточнике.

Зато таковые записи чудесным образом «проступили» в том же самом блокноте, но позднее, — видимо, в силу крайней необходимости и под требовательными лучами строгого чекистского взгляда. В 53-страничной «Справке о результатах предварительного расследования так называемого “Катынского дела”», датированной январем 1944 г. и подписанной наркомом госбезопасности Меркуловым и его замом Кругловым, обнаруживаем, наконец, две фразы и о поляках, расположенные на листах 11 и 13, т. е. за рамками процитированного Кобуловым.

Первая запись:

> Всех бежавших поляков военноплен[ных] задерживать и доставлять в комендатуру.

И вторая:

> 13. Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз[ьих] Гор[ах] (Умнову).

Непосредственно за второй фразой (ею заканчивается приведенный фрагмент) следует и «правильная» интерпретация:

> Приведенные выше две записи Меньшагина о поляках в сопоставлении с показаниями Базилевского с неопровержимой ясностью говорят о том, что немцы захватили в бывших лагерях НКВД и на строительных работах военнопленных поляков, что некоторые из поляков, видимо, бежали и затем были выловлены и к их поимке привлекалась русская полиция и что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершенном им преступлении в среду гражданского

[1] Слова диктора в кинофильме «Тайна Катынского леса», где и сам блокнот появляется в кадре.

населения, специально давало указание о проверке этого своего предположения. Умнов, который упоминается в записи, являлся начальником русской полиции гор[ода] Смоленска, был назначен на эту должность немцами в первые месяцы оккупации гор[ода] Смоленска и позже перешел на работу официальным сотрудником гестапо.

Фотоснимки с записей Меньшагина из его блокнота при этом прилагаются[1].

Оригинал «блокнота» так и остался нам недоступен, но он существует, коль скоро прокурор Яблоков держал его в 1990-х гг. в руках[2].

Выпущенные из «публикаций» фрагменты, очевидно, были сочтены настолько несущественными, что их незачем и предъявлять. Исследователи истории Смоленска периода оккупации с этим, конечно же, не согласились бы, но их позабыли спросить.

Поэтому сконцентрируемся не на утратах, а на «приращениях» текста, а точнее, на его «метаморфозах». Попробуем всмотреться в обозначенные уже записи о «поляках» и разобраться в их генезисе и семантике.

Записей таких, напомним, всего две. Вот первая: «Всех бежавших поляков военноплен[ных] задерживать и доставлять в комендатуру».

Включим для начала уши: ну до чего же неестественен сам оборот «поляков военнопленных»! Между «поляков» и «военнопленных» даже дефиса никакого нет!

А теперь включим глаза. Часть записей сделана чернилами, часть — карандашом. На качественном скане нужной страницы фотостата слово «поляков» написано чернилами и, вместе со словом «военноплен.», заметно выделяется на фоне текста по соседству. Текст — не только более бледный, причем равномерно бледный[3], но и более тонкий, причем буква «я» — нехарактерная для Меньшагина.

Сдается, что подчищать и фальсифицировать пришлось одно лишь это слово перед «военноплен[ных]», заменив «советских» — или же «русских» (в смысле тех же «советских») — на «поляков». Вот уж кто действительно создавал массу проблем для управы — советские военнопленные, концентрация которых в Смоленске с самого начала зашкаливала.

Запись вторая: «13. Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз[ьих] Гор[ах] (Умнову)».

---

1 Документ №2.2. Сообщение специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1944. С. 19–20 (Предварительная рабочая версия: ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 114. Д. 6. Л. 22–23).

2 Его архивная локализация, очевидно, может быть связана только с Катынью или с Нюрнбергским трибуналом.

3 Написано отчасти карандашом, отчасти ручкой с вечным пером.

Завершающий лист пункт 13 довольно разительно выделяется на фоне других. Отступ между цифрой и текстом значительно меньше, а между концом фразы и концом страницы — значительно больше, чем в остальных случаях. Обращает на себя внимание и повышенная аккуратность и прописанность букв (так называемая «медленность» почерка) именно в этом пункте — на фоне явно большей скорописи в остальных случаях и ожидаемого естественного ускорения и завихрения в конце страницы[1]. Возникает ощущение элементарной вписки пункта 13 в текст[2].

Если же принять пункт 13 за чистую монету, то он, разумеется, противоречит словам Б. Г. М. о том, что тот впервые узнал о расстреле только в 1943 г. Но противоречие снимается, если применить эту фразу к советским расстрелам 1940 г.

Что касается Г. К. Умнова, то и с ним вышла промашка. В 1950 г. он прочел «Сообщение» комиссии Бурденко и так прокомментировал то место, где сам был упомянут:

> В бытность мою начальником русской полиции Смоленска в первые месяцы немецкой оккупации я никогда не получал от начальника города Меньшагина приказа расследовать циркуляцию среди населения слухов о расстреле поляков немцами. Также и о приказе немецких властей о задержании беглых польских военнопленных. Я никогда не слышал и не видел его, хотя этот приказ по должности поступил бы ко мне. Никто из чинов полиции таких поляков не встречал. Вся история с блокнотом Меньшагина, о которой говорится в советском сообщении, кажется мне подделкой. Меньшагин обладал феноменальной памятью и очень редко делал заметки. Его блокнот большевики не могли бы найти, так как и дом Меньшагина, и здание городского управления при отступлении немцев из Смоленска сгорели[3]. Я хорошо был знаком как с Меньшагиным, так и с его семьей. Ни своей семье, ни мне он никогда не высказывал предположений, что Катынские расстрелы произведены немцами... <...> Г. К. Умнов. 12.5.1950 г. Германия[4].

---

1 Нет, по выражению Суперфина, меньшагинской «походки почерка».

2 О том, было ли это сделано по чистому месту или поверх иного затертого текста, сказать по фотостату без оригинала невозможно.

3 К слову сказать: не сгорели, а сожжены, причем самим Умновым, входившим в число так называемых «факельщиков», перед оставлением Смоленска поджигавших здания по определенному заранее плану.

4 *Поздняков В.* Новое о Катыни // Новый журнал. 1971. № 104. С. 277–278. См. там же о Базилевском: «Коронный советский свидетель, профессор астрономии Базилевский, бывший заместитель Меньшагина, является ненадежным свидетелем. Как стало известно во время немецкой окупации, он был до войны информатором НКВД. Когда это стало известно немцам, они ограничились удалением его с должности и разрешили даже остаться при отступлении в Смоленске, так как у него на советской стороне остался сын. По характеру он был исключительно труслив и советчикам было нетрудно убедить его дать желательные им показания».

Итак, представляется, что блокнот Меньшагина был фальсифицирован, но изменения коснулись всего-навсего двух его мест, с помощью которых в контекст содержания были введены «поляки».

Самое удивительное, пожалуй, то, что все следователи, причастные к делу Меньшагина, — и майор Б. А. Беляев в Смоленске и подполковники А. Д. Меретуков[1], А. А. Козырев[2] и Д. В. Гребельский[3] в Москве, хотя и спрашивали Меньшагина и о посещении Катыни, и о блокноте и даже о номерах комнат в здании СД, но, выслушав его рассказ, протоколировать не спешили: мол, записывать сейчас не будем, к вопросу этому мы еще вернемся, — но так и не вернулись за шесть с лишним лет. Они попросту не знали, что с этим живым приложением к блокноту делать: и оставлять нельзя, и выбрасывать жалко! Выпускать Меньшагина свидетелем в Нюрнберг опасно: не свой, не ручной, ненадежный, да еще юрист[4]. Но и ликвидировать нельзя: а вдруг для чего-нибудь пригодится?

Иными словами, Катынь в судьбе Меньшагина сыграла решающую, но двоякую роль: спасла от процесса и смерти, но и стала причиной той исключительной степени изоляции, которой он в итоге подвергся.

Реальный же Меньшагин ни в Нюрнберге, ни вообще в Катынской афере не фигурировал никак. Зато на «Меньшагина» мифического, на энкэвэдэшную его «голограмму», — советская сторона возложила все основные свои упования.

Меньшагин в Смоленске

С 28 мая 1945 и по 30 сентября 1951 г., т.е. 6 лет и 4 месяца, Борис Георгиевич Меньшагин находился под следствием: сначала — в Смоленске[5], а потом — в Москве. Дело его вело 2-е Главное управление МГБ

---

1 Меретуков Ахмед Долотукович (1910–1977), в органах с 1930 г. Как и Козырев и Гребельский, входил в группу Райхмана в Смоленске. С 15 июня 1946 по 22 апреля 1947 г. — начальник отделения «2-Н» 2-го Главного управления МГБ.

2 Козырев Александр Александрович (1916–1974), майор гб, в органах НКВД с 1939 г. С сентября 1945 по июнь 1946 г. начальник Центральной следственной группы при Аппарате Уполномоченного НКВД в Германии в Потсдаме; с 15 июня по сентябрь 1946 г. — начальник 1-го отделения и пом. начальника отдела 2-К 2-го Главного управления МГБ СССР.

3 Гребельский Дмитрий Владимирович (1914–1986), впоследствии зав. кафедрой организации оперативно-розыскной деятельности Академии МВД СССР. Меньшагин, по-видимому, не разобрав звучание его фамилии, упорно называет его Рыбельским.

4 Да еще осужденный, что делало бы его автоматически подконтрольным американской охране.

5 По некоторым сведениям, по дороге в Смоленск была остановка на несколько недель во Львовской тюрьме, служившей своего рода перевалочным пунктом для советских арестантов из Европы.

СССР, статья, по которой он обвинялся, грознее некуда — 58-я, пункт 1: «Измена родине».

Меньшагина привезли в Смоленск из Европы 9 августа 1945 г. и поместили во внутреннюю тюрьму областного управления госбезопасности, что на улице Дзержинского. Она была единственным зданием, отбитым у огня в пожар 29 июня 1941 г., она же уцелела и при отступлении немцев: те заложили в здание мину замедленного действия, взрыв которой серьезно повредил центральную часть здания, но не более того. Так что тюрьма в Смоленске «открылась» уже 3 октября 1943 г., т.е. спустя неделю после освобождения города, а по состоянию на 22 октября 1943 г. в ней уже сидело 492 заключенных[1].

Собственно следствие как таковое началось 13 августа, а точнее в ночь на 13 августа. Подавляющее большинство вызовов к следователю происходило ночью. Часам к 3 ночи допрос обычно заканчивался, но иногда затягивался и до самого утра. Этот римейк сталинского распорядка дня — нехитрый, но действенный прием не только арестных команд, но и следователей с дознавателями: подследственный — «тепленький», его тянет в сон, он расслаблен, не собран, не склонен к интеллектуальному сопротивлению. Днем ему спать нельзя, так что отнятая ото сна ночь — еще и лукавый элемент пытки насильственным лишением сна.

Следователем Меньшагину назначили заместителя начальника следственного отдела областного НКВД майора Б. А. Беляева, делу присвоили номер 10035. Иногда, как свидетеля по делам третьих лиц, Меньшагина вызывали и другие следователи: капитан Евграфов, например, занимавшийся церковными вопросами. Но такие вызовы всегда происходили днем.

13 августа, т.е. в первую же следственную ночь, Меньшагина провели в кабинет полковника К.С. Волошенко[2], начальника облуправления НКВД Смоленской области. Этот визит был одновременно и актом проявления любопытства со стороны чекиста, и формой — причем театрализованной — психологического давления на подследственного. Вставая из-за стола, Волошенко обратился к Меньшагину с явной издевкой: «Здравствуйте-здравствуйте, господин мэр!» А затем, подойдя поближе, вдруг рявкнул ему в лицо: «У вас руки в крови!»

Продолжу не пересказом, а цитатой из еще одного интервью Меньшагина:

> Знаете, так естественно у него получилось, что я посмотрел на руки. Но потом сообразил, что это аллегория, и говорю:

---

[1] ГА РФ. Ф. Р-9413с. Оп. 1с. Д. 41. Л. 164.

[2] Волошенко Константин Сидорович (или Исидорович; 1905–1988). С 22.11.1944 по 27.11.1950 начальник УНКГБ–УМГБ Смоленской области.

— Нет, я крови не проливал. Руки у меня чистые.

Он тогда застучал кулаком об стол:

— Если не будете сознаваться, мы на вашей шкуре выспимся! Вот это имейте в виду![1]

Из разных источников известно несколько смоленских дат с допросами. Среди них 5 сентября, 31 октября (в этот день допрашивали как свидетеля по делу Н.П. Андреева[2]) и 2 ноября. 21 октября 1945 г. и. о. начальника управления НКГБ Смоленской области П.С. Аренкин (1906–1950) подписал «Справку по следственному делу № 10035 на арестованного бывшего бургомистра города Смоленска Меньшагина Бориса Георгиевича»[3].

А 30 ноября, — между прочим, на 11-й день с начала работы Нюрнбергского трибунала! — Меньшагин простился со Смоленской тюрьмой, где пробыл неполных четыре месяца. В ту ночь (опять в ночь!) с 29 на 30 ноября взглянуть на Меньшагина (как на своего «предшественника», что ли?) пожелало само первое лицо области — Дмитрий Михайлович Попов (1900–1952), с 1940 по 1948 г. первый секретарь Смоленского обкома ВКП(б), в годы войны — один из руководителей партизанского движения на Смоленщине.

Наутро Меньшагину выдали валенки и полушубок, пайку хлеба и селедки и посадили в легковую машину. Глядя из нее на улицы родного города, Меньшагин прощался с ним навсегда.

Доставили его в Москву, на Лубянку...

Алексей Кепов в Курске и другие

Какою была «роза послевоенных судеб» экс-бургомистров (начальников) крупнейших городов на оккупированной территории СССР?

Известно об этом совсем немного, но очевидно, что большинство из них бежало вместе с вермахтом на запад. Так или иначе, но, успешно сдаваясь вчерашним союзникам СССР, они всегда находили себе применение, — и, как правило, пропагандистское.

Но убежали не все, а некоторые и не пытались этого сделать.

Если задержания бургомистров происходили в момент освобождения городов, которыми они рулили, дело под горячую руку могло кончиться

---

1 Ср. тот же эпизод в аудиоинтервью, взятом у Б.Г. Меньшагина Н.П. Лисовской 10 июня 1978 г. (АММ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 19. Л. 42).

2 Сообщено С. Зверевой.

3 ГАНИСО. Ф. 6. Оп.1. Д. 1845. Л. 191–201 (уточнено О. Корниловой). Эта справка была направлена начальником Управления НКГБ Смоленской области в Смоленский обком ВКП(б), отчего попала в архивное дело со следующим названием: «Справки и докладные записки обкому ВКП(б) о подготовке к проведению уборочной кампании, о недостатках в работе предприятий, о политическом настроении населения». См. Документ № 11.

и военно-полевым судом с расстрелом, — как в случае Б. И. Чурилова, бывшего бургомистра Великих Лук[1].

Большинство же получало лагерные или тюремные сроки, чаще всего в интервале от 10 до 15. Так, четвертому бургомистру Новгорода Николаю Иванову — дали «десятку»[2], а бургомистру Пскова, учителю математики Василию Максимовичу Черепенькину, — 15 лет[3]. Столько же дали и заместителю курского бургомистра (тот же ранг, что у Базилевского) Алексею Григорьевичу Кепову (1891–1974)[4].

Зато о Кепове довольно многое известно[5]. Коренной курянин — из семьи банщика, но с горячей страстью к знаниям. В 1909 г. окончил местное реальное училище, а в 1913 — четыре курса петербургской Техноложки. В 1916–1918 гг. поработал в столице — инженером не то на Ижорском, не то на Путиловском заводе и еще приемщиком рукописей в редакции журнала «Солнце России», где поневоле знакомился с литераторами, а однажды и с Сергеем Есениным.

По возвращении в Курск его ждали собственный семейный дом и карьера городского коммунальщика (одно время он заведовал

---

1 Чурилов Б. И., из офицерско-дворянской семьи, бывший старший агроном конторы «Сортсемовощ». Зам. бургомистра — Гудовский Ю. И. См. о них в: Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «СМЕРШ». 1939–1946. Фонд А. Яковлева. URL: http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/58871. См. также: Великолукский процесс // История. РФ. URL: https://histrf.ru/biblioteka/Soviet-Nuremberg/Velikoluksky-process. 12 июля 1943 г. Чурилов был осужден Военным трибуналом Московского военного округа и Московской зоны обороны к высшей мере наказания по ст. 58-1а УК РСФСР (Органы государственной безопасности СССР в годы Великой отечественной войне. Т. 4. Кн. 1 (01.01.1943–30.06.1943). Казнили — повесили в декабре 1945 г. в Брянске — и коменданта Бобруйска Гаманна, «напарника» Меньшагина по этому городу, но наказание военных преступников из числа военнопленных немцев — это уже другой вопрос.

2 Благодарю за эти сведения Б. Ковалева и Б. Равдина.

3 А его сыну Леониду (1922–?) дали 10 лет, но реабилитировали в 1992 г. и даже включили в «Книгу памяти жертв политических репрессий в Псковской области» (см. URL: http://visz.nlr.ru/person/book/pskov/25/40).

4 О Кепове, освобожденном по амнистии еще в 1955 г., подробнее см. ниже.

5 Биографические сведения о Кепове взяты из разных источников: *Бугров Ю.А.* Оккупация. (Краткий историко-публицистический очерк) // История Великой Отечественной войны в документах и судьбах (по материалам Курской области). Курск, 1995; *Кепов А.Г.* Курск в период оккупации 1941–1943 г. / [Публ. Ю. А. Бугрова и А. Н. Манжосова] // Курские мемуары: Научный исторический журнал. 2002. № 2. С. 25–37; *Хлопонин М.* Заместитель бургомистра // Отечественные записки. 2008. № 4. С. 276–283; *Степанов В.* Он строил Курск и служил при немцах // Друг для друга (Курск). 2008. 14 октября; *Никифоров, 2013; Наседкин А.И.* Кепов А.Г. // Малая Курская энциклопедия. 2004–2018. URL: http://www.mke.su/doc/KEPOV.html. По сообщению С. А. Никифорова, рукопись воспоминаний Кепова хранится в Курском областном краеведческом музее.

горкоммунхозом), строителя и архитектора. В Курске есть несколько его построек, а здание Мединститута — одно из лучших в городе. За этот вуз Кепов и зацепился, став его проректором по строительству[1].

Профессия, служба — это как бы законный брак, рутинные семейные узы. Но еще не подлинная страсть! Ею, пусть и без особой взаимности, оставалась для Кепова литература. Впервые Кепов опубликовался еще в 1914 г. — в сборнике «Белый цветок» Курского отдела Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом. Был он и членом Курского союза поэтов, а с 1923 г. его председателем. В 1922 г. вышел коллективный сборник стихов «Четыре»: в нем, кроме Кепова, приняли участие Ю. Богатогорский, А. Еськов и П. Загоровский (будущий знакомый Мандельштама по Воронежу). В том же году — еще и две тонюсенькие прозаические брошюрки («Степанида» и «Без дороги»). Апогеем же кеповской карьеры в словесности стал рассказ «Серый», напечатанный в московском еженедельнике «Красная нива» 28 июня 1925 г. и удостоенный премии этого журнала.

Была у Кепова была и вторая кипучая страсть — коллекционирование. Он собирал книги, картины, фарфор, прижизненные издания Пушкина (в виде их фотокопий), марки, монеты, боны (редкие купюры), открытки с видами Курска, медальоны с видами мадонн, автографы значительных персон (как правило, в виде ответов на его письма — собрал около тысячи).

...Немцы взяли Курск почти без боя — в ночь со 2 на 3 ноября 1941 г., и до 7 февраля 1943 г. — долгие 15 месяцев — город прожил под оккупацией, недосчитавшись за это время свыше 10 тыс. человек.

Мединститут заблаговременно эвакуировался в Алма-Ату, а Кепов остался в городе — с больными матерью и первой женой (Юлей). Через несколько дней за ним в дом на улице Володарского явились немецкие эмиссары и увели к коменданту Курска генерал-майору Марселлу. Тот сообщил ему о назначении заместителем головы города — не откажешься![2] А по совместительству еще главным инженером и начальником технического отдела управы Курска.

Так нежданно-негаданно Кепов вернулся в городскую власть и в коммунальное хозяйство — и чуть ли не в старый свой горисполкомовский кабинет, только за спиной у него висел портрет уже другого усатого. Хорошо зная городское хозяйство, он в считаные дни восстановил работу водопровода, электросетей, канализации и пекарен, чем явно облегчил участь оказавшихся в оккупации десятков тысяч курян.

---

[1] Официально Кепов был начальником реконструкции и строительства здания мединститута в Курске с 27 июня 1935 до 28 июля 1941 г.

[2] Бургомистром назначили юриста Ивана Алексеевича Смялковского, до войны — управляющего областной конторой «Заготкожа».

А можно ли вообще сопротивляться режиму, будучи замбургомистра?

Оказывается, да: можно. Как? Совершая тот или иной саботаж, — но по-тихому, незаметно или непонятно для хозяина-врага.

Кепов, как, видимо, и Меньшагин, явно пробовал себя в этом рискованном жанре: вырывал из дулага для нужд города военнопленных специалистов, спасал от гибели еврейских детей, помещая их в сиротские приюты[1]. Зарегистрированным курянам причитался хлеб из расчета 200 г неработающим и 300–400 г — трудящимся. Обедом обеспечивались и все учащиеся четырехклассных школ, как и воспитанники приютов. Вместе с врачом Н.М. Кононовым, руководившим отделом здравоохранения, Кепов восстановил работу трех городских больниц, Санитарно-бактериальный институт и поликлинику.

Но заниматься приходилось много чем еще, например возрождением института легальной проституции. Так, 19 сентября 1942 г. он подписал постановление коменданта: «Проституцией могут заниматься только женщины, состоящие в списках проституток. Смертью караются женщины, заражающие немцев или лиц союзных наций венерической болезнью»[2].

8 февраля 1943 г. в Курск вошла Красная армия, а 13 февраля Кепова арестовали. Вскоре с ним встретился Илья Эренбург, которого допустили чуть ли не на допросы. Под впечатлением от увиденного в Курске, в том числе и от разговора с Кеповым, он написал эссе «“Новый порядок” в Курске»[3]. Вот итог его разговора с экс-вице-бургомистром:

> Темна и страшна измена. Она опустошает сердце человека, она его заставляет умереть задолго до смерти. Изменник много говорит — ему страшно замолчать. Вдруг его голос срывается, наступает молчание. Оно — как могила. Глаза изменника проворны, но это — бег на месте. Трудно заглянуть в такие глаза, а если удастся, видишь пустоту, небытие. Есть у измены запах, привкус: духота, горечь, безвыходная тоска.
>
> Заместитель бургомистра Курска Алексей Кепов был когда-то жизнерадостным. Он изменял родине. Немцы его награждали, баловали. Они ему «подарили» чужой дом, и немецкий майор здоровался с предателем за руку. Но Кепов не радовался. С каждым днем он становился

---

[1] «Он евреев спасал», говорила о нем его вторая жена. «Да, было дело», — отзывался на это Кепов. И этому тем больше доверяешь, когда узнаёшь, что жену его, дочь известного в Курске врача, звали Эвелина Самуиловна Искольская. Она была влюблена в Кепова еще девчонкой; женился же он на ней только по возвращении из лагеря и после того, как овдовел.

[2] Из «Предписания для упорядочения проституции в Курске», утвержденного военным комендантом Курска генерал-майором Марселлом 19 сентября 1942 г. См.: *Никифоров С.А.* Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941–1943 гг. Курск: КФ ОрЮИ МВД России, 2007. С. 117.

[3] Оно вышло сначала в «Красной звезде» (26 и 27 февраля 1943 г.), «Правде» (5 марта) и «Курской правде» (6 марта).

> всё мрачнее. Он сидел у себя и ровным почерком выписывал имена «неблагонадежных»: он выдавал немцам русских. Потом он с изумлением глядел на свою руку. Он стал избегать зеркала. Даже мед, реквизированный у крестьян, казался ему горьким. Над Курском пролетел наш самолет. Немецкий офицер спросил Кепова: «Это что за птичка?» Кепов ответил: «Русский». Потом показался «мессершмит», и Кепов добавил: «А это наш». Тогда немец загоготал: «Врете! Это не ваш и тот не ваш». Кепов вобрал голову в плечи: еще раз он почувствовал цену измены[1].

В 1970-х гг., рассказывая о встрече с Эренбургом, Кепов передал и такой его вопрос: «Когда вы были искренни: когда сотрудничали с советской властью или с оккупантами?» Кепов не растерялся и срезал собеседника встречным вопросом: «А когда вы были искренни: когда писали “Жанну Ней” или когда “День второй”?» Эренбург смутился, «вобрал голову в плечи» (если воспользоваться его же образом) и промолчал.

Начисто игнорируя положительные стороны деятельности Кепова в годы оккупации, Военный трибунал приговорил его к 15 годам ИТЛ. Двенадцать с половиной лет — с 13 февраля 1943 по 9 декабря 1955 г. — провел он или в курской тюрьме (следствие), или в казахстанских, — а возможно, и в воркутинских, — лагерях.

В лагере Кепов трудился по специальности и ценился по квалификации. Был главным инженером строительства, а строили в основном мосты. И здесь он, по самооценке, помогал слабейшим: набирая рабочих, предпочитал интеллигенцию — писателей, ученых, художников, ставил их на те участки, где физически полегче. Сам он и в лагере продолжал писать стихи, оформляя их в виде рукописных книжечек.

Освободился Кепов по амнистии от 17 сентября 1955 г., со снятием судимости и поражения в правах. «Среднего роста, чуть сгорбившийся, с лысой головой в плотном венчике густых белоснежных волос...» — так выглядел он в начале 1960-х. Всё тот же страстный библиофил и меломан, завсегдатай концертного зала музучилища, куда приходил неизменно в сопровождении жены, Эвелины Самуиловны, — и, «раскланиваясь, не спеша проходил к театральным креслам, чтобы застыть в немом наслаждении от звуков классической музыки» [2].

Свои коллекции Кепов передал или завещал родному городу: графику и плакаты — картинной галерее, редкие книги по истории Курска, коллекцию открыток и старых фотографий с видами Курска и губернии — краеведческому музею, воспоминания[3], записки и биографические

---

1 *Эренбург И.* Верность // Правда. 1943. № 63. 5 марта. С. 4.

2 *Хлопонин М.* Заместитель бургомистра // Отечественные записки. 2008. № 4. С. 283–284.

3 См. фрагмент: *Кепов А.Г.* Курск в период оккупации 1941–1943 гг. // Курские мемуары. 2002. № 2. С. 25–37. Сохранилось свидетельство человека, знакомого с ними

документы — областному архиву. А вот автографы знаменитостей достались Воронежу[1].

Но тем выпуклее и трагичнее образ Меньшагина — одинокого создателя и коллекционера собственных конспектов прочитанных им книг и газет[2].

Меньшагин на Лубянке: следствие и приговор

В Лубянской внутренней тюрьме, куда Меньшагина привезли на автомашине 30 ноября 1945 г. ему предстояло пробыть почти шесть лет — до 30 сентября 1951 г.

С вызовами на допросы не частили и здесь. В первый раз допросили только 21 декабря (следователь Меретуков), во второй — 25 января 1946 г. (вызов к генералу N.[3]), а в последний раз — в феврале 1947 г.

10 сентября 1946 г. «персональный» следователь Меньшагина подполковник Козырев предъявил ему обвинение вместе с тремя томами следственного дела. Меньшагин, конечно же, хотел бы исправить дефекты протоколов допросов и добавить к ним от себя то, чего, по его мнению, в них не хватает. Но как человек, знающий советское следствие изнутри, он не мог не отдавать себе отчет в химеричности таких «капризов»: ведь любые такие исправления, сигнализируя о том, что следователь плохо работал и не дожал обвиняемого, невыгодны следствию. Скорее всего, Меньшагин знакомился с делом наспех, прямо в следовательском кабинете, не имея реальной возможности ни вникнуть, ни оспорить, ни

в полном виде: «Каждый раз после кофе с бужениной А. Г. приводит меня в свой кабинет и достает из нижнего ящика стола дешевую тетрадь в темном коленкоровом переплете. <...> И вообще, воспоминания были скучные, без деталей и подробностей. Как школьные сочинения. Написанные с тайным желанием угодить власти и опубликовать в местном книжном издательстве. <...> Не было воспоминаний ни о революции, ни о Гражданской войне, ни об оккупации, ни о лагере. Он всегда уходил от ответов на эти вопросы» (*Хлопонин М.* Заместитель бургомистра. С. 281).

1 См.: *Григорьева Д.* Ожившие автографы // Коммуна. 2005. 13 октября. URL: http://communa.ru/kultura/ozhivshie_avtografy/. Косвенно с Воронежем связан и еще один факт. Журналист П. Лепендин в статье «Ахматовские следы» (Воронежский телеграф. 2014. Июль. № 175. С. 21) рассказал о прижизненных изданиях Ахматовой, которые хранятся в одной из частных коллекций Воронежа. На одной из книг автограф Ахматовой 1963 г. курскому архитектору А. Г. Кепову. Ахматова приводит восемь строчек из трагедии «Сон во сне».

2 См. в наст. изд., с. 138–139.

3 Генерал не представился, но его личность Меньшагину во Владимирской тюрьме раскрыл Мамулов: Петр Васильевич Федотов (1901–1963), генерал-лейтенант, начальник 2-го Главного управления НКВД (затем НКГБ, МГБ), а с января 1946 г. — еще и член Комиссии по подготовке Международного военного трибунала над японскими военными преступниками в Токио (не исключено, что какое-то время он занимался и Нюрнбергом).

дополнить. (Те или другие следы ознакомления наверняка остались в самом деле, но современное российское правоприменение, словно бы солидаризируясь с практикой сталинских следаков, делает всё для того, чтобы не допустить историков к следственным делам, ссылаясь в данном случае на нереабилитированность Меньшагина.)

Прошло еще пять лет и два дня, пока не наступило 12 сентября 1951 г. — день, когда Меньшагину наконец был вынесен приговор. Согласно п. 233 Протокола №40 заседания ОСО при МГБ СССР от 12 сентября 1951 г., председателем ОСО был зам. министра гб СССР С. И. Огольцов, зам. председателя — Генпрокурор СССР Н. И. Хохлов, а членами — еще четыре зам. министра гб СССР: С. А. Гоглидзе, П. Н. Мироненко, И. Т. Савченко и П. П. Кондаков, а также зам. начальника секретариата ОСО И. И. Боровков. На заседании присутствовали военные прокуроры войск МГБ СССР Андреев, Фролов, Новиков, Витиевский, Лукашев, Кураскуа, Емельянов, Самойлов, прокуроры отдела по спецделам Прокуратуры СССР Тюраев, Симонян, Шаховская, Шарутин, Смирнов, Леонтьев, Дорон и Васин[1].

Дело Б. Г. Меньшагина за №10035 было представлено 2-м Главным управлением МГБ СССР. Вынесенный ему приговор — это 25 лет тюрьмы, считая от 7 июня 1945 г. (sic!), за измену Родине и за предательскую деятельность.

Вместе с тем уже само по себе затянутое сверх всякой меры следствие — почти 6-летнее — было вопиющим нарушением УПК. Затяжка расследования особо важных преступлений — одно из обвинений против арестованного 12 июля министра гб В. С. Абакумова.

Аккурат в августе 1951 г. новый министр Д. С. Игнатов начал готовить все не завершенные следствием дела на передачу в судебные органы[2]. Но меньшагинское дело в их число не попало, хоть и проштемпелевано было ОСО, наверное, одним из самых последних — только 12 сентября.

То же можно сказать и об осуждении по УПВС №39 от 19 апреля 1943 г.: более поздние прецеденты, чем меньшагинский, на сегодняшний день, кажется, не выявлены.

Основанием для осуждения Меньшагина послужила статья 1-я УПВС от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников»[3].

---

[1] См. Документ №12. Скан этого протокола был приложен к письму зам. начальника УФСБ по Омской области Е. Н. Романко от 16 ноября 2017 г. (Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. №6534. Л. 1, 83).

[2] См. об этом в закрытом Постановлении ЦК ВКП(б) от 11 июля 1951 г. (Свободная мысль. 1996. №1. С. 92).

[3] См. Документ №9.

Самого этого указа Меньшагин ни на стадии следствия, ни в тюрьме, ни даже на воле после отсидки так и не увидел[1]. А если бы увидел, то, как юрист, немедленно заметил бы все его нестыковки с собственным приговором. Так, 25 лет тюрьмы в Указе не предусмотрены: осужденного по первой части — как предателя родины — полагалось повесить и дать трупу провисеть три дня. А если по второй — как пособника врага, — по нем плакала бы каторга на срок от 15 до 20 лет[2]. Но — никакого «четвертака»!

Впрочем, и сама смертная казнь как мера наказания за время между 1943 и 1951 гг. совершила двойной кульбит. 26 мая 1947 г. смертная казнь в условиях мирного времени была отменена, а вместо нее ввели 25 лет лагерей (но не тюрьмы). Однако 12 января 1950 г. по отношению к изменникам родины, шпионам и подрывникам-диверсантам смертную казнь восстановили, но и «четвертак» ИТЛ при этом не отменили.

Как отметил Г. Суперфин, «введение Указа совпало по времени с началом публичных демаршей Советского Союзе после Катынских разоблачений» и «находится в связи с очередным выделением НКГБ из НКВД и организацией СМЕРШа»[3]. Добавим сюда и подготовку первых показательных процессов над немецкими военными преступниками на территории СССР, нуждавшуюся в несложной инструментализации осуждения: первым в этом ряду намечался Краснодарский процесс, состоявшийся уже в июле 1943 г.

Начиная с сентября 1947 г. по отношению к немецким гражданам советской оккупационной зоны Германии действовал так называемый Закон № 10 Контрольного Совета Германии «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и человечности» от 20 декабря 1945 г. Как Указ, так и этот закон исходили из неотвратимости наказания, причем наказания самого сурового. В послевоенное время политическая составляющая применения Указа только усилилась[4].

---

1 Впервые опубликован только в 1990-х гг.

2 Как бы в обеспечение исполнения этого Указа 22 апреля 1943 г. был принят другой УПВС — «О мерах наказания изменникам Родины и предателям и о введении для этих лиц, как меры наказания, каторжных работ», на основании которого НКВД организовал каторжные отделения в Воркутинском и Северо-Восточном лагерях с удлиненным рабочим днем на тяжелых работах в шахтах.

3 *Меньшагин, 1988*. С. 211–215.

4 Так, выявлены указания политических органов судебным (в частности МВД — военным трибуналам) о директивном применении Указа к тем или иным категориям немецких военнопленных (*Епифанов А.Е.* К вопросу об обосновании ответственности гитлеровских военных преступников на территории СССР // Концептуальные подходы к совершенствованию российской правовой системы: материалы международной научно-практической конференции (2016, Волгоград). Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления, 2017. С. 38).

В статье 1 Указа говорилось о его применимости как к советским, так и к иностранным гражданам — военнослужащим вражеских армий, а также к «бывшим гражданам Российской империи». Всего же, по неполным подсчетам А. Е. Епифанова, за 1943–1951 гг. по Указу было осуждено не менее 81 780 чел., в том числе не менее 24 069 иностранцев (немецких военнопленных и некоторых других). При этом последним по времени годом осуждения по Указу категории советских граждан стал как раз 1951 г.: таких было девятеро, и один из них, очевидно, и Меньшагин. В 1952 г. было еще несколько осуждений, но исключительно немцев, в том числе фельдмаршала Пауля-Людвига-Эвальда фон Клейста[1].

Ассоциация статьи 1 Указа со статьей об измене Родине (ст. 58-1а УК РСФСР, в меньшагинском приговоре де-юре отсутствующей) очерчивала круг потенциальных приговоренных по таким обвинительным составам, как служба на административных должностях в органах самоуправления (бургомистры, начальники полиции, коменданты, старосты), выдача немцам советских патриотов, личное участие в истязаниях и насилиях, выполнение заданий по сбору продовольствия, восстановление важных для оккупантов предприятий и другие действия, совершённые с целью оказания помощи врагу[2].

Сам же Указ не содержал юридических дефиниций и тем более процедур для определения, кого относить к «изменникам Родины», а кого — к «пособникам врага». Подвести под Указ при желании можно было практически любого, кто оказался под оккупацией и хоть как-то работал — от уборщицы и наборщика до старосты и бургомистра. Тем более что отчетливым правоприменительным трендом было устрожение наказания.

Вместе с тем такого рода дефиниции разрабатывались и де-юре даже существовали. Так, Положениием «О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников», утвержденном Прокурором СССР 26 июня 1943 г., «вводился примерный перечень признаков преступных действий нацистов с объективной стороны, которые военные следователи и дознаватели должны были раскрывать. Это были факты убийств мирных граждан, насилий, издевательств и пыток, учиненных захватчиками над беззащитными людьми (женщинами, детьми, стариками); увода советских людей в рабство;

---

[1] Приговор: 25 лет заключения. Он умер 13 ноября 1954 г. во Владимирской тюрьме.

[2] *Епифанов А. Е.* К вопросу об итогах уголовного преследования гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. 1943–1954 гг. // Право как ценность государственного управления обществом. Вып. 2: Сб. науч. тр. Волгоград, 2005. С 54–62. См. также: *Епифанов, Кукулиев,* 2008. С.6–54; *Епифанов А.Е.* Организационные и правовые основы наказания гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. 1941–1956 гг. М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2017.

пыток и истязаний в отношении пленных, больных и раненых советских военнослужащих»[1].

Смягчить это, вероятно, было призвано Постановление №22/М/16/У/сс Пленума Верховного Суда СССР «О квалификации действий советских граждан по оказанию помощи врагу в районах, временно оккупированных немецкими захватчиками» от 25 ноября 1943 г. за подписью председателя ВС И.Т. Голякова[2].

Прямое отношение к случаю Меньшагина могли бы иметь его пункты 1, 3 и 4. Пункт первый конкретизировал статью 1 Указа, напрямую увязывая ее со статьями 58-1а и 58-1б УК. Пункт 3 указывал на те категории коллаборантов, кого Указ и вовсе не должен касаться: это «советские граждане, занимавшие административные должности при немцах, если будет установлено, что они оказывали помощь партизанам, подпольщикам и частям Красной армии или саботировали выполнение требований немецких властей, помогали населению в сокрытии запасов продовольствия и имущества или другими способами содействовали борьбе с оккупантами». А пункт 4 подчеркивал смягчающую наказание роль добровольной явки с повинной.

Исполнение приговоров по Указу №39 возлагалось на вновь создаваемые военно-полевые суды, причем исполнение приговора о повешении должно было быть незамедлительным и публичным. Бывший московский адвокат и, во время войны, секретарь военного трибунала Яков Айзенштат вспоминал, что одним из первых, если не первым осужденным по этому Указу — по крайней мере из числа советских граждан — был начальник полиции Армавира Сосновский. Вынесенный ему приговор — расстрел — после появления Указа был неожиданно отменен — «за мягкостью избранной меры наказания» (sic!) и заменен повешением. Казнь состоялась, но произошло вот что: «Сосновский находился в кузове грузовой автомашины. Председатель Военного трибунала огласил приговор. На шею Сосновского надели петлю, автомашина отъехала и казнь свершилась. Но в этот момент произошло неожиданное. По Указу от 19 апреля 1943 года повешенный должен был висеть на площади три дня для публичного обозрения. Однако, как только автомашина отъехала, к повешенному подскочили инвалиды войны и стали палками и костылями его бить. В результате обнажилось тело. Этот инцидент был учтен и при последующих повешениях в Краснодаре и Харькове место казни тщательно охранялось воинскими подразделениями, чтобы не было подобных неожиданностей»[3].

---

1 *Епифанов А.Е.* К вопросу об обосновании ответственности гитлеровских военных преступников на территории СССР. С. 42.

2 См. Документ №9.3.

3 *Айзенштат Я.* Записки секретаря Военного трибунала. Лондон: OPI, 1991. С. 87–90.

Варварская казнь, как видим, спровоцировала и варварскую реакцию.

Но вернемся к Меньшагину. Вину свою он полностью признавал, но как юрист оценивал ее, с учетом своих смягчающих обстоятельств, тянущей лет на 10, — но никак не на 25[1].

Вместе с тем он, пусть и не сразу, но осознал, что и его «четвертак», и его судьба оказались в силовом поле куда более значимых факторов, чем УПК, — и прежде всего фактора Катыни. Это геноцидальное преступление советской власти, отягощенное попыткой переложить ответственность за него на немцев, в данном конкретном случае невиновных, — возможно, и спасло его от казни, но она же, Катынь, не допускала и мысли ни о каких процессуальных пряниках, таких как адекватный приговор, амнистия, условно-досрочное освобождение и т. п.

После следствия: Владимирская тюрьма особого назначения

Владимирский централ

...30 сентября 1951 г. Меньшагина отконвоировали из Москвы во Владимир. Везли в поезде, в арестантском — столыпинском — вагоне, но в отдельном купе, с офицерским конвоем, а не с солдатским, как остальных.

Здесь, во Владимире — областном, а не стольном, как некогда, городе, — на остававшиеся Меньшагину 19 лет срока его дожидалась Владимирская тюрьма — комплекс из трех тюремных и одного так называемого больничного корпусов.

Впрочем, тюрьма-то как раз и была «стольной»! Ее история к 1951 г. насчитывала уже почти 170 лет. Основанная еще Екатериной Великой в 1783 г. как «работный дом», она обрела свой главный каменный корпус в 1825 г.[2] Его передний фасад выходил на Большую Нижегородскую улицу[3] — это самый центр города.

В 1906 г. тюрьму нарекли Владимирским централом[4], что было знаком признания ее особенного положения среди российских тюрем. В 1921 г. «централ» перекрестили в «политизолятор», назначив главной тюрьмой страны для главных политических преступников (и отчасти главных

---

[1] Столько получили истязатели и губители краснодонской «Молодой гвардии». Столько же получил и смоленский архивист Морозов, но его не только освободили, но и реабилитировали уже в 1949 г.!

[2] Его еще называют «польским» — в память о том, что одними из первых его постояльцев стали участники польских антирусских бунтов в царствование Николая Первого.

[3] С 1927 по 1999 г. — улица Фрунзе.

[4] Централами назывались российские тюрьмы, напрямую управлявшиеся Главным тюремным управлением МВД.

уголовников тоже). По состоянию на 1 августа 1939 г. в системе ГУГБ НКВД СССР оставалось всего три тюрьмы — Соловецкая (на 2512 чел.), Орловская (на 545) и Владимирская (на 510), а уже к 15 ноября того же года тюрем оставалось всего две — Владимирская (на 666 чел.) и Орловская (на 914). В 1948 г. тюрьмы во Владимире, Александровске и Верхнеуральске приобрели статус особых (каждая емкостью до 5 тыс. чел.).

Если Лубянка была столицей следствия, а Бутырки — столицей пересылки, то есть тюремного и гулаговского транзита[1], то Владимирский централ — столицей тюремного заключения и «Архипелага не-ГУЛАГ». В служебных документах она значилась как «Владимирская тюрьма особого назначения МГБ СССР», иначе — спецтюрьма.

В 1948 г. тюрьма вошла в систему «особых лагерей и тюрем», организованных на основе Постановления СМ СССР №416–159 от 21 февраля 1948 г. «Об организации лагерей МВД со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников». К последним причислялись осужденные шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, меньшевики, эсеры, анархисты, националисты, белоэмигранты и участники других антисоветских организаций, а также лица, представляющие опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности[2].

Толику своего послевоенного времени здесь провели и сын генералиссимуса Василий Сталин (в тюрьме — «Васильев»), и архимандриты с монархистами (Климентий Шептицкий, Василий Шульгин), и писатели с учеными (Даниил Андреев, Леонид Бородин, Юлий Даниэль, Василий Парин, Лев Раков, Револьт Пименов), и политзэки с диссидентами (Владимир Буковский, Игорь Огурцов, Иосиф Бегун, Кронид Любарский, Анатолий Марченко, Габриэль Суперфин, Натан Щаранский, Евгений Грицяк, Зиновий Антонюк, Зорян Попадюк), и артистки с певицами (Зоя Федорова, Лидия Русланова), и высшие военачальники Третьего Рейха, в том числе фельдмаршалы фон Клейст и Шернер, адмирал Гузе, начальник абвера Бентивеньи, и даже выдающиеся чекисты (Григорий Майрановский, Степан Мамулов, Павел Судоплатов[3], Наум Эйтингтон). А американский шпион Гэри Пауэрс прекрасно клеил конверты и вязал коврики — не зек, а подарок!

Ко времени освобождения Меньшагина в 1970 г. она стала тюрьмой №2 УВД Владимирского облисполкома — единственной срочной

---

[1] При Сталине сюда переводили подследственных с Лубянки по фактическом завершении следствия. Одно время главной московской пересылкой была Краснопресненская тюрьма.

[2] См. подробнее: *Епифанов, Кукулиев, 2008.* С. 6–54.

[3] Поразительно, но Судоплатова — этого убийцу и диверсанта — реабилитировали, или, как шутят в «Мемориале», «незаконно реабилитировали».

тюрьмой, где наряду с уголовниками всё еще содержались и осужденные за «особо опасные госпреступления».

Сегодня это заурядное учреждение ФСИН «ОД-1/Т-2», по-пацански «воспетое» Михаилом Кругом, — воспетое, на первый взгляд, так бесхитростно и романтично, а на самом деле (аж перстенек из спичечного коробка!) так омерзительно и лукаво. Тюрьма как норма и даже как идеал истинно человеческих отношений в этом мире? Да еще на фоне того беспримерного, потому что безнаказанного и на симбиозе начальства и прикормленных зэк*а*-титушек построенного, пыточного режима, что установился в российских тюрьмах в 2010-х гг., причем Владимирская отнюдь не стала исключением?[1]

Тюрьма при Сталине

Помещая Меньшагина в 1951 г. именно во Владимирскую тюрьму, советская власть как бы признавала за ним и за его случаем именно такой, особый, статус — и оказывала своеобразное «уважение».

Меньшагин сидел при трех «вождях» — Сталине, Хрущеве и Брежневе — и как минимум при шести начальниках тюрьмы. Это подполковник гб М.И. Журавлев (1949–1953), подполковник внутренней службы Семен Васильевич Бегун (1953–1955)[2] и четыре полковника внутренней службы — Тимофей Минович Козик (1955–1958), Матвей Ананьевич Дедин (1959–1961), Дмитрий Яковлевич Мельников (1961–1964) и Виталий Федорович Завьялкин (1964–1976)[3].

За 19 проведенных здесь лет Меньшагина переводили из камеры в камеру 21 раз — всего он перебывал в 19 различных камерах во всех четырех корпусах. Сохранились данные учетной карточки Меньшагина во Владимирской тюрьме[4], и можно только поражаться феноменальной памяти Меньшагина, с невероятной точностью воспроизводившего практически

---

[1] См., например: Три бывших заключенных «Владимирского централа» рассказали о пытках // Новая газета. 2018. 15 декабря. URL: https://www.novayagazeta.ru/news/2018/10/15/145952-dozhd-tri-byvshih-zaklyuchennyh-vladimirskogo-tsentrala-rasskazali-o-pytkah.

[2] Бегун С.В. (1909–1986), подполковник. В гб с 1936 г. На 1945 г. начальник отдела СМЕРШ стрелкового корпуса. В 1949–1953 гг. — начальник Вязниковского горотдела МГБ, в апреле 1953 — сентябре 1955 г. — начальник Владимирской особой тюрьмы (в/ч № 243). С сентября 1955 г. — пенсионер во Владимире, работал столяром химического завода, старшим инспектором по кадрам Горпромторга, «Сельэнерго» и «Владсельэлектросети». С 1974 г. — в Минске.

[3] Даты жизни: 1927–2009.

[4] *Макаров А.А.* Заметки о Б.Г. Меньшагине (по материалам архива Общества «Мемориал») // Габриэлиада. К 65-летию Г.Г. Суперфина. URL: http://www.ruthenia.ru/document/545660.html

те же подробности и даты в своих «Воспоминаниях», что и тюремщики в своем учете. Секрет такой памяти еще и в ее постоянных тренировках: «Находясь в 25-летнем одиночестве, я имел привычку во время прогулки вспоминать год за годом, что я делал в этот день, где был и чем занимался»[1].

В 1970 г. в маленьких камерах первого этажа сидели или державшие голодовку, или те, кого начальство по разным соображениям хотело изолировать от основного «контингента». На втором этаже сидели главным образом психически больные и туберкулезники. На третьем этаже, где в основном и содержался Меньшагин, были камеры для проходивших временное лечение. На четвертом — процедурные кабинеты, операционная и несколько камер.

На том же третьем этаже, что и Меньшагин в конце 1960-х гг., сидели женщины-политзаключенные, среди которых были оуновки-«западэнки» Галина Томовна Дидык (1912–1979), Екатерина (Катерина) Мироновна Зарицкая (1914–1986) и Дарья (Одарка) Юрьевна Гусяк (род. 1924) — знаменитые связные Романа Шухевича, каждая со своим «четвертаком»[2]. С ними — до их вывода из тюрьмы в лагеря — у Меньшагина установилась связь: они работали на уборке камер и других помещений, да и Меньшагин как «ассистент библиотекаря», возможно, разносил по камерам книги. И, видимо, именно от них (через Александра Гинзбурга?) пришла к москвичам в 1970 г. просьба позаботиться о Меньшагине — и его адрес в Княжой Губе[3].

Первой камерой, в которой Меньшагин провел более двух месяцев (до 3 декабря 1951 г.), была общая камера №3-20: в компании 35 сокамерников испытать одиночество сложно. Но затем наступил почти 12-летний период именно одиночных камер, прервавшийся только 26 августа (по Меньшагину — 26 июня) 1963 г. В тот день его перевели в камеру 2-23, которую вплоть до 3 декабря (по Меньшагину — по 30 ноября) он делил с Мамуловым. Так закончилась, — а точнее прервалась, — его одиночка: шесть с половиной лет в Смоленске и Москве и 12 во Владимире, итого 19 лет[4].

---

[1] Из письма к В. И. Лашковой от 3 марта 1975 г.

[2] См. о них: *Меньшагин, 1988.* Документ №8. Интересно, что Гусяк арестовывал П. А. Судоплатов, будущий сокамерник Меньшагина (*Судоплатов, 1996.* С. 304–305).

[3] Ср. с информацией, содержащей фактические ошибки, в «Хронике текущих событий» № 17, вышедшей в январе 1971 г.

[4] При этом сами тюремщики прекрасно отдавали себе отчет в тех рисках, которым подвергается психика заключенных, содержавшихся в одиночках. Так, 18 августа 1953 г. начальник тюрьмы Бегун запрашивал начальника следственного отдела 1-го главного управления МВД И. Ф. Рублева о возможности снятия номера

В тюрьме — и весьма долгое время — изоляция и по другим линиям. Так, Меньшагин попал в число «номерных» заключенных, общение с которыми даже у тюремщиков было минимальным: вместо фамилии — номер «Двадцать девятый!», эдакая «Железная маска» по-советски! Отсюда же, кстати, и одиночная камера[1].

Столкнувшись с этим, Меньшагин сразу же — ориентировочно в октябре–ноябре 1951 г. — попытался протестовать. Перечеркнутый черновик такого протеста сохранился среди конспектов прочитанной им литературы:

> Заключенного во Владимирской тюрьме МВД Меньшагина Б. Г.
>
> Жалоба
>
> Узнав из 1 раздела Г «Правил тюремного режима для срочных заключенных в тюрьме МВД», которые недели 3 тому назад были вывешены в камере, очевидно, для сведения и руководства, что заключенные имеют право писать по 1 письму в месяц, я пожелал воспользоваться этим правом, но тюремной администрацией мне было заявлено, что мне переписка не разрешается, равно как я не могу называться присвоенной от рождения фамилией, а лишь № 29.
>
> Считая, что такие, отдающие средневековьем, порядки вряд ли допустимы в социалистическом государстве, равно как и исключение для моей личности из общего установления для всей тюрьмы режима. Я прошу Вас дать об этом соответствующее указание начальнику Владимирской тюрьмы, а если таковые ограничения для меня были установлены...[2]

К тому же Меньшагин был здесь не один такой. Под «номерами» в тюрьме сидели бывший премьер-министр довоенной Литвы Антанас (Антон) Меркис и другие руководители балтийских государств вместе с членами их семей, причем именно они «расхватали» первую дюжину таких номеров. Под «номерами» содержались и Аллилуевы, свойственники Сталина[3].

и перевода в общую камеру заключенного № 24 Тибора Клемента, венгерского подданного, заболевшего в одиночке опасной формой тюремного психоза. Разрешение было получено. Его, как и Анну Сергеевну Аллилуеву (№ 23), направили для лечения в Казанскую тюремную психиатрическую больницу (ГА РФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 51. Л. 123–125, 137).

[1] См. соответствующую инструкцию: ГА РФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 51. Л. 16–19.

[2] На обратной стороне — конспект книги: *Иващенко А. Ф.* Гюстав Флобер. Из истории реализма во Франции. М., 1955 (АММ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 274 об.).

[3] См. перечень «номерных» заключенных, включая и Меньшагина (ГА РФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 51. Л. 27–28; он же — в списках заключенных особого контингента, содержавшихся во Владимирской особой тюрьме МГБ СССР за 1951 и 1953 гг. (Там же. Л. 58, 65, 75 и др.). Сам по себе порядковый номер Меньшагина (29) явно был одним из последних (самый высокий из встреченных номеров — 33).

Такая дезидентификация позволяла избегать утечки нежелательной информации через обычных, не-номерных, заключенных и приезжавших к ним на свидание родственников. И действительно: о Меньшагине, еще в Нюрнберге объявленном «пропавшим без вести», впервые узнали лишь незадолго до его освобождения.

Впрочем, у «номерных» зэка были свои — и существенные! — привилегии. Им разрешались отдых в постели и сон в любое время суток[1], хранение и использование лично им принадлежащих вещей, две, а не одна, часовых прогулки в день в крошечном внутреннем дворике, свои прически, а не стриженые наголо волосы. Раз в неделю их осматривал тюремный врач, и три раза в месяц им полагалась баня. Горячая пища выдавалась дважды в день, чай — утром и вечером, пища при этом должна была быть по возможности разнообразной. Дополнительные продукты питания и средства личной гигиены — мыло, зубную щетку, зубной порошок, писчую бумагу, ручки, карандаши, конверты, махорку, карамельки — можно было приобретать на свои средства в тюремном ларьке — через начальника тюрьмы[2].

Допускались, а иногда и приветствовались занятия в камерах умственным трудом, писание мемуаров, для чего заключенные могли получать бумагу, карандаши, чернила, ручки. Разрешалось заводить в камерах радиорепродукторы (негромкой слышимости), формировать личные библиотечки, выписывать центральные газеты и журналы и даже книги из владимирских библиотек[3].

Тому же Меньшагину начальник тюрьмы Журавлев прямо предложил писать мемуары. А получив согласие, стал выдавать ему бумагу — по пять писчих листов трижды в месяц.

Работа над воспоминаниями началась еще при Сталине и заняла три года — с 15 мая 1952 по 6 июня 1955 г.: «Воспоминания эти были посвящены моей жизни, работе и переживаниям за время с 22 июня 1941 и по 30 сентября 1951 года, то есть по день моего прибытия во Владимирскую тюрьму №2. Я тогда еще очень живо сохранял в памяти всё пережитое в эти годы во всех его деталях и переложил его на бумагу, придерживаясь

---

1 У остальных встроенные в стену постели раскладывались только на ночь и на один час после обеда.

2 Ассортимент в ларьке небогатый: 100 г маргарина — 36 копеек, батон белого хлеба — 18, плавленый сырок — 13, баночка повидла — 40, конфеты карамель, леденцы — 10–18 копеек, спички или конверт — 1 копейка, тетрадь — 2. Курево: пачка махорки — 6 копеек, сигареты «Ватра» или «Прима» — 15, «Астра» — 20 копеек. Обычно в ларьке брали 5 батонов, пачку маргарина и повидло (сообщено И. В. Закурдаевым).

3 *Закурдаев И.В.* Владимирский централ. История Владимирской тюрьмы. См. URL: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/69257/chitat_knigu.shtml

правила писать правду и только правду, ничего не выдумывая, не скрывая своих ошибок и заблуждений, но в то же время избегая и лицемерного осуждения себя»[1].

Рукопись воспоминаний отняли накануне освобождения, о чем еще будет рассказано.

Тюрьма при Хрущеве

Между тем после смерти Сталина тюремный режим — как бы сам собой — смягчился: отменили «номера», сняли оконные «намордники»[2], уменьшили число постовых (до одного в коридоре и одного на прогулке). Допустили к газетам и журналам: с января 1954 г. «угощали» «Правдой» и владимирским «Призывом», а позднее, когда Меньшагин сам стал библиотекарем и библиографом тюремной библиотеки, выписывали и «Известия», и даже толстые журналы. В течение 7 лет он переплетал и каталогизировал книги, готовил списки на очередную подписку и за всю эту библиотечную работу даже получал зарплату — два с полтиной в месяц.

В сентябре 1954 г. — новое послабление: вместо полосатой тюремной принесли личную одежду — тот самый костюм, в котором Меньшагин сдавался Советам в Карлсбаде. В апреле 1955 г. добавили час прогулок, а с октября 1955 г. назначили больничное питание. Разрешали смотреть телевизор, но только недолго и в обществе надзирателя.

Но общее смягчение режима содержания — это одно, а индивидуальный пересмотр состава инкриминируемого преступления, как и тяжести наказания за него, — совсем другое.

Во Владимире в Меньшагине вновь проснулся юрист, адвокат, правозаступник. Его упомянутый выше первый протест — против заменяющих имена номеров как «средневековых порядков» — писался осенью 1951 г., т. е. при живом Сталине и почти сразу же по водворении в тюрьму.

За 19 долгих тюремных лет Меньшагин написал, наверное, полтора десятка жалоб в различные центральные инстанции — от партийных и правительственных до Верховного суда, Генпрокуратуры и КГБ[3]. Им, похоже, всякий раз давался ход, каждую рассматривали примерно полгода или год, но ни одна не увенчалась успехом, если под таковым понимать даже не переквалификацию вины и смягчение реального наказания, а хотя бы признание аргументации, обосновывающей такое смягчение.

Тем не менее на отчаянных усилиях Меньшагина по своей частичной реабилитации есть смысл остановиться. Систематически они

---

1 Аудиоинтервью, взятое у Б.Г. Меньшагина Н.П. Лисовской 10 июня 1978 г. (АММ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 19. Л. 62).

2 Металлические планки под углом 45°, своего рода жалюзи.

3 Впрочем, его третий сосед по камере — Судоплатов — накатал аж 33 жалобы. И ни на одну не получил ответа.

отразились в двух надзорных (наблюдательных) производствах, сохранившихся в архивах союзной и российской прокуратур. Одно — за №9/862458 и всего на 18 листах — было открыто Прокуратурой РСФСР 3 декабря 1958 г. и посвящено его жалобам от ноября того же года о переквалификации обвинения и от августа 1969 г. о неправильности исчисления срока его заключения[1]. Другое — за №5757-58[2] и на 88 листах — было открыто ГВП в 1960 году, но содержит материалы, датированные и 1954 г.[3] Из этих производств известны и номера главных меньшагинских дел — тюремного («Дело заключенного Владимирской тюрьмы №333», насчитывавшее около 300 листов) и архивно-следственного, в четырех томах (№ ОС-101424). В ситуации, когда основные воспоминания Меньшагина и его тюремное дело уничтожены[4], а следственное дело недоступно, научная ценность надзорных дел многократно возрастает.

Собственно, все жалобы Меньшагина построены архетипически, схожим образом. С ходу признавая свою вину, он сообщал, что, будучи бургомистром Смоленска, оказывал разнообразную посильную помощь советским гражданам, оказавшимся под оккупацией, особенно военнопленным и молодежи, которой угрожал угон в Германию, а также нескольким евреям. Жаловался он на то, что в следственном деле, построенном по сугубо обвинительным лекалам, всё это ни малейшего отражения не нашло. Указывал и на грубые процессуальные нарушения как во время следствия, так и во время «суда». Особенно неправомерными он находил свое осуждение по Указу, текста которого ему никто ни разу не предъявил, как и передачу его дела в ОСО, а не в суд!

Предлагая признать эти факты, Меньшагин просил отменить столь суровое наказание как ошибочное и избыточное: справедливым сроком себе за содеянное сам он считал бы «десятку».

Присмотримся к аргументации меньшагинских жалоб, а равно и к тому, как реагировали на них инстанции, в которые он обращался, — благо это неплохо задокументировано в упомянутых надзорных делах.

Хронологически вторая из известных нам жалоб Меньшагина датируется ноябрем 1953 г., когда Сталин был уже полгода как мертв. Меньшагин, разумеется, не знал, что 1 сентября вышел УПВС, согласно которому «жалобы и заявления лиц осужденных по решениям об их отмене, сокращении срока наказания, досрочном освобождении и снятии судимости

---

1 ГА РФ. Ф. А-461. Оп. 3. Д. 10453.

2 Надзорное производство фигурирует также под №26812-45, восходящем, возможно, к номеру следственного дела в Смоленске в 1945 г. или на Лубянке в 1945–1951 гг.

3 ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085.

4 Коль скоро он не умер в тюрьме.

рассматриваются Прокуратурой СССР с учетом предварительного заключения по их делам МВД СССР»[1].

С жалобой на несправедливость и неправильность своего приговора и с требованием пересмотра своего дела он обратился прямо в МВД. Что по-своему логично, коль скоро Владимирская тюрьма находилась в его ведении. МВД тотчас же отпасовало жалобу в КГБ, что тоже по-своему «логично», ибо Меньшагин жаловался на произвол следователей именно этого ведомства.

Текст самой жалобы до нас, к сожалению, не дошел[2], зато имеется ответ и видна вся подноготная его подготовки. 7 мая 1954 г. заключение было готово и подписано. Его авторы — зам. начальника отделения отдела 2-го Главного управления КГБ подполковник Мельников, начальник 2-го отдела Следственного управления КГБ полковник И. Ф. Рублев и зам. начальника Следственного управления полковник Ю. А. Каллистов — отметали все аргументы Меньшагина на корню:

> Подобные заявления предателя и изменника родины легко опровергаются материалами следственного дела на Меньшагина, показаниями многочисленных свидетелей, допрошенных по его делу, и вещественными доказательствами. <...> Свою изменническую деятельность в Смоленске Меньшагин начал с установления особо жесткого режима для еврейской части населения города, а в августе–сентябре 1941 г. организовал в Смоленске еврейское гето (sic!), в котором было уничтожено 1400 чел. евреев, в том числе женщины, дети и старики.
>
> На допросе 27 августа 1945 года Меньшагин по этому поводу показал: «Я являлся сторонником физического уничтожения советских граждан еврейской национальности»[3]. <...>
>
> «Я считал, что борьба против советской власти вообще немыслима без физического уничтожения как партизан, так и других советских патриотов».
>
> Эти злодеяния Меньшагина против советских граждан подтверждаются показаниями свидетелей Раевского, Ефимова и Смирнова. <...>
>
> В апреле 1942 года при личном участии Меньшагина[4] были арестованы, а затем в СД физически уничтожены цыгане, в том числе дети, женщины и старики национального колхоза Михновского района Смоленской области.
>
> В целях борьбы с партизанским движением и выявления лиц, не нуждающихся с его точки зрения в доверии, Меньшагин установил порядок, обязывающий всех прибывавших в город являться лично к нему для

---

[1] *Епифанов, Кукулиев, 2006.* С. 118.

[2] В фактах попадания или непопадания меньшагинских жалоб в его персональное надзорное дело не прослеживается никакой закономерности.

[3] Представить себе Меньшагина утверждающим такое практически невозможно.

[4] Это не соответствует действительности.

беседы и получения разрешения на прописку. Таким образом при личном общении Меньшагин собирал данные, которые могли интересовать германские разведывательные органы, а явно подозрительных лиц направлял в комендатуру[1]. <...>

При непосредственном участии Меньшагина из Смоленска на принудительные работы в Германию было угнано несколько десятков тысяч человек трудоспособного населения[2]. <...>

На всем протяжении своей предательской деятельности на посту бургомистра г. Смоленска Меньшагин работал в тесном взаимодействии с СД и немецкой Полевой жандармерией, которой в 1943 был привлечен для сотрудничества с немецкими контрразведывательными органами. <...> Меньшагин в период своей работы в Смоленске неоднократно выступал по радио, а также в издававшейся в Смоленске газете «Новый путь» с контрреволюционными выпадами против советской власти. <...>

Перед наступлением Советской армии Меньшагин бежал вместе с отступавшим противником в Бобруйск, где, будучи назначен бургомистром города, продолжал проводить пособническую и предательскую работу. В Бобруйске им был организован филиал так называемого «Союза борьбы против большевизма», где Меньшагин лично проводил широкую вербовочную работу по вовлечению новых участников в этот союз.

Перед освобождением Белоруссии войсками Советской армии Меньшагин бежал в Западную Германию, где до капитуляции гитлеровских войск работал в антисоветском так называемом «Власовском комитете освобождения народов России».

За активную работу в пользу фашистской Германии, Меньшагин был награжден немецким командованием 4 орденами, получил звание майора немецкой армии.

Принимая во внимание, что преступная деятельность Меньшагина против Советского Государства материалами следствия в деле вполне доказана и осужден он к 25 годам тюремного заключения правильно, — полагал бы: ходатайство Меньшагина Б. Г. о пересмотре дела оставить без удовлетворения[3].

11 мая заключение было утверждено председателем КГБ И. А. Серовым и уже 12 мая — вместе с заявлением Меньшагина и его архивно-следственным делом — направлено заместителю главного военного прокурора СССР Д. П. Терехову, отвечавшему в ГВП за особо резонансные дела. Терехов спустил вопрос на рассмотрение прокурору ГВП полковнику

---

[1] Такие случаи известны, как и те, когда Меньшагин отказывал просителю, но при этом отпускал его на все четыре стороны.

[2] Напомним, что *всё* население города в период оккупации не превышало 35–45 тыс. жителей. Вербовкой и отправкой гражданского населения в Германию занималась не русская управа, а немецкая биржа труда. Тем не менее часть молодежи Меньшагин сознательно устраивал на мифические должности в системе своего управления, дававшей своего рода «бронь» от угона.

[3] ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 5–7.

юстиции Т.М. Кузяйкину, который аккуратно — буквально слово в слово — переписал заключение чекистов и повторил их вывод: «Дело по обвинению Меньшагина Бориса Георгиевича внести на рассмотрение Центральной Комиссии[1] с предложением: жалобу Меньшагина Б.Г. оставить без удовлетворения, в пересмотре решения по делу отказать!»

Тут, очевидно, имеется в виду созданная 5 апреля 1954 г. Центральная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении, ее председателем был генпрокурор СССР Р.А. Руденко.

Заключение Кузяйкина датировано 15 июня 1954 г. С визой Терехова и вместе с делом оно ушло к начальнику учетно-архивного отдела КГБ полковнику Я.А. Плетневу — на рассмотрение упомянутой Центральной комиссии по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении. Последняя заседала 26 июля и с заключением прокуратуры, разумеется, согласилась[2].

Решение Комиссии было сообщено Меньшагину в августе 1954 г. Тот, ознакомившись, остался не удовлетворен не столько самим отказом, сколько его аргументацией, опиравшейся на те же самые грубые искажения своих показаний, которые он в своей жалобе оспаривал.

29 января 1955 г. он повторил свою попытку, адресуясь на этот раз к председателю СМ СССР Г.М. Маленкову[3]. Это, пожалуй, самое подробное из всех меньшагинских обращений в инстанции. Прямая связь между «искажениями» в методах следствия и «искажениями» в аргументации обвинения и осуждения именно здесь раскрывается обстоятельней всего.

Так, в прямое нарушение статьи 111 УПК РСФСР в его деле раскрыты и показаны исключительно те обстоятельства, что изобличают его вину, которой он и так никогда и не отрицал, зато опущено всё, что говорило в его пользу и положительно характеризовало его осознанную деятельность вопреки немецким интересам. В качестве особо вопиющих нарушений УПК Меньшагин[4] называет: первое, запись показаний в искаженной форме, с исключением оправдывающих или снижающих ответственность

---

1 См. в сети текст: http://istmat.info/node/57849, а также комментарий: *Епифанов, Кукулиев, 2008*. С. 118–120.

2 На что ссылался и зам. начальника ЦА ФСБ Н.А. Иванов в своем ответе «Новой газете» и мне от 5 октября 2017 г. Суть же ответа — отказ в ознакомлении со следственным делом и воспоминаниями Меньшагина, предположительно хранящимися в этом архиве.

3 Полный текст этой и всех остальных жалоб Меньшагина см. в разделе «Письма».

4 Включая и те, что он сформулировал в более поздних жалобах.

фактов (нарушение статьи 138). Второе — отказ в гарантированном статьей 206 праве написать дополнительные собственноручные показания, третье — чудовищное превышение допустимых сроков следствия (нарушение статьи 116). Четвертое — последовательный отказ или уклонение всех его шести следователей от того, чтобы ознакомить его с тем Указом от 19 апреля 1943 г., по которому его осудили (нарушение статьи 135). Игнорировался даже такой очевидный и задокументированный факт, как явка Меньшагина с повинной в особый отдел 48-й дивизии 28 мая 1945 г.

В результате такой односторонности нагнеталось ощущение виновности и формировалось предвзятое к нему отношение. Отсюда же, по Меньшагину, — недоброкачественность следствия в целом, его несоответствие фактическому положению вещей. Так, ключевую роль в обвинении сыграл эпизод с арестом в ноябре 1942 г. девушки-развсдчицы, вероятно расстрелянной немцами. Но при этом опущены и проигнорированы как сами обстоятельства, при которых этот арест происходил (то самое нарушение статьи 138 УПК), так и то, что Меньшагин «сам рассказал об этом эпизоде на следствии, чего, конечно, не могло бы быть, если бы он в самом деле был предательством, а не злосчастной ошибкой». Свои отношения с немецкой полицией Меньшагин аттестует как в целом плохие и напряженные.

Смыслом же и лейтмотивом своей деятельности на посту бургомистра Смоленска Меньшагин называет поелику возможную «помощь бедствующим соотечественникам», выражавшуюся, в частности, в сокрытии сведений о коммунистах, в высвобождении из плена военнопленных и в воспрепятствовании под благовидными предлогами отправке в Германию жителей Смоленска.

Подытоживая и прося о содействии в смягчении своего наказания, Меньшагин подчеркивал, что сдался с повинной сам[1] — и только потому, что, хотя и был виноват, но ничего отягощающего эту вину за собой не чувствовал.

Получив эту жалобу 5 февраля, группа писем Управления делами Совмина СССР переадресовала ее через неделю... в ГВП! Но следов какой бы то ни было реакции на эту жалобу в надзорном деле нет.

С 9 по 13 сентября 1955 г. Москву посетил первый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр. Визит был поистине исторический, а для десятков тысяч немецких военнопленных, всё еще — упорно и под любыми предлогами — удерживавшихся в СССР, судьбоносный.

Но не для них одних! Уже 17 сентября 1955 г. была объявлена амнистия лицам, сотрудничавшим с немцами, если только на них не было

---

[1] В этом было, конечно же, лукавство, ибо подлинной причиной было отчаяние от разлуки с семьей.

ответственности за конкретные убийства или истязания. Для тех, у кого приговор превышал 10 лет, указ предусматривал располовинивание срока, что в случае Меньшагина означало бы выход на свободу в конце 1957 г.

20 сентября, опираясь на указ об амнистии и на слова Н. А. Булганина[1], произнесенные им в ходе переговоров с канцлером, Меньшагин — внимательнейший читатель газет — незамедлительно обратился к новому премьеру:

> 13 сентября при переговорах с представителями Германской Федеральной Республики (sic!) Вы заметили, что те советские граждане, которые возвратятся из Западной Германии на Родину, не будут строго наказываться за совершённые ими против Советского Государства проступки. <...> Мне кажется логически совершенно бесспорным, что, если не будут строго наказываться те, кто сейчас будет возвращаться в СССР, то тем более, это должно быть применено к человеку, сделавшему это более 10 лет тому назад.
>
> Поэтому я прошу Вашего распоряжения о пересмотре моего дела и соответствующем облегчении моей участи[2].

Меньшагин апеллировал к тексту Указа об амнистии: в статье 4 записано, что амнистия не применяется только к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан, а это ему, Меньшагину, не инкриминируется; кроме того, он добровольно явился с повинной, что, по статье 7 Указа, также являлось смягчающим обстоятельством. Государство, впрочем, издавая этот указ, целило не в таких, как Меньшагин, а в таких, как Дьяконов или как его собственная жена или дочь. Так что указ об амнистии ему не помог.

При этом осенью 1956 г. с Меньшагиным солидаризировалась даже тюремная администрация. 24 марта 1956 г. был издан УПВС «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления», согласно которому на местах создавались новые комиссии для проверки обоснованности осуждения перечисленных категорий[3]. Соответствующая Владимирская комиссия даже сделала по поводу Меньшагина представление на освобождение.

К кому бы и когда Меньшагин ни обращался, все его жалобы первым делом попадали в ГВП, где воспринимались, вероятно, как старая знакомая песня — одна и та же, но перманентная петиция. Но на этот раз и в самой ГВП закрались сомнения в безупречности следствия, о чем свидетельствует следующая «Справка» от 11 октября 1955 г.:

---

[1] Он сменил Маленкова на посту председателя Совмина.

[2] Датировано 21 сентября 1951 г. (АММ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 21 об.).

[3] См.: *Епифанов, Кукулиев, 2008*. С. 124–126.

В жалобе Меньшагин указывает на нарушения законности при производстве следствия по его делу, оспаривает правильность квалификации его действий по Указу от 19.IV.1943 г.

В заключении эти доводы не опровергнуты и не приведены доказательства, на которых основано обвинение, по которым осужденный Меньшагин осужден по Указу от 19.IV.1943 г. к 25 годам тюрьмы, однако такой меры наказания этот указ не предусматривает.

В свете Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября с. г. полагал бы:

истребовать дело Меньшагина.

<Подпись, нрзб> 11.10.1955[1].

Назавтра дело Меньшагина было затребовано ГВП в Учетно-архивном отделе КГБ, и результатом его изучения едва не стал прокурорский протест. 21 января 1956 г. зам. начальника Отдела по надзору за местами заключения Прокуратуры РСФСР, государственный советник юстиции 3-го класса Н. Зарубин направил в ГВП[2] — вместе с личным делом Меньшагина — представление Прокуратуры РСФСР[3] на вынесение протеста на Постановление ОСО от 12 сентября 1951 г. на предмет изменения Меньшагину меры наказания: его содержание в тюрьме незаконно, ибо нарушает примечание к статье 20 УК РСФСР, поэтому во имя торжества законности тюрьму Меньшагину следует заменить на исправительно-трудовой лагерь, т. е. на ГУЛАГ.

Самый срок приговора — 25 лет — здесь даже не обсуждается, зато поддержан вопрос, поднятый в жалобе Меньшагина: «Одновременно, для решения вопроса о возможности применения к Меньшагину амнистии по Указу от 17 сентября 1955 года сообщить прокуратуре РСФСР, за какую конкретную деятельность он осужден, так как в постановлении Особого совещания нет описания совершённого им преступления»[4].

Получив представление из союзной ГВП, Д. И. Машин (Прокуратура РСФСР) оперативно — уже 23 января — направил его начальнику Отдела по надзору за местами заключения Прокуратуры РСФСР, государственному советнику юстиции 3-го класса Шахову, где оно и легло под сукно. А когда 17 апреля 1956 г. всё тот же Машин обратился всё к тому же Шахову еще раз, требуя ускорить рассмотрение и подачу протеста, на деле возникает интереснейшая помета Терехова: «19.5.56 доложил т. Руденко Р. А. Он дал указание устно сообщить т. Круглову (прокурору РСФСР), что делом Меньшагина им заниматься не следует, что дело

---

1 ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 19.

2 Копия — начальнику Отдела по надзору за местами заключения Прокуратуры РСФСР, государственному советнику юстиции 3-го класса тов. Д. И. Машину.

3 За № 13-124-113/101 от 12 января 1956 г.

4 ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 21.

будет рассмотрено в Комиссии[1]. 21.5. передал это т. Круглову в ГВП. Д. Терехов»[2].

До чего же выразителен этот прокурорский окрик: «Стоп! Делом Меньшагина *не сметь* заниматься!»

Роман Руденко уж точно не забыл тот нюрнбергский срам с «Катынским делом». И лишний раз дал понять: случай Меньшагина совершенно особый — не юридический, а политический, о чем в российской прокуратуре или забыли, или не знали. Так что, коллеги, не докучайте КГБ запросами о конкретных преступлениях и зверствах, совершённых или не совершённых Меньшагиным. Он остается, где находится, — точка!

И в декабре 1956 г. Меньшагин получил — из ГВП! — хорошо знакомый ему ответ, датированный 30 ноября: никакой амнистии!

Главным протестным пунктом у Меньшагина к этому времени стало уже не применение к нему Указа 1943 г.[3], а неприменение к нему амнистии 1955 г., т. е. отказ в пересмотре дела. Между ноябрем 1956 и ноябрем 1962 г. Меньшагин еще четырежды обращался наверх, приводя всё новые и всё более веские, на его взгляд, доводы о несправедливости, допущенной по отношению к нему. Адресата первого из этих писем мы не знаем, адресат второго — председатель Верховного суда РСФСР Анатолий Тимофеевич Рубичев (1903–1973), а адресат третьего и четвертого — снова Хрущев.

К Рубичеву Меньшагин обратился 15 ноября 1958 г. — и потому именно к нему, что само осуждение по Указу от 19 апреля 1943 г. юридически некорректно, поскольку прерогативой осуждения по этому указу обладал Военный трибунал, а не осудившее Меньшагина ОСО: «Имея в виду, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1956 г. пересмотр дел, разрешенных в свое время Особым совещанием, возложен на Верховные суды республик и Президиумы областного суда, учитывая, что следствие по моему делу заканчивалось 2-м Управлением МГБ СССР, я прошу об истребовании моего дела из КГБ СССР и о принесении протокола на предмет изменения квалификации обвинения на ст. 58-1-а УК РСФСР с освобождением от дальнейшего наказания в силу амнистии, согласно ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г.»[4].

Между тем в 1958 г. и в тюремном распорядке произошли перемены — и на сей раз к худшему: отменили даже телевизор (правда, начали

---

[1] Комиссия Президиума Верховного Совета СССР.

[2] ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 26.

[3] Нарушением было и само осуждение Особым совещанием, а не Военным трибуналом, чьей строгой «прерогативой» являлся этот указ.

[4] ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 39–40. Надпечатка вверху: «Подано 19/IX 1958 г. тюрьмы № 2».

показывать кино). А в 1961 г. — перед самым XXII съездом КПСС — сократили переписку до одного письма в месяц и право на получение посылки — не более одной и весом не более 5 кг в полгода[1]. 21 мая 1962 г. Меньшагин (единственный раз за все 25 лет) был даже наказан в административном порядке — за нарушение порядка при подъеме[2].

27 августа 1960 г. Меньшагин снова жаловался Хрущеву, а 21 ноября 1962 г. — еще раз. Отвечая на первую из этих жалоб в декабре 1960 г., прокуратура на всякий пожарный купировала еще один канал облегчения тюремной участи Меньшагина. 9 декабря зам. прокурора Владимирской области старший советник юстиции П. Спешов сообщал прокурору отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР старшему советнику юстиции тов. Н. Щетининой, что «вопрос о применении к Меньшагину УПВС от 25 апреля 1960 года “О смягчении мер наказания вставшим на путь исправления лицам, осужденным до введения в действие Основ уголовного законодательства СССР и Союзных республик [Упоминаемые «Основы...» были приняты 25 декабря 1958 г. — *П.П.*] к лишению свободы на сроки свыше установленных ст. 23 Основ”, в июне 1960 года по представлению УКГБ по Смоленской области рассматривал КГБ при СМ СССР и пришел к выводу о нецелесообразности снижения Меньшагину срока наказания до высшего предела, установленного ст. 23 Основ, то есть до 15 лет. Заключение КГБ утверждено зам. председателя КГБ при СМ СССР А.И. Перепелицыным 25 июня 1960 г.: «Со своей стороны считаем, что из-за тяжести совершённых Меньшагиным преступных деяний в настоящее время нецелесообразно применять к нему ст. 23 Основ уголовного законодательства СССР и Союзных республик»[3]. Обратите внимание на неожиданное возникновение в этом контексте УКГБ по Смоленской области.

Жалобы 1960 г. в надзорном производстве нет, а вот жалоба от 21 ноября 1962 г. имеется. Вряд ли Меньшагин учитывал внешнеполитический расклад (адресат еще не отошел от Карибского кризиса), но новый внутриполитический расклад и новый имидж Хрущева как разоблачителя культа личности и борца за справедливость он явно учел. Впервые в череде своих писем наверх Меньшагин решился апеллировать к своему довоенному адвокатскому опыту борьбы

---

[1] Впрочем, оба эти ухудшения Меньшагин с его статусом строго изолированного лица никак не почувствовал, — в отличие от сообщающего о них Судоплатова (*Судоплатов, 1996*. С. 473; там же сообщается и о расстреле в крытке в сентябре 1961 г. десяти участников голодного бунта в Муроме).

[2] ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 54 об.

[3] ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 52.

с беззаконием и к самому беззаконию как фактору принятия решения о сотрудничестве с немцами:

> В 1937 г. меня, как одного из наиболее квалифицированных защитников стали назначать для участия в проходивших тогда в Смоленске показательных процессах «вредителей». Вскоре вообще 70–75% моей работы проходило в закрытых заседаниях суда, рассматривавшего политические дела. То, что я увидел там, потрясло всё мое существо, вызывало гнев и возмущение. Хорошо помню 1 сентября 1939 г. Мне пришлось при подобных обстоятельствах встретиться с бывшим моим командиром по службе в Красной армии комбригом П. М. Ступиным. Я знал его как боевого, энергичного, всецело преданного делу командира, орденоносца, а сейчас видел издерганного, с дрожащими руками, плачущего человека. Слушая рассказ о насилиях и издевательствах, которыми вынуждено было его признание в участии в заговоре летчиков, якобы намеревавшихся бомбардировать Кремль, слушал и сам еле удержался от слез. Правда, мне удалось помочь Ступину и ряду других моих подзащитных выкарабкаться из беды, но это была капля в море беззакония, развившегося в те годы.

Продолжая, Меньшагин перечислил свои антинемецкие заслуги на посту бургомистра:

> Работая бургомистром, я не участвовал в злодействах и делал всё, что мог, чтобы помочь обращавшимся ко мне; я очень много вытащил из лагеря военнопленных, давая за них свое поручительство, хотя большинство из них я вовсе не знал; от многих отвел смертную угрозу; сообщил немцам об отсутствии в Смоленске лиц, состоявших в Коммунистической партии, хотя ряд таких лиц работал в подведомственных мне организациях; многих спас от отправки в Германию. Конечно, делал я это не по тайным соображениям, а просто по-человечески сочувствуя людям.
>
> А между тем именно эти обстоятельства и дали мне силу явиться с повинной, чего, конечно, не могло бы случиться, если бы я запятнал себя кровавыми преступлениями. Отсутствие их подтверждает и то, что предварительное следствие, хотя и продолжалось более 6 лет, однако ничего нового по сравнению с моими показаниями не установило и дело до суда так и не дошло, а закончилось внесудебным порядком, а ведь и в те годы немецких пособников, как правило, судили военные трибуналы.
>
> Уже 17 ½ лет нахожусь я в одиночном заключении, не имея возможности ни с кем обменяться словом или мыслью. Мне думается, что я уже стал чемпионом мира по одиночному заключению.

Хрущев для Меньшагина — единственная и последняя инстанция, способная изменить его судьбу:

> Для меня ясно, что обращаться снова в Прокуратуру СССР бесполезно, так как всё, что мог, я сказал, нового ничего придумать не могу; на мои бесспорные, как мне кажется, доводы внимания не обращают.

> Поэтому я и решил еще раз обратиться к Вам, Никита Сергеевич. Я очень прошу Вас — помогите! Пусть внимательно и без предвзятого подхода рассмотрят мою просьбу[1].

Интересный казус случился в 1963 г. — в год 15-летия «Декларации прав человека», принятой ООН в 1948 г. Прочтя в «Правде» статью о нарушении прав человека в Испании и Греции, где узников тюрем частенько бросают в одиночные камеры, Меньшагин еще раз просигналил о том, что является «чемпионом мира по сидению в одиночке» и тем самым живым примером нарушения прав человека и в СССР.

Похоже, что на этот раз он не писал Хрущеву, а воспользовался неожиданными контактами с владимирскими тюремным и кагэбэшным начальством. Подробности мы встречаем в жалобе 1965 г., адресованной КГБ. Оказывается, 20 июня 1963 г. у Меньшагина была встреча с сотрудниками управления КГБ по Владимирской области[2], после которой в его сознании вдруг сложился «пазл» собственной судьбы — с 6-летним следствием, со внесудебным приговором, с одиночным и номерным заключением, а в особенности — с незаконным, но систематическим отказом в применении к нему амнистии 1955 г.

Всё это приобретало рациональный смысл лишь если допустить влияние какого-то мощного «привходящего обстоятельства», как он это сам для себя назвал[3]. Источником такой «черной гравитации» могло быть — и было — только одно: Катынское дело и его экскурсия 18 апреля 1943 г. на эксгумацию. Своим озарением Меньшагин в тот же день поделился с владимирскими чекистами.

Назавтра, 21 июня 1963 г., Бориса Георгиевича вызвал к себе зам. начальника тюрьмы подполковник Белов и предложил: первое — перевод в лучшую камеру и улучшение бытовых условий, и второе — командировку в Минск. Съездить в тамошнюю тюрьму на весьма привилегированные условия — ну и немного поработать там... «наседкой».

Без труда поняв, как его хотят развести, Меньшагин вежливо отказался от второго: «Спасибо, не подойдет». Несмотря на это, уже через пять дней, 26 июня (а если по тюремной документации, то 26 августа), исполнилось первое: его перевели в теплую камеру 2-23 — камеру на двоих.

Подселили к нему Степана Соломоновича Мамулова (Мамулянца, 1902–1976), бывшего генерал-лейтенанта гб, служившего у Берии то начальником секретариата, то одним из замов, курировавшим в том числе и ГУЛАГ. Арестованный после смерти шефа, Мамулов получил в декабре

---

[1] ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 55–56.

[2] Почти тогда же, 26 июня 1963 г., из Владимирской тюрьмы вышел первый заключенный из посаженных на «бериевской волне» — академик Шария (*Судоплатов, 1996*. С. 475–476).

[3] См. в наст. изд., с. 604.

1953 г. 15 лет, 3,5 месяца из которых — до 10 ноября 1963 г. — он провел в обществе Меньшагина.

Общение явно пошло на пользу Мамулову, он преуспел как минимум в двух пунктах. Пункт первый: Мамулов попросил о разрешении получать из дома дополнительную посылку, — якобы для того, чтобы иметь возможность делиться с одиноким соседом. Разрешение он получил, посылки из дома регулярно получал и с соседом исправно делился, — каждый раз давая ему аж целое яблоко!

Пункт второй: узнав про библиотечную «подработку» своего сокамерника (аж на два с половиной рублей в месяц!), Мамулов настолько иззавидовался, что добился того, чтобы работу эту у Меньшагина отобрали и передали ему, Мамулову.

Настоящий чекист, нечего сказать! Какие блестящие спецоперации!..

Тюрьма при Брежневе

Вторым по счету соседом Меньшагина был советский разведчик, майор госбезопасности Матвей (Матус, Макс) Азарьевич Штейнберг (1904–1997). Они встретились впервые в камере еще при Хрущеве (22 января 1964 г.), а расстались — при Брежневе (8 января 1966 г.). Вместе провели почти два года. Меньшагин вспоминал, как встречал с ним Новый год — не то 1965-й, не то 1966-й. Панъевропейский шпион-нелегал[1], Штейнберг получал в тюрьме даже «Юманите» с «Нойес Дойчланд». Меньшагин помог ему составить жалобу, благодаря которой Штейнберга выпустили аж на целый год раньше.

Третьим и последним сокамерником Меньшагина был генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов (1907–1996), перворазрядный агент-убийца и организатор убийств. В 1953–1958 гг. благодаря искусно примененной тактике «коматозного ступора»[2] он избежал общей участи приближенных к Берии чекистов и получил вместо пули 15 лет тюрьмы — с зачетом своего спектакля[3].

Их совместное проживание-уживание было довольно кратким — всего около 20 дней — со 2 по 21 августа 1968 г.[4], когда у Судоплатова истек его срок.

Немного странно, что, приводя столь обильные сведения о Судоплатове[5], Меньшагин о своем третьем сокамернике ни словом не обмолвился. Между тем он зафиксирован и в тюремной документации, и в воспоминаниях Судоплатова: «Несмотря на мое ходатайство оставаться

---

[1] Таких как он, называли еще «агентами глубокого оседания».

[2] *Судоплатов, 1996*. С. 441–448. Подробнее: *Меньшагин, 1988*. С. 123–129.

[3] См. также воспоминания самого П. А. Судоплатова о Владимирской тюрьме, в том числе и о Б. Г. Меньшагине (*Судоплатов, 1996*. С. 449–490).

[4] День оккупации Чехословакии.

[5] В частности, в: *Меньшагин, 1988*.

в одиночной камере, через год мне подсадили сначала Брика[1], затем Штейнберга, а позже бургомистра Смоленска при немцах Меньшагина. Наши отношения были вежливыми, но отчужденными»[2].

В личном разговоре с В. Абариновым Судоплатов был менее сдержан, отозвавшись о соседе «...крайне неприязненно: “враг”, “предатель”. По его словам. Меньшагин ездил в Берлин для переговоров с генералом Власовым и “церковниками”, где и получил от германских властей медаль. В юности, сообщил Судоплатов. Меньшагин был церковным старостой, досконально знал историю всех московских храмов: первое, что он сделал как бургомистр, — открыл Успенский собор»[3].

4 апреля 1965 г., еще в бытность «соседом» Штейнберга, Меньшагин обратился к председателю КГБ, каковым в 1961–1967 гг. был Владимир Ефимович Семичастный (1924–2001): «Не может быть 2 мнений о том, насколько вредно для полного и правильного освещения моей деятельности в период войны отразилась такая односторонность предварительного следствия, во много раз усугубившаяся в результате того, что мое дело так и не дошло до суда, а было разрешено во внесудебном порядке».

Послание вышло весьма неожиданным — свидетельством запоздалого осознания Меньшагиным роли Катыни в своей судьбе и, как следствие, желания нейтрализовать или минимизировать это влияние. Экс-бургомистр Смоленска предлагал КГБ как бы джентльменскую сделку — личное обещание молчать о Катыни в обмен на освобождение:

> Я даю честное слово, что в случае освобождения я никаких суждений по этому вопросу высказывать не буду.
>
> Все, кто знал меня до тюрьмы, знают, что я всегда был хозяином своего слова. <...>
>
> Если потребуются от меня какие-то дополнительные пояснения или действия, я готов их дать в любой момент[4].

Реакция на это предложение — ожидаемо нулевая. Пускай помалкивает и досидит до конца срока, а там посмотрим. (А может быть, не стали дешевить: не пошел же Меньшагин с козыря — предложения лично «засвидетельствовать» о немцах как о Катынских палачах.)

---

[1] По Судоплатову, арестованный при попытке бежать в США Владимир Брик, племянник Осипа Брика (*Судоплатов, 1996*. С. 466). На самом деле — Евгений Владимирович Брик (1921–?), разоблаченный двойной советский и канадско-британский агент «Харт», арестованный 19 августа 1955 г. и осужденный к 15 годам тюрьмы. В 1964 г. из Владимира был переведен в Дубровлаг в Мордовии.

[2] *Судоплатов, 1996*. С. 467.

[3] *Абаринов, 1991*. С. 177.

[4] ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 65–66.

А 12 мая 1968 г. Меньшагин обратился к Генпрокурору СССР, коим по-прежнему — от смерти Сталина до своей собственной смерти — оставался его главный «доброжелатель», несменяемый Роман Андреевич Руденко (1907–1981). Как юрист юристу, Меньшагин писал:

> В связи с тем, что 1968 год, в ознаменование 20-летия со дня приема Организацией Объединенных наций «Декларации прав человека» от 10 декабря 1948 года, объявлен годом прав человека, [в связи с тем,] что и в нашей стране проходят по этому поводу выступления как теоретиков правовой науки, так и практических работников судебно-прокурорских органов, и основываясь на ст. 11-й этой Декларации, гласящей: «Каждый обвиняемый в совершении преступления имеет право считаться невиновным, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности защиты», я хочу вновь обратить внимание прокуратуры на мое дело.
>
> Постановлением Особого Совещания при министре Государственной Безопасности СССР от 12 сентября 1951 года я был осужден на основании ч. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. к заключению в тюрьме на 25 лет, считая срок с 7 июня 1945 года.
>
> Этот факт уже сам по себе говорит о нарушении в отношении меня требований приведенной выше ст. 11 Декларации прав человека.
>
> Люди, решившие мою судьбу, не только не видели меня, не слышали моих объяснений, но по существу и вовсе не знали их, так как те показания, которые составлялись следователями и подписывались мною, лишь частично отражали то, что я говорил, ибо всё, что в той или иной степени было в мою пользу, вовсе опускалось, то есть были опущены все мои объяснения о причинах событий и об обстоятельствах, при которых они происходили, сами же факты втискивались в определенные трафаретные формулы и снабжались соответствующими им эпитетами, которые я сам не употреблял и употреблять не мог. <...>
>
> Но логика самих фактов говорит в мою пользу; добровольная явка с повинной без всяких ухищрений сразу же по окончании войны; ни один из допрошенных по моему делу свидетелей о каких-либо злодеяниях с моей стороны не показал, что совершенно немыслимо, если бы они имели место; следствие продолжалось больше 6 лет и всё же дело окончилось во внесудебном порядке, чего, конечно, не было бы при установлении каких-либо тяжких преступлений. Поэтому после издания Указа Президиума Верховного совета СССР от 17 сентября 1955 г. об амнистии лиц, сотрудничавших с немцами, за исключением осужденных за убийства и истязания, я считаю свое заключение незаконным.
>
> Если мне не верят, то должны доказать где, когда, кого я убил или истязал, или же в чем выразилось мое участие в этих преступлениях. «Попытки наделения правом признания лица виновным внесудебные органы неизбежно приводят к нарушению социалистической законности», писал председатель Верховного Суда СССР, ссылаясь на подобную практику

по делам о государственных преступлениях («Известия» № 287). Это авторитетное свидетельство полностью применимо к моему делу.

Я еще раз прошу Прокурора СССР о восстановлении законности в отношении меня и об освобождении меня от оставшихся 2-х лет заключения.

Смысл этого обращения наверх уже совершенно иной, чем обращения в КГБ. В сущности, это подытоживающая оценка Меньшагиным (подчеркнем: как юристом) той откровенной правовой несправедливости (называть ее правовой некорректностью не поворачивается язык), допущенной советской властью по отношению к нему как правонарушителю. На положительную реакцию он уже не надеялся, но сама эта противоправность добавляет его историческому лицу краски и жертвенности[1].

И действительно: просьба «скостить» хотя бы два последних несправедливых года тоже не была услышана. И единственное, в чем Меньшагин со всеми своими перманентными жалобами преуспел, — это признание осенью 1969 г. началом его срока не 7 июня, а 28 мая 1945 г. Но даже за это сотрудникам Прокуратуры РСФСР пришлось невольно, но основательно побороться: оба надзорные производства хорошо документируют то, с каким скрипом, — вплоть до проволочек с предоставлением следственного дела! — КГБ соглашался хотя бы на это.[2]

Надо сказать, что в 1969 г., за год до истечения своего срока, Борис Георгиевич натерпелся новых страхов. Связано это было с делом Святослава Иосифовича Караванского (он же Мельник Сергей Иванович; 1920, Одесса — 2016, Балтимор), украинского журналиста, сидевшего в той же Владимирской тюрьме и проведшего к тому времени в тюрьмах и лагерях около 20 лет (в 1945–1960 и 1965–1979, с 1979 г. он в эмиграции). 23 апреля 1969 г., во время свидания с женой, Ниной Антоновной Строкатой (1926, Одесса — 1998, Дентон), он попытался передать на волю 69 страниц «текстов антисоветского содержания», записанных тайнописью[3].

Среди них два — якобы меньшагинские[4]. Первый — обращение в Международный Красный Крест, поименованное в деле Караванского как

---

[1] Есть в этой противоправности еще и то дополнительное следствие, что она заблокировала доступ к следственному делу, как и к другим документам Меньшагина в ЦА ФСБ (см. ниже).

[2] ГА РФ. Ф. А-461. Оп. 3. Д. 10453. Л. 8–18; Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 84–88. Эта жалоба рассматривалась «по территориальности» Прокуратурой РСФСР, и материалы этого рассмотрения отложились в надзорном деле.

[3] См. в надзорном производстве № 13/1675-65 по делам Караванского письмо начальника отдела по надзору за следствием в органах гб старшего советника юстиции Г. П. Малого прокурору того же отдела ст. советнику юстиции Я. М. Новикову (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 99739а. Л. 130–132).

[4] Если вспомнить Базилевского и Нюрнберг, то прямо синдром какой-то — вложить бургомистру в уста что-нибудь решительно не его!

«Прошение»[1], — был датирован 9 декабря 1968, второй — «Завещание» — 23 февраля 1969 г. Документы почти идентичны, второй содержит дополнительные призывы к мировой общественности не иметь дела с СССР и упоминает чехословацкие события 1968 г.[2]

Первое же знакомство с документами не оставляет сомнений: сам Меньшагин к их написанию ни малейшего касательства не имел. Одни только «Миньшаин», «Борис Федорович», «белорусское гражданство», «участие в немецкой комиссии» или «Белград» чего стоят!

Очевидно, что их подлинный автор, — Караванский — не имел с «Миньшаиным» прямого контакта, максимум — косвенное и далекое, через третьих лиц, касательство. Этими третьими лицами вполне могли быть знакомые Меньшагину оуновки-«западэнки»: Дидык, Зарицкая или Гусяк. Услышав от них рассказ об этой «железной маске» и поразившись его причастности к истории с Катынью, Караванский тотчас уловил ее скандальный потенциал. И вот, мешая правду и домыслы, он разогнал всю силу и волю своего воображения и накатал с помощью салицилата натрия[3] свои пламенные «параши»[4], рассчитывая в случае успеха с их передачей на запад сорвать свой политический куш.

Бориса Георгиевича Меньшагина, разумеется, привлекли к процессу Караванского. 28 августа 1969 г. следователь КГБ Пархоменко[5] допрашивал его в качестве свидетеля: Меньшагин заявил ему, что ни Караванского, ни обстоятельств расстрела поляков не знает. В качестве свидетеля Меньшагин повторил свои показания 17 апреля 1970 г. на закрытом заседании Владимирского облсуда по делу Караванского, осужденного спустя 6 дней на дополнительные 10 лет: «Свидетель Меньшагин Б.Г. показал, что связи с заключенным Караванским он не поддерживал и писать от своего имени провокационные заявления по так называемому “Катынскому делу” Караванскому не поручал»[6].

Всё же нельзя не отметить помимо богатого мифотворческого воображения и безграничного самоуправства Караванского. По отношению к лично ему незнакомому, но вполне конкретному «Меньшаину» его рукоделие было ничем иным, как провокацией и принесением в жертву.

---

1 В оригинале такого заголовка нет. См. текст «Прошения» в Документе № 15.

2 Отраслевой государственный архив Службы безопасности Республики Украина (Киев). Ф. 1. Д. 976. Л. 330–336. URL: http://avr.org.ua/index.php/viewDoc/25130/.

3 Химикат для невидимых чернил.

4 Так в тюрьме называли оговоры и недостоверные, часто выдуманные, свидетельства и документы.

5 Пархоменко Петр Николаевич, полковник. На 1971 г. — начальник отделения следственного отдела КГБ УССР, затем начальник этого отдела. На 1986 г. — 1-й зам. начальника УКГБ по Киеву и Киевской обл. Почетный сотрудник гб.

6 *Меньшагин, 1988.* С. 141. О деле Караванского см.: *Меньшагин, 1988.* С.137–158.

Впрочем, и суд тогда не постеснялся приписать Меньшагину такое утверждение: «Далее Меньшагин пояснил, что ему, как бывшему бургомистру города Смоленска, обстоятельства уничтожения польских офицеров в 1942 г. не известны, однако, он убежден, что польские военнопленные были расстреляны немецкими фашистами»[1].

Обратите внимание на дату суда — 17 апреля 1970 г.: до окончания собственного 25-летнего срока Меньшагина — всего месяц! И он не сомневался: всё это спецоперация КГБ лично против него — с целью накинуть десятку и не выпустить из тюрьмы.

Дополнительного срока не накинули, но и с рук эта история ему не сошла. На прощание он получил мощнейший удар — у него отобрали воспоминания, которые, с официального разрешения начальника тюрьмы, он писал в 1952–1955 гг. Видимо, «ордер» на такое же чудо, как с рукописью «Розы Мира» Даниила Андреева, затесавшейся в мешок с грязными портянками[2], дважды на одну тюрьму не выдается.

Меньшагинская рукопись хранилась у него в камере, но в марте 1970 г. — за месяц до суда над Караванским и за два месяца до истечения меньшагинского «четвертака» — ее вежливо «попросил» начальник тюрьмы В. Ф. Завьялкин. Сказал, что для ознакомления, обещал вернуть. Но когда в конце мая Меньшагин действительно освобождался, Завьялкин якобы был в отъезде, а офицер, который его якобы замещал, говорил так: «какая рукопись? ничего не знаю, ничего не слышал...»

Но офицер врал: Завьялкин не был в отъезде. 27 мая 1970 г., т. е. за день до выхода Меньшагина на свободу, он подписал ему следующее «выходное свидетельство»:

ХАРАКТЕРИСТИКА

на осужденного Меньшагина Бориса Георгиевича, 1902 года рождения, уроженца г. Смоленска, русского, гражданина СССР, беспартийного, образование высшее, осужденного 12 сентября 1951 года Особым совещанием при Министерстве Государственной Безопасности Союза ССР по ч.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 года за измену Родине и предательскую деятельность — к 25 годам тюремного заключения.

Начало срока 28 мая 1945 года.

Конец срока 28 мая 1970 года.

Осужденный Меньшагин за весь период нахождения в местах заключения по материалам личного дела характеризуется с положительной стороны.

В учреждении ОД-1/ст-2 г. Владимира содержится с 30 сентября 1951 года. За период содержания в учреждении также зарекомендовал себя в основном с положительной стороны.

---

1 ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 99739а. Л. 164. См. также: *Меньшагин, 1988*. С. 141.

2 См. в наст. изд., с. 211–212.

Ранее предоставлялась возможность трудиться, к работе относился добросовестно. В настоящее время из-за отсутствия возможности на работу не выводится. Иногда требует к себе особых условий содержания. Были случаи необоснованного отказа от приема пищи. В поведении с администрацией и сокамерниками высокомерен.

Начальник учреждения ОД-1/ст-2 (В. Завьялкин)
Ст. инструктор ПВР[1] (Федотов)[2]
27.5.1970 г., г. Владимир[3].

Назавтра, 28 мая 1970 г., Борис Георгиевич Меньшагин вышел на свободу. Освобождался он из камеры 2-30, в которой провел — и провел в одиночестве, на сей раз желанном! — свой последний тюремный год.

Меньшагин «отбарабанил» свой «четвертак» полностью, все 25 лет — день в день! Из них в одиночке 22 с половиной года, в том числе 19 лет во Владимирском централе.

Сразу же по выходе на свободу, еще в июне 1970 г., Меньшагин направил письменный запрос с просьбой вернуть ему рукопись, но получил примерно следующий ответ: рукопись, по заключению компетентных органов, возвращению не подлежит.

Государству, понятно, записки эти нужнее, ведь оно и на бумагу с чернилами в свое время потратилось.

После тюрьмы: заполярный интернатовец

Долгие зимы в Княжой Губе

На момент освобождения Меньшагину было 68 лет, и податься он хотел бы в Москву, к родственникам жены. Но советская власть уже обо всем подумала и обо всем позаботилась. Его, 68-летнего, ждал инвалидный дом для престарелых. Так поступали власти с освободившимися из заключения одинокими достигшими пенсионного возраста (а также людьми без гражданства или с теми иностранцами, о судьбе которых никто за рубежом не беспокоился). Их в 1950-е гг. оставляли в Зубово-Полянском инвалидном доме в Мордовии.

По ничем не подтвержденным сведениям Л. Котова, Меньшагин просился куда-нибудь на Смоленщину. Но якобы получил от Смоленского

---

[1] Политико-воспитательной работы.

[2] Федотов Николай Васильевич — ст. лейтенант внутренней службы; позднее капитан, зам. начальника тюрьмы по режимно-воспитательной работе.

[3] Впервые: *Меньшагин, 1988*. С. 7–8. Оригинал — в домашнем архиве Н.Г. Левитской. К характеристике прилагалась еще и «Справка» за подписью Завъялкина и начальника спецчасти Д. Юрина. В ней, в частности, говорилось: «Родственников и близких у МЕНЬШАГИНА никого нет. Места жительства не имеет. По состоянию здоровья и возрасту нуждается в помещении в дом-интернат для престарелых».

облисполкома отказ — и якобы в следующих выражениях: «...из опасений мести со стороны тех, кто знал о его подлых делах в дни фашистской оккупации»[1]. О Смоленске Меньшагин действительно не забывал, постоянно спрашивал о нем Веру Лашкову, регулярно навещавшую там свою мать.

Но просил о другом городе — о Владимире. 21 января 1970 г. он писал начальнику тюрьмы В. Ф. Завъялкину:

> Ввиду приближающегося срока окончания моего заключения и учитывая, что я не имею никого из родных, к кому бы я мог приехать после освобождения, о судьбе же своей семьи никаких сведений не имею и даже предположить о ней ничего более-менее определенного не могу, я на основании ст. 47 Основ исправительно-трудового законодательства СССР, обращаюсь к Вам с просьбой оказать мне содействие в необходимом устройстве моей дальнейшей судьбы. Со своей стороны сообщаю, что мне хотелось бы остаться в г. Владимире.
>
> Хотя мне в мае с/г минет 68 лет, я чувствую себя еще способным к работе, не физической, конечно.
>
> По специальности я юрист, но мог бы с пользой для дела, как мне кажется, поработать в архиве или в библиотеке, или на другой какой-либо близкой к этому работе.
>
> Если это невозможно, то прошу устроить в дом престарелых; опять-таки хотелось бы поближе к г. Владимиру.
>
> Я прошу учесть, что 25-летнее лишение свободы безусловно наложило свою печать как на весь организм в целом, так и на психику, в частности; мне просто страшно пуститься в какое-либо путешествие, хотя бы и недалекое. Надо немного освоиться и прийти в себя[2].

Но у государства виды на Меньшагина были другими. Поначалу, правда, его хотели оставить во Владимирской области — в Вязниках[3], тем паче, что в свое время Василия Витальевича Шульгина (1878–1976), освободившегося в 1956 г., разместили неподалеку — в Гороховце, куда к нему из Венгрии приехала жена, Марья Дмитриевна Шульгина (урожденная Сидельникова). А вскоре и вовсе перевели во Владимир[4].

---

1 Цит. по: *Котов, 1990*. С. 40.

2 Архив Н. Г. Левитской.

3 Даже надзирательница была выделена для сопровождения — младший лейтенант И. Я. Борисевич (*Закурдаев И.* Владимирский централ. История Владимирской тюрьмы. См. URL: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/69257/chitat_knigu.shtml).

4 Впрочем, Шульгин был большим исключением. Обычно таких, как он, лиц без подданства или иностранцев, которых никто не будет разыскивать, направляли гораздо дальше — в Зубово-Полянский инвалидный дом в Мордовии.

Но потом власти одумались и отправили Меньшагина куда подальше — в Заполярье, в Мурманскую область, в поселок Княжая Губа[1], на гособеспечение, в инвалидный дом-интернат для 140 таких же, как и он, одиноких стариков и старух.

Жизнь Меньшагина в этом заведении неплохо задокументирована — и им же самим: письмами к Вере Лашковой и Габриэлю Суперфину[2]. Картина, возникающая после ознакомления с ними, в целом весьма гнетущая.

Как сказал поэт:

Какая тоска щемящая,
Какая беда стряслась!..[3]

...Губа — это, между прочим, морской залив, так что поселок — приморский. Вот, правда, море недостаточно синее — аж Белое! Оно тупо смотрело прямо в окно комнаты, в которую поселили Меньшагина, но даже приоткрыть это окно в короткое летнее время было страшновато: из-за комаров и мошки.

Комната была на четверых, попасть в нее можно было через аналогичную проходную комнату со своей четверкой. Таким образом, все личное пространство постояльца сводилось к кровати, тумбочке и шкафчику в стене[4]. Эдак и об одиночке недолго заскучать...

Кстати сказать, заполярный интернат в Княжой Губе был единственным в Союзе, куда не было никакой очереди.

Почему? Неужели из-за краткости лета и из-за мошки?

Да нет, не поэтому. Старики и инвалиды в интернате были не совсем простые, а специфические — с уголовным прошлым[5]. Социум, заточенный на пьянство и хулиганство, на мордобой и буйство и, извините за каламбур, на «дедовщину». Письма Меньшагина так и пестрят сообщениями о «местных безобразиях», как он называл инциденты агрессии, часто кровавые, с участием напившихся стариков-инвалидов. Первое попав-

---

1 Ныне село, а фактически — район города Зеленоборского Кандалакшинского района Мурманской области.

2 В частности, к Г. Г. Суперфину в Тарту начала 1980-х гг. Выдержки из них составили приложение № 8 в парижском издании (*Меньшагин, 1988*. С. 163–167). Адресат (Г. Суперфин) в книге не был раскрыт.

3 Из стихотворения О. Мандельштама «Я вздрагиваю от холода...» (1912).

4 Вероятно, еще и к чемодану в каптерке.

5 Так, в письме к В. И. Лашковой от 22 октября 1971 г. Меньшагин отговаривает ее от того, чтобы купить и прислать ему одежду, «оправдываясь» тем, что у него «есть казенные валенки черные и пальто ватное с меховым воротником, а также шапка-ушанка. В прошлом году я прекрасно обошелся и никакого холода не чувствовал. В-третьих, ведь я нигде не бываю, никого не вижу; ведь это не Москва и даже не Брянка, где из чувства престижа хочется выглядеть прилично. Здесь же я даже и в том виде, как Вы меня видели, несколько выделяюсь среди других».

шееся: инвалид-новичок, прибывший прямо из лагеря, пробил кастетом голову глухонемому соседу (22 октября 1971 г.).

Одним из соседей Меньшагина был А. П. Охотников, ранее судимый за хулиганство и неисправимый базарщик. С ним сразу же установились даже не неприязненные — враждебные отношения! Только после многочисленных жалоб Меньшагина его перевели в конце 1971 г. в другой интернат.

В октябре 1973 г. в интернат поступил Берников — 43-летний инвалид с обгоревшей кожей: когда-то по пьяни он чуть не сгорел весь. Несложная картина его мира состояла из двух элементов — лагеря и пахана. Себя в этом крошечном инвалидном «лагерьке» он и видел паханом, отчего и вел себя соответствующе — бил и обирал всех беспомощных, особенно старух. Однажды ворвался и в палату к Меньшагину, но встретил палочный отпор, после чего возненавидел Меньшагина и грозился его убить. Осенью 1974 г. Борис Георгиевич потребовал от директора немедленного исключения Берникова из интерната — не позднее 18 декабря[1].

Директор, побаивавшийся Меньшагина из-за того, что тот, как человек юридически подкованный, мог написать на него потенциально опасную жалобу, согласился, но датой исключения назначил 5 февраля 1975 г. А 4 февраля, в 7 часов вечера, этот подонок напал на Меньшагина, явно покушаясь на убийство: спрятался за дверями, подкрался сзади и нанес два удара железной пластиной по голове, — после чего убежал и скрылся из интерната. Раны затянулись в течение месяца, постепенно отпустили слабость и головокружение из-за потери крови, но начались — и больше уже никогда не отпускали — усиленное сердцебиение и дрожь в руках при малейшем раздражении[2].

Шоком для Меньшагина стало одновременное возвращение в интернат всех трех негодяев, в свое время выгнанных по его настоянию: Охотникова (исключен в декабре 1971 г.), Ягодкина (в 1973) и даже того самого Берникова, что пытался его убить. «Всё это действует на нервы и сердце», — сокрушался он в письме к Лашковой от 29 августа 1975 г. А вскорости пьяные Ягодкин и вооруженный ножом Берников ворвались к Меньшагину и со словами: «Молись, сейчас умрешь...» — схватили его за руки. Борису Георгиевичу удалось вырваться, убежать и вызвать милицию.

На этот раз Меньшагин действительно пожаловался в министерство, после чего хулиганов отослали в новый интернат Обоянь в Курской

---

[1] См. в письме к В. И. Лашковой от 17 сентября 1973 г.

[2] См. в письмах к В. И. Лашковой от 13 февраля и 3 марта 1975 г. В письме Г. Г. Суперфину от 11 апреля 1977 г. он называет то же самое приступами стенокардии: что-то похожее было у него и в тюрьме в первой половине 1960-х гг.

области, а отношения с директором интерната и облсобесом в Мурманске, недовольными выносом сора из избы, стали напряженными. Не заставила себя ждать и директорская месть: под благовидным предлогом бесконечного ремонта всю палату с Меньшагиным и тремя его соседями переселили из большой и теплой комнаты в маленькую и холодную, а летом 1976 г. еще и уплотнили, приселив еще троих, из которых двое — алкаши-хулиганы: «Они целый день валяются на кроватях и интересуются только выпивкой. То, что я весь день занимаюсь чтением или пишу письма, им непонятно и раздражает их»[1].

Все эти «местные безобразия» сопровождали Меньшагина и дальше. В письме к Суперфину от 4 января 1980 г. он сетовал на то, как — «не совсем хорошо» — начался у него Новый, 1980-й год: «Вечером 1.I. 2 пьяных инвалида 40 и 46 лет устроили дебош, избили глухонемого старика 77 лет. Я пытался позвонить в милицию, но один из них оборвал телефон и с палкой накинулся на меня, но я вырвал палку и с ½-часа оборонялся ею, пока посланный мною не позвонил с другого телефона и милиция [не] приехала. После этого ночь и день 2.I. я был совсем болен, но сейчас чувствую себя, как обычно».

Продолжение «местных безобразий» — и в письме от 10 марта 1980 г.:

> Я живу по-старому. По мере своих возможностей веду борьбу с хулиганами в нашем доме, за что один недавно прибывший инвалид 59 лет с 5 судимостями обещал меня убить. Но думаю, что для этого у него руки коротки.
>
> В мае надеюсь совершить свою традиционную поездку[2] и немного отдохнуть от местных безобразий (10 марта 1980 г.).

И так далее, и тому подобное. Эдакий заполярный полукруг ада на земле под видом и вывеской заведения общественного призрения.

По своему социальному статусу постояльцы, кстати, делились на две категории: пенсионеры и находящиеся на так называемом государственном обеспечении (своего рода манифестация коммунизма в исполнении брежневского собеса). Вторые, как считалось, не заработали себе трудовых пенсий и жили на кошт и из милости государственной. К ним относился и Меньшагин, пытавшийся, — но безо всякого успеха! — поменять свой статус[3].

У пенсионеров 90% пенсии вычиталось в пользу интерната в оплату услуг по содержанию, а остальные 10% (но не менее 5 руб.) выдавалось

---

[1] Из письма к В. И. Лашковой от 8 января 1977 г.

[2] В Москву и на Украину.

[3] Меньшагин тогда запрашивал документы в архивах, но документы по личному составу московских предприятий, в которых он служил, осенью 1941 г. были сожжены (сообщено Г. Суперфином, помогавшим в этих поисках).

на руки — на их карманные расходы, то бишь на водку. Поэтому каждое 11-е число — дата выдачи этих денег — было в интернате особенно горячим днем[1].

Но Меньшагин и в 68, и в 78 лет умел постоять за себя — и даже за других. Вполне рискуя, он всегда разводил дерущихся и заступался за жертв, если, конечно, можно было разобрать, кто тут жертва, а кто «агрессор».

На общем собрании в декабре 1972 г. Меньшагина избрали председателем культурно-бытовой комиссии интерната, что сделало его законным представителем обитателей перед администрацией. Его авторитету в этом социуме способствовало то, что он был едва ли не единственным непьющим во всем доме, что он, единственный, живет совершенно другой жизнью, чем остальные — размеренно, за чтением и радио, без малейшего интереса к водке, сварам и дракам. «Поэтому, — писал он Суперфину не без гордости, — я единственный здесь из 141 проживающего здесь всеми именуюсь "Борис Георгиевич", а остальные называются "Сашка", "Яша", "Лиза", "Паня" и т. п. уменьшительными и уничижительными кличками»[2].

Поначалу Меньшагин относился к этому как к делу чести, но внутренне был даже рад этому поприщу, дававшему некий простор применению своих не растраченных еще организационных талантов в безнадежной, но упорной борьбе за порядок и хотя бы минимизацию «безобразий»: «Я живу по-прежнему. Читаю, занимаюсь общественными делами нашего дома»[3].

Но представительство это и облаченный мнимыми правами контакт с персоналом чреваты были своими раздражителями и огорчениями: «Большинство служащих относятся к делу небрежно, недобросовестно, среди них тоже много пьяных. Особенно плоха медицинская часть: ленивые, грубые, даже наглые медсестры считают своей обязанностью лишь свое присутствие на работе, но если кто обращается к ним, то это их уже раздражает. Большая бесхозяйственность. Всё это мне очень противно. Я всю жизнь свою считал, что если взялся за дело, то важно выполнить его как следует»[4].

Но ведь именно так — «как следует» — персонал и относился к своему делу, только трактовал его не в абстрактно-общественном смысле, как его понимал технократ Меньшагин, а в конкретно-индивидуальном: ни в коем случае не перетрудиться и не забыть о себе и своей семье в конце трудового дня. Интернат был для них не служением и даже не службой, из чего наивно исходил экс-бургомистр, а подсобным хозяйством. И как только снабжение в городе ухудшалось, роль подсобного хозяйства возрастала,

---

[1] Так, описанию такого дня посвящено чуть ли не всё письмо к В. И. Лашковой от 13 января 1973 г.

[2] Из письма к Г. Г. Суперфину от 23 декабря 1972 г.

[3] Из письма к Г. Г. Суперфину от 12 января 1973 г.

[4] Из письма к В. И. Лашковой от 24 марта 1972 г.

и «бесхозяйственность», так раздражавшая Меньшагина, переходила в откровенное воровство: «...значительно усилилась воровство продуктов, предназначенных для нашего питания; воруют работники кухни и санитарки. Влияет на это обстоятельство то, что в магазинах перебои с продуктами, очереди»[1].

Обе сохранившиеся переписки — и с Лашковой, и с Суперфином, — несут в себе следы и внутренней жизни Меньшагина. В частности, его искренней религиозности и воцерковленности. Так, 10 января 1974 г. Меньшагин описал Лашковой свой способ отпраздновать Рождество: «6/I после обеда пошел по дороге по направлению к морю и по дороге исполнял Великое повечерье и утреню, положенные в этот вечер. По дороге встретил только одного человека — охотника, шедшего с ружьем. По сторонам — слева еловая роща, справа — канал, идущий от Княжегубской ГЭС к морю. Мороз был 28°, так что я даже немного замерз. Но настроение было хорошее...» Спустя год — почти тот же ритуал: «Под Рождество в 5 часу вечера я пошел гулять по Кандалакшинскому шоссе и наедине с природой отслужил рождественскую службу, что создало хорошее настроение»[2].

Особенно радовали старика весенние праздники, невзирая на причудливость их композиции — с раннего детства любимая Пасха, а затем Первомай (письмо к Г. Г. Суперфину от 23 апреля 1981 г.).

> Христос Воскресе! Дорогая Верочка! Поздравляю Вас со светлым праздником Воскресения Христова. Будете ли Вы в церкви в пасхальную ночь? Помнится, в прошлые годы Вы ходили к Илье Обыденскому.
>
> Я, будучи лишен возможности побыть на страстных и пасхальной службах и зная большую их часть наизусть, в одиночестве совершаю их для себя сам. Сейчас мое желание провести эти дни спокойно и осуществить свою традицию (5 апреля 1977 г.).

Впрочем, и светскому Новому году он был вполне рад, как, например, в 1982 г.: «...днем всех нас пригласили в Красный уголок, где стояла хорошо убранная елка, но без освещения, так как его запретили пожарные. Директор поздравил с Новым Годом, были розданы подарки: плитка шоколада, три мандаринки и яблоко каждому»[3].

Нередки в письмах описания северной природы: «Радует наступление весны: утром встаю регулярно в 7 час., и уже светло, вечером включаю электросеть в 7-м часу, так как становится трудно читать. Морозы

---

[1] Из письма к В. И. Лашковой от 5 апреля 1977 г. О связи дефицита мяса в магазинах и воровства в интернате см. в другом письме к ней, от 8 января 1977 г.

[2] Из письма к В. И. Лашковой от 15 января 1975 г.

[3] Из письма к В. И. Лашковой от 1 января 1982 г.

по ночам порядочные (сегодня было 20°), но днемна солнце капе́ль, и дорога сырая»[1]. 17 октября 1974 г. он писал В. Лашковой: «Вечерами 14 и 15.X наблюдал северное сияние. Красивое зрелище».

В северных интернатах Меньшагин прожил долгие на первый взгляд, но такие скоротечные 14 лет. И эпиграфом к ним вполне могла бы послужить следующая цитата: «Всё свободное время здесь я употребляю на чтение»[2]! В дополнение к четырем газетам, поступавшим в интернатскую библиотеку, сам он — единственный во всем доме — выписывал еще три: «Известия», «Неделю» и «Литературку».

То же справедливо и для отпускных месяцев: «Главным “развлечением”, страстью, болезнью Бориса Георгиевича было чтение. Газеты, журналы, книги он проглатывал, извлекая из них всю возможную и междустрочную информацию, запоминая ее навсегда, а наиболее для себя интересное записывая в толстые тетради, целую стопу которых, частично вынесенных еще из тюрьмы, всегда возил с собой и безошибочно ориентировался в них, находя нужную для справки запись»[3].

Чтение было поистине той сквозной нитью, которой были прошиты все послевоенные годы — как тюремные, так и интернатские (интернатские годы пополнились еще и слушанием радио: Меньшагин обзавелся транзисторным радиоприемничком, и вполне возможно, что в глубокой северной провинции не только Всесоюзное радио с «Маяком», но и «вражеские голоса» были хорошо слышны).

В обеих сохранившихся переписках встречаются обсуждения книг, как художественных, так и научных. 6 марта 1972 г. Меньшагин писал Лашковой: «Всё свободное время здесь я употребляю на чтение. Кстати, Вы писали, что читаете о Л. Н. Толстом. Если еще не прочли, то рекомендую прочесть книгу воспоминаний Валентина Булгакова “Толстой в последний год его жизни” (изд. ГИХЛ, 1960). Автор был в 1910 г. секретарем у Л. Н.; после революции жил в Праге. Книга написана хорошо и объективно. Мне она понравилась».

Мнения у корреспондентов разошлись, как явствует из письма от 24 марта: «Я не согласен с Вами, что Булгаков необъективен по отношению к Черткову. Последний своей неуступчивостью, непримиримостью, фатализмом много осложнял жизнь Л. Н. Несомненно, что Чертков любил и уважал Л. Н., желал, чтобы он был на высоте своего положения, являясь образцом для своих последователей. Но всё, что доводится до крайности, превращается в свою противоположность. Так и у Черткова христианская любовь превратилась в ненависть по отношению

---

[1] Из письма к Г. Г. Суперфину от 10 марта 1980 г.
[2] Из письма к В. И. Лашковой от 6 марта 1972 г.
[3] *Левитская*, 2005. С. 121.

к Софье Андреевне, а Льву Николаевичу причиняла излишние страдания и неприятности. Читали ли Вы книгу Муратова “Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке”. Она вышла в 30-х гг. Если не читали, советую прочесть, как и двухтомник А. Б. Гольденвейзера “Вблизи Толстого”».

13 января 1973 г. в письме Вере Лашковой Меньшагин обобщил: «Вообще же я за исключением походов в столовую и на почту сижу у себя в комнате и читаю свои газеты и журналы, не входя в соприкосновение с живущими здесь. Это — одна из причин авторитета моего среди них».

А 2 ноября 1981 г. писал Суперфину:

> Последний роман Ч. Айтматова читал, неплохой.
> Более близкие мне и толковые люди здесь умерли, остались пьяницы и полуидиоты. Не с кем слова сказать. Весь день занят чтением.

Раздраженные соседи давно уже махнули рукой на этого трезвенника-чудака.

Ну а он — он писал о себе так: «Люди, с которыми я имел общение, поумерли. Так что я, хотя нахожусь среди людей, но по существу одинок»[1].

Тут, пожалуй, пора уже сообщить, что Меньшагин не просто *читал* книги и журналы — он их еще и *конспектировал*!

Это стало ясно, когда Валентин Костин отыскал у себя на даче своего рода целый меньшагинский «клад», или «схрон», — коробку с такого рода конспектами. Всего в коробке оказалось около 1700 листов формата А3, исписанных почти полностью с двух сторон[2].

Самая ранняя из запечатленных на этих листах публикаций датируется 1952 г.[3], когда Меньшагин уже освоился во Владимирской тюрьме и даже приступил к писанию мемуаров. Самая поздняя — 1981 г.: в последние свои годы Меньшагин не переставал читать, но, видимо, перестал конспектировать.

Конечно же, впечатляет само по себе усердие Меньшагина и его тяга к документированности своего чтения, тем более что конспекты для Меньшагина — это до известной степени еще и замена личной библиотеки.

Вот один только перечень охваченной его конспектами периодики, прежде всего журнальной: «Вопросы истории», «Вопросы литературы», «Вопросы философии», «Знамя», «Известия», «Иностранная

---

[1] Из письма к В. И. Лашковой от 8 декабря 1982 г.

[2] Описанием ее содержимого занималась магистрантка НИУ ВШЭ Василина Чернышева. В настоящее время «схрон» передан в архив Международного «Мемориала».

[3] *Лифшиц М.* Книга по истории русского искусства 18 в. // Новый мир. 1952. № 8. С. 266–270.

литература», «Коммунист», «Международная экономика и международные отношения», «Наука и жизнь», «Новый мир», «Октябрь», «Прометей», «Русская литература», «Экономические науки». Среди его любимых авторов — Ключевский, Тарле, даже молодой Аверинцев!

Но больше всего поражает не объем, а глобальный диапазон его чтения. Кроме художественной литературы, причем отнюдь не только российской и не только классической, — это литература и по филологии, и по истории, и по философии — от Древнего мира до Новейшего периода и от Китая до США!

Краткие летние отпуска у друзей

Еще в 1970 г. новость об освобождении Меньшагина, — а в сущности и о существовании, — попала в самиздатскую «Хронику текущих событий». Собственно, упоминаний Меньшагина в «Хронике» было два, и оба в 1970 г. Первое — в № 13 от 30 апреля и второе — в № 17 от 31 декабря. При этом первое упоминание — сугубо в контексте дела С. И. Караванского, причем Меньшагин ошибочно назван здесь «соучастником расстрела».

Вот текст второго упоминания:

> 21. В конце мая 1970 г. из Владимирской тюрьмы освободился БОРИС ГЕОРГИЕВИЧ МЕНЬШАГИН, 1901 г. р. С 1945 по 1951 г.г. он содержался в следственной тюрьме КГБ на Лубянке. После этого — 18 лет во Владимире. В 1941 г. находился в Смоленске и, по непроверенным источникам, был свидетелем «Катынской трагедии». После освобождения был поселен в пос. Княжая Губа, Архангельской области, в доме для престарелых[1].

Новость эту сообщил Г. Суперфин. Но слухи о Меньшагине стали просачиваться на волю и раньше (в частности, через освободившихся сиделиц-западэнок, работавших в тюрьме уборщицами).

Библиотекарем (а точнее, филологом и библиографом) к этому времени, а во время войны жительницей оккупированного Новгорода

---

[1] Хроника текущих событий. 1970. № 17, 31 декабря. С. 78–79. Неточность (см. выше) была исправлена в допечатке этого выпуска (Архангельская область исправлена на Мурманскую, зато Княжая Губа исправлена неверно — на Княжию Губу). В отдельных экземплярах Г. Суперфин исправил Архангельскую область на Мурманскую и установил правильный год рождения Меньшагина — 1902, а также внес в последнюю фразу сообщения слова о «катынской трагедии, то есть то, что <...> знал из рассказов о деле С. И. Караванского...» (показания обвиняемого Г. Г. Суперфина на собственном следствии в УКГБ по Орловской обл. от 17 августа 1973 г. // Следственное дело Г. Г. Суперфина № 27 (начато 3 июля 1973. Сдано в архив 19 августа 1974) // Арх. №-12718-Н. Т. 4. Л. 35–36 (оригинал, от руки); Там же. Л. 27 (машинописная заверенная копия).

и послевоенной рижской студенткой и зэчкой была и Надежда Григорьевна Левитская. Родилась она 25 февраля 1925 г. в Киеве, в семье генетика, сотрудника Н. И. Вавилова. А арестовали ее в Новгороде 16 июля 1951 г. Из назначенных ей по приговору 10 лет она отсидела около половины срока — в 1951–1956 гг., в Унжлаге. Дело ее было прекращено 26 декабря 1956 г. В 1960-е гг. она познакомилась с А. И. Солженицыным, став одной из его помощниц и библиографом[1].

Узнав из «Хроники» об освобождении Меньшагина, Надежда Григорьевна и ее подруга Наталья Мильевна Аничкова (1896–1975) разыскали его в Княжой Губе и начали ему помогать: «Деньги на поездки и одежду обеспечивали наши сборы в течение всего года. Регулярно каждый месяц давала деньги Т. Д. Карпова[2] и многие другие»[3].

Они же, проживая вместе в двух комнатках коммуналки в конце Большой Пироговской улицы, пригласили Меньшагина приехать в 1971 г. в Москву и погостить у них[4].

И действительно — осенью 1971 г., впервые после тюрьмы оказавшись на 8 дней в столице, Меньшагин остановился не у Жуковских на Мясницкой, а на Пироговской у ЭнЭн'ов, — как их обобщенно называли друзья: одна из двух комнат была предоставлена в его распоряжение. В Москве же он оказался на обратном пути в Княжую Губу из Брянки — милого и тихого южного городка в Ворошиловградской области, куда 8 июля отправлялся погостить к Валентине Семеновне Санагиной[5].

В тот приезд Меньшагин познакомился с Гариком Суперфином и Верой Лашковой, имевшим самое непосредственное отношение к «Хронике текущих событий» и появлению в ней сведений о нем и его освобождении[6].

В середине 1960-х гг. Вера Иосифовна Лашкова (род. 1944) служила машинисткой-надомницей в МГУ и училась на режиссера на вечернем отделении Института культуры (тогда — Библиотечного). Она дружила

---

1 См. ее работы: *Левитская Н.Г.* Александр Солженицын: библиографический указатель. М.: Библ. им. Некрасова, 1991; Александр Исаевич Солженицын. Материалы к библиографии / Сост. Д. Б. Азиатцев, Н. Г. Левитская, М. А. Бенина при участии Г. А. Мамонтовой; отв. ред. тома Н. Г. Захаренко. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2007). См. ее устные рассказы в сети: https://www.youtube.com/watch?v=Q2VsPBHL_1I; oralhistory.ru/members/levMCPkaya-n-g.

2 Карпова Татьяна Дмитриевна (1925–1997), сослуживица Н. Г. Левитской по работе во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы (позднее — им. М. И. Рудомино).

3 *Левитская, 2005*. С. 122.

4 Б. Пироговская ул., д. 37/43, к. Б, кв. 60.

5 См. письмо к В. И. Лашковой от 5 июля 1971 г.

6 См. их воспоминания о Б. Г. М. в наст. изд., с. 254–257.

со смогистами[1], и те часто собирались в ее комнате в коммуналке. С энтузиазмом занималась печатаньем церковной публицистики Анатолия Эммануиловича Краснова-Левитина и самиздатских сборников — «Белой книги» о процессе против Синявского и Даниэля (составитель Александр Гинзбург) и «Феникс-66» (составитель — Юрий Галансков). Ее первый привод на Лубянку — в 1965 г., в связи с подготовкой демонстрации на Красной площади 5 марта 1965 г. — демонстрации против культа личности Сталина, так и не состоявшейся.

17 января 1967 г. ее все-таки арестовали, а в январе 1968 г. состоялся суд — так называемый «Процесс четырех». Еще трое — это Александр Гинзбург, Юрий Галансков и Алексей Добровольский: по статье 70 УК РСФСР[2] они получили, соответственно, 5, 7 и 2 года ИТЛ. Вину машинистки оценили в год тюрьмы — срок, практически уже отбытый Лашковой на стадии следствия[3].

Реакцией на «арест четырех» и процесс над ними стали демонстрация 22 января 1967 г. на Пушкинской площади и вторая протестная кампания 1967–1968 гг. против политических преследований — существенно бóльшая, чем кампания 1965–1966 гг. в защиту Синявского и Даниэля. Под десятком индивидуальных и коллективных писем в защиту Гинзбурга и Галанскова было собрано в общей сложности свыше 700 подписей, а из материалов этого дела и общественной компании П.М. Литвинов и А.А. Амальрик составили документальный сборник «Процесс четырех».

После освобождения, в 1968–1972 гг., Лашкова перепечатывала «Хронику текущих событий» (начиная со второго ее выпуска), а также

---

1 От «СМОГ» — панэстетического литературного объединения «Смелость. Мысль. Образ. Глубина» (другая версия «Самое молодое общество гениев»), созданного В. Губановым, В. Алейниковым и др. в январе 1965 г. Смогисты были первыми, кто принципиально отказался от интеграции в официальную советскую литературу; они устраивали стихийные чтения на площади Маяковского и приняли самое активное участие в организации и проведении 5 декабря 1965 г. митинга гласности на Пушкинской площади — первого массового митинга гражданского протеста в СССР. Многие смогисты подвергались разного рода репрессиям.

2 «Антисоветская агитация и пропаганда, направленная на подрыв и ослабление советского строя». А Галансков еще и по статье 88 — незаконные валютные операции.

3 К этому следует добавить и трехлетний де-факто запрет на проживание в Москве: не прописанный в приговоре, он был как бы заложен в «Положении о паспортах». Когда после окончания срока В.И. Лашкова получала в Лефортово новый паспорт (старый отобрали при аресте), в графе «кем и на каком основании выдан паспорт» было крупно написано: «Положение о паспортах»: «Это был волчий билет, любая казенная контора, где надо было предъявлять паспорт, прекрасно разбиралась в этих тайных знаках. Поэтому постоянно и угрожали» (из письма В.И. Лашковой к автору от 14 апреля 2018 г.). Фактически же В.И. Лашкова Москвы не покидала, но находилась под дамокловым мечом ареста и высылки.

христианский альманах «Надежда» (составитель Зоя Крахмальникова) и другие материалы самиздата. В 1978 г. уже она сама — вместе с Ариной Гинзбург — выступила составителем самиздатовского сборника «Калуга, июль 1978» о процессе над Аликом Гинзбургом.

19 мая 1971 г., на судебном процессе Краснова-Левитина, Лашкова выступила свидетелем защиты, а перед чтением приговора бросила ему букет цветов. В 1974–1982 гг. Лашкова участвовала в работе основанного Солженицыным «Фонда помощи политзаключенным». Она была дружна с Надеждой Мандельштам, дежурила у ее постели, и именно в ее дежурство Надежда Яковлевна умерла[1].

В 1983 г. Вера Лашкова — «по совокупности деяний», как она выразилась, — была выслана из Москвы. И это событие напрямую отразилось и в письмах Меньшагина к ней.

> Павел, добрый день. История моей высылки длинная, но попробую кратко написать. В 1983 г. властям удалось практически всех нас нейтрализовать, в основном — вполне традиционным образом: вынужденным выездом за границу и арестами. Для меня избрали не совсем обычный способ. Сначала меня предупредили, что если я буду продолжать... и проч. и проч. Вскоре (кажется, в апреле) мне прислали повестку в суд, где объяснили, что меня будут судить по статье № ... (уже не помню, какой) за то, что я не проживаю в своей квартире, значит, не нуждаюсь в ней и должна быть выселена. Суд этот состоялся (судья — Иудин), двое свидетелей (никому не известных) подтвердили обвинение, а показания почти 20 свидетелей защиты с моей стороны, утверждавших обратное, были полностью проигнорированы. Приговор был: лишить меня жилья (единственного) и выселить. А в июне схватили прямо на улице, скрутили, всунули в машину и привезли в районное отделение. Там у меня отобрали паспорт и дали трое суток для того, чтобы обрести новое жилье и прописку, а в противном случае — арест и обвинение по статье «бродяжничество». Я спросила: когда истекает мой срок? И жирный начальник с дикой злобой прорычал мне: твое время давно закончилось. В том, что я пойду по этапу в лагерь как бродяга, у меня сомнений никаких не было. И я уехала в эту деревню, где у меня жил знакомый, там меня сразу же и прописали в сельсовете. Конечно, я старалась уехать из Москвы незаметно и думала, что мне это удалось. Но когда ранним утром я вышла из поезда на пустынную платформу, напротив стояли два милиционера и приветливо мне улыбались. Так я оказалась в этой страшной глуши, где сразу же и пошла работать, благо у меня были шоферские права, а возить молоко было некому. Довольно скоро я стала болеть, попала в больницу, вот правление колхоза и сам председатель решили меня «укрепить».

---

[1] *Морев Г.* Вера Лашкова: «У нас не было желания увидеть зарю свободы» // Colta.ru. 2014. 13 ноября. URL: http://www.colta.ru/articles/dissidents/5349 [О Н.Я. Мандельштам и отношениях с ней].

Вообще ко мне там относились довольно доброжелательно, но боялись, потому что знали, что это гб меня курирует. Путевки в санатории тогда колхозникам давали, но только осенью–зимой, когда работы в деревне мало. <...> Конечно, было много и трудного, и нелегкого, и забавного, — это опыт, который очень дорог[1].

В Москву из ссылки Вера Лашкова вернулась едва ли не позже всех репрессированных диссидентов — в октябре 1990 г., когда суд отменил прежний приговор, а мэрия Москвы вернула ей жилье.

В круг московского общения в первое или во второе лето вошли Гарик Суперфин, Арина Гинзбург и Ирина Корсунская[2]. По-видимому, входили в него и родственники жены, в частности жена и сын ее покойного брата, Константина Казимировича Жуковского, — Зинаида Фроловна и Юрий[3].

Но уж точно не входили в этот круг Судоплатов и его приятели Эйтингтон, Райхман, Фитин, Абель, Молодый и другие, так любившие собираться в служебке фотоателье их коллеги Гессельберга на Кузнецком мосту — визави Большого Дома, покуда здание, в котором гнездилось ателье, не снесли в 1980 г.[4]

Милика (Милица) Константиновна Савич, преподавательница английского языка в Физтехе, пригласила Меньшагина летом будущего, 1972 г. погостить на подмосковной даче. Вместе со своей мамой (Марией Васильевной) и Надеждой Григорьевной Левитской они сняли просторную дачу в поселке НИЛ («Наука — искусство — литература»), что в 4 км от Нового Иерусалима, — у замечательных людей: Ники Александровны и Алексея Борисовича Трувеллеров. «Участок в полгектара утопал в цветах. На маленьком пруду цвели белые лилии...» — вспоминает Н. Г. Левитская, не забыв и о круглой беседке из елей и лиственниц. Меньшагин с удовольствием провел здесь и в этом обществе свой второй «летний отпуск», скорее всего именно тогда он и писал свои мемуары.

Испортить отпуск не могли ни жара (горели торфяники), ни визит на дачу милиции, после которого, правда, сочли за благо вернуться в Москву, на Пироговку. Это запечатлелось в теплой надписи на обороте одной из его фотографий: «Дорогим Наталье Мильевне и Надежде Григорьевне

---

[1] Из электронного письма В. И. Лашковой П. М. Поляну от 3 марта 2017 г.

[2] См. интервью, взятое у нее Е. Шварц 6 июля 2006 г.: «Моя основная вина была в том, что я писала письма». URL: http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-dissid/smysl/1058065392/1153646560.html. В интервью упоминается и «Мишагин», «безумно интересный человек», бывавший у Корсунских.

[3] Они жили где-то на Мясницкой улице.

[4] *Судоплатов, 1996.* С. 479–481.

на добрую память о лете 1972, о нашем радостном для меня общении. 12 июля 1972, день св. Петра и Павла. Б. Меньш»[1].

Радостными и счастливыми, впрочем, были и два последующих — в 1973 и 1974 гг. Так, в 1973 г., приехав в Москву 7 июня, он провел месяц на даче, а 11 июля уехал в Брянку, где провел еще месяц и откуда вернулся к ЭнЭн'ам на дачу, а потом в Москву. 18–19 августа, на Преображение, ходил причаститься в Новодевичий монастырь. Совершив в это лето еще и две экскурсии — в Троице-Сергиевскую лавру и в Иосифо-Волоколамский монастырь с окрестностями, — к себе в интернат он вернулся 6 сентября. 17 сентября 1973 г. он писал к Вере Лашковой: «Учитывая, что я приехал в июне, как оказалось, с незалеченным воспалением легких, а вернулся в сентябре к себе здоровым, надо признать, что мой 3-месячный отпуск был нужным и полезным».

Лето 1974 г. почти всё — июнь, июль и часть августа — протекло на даче у ЭнЭн'ов, а с 6 по 20 августа поездка на Украину, в Волочиск, что в Хмельницкой области, к Екатерине Мироновне Зарицкой: «Мне это место понравилось: беленькая украинская хатка (вернее, ½ хатки), кругом зелень, сквозь которую виднеется несколько таких же белых хаток; некоторые из них крыты еще соломой»[2].

На подмосковной же даче пришлось и поволноваться, и потрудиться, поскольку в середине июня серьезно заболела Н. М. Аничкова. 19 июня Наталья Мильевна писала к А. Г. Верещагину, «тогда пригодился Б. Г.! Он и в магазин за 1 км ежедневно ходит, и воду приносит, и грядку поливает. Старается, бедняга!»[3] После смерти Н. М. Аничковой в 1975 г. в Подмосковье уже не выбирались, ограничиваясь общением в Москве, на Большой Пироговской.

Н. Г. Левитская вспоминает о впечатлении, которое поначалу производил Меньшагин: «Первые годы, особенно в самом начале, он смотрел на мир и на нас пустыми отрешенными глазами. Позже оттаял, отошел, и сам объяснял, почему ему трудно, невозможно было смотреть в глаза собеседника: ведь 25 лет его собеседниками были нелюди»[4].

Оттаяв же, охотнее общался и вспоминал: «Изголодавшись по людям, по собеседникам, он мог безостановочно говорить, рассказывая эпизоды из своей жизни, своей адвокатской практики. У него был определенный репертуар, гвоздем которого было дело о вредительстве ветеринаров и зоотехников, которое он выиграл, не побоявшись, преодолев страх, поехать на прием к Вышинскому»[5]. Наименее охотно говорил

---

[1] Архив Н. Г. Левитской.

[2] Из письма к В. И. Лашковой от 17 октября 1974 г.

[3] *Левитская, 2003.* С. 224.

[4] *Левитская, 2005.* С. 120.

[5] *Левитская, 2005.* С. 121.

о Катыни — «скупо, одними и теми же словами и просил ничего не записывать. Он был уверен, что именно Катынь была причиной его 25-летнего одиночного заключения»[1].

Напуганный историями с Караванским и изъятыми мемуарами (возможно, их и не забрали бы, когда бы не этот суд), Меньшагин скорее всего и не собирался чепать лиха и садиться за восстановление безнадежно утраченного. Да и невозможно представить себе никакое писание в архикоммунальных — без тишины и одиночества — условиях интерната.

И тем не менее он всё же взялся за перо.

Первым побуждением к этому — и, переходя на пафос, пробуждением исторического чувства в себе — он оказался обязан, как ни странно, хулигану Охотникову. В начале 1971 г., в очередной стычке тот обвинил Меньшагина в соучастии в убийстве немцами поляков, сославшись при этом на материалы Нюрнбергского процесса. После чего опешивший и ничего не знавший о публикации Меньшагин разыскал их в городской библиотеке и с изумлением прочитал. Мало того, что его несправедливо — не пропорционально вине — осудили, так его еще и на весь мир оболгали![2]

И уже летом 1972 г., по просьбе и по настоянию ЭнЭн'ов (об этом же, через Левитскую, его просил и А. И. Солженицын), Меньшагин снова, — а точнее, заново, — сел за воспоминания[3]. Исписанные им тетрадки в минуту опасности перепрятывались, и какая-то их часть была при этом, увы, утрачена.

Пару раз на кассетный магнитофон — прибор в то время не повсеместный — друзья записывали разговоры с ним, эдакие полуинтервью-полумонологи. Завязались и переписки — с Габриэлем Суперфином, с Верой Лашковой, с Ириной Корсунской, возможно, с Аликом и Ариной Гинзбургами, разумеется, с Левитской и даже с Григорием Дьяконовым в США. Из писем, понимая не только слова, но и все полунамеки и даже четверть-намеки, он узнавал о событиях в его дружеском кругу, об арестах Петра Якира (июнь 1972), Суперфина (июль 1973), Гинзбурга (февраль 1977), о смерти Галанскова (ноябрь 1972). В Москве читал «Хронику текущих событий» и прочий самиздат, слушал зарубежные

---

[1] *Левитская*, 2005. С. 121. Ср. запись Корсунского: «Меня, естественно, больше всего интересовала Катынь, но тут он становился на редкость сдержанным. Он был на эксгумации и только пару раз рассказал, что по виду трупов пролежали они <...> в земле достаточно времени. Журнальчик, в котором были воспроизведены немецкие снимки, посмотрел с удовольствием и кое-кого узнал, но, повторяю, очень был скуп на слова» (*Меньшагин, 1988*. С. 162).

[2] По свидетельству Г. Суперфина, он посылал Меньшагину соответствующий том еще в конце 1970 г.

[3] Г. Суперфин, по ряду косвенных признаков, полагает, что это было в 1972 г.

«голоса». Веру Лашкову однажды даже просвещал о ее правовом статусе («не судима»)[1]. Ей же не боялся писать в Котлованово, в тверскую ссылку, а Гарику Суперфину — в тюрьму, тем более такую знакомую, как Владимирская.

Однажды Меньшагин встретился со вдовой Даниила Андреева. Встреча эта отразилась в ее мемуарах:

> Еще во Владимирской тюрьме в одиночке сидел Меньшагин, бывший градоначальником Смоленска во время немецкой оккупации. Он открывал Смоленский собор. Немцы не всегда взрывали и закрывали храмы. Чаще они их открывали — не будем говорить о причинах, по которым они это делали. Так и Смоленский собор был открыт именно во время оккупации.
>
> С Меньшагиным я познакомилась много позже, провела с ним один вечер, тогда он и рассказал свою трагическую историю. Его арестовали на Западе, вернее, он сам сдался, потому что, пытаясь найти жену и дочь, ошибочно решил, что они попали в руки советских властей, и не хотел остаться на свободе. А всё было наоборот. Жена и дочь оказались на Западе. В конце войны была немыслимая путаница, порождавшая множество трагедий. Меньшагин получил двадцать пять лет одиночки во Владимирской тюрьме. Дело в том, что власти понимали, что он знает настоящих виновников Катыни. Он действительно знал, чем была Катынь и кто расстреливал польских офицеров. Он рассказал мне, как немцы, только что занявшие Смоленск, повезли его в Катынский лес, где ими были раскопаны могилы с уже разлагающимися трупами, польских офицеров, расстрелянных советскими палачами. А на всех допросах он отвечал одно: "Видел трупы. Наши говорили, что расстреляли немцы, немцы говорили — расстреляли советские. Больше ничего не знаю".
>
> Поэтому он получил одиночку, и в ней отсидел двадцать пять лет.
>
> На Нюрнбергском процессе выступал его заместитель. Там объявили, что местонахождение градоначальника Смоленска неизвестно, хотя знали, что он во Владимирской тюрьме. Этого заместителя нашли где-то в лагерях, и он сказал то, что от него требовали: Катынь — дело рук немцев. И за это получил свободу[2].

Из Москвы и Подмосковья почти каждый год Меньшагин ездил на Украину — к своим «западэнкам», с которыми познакомился и подружился в тюрьме. В Волочиске — райцентре Хмельницкой области, что на берегу речки Збруч, его ждали и опекали Катерина Зарицкая и Одарка Гусяк, а в селе Христиновка Черкасской области — Галина Дидык.

Заезжал Меньшагин и в Ростов-на-Дону, к Светлане Николаевне и Дмитрию Григорянам, и в Саратов, к архиепископу Саратовскому и Волгоградскому Пимену (Дмитрию Хмелевско́му; 1923–1993). Когда

---

1 В письме от 8 января 1981 г.

2 *Андреева А.А.* Плаванье к Небесной России. М.: Аграф, 2004. С. 270.

осенью 1942 г. умер его отец, Евгений Михайлович Хмелевской, а вскоре и мать, сын приходил к Меньшагину за советом, а став епископом, горячо отозвался на его письмо и сам «приглашал Б. Г. к себе, всячески стараясь — облегчить ему жизнь, развлечь его»[1].

К владыке Меньшагин заезжал дважды — в конце мая 1982 и конце мая 1983 г., в обе свои последние летние поездки. Архиепископ Пимен, который всю жизнь вел дневник, 29 мая 1982 г. записал: «Встречал на вокзале Бориса Георгиевича Меньшагина, который во время оккупации был городским головой Смоленска и сотрудником моего отца (там была комиссия юридическая из трех лиц по вопросам браков, разводов, наследства и т. д.). Долго беседовали». Назавтра — в воскресенье — еще одна запись: «Днем [Борис Георгиевич] рассказывал о своей жизни. Когда немецкие войска отступали, он оказался в Германии. Там нашел штаб советского командования и сдался. Его повезли в Москву, судили, хотели расстрелять, но, поскольку многие свидетели говорили в его пользу, что он при немцах помогал русским, то ему дали только 25 лет. Он отсидел 25 лет полностью. После 1954 года к нему в камеру посадили помощника Берии — Мамулова. <...> В тюрьме Борис Георгиевич перечитал несколько сот книг из тюремной библиотеки. Когда окончился срок, его поселили в Мурманскую область, разрешили ездить куда угодно. Мой адрес он случайно узнал у художника Александра Платоновича Цесевича. Борис Георгиевич рассказывал мне, что он хорошо помнит, когда у меня умерли отец (6.09.42) и мать (6.10.42), то я пришел к нему и сказал, что хочу принимать монашество и просил его совета»[2].

Из «отпуска» 1982 г. Меньшагин вернулся в Кировск около 20 августа. Весь август он провел в Москве, где лечил тромбофлебит левой ноги и даже побывал в храме и причастился[3].

То был предпоследний летний «отпуск» Меньшагина. Последний — 1983 г. — пролег по такому же в точности маршруту и оставил по себе ощущение радости. В Саратове в этот раз Борис Георгиевич погостил подольше — с 27 мая по 13 июня: ездили с владыкой несколько раз за грибами, посещали консерваторию, даже играли в городки[4]. Вот только в церкви на службе он совершенно уже не мог стоять — отекали ноги.

Если попробовать обобщить, то послетюремная vita nuova Меньшагина нашла себе четкое структурное воплощение — сезонное. С середины сентября и по середину мая — у себя в адовом интернате, среди алкашей,

---

[1] *Левитская, 2005*. С. 121.

[2] *Пимен, архиепископ Саратовский и Вольский* (*Хмелевской*). Дневники. Ч. 1: 1965–1984. Саратов, 2014. С. 574–575.

[3] См. в письме к В. И. Лашковой от 25 августа 1982 г.

[4] *Пимен, архиепископ Саратовский и Вольский* (*Хмелевской*). Дневники. Ч. 1. С. 627–628.

хулиганов и бандюг, а с середины мая и по середину сентября — путешествия по стране с непременными долгими остановками у московских и украинских друзей, целительное общение с «нормальными», как он подчеркивал, людьми[1].

Праздничные летние «отпуска» Меньшагина, конечно, были отступлением от режима интерната[2], но стали его настоятельной и оздоровляющей потребностью — тем более настоятельной и оздоровляющей, чем старее он становился и чем труднее ему давались заполярные «зима» и ее «местные безобразия».

Переписка с заграницей

В начале и середине 1970-х гг. неожиданно возникла и установилась связь и с заграницей, причем было тут два или даже три канала, но доподлинно известно о двух: это Григорий Иванович Дьяконов, которого Меньшагин в свое время спас от смерти, и Надя Ефремова, старшая дочь[3].

Собственно, первыми о Меньшагине узнали именно Дьяконов с семейством. Согласно Ю. Дьяконову, его старшему сводному брату Владимиру, сыну Г. Дьяконова от первого брака, жившему в Москве, попался на глаза выпуск «Хроники текущих событий» с информацией о том, что Меньшагин жив и вышел на свободу. При первой же возможности он проинформировал об этом отца, тот, получив известие, разволновался и, во-первых, послал объявление в «Новое русское слово», а во-вторых — позвонил Марии Кляйн и Надежде Ефремовой, жене и дочери. (С Марией он, кстати, регулярно переписывался, она приглашала его на Надину свадьбу, он, кажется, собирался, но приехать не смог[4].)

И действительно: 22 июня 1971 г. в подвале второй страницы «Нового русского слова» свет увидел растянувшийся на шесть колонок материал «Советские документы. Движение в защиту прав человека в Советском Союзе продолжается»[5]. Собственно, это перепечатка фрагмента того самого — семнадцатого, вышедшего 31 декабря 1970 г. — выпуска «Хроники текущих событий», в котором была заметка и о Меньшагине! Был в ней

---

1 См. в письме к В. И. Лашковой от 11 июля 1981 г.

2 Разрешалась лишь месячная отлучка раз в год. Но начальству интерната отсутствие Меньшагина было даже выгодно, и оно смотрело на это сквозь пальцы.

3 См., например, в письме к В. И. Лашковой от 16 апреля 1974 г. («Это послала дочь») или в письме к Б. Г. Позиной от 15 января 1977 г.: «От дочери изредка бывают вести; регулярные отношения продолжаются с другими 2 знакомыми, находящимися там» (Архив Г. Г. Суперфина).

4 К сожалению, письма Дьяконова, как и всю остальную свою переписку, она незадолго до смерти в октябре 1999 г. сожгла. Разумеется, пропала и другая часть ее и меньшагинского архива — фотографии и бумаги, которые она, завернув в клеенку, закопала где-то в Бобруйске.

5 Это номер газеты был разыскан С. Белоковским.

даже адрес Меньшагина — дом престарелых в Княжой Губе (правда, перепутана область: Архангельская вместо Мурманской).

После этого уже понятно и не удивительно, что голубенькие, с красно-синей косой каемочкой авиаконверты из Штатов полетели в Княжую Губу. И они долетели!

От Дьяконова Меньшагин узнал, что его первая жена, Натуся, уже умерла, а дочь вышла замуж за украинского националиста, запретившего ей поддерживать любую связь с Советским Союзом, даже с отцом, но скорее всего, тут имелась в виду племянница, Тася[1].

Сам Дьяконов для помощи Меньшагину изобрел весьма оригинальный способ: «Один из его сыновей, Геннадий, был скульптором. Он познакомился с советским художником А. П. Цесевичем[2] и посылал ему дорогие альбомы произведений различных художников. В счет этих посылок Цесевич ежемесячно выплачивал небольшую, но строго установленную, сумму Борису Георгиевичу[3], что позволяло ему покупать себе дополнительно к казенному пайку сахар и другие продукты, оплачивать почтовые расходы и даже выписывать интересующие его периодические издания»[4].

Новость о «воскресении» мужа поразила, буквально ошарашила Марию. Не сразу, но спустя какое-то время Надя написала отцу, он ответил, но, по ее словам, сделал это лишь однажды. Весной 1974 г. она впервые прислала ему — через Внешторгбанк — посильную помощь: 20 долларов. Их Борис Георгиевич решил перевести — через Внешпосылторг, отдавая за это 35% стоимости, — в сертификаты, или боны, на которые можно было покупать приличные товары или еду в сети магазинов «Березка» (их тогда в Москве было аж 8 штук)[5].

Первый раз Меньшагин получил свои 14.60 в бонах в июне, а отоварил в августе 1974 г. в магазине на Большой Грузинской, накупив шоколада, вина и разных вкусностей. Когда в декабре того же года пришел новый перевод, Меньшагин попросил Веру Лашкову отовариться самой или, по ее усмотрению, потратить на кого-то остро нуждающегося.

Долгие зимы в Кировске

В конце мая 1981 г. Княжегубский интернат закрыли «за ветхостью», а 97 его обитателей перевели в другие похожие дома — 81 человека в Кандалакшу и 16 в Кировск (бывший Хибиногорск), близ Апатитов[6]: «Для меня этот переезд очень тягостен. За 11 лет, прожитых здесь, я привык,

---

1 *Левитская, 2005.* С. 122.
2 Цесевич Александр Платонович (1918–1990) — русский советский художник.
3 20 руб. ежемесячно (*Левитская, 2005.* С. 122).
4 *Левитская, 2005.* С. 122.
5 См. в письме Б. Г. к В. И. Лашковой от 16 апреля 1974 г.
6 Адрес интерната: Парковая ул., д. 11.

обжился, пользовался авторитетом, да и вообще менять условия жизни человеку на 80-м году жизни тяжело. Особенно боюсь я, что благодаря этим переездам, срок которых определен к 25 мая, а потом всякие оформления, прописка на новом месте затянут и сорвут мой традиционный летний отдых, а он мне сейчас необходим как никогда раньше, так как благодаря безобразиям, усилившимся за последний год, нервы напряжены до крайности, летом же, находясь в нормальной обстановке среди людей, которых я люблю и они мне отвечают взаимностью, я возвращался бодрым и здоровым»[1].

Но письмо к Вере Лашковой от 25 мая Борис Георгиевич отправлял уже из Кировска. В нем он описывал всю бестолковщину переезда, и всю новизну — достоинства и недостатки — нового места: «Помещение здесь несравнимо с княжегубским. Чистота, блеск стен и мебели, хорошие постели, еда такая же, персонал вежливый, не слышно от них матерщины, как там. Но природа здесь хуже: там рядом был лес, а в окно — вид на Белое море, здесь же кругом горы, покрытые снегом, отчего многие дороги мокрые; на склонах гор многоэтажные дома. Наш дом на окраине; до почты, там же и автобусная станция, я вчера шел минут 20–25. Большое удобство: в умывальнике вода и холодная, и горячая; под душ можно идти, когда хочешь».

26 июля Меньшагин писал Суперфину: «На новом месте тише, чем было в Княжой. Такого хулиганства пока нет, основные хулиганы, муж с женой Ягодкины, уехали[2]. Он — брат Ягодкина, который несколько лет тому назад был секретарем Московского комитета КПСС по идеологическим вопросам и был снят за произведенный по его распоряжению разгром выставки художников-модернистов. Питание у нас неплохое, помещение — тоже. <...> Плохо, что мне, видимо, не придется в этом году съездить отдохнуть от нашей сутолоки. Я выписываю в этом году 4 ежемесячных журнала, 2 еженедельника и “Известия”. <...> Всё почтовое дело всех жителей дома лежит на мне. Это препятствует моему отъезду». И добавляет: «Здесь есть церковь, которую я посещаю раз в неделю» — еще одно важное для него преимущество Кировска.

Пусть и не в мае, но вырваться «в отпуск» в 1981 г. Меньшагину всё же удалось. 14 сентября он пишет к Суперфину из Волочиска:

> «Мне всё же удалось выбраться отдохнуть от нашей бестолковщины и окружающего пьянства. С 15 августа по 4 сентября я побыл в Москве, а с 5 сентября нахожусь в Волочиске у Екатерины Зарицкой и Дарьи [Гусяк]. 17.IX уезжаю в Москву, а 24.IX рассчитываю вернуться в Кировск.

---

1 Из письма к Г. Г. Суперфину от 23 апреля 1981 г.

2 Очевидно, в Кандалакшу.

> Я чувствую себя более-менее удовлетворительно, конечно, стал значительно слабее, чем в прошлые годы, и сильно дрожат руки. Но учитывая, что живу уже 80-й год, обижаться было бы грешно.

2 ноября 1981 г. в письме к Суперфину Меньшагин рассказывает о своей интернатской жизни — еще более сдержанно и отстраненно:

> Здесь положение с продуктами тоже плохое, но нас снабжают удовлетворительно: и мясо, и масло получаем ежедневно. Я стал есть мало, своих порций не съедаю; только сахар приходится докупать. И с вещевым снабжением нас обстоит хорошо. Но климат здесь значительно хуже, чем в Кандалакше. <...> У меня сейчас что-то вроде гриппа <...>. Очень дрожат всё время руки, даже писать трудно. Но обижаться мне грешно, ведь в мае начнется 9-й десяток лет моей жизни[1].

В следующем, 1982 г. Меньшагин явно хочет уехать в свой «отпуск» как можно раньше. 24 апреля он пишет молодому корреспонденту:

> 6 мая вечером я должен ехать в отпуск, так что приеду накануне своего 80-летия. <...> ...Жители дома на редкость глупы. Если их что-либо и интересует, то за какую цену можно купить вино и где. «Правду», кроме меня, никто не читает, только двое еще возьмут ее, взглянут на последнюю страницу и отдают; местную газету смотрят эти же двое и еще 4 человека. <...> Надеюсь, что уже не долго осталось жить и худшего состояния удастся избежать. <...> После Москвы я собираюсь посетить Саратов, Ростов-на-Дону и Украину, пока еще способен к этому. Ведь в этом году я чувствую себя более слабым, чем был в прошлом году.
>
> В церкви здесь я был в четверг, пятницу и субботу Страстной недели, но к пасхальной службе в 12 час. ночи не рискнул идти, так как боялся, что из-за обилия пришедших не смогу войти в храм.

В 1981 г. у Меньшагина ощутимо меняется почерк — из-за тремора в руках.

После летнего путешествия 1983 г. Меньшагин перестает выходить из дома, постоянно жалуется на усталость. В феврале пропадает аппетит: он не завтракает, не обедает и не ужинает — только чай с печеньем или конфетой. Но по-прежнему ложится в 11 и встает в 6, по-прежнему много читает, вот только во время чтения впервые стал проваливаться в сон на пару минут...

Всё чаще в письмах Меньшагин вспоминал о смерти: сначала о ее неизбежном приближении, затем — о желанности. А в предпоследнем письме к Вере Лашковой (от 22 февраля 1984 г.) дает прогноз ее приходу: не позднее мая месяца.

---

[1] В тот же день — уже В. И. Лашковой — почти то же самое: «Климат здесь значительно хуже, чем в Кандалакше. Не для стариков, а ведь мне через ½ года пойдет 9-й десяток лет жизни».

Смерть. Похороны. Могила.

Что ж, прогноз довольно точный: Борис Георгиевич Меньшагин скончался 24 апреля 1984 г., на второй день Пасхальной недели и за полмесяца до своего 82-летия.

На похороны в Кировск приехала одна Левитская. «Это были жуткие по убожеству похороны, — вспоминала она. — Он лежал в некрашеном гробу без пелены, без покрова. Утопающее в снегу кладбище. В самом дальнем его конце бульдозером вырытый с осени и сейчас очищенный от снега неглубокий ров. Гроб опускали в могилу женщины — сотрудницы инвалидного дома и юноша-инвалид. Забрасывали могилу мы все вместе привезенным специальной машиной песком»[1]. Надежде Григорьевне бросилось в глаза, что не было никого из местной православной общины, верным прихожанином которой Меньшагин был[2].

С одной из этих сотрудниц (возможно, директором), Ниной Анатольевной Мамаевой, Левитская коротко переписывалась, посылала ей конфеты. 10 октября 1984 г. Мамаева написала ей: «Сообщаю, что сразу после таяния снега наши мальчики ездили на кладбище и подправляли могилу. Я ездила с ними сама. Местонахождение могилы мы запомнили, так что, если Вы приедете в Кировск, то мы Вам покажем, где она находится»[3].

В кабинете директора интерната ей показали оставшиеся после Меньшагина бумаги. Она увезла с собой тогда лишь небольшую папку с немногочисленными документами и фотографиями. Бóльшую же его часть — огромную стопку больших (А4) и пожелтевших листов, исписанных чернилами и по-тюремному экономно — с двух сторон и почти без интервалов между строк, — ей было физически не утащить. По всей видимости, она договорилась с администрацией о том, что заберет эти бумаги на следующий год, когда приедет устанавливать на могилу крест.

И действительно: на следующий год — кажется, 1 апреля — Левитская, а с нею Валентин Костин, опять поехали в Кировск. Они привели в порядок могилу и водрузили на ней привезенный с собой железный крест, который Меньшагину «уступил» А. Б. Трувеллер, припасший его для себя. Надежда Григорьевна вспоминала: «Спасибо Вале. На этом бесхозном кладбище я одна ничего не смогла бы сделать. Он с мальчиком-инвалидом бетонировал крест, а я носила дерн, чтобы обложить могилу, отделить ее от ряда других захоронений. Он несколько раз сфотографировал могилу и путь к ней»[4].

Тогда же, видимо, они привезли в Москву остатки архива Меньшагина — упакованную в коробку тяжеленную стопку пожелтевших листов

---

[1] *Левитская, 2005*. С. 122–123.

[2] Местного священника — отца Василия (А. Химчука) — скорее всего, лично приглашали на освящение могилы и установку памятника в 1985 г.

[3] Архив Н. Г. Левитской.

[4] *Левитская, 2005*. С. 123.

формата 20 на 32 см. Спустя долгие десятилетия коробка была передана В. Костиным мне в связи с подготовкой настоящей книги. После ее изучения и беглого описания все конспекты я передал в архив «Международного Мемориала», заложив тем самым начало личного фонда Б. Г. Меньшагина в этом архиве (Ф. 274).

...Единственным откликом на смерть Меньшагина стал некролог Валерия Прохорова в «Посеве» в 1985 г.[1] В том же году в «Русской мысли» вышла анонимная заметка о деле Святослава Караванского, в которой среди прочих упоминался и Меньшагин[2].

Казалось, впереди одни лишь оттенки забытия и небытия.

Но вышло иначе: спустя еще три года, — в 1988 г., в Париже — вышла первая книга Бориса Меньшагина, подготовленная Г. Суперфином совместно с А. Грибановым и Н. Горбаневской.

---

1 *П. В.* [*Прохоров Валерий*]. К кончине Б. Г. Меньшагина // Посев. 1985. № 1. С. 52–54. Некролог содержит и пересказ чьей-то 2-часовой беседы с Меньшагиным, неизвестных дополнений не содержащей.

2 [*Аноним* (*Горбаневская Н.*?)] «Катынское дело» во Владимирской тюрьме // Русская мысль (Париж). 1985. 2 мая.

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

(Сергей Амелин)

Битва за Смоленск

По поводу воспоминаний Меньшагина хотел бы обратить внимание на один момент, который, на мой взгляд, не получил еще должной оценки. А именно: как Меньшагин оказался в оккупированном Смоленске? Почему не эвакуировался? Действительно ли это произошло случайно или он преднамеренно хотел остаться? Ответы на эти вопросы служат важной отправной точкой, которая позволяет в дальнейшем вскрыть истинные мотивы его последующих действий во время оккупации.

Сам Меньшагин прямого ответа на эти вопросы не дает. Вообще его комментарии по поводу событий 15 июля, когда немецкие войска вошли в Смоленск, крайне скупы. Нет ни слова о том, чего он опасался, ни слова о том, что собирался делать дальше...

Вряд ли Меньшагин забыл, что происходило в тот момент. Ведь это был перелом —перелом в жизни. Именно в этом момент его судьба разделилась на «до» и «после». Такие яркие моменты не забываются. Тем более что память у Меньшагина просто феноменальная. Когда он хочет, то воссоздает события минувших дней в мельчайших деталях, и эти детали полностью согласуются с документальными источниками, которых не было у Меньшагина в момент написания мемуаров.

Если же в повествовании вдруг возникает пробел, это означает лишь одно: описывать подробности Меньшагин по каким-то причинам не хочет. А если принять во внимание, что эти мемуары по своей сути являются тщательно и профессионально подготовленной речью защитника на гипотетическом судебном процессе против него самого, то становится очевидным, что Меньшагин как бы пользуется правом не свидетельствовать против себя и своих близких. Как и положено в таких речах, даже если нет в них лжи, то достаточно фальши. Всё положительное, что он может сказать о себе, всплывает с прекрасной детализацией, а всё то, что ему можно поставить в упрек, — умело замалчивается.

Таких «отказов от свидетельствования против себя» по ходу его повествования достаточно много и все они заслуживают внимания. Остановлюсь лишь на одном из них, но едва ли не самом важном.

Итак, что же пишет Меньшагин о переломном моменте своей жизни?

Как ни странно, немного. «Защищаясь», он подводит к тому, что он просто жертва обстоятельств, жертва неинформированности по вине советских властей: «Все, конечно, очень интересовались развитием военных событий. Но официальные сообщения, передаваемые по радио, были весьма скудны. Говорилось о тяжелых боях, об отбитии немецких атак на разных направлениях. Для меня было ясно одно: сражение идет на нашей территории, а названия направлений в сводках говорит, что наши войска отступают, а немцы продвинулись уже довольно значительно».

Эта информация абсолютно достоверна. Сводки Информбюро, действительно, были малоинформативны. К примеру, в дневном сообщении 1 июля говорилось: «На Минском и Бобруйском направлениях всю ночь наши войска вели бои с подвижными частями противника, противодействуя их попыткам прорваться на восток. В бою участвовали пехота, артиллерия, танки и авиация»[1]. В вечернем: «На Минском направлении продолжаются бои с подвижными частями противника. Наши войска, широко применяя заграждения и контрудары, задерживают продвижение танковых частей противника и наносят ему значительное поражение». На самом деле немцы вошли в Минск еще 28 июня 1941 г.

Сводки сводками, но что может быть более информативым, чем массированный авиационный удар по Смоленску 29 июня 1941 г.! Существенная часть города сгорела дотла. Сам Меньшагин был вынужден спасаться от пожара на пригородном хуторе. После этого безо всяких официальных сводок было ясно: враг у ворот. С запада потянулись беженцы, слухи о быстром продвижении немцев заполнили город... Началась даже не эвакуация, а скорее бегство из охваченного огнем Смоленска. Вот что написал в своем дневнике[2] возвращавшийся в это время в город В. Ф. Шурыгин[3]:

> Вышли мы рано, но как только сошли с проселка на шоссе, сразу врезались в поток людей с узлами на спине, на велосипедах, на тележках образца 1919 года, на повозках, на автомашинах, и чем дальше мы шли, тем поток этот становился более мощным и шумным. <...> Тысячи людей, лишенных крова, а многие, потеряв детей, родителей, близких, двигались по Рославльскому шоссе.
>
> ...Одно обстоятельство вызвало у нас глубокое возмущение: смоленские ответработники на машинах везли всё, даже корыта и ночные горшки, обгоняя слепых, шагающих скорбно по обочинам дороги, держась друг за друга, людей на костылях, стариков. В канаве валялся с узлом

---

1 Здесь и далее цитаты из сводок «Совинформбюро» — по сайту «Боевые действия Красной Армии в ВОВ» (URL: http://bdsa.ru).

2 Край Смоленский. 2016. № 6. С. 90.

3 Шурыгин Василий Федорович (1897–1965), писатель, краевед. В 1941 г. директор Смоленского краеведческого научно-исследовательского института.

> рядом старик с окровавленной головой и лицом в бинтах. Никто из мчавшихся на машинах с ночными горшками не оглянулся даже на старика. ... Ничего более постыдного и более мерзкого не видел я во всю мою жизнь, как поведение многих или почти всех смоленских ответственных работников в эти тяжелые дни для смолян. И никого не удивила поэтому весть о расстреле секретаря Заднепровского райкома ВКП(б)[1]...

Чтобы понять, насколько дела плохи, не обязательно было слушать официальные сводки. Достаточно было взглянуть на бегущих из города партийных и советских работников...

Но и из сообщений Совинформбюро можно было реально оценить глубину продвижения немцев. В сводках прямо не говорилось, какие города уже оказались в их руках. Просто те или иные топонимы исчезали из сообщений, а в следующих уже шла речь об упорных боях в других местах, всё ближе и ближе к Смоленску. Тревожные сигналы звучали всё отчетливее.

Так, в сводке от 3 июля сообщалось: «На Минском направлении противник в результате упорного сопротивления наших войск понес значительные потери. Враг не выносит штыковых ударов наших войск. В течение дня происходили упорные бои на р. Березина, где наши войска совместными ударами пехоты, танков, артиллерии и авиации наносят противнику значительное поражение». Река Березина существенно восточнее Минска. Выводы можно сделать однозначные. И эти выводы подтверждаются в дальнейшем. И, кстати, это последнее сообщение, в котором фигурирует «Минское направление».

А вот 4 июля: «Ожесточенные и непрерывные бои на р. Березина развиваются неудачно для противника. Его неоднократные попытки форсировать р. Березина были отбиты нашими частями».

7 июля: «На Бобруйском направлении противник неоднократно пытался форсировать р. Днепр, но каждый раз, попадая под губительный огонь наших войск, с большими потерями отходил в исходное положение».

8 июля: «На Бобруйском направлении наши части уничтожили до 35 тяжелых танков и 2 батальонов пехоты противника. Все попытки противника на этом направлении форсировать р. Днепр отбиты с большими для него потерями. Захвачены пленные».

Итак, немцы вышли к Днепру, это сказано более чем ясно. Думаю, Меньшагину не составляло большого труда читать между строк.

---

[1] Макаров Федор Яковлевич, 2-й секретарь Заднепровского райкома ВКП(б), г. Смоленск. Арестован 2 июня 1941 г., ст. 58-14. Осужден Военным трибуналом войск НКВД 4 июля 1941 г. Приговор: расстрел (сведений о приведении приговора в исполнение нет). Реабилитирован 3 марта 1958 г. Военной коллегией ВС СССР. Приговор не имеет отношения к событиям в Смоленске в первые дни войны.

И образование, и богатый опыт адвокатской практики, и профессиональная наблюдательность вполне позволяли ему с легкостью анализировать сводки, сопоставлять их с тем, что происходит вокруг, осознавать то, что в них «звучало» на самом деле. Уже 7 июля он должен был бы понять, что, если немецкое наступление продолжится в прежнем темпе, то к середине или к концу месяца немцы окажутся у Смоленска.

Правда, чем дальше, тем хуже становилось с официальной информацией, зато неофициальной хватало с избытком. 10 июля началось Смоленское сражение[1]. Линию фронта прорвали две немецкие танковые группы. Одна из них, под командованием Г. Гота[2], наступала на Витебск, а затем совершила стремительный бросок через Демидов и Духовщину в направлении Ярцево[3], охватывая Смоленск с севера. Вторая, под командованием Г. Гудериана[4], наступала на Могилев, форсировала Днепр и из района Шклова двигалась на Починок[5] и Ельню[6], охватывая Смоленск с юга.

А Совинформбюро скромно сообщало: «В течение 10 июля на фронте не произошло чего-либо существенного». И на следующий день тоже: «В течение 11 июля существенных изменений на фронте не произошло». И дальше: «В течение 12 июля происходили упорные бои наших войск с войсками противника на псковском, витебском и новоград-волынском направлениях. В результате боев каких-либо существенных изменений на фронте не произошло». На самом деле гигантские клещи немецких танковых групп уже охватывали Смоленск, через несколько дней их передовые части достигнут Ярцева и Ельни![7]

---

[1] Смоленское сражение — комплекс оборонительных и наступательных действий советских войск против немецкой группы армий «Центр» на главном Московском направлении. Продолжалось в течение двух месяцев: с 10 июля по 10 сентября 1941 г.

[2] Гот Герман, немецкий военачальник, генерал-полковник. Командовал 3-й танковой группой Вермахта в составе группы армий «Центр» с июня 1941 по июнь 1942 г.

[3] Райцентр, примерно в 50 км северо-восточнее Смоленска. Важный транспортный узел, через него проходят шоссейная и железная дороги, связывающие Смоленск с Москвой. В районе Ярцево немцы планировали замкнуть кольцо окружения смоленской группировки советских армий.

[4] Гудериан Гейнц-Вильгельм, генерал-полковник, командующий 2-й танковой группой Вермахта в составе группы армий «Центр» с июня и до конца декабря 1941 г.

[5] Райцентр примерно в 50 км южнее Смоленска.

[6] Райцентр примерно в 80 км юго-восточнее Смоленска.

[7] В Ярцево немцы оказались 16 июля, а в Ельне 19 июня. Бросок передовых частей 3-й танковой группы на Ярцево был столь стремителен, что породил слухи об огромном воздушном десанте, высаженном в этом районе (сведения о «десанте» в краеведческой литературе циркулируют до сих пор).

И только 13 июля появляется сообщение об «ожесточенных боях»: «На Западном направлении наши войска вновь овладели городами Жлобин и Рогачёв. На остальных участках этого направления весь день происходили ожесточенные бои с крупными силами пехоты и танков противника». В реальности же 13 июля немцы заняли Велиж и Демидов, районные центры на северо-западе области, а также Монастырщину и Красный, райцентры на юго-западе области. В Смоленске поползли слухи, что между Красным и Смоленском немцы выбросили десант.

Следующее сообщение Совинформбюро еще более туманно: «В течение 14 июля продолжались бои на северо-западном, западном и юго-западном направлениях. Наши войска противодействовали наступлению танковых и моторизованных частей противника и неоднократными контратаками наносили врагу тяжелые потери».

На самом деле 14 июля немцы уже продвинулись далеко в глубь Смоленской области, охватывая Смоленск с юга и севера. Сам город не был на направлении главного удара. В его сторону направили всего одну 29-ю моторизованную дивизию[1]. Ее передовые части двигались по дороге от Красного к Смоленску и 14 июля завязали бой с подвижной группой 16-й армии в районе деревни Хохлово — всего в 16 км западнее Смоленска![2]

О том, что бои уже идут в непосредственной близости от Смоленска, из официальных источников Меньшагин действительно узнать не мог. Но это не значит, что он ни о чем не догадывался. Его апелляция к неинформированности беспочвенна. Про события 14 июня Меньшагин пишет так: «Увидев Кузнецова и меня, начальник областного управления юстиции А. И. Журов поднялся с земли и подошел к нам. Узнав о цели нашего прихода, Журов сказал: “Говорят, немцы уже в Красном” (это районный центр Смоленской области, километров 40–45 от Смоленска)» Подробностей он не знал, но обещал узнать и сообщить на следующий день.

---

1 Именно эта дивизия, под командованием генерал-майора Вальтера фон Больтенштерна, штурмовала Смоленск 15–16 июля, а затем вела тяжелые бои на его северной и северо-восточной окраинах, неся большие потери. В конце июля была заменена 137-й пехотной дивизией.

2 Из воспоминаний командующего 16-й армией генерал-майор М. Ф. Лукина: «По большаку Смоленск–Красный для прикрытия левого фланга армии со стороны Горки был выделен отряд под командованием подполковника П. И. Буняшина и батальонного комиссара И. И. Панченко на машинах. Он состоял из стрелкового батальона 46-й стрелковой дивизии, двух саперных рот, дивизиона 76-мм пушек и дивизиона 152-мм гаубиц. С этими подразделениями выехал для организации обороны начальник артиллерии армии генерал-майор Т.Л. Власов» (*Еременко А. И.* В начале войны. Воспоминания Маршала Советского Союза. М.: Наука, 1965). Т. Л. Власов в этом бою погиб.

Назавтра утром Меньшагин «снова направился к Журову, но ни его, ни кого-либо из сотрудников облюста и облсуда уже не было»! И далее: «Кузнецов сказал мне на ухо: “Говорят, немцы в Хохлове” <...>. Я отвечал, что похоже на то, и рассказал об исчезновении Журова и о движении по улицам военных обозов».

В ночь на 15 июля отряд подполковника П. И. Буняшина вел бой в районе Хохлова. Ночной бой с активным применением артиллерии всего в полутора десятках километров от города вряд ли не был слышен в Смоленске. Иными словами: Меньшагин уже утром 15 июля понимал, что немцы вот-вот подойдут к городу, что угроза захвата Смоленска со дня на день вполне реальна. Он сам отмечает это воспоминаниях: «Тут же пришли адвокаты Гайдамак и Н. Гольцова с ручным багажом. Они говорили, что не знают, что им делать. Я сказал, что Гайдамак как еврейке оставаться опасно, ибо давно уже слышно о плохом отношении фашистов к евреям. Обе они решили идти на вокзал и попытаться уехать. Пошел с ними на вокзал и я, а остальные отправились по домам».

Немцы вошли в город — с запада и юга — во второй половине дня, то есть буквально через несколько часов после того, как Меньшагин посадил Гайдамак и Гольцову на последний поезд!..

Накануне оккупации: что делать?

И вот тут возникает первая странность. Меньшагин осознаёт, что над городом нависла угроза оккупации. Но почему-то считает, что Гайдамак, как еврейке, оставаться в городе опасно, а ему самому и его семье — безопасно. Он помогает ей эвакуироваться, а сам такой попытки не предпринимает.

Меньшагин, участник Гражданской войны, безусловно, знал о рисках нахождения в городе во время вступления в него войск и уличных боев. А всего две недели назад он воочию наблюдал, что происходило после налета немецкой авиации, и поступил тогда абсолютно адекватно, перебравшись из города на близлежащий хутор.

Так что же? Взятие города немцами и неизбежные уличные бои кажутся Меньшагину менее опасными, чем пожар после бомбардировки?

Он пишет: «Возвращаясь к себе, я заметил, что все караулы, охранявшие здание бывшей семинарии, в котором с 1919 года размещался штаб Западного фронта, а потом военного округа, сняты, и дом этот опустел. Во дворе дома, где жили Пожарисские, в последние дни стояла какая-то воинская часть. Теперь ее тоже не было. Всё говорило за то, что немцы в ближайшие часы могут подойти к Смоленску и в городе может начаться бой».

Иллюзий у него не было никаких. Однако об эвакуации он даже не помышляет: «На общем семейном совете нашего семейства и Пожарисских решено перебраться с наиболее нужными вещами и продуктами в нишу крепостной стены, построенной на рубеже XVI–XVII вв. при Борисе Годунове мастером Федором Конем. В эту стену упирался двор нашего дома».

Итак, принято решение остаться в городе под защитой крепостной стены.

Стена, конечно, могла защитить от пожаров, а может быть, и от пуль и осколков. Но она не могла защитить от немецких солдат и непредсказуемости их поведения. Ведь запросто могли пристрелить, если что-то показалось подозрительным или просто не понравилось. Однако ни за себя, ни за семью Меньшагин почему-то не боится. А если и боится, то что-то всё равно удерживает его в городе, что-то такое, ради чего он готов пойти на риск, что-то такое, о чем он в своих воспоминаниях умалчивает. Как нет в них и отношения к самой перспективе скорого прихода немцев. Ни страха, ни сомнений — ничего.

Так же «пропущено» всё, что касается самих уличных боев 15 июля. Они были достаточно скоротечны, но все-таки они были — немцы продвигались к Днепру. Звуки боя сложно не услышать: с обеих сторон «говорили» артиллерия, реактивные минометы, штурмовые орудия, ручные гранаты.

Всего этого Меньшагин предпочел не замечать, зато: «...часов в 11 вечера раздались два сильных взрыва. Я предположил, что это взорвали мост через Днепр. Так это и было. Вскоре на небе появилось большое зарево. Но было всё тихо, и незаметно я, сидя, заснул. Проснулся я по зову тети моей жены, говорившей: “Б. Г., немцы”. Было уже совсем светло. Мимо нас шел немецкий солдат с автоматом».

Всё! Меньшагин в оккупации!

Без малейшей попытки этого избежать!

Но оставалась ли в этот момент возможность уйти из города и постараться выбраться из оккупации? Даже вечером 15 июля, когда в южной части Смоленска шли уличные бои, покинуть город Меньшагину с семьей было несложно. Он находился в нише крепостной стены, а сразу за стеной — глубокий овраг, черта города. Пройти через овраг и взять влево — и ты уже в Рачевке, за ней Шейновка и железнодорожный мост через Днепр, еще не взорванный. Можно перейти на правый берег и, оказавшись на старой Смоленской дороге, идти по ней в сторону Москвы. А если пойти прямо через овраг, то на противоположной стороне будет деревня Новоселки, откуда можно выйти на дорогу, идущую к Ельне. А можно было просто спрятаться в окрестных деревнях и переждать момент вторжения у знакомых или у родни. Не стоит забывать, что существенная

часть жителей Смоленска — это бывшие крестьяне. Индустриализация привела их в город[1], но и связь с малой родиной у каждого сохранялись.

Но в воспоминаниях Меньшагина нет ни слова об эвакуации, бегстве и беженцах, если не считать упоминания об отъезде Гайдамак и Гольцовой. В Смоленске, по Меньшагину, 15 июля было так же спокойно, как и в сводках Совинформбюро. Никто из знакомых или коллег прочь из города не бросился, все, как и он, затаились и ждут.

Не попытка ли это оправдать свои действия, показать именно их как типичные и нормальные?

На самом деле всё было совсем не так, ибо типичным в эти дни было как раз массовое бегство смолян из города: самоэвакуацией его уже не назовешь! Оно зафиксировано во многих воспоминаниях. Слышал об этом и в своей семье. Мой тесть, Аркадий Иванович Третьяков, подростком пережил оккупацию Смоленска и рассказывал, что жители начали покидать город еще в начале июля. А как только загремели первые звуки боя в городе, целые колонны жителей сплошным потоком потекли на восток. Одни шли из северной части города в сторону Дорогобужа по старой Смоленской дороге[2]. Им повезло больше, многим действительно удалось перебраться через Соловьеву переправу на левый (восточный) берег Днепра (шоссейная и железная дорога в районе Ярцева оказалась перерезана немцами уже 15 июля). Другие двигались в сторону Ельни. В этом направлении уйти мало кто смог, немцы перерезали путь, и многие вынуждены были возвращаться, несмотря на то что уже дошли до Балтутина (село примерно в 50 км юго-восточнее Смоленска). Вот и тесть с семьей попытался уйти в сторону Ельни, но вынужден был вернуться, наткнувшись на немцев.

О масштабах бегства косвенно говорят цифры самого Меньшагина. По его оценке, в первые дни оккупации в городе оставалось примерно 10 тысяч жителей[3]. Если учесть, что в Смоленске перед войной проживало 156 тысяч человек[4], то оказывается, что в городе оставалось лишь около 6% довоенной численности населения, остальные же 94% так или иначе, но его покинули.

Понятно, что не все 140 тысяч сразу ринулись на восток. Плановая эвакуация из Смоленска началась уже в первые дни войны. Эвакуировались

[1] Еще в 1923 г. в Смоленске проживало около 70 тыс. жителей, а спустя 16 лет, в 1939 г., уже 156 тыс., или в 2,2 раза больше. Это удвоение произошло как раз за счет сельских жителей.

[2] Обиходное название автомобильной дороги, проходящей примерно там же, где и одноименная историческая дорога, некогда соединявшая Московский Кремль и Смоленскую крепость. Проходит через Кардымово, Дорогобуж и Вязьму (райцентры северо-восточнее Смоленска)

[3] См. Документ № 4.2.

[4] Согласно переписи 1939 г.

предприятия и их работники, в частности, авиационный завод №35[1], завод им. Калинина и некоторые другие. Эвакуировались семьи военнослужащих, работников советских и партийных органов, многие уезжали в индивидуальном порядке. Правда, бегство удалось не всем, многим пришлось вернуться обратно в город, благодаря чему гражданское население Смоленска в годы оккупации колебалось в интервале 35–45 тыс. чел.

Но про всё это у Меньшагина ни слова. Как ни слова о том, что он сам думал по поводу возможной оккупации. Показательно сравнить, какие были настроения у других представителей смоленской интеллигенции. В своих воспоминаниях Д.И. Погуляев[2] пишет о том, что происходило 12 июля, за три дня до вступления немцев в Смоленск: «В здании пединститута, в коридоре нижнего этажа, мы встретили профессоров Базилевского, Русакова, Кадачигова, Юшкевича и др. Ко мне подошел Сергей Фомич Юшкевич и попросил совета. Между прочим, он сказал, что ждал меня с нетерпением, и что я посоветую ему, то он и сделает. На вопрос, оставаться ему в Смоленске или эвакуироваться, я твердо сказал, что уезжать из Смоленска надо немедленно. “А найду ли я себе работу? Тут у меня свой домик, библиотека, вещи. Возможно, скоро Смоленск будет нашим”. Но я снова повторил, что надо уезжать из Смоленска. “Если вы останетесь здесь — вас осудят... Всё бросьте и уезжайте”. Он отошел от меня и горько, по-женски, заплакал»[3]. Юшкевич последовал совету и уехал. Мысль о необходимости эвакуации в эти дни так и витала в воздухе...

Решение принято

Единственным разумным мотивом, которым можно объяснить действия (точнее, бездействие) Меньшагина, является осознанное желание не покидать город. Рискнуть и избавиться от не сильно любимой советской действительности, которую он терпел, к которой приспосабливался, но которую вряд ли любил, живя по принципу: «делай что должно, и будь, что будет». Ярым противником советской власти он не был, да никогда и никак не боролся с ней. Но, как только представилась возможность альтернативы, не преминул ею воспользоваться.

Ведь ни формально, ни фактически в Смоленске Меньшагина ничто не удерживало. Дом и имущество полностью уничтожены пожаром после

---

1 На нем в это время развертывалось производство штурмовиков Ил-2.

2 Погуляев Даниил Иванович (1895–1974), профессор, доктор геолого-минералогических наук, преподаватель естественно-географического факультета Смоленского государственного университета. Участник Первой мировой и Великой Отечественной войн, на фронте с 1941 по 1945 г.

3 Край Смоленский. 1995. №5–6. С. 14.

бомбардировки 29 июня, работы нет уже почти две недели: «Суды в эти дни не работали. Дел у нас не было». Коллеги беспрепятственно уезжают из города, а Меньшагин остается...

Его дальнейшие действия также не вполне рациональны: «Несколько снарядов разорвалось поблизости от нашего расположения. Были попадания в крепостную стену, но старушка с честью выдержала». И снова никаких попыток перебраться в безопасное место. И дальше: «Теперь же Р. П. Васильев сказал: “Что же Вы сидите здесь? В городе немцы открыли все магазины, и все идут и берут, что им надо, идите сейчас же, а то ничего не останется”. Когда мы высказали опасение насчет немцев, то он стал уверять, что это хорошие люди, и бояться их нечего. После этого я, Тася и Коля пошли в город». Иными словами, Меньшагина уверили, что немцы это хорошие люди, и он спокойно двинулся в центр города.

А в это время в северной части Смоленска частями Красной Армии предпринималась первая попытка отбить Заднепровье, в ходе которой удалось отбросить немцев от аэродрома[1] и начать продвигаться от окраин города в сторону вокзала. Всё это происходит всего в 3 км от того места, где находился Меньшагин. С Покровской горы, где шли бои, прекрасно просматривался и простреливался весь центр Смоленска. Но Меньшагин направляется именно туда.

Зачем?

На этот вопрос отвечает сам Меньшагин: «Так я стал ежедневно выходить в город с целью [получения] информации».

Но что же, рискуя жизнью, он пытался узнать или понять? Для прагматичного Меньшагина, вроде бы, праздное любопытство не характерно. Но он и дальше действует в том же духе: «22 июля я, по обычаю, пошел в город, зашел к одной знакомой и на обратном пути увидел шедшую навстречу группу граждан и двух немцев с бляхами на груди, сопровождающих ее. Когда я приблизился, один из немцев закричал: “Halt!”».

Так состоялось первое знакомство Меньшагина с «хорошими людьми», как их назвал Васильев. И это знакомство окончилось фактически арестом и заключением в лагерь, где Меньшагин пробыл два дня. Вдруг его неожиданно вызывают в комендатуру, даже присылают за ним машину и с ходу предлагают войти в состав городского управления. По словам Меньшагина, о нем по-дружески похлопотал Роман Петрович Васильев, к тому времени уже работавший — и когда успел? — в немецкой комендатуре.

Не был ли Васильев и тем приводным ремнем, что привел Меньшагина на пост начальника города? И как иначе объяснить всё последующее

---

[1] До войны в Смоленске было два аэродрома — «Южный» и «Северный». Имеется в виду северный аэродром, находившийся рядом с заводом № 35.

самоуверенное поведение самого Васильева, явно исходящее из того, что обязанный ему бургомистр всегда его прикроет?..

И вот Меньшагин у коменданта фон Швеца, и снова — ни намека на переживания или сомнения! Одна только сухая констатация: «Затем он [комендант] сказал, что русские, оставшиеся в городе, должны сами заботиться о себе, для чего должно быть создано городское управление из русских, что они уже назначили бюргермейстером города профессора Базилевского и хотят, чтобы я помогал ему».

И ни малейших попыток отказаться. Предложение воспринято — и принято — как нечто само собой разумеющееся. А ведь это перелом, фактически начало совсем другой жизни. Точка невозврата! И с этого момента пути назад уже нет.

Меньшагин как никто другой это понимал. Но вот единственное, что его волнует: «Я заметил, что на улице меня могут опять забрать. Тогда комендант написал что-то на небольшой бумажке и подал мне. Я простился и ушел».

Еще один показательный момент — поездка Меньшагина с немцами 27 июля на место, где находятся ремонтные мастерские: «Мы поехали на автомашине, но, доехав до Днепра, остановились, так как вся набережная, по которой нам надо было ехать, простреливалась пулями. Мы вышли из машины и, став за киоск, где раньше продавалось мороженое, смотрели на Заднепровье, откуда сыпались пули. Простым глазом было хорошо видно, как среди недавних пожарищ бежали наши солдаты, ложились, стреляли и снова бежали. По ним тоже стреляли невидимые для нас немцы. Посмотрев несколько минут, мы снова сели в машину и поехали обратно».

Полная отрешенность и безразличие....

А между тем всего в километре от этого места идет бой! 27 июля Красной армии удалось отбить от немцев практически всю северную часть города и местами выйти к Днепру[1]. И еще до конца непонятно, кто выйдет из схватки победителем, удержатся ли немцы в Смоленске...

Но Меньшагин свой выбор уже сделал. При этом он прекрасно понимал, что ждет его самого и его семью, если вернется советская власть — расплата неминуема, и жестокая! Расплата, которой он боялся уже тогда, еще не будучи бургомистром:

«Только мы легли спать, как я услышал на улице цокот лошадиных копыт. Я встал, подошел к окну и стал всматриваться и вслушиваться в происходящее на улице. За стеной поднялись Рыкаловы и тоже подошли к своему окну. В тишине было слышно, как они разговаривали между

[1] Всего через два дня, 29 июля 1941 г. Красная армия прекратила двухнедельные попытки отбить Смоленск и начала быстро отходить на восток.

собой. “Наши, наши”, — громко воскликнула жена Рыкалова. — “Идет кавалерия, у немцев нет ее, значит, это наши”, — отвечал ее муж. У меня сильно забилось сердце. Вдруг я услышал громкую команду на немецком языке. Услышали ее и Рыкаловы. “Ох, это немцы!” — сказала Рыкалова и заплакала. Я не стал больше слушать и лег спать».

Здесь единственный раз показано проявление Меньшагиным эмоций на «переломе». Страх, сильно забилось сердце, когда жена Рыкалова воскликнула «Наши, наши!» Но когда оказалось, что это не так, жена Рыкалова расплакалась, а Меньшагин, наоборот, успокоился. То есть прихода немцев он не боялся, сердце его по их поводу не колотилось. А вот известие о возвращение Красной армии, даже ложное, заставило волноваться...

Но и осознавая всю опасность, Меньшагин принял предложения коменданта фон Швеца. Сделать это было ему тем легче, что этот выбор его не был спонтанен. Путь к точке невозврата начался еще до прихода немцев.

И тогда все «странности» и «умолчания» перестают быть странностями, а становятся логичными звеньями цепи, приведшей к тому, что Меньшагин стал сотрудничать с немецкими властями, а впоследствии без особых колебаний занял пост бургомистра.

НАЧАЛЬНИК ГОРОДА.
Б. Г. МЕНЬШАГИН В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

(Майкл Дэвид-Фокс)

Мемуары как попытка самооправдания

С точки зрения проблем коллаборационизма и пособничества, лежащих в основе воспоминаний Бориса Меньшагина о военном времени, они не сильно отличаются от ряда других мемуаров, которые были опубликовали в эмиграции. Автор представляет себя как человека, который делал всё возможное в сложившихся суровых условиях, говорит о том, что какой бы ни была власть в его руках, он использовал ее для благих целей, и открыто перекладывает ответственность за совершённые злодеяния и преступления на других.

Однако, в отличие от широко известных воспоминаний таких личностей, как Лев Дудин или Константин Штеппа, в его мемуарах нет пространных размышлений о собственных взглядах или взглядах интеллигенции на политику, о личной жизни или масштабных геополитических и идеологических проблемах того времени[1]. Более того, эти мемуары решительно не вписываются в литературную традицию, сформированную русской интеллигенцией в середине девятнадцатого века, преимущественно под влиянием «Былого и дум» Александра Герцена.

В контексте автобиографической традиции, которая также наложила отпечаток на многие мемуары советского периода, наш герой отличается бóльшим постоянством. В созданном им описании своей жизни Меньшагин не меняет своих взглядов, не развивается, не взрослеет, не стремится к тому, чтобы себя переделать или улучшить. Он не входит в «кружок», как это принято в жанре «воспоминаний современников», но держится в стороне, будучи порядочнее и культурнее своего окружения. Дистанцируясь от немецких властей во время жестокой расовой колонизации, геноцида и массовых преступлений в оккупированном Смоленске, он описывает себя скорее как личность, не подверженную изменениям, чем как

---

[1] *Дудин Л. В.* В оккупации // Под немцами: Воспоминания, свидетельства, документы. СПб: Скрипториум, 2011. С. 263–331; *Штеппа К. Ф.* «Ежовщина» // XX век. История одной семьи. М.: Русаки, 2003. С. 15–138. Другие примеры см.: *Будницкий, Зеленина, 2012*.

личность, «сформированную историей»[1]. Мол, я, Меньшагин, и при нацистской власти оставался таким же Меньшагиным, что, будучи адвокатом в Смоленске, в годы Большого террора защищал осужденных советской властью в меру того, как позволяли обстоятельства.

Но эта *apologia pro vita sua* не просто самооправдание с отброшенным элементом воспитательного романа. Можно отметить высокий уровень фактологичности, при котором в тексте присутствует подробное изложение калейдоскопа споров, интриг, провокаций, событий и записанных дословно разговоров, связанных с постоянным потоком людей и происшествий из истории Смоленского городского управления, которое он возглавлял. В этих воспоминаниях одновременно проявились педантичность умелого делопроизводителя, которым он был в 1920-е годы, и адвоката, которым он стал в 1930-х. Мемуарист, привыкший к административной работе, несомненно стремился достичь того уровня детализации, которая бы подкрепила общую достоверность текста и, соответственно, приукрашенную картину его собственных мотивов. Другими словами, Меньшагин подготовил впечатляющую, пусть и выборочную, шпаргалку для защиты на суде исторической памяти.

Неизменность, с которой Меньшагин изображает себя, оглядываясь в прошлое, несомненно связана с необычным происхождением текста, созданного непосредственно после его осуждения на 25-летний тюремный срок в 1970 г. (воспоминания, написанные им в 1950-х, были изъяты КГБ). Однако по существу это отражает также природу доводов Меньшагина в свою защиту. Меньшагин хочет доказать, что он был кем-то совершенно другим, нежели беспринципный и заидеологизированный коллаборационист. Что он был гораздо более моральным, нежели те, кто окружал его в то время. И что нравственные принципы Меньшагина, столь явно выраженные в этом тексте на фоне беспрецедентных преступлений и злодеяний немецкой военной оккупации, строятся на его приверженности благополучию русского населения.

Вначале Меньшагин подводит к тому, что он никогда не рассчитывал и не стремился к назначению на пост бургомистра Смоленска, что, как и в случае с другими коллаборационистами, решающую роль тут сыграла случайность. Приводя в своих мемуарах истории других людей, он нередко подчеркивает их недобросовестность или недостаток благопристойности

---

1 *Hellbeck J.* Russian Autobiographical Practice // Autobiographical Practices in Russia/ Autobiographische Praktiken in Russland / Ed. by J. Hellbeck. Göttingen: V&R unipress, 2004. C. 279–298; *Paperno I.* Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams. Ithaca: Cornell University Press, 2009. C. 9–11; *Walker B.* On Reading Soviet Memoirs: A History of the "Contemporaries" Genre as an Institution of Russian Intelligentsia Culture from the 1790s to the 1970s // The Russian Review. 2000. Vol. 59. No. 3. P. 327–372.

по сравнению с его собственным мировоззрением и поведением. Описывая эпизод эвакуации, когда немцы покидали Смоленск в 1943 г., Меньшагин целенаправленно приводит выражения признательности, которые он получал от обычных жителей города: «Очень приятно было слышать совет нескольких рабочих электростанции не уезжать из Смоленска, что их коллектив отстоит меня от наказания, засвидетельствовав мою полезную для жителей работу». Будучи религиозным человеком, он ссылается на нравственное удовлетворение, основанное на том факте, что работа позволила ему быть полезным для населения.

Уже в самом начале Меньшагин, говоря о военнопленных, которым он помог избавиться от голода в лагерях, излагает по сути один из главных тезисов своего самооправдания: «По моим приблизительным подсчетам (в то время можно было, конечно, произвести точный подсчет, но как-то не пришло в голову) число освобожденных по моим ходатайствам было не менее 3 тысяч». Он говорит о спасении нескольких евреев и, на протяжении всей истории, других людей, которые приходили к нему, — точно так же, как он делал всё возможное, будучи адвокатом Смоленской областной коллегии адвокатов.

В общих чертах эта линия защиты была ясна уже в 1988 г., когда в Париже было опубликовано посвященное предвоенному периоду интервью Меньшагина, в котором среди прочего говорилось о его отказе уступать советским требованиям и приписывать Катынский расстрел немцам, как это сделал его заместитель, Борис Базилевский, на Нюрнбернском процессе[1].

Мемуары Меньшагина о военном времени существенно развивают эту линию защиты, подчеркивая его приверженность русскому народу, культуре, религии и также экономической системе, основанной на инициативе, но не на восстановлении капитализма, к которому, по его словам, он никогда не стремился.

В своих мемуарах Меньшагин свободен от антисемитизма и отрицает свою осведомленность о планах по ликвидации смоленского гетто в середине июля 1942 г. Более того, он как бы дистанцируется от немецких властей, говоря о том, что предпочитал избегать контакта с ними или ускользать от них. В начале он говорит о том, что, как и большая часть населения, он сохранял трезвую оценку, заключавшуюся в том, что «власть немцев, хотя и временно, но существует, и, если хочешь выжить, надо с ней считаться. Подавляющее большинство, включая и меня самого, не допускало возможности постоянного закрепления Смоленска и других русских земель за Германией». Ближе к концу он схожим образом описывал свое как

[1] Меньшагин так же описывает свое устремление по мере возможности защищать осужденных в годы Большого террора в СССР.

бы случайное и непреднамеренное участие в подписании Смоленской декларации («Обращение Русского Комитета к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского союза») от 27 декабря 1942 года. «Шубут спросил, согласен ли я с мыслями, содержащимися в обращении Власова и, если да, то не подпишу ли я его? Я подтвердил свое согласие и подписал обращение. На этом наш разговор окончился, и я ушел». Здесь, как и во многих других местах, Меньшагин косвенно преподносит свое подчинение нацистской идеологии и политике как неизбежное и, в сущности, незначительное или формальное.

Именно это сочетание — высокой степени детальности в фактографии городского управления и попытки интерпретации событий с целью самооправдания — делает эти мемуары столь ценными для историков.

Самопрезентация человека, реально сотрудничавшего с фашистами, как с точки зрения моральных принципов, так и сама по себе представляет собой интересный и достойный изучения феномен[1]. Однако то, что автор подкрепляет достоверность своего изложения большоим объемом информации о функционировании городского управления, делает мемуары Меньшагина особенно ценными и их публикацию столь важной. Других мемуаров подобного рода не существует; дошедшие до нас документы смоленской управы и других пяти управлений Смоленской области предельно фрагментарны.

Однако существуют и другие источники о Меньшагине и о немецком управлении в Смоленске. О точности дат, событий и эпизодов, как правило, можно судить, сопоставляя их с подшивкой смоленской газеты «Новый путь», со свидетельствами местных жителей в материалах «Комиссии Минца»[2] и других архивных источниках. И вся эта разнородная и разрозненная источниковая база выявляет и обнажает многочисленные недосказанности Меньшагина.

В своих воспоминаниях он избегает, приуменьшает или обходит стороной целый ряд ключевых вопросов, затрагивающих его связи с немецким управлением в Смоленске, их совместные репрессивные акты и злодеяния, в частности, Смоленское гетто и Холокост.

Рассмотрим же мемуары Меньшагина в этом широком контексте и постараемся исследовать те сюжеты, о которых он частично или полностью умалчивает.

---

[1] См. *Koonz C.* The Nazi Conscience. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005.

[2] О «Комиссии Минца» см.: *Лотарева Д.Д.* Комиссия по истории Великой Отечественной войны и ее архив. Реконструкция деятельности и методов работы // Археографический ежегодник. М., 2014. С. 123–166; ***Будницкий О.В.*** A Harvard Project in Reverse: Materials of the Commission of the USSR Academy of Sciences on the History of the Great Patriotic War — Publications and Interpretations // Kritika. 2018. Vol. 19. No. 1. P. 175–202.

Умолчания мемуариста

Оккупация Смоленска длилась 26 месяцев — между июлем 1941 и октябрем 1943 г. Предвоенное население города, составлявшее, согласно переписи 1939 г., около 157 тыс. чел.[1], радикально сократилось после советской эвакуации, записи в Красную армию и ущерба, нанесенного в Смоленском сражении 1941 г.[2]

Согласно отчету, который Меньшагин писал в СД, на 1 ноября 1941 г. общее население города составляло 37 276 человек, включая 11 826 детей и 1574 домовладельцев.[3] В апреле 1942 г. было официально зарегистрировано 29 260 трудоспособных[4], тогда как количество немецких солдат оценивалось в 50 000. Из числа трудоспособного населения, зарегистрированного в апреле 1942 г., женщин было в два раза больше, чем мужчин, а число подростков, среди которых было одинаковое количество мальчиков и девочек, также превышало количество мужчин.[5] Самый низкий показатель в 17 500 жителей был зафиксирован в октябре 1943 г., когда советские власти провели перепись в только что освобожденном городе.

Возможно, наиболее существенный факт, освещаемый в ходе любого обсуждения темы городской управы, заключается в суровых материальных лишениях и недостатке пищи, которые испытывало советское гражданское население в оккупированных городах. Большинство городского населения голодало и было вынуждено бороться за свое выживание, но это не всем и не всегда удавалось. Меньшагин вспоминает о зиме 1941–1942 гг. как о худшем времени с точки зрения поставок продовольствия, выражая гордость как в мемуарах, так и в своих речах по поводу наступления некоторой стабильности и улучшения условий в конце 1942 и в 1943 гг.[6]

Действительно, в письме от 12 февраля 1942 г. в главное управление Вермахта в Смоленске (Ortskommandatur) Меньшагин доложил об уменьшении, в соответствии с немецким приказом, нормы в 500 г муки на человека, установленной на срок с августа по декабрь 1941 г., до 200 г для работающего населения, 150 г для неработающего населения

---

[1] Точная цифра — 156 677 чел.

[2] Согласно справке Смоленского горкома ВКП(б) от 15 октября 1943 г., эвакуировано было 120 тыс. смолян, призвано в РККА еще 10 тыс. При освобождении города зарегистрированных его жителей числилось 17,5 тыс. чел., а фактически в нем находилось — всего 4,5 тыс. чел. (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 15. Л. 69).

[3] См.: Документ № 4.2.

[4] Этому соответствовало порядка 35–40 тыс. чел. общего населения.

[5] ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 15. Л. 69–70. *Cohen, 2013*. P. 220.

[6] См., например: *Меньшагин Б.* Два города // НП. 1943. 15 июля. С. 5 (см. Документ № 5).

и 75 г для детей (факт, который нашел отражение и в мемуарах). В то время Меньшагин в сильных выражениях жаловался на то, что даже эти сильно сокращенные нормы нарушались. «В настоящее время положение с обеспечением хлебом населения обстоит совершенно неудовлетворительно»[1].

Зима 1941/1942 была отмечена общим кризисом в *Heeresgebiet Mitte*, обострившимся в связи с экономической политикой оккупантов, отчасти соответствовавшей идеям экономического «Плана Ост», созданного накануне войны и предусматривавшего массовый голод в городах[2]. Из Смоленска к весне 1942 г. сбежало 12000 человек, создав тем самым недостаток рабочей силы. Зимой голод достиг своего пика, что привело к попытке Вермахта провести весной 1942 г. «реформы», противоречившие предшествующей политике[3].

Тем не менее Лори Коэн в монографии "Smolensk under the Nazis", документально подтверждает значительные лишения, которые продолжались и в 1942–1943 гг. В записанных ею свидетельствах очевидцев тех событий говорится о трудностях, связанных с тем, чтобы «добыть самую малость еды на день», а ее информант Дима выжил, питаясь в основном картошкой, в том числе испорченной, и ощущая постоянное чувство голода.

Коэн отмечает, что «голод в предыдущих войнах в Смоленске означал потерю административного контроля, чего стремилась избежать сотрудничавшая с немцами русская администрация»[4]. Одной из инициатив власти было открытие четырех городских столовых в сентябре 1941 г.: о них Меньшагин пишет, что в одной питались работники городской администрации, а в остальных трех — рабочие высшей категории.

Оценка историками деятельности Меньшагина в должности начальника города довольно жестка. Например, Коэн пишет: «Основными категориями для оценки "успешности" любой администрации являются уровень жизни, доступность образования, возможность получения работы, здравоохранение и так далее. По всем этим пунктам с точки зрения большей части гражданского населения Меньшагин обнаружил свою полную несостоятельность в роли главы города. С другой стороны, Смоленск находился рядом с фронтом в течение более двух лет, и город сильно пострадал от бомбардировок. Финансирования фактически не существовало, так как все доступные средства направлялись на военные нужды»[5].

---

1 См.: Документ № 4.4.
2 *Pohl, 2008*. S. 195–196.
3 *Hasenclever, 2010*. S. 296, 560.
4 *Cohen, 2013*. P. 69.
5 *Cohen, 2013*. P. 70.

Вместе с тем деятельность Меньшагина и городской управы нельзя вырывать из более широкого контекста национал-социализма и немецкого управления военного времени, делавших невозможным любое отступление от следования немецким приоритетам.

Этот контекст обьясняет вяземский историк Дмитрий Комаров: приоритетными направлениями для городского управления были поддержание порядка и выполнение немецких директив, таких, например, как сбор теплых вещей или рабочей силы для армии. Эти функции существенно отличались от «обычных» муниципальных функций, направленных на удовлетворение базовых нужд городского населения: «Мы можем утверждать, что традиционные для любых административных органов вопросы, такие как: обеспечение населения продовольствием, медицинской помощью, услугами жилищно-коммунального хозяйства... являлись второстепенными. Для населения оккупированных областей в лучшем случае создавались минимальные условия для существования, а в худшем население бросалось на произвол судьбы»[1].

С этой точки зрения нет смысла и задаваться вопросом об «успешности» Меньшагина как таковой. Важнее понять, какую именно роль играл Меньшагин при тех ограничениях свободы управления, которые ему навязывала оккупационная власть. Как Меньшагин и его администрация относились к происходившему, как маневрировали они в рамках жесткого нацистского оккупационного режима?

Представляется, что Меньшагин и городское управление имели достаточно возможностей для того, чтобы существенно смягчить лишения значительного числа представителей того *меньшинства* городского населения, самый отбор которого входил в его полномочия. В период чрезвычайного дефицита рабочих мест (а от наличия работы напрямую зависело питание) и дефицита жилых помещений (чрезвычайно усилившегося в связи с разрушениями застройки в годы войны и с интересами расквартирования немецких солдат) такой патронаж мог бы стать решающим для базовых потребностей выживания.

В связи с этим ключевой вопрос заключается в том, какими реальными полномочиями и обязанностями обладала городская управа Меньшагина. В этом контексте подробный отчет самого Меньшагина о его деятельности, пусть и написанный с целью самооправдания, серьезно дополняет и расширяет иные дошедшие до нас архивные сведения.

Обратимся к публичным распоряжениям, подписанным Меньшагиным как начальником города. Публиковавшиеся в газете «Новый путь» и расклеенные по городу, они давали представление о том, как Меньшагин и городское управление выглядели в глазах общественности.

---

[1] *Комаров, 2016*. С. 366.

Распоряжения затрагивают вопросы, касающиеся всего гражданского населения области, включая комендантские часы, сбор налогов, уборку снега и санитарные условия. В них сообщалось о новых русских и немецких наименованиях городских объектов и приводились требования передачи имущества, например вещей, в собственность немецкой армии (23 марта 1943 г.). Однако даже самые будничные распоряжения Меньшагина интересны уже тем, что дают понимание того, исходили ли те или иные приказы от немецкого командования или от управы, и какой административный аппарат разрабатывал их. Например, «Распоряжение № 2 начальника города Смоленска» от 8 февраля 1943 года, в котором приводится подробный список гражданских налогов, показывает, что его появление было вызвано директивой немецкого командования (Командующего областью). В то же время распоряжение № 4 (без даты) о санитарных условиях, устанавливавшее ответственность жителей за соблюдение правил жилищной санитарии для кухонь, коридоров и дворов, определенно исходило от управы: нарушителям назначалось суровое наказание «принудительными работами с отбыванием их на очистке города».[1]

В своих мемуарах Меньшагин говорил, что «налаженный и довольно правильно функционирующий аппарат» впервые появился в Смоленском городском управлении в августе 1941 г. Именно в это время была проведена первая регистрация городского населения и начало функционировать гетто, что указывает на то, что эти задачи способствовали более скорому формированию управления. Среди самых значительных ранних приказов Меньшагина встречаем объявление о трудовой повинности, согласно которому всё городское население возрастов 16–60 лет для мужчин и 17–40 лет для женщин обязывалось регистрироваться на работы. Это полностью соответствовало немецкой политике в других оккупированных городах и небольших населенных пунктах: перепись и регистрация были стандартно первыми действиями оккупационной власти.

Однако на практике подобные действия осуществлялись по-разному. В Смоленске сбор информации, необходимой для введения трудовой повинности, осуществлялся уличными комендантами от имени городского управления. От самого же персонала городского управления, как и от или членов немецких военных объединений, усилия по регистрации не требовались. Тех, кто пытался избежать регистрации у комендантов улиц, ждало «привлечение к строгой ответственности»[2].

Те же уличными коменданты так же участвовали не только в общей регистрации городского населения, проводившейся в августе 1941 г. для

[1] ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 66. Л. 4, 6 (просмотрено в: USHMM RG-22.014M, reel 7).
[2] См. Документ № 2 (Распоряжение № 13 от 1 сентября 1941 г.).

выдачи новых документов, удостоверяющих личность[1], но и в переписи городского населения. Последняя продолжалась весь октябрь, в течение которого они готовили домовые книги, в которых регистрировались жильцы квартир и их передвижения[2]. Меньшагин вспоминает о том, как он увольнял несколько членов Жилищного отдела управления и нескольких комендантов улиц за получение взяток, особенно в 1942 г. Коменданты улиц находились на низовом, наиболее локальном уровне персонала управления города и отвечали за выдачу разрешений на жилье, получение работы или передвижения городских жителей, в то же время собирая о них информацию.

Опора городского управления на комендантов улиц, позднее переименованных в комендантов уличных участков, проявляется и в распоряжениях Меньшагина от 24 марта 1942 и 12 января 1943 г., в которых предпринималась попытка контролировать не рабочую повинность, но перемещения населения. Как вспоминал Меньшагин: «Одним из первых распоряжений немецкой комендатуры было запрещение хождений и выездов за пределы города без особых пропусков, выдаваемых 7-м отделом фельдкомендатуры. По договоренности с оберратом Грюнкорном необходимость поездки или пешего хождения за город должно было удостоверять горуправление. Потребность в этом была очень большая».

Именно начиная с этого момента, мы можем точно определить, что Меньшагин занимал положение на самом верху рудиментарной иерархии нового городского управления. Из-за партизанской войны и постоянных попыток советских подпольщиков проникнуть в тщательно охраняемый город, фальшивые документы на передвижение и регистрацию стали предметом возрастающего беспокойства, даже в случае, если представители городского населения умоляли о пропуске в ближайшие сельские территории для того, чтобы увидеться с родственниками, достать еду или провести бартерный обмен. В распоряжении Меньшагина говорится о длинном сроке заключения для тех, кто впервые перемещался без пропуска и о еще более суровом наказании для повторных нарушителей. При этом из текста понятно, что информацию городскому управлению в этих случаях должны были предоставлять всё те же коменданты уличных участков[3].

Воспоминания Меньшагина показывают, как это работало:

---

[1] О регистрации (о чем еще будет сказано подробнее позже) и роли комендантов улиц в подготовке документации для ее осуществления (см. Документ № 2, распоряжение № 8 за 1941 г.)

[2] См. Документ № 2 (Распоряжение № 34 от 28 октября 1941 г.).

[3] См. Документ № 2 (Распоряжение № 1 за 1943 г., повторяющее распоряжение от 24 марта 1942 г.).

> Учитывая однообразность мотивов и в то же время большое число лиц, желающих получить пропуск, я поручил их прием и разрешение вопроса о выдаче пропуска начальнику административного отдела И. В. Репухову, сам же только подписывал приносимые в конце дня пропуска. Лишь в случае возникновения у Репухова каких-либо сомнений, проситель направлялся ко мне. Случаев отказа в выдаче пропуска по нашим заявкам немцами я не знаю.

Кроме работы с подозрительными случаями пожелания выйти за городскую черту приходилось «обслуживать» и постоянный приток в Смоленск беженцев, о чем также несколько раз упоминает в своих мемуарах Меньшагин. Из них ясно, что полномочия горуправления на выдачу не только пропусков для передвижения, но и ордеров на жилплощадь и проживание, были весьма и весьма значимыми. Если распоряжение Меньшагина от 28 октября 1941 г. о пропуске жителей было выпущено «на основании указания Комендатуры», то уже следующее распоряжение от 9 декабря 1942 г. было дополнено следующим правилом: новоприбывшие жители с пропуском от немецкого военного командования, дозволяющим их перемещение, в течение 24 часов обязаны зарегистрироваться в управлении города для получения разрешения на проживание в Смоленске или его окрестностях. Только с разрешением от начальника города, — т. е. Меньшагина, — городское управление может позволить им регистрацию в паспортном отделе (обмен квартир в городе должен был осуществляться только через уличного коменданта)[1].

На протяжении всего своего «бургомистерства» в 1941–1943 гг. Меньшагин лично принимал участие в допросах всех новых жителей или лично выдавал разрешения на выезд из города в тех особых случаях, когда возникали особые проблемы или сомнения. В мемуарах приводится множество конкретных эпизодов как о тех, кто вызывал недоверие (например, придумывал ложные биографии), так и тех, кому он решил оказать помощь.

Вот лишь один из множества примеров — случай двадцатилетней машинистки и бывшей комсомолки, «честной, но жизненно неопытной», обвинения которой в адрес немецких и русских «предателей» достигли ушей «Административного отдела» комендатуры. Меньшагин пригласил ее, предупредил об опасностях, с которыми она столкнется в случае раскрытия, и дал ей разрешение на переезд в Красный. Тем самым он попытался донести до читателя мемуаров как свои добрые намерения, так и отсутствие мстительности по отношению к честным людям с антинемецкими и даже просоветскими взглядами.

---

[1] См. Документ № 2 (Распоряжение № 62 от 9 декабря 1942 г.).

Интересно, что некоторые комсомолки, отправленные через линию фронта для проведения подпольной политической работы, оставили информативные сведения об оккупированном Смоленске и упомянули Меньшагина в связи с получением пропусков на выход из города. Так, Зинаида Наматевс в октябре 1942 г. получила задание восстановить подпольное движение в городе после того, как все члены подпольного объединения рабочих летом 1942 г. были убиты. Она была отправлена в Смоленск в качестве второго секретаря «подпольного городского комитета Комсомола» и получила задание привлечь на работу в смоленской организации 30 молодых людей к весне 1943 г. Историку из Комиссии Минца, который проводил с ней интервью, она рассказала о Меньшагине, ошибочно причислив его к бывшим членам коммунистической партии:

> Меньшагин, говорят, был адвокатом до войны... Был членом Коммунистической партии. Был у него свой кабинет, шикарно одет был, лет около тридцати. Около двери его кабинета стоял полицейский. Входишь в первую комнату, сидит машинистка... Потом его кабинет, хорошая мебель, ковры, цветы[1].

В более раннем отчете Наматевс писала о том, как она пыталась покинуть город, чтобы установить связь с партизанской группой в области (отряд Гришина):

> Выход из Смоленска без пропусков был категорически запрещен. Пропуска выдавали только по Смоленскому р-ну жителям города. В пропуске по документу из Кадымовского района Меньшагин (начальник города) отказал. Ясно было — надо подкупить... Мне пришлось идти в окружное управление для того, чтобы достать пропуск. Снова придумали легенду, 27 мая в немецкой комендатуре при получении пропуска меня арестовала жандармерия[2].

Наматевс намекнула, не озвучивая это прямо, что Меньшагин требовал взятку за выдачу пропуска на выход из города, но никаких доказательств этому нет: сама ее фраза может быть понята и как сожаление о том, что она эту взятку не предложила. Действительно, другие подпольные комсомолки отчитывались о многочисленных случаях, когда представлялась возможность купить требуемые бумаги. Однако в этих отчетах отмечается, что получить документы, необходимые для проживания в Смоленске, было проще, чем пропуск на выход из города, а некоторые

---

[1] Стенограмма беседы с т. Наматевс З. И. Беседу проводит научный сотрудник Комиссии майор Федосев П. М. Смоленск. 13 декабря 1943 года // НА ИРИ РАН. Ф. 2. R. VI. Оп. 2. Д. 14. Л. 7.

[2] «Докладная», подписанная З. Наматевс, 1943 г. // РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 53. Д. 263. Л. 46–54.

из них были арестованы при попытке его получить[1]. Личное участие Меньшагина в проверке случаев, вызывающих подозрение, очевидно, было мотивировано соображениями безопасности.

В мемуарах Меньшагина несколько раз встречается упоминание жилищного отдела городского управления. Нам повезло обнаружить интервью Гарвардскому проекту 1951 г. Владимира Алексеевича Меландера — человека, который возглавлял сначала жилищный отдел, а затем и отдел социальных услуг в горуправлении[2]. До войны Меландер работал зоологом на биологической станции за пределами Смоленска.

Гарвардский проект по изучению советской социальной системы, начатый в конце 1940-х гг. социологом Алексом Инкелесом и социальным психологом Раймондом Бауэром, оставил одну из наиболее значительных за пределами СССР архивных коллекций интервью с 694 бывшими советскими жителями, уехавшими из СССР в результате Второй мировой войны[3]. В то время как информанты, находившиеся в эмиграции, сохраняли анонимность, а сами интервью сохранялись только в виде краткого изложения, сделанного интервьюером на английском языке, в случае Меландера его легко распознать по той информации, которую он приводит[4].

Гарвардское интервью Меландера добавляет немало информации к начатой выше дискуссии о роли, которую играло городское управление в выдаче запрошенных документов. В общих чертах глава жилищного отдела подписывал обращения граждан на имя начальника города[5]. Однако Меландер отметил, что жители города должны были получить в каждый паспорт нечто похожее на визу, проставленную управой, после регистрации проживания в полиции городского управления (у «полицаев»). Начальники паспортного отдела управления, которое находилось в его ведении, «нажили состояние», выдавая документы тем людями, которые не имели на это права. Это утверждение поднимает проблему коррупции в управе, которая могла оказаться куда более коррумпированной, чем представляет ее Меньшагин в своих мемуарах.

---

[1] Например: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 2. Д. 15. Л. 3; Д. 17. Л. 4.

[2] Меньшагин отмечал, что В.А. Меландер, бывший глава жилищного отдела, возглавил новый отдел социальных услуг в «начале 1942 года». Меландер уточняет эту дату: март.

[3] См. URL: http://hcl.harvard.edu/collections/hpsss/index.html (дата обращения 02.10.2017), а также: *Brandenberger D.A.* Background Guide to Working with the HPSSS Online. URL: http://hcl.harvard.edu/collections/hpsss/working_with_hpsss.pdf (дата обращения 02.10.2017).

[4] Русский перевод интервью см. в сети: https://labas.livejournal.com/882786.html (дата обращения 02.10.2017).

[5] Документация городского управления содержит 309 страниц, относящихся к разрешениям на выдачу квартир от 1941 года: «Ордера на выдачу квартир, Ордера на получение жилья за 1941 год» (ГАСО. Ф. Р-2573. Оп. 1. Д. 5).

Интересно, что Меландер упоминает Меньшагина и в контексте городского суда, который разбирал гражданские дела: «Начальник города, в целом, обладал довольно деспотичной властью, подвергая суду и обвиняя людей: например, за оскорбление, грабеж, партизанскую деятельность; в случае необходимости дела передавались немцам». Документация городского суда в Смоленском государственном архиве отсутствует. Однако большое количество дел об оспаривании прав собственности направлялись на еженедельные совещания у Меньшагина с главами отделов управления. Там рассматривались споры, затрагивавшие вопросы получения прав на дома, конфискованные у граждан еврейского происхождения и переселенных в гетто (в протоколах встречаются пренебрежительные термины «жид» и «жидовка»)[1].

Что касается отношений с немецкими властями, Меландер в своем интервью описал городское управление как строго им подчиненное, однако подчиненное в основном на хороших условиях. Несколько раз Меньшагин упоминает в своих воспоминаниях зондерфюрера М. Гессе из комендатуры. Меландер, описывая его как балтийского немца из Риги, хорошо говорившего по-русски, отмечал, что с Гессе «было сложно найти общий язык... Городская администрация работала достаточно отчаянно, всегда выполняя его указания. Их отношение к нам лично мне казалось довольно сносным»[2].

Власть любой политической или административной организации в большой степени зависит от источников ее дохода, и в своих мемуарах Меньшагин выражает гордость за то, что за время работы на своей должности привел в порядок финансы Смоленска. Тем интереснее в этой связи слова Меландера по поводу городского дохода. Городской бюджет, по его словам, пополнялся в первую очередь из налогов на торговлю, квартплаты и выплат за аренду такого имущества, как магазины и квартиры, прежде принадлежавшие эвакуированным партийным работникам[3]. Это подтверждают и сохранившиеся документы городского управления. Например, управление в 1941 г. открыло городской магазин с целью привлечь крестьян со всей области товарами массового потребления, такими как спички и махорка.

В одном из дошедших до нас протоколов заседаний городского управления от сентября 1943 г. фигурируют Меньшагин и городской

---

[1] Протокол № 33 совещания при Начальнике гор. Смоленска от 20 июня 1942 года // ГАСО. Ф. 2573. Оп. 1. Д. 174. Л. 2–3.

[2] HP. Schedule B. Vol. 11. Case 439 (interviewer A. D.). Interview conducted Feb. 10, 1951, pp. 3, 4, 5 // Harvard Project on the Soviet Social System. URL: http://nrs.harvard.edu/urn-3:FHCL:965255 (дата обращения 02.10.2017).

[3] HP. Schedule B, Vol. 11, Case 439, p. 3. Городской доход от платы за сдаваемые квартиры также упоминается в распоряжении бургомистра: ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 66. Л. 16.

архитектор И. П. Райский, утвердившие молочный завод и зернохранилище в качестве арендуемой собственности; к протоколу приложен бланк домоуправления для заключения сделок между управлением и арендаторами с пустыми местами для внесения дат сдачи и стоимости.[1]

Что касается квартир, то они, конечно же, пользовались чрезвычайным спросом, несмотря на столь большое сокращение населения Смоленска, так как, по воспоминаниям Меландера, три четверти городского жилищного фонда было разрушено. Само управление начало предпринимать первые шаги в этом направлении в условиях оккупации уже в сентябре 1941 г., что было связано с большим спросом на аренду квартир теми, кто бежал в сельскую местность во время боев за Смоленск. В своих мемуарах Меньшагин говорит, что ему представлялось успешной и своевременной реакцией проведение Жилищным отделом первой переписи всех доступных жилых помещений. В целом жилье и собственность, сдаваемые в аренду городом, стали ключевым источником его дохода.

Всё это относится к функциям и полномочиям городского управления. Однако в обязанности самого Меньшагина входило назначение людей на должности в городском управлении и их увольнение. Это представляется обычной практикой в различных типах органов городского управления вообще и не выделяется на фоне других оккупированных территорий. Как отмечает в своем исследовании Комаров: «Подбор среднего и рядового звена оккупационных администраций осуществлялся уже самостоятельно городскими начальниками с согласия комендатур»[2].

В ситуации суровых материальных лишений и голода, однако, эта функция имела гораздо большее значение, чем заурядное покровительство в мирное время. В своем интервью Меландер отметил важное обстоятельство: несмотря на чрезвычайное положение по снабжению города питанием, «те, кто работал на город или на немцев, жили в относительном достатке»[3]. Смоленское городское управление имело 6 служащих на 25 июля 1941 г., а к 10 августа 1943 г. насчитывало уже 250 человек[4]. Всего, по словам Меньшагина (в пересказе А. Н. Андреева), во всех

---

1 Обращение к начальникам районов, волостным старшинам, старостам сел и деревень и ко всем крестьянам... // ГАСО. Ф. 2573. Оп. 1. Д. 173. Л. 10; Протокол совещания при Начальнике города Смоленска, сентябрь 1943 (дата не указана) // Там же. Д. 285. Л. 10; см. также: ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 66. Л. 38. См. также: *Меньшагин Б.* В подотдел комендатуры города Смоленска. Отдел VII Военного Управления от 13 февраля 1943 // ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 41. Л. 48.

2 *Комаров, 2016.* С. 364.

3 HP. Schedule B. Vol. 11. Case 439. P. 2.

4 *Ермолов И.* Три года без Сталина. Оккупация: Советские граждане между нацистами и большевиками 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2010. С. 58.

службах управы было занято около 3500 человек — весомое количество жителей, составлявшее примерно одну десятую часть всего гражданского населения оккупированного Смоленска[1].

Попытаемся проинтерпретировать значение того особого материала, который мы изучили.

Управление города в Смоленске при немецкой оккупации должно было приспосабливаться к немецким властям и выполнять их волю во всех основных вопросах общей политики. Вместе с тем в условиях войны, повсеместного насилия и крайнего дефицита продуктов и жилья оно имело и некоторые ощутимые прерогативы и преимущества. Источником его дохода были арендная плата и контроль над документацией на проживание и мобильность. Рабочие места в управлении города представляли собой главный источник доступа к относительно хорошим условиям и питанию.

Русский термин «начальник города», который в то время предпочитало русскоязычное население звучащему на немецкий манер формальному наименованию «бургомистр», правильно отражает тот факт, что Меньшагин был наделен властью в разрешении местных дел. Захваченные немецкие документы главного командования и местной смоленской администрации, собранные ЧГК, показывают, что немцы предпочитали обращаться к управе и гражданскому населению через бургомистра как своего уполномоченного представителя.

Воспоминания Меньшагина противоречивы в этом вопросе. В одних случаях в них говорится о коллегиальности или групповом управлении, в других — подчеркивается собственная руководящая роль, что демонстрирует доверие немцев, нередко позволявших ему действовать по своему усмотрению. Проводится и та мысль, что действия городской полиции были в значительной мере независимыми от бургомистра.

Однако с точки зрения немецких ожиданий по отношению к местным и гражданским делам в записях упоминается нечто похожее на то, что в СССР назвали бы «единоначалие»: начальник — над своей областью, но несущий ответственность перед теми, кто занимает более высокие должности[2].

Этот вывод подтверждается немецким документом 1942 г., который распространялся в тылу Вермахта по Смоленской области и регулировал основные правила формирования местных правительств. В нем открыто заявлено, что только бургомистры, возглавляющие местные управы, ответственны за набор и увольнение персонала, распределение финансов, регистрацию населения, работу *полицаев,* надзор за предприятиями

---

[1] *Комаров, 2016.* С. 368, где дается по: АО УФСБ СО. Д. 1074-с. Л. 87.

[2] Например: ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 41. Л. 55–56 (USHMM RG-22.002M).

и предотвращение саботажа. Согласно документу, бургомистры имели власть штрафовать местное население и наказывать принудительными работами на срок до 14 дней. «Он один представляет общину (Gemeinde)»[1].

Идеология как лакуна

В мемуарах подтверждается, что характер положения Меньшагина в качестве начальника города создавал большие возможности для покровительства в делах, которые могут представляться незначительными, но в условиях военного времени приобретали жизненно важное значение для гражданского населения. Значительную часть материала, содержащегося в мемуарах Меньшагина, можно читать не с позиции нравственного человеколюбия, которая прослеживается в его самопрезентации, а сквозь призму покровительства и обладания властью разрешать проблемы рабочих мест, жилья и передвижения, которая была в основном узконаправленной, а вследствие этого произвольной и ограниченной.

Подобные схемы местного покровительства, основанные на единоначалии, присутствовали и в советских условиях, например у первых городских секретарей партии в 1930-х гг., но Коммунистическая партия всегда оставалась гораздо более бюрократизированной, формализованной и централизованной в организации того, как функционировал ее аппарат. Тот образ, который сформировал Меньшагин, гораздо более напоминает начальника города, который сам занимает подчиненное положение и имеет ограниченную власть, но круг полномочий которого имеет критическое влияние на население[2].

Характерно, что в мемуарах Меньшагина почти полностью отсутствуют политические термины, такие как патронаж, политика или власть в контексте его роли в годы оккупации, несмотря на то что в них много говорится о порядке работы и администрации. Себя как человека, работающего в политической сфере, он не воспринимает. Зато когда он хочет принизить своего заклятого врага, включается соответствующий лексикон: так, продвигающегося по службе белорусского националиста-коллаборациониста Р. К. Островского он называет «аморальным» и использует термин «прожженный политикан».

Меньшагин скорее объясняет мир в терминах личности и субъективизма, посвящая бóльшую часть своих мемуаров парадно выстроенному

---

[1] Allgemeine Richtlinien für den Aufbau und die Aufgaben der Stadt- und Gemeindeverwaltung // NARA. T-501. Reel 72. Frame 1055–1062.

[2] Например, о более широком контексте см.: *Colton T.J.* Moscow: Governing the Socialist Metropolis. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995. P. 196.

в хронологическом порядке списку своих встреч как с добропорядочными, так и с нечестивыми людьми. Но это же самое позволяет увидеть, в какой степени должность начальника города наделяла его полномочиями в принятии решений и покровительстве, с помощью которых могли быть извлечены или не извлечены решающие средства для выживания в условиях военного времени.

В качестве одного из основных аргументов в свою защиту Меньшагин приводит тот факт, что он отбирал советских военнопленных для выдачи им спасительной документации от управы города, позволявшей избежать направления в смоленский дулаг № 126, один из самых больших лагерей для военнопленных на территориях, оккупированных Вермахтом, в котором, как и везде, поддерживались совершенно ужасные условия страшного голода. «Я имел категорическое распоряжение немцев военнослужащим советской армии документов не давать», — пишет он.

Относительно утверждения, что Меньшагин действовал за спинами немцев для того, чтобы спасать военнопленных, необходимо принять во внимание еще несколько соображений. Немецкая политика разделяла военнопленных по расовым и политическим категориям, но при этом позволяла людям, которые были специалистами в определенных профессиях, включая ремесленников и даже школьных учителей во времена их нехватки, проходить некий особый отбор[1]. В то время как технических специалистов из лагерей для военнопленных на Восточном фронте депортировали в Германию начиная еще с лета 1941 г., освобождение тех, чьи занятия попадали в длинный список полезных профессий, было одобрено только после того, как вторжение обернулось затяжной войной. Документ из смоленского дулага регулирует роль бургомистра в проверке определенных категорий военнопленных, отпущенных жить с местным гражданским населением[2]. Более того, в Смоленске после подписания приказа командования немецкого тыла от 17 декабря 1941 г. освобождались тяжелораненые, пережившие ампутацию и слепые военнопленные, возможно, для того чтобы предотвратить тяжелые эпидемии в лагерях военнопленных. Нам неизвестны судьбы этих освобожденных военнопленных, которые были неспособны к работе и, соответственно, не могли рассчитывать на получение продуктовых пайков[3].

---

1 *Pohl, 2008*. P. 213, 216.

2 Vermehrte Heranziehung von Kriegsgefangenen für Zwecke der Wehrmacht // NARA. T-501. Serial 48. Frame 915–917; Zivilisten in Gefangenenlagern // NARA. T-501. Serial 51. Frame 739. См. также: *Полян, 2002*. С. 142–216.

3 В другом месте своих мемуаров Меньшагин, похоже, ссылается на этот немецкий приказ, когда говорит о переводчике И. Н. Каменеве, который привел две группы военнопленных из Дулага-126, признанных непригодными для дальнейшей военной службы немецким врачом. О немецком приказе освобождать инвалидов см.:

Несколько человек из Смоленска, которые давали комиссии Минца интервью об оккупации, рассказывали о том, как военнопленные, обладавшие профессиональными навыками, в том числе врачи и школьные учителя, были выведены из статуса военнопленных и освобождены из лагерей с немецкого согласия. Например, Павел Иванович Кесарев, врач, хирург-гинеколог, утверждал, что всякий раз, когда возникал недостаток докторов, городской врач с одобрения немецкого военного медицинского руководства набирал докторов из лагеря военнопленных и отправлял их на гражданскую работу. Очень многие были взяты из лагерей, получили паспорта и были фактически демобилизованы, потому что их не принуждали возвращаться в лагерь[1].

Два школьных учителя вспоминали, что школьного инспектора, Гришина, забрали из лагеря для военнопленных после того, как он заявил о том, что имеет высшее математическое образование, однако оба убеждены, что это не было правдой. Один из них добавил, что освободившим его лицом был не Меньшагин, а начальник смоленского окружного управления и заклятый враг Меньшагина Р.К. Островский: «Но не видно было, что он с высшим образованием. Он просто хотел выйти из лагеря. Приехал в лагерь Островский и сказал: “Кто учителя, отходите в сторону”. Он отошел вместе с другими учителями. Стал нашим инспектором»[2].

В биографии Островского 1964 г., которая с наибольшей вероятностью была написана им самим (под псевдонимом), также сообщается, что в 1941 г. в Брянске ему было позволено отобрать из лагеря для военнопленных представителей местной профессиональной интеллигенции[3]. В другом примере крестьянин, заключенный в лагерь для военнопленных в Смоленске, заявил о том, что его освободили с разрешения старосты его деревни[4].

Streit C. Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetische Kriesgefangenen 1941–1945. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1978. P. 184; *Cohen, 2013.* P. 107–108.

1 Стенограмма беседы с т. Кесаревым П.И. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VI. Оп. 2. Д. 32. Л. 2. См. подробнее в наст. изд., с. 60–63.

2 Стенограмма беседы с т. Базыкиной Л.К. 17 декабря 1943 года // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VI. Оп. 2. Д. 22. Л. 1. Оба учителя слегка коснулись воспоминаний о том, как Меньшагин посещал их школу и обеспокоился ее внешним видом. Один из них вспоминал: «Меньшагин приезжал с Соловьевым И.И. Иван Иванович заходил посмотреть, много ли в классе ребят, какой у них вид, как они приветствуют, встают ли перед начальниками, оправдала ли школа свое назначение». Второй учитель сказал примерно то же, а Меньшагин «пришел, посмотрел и уехал» (Там же).

3 *Kalush, 1964.* P. 45. Предположительно она была написана самим Островским (*Rieber A.J.* Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 261. N. 51).

4 Протокол допроса свидетеля Гаврилова Якова Деевича от 2-го декабря 1945 // ЦА ФСБ. Особый фонд. Дело: Смоленский процесс над немецкими военными

Большой интерес представляет то, как Меньшагин описывает свой подход к отбору военнопленных для спасения из лагерей. В связи с тем, что немцы относились благосклонно к репрессированным при советской власти, многие заключенные были освобождены во время немецкого наступления. Меньшагин вспоминает, что он использовал тот же самый метод отбора, который появляется и в других местах его воспоминаний: «Приходилось с каждым беседовать; благодаря моему хорошему знанию советских порядков, удавалось сравнительно легко обнаруживать случаи обмана; таким я обычно отказывал и отправлял на все четыре стороны».

Как и в случае с разрешениями на проживание и перемещение, Меньшагин выступал в роли придирчивого и внимательного к мелочам следователя. Но в данном случае в его решениях в буквальном смысле была заключена власть над жизнью и смертью людей.

Всё в его мемуарах говорит о том, что он наслаждался той ролью, которая ему досталась в условиях оккупации, и гордился своей проницательностью в формировании выводов о людях. Действительно, эти необходимые для отбора людей и решения их дальнейшей судьбы разговоры, вероятно, воспринимались им примерно так же, как и оценки, которые он составлял об осужденных советской законодательной системой в предвоенные годы.

Сегодня, однако, представляется важным поразмышлять о том, какое значение и какие причины стояли за теми или иными судьбоносными решениями, которые он принимал как начальник города.

Вот два слова, которые в мемуарах Меньшагина появляются десятки раз, — «донос» и «провокация». Многократно говорится о том, что на Меньшагина и его коллег писали анонимные доносы, после чего ему нужно было убеждать нескольких немецких чиновников в их ложности. Он рассуждает:

> Тем более трудно сказать, чем вызваны эти доносы. Может быть, их писали люди, недовольные каким-либо моим действием в отношении их самих. В частности, мне пришлось удалить с работы в горуправлении ряд лиц, изобличенных во взяточничестве, в хищениях; конечно, эти люди недовольны. Возможны и доносы со стороны агентов противной стороны...

В другом случае Меньшагин объясняет офицеру тайной полевой полиции Вермахта, что это пережитки советского времени:

> Я стал говорить ему, что в 1937–1938 гг. у нас производили многочисленные безосновательные аресты, в большом ходу были доносы, часто анонимные, как этот; занимались этим самые худшие люди...

преступниками (USHMM RG-06.025. Reel 41).

Описывая повсеместный характер атмосферы интриг, анонимных нападок и подлостей, Меньшагин в своих мемуарах развивает идею о продолжении существования практик, оставшихся после завершения Большого террора, и в условиях немецкой оккупации. Однако в то же время становится ясно, что случаи, описанные в мемуарах Меньшагина, когда немецкие чиновники принимали к рассмотрению подобные доносы и, более того, часто незамедлительно на них реагировали, отнюдь не способствовали скорому исчезновению подобных практик. Важно, что собственное представление Меньшагина о напряженной атмосфере повсеместного подозрения постоянно влияло на процесс принятия им решений в качестве начальника города.

Меньшагин подчеркивает, что он постоянно и всегда обоснованно опасался возможности оказаться в ловушке провокаций, подготовленных либо враждебно настроенными русскими, либо немецкими властями, стремящимися проверить его преданность. В мемуарах появляется большое количество эпизодов, когда Меньшагин воздерживался от помощи кому-либо именно из-за страха поддаться на такую провокацию. Вопрос же о том, как ему удалось сохранить неизменным и бескомпромиссным свою позицию честного, нравственного человека в условиях повсеместных интриг, остается без освещения.

Таким образом, мемуары Меньшагина интересны как тем, что он говорит, так и тем, о чем он умалчивает. За исключением поверхностных упоминаний, в них опускаются практически все эпизоды насилия и жестокости, которые стали объектом обширного исследования советских органов государственной безопасности, ЧГК и показаний местных свидетелей, сбор которых был начат в 1943 г.

Ключевыми темами, которые необходимо рассмотреть, являются отношения Меньшагина с немецкими органами безопасности и карательными органами, как и с наемной полицией городской управы (Ordnungs-Dienst, известной в народе как «полицаи»), участвовавших в большом количестве актов жестокости и преступлений, а также его описание еврейского гетто в городе в районе Садки, уничтожение которого представляло собой самое массовое единовременное убийство городских жителей во время его пребывания в должности начальника города.

Крайне важным источником информации по этим вопросам являются документы, опубликованные Леонидом Васильевичем Котовым (1928–1999), журналистом и краеведом, который во время войны жил в Смоленске, и на десятки лет стал писателем и партийным педагогом, наиболее осведомленным в истории Смоленска военного времени. Некоторое время он работал архивистом в Партийном архиве Смоленской области. После издания предвоенных мемуаров Меньшагина в Париже в 1988 г. и распада Советского Союза Котов написал несколько заслуживающих

внимания статей, в которых полемизировал с Меньшагиным и с теми, кто не полностью осуждал его действия в военные годы. Очевидно, что он ощущал это своей не только исторической, но и политической миссией.

Собственные работы Котова, пусть и наполненные полезной информацией, могут быть охарактеризованы скорее как очерки или полемика, чем как профессиональные научные труды. В них систематически отсутствуют ссылки на источники информации о многочисленных фактах, которые без этого нелегко проверить. Возникают проблемы и с интерпретацией тех вопросов, где такая проверка возможна (прежде всего это бескомпромиссное подтверждение Котовым даже в 1991 г. той старосоветской позиции, согласно которой расстрел польских офицеров в Катыни был осуществлен немцами[1]).

Наиболее значительной публикацией Котова с точки зрения изучения роли Меньшагина в годы войны является публикация 1994 г. десяти отчетов, адресованных Меньшагиным СД и немецким военным властям в Ortskommandatur и Feldkommandatur (как и одного отчета заместителя Меньшагина Георгия Гандзюка). В этих документах, как и в других статьях Котова, имеющих отношение к деятельности Меньшагина, отсутствует стандартное научное описание источников. В отдельных случаях в них присутствуют многоточия, сигнализирующие о том, что документы даются не полностью. Их полные тексты и их изначальное местонахождение остаются недоступными для исследователей. Вместо указания на их точное местонахождение, которое может в настоящее время быть и недоступным, Котов сообщает, возможно, с преднамеренной неопределенностью: «В архивах обнаружены среди немецких трофейных военных документов несколько докладов Меньшагина и его заместителя юриста-эмигранта Г.Я. Гандзюка, извлечения из которых впервые публикуются в данной подборке»[2].

Тем не менее эти документы могут быть, с указанными оговорками, приняты как ценные и использованы как подлинные. Они уже цитируются в научной литературе о смоленском гетто, в частности и в монографии Лори Коэн “Smolensk under the Nazis”.

Еврейская тема как лакуна

Можно с уверенностью сказать, что в процессе написания своих мемуаров Меньшагин не держал в уме тогда еще не опубликованные и не изученные архивные документы. В мемуарах Меньшагина рассказ о гетто и еврейском населении сведен к минимуму. Создание еврейского гетто

[1] *Котов, 1991.* С. 43–50.
[2] *Котов, 1994.* С. 71.

вскоре после немецкого наступления в 1941 г. упоминается в контексте регистрации городского населения, когда неожиданно и как бы в противовес Меньшагин говорит о спасении им пожилой еврейской пары Магидов, о которой положительно отозвался врач городской поликлиники, П. И. Кесарев как о «хороших и безвредных людях». После их расспроса Меньшагин вынес свое решение: «Мне они понравились, и я подписал оба паспорта, поставил печать и отдал их им, попросив, чтобы они не говорили об этом; старые же адресные карточки я разорвал».

Фраза «Мне они понравились» заслуживает внимания; кто может чувствовать себя настолько комфортно и непринужденно, выражая собственные пристрастия в процессе принятия решения о том, кого спасти, а кого отправить «на все четыре стороны»?

После этого момента в мемуарах встречается еще два упоминания о еврейском населении гетто. Первое — тогда, когда Меньшагин говорит о еженедельных встречах по делам гетто с главой юденрата, дантистом Пайнсоном, и в этом контексте он упоминает так называемые «репарации». В своих воспоминаниях Меньшагин практически придает этим разговорам характер обыденности: «Еврейский староста Пайнсон бывал у меня раз в неделю для информации о жизни в гетто. До 1942 года происшествий там не было. Трудоспособные ходили на разные уборочные работы по разнарядке хауптшарфюрера Ноака из СД».

Комментарий «происшествий там не было» может ввести читателя в заблуждение. Подробное свидетельство очевидца жизни в смоленском гетто содержит сведения о тех ужасных условиях, при которых недостаток еды и регулярного доступа к колодезной воде усугублялся конфискациями, ограблениями и унижениями, со стороны немцев и русских полицаев. Они совершили два набега на ценности перед последним массовым убийством[1].

Второе упоминание еврейской темы — вокруг той судьбоносной ночи 16 июля 1942 г., когда было уничтожено гетто. По воспоминаниям Меньшагина, его заместитель Г. Я. Гандзюк сообщил ему о ликвидации гетто.

Ликвидация — это единовременное убийство приблизительно 1800 жителей еврейского происхождения. Первоначальное количество жителей гетто составляло около 1200, но число проживающих на этой территории увеличивалось, и количество жертв оценивается в промежутке от 1500 до 2000.

В мемуарах Меньшагин дает значительно меньшую цифру — 1003, явно опираясь на данные паспортного отдела управы[2]. В воспоминаниях

---

[1] См., например: *Цынман,* 2001. С. 39–41.

[2] *Doubson,* 2012. P. 1821; *Круглов А.* Уничтожение евреев Смоленщины и Брянщины в 1941–1943 годах // Вестник еврейского университета в Москве. 1994. № 3 (7). С. 193–220.

Меньшагин приводит «дословный» пересказ своего разговора с Гандзюком, начинающийся с выражения своего крайнего удивления: «"Сегодня ночью ликвидировано гетто, его имущество передается нам. Вы сами изволите поехать туда или разрешите мне принять это имущество?". — "То есть, как это ликвидировано?" — спросил я. Гандзюк несколько замялся и, жестикулируя руками и заикаясь, сказал, что евреи умерщвлены. — "Как, все? А Пайнсон?" — "И Пайнсон тоже". — "А куда же дети?" — "И дети тоже". — "Нет, я не поеду". — "Тогда разрешите мне?" — "Да, да!" — Таков был дословный обмен фразами между мной и Гандзюком».

Задолго до того, как он делал записи для первой версии своих мемуаров в 1950-х, Меньшагин, конечно же, был хорошо осведомлен о характере тех обвинений, которые предъявляла ему советская власть. Согласно сводному отчету о его задержании организацией СМЕРШ в Карловых Варах (Карлсбаде) 7 июля 1945 г. и дальнейшем следствии и допросах УНКБ Смоленской области, Меньшагина обвиняли, наряду с другими вещами, в том, что он лично набирал и контролировал работу полицаев города, которые, собственно, и были ликвидаторами гетто; в личном участии в разработке городской документации, регламентировавшей процедуру задержания бежавших евреев и партизан; в работе, которая предусматривала тесное сотрудничество с немецкими спецслужбами, СД и ГФП, по вопросам осуществления арестов жителей; в причастности к убийству 100 нетрудоспособных пациентов психиатрической больницы в Гедеоновке, которая находилась в ведении управы; и в участии городской полиции в убийстве членов цыганского колхоза[1].

В документе цитируется его «признание» от 27 августа 1945 года: «Я являлся сторонником физического уничтожения советских граждан еврейской национальности, свободное существование которых я связывал с советской действительностью и считал, что борьба против Советской власти вообще немыслима без физического уничтожения как партизан и других советских патриотов, так и евреев как нации».

Во время другого допроса он якобы «сознался»: «Я работал в тесном контакте с полицией и 'СД' на протяжении всего периода времени и принимал активные меры к выявлению партизан и других лиц, с моей точки зрения являвшихся подозрительными»[2].

Язык этих принудительных признаний явно не принадлежит самому Меньшагину.

---

1 Документ № 14.
2 Там же. Л. 194, 196.

В длинной, написанной от руки «Жалобе», адресованной Георгию Маленкову в 1955 г., Меньшагин в деталях описывал угрозы и запугивание, которые использовали допрашивавшие его сотрудники смоленских органов госбезопасности (в противовес реальному физическому насилию, в котором, вероятно, не было нужды). Меньшагин написал Маленкову, что когда глава Управления госбезопасности Смоленска узнал его 13 августа 1945 г., он закричал, что руки бывшего бургомистра города в крови, а сам Меньшагин был настолько удивлен, что посмотрел на свои пальцы перед тем, как осознал аллегорический характер высказывания[1].

В более поздней жалобе 1958 г. в Верховный суд и в обращении к Хрущеву 1962 г., Меньшагин повторял, что присутствующие в протоколах обвиняющие факты были взяты вне контекста реальной ситуации, сложившейся в Смоленске, в них отсутствовали все позитивные действия, осуществленные им, такие как спасение военнопленных и других людей, и не учитывалась его деятельность по сокрытию прошлого бывших коммунистов в управе от немцев, а также сокращение количества человек, угнанных на работы в Германию, в самом городе (по отношению к Смоленскому району). Меньшагин последовательно отрицал любое личное участие в каких бы то ни было насильственных актах, включая убийство цыган и евреев[2].

Совершенно очевидно, что Меньшагин тщательно ознакомился с обвинениями против него, когда писал свои тюремные записки и значительно позже заново воспроизводил их в своих воспоминаниях после освобождения. Следовательно, в своих более поздних мемуарах Меньшагин, делая преднамеренный выбор, замалчивает обвинительную часть информации, так как прекрасно знает, насколько тесно он был связан с преступлениями немцев в конце войны.

Учитывая это, обратимся к изучению истории Смоленского гетто в свете сохранившихся источников и литературы.

Гетто в районе Смоленска «Садки» было одним из первых, сформированных в Смоленской области. Приказ образовать гетто был отдан на третий день после того, как начала действовать сама полевая комендатура. Гетто было передано под контроль управы. Сохранились записки Меньшагина того времени, написанные по поводу сселения жителей в гетто к 5 августа 1941 г. и детали их изоляции, наряду с ношением на груди и на спине круглого желтого лоскута-нашивки[3].

---

1 Из письма Меньшагина к Г. М. Маленкову от 5 февраля 1955 (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 17).

2 Там же. Л. 34–40; Борис Меньшагин Никите Хрущеву, 21 ноября 1962 г. (Там же. Л. 55–56).

3 *Doubson, 2012.* P. 1821, где цитируется по: ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 114. Д. 6. Л. 20–21.

Показательное исследование Юрия Радченко о роли, которую Харьковское городское управление играло в осуществлении Холокоста, начинается с утверждения о том, что таковая роль редко становилась объектом изучения. Он подчеркивает важность первичной переписи населения, которую провело Харьковское управление, и особого «желтого» списка евреев, который был составлен тогда же[1].

В Смоленске процесс был осуществлен иначе, так как в августе между переселением еврейского населения в гетто и последующей регистрацией остального населения прошло несколько недель. Начало подготовки к созданию гетто относится к концу июля, а первые обитатели гетто, которых было на тот момент около 1200 человек, появились там 5 августа 1941 г. В середине августа в городе была проведена регистрация работающего населения, что позволило властям систематизировать информацию о населении[2].

В своем третьем по счету распоряжении, датированном 19 августа 1941 г., Меньшагин объявил об общей регистрации городских жителей, в ходе которой все лица старше 16 лет с 25 августа должны были прийти в Управление начальника города, чтобы получить новые удостоверения личности[3]. В той части мемуаров, которая относится к событиям последних месяцев 1941 г., Меньшагин датирует общую регистрацию населения концом августа, но также вспоминает о том, как в ходе регистрации спас пожилую еврейскую пару, о которой говорилось выше, от заключения в гетто.

Следующим вопросом для рассмотрения является роль управы в выявлении среди жителей города евреев, которые скрылись или изначально не заявили о своем происхождении, так как после августа население гетто увеличивалось.

В любом случае, управление несло ответственность как за создание гетто, так и за регистрацию населения в августе 1941 г., а следовательно, являлось главным действующим органом по выявлению лиц еврейского происхождения для их размещения в гетто. В данном случае исследование Радченко о Харькове интересно с точки зрения проведения сравнительного анализа. Он показывает, что на локальном уровне местные «управдомы» сыграли решающую роль в обеспечении той эффективности, с которой в ходе харьковской переписи были выявлены 10 271 евреев.

---

[1] *Radchenko, 2013.*

[2] О создании гетто и первых действиях управы Меньшагин см.: *Cohen, 2013.* P. 65–67. См. также главу 4 (о всех военных преступлениях и Холокосте в Смоленске) и P. 201–207 (о восприятии и устной истории еврейского населения в гетто).

[3] Распоряжение № 3 начальника города Смоленска, г. Смоленск 19 августа 1941 г. (ГАСО. Ф. 2573. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

Их роль в меньшем по размеру Смоленске, как уже говорилось выше, получили уличные коменданты; Меньшагин пишет, что троих из них приблизительно в это время он уволил за получение взяток. Как отмечает Радченко: «Немцы часто оставляли местному управлению функцию распределения имущества евреев, коммунистов и всех тех, кто бежал до захвата города»[1].

Согласно свидетельствам очевидцев, на протяжении всего существования Смоленского гетто конфискации ценных вещей, захват заложников с целью вымогательства денег, изнасилования и исчезновения еврейских женщин осуществлялись как немецкими полевыми жандармами, так и полицаями городской управы. Также проводились акции карательного налогообложения, в том числе накануне ликвидации гетто.

5 июля 1942 г. Меньшагин направил отчет оберштурмфюреру СС Смоленского отряда, входившего в айнзатцгруппу Б, Курту Матшке: «В гетто по распоряжению комендатуры изъято 60 комплектов постельных принадлежностей, швейных машинок — 3. За несвоевременную сдачу постельных принадлежностей еврейский Совет оштрафован на 5000 рублей»[2].

В описании дня после ликвидации гетто из мемуаров Меньшагина открыто приводится фраза Гандзюка о том, что «его имущество передается нам». Одна информированная комсомолка еврейского происхождения, проживавшая в городе, Ася Шайдерман, утверждала, что «вещи из Гетто немчура привезла в Гестапо и одела смоленских проституток»[3]. Согласно Котову, управа получала выгоду от продажи еврейского имущества, такого как мебель, столовая посуда, личные вещи, которые были перевезены на машинах городского Транспортного отдела в «специально организованный склад, а затем распроданы через комиссионные магазины на территории Смоленского округа»[4]. В целом смоленская управа принимала большое участие в распределении имущества евреев и извлечении из него дохода как во время создания, так и в ходе ликвидации гетто.

Выраженное в мемуарах состояние удивления и отрицания, испытанное Меньшагиным при получении информации об уничтожении гетто, необходимо оценивать в свете того факта, что Смоленское гетто просуществовало год, что стало самым долгим сроком существования гетто

---

1 *Radchenko, 2013*. P. 447. Харьковская управа официально заявила о своих правах на эту собственность в указе, изданном в конце октября 1941 г.

2 *Котов, 1991*. С. 45 (в тексте приводится цитата из документа, но он не воспроизведен полностью).

3 «Оккупированный Смоленск. Сов. Секретно», подписано Асей Шайдерман, 14 сентября 1942 г. (РГАСПИ (Архив ВЛКСМ). Ф. М-1. Оп. 53. Д. 246. Л. 79).

4 *Котов, 1994*. С. 72.

не только в Смоленской области, но и на всей оккупированной территории РСФСР. Все 50 гетто в республике, в которых жили 22 тыс. евреев, были уничтожены раньше, чем Смоленское. Согласно Дубсону, «это отражало потребность немецкой армии в работниках в таком городе, как Смоленск, который играл стратегически важную роль железнодорожного узла, находящегося на главной магистрали, связывающей город с Москвой». Почти все из семнадцати других гетто Смоленской области, включая четыре, расположенных вблизи Смоленска (Гусино, Красный, Починок и Монастырщина), были уничтожены в первой половине 1942 г.[1]

Профессор Б. Базилевский, очевидец, вспоминал, что среди местных русских «всё больше шепотом говорилось о диких зверствах немецких разбойников над еврейским населением в разных городах»[2]. Следует отметить, что в своих мемуарах Меньшагин демонстрирует хорошую осведомленность в событиях, происходивших по всей Смоленской области, и свое знакомство с бургомистрами соседних городов и небольших населенных пунктов.

В мемуарах Меньшагина отсутствует информация о его участии в одном из наиболее важных событий в короткой истории гетто. В течение первых семи месяцев после образования гетто, евреи, проживавшие там, могли проходить по городу по дороге на работу; такое гетто историки называют открытым в отличие от закрытого типа. Базилевский вспоминал, что «в Смоленске евреи сначала работали в городе, а потом почти исключительно на вокзале», хотя он также видел, как еврейские ремесленники, в частности плотники, работали в здании Гестапо в январе 1942 г., когда его отправили туда на допрос[3].

Котов опубликовал документ от 22 октября 1941 г., в котором приводилось принятое Немецкой экономической инспекцией решение больше не задействовать в работе еврейских ремесленников и мастеров. Это решение было принято и распространено через указ полевой полиции «Касательно работы евреев» от 6 ноября 1941 г., который был направлен Меньшагину и полиции для осуществления контроля над процессом конфискации инструментов и рабочих материалов у еврейских ремесленников: «Бургомистр должен, согласовав это с Биржей труда, отдать инструменты ремесленникам-арийцам». С этого момента евреи могли работать только на принудительных работах, выполняя наиболее изнурительные задания. На документе красным карандашом написано замечание

---

1 *Doubson, 2012*. P. 1821; *Дубсон В.* Гетто на оккупированной территории РФ (1941–1942 гг.) // Вестник еврейского университета в Москве. 2000. № 3 (21). С. 159.
2 См. Документ № 10.
3 Там же.

Меньшагина: «ТО [торговый отдел]. Доложить о патентах, выданных евреям. 9.11.41. Б. М-н».[1]

Многие свидетельства подтверждают сообщение, содержавшееся в мемуарах Меньшагина, о том, что он решил не появляться в гетто после уничтожения его жителей. Из многочисленных протоколов опросов и других свидетельств Меньшагин «возникает» на месте совершения преступления только в одном случае, — в показаниях от 1943 г. Антонины Ивановны Петровой, 18-летней девушки, жившей вблизи гетто. Она описала газвагены: «автомашины с крытыми кузовами темно-серого цвета, без окон, с дверьми в задней стенке». Затем: «Полицейские и гестаповцы начали погрузку людей в эти машины. Вталкивая женщин, они вырывали у них из рук детей, бросали в эту машину. Картина была потрясающая... После того, как гестаповцы и полицейские умертвили всё население района Садки, на место расправы приехал городской голова — МЕНЬШАГИН и его заместитель ГАНДЗЮК. Немцы и полицейские, участвовавшие в этих злодеяниях, учинили массовое ограбление всех опустевших квартир и пьянствовали до утра»[2]. Присутствие Меньшагина, однако, не подтверждается ни в одном другом свидетельстве; и необходимо отметить, что некоторые другие детали в свидетельстве Петровой, такие как число газовых машин и количество часов, в течение которых они работали, отличается от других воспоминаний.

Однако активное участие городской полиции и городских чиновников в этом и других злодеяниях периода оккупации не оставляет сомнений. Две личности, Г.К. Умнов и Н.Ф. Алферчик, были связаны как с конфискациями в гетто, так и с его ликвидацией, наряду с Гандзюком. Об обоих говорится в мемуарах Меньшагина, где он раскрывает некоторые детали о них и других ключевых фигурах периода оккупации. В целом, в своих мемуарах Меньшагин стремится дистанцироваться от городской полиции и выразить недовольство ее злоупотреблениями.

В этой связи ключевым отрывком является следующий: «Я уже говорил, что так называемая Ordnungs-Dienst, то есть городская вспомогательная полиция, бывшая до осени 1942 года на городском иждивении, хотя в оперативном отношении подчиненная SD и фельджандармерии, была в очень незавидном положении в смысле дисциплины и законного несения службы. Я много раз говорил начальнику ее Г.К. Умнову о необходимости удаления из нее явных безобразников и более осторожного подхода к приему новых полицейских, но никаких практических результатов от этих разговоров не было».

---

[1] «Полевая комендатура №813. Местной комендатуре. Касается работы евреев. Смоленск 6.11.41» (*Котов, 1994*. С. 62–63).

[2] Протокол допроса свидетеля Петровой Антонины Ивановны от 28 ноября 1943 г. (USHMM RGf-O6.025 Reel 41, копия получена из Центрального архива ФСБ, «Особый фонд. Дело Смоленский процесс над немецкими военными преступниками»).

Последним значительным вопросом, требующим изучения в связи с избеганием Меньшагиным «скользких» тем, касающихся гетто, является вопрос о его участии в обеспечении узников едой и жильем в 1942 г. В отчете по общей ситуации в городе, направленном в СД 9 мая 1942 г., т.е. всего за два месяца до ликвидации гетто, Меньшагин сетовал: «Квартирный вопрос продолжает оставаться обостренным. Всякое освобождение новой квартиры происходит каждый раз за счет уплотнения населения».

В этой связи он ставит вопрос о возможности вынести гетто за черту города: «Заслуживает внимания расширение квартирной площади для населения Смоленска за счет выселения еврейского гетто за пределы городской черты. Таким образом, будет не только предоставлена новая жилая площадь гражданам, и будет обеспечено освобождение ее для воинских нужд, но русское население получит возможность на территории бывшего гетто развести большие огороды, каковые сейчас находятся в необрабатываемом состоянии»[1].

Как известно из опубликованных приказов Меньшагина, начальник города полагал первостепенным использование территории гетто для разбивки городских огородов в интересах снабжения города едой на оставшееся время оккупации[2]. В статье в газете «Новый путь» за 1943 г. он с гордостью восклицает: «Большую радость доставляет вид зеленеющих огородов, покрывших, как никогда густо, площадь города. Это является наглядным доказательством того, что мои весенние призывы к населению не поддаваться панике, а заняться обработкой огородов, дошли по назначению...»[3] Центральную роль огородов в преодолении продовольственного кризиса, как зимой 1941–1942 гг., он подчеркивает и в воспоминаниях: «Должен сказать, что продовольственное положение в городе во второй половине 1942 и 1943 годах было много лучше, чем в первый год оккупации. Значительную роль в этом сыграло то обстоятельство, что бо́льшая часть семей стала иметь свои огороды. Участки для этих огородов отводило городское управление всем желающим на пустующих в результате пожаров местах».

При этом Меньшагин не упоминает, что территория «бывшего гетто», «вынесение» которого за городскую черту он лично предложил за два месяца до его действительной ликвидации, фактически была перекопана и использовалась под картофельные и овощные грядки[4].

---

[1] См. «Меньшагин — в Полицию Безопасности. 9 мая 1942 г.» в: *Котов, 1994*. С. 67.

[2] Распоряжение №24 начальника города Смоленска, 28 июля 1943 г. // ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 66. Л. 23; просмотрено в: USHMM RG-22.014M, reel 7.

[3] *Меньшагин Б.Г.* Два года // НП. 1943. 15 июля. №55 (177). С. 5 (см. Документ №5).

[4] *Котов, 1994*. С. 72.

Политическая миссия технократа

До сих пор наше изложение разворачивалось вокруг роли начальника города и вокруг того, как архивные источники и мемуары Меньшагина иногда подтверждали друг друга, а иногда расходились. Но не менее интересно и важно поставить несколько иной вопрос: а следовал ли Меньшагин какой-либо политической идеологии? И если да, то какой и в чем она заключалась?

И в этом случае мемуары дают ключ к разгадке, но из-за значительно более позднего происхождения и большого числа умолчаний, полученный ответ носит неизбежно фрагментарный характер.

Я бы сказал, что бо́льшая часть мемуаров показывает нам управленца, склонного к технократии. Меньшагин гордится своей работой и показывает себя полностью погруженным в нее.

Но это еще не всё: он, несомненно, ощущает себя самоуверенным судьей людских судеб. По крайней мере, в мемуарах он более всего говорит не о политике или каких-либо идеях, а о том, как он с ними сталкивался в процессе ежедневной административной работы в условиях сложного и чрезвычайного положения.

Меньшагин постоянно высказывает крайне антибольшевистские идеи, при этом не осуждая бывших коммунистов. Его антисоветские настроения направлены главным образом на период после 1928 г., т.е. на время своей адвокатуры, придавая наибольшее значение двум годам Большого террора.

Он выражает глубокое уважение к церковности, радость и удовлетворение в связи с открытием храмов в годы войны, что отражает его многолетние религиозные убеждения. Менее явно он высказывает свое неодобрение всеохватному «дирижизму» советской экономической системы, в то же время не поддерживая и капитализм.

Наиболее выраженное объяснение своих политических взглядов он приводит в начале мемуаров:

> Для меня никогда не было сомнений, что все злодейства, большими или меньшими волнами проходившие по стране с 1928 года, зависели не от каких-либо Ягод, Ежовых, Берий и т.п., а от самого Сталина. Правда, я считал его человеком незаурядного ума, а так как я всегда очень ценил ум, считая правильной пословицу “лучше с умным потерять, чем с дураком найти”, то я поверил новой Конституции, считая, что Сталин понял несостоятельность своей прежней насильственной политики и отказывается от нее.
>
> Но жизнь очень скоро показала наивность этой веры. Я уже упоминал, сколько матюков пришлось мне услышать со стороны наших пленных солдат в адрес Сталина 23 июля. Я тоже считал его главным виновником

тех потрясающих неудач, которые постигли страну в первый месяц войны. Я искренне желал его падения, но никогда не желал и не желаю восстановления капитализма.

Можно ли назвать Меньшагина русским националистом в каком-нибудь смысле этого слова?

В другом важном утверждении из мемуаров, как отмечалось выше, он соотносит себя с той частью населения Смоленска, которая решила остаться под немецким управлением, закрепившим, по его утверждению, антисоветский режим в России. Он говорит о том, что по необъяснимым причинам не верил в то, что Смоленск станет колонией Рейха на постоянной основе. Меландер в своем интервью Гарвардскому проекту вспоминал, что на одном из первых заседаний управы Меньшагин заявлял, что «коммунисты никогда не вернутся», добавляя, что «люди боялись возвращения советской власти»[1].

В то время как об отдельных немецких чиновниках, с которыми Меньшагин сталкивался, он выражает разное мнение, в институциональном плане он более всего презирает «Пропаганду», или местный отдел пропаганды комендатуры. В одном месте Меньшагин высказывается против антипартизанской пропаганды театральной пьесы «Волк», но поддерживает другие русские культурные инициативы в городе. Он с раздражением говорит о конфискации библиотеки и музея «Штабом Розенберга» (Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg), вспоминая отдельные свои успехи в сохранении некоторых культурных ценностей города.

Существует по меньшей мере одно свидетельство местного художественного объединения военного времени, согласно которому Меньшагину приписывалась «помощь смоленским деятелям культуры» отчасти за счет «освобождения танцоров и музыкантов из лагерей для военнопленных, благодаря чему они могли присоединиться к гастролирующим театральным группам»[2].

С другой стороны, Ася Шайдерман, комсомолка еврейского происхождения, работавшая в подполье, отметила противоречие между упоминанием в «Новом пути» в отрицательном ключе имен выдающихся советских еврейских артистов, таких как Ойстрах, с намеком на то, что жидобольшевизм способствует продвижению еврейских артистов, и частыми случаями проигрывания в эфире на местном радио джаза советских музыкантов еврейского происхождения. Говоря о Меньшагине с некоторой горечью, как бы предполагая, что лично он стоял за принятием всех этих решений, она писала: «Сами артисты не знают, что хочет от них

---

1 HP. Schedule B. Vol. 11. Case 439.
2 *Cohen, 2013*. P. 93, 211.

Меньшагин, они бы с удовольствием сыграли и спели, что-нибудь [от Исаака] Дунаевского, но им не разрешают... однако часто по радио можно услышать джаз Утесова, вероятно Меньшагину все-таки нравится Утесов, хотя он и еврей»[1].

Меньшагин и Островский: национализм vs. национализм

В мемуарах Меньшагина мы практически не встречаем мыслей о политике как столкновении политических убеждений и принципов, зато сколько угодно — об административных и личных отношениях с немецкими чиновниками и служащими горуправления.

Однако есть одно важное исключение, когда политика и интриги сцепились в один клубок, и это — сопротивление Меньшагина претензиям на Смоленск белорусских националистов. Возможно, наиболее значительный конфликт, о котором Меньшагин вспоминает в своих мемуарах, был связан с Р. К. Островским, видным белорусским националистом, который рассматривал Смоленск как часть будущей Белоруссии. Этот конфликт разворачивался на протяжении 1942 и конца 1943 г., и, следовательно, составляет существенную часть мемуаров Меньшагина.

Неоднократно менявший имя на протяжении своей долгой и разнообразной политической карьеры, Островский был также известен как Радислав Казимирович Островский-Калуш, или, по-белорусски, Радаслаў Казіміравіч Астроўскі. Он родился в 1887 г. в Слуцке, где получил гимназическое образование, после чего на протяжении всей жизни был вовлечен в белорусскую политику.

Его англоязычные мемуары, вводящие в заблуждение тем, что были опубликованы им в 1964 г. под псевдонимом Калуш и якобы от лица человека, восхищающегося его биографией, являются примечательным источником. В них подчеркивается, что Островский был выходцем из зажиточной крестьянской семьи, но отнюдь не из знатного рода землевладельцев, которое ему приписывали большевики. В июне 1917 г. молодой Островский стал членом Центрального комитета Белорусской социалистической громады, самой большой политической партии Белоруссии, а во время Гражданской войны он сражался на стороне Деникина. За последующие два десятилетия он пережил несколько политических трансформаций: недолго пробыв членом Коммунистической партии Западной Белоруссии, в 1926 г. он отрекся от увлечения «левыми» политическими взглядами и переключился на польско-белорусское

---

[1] «Оккупированный Смоленск. Сов. секретно», подписано Асей Шайдерман, 14 сентября 1942 г. (РГАСПИ (Архив ВЛКСМ). Ф. М-1. Оп. 53. Д. 246. Л. 79).

сотрудничество, после чего, в 1940 г., он начал столь же тесно сотрудничать с немцами.

Летом 1941 г. Островский присоединился к объединению белорусских эмигрантов из Польши, следовавших за наступающей немецкой армией. К июлю он дошел до Пинска, и с этого момента его карьера военных лет была связана с Краатцем, главой отдела полевой комендатуры группы армий «Центр», отвечавшим за гражданское управление. Меньшагин говорит, что Островский и Краатц приехали в Смоленск одновременно в первой половине апреля 1942 г.[1]

Островский провел в Смоленске около года — до того момента, когда в июне 1943 г. генералькомиссар Вильгельм Кубе призвал его в Минск и сделал главой Белорусской рады доверия (*Беларуская рада даверу*), а в конце — президентом Белорусской центральной рады (*Беларуская Цэнтральная Рада*), что было уступкой Рейхскомиссариата Остланд белорусским коллаборационистам, жаждавшим национальной независимости. В 1944 г. Рада осуществила большой воинский призыв на службу молодых белорусов, чтобы образовать Белорусскую краевую оборону (*Беларуская краёвая абарона*), которая позже была присоединена к войскам СС. После войны, как и другие белорусские коллаборационисты, он стал писать свое имя на польский манер (Островски), чтобы подретушировать свои связи с нацистами. Под измененным именем он стал лидером белорусской эмиграции в США и умер в Мичигане в 1976 г.[2]

Вражда, возникшая между Меньшагиным и Островским в Смоленске, имела одновременно личный, бюрократический и политический характер. Островский прибыл, чтобы основать гражданскую окружную администрацию, которая бы осуществляла надзор над восемью районами и городом Смоленском, в связи с чем дублирование функций с самого начала увеличивало возможность административных противоречий. Меньшагин в своих мемуарах утверждает, что изначально он помогал Островскому в подборе работников, что Островский предпринял неудачную попытку тайно переманить членов городской администрации, предлагая им лучшие условия и в то же время критикуя личные качества Меньшагина.

---

[1] Островский познакомился с Краатцем в июле 1941 г. в Пинске. Позднее, под покровительством Краатца, он был обер-бургомистром в Минском, Могилевском и Брянском округах (*Kalush, 1964*. P. 36–46).

[2] Biographical Dictionary of Central and Eastern Europe in the Twentieth Century / Ed. W. Roszkowski, J. Kofman. London: Routledge, 2008. С. 39–40; *Gerlach C.* Kalkulierte Morde: Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Edition, 1999. P. 211; *Rudling P.A.* The Rise and Fall of Belarussian Nationalism 1906–1931. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. P. 115, 197, 258, 267; *Kalush, 1964*.

Со своей стороны, Островский заявляет, что Меньшагин был враждебно к нему настроен. Так как большую часть своей жизни Островский провел в Вильнюсе и Лодзи, культурные и личные разногласия с русским населением Смоленска добавились к тем, что были вызваны его административным положением и приверженностью белорусскому национализму.

В своих мемуарах Меньшагин также выражает неприязнь в отношении начальника Островского Краатца, которому нравилось его довоенное звание национал-социалистического «оберрата» и которого с Островским связывало двухлетнее сотрудничество в оккупированной Вермахтом части Восточной Белоруссии: «Краатц обладал большим самомнением и являлся немецким шовинистом, считавшим, что и плохой немец лучше хорошего русского».

Впрочем, в отношении Островского Меньшагин выражает даже большее неприятие, подогретое некоторым сдержанным уважением: «Р. К. Островский — прожженный политикан, для которого провозглашенная им идея “великой Белоруссии” являлась в конечном счете путем к своей личной карьере, человек очень неглупый, но аморальный, не брезгующий в борьбе со своими политическими противниками никакими средствами...»

Меньшагин подробно описывает длительный административный конфликт с Островским, которому он приписывал желание убрать его с должности, но чьи махинации так и не стали успешными. В процитированном выше отрывке Меньшагин утверждает, что его противоречия с Островским больше основывались на его политических амбициях и подозрении, что «идея Великой Белоруссии» — не истинное его убеждение, а лишь средство для достижения цели, каковой была его политическая карьера.

В другом месте Меньшагин уделяет первостепенное внимание именно их политическим разногласиям: «Вся борьба Островского против меня вызвана его стремлением включить Смоленщину в состав “Великой Белоруссии”, против чего я категорически возражал в разговорах с ним».

В 1964 г., используя псевдоним Калуш и говоря от третьего лица, Островский дал собственное ретроспективное представление об этой истории, конечно же, ничего не зная о судьбе своего бывшего соперника. Островский утверждал, что Смоленск, «как известно», «этнографически» оставался белорусской территорией, но территориально не был включен в Белорусскую ССР. Следовательно, в «городе» Смоленск, в отличие от якобы этнографически белорусской сельской местности, «отношение к нему, как к белорусу, было враждебным. Мэром был Меньшагин, бывший советский юрист и убежденный русский шовинист... Во всех административных учреждениях работали русские, которые чаще всего были враждебно настроены к белорусам». Ранее Островский «пытался открыть белорусские

школы и для этой цели заказал белорусские учебники из Минска. Москвичи, однако, устроили такую шумиху, что фельдкомендант, генерал Поль, попросил Островского оставить эту идею и вынудил признать Смоленск русским городом. “Мы солдаты, — сказал генерал Поль, — и не можем менять государственные границы; это будет решаться политиками после войны”. Островский должен был сдаться»[1].

Затем Калуш-Островский подробно описывает историю своих попыток снять Меньшагина с должности мэра. Вот дайджест сказанного им: Краатц, который работал с Островским в течение двух лет, приноровился к его системе управления и полностью ему доверял, одновременно осуждая методы, которые использовал Меньшагин на посту бургомистра. Он сказал об этом Островскому и спросил его, не знает ли он подходящего кандидата, который мог бы занять место Меньшагина. Островский сразу же написал доктору Станиславу Станкевичу, который возглавлял Борисовский район[2], и попросил его приехать в Смоленск. Вскоре Станкевич прибыл и после рассмотрения предложения со всех сторон согласился занять пост. Однако назавтра он изменил свое мнение и вернулся в Борисов[3].

Другими словами, Островский приписал Краатцу изначальное намерение сместить Меньшагина, но, возможно, им была придумана история о том, как внезапно не удалась и была оставлена идея заменить Меньшагина на выбранного им белоруса. Может быть, немецкие чиновники в конечном счете решили оставить Меньшагина?

Этот вывод подтверждается третьим взглядом на спор Островского с Меньшагиным: он содержится в интервью Саввы Васильевича Хаткевича, данным им Комиссии Минца. Хаткевич, беспартийный старший преподаватель математики, до войны проработавший десять лет в Смоленском педагогическом институте, стал заместителем директора окружного школьного департамента. Работая под началом педагога-политика[4] Островского, Хаткевич, будучи высокого мнения об Островском как педагоге и директоре гимназии, называл его белорусом по национальности, внешне походившим на поляка: «Это был человек с высшим образованием, очень развитóй, по профессии педагог. В Польше он был директором гимназии. Дело образования знал хорошо и тем делом всегда живо интересовался».

Стоит отметить, что Хаткевич использовал свое интервью комиссии Минца для того, чтобы посоветовать советской власти заимствовать систему профессиональной подготовки, которую Островский ввел

---

[1] *Kalush, 1964*. P. 46.

[2] В Минской области.

[3] *Kalush, 1964*. P. 47.

[4] Островский был председателем подпольного белорусского школьного сообщества и директором белорусской гимназии в Вильнюсе при польской власти в 1923–1936 гг., затем преподавал польский язык в школе в Лодзи.

в Смоленской области, адаптируя польскую модель! Хаткевич объяснял это следующим образом: «Островский, автор этой системы, мотивировал это так: у нас полиция, как правило, занимается грабежом населения. Надо подготовить таких полицейских работников, которые бы честно служили народу. Такую школу он находил необходимой»[1].

Говоря о Меньшагине, Хаткевич сначала также выражал позитивное мнение; когда все школы были закрыты в 1941–1942 гг., начальник города проследил за тем, чтобы все учителя зарегистрировались и нашли работу в столовых. Однако, коснувшись конфликта Меньшагина с Островским, Хаткевич описал его совершенно иначе, нежели он представлен в мемуарах Меньшагина. «[Островскому] должен был подчиняться и начальник г. Меньшагин, но Меньшагин сумел настолько войти в милость и ласку местных немецких властей, что он не чувствовал никакой зависимости от управляющего округом Островского».

Когда весной 1942 г. Островский попытался «призвать его [Меньшагина] к порядку и предпринял большую ревизию городского управления», он ничего не добился, а Меньшагин остался на своем посту. Затем Хаткевич выдвинул следующее обвинение: «Немцам были даны большие взятки. Меньшагин в этом отношении не стеснялся. Он чужим добром распоряжаться умел»[2]. Представляется, что обвинения в коррупции были столь же повсеместными, как и политические доносы или столкновения местных властей. Однако Хаткевич даже не обмолвился о политической карьере Островского, длившейся, в отличие от педагогической, десятилетиями, без чего картина представляется далеко не полной.

В итоге как Меньшагин, так и Островский сохранили благосклонность немецких властей, несмотря на обрисованный выше конфликт враждовавших бургомистров. Меньшагин был оценен достаточно высоко для того, чтобы быть награжденным немецкими военными орденами за службу. Следуя за немецкой эвакуацией из Смоленска, он получил назначение на должность мэра Бобруйска, где проработал с октября 1943 по июнь 1944 г.

В марте 1944 г. он присоединился к «Союзу борьбы против большевизма», созданному разведывательным управлением 9-й армии, в связи с чем допрашивавшие его сотрудники СМЕРШ смогли обвинить его в вербовке и пропаганде[3].

Что касается Островского, то в сентябре 1941 г. он уехал из Минска в оперативную зону вермахта вслед за Краатцем, — уехал, потому что

---

[1] «Стенограмма беседы с преподавателем Смоленского пед. института т. Хаткевич С. Б. 5 декабря 1944 года» (*НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. VI. Оп. 2. Д. 16. Л. 1 об.*

[2] Там же.

[3] Документ № 11.

чувствовал себя униженным новой гражданской администрацией Вильгельма Кубе в только что сформированном Рейхскомиссариате Ост. В 1943 г. он воспользовался новыми возможностями, открывшимися в Минске[1]. Тогда-то, сразу же после Смоленска, его политическая карьера как белорусского коллаборациониста и националиста снова взлетела вверх.

Меньшагин-публицист

Благодаря своим указам, выступлениями по радио и газетным статьям, Меньшагин стал в Смоленске широко известной публичной личностью. Интересно отметить, что статьи Меньшагина военного времени в смоленской газете «Новый путь» никак не противоречат образу практичного управленца, обрисованного им самим в мемуарах.

Кроме бургомистерских указов и распоряжений, Меньшагин изредка появлялся на страницах газеты со статьями по торжественным случаям, например юбилеям установления немецкой власти, выхода первого номера «Нового пути» и по церковным праздникам. Писал он преимущественно о тех улучшениях в жизни города, которые осуществила управа в ответ на трудности, которые были им унаследованы. Например, на день рождения газеты в октябре 1942 г. он вспоминал о том, как были преодолены перебои в обеспечении бумагой и организационные проблемы в типографии для того, чтобы газета стала доступна в киосках. На вторую годовщину немецкого «освобождения» в июле 1943 г. Меньшагин перечислял успехи в восстановлении социальных, медицинских услуг и культурной жизни, значительно их преувеличивая. Получая немецкий орден в июле 1943 г., Меньшагин сказал, что результатом наследства большевиков (а не немецкой оккупации!) стало то, что «наш исторический Смоленск был превращен в груду развалин... наше незначительное имущество было уничтожено пожаром и разграблено. Везде царствовали голод, бедность и разруха!» Прошло всего пару лет — и: «мы можем гордиться переменой жизни в нашем городе, вызванной нашей совместной работой»[2].

Однако Меньшагин не мог бы этого сделать, будучи чистым технократом и добрым управленцем. Как и следовало ожидать, произнесенные или опубликованные им в годы войны тексты проникнуты сильными антисоветскими настроениями и преисполнены благодарности немцам

---

[1] *Kalush, 1964*. P.18.

[2] *Меньшагин Б.* Оправданные надежды // НП. 1942. 15 октября. №81 (102). С. 2; *Меньшагин Б.* Два года; *Меньшагин Б.* Мы строим жизнь по нашему свободному желанию // НП. 1943. 18 июля. №56. С. 2. (см. Документ №5).

за сотрудничество, щедрость и помощь, особенно в тех случаях, когда это были устные речи, произносимые в присутствии немцев.

При этом он придерживался основных постулатов нацистской идеологии. Первейшие из них — антисемитизм и концепция жидобольшевизма, которые изредка, но возникают и у Меньшагина. Так, на годовщину смоленской газеты он прочертил четкую связь между евреями и марксизмом, говоря о 24 годах «марксистской лжи, которую изо дня в день пичкали русский народ наглые жидовские писаки». А в июле 1943 г. он сослался на «24 года терзаний и тяжелого нравственного гнета, давивших Смоленск наравне с другими местностями России, переименованной жидовскими заправилами в "СССР"», добавляя к этому, что Карл Маркс был «глашатаем современного еврейства». В «Письме в редакцию» в августе 1943 г., говоря о другой стороне линии фронта, он использовал выражение «за каменной юдо-большевистской стеной».

В полном согласии как с немецкой, так и с коллаборационистской пропагандой на оккупированных территориях Меньшагин отождествлял Германию с культурой и с Европой. Оккупация — это освобождение и открывшаяся возможность для русских стать частью европейской цивилизации. В том же «Письме в редакцию» августа 1943 г. Меньшагин прорицал, что «дети, находящиеся здесь, в областях, оккупированных немецким командованием, получат надлежащее воспитание и выйдут хорошими работниками в новой культурной России, что "путь" в Новую Европу будет открыт».

Несмотря на использование этих идеологических штампов, публичная деятельность Меньшагина, нашедшая свое отражение в городской газете, не ассоциировалась с образом идеолога как такового. Как мемуары, так и тексты того времени показывают, что Меньшагин был привлечен к сотрудничеству с немцами не на основании тяготения к идеологическим основам фашизма или хотя бы русского национализма.

Он не был пропагандистом сам, а тот человек, который им являлся, — бывший комсомольский писатель К.Д. Долгоненков и редактор «Нового пути», — относительно редко появляется в мемуарах. Довольно ярок тот эпизод, когда при переводе для важных немецких чиновников пришлось изменять смысл сказанных Долгоненковым слов из-за того, что, напившись, он обвинял их в непонимании русской души.

В силу своих основных интересов и довоенной профессии Меньшагин был человеком образованным, но не человеком науки или литературы[1], а по его мемуарам можно составить лишь краткие утверждения общего характера о его взглядах и политических убеждениях.

---

[1] Эти интересы проснутся в нем, но позднее, в его тюремные годы (см. раздел «Письма»).

Однако, несмотря на управленческие наклонности Меньшагина, представляется, что именно антисоветские чувства сыграли решающую роль в том, что он связался с немцами. И это объединяет его с теми, кого называли идейными коллаборационистами, чьей основной мотивацией служить нацистским захватчикам была не любовь к ним, а ненависть к советскому режиму. Впрочем, пораженчество или антисоветские настроения совсем не обязательно приводили к решению работать на врага, хотя и толкали к этому. До войны антисоветские чувства приходилось утаивать, отрекаться от них или проявлять множеством альтернативных способов, так что люди, принявшие решение работать на немцев, имели совершенно различный довоенный опыт и идеологические установки. Соответственно, и само принятие самого этого решения проходило у всех по-разному[1].

В отношении антисоветских убеждений Меньшагина следует отметить отрывок в мемуарах, где он вспоминает свое разочарование, когда вместо посуленной либерализации сталинского режима, выраженной в Конституции 1936 г., наступил Большой Террор: «Я помню день 5 декабря 1936 года, помню свою искреннюю радость, когда я на банкете, организованном в честь принятия новой Конституции, поднимал свою рюмку за здоровье главного автора этой Конституции. Но уже через каких-нибудь полгода, вспоминая это, я чувствовал себя обманутым простаком». И когда пришла война, он не эвакуировался, а когда поступило предложение стать бургомистром, он не отказался.

Какие бы соображения ни повлияли на выбор именно этого пути, следуя по нему, Меньшагин принял такие установки, о которых бы никогда не подумал ни в 1936 г., ни на пике Большого Террора. В своих публичных выступлениях 1941–1943 гг. он непосредственно и однозначно провозглашал верность делу нацистов, а соответственно, и их политике и идеологии. Даже накануне оставления немцами Смоленска, в городской газете были процитированы слова Меньшагина, одновременно обращавшегося к здоровому, «свободному» новому поколению русского народа, выросшему в Смоленске, и выражавшие почтение Гитлеру: «Да здравствует ГЕРМАНСКИЙ НАРОД И ЕГО ВОЖДЬ АДОЛЬФ ГИТЛЕР!»[2]

Меньшагин: русский бюрократ в кругу немецких

Одним из важных вопросов, который может быть изучен на основании как мемуаров Меньшагина, так и исторических исследований, является вопрос о его отношениях с различными немецкими чиновниками.

---

1 *Будницкий, Зеленина, 2012.* С. 16.

2 *Меньшагин Б.* Мы строим жизнь по нашему свободному желанию... С. 2.

В мемуарах приводится множество ценных деталей, но в целом их автор стремился создать портрет мэра, который не боялся игнорировать или переступать через мнение и даже приказы немцев. Приведем лишь один пример, когда Меньшагин сберег городское здание от перехода в немецкие руки, сфабриковав документ, согласно которому в здании находились люди, больные тифом. Меньшагин отмечает: «К этому времени я уже постиг, что немцы испытывают какой-то священный трепет перед каждой “бумагой”. Papier для них всё. Проверить правильность документа им не приходило в голову».

Более того, в мемуарах есть несколько интересных отсылок к партизанам, включая короткое утверждение о его собственной антипартизанской позиции, которая сложилась за время службы на немецкие власти. Позиция эта, однако, формулируется настолько лаконично, насколько это возможно, без каких-либо детальных объяснений по этому острому политическому вопросу: «Вообще у меня в отношении партизан сложилось отрицательное мнение, так как я считал, что они приносят вред не столько немцам, сколько оставшемуся русскому населению».

Самые неоднозначные сведения, которыми мы обладаем, относящиеся к взаимодействию Меньшагина с немецкими властями, содержатся и в опубликованных Котовым отчетах, адресованных СД, в городскую комендатуру и в полевую комендатуру. Во все эти органы он отправлял свои оценки настроения населения, информацию о вражеской пропаганде, о партизанах и подпольной советской активности, в нескольких случаях утверждая, что за тот или иной период он не обнаружил ничего значительного для включения в отчет.

Например, 20 июня 1942 г. он написал: «Настроение населения вообще удовлетворительное, хотя, безусловно, часть населения симпатизирует советской власти и ждет ее возвращения. Как уже отмечалось в прошлом докладе, это в основном, женщины, мужья которых находятся на более или менее приличных местах. Настроения этих людей выражаются в передаче разных слухов, сведений о предстоящих бомбардировках и т.д.»[1].

В двух отчетах Меньшагина и в одном Гандзюка утверждалось, что за отчетный период были разоблачены люди, связанные с партизанами, бандитами и подпольными группами, в двух случаях оказалось, что обнаруженные поддельные документы предоставлял паспортный отдел управы. В одном из таких случаев, произошедших в июле 1942 г., Меньшагин отчитывался о раскрытии подпольной сети, когда он лично распознал фальшивый паспорт: «В процессе дальнейшего расследования,

---

[1] «Меньшагин — В Военную комендатуру. В подотдел Комендатуры при Управлении города. 20 июня 1942 г.» (*Котов, 1994*. С. 69).

произведенного 2-м отделом СД, был выявлен ряд других участников, а также установлено, что бланки для изготовления подложных документов передавались сотрудницей Паспортного отдела горуправления Сидоровой»[1].

В мае 1942 г. Меньшагин докладывал, что он лично следил за регистрацией новоприбывших в город, подтверждая те методы, которые описывал в своих мемуарах: «Текущей регистрацией прибывших в город в апреле было охвачено 458 человек. Регистрация эта происходит под моим личным наблюдением. При сомнительных случаях документы не выдаются, а соответствующие лица направляются в Комендатуру, Полицию Безопасности или в Тайную полицию — в зависимости от обстоятельств, вызвавших сомнения»[2].

Здесь, как и в мемуарах, мы снова видим, что и покровительство, и безопасность, власть спасать и власть осуждать, были непосредственно связаны с тщательными проверками Меньшагина и контролем над документацией управы.

В этом отношении можно усмотреть логическую связь между двумя жизнями Меньшагина в Смоленске — в качестве адвоката в годы сталинского Большого террора и в должности мэра во время немецкой оккупации. Обе позиции были публичными, делая его видным человеком, и обе требовали технических навыков, которыми он обладал. В обоих случаях он играл роль, потребность в которой возникла в связи с существованием репрессивных режимов, которым он служил. Как сталинская юстиция, так и немецкая военная администрация оставляли ему свободное пространство для маневра, т. е. возможность для некоторого обсуждения в условиях обычных жестких ограничений, подразумевавших общественное повиновение.

Довоенная профессия давала Меньшагину связи с людьми, на которых он мог положиться. Глубокие практические знания о механизмах работы советской системы, которые он получил в качестве адвоката, стали основополагающими и для его работы с гражданским населением в годы войны. Более того, как показывают его воспоминания, Меньшагин воспринимал свою службу у немцев, используя примерно те же моральные категории, которыми он объяснял свою службу в период Большого Террора, а именно тем, что это позволяло ему спасать некоторых из жертв.

Недавнее исследование о стратегиях выживания жертв крайних форм насилия при немецкой оккупации показывает, что довоенные

---

1 «Меньшагин — в военную комендатуру (в подотдел при городской управе). 8 июля 1942 г.»; «Меньшагин — в Полицию Безопасности. 5 июля 1942 г.» и «Гандзюк — в Полевую комендатуру (VII отдел). 20 августа 1942» (*Котов, 1994*. С. 69, 70).

2 «Меньшагин — в гарнизонную комендатуру. 11 мая 1942 года» (*Котов, 1994*. С. 63).

биографические данные и опыт имели решающее значение при принятии решений в условиях войны[1]. Биография Меньшагина демонстрирует, насколько эта связь между довоенным и военным опытом была актуальна и для коллаборационистов.

В завершение я бы хотел обратить внимание на один важный эпизод, появляющийся в интересной хронике месячного тура Меньшагина с другими местными лидерами оккупированных территорий по Германии. Выступая в качестве старейшины русских, присутствовавших в здании городского совета Гамбурга, Меньшагин обратился к долгой и гордой традиции независимого самоуправления свободных ганзейских городов-государств, что вызвало всеобщее одобрение у местной элиты: «Я в своей речи сказал, что нам, работникам муниципальных органов, особенно приятно посетить Гамбург — город классического самоуправления».

Даже спустя много лет Меньшагин выражал определенную гордость за этот умный ход и отмечал, что эта фраза была процитирована в гамбургской газете.

Но стоит ли говорить, что эти традиции самоуправления были необратимо поруганы, и как сам зачитывавший речь о самоуправлении гость из Смоленска, так и принимавшие его самодовольные хозяева были строго подчинены одному и тому же — диктаторскому — режиму.

После прочтения текста мемуаров Меньшагина, рассказывающих о столь многом, но в то же время и умалчивающих о столь же многом, мы можем только гадать о том, что именно за все свои 25 лет заключения в советской тюрьме он оставил так и не высказанным, как и о том, что он не мог высказать даже себе самому.

---

[1] *Finkel E.* Ordinary Jews: Choice and Survival during the Holocaust. Princeton: Princeton University Press, 2017. P. 9–10.

ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ, РЕЦЕПЦИЯ, МИФЫ

(Павел Полян)

Эго-документы: то, чем не располагаем (мемуары, написанные в тюрьме)

Литературное наследие Б. Г. Меньшагина распадается на три части — его собственноручные мемуары, его собственноручные письма и его записанные на магнитофонную пленку аудиоинтервью.

Мемуарное наследие не слишком велико и состоит всего из двух текстов, второй из которых, написанный в 1972 г., охватывает только военный период и большей частью опубликован[1], а первый — самый ранний и самый главный, написанный в 1952–1955 гг. (по предложению администрации тюрьмы) и охватывавший период от начала войны и до конца следствия (30 сентября 1951 г.), — конфискован и в лучшем случае недоступен, в худшем — утрачен.

Увы, отследить судьбу сотен страниц первого текста, несмотря на все наши старания, не удалось. Где бы они ни томились, научной общественности они неизвестны и недоступны. Но разве шесть с половиной десятилетий — не достаточный срок, чтобы прервать этот мораторий? А в уничтожение *такого* источника — да простят меня авторы писем из ЦА ФСБ — всё как-то не верится![2]

Воспоминания — не справка из венерического диспансера, да и архив — не тюрьма. Казалось бы, разыскать исчезнувшую рукопись и ввести ее в научный оборот — дело и чести историка, и добросовестности архивиста, державшего ее до сих пор под замком.

Более счастливые случаи выхода рукописей из Владимирского централа на свободу известны.

Так, Лев Львович Раков (1904–1970) в 1954 г. сумел вынести из него на волю пародийную поэму-энциклопедию «Новейший Плутарх» — плод совместного, дружного и веселого творчества трех интеллигентов — Льва Ракова, Василия Парина и Даниила Андреева.

Еще занимательней путь на волю андреевских набросков к главному его труду — к «Розе Мира». Вот поэтичная версия его вдовы, Аллы Александровны, чьим собеседником в этом диалоге выступает Давид

---

[1] *Меньшагин, 2017.*

[2] Акт об уничтожении тоже никто не предъявил!

Иванович Крот, заместитель начальника Владимирской тюрьмы по оперативной работе:

> — Знаете, увезли вашего мужа.
>
> — Знаю, но ведь он ничего не может поднять, значит, должен был оставить вещи.
>
> Крот вызвал каптерщицу (то есть кладовщицу):
>
> — Что, Андреев оставил что-нибудь?
>
> — Целый мешок.
>
> — Принесите.
>
> Она принесла мешок. И тут сработала моя лагерная привычка: должен быть шмон. Я стала выкладывать из мешка вещи. Крот сказал:
>
> — Да не надо, оставьте.
>
> А я:
>
> — Да как же, гражданин начальник!
>
> Он тогда отослал каптерщицу, посмотрел на меня очень внимательно и сказал:
>
> — ЗАБИРАЙТЕ ВСЁ И У-ХО-ДИ-ТЕ.
>
> Только тут я поняла. Я схватила мешок, пролепетала какие-то слова благодарности и убежала.
>
> <...> Возвращаясь из Владимира, в автобусе я сунула руку в мешок, в который были свалены тетрадки, книжки, тапочки, белье, открытки... Я вытащила первое, что попалось, и стала читать. Это была одна из тетрадок с черновиками «Розы Мира»...[1]

В действительности всё, вероятно, было несколько прозаичнее, о чем свидетельствует официальный «Список вещей Андреева Даниила Леонидовича, передаваемых его жене Андреевой Алле Александровне». В списке кроме 10 книг и короткого перечня одежды, в разделе «Альбомы и тетради» указаны 11 тетрадей. Содержание их различно — стихи, всевозможные записи и в том числе черновые тексты к еще не завершенной «Розе Мира», которая была закончена уже на свободе 12 октября 1958 г. Но, конечно, без этих рукописей, выданных жене Кротом, Даниил Андреев вряд ли бы закончил книгу. Она погибла бы точно так же, как и канувший на Лубянке роман «Странники ночи»[2].

Другой пример — мемуары Василия Витальевича Шульгина (1878–1976). Как и Меньшагин, он писал их во Владимирской тюрьме, вернее, диктовал И. А. Корнееву, своему сокамернику[3]. При освобождении

[1] *Андреева А.А.* Плаванье к Небесной России. М.: Аграф, 2004. С. 280–282. См. также ее воспоминания в: Книжное обозрение. 1989. № 11. С. 8.

[2] Борис Романов, автор биографии Д. Андреева, писал мне, что его пробовали искать, но не нашли. Нашли же странный акт о том, что после следствия роман был уничтожен. А ведь само следствие во многом опиралось на сюжет романа.

[3] О судьбе рукописей Шульгина см. документы, опубликованные в: Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного. М.:

в 1956 г. ему разрешили забрать часть рукописей с собой. Пусть и в изуродованном цензурой виде, но Шульгин даже увидел их напечатанными при своей жизни[1]. А в 2010 г. они были переизданы уже в авторской редакции, причем в комментариях щедро использованы и материалы всех его дел[2]. Вместе с тем и ему вернули далеко не всё[3].

Были и другие счастливые прецеденты. Например, Леонид Иванович Бородин, впоследствии главный редактор журнала «Москва». Или Геннадий Николаевич Куприянов (1905–1979), первый секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской АССР в 1940–1950 гг. Арестованный в 1952 г. по «ленинградскому делу», он получил вышку, последовательно заменявшуюся сначала на 25 лет тюрьмы, потом на 10 лет, а в реальности он отсидел около 4 лет[4]. В тюрьме он вел дневник и вынес его с собой на волю.

Впрочем, писали многие, но о судьбе текстов большинства из них никаких сведений нет.

...Что же касается меньшагинского мемуара, то и ЦА ФСБ, и архивы владимирских управлений ФСБ и МВД на все запросы отвечали предсказуемо одинаково: ничего у нас нет, ничего ни про какие воспоминания не знаем. Письмо заместителя начальника ЦА ФСБ Н. А. Иванова поставило на надеждах публикаторов крест:

> Сообщаем, что в хранящемся в ЦА ФСБ России архивном уголовном деле в отношении Меньшагина Б. Г. каких-либо упоминаний о его рукописи или воспоминаниях (в том числе об их местонахождении) не имеется.
>
> Материалов переписки Меньшагина Б. Г. по вопросу возврата ему рукописи Центральный архив ФСБ России также не хранит[5].

Книжница; Русский путь, 2010. С. 300–303 (просьбы, уже после освобождения, возвратить рукописи), 316–319 (акт о сожжении и пр.). Он воспроизведен факсимиле на 6-й странице вкладки в: *Андреев Д.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М.: Русский путь, 2006.

[1] 25 лет получил и В. Шульгин, но в итоге был выпущен на свободу, отсидев «лишь» 12 лет.

[2] См.: Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / Сост., вступ. ст. В. Г. Макарова, А. В. Репникова, В. С. Христофорова; коммент. В. Г. Макарова, А. В. Репникова. М.: Русский путь / Книжница, 2010. 480 с.

[3] См.: Там же. С. 300–303 (просьбы, уже после освобождения, возвратить рукописи) и 316–319 (акт о сожжении и пр.).

[4] См. описание его фонда в Национальном архиве Республики Карелия: http://rkna.ru/index.php/component/content/article/466-nsa/spravochniki/dopolnitelnye/obzory-dokumentov/1561-obzor-dokumentov-natsionalnogo-arkhiva-respubliki-kareliya-o-zhizni-i-deyatelnosti-g-n-kupriyanova

[5] Письма П. М. Поляну от 23 ноября 2017 и от 16 апреля 2018 г.

Что же, примиряться с единственным сохраняющим непротиворечивость объяснением: воспоминания вместе с тюремным делом были уничтожены? Это могло произойти в 1995 г. в случае, если они оставались приобщенными к тюремному, а не к следственному делу Меньшагина. Умри Меньшагин в тюрьме — дело бы «хранилось вечно». Но после освобождения заключенного и по истечении времени, равного его «сроку» (для Меньшагина это 25 лет), такие дела формально подлежали уничтожению[1].

Но в случае уничтожения дел или вещдоков должны были сохраняться акты об их уничтожении, каковые, судя по ответу из ЦА ФСБ, не установлены. Что только усиливает подозрение и надежду на то, что воспоминания целы. Ведь такого рода «нарушений» инструкции было уже немало.

Случай же и «калибр» Меньшагина, безусловно, таковы, что более вероятной казалась передача воспоминаний в Москву с приобщением к следственному делу, хранящемуся в ЦА ФСБ России и тоже, увы, недоступному...[2]

Впрочем, есть еще два места, в которых мемуары Меньшагина гипотетически могли бы осесть: это фонд Тюремного отдела МВД в ГА РФ и сам по себе Центральный архив МВД.

Эго-документы: то, чем располагаем (мемуары)

Лишившись воспоминаний, Меньшагин болезненно переживал этот удар. И, кажется, уже не слишком горел — спустя 15–20 лет после событий — кидаться их восстанавливать. Но московские друзья — Левитская и особенно Аничкова — всё же уговорили его это сделать. Об этом же, через них, хлопотал и Солженицын, чья просьба, возможно, и сломила остатки внутреннего «сопротивления» Меньшагина.

Вот как написала об этом Левитская: «По настоянию Наталии Мильевны, Борис Георгиевич начал писать свои воспоминания, повторяя то, что он уже однажды писал во Владимирской тюрьме и что было конфисковано при его освобождении»[3].

Писать мемуары в интернате было не то что неуютно — практически невозможно: там он ограничивался только конспектированием прочитанного (а читал он много, очень много). Поэтому, а равно и по соображениям

---

[1] Более точное название: «Дело заключенного».

[2] См.: *Полян П.* «По Смоленской дороге леса, леса, леса...»: судьба Бориса Меньшагина и его воспоминаний // Новая газета. 2017. 4 октября. С. 16–17. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/10/04/74064-po-smolenskoy-doroge-lesa-lesa-lesa.

[3] *Левитская*, 2005. С. 121–122.

конспирации, работа над воспоминаниями пришлась на лето 1972 г.: запасшись школьными тетрадками, Меньшагин исписывал их — на даче или в Москве — своим по-тюремному убористым, но всё же довольно разборчивым почерком.

Сами тетрадки оставались и хранились у Н. Г. Левитской. Но слишком близка она была к Солженицыну, чтобы две ее комнатки в коммуналке на Большой Пироговской могли считаться для хранения местом надежным и безопасным.

В заметке о Б. Г. Меньшагине, помещенной в самодельный[1] сборник памяти Н. М. Аничковой, Н. Г. Левитская писала, что «записанное составляло 7 тонких ученических тетрадей». Но после ареста и высылки Солженицына (12–13 февраля 1974 г.), с которым ЭнЭн'ы были тесно связаны, держать что бы то ни было у себя стало не риском, а безрассудством. Поэтому всё политически значимое и исторически ценное, что хранилось на Пироговке, было отдано на хранение десяткам надежных людей, но надежных в разной степени: «В результате, когда настало время собирать написанное, оказалось, что из 7 тетрадей вернулось только 5. Отсутствуют тетради 2 и 3»[2].

Но и без утраченных двух тетрадок это, безусловно, главнейший из уцелевших текстов Меньшагина, если только забыть о самом первом — о конфискованном.

В другой заметке о Меньшагине, уже в собственном сборнике, Левитская писала: «Написанные у нас воспоминания Б. Г. много лет перепрятывались, какая-то часть их оказалась утерянной. Сохранившееся я с помощью А. Грибанова переправила за рубеж Г. Суперфину, у которого в Бремене оно, вероятно, и хранится по сю пору»[3].

Тут, впрочем, небольшая путаница. Через В. Н. Костина и А. Б. Грибанова в руки Суперфина попало интервью 1981 г., т. е. четвертый и последний текст Меньшагина, увидевший свет первым. Второй же его текст, — но не оригинальные тетради, а экземпляр авторизованной машинописи (плюс, видимо, кадры микропленки с фрагментом о Катыни) — попал в руки Г. Суперфину только в начале 1990-х гг., причем конкретные обстоятельства передачи он и сам уже затрудняется вспомнить.

По ходу работы над меньшагинской книгой выяснилось, что текст этот — воспоминания об оккупации и о 25-летней отсидке — лежит как

---

1 Наборщиком, оформителем и переплетчиком, как и в случае с воспоминаниями самой Н. Г. Левитской, был Г. А. Вомпе (см. о нем ниже).

2 *Левитская Н. Г.* Борис Георгиевич Меньшагин // Тут не одно воспоминанье. Сборник памяти Натальи Мильевны Аничковой. М., 2003. С. 231.

3 *Левитская, 2005.* С. 122.

минимум в шести местах. Удивительно, что ни одно из них за столько лет так и не «выстрелило»![1]

Что же это за шесть хранилищ?

Четыре — географически в Москве: это архивы Дома Русского зарубежья имени А. И. Солженицына (ДРЗ) и «Международного Мемориала» (АММ), а также собрания Г. А. Вомпе и С. И. Григорьянца. И еще два — в Бремене: архив Центра восточноевропейских исследований при Бременском университете[2] и собрании Г. Суперфина[3].

В ДРЗ это фонд 1 («Всероссийская мемуарная библиотека») — собрание мемуарных рукописей. Рукописи Меньшагина присвоен шифр «Р.109», ее название — «О пережитом, 1941–1943». Собственно говоря, это не рукопись, а машинопись, точнее, три разных машинописи: присвоим им индексы «ДРЗ-1», «ДРЗ-2» и «ДРЗ-3».

«ДРЗ-1» это, по-видимому, исходная машинопись. Она напечатана с обеих сторон листа, с пагинацией 1–35. В трех местах машинопись скреплена скрепками, снабжена потетрадной разметкой и пометой «Р-311»[4].

«ДРЗ-2». «Меньшагин Б.Г. Воспоминания о пережитом. 1941–1943 гг. (Написано в начале 70-х гг. в Москве и на подмосковной даче)». Это чистовая (первый экземпляр), односторонняя машинопись, с пагинацией 1–49, с потетрадной разметкой и пометой: «Получено от Н. Г. Левитской. / Москва, Б. Пироговская, 37/43-Б-60 т. 248 11 16. 7.10.1994». Дата фиксирует момент передачи машинописи А.И. Солженицыну, в свою очередь, передавшему летом 1995 г. всю эту коллекцию рукописей только что открывшейся «Библиотеке Русского зарубежья» — ядру будущего ДРЗ, ныне носящего имя Солженицына.

Что касается «ДРЗ-3», то это ксерокопия «ДРЗ-2». Ценность ее в том, что на обороте листа 48 перечисляются те самые 7 тетрадей оригинала рукописи Меньшагина с указанием их соотнесенности с «ДРЗ-2»[5].

---

1 Если не считать небольшой цитаты с упоминанием Шалвы Сослани, опубликованной в «Живом журнале» И. Петрова: http://labas.livejournal.com/1155165.html

2 Фонд Н. Г. Левитской (F.30.148). Об архиве в целом см.: (Hrsg.). *Eichwede W.* Das Archiv der Forschungstelle Osteuropa. Bestände in Überblick: UdSSR/Russland, Polen, Tschechoslowakei, Ungarn und DDR. Stuttgart: Ibidemverlag, 2009. 178 S.

3 К последнему восходит и электронная копия, полученная К. М. Александровым от Г. Суперфина и обозначенная им в его докторской диссертации (вероятно, по недоразумению) как элемент своего личного архива (*Александров К. М.* Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг.: Дис. ... д-ра геог. наук. СПб.: СПбИИ РАН, 2015. С. 343 (URL: https://phdru.com/mydocs/disalexandrov.pdf).

4 Возможно, первоначальная сигнатура рукописи в коллекции, собиравшейся А. И. Солженицыным.

5 Встречающиеся в тексте воспоминаний границы между «тетрадями» в настоящем издании обозначены в сносках.

№ тетрадей	Страницы «ДРЗ-2»
Т. 1	1–12
Т 2	Отсутствует
Т. 3	13, отсутствует
Т. 4	14
Т. 5	19, 20
Т. 6	29
Т. 7	38
End	48

Кроме того, в ДРЗ имеется четвертый извод меньшагинского текста — ее компьютерный набор, изготовленный Г. А. Вомпе в начале 2010-х гг., — с оригинальных тетрадей, хранившихся тогда у Н. Г. Левитской[1] (назовем его «ДРЗ-4»). Это общая коленкоровая[2] тетрадь размера А5, текст в ней с пагинацией 1–106. На обложке — бумажная наклейка: «март 2014».

Содержание же «ДРЗ-4» таково. Сначала (л. 2–6) — написанное Г. А. Вомпе «Необходимое пояснение», затем (л. 7–103) — текст Меньшагина, а завершают всё (л. 104–106) — написанное Вомпе же «Дополнение» и «Распределение текста по тетрадям», комбинирующее в случае первой тетради исходные тетради с тематическими блоками: «Вступление» (л. 7–10), «Первый месяц войны» (л. 11–20), «Первые дни оккупации» (л. 21–33[3]), «Тетрадь № 3. Последние месяцы» (л. 34), «Тетрадь № 4, с. 9 (1942)» (л. 35–44), «Тетрадь № 4, с. 9 (1943)» (л. 44–46), «Тетрадь № 5» (л. 46–63), «Тетрадь № 6» (л. 83), «Тетрадь № 7» (л. 83–103), «Дополнение» (л. 104–106) и «Распределение текста по тетрадям» (л. 106). Отличия собственно меньшагинской части «ДРЗ-4» от «ДРЗ-2» самые что ни на есть микроскопические — главным образом, в разбиении на абзацы, снятие вопросительных знаков возле некоторых слов (например, «сад Бло́нье») и в единичных словах[4]. Сравнивая ДРЗ-2 и ДРЗ-4, можно было уже предположить, что ДРЗ-4 является попыткой подготовить эти записки к печати.

Вторым московским архивом, где хранятся тексты Меньшагина, является АММ. Более того, о «мемориальской меньшагиане» была

---

[1] Передавал их ему, по его словам, В. Костин.

[2] Не фабричная, а, по всей видимости, специально сшитая, очевидно самим Г. А. Вомпе, — с использованием коленкоровой обложки от стандартных тетрадей.

[3] При этом на л. 31–33 — полумемуар-полукомментарий самого Вомпе, знакомившегося с воспоминаниями Меньшагина до утраты их части и до перепечатывания того, что после утраты сохранилось. Тетрадь 2-я, согласно Вомпе, была посвящена подробностям эпизода с Соловьевой переправой.

[4] Так, в первой же фразе в «ДРЗ-2» — «воспоминания о пережитом», а в «ДРЗ-4» — «переживания о пережитом».

опубликована специальная статья в сборнике, посвященном 65-летию Г. Суперфина, — первая научная статья о наследии Меньшагина[1].

Процитируем ее: «В фонде, где отложились материалы исторического сборника “Память” (1976–1982), портфель которого был передан в архив “Мемориала” составителями, находится текст Меньшагина “Воспоминания о пережитом. 1941–1943”. Это машинопись на 52 листах без рукописных правок. На титульном листе обозначено: “Написано в начале 1970-х в Москве и на подмосковной даче”. Очевидно, что сохранившийся документ — только фрагмент воспоминаний Меньшагина, поскольку на л. 2 в левом верхнем углу имеется надпись: “Тетрадь №4, с. 9”. Машинописный текст включает в себя часть 4-й тетради, а также тетради №№ 5, 6 и 7»[2].

Имеется в виду чистовая машинопись в фонде 104 (Архив сборника «Память»). В сущности, это полный аналог «ДРЗ-2». Нахождение этой рукописи в портфеле «Памяти» — явный признак того, что готовилась или хотя бы предполагалась соответствующая публикация. Помехами чему были или могли быть как разгром самого сборника в 1981 г.[3], так и пожелание Меньшагина не публиковать его воспоминания ранее его смерти.

А. А. Макаров выявил в АММ еще один источник воспоминаний Меньшагина, не отраженный в его статье. А именно — в коллекции документов уже знакомого нам по ДРЗ Г. А. Вомпе (Ф. 175. Оп. 32). Это один к одному ксерокопия ДРЗ-3 машинописи воспоминаний Меньшагина с пометами о границах между «тетрадями», набранной, по всей видимости, с тетрадей, хранившихся у Левитской.

Сам Георгий (Юрий) Александрович Вомпе[4] охотно рассказал о том, как именно соприкоснулся с текстами Меньшагина. Однажды, в начале

---

[1] *Макаров, 2009.*

[2] *Макаров, 2009.* И далее: «Судя по характеру текста, воспоминания набирались машинисткой с рукописи, (например, в тексте есть такие фразы: “на границе Ка<нрзб> и Дорогобужского районов”; если текст набирал бы сам Меньшагин, он наверняка бы вспомнил или разобрал бы название района)».

[3] По предположению С. Дедюлина, воспоминания Меньшагина могли предназначаться для 5-го выпуска «Памяти», готовившегося в 1981 г., работа над которым была приостановлена ввиду разгрома реакции (в марте 1981 г. арестовали А. Марченко, в августе — А. Рогинского), после чего «Память» перешла к А. Добкину и Ф. Перченку, приготовившим и переславшим в Париж свод материалов, который В. Аллой называл «6-м томом», а С. Дедюлин — «поленницей дров вместо ансамбля текстов» (устное сообщение). Впоследствии эти материалы разошлись по томам альманаха «Минувшее». Однако, по сообщению Г. Суперфина, материалов Меньшагина в портфеле пятого выпуска «Памяти» не было.

[4] Родился в 1939 г., учился на физфаке МГУ (1956–1961), защитился в 1973 г. по теме в области газодинамики. Работал на физфаке МГУ, затем во ВНИИМонтажспецстрое. В начале 1960-х гг. сблизился с ЭнЭн’ами и другими бывшими

2010-х гг., Н. Г. Левитская, с которой он был очень хорошо знаком (именно он переплетал домашние по сути издания и ее воспоминаний, и сборника памяти Н. М. Аничковой), рассказала ему о воспоминаниях Меньшагина и разрешила сделать с них новую машинописную (теперь уже компьютерную) копию. Сами эти подлинные тетрадки с воспоминаниями он получал от В. Костина, ему же по завершении работы он эти тетрадки и вернул[1].

Работал он медленно, и дата «март 2014 год» в ДРЗ-4 фиксирует, скорее всего, время завершения этой работы. Набирая текст прямо с оригинала — с тетрадок, Г. А. Вомпе отмечал в наборе номера и границы этих тетрадок. Своими вступительными заметками и дополнениями, а также разметкой текста по тетрадям Г. А. Вомпе (по существу первым) делал принципиально важный шаг — заготовку к некоему будущему изданию Б. Г. Меньшагина.

И, наконец, шестое местонахождение воспоминаний Б. Г. Меньшагина в Москве — это собрание Сергея Ивановича Григорьянца, или, что то же самое, архив журнала «Гласность», главным редактором которого он был. Воспоминания эти лежали в папке с материалами Н. П. Лисовской, одного из редакторов журнала и одновременно одного из аудиоинтервьюеров самого Меньшагина (о чем ниже) и автора рецензии на книгу 1988 г., при написании которой она это интервью цитировала[2]. Папку эту пока не удалось отыскать, так что возможность ознакомиться с этим экземпляром пока не представилась.

Что касается двух бременских источников текста Меньшагина, то они идентичны друг другу, будучи распечатками с одной и той же микропленки-негатива авторизованной машинописи. В начале 1990-х гг., т. е. спустя несколько лет после выхода книги 1988 г., Г. Суперфин, работавший тогда в отделе «Архив Самиздата» на «Радио Свобода» в Мюнхене, получил ее из Москвы и сделал с нее отпечаток, который впоследствии включил в фонд Н. Г. Левитской в Архиве Института восточноевропейской истории при Бременском университете (FSO). Это копия, текстуально

лагерниками (см.: *Вомпе Г. А.* Дополнения // Тут не одно воспоминанье. Сборник памяти Натальи Мильевны Аничковой. М., 2003. С. 232–240). Несколько раз слушал на Б. Пироговской рассказы Б. Г. Меньшагина и П. Г. Григоренко, оставившие по себе сильные впечатления. «С тех пор (а нынче особенно) удивляюсь общим понятиям о войне с немцами (несмотря даже на Солонина). Все любят ленточки, но не понимают той войны» (из электронного письма П. М. Поляну от 9 сентября 2017 г.).

[1] Ср.: «Очень подружился Б. Г. с нашими самыми молодыми друзьями Ирой и Валей Костиными. Именно у Валентина Николаевича Костина хранится теперь основная часть его архива — знаменитые тетради с выписками» (*Левитская, 2005*. С. 121).

[2] См.: *Лисовская, 1988,* а также: *Меньшагин, 2019б.*

идентичная с ДРЗ-2, но с несколько запутанной пагинацией. На титульном листе — помета Суперфина, адресованная А. Грибанову: «Сашка, сделай себе копию и верни мне это! Если хочешь, позже пошлю подготовку именника, кот[орую] я делал. Плюс есть другие подготовит[ельные] мат[ериа]лы. Твой Гарик!»[1]

У самого Г. Суперфина, естественно, хранилась другая копия. С ней-то, — а точнее со сделанным с нее набором, — мы, т.е. Николай Поболь и я, в конце 1990-х гг. и начали понемногу работать. Из-за множества других дел работа всё время откладывалась, но всё же не стояла на месте: был набран и вычитан текст, началось систематическое комментирование.

Эго-документы: то, чем располагаем (интервью и письма)

Третий и четвертый меньшагинские «мемуары» — устные, надиктованные на магнитофон. Более ранний из них, точнее его расшифровка, легла в основу парижской книги 1988 г.

Но прежде, чем быть изданной, книге нужно было пройти через цепочку последовательных и довольно типичных этапов. А именно: инициацию интервью и организацию записи, собственно аудиозапись, ее расшифровку, считку и подготовку текста интервью, а далее — погружение текста в исторический контекст, т. е. его комментирование и иллюстрирование. Эти этапы могли быть отделены друг от друга длительными разрывами во времени и при этом совершаться разными — подчас даже незнакомыми друг с другом — людьми в разных местах и даже странах.

Сама запись датируется летом 1977 г., вероятно, августом (Б. Г. М. был в этом году в Москве дважды — в июне и августе, по нескольку недель). Инициатором была, разумеется, Н. Г. Левитская, но вся техническая сторона лежала на ее молодом друге — Валентине Николаевиче Костине. Записывали у Елены, его сестры, присутствовала еще его жена Ира.

Костин был высококвалифицированным инженером-акустиком. Заботясь о компактности хранения ленты, он осуществил так называемую «монозапись» сразу на 4 дорожки, благодаря чему всё, конечно, уместилось на одной кассете, зато последующее воспроизведение и расшифровка оказались делом довольно-таки мучительным[2].

Четвертым по счету эго-документом Б. Г. Меньшагина стало его записанное на пленку интервью, начинающийся словами «Я с 1928 года работал

[1] Das Archiv der Forschungsstelle Osteuropa. Bt.01–30.148 (Левитская Н. Г.) Б. Г. Меньшагин. Воспоминания о пережитом 1941–1943. (нач. 1970-х, Москва и Подмосковье). Все персоналии выделены голубым фломастером: явная заготовка для именного указателя.

[2] Подтверждения чему см. в наст. изд., с. 225–227.

адвокатом...» и четко датируемое 10 июля 1978 г. Интервьюером была Нина Петровна Лисовская (1917–2007)[1], биолог и сотрудница подпольного диссидентского журнала «Гласность». По свидетельству А. Ю. Даниэля, запись велась на ее квартире, где-то в «академических домах» на ул. Дмитрия Ульянова. Вполне возможно, что с технической стороны запись осуществлял Эрнст (Эрик) Титович Руденко. Он был технически высококомпетентным человеком и, по сообщению Н. Г. Левитской, однажды возил Меньшагина на запись в какой-то дом, где было два магнитофона[2].

Интервью было напечатано на машинке, после чего Меньшагин прочел и авторизовал его. В АММ, напомним, оно наличествует в двух идентичных и авторизованных версиях: в фонде Н. П. Лисовской (Ф. 147. Оп. 1. Д. 19) и в коллекции Самиздата А. Е. Гурвича (Ф. 175. Оп. 22).

В обоих случаях мы имеем дело с правлеными (и тем самым авторизованными) идентичными машинописями (каждая по 68 л.), но в папке из фонда Лисовской имеются еще и дополнительные материалы, в частности, однолистный текст под названием «Из старого» (автограф Меньшагина) и школьной тетрадкой с материалами к биографии Б. Г. Меньшагина, записанными рукой Л. И. Богораз.

Вот данное А. А. Макаровым описание этих источников:

> Экземпляр Лисовской можно разделить на три части. Первая часть насчитывает 68 листов, на первом из которых стоит дата: 10.06.1978. Вторая часть — лист, на котором синей ручкой, тем же почерком, что и основная часть правок в первой части, описана история Виктора Кожуховского (в книге эта история изложена на стр. 132). Этот же текст напечатан на печатной машинке. Третья часть — 57 листов с отдельной пагинацией. Это еще один вариант интервью, который также не соответствует варианту, опубликованному в книге. В третьей части правок гораздо меньше, чем в первой, и все они принадлежат Лисовской. Первая и третья части комплекса документов напечатаны на разных печатных машинках.
>
> Расшифровки интервью вложены в тетрадку, где почерком Лисовской написана подробная биография Меньшагина, составленная уже на основе изданных мемуаров (на полях ссылки на страницы, книга находится в составе фонда Лисовской) и выписаны фрагменты из комментариев к ним. Сначала Лисовская хотела написать рецензию на книгу Меньшагина, но потом эта рецензия превратилась в биографический очерк. Лисовская пишет, что использовала в очерке магнитофонную запись рассказа Меньшагина, которая не вошла в книгу[3].

---

[1] Причисление к числу интервьюеров еще и А. Даниэля (*Макаров, 2009*) им самим не подтверждается.

[2] И не исключено, что именно к Н. П. Лисовской.

[3] Очерк под названием: «Адвокат — бургомистр — узник» был опубликован в 1988 г. в № 27 неофициального журнала «Гласность».

> Экземпляр Гурвича также состоит из трех частей. В первой части (68 листов) много рукописной правки, сделанной синей ручкой. Во второй части (1 лист), как и в экземпляре Лисовской, рассказана история Кожуховского. Третья часть экземпляра также содержит 57 листов. Правок в третьей части мало, они выполнены черной ручкой и носят, в основном, орфографический характер. Первая и третья части напечатаны на разных печатных машинках. Сравнение экземпляра из фонда Лисовской с экземпляром Гурвича показывает, что они из одних закладок. Доказательство этому — одинаковое разделение комплекса материалов на три части, одинаковые дефекты печатных машинок (например, в первых частях — буква «и» выпадает из строки). Правки идентичны между собой, а в третьих частях идентичен и почерк (рука Лисовской). Вероятно, Гурвич получил экземпляры закладок напрямую от Лисовской. Мы не знаем точно, была ли знакома Лисовская с Гурвичем, но это вполне возможно: оба биологи, оба участвовали в петиционной кампании вокруг «процесса четырех»[1].

Далее А. А. Макаров сравнивает этот монолог с книгой 1988 г. и, ошибочно полагая, что это связанные тексты, делает тем не менее правильный вывод о том, «что экземпляры описанных машинописных закладок не передавались на Запад и не были использованы при подготовке издания 1988 г.»[2].

К описанию этого источника добавим, что машинопись 1978 г. содержит и вопросы интервьюера, что отличает ее от «монолитного» и монологичного текста более раннего интервью, легшего в основу книги 1988 г.

Частью литературного наследия Б. Г. Меньшагина является и его эпистолярия. Выявлены два больших массива его писем 1971–1984 гг., адресованных В. И. Лашковой[3] и Г. Г. Суперфину. Оба корпуса хранились у адресатов и оба находятся в Бремене: письма к Лашковой — в FSO, а письма к Суперфину — частично в FSO (два: от 20 июня 1976 и 18 августа 1977 г.) и в его домашнем архиве (все остальные). Еще несколько писем — Н. Г. Левитской — отыскались в ее домашнем архиве.

Не приходится сомневаться в том, что Меньшагин переписывался и с другими знакомыми (например, с Корсунскими, Гинзбургами, Костиным, с архиепископом Пименом, с Ю. Цесевичем и Г. Дьяконовым, с Д. Гусяк и другими «западэнками»), но отыскать или получить эти письма нам не удалось.

Как уже отмечалось в преамбуле «Об этой книге», эпистолярией можно признать и письма Меньшагина из Владимирской тюрьмы «наверх»,

---

1 *Макаров, 2009.*
2 *Макаров, 2009.*
3 *Меньшагин, 2018.*

точнее, жалобы в различные судьбоносные инстанции — партийные, правительственные, судебные, в прокуратуру и в КГБ[1]. Являясь старейшими из эго-документов Меньшагина, они до некоторой степени несут на себе печать той атмосферы, в которой создавались и утраченные мемуары.

Материалы к биографии: то, чем располагаем, и то, чем не располагаем

Траектория судьбы Бориса Меньшагина порождала, разумеется, не одни только эго-документы — воспоминания, интервью или письма. Те или иные материалы к его биографии встречаются в самых различных архивах России и, реже, зарубежья[2].

Так, в РГВА, например, обнаружились, с одной стороны, следы его службы в рядах РККА, а с другой — материалы смоленских оккупационных властей. В РГАСПИ — донесение о находке «меньшагинского блокнота» и разного рода сведения об оккупационном режиме в Смоленске[3]. В ГА РФ — самые ценные документы: два персональных надзорных производства, материалы ЧГК по Смоленской области и по Катыни, а также по подготовке СССР к Нюрнбергскому процессу. Определенная перспектива остается и у фондов пенитенциарных учреждений 1950-х — 1970-х гг.

Многое отложилось в архивах самого Смоленска, прежде всего в ГАСО с его обширным фондом Смоленского городского управления, включающем около 350 дел за период оккупации[4]. Ценнейший источник — справка из следственного дела на арестованного Б.Г. Меньшагина от 21 октября 1945 г., хранящаяся в ГАНИСО[5]. В ведомственном архиве

---

[1] См.: *Меньшагин, 2019а.*

[2] О более широких исторических источниках, связанных не непосредственно с Меньшагиным, а с его кругом, мы здесь не говорим. Отметим только, что ситуация с послевоенными судьбами представителей этого круга буквально революционизировалась после открытия интернет-доступа к базам данных МСР.

[3] См. также: *Комаров Д.Е.* К вопросу о масштабах коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. На материалах Смоленской области // Вестник архивиста. 2018. №3. С. 856–866.

[4] См.: Государственный архив Смоленской области и его филиал в г. Вязьма: Путеводитель / Сост. Е.Г. Бородавкина, Г.Н. Мозгунова, И.Г. Хорева. Смоленск, 2011. URL: http://gaso.admin-smolensk.ru/ob-uchrezhdenii/nauchno-spravochnyj-apparat/; См. также: *Емельянова Н.Г.* Обзор фондов учреждений, созданных немецко-фашистскими захватчиками в период оккупации Смоленской области 1941–1943 гг. [Справка]. Смоленск: ГАСО, 1999; *Солодовникова С.Л.* Документы оккупационных властей Смоленщины (июль 1941 г. — сентябрь 1943 г.) // Отечественные архивы. 2011. №1. С. 59–64. О личном фонде Л.В. Котова еще будет сказано в историографическом контексте.

[5] См. Документ №11.

Смоленского госуниверситета обнаружились личные дела нескольких высокопоставленных сотрудников управы из числа профессоров довоенного СГПИ.

Среди архивов общественных организаций отметим ММА, где в 2019 г. был открыт личный фонд Б. Г. Меньшагина (Ф. 214), начало которому было положено мной — передачей стопки конспектов его тюремного и интернатского чтения.

А вот ведомственные архивы ФСБ не оправдали связанных с ними надежд (за исключением Омского, выславшего скан приговора Особого совещания по делу Меньшагина). Но самое главное — само следственное дело Меньшагина, — этот потенциально важнейший источник информации о нем, — хранится в ЦА ФСБ и тщательно, даже со рвением оберегается от глаз историков, к разговору о чем мы еще вернемся.

Историография 1980-х гг.: выход Меньшагина в свет

...Но и упокоившись на кировском кладбище, Меньшагин не выпал из силового поля историко-идеологических битв.

Поговорим о резонансе, вызываемом его именем, личностью, поведением, а с некоторых пор и его свидетельствами.

В советских публикациях имя Меньшагина фигурирует начиная с 1944 г. При этом наблюдается два потока, в сущности автономных и поначалу никак не пересекавшихся, — официозный (долгое время единственный) и диссидентский.

Первый этап (1944–1960-е гг.) условно можно назвать «нюрнбергским» (по главному событию в нем). Его кульминационные моменты — лжесвидетельства Базилевского в Смоленске в январе 1944 г. и в Нюрнберге в июле 1946 г., попавшие в официальную печать, — заявление ЧГК (1944) и протоколы Нюрнбергского процесса (1965)[1]. При этом ничего не подозревающий Меньшагин, — точнее, якобы произнесенные им слова и его «блокнот» — фигурируют здесь едва ли не как главные «вещдоки немецкости» убийства поляков.

1970-е и 1980-е гг. в историографическом плане — явно за диссидентами.

Первыми публичными — и последними прижизненными — упоминаниями о Меньшагине стали два крошечных сообщения в самиздатской «Хронике текущих событий» за 1970 г., о которых уже говорилось. Да еще письмо редактору «Нового журнала», подписанное криптонимом «П. R.»[2],

---

[1] Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сб. материалов: В 3 т. / Под общ. ред. Р. А. Руденко. М.: Юридическая литература, 1965.

[2] См. Документ № 16.

за которым скрывался Г. Г. Суперфин, нелегально (по представлениям того времени) переправивший через Г. Барана это письмо в журнал как отклик на публикацию статьи В. Позднякова «Новое о Катыни» в «Новом журнале» (1971. Кн. 104). Сведения В. Позднякова о Меньшагине и Базилевском приводились автором по воспоминаниям Г. К. Умнова и содержали ряд неточностей: Умнов, в частности, обвинял Базилевского в том, что он был агентом НКВД, каковым, по мнению и сведениям Меньшагина, тот не являлся. Обратите внимание на личное благородство: Меньшагин вступился за Базилевского — человека, не только предавшего его, но и пустившего его имя полоскаться в мутной Катынской фальшивке!

Сам Меньшагин публичности, — в его положении как бы априори антисоветской, — при жизни избегал. Всё, что им было написано или наговорено на магнитофон, он просил не публиковать до его смерти, что и было исполнено.

Вскоре после смерти Меньшагина возник вопрос о расшифровке и публикации этой записи. Техническая сторона была поручена Александру Борисовичу Грибанову, оставившему об этом обстоятельные воспоминания.

Позволим себе пространную цитату из них:

> Год спустя после его смерти[1] у меня был разговор с Надеждой Григорьевной Левитской, у которой останавливался Меньшагин, когда попадал в Москву. Тогда-то и возникла идея — сделать книгу его воспоминаний. Как я понял, тема эта возникала в беседах между Левитской и Меньшагиным. Он вроде бы соглашался надиктовать текст на магнитофон, но при условии, что публиковать воспоминания будут только после его, Меньшагина, смерти. Я был готов к такой работе. Через какое-то время от Надежды Григорьевны пришел ко мне молодой человек[2] и принес три[3] стандартных магнитофонных кассеты. Теперь всё зависело от меня.
>
> События по порядку развивались так. У кого-то я нашел и одолжил маленький кассетник, вставил меньшагинскую кассету и попробовал ее включить. Вместо нормальной речи я услышал поток абсолютно нерасчленяемых звуков. Я попробовал все три кассеты, и все три звучали одинаково: ничего нельзя было понять. Мученье мое продолжалось не меньше месяца, я готов был уже признать свое поражение. Надо было возвращать кассеты, просить извинения за беспокойство.
>
> Положение усугублялось еще и тем, что к моей технической безграмотности добавилась естественная осторожность: я никому не мог объяснить, что я, собственно, «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Обратная связь с тем молодым человеком, который принес мне кассеты, была нарушена, и его я уже не мог спросить, как же были записаны кассеты.

---

[1] То есть в 1985 г.

[2] В. Н. Костин.

[3] Аберрация памяти: кассет было две.

Какая-то добрая душа посоветовала мне попробовать магнитофон со стереофоническим звучанием. Поиски довольно быстро увенчались успехом. Мой близкий приятель одолжил мне портативный магнитофон с двумя источниками звука. Начались новые эксперименты. Как-то раз я случайно сдвинул рычажок, отключив одну из звуковых колонок полностью. Каково же было мое изумление, когда из магнитофона полилась вполне членораздельная речь. Я нажал кнопку «стоп», передвинул рычажок в противоположном направлении и снова включил магнитофон. Я услышал снова членораздельную речь, но совершенно не связанную с тем, что я слышал прежде.

Я попробовал таким же способом слушать остальные кассеты. Всё можно было разобрать. Секрет, как я понял, раскрывался просто. Тот, кто записывал воспоминания Меньшагина, либо из экономии, либо по каким-то иным соображениям, записывал сначала через одну колонку верхнюю часть пленки, а затем через другую колонку записывал звук на нижнюю часть той же самой пленки.

Во всяком случае, так я тогда понимал существо дела. Теперь можно было заняться собственно дешифровкой речи и переложением ее на бумагу. Кроме того, оставалось определить последовательность фрагментов, записанных таким необычным способом. Но эти задачи не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило прежде.

Материал же, записанный на пленках, оказался совершенно исключительным. Я внутренне всё время изумлялся: Меньшагину было около семидесяти, когда он диктовал свой текст, но память его сохраняла не только основные события его жизни, а даже кучу всяких мелочей: даты, имена и отчества встреченных им людей, детали судебных дел тридцатых годов и многое, многое другое. Встречи, конфликты, судебные процессы, портреты сокамерников (люди из окружения Берии, которые сидели во Владимирской тюрьме и общались с Меньшагиным). На этом фоне собственно информация о Катыни была подана Меньшагиным очень коротко и очень сухо. В сущности, это было аккуратное изложение того, что он сам показал на следствии. Правда, следствие было совершенно безразлично к его сообщению[1].

Итак, в извлечении из кассет аудиоверсии воспоминаний Меньшагина в конце концов был достигнут успех. Следующий этап — машинописный. Продолжим цитату:

Машинописная копия меньшагинских воспоминаний была готова уже в начале 1986 г. Оставалось сделать две вещи: кое-что откомментировать и найти способ переправить меньшагинские кассеты и текст. Из первоначального наброска комментария впоследствии осталось только одно сообщение. Меня заинтересовал эпизод 1963 г., когда офицеры КГБ в очередной раз пытались обработать заключенного и сделать из него «наседку». Меньшагину предложили работать в камере, где

---

[1] *Грибанов, 2008.*

> сидел подследственный по делу о преступлениях военных лет. Меньшагин отказался. В этих «переговорах» промелькнуло название города — «Минск». На всякий случай я пошел в газетный зал и установил, о каком процессе шла речь и какова была фамилия того упрямого заключенного, к которому хотели подсадить Меньшагина.
>
> Оставалась последняя задача — переправить через границу кассеты и машинописную копию. К счастью, нашлись люди, готовые на подобный риск, и последовательно (сначала кассеты, потом бумажная копия) все материалы без потерь попали к Габриэлю Суперфину и Наталье Горбаневской. Они проверили и скорректировали адекватность магнитофонной записи и дешифровки. У них была возможность использовать куда более совершенную аппаратуру.
>
> Суперфин подготовил глубокий комментарий ко всему тексту. Кроме того, к основному тексту были добавлены дополнения по истории Катыни и по той роли, которую Катынская история сыграла в судьбе Бориса Георгиевича Меньшагина. Его приговорили к двадцати пяти годам тюремного заключения. Он отбыл их от звонка до звонка, первые шесть лет — на Лубянке, остальную часть срока — во Владимирской тюрьме[1].

В памяти Г. Суперфина порядок получения материалов обратный: сначала пришла распечатка, а потом кассеты, с помощью которых кое-что в тексте удалось уточнить[2].

И вот — в 1988 г., спустя четыре года после меньшагинской смерти, — в Париже, в легендарном издательстве YMCA-Press, вышла 247-страничная книга Б. Г. Меньшагина: «Воспоминания: Смоленск... Катынь... Владимирская тюрьма...».

У книги три титульных редактора-составителя: Александр Грибанов[3], Наталья Горбаневская и Габриэль Суперфин. Первый расшифровывал запись и делал первичный список, вторая осуществляла новую сверку, а третий, Суперфин, составлял, редактировал и, в одиночку, комментировал книгу и снабжал ее многочисленными приложениями[4].

Бóльшая часть текста посвящена довоенной деятельности Меньшагина как адвоката (а ему в этом качестве иногда удавалось почти немыслимое — отмена или смягчение приговоров жертвам Большого Террора). Интересные страницы — о Владимирской тюрьме и своих краткосрочных сокамерниках-чекистах — Мамулове и Штейнберге

---

1 *Грибанов, 2008.*

2 Обращает на себя внимание, что речь идет о двух кассетах, тогда как на этапе их расшифровки А. Грибановым кассет было три.

3 Грибанов эмигрировал в США в феврале/марте 1987 г. В октябре 1988 г. Суперфин был в Бостоне и возвратил Грибанову кассеты.

4 Она была достойным образцом высоких комментаторских традиций, сложившихся в советской и западной филологии и истории в эпоху чрезвычайно затрудненного доступа к архивным источникам и базам данных.

(но — молчок о Судоплатове!). И в самом конце — буквально пара страниц о посещении немецких эксгумационных работ в Катыни 18 апреля 1943 г. Но именно этой паре страниц рецензентами уделялось максимальное внимание.

В рецензии в «Континенте» Меньшагина впервые сравнили с «Железной маской», а его воспоминания расценили как дополнительное свидетельство против ложных показаний Базилевского о Катыни. Сам по себе фрагмент о ней «занимает небольшое место, однако работа комментатора расширила его значение, сделав одним из центральных в книге. Вообще об этой книге следовало бы говорить как о труде двух авторов: рассказчика, чьи воспоминания “были записаны на пленку, сохранившую неторопливый глуховатый звук старческого голоса” (из предисловия), и комментатора — Габриэля Суперфина. <...> Г. Суперфин, работая в лучших традициях академического комментирования, не только приводит данные о каждом лице и событии, встречающемся в тексте, но и расширяет поле зрения читателя, включая в него весь связанный с эпизодами воспоминаний исторический фон. Благодаря этому книга в целом становится и захватывающим чтением, и незаменимым справочным пособием для всякого, кто всерьез интересуется советской историей»[1].

В своей рецензии Н.П. Лисовская щедро цитировала взятое ею у Меньшагина и никогда не публиковавшееся аудиоинтервью 1978 г.[2]

В 1991 г. в издательстве «Новости» — огромным тиражом в 75 тыс. экземпляров — вышла книга «Катынский лабиринт» Владимира Абаринова, въедливого спецкора «Литературки». Она посвящена Катынскому узлу в целом — от первичной его фактологии (расстрел 1940 и раскопки 1943 г., судьбы официальных свидетелей и т.п.) до высочайшей его токсичности и сакральности в СССР (истории «конверта № 1», передаваемого от вождя к вождю наравне с ядерным чемоданчиком!). Самому Меньшагину Абаринов отвел отдельную главу в разделе «Свидетели», целиком построенную на материалах парижской книги (впрочем, упоминаются в ней — впервые — и неопубликованные «Воспоминания»).

Похоже, что Меньшагин, о том не подозревая, залетел и в художественную беллетристику и даже в кино. Его громкое и победное дело об агрономах вплоть до мелких деталей совпадает с образом адвоката Седова, спасшего от расстрела четырех приговоренных к нему подзащитных, в повести Ильи Зверева (Изольда Юдовича Замдберга; 1926–1966) «Защитник Седов», написанной в 1963 и экранизированной в 1988 г.

---

1 О.К. [Автор не установлен] // Континент. 1988. №58. С. 416–417.

2 *Лисовская, 1988*. Его полный текст см.: *Меньшагин, 2019б.*

Историография 1990-х гг.: Котов, Мухин и другие

Убедившись, с радостью и, кажется, не без удивления, в том, что ни позднесоветская гласность, ни постсоветская толерантность нисколько не покушаются на свободу и их слова, со своими мыслями и аргументами для скорейшего и сокрушительного ответа собрались те, для кого меньшагинская книга 1988 г. стала большой и неприятной неожиданностью.

Книга явно задела, разозлила, раззадорила официозных советских историографов и критиков (точнее сказать: обличителей) Меньшагина, заставила их открыть рот. При этом воспринимали они ее даже не в Катынском, а в сугубо смоленском контексте — как попытку реабилитации и апологетику экс-бургомистра, преподносящую его, — в их глазах жалкого и подлого предателя! — порядочным человеком и чуть ли не подвижником, против своей воли оказавшимся в шкуре смоленского бургомистра и активно использовавшим свое положение во благо вверенного ему населения. Особенно раздражала следующая фраза в предисловии: «Меньшагин в высшей степени соответствовал своему назначению: он был адвокатом, защитником. И первый естественный импульс в любых условиях и обстоятельствах для него заключался в том, что надо защищать людей. Он старался выполнить эту задачу в период массовых репрессий тридцатых годов, он принял на себя эту миссию, когда пришли немцы»[1].

В 1990 году в Смоленске стартовала целая кампания по разоблачению этого образа и выведению Меньшагина на чистую воду. Главным калибром выступил Л. В. Котов — смоленский краевед, архивист (бывший сотрудник областного партархива), историк (КПСС, марксизма-ленинизма и партизанского движения на Смоленщине) и преподаватель (кафедры марксизма-ленинизма в Смоленском институте физкультуры)[2]. А к тому же еще и очевидец: мальчиком он и сам пережил оккупацию в «меньшагинском» Смоленске.

Свою сверхзадачу — дискредитировать Меньшагина — он сформулировал сам: «И как бы ни лакировали биографию Меньшагина, ничего не выйдет: в народе справедливо говорят, "что черного кобеля не отмоешь добела"»[3]. В серии статей, публиковавшихся в ежемесячнике «Край Смоленский», Котов посвятил Меньшагину целых три текста — по одному в 1990, 1991 и 1994 гг. Отличительные их особенности и специфичны, и типичны: неуверенное владение материалом (так, Шталекера он,

---

[1] *Меньшагин, 1988.* С. 10.
[2] См. о нем и в статье М. Дэвида-Фокса.
[3] *Котов, 1990.* С. 48.

калькируя, постоянно называет Сталецкером) и полное отсутствие ссылок на источники[1].

Любопытный эпизод. Работая над «Катынским лабиринтом», с Котовым пообщался и Абаринов. Он пишет: «Леонид Васильевич Котов настроен к Меньшагину непримиримо. По его словам, смоленские старожилы отлично помнят его деятельность в качестве бургомистра, потому и отказано ему было в прописке облисполкомом, куда он обращался в 1970 году сразу по освобождении. Котов утверждает также, что в областном госархиве имеются документы, доказывающие непосредственное участие Меньшагина в уничтожении еврейского гетто. Эти бумаги заинтриговали меня чрезвычайно, и попросил я Леонида Васильевича показать мне хотя бы выписки. Вышла, однако, заминка: кроме статей в оккупационной прессе ничего не обнаружилось. Да и не вяжется как-то одно с другим: вряд ли человек, замешанный в кровавых преступлениях, пожелает поселиться там, где еще живут свидетели его злодеяний»[2].

Котов же на книгу Абаринова и на благодарность себе в ней огрызнулся: «Пользуясь случаем, замечу. В. Абаринов в предисловии выразил мне "искреннюю признательность" за помощь. Однако помощь моя была минимальной, если вообще ее можно назвать таковой, поскольку она была инспирирована самим автором. Поэтому "искреннюю благодарность" я рассматриваю как иронию автора, не более. Мне приписываются

---

[1] Собственно, Котов был не один такой. На стыке 1980-х и 1990-х гг. в исторической периодике (особенно в «Военно-историческом журнале») появилось немало публикаций с аналогичными признаками. Вот сделанный Н.С. Лебедевой анализ публикации «Справки о результатах предварительного расследования по так называемому "катынскому делу"»: «В извлечениях и с грубыми искажениями ее текст опубликован в: Военно-исторический журнал. 1990. №11. С. 27–34; 1991. №4. С. 79–89. Авторы опустили в целом ряде мест, не оговорив это и часто не поставив даже отточие, почти треть документа, включая заключительную часть справки и подписи под ней В.Н. Меркулова и С.Н. Круглова. Кроме того, в публикации допущены многочисленные искажения текста — его редактирование, замена одних слов другими, обширные вставки из других документов со своими комментариями и другие грубейшие нарушения правил издания документов. Предисловие к публикации с провокационным названием "Бабий яр под Катынью?" свидетельствует о незнании его авторами элементарных фактов по истории Катынского преступления. В нем, в частности, говорилось: "В период с 3 по 14 апреля 1940 г. большинство польских военнослужащих, содержавшихся в Осташковском (!) лагере, несколькими партиями были отправлены в Смоленск" (№11. С. 27)» (*Лебедева, 2008*). Имеется в виду серия публикаций в «Военно-исторический журнале» под общим заглавием «Бабий Яр под Катынью?» (1990. №11. С. 27–34, публ. А.С. Сухинина; 1990. №12. С. 30–41, публ. А.С. Прокопенко и А.С. Сухинина, со ссылками на: ЦГА СССР (совр. РГВА). Ф. 1363. Оп. 2. Д. 4. Л. 27–29; ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 114. Д. 38. Л. 1; Д. 6. Л. 1–23; и 1991. №4. С. 79–89: публ. А.С. Сахнова, со ссылкой на: ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 114. Д. 6. Л. 24–53).

[2] *Абаринов, 1991*. С. 123.

деяния, которые я не совершал. В архиве действительно есть документы, подтверждающие причастность Меньшагина к судьбе смоленского гетто. Но я не обещал автору показать свои выписки из них, а лишь посоветовал лично обратиться в архив и изучить эти документы. Именно так поступают настоящие историки, если их "чрезвычайно интересуют" источники. Использование чужих выписок — прием недозволенный»[1].

В этом заочном споре прав, безусловно, Абаринов. Как архивист Котов значение шифров, или сигнатур, не мог не понимать. Их упорное утаивание или заметает следы, или покрывает ложь. Оно может означать и непрофессионализм публикатора, но в данном случае — это намеренная недобросовестность и склонность к манипуляции: то ли, зная шифры, он просто цитирует предвзято и некорректно (а как проверишь?), то ли документов этих вовсе нет, то ли он получил доступ к ним не вполне кошерным образом (чего ни подумаешь!)[2].

Разумеется, начало 1990-х гг., когда Котов публиковал эти документы, — это время шока от нежданной и непривычной открытости: читайте, работайте, публикуйте! И еще время смущенной растерянности как архивистов, так и публикаторов, когда выходом из ситуации передозировки свободы часто становились глухие ссылки типа «Коллекция документов». Многие первопубликаторы, смущенно прибегавшие к этому — разве дозволенному? — приему, со временем просто повторяли свои публикации, но уже с приведением утаенных шифров.

Л. Котов сигнатурных уточнений не обнародовал, а шифры своих источников предпочел унести в могилу. Сделанные им на этот счет пометы элементарно — и, видимо, намеренно — дезориентируют профессионального читателя. Вот первая такая помета (при публикации): «Материалы обнаружены в военном архиве среди немецких трофейных документов, захваченных в Германии». Можно было бы предположить, что подразумевается бывший Особый архив с трофейными документам (современный РГВА), однако заново обнаружить в нем эти материалы не удалось. Но и другая «наводка» Л. Котова (в беседе с В. Абариновым) — на областной смоленский архив — такая же холостая и лукавая. Попытки верификации в ГАСО до сих пор никого к успеху не привели[3].

---

[1] *Котов, 1994*. С. 55.

[2] В свете того, что не только сам Котов, но и его наследники упорно отказывают исследователям в работе с фондом Котова в ГАСО, такого рода предположения уже нельзя исключать.

[3] Есть в ГАСО и личный фонд Л.В. Котова (№ 292, с 645 единицами хранения). Но для исследователей этот фонд закрыт лично Котовым до 2030 г.: концы опущены в воду, что не может не усиливать сомнений и подозрений. В то же время, по сообщению С. Зверевой, в ГАСО имеется единица с интригующим заглавием: «Опись дел, извлеченных из разрушенного здания б. гор. управы при оккупации

По-хорошему, опираться на котовскую публикацию не следовало бы. И то, что я как составитель настоящей книги оставил ее в источниковой базе и даже воспроизвожу как Документ № 4, — не реверанс Котову, а вынужденное, со всеми названными оговорками, допущение, а главное — призыв к продолжению поиска и верификации источника.

Своеобразным камертоном к котовскому триптиху могла бы послужить фраза из первой же сноски в первой же его статье: «После освобождения из тюрьмы [Меньшагин] просил Смоленский облисполком разрешить приехать на Смоленщину для проживания в доме престарелых. В этой просьбе ему было отказано из-за опасения мести со стороны тех, кто знал о его подлых делах в годы фашистской оккупации».

Практика отказа выходящим на волю политзэкам в свободе выбора места дальнейшего пребывания действительно существовала, но если бы в его случае это было так, то Меньшагин, в своих воспоминаниях довольно подробно пишущий об этом эпизоде, первым непременно это бы и отметил. На просьбу оставить его на Владимирщине он, действительно, получил отказ, после чего был направлен в более «курортную» Мурманскую область и в специфический — единственный на страну — интернат для престарелых зэков!

Ополчившись на Меньшагина-«бургомистра», Котов решил заодно потоптаться и на довоенной его деятельности, доказывая (вот она — котовская дань перестройке!), что тот защищал не простых людей, а чекистов, — в частности начальника следственного отдела смоленского НКВД майора гб Жукова. И если сами чекисты что-то инкриминировали довоенному Меньшагину, то прямо противоположное котовским обвинениям, а именно защиту врагов народа в видах их избавления от прописанных следствием наказаний.

Настаивая на своем, Котов добавлял, что самому Меньшагину при этом никогда ничего не грозило, поскольку ему якобы покровительствовал его «брат» — профессор-юрист Владимир Дмитриевич Меньшагин (1897–1977), заведующий кафедрой уголовного права и судоустройства в Московском правовом институте (впоследствии Московском юридическом институте им. П. И. Стучки), по Котову — близкий знакомый Генпрокурора СССР А. Я. Вышинского[1]. На самом деле оба юриста Меньшагина — однофамильцы, друг с другом незнакомые.

немецкими войсками гор Смоленска. 6 12.1943 л. 2 л.» (Ф. 2573. Оп. 1. Д. 286). В нем перечислены 32 наименования находок. Сравнение этого списка с самой описью, фиксирующей наличие в ней 350 дел, выявляет и отсутствие в современном фонде некоторых из них, упомянутых в названном списке, в том числе и такой единицы: «Переписка с полевой немецкой комендатурой». Судя по названию, это и есть искомая архивная единица. Но где же, помимо ГАСО, она «осела»?

[1] *Котов*, 1994. С. 55–56.

Но такие «разоблачения» — для Котова — лишь «разминка». Особенно выразительна первая статья Л. Котова, в которой он решил ударить по экс-бургомистру «евреями». Отсылая к его приказам и цитируя Владимира Хизвера, именно Меньшагина Котов выставлял главным ответственным за трагедию Смоленского гетто. А спустя десятилетие М. Бадаев договорился до того, что назвал Меньшагина и вовсе «главным специалистом по евреям»[1].

Ответственность на нем, безусловно, была — и огромная: начальник города напрямую отвечал за жизнь гетто — трудную, труднейшую, невероятную, но жизнь. Но за «акции» по его ликвидации, т. е. за смерть его жителей отвечало SD, впрочем, привлекавшее к ним и городскую полицию, с октября 1941 г. уже не подчинявшуюся Меньшагину[2].

В 1994 г. к мишеням Котова добавился и В. Абаринов, весьма отчетливо указавший на связь дела Меньшагина и Катынского дела. Для Котова же это — «еще один панегирик Меньшагину, ставший общим достоянием. <...> Путаное и весьма сомнительное сочинение. В ней специальным разделом помещена биография Б. Г. Меньшагина, составленная по весьма сомнительным источникам»[3]. Панегириком Меньшагину для Котова стала и книга Романа Редлиха, хотя персонажа, хоть как-то напоминающего Меньшагина, в ней попросту нет[4].

А вот Николай Николаевич Илькевич, в 1990-е гг. начальник Центра общественных связей Управления ФСБ по Смоленской области[5], в травлю

---

1 *Бадаев М.* История одного предательства // РП. 1999. 15 июля. С. 2.

2 Расстрельная команда, кстати, была вполне интернациональная: был в ней даже скрытый еврей — Владимир Николаев-Фридберг (см. в наст. изд., с. 48–49).

3 *Котов, 1994.* С. 174.

4 Роман Николаевич Редлих (1911–2005), один из руководителей НТС, автор романа «Предатель» (Мельбурн: Посев, 1981). Редлих посетил Смоленск весной 1993 г. Впервые он приезжал сюда в 1943 г. из Берлина, в качестве сотрудника Министерства по делам оккупированных территорий А. Розенберга, но главным образом по делам НТС. Познакомился и с Меньшагиным, произведшим на него впечатление «умного и гуманного человека, посвятившего себя служению народу. В интервью журналисту в Смоленске на вопрос о личности Меньшагина Редлих ответил: “В Смоленске в то время бургомистром был Меньшагин. В моих воспоминаниях — исключительно хороший и талантливый человек, тот, который честно налаживал жизнь. Население-то было брошено на произвол судьбы. Ведь в глазах Сталина кто это были? Изменники и предатели! Я на эту тему написал роман “Предатель”, изданный издательством “Посев” и недавно в Санкт-Петербурге... Меньшагин был предатель потому, что он заботился об этом населении. За то, что он обеспечивал, чтобы в городе был порядок, чтобы был водопровод, чтобы функционировала электростанция, чтобы работали в городе школа и больница. Вот что делал Меньшагин и меньшагины по всей оккупированной территории...”» (цит по: *Котов, 1994.* С. 54–55).

5 Ныне писатель (см.: http://www.kvoku.org/images/kvoku/pages/ilkevich/ilkevich.htm). См. также его обзор: *Илькевич, 2013.*

Меньшагина «а ля Котов» не включался. Его заслуга — серия статей о Базилевском, а точнее единый очерк о нем, разложенный на три газетных полосы, вышедший в 1994 г. в «Смене» — смоленской молодежке. Публикуя и комментируя (в целом — в весьма положительных и незаслуженно обеляющих красках) записку свежеарестованного Базилевского «Общая картина жизни в Смоленске во время немецкой оккупации»[1], Илькевич лишь упомянул Меньшагина, ограничившись сугубо справочными констатациями.

Нейтрально представлен Меньшагин и в смоленском энциклопедическом издании 2001 г.[2] Но уже сам этот факт вызвал раздражение: «В преддверии нового, еще более полного тома осмелюсь высказать некоторые замечания и пожелания. Я не уловила, каков принцип отбора персоналий. Недоумение вызывает, например, то, что составители нашли нужным включить в книгу фамилии активных прислужников немцев, верой и правдой служивших им во время оккупации Смоленска. Речь идет о Меньшагине и редакторе фашистской газетенки Долгоненкове И это при том, что в энциклопедию не включены имена активных подпольщиков Гнездова и Красного Бора...»[3]

В том же 2001 г. тиражом 900 экземпляров вышла замечательная книга Иосифа Цынмана «Бабьи яры Смоленщины» (Смоленск: Русич, 2001) — антология его собственных текстов и текстов других авторов. Имя Меньшагина встречается в ней только при перепечатке «меньшагианы» Л. Котова.

Зато вот почти тогда же — в 2000 г. — писал о Меньшагине «дуэлевец» Юрий Мухин, не только повторяя нюренбергские сказки советской стороны, но и невольно выбалтывая при этом подлинные советские мотивы «непредъявления» Меньшагина Нюрнбергскому трибуналу:

> Меньшагин — гитлеровский прихвостень, бургомистр Смоленска во время оккупации его немцами. Он много знал о том, как немцы расстреляли польских офицеров, но на следствии после войны свидетельствовать категорически отказался — объявил, что понятия об этом не имеет. Следователи МГБ знали, что это ложь. После освобождения Смоленска, когда Меньшагин сбежал вместе с немцами, в городской управе нашли его памятную книжку за 1941 г., где остались сделанные его рукой записи о необходимости пресечь в Смоленске слухи о расстреле немцами польских офицеров. Но после ареста в 1945 г., опасаясь, что его, как и генерала Власова, повесят, Меньшагин предпочел в этом вопросе запереться.

---

[1] См. Документ № 10.

[2] *Иванов М.В.* Меньшагин Борис Георгиевич // Энциклопедия Смоленской области: В 2 т. / Отв. ред. Г.С. Меркин. Т. 1. Персоналии. Смоленск, 2001 (URL: http://websprav.admin-smolensk.ru/history/encyclop/index.htm).

[3] *Звездаева В.* Каков принцип отбора персоналий? // Смоленские новости. 2001. 14 декабря.

> Поэтому использовать его как свидетеля на Нюрнбергском процессе в 1946 г. наши не могли. Этот холуй, оказавшись под охраной американцев (конвой на суде был их), мог наговорить что угодно, чтобы не возвращаться и избежать наказания в СССР. То, что это наказание будет справедливым, Меньшагин не сомневался; он только жаловался, что ему много дали — 25 лет. По его мнению, все его признанные преступления как бургомистра Смоленска тянули всего лет на 10.
>
> С 1952 г. Катынским делом в целях антисоветской пропаганды занялась комиссия Конгресса США (им-то какое дело до события, касающегося только СССР, Польши и Германии?). В связи с этим антисоветчики за рубежом предприняли попытку получить от сидящего в тюрьме Меньшагина лживые показания. С нашей стороны это привело к тому, что Меньшагин, осужденный в 1951 г., практически все свои 25 лет провел в одиночке (чем он, кстати, был доволен). Лишь кратковременно его объединяли в камере и то только с крупными осужденными чинами МГБ (Судоплатовым, к примеру).
>
> Вышел он из тюрьмы в 1970 г. в возрасте 68 лет, его поместили в дом престарелых. И уже там диссиденты, которых ЦРУ снабжало большими деньгами (а Меньшагин деньги любил, и вы это почувствуете), сумели записать на пленку его воспоминания, которые потом были изданы за рубежом. То, что Меньшагин получил за нужные клеветникам СССР воспоминания по Катыни деньги, подтверждается их наличием у этого бездомного старца. До самой своей смерти в 1984 г. Меньшагин, начиная с мая по осень, разъезжал по всей стране, месяцами живя в Москве, Ростове, Киеве и т. д. (Дом престарелых был в Кирове)[1].

Для Мухина, разумеется, что Киров, что Кировск, что Кировобад — один черт. Примечателен феномен вживания русского фашиста образца 2008 г. в шкуру советского энкэвэдэшника образца 1945 г.

Историография 2000-х и 2010-х гг.: вхождение Меньшагина в оборот

В академической советской и постсоветской (российской) историографии упоминания Меньшагина — редкость.

Кажется, первым, кто об него не споткнулся, а откликнулся на него, стал в конце 2000-х гг. исследователь советского коллаборационализма и немецкой оккупации в СССР Б. Н. Ковалев[2]. Для него Меньшагин — фигура хотя и крупная, но всё же через запятую — как бы из плотной толпы предателей-бургомистров. Специфика же Меньшагина разве в том, что его, единственного из этой толпы, с легкой руки следователей НКВД и знакомого с их

---

[1] *Мухин Ю.* Смоленский бургомистр // Дуэль. Газета борьбы общественных идей. 2000. № 27. 4 июля. URL: http://www.duel.ru/200027/?27_5_1.

[2] *Ковалев, 2004; Ковалев, 2009; Ковалев, 2011.*

трудами Л. Котова, назначили лично ответственным за уничтожение евреев в Смоленске. Вопросы же о Катыни и об использовании имени Меньшагина в гнусной фальсификации и политической афере не возникали и у Ковалева.

Впрочем, его подход мало чем отличался от котовского и по отношению к довоенной деятельности Меньшагина. Свое отношение он вложил в выразительные кавычки: «Оставил после себя воспоминания, опубликованные на Западе, где в основном написал о своей "борьбе за правду" во время работы защитником в суде в предвоенном Смоленске»[1]. А разве Меньшагин боролся за ложь?

Зато вполне панегирическим в адрес Меньшагина характером выделялось отношение к его личности со стороны РПЦ и, в частности, Смоленской епархии. В статье В. Амельченкова читаем: «Подводя итог вышеописанного нужно сказать, что внехрамовая деятельность, а вместе с ней и открытие церквей, во многом имели место благодаря содействию начальника (бургомистра) Смоленска Бориса Георгиевича Меньшагина, стоявшего во главе Смоленской городской управы, организованной фашистами. Меньшагин был глубоко верующим человеком, сделавшим много для блага народа и Церкви на оккупированной Смоленщине. Борис Георгиевич очень часто сам принимал участие в открытии церквей, в работе приходских собраний, а на открывшихся в июле 1943 г. пастырских курсах, как уже отмечалось, был преподавателем Истории Церкви. Его нельзя ни в коем случае назвать предателем, изменником родины, перешедшим на сторону немцев. За все время своей работы в качестве начальника Смоленска Меньшагин не совершил каких-либо злодеяний по отношению к населению, но, напротив, он всеми силами действовал для благополучия своего народа»[2].

Едва ли не первой спокойной попыткой осмысления Б.Г. Меньшагина как исторической личности стали мемуары Александра Грибанова, одного из составителей парижской книги, опубликованные в 2008 г. на сайте, посвященном Катыни[3]. В 2009 г. вышла статья Алексея Макарова — первое источниковедческое исследование — по меньшагинским материалам в АММ. В 2011 г. в «Вестнике “Катынского мемориала”» вышла информативная статья А.А. Костюченкова «Бургомистр Смоленска Б.Г. Меньшагин. Отражение политических репрессий, “Катынского дела” и немецкой оккупации в судьбе советского адвоката» (2011).

Лаура Коэн в монографии «Смоленск под нацистами: повседневная жизнь в оккупированной России», вышедшей в Рочестере в 2013 г.,

---

1 *Ковалев, 2009.* С. 131.

2 *Амельченков В.* Просветительская и благотворительная деятельность духовенства Смоленской епархии в оккупационный период 1941–1943 гг. // Смоленская епархия. История. Сайт. [2004?]. URL: http://arhiv.smoleparh.ru/Istoria/View/585#flink5.

3 *Грибанов, 2008.*

первой попыталась анализировать меньшагинскую политику, ключевым вопросом которой поначалу было обеспечение населения продуктами питания, то есть выживание. Это ценная работа о повседневности оккупированного Смоленска, написанная с привлечением методов устной истории (интервью с несколькими, почему-то анонимными, респондентами). Но Меньшагин в ней — персонаж малозначительный и тенденциозный (немного в духе товарища Котова).

В конце 2010-х гг. возобновился процесс введения судьбы и наследия Б.Г. Меньшагина в научный оборот. Он начался с публикации в «Новой газете» моей статьи[1] и с завязавшейся после этого переписки с архивами ФСБ и МВД. На протяжении трех лет подряд крупные публикации меньшагинских текстов и сопроводительных статей выходили в «Новом мире»: в 2017 г. — извлечения из его воспоминаний, в 2018 — его письма из интерната для престарелых к В.И. Лашковой, а в 2019 г. — письма из тюрьмы наверх, разному начальству страны[2].

Публикация воспоминаний в 2017 г. неожиданно стала самым востребованным из материалов журнала за год[3]. Первые реакции на первую публикацию начались еще до выхода номера. Резонанс вызвал уже ее анонс, размещенный на сайте журнала 3 октября 2017 г. Уже 7 октября 2017 г. «Смоленская народная газета» опубликовала своего рода «инструкцию» для смолян, как встречать публикацию: «Журнал “Новый мир” опубликует воспоминания нацистского бургомистра Смоленска. Известный литературно-художественный журнал “Новый мир” анонсировал очень странную публикацию. Редакция журнала, который в советское время долго возглавлял смолянин и фронтовик А.Т. Твардовский, в конце года собирается опубликовать воспоминания другого смолянина и коллаборациониста, майора Вермахта Бориса Меньшагина, который во время войны сотрудничал с нацистами и был бургомистром Смоленска в 1941–1943 годах. <...> Свои воспоминания Борис Меньшагин написал в начале 70-х — надиктовал их на магнитофон. Книга Меньшагина “Воспоминания: Смоленск... Катынь... Владимирская тюрьма...” была издана после его смерти в Париже. И вот теперь “Новый мир” опубликует журнальный вариант книги коллаборациониста. Историки и исследователи критически относятся к этим воспоминаниям»[4].

---

1 «По Смоленской дороге леса, леса, леса...»: судьба Бориса Меньшагина и его воспоминаний // Новая газета. 2017. 4 октября. С. 16–17. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/10/04/74064-po-smolenskoy-doroge-lesa-lesa-lesa.

2 *Меньшагин, 2017; Меньшагин, 2018; Меньшагин, 2019а.*

3 Около 10 тысяч загрузок (сообщено редакцией).

4 Уловить из анонса, что речь идет совсем о другом тексте Меньшагина, журналист не смог, зато «уловил» отношение историков и специалистов.

А 10 ноября 2017 г. в Смоленске состоялся общественно-педагогический семинар «Исторические фальсификации и общественные меры противодействия им», на котором выступил Анатолий Вассерман, в очередной раз поддержавший советский канон взгляда на Катынь[1].

Зато когда вышел в декабре сам журнал, хор ненавистников Меньшагина отозвался лишь единожды, и то — резонируя не на текст, а на факт публикации. Это сделала «Литературная Россия»:

> Борис Меньшагин. Он был градоначальником оккупированного немцами Смоленска, после чего написал «Воспоминания о пережитом. 1941–1944». А. Василевский[2], очевидно, считает, что тема Великой Отечественной войны не может быть представлена лучше, чем текстом человека, который пошел на сотрудничество с врагом России и который был осужден за измену Родине.
>
> Вот такие авторы формируют сегодня «лицо» журнала «Новый мир»![3]

Вот такая в новое время тоска по Старой площади — по главпуровскому единомыслию в головах и по единоначалию в истории.

Между тем знакомство с наследием Меньшагина в периодике, — в том числе и стараниями пишущего эти строки, — продолжилось. В 2018–2019 гг. в том же «Новом мире» вышло еще две публикации, представившие читателю эпистолярию Меньшагина, — его письма к Вере Лашковой из числа друзей и жалобы наверх по начальственным адресам[4]. К этому следует добавить и публикацию полного текста аудиоинтервью Б. Г. Меньшагина, записанного в 1978 г.[5], с выходом которого процесс введения меньшагинского письменного и устного наследия в научный оборот как бы завершился, что добавляет оправданности тому контаминационному составительскому принципу, который принят в этой книге (см. «Об этой книге»). Не опубликованными остаются лишь те воспоминания, что были написаны в тюрьме, — разумеется, при допущении, что они сохранились!

Продолжилось и осмысление судьбы Меньшагина. В 2019 г. пишущий эти строки опубликовал статью о еврейском вопросе в оккупированном Смоленске[6], журнальную версию обзора меньшагинской ис-

---

1 См. URL: https://smoldaily.ru/anatoliy-vasserman-rasskazal-o-vozmozhnyih-falsifikatsiyah-v-katyinskom-dele.

2 Главред «Нового мира».

3 *Румянцев В.* Гениев меж нами — веришь? — нет. Уровень общественной мысли журнала «Новый мир» // Лит. Россия. 2018. № 11. 23 марта. URL: https://litrossia.ru/item/10896-geniev-mezh-nami-verish-net-uroven-obshchestvennoj-mysli-zhurnala-novyj-mir.

4 *Меньшагин, 2018; Меньшагин, 2019а.*

5 *Меньшагин, 2019б.*

6 *Полян П.* Борис Меньшагин и Смоленское гетто // Лехаим. 2019. № 6. С. 21–26. URL: https://lechaim.ru/academy/boris-menshagin-i-smolenskoe-getto/

ториографии[1], а также полемическое эссе о лукавой недоступности следственного дела Меньшагина[2]. У дискуссий о Меньшагине появился, наряду с письменным, и свои устный аспект, — передачи на «Эхе»[3] и публичные лекции[4].

Феномен Меньшагина

Возвращаясь к самому Меньшагину, задумаемся: что представлял собой этот необычный человек? Как сошлись и как пересеклись в нем тип личности и траектория судьбы?

История дважды — в Большой Террор и в Великую Отечественную войну — ставила его на передний край, или, точнее, бросала в плавильный тигль, дабы обжечь языками своего пламени и посмотреть, ка́к удался ей этот обжиг.

Меньшагин не расплавился, не погиб, и в результате мы обогатились уникальными свидетельствами: ни вторых адвокатских о терроре, ни аналогичных бургомистерских о войне так и не сыскалось.

Ни легкой, ни счастливой судьбу его не назовешь.

Вот клеймо, с которым он прожил вторую половину жизни: «Управление захваченными территориями в прифронтовой полосе гитлеровцы осуществляли самостоятельно: творили суд и расправу над населением через военно-полевые комендатуры, с помощью всякого рода “хозяйственных инспекций”, специальных “штабов” занимались эксплуатацией промышленных предприятий и сельскохозяйственных организаций, грабили и уничтожали культурные ценности... “Меньшагины” играли вспомогательную роль, помогали оккупантам творить зло, вершить преступления. Без их помощи гитлеровцы не смогли бы эффективно проводить свою оккупационную политику, тем более вести борьбу с партизанами. У них не хватило бы сил. Поэтому часть своих “оккупационных забот” они перекладывали на местные кадры — “меньшагиных”»[5].

И далее, как тяжелая гиря, еще и оглушительная оценка — в цифрах — лично его, как главного пособника, деятельности в Смоленске. За 26 месяцев оккупации, по данным ЧГК, «было уничтожено 135 тыс. чел.: из них

[1] *Полян П.* Борис Меньшагин, Катынь и войны памяти // Историческая экспертиза. 2019. Май. URL: https://istorex.ru/Polyan_P.M._Boris_Menshagin_Katin_i_voyni_pamyati.

[2] *Полян П.* Архивация приговоров // Ведомости. 2019. 18 апреля. С. 7 (на сайте: Нереабилитированные и заархивированные. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/04/19/799611-nereabilitirovannie-zaarhivirovannie).

[3] Передачи «Цена победы» на «Эхе Москвы» 30 июня 2018 и 2 февраля 2019 г.

[4] В частности, в Смоленске 17 июня 2019 г.

[5] *Котов, 1994*. С. 56–57.

35 тыс. мирного населения, военнопленных — 100 тыс. человек»[1]. В целом по области цифры ЧГК и вовсе оглушительные: убито или умерло мирных жителей — 87 тысяч, а военнопленных — 258 тысяч, угнано в Германию — около 82 тысяч[2].

И каково же воцерковленному христианину с таким грузом жить?..

До публичного возвращения своего имени на родину, введения его в элементарный научный оборот Меньшагин не дожил, — к чему, впрочем, и не стремился. Но всё же и не исключал его (зачем тогда иначе переписывать мемуары?) и как бы наперед, предвидя все нападки, защищался[3].

Минуточку: но разве с отступлением Красной армии захваченная врагом, — нет, оставленная врагу, — земля враз опустевала и жизнь для десятков миллионов ее обитателей прекращалась? Сама Советская власть, похоже, именно так и думала, раз насылала своих фанатиков-диверсантов, таких как Зоя Космодемьянская, в зимние подмосковные деревни, дабы сжигать их дотла вместе с жителями и постояльцами или, в худшем случае, оставлять людей босыми на снегу перед пепелищами. Так или иначе, но население оккупированных областей должно было жить-выживать, и коллаборационистское самоуправление как таковое было не только пособничеством или трусливым проявлением лояльности оккупантам, но и необходимым ответом на острейшую общественную потребность самих людей.

И смоленский бургомистр Борис Меньшагин — тому типичный и характерный образец. В письме к Г. Г. Суперфину от 4 января 1980 г. он набросал свой — и совершенно иной — итог прожитому:

> Одиноким себя не чувствую и вообще считаю, что жаловаться на проведенную мною жизнь было бы грешно. Я обладал хорошей памятью, получил довольно много знаний в различных областях гуманитарной науки, все члены семьи меня любили, и в армии в 1919–1927 гг. и потом на судебной работе я чувствовал себя на своем месте и успешно выполнял свою работу. Не всякий сможет поставить себе в актив спасение от смерти 11 человек с риском для себя, не считая случаев замены смертной казни без такого риска; да и возвращение нескольким тысячам людей свободы, в том числе в годы войны более 3 тыс., — всегда приносило мне

---

1 Сводный акт «Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровцев против человечности на оккупированной территории Смоленской области», составленный в январе 1945 г. по материалам расследований в освобожденных районах. Цит. по: Смоленская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1977. С. 325–329.

2 *Полян, 2002*. С. 735.

3 Ср. замечание С. Амелина о сходстве воспоминаний Меньшагина с речью защитника на гипотетическом процессе.

радость. Что же касается несчастий, то редкий человек может избежать их. Да и теперь, когда у меня не осталось родных по рождению и по браку, я встретил столько хороших, отзывчивых людей, столько заботы о себе.

Нет, я был бы неблагодарным, бессовестным, если бы жаловался на жизнь.

Бросается в глаза, что, и подытоживая, он практически не касается своего бургомистерского бремени. В посвященных же этому бремени воспоминаниях, как показали Сергей Амелин и Майкл Дэвид-Фокс, он очень о многом и очень системно умалчивает. Особенно «говоряща» эта тишина в случаях массовых ликвидаций: нет, он их припоминает, но как-то отстраненно, отодвигая себя от них на дистанцию, заведомо бóльшую, чем это было на самом деле.

Как юрист Меньшагин свою вину признавал, но оценивал ее как «тянущую» лет так на 10. Но как умный человек понимал, что судьба его оказалась в силовом поле куда более мощных факторов, нежели УК и УПК, что он — заложник Катыни, а стало быть, и репутации всей страны, зыбко покоившейся на этом лживом и гнусном мифе. Именно Катынь, а точнее советский миф о ней, спас Меньшагина от скорой смерти: «А вдруг пригодится для чего-нибудь!» Но тот же самый миф стал причиной и той исключительной степени изоляции, которой его подвергли: «А вдруг ляпнет чего!» 25 лет — максимальный срок, из них 22,5 года в одиночках, в том числе 3 года не под фамилией, а под номером.

Личные качества человека тут на вторых ролях.

Но всё же — поинтересуемся ими.

3 марта 1975 г. Меньшагин писал Вере Лашковой:

> И, пожалуй, самым счастливым днем моей жизни было 21 июня 1939 г., когда закончилось дело 8 работников животноводства Смоленской области, начавшееся 24/XI-1937 г. показательным процессом во Дворце труда на Ленинской ул. по обвинению их во вредительстве. 28/XI-1937 всем им был вынесен смертный приговор без права обжалования. <...> Во мне всё ликовало, когда член Верховного суда Канаев[1] прочитал определение кассационной комиссии.
>
> Утром 22/VI-1939 г. я отправился в тюрьму и сообщил им о предстоящем освобождении. Они плакали, обнимали меня, и я плакал вместе с ними. Воспоминания об этом деле поддерживали меня, улучшали настроение, питали чувство гордости в период горестного 25-летия. Даже сейчас эти строки вызвали слезы и дрожь рук.

Не внутренний ли это стержень Меньшагина: преодоление страха и готовность, пусть и трудно дающаяся, — идти, серьезно рискуя, до конца в деле, в справедливость которого ты веришь?

---

[1] См. примечание на с. 309 наст. изд.

Что же творилось в его душе — или с его душой, — когда жизнь поставила его перед неотвратимостью выбора: сотрудничать с немцами или нет? И что происходило с ним 29 июля 1941 г., когда он шел в немецкую комендатуру за назначением в гражданскую администрацию оккупированного врагом города?

Убедительная гипотеза Сергея Амелина: Меньшагин остался в городе сознательно.

Но и оставаясь, он же не метил загодя в бургомистры. К этому привели случайные обстоятельства, а одна из траекторий на этой развилке — обвинение в еврействе — и вовсе не сулила ему ничего хорошего.

Так что, входя в кабинет фон Швеца и стоя перед своим выбором, он вовсе не был раскрепощен склонностью или готовностью к сотрудничеству с агрессором и врагом своей страны. Дилемма огромного внутреннего напряжения, но и не меньшего внешнего давления: как далеко можно зайти в этой готовности?

О возможной немецкой реакции на отказ никто, разумеется, загодя не знал и знать не мог, хотя и понимал: церемониться не будут! Вот как это было в случае Кепова, например: «5 ноября 1941 года Кепов и ряд других специалистов по различным отраслям хозяйства, не сумевших эвакуироваться, были вызваны в комендатуру. Всем вызванным комендант Штаумпфельд заявил: “Говорить нечего. Или вы будете работать у нас или повесим за саботаж вместе с вашими семьями. Думайте двадцать минут. Это вам не Совдепия”. Отказаться никто не решился. Под влиянием фашистской пропаганды большинство работников управ стали сторонниками захватчиков»[1].

Ссылаясь на административную неопытность, оба — и Меньшагин, и Базилевский, — всё же попросили самоотвод, но без нажима и как бы для формальной очистки совести. Но вслушиваться в их совесть — даже формально — никто и не собирался: «Кру-гом! Вы-пол-нять!»[2]

Да, выбор трудный, да, навязанный, да, сделанный как бы без тебя и за тебя, но вместе с тем и осознанный, а в глубине , возможно, и желанный, раз на самоотводе никто не настоял.

Грешное семечко абстрактной внутренней готовности к сотрудничеству с благими, для самоуспокоения, намерениями проросло и вдруг стало желудем реальной коллаборации, вылившейся в перворазрядную бургомистерскую «карьеру», со всеми ее изменническими атрибутами.

Хорошо, рядовых военнопленных в ряды низовых власовцев толкал голод. А что толкало к измене присяге офицеров и генералов?

---

1 *Никифоров, 2013*. Цитата — по: *Кепов А.Г.* Курск в период оккупации 1941–1943 гг. // Курские мемуары. 2002. № 2. С. 28.

2 *Меньшагин, 2017*. С. 41–42.

И что — адвокатов, учителей, писателей и врачей, соглашавшихся на сотрудничество с врагом и на пособничество ему???

И что толкнуло конкретно Бориса Меньшагина?

Может быть, как Лидию Осипову[1], его распирала давняя ненависть к государству рабочих и крестьян? Может быть, — не будучи, правда, ни коммунистом, ни евреем, — в душе он уже давно и буквально ждал немцев, наивно купившись на их предполагаемые цивилизованность и справедливость?

Или еще более наивно: как правозаступник он сознательно присоединился к силам зла, борющимся против сил другого, но еще бóльшего зла? Ведь в нормальной демократической стране с многопартийной системой и сменяемостью власти он скорее всего голосовал бы за что-нибудь христианско-демократическое.

А может быть, еще проще, хоть и не столь наивно: заподозренный и обвиненный в сарае для интернированных в каиновой метине еврейства, он просто струсил и на этот раз уже не преодолел свой страх? А поддавшись ему, захотел подстраховаться и пристроиться к тем, кто этот страх внушает, а не испытывает?..

Думается, что всерьез на Меньшагина влияли, — да чего уж: давили! — следующие три фактора.

Первый — это даже и не фактор, а факт: он и его семья, а также его возлюбленная и их дочь уже находились в оккупированном Смоленске, и жить, хочешь или нет, предстояло под немцами[2].

Второй — взаимоотношения с советской властью вообще.

Бравируя легкой в случае чего войнушкой — «освободительным походом-прогулкой» по чужой территории, — советское государство допустило врага (врага и, да не забудем, вчерашнего союзника) на свою, да еще так далеко на свою! А допустив, еще и дезинформировало граждан, сообщая голосом Левитана ложно-оптимистические сведения о прохождении линии фронта.

Не защитив своих граждан от унизительного гнета и смертельного морока оккупации, какое право имело сталинское государство спрашивать потом за этот «грех» с гражданина, брошенного им на произвол жестокого и кровавого врага? Да еще потом, после войны, мерзко переспрашивать в анкетах: «А был ли ты, сука, на оккупированной территории или не был?.. И что ты там, падла, делал?!»

Были у Меньшагина и сугубо профессиональные «зубья» на советскую власть. Как адвокат, он сблизи наблюдал всю ее гнусную беззаконность и системную бесчеловечность.

---

[1] См.: *Будницкий, Зеленина, 2012*. С. 63–188.

[2] И то, что мысль дожидаться немцев созревала и созрела у Меньшагина не спонтанно, мало что меняет.

Всё это, да еще гонения на церковь, делало Меньшагина пассивным противником советской власти и серьезно облегчало его выбор.

Он ведь, если хотите, и при советской власти был таким же бесправным коллаборантом, вынужденным ею подчиниться себе и встроиться ее бесчеловечные и ненавистные форматы. А ведь на счету ОГПУ-НКВД на Смоленщине десятки тысяч «своих» расстрелянных, прежде всего в годы Большого террора, а еще и в Катыни[1].

Третий фактор — впечатляющая мощь и военные успехи вермахта, который, казалось, уже не остановить. А коли так, то и комендатура, и лающая эта речь — надолго, если не навсегда. И довольно глупо, находясь в чьей-то власти, дразнить ее носителей, хозяев твоей жизни, мальчишеским непослушанием.

Да и сама по себе эта власть, возможно, импонировала Меньшагину своим внешним «орднунгом», т.е. возведенной в закон систематичностью и упорядоченностью. Тоска по работающему порядку и соблюдающемся закону всегда жила в технократическом сердце адвоката Меньшагина.

И все-таки самоощущение новоиспеченного бургомистра было противоречивым и крайне сложным. Кем ощущал он себя тогда?

Отныне, априори и навсегда — предателем?

Или, — записывая в блокнот в начале августа указания СД по еврейскому вопросу, — еще и, тоже поневоле, карателем?

Или, — осознанно не ведя учет коммунистов, выручая людей из плена и даже из гетто, спасая от угона или саботажничая по-тихому как-нибудь еще, — соучастником и тайным покровителем сопротивления?

Или всем этим сразу?..

Правильней всего охарактеризовать поведение Меньшагина как рефлекс рационального и ситуативно-последовательного конформиста. Принимая бургомистерский пост и крест, он искренне надеялся стать главным «пособником» не столько оккупантов, сколько, поелику возможно, вверенного ему населения.

Отныне окоем сузился, образ бытия упростился и ограничился углами треугольника: немцы как сила, — советские как слабость — и собственная шкура и рубашка на ней, с ее известной тенденцией. Он, Меньшагин, будет делать всё возможное для того, чтобы и немцы были не злы и довольны, и смоляне сыты и целы, и чтобы самому вкусить начальственные радости, при этом не подставляясь. Если Меньшагин кому-то помогал, то строго индивидуально, всегда втихую, а лучше всего анонимно.

---

[1] *Кодин, 2011*. Но, если при советской власти, счет спасенных им жизней шел на первые десятки, то в бытность бургомистром он, считая высвобожденных из плена, спас или облегчил участь уже тысячам.

В каждом из трех углов предстояло установить и определить ту валентность и ту черту, дальше которой идти не следует. Ну например: подбросить гетто и лично Пайнсону бесплатной соли или снять с евреев повторную репарацию — немного рискованно, но еще в границах возможного, а вот напрямую вступиться за евреев или хотя бы предупредить их о грядущей ликвидации — категорически нельзя![1]

Со временем у Меньшагина развилось и окрепло и специфически начальственное самоощущение и, если хотите, личное властолюбие. Он вошел во вкус командовать людьми, стоять над ними, судить, рядить и вершить их судьбы — ох, и сладка́ же конфетка![2] Невольно, но он как бы довстраивал в немецкую систему управления привычки и замашки советской бюрократии[3].

Во всяком случае, самоотводов немцам он больше не предлагал, а если вдруг его власти и возникала какая-то конкуренция и угроза, то за власть держался и с угрозой боролся.

P. S. О пересмотре дела Меньшагина

Разумеется, нельзя было исключать того, что советская власть возьмет да вернется. Но наивно было бы верить в то, что вернется она иной — переродившейся и очеловеченной, что она выслушает его, Меньшагина, что разберется в его «валентностях», вникнет, поймет и простит.

Да Меньшагин и не верил и ко встрече такой совсем не стремился, — вопреки тому, что на следствии успешно отстаивал ту версию, что в Карлсбаде он якобы заявился в СМЕРШ добровольно и с повинной. Добровольно — да, но точно не с повинной, а от невыносимой горечи и отчаянья от разлуки с дорогими и близкими, схваченными, как он полагал, Советами, и от стремления разыскать их — или хотя бы искать! — где бы то ни было в СССР.

Впрочем, советская власть врала Меньшагину куда больше и, не обинуясь, постоянно нарушала в его случае любые свои законы. Знакомство с надзорным производством свидетельствует о политической подоплеке и о многочисленных нарушениях как во время следствия на Лубянке, так и во время отбывания Меньшагиным 25 лет тюремного заключения во Владимире.

Задача политической реабилитации Меньшагина как таковая не стояла и не стоит: свою вину — предательство родины в условиях войны — он

---

1 В то, что Меньшагин не был проинформирован хотя бы за день, поверить непросто.

2 Не потому ли так легко согласился Меньшагин возглавить общественность и в инвалидном доме, что ощущал за собой соответствующие навык и вкус?

3 Последнее наблюдение принадлежит Г. Г. Суперфину и зафиксировано в его электронном письме Н.Л. Поболю от 23 марта 2011 г.: «Но нравы советской жизни, карикатурно отраженные в оккупацию, система управления — всё-всё это ну прямо учебник».

никогда не оспаривал[1]. Но его осуждение совершилось с таким количеством юридических и процессуальных нарушений, что остро нуждается в частичном, но восстанавливающем справедливость пересмотре.

В частности, явно — по всем признакам — он подлежал амнистии от 17 сентября 1955 г. Пункт 3-й статьи 7-й соответствующего указа гласил: «В соответствии с действующим законодательством рассматривать как смягчающее вину обстоятельство явку с повинной находящихся за границей советских граждан, совершивших в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. тяжкие преступления против Советского государства. Установить, что в этих случаях наказание, назначенное судом, не должно превышать пяти лет ссылки». Иными словами, явись Меньшагин со своей липовой повинной 18 сентября 1955 или позже, — схлопотал бы максимум 5 лет ссылки и вышел бы на свободу уже в 1960 г.!

Само же по себе обстоятельство нереабилитированности юридически ничтожно и помехой в чем бы то ни было быть не должно, — несмотря на то что практика отказывать исследователям именно на этом основании в Российской Федерации, увы, действительно установилась и даже устоялась[2]. Вот как выглядит типовой — слово в слово — в таких случаях отказ: «В соответствии с п. 5 Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел, утвержденного приказом Минкультуры, МВД и ФСБ России от 25 июля 2006 г. № 375/584/352, на обращения граждан по доступу к материалам уголовных и административных дел с отрицательными заключениями о реабилитации проходящих по ним лиц архивами выдаются справки о результатах пересмотра»[3].

Аргументация лукавая и недобросовестная. И дело не в том, что тройственный формат с Министерством культуры бюрократически устарел: архивное российское ведомство уже давно не Архивное агентство в составе Минкультуры, а Архивная служба при Президенте РФ. Лукавство в другом: юридическим основанием для отказа заявителю в чем бы то ни было может быть федеральный закон и только федеральный закон, но никак не подзаконный акт (приказ, распоряжение, инструкция и т.д.).

---

1 Хотя и случаи реабилитации коллаборантов всё же случались, даже если забыть о «реабилитированном» Базилевском. Другой такой случай — И.И. Соловьев, приговоренный к 10 годам ИТЛ и реабилитированный (скорее всего, посмертно) в 1993 г.

2 Особенно это типично для случаев нереабилитированных сотрудников НКВД.

3 23 ноября 2017 г. — применительно к запросу о деле Меньшагина — за подписью зам. директора ЦА ФСБ Н.А. Иванова получил его и я.

Лукавство и в том, что вопрос о полной политической реабилитации Меньшагина никто и никогда не поднимал: ставился вопрос о пересмотре его дела и принадлежности его случая амнистии по Указу 1955 г.

Указанное же «Положение о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации» внутренне противоречиво, содержит многочисленные казусы и ляпсусы, а главное — не основывается на законе. Переворачивая и искажая нормы доступа, привнося в деятельность архивов право на субъективность и произвол и лишая исследователей доступа к давно уже «перезревшим» и «перележавшим» архивным материалам, оно подменяет собой закон.

Пункт 5 этого Положения никак не запрещает доступ исследователя к делу. Его первый абзац прямо гласит (выделено мной. — *П.П.*): «Настоящее Положение **не регулирует вопросы доступа** к материалам уголовных и административных дел в отношении лиц, которым отказано в реабилитации, или к делам, которые еще не пересмотрены в установленном законодательством Российской Федерации порядке».

Большинство дел нереабилитированных лиц процессуально проходило не через суды, а через военные трибуналы или особые совещания при НКВД/МГБ и т.д. (так называемые ОСО). Меньшагина, в частности, оформляли именно через ОСО. Но сами ОСО давно признаны неконституционными органами, так что принятые ими решения уже по этой причине априори незаконны, а отстаиванье правомочия принятых ими приговоров — не только юридический анахронизм, но и юридический нонсенс.

Вместе с тем в действующем законодательстве РФ нормы, регламентирующей отказ в выдаче архивных материалов по признаку реабилитированности или нереабилитированности физических лиц, не существует. Прекрасной иллюстрацией чему служит и то, что фундаментальный трехтомник о генерале А. А. Власове[1], личности в коллаборационистском контексте куда более одиозной, чем Меньшагин, — и, разумеется, не реабилитированной, — прекрасно опирается на следственное дело Власова и другие материалы из ЦА ФСБ. Никакого ограничительного грифа на трехтомнике не стоит, так что сделанное для Власова «исключение» на самом деле, де-юре, является не номенклатурной привилегией и тем паче не нарушением законодательства, а законным правилом[2].

---

[1] Генерал Власов: история предательства: В 2 т. и 3 кн. / Под ред. А.Н. Артизова, В.С. Христофорова. М.: РОССПЭН, 2015.

[2] Решающим, конечно, было участие в проекте А.Н. Артизова и В.С. Христофорова — на 2015 г. двух первых лиц в архивном деле, соответственно, государства и ФСБ.

Истинное назначение тройственного приказа и вводимого им «Положения» совершенно в другом: преобразовать законные несекретность и доступность де-юре в незаконные секретность и недоступность де-факто, защитить недобросовестное и внезаконное следствие от исследовательского внимания и создать искусственный и не предусмотренный законом барьер между историками-исследователями и ведомственными архивистами, давая вторым в руки инструментарий (своего рода «оружие») по «защите» от первых.

Но, во-первых, инструментарий этот нелегитимен, коль скоро не опирается на закон. А, во-вторых, для лиц с выморочной информационной судьбой (т. е. тех, кто сам умер, а род их пресекся) возникает недопустимая дискриминация в плане реализации их права на пересмотр дела и постановку вопроса о реабилитации или частичном возвращении доброго имени. В-третьих, в контексте исторической науки и в свете недостаточной изученности таких аспектов эмпирики Второй мировой войны, как оккупационные режимы и коллаборационизм, воздвигать перед их исследователями какие бы то ни было искусственные преграды весьма неразумно. И, в-четвертых, даже в специфическом контексте исторической политики РФ и с учетом тех многих десятилетий, что отделяют нас от событий Второй мировой войны, настояние на закрытом доступе к делам коллаборационистов, как и дробление коллективных дел на индивидуальные кейсы, воспринимается как когнитивный диссонанс на государственном уровне.

Впрочем, одного противопоставления подзаконного акта закону, практического верховенства первого над вторым достаточно для того, чтобы просить Министерство юстиции РФ пересмотреть и отозвать датированную 15 сентября 2006 г. регистрацию тройственного приказа Минкультуры, МВД и ФСБ России от 25 июля 2006 г. №375/584/352, после чего еще раз обратиться в ВС РФ с просьбой об отмене приказа и положения как избыточных и неправовых, нарушающих законодательство РФ об архивном деле.

Между тем приказ и «Положение» уже были предметом и юридической полемики[1], и даже судебного разбирательства, причем ВС РФ вставал на сторону ответчиков — соавторов межведомственного приказа[2]. И в свете этих реалий, вероятно, целесообразнее в качестве цели хлопот постулировать не отмену приказа и «Положения», а их обнуление и полную замену на основе радикальной переработки группой экспертов, созданных под эгидой Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ.

---

[1] См. URL: http://old.memo.ru/d/2284.html; http://index.org.ru/journal/30/13-ramazashvili.html; https://theins.ru/history/3813 .

[2] См. URL: http://supcourt.ru/stor_pdf.php?id=422414.

В очередной раз напомним: есть тут не только историческая, но и актуальная составляющая. Политическая ангажированность, предвзятость и неадекватность судебного преследования Б. Г. Меньшагина, составляющая главный предмет его переписки с инстанциями, в юридическом плане до сих пор не преодолена. Как человек, совершивший очевидное и общепризнанное предательство, он не подлежит реабилитации, но посмертный пересмотр его уголовного (следственного) дела и переквалификация приговора на статьи, подпадающие под действие амнистии от 17 сентября 1955 г., были бы данью и справедливости, и презумпции правового начала в политике памяти.

Процесс переквалификации автоматически облегчил бы введение в научный оборот и самого следственного дела Меньшагина, в настоящее время искусственно утаиваемого от историков с помощью заведомо ложной интерпретации соответствующими архивами подзаконных актов.

Настаиванье же, — спустя столько лет — на закрытом доступе к делам коллаборационистов и предателей не только незаконно, но и как-то нелепо, даже глупо.

Это как если бы Израиль положил в сейфы и держал под замком материалы следствия и суда, например, над Эйхманом.

POSTSCRIPTUM. ВСПОМИНАЯ МЕНЬШАГИНА

(Надежда Левитская, Наталья Лин, Валентин Костин, Ирина Дороднова, Вера Лашкова, Габриэль Суперфин)

Надежда ЛЕВИТСКАЯ

В 1971 г. из диссидентской нелегальной «Хроники текущих событий» узнали о Борисе Георгиевиче Меньшагине, освободившемся из Владимирской тюрьмы после 25 лет заключения, из которых 22 с половиной он провел в одиночке. Милика написала ему в инвалидный дом в Княжой Губе на Белом море, куда его отправили, так как родных у него не осталось. Летом 1972 г. он первый раз приехал к нам, и мы вместе провели его в специально снятой даче под Новым Иерусалимом у Трувеллеров, с которыми нас познакомили Ефремовы. Первое лето с нами жила еще Милика (Милица Константиновна Савич) с мамой (Марией Васильевной).

Следующие два лета мы жили уже одни с Борисом Георгиевичем. Блаженное это было житье, хоть и приходилось каждый день ездить на работу. С хозяевами — Никой Александровной и Алексеем Борисовичем — мы очень подружились. Участок в полгектара утопал в цветах. На маленьком пруду цвели белые лилии. В круглой «беседке» из елей и лиственниц в жаркое лето 1972 г. мы с Миликой спали на раскладушках.

Все последующие годы до самой своей смерти в 1984 г. Борис Георгиевич приезжал к нам в Москву каждое лето. Первые годы, особенно в самом начале, он смотрел на мир и на нас пустыми отрешенными глазами. Позже оттаял, отошел, и сам объяснял, почему ему трудно, невозможно было смотреть в глаза собеседника: ведь 25 лет его собеседниками были нелюди.

Борис Георгиевич подружился со всеми нашими друзьями, через них завел новые знакомства. Он отличался феноменальной памятью на даты, имена, события. Изголодавшись по людям, по собеседникам, он мог безостановочно говорить, рассказывая эпизоды из своей жизни, своей адвокатской практики. У него был определенный репертуар, гвоздем которого было дело о вредительстве ветеринаров и зоотехников, которое он выиграл, не побоявшись, преодолев страх, поехать на прием к Вышинскому.

О Катыни рассказывал скупо, одними и теми же словами и просил ничего не записывать. Он был уверен, что именно Катынь была причиной его 25-летнего одиночного заключения. Он сидел на Лубянке, когда шел Нюрнбергский процесс, где советские юристы заявили, что смоленский бургомистр Меньшагин пропал без вести, и вместо него представили суду

его заместителя профессора Базилевского, который давал нужные советской стороне показания, якобы со слов Меньшагина.

От нас Б. Г. каждый год ездил в Волочиск на Украину к Т. М. Зарицкой и Д. Гусяк, которых знал еще по Владимирской тюрьме, где они одно время разносили пищу. Бывал он и в Ростове-на-Дону у С. Н. Григорян, а через пару лет через художника Цесевича его нашел архиепископ Саратовский и Волгоградский Пимен, который юношей после смерти родителей приходил к Б. Г. за советом, когда он был бургомистром Смоленска. Владыка каждый год приглашал Б. Г. к себе, всячески стараясь облегчить ему жизнь, развлечь его.

Однако главным «развлечением», страстью, болезнью Бориса Георгиевича было чтение. Газеты, журналы, книги он проглатывал, извлекая из них всю возможную и междустрочную информацию, запоминая ее навсегда, а наиболее для себя интересное записывая в толстые тетради, целую стопу которых, частично вынесенных еще из тюрьмы, всегда возил с собой и безошибочно ориентировался в них, находя нужную для справки запись. Очень подружился Б. Г. с нашими самыми молодыми друзьями Ирой и Валей Костиными. Именно у Валентина Николаевича Костина хранится теперь основная часть его архива — знаменитые тетради с выписками.

По настоянию Наталии Мильевны Борис Георгиевич начал писать свои воспоминания, повторяя то, что он уже однажды писал во Владимирской тюрьме и что было конфисковано при его освобождении. Может быть, рукопись сохранилась в архивах тюрьмы, а вернее — была уничтожена. Написанные у нас воспоминания Б. Г. много лет перепрятывались, какая-то часть их оказалась утерянной. Сохранившееся я с помощью А. Грибанова переправила за рубеж Г. Суперфину, у которого в Бремене оно, вероятно, и хранится по сю пору. В 1988 г. ИМКА-Пресс в Париже выпустила книгу воспоминаний Б. Г., подготовленную на основе магнитофонной записи его устных рассказов тем же Суперфином совместно с А. Грибановым и Н. Горбаневской.

В поисках своей пропавшей семьи Борис Георгиевич нашел бежавшее вместе с ним из Смоленска семейство Григория Ивановича Дьяконова и еще одного сослуживца, фамилии которого я точно не помню (Георгий Хоменко?). Все они оказались в США. К моменту освобождения Б. Г. жена его уже умерла, дочь вышла замуж за украинского националиста, который категорически запретил ей поддерживать какую-либо связь с Советским Союзом, пусть даже с отцом. А вот Дьяконов, которого Б. Г. в прямом смысле слова спас от смерти, конкретнее от расстрела, а потом и немецкого лагеря, до самой смерти Б. Г. помогал ему, найдя для этого необычный способ. Один из его сыновей Геннадий был скульптором. Он познакомился с советским художником А. П. Цесевичем и посылал ему дорогие альбомы произведений различных художников. В счет этих посылок Цесевич

ежемесячно выплачивал небольшую, но строго установленную сумму Борису Георгиевичу, что позволяло ему покупать себе дополнительно к казенному пайку сахар и другие продукты, оплачивать почтовые расходы и даже выписывать интересующие его периодические издания. Деньги на поездки и одежду обеспечивали наши сборы в течение всего года. Регулярно каждый месяц давала деньги Т. Д. Карпова и многие другие.

Когда у меня поселилась Наташа, она, естественно, познакомилась с Б. Г. и полюбила его как «дедушку», которого ее лишила советская действительность.

Борис Георгиевич скончался 24 апреля 1984 г. Я ездила на похороны в Кировск на Кольском полуострове, куда перевели их инвалидный дом из Княжой Губы. Это были жуткие по убожеству похороны. Он лежал в некрашеном гробу без пелены, без покрова. Утопающее в снегу кладбище. В самом дальнем его конце бульдозером вырытый с осени и сейчас очищенный от снега неглубокий ров. Гроб опускали в могилу женщины — сотрудницы инвалидного дома и юноша-инвалид. Забрасывали могилу мы все вместе привезенным специальной машиной песком. На следующий год мы с Валей Костиным опять поехали в Кировск, чтобы поставить крест, который нам дал А. Б. Трувеллер, и привести в порядок могилу. Спасибо Вале. На этом бесхозном кладбище я одна ничего не смогла бы сделать. Он с мальчиком-инвалидом бетонировал крест, а я носила дёрн, чтобы обложить могилу, отделить ее от ряда других захоронений. Он несколько раз сфотографировал могилу и путь к ней.

2005

Наталья ЛИН

Борис Георгиевич Меньшагин летом на несколько месяцев уезжал из дома престарелых на Севере и посещал своих друзей в Москве, на Украине, в Саратове. В Москве он жил у моей тети — Надежды Григорьевны Левитской. Я в начале 1980-х гг. училась в Московском авиационном институте. Б. Г. приезжал, когда становилось тепло: в мае–июне (так мне запомнилось).

Натальи Мильевны Аничковой, с которой Н. Г. жила после освобождения из лагеря как с мамой, уже не было (она умерла в 1975 г.). Мы размещались так: Б. Г. — в проходной комнате, я на раскладушке вместе с Н. Г. в отдельной комнате. Это была замечательная квартира на «Спортивной», жизнь в которой была отягощена соседями в двух других комнатах и крошечной коммунальной кухней.

Б. Г. вставал очень рано, часов в 6. Вставал, брился станком тщательно, как на работу, одевался и садился за стол читать газеты и журналы или слушать радио. Потом все новости нам пересказывал и комментировал

(например, сколько раз Брежнев поцеловался с главой другой страны и что означало такое приветствие).

Б. Г. был очень аккуратен в переписке с друзьями: отвечал на письмо и сразу совершал поход на почту к Новодевичьему монастырю. О вере своей, кажется, никогда не говорил; в храм ходил. Есть несколько его фото за пасхальным столом.

Такая бытовая мелочь: удивился, что я кашу заедаю хлебом. «Каша — тот же хлеб».

Я и до сих пор с того момента кашу ем без хлеба.

Еще один эпизод. В июне отключают горячую воду, мыться негде. Н. Г. уехала в отпуск. Мы едем со «Спортивной» на «Щелковскую» в квартиру Милицы Константиновны Савич (преподаватель английского языка в физтехе), которая, видимо, уехав с Н. Г., оставила мне ключи от квартиры. Итак, едем мыться. Б. Г. с «узелком», без палочки, я его сопровождаю.

Доехав до «Щелковской», я соображаю, что ключ от Милицыной квартиры забыла дома. Ужас! Предлагаю Б. Г. подождать меня. Но он отказывается, и мы опять час едем домой. А ему ведь было за 80 лет! Он меня не ругал, а только молча досадовал.

Однажды Б. Г., я и мои друзья-студенты стояли в очереди в Бородинскую панораму. Б. Г. нам рассказывал, чтобы не терять время, родословную княжения и царствования на Руси. Так стоящие рядом люди внимательно, с большим интересом слушали его, так как он рассказывал, называя точные даты правления и подробно описывал взаимодействие исторических персонажей. Этот эпизод говорит о его замечательной памяти и желании делиться своими знаниями с молодежью. (Кстати, к моим ровесникам и ко мне он обращался на «Вы»).

Мой дедушка Василий (по маме) погиб на войне, Григорий (по папе) — в заключении. Я их не видела, только слышала о них. Так вот Б. Г. мне заменил дедушку, которого я люблю и уважаю.

2019

Валентин КОСТИН, Ирина ДОРОДНОВА

...Где-нибудь на остановке конечной
Скажем спасибо и этой судьбе,
Но из грехов нашей Родины вечной
Не сотворить бы кумиров себе.

Б. Окуджава

Меньшагин Борис Георгиевич... в чем заключался его феномен?

Он был человеком, постигшим высший смысл своего существования, и жизнь его была неоспоримым подвигом.

Редчайший случай спасения восьми человек от расстрела и даже их освобождения и оправдания — на полностью законном основании! Как это могло случиться в то время? Только благодаря сплаву веры, профессионализма, правды и личного мужества!

Если бы таких личностей было больше, то эксперимент с парадигмой «человек человеку — друг, товарищ и брат» мог бы закончиться иначе. Ведь не просто так почти два века назад, устав от парадигмы «эгоизма и жадности», люди провозгласили ей неизбежный конец. Но он все еще не наступил — по причине отсутствия иррационального, скрепляющего всё стержня, на котором и базировался опыт побед и жизни Меньшагина. Невероятный по тем временам опыт победы Веры и Правды!

Огромная удача выпала на нашу долю — знакомство с этим высокодуховным, образованнейшим человеком, обладавшим к тому же феноменальной памятью.

А по поводу домыслов о якобы неправедном его поведении во времена оккупации — если бы хоть что-то было, то КГБ и СМЕРШ, досконально изучавшие этот вопрос с первого мгновения освобождения Смоленска, вели бы себя совершенно иначе. Те, кто распространяет подобные домыслы, недалеки от тех, кто отправлял на смерть тех восьмерых.

К сожалению, наше участие в жизни Бориса Георгиевича было не столь значительным, каким могло бы быть: встречались, беседовали, знакомили с нашими друзьями, сделали магнитофонную запись воспоминаний, переписывались, установили крест на его могиле.

Но мы любили его, и он относился к нам с искренним интересом и душевной теплотой.

2019

Вера ЛАШКОВА

О Борисе Георгиевиче я знала, что он 25 лет провел в одиночной камере во Владимирской крытой тюрьме, последние несколько лет был там библиотекарем: так о нем и узнали сидевшие тогда там политические зэки.

Как-то узналось, что Борис Георгиевич освободился из Владимирской крытки, и надо его встретить. В Москву он уже приехал и откуда-то мне позвонил. Мы договорились, что увидимся у метро «Спортивная». Мне кажется, он уже поселился у ЭнЭнов (Наталья Мильевна Аничкова и Надежда Григорьевна Левитская). Эти две зэчки жили в Москве, в конце Большой Пироговской улицы, близко уже к Новодевичьему монастырю. В коммунальной квартире у них было две комнаты, одна из которых — проходная. И эту комнату они всегда предоставляли Б. Г., когда он приезжал в Москву и пользовался их гостеприимством.

Было лето, тепло, я подошла к метро, и, хотя я никогда прежде не видела Бориса Георгиевича или его фотографии, узнала его сразу — он не был похож ни на кого: манерами, обликом, — он был другим.

Уже немолодой, не очень высокого роста, немного полноватый. Борис Георгиевич выглядел довольно старомодно, был одет в какой-то обычный, далеко не новый костюм, галстук аккуратно повязан, а головным убором была шляпа. Он не выглядел старым человеком, казался немного растерянным, но спокойным и очень дружелюбным. Немного напомнил мне папу, да они и были почти ровесниками, отец родился в последних числах ноября 1899 г.

Я предложила ему поехать ко мне домой, мы сели в троллейбус и вскоре уже были у меня, на Кропоткинской. Чем-то я его угостила, но сразу же начала расспрашивать, и он стал рассказывать обо всем, даже и без моих расспросов. Начал еще с мирной жизни, когда он жил в Смоленске, работал там адвокатом: рассказывал и о каких-то конкретных делах, в которых ему приходилось участвовать как защитнику. Я знала смолян, которым он помог, и они отзывались о нем с большим уважением. Конечно, рассказывал и о том, как жил в Смоленске во время оккупации, и как согласился стать бургомистром, и ключевое — о том, как участвовал в открытии могил в Катыни, и как убедился в том, что расстреливали не немцы.

На меня особенно большое впечатление произвел его рассказ о том, как он при отступлении с немцами потерял семью и вернулся в советскую зону, надеясь найти родных там. Но сложилось всё иначе: семью он не нашел, и был арестован. Дальше уже суд, срок и одиночка. Это он принял стойко, как должное.

Но самое драматическое в его рассказе — это Катынь.

Именно о том, как присутствовал при вскрытии могил, Борис Георгиевич рассказывал неохотно и не подробно. Сказал, что обязан был присутствовать как должностное лицо, но несомненно видел, был уверен в том, что в Катыни люди были расстреляны до наступления немцев: да тому были и доказательства — письма, найденные в карманах расстрелянных, датированные 40-м годом.

О своей жизни вообще рассказывал он очень просто, но чрезвычайно подробно и всегда точно называл дату того или иного эпизода, у него была феноменальная память. О многом мне хотелось его расспросить — и о том, как он сумел сохранить такую ясную и точную память. Вспоминая, многие фразы он начинал так: «10 июня 1948 года, в четверг» (и так далее). Меня это тогда поразило — такая точность.

Слушать его было очень интересно, время текло и незаметно прошло несколько часов. Я стала уставать, но Борис Георгиевич — нисколько и продолжал рассказывать без малейшей усталости и очень подробно.

О том, например, что во Владимирской тюрьме был лишен имени и имел только номер. Конечно, это трудно представить — как можно провести в одиночном заключении 25 лет и не потерять волю и интерес к жизни. Когда я его спросила об этом, он сказал, что всегда молился и благодарил Бога за всё. Одиночку он переносил хорошо, а вот когда к нему в камеру подсадили бывших замов Берии, как он говорил, «отпетых мерзавцев», тут он попросил тюремную администрацию избавить его от такого соседства.

Одиночество ему переносить, по его словам, было нетрудно — помогала вера. Он с детства был религиозным человеком, привык к церковной службе, знал наизусть все ее праздники и песнопения. Он помнил наизусть не только молитвы, но и многое из Нового и Ветхого Заветов. Каждый день он начинал с молитвы, прочитывал про себя всё положенное на этот день. Он говорил, что только это помогало ему не падать духом, не унывать, сохранять душевный покой, жить надеждой и не отчаиваться.

Сейчас, когда я уже многое знаю о его судьбе и жизни, я понимаю главное: что сохранила его молитва, вера в Бога. Борис Георгиевич был христианин — в полном и точном смысле этого слова. И все поступки его были именно христианскими по духу. Он не производил впечатления человека неискреннего, желающего что-либо приукрасить; видно было, что всё, что он рассказывает, — чистая правда.

...Прошло несколько часов, как Борис Георгиевич начал рассказывать о своей жизни. Я стала уставать и уже не так внимательно могла слушать и спрашивать: такой объем трагической, но достоверной информации я просто не могла вместить. Пришлось мне позвать на помощь подругу, которая согласилась приехать и продолжить слушать Б. Г., а я немного тогда отдохнула. Было понятно, что ему очень хочется рассказывать обо всем, что с ним происходило, — ведь почти четверть века он не имел возможности общаться с людьми, что он так намолчался за эти годы, что просто не мог остановиться.

Конечно, я была под огромным впечатлением и всё старалась осмыслить и представить себе, как можно в уже преклонные его годы сохранить такой ясный ум и твердую память.

Кажется, уже поздно вечером я проводила его к ЭнЭнам, на Пироговскую.

...Жить Борису Георгиевичу было определено в доме престарелых, поскольку никого из родных у него здесь уже не осталось. Он уехал в интернат, далеко на севере, где должен был — и не по своей воле — жить «всю оставшуюся жизнь».

Мы стали переписываться, он подробно описывал свое житье-бытье в интернате, писал обо всех его насельниках, о событиях, часто очень грустных, что происходили там.

Он и в доме престарелых продолжал оставаться самим собой, нисколько не унывая в своем новом — все-таки должна сказать, — заключении, на этот раз пожизненном. Он и там старался помогать, чем мог, жившим там людям — и юридическим советом, и помощью в написании грамотных и обоснованных жалоб, и отстаиванием их прав перед администрацией.

Сам же он никогда и ни на что не жаловался, со смирением принимая всё, что выпадало на его долю. Он был очень скромным в своих потребностях, довольствовался тем, что ему давали в интернате, и если и просил о чем-то, то только о подписке на некоторые газеты и журналы. Борис Георгиевич много читал, всем интересовался, не терял интереса и вкуса к жизни.

По-моему, для себя он не пытался как-то изменить положение вещей, да и что можно было сделать? Он был рад тому, что ему разрешали на один месяц уезжать летом из интерната, как бы в отпуск, и тогда он приезжал в Москву, потом на Украину, к своим друзьям.

Ведь требовалось немалое мужество и смирение, чтобы оставаться Человеком в столь мало-человеческих условиях. И в этом секрет его личности: он умел забывать себя и не упускать возможность помочь тому, кто в этом нуждался. Меня это всегда в нем поражало.

Ему удалось как-то установить контакт со своей дочерью, которая жила в Америке, она присылала ему какие-то посылочки и книги по искусству, он их показывал. Конечно, здоровье его уже подводило. Он умер в Княжой Губе, на похороны я не смогла поехать, там была одна Надежда Григорьевна.

2017–2019

Габриэль СУПЕРФИН

Собственно, о Меньшагине воспоминаний у меня нет. Конечно, я помню детали его внешности, его голос, непритязательность одежды и видимую нераздражительность, это более всего меня удивляло.

Он часто говорил — на публике — как автомат, не останавливаясь, — при безучастности его глаз. Наверное, эмоции уже были им изжиты.

Сожалею, что, общаясь с ним, не мог преодолеть тайной мысли: так ли он искренен, прост и откровенен, как казалось?

Для меня Меньшагин был лишь источником сведений, рассказчиком фактов. А факты меня интересовали — про сидение, про его 25-летний срок. Я избегал вопросов о его личной жизни, о происхождении, о семье. Никаких подробностей о жизни при немцах.

Задним числом добавлю — вечная память о нем!

2019

Борис Меньшагин
ВОСПОМИНАНИЯ

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Вступление[1]

Долгом своей совести считаю нужным запечатлеть на бумаге свои воспоминания о пережитом.

Я родился в 1902 году. Тяжелое время выпало на долю нашего поколения. Первая мировая война, революция, Гражданская война, сопровождавшие их голод и разруха, недостаток во всем самом необходимом. В такой тяжелой обстановке окончил я свое детство и вступил в сознательную жизнь.

С 19 июня 1919 по 1 июня 1927 года я находился на военной службе. Последние два-три года жизнь значительно улучшилась материально. Я был неплохо обеспечен, и казалось, что всё худшее осталось позади.

После неожиданного увольнения из Красной армии я энергично принялся за подготовку к юридической работе. Большая заслуга в этом принадлежит моей покойной ныне жене Наталье Казимировне, урожденной Жуковской, на которой я женился 4 ноября 1922 года. Многим хорошим в своей жизни и деятельности я обязан ей. Вечная тебе память, дорогая Натуся!

Относительно спокойный и нормальный ход жизни продолжался недолго. Вступление мое в адвокатуру почти совпало с началом новой ломки складывавшихся устоев жизни. Коллективизация, резкое падение уровня жизни подавляющего большинства населения, местами доходившее до голода, массовые репрессии, объявление ликвидации враждебных классов, гибель многих невинных людей, оправдываемая поговоркой: «лес рубят — щепки летят». Лишь надежда скрашивала мрачную окружающую жизнь: вот окончим строительство начатых и действительно необходимых строек промышленных предприятий, окрепнут колхозы, и жить будет лучше и спокойнее. И вот, когда в июне[2] 1936 года был опубликован для всеобщего обсуждения проект новой конституции, казалось,

---

[1] Фрагмент введения (по тетради № 5). Продолжение фрагмента — в начале раздела «Во время войны».

[2] 12 июня.

что надежда эта сбывается, что близок день, когда любой гражданин нашей страны, не преступающий закона, может жить в безопасности и пользоваться плодами своего труда. Я помню день 5 декабря 1936 года, помню свою искреннюю радость, когда я на банкете, организованном в честь принятия новой Конституции, поднимал свою рюмку за здоровье главного автора этой Конституции. Но уже через каких-нибудь полгода, вспоминая это, я чувствовал себя обманутым простаком.

Да, вслед за принятием новой Конституции, гарантирующей «свободы», без которых не может жить современный человек, если он не потерял чести и совести, последовала кошмарная «ежовщина», террор, который не уступал, а, пожалуй, даже превышал террор 1918 года. Но тогда ведь была Гражданская война и террористические акты противной стороны, а теперь?

Я по своей профессии повседневно сталкивался с явлениями «ежовщины», а потому особенно остро переживал их. Были дни, когда вовсе не хотелось жить, когда чувство гнета и отчаяния готово было поглотить все душевные силы. Только сознание того, что всё же, хотя и небольшой части попавших в беду людей, но приносишь пользу, а в некоторых отдельных случаях и спасение в полном смысле этого слова, давало возможность продолжать жизнь и работу. Последовавшую за «ежовщиной» «бериевщину» можно определить поговоркой: «тех же щей, да пожиже влей».

В материальном отношении последние годы перед войной (1936–1941) я был очень хорошо обеспечен, мой заработок был от трех до четырех тысяч в месяц. В Смоленске было мало людей с таким заработком. Я им был вполне доволен.

Но с детства еще твердо усвоил правило: «не хлебом единым будет жив человек...» В этом же отношении дело обстояло совершенно неудовлетворительно: жизнь человека стоила очень мало, а его достоинство и совсем ничего.

Смоленск, 1928: начало адвокатской деятельности

Адвокатской работой я занимался начиная со 2 июня 1928 года. И вскоре пришлось соприкоснуться с такими суровыми обстоятельствами судебной работы, которые впервые начали проявляться в 1928 году. До этого времени господствовал НЭП в экономике и довольно либеральное было отношение к судам. Если происходили какие-нибудь изъятия разных контрреволюционных элементов, то их разбирали во внесудебном порядке.

Разбирательство во внесудебном порядке было предусмотрено статьей 22 Основных начал уголовного законодательства СССР, принятых

в мае месяце 1924 года[1]. Рассматривала обычно коллегия ОГПУ, которую в то время возглавлял Вячеслав Рудольфович Менжинский, один из старых большевиков. Вскоре он заболел, у него был прогрессивный паралич[2]. А фактически руководил ОГПУ его заместитель Генрих Ягода[3]. ОГПУ было реорганизовано в 1934 году в общесоюзный народный комиссариат внутренних дел, во главе которого был поставлен этот же самый Генрих Ягода.

И при народном комиссаре внутренних дел было организовано Особое совещание для рассмотрения дел во внесудебном порядке. Статья вот эта — 22-я — «Основных начал уголовного законодательства» говорила, что в том случае, если по делу не собрано достаточных доказательств, устанавливающих предъявленное данному лицу обвинение, но личность его представляется безусловно социально опасной, то дело подлежит не ведению суда, а рассматривается во внесудебном порядке коллегией ОГПУ, а с 20 июня 1934 года — Особым совещанием при Народном комиссариате внутренних дел СССР[4].

---

1 «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» были приняты и утверждены 31 октября 1924 г. Статья 22 — об удалении за пределы республики или запрете на проживание в тех или иных местностях. «Эта мера может быть применяема судом <...>, как независимо от привлечения <...> к судебной ответственности, так и в том случае, когда они (то есть социально-опасные. — *Комм.*) <...> будут судом оправданы, но признаны социально-опасными». Правом внесудебной расправы постановление ВЦИК от 16 октября 1922 г. наделило ГПУ (как преемника ВЧК); также предоставлялось право комиссии при НКВД (ГПУ формально входило в НКВД) высылать и заключать в лагерь принудительных работ на место высылки деятелей антисоветских политических партий и рецидивистов по ряду статей УК на срок до трех лет. Подробно — см.: *Мозохин, 2006*. С. 43–110.

2 Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934), первый зам. председателя (1923–1926) и председатель (1926–1934) ОГПУ. Диагноз в некрологах не сообщался, в них отсутствовала надлежащая для таких случаев формула о причине смерти (см., напр.: Правда. 1934. 11 мая). В публиковавшихся в 1980-х гг. в СССР воспоминаниях подчеркивалось: Менжинский умер от «паралича сердца» (О Вячеславе Менжинском. Воспоминания, очерки, статьи. М., 1985. С. 10, 155; было известно, что Менжинский прикован к постели из-за болезни спинного мозга). На процессах 1938 г. Г. Г. Ягоде и др. вменялось отравление Менжинского.

3 Ягода Генрих (Енох) Григорьевич (Гершенович) (1891–1938, расстрел), зам. председателя (1926–1934, фактически — возглавлял ОГПУ), председатель ОГПУ (1934), нарком внутренних дел СССР (1934–1936).

4 Ошибка памяти. Постановление ЦИК СССР «Об образовании общесоюзного НКВД» (с пунктом 8 — об организации ОСО) — от 10 июня 1934 г. (20 июня 1934 — постановление ЦИК о ликвидации Реввоенсовета СССР и переименовании Наркомовоенмора в Наркомат обороны СССР). О структуре и полномочиях ОСО см. также постановление ЦИК и СНК «Об особом Совещании при НКВД СССР» от 5 ноября 1934 г. См. также: *Мозохин, 2006*. С. 137–140.

Я сказал уже, что с 1928 года наметился поворот к более суровому отношению к лицам, которых признавали виновными, привлекали к судебной или внесудебной ответственности. Первое такое громкое проявление этого был так называемый Шахтинский процесс[1], проходивший в июле–августе 1928 года в Москве. Рассматривал его Верховный суд СССР. В качестве обвиняемых проходили работники шахтоуправлений в Донбассе и несколько московских инженеров, которые возглавляли это самое дело. После почти месячного разбирательства они были все осуждены. Несколько было смертных приговоров, но их заменили десятилетним заключением.

Надо вам сказать, что максимум лишения свободы, предусматривавшийся в то время, был 10 лет. Этот десятилетний срок был предусмотрен еще Уголовным кодексом 1922 года. В его составлении и редактировании принимал участие еще Ленин. Потом, в 1926 году, этот кодекс был заменен новым кодексом (в ноябре 26-го года), который значительно смягчал наказания по сравнению с теми, что были предусмотрены в кодексе 22-го года. Кодекс был направлен в сторону смягчения. Некоторые составы преступления вообще отпали. В общем, всё шло, я бы сказал, в положительном смысле, и эти изменения были. Но, начиная с 28-го года, погода стала меняться.

Значит, ласточкой первой был Шахтинский процесс.

Потом по всей стране прошли процессы мельников. Мельникам давали план на сдачу гарнцевого сбора[2].

---

[1] Ошибка памяти. «Шахтинский процесс» проходил в Москве с 18 мая по 6 июля 1928 г. Во вредительстве и шпионаже были обвинены 50 российских инженеров и 3 немецких консультанта. Вынесено 11 смертных приговоров (пять из них приведены в исполнение). После процесса было арестовано около 2 тыс. специалистов.

[2] Взимание гарнцевого сбора, начиная с осени 1928 г., должно было регулироваться на основе постановления СНК СССР от 14 сентября. Оно было принято как бы «в целях организации снабжения деревенской бедноты и усиления государственных хлебных ресурсов», и всё сдававшееся зерно обращалось «на местное снабжение, преимущественно на снабжение крестьянской бедноты» (СЗ. 1928. №61. Ст. 555). Через три месяца (17 ноября) это постановление было заменено новым. О вышеобъявленных целях уже не говорилось, а использование гарнцевого сбора диктовалось центром. Отныне Наркомторг определял, какая «часть этого хлеба <...> обращается на местное снабжение», но заверялось, что она идет «преимущественно на снабжение крестьянской бедноты» (СЗ. 1928. №67. Ст. 613; в середине 1930-х гг. доход от гарнцевого сбора уже в местный бюджет не отчислялся), фактически власти вернулись к практике военного коммунизма, когда натуральная плата зерном за помол подлежала сдаче Наркомпроду. Циркуляр Наркомюста и Наркомторга от 4 декабря 1928 г. разъяснял, что несдача сбора заготовителям подлежала преследованию по ст. 168 УК РСФСР, а за «сдачу в качестве гарнцевого сбора зерна несоответствующей

Гарнцевый сбор — это та натуральная плата, которую должны были получать мельники за помол от помольщиков, от населения. И вот получалось так, что мельники не выполняли тех цифр гарнцевого сбора, которые были предусмотрены этим планом. Их судили по 168-й статье Уголовного кодекса за присвоение чужого имущества. Якобы они, значит, все-таки получали и не сдавали умышленно, а присваивали себе. Ну, приговоры были: чаще всего давали два года, некоторым давали полтора года лишения свободы, некоторым — год принудительных работ. Оправдательных приговоров по этим делам обычно не было.

Я с этой 168-й статьей, по мельничному делу, впервые столкнулся в августе 1928 года, вскоре после начала своей работы. Помню, я выезжал в Ярцевский район[1], в село Капыревщину, куда приглашен был для защиты мельника. Ну, его посадили, так что защита была неудачная.

кондиции с явно выраженными мошенническими намерениями» устанавливалась ответственность по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР (Еженедельник советской юстиции. 1928. №46–47. С. 1212). Несколько позже последовало разъяснение, что дела о гарнцевом сборе должны квалифицироваться по ч.1 ст. 105 («нарушение правил, регулирующих торговлю...») и по ч. 2 ст. 169 («мошенничество») с санкциями от штрафов до пяти лет с конфискацией имущества (Сов. юстиция. 1929. №39. С. 927; 1930, №6. С. 14). Уголовное и административное преследование продолжалось и в последующие десятилетия — ср., напр., спец. решение СНК СССР от 4 июля 1934 г. за подписью В. А. Антонова-Овсеенко, предусматривавшее статью 58-7 УК (саботаж) за сокрытие частных мельниц и производство частного помола (Ленинградская правда. 1989. 1 ноября), приказ Прокурора СССР А. Я. Вышинского от 20 августа 1937 г. о квалификации тайного помола «ручным способом для личных потребностей» крестьянина или колхоза как уголовного преступления (Соц. законность. 1937. №10. С. 134; *ТСД, 2004*. С. 296–297). О «тайном помоле» ночью вспоминает Василь Быков (Литературная газета. 1986. 14 июля), хотя с 1 июня 1940 г. должно было действовать постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, принятое 7 апреля 1940 г., о замене натурального налога денежной оплатой. Однако во время войны, в 1943 г. («временно»!) возобновилось взимание гарнцевого сбора за переработку зерновых, бобовых и крупяных культур (http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/Iva/iva13m_ch2_39.pdf). В послевоенные годы действовала «Инструкция о взимании гарнцевого сбора», утвержденная приказом министра заготовок СССР от 30 июля 1949 г.: гарнец сдавался натурой, а отклонения от инструкции наказывались по Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности о хищении государственного и общественного имущества» (Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников. Т. II. М., 1949. С. 374–377; текст приведен не полностью). Ср. у Валентина Овечкина: «И гарнцевым сбором прижимали. Хороший ли урожай, плохой, много ли дней в году работала мельница, а гарнец сдай, сколько начислено! Выгоднее совсем закрыть мельницу, чем работать. Вот так оно и заглохло, дело...» (*Овечкин В.* В том районе. М., 1954. С. 52).

[1] До 1 октября 1929 г. — уезд (Смоленская губ.).

В 29-м году положение стало еще ухудшаться. Появились так называемые «твердые задания», то есть крестьянам, которые были отнесены местными сельскими советами к числу кулаков или зажиточных, давалось задание, что они обязаны продать государству энное количество зерна, а также льносемени, пеньки, конопляного семени, вообще продуктов сельского хозяйства. Цифры назначались такие, что, как правило, не выполнялись, и тогда их судили по 61-й статье Уголовного кодекса, которая предусматривала три градации[1]. Рассмотрение в административном порядке (практически не практиковалось), суд по второй части, а по третьей части — особо злостное. Для кулаков предусматривалось, значит, лишение свободы по второй и по третьей части[2]. Их сажали в тюрьмы и в колонии. В 29-м году такими делами, можно сказать, были забиты народные суды.

Здесь, в конце 29-го года, после речи Сталина на ноябрьском пленуме ЦК партии 29-го года[3], положение особенно резко изменилось. Был взят курс на коллективизацию сельского хозяйства, причем вовлекалось в коллективизацию всё трудовое крестьянство, а кулаки — зажиточные, значит, — в колхозы не принимались.

---

[1] Твердые задания стали вводиться весной 1928 г. как чрезвычайная мера, а повсеместно они были узаконены постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28 июня 1929 г. Им предшествовали самообложение и применение ст. 107 УК РФСР. О введении этих чрезвычайных мер во время поездки по Сибири 15 января — 6 февраля 1928 г. говорил Сталин (*Сталин И.В.* Соч. Т. 11. М.: ОГИЗ, 1949. С. 1–9). В отношении ЦЧО (в которой тогда Меньшагин работал) см. датированное мартом 1928 г. секретное предписание обкома ЦЧО: «Довести до кулацких хозяйств твердое задание... В случае невыполнения изъять хлеб в бесспорном порядке по суду, руководствуясь статьей 107 Уголовного кодекса...» (*Троепольский Г.Н.* Чернозем: Роман. Воронеж, 1985. С. 253 [Написано в 1961 г.]). В ЦЧО, вероятно, эту директиву привез непосредственно А. И. Микоян, в январе 1928 г. посетивший Воронеж (Очерки истории Воронежской организации КПСС. Воронеж, 1967. С. 252). Ср. аналогичную поездку Молотова на Украину 28 декабря 1927 — 6 января 1928 г. (Судебный отчет по делу «антисоветского право-троцкистского блока». М., 1938. С. 85; ТСР. Т. 1. М., 1999. С. 172). О тех же мерах по Смоленской губ. см.: *Ревков В.И.* Обострение классовой борьбы в смоленской деревне накануне коллективизации сельского хозяйства // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. VII. М., 1970. С. 63–83). Ср. также упомянутое постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 июня 1929 г. «О расширении прав местных советов в отношении содействия выполнению общегосударственных зданий и планов» и примыкающие к нему изменения ст. 61 УК РСФСР (штрафы, а в особых случаях — лишение свободы за отказ от выполнения повинностей и т. п.). О связанности этих мер см.: *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М., 1966. С. 63–64.

[2] Ср.: «...те же действия, совершенные кулацкими элементами хотя бы в первый раз...» (ст. 61, ч. 3 УК РСФСР в ред. 15 февраля 1931 г.).

[3] Пленум проходил 10–17 ноября 1929 г.

Одновременно, если исключить крестьянство, взят был курс на ликвидацию последствий НЭПа. В городах арестовывали тех частных промышленников, торговцев, которые, так сказать, в годы начала (начался НЭП в 1921 году) поверили словам Ленина, который в докладе на XII партийном съезде в марте 1921 года говорил, что это «всерьез и надолго»[1]. Они открыли свои мастерские, обычно такого полукустарного типа, маленькие, с небольшим числом работающих. Открыли торговые магазины. Их стали арестовывать тоже за невыполнение налогов, или какой-нибудь другой предлог подыскивали[2]. И появились сообщения о наличии контрреволюционных таких группировок, которые по заданию заграничных центров, белоэмигрантских, составляли заговоры для ликвидации советской власти здесь.

В 1930 году был проведен очень громкий, получивший широкую известность процесс так называемой «Промпартии». Будто бы московские инженеры организовали подпольную нелегальную промышленную партию, которая должна была заменить у власти коммунистов, коммунистическую партию. По этому делу, если мне память не изменяет, проходило шесть человек. Центральной фигурой был инженер Рамзин[3], человек очень талантливый, способный, который получил впоследствии признание и при советской власти.

Процесс проходил в сентябре 1930 года[4]. Все обвиняемые были признаны виновными и осуждены к высшей мере наказания — расстрелу, но одновременно суд вошел с ходатайством перед Президиумом ЦИК СССР о замене им смертного приговора лишением свободы. И Президиум ЦИК

---

[1] В марте 1921 г. состоялся не XII, а X партсъезд. Формула же «всерьез и надолго» прозвучала на X Всероссийской конференции РКП(б), прошедшей 26–28 мая 1921 г. — впервые из уст Н. Осинского: в ленинском проекте резолюции по вопросам НЭПа эти слова закавычены (*Ленин В.И.* Неизвестные документы (1891–1922). М.: РОССПЭН, 2000. С. 301). Свой хрестоматийный вид формула приобрела после выступления Ленина на IX съезде Советов 23 декабря 1921 г.

[2] Ср.: «Карательным органам была дана директива усилить борьбу с контрревлюционными и хозяйственными преступлениями нэпманов, дезорганизующих народное хозяйство. Количество дел по обвинению нэпманов в налоговых преступлениях возросло на 92 проц[ентов], то есть почти вдвое, по обвинению в создании лжекооперативов и других мошенничествах — почти в 2,5 раза» (*Морозов Л.Ф.* Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией. Из истории ликвидации капиталистических элементов города. 1926–1929 гг. М., 1960).

[3] Рамзин Леонид Константинович (1887–1948), теплотехник, один из разработчиков плана ГОЭЛРО. В 1930 г. репрессирован, в 1936 г. помилован. Создал конструкцию промышленного прямоточного котла, за что в 1943 г. получил Сталинскую премию.

[4] Процесс Промпартии проходил с 25 ноября по 7 декабря 1930 г. Аресты «руководителей» прошли в октябре.

СССР заменил — десятью годами лишения свободы — всей этой группе[1]. А потом стало известно, что вот этот Рамзин был привлечен к разным ответственным работам, потому что был очень способный инженер. И года через два был опубликован указ — или тогда указов не было, а постановление ЦИК СССР — о его полном амнистировании[2]. Он был освобожден и пропал без вести уже в 1937 году, когда пришла его очередь. Был отправлен уже на тот свет[3].

Кромы, 1930: дела Веникова, Жукова и Пронина

Кроме этих больших процессов проходили в деревнях процессы за невыполнение заданий. Была введена практика дачи твердых заданий. Давались цифры каждому кулаку или лицу, которое отнесено к числу кулаков, хозяйство которого было признано зажиточным. Определяли это всё местные советы, вернее, председатели местных советов, потому что совет самую малую роль играл, а председатель местного совета играл большую роль. Мне пришлось участвовать по целому ряду таких дел. И обстановка этого процесса, материал его показывали, что процессы были, как правило, надуманные.

Особенно сильное впечатление на меня произвело дело, рассматривавшееся 18 февраля 1930 года выездной сессией народного суда Кромского района. А я работал тогда в Центрально-Черноземной области, в Кромском районе. Это город Кромы между Орлом и Курском, на большой шоссейной дороге от Москвы до Харькова и на Севастополь. Мы выехали утром в село Гостомль. Это село упоминается в сочинениях писателя Николая Семеновича Лескова. Он сам был родом из Орла, и там

---

1 По процессу проходило 8 человек, из них 6 — приговорены к расстрелу. По ходатайству самих осужденных расстрелы были частично заменены десятью годами тюрьмы, а тюремные сроки другим были снижены.

2 Постановлением ЦИК СССР от 4 февраля 1936 г. Л.К. Рамзин, В.А. Ларичев и В.И. Очкин были освобождены от дальнейшего наказания («в связи с полным раскаянием» и «принимая во внимание добросовестное выполнение ими важного государственного задания по конструированию прямоточных котлов»). Работа в «шарашке»» комментировалась самим Рамзиным: «Я с 1931 года начал усиленно разрабатывать конструкцию прямоточного котла. В августе 1931 года было создано особое конструкторское бюро <...>. Построен был первый опытный советский прямоточный котел <...>, пущенный 30 апреля 1932 года <...>; ...в августе 1934 года было организовано специальное Бюро прямоточного котлостроения...» (Правда. 1943. 9 июля).

3 Конец Л.К. Рамзина иной, нежели он представлялся Б.Г. Меньшагину, на долгое время оторванному от текущей информации. Скончался он 28 июня 1948 г., будучи лауреатом Сталинской премии (специальное присуждение 7 июля 1943 г.), орденоносцем, профессором (с 1944 г.) Московского энергетического института.

у родителей его было имение. В общем, он хорошо знал те места и в своих сочинениях неоднократно упоминал вот это село Гостомль.

Приехали мы среди дня, и суд происходил в избе-читальне. В больших селах тогда организовывались избы-читальни. Во главе этой избы-читальни стоял (и он единственным там работником был) так называемый избач. Сколько я знал избачей, все они были секретарями местных партийных организаций. Суд состоял из народного судьи Кромского района Федосеева Ивана Никитича. Обвинение поддерживал следователь Скотников, защищать должен был я.

В повестке дня было три дела. Первым рассматривалось дело Веникова. Старик с длинной бородой. Больше семидесяти лет ему от роду. Его обвиняли по третьей части 61-й статьи Уголовного кодекса в злостной несдаче назначенной ему в продажу государству пеньки. Пенька — это волокно от конопли. Свидетелем по всем трем делам, которые там рассматривались, проходил председатель Гостомльского сельского совета Калинин. Вот этому самому Веникову было дано задание — сдать 16 пудов пеньки, а он сдал 8. Значит, в обвинительном заключении было указано, что он не выполнил это твердое задание по кулацкой вражде к советской власти. На суде я задал вопрос свидетелю Калинину: а сколько он [Веников] собрал? Он подумал и говорит: «Да, пожалуй, пудов шесть он собрал». Я говорю: «А сдал?»

— Сдал восемь.

— Так, значит, он сдал больше, чем собрал! А почему же вы дали шестнадцать?

— Так он же кулак! — был ответ.

И всё. Как будто бы этот ответ не требовал никаких дальнейших пояснений. Суд назначил Веникову 10 лет ссылки в соединении с принудительными работами. Так что это была не простая ссылка: он должен был в месте, куда его направят, в отдаленном месте, выполнять работы по заданию местных соответствующих властей[1].

---

[1] Так называемое «удаление», применяемое к «социально опасным», срок от 3 до 10 лет с поселением в определенных местностях (ст. 22 «Основных начал...» в редакции 1929 г., постановление ЦИК и СНК СССР от 6 ноября 1929 г.). Ср. также с инструкциями о категориях кулаков, подлежащих выселению (о соответствующей разработке комиссией Политбюро в декабре 1929 см.: *Ивницкий Н.А.* О критическом анализе источников по истории начального этапа сплошной коллективизации (осень 1929 — весна 1930 г.) // Исторический архив. 1962. № 2. С. 191–202; ср. также: *Трапезников С.П.* Исторический опыт КПСС об осуществлении ленинского кооперативного плана. Т. 2. М., 1974. С. 196, 197; Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927–1937 гг.). Смоленск, 1968. С. 240–250. Выселения, резко приостановленные сталинским «Головокружением от успехов», были попросту перенесены здесь на следующий, 1931 г. и тогда уже осуществлены (см.: Там же. С. 357–361).

Вторым слушалось дело Жукова. По сумме сельскохозяйственного налога, который он платил, видно было, что его хозяйство отнесено было к числу середняцких хозяйств. Он тоже обвинялся в невыполнении твердого задания по сдаче пеньки. Ему надо было 10 пудов сдать, а он сдал 6. Я спросил председателя сельсовета Калинина, который тоже проходил свидетелем по делу:

— Почему же ему так назначили?

Да, я спросил:

— Сколько он собрал?

— Он так и собрал, как сдал.

— А почему назначили?

— Он был урядником в царское время.

Хотя уже прошло, значит, с 17-го по 29-й год двенадцать лет, то есть даже по 30-й. Тринадцать лет почти... Тринадцатый год шел, как он перестал быть урядником, но считалось, что он вроде как урядник, должен зерно сдавать. Этому дали два года лишения свободы в обычных, так сказать, тюрьмах-лагерях.

Третье дело проходило председателя сельского совета Пронина, который был предшественником Калинина на этой должности. Он обвинялся по 109-й в злоупотреблении служебным положением, которое выразилось в том, что он в прошлом году недооблагал сельскохозяйственным налогом кулацкие хозяйства. Но при мне был текст закона о сельскохозяйственном налоге, и я в своем выступлении демонстрировал суду, что он брал так, как предусмотрено было законом. А изменились ставки в сторону повышения уже в этом году. А его судят, исходя из того, что он должен был, что ли, предчувствовать изменения...[1] Ему дали три года лишения свободы.

Кончили мы уже, по-моему, часам к одиннадцати вечера эти три суда. Ночевали в этом селе Гостомле. Да, помню, пошли в одну хату, куда нас председатель сельсовета определил. На ужин нам был дан гусь — там гусей вообще много было в то время — и бутылка водки. Значит, мы были втроем: председатель суда Федосеев, секретарь суда Лавров и я. А обвинитель Скотников отдельно, не с нами. Он пошел в другое место. После этого ужина легли спать. Была большая, широкая кровать, и на этой кровати легли Федосеев и я, а на лавке — секретарь суда Лавров. И, помню, долго не мог заснуть, отчаянное было у меня настроение. Ставил вопрос перед собой: стоит ли работать дальше? Куда-нибудь надо деваться еще. Подыскивать другую

---

[1] В 1929 г. «Положение о едином сельскохозяйственном налоге» было принято 20 (опубликовано 21) февраля; в 1930 г. — постановлением от 23 (опубликовано 25) февраля. Напомним, что, по словам Меньшагина, суд был 18 февраля.

работу. Потому что никакой пользы [от тебя] уже нет. Только себе нервы расстраиваешь.

Когда заснул, вдруг ночью шум. Оказывается, в избе-читальне застрелился избач, который присутствовал на этом суде в качестве свидетеля. На него, видимо, так подействовала эта явная несправедливость, которая должна была быть ясна каждому. И он застрелился.

Наутро мы уехали обратно в Кромы. Настроение у меня было всё время очень плохое, и так продолжалось до 3 марта 30-го года. Третьего марта, помню, вечером, это был понедельник, пришел ко мне в гости бывший адвокат, работавший до меня. Я начал работать в Кромах 16 октября 29-го года, переведен был из другого района.

А он был исключен в это время из коллегии. Тогда происходила во всем советском аппарате чистка. И, значит, людей, которые — ну, казались сомнительными на взгляд партийных организаций, исключали, снимали с работы. Вот его исключили из коллегии. Ну, у меня был такой серьезный плюс как восемь лет службы в армии. С 19 июля 1919 и по 1 июня 1927 года я был в армии[1].Так что это считалось хорошей аттестацией, что столько прослужил, поэтому постановление суда: считать — проверен.

В то время мы сидели — разговаривали: я говорил, что, видимо, придется уходить из этой коллегии, потому что невозможно работать...

И почтальон принес газету. Я получал «Известия», и приходили они на другой день после выпуска в Москве. Открываю газету, а на первой странице — портрет генерального секретаря ЦК ВКП(б) Сталина и его статья «Головокружение от успехов»[2], где он писал, что, дескать, на местах наблюдаются перегибы, что спешат люди: всех хотят записать в колхоз. Надо осторожно, постепенно; потом, значит, вот, чтобы добровольно всё было... Статья хорошая была, она давала надежду на то, что произойдет перемена. И действительно: если не сразу, то все-таки перемена произошла.

---

[1] Уволен за религиозность 17 мая 1927 г. В 1927 г. в Красной армии были созданы ячейки Союза безбожников и активизирована антирелигиозная работа (см. цитаты из директивы Политуправления РККА: Воинствующее безбожие о СССР за 15 лет. 1917–1932: Сборник / Под ред. М. Енишерлова и др. М., 1932. С. 418–419; см. также: *Берлин В.* Антирелигиозная пропаганда и Союз безбожников о Красной армии // Безбожник у станка. 1927. №7. С. 4). Ср. также: «Сознательный красноармеец неминуемо является и безбожником» (*Небольсин М.* Антирелигиозная пропаганда и военное воспитание // Там же. №5. С. 21). Антирелигиозная пропаганда на страницах «Безбожника у станка» началась с мартовского номера 1927 г., где была поставлена в прямую связь с обострением советско-китайских отношений.

[2] Опубликовано 2 марта 1930 г. на первых страницах «Известий» и «Правды». Ни в том, ни в другом случае портрета Сталина при публикации не было.

Ретяжи и Семёнково: дела Семендяева, Егорышевой и Привалова

Правда, еще десятого марта была выездная сессия народного суда в селе Ретяжи, тоже Кромского района. Я тоже участвовал; я обычно ездил с выездными сессиями вместе с судьей и секретарем. Втроем мы всегда ездили, на одной подводе, и жили вместе. Так вот, в тот день судили председателя Семёнковского сельского совета Семендяева. Обвиняли его в том, что по халатному отношению к службе он не довел коллективизацию в Семёнковском сельсовете до сплошной. Осталось несколько хозяйств, которые упорно не захотели вступить в колхоз.

Его судили, значит, что он халатно относился к службе. Свидетелем проходил местный избач, он же — секретарь партийной организации Бабенков, молодой парень еще, по-моему, лет двадцати пяти. Вот судья задает ему вопрос:

— Скажи, Бабенков, может, пьянствовал Семендяев?

— Да, да, пьянствовал, — отвечает свидетель.

Семендяев вскакивает:

— Когда ты меня видел пьяным?

А этот:

— Я захожу к нему на квартиру, а у него на столе стоит миска с огурцами солеными.

— Ну а водка?

— Ну, водки я не видел, но зачем же огурцы?..

Суд дал Семендяеву по статье 111 Уголовного кодекса[1] один год принудительных работ с удержанием двадцати пяти процентов из его зарплаты. Значит, сравнительно удовлетворительно — не посадили.

Теперь в памяти у меня всплывает 30 марта того же 1930 года. Помню, было воскресенье. Уже день кончался. По крайней мере, темнело. Вдруг прибегает ко мне на квартиру секретарь суда Лавров и говорит:

— Борис Георгич, скорей собирайся, едем сейчас с выездной сессией в село Семёнково — райком распорядился.

Я говорю:

— А что там делать? Кого судить?

— Судить будут уполномоченных райкома и райисполкома по проведению коллективизации.

Приехали мы туда. Суд проходил в школе. Проходил суд в школе, и подсудимых было двое. Егорышева Анна Ивановна, в прошлом монашка, но после революции она вышла из монастыря, стала активисткой, вступила в партию и в данное время являлась членом бюро Кромского

---

[1] Ст. 111 УК РСФСР 1926 г.: «Бездействие власти, халатное отношение к службе».

райкома партии и должность занимала председателя райпрофсовета. Она являлась главной уполномоченной по проведению коллективизации в Семёнковском сельсовете Кромского района Орловского округа Центрально-Черноземной области. Второй подсудимый — Привалов, тоже член партии. Занимал должность председателя райпотребсоюза Кромского района. Он являлся помощником этой самой Егорышевой.

Их обвиняли по статье 109 Уголовного кодекса — в злоупотреблении служебным положением — за то, что они применяли неправильные методы при коллективизации сельского хозяйства. Так, значит, они виновными себя не признавали. Говорили, что делали всё так, как им приказано было. Свидетелем был председатель сельсовета Семендяев, которого двадцать дней тому назад судили за халатность и осудили на год принудительных работ. Теперь он был свидетелем.

Вот судья Федосеев спрашивает:

— Ну, Семендяев, расскажи, как тут Егорышева осуществляла руководство вами?

А он говорит:

— Да как? Обнаковенно...

Ну, точные слова я повторить его не могу, но, в общем, он два раза матюгался...

— Может, пьянствовала она? — спрашивает судья.

— Да нет, чего не было — не хочу говорить. Пьянствовала — не пьянствовала, но, конечно, маленькую я ей подавал. На печь.

Она вскакивает с места:

— А в каком, в каком состоянии здоровье у меня было тогда?!

— А я ж не доктор — не знаю!

Обвинение поддерживал начальник Кромского районного отделения милиции Извеков, а защищал подсудимых я. И вот Извеков просил признать их виновными и подвергнуть справедливому наказанию в виде лишения свободы. Я, значит, говорил, что у нас лишают свободы тех, кто действует умышленно, ворует, действует из корыстных соображений, преследует какие-либо личные цели, а ведь ничего этого нет в действиях подсудимых. Они, так сказать, были введены в заблуждение соответствующими установками — может быть, письменными, может быть, устными.

А надо вам сказать, что в январе месяце (по-моему, с 27-го по 29-е) в Орле проходило окружное совещание всех работников юстиции, куда были вызваны все межрайонные прокуроры, судьи, следователи, а также защитники — адвокаты. И там инструктаж проводил председатель Центрально-Черноземного областного суда Нейман[1] и прокурор Центрально-Черноземной области Зорин

[1] Нейман Август Федорович (1890 — 20 января 1939 г., Кратово, Дом отдыха старых большевиков), латвийский большевик, в советское время член Военного трибунала,

(впоследствии я его встречал в Москве в качестве старшего помощника прокурора РСФСР)[1]. Вот эти Нейман и Зорин говорили, что беспощадная классовая борьба — поэтому никакой пощады кулацкому элементу: если выполнят твердое задание они, то надо сейчас же дать второе. И до тех пор давать, покамест они не выполнят, а тогда их судить, то есть заведомо неправосудные приговора выносить. Так говорил председатель областного суда и прокурор. Это я лично сам слыхал своими ушами в Орле.

Значит, я стал приводить вот эти соображения в защиту Привалова и Егорышевой. И единственный раз за всю мою практику с 28-го по 41-й год, с мест раздавались враждебные выкрики по адресу адвоката. Население, присутствовавшие крестьяне, колхозники и вышедшие из колхоза, не одобряли его, а наоборот: что, дескать, их надо засудить как следует — этого Привалова и эту Егорышеву. Единственный раз речь защитника вызвала неодобрение присутствующих.

Суд приговорил Егорышеву по 109-й статье Уголовного кодекса к 6 месяцам принудительных работ с удержанием двадцати процентов.

Да еще вот что — это суд говорит:

— А Привалов, как он у вас действовал?

Семендяев говорит:

— А Привалов так — собрал собрание в школе, вот где мы сейчас, сел за стол в президиум, вынул наган, положил наган на стол и говорит: «Кто против советской власти — подымите руки!» Тут все стали кричать: «Мы все за советскую власть!»

<...>[2]

в том числе в Крыму (1922). Председатель Гомельского губсуда (1924–1926), Воронежского губсуда (1927–1928), затем — председатель Центрально-Черноземного облсуда ЦЧО (1928), там же — на партработе; прокурор Ленинградской области (1931–1933); член ВС РСФСР (1933–1935); председатель Омского облсуда (1935–1938). С 1938 — персональный пенсионер. 5 января 1930 г. Нейман получил выговор от наркомюста РСФСР Н. М. Янсона за то, что, будучи председателем уголовной кассационной коллегии облсуда, утвердил смертный приговор по ст. 58-8, вынесенный Орловским окружным судом за покушение на убийство «бедняка-общественника т. Кузнецова»; на деле покушавшиеся не «враждебные элементы», а собутыльники жертвы, пившие перед призывом в армию (Советская юстиция. 1930. № 2. С. 7).

[1] Зорин Виктор Александрович (1898–?), зам. прокурора ЦЧО в 1932–1934 гг, в 1936 г. — начальник отдела по надзору за исправительно-трудовыми учреждениями Прокуратуры СССР, старший помощник Прокурора СССР (Вся Москва. М., 1936. С. 60; Социалистическая законность. 1936. № 9. С. 51–52). Совещание, о котором говорит Б. Г. М., — это первый окружной съезд работников юстиции, проходивший 26–28 января 1930 г. (Орловская правда. 1930. 29 января. С. 4). Возможно, он же — защитник по назначению одного из подсудимых на тбилисском процессе 1955 г. по обвинению бывших сотрудников НКВД/МГБ ГССР (*Смирнов Н. Г.* Рапава, Багиров и другие: Антисталинские процессы 1950-х гг. М.: АИРО-XXI, 2014. С. 23).

[2] Опущен фрагмент, посвященный показательным политическим процессам в Центре.

Разгром региональных секретарей: Румянцев и другие

Ну, в Смоленске у нас был первым секретарем довольно долгое время (он туда переведен был из Владимира, где раньше был первым секретарем губкома Владимирского) Иван Петрович Румянцев[1]. Конечно, член ЦК партии... Долго там был. И так, знаете, тоже подхалимство было: «Иван Петрович! Иван Петрович! Румянцев сказал!» Всё такое...

И вот, помню, я в июне 1937 года ехал трамваем от себя — значит, наша коллегия находилась в здании областного суда[2], это в центре города, «под часами», как там говорили, около этих часов, — ехал, схожу с трамвая, значит, на базарной площади остановка — и впереди большое здание швейной фабрики. На ней золотыми, очень крупными буквами написано: «Смоленская швейная фабрика имени Ивана Петровича Румянцева». Смотрю, что-то на крыше там сидят рабочие и молотками дубасят. Я прямо остановился — что такое? Сбрасывают «имени Ивана Петровича Румянцева».

Оказывается, что перед этим был проведен пленум; приезжал Лазарь Моисеевич Каганович, с собой он привез секретаря Дзержинского райкома партии в Москве Коротченко[3]. И этот пленум, значит, исключил — как «врага народа» — Румянцева и первым секретарем избрал вот этого Коротченко. Он недавно умер в Киеве в должности председателя Президиума Верховного Совета Украинской ССР. А дело Румянцева так и закончилось: нигде, ни в каких газетах — ничего. Просто было написано в газетах, что на этом пленуме избрали первым секретарем Коротченко.

---

[1] Румянцев Иван Петрович (1886–1937), с конца июля 1929 г. и по июнь 1937 г. первый секретарь Западного обкома ВКП(б). Нападки на Румянцева и руководство Западного обкома и Смоленского горкома см.: Правда. 1937. 6 апреля. Арестован 27 июня, расстрелян 30 октября 1937 г.

[2] Областной суд, а также нарсуд Красноармейского района, нотариат и коллегия защитников находились по адресу: Большая Советская, д. 38/1. Строго говоря, это не «Под часами», а напротив дома с часами — здания на углу нынешних улиц Большой Советской и Ленина: этот угол — традиционное место встреч и свиданий смолян в центре города.

[3] Чрезвычайный пленум Западного обкома проходил под руководством Л.М. Кагановича 19–21 июня 1937 г. Румянцева и его соратников на пленуме, исключившем их из партии, уже не было. Коротченко (до перехода на работу на Украину в ноябре 1937 г. Коротченков) Демьян Сергеевич (1894–1969) работал секретарем не Дзержинского, а Бауманского и Первомайского районов Москвы, затем 3-м и 2-м секретарем Московского комитета ВКП(б). И. о. секретаря Западного обкома ВКП(б) он был назначен в июне 1937 г. 30 июля 1937 г. он был утвержден членом тройки УНКВД по Западной (с конца сентября — Смоленской) области. В 1947–1954 гг. Коротченко — председатель Совета Министров УССР, в 1954–1969 гг. — председатель Президиума Верховного Совета УССР.

А куда делся Румянцев — неизвестно! Значит, потом мне по одному делу попалась справка, что этот Румянцев Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к высшей мере наказания, исполнено такого-то 37-го года.

Из первых секретарей всех областей и краев Советского Союза уцелело только четверо.

Каганович попал в Горький первым секретарем после Жданова. Ежов был до Жданова первым секретарем в Горьком. Ежова сменил Жданов. Когда убили Кирова 1 декабря 1934 года, Жданова взяли из Горького в Ленинград. Он там осуществлял вот этот террор ленинградский, когда забирали людей, которые, возможно, его [Кирова] и в глаза никогда не видали, и внесудебным порядком их, значит, отправляли. А вместо Жданова был поставлен младший брат Лазаря — Юлий Каганович. Лазарь был в Москве, а Юлий — в Горьком. Вот тоже уцелел[1]. И уцелели, значит, Хрущев, Жданов, Каганович и Берия. Остальные первые секретари ЦК партий союзных республик и первые секретари крайкомов, обкомов — на свалку.

Смоленск: дело Петракова

Ну вот, решено было провести и у нас показательный процесс. До того момента, когда организованы были спецколлегии областных судов для рассмотрения дел о государственных преступлениях (это было по закону от 20 июня 1934 года[2]), то в спецколлегиях дел было мало, и защитников

---

[1] В этом абзаце много фактических неточностей. А. А. Жданов был первым секретарем Нижегородского губкома и крайкома Горьковского крайкома ВКП(б) в 1924–1934 (сменил Н. А. Угланова). После его перехода на место убитого С. М. Кирова в Ленинград секретарем в Горьком стал Эдуард Карлович Прамнэк (1899–1938), бывший до этого 2-м секретарем. В мае 1937 г. Прамнэка перевели на Украину, в Донецкую область, а на его место поставили Юлия Моисеевича Кагановича (1892–1962), возглавлявшего перед этим Горьковский крайисполком. С января 1939 до выхода на пенсию в июне 1951 г. — в системе Наркомата (Министерства) внешней торговли СССР: замнаркома (1939–1945), торговый представитель в Монголии (1945–1947), председатель правления Внешнеторгового объединения «Международная книга» (1947–1949), начальник Госинспекции по качеству внешнеторговых товаров (1949–1951). Н. И. Ежов должностей в Нижнем Новгороде/Горьком не занимал, но избирался депутатом Верховного Совета СССР от г. Горький (12 декабря 1937 г.).

[2] Спецколлегии в советских судах — от Верховного до областных — в составе председательствующего и двух членов были введены Постановлением ЦИК от 10 июля 1934 г. для ведения дел о государственных преступлениях (контрреволюционных, против порядка управления и др.), неподсудных Военным трибуналам и Военной коллегии Верховного суда. С введением Закона о судоустройстве СССР и приказом наркома юстиции СССР от 23 сентябри 1938 г. они были

ходили [туда] только двое, — это Владимир Александрович Груздинский и Василий Павлович Терещенко[1].

А здесь первый процесс проходил 31 июля 1937 года. Помню, я пришел на работу, и у меня было дело в народном суде. Вдруг подходит ко мне председатель коллегии адвокатов Иван Яковлевич Фокин[2]. Он сам не юрист, а политработник. Значит, для партийного руководства поставлен был. И говорит:

— Борис Георгич, ты занят сегодня чем-нибудь?

— Да, — говорю, — занят. В народном суде дело.

— Придется передать дело это кому-нибудь еще, а ты сегодня пойдешь на процесс директора треста хлебопечения Петракова. Ты ж в газетах читал?

Я говорю:

— Читал, что будет процесс[3].

— Ну вот, будет процесс в открытом заседании, показательном. Значит, ты и пойдешь защищать его.

Ну, дело мое отдали кому-то там еще, а я пошел в канцелярию областного суда, в спецколлегию. Взял дело.

ликвидированы — не позднее 16 октября 1938 г. (Советская юстиция. 1938. № 20–21. С. 78–79). Их подсудность была передана коллегиям по уголовным делам.

[1] Терещенко Василий Павлович (1868(?)–?), на 1929 г. — защитник в г. Карачев Брянской губ. (Юридический календарь на 1929 г. С. 355). Образование низшее, беспартийный. В декабре 1938 г. был привлечен к суду за «преступную перестраховку» в делах по ст. 58, но оправдан.

[2] Фокин Иван Яковлевич, член партбюро Смоленского облсуда, занял эту должность, по-видимому, после чистки коллегии защитников при облсуде и исключения из партии секретаря партбюро В. А. Панова (см. подробнее: *Меньшагин, 1988*. С. 185). В конце 1937 г. выступил в газете с отчетом об активности агитаторов на прошедших выборах. Тут он — уже председатель президиума коллегии защитников (РП. 1937. № 307. 31 декабря. С. 2).

[3] Процесс над директором Западного областного треста хлебопечения В. И. Петраковым по ст. 58-14 и 154 освещался в областной газете: почти за три недели до его начала (*Т.* Вредительство в хлеботресте // РП. 1937. № 166. 22 июля. С. 4). Информация о начале открытого (читай показательного!), «с участием сторон» процесса в большом зале облсуда в понедельник 9 августа (Там же. 5 августа. С. 4). В судебную коллегию входили Онохин, Бондаренко и Лепин при обвинителе Кузнецове (Там же. 1937. № 182. 10 августа. С. 4). О завершении процесса 10 августа см.: *Ковригин П.* Вредительство в Хлеботресте (Там же. 15 августа. С. 4). Обвинение по ст. 58-14 (ст. 154 больше не упоминалась): «Перед судом предстал человек, который повинен в том, что трудящиеся области одно время с большим трудом доставали хлеб, многие часы простаивали в очередях», местами в хлеб «запекались битые стекла и всякая гадость». В последнем слове Петраков «старался выгородить себя, прикидываясь невинным ягненком». Петраков был приговорен к 10 годам заключения с последующим поражением в правах на 5 лет.

Обвиняется он по статье 58-14 и 154-й Уголовного кодекса РСФСР. 58-14 — это контрреволюционный саботаж, предусматривает наказание до 10 лет, а 154-я — это понуждение зависящих от него по службе сотрудников — женщин — к сожительству.

Ну, посмотрел. Свидетели — заведующий областным торготделом Харитонович[1], которого потом самого посадили, потом директор хлебозавода [№ 1] Аверченко[2], я его потом тоже защищал, директор хлебозавода № 2 Иванов[3] (защищал его тоже потом) и много еще других свидетелей.

Значит, речь идет о том, что в Смоленске появились очереди за хлебом. Хлеба стало не хватать. И вот, значит, решили, что это не хватает потому, что директор треста хлебопечения Петраков занялся контрреволюционным саботажем. Отсюда — жители Смоленска без хлеба остаются некоторые, а некоторые должны стоять подолгу в очереди. Ну, судит спецколлегия, спецколлегия без заседателей — три члена суда.

Председательствует зампредседателя областного суда Онохин[4] и члены областного суда — Оглоблин[5] и Филатова[6]. Филатова — бывшая

---

1 См.: *Климов Г.* Под крылышком Облвнутторга // РП. 1937. № 186. 15 августа. С. 4.

2 Первые нападки на Аверченко см.: *З.Н.* Навести порядок в хлебопекарной промышленности // РП. 1937. № 222. 27 сентября. С. 3.

3 Иванов упомянут в отчете о процессе. Ему и другим руководителям хлебозавода Петраков вручил конверт с крупной суммой денег (РП. 1937. № 186. 15 августа. С. 4).

4 Онохин П. М. — зампредседателя Западного облсуда и председатель спецколлегии в 1936 г. После ареста И. П. Румянцева и снятия председателя облсуда Н. В. Адрианова и его первого заместителя С. С. Грачева Онохин стал и. о. председателя (см. приказ наркома юстиции РСФСР Н. В. Крыленко от 3 августа 1937 г. в: Советская юстиция. 1937. № 19. С. 55, где он фигурирует как Анохин), затем председателем (см. подробнее: *Меньшагин, 1988.* С. 185–186). Направлен в судебные органы в конце 1934 г. с должности начальника Ржевского райотдела полномочного представительства ОГПУ по Смоленской области (в органах НКВД — с 1920 г.) (*Кодин, 2011.* С. 96).

5 Оглоблин Александр Георгиевич (1893–?), рабочий, член ВКП(б) с 1917 г., в органах ВЧК с 1918 г., затем на судебной работе. Входил в резерв на номенклатурные должности (председатель райсовета). В спецколлегии — с января 1937 г., до этого председатель кассационной коллегии по уголовным делам (СА). После 1937 г. в той же должности в Орловском облсуде. В декабре 1938 г. в составе группы из пяти человек — двух прокуроров, двух судей и одного адвоката (В. П. Терещенко) — был обвинен в должностном преступлении (неправомерные приговоры к расстрелам) и был приговорен выездной сессией ВС РСФСР в Смоленске к минимальному наказанию, не связанному с заключением (http://notepad.memo.ru/1005/1a/1185/verhovnyy-sud-rsfsr-delo-po-1-instancii-po-obvineniyu-terenteva-sergeya-petrovicha). Участник войны в должности председателя военного трибунала дивизии (https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie21546843/).

6 Филатова Ефросинья Феоктистовна (1900–?), член ВКП(б) с 1926, член спецколлегии. Строгий выговор президиума облсуда от 7 декабря 1936 г. «за передоверие

портниха с этой швейной фабрики имени Румянцева, активистка была, ее выдвинули в областной суд. Так она стала членом областного суда. Обвиняет старший помощник прокурора Смоленской области Кузнецов[1]. Защищаю я.

Полный зал народу собрался, особенно вечером, так даже и проходы все были — стояли в проходах. Ну, Петраков себя виновным не признаёт — ни по одному, ни по второму обвинению, ни в саботаже, ни в понуждении. Свидетели же говорят, что вот, дескать, если бы он мог распорядиться перебросить муку, тогда бы не было задержки в выпечке — эти директора говорят. Нераспорядительность была с его стороны, значит, — неумение. Но это рассматривается как умышленный саботаж.

Теперь доходит дело до свидетельницы Тамары Чикиной, которую он якобы понуждал к сожительству. Она работала лаборанткой Рославльского хлебозавода Смоленской области. Прокурор встает и говорит, что ввиду того, что показания будут касаться интимных сторон жизни, я прошу заслушать ее в закрытом судебном заседании. Ну, что ж.

— Защитник?

Я говорю:

— Я не возражаю.

Суд объявил перерыв, комендант выставил всю публику в коридор. Освободили зал, закрыли двери. Возобновилось заседание, позвали эту самую Тамару Чикину. Так, лет двадцать пять, ничего — ну, смазливая, можно сказать. Небольшого роста, черненькая. Шустрая такая. Вот, значит, Онохин, председатель суда, и говорит:

— Скажите, свидетельница, как вас обвиняемый Петраков понуждал к сожительству?

— Что вы глупости говорите?!

Он поднял глаза, посмотрел на прокурора.

Прокурор:

— Но ведь, позвольте, у вас с ним...

— А какое вам дело? Что я вам, отчитываться должна?!

Знаете, тут и смех, и грех. Смеяться нельзя, и не смеяться нельзя. Суд растерялся. Суд растерялся совершенно.

— Прокурор, имеете еще вопросы?

— Нет.

судебной работы». На начало войны — зампредседателя облсуда по уголовным делам. По-видимому, Филатова так и не вернулась в рабочий коллектив. По крайней мере, в 1962 г. она была внештатным консультантом «на общественных началах» в том же Смоленском облсуде (Советская юстиция. 1963. № 1. С. 2).

[1] Кузнецов В. Ф., в конце 1936 г. состоял в должности помощника облпрокурора (см.: *Меньшагин, 1988*. С. 186–187).

— Защита?

Я говорю:

— Нет, нет, не имею.

— Садитесь, свидетельница. Комендант, откройте дверь.

Заняли места. Дошло дело до прений сторон. Значит, Кузнецов говорит, что вот, товарищи судьи, у нас в городе появились очереди. Очереди, в том числе и за хлебом. Приходится домашним хозяйкам простаивать по многу часов, чтобы получить хлеб. Почему? А вот — виновник сидит, видите? И, значит, он попросил для него десять лет лишения свободы.

От обвинения по статье 154-й Уголовного кодекса отказался. Значит, признал, что понуждения нет. Дали слово мне. Я признавал его виновным по статье 111-й Уголовного кодекса — халатное отношение к службе. Действительно, нераспорядительность была, как вообще [все] советские учреждения работают.

Ну, последнее слово ему. Он себя считает невиновным.

На совещание выносят приговор: десять лет лишения свободы по 58-14, по 154-й — оправдать. Значит, теперь он может быть обжалован в 72 часа в Верховный суд РСФСР.

Ну, я написал кассационную жалобу. Верховный суд РСФСР приговор оставил в силе и жалобу без последствий. Кстати, он уже сидел со следствия, остался сидеть, угнали в лагерь куда-то[1].

Смоленск: показательный процесс землеустроителей

Теперь, помню, 23 сентября 1937 года, значит, прошло полтора месяца с небольшим. Я должен был ехать в Москву: у меня в Верховном суде РСФСР была кассационная жалоба летчика одного, который жаловался на то, что его признали отцом. Да, вот я должен был в Верховном суде выступать по этому делу. Ну, ездили в Москву мы с удовольствием, потому что все-таки хорошие суточные платили, квартирные. Жил я у своего шурина. Если только пол-литра водки куплю да с ним выпьем, а так расходов-то не имел. И потом все-таки Москва — всегда побыть приятно в ней.

Вдруг приходит Фокин, председатель Коллегии.

— Борис Георгиевич, ты читал, что 25-го начнется показательный процесс землеустроителей в областном суде?

Я говорю:

---

[1] В интервью 1978 г. имеется продолжение: «В 1939 году один из московских адвокатов ходил по его делу в порядке надзора. И в порядке надзора приговор был отменен, вернее, изменен, обвинение переквалифицировано по статье 111, мера наказания снижена до двух лет лишения свободы, наказание считать отбытым, из-под стражи освободить».

— Читал[1].

— Вот придется тебе...

Я говорю:

— Я не могу, потому что должен ехать в Верховный суд, у меня на 25-е кассационная жалоба там.

— Придется передать кому-нибудь другому.

Я говорю:

— Ну, кому же? Доверяют-то мне.

— Ну, подбери себе кого ты хочешь из защитников. Да, а это обязательно. На этот процесс, значит, ты пойдешь и Малкин[2]. Там одиннадцать подсудимых.

Вот было одиннадцать обвиняемых: начальник областного отдела землеустройства (это землемеры, в общем) Светлов[3]; главный инженер Артемьев; инженер этого отдела Муравьев; инженер этого отдела

---

[1] В пятницу 24 сентября газета «Рабочий путь» (№ 220) вышла с передовицей: «Враги народа перед советским судом». Она представляла обвиняемых на открывающемся назавтра в городском театре процессе землеустроителей «продавшимися агентами фашизма», «заклятыми врагами народа», «право-троцкистскими агентами фашизма», «обнаглевшими мерзавцами», «мерзкими гадами». И безошибочно предугадывала: «пролетарский суд вынесет свой беспощадный приговор этим бандитам!». В том же номере — «Сообщение областной прокуратуры». Из него мы узнаём, что в июле–августе 1937 г. органы УНКВД ликвидировали «вредительскую банду», которую возглавлял начальник отдела землеустройства Облземуправления Светлов. Он, согласно Сообщению, завербовал работников отдела Павлова (сына попа), Муравьева (ранее привлекавшегося к ответственности за вредительство), Артемьева («фашистского агента») и землеустроителей в районах — Власова, Собешкина, Токмачева (бывшего офицера), Кузнецова, Фалка, Московского (бывшего офицера), Лелянова. Среди пунктов обвинения — наделение единоличников «лучшими колхозными землями, которые им отводились в виде столыпинских хуторов», а конкретно Власову и Собешкину — что они отрезали «от колхоза “Восход” 13 га земли с 15 обобществленными постройками и передали эту землю в пользование местной больницы». (Надо отметить, что еще 26 июля 1937 г. Собешкин в РП № 169 одобрил меры руководства страны по введению правильного севооборота и отметил вредительское планирование со стороны смещенного (и арестованного) еще в начале 1937 г. руководителя Облзу).

[2] Малкин Самуил Соломонович (1887–?), ближайший партнер Меньшагина по довоенной адвокатской деятельности. Эвакуирован вместе с С.Н. Малкиной (женой?) в Исовский район Свердовской обл. (сведения на 1942 г:. https://yvng.yadvashem.org/index.html?language=ru&s_lastName=%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%B8%D0%BD&s_firstName=%D0%A1%D0%B0%D0%BC%D1%83%D0%B8%D0%BB&s_place=%D0%A1%D0%9C%D0%9E%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%A1%D0%9A&s_dateOfBirth=).

[3] Светлов Филипп Прокофьевич (1902 —19 ноября 1937; расстрел).

Павлов — это всё из смоленских, из областного аппарата. Потом старший землеустроитель Глинковского[1] района Токмачев и три землеустроителя этого же Глинковского района — Московский[2], Фалк и Кузнецов; землеустроитель Дорогобужского района Лелянов[3], старший землеустроитель Издешковского района Власов, землеустроитель Издешковского района Собешкин[4]. Вот, одиннадцать человек всего. Обвиняются же по 58-7 (вредительство) и 58-11 (участие в антисоветской организации).

Вот по этому делу я прочел справку о том, что Румянцев, первый секретарь обкома [расстрелян]. Значит, Светлов на предварительном следствии признал, что его завербовал в антисоветскую организацию Румянцев и дал ему задание проводить вредительство. Он распространил это по подчиненному ему аппарату, а те, значит, вредительствовали. Да, Власов на суде отказался от защиты, сам решил. А остальные десять человек по пять распределены были: пятерых защищал я — это трех глинковских землеустроителей: Московского, Фалка, Кузнецова; дорогобужского — Лелянова и издешковского — Собешкина.

Причем этот Собешкин довольно интересную судьбу имеет. Вы, конечно, знаете «Цусиму» Новикова-Прибоя? Так вот, в этом произведении Новикова-Прибоя этот Собешкин упоминается. Он работал радистом на том же броненосце «Орел»[5], на котором Новиков-Прибой был баталером. Они, значит, совершили с эскадрой адмирала Рожественского переход

---

[1] В *Меньшагин, 1988* (ошибочно): Линьковского района.

[2] Московский Илья Федорович (1884, Смоленск — ?), русский; беспартийный; сотрудник отдела землеустройства ЗапОблЗУ, землеустроитель Глинковского райзо. Арестован 23 августа 1937 г. 3-м отделом УГБ УНКВД по Западной области. Приговорен спецколлегией Западного облсуда 30 сентября 1937 г., обвинен по ст. 58-7, 11. Приговор: 2,5 года лишения свободы. Реабилитирован 3 октября 1960 г. ВС РСФСР (Книга памяти Смоленской области. Дело № 1589-с).

[3] Лелянов Ефим Нилович (1893, Дорогобуж Смоленской губ. — 19 ноября 1937, расстрел); русский; беспартийный; Дорогобужский райзо. Арестован 22 августа 1937 г. 3-м отделом УГБ УНКВД Западной обл. Приговорен: спецколлегией Западного областного суда 30 сентября 1937 г., обвинен по ст. 58.7 и 58.11. Приговор: расстрел. Реабилитирован 3 октября 1960 г. Смоленским областным судом (Книга памяти Смоленской области. Дело № 1589-с).

[4] Собешкин Иван Макарович (1880, д. Казанка Ельнинского уезда Смоленской губ. — 19 ноября 1937, расстрел), беспартийный. Землеустроитель Издержковского райзо. Арестован 24 августа 1937 г. УГБ УНКВД. Обвинен по статьям 58.7 и 58.11. Спецколлегией Западного облсуда 30 сентября 1937 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован 3 октября 1960 г. ВС РСФСР (Книга памяти Смоленской обл. Дело № 1589-с).

[5] Он был на другом крейсере — «Изумруд», о котором, по просьбе А.С. Новикова-Прибоя, написал воспоминания. Первое издание «Цусимы» вышло в 1935 г., но отдельные факты, сообщенные Собешкиным, учтены в последующих, начиная с 1940 г., редакциях романа (см.: *Перелыгин В.* Новые материалы к творческой

из Кронштадта через Балтийское море, Северное море, Атлантический океан, Индийский океан, Великий Тихий океан, и вот в Цусимском проливе между Кореей и Японией встретились с японским флотом 14 мая 1905 года, в день коронации Николая II. Произошел бой, наш флот был разгромлен, «Орел», в частности, броненосец потоплен, а Новиков-Прибой и Собешкин удержались на спасательных кругах и плавали в море. Их заметили японцы и подобрали, и они до конца войны пробыли в японском плену. Потом, когда война закончилась, их отпустили. Приехали домой. Вот Новиков-Прибой в конце концов стал писателем, а Собешкин — землемером. И работал он в Издешковском районе Смоленской области. Вот эти десять человек.

Ну, суть дела в том, что в 35-м году было издано постановление ЦК партии и Совнаркома СССР о закреплении за колхозами земли навечно[1]. Причем всё это должно было пройти в такой торжественной обстановке. Значит, обком, облисполком вручали каждому колхозу в лице председателя — на месте — грамоту на вечное пользование землей. А к грамоте должен быть приложен план земельных угодий, которые закрепляются. И вот землемеры эти районные должны были сделать эти планы. Ну, план требовал выхода на место и — знаете, как они там теодолитами измеряют. А тут требовало начальство: даешь скорей! Скорей, скорей, скорей! Причем был такой торг на три дня, и они там делали на глазок свои планы, вручали эти акты, а потом выяснялось, что этот клочок земли — пользуется всегда колхоз, допустим, [имени] Сталина, а по плану он попал в колхоз «Свободу» или в «Большевик». Перепутано всё.

Ну, они объясняли, что произошло это потому, что не имели времени, гнало начальство областное. Подгоняли. Вот это, значит, признали вредительством. Это происходило в 35-м году, а в 37-м году признали вредительством[2]. И преданы они были открытому суду в показательном поряд-

истории романа А. С. Новикова-Прибоя «Цусима» // Русская филология. II. Сб. студенческих научных работ. Тарту, 1967. С. 203–205).

[1] Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый II Всесоюзным съездом колхозников-ударников, был утвержден СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г. Имеется в виду раздел II устава — «О земле»: «Земля <...> есть общенародная собственность. Она, согласно законам рабоче-крестьянского государства, закрепляется за артелью в бессрочное пользование, то есть навечно <...>. РИК выдает государственный акт на бессрочное пользование <...>, в котором устанавливаются размеры и точные границы земли...»

[2] На июльском (1–5 июля 1937 г.) партсобрании в облсуде среди пунктов обвинения отстраняемому руководству было и такое: «На местах нарсуды, проводя указания Областного Суда <...> совершенно обходят молчанием факты о нарушении на местах Сталинской Конституции в части передачи земли на вечное пользование колхозов (решение Починковского райисполкома об изъятии земли от колхозов “3-й Съезд Советов” в июне месяце 1936 г. после вручения акта на вечное пользование землей)».

ке. Значит, полный зал народа. Да, дело слушалось уже не в помещении областного суда, а во Дворце труда[1]. Это самый большой зал. До революции там находилось Благородное собрание, а потом был Дворец труда профсоюзов. И этот зал был предоставлен областному суду́ для рассмотрения этого дела.

На сцене сидело три члена спецколлегии. Председатель областного суда Онохин и члены суда были — нет, это позже... стал забывать. Прокурор — сам прокурор области, Мельников[2]. И два защитника: Самуил Соломонович Малкин и я.

Стали отказываться они от своих признаний, которые давали на предварительном следствии. И говорить о том, что это сделано не умышленно, а в результате [спешки и халатности]. Ну, свидетелей допрашивали. Наконец, судебное следствие закончено, прения сторон. Ну, прокурор считает, что они это делали нарочно, чтобы возбудить недовольство среди колхозников, чтобы раздуть вражду между колхозами, побоища там, всякие беспорядки... И таким образом причинить ущерб советской власти, привести к ее свержению. Значит, прокурор просит восемь человек расстрелять, а трем землеустроителям Глинковского района — Московскому, Фалку и Кузнецову — по десять лет. Тогда еще десять лет был максимум.

Прения были 29 сентября вечером. Потом слово получили мы и просили — значит, я просил халатное отношение к службе, признал за ними 111-ю (она до трех лет была). Малкин просил снисхождения просто — боялся говорить о том, что вредительства нет.

Приговор был 30 сентября. Значит, собрались мы, вышел суд, зачитал приговор: десять человек расстрелять (прокурор просил восемь расстрелять, а суд дает десять расстрелов!) и одному Кузнецову — десять лет. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. 23 сентября, за неделю до этого приговора, — постановление ЦИК СССР о том, что пригово́ра по делам о террористических актах, вредительстве и диверсиях обжалованию не подлежат[3].

---

1 Смоленский межсоюзный клуб «Дворец труда»: тогда — ул. Ленинская, 3 (ныне Областной дворец культуры профсоюзов: ул. Ленина, д. 16). В то время соседнее здание с областным судом.

2 Мельников Георгий Иванович, член ВКП(б) с 1928 г., из рабочих, выпускник факультета советского права МГУ. Старший помощник облпрокурора, секретарь парткома облпрокуратуры, с середины 1936 г. — зам. облпрокурора. На середину сентября 1937 г. после ареста облпрокурора М. Н. Еремина — исполняющий обязанности прокурора области (РП. 1937. 16 сент. С. 4). Один из авторов брошюры «Сельский общественный суд» (М.; Смоленск, 1933). Обвинитель на многих процессах, защитником на которых выступал Меньшагин. О дальнейшей его судьбе см. в наст. изд., с. 291–294, 327–328 и др.

3 Постановление ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г. «О внесении изменений в действующие УПК союзных республик» (СЗ. 1937. № 61. Ст. 266) — дополнение к ст.

Так, значит, написали о помиловании в Верховный Совет СССР, а раньше — ЦИК СССР, что, дескать, если заслуги какие есть или семья там... И отказавшийся от защиты тоже просил меня написать ему о помиловании. Вот помню, я Собешкину писал, значит, что вот его пощадила японская война, пощадило Японское море, пощадил японский плен, и просил пощадить его, сохранить ему жизнь.

Там уже нельзя спорить, что я не виноват... По телеграфу передают эти самые в суд, туда, в Москву, в Президиум. И оттуда ответы; ну, правда, писали мы 1 октября это, а ответ пришел перед ноябрьскими праздниками. Об этих, Московском, Фалке, я писал, что даже прокурор просил им десять лет, а суд вот дал так. Вот этим двум Президиум ЦИК СССР заменил расстрел десятью годами. Значит, трое осталось с десятью годами, а остальным отказано. И их расстреляли — их расстреляли, а жен их посадили. И Особое совещание дало им по пять лет за недонесение о вредительской деятельности мужей, и отправили их в лагеря.

Теперь расскажу, что случилось дальше с этим делом. Надо вам сказать, что когда в ноябре 1938 года народного комиссара внутренних дел Николая Ивановича Ежова перевели народным комиссаром водного транспорта, а через неделю приехали к нему, забрали его и отправили туда же, куда и он отправлял, то назначен на его место был Лаврентий Павлович Берия, бывший до этого первым секретарем ЦК компартии Грузии. Он проявил прямо-таки удивительный либерализм[1].

Все дела, которые во внесудебном порядке лежали у них в Особом совещании в ожидании очереди, он приказал отправить для рассмотрения в местные областные суды, на местах. К нам привезли три грузовика — только в Смоленск: можете себе представить, что по Советскому Союзу было! Ну и вот, значит, стали многие дела прежние пересматриваться. В частности, у меня несколько дел таких прошло.

Приходит ко мне сестра этого осужденного, Московского, который в лагерях отбывает наказание, и говорит:

---

472 УПК РСФСР (по делам о контрреволюционном вредительстве и диверсиях); аналогичное дополнение о терактах было принято еще 10 декабря 1934 г. Помилование допускалось лишь в отношении «вредителей» и «диверсантов».

[1] Об устранении Ежова из НКВД было объявлено 8 декабря 1938 г. Однако, судя по тому, что его заместителем 20 июля 1938 г. был назначен Л. П. Берия, вытеснение «сталинского наркома» с ключевого поста началось гораздо раньше даты официального его смещения. 21 августа он был назначен наркомом водного транспорта, а к октябрю утратил ключевые функции в НКВД (ГУГБ и др.), и уже 2 августа ОСО заседало под председательством Берии (Огонек. 1987. № 42. С. 4). Последний раз имя Ежова упоминается официальной печатью в составе президиума на торжественном заседании по случаю годовщины смерти Ленина 22 января 1939 г.

— Я слышала, что вот такого-то освободили. Нельзя ли похлопотать за брата?

Я говорю:

— Давайте.

Значит, она внесла гонорар на поездку в Москву. Я затребовал из архива это дело и написал за трех оставшихся в живых, за всех трех — Кузнецова, Московского и Фалка. И поехал в Москву на прием к председателю Верховного суда СССР Голякову Ивану Терентьевичу[1]. (Между прочим, я считаю, что он очень был приличный человек и соответствовал своему назначению. Вот его могила сейчас на Новодевичьем кладбище есть. Ничего плохого нельзя сказать о нем.) Вот был я у него на приеме, и говорю, что по существу виноваты те, кто подгонял, а никакого там вредительства вообще не было. Он сказал: «Хорошо, мы проверим здесь это дело». Затребовал его из Смоленска в Верховный суд СССР. Это я был в июле 39-го года у него. А в апреле 40-го года Верховный суд по протесту Голякова этого, председателя Верховного суда, рассмотрел это дело и определил, что так как по делу не установлено никакого вредительства и участия в антисоветской организации, то обвинение всех обвиняемых квалифицировать по статье 109-й Уголовного кодекса — злоупотребление служебным положением. Меру наказания определить: Кузнецову, Фалку и Московскому — по два года лишения свободы, считать отбытым, из-под стражи освободить; Светлову, Артемьеву, Муравьеву, Павлову, Токмачеву, Собешкину, Лелянову, Власову (которых уже нет на свете) — по пять лет лишения свободы, но ввиду смерти осужденных приговор в исполнение не приводить. Откуда смерть? Как? Вот — это я своими собственными глазами читал, это определение. И, таким образом, этих трех выпустили.

Это было в апреле 40-го года, вернулось дело. В мае месяце ко мне на квартиру (я только собирался идти на работу) приходит Фалк. Это

[1] Иван Терентьевич Голяков (1888–1961), крупный деятель советских органов прокуратуры и суда, один из организаторов сталинских репрессий. Член ВКП(б) с 1918 г. В 1925–1933 гг. зампред. и пред. Военного трибунала БВО (центр — в Смоленске); в 1933–1938 — член Военколлегии Верховного суда СССР. Один из судей на минском процессе 11 декабря 1934 г. по делу «белогвардейцев-террористов» (9 подсудимых из 12 приговорены к расстрелу), а также (вместе с В. В. Ульрихом и И. О. Матулевичем) на московском процессе 23 января 1935 г. над ленинградскими чекистами во главе с Ф. Д. Медведем, не сумевшими пресечь действия «зиновьевской группы», в результате чего был убит Киров. В январе–апреле 1938 г. — прокурор РСФСР; в апреле–августе 1938 г. и. о. председателя, а с августа 1938 по 25 августа 1948 г. — председатель Верховного суда СССР. До выхода на пенсию в конце 1959 г. — директор и замдиректора по научной части Всесоюзного института юридических наук.

один из этих трех. Начинает с того, что он благодарит за хлопоты, которые, значит, привели его на свободу, и говорит мне:

— Знаете, жена моя сидит.

За недонесение, — о его вредительстве. И говорит:

— Вы знаете, какой кошмар? Защитники не имеют права по делам Особого совещания, во внесудебном порядке рассмотренным, участвовать и какие-либо документы не имеют права делать. А их Особое совещание судило.

Я говорю:

— Вот такое дело. Как быть?

Ну, и потом решили так (значит, я предложил ему), что в коллегию обращаться бесполезно, потому что заведующий консультацией откажет. Дела по Особому совещанию не подлежат к принятию к производству адвокатов. Но я напишу, значит, жалобу на имя прокурора СССР и, когда буду в Москве (а я там бывал три-четыре раза в месяц постоянно, каждый месяц), зайду в прокуратуру СССР и попытаюсь что-то сделать в этом деле.

Он очень доволен был, что я от себя написал жалобу за всех этих осужденных женщин. И вскоре я поехал в Москву. Один день уделил я, чтоб пойти в прокуратуру СССР. Пошел — очередь там к дежурному прокурору. Постоял, наконец дошло до меня дело. Я ему подаю жалобу. Он смотрит. Поднял голову, посмотрел на меня:

— Ведь вы защитник?

Я говорю:

— Да.

— Вы знаете, что защитники не имеют права?

— Знаю.

— Почему же вы взялись?

Я и говорю:

— Я так считаю, что дело это настолько вопиющее, что любой гражданин, кем бы он ни был, должен принять посильное участие в исправлении допущенной ошибки. Вы посудите сами — их посадили за то, что они не донесли о вредительской деятельности мужей. Теперь высший судебный орган нашей страны — Верховный суд СССР — признал, что никакого вредительства вообще не было, и мужей по этой статье оправдал. Дали им 109-ю, теперь эти люди, которые остались в живых, уже на свободе, а жены ихние сидят за то, что они не доносили — о чем? Ведь беспредметное обвинение!

— М-да! — он так. — Ну, хорошо, придите ко мне завтра. Я здесь поговорю с начальством.

Ну, я на другой день, значит, пошел опять. Он и говорит: решено опротестовать, обжаловать постановление Особого совещания в Президиум ЦИК СССР — да, тогда уже Президиум Верховного Совета СССР — для отмены их.

И только в 41-м году их выпустили. Только в 41-м году выпустили всех этих жен. А так они там тоже молотили. В общем они просидели четыре года из пяти — за здорово живешь!

...На этом закончилось это второе показательное дело.

Смоленск: показательный процесс ветеринаров

В ноябре месяце, 23-го ноября опять пришел Фокин и говорит:

— Ну? Ты уже, верно, готовишься?

Я говорю:

— К чему?

— А читал в газете, что завтра дело будет разбираться о вредительстве животноводов?[1]

— Читал.

— Ну, вот ты и Малкин пойдете на это дело. Следственными органами закончено предварительное следствие о работниках областного земельного управления, изобличаемых во вредительстве в животноводстве. Дело будет рассматриваться Смоленским областным судом с участием сторон в открытом судебном заседании. Дело будет рассматриваться во Дворце труда с такого-то часа.

Ну, значит, почитал я дело. По этому процессу проходит восемь человек. Первый заместитель начальника Смоленского областного земельного управления и он же начальник областного управления животноводства — Кадетский[2] Иосиф Васильевич; старший зоотехник этого управления Райхлин[3]; зоотехник этого управления Угорчиев[4]; начальник областного ветеринарного управления Коршаков[5], ветеринарный

---

1 Дело ветеринаров началось 25 ноября 1937 г. 3 августа во все обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий была отправлена шифрограмма за подписью Сталина и Молотова с требованием в каждой республике, краю и области организовать от 3 до 6 показательных процессов над вредителями по животноводству.

2 Кадетский Иосиф Васильевич (1896–?), бывший зам. начальника и начальник управления животноводства ЗапОблЗУ. См. Надзорное производство № 13/53 по обвинению Кадетского (на обложке и в описи, ошибочно: Кодетского), Коршакова и др. Начато: 20.01.1938; кончено: 04.02.1938, на 35 л. (ГА РФ. Ф. Р-9474. Оп. 2. Д. 2506).

3 Райхлин Израиль Залманович, (1901–?), бывший старший зоотехник ЗапОблЗУ. Автор статьи: Кормление высокомолочных коров // Колхозный организатор: Двухнедельный массовый агрозоотехнический журнал. Орган Смоленского обл. земельного управления (Смоленск). 1937. № 16. С. 9–12 (вышел в конце октября).

4 Правильно: Ургорчеев Александр Кириллович, ЗапОблЗУ.

5 Коршаков Александр Устинович (1902–?), бывший главный ветеринарный врач и и. о. начальника ветеринарного управления ЗапОблЗУ. Ср.: «В ряде ветеринарных управлений на ответственнейших постах работают случайные люди. (Ветуправление Западного облзу т. Коршаков, Ветуправление Калининского облзу

врач Рокачевский[1], начальник конеуправления Фомин[2]; бывший начальник конеуправления, а теперь первый секретарь Вяземского райкома партии Юрмальнек[3] и научный сотрудник Всесоюзного института экспериментальной ветеринарии в Москве, в Кузьминках, Юранов Александр Петрович. Восемь человек. 58-7, 58-11. Ну, к этому времени уже выпало по 25 лет, потому что 2 октября 1937 года Президиум ЦИК СССР, «руководствуясь гуманными соображениями», исходя из того, чтобы можно было тем лицам, для которых десять лет мало, а расстрел необязателен, дать другой срок — значит, продлить еще — лишения свободы до двадцати пяти лет[4].

Так, значит, восемь человек. 23 ноября это мне сказали, я читал дело. А на другой день — выходной (тогда выходные были: шестого, двенадцатого, семнадцатого, двадцать четвертого, тридцатого). Вот 24-го, значит, выходной день. Во Дворце труда начинается процесс. Опять народу набилось! Плохо. Ну, я, значит, подошел к этим обвиняемым. Я защищал двоих: Кадетского (это самая центральная фигура) и московского этого сотрудника Юранова[5]. Пятерых защищал Малкин. А один, Юрмальнек, на суде заявил так:

— Я член партии с 1905 года, участник трех революций — 905-го, Февральской 917-го, Октябрьской 917-го, участник Гражданской войны. Я уверен, что найду общий язык с пролетарским судом. Поэтому никакие посредники мне не нужны. От защиты я отказываюсь.

т. Иоффе» (*Бояршинов И.Н.* Задачи ветеринарии в свете решений пленума ЦК ВКП(б) // Советская ветеринария. 1937. №5. С. 3). Ветуправлению ЗапОблЗУ и лично Коршакову было высказано неодобрение и за то, что на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке были «выделены животные, неблагополучные по туберкулезу и бруцеллезу» (*Гинзбург И.В.* Шире развернуть работу по подготовке к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке // Там же. С. 6).

1 Рокачевский Виктор Федосеевич (1899–?), бывший инспектор ветеринарного управления ЗапОблЗУ.

2 Фомин Иван Дмитриевич (1887–?), член компартии с 1917 г., бывший начальник конеуправления ЗапОблЗУ.

3 Юрмальнек Ян Юрьевич (1892 — 8 ноября 1937 г., расстрел), латыш, старый большевик-подпольщик (член компартии с 1912 г.). На советской и партийной работе с 1919 г. С 1931 г. — председатель Вяземского райисполкома, позднее — секретарь Вяземского райкома ВКП(б). На партсобрании в Западном облсуде 3 октября 1937 г. звучали многочисленные обвинения Юрмальнека, в том числе во вредительстве в сельском хозяйстве. Перед арестом — начальник конеуправления ЗапОблЗУ. В 1937–1938 гг. преследованиям и репрессиям были подвергнуты и другие управленцы-латыши (*Суперфин Г.* Комментарий // *Меньшагин, 1988*. С. 191–192).

4 Постановление ЦИК СССР // Известия. 1937. № 231, 3 октября. С. 2. Формулировка «гуманные соображения» отсутствует.

5 Юранов Александр Петрович (1904–?), руководитель научной экспедиции Всесоюзного института экспериментальной ветеринарии в усадьбе «Старые Кузьминки», Москва.

Ну что ж, отказываешься — для нас лучше. Я его должен был защищать, этого Юрмальнека, — он отказался. Значит, отпал. Пятерых защищал Малкин, я — двух.

На предварительном следствии — нет, три из них признали себя виновными в том, что они действительно были завербованы первым секретарем обкома Румянцевым и по его заданию проводили вредительство, уничтожали скот, срывали заготовки кормов. А когда я разговаривал с этим Кадетским, он говорит:

— Я ни в чем не виноват... Потому что, знаете, такие обстоятельства: не выдержал — били! Не выдержал!

А Юранов не признал себя виновным, тот московский. Он мне говорит, что «я действовал так, как по инструкции». Он был послан в командировку в племенной совхоз «Сычевка» Смоленской области для оздоровления стада, больного бруцеллезом. Первая стадия — это выявить всех больных, потому что многие болеют бруцеллезом в скрытой форме, а уже которая застарелая, переходит в открытую. Выявить [это] можно путем прививки агглютинации[1]. Если корова здоровая, она не реагирует, если больная — то у нее появляются нарывы[2]. Значит, эту отделяют от здоровых. А обвинение возникло на основе показаний свидетелей — доярок этого совхоза, которые говорили и на суде повторяли:

— Такая хорошая коровка! Он как кольнет ее, она на другой день заболела! Нарыв большой.

Значит, начинается судебное заседание. Этот Юрмальнек отказался от защиты — мне остается двое. Ну, как полагается, председательствует председатель областного суда Онохин, и члены областного суда Новиков[3]

---

[1] Склеивание и выпадение в осадок из однородной взвеси бактерий, эритроцитов и других клеток, несущих антигены, под действием специфических веществ — агглютининов.

[2] Меньшагин описывает, скорее всего, так называемый аллергический метод диагностики бруцеллеза, когда для выявления скрытой формы этой болезни под кожу животного вводятся препараты, приготовленные из бруцелл. См.: *Юранов А.П., Степанова А.А.* Испытание аллергических препаратов при диагностике бруцеллеза у крупного рогатого скота и свиней // Советская ветеринария. 1934. №3. С. 32–35.

[3] И.И. Новиков значится в облсуде в 1936 г., где выполнял и общественную работу (кружок партпросвещения). Во время исключения из партии бывшего зампредсуда С.С. Грачева (11–12 августа 1937; через несколько месяцев он уже «враг народа»), по-видимому, отбывал срок. Реабилитирован, в 1962 г. — общественный ревизор в Смоленском облсуде (Сов. юстиция. 1963. № 1. С. 2) член суда С.Ф. Селиловский назвал Новикова «подхалимом Грачева». 2 сентября 1937 сам Новиков в самокритическом порыве признался: «...я не знаю судоустройства, а меня заставляют преподавать». И тут же «стукнул» на коллегу по спецколлегии: «Оглоблин быстро умеет перестраиваться, он подхалимствовал Адрианову и сейчас

и Лоц[1]. Прокурор Смоленской области Мельников обвиняет, и два защитника защищают.

— Имеют ли какие ходатайства стороны?

Прокурор говорит:

— Ходатайств не имею.

— Защита?

Я встаю и говорю:

— Да, я имею ходатайство. Ввиду того, что между показаниями обвиняемого Юранова и свидетельниц таких-то, доярок совхоза «Сычевка»[2], имеются коренные противоречия: он считает, что он действовал правильно, в соответствии с имеющейся инструкцией, и заразить этими пилюльками никак не мог, а они считают, что он заразил, — ввиду того, что ни вы, товарищи судьи, ни прокурор, ни мы, защитники, не обладаем специальными знаниями и поэтому не можем прийти к какому-то определенному неоспариваемому выводу, — я считаю, что по делу необходимо произвести научную экспертизу. В качестве экспертов я рекомендую (это мне Юранов подсказал) профессора Тимирязевской сельскохозяйственной академии Тарасова[3] или академика Белорусской сельскохозяйственной академии в городе Горки Могилевской области Вышелесского[4] — на усмотрение суда. Поэтому прошу: дело слушанием отложить,

---

начинает подхалимничать Онохину, его надо направить в Гражданскую коллегию для работы». Той же осенью 1937 г. Новиков был избран зам. секретаря парткома облсуда.

1 По-видимому, Лоц — бывший работник Рабоче-Крестьянской инспекции (СА: протоколы партсобраний облсуда в фонде Сталинского райкома г. Смоленска, собрание 11 октября 1936 г.). В облсуде в 1936 г. — в уголовной кассационной коллегии (Советская юстиция. 1938. № 15. С. 37–38, в связи с процессуальными нарушениями слушаний с участием Лоца).

2 По-видимому, Сычевская опытная животноводческая станция, позже Сычевская ордена Ленина государственная племенная станция. Ср.: «Хорошо жилось колхозникам Сычевского района до войны. Всего у нас было вдоволь <...> главная наша гордость заключалась в общественном животноводстве. Громкой славой пользовались сычевские симменталы по всей стране. <...> С каждым годом скота становилось у нас всё больше. С каждым годом повышалась его продуктивность. <...> Пришел немец — изверг рода человеческого в серо-зеленой шинели, и от благополучие нашего не осталось камня на камне» (Вернем колхозной Сычевке ее былую славу // Правда. 1943. 22 ноября).

3 Скорее всего, имеется в виду бактериолог Сергей Иванович Тарасов (1875(?)–?).

4 Вышелесский Сергей Николаевич (1874–1958), эпизоотолог, академик АН БССР, с 1928 г. одновременно зав. туберкулезным отделением Института экспериментальной ветеринарии и зоогигиены, где работал Юранов; с 1931 г. в Казахстане (по новым сведениям — в бактериологической лаборатории-«шарашке» РККА в Суздале). С 1934 г. в Москве, с конца 1930-х гг. профессор Военно-ветеринарной академии РККА.

возвратить органам следствия для производства дополнительного расследования путем организации научной экспертизы.

Так. Мнение прокурора:

— Я считаю ходатайство неосновательным, прошу отказать.

— Так. Защитник?

Значит — Малкин:

— Я поддерживаю ходатайство.

Онохин покивал на своих членов, повернулся в одну сторону, в другую:

— Суд, совещаясь на месте, определил: вопрос оставить открытым и вернуться к обсуждению этого ходатайства в зависимости от хода судебного следствия.

Ну, я удовлетворен таким исходом. Начинается следствие. Значит, первым — главного самого, Кадетского, который их всех завербовал. Он получал [задания] от Румянцева, а уже дальше действовал.

— Ну, Кадетский, признаёте себя виновным? — Онохин говорит.

— Нет, не признаю.

Прокурор:

— Как не признаёте? Вы же признавали себя виновным на предварительном следствии! Почему не признаёте?

— Я считаю себя коммунистом и могу дать ответ на этот вопрос только в закрытом судебном заседании, — отвечает Кадетский.

Игнорируют это заявление. Продолжается дальнейший допрос. Потом, значит, дает слово мне. Что-то я спрашивал там, Малкин. Следующий подсудимый.

Всех допросили, свидетелей допрашивают. Ну, свидетели подтверждали, что вот — доярки, помню, очень живо, одна такая в платочке там:

— Ну, как же, такая хорошая коровка, так жалко ее. Как кольнул ее, так и погубил. Там у нее большой нарыв. Коровку задрали, — говорит.

Помню, зоотехник там один, Ивашкин был. Вот он рассказывал то же самое — о вредительстве (потом этот Ивашкин тоже мне попался на моем пути):

— Все мы считали, что это вредительство.

Допросили всех. Онохин говорит — это, значит, уже 27 ноября, начали 24-го; допрашивали 24-е, 25-е, 26-е, 27-е; судебное следствие подошло к концу, допрос свидетелей окончен.

— Чем стороны могут дополнить судебное следствие? Товарищ прокурор?

Мельников встает и говорит:

— Я считаю, что судебное следствие проведено с достаточной полнотой, обстоятельства дела выяснены, и прошу перейти к следующей стадии процесса — прениям сторон.

— Так. Защита?

Я встаю и говорю:

— Я считаю необходимым возвратиться к тому ходатайству, которое я заявлял перед началом судебного следствия, и считаю, что судебное следствие, которое проведено — действительно, я согласен с прокурором, с полнотой, возможной для судебного заседания, — не разрешило этого вопроса. И для разрешения его необходима экспертиза, допрос следующих лиц. Поэтому я прошу дело отложить, направить органам расследования для производства дополнительного следствия путем организации экспертизы.

— Товарищ Малкин?

— Я поддерживаю ходатайство. (Значит, мое.)

— Товарищ прокурор, ваше мнение о ходатайстве защиты?

— Я считаю, что защитник просто стремится сорвать процесс, поэтому прошу в ходатайстве отказать.

Суд удаляется на совещание для обсуждения ходатайства защиты. Минут пятнадцать они были на совещании, вышли — прочитали определение, что, заслушав ходатайство защитника такого-то и мнение прокурора, полагавшего в ходатайстве за необоснованностью его отказать, считает ходатайство необоснованным и определяет — в ходатайстве отказать.

— Есть какие еще дополнения?

Я говорю:

— Нет.

Судебное заседание закончено, переходим к прениям сторон. Речь для поддержания обвинения имеет прокурор Смоленской области товарищ Мельников.

Мельников начал так:

— Товарищи судьи! Мы живем хорошо, но мы жили бы еще лучше, если бы не эти люди, сидящие тут на скамье подсудимых. Вот у нас сейчас еще не хватает мяса. А почему? Потому что они уничтожали коров, уничтожали скот[1]. У нас сейчас еще чувствуется недостача молочных продуктов. А почему? Они срывали заготовку кормов. Вот этот-то импортных овец заразил паршой с целью причинить ущерб в валюте нашему пролетарскому государству, — говорил, говорил. — Великий пролетарский писатель Максим Горький говорил, что, если враг не сдается, врага

---

[1] Меньшагин столкнулся тогда с одним из почти повсеместных массовых проявлений политико-репрессивной деятельности того времени, причем ветеринары в силу повышенной «уязвимости» их профессии в свете обвинений во вредительстве являлись классической жертвой. См., например, другие случаи в комментариях Суперфина (*Меньшагин, 1988*. С. 192–194).

уничтожают[1]. А вот здесь, на данном судебном процессе, подсудимый Кадетский пытался бросить тень на славные органы сталинской разведки.

Значит, он понял, в чем дело там, почему он в закрытом [заседании] хотел дать объяснения.

Да, поэтому, значит, он требует всех обвиняемых расстрелять. Восьмерых. Дурная трава и с поля вон, поэтому всех расстрелять.

Потом дали слово мне. Я сказал насчет того, что вот, к большому своему сожалению, я не считаю себя вправе сказать вам, товарищи судьи: мои подзащитные невиновны, оправдайте их! Но не потому, что я убежден в их виновности, а потому, что вопрос этот не получил достаточной ясности, а население области слишком взволновано и ждет решающего ответа, не допускающего никаких двусмысленностей.

Да, надо вам сказать, что дело состояло из трех томов и добавился во время судебного заседания четвертый том — протоколы общих собраний, проведенных во всех совхозах, колхозах, предприятиях, учреждениях. Везде трудящиеся провели митинги и постановили: «Просить пролетарский суд уничтожить гадов!»

И поэтому я снова говорю: отправить дело к доследованию для производства экспертизы.

— Малкин?

Малкин просил о снисхождении, указывал [на то], что его подзащитные не играли главной роли, решающей роли, а [играли] второстепенную роль, поэтому нецелесообразно расстреливать их, просил сохранить им жизнь.

После того Мельников взял слово, и уж он напал на меня. Не столько он подсудимыми занимался, сколько он занялся мной. Что вот я поставил себе целью сорвать процесс, не допустить вынесения приговора — приговора, который ждет всё население области. А я вот злокозненно так действую. И, значит, он просил расстрелять их.

На этом Онохин объявил перерыв до утра. Ну, правда, было уже одиннадцать часов. Двенадцатый час наступил ночи, значит. Оборвали.

Утром дали мне ответ прокурору. Ну, я, значит, коротенький ответ; повторил то, что уже говорил. Последнее слово — никто не признал себя виновным. Удалились на совещание. В семь часов вечера вышли. То есть долго совещались. Вышли с приговором. Значит, считают обвинение доказанным, и всех восемь человек расстрелять. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит, может быть подано только [прошение] о помиловании.

---

[1] «Если враг не сдается — его уничтожают» — название статьи М. Горького, 15 ноября 1930 г. опубликованной одновременно в «Правде» и в «Известиях». Ср.: «Против нас всё, что отжило свои сроки, отведенные ему историей; и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, — его истребляют».

Надо вам сказать, что, когда начался процесс, Юранов просил меня послать телеграмму (московский он; в Кузьминках Институт находился и он жил) его жене, что вот начался суд. Я послал эту телеграмму, но никакого ответа не было, и она не приезжала, и ничего.

29 ноября засел за помилование. Значит, своим — Кадетскому и Юранову; и вот тот старый большевик с 905-го года, который надеялся найти общий язык с пролетарским судом, тоже, когда зачитали приговор, попросил меня написать ему [прошение] о помиловании. Значит, я писал три[1], и Малкин — пять[2]. Засел за помилование, а это такая очень тяжелая, не столько она сложная, сколько как-то угнетающая работа. Вот начал писать, вдруг секретарша говорит:

— Борис Георгич, это к вам.

Подходит дама.

— Вы защищали Юранова?

— Я, — говорю, — я.

— Я его жена. В каком положении дело?

Ну, я:

— Вчера был приговор. К высшей мере наказания — расстрелять.

Ох, как она закричит! Платье стала рвать с криком. Вбежала машинистка и секретарша. Взяли ее за руки. И в это время вошли остальных семь жен. Значит, узнали, что это тоже ихняя подруга по несчастью, повели ее в коридор. Уговаривали там, не знаю.

Потом она пришла уже успокоенная, стала спрашивать, когда я пойду в тюрьму[3], пойду ли и когда. Я говорю, что пойду завтра в тюрьму — выходной день, утром пойду, потому что я не успею сегодня всё сделать.

— Может быть, вы передадите ему письмо от меня?

Ну, я говорю:

— Давайте. Напишите небольшое письмо, я его передам.

Она дала. Значит, 30-го я пошел в тюрьму. Их уже перевели в смертники, значит, там в подвальном этаже — это камеры, где осужденные смертной казни ожидают. Вызывали по очереди. Знаете, так они меня замучили — каждый хочет дополнить еще и то-то вспомнить, и то-то. По существу, это решительно никакого значения не имеет, но, знаете, человек — ведь речь идет о жизни и смерти, поэтому понимаешь это. Но очень я замучился.

---

[1] См. надзорное производство по этому делу (ГА РФ. Ф. Р-9474. Оп. 2. Д. 2506. Л. 29–33).

[2] См. надзорное производство по этому делу (Там же. Л. 25–28).

[3] Тюрьма (следственный изолятор и спецпсихбольница), как и сейчас, находилась на углу Киевского (совр. пр. Юрия Гагарина, д. 16) и Краснинского шоссе (ныне ул. Николаева).

Поэтому я, когда Юранова вызывали, то вместе с жалобой дал я ему это письмо, чтобы он прочитал, и [он] говорит:

— Можно мне — я напишу ответ ей?

— Ну, напишите, будто бы вы в жалобе...

Я дал бумаги ему, он, значит, написал. Я это в портфель положил, ну, там так — ведь я часто бывал в тюрьме, так что там эта стража знала меня. Они так прохаживались, не обращали внимания.

Подписал я помилования, сразу вышел. На крыльце областного суда, договорено было, что она будет меня ждать, и там я отдал ей письмо. 1 декабря утром являются все восемь жен.

— Просим вас, поезжайте в Москву, спасайте мужей!

Надо сказать, это было несколько неожиданно. Во-первых, страшно. Страшно ведь. Все требуют [казни]. Да и в то время каждую ночь забирали людей. По области были забраны у нас, в Рославле двух адвокатов забрали, и еще в каком-то районе тоже забрали[1]. Я и говорю:

— Хорошо, я подумаю над этим вопросом, что можно сделать...

Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает, что приговоры, вступившие в законную силу, — а в данном случае этот приговор в законную силу вступил с момента вынесения, поскольку он обжалованию не подлежит, — могут быть обжалованы в порядке надзора председателем Верховного суда или прокурором СССР, председателем Верховного суда РСФСР или прокурором РСФСР, которые имеют право приостановить приговор, истребовать дело для проверки суда. Но это допускается в исключительных случаях.

Да, значит, когда они вышли — эти жены, — наши адвокаты стали:

— Вы что, Борис Георгиевич, ехать хотите? Вы что, о двух головах? Разве вы не понимаете, что это за дело? Вся область! Вы что, не видели, что вот такой том с протоколами!

Я всё видел, конечно же.

---

[1] О репрессиях среди адвокатов в Смоленске в 1937 г. сведениями не располагаем. В 1935 г. бюро Западного обкома постановило распустить президиум коллегии защитников во главе с Любомудровым, предать их суду, поскольку в коллегию был открыт доступ «осужденным, вычищенным из аппарата, исключенным из ВКП(б) троцкистам-зиновьевцам, лицам из раскулаченных, торговцев, служителей культа, взяточникам, растратчикам», а «молодые советские специалисты» преследовались (Советская юстиция. 1935. №11. С. 23). По-видимому, в 1936 г. дефицит защитников был настолько велик, что только что кончившие юридические курсы направлялись прежде всего на работу в качестве членов коллегии защитников, а не в суды, что было поставлено в вину С.С. Грачеву как антисоветская трактовка выборов в суд по новой Конституции (СА). В конце января — начале февраля 1938 А.Я. Вышинский осудил кампанию Н.В. Крыленко по «аттестации коллегий защитников», т.е. чистку адвокатур (Советская юстиция. 1938. №7. С. 15).

— Вы свое дело сделали. Вас назначили защищать на этом процессе. Они даже вас не приглашали. Вы-то, вы по назначению суда выступали. Сделали свое дело — помилование написали. Всё. По такому делу ехать нельзя!

Я пошел к председателю коллегии.

— Вот, Иван Яковлевич, жены просят поехать по этому делу вот о вредительстве в животноводстве в Москву в порядке надзора. Как ты смотришь?

— Так я ж не знаю дела. Ты сам смотри. Если ты считаешь приговор правильным, откажи. Неправильным — поезжай.

Ну, значит... Да, а Малкин тут:

— Мне папа сказал, что (а он старше меня был... Мне в то время было 35, тридцать шестой год шел, а ему примерно лет 55 было. Так примерно на 20 лет он старше меня был) — Мне папа сказал, что лучше ты будь плохим защитником, но хорошим гражданином.

Так что он отказался от разговоров на эту тему. Они со мной, значит, разговаривали.

И вот, я помню, всю ночь не могу заснуть. Что делать? С одной стороны, ведь защитник обязан, а с другой стороны, действительно правы те, что говорят, что страшно. Да я сам понимал, что страшно.

Ну, утром приходят они и говорят:

— Идите, оформляйте. — Значит, ордер пусть выпишут мне пусть на составление жалоб и поездку в Москву к Прокурору СССР.

Малкин говорит:

— Ну, я тогда поеду с вами.

Поездка-то выгодная, он задолжал. У него, тем более, пять человек, а у меня трое. И тут Терещенко, который постоянно ходил в спецколлегию, до тех пор, до этих показательных процессов, когда меня стали посылать, был тоже на процессе, но в закрытом заседании, о вредительстве на Навлинском сахарозаводе, в Навле (тогда это была Западная область, а потом — Брянская[1]), сказал женам, чтобы тоже деньги несли и ордер выписывали.

Значит, я засел за жалобы. Утром три жалобы составлял. Вечером пошел в тюрьму. Отдал и не пошел сам, не стал их вызывать, отдал дежурному по тюрьме. И говорю:

— Снесите им, пусть подпишут, и мне обратно принесете.

Дежурный (ему еще лучше) отправился туда, принес мне обратно подписанные жалобы.

---

[1] На основании постановления ВЦИК от 27 сентября 1937 бывшая Западная область была «разукрупнена». Из бывших Западной и Курской областей были созданы Смоленская, Курская и Орловская области. Навля отошла к Орловской обл.; в 1944 переведена в Брянскую (Административно-территориальное устройство Смоленской области. Справочник. М., 1981. С. 414).

Значит, я пошел вот вечером на вокзал, в два тридцать был поезд скорый Минск–Москва. А в этот день заказали мы билеты, два билета, даже три — потом Терещенко добавился. Прихожу на вокзал, они тоже уже на вокзале, Малкин и Терещенко. Сели в вагон, приезжаем в Москву. Ну, я-то Москву знал, потому что часто здесь бывал, а они-то нет. Они изредка только. Повел я их в Прокуратуру СССР на Большую Дмитровку[1]. Это Большая Дмитровка, 15, улица Пушкина теперь. Там когда-то был Московский комитет партии, а потом была Прокуратура СССР. Дом стоит так в глубине. И подходим к этому дому, смотрим: что такое? — весь этот палисад перед домом полон народу. Я спрашиваю одного мужчину:

— Куда это? Чего ждут? Очередь, что ли, какая?

А вот это всё с жалобами к Прокурору СССР, в порядке надзора.

Ходит милиционер там, порядок наводит. Я подошел, говорю:

— Вот мы трое — защитники из Смоленска, приехали с жалобами к Прокурору СССР по делу с высшей мерой.

— А вам тут стоять не надо, идите в комнату, — кажется, 228, но не ручаюсь за точность, — к старшему помощнику Прокурора СССР товарищу Тадевосяну[2]. Он занимается этими делами.

Мы вошли, разделись, пошли, значит, наверх, нашли эту комнату. Открываем дверь: сидят две женщины — секретарша и машинистка. Значит, вошли я и Малкин... Я и говорю, что мы защитники из Смоленска. Приехали с жалобой на имя Прокурора СССР по делу с высшей мерой. Нам милиционер сказал на улице, чтобы мы шли к товарищу Тадевосяну.

Секретарша говорит:

— Он вам правильно сказал, только я не знаю, когда товарищ Тадевосян сможет вас принять, потому что он сейчас уезжает по срочному делу.

И в это время открывается дверь следующей комнаты, выходит высокий кавказец. Шинель до пят, как у Сталина, серая, такая же, как Сталин

---

1 В 1939–1993 гг. — Пушкинская улица. Большая Дмитровка — ее историческое и современное имя. Прокуратура СССР находилась в доме 15а.

2 Тадевосян Врамшапу Самсонович (1900–1979), доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РСФСР. В Прокуратуре СССР с 1935 г., сначала прокурор для поручений при Прокуроре СССР. К концу войны — гос. советник юстиции III класса, нач. группы по делам о несовершеннолетних при Прокуроре СССР. В 1946–1948 гг. помощник Главного обвинителя на процессе главных военных преступников в Токио, в 1948–1949 гг. — прокурор Армянской ССР, член ЦК КП Армении. Затем на научной работе, зам. директора Института государства и права АН СССР. После XXII съезда КПСС подвергся критике как сторонник взглядов Вышинского на соотношение «истинности» и «вероятности» в советской следственно-судебной теории и практике (*Бовин А.* Истина в правосудии // Известия. 1962. 8 февраля; Государство и право. 2000. № 10. С. 126–127).

носил, барашковая шапочка. Он и сейчас жив, между прочим. Он работал в Институте по исследованию преступности последнее время; сейчас он, может, и на пенсии уже, но недавно я его встречал статьи в юридическом журнале.

Она:

— Товарищ Тадевосян, здесь вот защитники из Смоленска приехали по делу с высшей мерой. Когда вы сможете их принять?

— Давайте! — повернулся, обратно пошел в комнату.

Я скорей за ним, Малкин за мной. И прошли. Я портфель открываю, достаю, значит, жалобы, кладу ему. Малкин вытащил, положил. Он смотрит, отчеркивает красным карандашом что-то, нотабене поставил в одном месте. Перевернул страницу-другую...

— Я не могу разрешить вашего дела. Вам придется встретиться с Андреем Януарьевичем[1]. Не знаю, когда он вас сможет принять. Придите ко мне завтра в десять часов.

Ну, значит, ушел — мы удалились. Вышли в приемную, где мы были. Я думал, Терещенко ждет, потому что у него другое дело. Смотрю — никого нет. Я скорей в коридор. Не видно. А там, значит, в коридоре такие колонны стоят. И смотрю, за колонной одной на расстоянии выглядывает Терещенко. Я говорю:

— Василий Палыч, скорей! А то он уедет.

Он говорит:

— Нет, я сейчас не могу идти.

— А почему?

— Так я еще жалобу не написал.

Ох, как я рассердился! Приехал человек по такому ответственному делу, с высшей мерой наказания (нет, у тех не было высшей, всем было по двадцать пять), а он даже не изволил в Смоленске там потрудиться, жалобу написать. Только он по телефону созвонился, чтобы выписали ему ордер, внесли деньги, и приехал. А так как он нигде знакомых не имел, то он ночевал в комнате для приезжих на Белорусском вокзале. А писал — знаете, там почта? Где пишут телеграммы обычно: «Доехал благополучно». Он там писал эти жалобы в порядке надзора. И уже потом не знаю, как он ходил, как его принимали.

Но я там в коллегии состоял консультантом и в президиуме для надзора по качеству работы адвокатов — по назначению президиума. Потому что считался квалифицированным, знающим адвокатом. Ну, мне помогала еще и память (я с детства хорошей памятью обладал), так что даты эти все я помнил, еще когда учился, хронологию всегда знал. Историю очень любил. Ну, на производственном совещании я поднял этот вопрос, что

---

[1] Вышинским.

Терещенко так сделал. Тут наши адвокаты, которые говорили, что нельзя ехать по этому делу, сказали:

— Как можно так делать? Поехать по такому делу без жалоб!

Ну, его, значит, пропесочили.

На другой день прихожу я и Малкин. Малкин сидит. Значит, заходим в комнату.

Секретарша:

— Вы защитники из Смоленска?

Я говорю:

— Да.

— Вас товарищ Тадевосян ждет.

Значит, заходим в ту дверь. Вошли. Он:

— Защитники из Смоленска?

— Да.

— Идемте!

Пошли еще выше. «Прокурор Союза Советских Социалистических Республик». Вошли в комнату. Большая комната. Приемная, видимо. Стоят диваны, на диванах человека три или четыре сидят.

— Ну, сядьте!

Мы сели с Малкиным, он [Тадевосян] прошел в следующий кабинет. Потом вышел, куда-то ушел, потом опять пришел. Минут сорок пять так мы ждали, может, пятьдесят. Потом открывает дверь.

— Защитники из Смоленска!

Мы вошли. Значит, я — вперед, Малкин — за мной.

— Садитесь.

Там стоит большой такой стол, и перпендикуляром от него другой стол; видимо, совещания когда бывают, сидят. Сели в углу, на мягкие кресла. Он [Вышинский] смотрит жалобы наши. Потом поднял голову, посмотрел на Малкина, на меня.

— Вот вы — защитники. Вы приезжаете сюда и начинаете: и то не так, и это не по-вашему, всё дело неверное. А что вы там на месте делаете? А там вы: «Согласен с товарищем прокурором, прошу снисхождения», — дальше этого вы не идете.

Я говорю:

— Это неверно, я три раза поднимал вопрос о направлении дела на доследование для производства научной экспертизы, о чем пишу в жалобе.

— Так ли это?

Я говорю:

— Да, так!

— Что же, и в протоколе судебного заседания это записано?

Я говорю:

— Да.

— А что, вы протокол читали?

Я говорю:

— Конечно, читал.

— А что появляется в протоколе?

Дескать, заявляется одно, а делается другое. Но это правда, между прочим, он прав был.

— Ну, хорошо. Я приостановлю исполнение приговора, и мы дело проверим здесь. Но предупреждаю: если в деле мы не увидим того, что вы тут понаписали, я тут же против вас возбуждаю дисциплинарное дело.

Ну, я говорю:

— Это правильно будет. Такими же не шутят делами.

— Всё![1]

Значит, поклонились, ушли.

Я пошел на телеграф, там ждала вот эта самая жена московского, Юранова. И я передал, что приостановлен приговор, в порядке надзора будет проверяться [дело] в Прокуратуре СССР.

У нас в Москве жена одного адвоката московского, Молчанова[2], по нашим поручениям наводила справки. Потому что, если выступать, — вот того же летчика я должен был защищать в Верховном суде РСФСР, а Верховный суд повесток не посылает, а вывешивают в коридоре объявления: такое-то дело слушается тогда-то, тогда-то, тогда-то, такое — тогда-то. Вот она ходила и проверяла. И когда увидела дело, которое мы ей поручили, она давала телеграмму нам: «Дело такого-то слушается тогда-то». И вот я написал ей, чтобы взяла на учет дело это и наводила бы справки в Прокуратуре СССР.

И вот 25 января 38-го года, уже, значит, спустя почти два месяца после вынесения приговора к расстрелу (к расстрелу приговорили 28 ноября, а это 25 января), — это был Татьянин день как раз. Когда-то это был праздник Московского университета, а у жены моей была приятельница Татьяна, и она говорила, чтоб я не задерживался, а приходил бы домой, чтобы пойти на именины в гости.

Я собрался уходить: уже четыре часа, конец занятий. [И тут] секретарша говорит:

— Борис Георгич, вам телеграмма.

---

[1] 20 января 1938 г. Генпрокурор СССР А.Я. Вышинский обратился в ВС СССР с протестом по этому делу. И уже 4 февраля 1938 г. председатель ВС СССР Винокуров отправил председателю Смоленского облсуда телеграмму об отмене приговора и о передаче дела на новое расследование.

[2] Молчанов А.Л., член коллегии защитников Бауманского района Москвы (Вся Москва. М., 1936. С. 65).

Беру телеграмму. Оказывается, от Молчановой телеграмма: «Приговор по делу Кадетского и других протесту Прокурора СССР Верховным судом СССР отменен полностью передачей дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия», — то есть то, что просил я в Смоленском суде. Я прочитал вслух телеграмму эту. Наши защитники: «Ох, батенька, как вам повезло! Ах, как вам повезло!»

Я тогда поднялся на второй этаж в спецколлегию и говорю секретарю Петухову[1]:

— Петухов, у вас есть какие-нибудь сведения по делу Кадетского и других?

— Да нет. Вот ты тогда съездил, от Вышинского была телеграмма, затребовали дело. Ничего неизвестно — дело в Москве.

Я говорю:

— Вот я получил телеграмму — приговор отменен.

— Как отменен?

Я говорю:

— Ну как, что ты в первый раз встречаешься с отменой приговора?

— Но тут с обкомом было согласовано!

— Ну, — я говорю, — я не знаю, с кем вы согласовывали, а я говорю: вот я получил телеграмму — приговор отменен для передачи на новое рассмотрение в стадии предварительного следствия.

— Можно мне Онохину сказать? — (это председатель областного суда, который председательствовал по делу...) — Не уходи!

Побежал он; побежал, значит, приходит.

— Онохин просит тебя зайти к нему.

Ну, я пошел в кабинет председателя областного суда. Зашел:

— Здрасте!

— Здрасте. Правда это, что вы имеете сведения об отмене приговора?

Я говорю:

— Вот телеграмма.

Даю ему. Он прочитал.

— Благодарю вас.

Так. Ну, я ушел, пошел домой и говорю, что вот такая радость сегодня. Приговор отменили. Я пойду в тюрьму, а ты иди, значит, на именины. А я из тюрьмы, когда закончу, приду туда тоже.

Ну, и пошел в тюрьму, значит. А там, оказывается, потом мне рассказывали — в это время брали на расстрел; значит, кому уже наступило время. И, когда вызвали Кадетского, они думали, что пришел час. Ну,

---

[1] Петухов Алексей Тимофеевич (1904–?) — секретарь Спецколлегии, в судебных органах с 1933 г. В списках выдвиженцев охарактеризован: «Может быть использован как нарсудья».

а попозже его с коридора в эту комнатку. Я говорю, что я сейчас получил телеграмму по протесту Прокурора СССР на основании тех жалоб, которые они тогда подписывали, приговор Верховный суд СССР отменил со стадии предварительного следствия.

— Значит, вас опять переведут в камеры следственные, снова будет следствие.

Ну, он поблагодарил, пошел и закричал: «Ура! Приговор отменили!» Ох, как на него тут накинулись! Ну, а остальные уже выходили, слышали его слова!..

Ну, во-первых, это дело, конечно, очень подняло личный мой престиж в адвокатуре, потому что — в то время передачи принимались в тюрьмах, не то что вот теперь; вот там бедному Алику Гинзбургу[1] возили, так и то не берут, и это. Тогда этого не было... И всегда около тюрьмы стояла очередь. Значит, по числам там: первого — допустим, А, второго там — Б., фамилии, начинающиеся так, — передавали. И покамест ждать передачу, покамест ответ получить, они стоят возле тюрьмы и разговаривают между собой... И об этом процессе по радио передавали, потом в газете писали, что вот — после окончания, — что, значит, прошел процесс такой-то, областной прокурор Мельников потребовал высшую меру наказания, потом было предоставлено слово защитникам Меньшагину и Малкину, приговор вынесен к расстрелу, без права обжалования. И, значит, о том, что они такие-то сякие и всякое делали: все недостачи с продовольствием — это по их вине. В газете было[2]. А тут жены стоят — [говорят], что отменили приговор.

Так что в коллегию стали поступать просьбы от этих жен по тем делам, которые поступают на их мужей, чтоб им назначили защитником меня. А до этого я только на показательные процессы выходил, а после этого уже стали назначать и на обычные — по 58-10: это 58-10 — антисоветская агитация и пропаганда. И всегда в закрытом заседании, где только суд, прокурор, секретарь, защитник. А если прокурора нет — значит, защитник не обязательно. Но, если подсудимый просит, значит, защитник дается.

Смоленск: процесс следователей

И так пошло, что вот в 39-м году приходилось делам по трем, по четырем в день выступать, по [ст.] 58-10. И почти другая работа отпала. Редко-редко по какой другой в обычных судах выступаешь. А всё больше

---

[1] Гинзбург А. И. В издании 1988 г. имя Гинзбурга было заменено на N.

[2] Публикация (предположительно в РП) не разыскана. См. в комментариях Г. Суперфина (*Меньшагин, 1988*. С. 198–199).

в 39-й год — это удивительно напряженный был. Вот потому что много дел — уже Берия осторожен был, да тройки[1] были упразднены.

Закон о тройках нигде вообще не опубликован. Я каждые две недели на производственном совещании, которое там производилось, делал доклад о текущем законодательстве. Поэтому мы получали все-таки юридические «Собрания законов», «Собрания постановлений правительства», «Советскую юстицию», «Социалистическую законность», «Государство и право» — всё, что юридическое было, всё получали. Нигде не было опубликовано постановление о том, что это [такое] — тройки эти самые.

А тройка была организована, как я потом узнал, защищая двух следователей из НКВД, из трех лиц: первый секретарь обкома, начальник областного управления НКВД и прокурор области. Это тройка. А двойка — это в центре было: Николай Иванович Ежов и Андрей Януарьевич Вышинский. Это была двойка. А местные — тройки. И колоссальное количество дел.

Защищаешь кого-нибудь, на него показания. Один там человек — его почти весь город знал. Он сын бывшего князя, Масальского, по-моему. Отец его был в царское время тифлисским, а потом калужским губернатором[2]. Революция его застала, когда тот был калужским губернатором. Куда делся отец, я не знаю, а сын его поселился в Смоленске. Чем он известен был там? Он в любой мороз шел в одном пиджачке и без головного

---

[1] Тройки были организованы решением Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах» от 2 июля 1937 г., согласно которому в 5-дневный срок надлежало определить состав троек, а также количество подлежащих расстрелу и высылке. 9 июля Политбюро утвердило персональный состав троек и пообластные нормативы по репрессиям. 30 июля был издан оперативный приказ №00447 НКВД за подписью Ежова, где на Западную область утверждены репрессии: по 1-й категории (расстрел) — 1 тыс., по 2-й категории — 5 тыс. чел. (Труд. 1992. 4 июня). Но на допросе 1939 г. бывший в 1937 г. начальник УНКВД А. А. Наседкин (1897–1940, расстрел) показал, что в 1937 г. по Смоленской обл. (границы не оговорены) по первой категории было осуждено 4500 чел. (*Илькевич, 2013*. С. 41).

[2] Имеется в виду Николай Павлович Мо/асальский (орфография фамилии колебалась и в официальных источниках; 1900, Кострома — 1937, расстрел), служащий в Смоленске. Вероятно, один из сыновей Павла Николаевича Масальского-Кошуро (1860–1918, январь, Харьков; расстрел), в 1892–1905 гг. — товарища прокурора Костромского окружного суда, в 1906–1917(?) гг. — губернатора или вице-губернатора последовательно в Астраханской, Таврической, Вятской и Харьковской губерниях (см. подробнее в: *Меньшагин, 1988*. С.200; о его расстреле см.: *Арбатов З.А.* Екатеринослав в 1917–1922 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12. С. 84, а также переписку Наркомюста РСФСР с ЦК Украинских советов: ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 9. Д. 124).

убора. Поэтому — люди там закутанные бегут, а он так идет себе. И все знали — это Масальский.

Ну и вот, когда организованы были тройки — в 37-м году, примерно во второй половине июня появились. Сужу по судам, потому что нигде постановления не было. Кто их организовал, утверждал кто их, — не знаю. Нигде постановления об их организации и об их упразднении, конечно, тоже не было. От вражеской агентуры, говорили. В докладе Молотова на февральско-мартовском пленуме и потом Сталин говорили, что страна засорена. Чтобы быстрее это проделать, были организованы тройки.

И как выяснилось на процессе этих следователей — Жукова и Васильева[1] — он проходил 9–10 ноября 1939 года. Военный трибунал Калининского военного округа[2] судил, выездная сессия была. Прокурор был из военной прокуратуры Белорусского военного округа, а защищали их московский адвокат Рогов и я. Рогова пригласил Жуков, подсудимый начальник следственного отделения, а меня — Васильев, следователь этого отделения. И вот так их судили за то, что они злоупотребляли служебным положением, недостаточно оформляли дела, по которым тройка эта расстреливала. Они говорили, что времени не было, потому что тройка вот состояла из таких-то лиц. Требовали: скорей, скорей, скорей.

Причем, значит, — да, был, значит, лимит спущен от Ежова. На Смоленскую область назначено было десять тысяч для репрессий. А план этот обсудило бюро Смоленского обкома во главе с Коротченко, который вот недавно умер в Киеве. И они выдвинули встречный: двенадцать тысяч. А мы, говорит, выполнили — пятнадцать. Поэтому не было времени оформлять, обвинительные заключения писать не было времени. И вот там несколько человек в этом обвинительном заключении, в деле

---

1 Возможно, Жуков Николай Сергеевич, ст. лейтенант гб (с августа 1938 г.), зам. начальника отделения ЭКО УНКВД по Смоленской области. Осужден военным трибуналом войск НКВД БВО 20 сентября 1940 г. на 6 лет. В октябре 1941 г. Президиумом Верховного совета СССР досрочно освобожден со снятием судимости. Некий Васильев из УНКВД упомянут в списке участников совещания пропагандистов, выделенных на избирательном участке (кампания но выборам, осень — начало зимы 1937?) (СА). О каком-то «чекисте Васильеве» (без привязки к определенному времени), который «особенно отличился» в смоленских репрессиях, писал в «Двинском вестнике» «орловский» беженец И.В. Крылов (Новое слово (Берлин). 1943. 31 октября. С. 1–2).

2 Калининский военный округ создан 28 июля 1938 г. Смоленск продолжал оставаться центром Белорусского военного округа, пока в ночь на 16 сентября 1939 г., т.е. за двое суток до вторжения в Польшу, штаб округа не переместился в Минск (*Сандалов Л.М.* Пережитое. М., 1966. С. 40). Смоленск входил в Калининский военный округ с октября 1939 г.

фигурировали, что вот такие-то расстреляны по постановлению тройки, а обвинительного заключения на них нет.

А дело это возникло против них по жалобе одного Васильева. Значит, его, Васильева, его жену, урожденную Нисбах, и ихнего приятеля — кажется, Лебедев фамилия (но тут, пожалуй, я уже плохо помню), — арестовали. Якобы они шпионские какие-то задания получили, и вот Лебедев должен был отнести — Лебедев относил и положил пакет; а что было в пакете, он не знал, потому что это Нисбах ему дала это, немка. Значит, она, как немка по национальности, признана была шпионкой. И вот все и ее муж занимались якобы шпионажем. Но муж заболел тифом сыпным. А больного же нельзя — только здоровых, поэтому, значит, ее и этого Лебедева расстреляли по постановлению тройки.

А он [муж] болел, а когда выздоровел, то Ежова уже не было. И тройки упразднены были. Были упразднены тройки, и тогда его выпустили. Его выпустили, потому что никаких данных, что он был шпионом, нет. И вот он тогда стал жаловаться, хлопотал. И вот решили этих двух суду предать. Потом еще были другие упущения у них. Их судили. Жукову дали три года условно, а Васильеву дали два года. Писал я в Военную коллегию Верховного суда, но не знаю, правда, чем кончилось, потому что этот трибунал из Калинина больше не попадался, так что кончилось дело не знаю чем...

Снова Кадетский, Юранов и др.

...В деле оказалось частное определение судебной колллегии по уголовным делам, нет, судебно-надзорной коллегии Верховного суда СССР, которая рассматривала протест Вышинского на этот приговор и вынесла частное определение, что при рассмотрении протеста Вышинского коллегия установила, что спецколлегия областного суда в составе председателя суда Онохина, членов суда Новикова и Лоца неосновательно отклонила протест, ходатайство защиты о направлении дела к доследованию, чем нарушила правосудие советское. И в результате этого определения послали в министерство юстиции[1], и оттуда последовало распоряжение: Онохина, председателя областного суда, перевели заведующим отделом кадров[2]. Так что он потерпел крушение на этом деле, Онохин. И судьи стали более прислушиваться.

---

1 Анахронизм: правильно — наркомат.

2 По-видимому, и. о. председателя Смоленского облсуда после Онохина стал Л. А. Громов.

Значит, 25 января я узнал и объявил в тюрьме. Потом, значит, заглохло. Следствие шло. 31 мая, помню, прихожу вечером домой часов около одиннадцати. Значит, суд рассматривал дело инженера Шульгина, тоже о вредительстве и участии в антисоветской организации. Был объявлен перерыв до утра. Прихожу домой, мне говорят: а тут был человек — оставил записку. Беру записку. Оказывается, Юранов, научный сотрудник из Москвы, вот — из Всесоюзного института экспериментальной ветеринарии. Он пишет, что «сегодня мне объявили о прекращении моего дела производством за отсутствием состава преступления. Я хотел лично поблагодарить вас, но вас дома нет, а не могу ждать, боюсь опоздать на поезд. Но я знаю, что вы часто бываете в Москве, и поэтому прошу посетить меня по адресу: Кузьминки, бывший Голицынский дворец, Всесоюзный институт экспериментальной ветеринарии». Там он и жил.

Ну, я помню, как раз был праздник Троицы — 12 июня 1938 года. Был накануне в Москве, остался, значит, на выходной день — 12-е — и заехал в Кузьминки. И там был банкет проведен. В мою честь. Из-за этого Юранова.

Значит, один от них отпал. А само дело поступило снова в областной суд и рассматривалось уже в закрытом заседании. Не показательным процессом тогда, а в закрытом [заседании], когда только суд, прокурор, защита, секретарь. С 27 февраля по 3 марта 1939 года. Видите как? В 37-м году был приговор к расстрелу. А это уже 39-й год.

Значит, шесть человек выходило подсудимых: Кадетский, старший зоотехник Райхлин, зоотехник Угорчиев, начальник ветеринарного управления Коршаков, начальник конеуправления Фомин и ветеринарный врач Рокачевский, а Юранова дело прекращено, оно отпало. А вот этого латыша с большой рыжей бородой (Юрмальнека), который член партии с 905-го года, который надеялся найти общий язык, приложена справка вместо него. Справка такая, что он по делу латышского центра, по постановлению особой двойки (это Ежов и Вышинский), расстрелян. Так что он недаром надеялся найти общий язык. Вот он и нашел. Он расстрелян был.

А остальных шестерых, их судили. И уже более скромно всё проходило. Во-первых, в закрытом заседании; во-вторых, председательствовал заместитель председателя областного суда Громов[1], который

---

[1] Громов Леонид Абрамович (1904–1990), член Западного (затем Смоленского) облсуда (по крайней мере, судя по его частым статьям в «Советской юстиции», с 1935 г.), член президиума облсуда. Его выступления на партсобраниях, в общем, ненамного отличаются от всех иных; но нет в них «сигналов» о еще не разоблаченных «врагах народа». В 1940 г. он уже в Москве, в ВС РСФСР (Советская юстиция. 1940. №15. С. 6), член коллегии по уголовным делам (Правда. 1940. 14 декабря). В начале 1941 г. зам. председателя ВС РСФСР (Советская юстиция. 1941. №7. С. 3–4). В той же должности и на начало 1945 г. (Социалистическая

[потом] участвовал при рассмотрении дела Берии. Он председательствовал, прокурором был не сам прокурор области, а старший помощник Кузнецов, который выступал вот тогда по делу этого директора треста хлебопечения и который опешил, когда эта лаборантка сказала, что... Да, так вот он поддерживал обвинение, а защищали опять мы — Малкин и я. Я защищал Кадетского, врача ветеринарного управления Рокачевского и начальника конеуправления Фомина, которых раньше защищал Малкин. А он остальных защищал трех: Райхлина, Угорчиева и Коршакова. Шло опять по ст.ст. 58-7 и 58-11. Прокурор — в результате, никто виновным себя не признавал, — прокурор считал, что обвинение доказано, и просил двадцать пять Кадетскому и по двадцать остальным. А я просил Фомина — оправдать как невиновного вовсе за отсутствием состава преступления, ветеринарного врача Рокачевского признавал виновным по 179-й — это хранение ядовитых веществ без разрешения соответствующего. Он ведь имел разные лекарства, которые запрещено хранить частным лицам, не имея на то разрешения, — у него при обыске, когда его арестовывали, были изъяты. Это тоже служило одним из доказательств того, что он вредительствовал. Но я считал, что это просто он хотел лечить, не имея на то разрешения. Частным путем, помимо того, что он работал. И вот по этой статье признавал его виновным.

А этого Кадетского признавал виновным в халатном отношении к службе. Ну, упущения там были, бесспорно. И просил их освободить за отбытием — ограничиться тем, что они отсидели, и освободить. Малкин просил тоже всем 111-ю, просил освободить за отбытием срока. Реплики прокурор не брал. В последнем слове они все считали себя невиновными.

Ночью, ночью вынесли приговор, да. Значит, так: Фомина оправдать, меру пресечения отменить, из-под стражи немедленно освободить; зоотехника Угорчиева признали виновным в халатном отношении к службе за то, что он, будучи командирован в Одессу для приемки импортных

законность. 1945. №4. С. 6). По всей видимости, в течение многих послевоенных лет был председателем Московского горсуда (и одновременно ex officio членом ВС РСФСР): в этой должности в декабре 1953 г. являлся членом специального судебного присутствия (также фактически внесудебного органа) ВС СССР, судившего Л.П. Берию и др. Он же председательствовал и на процессах молодых историков (так называемое «дело Краснопевцева–Ренделя») 4–12 февраля 1958 г. (Память. Исторический сборник. Вып. 5. М., 1980; Париж, 1982. С. 240), О.В. Ивинской — И.И. Емельяновой (в конце 1960-х) (*Ивинская О.* В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком. Париж, 1978. С. 370). Судебная карьера Громова кончилась со знаменитым валютным процессом Яна Рокотова и др. (май–июнь 1961; подробнее см.: *Баазова Ф.* Дело Рокотова // Время и мы. 1978. №25–26). С сентября 1961 г. персональный пенсионер СССР (ГА РФ. Ф. Р-10249. Оп. 5. Д. 2888).

овец, погрузил их в вагон, который оказался зараженным паршой, и овцы заболели паршой, — два года лишения свободы, считать отбытым, из-под стражи освободить. Теперь врача этого Рокачевского, который ядовитые вещества хранил, признать виновным по 179-й — один год шесть месяцев лишения свободы, считать отбытым, из-под стражи освободить. Главного зоотехника Райхлина признать виновным в злоупотреблении служебным положением — шесть лет лишения свободы с зачетом предварительного заключения. Теперь: начальнику ветеринарного управления Коршакову по 109-й — восемь лет лишения свободы. И Кадетскому по 58-7, 11. Приговор может быть обжалован в 72 часа в Верховном суде РСФСР.

Ну, значит, Малкин написал жалобы этим двум, а я написал жалобу Кадетскому. Если б одна 58-я, а его уже закопали, поскольку по другим статьям шел. Ну, и дело кассационное рассматривалось 21 июня 1939 года в Верховном суде РСФСР. Я выступал в защиту Кадетского, а Коммодов[1], московский адвокат (в свое время очень известный), он защищал Коршакова и Райхлина.

Верховный суд, значит, просили мы оба: халатность, 111-я, ограничиться тем, что они отсидели, — и Верховный суд РСФСР под председательством члена Верховного суда Канаева[2] определил: приговор оставить в силе с изменением — обвинения все квалифицировать по 111-й, меру наказания — один год шесть месяцев лишения свободы, считать отбытым, из-под стражи освободить.

Я послал телеграмму с этим — Кадетской. Прихожу на другой день в суд утром — ночью приехал, иду в суд, — а она стоит на крыльце. Увидела меня — заплакала. Я говорю:

— Что же вы плачете? Радоваться надо! Если не сегодня, так завтра вернутся. И потом статья другая, и отбыто всё.

— Да, — она говорит, — вы не сходили бы?

Я говорю:

— Обязательно пойду, сейчас пойду, вот только к заведующему консультацией, отмечу, что я пришел, приехал из Москвы, и пойду туда.

Я пошел в тюрьму, попросил вызвать их. Он спрашивает, дежурный:

— Как их — по одиночке или всех сразу?

Я говорю:

— Всех сразу давай.

---

1 Коммодов Николай Васильевич (1884–1947), известный московский адвокат. На 3-м московском процессе защищал Д. Д. Плетнева и И. Н. Казакова (см.: *Савин О.* «Дело производством прекращено...». Пенза, 1992. С. 97–98).

2 Устойчивая аберрация памяти. Имеется в виду Иван Гаврилович Кареев (1883–1969).

Вызвали их. Значит, я говорю им, что вчера дело рассматривалось Верховным судом, который определил: обвинение ваше квалифицировать по 111-й как халатность; меру наказания — один год шесть месяцев лишения свободы — считать отбытой, из-под стражи освободить. Кадетский заплакал. А так он бодро чувствовал себя: когда расстрел был, двадцать лет — ничего, а здесь так прямо рыдать стал. А Райхлин улыбался, и слезы капали. А Коршаков бросился на меня, стал сжимать (аж чуть мне спину не переломил). Ну, правда, и я тоже заплакал с ними вместе. И, значит, все, конечно, были рады очень. Это я считаю самым лучшим своим делом. Именно потому, что было опасно, что поборол страх, в сущности, с собой, с самим собой справился. И вот когда на Лубянке был, во Владимире, я часто вспоминал его, это так, — и самому делалось как-то радостней[1].

Были и потом случаи с отменой смертного приговора, но это нормальные судебные дела, а это дело в такой ситуации шло, что очень боялся я сам. Оно окончилось очень хорошо. Но с ними получилось так. Я им тогда говорю, что сегодня вряд ли вас освободят, покамест дело придет. А завтра, верно, вас выпустят. Так и получилось: дело пришло в областной суд, послали в тюрьму. К вечеру, вечером их освободили. Они с вещами, значит, идут домой. И их увидел милиционер. И заподозрил, что это воры, — и в отделение милиции. Но там уже выяснили — позвонили в тюрьму, — что это законно отпущенные люди и идут со своими собственными вещами. А 23-го они пришли ко мне, все трое, в коллегию — поблагодарить официально, чтобы все видели и слышали. Я, можно сказать, горжусь этим делом.

Смоленск: показательный процесс областной потребкооперации

А последний показательный процесс проходил со 2 марта по 10 марта. Это подсудимые были работники Запсоюза, то есть областного союза потребительской кооперации. Во главе — председатель Дубровский[2], заведующий продовольственным отделом Эпштейн [Соломон Абрамович],

---

[1] Ср. в письме Меньшагина к В. И. Лашковой от 3 марта 1975 г.

[2] Дубровский Арон Соломонович (1899, Стародуб — ?), еврей; член ВКП(б); Облпотребсоюз г. Смоленска, председатель правления. Арестован 31 июля 1937 г. 3-м отделом УГБ УНКВД Западной обл. Обвинен по статьям 58.7 и 58.11. Приговорен судебной коллегией по уголовным делам Смоленского облсуда 23 апреля 1939 г. к 15 лет ИТЛ, 27 сентября 1941 г. ОСО пересмотрело дело и переквалифицировало приговор на 8 лет ИТЛ. Реабилитирован 26 ноября 1956 г. Президиумом Смоленского облсуда (Книга памяти Смоленской обл. Дело №970с).

заведующий промышленным отделом Паин [Анатолий Яковлевич], заведующий транспортным отделом Рыпинский [Михаил Антонович], финансовым отделом Курганский [Аркадий Петрович] и вот какой-то еще там Задворянский [Самуил Ефимович]. В общем, шесть человек. Значит, я защищал Дубровского, Эпштейна и Паина, а Малкин защищал Задворянского, Рыпинского и Курганского. Вот так их поделили мы. Тоже — 58-7, 11, тоже спецколлегия, тоже в показательном процессе, показательным судом. Ну, прокурор сам не пошел в зал, а старший помощник Кузнецов обвинял.

Значит, восемь дней продолжалось дело. Их обвиняли в том, что они разложили потребительскую кооперацию, колоссальный убыток принесла ихняя торговля, что ли. Потом затоваривание отдельными предметами, в частности, затоваривание солью произошло.

Но потом, во время оккупации, как я благодарил их за это затоваривание! Потому что солью были засыпаны Свирская церковь[1], Благовещенская церковь, Веселуха — башня в крепостной стене, еще Воздвиженская церковь. Полны были солью, которая оставалась, когда отступали, и попала в ведение городского управления, которое я возглавлял там во время оккупации. И этой солью мы, можно сказать, целый год и прожили, только благодаря ей. Потому что дачи продуктов от немцев были очень плохие, мало. А заготовку проводили вот на соль. На соль меняли крестьяне местные, потому что у них соли совсем не было. И даже приезжали из других городов за солью. Это благодаря тому, что подсудимые по этому делу сели за вредительство!

Да, но эти... Во-первых, суд был осторожнее. Во-вторых, они находились под впечатлением от этой поездки и отмены приговора, который был согласован, по словам секретаря Петухова, с обкомом, что не помогло. И вот я сразу же заявил ходатайство (как началось дело, спросили, какие имеются ходатайства) — направить дело к доследованию для производства финансовой экспертизы. Потому что все эти убытки подсчитаны местной комиссией, во главе которой стоял Цветков, новый председатель этого потребсоюза[2]. Я говорил, что, по существу, ведь этот акт не может считаться объективным документом, потому что, если дела будут плохо и дальше идти, он всегда скажет: это потому, что вот так было плохо у того, когда я принял. А если будут хорошо, всё это пойдет на его счет. Вот было так плохо, а теперь как

---

[1] Об особой роли этой соли в годы оккупации см. в разделе «Во время войны».

[2] Председатель Смоленского облпотребсоюза по состоянию на конец февраля — начало марта 1940 г. Г. М. Цветков поручил Н. А. Копытову выехать в Козельск и организовать для пленных поляков повседневную торговлю (Сосны вместо обелисков / Беседа с польским историком // «Всё это было...» / Б-ка «Комсомольской правды». № 6. М., 1990. С. 38).

хорошо стало. И в том, и в другом случае для него выгодно. Значит, он подписал, юрисконсульт Бушуев, и потом бухгалтер какой-то — подписали этот акт...

Суд... И потом я просил вызвать в судебное заседание вот этих подписавших, потому что следствие их не допросило совсем. А допрашивало только тех, которые давали показания против них, — вот такие-сякие, вредители... Прокурор возражал, считал необоснованным ходатайство. Спецколлегия ушла на совещание и вынесла определение: ходатайство оставить открытым, вопрос оставить открытым, обсудить в зависимости от хода судебного следствия. И так довели до конца.

Но такой конфуз получился для следствия. Когда стали допрашивать вот этих вызванных по моему ходатайству свидетелей (с Бушуевым я был знаком, он юрисконсульт был), значит, председатель спецколлегии Юнаков говорит:

— Свидетель, вызванный по ходатайству защитника, какие вопросы вы имеете к нему? — меня спрашивает.

Я говорю:

— Вот скажите, свидетель, каким путем вы пришли к выводу, что такие убытки? Как вы подсчитывали убытки эти?

Он ответил:

— Знаете, я на этот вопрос не могу ответить, потому что я не принимал участия.

Я говорю:

— Так ведь вы же подписывали?

— Да, меня позвал председатель союза Цветков, положил акт и сказал: «Подпиши вот здесь». Я и подписал.

И второй свидетель, оказалось, то же самое — не участвовал. Значит, акт составлен единолично этим Цветковым, новым преемником...

И вот, когда судебное следствие подошло к концу, председатель спрашивает:

— Какие ходатайства будут? Дополнения?

Я говорю, что я возвращаюсь к тому ходатайству, которое я заявил в начале судебного следствия. И считаю сейчас, после того как выяснилось, что члены комиссии даже не участвовали в работе ее, это совершенно необходимо, чтобы была произведена бухгалтерско-финансовая экспертиза незаинтересованными лицами.

Малкин:

— Присоединяюсь.

Прокурор:

— Я считаю ходатайство необоснованным и прошу отказать: вопрос совершенно ясен.

Я очень боялся и спешил с этим делом, потому что в Москве в этот же день, 2 марта 1938 года[1], начался процесс Бухарина, Рыкова. Причем среди подсудимых был председатель Центросоюза Зеленский[2], который якобы завербовал Дубровского этого самого.

Значит, я боялся, чтобы московское это дело — в частности, не Бухарин и Рыков, а вот Зеленский, — не довлело бы над нашим делом. И стремился его скорее закончить, пока нет того приговора. Ну, и так получилось, что 10 марта мы окончили судебное следствие, и я заявил снова ходатайство об этом, о направлении дела на доследование. Прокурор считал необоснованным ходатайство, говорил, что всё ясно.

Суд удалился на совещание, и, пожалуй, часа полтора совещались, а потом вышли и объявили определение: что, заслушав ходатайство защиты в отношении направления дела на доследование и мнение прокурора, предлагавшего в ходатайстве отказать, суд считает, что ходатайство является обоснованным и поэтому определяет: дело отложить, возвратить органам расследования для производства дополнительного следствия путем создания финансово-бухгалтерской экспертизы.

И дело это отослано было, с нас спало, а вновь разбиралось в декабре 38-го года. Этого же года. Причем я не смог участвовать по делу, потому что я в то время сидел на другом процессе — леспромкооперации, тоже вредительство. А по этому делу, значит, защищал всех один Малкин. И кончилось дело тем, что Эпштейну и Паину дали по два года лишения свободы и считать отбытыми. Из-под стражи освободили. А Дубровскому — 15 лет по ст. 58-7-11. А остальным: Задворянскому — шесть лет по 109-й, Рыпинскому и Курганскому по четыре года по 109-й. Эти четверо остались сидеть. Дубровского было отделено дело при этом... От этого отдельно рассматривалось. А двоих выпустили.При кассационном рассмотрении Задворянский просил, чтобы я поехал в Москву для него. Верховный суд приговор оставил в силе, но Задворянскому меру наказания сократил с шести до трех лет лишения свободы. Тогда в порядке надзора я писал Голякову, и в июле был у Голякова по этому делу (он истребовал его), привез протест. И в декабре 39-го года Верховный суд — СССР уже — приговор областного суда и определение Верховного суда РСФСР отменил и дело производством за отсутствием состава преступления прекратил. И все они были искусственные. Так дело тоже хорошо кончилось.

---

[1] 2–13 марта 1938 г., третий Московский судебный процесс («Процесс двадцати одного»).

[2] Зеленский Исаак Абрамович (1890–1938) член ЦК с 1922 по 1937 г., председатель правления Центросоюза, расстрелян.

Смоленск: дело Фролова, Мясникова и Бейлина

А вот то дело, по которому я тогда, когда разбиралось дело, а я участвовал по-другому, — оно раньше началось. Тоже интересное вот в каком отношении.

Их судили за вредительство в местной промкооперации: значит, председателя центра Леспромсоюза Фролова, [его] заместителя Мясникова и начальника снабжения Бейлина. Я защищал Фролова и Мясникова, а защитник Иванов[1] защищал Бейлина. И вот сессия на этом... выясняется, значит... Один из пунктов [обвинения] был такой: что вот Фролов, будучи председателем, подарил врагу народа, председателю центра местного союза из Москвы, когда он приезжал к ним на ревизию, художественно сделанную кровать, которую приготовил в городе Велиже еврей один, очень такой мастер хороший был, специалист. Ему специально он заказал, и без оплаты, без ничего, и за счет местной промкооперации подарили, значит, вот этому врагу народа. Он тогда был председателем, а потом его посадили и расстреляли того.

А этих вот судили позднее. Ну, я признавал его в этом виновным. Считал, что он злоупотребление допустил, вот так бесплатно отдать эту кровать... Но делал это из чистого подхалимства, а никак не из вредительства. Так оно и было.

Но тут такой эпизод произошел. Там один свидетель очень на следствии показывал всё, а тогда на суде они: пык-мык, вот такой-то прокурор (спрашивал), он не помнит. Так потом я его взял в оборот — то же самое. То, что он говорил, — не то, что он там говорил. Там он говорил так, а сейчас так, но всё тоже в обвинительном духе.

— Значит, когда же вы правильно говорили?

Он совсем краснеет, стоит. Потом объявляют перерыв.

Ну, для перекура, как говорится, — говорит председательствующий, член областного суда Щербаков[2].

Мы обычно выходим в коридор. Пойду. Смотрю, прокурор (выступал помощник областного прокурора, вот я хорошо помнил его фамилию, сейчас забыл, недавно хотел вспомнить, но не вспомнил), смотрю, подозвал этого свидетеля. Я остановился. Смотрю, что дальше будет. Он позвал его, что-то ему сказал, и пошли они; пошли в судейскую комнату, где потом будут совещаться судьи, в кабинет судей. А я выждал минутки две и тоже туда. Вхожу в эту комнату, смотрю: прокурор сидит за столом,

---

[1] Иванов А. Я., смоленский защитник.

[2] Возможно, Щербаков, который в составе «бригады обкома» (как член комиссии партконтроля(?)) «вычищал» из партии бывшего председатели облсуда Адрианова 11–12 августа 1937 г. (СА).

дело держит, это самое, наше, и показывает этому свидетелю старые показания его на предварительном следствии, которые он, значит, перепутал. Да, а я посмотрел, постоял, вышел обратно.

Кончился перерыв, садятся судьи, все заняли свои места. Щербаков говорит (председатель), что судебное следствие подошло к концу, допрос свидетелей окончен. Какие стороны имеют дополнения?

Прокурор:

— Я имею вопросы к свидетелю, — и называет его.

Щербаков:

— Свидетель такой-то, подойдите, ответьте на вопросы прокурора.

Я встаю и говорю:

— Я имею заявление по ходу судебного следствия.

— Минуточку, товарищ защитник. Вот товарищ прокурор задаст вопросы, а потом я вам предоставлю слово.

Я говорю:

— Я имею заявление по ходу судебного следствия, по поводу ведения судебного следствия.

— Что такое? В чем дело? — значит, встревоженно так.

Я говорю, что во время перерыва, который только что окончился, представитель государственного обвинения, помощник областного прокурора такой-то подозвал свидетеля такого-то, увел его, значит, в судейскую комнату и там, как я сам лично видел, показывал ему показания, которые он давал на предварительном следствии, чего он права не имел делать, согласно Уголовно-процессуальному кодексу. Я прошу это мое заявление занести в протокол судебного заседания.

Щербаков:

— Товарищ секретарь, занесите в протокол заявление защитника.

Значит, тот записывает.

Пожалуйста, товарищ прокурор, вопросы.

— Я не имею вопросов!

— Садитесь, свидетель. Так, еще какие дополнения будут? Нет дополнений? Защитник?

Я говорю:

— Нет дополнений.

— Товарищ Иванов?

— Нет.

Значит, переходим к прениям сторон. Слово имеет прокурор.

И вот он пошел-пошел, видите, вот они такие-сякие. Кровать подарил врагу народа! Что он [Фролов] является тоже вредителем, и он просит двадцать Фролову и по пятнадцать Мясникову и Бейлину.

После мне дали слово... Да, что они пьянствовали! А пьянствовать — такой эпизод проходил: что кто-то к ним приезжал, и они устроили

в честь него банкет. «Занимались пьянками вместо того, чтобы заниматься делом». Ну, я в своей речи говорю, что здесь сгустил краски прокурор. Во-первых, про пьянство их никто ничего особенного не говорил, за исключением того, что был банкет; на банкете же много они не пили — ведь это же всё официально происходило. И если они там выпили, то это не есть пьянство. Но потом признавал Фролова виновным только в том, что он кровать эту подарил. И это нужно, я считал, квалифицировать по 109-й — злоупотребление служебным положением. Учитывая то, что он уже два года... даже больше отсидел, я просил (с зачетом предварительного заключения) освободить Фролова, а Мясникова считал вообще невиновным и просил оправдать. Потом Иванов говорил в защиту Бейлина, считал его виновным тоже в таких служебных [злоупотреблениях].

— Товарищ прокурор! Реплику имеете?

— Да.

И уже в реплике он подсудимых забыл; он напал на меня. Что, дескать, конечно, защитник Меньшагин является, видимо, специалистом по делам выпивок, поэтому он проводит градацию: когда выпивка, когда пьянка. А для меня так: раз пил, значит, пьяница, значит, пьянство, раз я так считаю, что это не пьянка, а только маленькая выпивка. Ну, и настаивал на своем.

Ну, я ответил, что есть одна латинская пословица: «Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав». Гнев товарища прокурора вызван, очевидно, не содержанием моей речи в защиту, а тем, что я отметил незаконный поступок самого прокурора, который пытался научить свидетеля, какие показания ему надо давать. Поэтому я считаю, что выводы мои правильные.

И суд вынес — тоже поздно уже вечером, начало ночи было, — вынес приговор: Мясникова оправдать, из-под стражи немедленно освободить; Фролову — 109-я: два года лишения свободы, считать отбытым, из-под стражи освободить; Бейлину — 111-я: два года лишения свободы, из-под стражи освободить. Так всех отпустили. Ну, я говорил этому Фролову, что поскольку такая разница в требовании прокурора и в приговоре суда, то, может, прокурор протест будет подавать. Чтобы он не предавался ликованию, а наведывался, т.е. через 72 часа пришел бы ко мне узнать, нет ли протеста прокурора.

Никакого протеста не было. Но он [прокурор] боялся, что в Верховном суде увидят такое заявление... Но зато после того перестал — при встрече не здоровался совершенно со мной.

Смоленск: дело парикмахера

...Значит, показательных процессов больше у нас не было. Тройки были, очевидно, распущены сразу же после Ежова, потому что после этого дела все шли в суды. Много дел этих, возвращенных из Особого

совещания... ну, вот вы знаете, даже подчас анекдотический характер имели. Вот, помню, дело парикмахера. Я еще когда был в армии, наша квартира была близко от его мастерской. Он имел свою собственную парикмахерскую. Я по мере надобности ходил туда стричься-бриться. Он всегда такой приветливый, разговорчивый, знаете, и потом он начитанный был человек — вопросы задавал разные.

И вот узнаю я, что его под второй день Пасхи в 38-м году, значит, 25 апреля 1938 года, забрали. Оказывается, дело его забрали и послали в Особое совещание. Оттуда, когда Берия вернул дела, и его дело вернулось. И вот 7 июля 39-го года назначено оно к слушанию. Пришла его жена просить, чтобы я его защищал, потому что дело без участия сторон: ни прокурора, ни защиты не требуется. Но, если подсудимый хочет, защитник, значит, допускается. Я к нему в тюрьму прошел — он очень рад был этому. Началось слушание дела. Дело маленькое: один обвиняемый, два свидетеля — два парикмахера, которые показали на предварительном следствии, что он восхвалял старый строй и выражал недовольство советской действительностью.

Ведь вообще эти следственные органы всё время изъяснялись штампованными такими формулами, избегая конкретностей, такими абстрактными формулами, общими.

Да, он, значит, не признаёт себя виновным.

Ивашков председательствовал, член областного суда. А свидетели... Свидетель — парикмахер. Парикмахерскую у него отобрали, когда коллективизация проходила, а он стал работать в промысловой артели в одной. Уже в другой парикмахерской то есть. А улика — он выражал недовольство советской властью и восхвалял старый строй.

Да я и говорю:

— Вы расшифруйте эти понятия — это очень общее. Что именно? Вы приведите его слова. Что он сказал?

— А он сказал, что он Максима Горького не любит, ему не нравятся сочинения Максима Горького, а вот Гоголь и Лермонтов — это настоящие писатели.

— А еще что?

— А больше ничего.

И второй свидетель начал с того, что восхвалял и недоволен был, а когда я его спросил, что же тот говорил, оказывается, он говорил, что Гоголь, Лермонтов — это хорошие писатели, а Максим Горький — это плохой.

— А еще, еще что?

— А больше ничего.

Ну вот, значит, он не признавал себя вообще виновным, и я сказал суду, что никакого состава преступления в его действиях нет. Потому что уже точно установили, что он говорил. А показания свидетелей неправильно были записаны следователем. Просил его оправдать. Суд его

оправдал, значит, освободили. Но просидел он, значит, с 25 апреля 38-го года и до 7 июля 39-го... Год и два с половиной месяца. В заключении. За здорово живешь, как говорится.

Смоленск: дело землемера Волконского

И вот тогда же... вскоре было другое дело — землемера. Он был уже пожилой человек — Волконский, землемер. Помню, 16 июля 39-го года у меня должно было быть дело в народном суде. Вдруг приходит секретарь из суда — вот этот Петухов — и говорит:

— Борис Георгич, ты занят?

Я говорю:

— А что ты хочешь?

— Да у нас сейчас дело рассматривается — Волконского. Он заявил ходатайство, чтоб ему дали защитника, и просит, чтоб тебя ему дали.

— Как, — я спрашиваю, — [дело] большое?

— Да нет, один подсудимый и два свидетеля.

— Ну, хорошо, — говорю, — я сейчас приду, только вот в народном суде попрошу, чтобы подождали с моим делом.

Я зашел в народный суд (всё в одном комплексе, только с разных вот подъездов), договорился там. Прихожу в канцелярию, беру дело. Свидетель — управдомами — говорит, что вот, значит, я пришел в дом, где он живет, а они сидят в палисаднике с каким-то гражданином, что-то едят и стоит пол-литра водки. Когда они увидели меня, Волконский подозвал, пригласил сесть, налил мне тоже стакан; значит, я выпил, и во время разговора Волконский восхвалял фашизм.

Так. Начинается суд. Волконский... Да, я, когда прочитал дело, зашел в арестантскую комнату и говорю, что вот вы просили защитника. Вот я такой-то, защитник.

— Хорошо, очень рад.

— В чем там дело, — говорю, — у вас?

— Да ну, это всё врут. Я ничего не говорил совершенно, мы о политике совсем не заикались! И только выпили пол-литра...

Ну, хорошо, начинается суд... Волконский не признаёт себя виновным. Свидетель управдомами Могилёвский: «Волконский фашизм восхвалял», — и рассказывает, что вот его позвал, разговаривали и он восхвалял фашизм.

Я и говорю:

— Вы приведите точно слова, которые... Что он сказал?

— А он сказал: Гитлер — это второй Бисмарк[1].

---

[1] Бисмарк Отто фон Шенхаузен (1815–1898), князь, 1-й рейхсканцлер Германии в 1871–1890 гг. В пересказе биографии Бисмарка допущены некоторые

— А еще что?

— Да нет, больше вроде ничего не говорил.

— Хорошо.

Второго свидетеля [вызвали]. То же самое: восхвалял фашизм.

— Именно какими словами? Что он говорил?

— А он Гитлера сравнивал с Бисмарком.

— А еще?

— Больше ничего.

Подсудимый:

— Я ничего не говорил! Это всё врут!

Значит, судебное следствие окончено. Слово защитнику. Ну, я и говорю:

— Товарищи судьи! Нам нет надобности гадать, кто из них прав — подсудимый Волконский, который вообще всё отрицает, или свидетели, которые рассказали, что в разговоре он сравнил Гитлера с Бисмарком. И в том, и в другом случае состава преступления нет. Ведь для того, чтобы сказать, восхвалял он или нет, нужно знать, с кем же он вел сравнение. С кем он [его сравнивает], кому он его уравнял? Значит, надо знать, кто такой Бисмарк. А Бисмарк был председатель совета министров Прусского королевства в 1848 году и принял довольно энергичные меры для подавления революции, которая после февральской революции в Париже перешла в Пруссию, и что ему довольно быстро удалось. Значит, подавление революции — это одно его дело. Теперь он продолжал оставаться премьер-министром Прусского королевства, а потом стал первым канцлером Второй империи германской. Чем он себя проявил во внешней политике? В 1864 году напал на Данию, от нее отняли Шлезвиг-Голштейн. В 1866 году напал на Австрию, в результате войны она исключена из Германского союза, который она возглавляла, а вместо нее союз этот возглавлять стала Пруссия. В 1870 году напал на Францию, в результате войны отняли Эльзас-Лотарингию. Такова внешняя политика; к ней нужно добавить, что в 1878 году был организован по инициативе Бисмарка так называемый

неточности. Тема «Бисмарк и германский фашизм» возникла в деле Г. Е. Зиновьева летом 1936 г. По показаниям обвиняемого М. И. Лурье, он-де в 1933 г. сообщил Зиновьеву о связях некоей троцкистской террористической группы с гестапо, и Зиновьев, заметив беспокойство товарищей по заговору, успокоил его историческим примером: Фердинанд Лассаль хотел использовать Бисмарка в интересах революции. А почему мы сегодня не можем использовать Гиммлера? То есть, пояснял М. Лурье, Зиновьев хотел доказать возможность и необходимость союза с национал-социалистами в борьбе с ВКП(б) и советским правительством. На процессе Зиновьев не признал за собой авторство этих слов. Письма Лассаля Бисмарку были впервые опубликованы в 1928 г.

Тройственный союз из Германии, Австро-Венгрии и Италии, который направлен был против России и против Франции. Вот это внешняя политика. Во внутренней политике в актив Бисмарка можно записать так называемый «железный» закон против социалистов. В 1878 году социалистическая партия была запрещена, и ее вожди Вильгельм Либкнехт и Август Бебель[1] были брошены в тюрьму, фонды и имущество партии были конфискованы. Тогда же проводилась так называемая «культуркампф», то есть по-русски — борьба за культуру, выразившаяся в том, что Католическая Церковь подверглась преследованиям: священников сажали в тюрьму, костелы закрывали, имущество конфисковали, католиков преследовали. Вот действия Бисмарка. И если одного империалистического разбойника сравнить с другим таким же разбойником, будет ли это восхваление? Совсем нет. Поэтому он имел полное основание сравнить Гитлера с Бисмарком, но это восхвалением не является, а является только признанием того, что Гитлер — империалист и разбойник.

Так, последнее слово. Прошу оправдать его. Последнее слово [подсудимого]:

— Я ничего не говорил! Ничего!

Ну, и после этого ушли на совещание, а я пошел в консультацию свою. «Покамест, — думаю, — минут двадцать продлится это». Вдруг прибегает Петухов, секретарь.

— Борис Георгич! Щербаков просит у тебя Большую Советскую Энциклопедию...

Я, в порядке общественном, там ведал библиотекой коллегии. Всякие юридические книги покупал и кому нужно давал. И была выписана, когда она выходила еще, Большая Советская Энциклопедия. Полный ее комплект стоял на полке под замком у меня в шкафу. Значит, я открыл шкаф, нашел этот том, сам посмотрел в него. Думаю: не напутал ли я чего там, может, там иначе рекомендуется Бисмарк? Нет, оказывается, — империалистический разбойник. Тогда я говорю:

— Вот, заложил — неси; по закладке может открыть и сразу он найдет Бисмарка.

Он понес — ну, я вернулся в зал.

Вскоре вышел суд, объявил приговор, что обвинение является неосновательным, так как никакого восхваления фашизма обвиняемый не производил, а сравнивал одного империалистического разбойника с другим. Поэтому вывод: оправдать, меру пресечения отменить, из-под стражи его освободить. Но просидел он то же самое — больше года. Больше года просидел!

---

[1] Либкнехт Вильгельм (1826–1900) и Бебель Август (1840–1913), основатели и руководители германской социал-демократической партии.

Киров: дело меньшевиков Бориванова и Чугуненкова

...Нельзя отрицать. Но он [Берия] только был либерален примерно 39-й год, а уже в 40-м году... Помню, 1 апреля 1940 года я находился в городе Кирове (это тогда была Смоленская, а теперь Калужская область; это бывшая Песочная, а потом переименована была в Киров). Там происходил процесс бывших меньшевиков. Они были осуждены судом, кажется, по десять лет было дано. А потом[1] Верховный суд отменил приговор и направил на новое рассмотрение.

И вот новое рассмотрение происходило 1 апреля 1940 года. Один — Бориванов[2], а второй — Чугуненков[3]. Когда-то они в эпоху Февральской революции вступили в социал-демократическую партию меньшевиков. Ну, и потом, значит, меньшевиков этих разогнали, и они простыми рабочими были. И вот, когда эта самая [кампания] началась, лимиты эти пошли. Как следователь объяснял суду, когда получили мы план Ежова — на десять тысяч[4], у нас столько народу на нашем учете в картотеке подозрительных не было. Не было, поэтому приходилось прислушиваться к сигналам. И вот тут пошли, значит, соседи, соседки разные кляузы наводить. И кто-то получит сигнальчик — значит, давай!

А тут кстати вышла книга Вышинского Андрея Януарьевича. Книга научного характера такого, теоретическая — «Теория доказательств». За эту книгу ему дали Сталинскую премию первой степени. Значит, сто

---

1 В 1936 г.

2 Бориванов Федор Стефанович/Степанович (1890, Песоченский завод Жиздринский у. Калужской губ. — ?), на 1939 г. экономист-плановик Кировского торга. Осужден 31 марта 1940 г. на 3 года Смоленским облсудом (Из бездны небытия: Книга памяти репрессированных калужан. Т. 1: А–Д. Калуга: Упр. МБ РФ по Калуж. обл., 1993. С. 185). Согласно Меньшагину, Бориванова в мае 1940 г. освободили. Однако 25 апреля 1942 г. он был осужден Военным трибуналом войск НКВД охраны тыла 16-й армии по ст. 58-3 УК РСФСР на 5 лет лагерей (Там же).

3 Чугуненков Анисим Филиппович (1889–?), беспартийный, пенсионер. Проживал в г. Кирове Смоленской обл. Приговорен судебной коллегией по угол. делам Смоленского облсуда 30 октября 1939 г. по ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР к 3 годам ИТЛ (Из бездны небытия: Книга памяти репрессированных калужан. Т. 3: П–Я. Калуга: Упр. ФСК РФ по Калуж. обл., 1994. С. 377). Об оправдании или пересмотре дела Чугуненкова в данном источнике сведений нет. О том же Чугуненкове — см. в списке рабочих и служащих Песоченской фаянсовой фабрики на 1918 г.: рабочий при бане (URL: https://kirmuseum.ucoz.ru/load/3-1-0-17).

4 Здесь фактически впервые, задолго до официальных публикаций, был обозначен некий «план Ежова», т. е. развязывающий «Большой террор» оперативный приказ НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. Цифры лимита по Западной/Смоленской области довольно точно сохранялись в памяти Меньшагина.

тысяч отвалили[1]. В этой книге, между прочим, он писал, что по делам о государственных преступлениях, если налицо имеется признание обвиняемого, то других доказательств не требуется. Ну, а раз так, то следственные органы всё свое внимание сосредоточили на добывании признаний обвиняемого...

Вот такие были дела... На новое рассмотрение передали. И вот, значит, жена Бориванова приехала в Смоленск и пригласила [меня], чтоб я защищать ехал. Значит, деньги на защиту, на поездку, суточные, всё как полагается. Я поехал. Председательствовал Щербаков, нет, вру! — этот, Белозеров[2]. Член областного суда Белозеров. Обвинение поддерживал местный прокурор, районный, Филиппов. А я защищал.

Значит, я просил их оправдать. Основным свидетелем [обвинения] был священник бывший, Никольский, который уже не работал в церкви. Работал где-то бухгалтером. В Кирове несколько дел я провел по 58-10 все, а это было, кроме того, и 58-11: это «одиннадцать» выражалось в меньшевизме. «Идет, значит, он и начинает со мною говорить», — этот свидетель показывал. Я по одному из дел возбудил ходатайство о привлечении его к уголовной ответственности за ложный донос по ст. 95-й, части второй[3]. И суд, оправдавший тогда подсудимых, вынес определение — привлечь его. И по этому делу он опять фигурировал как свидетель. Они, значит, при встрече с ним на улице говорили, вели разговоры будто бы такого, антисоветского характера.

Я просил оправдать; прокурор просил им десять и восемь. Суд Бориванову дает десять лет и пять лет поражения прав, а Чугуненкова — оправдать. Меру пресечения оставить прежней — содержание под стражей. Я подошел к председателю и говорю:

— Товарищ Белозеров, как же? Ведь Уголовно-процессуальный кодекс говорит, что в случае оправдания лица, содержащегося под стражей, мера пресечения отменяется немедленно и он освобождается в зале суда. И вот все эти дела, о которых я рассказывал, их освобождали тут же.

---

[1] 1-е изд. книги А.Я. Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве» вышла в 1941 г. Ее 2-е издание было удостоено Сталинской премии. 1-й степени по науке за 1946 г. (200 тыс. руб.).

[2] В конце 1936 г. нарсудья Сталинского райсуда Смоленска, член ВКП(б) (СА).

[3] Ст. 95: «Заведомо ложный донос органу судебно-следственной власти...», ч. II, соединенный «с обвинением в тяжком преступлении» — с санкцией до двух лет лишения свободы. В 1939–1940 гг. как раз возобновилась очередная кампания осуждения за ложные доносы и клевету. Начало ей положил доклад А.А. Жданова на XVIII сьезде ВКП(б): он сказал, что «клевета на честных работников под флагом "бдительности" является в настоящее время наиболее распространенным способом прикрытия, маскировки враждебной деятельности. Неразоблаченные осиные гнезда ищите прежде всего среди клеветников».

— А сейчас пришло распоряжение нам, что по делам пятьдесят восьмой [статьи] не освобождать, а ждать, не будет ли протеста со стороны прокуратуры. Так что семьдесят два часа надо подождать. Если не будет протеста, тогда его отпустят[1].

Это вот первый раз я столкнулся... Кем же издан этот циркуляр? А циркуляр был издан, значит, Берией и прокурором Панкратьевым[2]. Прокурор СССР, который заменил Вышинского. Потому что Вышинского досрочно сняли с прокуратуры, сняли после XVIII партийного съезда[3]

Я так слышал, что на XVIII партийный [съезд] будто бы Ежова приводили — на этот партийный съезд. Он уже сидел, но после этого съезда его сразу расстреляли — Ежова[4]. Напали и на Вышинского, но Сталин Вышинского перевел заместителем председателя Совнаркома тогда. А он же был прокурором назначен в январе 1938 года на семь лет. Так что он до января 45-го года должен был быть прокурором. По конституции, как сейчас, на пять лет назначается прокурор — по новой конституции, а по старой назначался на семь лет. Но его досрочно сняли, потому что на съезде стоял вопрос о том, что очень много незаконных мер принято в отношении ряда лиц.

И вот в 39-м году в значительной степени исполнились эти приговоры. Потом очень много [дел] перенесено было, которые внесудебным порядком должны были идти, а их прислали в суды. Я выступал по очень многим делам в 39-м году, почти одна 58-я пошла. И в 40-м было много дел. Но уже в 40-м был подход другой — добиться оправдания было труднее. На этого Бориванова 25 мая Верховный суд рассматривал кассационную жалобу. Приговор отменили, дело производством прекратили и освободили[5]. Помню, мне очень хорошее письмо прислал.

---

1 Имеется в виду приказ Наркомюста и Прокурора СССР №058 от 20 марта 1940 г. о том, что оправданные по контрреволюционным делам не подлежат немедленному освобождению, а возвращаются в места заключения и могут быть освобождены только по получении от НКВД сообщения об отсутствии к тому препятствий (*Волкогонов Д.М.* Триумф и трагедия // Октябрь. 1989. №10. С. 107).

2 Вышинский был освобожден от должности Прокурора СССР о связи с назначением зам. Председателя СНК СССР 31 мая 1939 г. Его преемником стал Михаил Иванович Панкратьев (1901–1974), до этого (с мая 1938 г.) бывший Прокурором РСФСР. На посту Прокурора СССР Панкратьев продержался недолго, выступив против политики Берии на сворачивание репрессий. 7 августа 1940 г. его сменил комиссар гб 2-го ранга Виктор Михайлович Бочков (1900–1981), ставленник Берии. Панкратьев же в 1940–1950 гг. работал в системе военных трибуналов, а затем в ДОСААФ.

3 XVIII съезд партии проходил 10–21 марта 1939 г.

4 Расстрелян 4 февраля 1940 г.

5 Освободили, но через два года снова посадили.

Но зато когда я сам попал в Смоленское управление государственной безопасности, значит, привезли туда 9 августа 45-го года, и вел следствие Беляев (я его по почерку узнал, потому что его дела, которые он вел, попадали ко мне, и много полетело насмарку). Так, предъявляя обвинение мне по Указу Президиума Верховного Совета от 19 апреля 43-го года, которого так я и не видел и нигде не нашел следов его, — так он первым пунктом записал: «Работая адвокатом в Смоленской коллегии адвокатов, защитников, подстрекал обвиняемых отказываться от показаний, даваемых на предварительном следствии».

Я говорю:

— Никогда не подстрекал никого, но говорил: «Говорите правду!» И всегда говорил и считаю сейчас так.

Но он мне записал первым пунктом, что я подстрекал подсудимых отказываться от показаний. Но, правда, многие на предварительном следствии сознавались, а потом отпадали.

Смоленск: дела Острейко, Ильенкова и Треппеля, провокаторы и «наседки» — Масальский, Ковальков и Брянцев

Потом практиковались такие профессиональные «свидетели».

Вот я помню, впервые я столкнулся с ними... да, 16 февраля 1939 года по 58-10 — дело Острейко[1]. Он работал электротехником на Смоленской электростанции. Приложена справка, что отец его инженером работал, расстрелян по постановлению Особой тройки. А ему — 58-10 дали. И свидетелем был вот этот самый Масальский, который князь-то бывший. Когда его посадили как бывшего князя, он дал «показания» на двести человек, на двести человек дал показания, которых забрали. Ну, а потом в этом деле Острейко, я вижу, приложена справка: «Масальский осужден постановлением Особой тройки к высшей мере наказания» Самого расстреляли.

Он давал на него[2] показания, и потом давал еще один свидетель с электростанции, и третий — Ковальков[3]. Этот Ковальков когда-то судился за растрату. Он в деревне в кооперативе работал. Отбывал наказание

---

[1] Острейко Людвиг Карлович (1884, д. Глуск Бобруйский у. Минской губ. — 20 октября 1938), белорус; беспартийный. Главный инженер Запспиртотреста. Арестован 10 февраля 1938 г. 3-м отделом УГБ УНКВД Западной обл. Приговорен тройкой УНКВД по Смоленской обл. 8 октября 1938 г. Реабилитирован 27 октября 1956 г. Военной коллегией ВС СССР (Книга памяти Смоленской обл.).

[2] Острейко.

[3] Нижеследующая история с Ковальковым почти дословно была повторена Меньшагиным в его воспоминаниях о военном времени (главка «Партизаны», в настоящем издании, во избежание повторов, фрагмент обозначен, но выпущен).

на строительстве Москва–Волга, то был Указ или Постановление тогда еще Президиума ЦИК СССР: тех, которые там хорошо работали, досрочно освободить по определенным статьям[1]. У него была растрата — 116-я. Его досрочно освободили. Он опять стал работать в кооперации и опять проворовался. Опять у него недостача, его судили второй раз, дали ему три года лишения свободы. И вот этот осужденный по бытовой статье, по 116-й, Ковальков вдруг сидит в следственном корпусе вместе с политическими, с 58-й статьей. И на них [стучит]...

Значит, в первый раз я встретился с ним по делу Острейко. Он всем приписывал анекдоты, что вот, рассказывал такой-то анекдот. Вот помню, Ильенкову он — да, Ильенкову (это брат писателя Ильенкова[2]; он сам, писатель этот, из Москвы приезжал и приглашал меня защищать его брата). Он приписал ему такой анекдот: к Сталину приехал кунак из Грузии на осле; подъехал к Кремлю; кунака в Кремль пустили, а осла — нет. Привязали его к воротам кремлевским. Сталин обрадовался кунаку, стал его угощать. Они сидели, угощались, потом тот: «Ой, вспомнил! У меня же осел остался некормленный!» А Сталин ему говорит: «Ну, что ты волнуешься? У тебя какой-то осел один остался некормленный, у меня миллионы ослов некормленные, — и я не волнуюсь»[3].

Мне он попадался, значит, по делу Острейко, потом по делу Треппеля. Треппель был начальник областного управления искусств, член обкома партии. А потом по делу профессора Смоленского пединститута Георгиевского, потом по делу вот этого Ильенкова. Значит, четыре раза. И вот я возбудил ходатайство — против него возбудить уголовное дело по ст. 95-й за ложный донос. Последний раз он признался. Да, когда этот самый Ильенков стал говорить, что, когда Ковалькова разоблачили, и уже стало известно, что он выполняет роль «наседки» так называемой, то он смеялся и Треппелю, начальнику областного отдела искусств, пообещал, что «если ты мне отдашь свою передачу и сделаешь

---

[1] Имеется в виду постановление ЦИК и СНК СССР от 14 июля 1937 г. о награждении и льготах для строителей канала Москва–Волга (об амнистии). По нему было намечено освободить из Дмитлага 55 тыс. заключенных. Спецкомиссией за неделю было якобы освобождено 48 тыс. (Вечерняя Москва. 1937. 21 июля).

[2] Ильенков Василий Павлович (1897–1967), в 1930–1932 гг. оргсекретарь Российской ассоциации пролетарских писателей, лауреат Государственной премии III степени за 1950 г. У Ильенкова был старший брат Михаил (1894–?) (Исторический архив Эстонии. Ф. 402. Оп. 12. Д. 64 (Дело студента Юрьевского ун-та Ильенкова В. П.). Справка получена от Т. К. Шор, Тарту.

[3] Не исключено, что в романе В. П. Ильенкова «Солнечный город» — реминисценция этого анекдота; время действия эпизода — 1920–1921 гг. (*Ильенков В.* Солнечный город. М., 1933. С. 17).

выписку из ларька очередную в мою пользу, то я выхлопочу тебе вольную ссылку в Ташкент». И Треппель отдал ему очередную передачу, выписал ему с ларька, но, конечно, его судили, и дали Треппелю семь лет[1].

Да, так вот, когда этот самый Ильенков рассказывал на суде, то Ковальков смеялся и говорил: «Такой дурак!» О том, что Треппель — дурак, это, конечно, так. Но какой этот — мерзавец! Но кончил он плохо. Когда, значит, суд оправдал Ильенкова, вынес определение о привлечении его [Ковалькова] по ст. 95-й, часть вторая. И, значит, его хозяева сразу его увезли в Минск. В Минск — там другая республика, определение, конечно, осталось так. И там он давал показания на военных. Там трибунал, штаб военного округа туда уехал в 39-м году. И он там продолжал свою деятельность и давал показания на военных. Потом все-таки его отправили в колонию в Вадино[2] — это Дорогобужского, нет, Холм-Жирковского района Смоленской области.

Когда пришли туда немцы, они распустили этих самых всех заключенных. Он вернулся домой. И здесь уже при немцах местная полиция — «орднунгсдинст», так называемая вспомогательная полиция, — нашла у него пистолет. Его арестовали, забрали. За пистолет. И вот однажды начальник этой полиции Сверчков был у меня для информации, очередной информации, и потом говорит:

— Да вот, Борис Георгич, я очень извиняюсь. Мы вашего знакомого немного задержим еще, на несколько дней, потому что он нам очень важную работу выполняет.

Я говорю:

— Какого знакомого? И какая работа?

— Ковалькова.

Не могу вспомнить, что за знакомый такой.

— А какую он работу выполняет?

— Он сейчас посажен с партизанами, с подозреваемыми в партизанстве, и их выявляет. И мы будем знать, кто из них как...

---

1 Треппель Исай Петрович (1893–?), директор Смоленского ансамбля песни и пляски. Арестован НКВД Смоленской области 24 июня 1938 г. Осужден 17 июля 1939 г. Смоленским облсудом по ст. 58-10.1 к 5 годам ИТЛ. Реабилитирован 30 ноября 1992 г. (Книга памяти Смоленской области. Т. 6. Арх. дело № 26101).

2 «Исправительно-трудовая колония при ст. Вадино» (в перечислении лагерей НКЮ РСФСР, приказ № 181 НКЮ за подписью нач. Главного управления исправительно-трудовых учреждений РСФСР И. А. Апетера от 5 ноября 1931 г. (Советская юстиция. 1931. № 35–36. С. 32)). Вадино входит в Сафоновский район (образован на территории бывш. Дорогобужского и Вельского уездов) район (Административно-территориальное устройство Смоленской области. Справочник. М., 1981. С. 60, 139).

Я говорю:

— Не представляю себе. Я поеду обедать, заеду к вам. Покажите мне этого знакомого.

...Сверчков распорядился, привели его. Смотрю — о Господи! Ковальков этот, который был свидетелем по целому ряду дел у меня и которого по моему ходатайству посадили! Уголовное дело было... Ну и «знакомый»!

Да, он так это опешил немножко — не думал, что его покажут... И я сказал этому Сверчкову, что вам-де стыдно, вы сами сидели (по его словам, он сидел по 58-й тоже, на основании вот таких людей), а теперь пользуетесь сами такими... Ну, его передали немцам, и те расстреляли его.

Был еще Брянцев тоже. Тот — по железнодорожным делам. Первый раз я защищал по статье 58-7-11 дорожного мастера Хороса 1 июля 38-го года. А я его знал еще с 20-го года, когда его брат служил вместе со мной в армии и он приезжал туда в гости... Вот тогда познакомились с ним. Так что, когда его посадили, жена его пришла просить его защищать. Его обвиняли во вредительстве. Причем основным свидетелем тогда был некий Брянцев. И этот же Брянцев по другим делам проходил. Какие все однообразные его показания были! И кончилось тем, что его [Хороса] оправдали, а Брянцева привлекли по 95-й статье и посадили. Когда немцы пришли, его выпустили. Колонию распустили, и он пришел домой. Он сам из Гнёздова под Смоленском. Там его убили местные жители, на которых он создавал дела. Они его убили. Уже пожилой человек был. И вот такой.

Ну, вообще-то можно сказать, что прокуратура на 90 процентов, пожалуй, можно сказать, плохо работала. Очень плохо работала. Во-первых, она должна была вести надзор за государственной безопасностью, за действиями органов МГБ. Никакого надзора она не вела, то есть она шла за ними по пятам. Они ж боялись их.

Вот Мельников, который выступал со мной на показательных процессах по делу землемеров и по делу животноводов и говорил: «Мы, товарищи судьи, живем хорошо, но мы могли бы жить еще лучше, если бы...». Вдруг его арестовали; тоже ночью приехали и забрали. Тоже 58-7 — вредительство — этому прокурору. Отмененные приговора вот эти посчитали, что он обвинял во вредительстве. Ну, ему удалось выкарабкаться, потому что вскоре Ежова посадили, значит, а Берия, как я уже говорил, отступного дал. И он в конце концов вышел. Его судили, дали ему — что-то я не помню; потом военная коллегия прекратила дело производством. Его освободили. Освободили, он вышел и поступил — не стал восстанавливаться в партии, во-первых, и, во-вторых, поступил в адвокатуру. Назначили его работать в Ярцево Смоленской области.

Там большая фабрика текстильная. И вот в сентябре 40-го года я был в Ярцеве, по какому-то делу выступал (приглашали меня). Дело кончилось, а поезд вечером, еще далеко; и он пригласил меня к себе обедать. Помню, были грибы, потом первое, была водка, потом второе, и я ему напомнил.

— Помните, Георгий Иваныч, мы с вами выступали на процессах в спецколлегии?

Он сразу заплакал. Заплакал и говорит:

— Ох, не напоминайте мне этого! Если бы я знал тогда, как они ведут следствие, разве я тогда стал бы их обвинять?

Ну, не знаю, стал бы он или нет, но только ему там попало тоже, когда он на следствии был. Они там, эти следователи, дали ему взбучку, этому Мельникову. Ну, плохо то, что он спился, и в 41-м году его исключили из коллегии за систематическое пьянство. Он даже в судебное заседание пьяный приходил или совсем не являлся, процессы из-за него срывались. Его исключили, он уехал на родину, в Пензенскую область. Не знаю, что дальше с ним...

Бывший областной прокурор. Он с высшим образованием был. А так ведь большинство тогда не были с образованием. Тогда с высшим образованием было очень мало народа. И в адвокатуре немного было, а в прокуратуре совсем мало, и судей — почти никого.

Смоленск: дело хлебозавода № 2

Суды плохо работали. Прокуратура очень плохо работала.

...Нет, не сказал бы я этого. Слушали! Внимательно так. Вот однажды проявляли. Это уже был 39-й год, был процесс хлебозавода № 2, которого директор был свидетелем на том процессе, а теперь судили, значит, его директора Иванова, заведующего производством Кобозева, технорука Романова, заведующего кондитерским цехом Бейле и экспедитора Кутакова. 58-7, 58-11. Процесс в открытом судебном заседании шел, областной суд судил, председательствовал Ивашков. Обвинял помощник областного прокурора Тарасов, а защищал всех я — один. Много свидетелей было. Суд продолжался с 22 марта до 1 апреля. Видите... Человек сто свидетелей было. Но тоже хорошее — я это дело с удовольствием вспоминаю. Хорошо прошло оно.

Ну, такой был инцидент. Эксперт — нет, свидетель — бухгалтер говорит. Прокурор спрашивает:

— Какой убыток понес завод в результате вредительской деятельности подсудимых?

Он говорит:

— Убытка не было, мы имели прибыль в сумме такой-то.

— Как же вы могли прибыль иметь, когда хлеба там выгрузили?! Был такой случай?

— Да, был.

— Что же? Вы списали всё в убыток? Значит, был убыток! Да? Ведь математика говорит, что плюс на минус дает минус, а у вас плюс получается!

А я ему с места подаю реплику:

— Это при умножении. А при сложении всё дело в коэффициенте.

— А я скажу вам, товарищ защитник, что вам надо алгебру подчитать!

Председатель стучит.

— Перестаньте, перестаньте! — перебранку такую.

И вот, значит, когда объявили перерыв на обед, бухгалтер-эксперт, тот, который был, сидел и слушал это, подошел и говорит прокурору:

— Товарищ прокурор, защитник правильно сказал вам.

— Как правильно?

— Да, да. Это при умножении только, а при сложении дело в коэффициенте.

...И вот этот Тарасов выступил 31 марта с речью и потребовал Иванову и Кобозеву по десять, Романову и Бейле — по восемь, Кутакову — три. Причем отказался от 58-й и просил их осудить по закону о выпуске недоброкачественной продукции. Тогда, незадолго до этого, выпущен был этот закон[1].

После был перерыв на обед; потом была предоставлена речь мне. Это самая длинная моя речь за всю мою практику — три часа десять минут я говорил. Значит, опровергал свидетелей, которые рассказывали там басни разные. Например, один свидетель рассказывал, что когда грузили, значит, хлеб, то выскочила мышь с этого хлеба. Ну, я говорил,

---

[1] Имеется и виду ст. 128-я ч. 1 УК РСФСР. С 10 февраля 1934 по 10 июля 1940 действовала редакция, введенная Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 февраля 1934 г. По УПВС от 10 июля 1940 г. (и соответственно — по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 ноября 1940 г.) — в эту статью внесена, вместо прежней формулировки «вследствие преступно-небрежного отношении к порученному делу», новая: «...карается как за противогосударственное преступление, равносильное “вредительству”»; вместо прежних лиц, подпадающих под действие статьи: «управляющие треста, директора предприятий и лица административно-технического персонала», «директора, главные инженеры и начальники отделов технического контроля»; и, наконец, вместо прежней санкции «лишение свободы на срок не ниже пяти лет» — «тюремное заключение сроком от 5 до 8 лет». Учитывая диспозицию и санкцию старой и новой редакций этой статьи, а также сведения, которые дает Меньшагин: состав обвиняемых, сроки наказания, предложенные прокурором, — даты процесса, названные Меньшагиным, следует признать реальными. Таким образом, закон на самом деле был принят лишь более чем через год после суда.

что даже Дуров не добивался такого успеха, как вот свидетели в своих показаниях. Как по заказу действовали; были дрессированные мыши — выскакивали тогда, когда требовалось для обвинения. Ну, я просил, значит, Романова, Бейле и Кутакова считать невиновными и полностью оправдать. А Иванова и Кобозева — признавал халатность и просил ограничиться тем, что они отбыли, и из-под стражи освободить.

И вот, когда кончил речь (это уже был вечер, очень много было работников этого хлебозавода второго, полный зал был народу) — аплодисменты. Аплодисменты! Ивашков стучит — никакого внимания не обращают, аплодируют. Три раза я за свою практику получал аплодисменты. Это второй раз был.

Взял реплику Тарасов. Значит, он не согласен со мной, считает их виновными и просит, настаивает на десяти, восьми и трех. И когда он кончил, один человек только захлопал. И лучше бы он не хлопал, потому что получилось совершенно жалкое впечатление. Жалкое впечатление получилось — захлопал один человек. А полный зал народу.

Я взял ответную реплику, ему отвечал. И когда кончил, опять зал аплодировал. Наутро — последнее слово подсудимых, суд ушел на совещание, а я пересел на другой процесс. Вышел другой состав суда. Я по делу о вредительстве на швейной фабрике — на это дело. А по моему делу пошли совещаться. В четыре часа состав, который рассматривал швейную фабрику, объявил перерыв на обед до шести, а вышел тот суд с приговором. Да, значит, эти все ушли, а я ждал приговора.

И когда приговор прочитал этот судья — он признал Романова, Бейле и Кутакова невиновными, оправдать, из-под стражи немедленно освободить. Теперь Иванова, директора, и заведующего производством Кобозева — виновными в халатном отношении — [ст.] 111-я, один год шесть месяцев лишения свободы без поражения прав, из-под стражи освободить, считать отбытым. И зал аплодировал этому суду. Значит, суд пошел обратно, а один мужчина, помню, высокий такой — стоял в проходе и закричал: «Браво, защитник!» Персональная выпала похвала из публики. Так что я бы не сказал, что они обычно жаждали крови. Не сказал бы этого...

Смоленск: дело Ступина

...Я пошел вечером в тюрьму. — «Узнаю вас». — «Может, Вам нужна помощь? Галина Васильевна[1] просила». Арестован 25 апреля в связи с делом Уборевича (июнь 37). Ступин[2] в 1938 году был начальником

---

1 Правильно: Галина Владимировна.

2 Павел Михайлович Ступин (4 октября 1891, Екатеринослав — 1980), бригинтендант, начальник снабжения ВВС БВО. В 1927 г. командир 13-го авиационного

снабжения ВВС Белоруссии. Показания на него дал комбриг Белозеров[1], генерал-майор, комбриг 6-й авиабригады, что вовлек Ступина и дал задание подготовить бригаду для полета в Москву для бомбардировки Кремля. Ступин это задание выполнил. Ступин сначала отрицал, потом согласился. Следователь потребовал еще. Ступин: «2 заграничных мотора я, послав в часть, приказал запороть. 58-1б, 58-7, 58-8 и 58-11».

На трибунале Белорусского военного округа (штаб в Смоленске) Ступин ходатайствует вызвать механиков из эскадрильи, куда посланы моторы. Механики показали, что моторы работают. Ступин заявил, что не признаёт себя виновным, и его выдал следователь Цветков (позднее приговоренный к расстрелу — пытал с целью вредительства советской власти) пытками[2]. По 58-7 оправдать, по остальным — 10 лет, а также лишить орденов Красного Знамени и Красной Звезды. Написал кассационную жалобу: что проверено — отменено, единственный свидетель расстрелян, нарушение 339-й статьи процессуального кодекса[3].

В феврале 40 г. дело рассматривалось Военной коллегией Верховного суда СССР в Москве. Председатель, член Военной коллегии Камерон[4], военный прокурор: «Согласен с защитником». Приговор отменен, дело

парка, где служил Б.Г.М., которому он дал прекрасную характеристику для поступления в адвокатуру (АММ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 19). 15 июня 1938 г. уволен из армии и арестован (АО УФСБ СО. Дело № 19032) в связи с делом командарма И.П. Уборевича (1896–1937). 31 августа 1938 г. приговорен к 10 годам тюрьмы. В феврале 1940 г. в результате действий Меньшагина как адвоката освобожден. После чего преподавал на Липецких высших авиакурсах усовершенствования. С 10 октября 1940 г. — начальник снабжения и ремонта управления ВВС Орловского военного округа. Во время войны — начальник снабжения ВВС Юго-Западного фронта, с 1944 г. — генерал-лейтенант авиации. После войны служил в Главном управлении гражданской авиации.

[1] Аберрация памяти. Человеком, на чьих выбитых «показаниях» строилось обвинение против Ступина, был бывший заместитель командира войск БВО по авиации комдив С.А. Чернобровкин (1897–1938; см. о нем: *Черушев Н.С., Черушев Ю.Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941. Биографический словарь. М., 2012. С. 297–298). Чернобровкин, расстрелянный 29 апреля 1938 г., якобы показал: «Ступин мною был вовлечен в антисоветскую военную организацию по прямому заданию Уборевича. В феврале месяце 1937 г. Уборевич мне заявил, что Ступин необходим организации, так как он ведет снабжение авиации округа запасными частями, и через него целесообразнее всего проводить вредительство на этом участке» (АО УФСБ СО. Дело № 19032).

[2] Цветков Николай Александрович (1905–1940(?); расстрел(?)). На 1938 г. начальник 7-го отделения 5-го отдела УНКВД по Смоленской обл., лейтенант гб. 29 декабря 1939 г. приговорен Военным трибуналом БВО к смертной казни (URL: https://nkvd.memo.ru/index.php/Цветков,_Николай_Александрович).

[3] Имеется в виду ст. 319 УПК от 15 февраля 1923 г.: «Суд основывает свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании».

[4] П.А. Камерон, военный прокурор, член военной коллегии Генпрокуратуры СССР.

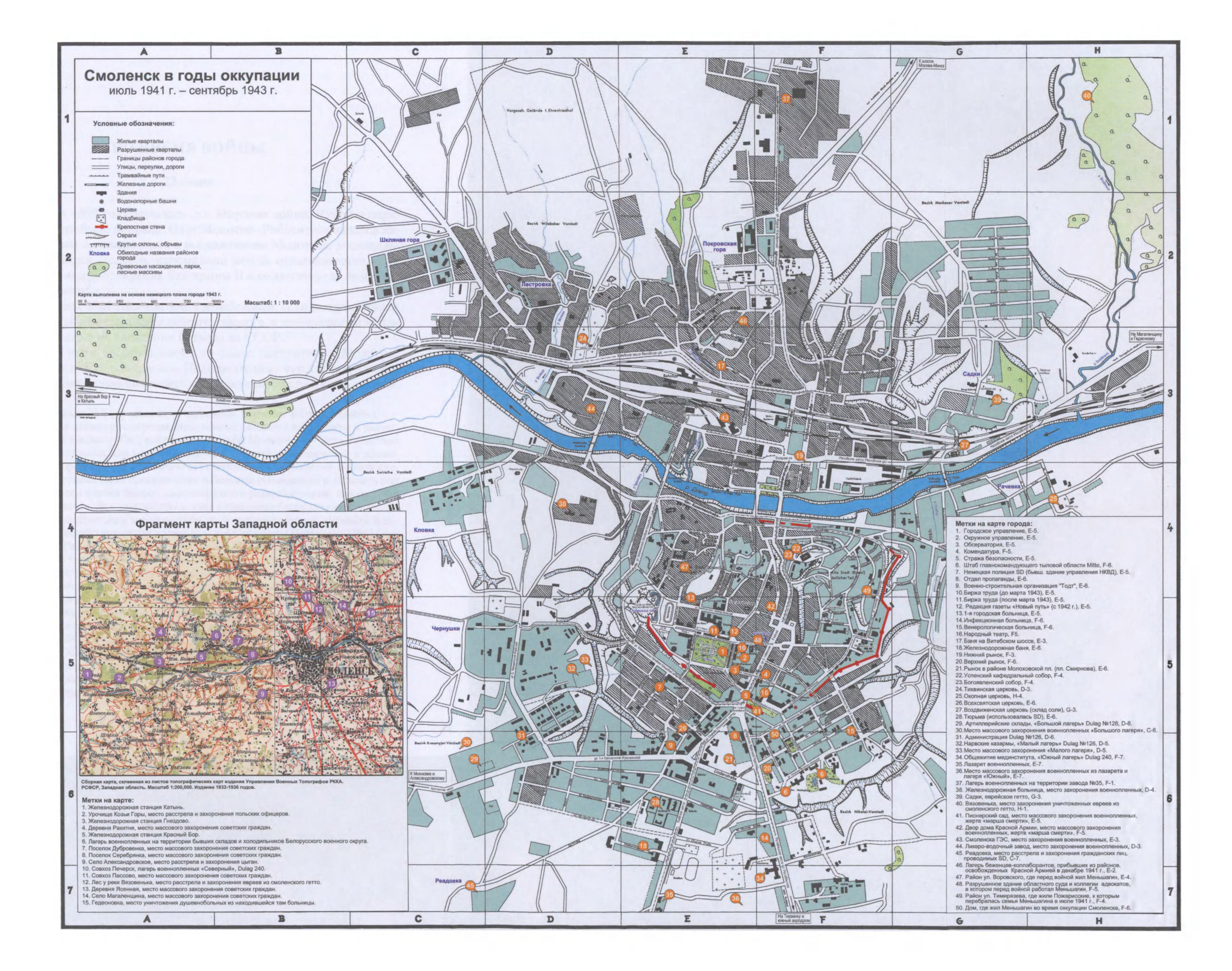
за недоказанностью прекращено. Ступина освободить. Через несколько дней Ступины принесли торт и бутылку шампанского[1]. Уехали в Москву, он поступил в Главное управление гражданской авиации.

Во время оккупации приходила теща[2]. Потом Ступин был начальником снабжения ВВС Юго-Западного фронта.

---

[1] Ср. добавление, сделанное, со слов Меньшагина, Г.А. Вомпе в ДРЗ-4: «Пока совершались все эти события, жена этого летчика (порядочно моложе его) пришла к Б. Г. за советом: какой-то артист хотел на ней жениться. Б. Г. посоветовал: "Подождите конца этой истории, вашему мужу будет легче перенести развод, если он будет уже на свободе. Если же приговор вступит в силу, вы будете более свободны". Она послушалась, а позже они оба пришли к нему и благодарили за мудрый совет» (ДРЗ-4. Л. 104–105).

[2] Ср.: «Во время оккупации соседи матери этого летчика всячески притесняли ее, угрожая донести немцам, что ее сын служит в Красной армии. Б.Г. вмешался и пригрозил соседям, как власть имущий, тем и утихомирил их» (ДРЗ-4. Л. 104–105).

Смоленск в годы оккупации
июль 1941 г. – сентябрь 1943 г.
Условные обозначения:
Жилые кварталы
Разрушенные кварталы
Границы районов города
Улицы, переулки, дороги
Трамвайные пути
Железные дороги
Здания
Водонапорные башни
Церкви
Кладбища
Крепостная стена
Овраги
Крутые склоны, обрывы
Кловка
Обиходные названия районов города
Древесные насаждения, парки, лесные массивы
Карта выполнена на основе немецкого плана города 1943 г.
50 0 250 500 750 1000 м
Масштаб: 1 : 10 000
Шкляная гора
Лестровка
Покровская гора
Садки
Рачевка
Кловка
Чернушки
Реадовка
К шоссе Москва-Минск
На Магаленщину и Гедеоновку
На Красный бор и Катынь
К Михновке и Александровскому
На Тихвинку и южный аэродром
Фрагмент карты Западной области
Сборная карта, склеенная из листов топографических карт издания Управления Военных Топографов РККА. РСФСР, Западная область. Масштаб 1:200,000. Издание 1932-1936 годов.
Метки на карте:
1. Железнодорожная станция Катынь.
2. Урочище Козьи Горы, место расстрела и захоронения польских офицеров.
3. Железнодорожная станция Гнездово.
4. Деревня Ракитня, место массового захоронения советских граждан.
5. Железнодорожная станция Красный Бор.
6. Лагерь военнопленных на территории бывших складов и холодильников Белорусского военного округа.
7. Поселок Дубровенка, место массового захоронения советских граждан.
8. Поселок Серебрянка, место массового захоронения советских граждан.
9. Село Александровское, место расстрела и захоронения цыган.
10. Совхоз Печерск, лагерь военнопленных «Северный», Dulag 240.
11. Совхоз Пассово, место массового захоронения советских граждан.
12. Лес у реки Вязовенька, место расстрела и захоронения евреев из смоленского гетто.
13. Деревня Ясенная, место массового захоронения советских граждан.
14. Село Магаленщина, место массового захоронения советских граждан.
15. Гедеоновка, место уничтожения душевнобольных из находившейся там больницы.
Метки на карте города:
1. Городское управление, E-5.
2. Окружное управление, E-5.
3. Обсерватория, E-5.
4. Комендатура, F-5.
5. Стража безопасности, E-5.
6. Штаб главнокомандующего тыловой области Mitte, F-6.
7. Немецкая полиция SD (бывш. здание управления НКВД), E-5.
8. Отдел пропаганды, E-6.
9. Военно-строительная организация "Тодт", E-6.
10. Биржа труда (до марта 1943), E-5.
11. Биржа труда (после марта 1943), E-5.
12. Редакция газеты «Новый путь» (с 1942 г.), E-5.
13. 1-я городская больница, E-5.
14. Инфекционная больница, F-6.
15. Венерологическая больница, F-6.
16. Народный театр, F5.
17. Баня на Витебском шоссе, E-3.
18. Железнодорожная баня, E-6.
19. Нижний рынок, F-3.
20. Верхний рынок, F-6.
21. Рынок в районе Молоховской пл. (пл. Смирнова), E-6.
22. Успенский кафедральный собор, F-4.
23. Богоявленский собор, F-4.
24. Тихвинская церковь, D-3.
25. Окопная церковь, H-4.
26. Всехсвятская церковь, E-6.
27. Воздвиженская церковь (склад соли), G-3.
28. Тюрьма (использовалась SD), E-6.
29. Артиллерийские склады, «Большой лагерь» Dulag №126, D-6.
30. Место массового захоронения военнопленных «Большого лагеря», C-6.
31. Администрация Dulag №126, D-6.
32. Нарвские казармы, «Малый лагерь» Dulag №126, D-5.
33. Место массового захоронения «Малого лагеря», D-5.
34. Общежитие мединститута, «Южный лагерь» Dulag 240, F-7.
35. Лазарет военнопленных, E-7.
36. Место массового захоронения военнопленных из лазарета и лагеря «Южный», E-7.
37. Лагерь военнопленных на территории завода №35, F-1.
38. Железнодорожная больница, место захоронения военнопленных, D-4.
39. Садки, еврейское гетто, G-3.
40. Вязовенька, место захоронения уничтоженных евреев из смоленского гетто, H-1.
41. Пионерский сад, место массового захоронения военнопленных, жертв «марша смерти», E-5.
42. Двор дома Красной Армии, место массового захоронения военнопленных, жертв «марша смерти», F-5.
43. Смоленска ГЭС, место захоронения военнопленных, E-3.
44. Ликеро-водочный завод, место захоронения военнопленных, D-3.
45. Реадовка, место расстрела и захоронения гражданских лиц, проводимых SD, C-7.
46. Лагерь беженцев-коллаборантов, прибывших из районов, освобожденных Красной Армией в декабре 1941 г., E-2.
47. Район ул. Воровского, где перед войной жил Меньшагин, E-4.
48. Разрушенное здание областного суда и коллегии адвокатов, в котором перед войной работал Меньшагин, F-5.
49. Район ул. Тимирязева, где жили Пожарисские, к которым перебралась семья Меньшагина в июле 1941 г., F-4.
50. Дом, где жил Меньшагин во время оккупации Смоленска, F-6.

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

22 июня

[1] Наконец, в 1939 году началась 2-я Мировая война. Чувство справедливости было попрано. Пакт Молотов–Риббентроп казался каким-то странным и ненадежным, а высказывания Молотова, восхвалявшего новый раздел Польши, напоминали всегда отталкивавшие меня своим лицемерием рассуждения Екатерины II и ее дипломатов по аналогичному же поводу[2].

И вот 22 июня 1941 года наступил неизбежный, если рассуждать логически, но такой нежеланный, а потому, казалось, и невозможный в ближайшем будущем, день нападения Гитлера на СССР.

Я узнал об этом из переданного по радио выступления Молотова в 12 часов дня и был ошеломлен. Подсознательно чувствовал, что постоянный, годами установившийся уклад жизни бесповоротно сломан.

---

1 Текст — по тетради № 5 (продолжение; начало см. в разделе «Перед войной»).

2 Имеется в виду лицемерие царицы относительно жалкого настоящего и радужного будущего Польши. См., например: «Судьба Польши <...> есть следствие начал разрушительных для всякого порядка и общества, почерпнутых в примере народа, который сделался добычею всех возможных крайностей и заблуждений. Не в моих силах было предупредить гибельные последствия и засыпать под ногами Польского народа бездну, выкопанную его развратителями, и в которую он наконец увлечен. Все мои заботы в этом отношении были заплачены неблагодарностью, ненавистью и вероломством. <...> государственные интересы и общий интерес спокойствия решат насчет дальнейшей участи Польши» (1795) (см.: *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002). Ср. слова В.М. Молотова: «...оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей. <...> О восстановлении старой Польши, как каждому понятно, не может быть и речи» (*Молотов В.М.* Доклад о внешней политике Правительства (на Внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года) // Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября — 2 ноября 1939 г. Стенографический отчет / Издание Верховного Совета СССР. [М.], 1939. С. 8, 9). Конспекты прочитанного Б.Г. Меньшагиным свидетельствуют о пристальном его внимании к проблематике польской государственности.

Но опыт 1-й Мировой войны, слова Сталина о «свином рыле в чужом огороде...»[1] и Ворошилова о войне «малой кровью»[2] и «на чужой территории»[3] говорили за то, что непосредственной опасности для Смоленска попасть быстро в руки врага нет.

Поэтому в первый день войны меня главным образом заботил вопрос, как попасть в Москву, где я должен был 24 июня участвовать в начинавшемся в Линейном суде Западной железной дороги деле о хищениях в дорожном санитарном отделе и его службах на станции «Москва-Белорусская» в качестве защитника подсудимых Захарова — главного бухгалтера этого учреждения и Вольской — бухгалтера его. Всего по этому делу привлекалось 17 или 18 обвиняемых (сейчас точно не помню); защищали их 10 защитников, в том числе 7 из Москвы и 3 из Смоленска[4].

---

1 Из Отчетного доклада на XVII съезде ВКП(б) 26 января 1934 г.: «Наша внешняя политика ясна. Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами. СССР не думает угрожать кому бы то ни было и — тем более — напасть на кого бы то ни было. Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны. (*Бурные аплодисменты.*) Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, тот всегда найдет у нас поддержку. А те, которые попытаются напасть на нашу страну, — получат сокрушительный отпор, чтобы впредь неповадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород (*Гром аплодисментов*)».

2 Ср.: «Мы должны обеспечить себе победу “малой кровью”, то есть ценой минимальных жертв, как об этом писал к пятой годовщине РККА т. Фрунзе» (*Ворошилов К.Е.* Десятилетие Красной Армии // Ворошилов К.Е. Статьи и речи. [М.]: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 220). Эта формула повторена в 1935 г.: «Мы, большевики, ученики Ленина и Сталина, никогда не сомневались в нашей конечной победе. Теперь, когда силы наши удесятерились, мы вовсе и не ставим вопроса, победим ли мы врага или нет. Победим безусловно. Сейчас не в этом уже дело. Сейчас вопрос ставится так: какой ценой, какими усилиями, какими жертвами мы победим? Я лично думаю, — так думает т. Сталин, так думает т. Орджоникидзе, весь наш ЦК и Правительство, — что мы должны победить врага, если он осмелится на нас напасть, малой кровью, с затратой минимальных средств и возможно меньшего количества жизней наших славных бойцов. (*Аплодисменты*)» (*Ворошилов К.Е.* За мощное стахановское движение // Там же. С. 641).

3 «Война теперь будет, товарищи, очень грозной, очень жестокой, с применением самых страшных, невиданных доселе нигде и никогда в мире, средств. И можете себе представить, если эта борьба разыграется на территории пашей страны, разорение будет во всех районах ужасающее. Поэтому мы так должны готовиться, и не только мы, Рабоче-крестьянская Красная армия, но и вы, все трудящиеся, так должны себя воспитывать, так организовывать защиту пашей родины, что если противник появится, бить его обязательно на его территории. (*Аплодисменты, крики “ура”*)» (*Ворошилов К.Е.* СССР — оплот мира во всем мире: Речь на митинге в Киеве 16 сентября 1936 г. // Там же. С. 656).

4 Далее следовал фрагмент об истории написания и судьбе воспоминаний о войне (вынесен в раздел «После войны», главка «Мемуары»).

Поездка в Москву

Учитывая опыт Финской войны, повлекшей, несмотря на свою незначительность, значительные расстройства транспорта, я, вместо намеченного ранее срока отъезда в Москву в ночь на 24 июня, решил ехать на сутки раньше. И правильно сделал, так как в Смоленск скорый поезд из Минска пришел лишь в 5 часов утра 23 июня, опоздав на 2 ч. 30 м., а в Москву приехали в 7 часов вечера, то есть с опозданием уже почти на 10 часов.

Ожидая поезд на вокзале в Смоленске, я видел, как на станцию прибыл с Запада поезд, состоявший из товарных вагонов, из него красноармейцы в форме войск НКВД выводили по 3–4 женщины с ведрами из каждого вагона, провожали их на кухню вокзального ресторана и снова отводили в вагоны с уже наполненными жидкой пищей ведрами. Откуда были эти одни из первых жертв начинавшейся войны, не знаю[1]. Везли их в направлении Москвы.

В Москве, как всегда, я остановился у своего шурина[2] на Мясницкой, зашел в магазин, находившийся в этом же доме с целью купить водки. Стояла небольшая очередь, и в ней какой-то мужчина средних лет говорил, что получены сообщения о «взятии» нами городов Хельсинки, Варшавы и Бухареста. Я спросил его, было ли об этом сообщено по радио, на что он ответил: «Нет, но это достоверно». Такое начало говорило за то, что война будет непродолжительной, чему можно было только радоваться. Я, конечно, рассказал об этом в семье шурина, и в бодром настроении мы легли спать.

Но среди ночи загудели сирены, началась воздушная тревога. Жена шурина с двумя детьми и ее мать ушли в бомбоубежище на станции метро «Красные ворота», а мы с шурином пошли по Мясницкой в направлении Лубянки и вскоре увидели, как лучи прожектора поймали на довольно большой высоте несколько летевших самолетов. На улице было порядочно народа, люди сновали, суетились, но какой-либо паники не было. Около почтамта мы повернули обратно и вскоре услышали отбой. Вернулись домой и снова легли спать, а утром услышали сообщение радио, что ночью в Москве была проведена учебная тревога. Одновременно сообщалось об оставлении нашими войсками городов Граево, Ломжи и Бреста. Значит, разговор о взятии нами Варшавы и т. д. оказался пустой болтовней.

Часов в 10 утра, не помню сейчас точно в каком помещении, в районе Красной Пресни открылось заседание Линейного суда. Все подсудимые,

---

1 Очевидно, первые эвакуированные из Белоруссии.
2 Константин Казимирович Жуковский.

большинство которых находилось под стражей, были налицо, но из более чем 100 свидетелей в суд явилось человек 10. По этой причине суд отложил дело слушанием на 15 июля. Приехавшие из Смоленска защитники А. Я. Иванов[1] и Д. А. Мангейм поручили мне обратиться к председателю суда Есину с просьбой довезти нас до Смоленска в его служебном вагоне. Есин без каких-либо возражений согласился с этим и сказал, чтобы вечером приходили в вагон.

Пассажирский поезд, к которому был прицеплен наш вагон, был переполнен пассажирами, на остановках вагоны штурмовали желающие ехать. Шел поезд без всякого расписания. Подолгу стоял на станциях. В Вязьме, по просьбе Д. А. Мангейма, в наш вагон был принят Федоров, раньше работавший членом военного трибунала в Смоленске, а теперь ехавший из Куйбышева в Либаву[2]. Подвыпивший Мангейм воспылал желанием немедленно вступить в вооруженные силы и просил Федорова взять его с собой для работы в трибунале. Часа в два дня 25 июня приехали в Смоленск, в котором каких-либо существенных перемен я не заметил.

Смоленск горит

Ночь прошла спокойно, а в следующую ночь на 27 июня в час ночи началась воздушная тревога. Наша семья из пяти человек и трое других, живущих здесь, сошли в подвальное помещение, где был водопроводный кран, из которого обычно брали воду, находились дрова. Вскоре раздалось несколько сильных взрывов; затем смолкло, и я вышел на двор. Увидев на небе зарево пожара, я подошел к краю обрыва, отделявшего нашу улицу Воровского от улицы Бакунина, и стал смотреть на пожар, бушевавший в Заднепровье.

Ко мне подошел бывший наш управдом Рудницкий. Вдруг раздались выстрелы, у самого правого уха я услышал свист пролетевшей пули, а в овраге увидел небольшую огненную вспышку. Мы с Рудницким быстро повернули назад в наш подвал. Я послал нашу Тасю[3] и ее подругу Лену Федорову в 1-е отделение городской милиции, до которого было минуты две ходьбы. Вскоре прибывший наряд милиции обшарил овраг, где обнаружил примятую траву, где, видимо, лежали стрелявшие, и гильзы. Не было сомнений, что это были диверсанты, стремящиеся своими выстрелами вызвать панику.

Придя на работу в Коллегию адвокатов, узнал, что на город сбросили несколько больших фугасных бомб, из которых одна (против телеграфа)

---

[1] Защитник Бейлина (см. в наст. изд., с. 313–316).
[2] Совр. Лиепая в Латвии.
[3] Племянницу Б. Г. Меньшагина.

пробила большую воронку, но не разорвалась. Все были взволнованы и говорили о необходимости уезжать. В здании облсуда были введены дежурства сотрудников находившихся здесь учреждений: областного управления юстиции, облсуда, народных судов Сталинского, Красноармейского районов, нотариальной конторы и Коллегии адвокатов. Дежурства установлены с 8 часов вечера и до 7 часов утра в составе 3 человек. В ночь с 27 на 28 июня дежурить должен был я вместе с членом облсуда и работником областного управления юстиции; фамилий их я не помню. Но явился на дежурство лишь один я, остальные же дежурные вместе со многими смолянами ушли за город и лишь в 7 часов утра, когда я уходил домой, зашли узнать, всё ли благополучно.

Когда я вечером 27 июня шел на дежурство, я был удивлен необычайным оживлением на улицах: толпы народа шли с какими-то кульками и все в одном направлении. Я спросил одну женщину: «Куда это идет народ?» На что она ответила: «Как куда? За город, спасается от бомбардировок». Но эта ночь прошла спокойно.

Днем я выступал в облсуде, как оказалось, в последний раз в своей жизни, по кассационной жалобе на приговор нарсуда Глинковского района, осудившего ветеринарного фельдшера, фамилии которого не помню, по ст. 109 УК на 3 года лишения свободы. Облсуд приговор этот отменил и дело производством прекратил. Как обычно, после удачных выступлений у меня было бодрое настроение, и, хотя почти не спал ночь, чувствовал я себя хорошо.

Вечером 28 июня, в 11 часов началась воздушная тревога. Мы снова спустились в подвал, как и остальные жители нашего домовладения. Скоро раздалась стрельба зениток, загудели самолеты и, наконец, посыпались зажигательные бомбы. Несколько бомб упало и на наш двор. Упавшие прямо на двор я быстро засыпал песком, кучи которого были подготовлены дня за два до этого. Одна бомба пробила крышу стоявшей во дворе уборной (канализации в доме не было), а две бомбы попали на чердак флигеля в этом же дворе. Здесь пришлось повозиться. Потребовалась вода. Ее подавали в ведрах те же две девочки, Тася и Лена. Я был рассержен тем, что никто не хочет больше помочь, и силой вытащил из подвала Серафима Рудницкого[1], молодого лодыря, и заставил его тоже носить воду. К рассвету пожар на нашем участке, хотя и с большим трудом, был полностью ликвидирован[2].

---

1 Очевидно, сына управдома.

2 Ср. воспоминания Ф.М. Багреева, коменданта г. Смоленска: «В ночь с 28 на 29 июня 1941 года около 24 часов начался массированный налет фашистской авиации на Смоленск; во время налета по всей территории города было сброшено с самолетов несколько тысяч зажигательных термитных ракет. Ракеты при падении на крыши домов, на землю загорались, создавая очень высокую температуру.

Самолетов больше над нами не было. За оврагом горел многоэтажный дом ИТР по Бакунинской улице. Заревом была покрыта бо́льшая часть неба и в противоположной стороне. Отбоя не было, но я очень устал и лег на свою кровать отдохнуть. Полежал я очень недолго, как пришла жена и сказала, что горит чердак и крыша соседнего домика по улице Воровского, а живущие там глубокий старичок (фамилию забыл) с двумя сестрами, тоже старушками, беспомощны. Я пошел туда с Тасей и Леной, влез на крышу, но она подо мной провалилась. Пришлось очень трудно, но всё же пожар мы втроем ликвидировали. Пожар этот возник не от бомбы, а от искр, разносимых ветром с горевшего дома ИТР, где пожар беспрепятственно продолжался, спускаясь с этажа на этаж.

Было часов 9 утра, когда я, совершенно обессиленный, снова лег. Но тут же пришла подруга жены Т. М. Соколова со старушкой-матерью и племянником лет 12. Они рассказали, что их дом по улице Дзержинского сгорел, что весь Смоленск в огне и что надо спасаться за город. Я было пытался возражать, но все наши женщины ополчились на меня, стали собирать наличные продукты, и мне пришлось снова вставать и идти с ними. В последнюю минуту тетя жены, Д. А. Зубова, 78 лет, предложила вынести из дома чемодан с одеждой и мою меховую шубу и положить их в траншее, выкопанной для будущего бомбоубежища. Так и сделали, а сами вместе с семьями Соколовых и Федоровых направились по направлению к Краснинским улицам.

Пройдя сад «Бло́нье»[1], мы попали в сферу огня: справа горел бывший губернаторский, а ныне Дом колхозника; слева — бывшее земство, а ныне областная совпартшкола. Такое же положение на улице Дзержинского, где горели все дома по обе стороны улицы, за исключением здания областного управления государственной безопасности. Его со всех сторон окружали пожарные машины, собранные со всего города, и поливали его мощными струями воды. Кроме этого дома, нигде в Смоленске сопротивления пожару со стороны местных властей организовано не было[2].

Крыши моментально загорались, прогорали, ракеты (зажигалки) падали на потолки верхних этажей зданий, и в течение нескольких минут уже горело всё здание и внутренность. В городе возникли большие пожары во всех районах» (ГАНИСО. Ф. 142. Оп. 2. Д. 388. Л. 3–16).

1 Сад «Бло́нье» (от «болонье», «оболонье» — открытое место перед крепостью) — небольшой регулярный парк в центре Смоленска. В то время официально назывался «Городской сад им. А.С. Серафимовича». Распоряжением Меньшагина № 44 от 23 декабря 1941 г. был переименован в «Сад им. М.И. Глинки», каковое название существует и сегодня.

2 Ср. протокол № 102 заседания бюро Смоленского обкома ВКП(б) от 2 июля 1941 г.: «3. О работе пунктов МПВО [местной противовоздушной обороны] гор. Смоленска. (Высказались Вахтеров, Шамберг, Попов). 1. Отметить, что тов. Вахтеров как начальник МПВО4 не принял достаточных мер к организации МИВС

Наконец, мы вышли к деревне Загорье, находившейся между Киевским и Краснинским шоссе. От нее оставалось несколько хат, стоящих друг от друга на некотором расстоянии. Хаты эти были без крыш. Оказалось, что хозяева их должны были переселиться отсюда согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27 мая 1939 года «О сселении с хуторов»[1]. Для побуждения к этому председатель местного сельсовета за несколько дней до начала войны сорвал с этих хат крыши.

Около одной из этих хаток мы, с разрешения ее владельца, и остановились. Расположились под открытым небом. Положение наше облегчала хорошая погода. Всего в нашем импровизированном таборе было 12 человек. Позднее несколько вечеров и ночей с нами провел член облсуда Жбанков.

Очень хорошо помню первую ночь на 30 июня. Несмотря на сильную усталость, я очень долго не мог заснуть, а сидел и смотрел на Смоленск, представлявший из себя огромный факел. Вид этот подавлял психику своим ужасным величием. С тех пор прошел 31 год. Много бед и несчастий выпало на мою долю. Четверть века я почти не имел общения с людьми, и всё же такое ужасное впечатление, как в эту ночь, я испытал еще только один раз — 24 февраля 1942 года, приехав на смоленскую улицу Разина после советской воздушной бомбардировки, но об этом расскажу позже.

Утром 30 июня я направился в Смоленск на разведку. Моя жена, Т. М. Соколова, В. М. Федорова[2] на работу свою не пошли, так как были не в силах. Остальные не работали. По пути я зашел навестить своих обоих теть и дядю, живших по Всехсвятской улице, но вместо их дома нашел лишь дымящиеся головешки. Такое же положение и с домом по Коннозаводской, где жил с женой старший брат моей жены Н. К. Жуковский.

Далее я пошел к себе на квартиру и увидел лишь стены и печные трубы, остальное всё пожрал огонь. Заглянул в сад, в щель, куда были положены наши вещи. Они были целы. Отсюда направился я в облсуд, в самую

(мер индивидуальной воздушной самообороны?), вследствие чего в городе сгорело свыше 600 жилых домов, а с учетом складских и других строений свыше тысячи; 2. Предупредить т. Вахтерова, что если им не будет перестроена работа пунктов МПВО и будет допущен пожар хотя бы одного дома, то он будет привлечен к суду ВРТ (Военно-революционного трибунала» (ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 688. Л. 3–4).

[1] Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О сселении дворов колхозников, проживающих на бывших участках хуторского землепользования, в колхозные селения» № 208 от 27 мая 1939 г. В одной только Смоленской области сселению подлежали 113 тыс. дворов.

[2] Мать Елены Федоровой, работала в управе.

центральную точку города, известную там под названием «Под часами»[1]. И здесь было всё то же: голые стены, трубы, дымящиеся головешки. К суду, кроме меня, подошли секретарь нашей коллегии Е. К. Юшкевич[2], несколько канцелярских работников облсуда и нарсуда. Все стояли и не знали, что делать, куда идти. Наконец пришла Е. Ф. Филатова — заместитель председателя облсуда по уголовным делам. Она распорядилась идти в нарсуд Заднепровского района, не затронутого пожаром. Туда мы и пошли, потолкались там немного и разошлись. Никого из 25 работавших в Смоленске адвокатов в этот день я не видел, как и членов облсуда, кроме Филатовой, и начальства областного управления юстиции.

Пожар на центральных улицах города и на Рославльском шоссе продолжался весь день и всю ночь на 1 июля. Видел, как пожарные старались остановить пожар уже горевшего дома по Социалистической улице, носившего до лета 1937 года название Дом героев «Железного потока». В этом доме был расквартирован штаб XI корпуса, командиром которого в 30-х гг. был Е. Ковтюх, являвшийся прототипом главного героя романа А.С. Серафимовича «Железный поток» Кожуха[3]. Отсюда и такое название дома. Но в 1937 году Ковтюх был репрессирован[4], а дом лишен своего названия, и мраморная памятная доска с него была сбита, оставив на фасаде четыре зияющих дыры. Половину этого здания пожарникам удалось отстоять.

Последующие дни июля шли довольно однообразно: утром я шел в город, в Заднепровский суд[5]. Там постепенно появлялись наши защитники с тем, чтобы через день–два снова исчезнуть за выездом из Смоленска. Как-то явился и Д. А. Мангейм, отсутствовавший целую неделю. Он рассказал, что очень испугался пожара 29 июня, бежал на вокзал, забрался

---

1 Знаменитые часы на Большой Советской. Они остановились 29 июня 1941 г.

2 Юшкевич Елена Константинова (1905–?), жена С. Ф. Юшкевича, профессора химии СГПИ. До войны — секретарь президиума Областной коллегии адвокатов. Во время оккупации (начиная с 15 августа 1941 г.) — секретарь бургомистра Меньшагина. В ее обязанности входили прием посетителей, обработка почты, печатание и оформление ежемесячных отчетов в СД о работе горуправы.

3 Ковтюх Епифан Иович (1890–1938), командир корпуса, герой Гражданской войны. С 1920-х и до своего ареста в 1937 г. жил в Смоленске в «Доме со львами» (ул. Социалистическая, д. 5). В 1930-е гг. — армейский инспектор БВО, член ЦИК СССР и Военного совета при наркоме обороны СССР. Прообраз Кожуха в повести А. С. Серафимовича «Железный поток» (1924), автор книги «“Железный поток” в военном изложении» (1935).

4 Арестован 10 августа 1937 г. по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Приговорен к расстрелу и расстрелян 29 июля 1938 г. Захоронен на Коммунарке. Реабилитирован 22 февраля 1956 г.

5 Согласно телефонному справочнику 1938 г., находился по адресу: ул. Старо-Ленинградская, д. 3. Этот район практически не был затронут бомбардировкой 29 июня 1941 г.

в первый отходящий поезд, залез на третью полку, заснул и проснулся, когда поезд стоял в Брянске. Добираться обратно было очень трудно.

Суды в эти дни не работали. Дел у нас не было. Только 2 или 3 июля приходила ко мне жена того ветфельдшера из Глинок, по делу которого я выступал 28 июня. Она жаловалась на то, что ее оправданный муж всё еще не освобожден, так как тюрьме ничего не известно о прекращении его дела. Я пошел в сельскохозяйственный институт[1], где теперь расположился облсуд, разыскал члена суда В. А. Панова[2], председательствовавшего 29 июня, и передал ему жалобу этой женщины. Панов сказал то, что знал и я: дело сгорело. Вместе с Пановым мы восстановили суть дела, мотивы к отмене приговора, которые я еще хорошо помнил. Он написал новое определение, копию которого и послали в тюрьму для освобождения оправданного.

Никакой другой юридической работы у меня больше уже не было.

Все, конечно, очень интересовались развитием военных событий. Но официальные сообщения, передаваемые по радио, были весьма скудны. Говорилось о тяжелых боях, об отбитии немецких атак на разных направлениях. Для меня было ясно одно: сражение идет на нашей территории, а названия направлений в сводках говорит, что наши войска отступают, а немцы продвинулись уже довольно значительно. Выступление Сталина по радио 3 июля[3] подтвердило этот мой вывод.

Изданный в первые дни войны Указ Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за распространение «ложных слухов»[4] вызвал особую осторожность в разговорах. Я помню, как числа 10–11 июля к нам в консультацию зашел проститься с женой офицер, муж секретаря коллегии Е. К. Юшкевич, призванный еще 23 июня, а теперь покидавший Смоленск[5]. В тот день в сводке впервые появились Бобруйское, Борисовское направления. Когда в разговоре с ним я высказал предположение, что Минск, очевидно, уже в немецких руках, то он заспорил и утверждал, что в Минске наши, а в направлении к Борисову и Бобруйску прорвались лишь отдельные танки. Теперь мы знаем, что Минск был захвачен немцами еще 30 июня[6].

---

[1] Располагался по адресу: ул. Октябрьской революции, д. 14 (с западной стороны сада «Блóнье»).

[2] Ранее — председатель партбюро облсуда.

[3] То самое, в котором Сталин неожиданно обратился к народу: «Братья и сестры!..»

[4] Имеется в виду УПВС от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения».

[5] Муж Е. К. Юшкевич — Петр Александрович Юшкевич (1900–1944), ст. лейтенант интендантской службы, был призван в РККА 7 июля 1941 г. и погиб 14 ноября 1944 г. на территории Латвии (Сайт «Память народа», со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 701).

[6] На самом деле еще раньше — 28 июля.

С Пожарисскими на террасе и у крепостной стены

8 июля, возвращаясь с работы, я встретил жену моего друга и сотоварища по Коллегии адвокатов Н. А. Пожарисскую[1]. Она рассказала, что их семья вернулась из деревни в свою квартиру по Тимирязевской улице и, услышав, что наша квартира сгорела, а мы находимся за городом в поле, предложила перейти к ним на террасу (они занимали на троих человек одну комнату). На следующий день это мы и сделали. Остальные жители нашего табора перебрались тогда же в совхоз Миловидово, где их поместили в сарае.

14 июля утром в нашу консультацию явилось лишь три человека: В. Ф. Кузнецов, вступивший в Коллегию в конце 1940 года, а до этого бывший помощником областного прокурора, секретарь Е. К. Юшкевич и я. После 1 часа дня мы с Кузнецовым решили пойти в областное управление юстиции для ориентации в положении дел. Работников этого управления мы застали лежащими под деревьями в саду «Бло́нье», так как в городе была объявлена воздушная тревога.

Все эти дни тревога объявлялась очень часто, но многие, в том числе и мы с Кузнецовым, не обращали на нее внимания, ибо налетов после 29 июня не было, за исключением одного случая, когда какой-то заблудившийся самолет днем сбросил бомбу на дом специалистов по Киевскому шоссе. Бомба пробила все четыре этажа одной из клеток этого дома. Увидев Кузнецова и меня, начальник областного управления юстиции А. И. Журов поднялся с земли и подошел к нам. Узнав о цели нашего прихода, Журов сказал: «Говорят, немцы уже в Красном» (это районный центр Смоленской области, километров 40–45 от Смоленска). Я спросил, откуда у него это известие, ведь сводки говорят лишь о боях в Витебском, Борисовском и Бобруйском направлениях. Журов ответил, что слышал это в обкоме и сейчас пойдет туда уточнить положение, а мне сказал: «Ты приходи завтра в 9 часам ко мне, и мы решим, что дальше вам делать». На этом мы распрощались с Журовым и пошли по домам.

Утром 15 июля я снова направился к Журову, но ни его, ни кого-либо из сотрудников облюста и облсуда уже не было. Зато, пересекая Советскую, а затем идя по ней в нарсуд Заднепровского района, я увидел много проезжавших по ней конных повозок с ранеными. По бокам их шли красноармейцы. Повозки ехали за Днепр. Создавалось впечатление отступающей армии.

---

[1] Наталья Андреевна (Тата), жена Анатолия Феликсовича Пожарисского (1880-е — не ранее 1946), защитника (Юридический календарь на 1929 г. М.: Юр. изд-во, 1929. С. 361). Их сын (см. далее) — Николай Пожарисский (1929–2017), заслуженный учитель школы РСФСР (см. его некролог: Поречанка. Демидов. 2017. 17 марта. С. 4).

В нарсуде Заднепровского района я застал лишь В.Ф. Кузнецова, Е.К. Юшкевич и секретаря этого суда А.А. Симкович[1]. Кузнецов сказал мне на ухо: «Говорят, немцы в Хохлове» (село Смоленского района, в 23 км от Смоленска[2]). Я отвечал, что похоже на то, и рассказал об исчезновении Журова и о движении по улицам военных обозов. Тут же пришли адвокаты Гайдамак и Н. Гольцова с ручным багажом. Они говорили, что не знают, что им делать. Я сказал, что Гайдамак как еврейке оставаться опасно, ибо давно уже слышно о плохом отношении фашистов к евреям. Обе они решили идти на вокзал и попытаться уехать. Пошел с ними на вокзал и я, а остальные отправились по домам. Так как Н. Гольцова была в поздней стадии беременности, я понес ее багаж.

На вокзале делалось что-то несусветное. Платформы набиты народом. Пойдут ли поезда, какие и куда — было неизвестно. Гайдамак и Гольцова решили остаться там и ждать. Я простился с ними и ушел.

Возвращаясь к себе, я заметил, что все караулы, охранявшие здание бывшей семинарии, в котором с 1919 года размещался штаб Западного фронта, а потом военного округа, сняты, и дом этот опустел. Во дворе дома, где жили Пожарисские, в последние дни стояла какая-то воинская часть. Теперь ее тоже не было.

Всё говорило за то, что немцы в ближайшие часы могут подойти к Смоленску и в городе может начаться бой. Хотя сводка и в этот день говорила о Борисовском, Витебском направлениях, было ясно, что это не так.

На общем семейном совете нашего семейства и Пожарисских решено перебраться с наиболее нужными вещами и продуктами в нишу крепостной стены, построенной на рубеже XVI–XVII вв. при Борисе Годунове мастером Федором Конем[3]. В эту стену упирался двор нашего дома. Это решение быстро было приведено в исполнение. В соседнюю нишу перебралось жившее в этом же доме семейство Рыкаловых[4] из четырех человек.

По общему желанию Пожарисских и наших, я читал вслух акафист Спасителю. Часов в 11 вечера раздались два сильных взрыва. Я предположил, что это взорвали мост через Днепр. Так это и было[5]. Вскоре на небе появилось большое зарево. Но было всё тихо, и незаметно я, сидя, заснул.

---

[1] Во время оккупации — личный секретарь Меньшагина. В сентябре 1943 г. с мужем и дочерью уехала в Минск.

[2] Еще ближе: в 16 км!

[3] Конь Фёдор Савельевич (ок. 1540 — после 1606), русский зодчий, строитель стен Белого города в Москве (1585–1593) и Смоленского кремля (1596–1602).

[4] Рыкалов Константин Николаевич, лаборант и научный сотрудник СГПИ.

[5] Ср. в воспоминаниях Ф.М. Багреева: «Начальник гарнизона полковник Малышев доложил представителям местной власти в лице секретаря обкома партии т. Попова создавшуюся исключительную угрозу, дал приказ взорвать старый деревянный

Проснулся я по зову тети моей жены, говорившей: «Б. Г., немцы». Было уже совсем светло. Мимо нас шел немецкий солдат с автоматом. Он посмотрел на нас и прошел мимо. Затем проехали два мотоциклиста. Наконец, приехали на автомашине несколько немцев. Они сперва задержались около находящегося рядом помещения гаража штаба Военного округа. Затем остановились около нашей ниши, вылезли из машины и подошли к столику, стоявшему возле этой ниши, и взяли в руки находившуюся на нем стеклянную банку с кровососными пиявками. Эти пиявки были привезены мною в начале июня из Москвы для А. Ф. Пожарисского, которому их прописал врач, в смоленских же аптеках их не было. Немцы стали вертеть банку в руках и что-то болтали. Н. А. Пожарисская, довольно хорошо знавшая немецкий язык, сказала им, что ее муж, сидящий здесь, болен и ему прописаны пиявки, почему они и взяты с собой. Немцы засмеялись, закивали ей, поставили банку на место и уехали.

Это была первая встреча с оккупантами. Больше в этот день, 16 июля 1941 года, мы их не видели. Мы же для лучшей ориентации вместе с Тасей и Колей Пожарисским взобрались на крепостную стену, осмотрели окрестность за стеной и ужаснулись: всё Заднепровье было охвачено пламенем, из которого большим факелом выделялся бензосклад на Московской улице. Заметен был пожар и на Рачевке.

Первые дни оккупации: Васильевы

Подходил вечер первого дня. Тихо и спокойно сидели мы в своей нише, когда, кажется, кто-то из Рыкаловых сообщил, что горят дома, находящиеся напротив дома, в котором жили Пожарисские и Рыкаловы.

днепровский мост; это было около 24 часов 15 июля. Уже наступил рассвет (около 3 часов 16 июля). Тяжелое положение создалось у нового днепровского моста, где наши части не могли сдерживать натиск врага, и ему представлялась возможность прорваться по мосту в Заднепровье. Начальник гарнизона в присутствии тех же представителей местной власти послал коменданта города уяснить создавшуюся обстановку. Явилась необходимость взорвать и новый железобетонный мост через р. Днепр. Мост был взорван около 3–4 часов 16 июля» (ГАНИСО. Ф. 142. Оп. 2. Д. 388. Л. 3–16). Тем не менее уже в ночь с 15 на 16 июля немцы навели понтонный мост через Днепр и переправились в северную часть города. К концу дня 16 июля им удалось полностью вытеснить части Красной армии за черту города. Ср. в радиограмме начальника штаба 16-й армии подполковника Шалина в штаб Западного фронта о боях в районе Смоленска: «16 июля, 16 час. 20 мин. Противник теснит наши части. Бой идет [на] северной окраине Смоленска. Наблюдением 15 и 16.7 установлено движение крупных колонн направлении Демидов-Духовщина. Направлении Красный — сильный бой. Наши теснят противника на Красный» (*Комаров, 2005*. С. 41. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 94. Л. 58). Время стерло из памяти Меньшагина звуки городского боя (см. статью С. Амелина).

Пожар этот мог возникнуть только в результате поджога. Так как летевшие искры создавали прямую опасность нашему дому, то всё население двух ниш, кроме А. Ф. Пожарисского, тети моей жены Д. А. Зубовой и старика Рыкалова, занялись поливом фасада этого дома. Очень кстати оказалось, что жена Рыкалова запасла во дворе несколько бочек с водой. Дом наш удалось отстоять, а следующий за ним большой каменный дом с квартирами армейского комсостава загорелся и медленно горел несколько дней, пока вовсе не выгорел. Сгорели и все дома по противоположной стороне улицы Тимирязева.

С утра 17 июля начался артиллерийский обстрел города советскими войсками, укрепившимися на Шклянной и Покровской горах на окраине Смоленска[1]. Оттуда они обстреливали основную часть города, расположенную на левой стороне Днепра, и пытались отбросить немцев, еще ночью на 16 июля переправившихся на правую сторону реки в Заднепровье, хотя оба моста через реку были взорваны.

Несколько снарядов разорвалось поблизости от нашего расположения. Были попадания в крепостную стену, но старушка с честью выдержала. Обстрел производился периодически: выпустят несколько снарядов и замолкнут, через несколько часов снова постреляют и т. д. В результате этого обстрела город понес новый и очень существенный ущерб: сгорели дома по уцелевшей от пожара 29 июня нижней части Советской улицы, в том числе Дом Красной армии (до революции — Мариинская женская гимназия), бывший Троицкий монастырь, полностью выгорели улицы Магнитогорская с 4-этажными жилыми домами военведа, Парижской коммуны, Краснофлотская. Ряд крупных зданий на других улицах (собор, Медицинский институт, жилой дом военведа на Краснознаменной улице и др.) получили серьезные повреждения. Были и человеческие жертвы из мирного населения.

Часов в 12 17 июля к нам пришли Роман Петрович и Валентина Михайловна Васильевы, оба учителя, знакомые Пожарисских еще по работе их в Рославле. Я их тоже знал, так как в 1939–1940 гг. мне пришлось вести

---

[1] Положение частей, дерущихся в районе Смоленска, раскрывается в оперативной сводке штаба 16-й армии о положении войск на 17 июля 1941 г.: «Отряд генерал-майора ГОРОДНЯНСКОГО, собранный из частей 46 стрелковой дивизии и 129 стрелковых дивизии [Городнянский был ее командиром. — *П. П.*], вел бой по овладению Смоленском. К исходу дня 17.7 его собранные малочисленные батальоны занимали положение: батальон 334 стрелкового полка — Кармачи, Ситники, 1/314 стрелкового полка — восточную окраину Королевка — северо-западные скаты отм. 251, 3/457 стрелковый полк, наступавший на левом фланге, потерял связь. Местонахождение его устанавливается. С рассветом 17.7 этот отряд переходит в наступление на Смоленск совместно с частями 34 стрелкового корпуса, действующими на южной окраине г. Смоленск» (*Комаров, 2005*. С. 41. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 3038сс. Д. 23. Л. 52).

дело в порядке надзора в Верховном суде СССР по обвинению Р. П. Васильева по ст. 58-10 УК РСФСР. Он был уже осужден в ноябре 1937 года на 7 или 8 лет (уже забыл) и находился в мордовских лагерях. По протесту Председателя Верховного суда СССР[1] дело было передано на новое рассмотрение, и в июне 1940 года я защищал его в Смоленском облсуде, который оправдал Васильева. Оба они тогда благодарили меня и говорили, что никогда не забудут.

Как это осуществлялось на деле, будет видно из дальнейших записок, где много раз придется говорить о Васильевых.

Теперь же Р. П. Васильев сказал: «Что же Вы сидите здесь? В городе немцы открыли все магазины, и все идут и берут, что им надо, идите сейчас же, а то ничего не останется». Когда мы высказали опасение насчет немцев, то он стал уверять, что это хорошие люди, и бояться их нечего. После этого я, Тася и Коля[2] пошли в город.

Пеших немцев мы не видели совсем, изредка лишь проезжали они на автомашинах. Попадались наши граждане в небольшом числе. В магазин заходили Тася и Коля. Мне было стыдно идти туда, и я ждал их на улице. Продукты оказались все разобранными. Тася взяла лишь флакон духов. 18 июля я с женой и Тасей снова ходили в город, видели развешанные объявления о том, что за каждого убитого населением немца будет расстреляно 10 русских.

Так я стал ежедневно выходить в город с целью [получения] информации. Сестра жены, Вера Казимировна Жуковская, по совету Васильевых ходила куда-то на железнодорожные пути, где стоял вагон с картофелем, который и разбирал народ. Она принесла небольшой мешок с картофелем, а Васильевы дали всей нашей команде коробку какао и кусок масла. Это облегчило наше тяжелое продовольственное положение.

22 июля: интернирование в Тихвинке

22 июля я, по обычаю, пошел в город, зашел к одной знакомой и на обратном пути увидел шедшую навстречу группу граждан и двух немцев с бляхами на груди, сопровождающих ее. Когда я приблизился, один из немцев закричал: “Halt!” — и втолкнул меня в эту группу. Среди находившихся там я узнал двоих: Г. А. Арсеньева, работавшего до войны бухгалтером какого-то учреждения[3], и Платонова, продавца в магазине «Бакалея» на Ленинской улице. Всю эту группу вывели на Советскую

---

[1] И. Т. Голякова.

[2] Пожарисский.

[3] Впоследствии — зам. заведующего бюро по учету-распределению рабочей силы, а после передачи его функций бирже труда — ревизор финансового отдела Горуправления.

улицу к дому школы, где до революции находилась «общественная» мужская гимназия. Один из жандармов ушел в это здание, в котором, как я услышал, находилась немецкая комендатура. Мы стояли и разговаривали.

Всех интересовал вопрос о причинах нашего задержания, о нашей дальнейшей судьбе. Некоторые утверждали, будто бы в городе был убит немецкий солдат и теперь набирают заложников для расстрела. Но, согласно объявлению, расстрелу подлежало 10 человек, здесь же набрано много больше. Я сомневался в правдоподобности такого предположения, но никаких других причин найти не мог.

Вскоре жандарм вернулся, и нас повели через Молоховскую площадь[1] по 1-й Краснинской улице. В это время начался обстрел советской артиллерией: один из снарядов разорвался возле нашей группы[2]. От взрыва я упал и потерял на какой-то момент сознание. Когда я очнулся, то увидел, что Арсеньев и Репухов[3], тоже бухгалтер, с которым меня познакомил Арсеньев, тащат меня в канаву, проходящую по обочине дороги. Незнакомый старик, шедший впереди меня, лежит с вывороченными внутренностями. Так же лежит жандарм раненый, но еще живой. Второй жандарм, как мне сказали, ушел за помощью, а наша группа разбежалась: кто в Чернушки[4], кто налево на 2-ю Краснинскую, кто направо — к Свирской[5], кто назад — к Молоховской площади. Я быстро пришел в себя, и мы тоже пошли назад[6].

---

1 Официально эта площадь с 1932 г. именовалась Красноармейской, а с 1935 г. — площадью Смирнова.

2 Ср. в интервью 1978 г.: «Там советские войска стояли на окраине Смоленска и обстреливали город. Это, как теперь я узнал, армия генерала Лукина, которому дали Героя Советского Союза, теперь дали за те дела. Есть на окраине Смоленска так называемая Покровская гора и Шкляная гора. Там артиллеристы стояли, и артиллеристы стреляли по городу. В соборе пробили одну главу. И поэтому немцы всех мужчин оставшихся стали забирать в лагерь». Михаил Федорович Лукин (1892–1970), генерал-лейтенант. Умело командовал войсками, сдержавшими немецкое наступление под Смоленском. 14 октября, пробиваясь с боями из Вяземского котла, был ранен и попал в плен; в Смоленске ему ампутировали ногу. В 1945 г. прошел фильтрацию, но звание Героя Советского Союза ему даже посмертно присвоено не было (в 1993 г. ему было присвоено звание Героя РФ).

3 Репухов И. В., начальник административного отдела, затем — начальник паспортного. Группа смоленских граждан характеризует его как взяточника и вымогателя: «Без 500 марок получить паспорт было невозможно» (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 15. Л. 29 об.).

4 Изначально деревня, а на момент начала войны — западная окраина Смоленска.

5 Имеется в виду Свирская улица. Ее Меньшагин именует старым, довеволюционным названием (официальное название в то время — Большая Краснофлотская).

6 Событийный сбой или пропуск. Только что Меньшагин остался без конвоя и самостоятельно повернул назад, а в следующем предложении его уже снова ведут

Я подумал, что нас ведут в находящуюся на этом шоссе тюрьму[1]. Но мы прошли тюрьму мимо и шли дальше в поле. Тогда и у меня явилась мысль, что, видимо, ведут на расстрел. Укрепилось это особенно тогда, когда вдруг мы свернули налево и пошли по узкой тропке среди ржи. Но мы всё шли, шли и достигли Рославльского шоссе, по которому и пошли в сторону от города. Дойдя до совхоза Тихвинка, свернули туда и были загнаны в какой-то сарай, судя по запаху бывший ранее коровьим хлевом. Было совсем темно. Не желая ложиться в хорошей одежде на грязную землю, я нащупал жердь, отделявшую, по-видимому, коровье стойло от коридора, и уселся на ней. Сидеть было трудно, клонило ко сну, я несколько раз чуть-чуть не падал, но всё же удерживался и в общем благополучно провел ночь. Но один из нашей группы, полумальчик-полуюноша, вылез в подворотню и был застрелен часовым. На всех нас этот случай произвел тягостное впечатление.

Утром пришел немец с русским переводчиком из пленных, многие стали его просить выпустить их на «оправку». Немец отвечал: “Ein Moment”, — и стал выбирать из нашей среды «молодых на работу». Я в число этих молодых не попал.

Оказалось, что им было поручено установить заграждения из колючей проволоки вокруг нескольких хлевов и большой площадки вблизи их. Работу эту они проделали довольно быстро.

Тогда и всех нас остальных выпустили из хлева, и мы разлеглись на площадке и грелись на солнышке. В 12 часов нам дали обед: солдатский котелок супа из фасоли на 3 человек. Я ел вместе с Арсеньевым и Репуховым. Ни хлеба, ничего больше в этот день не давалось.

После обеда произошел инцидент, начало которого сохранилось в памяти очень туманно. Я сделал переводчику какое-то замечание. Что он конкретно сделал и в отношении кого (только не меня), я сейчас никак вспомнить не могу. Но помню, как он в ответ на мои слова посмотрел на меня и ушел.

Через несколько минут он вернулся вместе с немецким унтер-офицером, показал ему на меня и сказал: “Jude”. На это я ответил: «Нет, русский». Тогда немец спросил меня, кем я здесь работал. Ответ был «адвокат», что переводчик перевел: “Richter”, то есть судья. Я снова возразил: “Rechtsanwalt”. Последний вопрос немца: «Есть ли у меня часы?». — «Да». — «Покажите». Я показал ему свои часы, выпущенные 1-м московским часовым заводом. Он повертел их в руках и отдал обратно. После чего задал несколько вопросов И. В. Репухову и удалился. Вскоре он

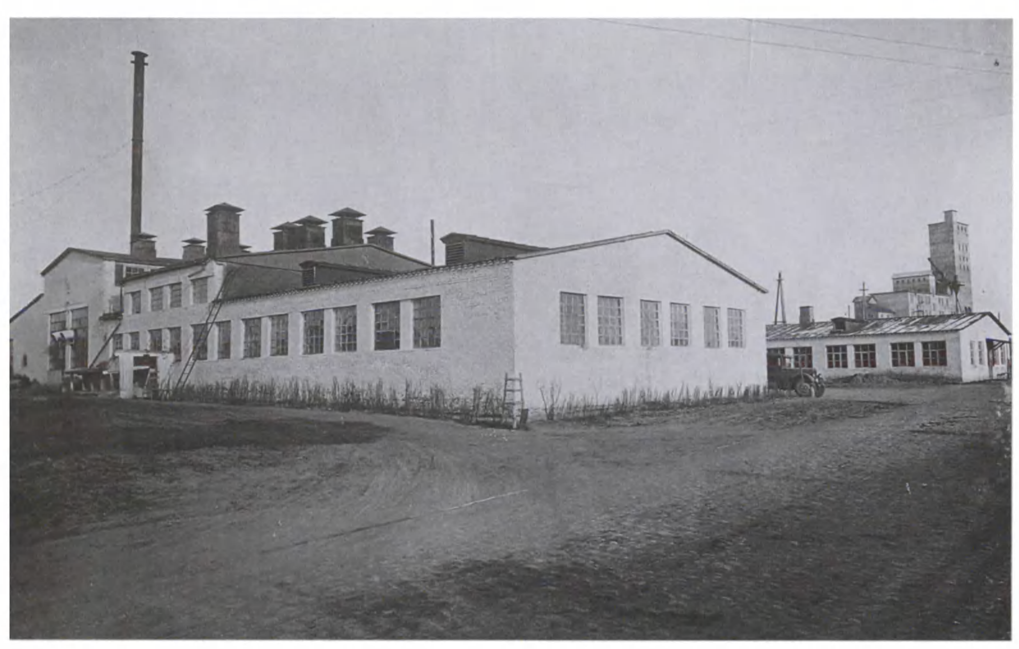
под конвоем, но уже в другую сторону. Возможно, следствие утраты двух тетрадок его воспоминаний из семи.

[1] Имеется в виду тюрьма на Киевском шоссе.

Б. Г. Меньшагин с первой женой, Н. К. Жуковской. *1929*

Мелькомбинат (Рославльское шоссе). Взорван немцами в сентябре 1943 г.
Монолитное бетонное 5-этажное здание мельницы не было разрушено полностью
и в 1970–1990-е гг. являлось мемориалом. Снесено в 2000 г.

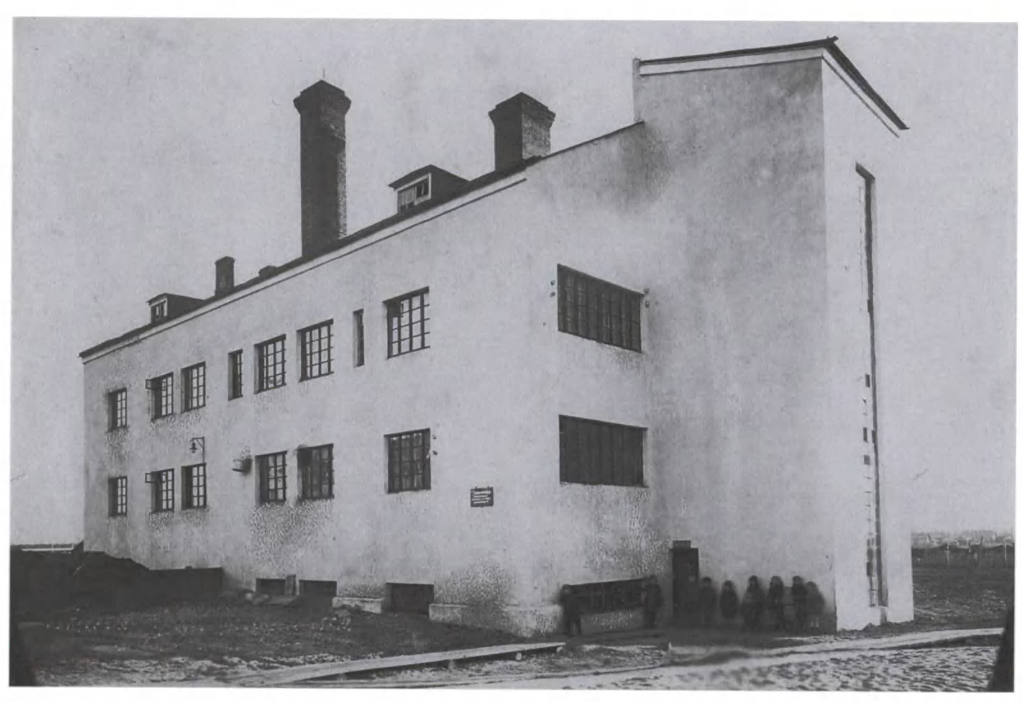
Хлебозавод № 2 (Рославльское шоссе). Уничтожен немцами в сентябре 1943 г.
После войны восстановлен, функционирует до сих пор

Перекресток улиц Большой Советской и Ленинской — место, которое в Смоленске называется «Под часами»

Тот же перекресток — после взятия Смоленска вермахтом. Прямо по центру кадра выгоревшее здание, в котором до войны размещались областной суд, суд Красноармейского района, нотариат и коллегия защитников, в которой работал Меньшагин

Железнодорожная баня (Киевское шоссе)

Здание Сельхозинститута. В годы войны в нем размещался немецкий госпиталь.
Взорвано немцами в сентябре 1943 г.

Дом печати. После войны — типография им. Смирнова
(ныне торговый центр «Атмосфера»)

Тот же Дом печати, разрушенный в ходе боев за Смоленск

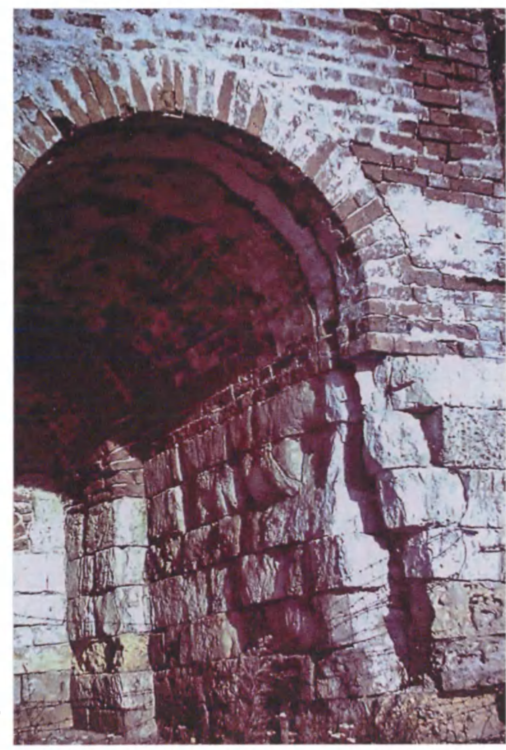

Бои за Смоленск. Город горит. Район ул. Дзержинского у моста через Днепр

Район ул. Воровского. Пожар уничтожил все дома. Остались лишь стены единственного одноэтажного каменного дома. В этом месте жил Меньшагин с семьей на момент начала войны. На заднем плане сгоревшие многоэтажные дома по ул. Бакунина

Район ул. Тимирязева. Здесь жили Пожарисские,
к которым Меньшагин с семьей перебрался после того, как его дом сгорел

Одна из ниш в крепостной стене в районе ул. Тимирязева. В такой нише (нише подошвенного боя, в которой некогда устанавливались крепостные пушки) пряталась семья Меньшагина во время боев за Смоленск

Гостиница «Смоленск» на площади Смирнова («Хотель Молотофф»).
Одно из крупнейших зданий города, построенное перед самой войной

На площади Смирнова— танк Т-26, подбитый прямо здесь 15 июля 1941 г. — он же «справочное бюро»: танк оставили и использовали для размещения указателей. К середине осени 1941 г. он был ими буквально облеплен

Штаб главнокомандующего тыловой области «Mitte».
Перекресток ул. Запольной (ул. Восточно-Запольной) и Старо-Рославльской

Генерал-лейтенант Макс фон Шенкендорф, командующий тыловой зоной и охранными войсками группы армий «Центр»

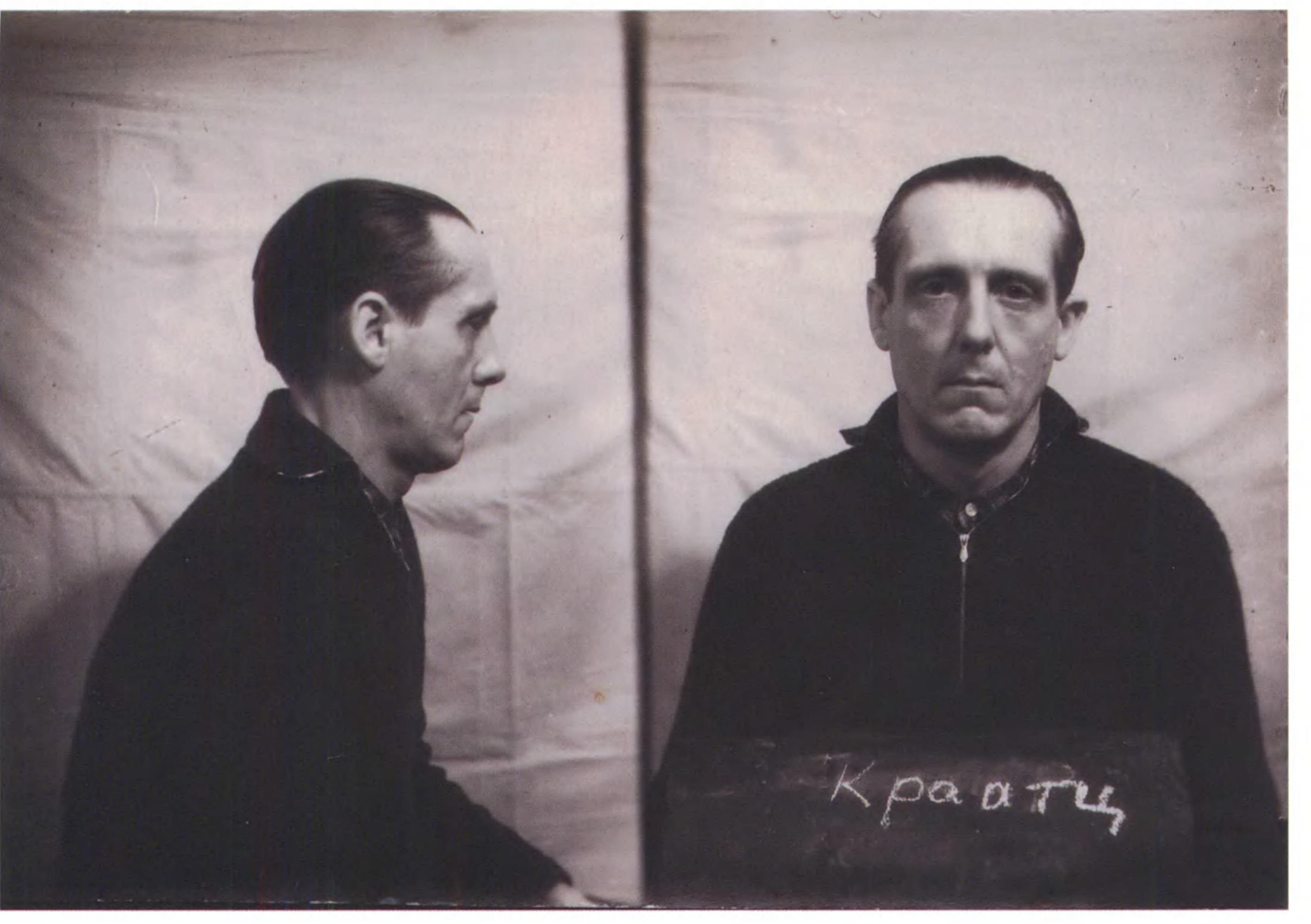

Майор Владимир Шубут, начальник отдела «Ic»

Фельдкомендатура (находилась в здании местного отделения Госбанка)
на ул. Большой Советской (Главной)

Начальник 7-го отдела комендатуры Гюнтер-Эрнст Краатц в советском плену

Лагерь для гражданских лиц в окрестностях Смоленска. В один из таких лагерей, но с крышей над головой, был интернирован Меньшагин в самом начале оккупации

Место содержания нарушителей порядка, угол пл. Смирнова (Комендантской) и ул. Красногвардейской (Крепостной)

Проверка документов на ул. Большой Советской (Главной)

Здание SD – бывшее здание областного управления НКВД на ул. Дзержинского (Западной Кольцевой)

Комплекс зданий тюрьмы НКВД на Киевском шоссе (ул. Киевская)

снова пришел и принес мне какое-то покрывало — то ли одеяло, то ли конскую попону. Я расстелил ее, и наша группа, то есть Арсеньев, Репухов и я, улеглись на ней.

В соседнем хлеве находились наши пленные солдаты. Их из хлева не выпускали; были лишь открыты оконца, через которые в хлев поступал свежий воздух. В эти оконца смотрели солдаты, вступившие в разговор с нами. Их взяли в плен вчера в Заднепровье. Они так матюкали Сталина, что мне с непривычки стало жутко.

Вечером нас отправили обратно в хлев, мы выбрали сухое место, расстелили свое покрывало и улеглись. Ночь прошла спокойно, а на следующее утро 24 июля с самого утра нас выпустили на площадку. Была приведена и присоединена к нам еще одна группа задержанных смоленских граждан, в числе которых был П. Н. Калитин[1], главный бухгалтер Смоленского областного издательства, где работала и моя жена.

30 июля: Базилевский, фон Швец и Грюнкорн — назначение бургомистром

В 12 часов снова дали по котелку на троих какого-то густого супа. Только мы начали его есть, как мне послышалось, как кто-то назвал мою фамилию. Я поднял голову и увидел, как стоявший посреди площадки немецкий офицер снова назвал ее. Я подошел к нему и сказал, что это я. Немец по-русски спросил, есть ли у меня документ. Я показал паспорт. Тогда он сказал: «Идите за проволоку к автомашине и подождите меня». Я так и сделал. Вскоре пришел офицер. Мы сели в машину и поехали. Я спросил, куда мы едем. Офицер ответил: «Не беспокойтесь, всё будет хорошо. Мы едем в комендатуру».

Подъехали мы к зданию Госбанка, куда перебралась комендатура из сгоревшего накануне соседнего здания школы, кажется, № 2[2]. Здесь внизу в бывшем операционном зале сидел комендант в чине Hauptmann'a, то есть капитана[3]. Здесь мы уселись, и комендант быстрым лающим тембром стал расспрашивать меня, кем я был, что делал, состоял ли в компартии, есть ли семья и т. п. Затем он сказал, что русские, оставшиеся в городе, должны сами заботиться о себе, для чего должно быть создано городское управление из русских, что они уже назначили бюргермейстером[4] города профессора Базилевского и хотят, чтобы я помогал ему,

---

[1] Калитин Петр Николаевич, бухгалтер отдела снабжения управы.

[2] Скорее всего, имеется в виду средняя школа № 3 им. Чернышевского (адрес: Большая Советская, д. 42).

[3] Первым военным комендантом Смоленска был капитан фон Швец.

[4] Немецкая транскрипция слова «бургомистр».

а завтра к 10 часам вместе с Базилевским пришел бы сюда для дальнейшей беседы, сейчас же могу идти домой и успокоить свою семью.

Я заметил, что на улице меня могут опять забрать. Тогда комендант написал что-то на небольшой бумажке и подал мне. Я простился и ушел. Дома моему появлению, конечно, обрадовались и рассказали, что накануне приходили Р. П. и В. М. Васильевы. Узнав о моем исчезновении, Роман Петрович сказал, что он работает в немецкой комендатуре и знает, что немцы забирают всех мужчин в лагерь. Он обещал поговорить с ними о моем освобождении. Приезд офицера за мной в лагерь и был результатом просьбы Васильева.

Утром 25 июля[1] я пошел сперва к Базилевскому, о назначении которого бургомистром города я знал еще до своего задержания от К. Н. Рыкалова-сына. Он жил на улице Маяковского при астрономической обсерватории Смоленского пединститута[2], профессором которого по кафедре астрономии он являлся.

На мой стук дверь открыла его жена[3], из-за которой выглядывал и он сам. Я был приглашен в комнату, отрекомендовался и рассказал о полученном мною поручении немецкой комендатуры. Борис Васильевич Базилевский показал мне полученное от немцев удостоверение на немецком языке о назначении его бюргермейстером Смоленска и рассказал, что за ним приходил какой-то молодой человек в серой шляпе, хорошо говоривший по-русски, обходился он очень грубо, кричал на него и топал ногой, заставляя быстрее собираться в комендатуру. Кто был сердитый молодой человек, Базилевский не знал, но очень его боялся.

Он был значительно старше меня. В этот день и в последующих разговорах со мной он рассказал, что отец его был до революции председателем Варшавской судебной палаты, потом сенатором. Сам Борис Васильевич до 1937 года был деканом факультета в Смоленском пединституте, в 1937 году в период «ежовщины» подвергся проработке на собраниях и в стенгазете, с ночи на ночь ожидал ареста, но обошлось смещением его

---

[1] Исходя из контекста, это должно быть 24 июля. Разгадка анахронизма — в интервью Б. Г. М. 1978 г.: «И вот я пошел к Базилевскому. Жена его и он, боятся все. Базилевский рассказывал, что пришел один, с немцем русский человек пришел, в немецкой форме, кричал на него: Быстрей! Шнель! Кричал: — Быстрей! — на Базилевского. Ну, мы с ним пошли. А потом эта комендатура уехала. Один день никого не было. Потом приходим — новая комендатура...»

[2] Обсерватория находилась по адресу: ул. Маяковского, д. 7а, во дворах. Была оборудована 5-дюймовым телескопом-рефрактором с экваториальной установкой и часовым механизмом, при помощи которого можно было наблюдать небесные светила продолжительное время. По количеству наблюдений занимала 2-е место в СССР.

[3] Базилевская Надежда Михайловна (1892, Варшава — ?), домохозяйка, их сын — Борис Борисович (1917–1995).

с должности декана; в институте он всё же был оставлен в качестве заведующего обсерваторией. Эти передряги наложили на его психику сильный отпечаток: он очень боялся немцев, испугать его мог любой проходимец вроде «сердитого молодого человека в серой шляпе».

Только сильным страхом объясняю я заведомо лживое для него показание, данное им Нюрнбергскому международному трибуналу, напечатанное в третьем томе протоколов этого трибунала[1]. Об этом более подробно буду говорить в соответствующем месте. Я всегда относился к нему хорошо, и мне кажется, что и он так же относился ко мне. Наше прощание 19 сентября 1943 года было сердечным.

Вместе с Б.В. Базилевским мы пришли в комендатуру. Комендант и офицер-переводчик, приезжавший за мной в Тихвинку, сразу же вступили с нами в беседу и спросили, знаем ли мы людей, подходящих для работы в городском управлении. Я не мог никого указать, а Базилевский назвал четырех: профессора Смоленского пединститута по физике И.Е. Ефимова[2], его брата, доцента Смоленского медицинского института по гинекологии К.Е. Ефимова[3], доцента Смоленского пединститута по математике И.И. Соловьева[4] и преподавателя этого же института по истории искусств художника В.И. Мушкетова[5]. Последних двоих знал и я, как своих учителей в Смоленской губернской гимназии.

---

1 См. Документ № 10.4.

2 Ефимов Илларион Ефимович (1890, д. Абраменки Касплянской волости Смоленской губ. — 1969, Смоленск), метеоролог, профессор СГПИ (1925–1939) и Мединститута (1939–1941): в обоих вузах заведовал кафедрами физики. Ученик Б.В. Базилевского, наблюдатель Смоленской обсерватории и зав. метеорологической сетью Западной области Гидрометеорологического комитета при Совнаркоме РСФСР.

3 Ефимов Константин Ефимович.

4 Соловьев Иван Иванович (10 марта 1881 г. — ?), выпускник физико-математического факультета Московского университета (1904), преподаватель Смоленской мужской гимназии (одним из учеников его был и Меньшагин), доцент-математик СГПИ в 1920–1941 гг., кандидат математических наук. После освобождения Смоленска уехал с немцами на запад. По рекомендации Меньшагина учился в школе пропагандистов РОА в Вустрау под Берлином. 17 июня 1945 г. военным трибуналом 5-й ударной армии осужден по ст. 58, ч. 1а на 10 лет лишения свободы. Реабилитирован в 1993 г.

5 Мушкетов Виталий Ильич (1877–1945), смоленский художник-реалист и педагог, выпускник Императорской Академии искусств (1907). В 1919–1931 преподавал черчение на кафедре математики СГПИ, сотрудничал в Смоленском музее. Писал на исторические темы: «Гусляр», «Убиение Глеба», «Смядынь», «Торжественный въезд великого князя Московского Василия III в Смоленск в 1514 г.» и др. В городском управлении Смоленска занимал должность начальника подотдела искусств. После войны картины Мушкетова были признаны не представляющими художественной ценности и должны были быть уничтожены (сожжены). На самом деле

Комендант предложил нам вместе с указанными лицами прийти к нему на следующий день. Утром 26 июля явились мы впятером. Не было только И. И. Соловьева, который накануне ушел пройтись и не вернулся: по всей вероятности, он был интернирован. Комендант на этот раз сказал нам, чтобы мы обдумали план своих предстоящих работ, чем мы должны заняться в первую очередь. Мы расположились в одной из пустых комнат Госбанка. На вопрос Базилевского, с чего же нам начинать, К. Е. Ефимов сказал: «Надо позаботиться об открытии больницы, об организации медицинской помощи». «Надо сохранить музейное имущество, театр», — продолжил В. И. Мушкетов. «Надо сразу же заняться учетом сохранившегося жилого фонда. Ведь более половины города сгорело, очень многие остались без крова», — добавил я. И. Е. Ефимов и сам Б. В. Базилевский молчали. На этом наше заседание закончилось.

Выйдя на улицу, мы сразу же столкнулись с человеком, тащившим парчовый костюм царя Федора Иоанновича[1], похищенный им из городского театра. Мы остановили его и заставили нести обратно, сами сопровождали его и увидели, что двери театра открыты, в зрительном зале посреди валяется прекрасная большая люстра, сбитая советским снарядом, попавшим в купол театра, другие помещения все открыты и можно брать всё, что хочешь. Мы попытались прикрыть дверь, понимая всё свое бессилие предотвратить расхищение театрального имущества.

27 июля, в воскресенье, у нас, собравшихся в этом же составе, спросили, где находятся мастерские по ремонту автомашин. Я сказал, что есть машинотракторные мастерские на Свирской улице, но целы ли они и в каком состоянии, я не знаю. Остальные вообще ничего не знали. Офицер-переводчик попросил, чтобы я поехал с ним и показал, где находятся эти мастерские. Мы поехали на автомашине, но, доехав до Днепра, остановились, так как вся набережная, по которой нам надо было ехать, простреливалась пулями. Мы вышли из машины и, став за киоск, где раньше продавалось мороженое, смотрели на Заднепровье, откуда сыпались пули. Простым глазом было хорошо видно, как среди недавних пожарищ бегали наши солдаты, ложились, стреляли и снова бежали. По ним тоже стреляли невидимые для нас немцы[2]. Посмотрев несколько минут, мы

сотрудники городского музея спрятали их за стеллажами и сохранили в фондах. Выпущенный на экраны в 2015 г. телерепортаж об этом сюжете вызвал большой скандал: часть зрителей всерьез сочла его пропагандой коллаборационизма.

1 Очевидно, реквизит к постановке по трагедии «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого.

2 27 июля Красной армией была предпринята последняя попытка отбить город. Удалось вытеснить немцев из северной части города, овладеть железнодорожным вокзалом и практически вплотную приблизиться к Днепру. Но достигнуто это было ценой огромных потерь. Ср. боевое донесение командующего войсками

снова сели в машину и поехали обратно. Справа от Советской, по которой мы ехали, горели дома на Резницкой, ныне улице Парижской коммуны. Вернувшись в комендатуру, где Базилевского и других уже не было, я тоже ушел домой.

Так как ночью в нише было очень неудобно из-за тесноты, я с женой и Тася решили спать в доме. Так же поступили К. Н. Рыкалов с женой. Только мы легли спать, как я услышал на улице цокот лошадиных копыт. Я встал, подошел к окну и стал всматриваться и вслушиваться в происходящее на улице. За стеной поднялись Рыкаловы и тоже подошли к своему окну. В тишине было слышно, как они разговаривали между собой. «Наши, наши», — громко воскликнула жена Рыкалова. — «Идет кавалерия, у немцев нет ее, значит, это наши», — отвечал ее муж. У меня сильно забилось сердце. Вдруг я услышал громкую команду на немецком языке. Услышали ее и Рыкаловы. «Ох, это немцы!» — сказала Рыкалова и заплакала. Я не стал больше слушать и лег спать.

28 июля, придя утром, мы нашли лишь пустое здание банка. Куда делась комендатура, было неизвестно. Мы тоже разошлись. Когда же явились туда 29 июля, то нашли на первом этаже банка новую комендатуру, нас принял квартирмейстер капитан Хаберзак, а переводил зондерфюрер (военный чиновник[1]) Фидлер. Оба они, особенно Фидлер, были любезны и разговаривали мягко и вежливо. Лающего тона, как у прежнего коменданта[2], у них не было. Хаберзак сказал, что работать городскому управлению в одном здании с ними неудобно, а потому мы должны сегодня же выбрать себе какое-либо другое помещение и сообщить ему, чтобы он закрепил его за нами и запретил проходящим войскам трогать его. Фидлер разъяснил, что все вопросы, кроме квартирных, нам придется решать с другой «фельдкомендатурой», находящейся здесь же на втором и третьем этажах, куда нам и следует сейчас пойти.

16-й армии главнокомандующему войсками Западного направления о боевых действиях войск армии по овладению гор. Смоленском (27 июля 1941 г.): «С 16.7 по 27.7 части армии ежедневно днем и ночью неоднократно переходили в атаки для захвата Смоленска. Особо ожесточенный бой начался с 2:00 26.7, продолжающийся до сего времени. В результате боя только подошедшая 137 пд понесла исключительно большие потери, оставила свыше 500 человек только убитыми. Политико-моральное состояние солдат, в результате понесенных потерь и крайней усталости, пониженное. Оба полка (448 и 440) считаю разгромленными, запасные полки — небоеспособными далее к упорной обороне. ...Части армии, выполняя задачу по возвращению города Смоленска, к утру 27.7 захватили северную часть и производят расчистку внутри городских очагов сопротивления, а также подготавливаются к окончательному захвату всего города» (*Комаров, 2005*. С. 41. Со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 6. Л. 293–294).

1 Имеется в виду: штатский (не военный) военнослужащий.

2 Фон Швеца.

Мы все направились в указанную нам комнату, где к нам подошел офицер, хорошо говоривший по-русски. Узнав, кто мы, он сказал: «Зачем же вы ходите целой толпой? Бюргермейстер и юрист пусть останутся, а остальные пусть обождут их в другом месте». После этого он провел нас в следующую комнату, где стоял довольно полный немец среднего возраста с золотыми петлицами и с погонами подполковника. Это был оберкригсфервальтунгсрат Грюнкорн, начальник 7-го отдела фельдкомендатуры, ведавшего делами гражданского управления, а приведший нас офицер — зондерфюрер Оскар Гиршфельд[1], 1902 года рождения, из Тарту (Эстония), юрист, выехавший оттуда в Германию после ввода советских войск.

Когда мы после первого знакомства с Грюнкорном уселись, Базилевский сразу же заявил, что просит освободить его от обязанностей бюргермейстера, так как чувствует себя совершенно неподготовленным к этой работе и рекомендует назначить вместо себя меня.

Так как до этого он мне о таком своем намерении ничего не говорил, я был удивлен и рассержен и тоже сказал, что я административной работой не занимался и руководить управлением в таком разрушенном городе не могу. Грюнкорн на это сказал: «Мы подумаем о ваших заявлениях, а пока дайте ваши паспорта, а завтра утром приходите сюда». Оба мы подали паспорта и ушли.

30 июля мы снова были у Грюнкорна, который объявил нам, что я, как юрист, признан ими более подходящим для поста бюргермейстера, а астроном назначен моим заместителем. После этого заявления он вернул нам наши паспорта и предложил нам обоим пройти вместе с ним и Гиршфельдом к фельдкоменданту полковнику Бинеку[2]. Тот после краткого знакомства вручил мне документ на немецком и русском языках о назначении меня бюргермейстером Смоленска с указанием, что все немецкие части и учреждения обязаны оказывать мне содействие в выполнении своих

---

[1] Не путать с Р. Киршфельдом (1905–1945), также зондерфюрером и переводчиком Смоленской военной комендатуры, унтер-офицером в составе 335-го и 490-го охранных батальонов. Вместе с Р. Модишем, В. Вайсом, К. Гаудианом, Ф. Хенке, Э. Мюллером и В. Краузе, Р. Киршфельд входил в число обвиняемых и преданных суду окружного военного трибунала на показательном Смоленском процессе 17–19 декабря 1945 г. Ему, в частности, вменялось в вину участие и руководство многими карательными операциями в Смоленской и Псковской областях (например, в районе Невель–Усвяты в январе–феврале 1943 г.). 19 декабря 1945 г., на основании статьи 1-й УПВС от 19 апреля 1943 г., военный трибунал приговорил его к смертной казни через повешение. 20 декабря 1945 г. при большом стечении народа он был повешен на Заднепровской площади Смоленска.

[2] В ДРЗ-4 здесь и далее Винек (неточность или ослышка). В другом месте Меньшагин называет его подполковником.

обязанностей. В русском тексте этого документа слово “Bürgermeister” переведено «Начальник города».

Так я и стал называться среди русского населения. Вручая документ, Бинек пожал руку, поздравил и пожелал успешной работы. То же он сделал и с Базилевским. Так состоялось оформление нашей новой работы, о возможности чего неделю тому назад мне и в голову не приходило.

Выйдя от Бинека, я напомнил Базилевскому слова Хаберзака о необходимости подыскать для городского управления помещение и предложил ему посмотреть находящееся поблизости от Социалистической улицы здание, где до войны помещалась военная комендатура Смоленска[1]. Мы пошли туда и увидели, что здание цело, но внутри его полный погром: столы, стулья валяются опрокинутые, в комнатах устроена своего рода уборная. Видимо, здесь похозяйничали немецкие солдаты. Посокрушавшись, мы пошли обратно в банк.

Войдя в подъезд, я увидел И. В. Репухова с метлой в руках, подметающего лестницу. Я подошел к нему и спросил, как он сюда попал. Он ответил, что лагерь распустили, и все интернированные гражданские лица освобождены. Немцы просили сделать уборку помещения банка, и вот он, собрав несколько знакомых женщин, и занимается этим, за что обещано уплатить продуктами. Тогда я сказал Репухову, что назначен начальником города, выбрал для городского управления здание комендатуры, но оно сильно загажено, не сможет ли он организовать его уборку? — «С удовольствием, — ответил Репухов, — здесь мы почти кончили и сейчас пойдем туда».

Я зашел к Хаберзаку в так называемую “Ortskommandantur”[2], получил согласие на занятие выбранного под городское управление здания. После обеда я снова зашел посмотреть это здание и был приятно удивлен: в помещениях царил полный порядок и чистота, а на крыльце меня встретил китаец, которому, как оказалось, Репухов поручил охрану этого дома.

Я был очень доволен, что беспокоивший меня вопрос с помещением был разрешен. Этот первый успех напутствовал меня на дальнейшую работу, которая представлялась тогда чем-то большим и загадочным. Я уже видел, что серьезной помощи от своих профессоров ожидать вряд ли можно и надо рассчитывать больше на себя.

---

1 До войны Горвоенкомат Смоленска находился по адресу: ул. Социалистическая, д. 9. Возможно, накануне войны он переехал в бывшее здание Мединститута (до революции — Дворянское собрание), тогда как сам Мединститут в 1940 г. переехал в новые корпуса на Рославльском шоссе (местонахождение «Малого лагеря» дулага № 126 во время оккупации). Именно в бывшем здании Мединститута и разместилось Управление г. Смоленска под руководством Меньшагина.

2 Местная (гарнизонная) комендатура, отвечавшая за боевые части вермахта в городе.

«Блокнот Меньшагина»

[1]Я говорю, что в первые дни моей работы — это значит в первых числах августа 1941 года — я был, как обычно, утром у начальника 7-го отдела смоленской комендатуры, которая ведала гражданским управлением. И тут приехало несколько человек с черепами на погонах. Как потом я выяснил, это СД, отделение при гестапо. Они сказали мне, чтобы я на другой день к ним пришел.

— Вы знаете, где НКВД смоленское было?[2]

Я говорю:

— Конечно, знаю.

— Так вот, в этом доме теперь мы. Приходите туда.

Я пришел туда. Там было четверо: начальник в чине полковника, Зикс, потом майорский чин у Клингельнгоффера, он хорошо по-русски говорил, так как, якобы, он, уроженец Москвы, уехал после революции. Потом Аугсбург и Ноак. Они стали мне говорить о том, что евреи должны быть сселены в одно место. Должен быть организован поселок, гетто, где они должны жить, а по городу, где хотят, они не имеют права жить, что я должен выбрать место для поселения и переселить их туда. Я пытался говорить, что полгорода сгорело, что я затрудняюсь.

— Надо выбрать. Можете привлечь кого-нибудь из своих сотрудников, которые лучше вас знают город.

Я говорю:

— Да я знаю хорошо.

— Это надо сделать в обязательном порядке. Вот вы запишите правила.

Я говорю:

— Мне не на чем писать.

Тогда этот Клингельнгоффер подошел к стенке кабинета, где разговор происходил, открыл шкаф, в стенке вделанный, вытащил блокнот чистый «Начальник областного смоленского управления государственной безопасности», и я туда записывал всё, что мне говорили.

Взяточники в городской управе

[3]Хотя организационная работа в Смоленском городском управлении продолжалась и в осенние месяцы 1941 года, однако можно сказать, что к концу августа это управление представляло из себя налаженный и до-

---

1 Из допроса А.А. Беляевым в Смоленске (фрагмент интервью Н.П. Лисовской 1978 г.).

2 Здание на ул. Дзержинского, д. 2, построенное в 1939 г.

3 Начало тетради №3, с подзаголовком «Последние месяцы 1941 г.». Здесь же в ДРЗ-4 глава («1942») со ссылкой на тетрадь №4, с. 9.

вольно правильно функционирующий аппарат. Точно так же и население города за август увеличилось в несколько раз за счет возвращающихся в город из деревень его постоянных жителей[1].

Многие из них не нашли своего прежнего жилья, сгоревшего при немецкой бомбардировке 29 июня, либо от советского артиллерийского обстрела 17–28 июля. Они обращались в жилищный отдел городского гражданского управления за оформлением за ними уже занятых ими или пустовавших помещений, а зачастую с просьбой предоставить им квартиру. Произведенная Жилотделом перепись жилого фонда, о которой я писал, позволяла более-менее удовлетворительно справляться с этой работой. Споры, конечно, были; иногда приходили за разрешением их ко мне, но серьезных конфликтов в связи с распределением жилплощади осенью 1941 года я не помню.

Но помню, что уже в это время я столкнулся с явлениями взяточничества со стороны работников жилищного отдела и так называемых «уличных комендантов». Большая часть этих случаев относится к 1942 году. Всех их я уже не помню, но некоторые остались в памяти, и я о них сейчас расскажу.

Один из первых касался инспектора жилотдела Кузнецова. Он был студентом Смоленского педагогического института и незадолго до начала войны предстал с двумя своими товарищами по институту перед судом Военного Трибунала по обвинению по ст. 19 и 58-8 УК в покушении на террористический акт. Сам я их дела не видел, но слышал от защищавшего их адвоката В. П. Терещенко, консультировавшегося со мной в связи с подготовкой им кассации по этому делу, что поводом к обвинению послужили стихи, написанные ими, в которых высказывалось желание поскорее избавиться от Сталина. Этого оказалось достаточно, чтобы Военный Трибунал не только согласился с бессмысленным обвинением в покушении на теракт, но и приговорил всех их к расстрелу. Но началась война, события развивались так быстро, а растерянность смоленских властей, включая и органы МГБ, была так велика, что об этих студентах забыли, и они были освобождены из смоленской тюрьмы 16 июля занявшими город немцами. Потом я выдавал им документы.

Кроме указанного Кузнецова, помню еще одного по фамилии, кажется, Мазов или Мазлов[2], работавшего в полиции в поселке Красный

---

[1] Согласно проведенной переписи населения, в Смоленске, по состоянию на 1 ноября 1941 г., проживало 37276 чел. За ноябрь численность населения увеличилась до 40465 чел. (без еврейского населения), в том числе мужчин 8001, женщин 19715, детей (до 16 лет) 12749, из них 6422 мальчиков и 6327 девочек (Рост населения продолжается // НП. 1941. № 17, 11 декабря. С. 4).

[2] Возможно, Маслов.

Бор[1]. Какие-то провинности были и за ним, но сущности их я не помню, а Кузнецов проявил себя как злостный взяточник. Сперва, учитывая его биографию, я пытался воздействовать на него призывами к его совести, самолюбию и т.д., но вскоре поступила новая жалоба, и я уволил Кузнецова. Но и после этого, по жалобе его соседей на его квартирные безобразия, пришлось подвергнуть его наказанию в виде принудительных работ на несколько дней.

За взяточничество же мною были уволены уличные коменданты: Козловский, Плотников, Королев. Помню, за первого, которого я знал еще до войны как судебного исполнителя нарсуда Красноармейского района Смоленска, просил заведующий Красноборским дачеуправлением и мой бывший товарищ по гимназии В. И. Космовский[2]. И он, и сам Козловский в оправдание взяточничества ссылались на то, что Козловский был офицером Копорского полка[3] старой армии. Я отверг эти доводы, указав, что если он гордится своим прошлым, то должен и вести себя соответственным образом, а не вымогать взятки за предоставление жилплощади.

Королев, бывший комендант на Рачевке, уволенный за то же, ссылался на то, что им была выслежена и выдана немцам подпольная организация, но я отказал в просьбе отменить увольнение.

За взяточничество же мною были уволены: инспектор финансового отдела, фамилию которого не могу сейчас вспомнить, а позднее и старший налоговый инспектор того же отдела Гурьев.

Регистрация населения

В конце августа поступило от немцев распоряжение о производстве регистрации всего населения, о чем на паспортах должны быть сделаны соответствующие отметки, подписанные мною[4]. На паспортах лиц, не проживавших в Смоленске до войны, должна быть поставлена буква “F”, то есть “Fremde” (чужой), а на паспортах лиц, состоявших в коммунистической партии, — буква “К”. Последних отметок, то есть буквы “К” у нас не было ни одного случая, хотя мне были известны несколько коммунистов, оставшихся в городе.

---

1 Железнодорожная станция и поселок-райцентр к западу от Смоленска, по направлению к Катыни. В довоенные годы — излюбленное дачное место смолян.

2 Космовский Василий Иванович, заведующий Красноборским дачеуправлением. Когда Космовского арестовало СД, Меньшагин добился его освобождения, чем, возможно, спас его жизнь.

3 От Копорской губы в Финском заливе Балтийского моря. Назван по крепости Копорье, расположенной в 12 км к югу от залива.

4 Ср. Распоряжение № 3 от 19 августа 1941 г. о регистрации населения и выдаче удостоверений личности (см. Документ № 2).

Например, однажды ко мне на прием явился бывший управляющий Смолстройтрестом инженер Полиевский[1], коммунист, с просьбой о работе. Я знал Полиевского, как свидетеля по делу инженеров-водопроводчиков Ефимова, Головина, Прошина и Безносенко, обвинявшихся во вредительстве, причем одним из основных доказательств их вредительства были показания Полиевского. Эти инженеры в 1938 году осуждены к многолетнему лишению свободы и отправлены на Печору, но затем защитникам А.Я. Иванову и мне удалось добиться отмены их приговора, и при новом рассмотрении они были оправданы.

Поэтому Полиевский мне был неприятен и брать его к себе на работу я не хотел, но вспомнил, что оберрат Грюнкорн как-то спрашивал меня, не могу ли я кого-либо рекомендовать им для руководства по сооружению и ремонту загородных дорог. Я предложил это Полиевскому, он согласился, и я направил его к Грюнкорну. Знаю, что он работал в этой должности до конца оккупации. Дальнейшая судьба его мне неизвестна.

Жили в Смоленске судьи Захарова и Ветрова, и многие коммунисты, не занимавшие крупных постов. Некоторые работали в горуправлении кладовщиками, продавцами, артистами и на другой неответственной работе. Вряд ли бы они уцелели, если бы я, выполняя распоряжение комендатуры, завел их отдельный учет. Как-то я получил из 7-го отдела предложение прислать им список лиц, зарегистрированных с буквой “К”, на что ответил, что такие лица мне неизвестны, а поэтому и регистрации с буквой “К” нет.

Для проведения регистрации населения я организовал паспортный отдел во главе с Григорием Ивановичем Дьяконовым, до войны администратором цирка. Я его знал, так как писал жалобу в связи с лишением его прописки в Смоленске, поскольку он в 1930-е годы был осужден Коллегией ОГПУ «за шпионаж». Поводом к этому послужила его переписка на «эсперанто»[2].

Регистрация проходила в трех группах, руководимых Ф.Ф. Богаревым[3], Вырубовым[4] и Пономаревым[5]. Следовательно, одновременно принималось 3 человека. Использовались карточки адресного бюро городской милиции, рядовые паспортисты заполняли соответствующие бланки, Дьяконов скреплял их своей подписью, вечером приносил их на подпись ко мне. Оказалось, что на подпись обработанных за день паспортов приходилось тратить очень много времени, которым я не распола-

---

[1] Вероятно, Палиевский.

[2] Указаний на «эсперантистскую» подоплеку в следственном деле Дьяконова не имеется.

[3] Впоследствии начальник продовольственного отдела управы, отвечавший за продовольственные карточки.

[4] Впоследствии кассир продовольственного отдела управы.

[5] М.А. Пономарев, впоследствии заведующий рынком.

гал. Поэтому я поручил подписывать паспорта, вернее, регистрационные отметки на них, своему заместителю Б.В. Базилевскому, мало нагруженному другой работой. Новые же паспорта подписывал я сам[1]. Явка на регистрацию производилась, согласно изданному мной распоряжению по городу[2], в алфавитном порядке фамилий, распределенных по соответствующим числам: например, фамилии, начинающиеся с буквы «А», являются 1 сентября и т.д. Закончили регистрацию сорокапятитысячного населения 15 октября[3].

В процессе регистрации помню такой случай: Г.И. Дьяконов принес мне два старых паспорта, выданных на мужа и жену Магидовых[4], уже пожилого возраста, по национальности русских, со сделанной регистрационной отметкой, которую осталось только подписать мне или Б.В. Базилевскому, а также принес и две карточки довоенного адресного стола на этих же лиц, где все данные сходились с этими паспортами — за исключением графы «национальность», в которой написано «еврей». При осмотре в лупу принесенных паспортов я заметил слабые следы подчистки в графе «национальность». Я велел вызвать владельцев паспортов ко мне на следующий день.

Утром этого дня, часов в 7, я еще только вставал с постели, как тетя моей жены сказала, что ко мне пришел посетитель. Им оказался врач нашей больницы П.И. Кесарев[5], еще до войны известный как хороший специалист-гинеколог. Я до этого видел его только раз при назначении его в городскую больницу. П.И. Кесарев извинился за столь ранний визит и сказал, что он позволил себе, так как много слышал обо мне и до войны и теперь, как о человеке отзывчивом на несчастье других, что он очень просит меня оставить двух старых евреев и не отправлять их в гетто, что они очень хорошие и безвредные люди.

Я рассказал Кесареву об обстоятельствах этого дела и не давая твердых обещаний, сказал, что посмотрю, можно ли что-либо сделать для них. Оба они явились в назначенное время, и Е.К. Юшкевич привела их ко мне. Я спросил, кто им сделал такую аккуратную подделку паспортов, на что они ответили, что не могут этого сказать. На вопрос, нет ли у них

[1] О том, что регистрацию населения и выдачу паспортов Б.Г.М. замкнул лично на себя, знала и советская разведка (см. Документ № 6, п. XVII).

[2] Распоряжение № 8 от 29 августа 1941 г. о порядке проведения регистрации населения (дополнение к распоряжению № 3). См. Документ № 2.

[3] По данным на 1 ноября, в городе проживало 37 276 чел. (Рост населения продолжается // НП. 1941. № 17. 11 декабря. С. 4).

[4] Мужа звали Михаил Борисович Магид.

[5] Кесарев Павел Иванович, до оккупации — врач в так называемой железнодорожной больнице, с 16 августа и до конца оккупации — врач в гражданской больнице, неоднократно допрашивался после освобождения Смоленска (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 41. Л. 34). См. его свидетельства в НА ИРИ РАН (Ф. 2. Раздел VI. Оп. 2. Д. 32) и в ГАСО (Ф. 1630с. Оп. 2. Д. 19. Л. 31–33).

врагов, которые могли бы их выдать, заявили, что врагов у них вообще нет. Мне они понравились, и я подписал оба паспорта, поставил печать и отдал их им, попросив, чтобы они не говорили об этом; старые же адресные карточки я разорвал.

Так прожили они ровно год, а в сентябре 1942 года ко мне пришел начальник полиции Н. Г. Сверчков и сказал, что на днях ими обнаружены евреи Магидовы, муж и жена, проживавшие по поддельным паспортам, карточек же старого адресного бюро на них не оказалось, и что, хотя они и ничего не сказали, но он уверен, что всё это проделки Дьяконова, которого он снова просит уволить. Так ничего не сказав ни о том, кто подделал паспорта, ни обо мне, соучаствовавшем в этом, умерли эти благородные люди. В просьбе об увольнении Г. И. Дьяконова я, конечно, отказал. Как напала полиция на след Магидовых, я не знал.

А вот другой, обратный случай. В октябре 1941 года уже по окончании регистрации населения, ко мне на прием пришла неизвестная мне раньше женщина и рассказала, что ее соседей по квартире на Запольной, мужа и жену Демяновичей, забрала немецкая полиция SD, что она носила им передачу в тюрьму и жена Демяновича в ответ передала записку, в которой сообщает, что их обвиняют в том, что они евреи, уклонившиеся от переезда в гетто, и просит сходить ко мне, напомнить, что ее муж когда-то служил со мной, почему я должен знать, что он не еврей, и спасти их.

Действительно я вспомнил, что в 1922–1923 гг. я служил в авточастях с Демяновичем, которого потом больше не встречал. Я сразу же написал письмо в SD, в котором ручался, что Демяновичи не евреи и просил их освободить. Дня через 3 после этого ко мне пришла уже сама освободившаяся Демянович. Она благодарила меня за помощь в освобождении и рассказала, что муж ее не дождался освобождения и умер от тифа в тюрьме, что арестовали их по доносу их квартирной соседки Киселевой, работающей у немцев.

Я приказал вызвать ко мне Киселеву. Она оказалась молодой, довольно разбитной девицей. Приступая к разговору с ней, я посмотрел ее паспорт и сразу же заметил подчистку в графе «год рождения». Истребовав из паспортного отдела старую карточку, убедился, что она омолодила себя на несколько лет. Учитывая всё вместе, я использовал максимум своих карательных прав[1] и дал ей два месяца ареста с использованием на работах по выгрузке сплавленных по Днепру дров.

---

[1] Ср. ниже, в главке «Суды»: «Бюргермейстеры более крупных городов, к числу которых отнесен и Смоленск, вправе накладывать за нарушение своих распоряжений, а также и по мелким уголовным делам наказание в виде ареста на срок не свыше двух месяцев, принудительных работ не свыше одного месяца, штрафа не более 500 марок, или 5000 рублей».

На следующий после этого день ко мне явился переводчик Штаба главнокомандующего тыловой области Mitte[1] генерала фон Шенкендорфа лейтенант Р. Вагнер[2] и просил об отмене наказания Киселевой. В вежливой форме я отклонил его просьбу, а летом 1943 года, будучи вместе с Вагнером в экскурсии по Германии, я сблизился с ним и однажды подробно рассказал ему об этом деле. Он был очень удивлен, что такая веселая и услужливая у них на работе Киселева была злой и бессовестной клеветницей в общении со своими соседями.

Биржа труда

11 или 12 сентября ко мне явились два немца в офицерской форме, оказавшиеся инспекторами германского Министерства труда Криге и Фелензином[3]. Они заявили, что их цель — организация в Смоленске Arbeitsamt[4], то есть биржи труда для распределения рабочей силы. Для этого они просят меня передать им большую часть помещения бывшей музыкальной школы[5] и укомплектовать их штат (человек 15, но точно не помню) подходящим персоналом.

Я уже говорил раньше, что мною было создано небольшое бюро по учету-распределению рабсилы. Теперь, поскольку эта функция от горуправления отпадала, я передал заведующего этого бюро Уртина во вновь организуемую организацию — немецкую биржу труда, а его заместитель Г.А. Арсеньев, по его желанию, был назначен ревизором в финансовый отдел. Среди других, подобранных мною, сотрудников биржи труда большую часть составляли бывшие учителя смоленских школ, об устройстве которых меня просил мой заместитель Б.В. Базилевский[6].

Столовые, пекарня, соляной склад

В эти же дни и тоже в значительной части мне пришлось заполнить штат столовой учителями, открытой 15 сентября в приспособленном для этого помещении бывшего аэроклуба[7]. Заведующим этой столовой, как

---

1 Оперативная зона группы армий «Центр».
2 Переводчик 7-го отдела, уроженец Орла.
3 Чиновники службы труда имели двойное подчинение — органам трудоиспользования Ф. Заукеля и Министерства по делам восточных территорий А. Розенберга. См. Документы № 2 и 5.
4 Подробнее об устройстве и деятельности арбайтсамтов в Смоленске см.: *Полян, 2002*. С. 56–58.
5 Находилась по адресу: ул. Маяковского, д. 5.
6 В 1941/1942 учебном году школы не работали.
7 Также размещался на ул. Маяковского.

я уже упоминал, был бывший начальник отдела снабжения Н. И. Садков. Столовая называлась № 1 и обслуживала обедами сотрудников горуправления.

Сразу же после ее открытия мы приступили к устройству столовой № 2 в одном из бараков в бывшем строительном городке по Костельной улице, остальные бараки были предназначены для общежития тех одиноких лиц, главным образом из избежавших плена красноармейцев, которых всё больше становилось в городе. Столовая № 2 обслуживала тоже обедами наших строительных рабочих, число которых быстро увеличивалось. Заведующим этой столовой я назначил, по рекомендации начальника отдела снабжения Р. П. Васильева, некоего Н. И. Мышко[1], о котором я помню лишь одно постоянное упоминание, что он пострадал от советской власти, отсидев несколько лет по ст. 58-10 УК.

Продукты для этих столовых мы привозили отчасти из пригородных хозяйств, о которых я уже упоминал, а главным образом из деревень, где их заготавливали агенты-заготовители отдела снабжения и столовых путем обмена их на соль. По моему распоряжению, помимо хлебного пайка в размере, кажется, 400 г на работающего в горуправлении и его предприятиях, в столовых к обеду выдавалось по 100 г.

Хлеб этот мы выпекали сами в бывшей гарнизонной хлебопекарне по 1-й Краснинской улице. Ее заведующим был назначен Грелле[2], которого я в 1939 году защищал среди других работников смоленского хлебозавода № 2 по обвинению во вредительстве. Грелле был тогда оправдан. Муку получали от немецкой Викадо. На неработающих в это время ничего не выдавали. Работавшие же у немцев получали от них пайки непосредственно.

В процессе освоения нами бесхозяйного имущества, еще не захваченного немцами, был обнаружен дровяной склад и, учитывая, что положение с топливом в городе в предстоящую зиму угрожало быть очень тяжелым, я решил раздать дрова с этого склада, находившегося на новой дороге[3] от взорванного нового моста, сотрудникам горуправления по одному возу каждому. Для этого была выделена специальная подвода с возчиком Умниковым, вырученным мною в августе из «работы» у Р. П. Васильева. Я сам давал разнарядку на завоз дров из расчета 3–4 ездки в день.

Однажды, увидев сотрудников, которым накануне должны были быть завезены дрова, я спросил их, получили ли они эти дрова, на что

---

[1] Позднее уволен вместе с Р. П. Васильевым.

[2] См. об этом деле в наст. изд., с. 328–330.

[3] Скорее всего, имеется в виду ул. Дзержинского (в годы оккупации — Западная Кольцевая).

все отвечали «нет». Когда, несколько позднее, я увидел Умникова, спросил его, почему не выполнена разнарядка предыдущего дня, он ответил, что, по распоряжению Р. П. Васильева, все дрова вчера и сегодня возились ему. Я очень рассердился, вызвал Васильева к себе и спросил его: на каком основании он в отмену моего распоряжения велел завозить дрова себе, тогда как он свою норму уже получил? Р. П. Васильев покраснел и, заикаясь, ответил, что он считал это целесообразным. Я приказал объявить ему строгий выговор, приказ о чем был вывешен на доске объявлений. Все сотрудники подходили и с большим удовольствием читали этот приказ. Васильева в управлении не любили за грубость, пренебрежительное отношение к низшим и в то же время — [за] пресмыкательство перед любым немцем.

В конце сентября мы организовали еще две столовых при электростанции и водопроводе, обслуживавшие их работников[1].

В середине сентября в составе отдела городских предприятий организованы механические мастерские на улице Декабристов[2]. Ее цель — обслуживание водопровода. Еще раньше был освоен лесопильный завод в Нарвских казармах, ранее принадлежавший военно-строительному отделу Белорусского военного округа. Его директором назначен техник Клейменов[3]. Подчинен он городскому архитектору и выполнял заказы нашей стройконторы.

И в августе, и в сентябре имели место случаи, когда немецкие солдаты взламывали замки на нашем складе с солью в бывшей Воздвиженской церкви на Московской улице[4]. Соль они не брали, но в открытый склад забирались граждане, расхищавшие склад.

31 августа, в воскресенье я находился в управлении, когда прибежал кладовщик Г. И. Алексеев и сообщил, что к нему в склад приехали немцы и стали нагружать автомашину разными материалами — железом и др. Я вместе с дежурной переводчицей пошел в склад и предложил грузившим немцам прекратить погрузку, так как эти материалы принадлежат городскому управлению. На это заявление немецкий фельдфебель, распоряжавшийся хищением, ответил что-то в лающем тембре. Переводчица сказала, что он ругается.

---

1 Альтернативный взгляд на столовые и общественное питание в Смоленске см. в Документе № 5.

2 Совр. ул. Тухачевского.

3 До этого — техник отдела городских предприятий. Затем — директор лесопильных предприятий.

4 Храм Воздвижения Креста Господня (обиходное название — Крестовоздвиженская церковь) расположен в восточной части города, на правом берегу Днепра. Построен в 1764–1767 гг. В 1930-е гг. был закрыт и использовалась как склад. В настоящее время передан РПЦ и восстанавливается.

Я пошел тогда в комендатуру. Инспектор Цицман сразу же отправился со мной на склад и выпроводил солдат.

Однажды ко мне явился немолодой немецкий офицер. Отрекомендовался зондерфюрером в капитанском чине Ранке, служащим в штабе фельдмаршала Бока[1], и сказал, что, объезжая свои части, он обнаружил двух пленных русских девиц, служивших в советской армии, которых солдаты хотели изнасиловать, но он не позволил этого, забрал этих девиц в свою машину и привез их ко мне. Если я смогу обеспечить их жильем, питанием и работой, то он сейчас же передаст их мне; если же нет, то он отправит их в лагерь военнопленных.

Я ответил, что я смогу обеспечить им жизненные условия на общих с постоянными жителями основаниях. Тогда он вышел и вернулся с двумя девицами. Одна, Пава Пиунова, была определена мною официанткой в столовую № 1 и поселена в маленькую комнату при столовой. Она там работала до конца оккупации, и я был доволен ее работой. Вторая (фамилии ее я не помню) пожелала идти работать к Р. П. Васильеву в качестве домашней работницы.

Ранке спрашивал меня, нет ли каких неудовольствий на немецкие войска, на что я пожаловался на частые налеты на соляной склад в Воздвиженской церкви[2]. Ранке заявил, что завтра же привезет мне документ, который надо будет прикрепить к дверям склада, и ни один солдат не пойдет туда. Это он выполнил и, действительно, взломы замка прекратились совершенно. Он разговаривал со мной на хорошем русском языке. Я думаю, что он из прибалтийских немцев.

Концерт 27 сентября

В субботу 27 сентября усердием начальника отдела искусств В. И. Мушкетова в зале горуправления (это — бывший зал Дворянского собрания — один из самых больших в Смоленске) состоялся концерт, в котором участвовали два оркестра, организованных к этому времени: народных инструментов под управлением Данилова[3] и духовой

---

[1] Федор фон Бок (1880–1945), немецкий военначальник, генерал-фельдмаршал (1940, после покорения Парижа). Командующий группой армий «Центр», наступавшей в начале войны на Москву. 19 декабря 1941 г. отстранен от этой должности в связи с советским контрнаступлением (формально — «по состоянию здоровья»). С 18 января по 15 июля 1942 г. командующий группой армий «Юг».

[2] Имеется в виду Крестоводвиженская церковь в Садках, служившая складом соли.

[3] Данилов Константин Яковлевич, руководитель оркестра народных инструментов (см. фотографию выступления оркестра 6 апреля 1942 г. в: НП. 1942. 12 апреля). Среди музыкантов оркестра — балалаечник Ю. Цевловский и домбрист Никитин (*Зверева, 2016*. С. 133, 138, 139).

(фамилию его руководителя я забыл[1]); участвовали и отдельные исполнители, например, бывшая артистка Смоленского областного театра М. А. Луговая[2] — декламировала, Соколова пела и т. д. О концерте было сделано соответствующее объявление по только что начавшему работу городскому радиоузлу во главе с радиотехником Зверьковым, а также расклеены афиши. Зал был наполнен публикой, и концерт прошел успешно. И В. И. Мушкетов, много волновавшийся в связи с этим концертом, и я были довольны.

Об отношении населения к немцам

Правда, по окончании концерта в зале на стульях были обнаружены 2–3 записки, написанные карандашом на вырванных из ученической тетради листках. Эти записки содержали ругательства в адрес «предателей» родины. Но записки эти, написанные корявым, безграмотным языком, в тот момент выражали взгляд совершенно незначительного меньшинства остававшегося в Смоленске его постоянного населения. Большинство [оставалось] при разных нюансах своего отношения к немцам — от подобострастного угодничества некоторых немногочисленных лиц до трезвой оценки того, что власть немцев, хотя и временно, но существует, и, если хочешь выжить, то надо с ней считаться.

Подавляющее большинство, включая и меня самого, не допускало возможности постоянного закрепления Смоленска и других русских земель за Германией. Разница была лишь в том, что одни считали вероятным возврат советской власти, другие предполагали, что Советская власть изменит свой характер, что повторение таких явлений, как «ежовщина», станет невозможно, что тиран, правивший страной последние 13–14 лет, в результате военных неудач будет устранен; что обстановка в стране станет более терпимой в отношении людей, мыслящих по своей совести, а не по распоряжению свыше. Наконец, третьи надеялись на восстановление капиталистического порядка, частной торговли, предпринимательства и т. п.

Большинство, как мне казалось, придерживалось взглядов второй подгруппы. Разделял их и я. Для меня никогда не было сомнений, что все злодейства, большими или меньшими волнами проходившие по стране с 1928 г., зависели не от каких-либо Ягод, Ежовых, Берий и т. п., а от самого Сталина. Правда, я считал его человеком незаурядного ума, а так как я всегда очень ценил ум, считая правильной пословицу «лучше с умным

---

[1] Лутошкин.

[2] Артистка Смоленского областного театра. См. ее фото во время выступления по радио в годовщину оккупации Смоленска (НП. 1942. № 55. 16 июля).

потерять, чем с дураком найти», то я поверил новой Конституции[1], считая, что Сталин понял несостоятельность своей прежней насильственной политики и отказывается от нее.

Но жизнь очень скоро показала наивность этой веры. Я уже упоминал, сколько матюков пришлось мне услышать со стороны наших пленных солдат в адрес Сталина 23 июля. Я тоже считал его главным виновником тех потрясающих неудач, которые постигли страну в первый месяц войны. Я искренне желал его падения, но никогда не желал и не желаю восстановления капитализма. Страсть к обогащению, погоня за деньгами, всегда сопровождаемые самыми разнообразными пороками, вплоть до полной утраты человеческого образа, мне всегда были противны.

С приходом немцев перед каждым жителем Смоленска вставал вопрос: что делать? Как бежавших к немцам и пресмыкавшихся перед ними, так и прятавшихся в подполье были единицы. Подавляющее большинство шло работать, так как без работы нельзя было прожить, нельзя было прокормить себя и семью. Но вопрос был, где и как работать, и в разрешении его существенное значение имели вышеупомянутые мною градации. Те, кто не верил в победу немцев и рассчитывал на возврат у нас старого, старались найти какую-либо нейтральную работу, быть подальше от оккупантов.

Отсюда тяга к искусству. Я учитывал это настроение и старался по мере возможности идти им навстречу. Ведь может показаться странным, что уже в 1941 году, в более чем наполовину разрушенном городе, при крайне тяжелом положении с продовольствием, были созданы два оркестра, балетная школа, хотя общеобразовательные школы в сезон 1941–1942 гг. не работали из-за отсутствия помещений. Дело же здесь в том, что зачисленным в эти организации людям, в большинстве своем молодым людям, нужен был какой-то юридический статус, избавлявший их от регистрации на бирже труда, обязательной для всех неработающих, от работы на немцев. А такой статус они получили в результате зачисления их в эти полуфиктивные организации: подписанные мною удостоверения об их «работе» освобождали их от биржи труда, от задержания на улицах, а продовольственные карточки давали те же, хотя и очень ограниченные, возможности существования, какие имели и реально работавшие у нас люди[2]. Таким образом, эта группа молодежи благополучно пережила оккупацию. Немцы о ее существовании не знали, иначе все они были бы отправлены в Германию, да и мне вероятно бы попало.

---

[1] Принята 5 декабря 1936 г.

[2] См. Документ №7. И оркестр, и хор существовали «под крышей» Смоленского народного театра. Сведения об их кадровом росте, в том числе за счет военнопленных, приводятся в: *Зверева, 2016*.

Частная торговля и рынки

Гораздо более многочисленная категория жителей Смоленска уже с августа направила свои стремления к капиталистической деятельности. Правда, и среди этой категории были люди, взявшиеся за ремесло и даже торговлю с целью сохранения самостоятельности, чтобы не работать с немцами. Однако бóльшая часть стремилась побольше заработать и получше жить. Очень многие ремесленники, особенно портные, сапожники и т.п. обслуживали главным образом немцев, получая от них вознаграждение натурой вплоть до водок, коньяка, вин. Значительную часть этого они потом продавали у себя дома или на рынке. Помимо кустарных мастерских разнообразного профиля, уже в эти первые месяцы было открыто несколько комиссионных магазинов, закусочных, бань, появились ломовые извозчики.

Процедура открытия ремесленных и торговых точек была такова: желающий подавал заявление в торгово-промышленный отдел горуправления, который должен был через своих инспекторов проверять пригодность помещения для указанной цели, профессиональную подготовленность заявителя и т.п. При открытии закусочных заключение давал и городской санитарный врач, которым еще в августе был назначен выпускник Смоленского мединститута Г.В. Никольский, а его коллега по выпуску Эльза Рейнгольдовна Варик[1], по национальности эстонка, тогда же назначена заместителем городского врача, то есть заместителем заведующего Горздравотделом. Все эти материалы, то есть заявления и отзывы инспекторов, начальник торгового отдела докладывал мне. В некоторых случаях я вызывал при этом и самого заявителя. Если я соглашался удовлетворить заявление, то делалось соответствующее представление в 7-й отдел фельдкомендатуры[2], который и выдавал удостоверение, запрещавшее военным вмешиваться в ход дел этого предпринимателя. Оно предохраняло его от мародерства солдат. Случаев отказа в выдаче такого удостоверения для разрешенных мною предприятий я не помню.

Торговля с рук в разных частях города началась тоже уже в августе, но официальное открытие рынка, по согласованию с фельдкомендатурой, произошло на прежней базарной площади в Заднепровье в ноябре 1941 года[3]. Площадь была огорожена колючей проволокой. При входе повешено объявление фельдкомендатуры о запрещении чинам германской армии входа туда. Организован штат рынка: заведующий рынком М.А. Пономарев, освободившийся от работы в паспортном отделе по окончании регистрации на-

---

1 Жена секретаря жилищного отдела Горуправления В.П. Петрова, уроженка г. Выру в Эстонии.

2 Отдел, отвечавший за гражданское управление.

3 Распоряжение № 26 от 27 сентября 1941 г. о рыночной торговле. См. Документ № 2.

селения, рыночные контролеры, получавшие рыночный сбор с желающих торговать там; из них помню М. Ф. Гудкова[1]. При рынке была лаборатория для проверки доброкачественности съестных товаров; она подчинялась санитарному врачу. Я неоднократно приезжал на рынок и проверял уплату рыночного сбора. Случаи отсутствия квитанций в уплате этого сбора были, но постепенно сокращались, так как контролеры побаивались меня.

Так как торговля, помимо этого рынка, всё же продолжалась также на Рачевке и на месте прежнего верхнего рынка на Молоховской площади и носила систематический характер, то я оформил в комендатуре открытие еще двух рынков в указанных местах[2]. Они действовали на тех же основаниях, что и Заднепровский рынок. Посещаемость всех рынков была очень большая. Продавались и продовольственные товары местного происхождения, одежда, обувь и др. вещи; продавались и товары немецкого происхождения — консервы, вина, водки и т. п., хотя продажа их официально запрещалась.

Мне, будучи во Владимирской тюрьме, году в 1953 пришлось прочесть книгу Т. Логуновой «В лесах Смоленщины»[3]. В этой лживой, неопрятной книжонке, в которой пренебрежение автора к читателю доходит до того, что она не позаботилась даже о соответствии географических и топографических данных, ею приводимых, фактическому положению вещей, говорится среди других баснословных рассказов о рынках, на которых бывали только крысы и немецкие солдаты. Как раз последних-то на рынке и не было[4]. Покупателей же и продавцов из местного населения и пригородных деревень всегда было много[5].

Вопрос о публичном доме

Как-то в середине сентября, уже в послеобеденное время, городской врач К. Е. Ефимов сказал мне, что я приглашен в фельдкомендатуру вместе с ним и главным врачом венерической больницы В. Ф. Раевским.

---

[1] Гудков Меркурий Федорович, заведовал складом жилищного отдела управы, куда поступили вещи убитых евреев.

[2] В распоряжении Меньшагина о рыночной торговле указаны следующие места рынков: на бывшей Базарной площади и в верхней части города около Верхне-Никольской церкви на месте бывшего там ранее рынка. Рынок на Молоховской площади (на момент событий — площади Смирнова) тоже существовал, но появился позже. Находился он в районе совр. бульвара Гагарина. Местонахождение четвертого рынка не установлено и иных указаний на Рачевку не выявлено.

[3] *Логунова Т.А.* В лесах Смоленщины. Записки комсомолки-партизанки / Лит. обработка А. Татаровой. Смоленск: Смолгиз, 1947.

[4] Им было это строго-настрого запрещено, о чем напоминал большой транспарант перед входом на рынок.

[5] См. Документ № 6, раздел IX (Торговля).

По приходе нас туда, сразу же началось совещание в кабинете начальника 7-го отдела оберрата Грюнкорна, в котором из немцев, кроме Грюнкорна, участвовали гарнизонный врач Дезе и переводчик зондерфюрер Гиршфельд. Дезе обратился ко мне с просьбой выделить подходящее помещение для организации в нем публичного дома, назначить хозяйку его и укомплектовать его по возможности подходящими женщинами. Я был удивлен и рассержен таким предложением и резко заявил, что свободных помещений в моем распоряжении нет, что лиц, подходящих на такую работу, я не знаю и что вообще я категорически протестую против открытия подобного заведения в Смоленске.

Выслушав перевод моего заявления, Дезе спросил, думаю ли я, что русские женщины вообще не будут иметь связей с немецкими солдатами? На что я отвечал, что не думаю так, даже уверен, что подобные связи будут и в большом количестве, но что определенная женщина будет иметь связь с определенным солдатом, ей понравившимся, а не с каждым желающим ее; что проституция в том виде, в каком она была до революции, давно уже исчезла, и памяти о ней не сохранилось. Хотя внебрачные, даже случайные связи имеют место, но они не носят характера проституции, и восстанавливать ее теперь будет позорной ошибкой, в которой я во всяком случае принимать участия не буду. Дезе слушал это, пожимая плечами, и говорил, что организация публичного дома служила бы охране здоровья как солдат, так и женщин. Он спрашивал также о развитии венерических заболеваний в Смоленске до войны, на что В. Ф. Раевский привел какие-то цифры.

Вообще же он, как и К. Е. Ефимов и Грюнкорн, хранили молчание. Гиршфельд, помимо перевода, делал некоторые замечания к моей полемике с Дезе: например, после моих слов, что я не знаю подходящей кандидатуры на роль хозяйки проектируемого заведения, он, смеясь, сказал: «А Леонтьева? Она вполне подошла бы». Имелась в виду Т. А. Леонтьева, работавшая тогда в качестве заведующего канцелярией административного отдела горуправления. Наконец, Грюнкорн заявил, что он доложит своему начальству мои соображения по этому вопросу, пока же вопрос остается открытым. На этом совещание закончилось. Больше к этому вопросу не возвращались, публичный дом в Смоленске открыт не был[1].

---

[1] Похоже, что Меньшагин выдавал тут желаемое за действительное, его утверждение не раз опровергалось. Так, в Ноте наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова от 6 января 1942 г. «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях» читаем: «В городе Смоленске германское командование открыло для офицеров в одной из гостиниц публичный дом, в который загонялись сотни девушек и женщин; их тащили за руки, за волосы, безжалостно волокли по мостовой» (размещался бордель в гостинице «Смоленск» — центральной в городе; немцы, к слову, называли ее

Как-то осенью 1945 года на предварительном следствии по моему делу следователь майор Б. А. Беляев спросил меня, правильно ли им говорил В. Ф. Раевский о срыве мною немецкого намерения открыть публичный дом. Я рассказал ему, как было дело, и он одобрительно отозвался о моей позиции. Я тут же предложил ему записать этот эпизод в протокол моего допроса, но он заявил, что «это несущественно».

Городская газета

В сентябре же И. П. Райский[1], а потом и Б. В. Базилевский неоднократно говорили мне, что нам очень нужно было бы издавать газету для информации населения о происходящих событиях, так как отсутствие всякой информации уже более двух месяцев порождает разные слухи и вносит дезорганизацию. Сам я был вполне с этим согласен. Нам удалось найти среди огромного количества порожних вагонов, которыми были забиты как станция Смоленск, так и железнодорожные пути на подъездах к городу, вагон с газетной бумагой, которую мы вывезли на свой склад. Там же нашли две американские типографские машины. И. П. Райский в срочном порядке произвел оборудование под типографию части нижнего этажа в здании горуправления. Я уже зачислил в штат типографских рабочих бывшей областной газеты «Рабочий путь»[2], приходивших ко мне с вопросом о работе.

Не было на виду лишь лиц, подходящих к роли редактора газеты. Но вот однажды моя жена сказала мне, что, будучи в городе, видела местного

«Отель Молотофф», — вероятно, из-за созвучия этой фамилии с историческим названием площади, на которой она находилась, — Молоховская). Ср.: «Устроенная немцами в Смоленске “биржа труда” не только отбирала людей для работы на немецких захватчиков. Она поставляла еще и “живой товар” для услаждения гитлеровских скотов. На Краснинской улице находился офицерский публичный дом. Для солдат такой дом был устроен за Днепром. При регистрации молодых девушек на бирже их подвергали унизительному “медицинскому” осмотру. Самых красивых (и хорошо одетых) отправляли на квартиры офицеров для “домашней работы”. После того как офицер насиловал “служанку”, она передавалась для надругательства в офицерский или солдатский притон» (*Петрова А.* Биржа позора // РП. 1943. 31 октября). См. также Документ № 6.

1 Городской архитектор, которого Меньшагин особенно уважал и к чьему мнению всегда прислушивался.

2 «Рабочий путь» — одна из старейших общественно-политических газет Смоленска, издается с 1917 г., при советской власти — главная областная газета. В интервале между 1 января 1939 и 25 июня 1941 г. ее главными редакторами были Г. С. Дятлов, П. Д. Суханов и А. Г. Мастыкин. Вместе с тем газета «Рабочий путь» выходила и после 22 июня: она печаталась в Москве и сбрасывалась с воздуха. Постоянными объектами ее критики являлись К. А. Долгоненков, главный редактор «Нового пути», и Меньшагин.

писателя К. А. Долгоненкова, который говорил ей, что не знает, чем заняться. На мой вопрос, не подошел бы он на должность редактора задуманной нами газеты, жена сказала, что, по ее мнению, подошел бы. Узнав от нее адрес Долгоненкова, я на следующий день послал ему приглашение прийти ко мне. Он не замедлил с выполнением этой просьбы. Я рассказал ему о планах с газетой, а Долгоненков сразу же согласился стать ее редактором.

После этого я запросил фельдкомендатуру о разрешении нам издавать три раза в неделю газету «Смоленский Вестник». Название это предложил Б. В. Базилевский с учетом того, что под этим названием много лет, вплоть до Октябрьской революции, выходила местная смоленская газета[1].

К моему удивлению, Грюнкорн на очередном приеме заявил, что газета может быть разрешена только на белорусском языке, на русском же языке газета разрешена не будет. Я стал возмущаться и говорить, что белорусская газета нам не нужна, так как в Смоленске и области никто на белорусском не говорит, лиц, могущих писать на этом языке, нет, да и читать такую газету никто не будет. Я добавил, что мне казалось, что снабжение населения правильной информацией в интересах самой германской армии и потому я никак не могу понять сделанного мне Грюнкорном сообщения.

Грюнкорн сказал на это, что сам он вполне согласен со мной, но выпуск всякой печатной продукции зависит не от фельдкомендатуры, а от других органов, которые и вынесли такое странное решение. Он советовал мне написать мотивированное возражение против этого решения, которое он со своей стороны поддержит. Я, конечно, выполнил этот совет. Но ответ снова был неудовлетворительный: газету на русском языке издавать можно, но с тем, что в ней будет и параллельный белорусский текст. Это было для нас совершенно неприемлемо, так как, во-первых, мы не располагали большим запасом бумаги и должны были расходовать ее с максимальной экономией, а во-вторых, некому было переводить русский текст на белорусский язык[2].

---

1 Городская общественно-литературная газета, выходившая начиная с 1878 г.

2 Рейхскомиссариат Остланд был конституирован 17 июля 1941 г. и включал в себя Литву, Латвию, Эстонию, часть Белоруссии и части Ленинградской и Псковской областей. Был разбит на генеральные комиссариаты Литву, Латвию, Эстонию и Белоруссию. Рейхскомиссаром Остланда стал гаулейтер и оберпрезидент Шлезвиг-Гольштейна группенфюрер СА Г. Лозе с резиденцией в Риге. В сентябре 1944 г. его заменил Э. Кох, который к тому времени потерял свои «владения» на Украине. Директивой Гитлера от 29 ноября 1941 г. вся территория Эстонии с 24 часов 5 декабря формально была изъята из ведения тылового района группы армий «Север» и передана под гражданское управление Рейхскомиссара Остланда. Фактически же здесь существовало двоевластие: генерального комиссара К. Лицмана с резиденцией в Таллине и начальника тыла группы армий «Север» генерала Ф. Рокка со штабом в г. Выру (летом 1943 г. его сменил генерал Г. Бот). К генеральному округу Белоруссия по состоянию на 10 августа 1941 г. отошла

Так обстояло дело к 27 сентября. В этот день начальник отдела снабжения Р. П. Васильев пригласил меня к себе по окончании работы. Но, как указано выше, в этот же день сразу по окончании работы должен был состояться первый концерт, присутствие на котором я считал для себя обязательным, о чем и сказал Васильеву. Тот просил приходить к нему после концерта, что я и сделал.

Кроме меня, у него находились 3 или 4 немецких офицера. Все они уроженцы Риги, хорошо говорили по-русски, являлись зондерфюрерами в капитанском чине. После моего прихода все они стали расспрашивать меня о жизни, об отношении населения к немецкой армии, о моих личных недовольствах немецкими властями.

Я говорил о тяжелом продовольственном положении и высказал свое удивление и недовольство глупейшим распоряжением каких-то неизвестных мне немецких органов по вопросу о газете. Васильев был явно испуган таким оборотом разговора, укоризненно смотрел на меня и покачивал головой, но немцы, услышав о газете, оживились, схватили записные книжки и стали записывать. Один из них сказал мне: «Мы работаем в штабе фельдмаршала и думаем, что сможем вам помочь в этом деле».

Разговор этот происходил вечером в субботу 27 сентября, а в понедельник 29 сентября утром на очередном приеме у Грюнкорна, он заявил, что может меня поздравить с исполнением моего желания о газете: ее можно издавать на русском языке, а цензура ее возложена на него. Тут же Гиршфельд добавил: приносите мне свой макет, и я быстро пропущу его. № 1 «Смоленского Вестника» был выпущен, кажется, 15 октября[1].

Газета выходила под нашим руководством ровно месяц, а затем была изъята из нашего ведения прибывшим в Смоленск Отделом пропаганды.

территория в 68 тыс. кв. км, а с присоединением части Калининской и Смоленской областей и Орши общей площадью около 50 500 кв. км его территория состаляла почти 210 500 кв. км с населением 9 млн чел. В генеральный округ входило 5 главных округов: Барановичи, Минск, Могилев, Витебск и Смоленск. Они в свою очередь делились на 38 сельских и 5 самостоятельных городских районов, являвшихся одновременно центрами главных округов.

[1] «Смоленский вестник» был переименован в «Новый путь», который начал выходить с 15 октября 1941 г.. Всего вышло 194 номера газеты, последний — 12 сентября 1943 г. (см.: ГАСО. Ф. Р-2736 (Типография издательства газеты «Новый Путь»); 1 дело за 1942 г.; в имеющейся в ГАСО подшивке имеются № с 14 от 30 ноября 1941 г. и от 12 сентября 1943 г.; № 1–13 за 1941 г. и 129 за 1943 г. отсутствуют). Среди сотрудников — Илья Корнеев (история, антисемитизм; отметим его программное сочинение: Антисемитизм как мировоззрение // НП. 1942. 30 июля. С. 3), И. Горский (антисемитизм и антисоветизм), Васильев (религия, рынки), Калужский (театр), Н. Грибачев (работал и в «Рабочем пути»), Е. В. Домбровская (церковная жизнь) и, по сообщению С. Зверевой, Владимир Гацкевич. Приложением к газете выходило издание «Колокол», а в 1942 г. еще и два журнала — «Бич» (юмористический) и «Новая жизнь».

Адрес Гитлеру

Но визит немецких офицеров из штаба фельдмаршала фон Бока[1], кроме неожиданной помощи в выпуске нашей газеты, ознаменовался еще одним событием, о котором во время беседы с ними мне ничего известно не было.

Периодически я собирал у себя, обычно по окончании служебных часов, совет городского управления. Сперва в составе тех «профессоров», с которыми в июле я начинал свою работу, постепенно круг приглашенных расширялся и стал охватывать всех начальников отделов. Такой совет я собрал и 1-го октября. Помню, что мы говорили о заготовке овощей на зиму; были и другие какие-то вопросы.

Когда дело уже подходило к концу, вдруг выступает Р. П. Васильев и говорит, что на днях у него были офицеры из ставки фельдмаршала и высказали свое удивление тому, что городское управление до сих пор не выразило своей благодарности Гитлеру за освобождение Смоленска от большевиков, на что он, Васильев, заявил, что адрес с благодарностью Гитлеру будет на днях представлен. Заявление Васильева было так неожиданно, что все мы на некоторое время замолчали. Наконец, Б. В. Базилевский с горячностью спросил у Васильева: «Но вы свое заявление с Борисом Георгиевичем согласовали?». «Нет», — отвечал Васильев, заикаясь, как всегда, когда был чем-либо разволнован. «Так какое же вы имели право говорить от имени городского управления. Кто вам это разрешил?» — напал Базилевский на Васильева. Тот совсем растерялся и только молчал.

Тогда выступил И. П. Райский, остановивший Базилевского, сказав, что теперь об этом говорить поздно, что Васильев пообещал адрес от горуправления, поставив всех нас в очень щекотливое положение: сейчас надо думать, как из него выйти. Он предложил просить меня поговорить по этому вопросу с Грюнкорном и выяснить точку зрения комендатуры; может быть, мы не имеем права обращаться в высшие инстанции помимо комендатуры. На этом вопрос был закончен, и все разошлись недовольные Васильевым.

3-го октября на очередном приеме я рассказал Грюнкорну о заявлении Васильева насчет адреса Гитлеру и спросил совета, как быть. Когда Гиршфельдт окончил перевод моих слов, оба они очень оживленно заговорили; из-за быстроты их речи, я не мог уловить ее смысла. Наконец, Гиршфельдт обратился ко мне и сказал: «Советник согласен со мной, что здесь

---

[1] Сам фон Бок посетил Смоленск 15 ноября 1941 г. Штаб-квартира группы-армии «Центр» дислоцировалась не в самом Смоленске, а в Красном Бору, дачном месте близ Смоленска.

имеется интрига, только пока трудно определить, против кого она направлена: против вас или же против советника. Во всяком случае отказываться теперь нельзя. Вы приготовьте черновик и принесите его сюда, а потом надо хорошо оформить, и мы договоримся с ними о времени передачи».

Так и сделали. Проект адреса написал Б. В. Базилевский, я отнес его в 7-й отдел комендатуры. Грюнкорн внес значительные изменения, В. И. Мушкетов нарисовал красивую виньетку; чертежники в отделе городского архитектора каллиграфически переписали адрес, я подписал и вместе с Базилевским в помещении фельдкомендатуры передал приехавшим туда офицерам, с которыми познакомился у Васильева[1]. Через некоторое время на мое имя было получено письмо, подписанное фельдмаршалом Боком, с благодарностью за выраженные чувства[2].

Так выкрутились мы из затеи, придуманной, по моему мнению, Васильевым, так как в разговоре со мной в тот вечер никакого намека на адрес со стороны этих офицеров не было.

Совещание у Бендера

К этому же периоду конца сентября — начала октября относится живо сохранившийся у меня в памяти эпизод — совещание у крейсландвиртшафта (так называлось сельскохозяйственное управление в системе созданных на оккупированной территории органов). Как-то приходит ко мне молодой человек, по внешнему виду и разговору русский, но одетый в форму немецкого солдата. Как потом выяснилось, это был Буйнов[3], красноармеец, попавший в плен и каким-то путем попавший в «переводчики» при крейсландвиртшафте, хотя немецким языком, на мой взгляд, он владел не лучше меня. Я же большую часть немецкого разговора уловить не мог, хотя немецкую грамматику знал хорошо и словарный фонд у меня был порядочный.

Этот солдат сказал мне, что крейсландвиртшафтс-зондерфюрер Бендер[4] просит меня присутствовать на совещании, которое должно

---

1 Л. В. Котов, ссылаясь на некий загадочный «Архив Меньшагина» (т. е. не ссылаясь ни на что!), даже приводит текст этого «холуйского», как он пишет, письма: «Вождю и государственному канцлеру Великого Германского государства Адольфу ГИТЛЕРУ. От имени подведомственного мне города и района, я выражаю Вам глубокое уважение и горячее пожелание окончательного успеха в великом деле освобождения Европы от большевистской опасности, а Вам лично сохранения здоровья и сил. Бургомистр Смоленска Меньшагин» (*Котов, 1991*. С. 50).

2 Одно время циркулировал так и не подтвердившийся слух о том, что сам этот адрес хранится в одном из университетов США.

3 Заместитель Н. П. Андреева.

4 Руководитель окружного отдела по сельскому хозяйству.

у него сейчас открыться по вопросам продовольствия. Так как этот продовольственный вопрос с самого начала моей работы лежал на мне тяжелым грузом и в тех условиях, как до этого проходила наша работа, я не видел из него выхода, то я очень обрадовался приглашению Бендера и сразу же принял его. Буйнов вызвался подождать до назначенного времени и проводить меня. Оказалось, что он тоже был заинтересован во мне и вскоре обратился с просьбой об освобождении от плена, что мною и было сделано. Буйнов освобожден под мое поручительство и назначен на работу в отдел снабжения.

Теперь же Буйнов проводил меня в помещение крейсландвиртшафта, находившееся в большом недостроенном здании на углу Молоховской пощади и 1-й линии Солдатской слободы (то есть площади Смирнова и улице Дзержинского)[1]. Когда мы пришли, совещание уже началось, участниками его были участковые агрономы, подобранные в штат крейсландвиртшафта. Бендер, уже что-то говоривший, прервал свою речь и обратился ко мне с приветствием, после чего сказал, что он хотел говорить со мной по вопросу обеспечения продовольствием военнопленных. Так как я русский и городское управление тоже состоит из русских, то мы должны заботиться о судьбе своих соотечественников — военнопленных. Поэтому он надеется, что я приму на себя питание военнопленных, и хочет узнать от меня, как я буду это осуществлять.

Я был очень удивлен такой постановкой этого вопроса и сказал Бендеру, что, идя сюда, я рассчитывал услышать его соображения о том, как и в каком количестве я буду получать продукты для питания оставшегося в Смоленске гражданского населения, и совсем не рассчитывал услышать то, что он сейчас говорил. Ведь в городе не было и нет сельскохозяйственных угодий и в продовольственном отношении он всегда зависел от привоза продуктов извне. И сейчас вопрос стоит о том, как и сколько можно получить продовольствия от вас для питания городского населения.

Что же касается пленных, то я, никогда не забывая о том, что они наши соотечественники, всегда готов принять их к себе, обеспечить жильем и работой, но кормить их мне нечем, а саму постановку этого вопроса я считаю странной и разговор на эту тему бесполезным. На этом наше совещание и закончилось.

Бендера я больше никогда не видел, мне кажется, что этот эпизод характерен тем, что показывает, как немцы уже в самом начале осени, еще

---

[1] Сельскохозяйственный отдел комендатуры (первое время именовался «крейсландвиртшафт», а затем «гебитсландвиртшафт») размещался на ул. Дзержинского, д. 2 (так называемый дом работников НКВД).

до большого наступления в районе Вязьма–Брянск, были растеряны, столкнувшись с трудностями в продовольственном обеспечении выпавшей на них нагрузки в виде военнопленных и гражданского населения.

Две комендатуры: Цунс и Базилевский

Я писал о том, что уже с конца июля в Смоленске оказались две немецкие комендатуры: «фельд-» и «ортс-», то есть полевая и местная. Все мои взаимоотношения главным образом были связаны с первой. С ортскомендатурой, составлявшейся капитаном Цунсом, мы имели дело лишь в первые дни нашей работы в связи с размещением нашего управления и его служб, и то не с самим Цунсом, а с квартирмейстером, капитаном Хаберзаком. Что же касается самого Цунса, то мне помнится лишь один случай, когда он напомнил нам о своем существовании.

Однажды я получил от него письмо с предложением прислать к нему прораба стройконторы Голубева для отбытия ареста, назначенного ему им, Цунсом, за хищение дров, принадлежащих ортскомендатуре. Из опроса Голубева я установил, что Голубев хотел забрать с пожарища, находившегося рядом с комендатурой несколько обгоревших бревен, которые, на его взгляд, еще можно было использовать для наших ремонтных работ. Когда он стал грузить эти бревна на подводы, явился немецкий фельдфебель и не дал их ему. В соответствии с этими объяснениями Голубева я написал письмо Цунсу, в котором доказывал невиновность Голубева в хищении и просил об отмене назначенного ему ареста. Просьба моя была удовлетворена.

В октябре вся ортскомендатура была переведена в Можайск, и Цунса я больше не видел, слышал от какого-то немца, что он погиб там при воздушной бомбардировке. Поэтому показания Б. В. Базилевского, данные им в заседании Нюренбергского международного трибунала и напечатанные в 3-м томе протоколов этого трибунала о том, что будто бы Цунс сообщил мне о невозможности удовлетворения моего ходатайства об освобождении какого-то поляка, за которого меня просил Базилевский, потому что все поляки будут уничтожены, являются с первого до последнего слова наглой ложью. Никогда подобных разговоров у меня ни с Базилевским, ни с Цунсом не было, а с последним и быть не могло, так как никакого отношения к освобождению пленных он не имел, а все подобные дела проходили через фельдкомендатуру.

Да, Базилевский несколько раз просил меня хлопотать об освобождении из плена известных ему людей, в том числе и поляка Кожуховского[1],

---

[1] В самом конце интервью 1978 г. с Н. П. Лисовской приводился следующий фрагмент, напечатанный на отдельном листе на другой пишущей машинке и явно не имеющий отношения к самому интервью: «Из старого: В октябре 1941 г.

сына владельца кондитерской в дореволюционное время. По всем этим просьбам их объекты были освобождены. Ни я никогда не отказывал Базилевскому, ни фельдкомендатура — мне.

Что касается фамилии, названной Базилевским трибуналу, то она им выдумана, точно так же, как фамилия Цунса осталась у него в памяти с того момента, как мы вместе с Базилевским были у него 29 июля 1941 года, и без всякого основания приплетена им в своих показаниях[1]. Я понимаю, в каких трудных обстоятельствах был в то время Базилевский и не осуждаю его, но сказать, что он лжет и лжет не по ошибке, а заведомо для себя, — считаю своей обязанностью перед историей.

Конфискованная баня

Новая ортскомендатура, прибывшая на замену возглавлявшейся Цунсом, проявила себя конфискацией нашей бани.

Раньше это была железнодорожная баня, находилась на Киевском шоссе[2]. Так как городские бани на Заднепровской базарной площади

Базилевский просил меня возбудить ходатайство об освобождении из лагеря военнопленных в Нарвских казармах Смоленска его знакомого Кожуховского Виктора. Я его тоже знал как свидетеля по делу о вредительстве на 2-м хлебозаводе Смоленска, которое проходило с 22 марта по 1 апреля 1939 года. Я сразу же возбудил это ходатайство, а дня через три Кожуховский явился ко мне с отпускным свидетельством из лагеря. Вскоре он получил от меня патент на кондитерское производство в Смоленске. Последний раз я видел его в мае 1944 г. в Минске, где он тоже имел кондитерскую. Дальнейшую судьбу его я не знаю. История с Кожуховским и послужила, очевидно, зерном, из которого выросла вымышленная Базилевским сказка о военном поляке и т.д., рассказанная им на Нюрнбергском процессе нацистских военных преступников, напечатанная в 3-м томе протоколов Нюрнбергского процесса и совершенно не соответствующая действительности, за исключением того, что он действительно просил меня за Кожуховского».

[1] Неточность Меньшагина. Имеется в виду не Кожуховский, а Жеглинский (Жирлинский). Георгий Дмитриевич (1900–?), сын псаломщика, с 1918 г. — школьный учитель, зам. директора 3-й школы Смоленска. В начале войны был призван в армию рядовым, попал в плен (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977521. Д. 27) и оказался в дулаге № 126. Базилевский якобы попросил Меньшагина посодействовать освобождению Жеглинского, но военный комендант фон Швец якобы отказал Меньшагину в просьбе из-за того, что предстоит ликвидация всех поляков. Н. Илькевич, первый публикатор записок Базилевского, цитируя их, отмечает: «Этого человека Базилевский устроил на работу в жилищный отдел Управления города. Спустя некоторое время Жиглинский Г.Д. был вновь арестован гестапо и по обвинению в связи с партизанами расстрелян» (*Илькевич, 1994*(*1*)). Согласно Л. Котову, Жеглинский оказался подпольщиком и в сентябре 1942 г. был схвачен и казнен (*Котов, 1966*. С. 31–32, 103). См. также примечания Г.Г. Суперфина в: *Меньшагин, 1988*. С. 226–228.

[2] Нахождение железнодорожной бани на таком удалении от железной дороги и вокзала объясняется следующим. В 1930-х гг., когда Смоленск был столицей огромной

сгорели во время боев в Заднепровье 16–28 июля, начальник отдела городских предприятий П.С. Наумов предложил освоить уцелевшие железнодорожные бани на Киевском шоссе. Я согласился. Заведующим банями был назначен, по рекомендации Наумова, Покровский, и вскоре бани заработали. Получив письмо ортскомендатуры о передаче им этих бань для нужд германской армии, я написал свое возражение, в котором указывал на необходимость нам этой бани для обеспечения санитарного состояния населения, становящегося опасным в связи с приближающейся зимой. В ответ на это возражение ко мне пришел новый ортскомендант капитан фон Балласко и в резком тоне сказал, что все его распоряжения должны исполняться немедленно и безоговорочно, и баня должна быть в тот же день передана им. Так мы остались без бани, если не считать небольшой частной баньки, открытой по нашему патенту неким Кудрявцевым на Московской улице[1].

Частник Васильев

По воскресеньям горуправление, за исключением дежурных, не работало, но я обычно бывал там с 9 до 1 часу дня. Был я у себя и 5-го октября, когда подвергся атаке со стороны пришедшего ко мне в кабинет Р.П. Васильева. Речь шла о трикотажной мастерской по Запольной улице, где работали до войны слепые. Они и сейчас находились в городе, и мне надо было их как-то обеспечить, о чем шла речь на упоминавшемся выше совещании у меня 1 октября. Я тогда дал задание начальнику отдела горпредприятий П.С. Наумову продумать вопрос о пуске трикотажной мастерской, где работать должны слепые.

Теперь Р.П. Васильев стал доказывать мне, что моя затея утопична, так как материала для работы мы не имеем и иметь не будем, почему мастерскую надо сдать в аренду частным лицам, в договоре с которыми оговорить, что работать в мастерской должны слепые. На мое замечание, откуда же у частных лиц возьмутся материалы для работы, если их в городе нет, Васильев воскликнул: «Вы, Б.Г., наивный человек. Городское

Западной области, планировалось построить в городе еще одну ветку железной дороги — на Могилев, которая должна была проходить по юго-восточной и южной окраине Смоленска. В 1931 г. на пересечении современных пр. Гагарина и ул. Кирова началось строительство второго вокзала. Однако успели построить лишь административное здание (в нем разместились управление Западной железной дороги и Желдорстрой), несколько домов для железнодорожников и баню.

[1] Баня открылась только весной 1942 г.: «Пущена в ход баня Кудрявцева по Московской улице. С 30 марта начнет работать санпропускник» (Документ №4.5). Ср.: «На весь город, с населением по данным на 1 мая 1942 г. в 24328 человек, работает одна баня на 50 мест владельца Кудрявцева» (Документ №6).

управление не сможет достать, а частник достанет; у тех же немцев купит, у них воровство очень развито и не считается воровством».

В общем он уговорил меня и тут же предложил заранее приготовленный им проект договора на сдачу трикотажных мастерских в аренду Н. И. Хохлову и В. М. Смирновой. Хохлова я знал, как бухгалтера этих же мастерских, в сентябре 1937 года мне пришлось его защищать по неосновательному обвинению в служебных злоупотреблениях; суд оправдал его. Кто же такая Смирнова, я не знал и спросил Васильева. Оказалось, что это Валентина Михайловна, его собственная жена.

Мне стало очень неприятно, услышавши это, и всё же я подписал договор. Много раз, вплоть до сегодняшнего дня, я упрекал себя за проявленную какую-то мягкотелость. Ведь я тогда же понимал, что пасую перед нахальным жуликом; нечестность Васильева уже была лично мною разоблачена, и всё же [я] оказался не в силах отказать ему. (Помню еще аналогичный случай в Бобруйске, но об этом позднее[1]).

Визит в тайную полицию: анонимный донос

Днем 1-го октября я был приглашен в ГФП, то есть в Geheimfeldpolizei, — тайную полевую полицию. Когда я пришел туда (она находилась рядом с моей квартирой — на Старо-Рославльской улице[2]), инспектор Рохна сразу же вытащил бутылку коньяку и налил мне и себе. Выпили, но без закуски, по немецкому обычаю. После этого Рохна сказал, что ими арестован заведующий нашей баней Покровский и кладовщик бани Рождественский. На мой вопрос: «За что?», — он подал мне бумагу в виде вырванного из тетради листа. На ней я прочитал, что Покровский и Рождественский подготавливают восстание в Смоленске против немцев, что им покровительствует видный советский коммунист Меньшагин, почему-то попавший в начальники города, что они собрали уже много оружия и восстание должно начаться на днях. Это сообщение было написано красным химическим карандашом, хорошим почерком, без грамматических ошибок и без подписи. Когда я кончил его читать, Рохна спросил меня, что я думаю об этом письме. Я в свою очередь спросил его, нашли ли они какое-либо оружие у Покровского и Рождественского. Нет, отвечал Рохна.

---

1 В небольшой главке о пребывании в Бобруйске четкого указания на аналогичную историю нет. Вместе с тем главка пышет явным раздражением в адрес Октана: можно предположить, что Меньшагин проявил мягкость и уступил настоянию Октана вступить в его СБПБ, о чем впоследствии сожалел.

2 ГФП размещалась на Старо-Рославльской улице, в доме № 16 или 18 (Меньшагин же жил в доме № 5).

Слева направо: Е. К. Юшкевич (М. Л. Гринцевич?), три неустановленных лица, Б. Г. Меньшагин и майор В. Шубут. *1941*

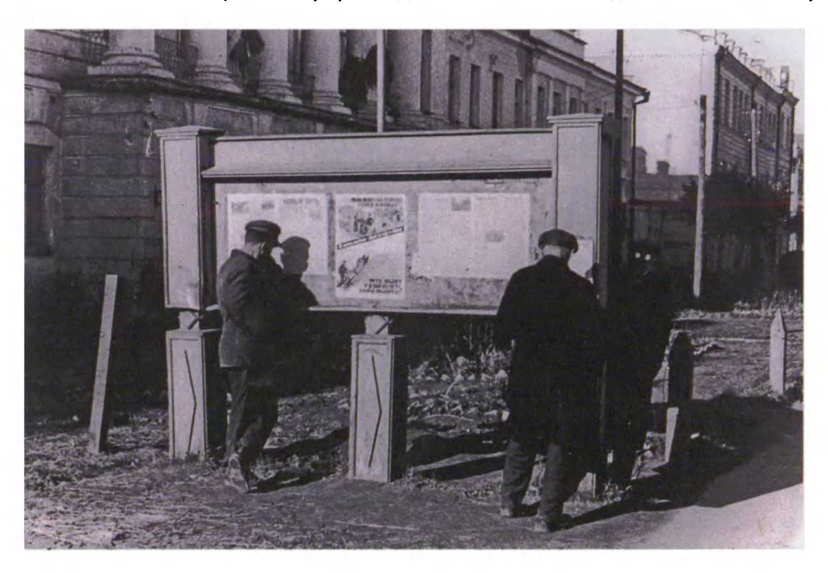

Вид с ул. Пролетарской (Глинки)

Вид с ул. Маяковского (Магистратской)

Городская управа (до войны здание Медицинского института)

Информационный стенд перед городской управой, ул. Маяковского (Магистратская)

Б. В. Базилевский.
Из газ. «Рабочий путь» за 30.03.1939

Б. В. Базилевский (из личного дела
в Новосибирском университете). *1946*

И. Е. Ефимов. *1930-е*

И. Е. Ефимов. *1949*

Г. Я. Гандзюк. *Ок. 1950*

В. А. Меландер. *1931*

Г. И. Дьяконов. *2-я пол. 1930-х*

Слева направо: Е. К. Юшкевич (М. Л. Гринцевич?), В. В. Мочульский(?; стоит), Б. Г. Меньшагин (за столом), два неустановленных лица, в том числе офицер вермахта, и Г. И. Дьяконов. Предположительно — во время подписания Меньшагиным «Смоленского воззвания» генерала Власова. *14 декабря 1942*

Биржа труда, ул. Ленинская (Парковая).
В этом здании биржа труда располагалась с 1943 г.

Очередь на биржу труда

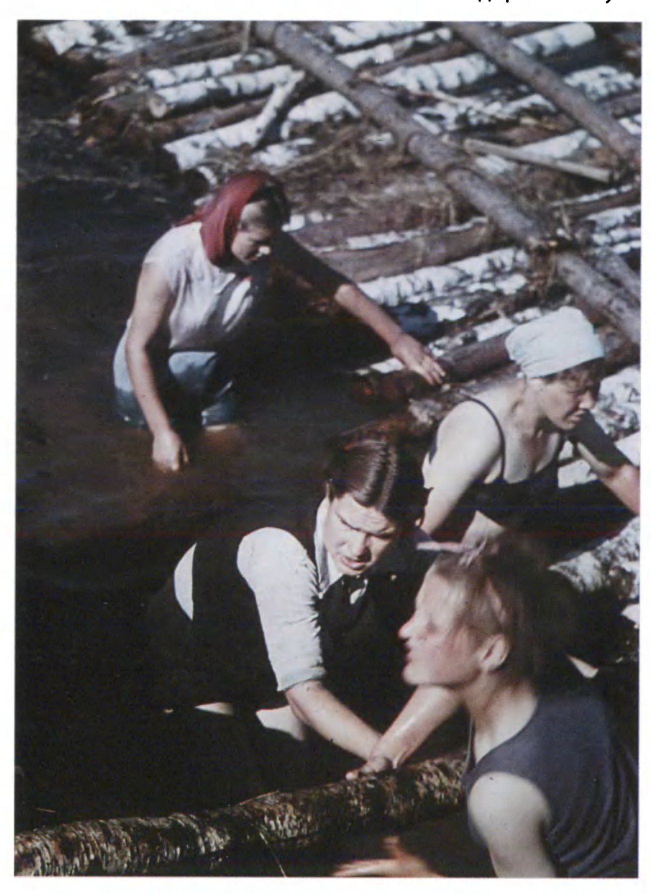

Часовщик на патенте: вывеска «Ремонт часов» на немецком и русском языках, ул. Б. Советская (Главная)

Работы по ремонту 1-й Краснинской (Краснинской) улицы

Очистка железнодорожных путей от снега

Разборка плотов, одна из самых тяжелых трудовых повинностей в оккупированном Смоленске

«Нижний рынок» на Колхозной (Базарной) пл.

«Нижний рынок». Виден плакат, запрещающий солдатам вермахта заходить на рынок

Смоленские священники. Слева направо: настоятель кафедрального собора протоиерей Николай Шиловский, епископ Смоленский и Брянский Стефан (Севбо) и протоиерей Петр Беляев

Крестный ход на Великое освящение воды в р. Днепр.
Справа — настоятель Спасско-Окопной церкви протоиерей Николай Домуховский. *Зима 1943*

Успенский кафедральный собор

Женская палата городской больницы (находилась на углу ул. Пржевальского (Университетской) и Нижней Университетской (Малой Пушкинской))

Вид Старо-Рославльской ул., на которой во время оккупации жил Меньшагин.

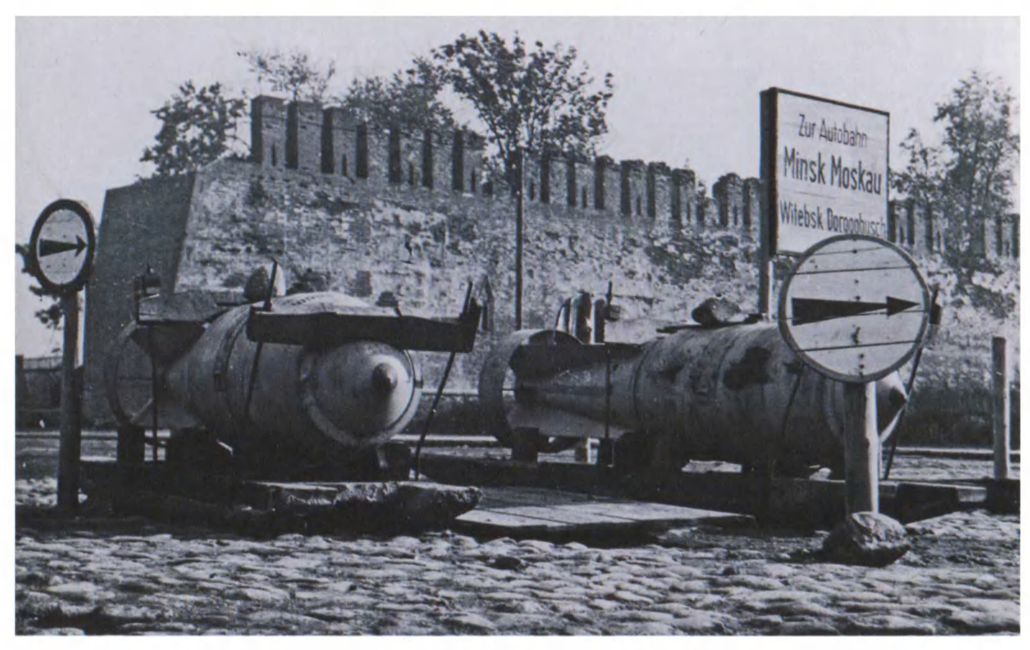

Митинг в Парке культуры и отдыха (Наполеоновском саду).
С речами выступали представители комендатуры и бургомистр Меньшагин. *1 мая 1943*

Парад в честь «2-й годовщины освобождения Смоленска от большевиков»
перед городской управой. *16 июля 1943*

Пожарный автомобиль городской пожарной команды во время парада. *16 июля 1943*

Минирование немцами города перед отступлением.
Для этого использовались авиационные бомбы. *Сентябрь 1943*

Немецкие факельщики подожгли город перед отступлением.
Горят дома в районе пер. Шевченко. *Конец сентября 1943*

Я стал говорить ему, что в 1937–1938 гг. у нас производили многочисленные безосновательные аресты, в большом ходу были доносы, часто анонимные, как этот. Занимались этим самые худшие люди, обычно желавшие таким путем свести личные счеты, отомстить под видом проявления бдительности. Я уверен, что и в данном случае имеет место что-либо подобное, а поэтому удивляюсь, почему они арестовали людей без всяких доказательств, и прошу их освободить. Рохна стал спрашивать, хорошо ли я знаю арестованных, не коммунисты ли они, не могу ли я сказать, кто писал это заявление, — они бы высекли его. Я отвечал, что Рождественского знал еще до революции небольшим мальчиком, он сын полковника старой армии, потом я потерял его из виду, но знаю, что коммунистом ни он, ни Покровский, ни я сам не являемся; кто писал заявление не могу судить даже приблизительно, но может быть, это могут сказать Покровский или Рождественский. Тогда Рохна отдал мне это заявление, чтобы я сам попробовал выяснить у Покровского, Рождественского или кого другого, кто является его автором, и сообщил бы им. После этого мы выпили еще по рюмке и расстались. Переводил наш разговор Блинов, до войны учитель.

Покровский и Рождественский были в тот же день освобождены. Я показывал им анонимку, но и они не смогли высказать подозрение на какое-либо определенное лицо.

Мельница

Еще в августе нами, по инициативе начальника отдела городских предприятий П. С. Наумова, была взята в свое ведение мельница на Рославльском шоссе, невдалеке от большого мельничного комбината, где уже хозяйничали немцы. Заведующим мельницей, по рекомендации П. С. Наумова, был назначен Н. Н. Мельников, инженер, в период ежовщины посидевший в тюрьме, но потом оправданный. Я его не знал. Мельница эта молола хлеб для городского населения и главным образом для пригородных деревень. Плата за помол была натуральная в виде гарнцевого сбора, в том же размере, как он взимался до войны[1]. Так как в наших условиях был дорог каждый килограмм хлеба, за счет этого гарнцевого сбора я ввел в столовых дополнительную выдачу, о которой не знали немцы, по 100 г на обедающего, то я в целях контроля за работой мельницы и за сохранностью гарнцевого сбора определил туда в качестве кладовщика В. С. Гороса, которого знал еще с 1919 года как очень хорошего и честного человека, к тому же знакомого с мельничным делом.

---

[1] См. в наст. изд., с. 264–265.

Сам В.С. Горос в это время был в очень подавленном нравственном состоянии, так как 29 июня, когда сам он дежурил на городской радиостанции, во время воздушной бомбардировки, сгорела его жена. Она находилась в бомбоубежище в одном из домов на Советской улице, где они квартировали. Кто-то снаружи запер это бомбоубежище, когда дом загорелся, то выйти из бомбоубежища было нельзя, и все находившиеся там сгорели вместе с домом. В.С. Горос узнал об этом на следующий день, 30 июня, когда вернулся с дежурства и не нашел ни жены, ни квартиры, ни имущества. Он был страшно потрясен и скитался по городу. В начале августа его встретила моя жена. Узнав о его горе, она привела его к нам, некоторое время он жил у нас.

Когда он начал немного приходить в себя, я устроил его на работу на мельницу, а также предоставил ему комнату в соседнем с нашим доме. В октябре мельница почти не работала из-за неисправности электромотора, и П.С. Наумов на докладах стал говорить, что ее надо сдать в аренду. Потом он принес заявление некоего Дмитриенкова с просьбой передать ему мельницу в аренду. В тот же день такое заявление от своего имени и от имени В.С. Гороса подал Н.Н. Мельников. Мне не хотелось выпускать мельницу из ведения горуправления, и я медлил с решением вопроса. Но из комендатуры поступило распоряжение о передаче мельницы Дулагу-126 для помола муки для нужд военнопленных.

Когда я сказал Н.Н. Мельникову, ежедневно заходившему ко мне за результатом своего заявления, что договора об аренде заключать не придется, так как мельницу забирают немцы для Дулага, Мельников стал убеждать меня сейчас же подписать с ним договор на тех же условиях, а с немцами он договорится сам. После некоторого колебания я подписал договор о сдаче мельницы в аренду сроком на 1 год с уплатой нам мукой (количества не помню).

Время показало, что это был правильный шаг. Мельников действительно договорился с немцами, ежедневно молол муку для Дулага, получил от Викадо новый электромотор, исправно привозил нам арендную плату, а частично молол нам зерно в тех случаях, когда немцы давали его нам вместо муки. Через год мельница была нам возвращена в исправном состоянии. Сам Мельников к тому времени сумел выстроить себе на пожарище по Староленинградской улице новую мельницу, куда и перенес свою деятельность[1].

Заключение с ним и с В.С. Горосом договора на аренду в октябре 1941 года вызвало резкое недовольство начальника отдела городских предприятий П.С. Наумова. Хотя он сам рекомендовал Мельникова

[1] Секрет такой успешности Мельникова был в его тесных связях с абверкомандой 303.

на должность заведующего мельницей и потом неоднократно отзывался о нем с похвалой, теперь их отношения стали крайне враждебными.

Сразу же после заключения арендного договора Мельникову для работы на мельнице было предоставлено несколько человек военнопленных из Дулага, очевидно в связи с тем, что он молол для него зерно. В.С. Горос, являвшийся соарендатором, но игравший, конечно, вторую роль, несколько раз говорил мне, что эти пленные работают очень много без всяких норм, едят вдоволь, но больше ничего не получают и по существу бесправны. Он спрашивал меня, нельзя ли освободить их от Дулага. Я поручил ему выяснить у этих пленных необходимые для возбуждения ходатайства данные, что он и выполнил. Тогда ходатайство об освобождении было возбуждено, и вскоре они были отчислены от Дулага с передачей в мое распоряжение. Они остались работать у Мельникова, но в качестве вольнонаемных, и такой эксплуатации, как прежде, не подвергались. Мельников встретил это освобождение спокойно. Вообще человек он был неплохой, очень предприимчивый, деловитый. Безусловно имевшаяся в нем капиталистическая жилка проявлялась не слишком ярко.

Освобождение из плена его рабочих произошло уже в начале 1942 года.

Дом инвалидов в Дрюцке и детдом в Волково

Еще в начале августа ко мне на прием явился старик, проживавший в доме инвалидов в с. Дрюцк, кажется, в 14 км от Смоленска. Он жаловался на хаос в этом доме, расхищение его имущества и просил меня о помощи. На следующий день я направил в Дрюцк своего заместителя Б.В. Базилевского, поручив ему проверить всё на месте, организовать управление, возможность содержания его и т.п. Базилевский выполнил это поручение.

Заведующим домом я назначил, по рекомендации Базилевского, приходившего ко мне старика Соколова, бывшего учителя. Он оказался деятельным и толковым. Дом я принял на свое содержание, отпуская соль, обменивавшуюся без всяких затруднений на продукты. Когда в октябре все сотрудники горуправления стали получать зарплату деньгами, начали платить ее и Соколову с его небольшим штатом. Формально дом инвалидов, находившийся за пределами города, не имел отношения к горуправлению, и юридически я имел право откоснуться от него, но считал это недопустимым, а себя обязанным помогать своим выбитым из жизненной колеи соотечественникам везде и всем, если имел какую-либо возможность помочь.

Такое же положение было с детским домом в селе Волково по Рославльскому шоссе. Узнав, что детдом брошен на произвол судьбы, а дети разбегаются и побираются, я послал туда заместителя начальника

отдела просвещения И.И. Соловьева. Тоже была установлена администрация в лице работавшей там раньше сотрудницы, по национальности латышки, фамилию ее я забыл. Тоже давалась соль на питание, а потом и зарплата.

Дом этот мне пришлось пополнять за счет детей, оказавшихся беспризорными. Туда, в частности, была направлена пришедшая в Смоленск пешком из Жуковки Брянской области (в 200 км от Смоленска) дочь Пуциловского, комиссара авиабригады, в которой в 1926–1927 гг. и я служил. Он был расстрелян в 1937 году, жена сослана, а дочь отправлена в детдом[1]. Такое же положение было и у мальчика Ковтюха, сына героя «Железного потока» Серафимовича. Остались ли они в Волкове, я не знаю. Дел у меня в это время было так много, что заняться детьми более детально, проследить их дальнейшую судьбу мне, к сожалению, не хватало времени.

Эмигранты в Смоленске

В октябре в Смоленске появились первые эмигранты, вернее дети этих эмигрантов, члены Национального трудового союза нового поколения – НТСНП[2], организации, как видно из наших газет, существующей еще и сейчас.

Но еще до их приезда мне пришлось видеть двух представителей старой эмиграции. 21 сентября, в воскресенье, совпадавшее с праздником Рождества Богородицы, часов в 8 утра ко мне явился немецкий офицер, оказавшийся русским эмигрантом Николаем Васильевичем Максимовым, до войны проживавшим в Париже и работавшим шофером такси, а теперь — переводчиком одной из немецких дивизий. Он сказал мне, что приехал в Смоленск в краткосрочную командировку, но не знал никого здесь, решил обратиться ко мне, как к начальнику города. Узнав, что я собирался к обедне в собор, он тоже пожелал идти туда. Мы побыли в соборе, пообедали у меня, а затем Р.П. Васильев, пришедший узнать, почему я не был в управлении, пригласил его к себе ужинать и ночевать. Я с интересом слушал рассказ Максимова о жизни эмигрантов, о тоске по родине, погнавшей его в немецкую армию, чтобы таким путем попасть в Россию. Понравилось мне, как он был растроган в соборе, понравилась и умеренность в суждениях о нашей довоенной жизни, отсутствие злобы и ненависти. В общем впечатление о нем осталось хорошее.

---

[1] Пуциловский Александр Андреевич (1898, Белосток — 1938?), интендант 1-го ранга, соратник командарма 1-го ранга И.П. Уборевича. 28 июня 1938 г. уволен в запас РККА, после чего был репрессирован. Дочь, по-видимому, воспитывалась в детском доме Жуковка Брянской обл., откуда бежала в оккупированный немцами Смоленск.

[2] То же, что НТС.

В начале октября ко мне на прием явился пожилой человек, отрекомендовавшийся полковником Бердяевым, до революции бывшим полицмейстером в Риге[1], затем служившим в Белой армии, что закончилось эмиграцией. Теперь, желая вернуться на родину, он предложил свои услуги какому-то бюро, набиравшему переводчиков, и был направлен наряду с другими в Смоленск. Но здесь по знаниям немецкого языка его признали неподходящим к этой роли и отправляют обратно. Он очень просил меня дать ему какую-либо работу, чтобы остаться здесь и умереть на родине. Рассказывая свою историю, Бердяев всплакнул. Мне стало жаль его, и я сказал, что постараюсь устроить его инструктором по строевой подготовке в местной вспомогательной полиции, которая очень нуждается в хорошей дисциплине, и велел ему прийти ко мне дня через два.

Но не успел я еще что-либо предпринять для устройства Бердяева, как ко мне пришел начальник этой полиции Г.К. Умнов с вопросом — не решил ли я устранить его с этой должности. Я отвечал: «Нет, почему вы так думаете?». И Умнов рассказал, что в дом по Рославльскому шоссе, где среди многих жильцов живет и он с матерью, приходил Бердяев, осматривал занятые квартиры и говорил, что одну из них жильцам придется освободить для него, назначенного новым полицмейстером Смоленска. Послушав это, я сразу же потерял желание устраивать Бердяева в полицию, так как там и без него своих безобразников было достаточно. Я рассказал Умнову, какое намерение у меня было насчет Бердяева, но из его рассказа вижу, что назначить его туда всё равно, что пустить козла в огород, а поэтому отказываюсь от этого плана.

Это я сказал и самому Бердяеву, когда он снова пришел ко мне, и рекомендовал ему уезжать обратно. Всё же Бердяеву удалось устроиться начальником охраны пивного завода, подготавливавшегося в это время к пуску и находившегося в непосредственном ведении немецко-хозяйственного управления — Викадо. О деятельности там Бердяева и его дальнейшей судьбе скажу позже.

Из молодых эмигрантов ко мне первыми явились Д.П. Каменецкий[2] и Н.Ф. Алферчик. Они рассказали мне о себе. Первый из них проживал в Югославии, где окончил военное училище. Второй в Польше, в городе Пинске, жил с матерью; по приходе туда советских войск в сентябре 1939 года, он перебрался в Варшаву, а когда вернулся туда вместе с немцами в июне 1941 года, то узнал, что мать его арестована и увезена советскими властями на восток, что с нею сталось, ему неизвестно. Оба они заявили, что очень хотят быть полезными родному народу и будут работать там, куда я их направлю. От них я впервые услышал о существовании

---

[1] Сведения эти не подтвердились.

[2] Служил в полиции в Смоленске, а затем в Борисове.

НТС, некоторую печатную продукцию которого они мне здесь же передали для ознакомления с сущностью этой организации.

Оба молодых человека произвели на меня хорошее впечатление. Так как мне в то время часто приходилось слышать жалобы смолян на полицейских, да и сам я хорошо видел их разболтанность, распущенность, мною владело желание разогнать их, но всё упиралось в то, откуда брать замену и такую, чтобы она была хорошая. Поэтому я решил обоих этих юношей использовать на работе в полиции. Я говорил об этом и с Г. К. Умновым, он был согласен, и Д. П. Каменецкий был назначен инструктором по строевой подготовке, а Н. Ф. Алферчик — в следственный отдел.

Дела городские

16 октября у меня снова проходило заседание совета в составе всех начальников отдела. Оно оказалось последним. На нем я изложил свой план некоторой реорганизации и изменения в личном составе. Так как мы добились в это время от 4-го отдела комендатуры[1] увеличения выдававшегося нам продовольственного фонда, то решили ввести карточную систему для выдачи хлеба всему населению. Это требовало специального аппарата. Выдавали всем мы и соль, ежемесячно, но в небольшом количестве. Иногда, в зависимости от получения от немцев, давали и растительное масло. Выдачу мы производили из своих, вновь открытых в это время, магазинов на Молоховской площади, Зеленом ручье, а местонахождение третьего я не могу вспомнить.

Всё это дело, начиная с учета бланков карточек, выдачи их через комендантов и вплоть до раздачи в магазинах, возложено теперь на продовольственный отдел, выделенный из отдела снабжения. Начальником этого отдела я назначил Ф. Ф. Богарева, рекомендованного Б. В. Базилевским, работавшего до этого руководителем одной из групп по регистрации населения в паспортном отделе. Руководитель другой группы в этом отделе — Вырубов — теперь был назначен кассиром продовольственного отдела, хранившим бланки карточек и выдававшим их. Бухгалтером продовольственного отдела стал Н. К. Жуковский, мой шурин, работавший старшим бухгалтером отдела снабжения и не пожелавший сотрудничать с Р. П. Васильевым. Его место в отделе снабжения занял П. Н. Калитин, бывший до этого его заместителем.

Регистрация проходила в трех группах, руководимых Ф. Ф. Богаревым, Вырубовым и Пономаревым. Следовательно, одновременно принималось 3 человека. Далее я добавил должность еще одного секретаря начальника города, так как практика показала, что объем работы,

---

[1] Предположительно, сельскохозяйственный отдел.

непосредственно связанной лично со мной, как начальником города, был очень велик. Приемы посетителей, которые первоначально предполагались 2 раза в неделю — по понедельникам и четвергам, росли с каждым разом и фактически становились ежедневными; управиться одной Е. К. Юшкевич было немыслимо.

Другим секретарем, главным образом, по приему, я назначил А. А. Симкович. До войны она работала секретарем народного суда Заднепровского района и среди секретарей судов выделялась приветливым отношением к посетителям, добросовестной работой. Я считал ее самой лучшей из всех судебных секретарей. С августа 1941 года она работала у нас секретарем административного отдела; определенных функций там у нее не было, фактически она помогала Е. К. Юшкевич в проведении приемов у меня. Теперь это положение было закреплено юридически, а должность секретарей административного отдела и заместитель начальника города были упразднены за ненадобностью. Занимавший последнюю Ф. И. Дорошевич был переведен на должность заведующего канцелярией вместо Т. А. Леонтьевой. Ее, делопроизводителя Н. Жупахину и заведующую столом личного состава П. А. Гусеву[1] я решил уволить вовсе.

Выше я писал, что, когда обсуждался вопрос об открытии дома терпимости, зондерфюрер Гиршфельд предложил кандидатуру Леонтьевой на должность хозяйки этого дома. Это была шутка, но как говорится, во всякой шутке есть доля правды. А доля была в том, что около Леонтьевой и Жупахиной всегда сидело по немцу. Кроме того, однажды я уехал домой обедать, но вскоре вспомнил, что я что-то нужное забыл сделать и вернулся. Когда я вошел в свой кабинет, то увидел, что Леонтьева роется в ящиках моего письменного стола. Она очень смутилась и на мой вопрос, что она здесь делает, пробормотала, что ищет какую-то бумажку. Для меня было ясно, что это «любопытство» Леонтьевой было связано с ее начавшейся дружбой с неким Шмитлейном, немцем в штатской одежде, два раза приходившим ко мне и, судя по его вопросам, работавшим в немецкой разведке.

Н. Жупахина и в довоенное время была известна своим любвеобильным поведением. У П. А. Гусевой плохо был поставлен учет личного состава. Поэтому я и решил их уволить. Единственно, что меня смущало, как отнесется к этому начальник административного отдела И. В. Репухов, который привел на работу всех этих лиц в день начала работы городского управления. Но когда я сказал о своем намерении, И. В. Репухов подал реплику: «Давно пора».

---

[1] Впоследствии инспектор в городском жилищном отделе управления, тетка А. Кожеурова.

Так, 16 октября были произведены эти перемены. Заведующей столом личного состава была назначена С.М. Краузе, до войны бывшая секретарем нарсуда Сталинского района[1], а другая секретарь этого же суда Шугаева стала работать в продовольственном отделе, секретарь Отдела кадров облуправления юстиции Ляхович — секретарем дорожного отдела, начальником которого, по рекомендации И.П. Райского, стал инженер В.А. Миронов.

Вскоре предстояла еще одна существенная перемена. В воскресенье 19 октября вечером ко мне на квартиру пришел старший бухгалтер отдела снабжения П.Н. Калитин, под предлогом навестить мою жену, с которой он много лет работал в областном издательстве. Во время чаепития он подал мне небольшую бумагу и спросил: — «Известно ли вам об этом, Б.Г.?»

Это оказалась записка начальника отдела снабжения Р.П. Васильева на имя заведующей складом №2 Степочкина[2] с предложением выдать в трикотажную мастерскую бочку автола. Я, конечно, ничего не знал об этом. У меня сразу ожил в памяти наш разговор с Васильевым, происходивший всего лишь две недели тому назад, когда он убеждал меня подписать договор на трикотажную мастерскую с его женой, говорил, что частник нужные ему материалы из-под земли достанет, у тех же немцев ворованное ими купит. На деле оказалось, что этот частник бесплатно получает ворованное у нас самих. Я сказал Калитину, что Васильева надо немедленно выгнать, но беда в том, что некем его заменить.

— А Андреев? — отвечал Калитин, — он вполне подойдет.

Моим обещанием подумать об этом закончился наш разговор с Калитиным.

Утром 20 октября я успел поговорить об Андрееве со своим секретарем А.А. Симкович, которая до войны жила в одном доме с Н.П. Андреевым, с августа работавшим у нас агентом-заготовителем отдела снабжения[3]. Симкович хвалила Андреева как человека, по работе же

---

[1] Перед войной в Смоленске было три района: Сталинский, Красноармейский и Заднепровский.

[2] Степочкин Илья Наумович.

[3] Андреев Николай Петрович (1890, Смоленск — не ранее 1956 (?)), во время оккупации — агент-заготовитель отдела снабжения управы, с 20 октября 1941 г. — начальник этого отдела. 13 января 1943 г. был арестован городской полицией за хищение и воровство. По ходатайству Б.Г.М. был освобожден в начале марта 1943 г., после чего работал с немецким Центральным торговым обществом «Восток» по Смоленску и Смоленской области. После освобождения города — зам. управляющего Смоленской облконторы «Главтабак». Арестован 5 ноября 1945 г. по статьям 49, 58.3, 58.10. Приговорен 28 января 1946 г. к 10 годам ИТЛ.

не знала. Мой шурин Н.К. Жуковский, проработавший уже два месяца вместе с Андреевым, тоже дал ему положительную характеристику.

Побывав в комендатуре, я должен был приступить к приему посетителей. Когда А.А. Симкович сказала, что пришла депутация крестьян из деревни Шейновки Смоленского района, я велел пустить их первыми. Вошли три пожилых человека и стали жаловаться на то, что 22 сентября 1941 года к ним в деревню прибыл немецкий офицер, хорошо говоривший по-русски, и сказал, что хочет купить у них одежду — полушубки и валенки. Приехавшие же с ним начальник отдела снабжения Р.П. Васильев и заведующий городской столовой № 2 Н.И. Мышко пошли по домам с обыском, отбирали теплую одежду, сало. За одежду по низким ценам уплатил офицер, а сало забрали себе Васильев и Мышко бесплатно. Они спрашивали меня, имели ли право на такие действия указанные лица.

Я вспомнил, что утром следующего дня после того, как Н.В. Максимов был у меня, он просил меня разрешить Васильеву съездить с ним в качестве проводника в пригородные деревни. Немецким офицером, приезжавшим в Шейновку, и был он. Я попенял депутатам за позднее обращение ко мне — ровно через месяц — и сказал, что ходить с обысками Васильев и Мышко не имели права, и я их за это уволю.

После этого я вызвал к себе Андреева Н.П. и предложил ему должность начальника отдела снабжения. Тот согласился, обусловив назначение к нему заместителем агента-заготовителя отдела снабжения Н.Ф. Шемякина. Затем я вызвал Васильева и объявил ему об увольнении его и Мышко за грабеж населения и хищение продуктов. Васильев стал оправдываться, ссылаясь на Максимова, но я прогнал его. Вечером приходил объясняться Н.И. Мышко, заявивший, что я преследую его потому, что его преследовала советская власть. После этого он писал много заявлений, обвинял меня в проведении советских заданий.

При очередном приеме я сообщил об этом случае оберрату Грюнкорну. Тот реагировал на это тем, что просил меня вместе с Базилевским и всеми начальниками отделов собраться к нему в 4 часа вечера, и, когда мы собрались, то обратился с заявлением о том, что никто в городском управлении, помимо меня, не имеет права предпринимать какие-либо самостоятельные действия; все должны получать на это разрешение от меня. Мне было весьма неприятно слушать его заявление, так как могло создаться впечатление, будто бы я жаловался на свой персонал, чего фактически не было. Через некоторое время Грюнкорн сказал мне, что по жалобе Васильева принято решение изменить мой приказ и считать Васильева уволенным по собственному желанию.

Реабилитирован 25 апреля 1956 г. (Книга памяти Смоленской области. Со ссылкой на: АО УФСБ СО. Д. 1074-с; *Комаров, 2016*. С. 370).

Массков и православие

В это же время или в начале ноября меня посетил новый работник SD Массков[1]. Он упрекал меня в насаждении демократии, что противоречит немецкому принципу фюреризма. Конкретно, по его словам, это выражалось в том, что я провожу заседание совета городского управления вместо единоличного решения всех вопросов, что в Успенском соборе я организовал церковный совет, а должен быть единоличный староста. Я возражал, указывая, что заседания совета горуправления носили консультативный характер, а создание церковных советов установлено решением Поместного собора Русской Православной церкви 1917–1918 гг., а не выдумано мною. Но он стоял на своем и требовал, чтобы больше этого не было.

Затем он обвинил меня в незаконном открытии католического костела. Я ссылался на то, что костел в Смоленске существовал с очень давних времен и закрыт был лишь в 1936 или 1937 году, что верующие католики просили меня разрешать собираться для молитвы, хотя ксендза у них пока нет. Я не видел в этом ничего плохого и разрешил, учитывая, что к открытию православного собора комендатура отнеслась благожелательно. Он отвечал, что можно открывать только православные церкви, а католические нельзя, и что костел нужно использовать для православного богослужения. На это я не пошел, но собрания католиков в костеле были прекращены, а в соборе остался только староста Лидов[2].

В октябре в кассе нашего финансового отдела стали накапливаться кой-какие суммы. Но для уплаты зарплаты работникам горуправления и его предприятий их было совершенно недостаточно. Ведь зарплату я хотел заплатить за всё время работы в городском управлении. Поэтому я оформил в 7-м Отделе комендатуры заем из расчета 6 % годовых. Сумму его я сейчас не помню. По получении его мы всем заплатили за всё проработанное время.

Военнопленные

С середины октября приемы посетителей у меня резко возросли в связи с тем, что в Смоленск стали прибывать, конечно нелегально, большие группы военнопленных, попавших в окружение под Вязьмой и Брянском, но сумевших уклониться от задержания их немецкими войсками

---

[1] Адресат отчета Меньшагина в СД (см. Документ № 4).

[2] Староста кафедрального собора. Упоминается в докладе Меньшагина СД от 9 мая 1942 г. (см. Документ № 4.6).

и разными окольными дорогами пробравшихся в Смоленск[1]. Часть из них были местные жители, проживавшие в Смоленске до призыва их в армию, но большая часть была иногородних. У всех них не было документов, многие были истощены.

Когда в 8 часов утра я приезжал в управление, перед моим кабинетом уже стояла очередь. Начать прием я мог только с 10 часов, так как с 8 до 9 часов я принимал доклады начальников отделов, в 9 часов (три раза в неделю) сам должен был идти в комендатуру. Бывали дни, когда народа собиралось так много, что приходилось не идти обедать.

Весь этот огромный труд со мной разделяла мой секретарь Анастасия Андреевна Симкович. Осенью 1945 года майор Б. А. Беляев, производивший следствие по моему делу, как-то заметил в связи с моей хозяйственной деятельностью в оккупированном Смоленске: «Если бы все наши председатели Горсоветов так работали!»

Пожалуй, еще с большим основанием можно сказать: «О, если бы все работники советских учреждений, соприкасающихся с приемом населения, работали бы так, как в годы оккупации работала А. А. Симкович!» Она принимала заявления от желающих попасть ко мне на прием; у многих таких заявлений не было, они за малограмотностью не могли их написать, — она писала им; с началом приема пропускала постепенно стоявших в очереди в мой кабинет; сразу же забирала заявление с резолюциями для дальнейшего исполнения; со всеми была вежлива и приветлива. Она хорошо ориентировалась в работе, понимала меня с полуслова, и я всегда с благодарностью вспоминаю ее. Всю осень и зиму работу мы с ней заканчивали вместо обычных четырех в 7–8 вечера.

Я имел категорическое распоряжение немцев военнослужащим советской армии документов не давать, а отправлять их в комендатуру. Но как было отправлять, если мы хорошо знали, что в так называемом Дулаге-126 с продовольствием было очень плохо и многие там умирали? Уже совещание у зондерфюрера Бендера, которое я выше описал, говорило о многом. Поэтому мне нужно было прежде всего установить действительное лицо просителя, причины отсутствия у него документов, его прежнее местожительство.

Дело затрудняло то, что очень многие прибегали к обману. Заключался он главным образом в том, что военнослужащие выдавали себя за бывших заключенных, освобожденных немцами при их продвижении. Приходилось с каждым беседовать; благодаря моему хорошему знанию советских порядков, удавалось сравнительно легко обнаруживать случаи обмана; таким я обычно отказывал и оннтправлял на все четыре стороны. Мне приходилось быть осторожным, так как не исключена

---

[1] Правильнее называть их окруженцами.

была возможность провокации. Ведь сколько анонимных жалоб поступало на меня в разные немецкие инстанции, что доказывало, что есть какие-то нечистоплотные люди, недовольные мною. А раз они не гнушались никакой анонимки, то почему они не могут прибегнуть к провокации?

Но людей, которые, по моей оценке, давали правдивые о себе сведения, я старался выручить. При этом приходилось комбинировать. Так как все видели огромные очереди у моего кабинета, видели их и немцы, то обойтись без направления к ним было нельзя, но направлял к ним в первую очередь молодых смоленских жителей, прилагая одновременно свои ходатайства об их освобождении из плена, мотивируя это наличием у них здесь семьи, жилья и ручаясь за их лояльное поведение в дальнейшем. Людям постарше я предлагал указывать в заявлениях, что они были на окопных работах. Таким я давал документ самостоятельно. В отношении просителей, ранее в Смоленске не проживавших, в ходатайствах об их освобождении я делал упор на профессию их, как необходимую нам для восстановительных работ. Все эти ходатайства комендатурой удовлетворялись, и посланные возвращались с отпускными билетами в мое распоряжение.

По моим приблизительным подсчетам (в то время можно было, конечно, произвести точный подсчет, но как-то не пришло в голову), число освобожденных по моим ходатайствам было не менее 3 тысяч. Часть из них устраивалась работать у немцев, часть работала в нашей Стройконторе, на электростанции и на наших предприятиях. Многие из них были поселены в бараках бывшего стройгородка по Костельной улице, рядом с нашей столовой № 2, где они и питались.

Я не могу сказать, что им жилось хорошо. Зиму 1941–1942 гг. все жившие в Смоленске провели впроголодь. Я сам почти всегда хотел есть. Но, освободившись из плена, эти люди сохранили свою жизнь. Подавляющее большинство их при уходе немцев из Смоленска остались там; дальнейшей участи их я не знаю, как не знаю и того, чтобы в каком-либо другом городе так называемой тыловой области Mitte, охватывавшей Белоруссию к востоку от Березины, Брянска и Орловскую область, проводилось освобождение пленных в тех масштабах и по инициативе местных муниципальных органов, как в Смоленске. Я говорил об этом на следствии по моему делу, возражений по существу не было, говорилось лишь, что это не существенно, так как все они — предатели родины[1].

---

[1] Таким был априорный статус военнопленных, коль скоро сдача в плен — нарушение присяги (предполагалось, что красноармейцы в плен не сдаются, а кончают жизнь самоубийством). Подробнее см.: *Полян, 2002*. С. 116.

Случаи освобождения из плена: Мочульский, Попов и Шламович

Приведу два случая освобождения пленных, которые очень живо сохранились у меня в памяти.

Однажды под вечер, когда прием уже был закончен, ко мне зашел городской архитектор И. П. Райский и сказал: «Б. Г., не пугайтесь. Я сейчас приведу к вам известного вам инженера Мочульского, но он в таком ужасном виде, что я счел нужным вас предупредить». Через минуту вместе с ним появился В. В. Мочульский[1]. До войны он возглавлял строительный контроль в Смоленске, и мне приходилось сталкиваться с ним как со свидетелем на некоторых вредительских процессах. Сейчас он совершенно не был похож на того элегантного инженера, каким я его помнил. Передо мной находился оборванный, неопрятный, опухший человек в лаптях. Из разговора с ним я узнал, что часть, в которой он служил, разгромлена в окружении под Брянском; ему же удалось скрыться в деревне, а потом постепенно пробраться в Смоленск. Из родных здесь он нашел только сестру, его же семья уехала. И сам он, и И. П. Райский просили меня помочь ему. Я дал ему документ — приказал выдать из числа завезенного на склад бесхозяйного имущества, из так называемого Дома партактива, костюм, теплое пальто и другие предметы одежды, а также поручил городскому врачу К. Е. Ефимову организовать его лечение. Проболел Мочульский около трех месяцев и лишь в конце января 1942 года смог приступить к работе.

Второй случай таков: в один из самых горячих дней приема в октябре 1941 года один из посетителей к просьбе о выдаче ему документа приложил удостоверение Присельского исправительного трудового лагеря НКВД СССР о нахождении его в этом лагере. Посмотрев на это удостоверение, я был озадачен: я знал, что такого лагеря не было, но гербовая печать и штамп не вызывали никакого сомнения в их подлинности, говорили об обратном. Думая, что может быть, такой лагерь где-нибудь появился, а мне о нем неизвестно, я спросил посетителя, где же находится этот лагерь. «Недалеко от Смоленска, около станции Присельская», — отвечал тот. Тут уж всякие сомнения у меня исчезли, и я сказал: «Это фальшивка, никакого Присельского лагеря не существует, а было лишь Присельское отделение Вяземского исправительного трудового лагеря НКВД СССР. Либо рассказывайте правду о себе, или уходите».

---

[1] Мочульский Владимир Викторович, инженер, государственный контролер по строительству, сторонник механизированного способа изготовления разных строительных деталей (РП. 1937. 05.10, № 229. С. 2). Впоследствии заместитель Меньшагина на посту бургомистра и даже, во время его болезни, исполняющий его обязанности.

Он сперва пытался уверять меня в подлинности документа, но я предложил ему уходить. Тогда он сказал, что был в Красной армии и, боясь, что его отправят в лагерь, решил сделать себе документ о нахождении в заключении, который и представил мне. На мое сомнение в правдивости этого рассказа, он предложил мне изготовить какой-либо штамп на моих глазах, так как он является по профессии гравером. Учитывая способности Попова (такая его фамилия), я дал ему документ. Затем он получил патент на открытие граверной мастерской; работал он действительно хорошо, городскому управлению тоже пришлось воспользоваться его услугами. В последний раз я видел его 16 декабря 1943 года, в Минске, где он тоже имел гравировальную мастерскую.

Той же зимой пришел ко мне тоже с просьбой о документе Александр Владимирович Шламович. Я его знал с лета 1940 года, как бухгалтера-ревизора Смолторга, по национальности еврея. Мы вместе прожили неделю в городе Кирове, тогда Смоленской, а теперь Калужской области[1], во время проходившего там процесса работников местного торга. Он рассказал, что был в армии, попал в окружение, проселками пробрался в Смоленск, и просил меня дать ему документ, указав в нем в графе «национальность» — русский. Я сходил в паспортный отдел, порылся в архиве учетных карточек довоенного адресного бюро, вытащил из него несколько, в том числе и карточку Шламовича; потом я эту карточку незаметно положил в карман, а остальные отдал заведующей адресным бюро Грибоедовой.

После этого я выдал Шламовичу документ, как русскому, а старую карточку уничтожил. Шламовича я больше никогда не видел, но слышал, что он работал у немцев на железной дороге.

Во время следствия по моему делу осенью 1945 года, упоминавшийся уже майор Б. А. Беляев спрашивал меня, помнил ли я Шламовича и знал ли я, что он еврей. На мой утвердительный ответ, он спросил, почему же я дал ему удостоверение, что он русский, какие задания я ему давал. Я объяснил, что причина понятна — избежать немецких преследований, заданий же никаких не давал и самого Шламовича больше не видел. Беляев пожимал плечами, удивляясь, что я, рисковав собой при обнаружении подделки, и без всяких выгод для себя, я дал Шламовичу этот документ. Он так, видимо, и не мог понять того, что добро людям можно делать, не преследуя при этом каких-либо личных выгод, что оно само по себе приносит награду делающему в виде большого нравственного удовлетворения.

27 октября, по окончании приема у оберрата Грюнкорна, зондерфюрер Гиршфельд пригласил меня зайти к нему в комнату, где он жил вместе

[1] Город с 1936 г. (до этого — поселок Песочня).

с инспектором Цицманом. Здесь, наливая по стакану красного вина, он сказал: «Ну, война немцами проиграна! Ты видел, что эти ослы на улицах сегодня делали?».

Когда я ответил, что ничего не заметил, он с возмущением стал рассказывать, как утром по городу проводили колонну пленных, многие из которых от истощения падали; тогда конвоировавшие их немецкие солдаты пристреливали упавших[1]. Гиршфельд считал, что такое зверство лишь ожесточит сопротивление и такой массовой сдачи в плен, как под Вязьмой и Брянском, больше не будет. Он оказался прав.

По возвращении к себе в горуправление мне об этом же рассказала А. А. Симкович. Сама она этих убийств не видела, но слышала от ряда сотрудников горуправления, видевших трупы на улицах, по которым вели пленных в Нарвские казармы.

Пропаганда

Как-то вечером во второй половине октября, когда я вернулся домой, ко мне зашел В. И. Мушкетов, очень взволнованный, и стал рассказывать, как днем в этот день в музей им. М. К. Тенишевой[2] явился начальник Смоленского Отдела пропаганды зондерфюрер доктор Кайзер с группой немецких офицеров и, несмотря на возражения директора музея Е. А. Калитиной, стал продавать им по очень низким ценам музейное имущество — вышивки, посуду, гравюры. На следующий день это повторилось.

В тот же день я передал Грюнкорну письменный протест против подобных действий Пропаганды[3]. Вскоре Грюнкорн сообщил мне, что Кайзеру запрещены подобные продажи. С этого времени у городского управления сложились очень напряженные отношения с этим Отделением пропаганды, продолжавшиеся до весны 1943 года. Особенно доктор

---

1 Такого рода инциденты были нередкими во время «маршей смерти» в октябре–декабре 1941 г. См. в наст. изд., с. 60.

2 Музей в Смоленске (ул. Тенишевой, д. 7), основанный княгиней Марией Клавдиевной Тенишевой (1858–1928). Располагался в здании, специально построенном в 1903–1905 гг. в неорусском стиле и первоначально предназначавшемся для экспонирования коллекций М. К. Тенишевой по теме «Русская старина». В 1931 г. был объединен с художественной галереей в Музей изобразительных искусств им. Н. К. Крупской (в 2011 г. художественная галерея была вывезена из этого здания и преобразована в самостоятельное учреждение; в настоящее время — Историко-этнографический музей «Русская старина», филиал Смоленского государственного музея-заповедника). Отдел пропаганды размещался практически напротив музея — в двух многоэтажных домах на ул. Крупской (ныне — ул. Тенишевой), д. 4 и 6.

3 То есть Отдела пропаганды.

Кайзер враждебно относился к В. И. Мушкетову и ко мне. О конкретных проявлениях этой вражды я расскажу в соответствующих местах.

В ноябре 1941 года произошла смена фельдкоменданта Смоленска: подполковник Бинек был заменен подполковником фон Ягвицем. Гиршфельд в связи с этим говорил мне: «Тот был хотя дурак, но порядочный, честный человек, а этот и дурак, и интриган».

В 20-х числах ноября новый комендант пригласил меня поехать с ним на открытие пивного завода. Этот завод находился за Днепром в восстановленном после пожара помещении прежнего Смоленского пивного завода. Работами по восстановлению руководил инженер К. В. Трофимов, непосредственно подчиненный хозяйственному отделению комендатуры. Раньше я его не знал и видел его теперь впервые, но заочно уже два раза сталкивался с ним: первый раз в связи с его предписанием своему соседу по квартире в коммунальном доме освободить эту квартиру, так как она необходима ему. Тот пришел ко мне с жалобой, и я аннулировал это предписание, сделав на нем соответствующую надпись. Второй раз жаловались жители домов, расположенных поблизости от пивзавода на то, что Трофимов повесил замок на водоразборный колодец, из которого они пользовались водой. Я распорядился сломать замок и поручил уличному коменданту предупредить Трофимова, что он будет оштрафован за самоуправство при повторении подобных действий.

Когда мы с фон Ягвицем прибыли в машине последнего на пивной завод, в воротах нас встретил начальник охраны завода Бердяев, о котором я уже рассказывал. Он скомандовал выстроенному здесь почетному караулу — «Смирно!», — отдал рапорт фон Ягвицу и скомандовал «Шагом марш»! — после чего несколько стариков в разнообразной поношенной одежде проковыляли мимо нас. Это было очень смешно и в то же время грустно. Я думал, как плохо, когда человек лишен чувства юмора; ведь Бердяев и Трофимов совершенно не понимали того, какой фарсовый характер носила устроенная ими «встреча».

Затем Трофимов пригласил нас в помещение завода, где ждал уже облаченный настоятель Успенского собора отец П. Беляев[1] с дьяконом. Тут же началась... панихида! Если бы служили молебен, удивляться не пришлось бы, но почему панихида?.. Я потом спрашивал отца П. Беляева, и он сказал, что таково было желание Трофимова. По окончании панихиды, то есть службы об умерших, мы обошли помещение завода, зашли в столовую, устроенную для работников завода, где я взял «пробу», и уехали домой.

---

[1] Неточность: настоятелем Свято-Успенского кафедрального собора был протоиерей Н. Н. Шиловский.

Пайнсон и гетто

Еврейский староста Пайнсон бывал у меня раз в неделю для информации о жизни в гетто[1]. До 1942 года происшествий там не было[2]. Трудоспособные ходили на разные уборочные работы по разнарядке хауптшарфюрера Ноака из SD. В августе, когда речь зашла об отсутствии у города денежных средств, Грюнкорн сказал, что надо наложить денежный налог на евреев и при следующем моем посещении передал мне письменное разрешение на взыскание с евреев некоторой суммы (цифру не помню, указана в первых воспоминаниях[3]).

Когда я показал эту бумагу Пайнсону, он сказал: «Ведь мы уже уплатили такую же сумму SD». Будучи у Грюнкорна, я сообщил ему об этом. Он засмеялся и сказал: «Уже успели!» и всё же рекомендовал мне снова требовать от них уплаты для города. Я ничего ему не возражал, но взыскивать этот налог не стал[4].

В сентябре Пайнсон спросил меня, не смогу ли я давать для нужд гетто соли для дальнейшего обмена ее[5]. Я согласился, и, несмотря на запрещение каких-либо выдач евреям, давал им ежемесячно по 1 тонне соли. Кроме того, по просьбе Пайнсона, я дал ему лично какое-то количество соли в вознаграждение за работу его. При этом я просил его внушить членам их общины о необходимости помалкивать о получении соли.

Суды

В ноябре 1941 года получены распоряжения главнокомандующего Тыловой области Mitte генерала от инфантерии Шенкендорфа об административных правах местных бюргермейстеров и об организации местных судов[6].

Суды должны были действовать в составе бюргермейстера или его заместителя по суду и двух заседателей, привлекаемых по очереди,

---

[1] Евреи, оставшиеся в городе, были переселены в гетто 5 августа 1941 г. (см. Документы № 1 и 4).

[2] См. об этом в статье М. Дэвида-Фокса.

[3] В тех, что Меньшагин писал в тюрьме и которые у него перед освобождением отобрали.

[4] Вопрос о репарациях, взысканных с жителей Смоленского гетто, противоречив и нуждается в дополнительном изучении.

[5] Вознесенская церковь, в которой была складирована эта соль, размещалась в непосредственной близости от гетто.

[6] 7 июля 1941 г. командующий тылом группы армий «Центр» генерал М. фон Шенкендорф подписал указание, в котором в качестве первоочередной задачи военных комендантов определялось создание органов местного управления и полиции порядка.

согласно списку, из лиц, назначенных бюргермейстером из состава местного населения. Подсудны судам лишь споры по гражданским правоотношениям. Уголовные же дела рассмотрению в этих судах не подлежат. Мелкие из них разрешаются лично бюргермейстером в административном порядке, в пределах предоставленных ему прав; более же серьезные дела передаются в немецкую комендатуру или полицию SD.

Бюргермейстеры более крупных городов, к числу которых отнесен и Смоленск, вправе накладывать за нарушение своих распоряжений, а также и по мелким уголовным делам наказание в виде ареста на срок не свыше двух месяцев, принудительных работ не свыше одного месяца, штрафа не более 500 марок, или 5000 рублей.

В соответствии с этим мы организовали городской суд. Моим заместителем по суду и фактическим его главой назначен А. Ф. Пожарисский, до войны мой коллега по Смоленской адвокатуре, вместе с которым в нише кремлевской стены мы провели первые дни оккупации. В список заседателей были внесены лица, заслуживавшие, на мой взгляд, уважения из числа как работников горуправления, так и вне его. Порядок обжалования был установлен такой: жалоба подается бюргермейстеру, если он сам не участвовал в рассмотрении дела, в противном случае — в комендатуру. Суд должен руководствоваться теми правовыми нормами, которые существовали здесь до 22 июня 1941 года.

Когда мы объявили об организации суда, стали поступать дела. Больше всего было исков о признании права на жилые дома, чему содействовало то обстоятельство, что мы силами отдела городского архитектора в сентябре–октябре провели регистрацию всех частновладельческих домов в Смоленске и Красном Бору. В тех случаях, когда в подтверждение прав на дом предъявлялась купчая или договор застройки, регистрация производилась, о чем выдавалось соответствующее удостоверение. При отсутствии же указанных документов в регистрации отказывалось. Теперь большинство претендовавших лиц обращались в суд, который выяснял причины отсутствия решающих документов, допрашивал свидетелей, принимал и другие доказательства и, если устанавливал, что к 22 июня 1941 года дом действительно принадлежал истцу, признавал его права, и дом регистрировался на основе судебного решения. Много было исков от лиц, которые когда-то владели спорным домом, но потом он был муниципализирован. В этих случаях суд в иске отказывал.

Были случаи, хотя и немного, когда я отменял судебные решения. Кроме дел вышеуказанной категории, встречались иски об алиментах, о спорах на какое-либо движимое имущество.

Ответчиком по делам о признании прав на дома являлось городское управление, от лица которого выступал землеустроитель отдела городского архитектора А. Я. Essentially Кактынь.

Значительно больше было дел по административным взысканиям. Возбуждались они иногда по моей личной инициативе, как в описанном ранее деле Киселевой; иногда — по инициативе вспомогательной полиции, доставлявшей ко мне задержанных ими нарушителей; иногда — по жалобам частных лиц. Во всех случаях я предварительно разговаривал с нарушителем, слушал его объяснения, а затем выносил постановление о наказании, чаще всего ими были принудительные работы на три–пять дней. Учитывая тяжесть нашей жизни в первый год оккупации, я избегал применять максимальные сроки в пределах предоставленных мне прав. Так, арест на два месяца был применен за все два года и два месяца моей работы не более 8–10 раз. Немцам передавал дела я лишь в исключительных случаях, тоже не более 10 дел за всё время.

Но дел, окончившихся принудработами в пределах 10 дней и штрафом, было много. Все владельцы закусочных, комиссионных магазинов, больших мастерских неоднократно штрафовались мною за провинности, которые я обнаруживал при личном объезде этих мест, которые обычно проходили раз в два-три месяца. Редкое посещение мое этих мест обходилось без штрафа для их владельцев. Лица, которым были назначены принудительные работы в эти месяцы, о которых здесь шла речь, работали по устройству столовой, сараев и т. п. в 1-й городской больнице. Позже основным местом их работы стал Днепр, куда стали прибывать плоты из дров, требовавшие много сил для их разгрузки.

Движение и пропуска

Одним из первых распоряжений немецкой комендатуры было запрещение хождений и выездов за пределы города без особых пропусков, выдаваемых 7-м отделом фельдкомендатуры[1]. По договоренности с оберратом Грюнкорном необходимость поездки или пешего хождения за город должно было удостоверять горуправление. Потребность в этом была очень большая. Многие жители имели родственников в деревне и ходили к ним за продуктами; многие ходили туда и не имея родственников, а с какими-либо вещами, которые они затем обменивали там на продукты.

---

[1] Во время оккупации области свободное передвижение из одного населенного пункта в другой было запрещено, хождение разрешалось только по пропускам, выдаваемым военными властями. Заявления и списки граждан на выдачу пропусков, как и сами пропуска, имеются в фонде Смоленского городского управления (ГАСО. Ф. Р-2573. Оп. 1. Д. 178, 179). В большинстве населенных пунктов была проведена паспортизация. Кроме паспортов выдавались удостоверения — и те, и другие на один год (в обоих документах указывались не только фамилия, имя, возраст, но и рост, цвет глаз и волос и особые приметы).

Учитывая однообразность мотивов и в то же время большое число лиц, желающих получить пропуск, я поручил их прием и разрешение вопроса о выдаче пропуска начальнику административного отдела И. В. Репухову, сам же только подписывал приносимые в конце дня пропуска. Лишь в случае возникновения у Репухова каких-либо сомнений, проситель направлялся ко мне. Случаев отказа в выдаче пропуска по нашим заявкам немцами я не знаю.

Соловьев перевоз

Строительная контора за осенние месяцы 1941 года произвела работы по ликвидации повреждений, причиненных артиллерийскими снарядами в зданиях горуправления, Успенского собора[1], жилого дома № 26 по Музейной (Краснознаменной) улице[2] и ряда других жилых деревянных домов. В октябре начались работы по восстановлению пожарного двора (под каланчой). Последние работы стали особенно актуальными после того, как у нас появился автотранспорт.

В один из первых дней своей работы в должности начальника отдела снабжения Н. П. Андреев доложил мне, что, по словам заведующего конным двором горуправления Н. В. Ярышкина, в районе так называемого Соловьева перевоза[3] должны иметься дрова, приготовленные к сплаву в Смоленск, из-за войны оставшиеся. Он рекомендовал направить туда этого Ярышкина, местного уроженца, для организации сплава нам этих дров, а расчет со сплавщиками произвести солью. Я ухватился за эту мысль, истребовал у комендатуры пропуск и охранную грамоту на дрова и командировал Н. В. Ярышкина. Часть дров, о которых говорил он, была уже расхищена и израсходована войсками, так как в этом месте с конца июля до начала октября проходил фронт, но часть всё же удалось сплавить в Смоленск. При нашем очень печальном положении с топливом и это было хорошо.

Но самым важным результатом поездки Н. В. Ярышкина было то, что он увидел на Соловьевом перевозе много автомашин, в том числе смоленские пожарные автомашины и другое пожарное имущество, вывезенное при отступлении из Смоленска и брошенное там; часть всего этого была

---

1 В результате артиллерийского обстрела Смоленска в июле–августе 1941 г. у кафедрального собра была частично сорвана и на 80 % приведена в негодность крыша, деревянные стропильные конструкции были обнажены. С двух куполов были сорваны покровы и повреждена железная обрешетка. Один купол был пробит снарядом навылет и представлял угрозу полного обрушения. Частично были повреждены северо-западный угол собора и карниз (*Амельченков, 2012.* С. 100).

2 Ныне ул. Исаковского. В этом доме жили многие сотрудники управы.

3 Иначе — Соловьева переправа.

затоплена в Днепре, а часть валялась на берегу. Докладывая мне о результатах поездки, Н. П. Андреев и Н. В. Ярышкин советовали хлопотать у немцев о разрешении на вывоз этого имущества в Смоленск. Андреев говорил, что у него на виду есть шоферы, которых можно будет послать за машинами.

Я так и сделал. Разрешение было получено. На Соловьев перевоз была командирована целая группа во главе с сыном Ярышкина П. Н. Ярышкиным. И начиная с ноября 1941 года и до лета 1942 года к нам стали поступать пожарные и грузовые автомашины; была прибуксирована и одна легковая машина «М-1»[1] — для меня, как докладывал Н. П. Андреев. Восстановительный ремонт машин производился уже в Смоленске. Поэтому все силы строителей с ноября были сосредоточены на восстановлении сгоревших гаражей на пожарном дворе, чтобы привозимые машины не оставались бы под открытым небом. В 1942 году, когда мы имели уже несколько отремонтированных машин, пошла успешная буксировка новых с Соловьева перевоза. Но доставка первых машин потребовала затраты огромного труда и энергии со стороны П. Н. Ярышкина, до войны студента финансового института, заведующего гаражом Щербины и шоферов. Их старание превозмогло все трудности.

Больницы[2]

Добрым словом необходимо помянуть и завхоза 1-й городской больницы В. Е. Мироевского[3]. Эта больница, как я уже писал, находилась в деревянном двухэтажном здании бывшего туберкулезного диспансера[4]. Уцелело оно каким-то чудом, так как соседнее большое каменное здание общежития Педагогического института сгорело 29 июня; сгорели и надворные постройки самой больницы. И вот Мироевский самостоятельно занялся восстановлением их. Меня он просил только направлять к нему

---

[1] Так называемая «эмка».

[2] См. Документ № 4.4, раздел «Здравоохранение».

[3] Мироевский Василий Евстигнеевич — помощник по хозчасти главврача городской больницы (не следует путать с довоенной 1-й городской (1-й Советской) больницей на ул. Фрунзе, д. 36).

[4] Смоленская городская больница была открыта 8 августа 1941 г. в помещении бывшего тубдиспансера на углу ул. Пржевальского (Университетской) и Нижней Университетской (главврач Е. И. Неверович). Первое время в больницу принимались исключительно раненые военнопленные, не помещавшиеся в лазарете, но со временем эта практика была прекращена (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VI. Оп. 2. Д. 32. Л. 3–4). Позже начался прием хирургических больных и открыты акушерско-гинекологическое отделение и амбулатория. В РГАКФД есть серия фотографий из этой больницы (1943).

лиц, наказанных принудительными работами, и давать соли. 15 октября была восстановлена и начала работать столовая больницы, затем постепенно появились склады и, наконец, гараж. Так же своими средствами он доставил с Соловьева перевоза и отремонтировал грузовую автомашину, оставленную для нужд больницы.

Я бывал в больнице примерно раз в два месяца, всегда неожиданно для персонала, брал пробу на кухне, разговаривал с больными, и никогда жалоб с их стороны на питание не было. Мне нравилось в Мироевском и то, что он всегда был веселый; встречаясь с трудностями, не хныкал; в просьбах своих не выходил за пределы доступного. После разговора с ним как-то невольно улучшалось настроение и у меня.

Работал Мироевский в этой должности всё время оккупации, а при уходе немцев остался вместе с машиной в Смоленске. В 1945 году его судили, и он получил 15 лет лагерей, из которых отбыл 10 лет и в 1955 году освобожден по амнистии. Мне непонятно, какое преступление он совершил, но что польза от его работы для населения была существенной — это несомненно.

Более бледно шла работа в инфекционной больнице[1]. Там бывали и бесхозяйственность, и недостачи продуктов в кладовой, и случаи воровства. Кажется, в январе 1942 года после ревизии, произведенной ревизором финансового отдела Г. А. Арсеньевым, мне пришлось главврачу больницы И. М. Семенову объявить выговор, а завхоза Александрова уволить. Немцы очень боялись тифа, а потому проявляли некоторую заботу об инфекционной больнице. Так, по распоряжению гарнизонного врача, для работы в этой больнице были командированы из лагеря военнопленных шесть человек. При одном из моих посещений больницы они обратились ко мне с просьбой об освобождении их из плена. Я выполнил эту просьбу. Среди этих пленных был бывший шофер Николай Толкачев. Он сам вызвался ехать на Соловьев перевоз, выбрал там полуторатонную автомашину, отремонтировал ее, а затем обслуживал ею больницу.

По предложению фельдкомендатуры в августе или сентябре было издано распоряжение по городу о введении платы за лечение — как стационарного в больницах, так и амбулаторного[2]. Освобождались от платы неимущие по особым в каждом случае распоряжениям начальника города. Обычно я давал такие освобождения всем обращавшимся. Кроме того, когда наше финансовое положение стало лучше, я освободил от платы за лечение всех инфекционных больных и всех пострадавших от советских авиационных бомбардировок.

---

[1] Находилась на Рославльском шоссе в помещениях довоенной санэпидемстанции (сейчас это по ул. Тенишевой, недалеко от пересечения с ул. Кирова).

[2] См. Документы № 3 и 6, раздел VII «Здравоохранение».

•

Аборты, которые у нас до войны были запрещены и влекли за собой уголовную ответственность как для тех, кто производил аборт, так и для тех, кому производился аборт (исключение из этого правила допускалось лишь по медицинским показателям)[1], в принципе тоже запрещались, но местные бюргермейстеры имели право разрешать их в отдельных случаях. Так как обращавшиеся за разрешением аборта, как правило, были беременны от случайных связей, часто — от немцев, я считал необходимым разрешать аборт всем женщинам. Поэтому прием по этому вопросу поручил горврачу К. Е. Ефимову, а сам лишь подписывал приносимые им разрешения.

Начальник Смоленского района

В конце октября оберрат Грюнкорн спросил меня, не соглашусь ли я принять на себя по совместительству обязанности начальника Смоленского района, так как у них нет на виду никого подходящего для этой должности. На должности же волостных бюргермейстеров, если у меня нет своих кандидатур, можно бы назначить, тоже по совместительству, участковых агрономов крейсландвиртшафта. Я сказал, что ответ дам в следующий прием.

После консультации с Б. В. Базилевским, И. П. Райским и И. В. Репуховым было решено принять предложение Грюнкорна. Главной побудительной причиной к этому послужила надежда на использование нового поста для улучшения продовольственного положения города.

Назначение состоялось с 1 ноября 1941 года, но надежды наши не оправдались. Нагрузка моя по основной должности была очень велика, я сильно уставал, но то, что я чувствовал себя и в центре, и в курсе всей работы, что результаты ее становились зримыми, будь то освобождение из плена людей, восстановление построек, изгнание взяточников и т. п. — всё это приносило нравственное удовлетворение и вливало новые силы для дальнейшей работы.

Стать в такое положение в новой должности я не мог прежде всего уже потому, что не хватало времени. Побывать на месте в волостях, отстоявших

---

[1] Постановление ЦИК и СНК «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» от 27 июня 1936 г., предусматривало следующие репрессии: выполнившим аборт врачам — от 1 года до 2 лет тюрьмы, а лицам без специального медицинского образования — не ниже 3 лет; за понуждение женщины к производству аборта — до 2 лет, а самим женщинам — общественное порицание, а при повторении — штраф до 300 руб.

от Смоленска в 20–30 км, я не имел физической возможности, так как ехать должен был на лошадях, то есть тратить на каждую поездку по двое суток, а то и больше. В Красном Бору за 5 месяцев 1941 года я был два раза по воскресеньям 24 августа и 2 ноября. Но ведь Красный Бор находился только в 8 км от Смоленска и всё же поездка туда требовала целого дня.

Не бывая же на месте в волостях, не представляя зримо всей специфики их работы, я мог лишь формально, бумажно руководить их работой. Поэтому не удивительно, что сейчас я не могу даже восстановить, кто из 12 волостных старшин в какой волости (волость — бывший сельсовет) работал. Я помню волостных старшин С. Ф. Желковского, И. Пасника[1], А. П. Петрова[2], Московского, Тереховича, Фенягина, Галицкого, то есть 75 %, а остальных даже не могу себе представить.

Помню, что в районном управлении были отделы: административный — начальник И. В. Репухов, по совместительству, финансовый — начальник А. В. Василевский[3], по совместительству, здравоохранения — начальник К. П. Зубков[4], работавший до войны судмедэкспертом, освобожденный из плена по моему ходатайству, дорожный — кто начальник, не помню, судья Физиков, до войны юрисконсульт одной из смоленских хозяйственных организаций. Может быть, был еще какой-либо отдел, не помню.

Проводил я два раза совещание волостных старшин — 15 ноября и 7 января. Но всё это были разговоры «в общем и целом». Из конкретных дел по районному управлению я помню одно, относящееся уже к январю или февралю 1942 года. Старшина Катынской волости, фамилии не помню, но в первых воспоминаниях она указана, и секретарь этого волостного управления Калиник подали заявление об их немедленном увольнении. Я спросил о причинах этого — жмутся, но молчат. Обещал уволить;

---

1 Инженер-землеустроитель. По совместительству — зам. главного агронома крейсландвиртшафта.

2 До войны — юрисконсульт. В 1928 г. Б. Г. М. работал с ним в адвокатуре.

3 Василевский Алексей Васильевич, до войны — работник облпотребсоюза (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 15. Л. 29 об.).

4 Зубков Константин Петрович, до войны — судмедэксперт из Брянска, освобожден из плена по запросу Меньшагина. Во время оккупации — районный врач Катынской волости; донес на Черненко, врача Катынской больницы, указав, что она еврейка. Один из главных лжесвидетелей по Катынскому делу. В частности, он «показал», что летом (sic!) 1943 г. побывал в Катыни, видел разрытые могилы и с высоты откоса, образованного выброшенной землей, сделал уверенные выводы о том, что, первое, «массовый расстрел был произведен полтора — два года тому назад, то есть весной или летом 1942 г.» и, второе, веревки, которыми были связаны руки пленных, были витыми и бумажными, что указывало на их немецкое происхождение (*Лебедева, 2008*, со ссылкой на: ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 114. Д. 9. Л. 6–8). Свидетельствовал Зубков и против Меньшагина (см. Документ № 11).

ушли. Потом снова заходит секретарь Калиник и говорит, что их высекли по приказанию Катынского ортскоменданта майора Лотца.

Дело оказалось в следующем: в Катынской больнице работала врачом некая Черненко — еврейка, ставшая любовницей ортскоменданта майора Лотца. Когда районный врач К.П. Зубков объезжал расположенные в районе больницы, он узнал об этом и сообщил новому гарнизонному врачу Хампелю, а тот фельджандармерии. В Катынь приехал жандарм, забрал Черненко и отвез ее в гетто. Лотц был взбешен, сам поехал в гетто и увез Черненко с собой. Думая же, что инициатива описанных действий против Черненко исходила от местного волостного управления, приказал высечь волостного старшину и секретаря, что его солдаты и выполнили.

Я был возмущен, узнав об этом[1], и сразу же написал протест фельдкоменданту, указав, что я не считаю для себя возможным продолжать дальнейшую работу, если Катынский ортскомендант не будет наказан. В результате этого он был снят с этой должности и отправлен в строевую часть. Оба высеченных волостных работника переведены на те же должности в одной из волостей Смоленского района, взамен переведенных на их место.

Что же касается Черненко, то она куда-то исчезла, но зимой 1945 года я слышал от Н.Ф. Алферчика, что она работала в госпитале для русских солдат в городе Брауншвейге.

Лимиты на продовольствие и беженцы с востока

В декабре 1941 года нам был установлен жесткий лимит на получаемое от немцев продовольствие и сокращены нормы выдачи хлеба до 200 г на человека. Эта мера, а равно недостаток жилья, вынудили меня столь же жестко подходить к вопросу прописки в Смоленске новых лиц, в основном прибывавших сюда из деревень.

Уже с октября горуправление стало получать предписания ортскоменданта об освобождении от жителей то того, то другого жилого дома в разных частях города. Выселением занимались работники жилищного отдела, расселявшие выселяемых по соседним домам путем уплотнения их жильцов. С каждым месяцем число выселяемых росло. Однажды было получено предписание освободить от жильцов трехэтажный дом №26 по Музейной улице, где жило много народа — в основном сотрудники горуправления.

За несколько дней до этого ко мне заходил зондерфюрер ортскомендатуры М. Гессе, уроженец Риги, уехавший оттуда в 1939 году, хорошо говоривший по-русски. Он сказал мне, что ортскоменданту фон Балласко, когда

---

[1] Приходится, увы, отмечать, что донос Зубкова на Черненко не вызвал у Меньшагина соизмеримой реакции, хотя бы в мемуарах.

он был у меня, очень понравились подсвечники, стоявшие на моем письменном столе. Он просит его извинить за непрошеный совет — подарить эти подсвечники фон Балласко. Я был удивлен, так как ничего особенного в этих подсвечниках не видел, и сказал Гессе, что я не возражаю против того, чтобы подарить, но не представляю себе, как практически выполнить это. На это Гессе отвечал: «Пошлите курьера с подсвечниками в ортскомендатуру и всё». Когда он ушел, я вызвал И. В. Репухова и рассказал ему о разговоре с Гессе. Тот смеялся и вызвался сам отнести подсвечники, что и сделал.

И вот теперь я решил поговорить с фон Балласко, не отменит ли он свое распоряжение о выселении этого дома. Я пошел к нему с полученной бумагой о выселении, и только лишь начал Гессе переводить мои слова, как Балласко взял эту бумагу, разорвал ее и бросил в мусорную корзину. Таким образом оказалось, что подсвечники были отданы не напрасно.

Прощание с Грюнкорном

24 декабря оберрат Грюнкорн сказал мне, что, к большому его сожалению, он принимает меня сегодня в последний раз, так как весь 7-й отдел переведен в Могилев, куда они и уезжают 26 декабря. Я принял эту весть с искренним сожалением. Грюнкорн был интеллигентный человек, его обращение было безупречно, ко мне он относился хорошо, большинство наших просьб удовлетворялось. Инспектор Цицман, хотя недалекий, неплохой и услужливый человек. Зондерфюрер Гиршфельд всегда старался помочь чем мог. К русским относился с расположением, а у меня с ним установились приятельские отношения.

После каждого приема он приглашал меня к себе на квартиру, где угощал красным вином и рассказывал о новостях. Однажды он сказал: «Тебе, возможно, придется оставить свой пост. Правда, советник (то есть Грюнкорн) отстаивает тебя; не знаю, чем кончится это дело. И знаешь, кого хотят назначить на твое место?» — «Кого?» — спросил я. «Г-на Васильева», — отвечал Гиршфельд. Я очень удивился последнему и сказал: «Он же жулик!» Гиршфельд развел руками и добавил: «Зато у него рука в ставке фельдмаршала, где очень недовольны его увольнением».

Оккупационные газеты

В ноябре Пропаганда наложила руку на нашу типографию, устроенную в здании горуправления и на газету «Смоленский Вестник». Вместо нее стала выходить газета «Новый путь»[1]. Редактор ее остался прежний —

[1] См. ответ редколлегии на письма недовольных этим переименованием (НП. 1941. № 16. 7 декабря. С.4).

К. А. Долгоненков; также и остальной штат, но руководил ею зондерфюрер доктор Шюле, бывший пресс-атташе Германского посольства в Москве[1].

Под этим же названием — «Новый путь» — издавались газеты в Витебске, Бобруйске, Клинцах и, вероятно, в других городах, а также иллюстрированный журнал в Риге. Все они были на один образец, очень серенькие, лучше других была газета «Речь», издававшаяся в Орле[2]. Она все-таки имела свое лицо, в ней попадались интересные материалы. Подписывал ее главный редактор «дипломированный инженер» Михаил Октан[3]. Вызывало некоторое удивление как эта подпись, так и попадавшиеся в газете сообщения о самом Октане: например, выехал в отпуск в Одессу и т. п. С февраля 1942 года комендатура присылала мне периодически пачки газет, выходивших в тыловой области Mitte. Иногда бывала и берлинская русская газета «Новое слово»[4].

Визит генерала фон Шенкендорфа

Однажды, возвращаясь с приема в комендатуре, в ноябре 1941 года, я с удивлением увидел в подъезде горуправления несколько немецких жандармов, никого не пускавших в здание. Я был пропущен лишь после предъявления служебного удостоверения. У себя в кабинете я обнаружил Б. В. Базилевского, разговаривавшего с толстым старым генералом. Было еще несколько немецких офицеров, в том числе знакомый мне лейтенант Р. Вагнер в качестве переводчика.

---

1 В Смоленске — руководитель Отдела пропаганды. В мемуарах бывшего начальника берлинского отделения ТАСС в 1939–1941 гг. Шюле назван московским корреспондентом Германского информационного бюро (Deutsche Nachrichten Büro) (*Филиппов И. Ф.* Из записок о Третьем Рейхе. М.: Международные отношения, 1970. С. 173; URL: http://zhistory.org.ua/zap3r1.htm).

2 Оккупационная газета «Речь» издавалась Орловским городским управлением. Ее главным редактором был Михил Илинич (Октан), а ближайшим сотрудником Владимир Соколов (Самарин). Вопреки лестной оценке Меньшагина, «Речь» выделялась всё же иным — не столько уровнем материалов, сколько их зашкаливающим антисемитизмом.

3 См. о нем в наст. изд., с. 74–75.

4 «Новое слово» — пронацистская иллюстрированная газета русской эмиграции. Издавалась в Берлине в 1933–1944 гг. Редактор-издатель — Владимир Михайлович Деспотули. Периодичность — 1–2 раза в неделю, объем — 8 полос; с апреля 1944 г. — 6 полос. Всего вышло не менее 642 номеров. Большую часть политических и литературных материалов составляли агитационные статьи и рассказы антибольшевистской и антисемитской направленности. Распространялась в Германии и на оккупированных территориях Европы и СССР. От других коллаборационистских газет отличалась более высоким литературным уровнем, среди ее авторов — Иванов-Разумник, С. Голлербах, И. Шмелев, Б. Филистинский (Филиппов) и др. Редактором шахматного отдела в 1943–1944 гг. был А. Алехин.

Оказалось, что это главнокомандующий тыловой области Mitte генерал от инфантерии фон Шенкендорф[1] посетил горуправление. Базилевский представил ему меня; он задал несколько каких-то вопросов, помню лишь, что он неоднократно повторял: «Население надо кормить!» Я пытался пожаловаться на то, что с кормежкой этой обстоит дело плохо, но от него, кроме повторения этой фразы, ничего добиться не мог. Затем Шенкендорф вместе со мною обошел все отделы горуправления, простился и отбыл. Больше я его не видел; слышал, что он умер в Могилеве в 1943 году.

Оберрат Рот

2 января 1942 года я познакомился с заменившим Грюнкорна оберратом Ротом, переведенным в Смоленск из Бобруйска. Это был совсем другой человек, чем Грюнкорн, полная ему противоположность. Тот был во всем аккуратен, начиная от точного соблюдения времени приема и до распорядка на своем письменном столе; этот совершенно безалаберен во всем, никакие правила не соблюдались, на столе — хаос. Тот был всегда не только вежлив, но и любезен; этот ворчлив, с другими людьми не считался совсем. Тот в работе был систематичен, у него всё было подготовлено, и разговор с ним проходил без всяких задержек и отклонений; этот в разговоре перескакивал с одного предмета к другому, затем опять возвращался к первому, одно и то же повторял десятки раз.

Комендатура теперь стала называться не фельдкомендатурой, а штандортскомендатурой. Ее возглавлял генерал-лейтенант Дёнике. Ортскомендатуры тоже не стало.

Я сначала ходил туда, как было заведено при Грюнкорне, 3 раза в неделю к 9 часам. Прихожу в кабинет Рота. Тот сидит за столом, вроде ничего не делает. Здороваюсь, в ответ: “Guten Tag, Bürgermeister, guten Tag”. Встает, подходит к железной печке-«буржуйке», начинает подбрасывать дрова. Я сижу на стуле за столом, он сидит на корточках около печки: молчим. Переводчика нет. Проходит минут 15–20. Наконец, он встает и говорит: “Ein Moment, Bürgermeister, ein Moment“. Уходит, я жду. Минут через пять возвращается, садится за стол, начинает рыться в бумагах, кричит: “Dolmetscher!” Тот является из соседней комнаты, обменивается с Ротом какими-то словами, уходит. Рот роется в бумагах, я всё жду. Наконец, Рот кричит: “Dolmetscher!” Приходит переводчик, и Рот, обращаясь ко мне, говорит: «Сейчас зима, идет снег, снега много, снег надо чистить, население должно чистить снег; немецкие машины должны ездить, поэтому снег надо чистить». Я говорю, что снег мы чистим, что много сделано об этом распоряжений по городу, и жители чистят дороги. Но он

[1] См. о нем в наст. изд., с. 29.

снова начинает: «Сейчас зима, идет снег...» и далее в точности повторяет первую фразу — и так раз пять. Второй предмет его разговоров — выселение жителей из домов, предназначенных для войск, — и опять так же нудно и по несколько раз. Затем идут речи о беженцах и о сыпном тифе. Но до последнего доходит дело в редких случаях, так как звонит звонок на обед. Рот быстро вскакивает, говорит: “Nach Mittag, Bürgermeister” — и уходит. Я, в состоянии сильного раздражения, тоже ухожу к себе. Полдня у меня пропало; меня ждут и работники управления, и посетители; мне надо решать много серьезных вопросов, а я уже издерган, сердит.

Так, без каких-либо вариаций продолжалось приема 3–4, а потом я решил вовсе не ходить на прием. Всё равно ни одного вопроса, имеющегося у меня, я не имел возможности даже задать; поэтому перешел на письменные сношения исключительно. Письмо поступает в их канцелярию и, хотя с опозданием, но ответ на него обязательно будет; слушать же глупую болтовню, а главное, понапрасну терять время не нужно.

Иногда Рот присылал за мной солдата, но это бывало не раньше 11 часов; в 12 часов у них обед, и я уходил. После обеда, хотя дело осталось не решенным, а оставлено “nach Mittag”, я не шел, ожидая солдата. Посылали же его не раньше пяти часов, в семь же часов ужин, и Рот вскакивал так же оживленно, как и на обед. Единственное спасенье было в том, что вспоминал обо мне Рот редко.

Зима 1942 года была очень суровой, морозы в январе стояли большие и в то же время снегопады были частые, так что снега было много и жителям часто приходилось подниматься спозаранку и очищать улицы для проезда автомашин. В Смоленске первоначально осуществление этого дела было возложено на уличных комендантов, которые привлекали к работе жителей домов их участка, не занятых работой в горуправлении, его предприятиях или у немцев. Но с каждым днем это становилось труднее, представляемые комендантом списки не являвшихся на работы увеличивались. В подавляющем большинстве это были женщины, их вызывали ко мне; я делал им предупреждение, при повторении назначал принудительные работы дней от двух до пяти, но всё это помогало мало; я видел, что что-то надо придумать другое.

В это время оберрат Рот прислал за мной солдата, а когда я пришел к нему, заявил, что для постоянной связи с городским управлением назначен их представитель кригсферальтунгсасессор Бок. После этого он крикнул: “Asessor”, и в комнату вошел чернявый человек, лет 30, с погонами капитана. Это и был асессор Бок. Рот представил нас друг другу, и на этом наши отношения с ним в этот день закончились. Рот же сказал мне, что он пришлет ко мне одного молодого человека и чтобы я побеседовал с ним. Кто это и зачем и о чем мне нужно беседовать с ним, Рот не сказал, а я, желая поскорее отделаться, не стал спрашивать.

Гандзюк

Действительно, в этот день ко мне пришел Георгий Яковлевич Гандзюк, пояснивший, что он русский, 1910 года рождения, мальчиком был вывезен родителями из Одессы при отступлении белых. Проживал с матерью до 1941 года в Праге в Чехословакии, имеет высшее юридическое образование (последнее он сказал, услышав от меня, что я юрист) и незаконченное высшее техническое. Приехал сюда из патриотических побуждений, желая служить русскому народу; что является членом НТСНП и руководителем ее смоленской группы. Закончил Гандзюк заявлением, что он хотел бы поработать в горуправлении[1].

Я одобрил это намерение, но ничего конкретного не предложил, так как вакансий у меня в штате не было, и, кроме того, я хотел узнать намерения Рота. Тот на следующий день снова прислал за мной и спросил, видел ли я Гандзюка и понравился ли он мне. На мой утвердительный ответ Рот сказал: «Мы хотим, чтобы он работал вашим заместителем. Он человек молодой и будет хорошо помогать вам». Я был несколько удивлен таким оборотом дела и заметил, что у меня есть заместитель профессор Базилевский, начавший работать с первых дней оккупации, почему его смещение я бы считал несправедливым. Рот на это заявил: «Ну и пусть работает, хотя помощи вам от него мало, а Гандзюк тоже будет заместителем». Я согласился с этим, и назначение Гандзюка состоялось.

Когда он снова явился ко мне, я объявил ему о назначении моим заместителем и сказал, что я возлагаю на него непосредственное руководство тремя острыми в данный момент вопросами: очисткой улиц от снега, выселением населения в деревни и беженцами, прибывающими в Смоленск с востока[2].

Должен сказать, что если выделение в 7-м отделе комендатуры специального лица для связи с городским и районными управлениями асессора Бока мало что изменило в сложившемся после замены Грюнкорна Ротом положении вещей, так как Бок был типичный чиновник-бюрократ среднего ранга, признававший лишь бумажную переписку, то назначение Г.Я. Гандзюка, происшедшее 22 или 23 января, оказалось очень кстати, так как с 26 января я заболел. У меня открылся карбункул, 27 января

---

[1] Гандзюк Григорий Яковлевич (27.08.1910, Смоленск — 08.02.1998, Монтерей, Калифорния, США). В Смоленске женился на 20-летней Калерии (1922–2014). Сын генерал-майора Я.Г. Гандзюка (1873–1918(?)), преемника гетмана Скоропадского. С 10-летнего возраста в Германии, дипломированный инженер и юрист (*Пархомчук Т.* Независимость Украины в 1918 году мог спасти всего один эскадрон // Zn.ua. 2002. № 12, 28 марта — 5 апреля)

[2] См. Документ № 4.5, раздел «Обеспечение беженцев».

вечером температура была 39°, и с 28 января по 1 февраля включительно я провел в постели. Дни же эти были очень горячие, и Гандзюк с успехом заменил меня. Правда, он ежедневно, как и ряд других работников горуправления, бывал у меня, докладывал о проделанной работе, получал мои советы и указания.

В свою очередь Г.Я. Гандзюк подал вполне оправдавший себя совет организовать особый аппарат для очистки города, включить в его штат всех привлекаемых сейчас к очистке с установлением для них рабочего дня в 4 часа (вместо нормальных 8) и с уплатой им 50 % ставок разнорабочих; одновременно они снимались с учета немецкой биржи труда. Таких рабочих было несколько сот.

Начальником этого отдела очистки был назначен явившийся после выздоровления инженер Владимир Викторович Мочульский, о котором я выше писал. Город был разделен на три района, ответственность за очистку каждого нес техник, в распоряжении которого были десятники, непосредственно руководившие рабочими по очистке. Конечно, это обходилось нам дорого, по предложению Г.Я. Гандзюка был взят даже заем в рейхскредиткассе для оплаты этих работ; но зато в этом деле наступил порядок, резко сократилось число уклоняющихся, а, следовательно, и мне не нужно было прибегать к наказаниям. Кроме того, это давало благовидное основание нашим ходатайствам об освобождении пленных. В общем вопрос об очистке уже в начале февраля потерял свою остроту, работа нового отдела вошла в нормальную колею, и мне больше почти не приходилось заниматься им.

Расселение и беженцы

Второй мучивший нас в эту зиму вопрос был связан с получением письма из комендатуры, кажется, от 10 января, подписанного самим комендантом генерал-лейтенантом Дёнике о выселении из Смоленска излишнего населения и размещении его в деревнях Смоленского района. Мера эта мотивировалась потребностью в жилых помещениях для расквартирования войск. Я уже писал, что еще с октября 1941 года к нам начали поступать требования комендатуры об освобождении от жителей то того, то другого дома.

В новом году эти требования возросли, ставя нас в исключительно трудное положение. Тогда я прибег к такой выдумке: приказал на доме, подлежащем освобождению, наклеивать надпись на немецком языке: «В доме больны тифом». В частности, мы это проделали на Краснинских улицах, которые должны были быть полностью освобождены от гражданского населения. Эта уловка имела полный успех: немцы не хотели и близко подходить к домам с такой надписью.

К этому времени я уже постиг, что немцы испытывают какой-то священный трепет перед каждой «бумагой». Papier[1] для них всё. Проверить правильность документа им не приходило в голову. Я почти четыре года и в разных условиях общался с немцами и ни разу не видел, чтобы кто-либо из них усомнился в документе. В отношении выселения в деревни я, по получении письма об этом, обратился к населению с призывом: «Кто имеет возможность пожить в деревне, добровольно переехать туда, причем транспорт для переезда будет предоставлен с места назначения после того, как желающие уехать сообщат в жилищный отдел, куда они хотят ехать». Таких добровольцев нашлось очень немного.

Рот всегда, когда видел меня, наряду с очисткой дорог, поднимал и этот вопрос, по несколько раз повторял, что войскам нужны квартиры, что жить им вместе с гражданским населением нельзя, поэтому они должны быть выселены и т.д. Я отговаривался кое-как, но так как видел я Рота довольно редко, то время шло, а дела с выселением оставались в прежнем положении.

Однажды утром, приехав в горуправление, я увидел большую группу работников, стоявших перед входом в него, на мой вопрос, что случилось, мне сказали, что солдаты заняли помещение. Я зашел и сразу же увидел лошадей, стоявших в коридоре нижнего этажа. Я сейчас же поехал в комендатуру. Зондерфюрер Гессе, когда услышал об оккупации солдатами здания горуправления, отправился со мной и выгнал солдат с их лошадьми из здания.

Третий вопрос, находившийся в центре наших отношений с комендатурой, — вопрос о беженцах. Первые одиночные беженцы появились у нас еще в декабре 1941 года — это были архимандрит Серафим Клинков[2] и отец Тихон (фамилию забыл)[3] из Вереи Московской области, а также

---

[1] Бумага (*нем.*).

[2] Архимандрит Серафим (в миру Григорий Юрьевич Климкóв, в схиме Даниил (1893–1970), иеромонах РПЦ, деятель так называемого «иноческого братства князя Даниила (непоминающих)». Архимандрит с 1927 г., с того же года — в ссылке на Сев. Урале; по возвращении в 1936 — в Киржаче, а с 1937 — на нелегальном положении в Верее, где и был застигнут оккупацией. При отступлении немцев попал в Смоленск, откуда уехал на родину — в Закарпатье; до прихода Красной армии в сентябре 1944 г. служил в с. Битля под Дрогобычем. В ночь с 25 на 26 мая 1945 г. арестован и 30 декабря того же года осужден к 10 годам ИТЛ. Сидел под Красноярском, освобожден в 1956 г.

[3] Архимандрит Тихон (Баляев Сергей Георгиевич; 1895–1952), иеромонах РПЦ, с 1929 — наместник Данилова монастыря. В 1930 г. арестован и сослан в Уфу. Архимандрит с 1934 г. С 1937 г. — на нелегальном положении в Верее, где и был застигнут оккупацией. При отступлении немцев попал в Смоленск, откуда вместе с архимандритом Серафимом уехал на его родину в Закарпатье. С 1945 г. — в Глинской пустыни Сумской области, затем полузатворником в Харькове.

Ю. Н. Алексеевский[1] и инженер Коренев из Калинина, причем Алексеевский был там заместителем бургомистра. Они просили, за исключением Алексеевского, об устройстве их в Смоленске, и я устроил священников в собор, а Коренева в отдел горархитектора.

Но в первых числах января число беженцев стало быстро расти. Прибывали люди из Калинина, Ржева, Рузы, Можайска и восточной части Смоленской области. Среди них были и принадлежавшие к администрации этих городов и рядовые граждане. Все они требовали в первую очередь крова и пищи, затем стоял вопрос об их дальнейшей судьбе: часть желала остаться в Смоленске, часть — ехать дальше на Запад. Всё это очень увеличило нашу работу.

Как раз в один из таких горячих дней ко мне пришел В. В. Брандт, старый эмигрант из Варшавы, приехавший сюда, как он говорил, «послужить родному народу». Он спрашивал меня, не может ли он быть чем-либо полезен на городской службе, причем согласен на любую работу. Я предложил ему заняться беженцами. Он согласился и был назначен начальником специально организованного отдела по обслуживанию беженцев. Работа эта была очень тяжелая и неблагодарная, притом опасная для здоровья, так как беженцы прибывали с большим количеством вшей, и надо сказать, что В. В. Брандт отдавал этой работе всю душу. Он проявил себя хорошим организатором, не считался со временем, проявлял и всегда с пользой свою инициативу.

Были организованы два общежития: по Лермонтовской улице вблизи вокзала и в Строительном городке по Костельной улице (там же санпропускник, совмещавший бани с дезинфекционной камерой), налажено бесперебойное получение продуктов от комендатуры сверх нашего лимита специально для беженцев. В последнем деле достойным партнером Брандта был зондерфюрер Э. Розенвальд, из Прибалтики, бывший офицер старой русской армии. Работой В. В. Брандта я был очень доволен. Числа 9 марта вечером он был у меня с докладом о работе и среди нашего разговора вдруг потерял сознание. Его на моей лошади отвезли домой. На следующий день врач у него нашел тиф, и через день он умер. В. В. Брандт был религиозный человек и на деле выполнил заповедь Христову: душу свою положил за други своя! Вечная ему память!

Поток беженцев прекратился в марте. Сменивший Брандта на должности начальника отдела Цветков, до войны учитель одной из смоленских школ, проработал очень недолго: еще в марте он заболел тифом

---

[1] Алексеевский Ю. Н. — вице-бургомистр Калинина во время оккупации. Затем начальник Борисовского округа (в Борисове проживала его семья). Глава Смоленского окружного управления после ухода с этой должности Островского и Никитина.

и вскоре умер. Его преемник Е. И. Белявский[1], тоже в прошлом учитель, только начав свою работу, заболел тифом. Но он оказался счастливее — выздоровел.

Кроме массы беженцев, ютившихся в наших общежитиях, переболевших в значительной своей части тифом, питавшихся бесплатно за счет комендатуры, находившихся в большой нужде, была еще небольшая привилегированная группа беженцев из состава администрации городов, оставленных немцами зимой 1941 года после поражения под Москвой. Они находились в непосредственном ведении 7-го отдела комендатуры. Там они получали различное довольствие по немецким военным нормам, включая и спиртные напитки. Жили они на квартирах, предоставленных им комендатурой в домах, освобожденных нами по ее требованию.

Иногда они приходили к нам, но не с просьбами, а с требованиями. Я в большинстве им отказывал, так как мы сами не имели того, чего хотелось им. Вообще их положение было лучше нашего, так как мы получали лишь жалкий паек, обед из двух блюд и зарплату по ставкам, установленным для соответствующих должностей в довоенное время и больше ничего. Прежнее личное имущество у очень многих из нас сгорело, и мы пользовались вещами, оставленными жителями, выехавшими из города до его оккупации. Часть этих вещей находилась у нас на складе, и я давал их нуждающимся, но экономно, стремясь помочь возможно большему числу лиц.

Эти же люди (привилегированные беженцы) хотели, чтобы у них был полный комфорт, а до других им дела не было. Поэтому отказ в удовлетворении их чрезмерных требований вызывал недовольство мною. Не обошлось здесь и без зависти к смолянам вообще и ко мне в частности. В итоге, между большей частью этой группы и мною создались натянутые отношения обоюдного недовольства.

Но и сама эта группа не была единой, а подразделялась на две: группу бывшей администрации Калинина во главе с его бургомистром В. А. Ясинским[2] и группу всех остальных, за исключением бывшего бур-

[1] Позднее (или одновременно) — зам. начальника отдела социального обеспечения горуправления.

[2] Ясинский Валерий Абросимович (Амвросиевич; 1895(1898?) — ок. 1966), бывший штабс-капитан армии Колчака, награжденный британским орденом. В 1935 г. был выслан из Ленинграда в Казахстан, с февраля 1941 г. в Калинине. С 25 октября по 15 декабря 1941 г. бургомистр Калинина. Вместе с отступившими немцами переместился в район Ржева и Сычевки, занимался борьбой с партизанами. С января 1942 г. в Смоленске, инспектор 7-го отдела полевой комендатуры. 13 апреля 1942 г. встречался в Берлине с А. Розенбергом. Бургомистр в Лепеле и Гомеле. Кавалер ордена Железного креста 2-й степени, выпускник школы пропагандистов РОА в Дабендорфе. Арестован в 1945 г. англичанами в Петерхагене и отпущен на свободу. До 1958 г. жил в Германии, затем в Австралии. См. о нем: *Федоров Е.*

гомистра Тарусы (тогда Тульской, ныне Калужской области) А. Н. Колесникова[1], примкнувшего к калининцам.

Вторжение. Плененный город // Тверская жизнь. 2001. 13 ноября. (Приходилось слышать такую легенду: Евгений Степанович Федоров (1925–2007), бывший следователь КГБ и автор этой и нескольких других заметок, посвященных оккупационному режиму в Калинине, вместе с Георгием Васильевичем Харитоновым (ок. 1950 — 2009), тверским журналистом, написали об этом целую книгу. Денег, обещанных на ее издание, областная Торгово-промышленная палата так и не нашла, а пока искала — оба автора умерли. Первичные материалы к книге близкие Федорова передали в Ржевский музей, откуда их изъяли, — так я слышал, — бывшие коллеги Федорова по спецслужбе. В общем, со всех сторон грустная история!)

[1] Колесников Александр Николаевич (1891–1958), литератор, юрист и церковный деятель. В 1915 г. окончил юридический факультет Московского университета; оставлен при кафедре административного права; в 1918–1920 гг. доцент по кафедре полицейского, затем — государственного права, секретарь юридического факультета Иркутского университета; в 1920-х — 1927 г. профессор права Московского университета, автор статей и монографии по советскому строительству. В 1932 г. изгнан из университета, арестован в 1934 г., освобожден по окончании срока в начале 1938 г. Далее в автобиографии, написанной в 1950 г. для IRO (International Refugee Organization), Колесников изложил вымышленные факты своей жизни: к концу 1938 г. он якобы бежал в Польшу, жил у одного священника в Ракове (с 1939 г. — в составе СССР), затем переехал в Вильно, удалился в православный монастырь, стал монахом. И в монастыре пережил оккупацию в Латвии (sic!), служа в 1942–1944 гг. секретарем епископа Стефана. Вместе с ним был принудительно вывезен в Берлин. В 1944–1945 гг. подрабатывал на кухне ресторана в г. Герфорд (Вестфалия). Затем — обитал в разных дипийских лагерях, преподавал историю (https://digitalcollections.MCP-arolsen.org/03020104/name/pageview/6148226/6327335). В реальности же — по освобождении в начале 1938 г. из заключения смог прописаться в Тарусе. При кратковременной ее оккупации, с 24 октября до 19 декабря 1941 г., — бургомистр. После освобождения Тарусы бежал сначала в оккупированный Ржев, а оттуда в Смоленск, где работал в отделе пропаганды местной комендатуры, потом — начальником административного отдела окружного управления и, наконец, председателем Смоленского Окружного суда. Автор-составитель религиозной литературы — молитвенника и православного календаря, выпущенных в Смоленске. Утверждение Меньшагина о том, что Колесников входил в причт Успенского собора, но был им уволен, несколько странно, ибо духовным лицом Колесников не был: впрочем, он мог и пономарить, т. е. прислуживать во время богослужений. В печати на оккупированных территориях выступал под псевдонимом «проф. Мариинский» (от Мариинских лагерей, где отбывал срок). В 1948 г. в лагере для перемещенных лиц в Ганновере выпустил книгу «Тайновидец будущего: Откровение св. Иоанна Богослова и путь к его пониманию» (под псевдонимом «проф. А. Марлинский»; 2-е, исправленное и дополненное, изд. вышло в Джорданвилле в 1962 г., посмертно). В 1951 г. переселился в США. Священник Русской православной церкви за рубежом, хиротонисан в 1953 г. во диаконы, а в 1954 г. — в иереи. Служил в Сиракузах (штат Нью-Йорк), преподавал в семинарии в Джорданвилле.

Оберрат Рот, относившийся к нам и к нашим нуждам с полным безразличием, очень благоволил и заботился об этих калининских и других беженцах. Однажды он спросил меня — кто охраняет наши предприятия: «Сторожа», — ответил я. «Так нельзя, теперь война, и охрана должна быть военизированной. Вам надо организовать отдел по охране предприятий, во главе которого мы рекомендуем поставить бургомистра города Старицы — Демченко[1], а его заместителем заместителя этого бургомистра (фамилию я забыл)».

В тот же день оба они явились ко мне и были назначены. Их задачей было установить объекты, подлежавшие охране, количество постов и подобрать штат из беженцев, как говорил Рот. Новый начальник начал с того, что попросил аванс на расходы. Я дал в размере $^1/_4$ суммы, которую он просил. После этого недели две я не видел их совсем и забыл было о них. Когда же вспомнил, приказал вызвать Демченко ко мне и потребовал отчета в проделанной за это время работе. Оказалось, что они ее и не начинали. Поэтому я уволил их обоих. Вскоре после этого Рот устроил назначение Демченко начальником Кардымовского района.

Тверского бургомистра В.А. Ясинского я увидел месяца через два после его приезда в Смоленск, когда он был назначен инспектором по гражданским делам при 7-м отделе Смоленской комендатуры районов Смоленской области: Смоленского, Кардымовского, Глинковского, Починковского, Монастырщинского, Краснинского, Руднянского и Касплянского. Город Смоленск к ведению этой инспекции не относился.

Новые начальники района

9 марта я снова заболел: появился новый карбункул со многими корнями, сопровождаемый очень высокой температурой. Теперь меня лечил главврач 1-й больницы Е.И. Неверович[2] (в первый раз лечил К.П. Зубков). Как и в первый раз, у меня бывали с ежедневными докладами Г.Я. Гандзюк и мои секретари — Е.К. Юшкевич и А.А. Симкович, навещали — Б.В. Базилевский, К.Е. Ефимов, П.С. Наумов, В.И. Космовский, В.И. Мушкетов.

---

1 Старица была под оккупацией между 12 октября 1941 и 1 января 1942 г. По другим сведениям, бургомистром Старицы был адвокат Ушаков (см.: http://st-vestnik.ru/vazhnaya-tema/skorbnaya-data-12-oktyabrya-1941-goda-starica-byla-okkupirovana-fashistskimi-zaxvatchikami.html).

2 Неверович Евгений Иосифович, до революции коллежский асессор и хирург губернской земской больницы. В годы Первой мировой войны главврач лазарета губернского земства, в 1917 г. врач больницы Смоленского исправительного отделения и временной каторжной тюрьмы.

16 марта я смог уже приступить к работе, и под вечер в этот день меня посетили оберрат Рот и асессор Бок. После вопросов о здоровье Рот сказал мне, что решено отделить районное управление Смоленского района от горуправления и что начальником района, вместо меня, назначается В. М. Бибиков[1]. Я был очень доволен этим сообщением, так как то, что я занимал должность, по которой очень мало что мог сделать, тяготило меня.

Владимир Михайлович Бибиков, в прошлом офицер старой армии в чине ротмистра, в связи с чем ему пришлось при советской власти некоторое, кажется, непродолжительное, время побыть в заключении. В предвоенное время он жил в Калинине и работал художником. После оккупации города немцами стал начальником городской полиции. В Смоленск прибыл вместе с Ясинским. Ко мне для принятия дел явился 17 марта, когда я его впервые и увидел. Сдача-прием закончилась в тот же день, а официальная передача была назначена на 21 марта. В этот день в зале горуправления собрались все волостные старшины, прибыл оберрат Рот, начальник инспекции В. Я. Ясинский, которого я здесь впервые увидел.

Собрание открыл Рот, сообщивший о перемене в районном руководстве. Он выразил от имени комендатуры благодарность мне за работу в районном управлении и представил собравшимся нового начальника района В. М. Бибикова. Затем выступил В. А. Ясинский. Его выступление и сам он оживили в моей памяти образ А. Ф. Керенского, когда-то претендовавшего на роль правителя Российской империи. Похож на него Ясинский был и внешними приемами — приподнятая, порой истеричная речь, позерство — и внутренней своей сущностью — самовлюбленностью, упоением данной минутой без оглядок на прошлое и проникновения в будущее, а в то же время — нравственной трусостью, неспособностью к самостоятельным решениям в ответственный момент. От всей фигуры Ясинского, ото всех его слов веяло какой-то несерьезностью, легкомыслием.

Сообщив волостным старшинам, что он является начальником гражданской инспекции при комендатуре, Ясинский с неестественными выкриками заявил, что он не потерпит никаких нарушений установленного порядка и, повернувшись к Бибикову, закричал: «Ротмистр! Если вам станет известно о каких-либо нарушениях порядка во вверенной вам работе, вы должны немедленно доложить об этом мне», — на что Бибиков, вскочив с места и вытянувшись, как по команде «Смирно!», ответил: «Есть доложить, господин подполковник».

---

[1] Бибиков Владимир Михайлович, художник, уроженец Саратова, бывший ротмистр. В Калинине проживал как административно-высланный. Во время оккупации — начальник полиции в Калинине, после освобождения города служил в Ржеве, Смоленске и Борисове. К обязанностям бургомистра Смоленского района приступил 16 марта 1942 г. После войны был убит в лагере для ДиПи (см. о нем: *Федоров Е.* Вторжение. Стражи «нового порядка» // Тверская жизнь. 2001. 21 декабря).

Всё это носило характер явного фарса, вызывавшего не только смех, но и презрение. Я никогда не любил болтунов, подменявших дело громкой, эффектной фразой, а Ясинский был именно человеком фразы. Это вполне подтверждает и второй случай моего с ним соприкосновения. На вечер 11 апреля я получил от него письменное приглашение «пожаловать в помещение инспекции на открытие офицерского собрания».

За этой напыщенной и, по существу, лживой фразой стоял реальный факт — открытие столовой для сотрудников инспекции и районного управления. Факт этот неплохой, даже хороший; я тоже старался обеспечить столовыми и горуправление и его предприятия и радовался, если это удавалось. Но при чем здесь «офицерское собрание»?

А дело в том, что Ясинский играл, присваивая прибывшим с ним тверским сотрудникам в виде клички чины, якобы имевшиеся у них в старой русской армии. Так, себя он называл и подписывался «подполковником», Бибиков был у него «ротмистр», Н. Г. Сверчков — «корнет», Тебеньков[1] — «поручик», Ростов — «штаб-ротмистр». Я вполне допускаю, что эти люди, кроме Ясинского, в свое время имели эти чины, но с того времени прошло 25 лет, и, действительно, Н. Г. Сверчков обижался, когда Ясинский называл его корнетом. Что же касается самого Ясинского, то присвоенного им себе чина «подполковника», он, родившийся в 1898 году, никак не мог иметь, так как в 1917 году ему было лишь 19 лет: может быть, прапорщиком он и был, но подполковником во всяком случае не был.

И вот этот явный самозванец и авантюрист, бездельник и болтун, пользовался и у Рота и даже в штабе генерала Шенкендорфа большим авторитетом. Я объяснял это тем, что Ясинский часто приглашал к себе этих лиц и угощал их полученными от них же продуктами и выпивкой. Имело значение, конечно, и то, что немцы не умели различить правду и вранье, и болтовню Ясинского принимали за чистую монету.

12 апреля в воскресенье Ясинский устроил в нашем зале собрание волостных старшин и «представителей» сельского населения; были приглашены и многочисленные немцы, а из горуправления в качестве гостей я и Г. Я. Гандзюк. Повестка дня: принятие адреса с благодарностью рейхсминистру по делам восточных областей А. Розенбергу за роспуск колхозов[2]. Не помню, кто зачитал адрес, его единогласно приняли и избрали делегацию во главе с В. А. Ясинским (кто был с ним, не помню) для передачи адреса самому Розенбергу. После чего Ясинский уехал в Берлин на две недели.

---

[1] Инспектор 7-го отдела комендатуры.

[2] Имеется в виду указ Розенберга от 27 февраля 1942 г. о введении на оккупированной территории так называемого «нового аграрного порядка», отменявший колхозный строй, но лукавым образом, без изменения отношений землепользования.

Сыпной тиф

Теперь вернемся назад. Я уже неоднократно упоминал, вспоминая зиму 1941–1942 гг. о сыпном тифе. Серьезная вспышка его относится к январю 1942 года, когда обстановка для него была самая благоприятная: уменьшение с 15 декабря 1941 года хлебной выдачи до 200 г; скученность в результате занятия немцами многих домов, занимавшихся ранее гражданским населением; отсутствие бани, отобранной в октябре немцами, и самое главное — наплыв беженцев, привозивших с собой вшей, а с ними и тиф.

Кульминация тифа имела место в марте, я уже писал, что в этом месяце заболели тифом и умерли начальники отдела беженцев В. В. Брандт и Цветков. Тогда же заболел их преемник Е. И. Белявский, городской архитектор И. П. Райский, санитарный врач Г. В. Никольский, несколько позднее — моя секретарь Е. К. Юшкевич и мать второго секретаря Симкович. Я лично обнаруживал во время приемов вшей, ползавших по моему письменному столу. Но сам я, как и в Гражданскую войну, когда окружавшие меня заболевали тифом, так и теперь оказался к нему невосприимчивым.

Наша инфекционная больница была полна тифозных. Были случаи заболевания тифом ее врачей. Значительной была и смертность. Немцы очень боялись тифа, чем мы, насколько могли, пользовались: я уже писал, что под предлогом тифа удалось избавить от выселения много домов, особенно по Краснинским улицам. Затем получили при помощи гарнизонного врача Хампеля значительное количество стекла под предлогом того, что в инфекционной больнице от советской воздушной бомбардировки были разбиты стекла в окнах. Количество разбитых стекол при этом мы сильно завысили. В мае эпидемия тифа стала спадать и заглохла[1]. Зимой 1942–1943 гг. были отдельные, редкие случаи заболевания сыпным тифом, но эпидемического характера они не носили.

Бомбежка 23 февраля 1942 года и пожары

Ужасное впечатление оставили результаты советской воздушной бомбардировки вечером 23 февраля 1942 года. Я был еще в управлении, когда часов в семь вечера дана была воздушная тревога. Продолжалась она недолго. Утром же 24 февраля я узнал, что бомбами разрушены все дома по улице Разина (быв. Тарасова) и на Рачевке и есть много человеческих жертв. Я сразу же вместе с Г. Я. Гандзюком выехали на место. На углу этой улицы и улицы М. Горького немцы выставили караул, никого не пропускавший

---

[1] См. Документы № 4.5 и 5.1.

на пострадавшую улицу. Когда Гандзюк сказал по-немецки, что едет бюргермейстер, мы были пропущены. В начале улицы лежали прикрытые брезентом трупы трех немецких солдат. Улица эта короткая, упирается в Днепр. На ней было шесть–семь небольших деревянных домиков, от которых осталась только куча щепы да разбитых печных кирпичей. Сзади домиков были садики; многие деревья там были сломаны, а на одной яблоне на ветвях висел полуголый труп молодой женщины, головой вниз. Это была ужасная картина. Погибло там человек 30 русских, в том числе заведующий овощным складом горуправления.

По трагическим последствиям это была самая тяжелая из воздушных бомбардировок за все время оккупации. 2 марта в 11 часов вечера я ложился спать и только что выключил электросвет, как раздался оглушительный взрыв и страшный грохот продолжался некоторый промежуток времени. Я хотел выйти на двор посмотреть, что делается, включил свет, но его уже не было. Впотьмах я выбрался на двор, но снег там оказался черным. Утром выяснилось, что две авиабомбы упали на Старо-Рославльской улице, как раз перед нашим домом. Одна бомба попала в наш двор и две в сад, где вырвали с корнем две яблони. В доме, в комнате Мушкетовых были выбиты стекла из окон, оборвана электропроводка. Так дешево отделались мы от упавших совсем рядом пяти бомб.

Большим бедствием этой зимы были также пожары, 90 % их происходило в домах, занятых немцами: два дня горело здание Облпотребсоюза, занятое немцами[1]. Мы делали еще тогда первые шаги в создании пожарной команды, специальных автомашин у нас еще не было, а немцы, как в этом случае, так и впоследствии относились к пожарам совершенно равнодушно и не делали решительно ничего для их ликвидации.

Я уже писал, что на Соловьевом перевозе были найдены пожарные автомашины, вывезенные из Смоленска при уходе из города советских войск. Постепенно они были отремонтированы, а пожарная команда укомплектована в значительной части за счет освобожденных из плена, для которых было восстановлено нашими строителями общежитие на пожарном дворе над гаражом. В помощь уже пожилому Некрасову[2], я назначил Юрченко, специалиста-пожарника, освобожденного из плена. Когда же в Смоленск приехал бургомистр Калуги С. Н. Кудрявцев[3],

---

[1] Ошибка памяти. Здание Облпотребсоюза сгорело в самом начале оккупации (август–сентябрь 1941 г). Уже к концу 1941 г. от него оставались лишь засыпанные снегом обгоревшие стены.

[2] Председатель Смоленского добровольного пожарного общества.

[3] Скорее всего, неточность. Начальником Калужской земской управы был Агафонов (Первое совещание // Новый путь (Калуга). 1941. № 3. 13 декабря. С.3). По другим данным, бургомистром Калуги («Городским головой г. Калуги и района») был Николай Сергеевич Щербачев (1886–?), сын чиновника городской

долгие годы работавший там в пожарной охране и произведший на меня хорошее впечатление, он был назначен начальником пожарной охраны, а Некрасов и Юрченко остались его заместителями. Еще с осени при пожарной команде был создан отряд трубочистов.

Из пожаров в домах, занимаемых гражданским населением, я помню только один — весной 1943 года на Кладбищенской улице, и он был потушен пожарными в самом начале. Немцы же не только не помогали приезжавшим на пожар нашим, но были случаи, когда они не допускали пожарных в горевшее помещение, мешали им, а однажды при пожаре большого дома на Бакунинской улице, где была расквартирована часть SS, эсэсовцы набросились на пожарных и стали бить их, и всё же они погасили пожар.

Когда на следующий день С.Н. Кудрявцев доложил мне об этом, я сказал, что во всех случаях помех в работе со стороны немцев оставлять работу и уезжать в гараж. Тогда же я написал в комендатуру протест против безобразного поведения немецких солдат, крайне небрежно обращающихся с огнем, отчего очень часто возникают пожары: виновные в этом солдаты не только не помогают городской пожарной команде в ликвидации пожаров, но мешают и даже дерутся. Я сообщил о сделанном распоряжении прекращать работы при любом противодействии им. Последовал приказ генерал-коменданта Смоленска об оказании всякого содействия со стороны войск городским пожарным при тушении пожаров. После этого эксцессы на пожарах прекратились.

Энергетика и финансы

В январе 1942 года комендатура предложила мне издать распоряжение по городу, обязывавшее граждан сдать в комендатуру имеющиеся у них полушубки и валенки[1]. Какой эффект дала эта мера, в точности сказать не могу, но слышал от немцев, что сдача шла очень туго.

Начиная с декабря 1941 года, горуправление стало получать наряды на получение дров от Смоленского лесничества, во главе которого стоял П.А. Беловский. Давали наряды и на получение торфа от Смоленского торфоуправления, возглавлявшегося торфмейстером М. Александро́вичем. Обе эти организации непосредственно подчинялись Викадо, то есть немецкой хозяйственной комендатуре. Отношения их с горуправлением и лично со мной установились хорошие, и, сколько могли, они старались

администрации при царе, в советское время — финансовый работник (ЦА ФСБ. Ф. 14. Оп. 4. Д. 589. Л. 194–198). Период оккупации Калуги — с 12 октября по 30 декабря 1941 г.

[1] См. Документ № 2.

нам помочь, например, дать наряды на ближайшие лесосеки или торф, уже привезенный в город.

Наряды на зерно, наоборот, давались, главным образом, на районные мельницы, что было неудобно из-за недостатка транспорта, так как машины еще только начинали входить в строй, да и для дальних ездок не хватало отпускаемого нам бензина. Вообще зима 1941–1942 гг. в продовольственном отношении была для нас самым тяжелым периодом оккупации[1].

В январе 1942 года мы получили заказанную для нас комендатурой новую турбину из Германии[2]. Для оплаты ее фирме «Сименс» был дан заем в Рейхскредиткассе. Турбину эту установили на городской электростанции[3].

Еще до отъезда оберрата Грюнкорна и при его содействии было получено решение главнокомандующего тыловой областью Mitte об оплате городу за отпускаемые им для войск электросвет и воду. Это благоприятно сказалось на наших финансах. Стали поступать налоги, рыночный сбор, штрафы, накладываемые мною на частные столовые и комиссионные магазины. Попытки наших агентов-заготовителей отчитаться в получаемых авансах разными липовыми счетами были пресечены мною в самом зародыше. Строгая экономия во всем, никаких излишних расходов — таково было задание и финансовому отделу, и всему городскому хозяйству. Я лично повседневно контролировал выполнение городского бюджета, утверждал после предварительного просмотра авансовые отчеты, подписывал чеки и всегда был в курсе финансового положения на данный день.

Помощь и поддержку в этом всегда имел со стороны начальника финансового отдела В. А. Василевского, но в марте он заболел тифом и почти два месяца отсутствовал. Заменял его заместитель В. И. Бараш. За двухлетний период оккупации были проведены две ревизии городской финансовой работы специальным советником из 7-го отдела штаба главнокомандующего тыловой области. Оба раза работа эта признавалась

---

1 См. Документы № 4.3 и 4.4.

2 См. Документ № 4.4.

3 Всего в Смоленске было две электростанции. Здесь, вероятно, имеется в виду Смоленская государственная районная электростанция (СмолГРЭС), построенная для обеспечения электроэнергией строившегося одновременно с ней Смоленского льнокомбината, на том момент крупнейшего в Европе. Эта была паротурбинная электростанция, работавшая на торфе. Первая турбина этой электростанции мощностью 3 тыс. кВт введена в эксплуатацию в 1933 г. Впоследствии мощность СмолГРЭС была доведена до 10 тыс. кВт. Электростанция была повреждена в ходе боев за город в июле 1941 г. (по другим, не подтвержденным сведениям, частично взорвана при оставлении города).

хорошей, причем ревизор говорил мне, что по качеству финансовой работы и по финансовому благополучию Смоленское горуправление стоит на первом месте по всей фронтовой зоне, куда входили Витебск, Полоцк, Орша, Борисов, Бобруйск, Могилев, Гомель, Клинцы, Брянск, Орел и др. более мелкие города. О финансовом благополучии говорит и то, что к маю 1942 года мы досрочно погасили все три займа в Рейхскредиткассе и больше займов не брали. А ведь начинали мы с пустой кассой!

Еще в сентябре 1941 года начальник отдела городских предприятий П. С. Наумов жаловался мне на директора водопровода инженера Большакова[1], якобы совершенно игнорирующего все его распоряжения. По словам Наумова, Большаков находится в большой дружбе с немецким представителем на электростанции и водопроводе капитаном Паулем, которому он подарил пианино, а с городским управлением он не хочет иметь дел. Я приказал вызвать Большакова ко мне, но он не явился. Тогда был отдан приказ о его увольнении.

После этого при очередном приеме у оберрата Грюнкорна я застал у него в кабинете Большакова и незнакомого немецкого офицера, которого Грюнкорн отрекомендовал мне как капитана Пауля. Этот Пауль протестовал против моего приказа об увольнении Большакова, который якобы работал очень хорошо и предан германской армии. В то же время он с неприязнью говорил о Наумове, находя его вмешательство в дела водопровода вредным и нежелательным. Я со своей стороны указал на то, что Большаков, являясь городским служащим и получая от города заработную плату, тем не менее совершенно игнорирует городские власти и не только Наумова, но и меня, за что и уволен. Грюнкорн сказал Большакову, что он обязан исполнять мои приказания, что такое поведение его недопустимо, а меня он просил пересмотреть вопрос об увольнении, учитывая полезность Большакова для германской армии.

В ноябре 1941 года 7-й отдел комендатуры требовал автобиографии всех начальников отделов городского и районного управлений и их предприятий. Представил автобиографию и Большаков, а Грюнкорн просил меня высказать о ней свое мнение (о других автобиографиях он ничего не говорил и не спрашивал). Оказалось, что Большаков написал целый детективный роман.

В нем он говорит, что настоящая фамилия его Жингель. В прошлом он офицер Колчаковской армии, неоднократно сидел в советских тюрьмах, проводил вредительство на предприятиях, где работал, снова арестован, бежал и переменил фамилию на Большакова. Для лучшей маскировки вступил в партию и переехал в Смоленск, где работал на водопроводной станции до немецкой оккупации города.

---

[1] См. об этой коллизии в Документе № 3.3.

Я сказал Грюнкорну, что содержание автобиографии в целом считаю совершенно невероятным, но для более определенного ответа нужно было бы поговорить с ним. В 20-х числах декабря 1941 года Большаков был арестован немецкой полицией, забраны были и все его вещи. После этого он исчез бесследно. Директором водопроводной станции, по рекомендации П. С. Наумова, был назначен инженер Лебедев.

Арест Васильевых и обыск у Меньшагина

14 февраля, часа в четыре дня я обедал в столовой № 1, и ко мне подошла домашняя работница Васильевых, заявившая, что у них сейчас немцы производят обыск, и Васильевы просят меня прийти к ним. Я ответил, что я по-немецки не говорю, и этот приход будет бесполезен, а напротив их квартиры находится их приятель — немецкий жандарм; его и нужно позвать, если у них есть какие-либо сомнения о правомерности обыска. 16 февраля ко мне пришел работавший в городской полиции Н. Ф. Алферчик и рассказал, что Васильевы — муж и жена — арестованы SD, причем при обыске у них нашли шоколадные конфеты, которые В. М. Васильева получала от SD в декабре 1941 года для елки, устраиваемой для городских детей; нашли и какие-то бумаги НКВД, о которых Р. П. Васильев заявил, будто бы эти бумаги я дал ему для хранения, почему SD будет вызывать для допроса и меня. При этом Н. Ф. Алферчик предупредил меня, чтобы я на вопрос, когда и откуда я узнал об аресте Васильевых, ответил бы, что узнал от их домработницы, приходившей звать меня к Васильевым.

Действительно, утром 18 февраля 1942 года я был вызван в SD к следователю Ранке, переводчиком был пленный, по национальности немец, известный под именем «Карл». Ранке спрашивал меня о моей прежней работе в Советском Союзе, о принадлежности к компартии и о связях с НКВД. На мой отрицательный ответ на два последних вопроса, Ранке заявил, что Васильев утверждает, что я был тесно связан с НКВД, иначе я не мог выступать защитником по политическим делам: «Кроме того, вы передали ему для хранения некоторые бумаги НКВД, которые мы нашли у него при обыске».

Я снова сказал, что никаких связей с НКВД у меня не было, что дело самого Васильева служит логическим подтверждением этого: ведь он был осужден за антисоветскую агитацию и отправлен в лагерь, где пробыл 2,5 года, а потом жена его обратилась ко мне, я стал хлопотать в Верховном суде СССР, приговор был отменен и при новом рассмотрении оправдан. Если все защитники, как говорит Васильев, были связаны с НКВД, то почему же по одному и тому же делу у двух защитников получились разные результаты? Дело в умении и в способности к анализу судебных материалов.

Что же касается бумаг, обнаруженных у Васильева, то он мне их показывал 3 августа 1941 года и говорил, что он их нашел в квартире какого-то работника НКВД. Бумаги эти, на мой взгляд, никакой ценности не представляют; во всяком случае они не таковы, чтобы их прятать и просить еще кого-то принять их на хранение. Васильев лжет на меня из мести за увольнение его мною за мародерство с должности начальника отдела снабжения горуправления. Тогда Ранке спросил, когда и откуда я узнал об аресте Васильевых, на что я ответил, что узнал об этом от домашней работницы Васильевых, которую они прислали ко мне с просьбой идти на их выручку. Ранке заулыбался и сказал, что теперь он убедился, что я говорю правду. После этого он объявил перерыв допроса до следующего утра, и я ушел к себе в управление.

Часа в четыре дня в кабинет ко мне вошел очень взволнованный В.И. Мушкетов и сообщил мне, что сейчас в моей квартире SD производит обыск. Я сразу же поехал домой, но к моему приезду уже всё было закончено и производившие обыск Ранке с переводчиком Карлом уже удалились. Обыску подверглись только мой письменный стол и шкаф с книгами, из которого они изъяли 3-е издание сочинений В.И. Ленина, двухтомник «Избранных сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, «Вопросы ленинизма» И.В. Сталина, «Краткий курс истории ВКП(б)»[1], а также несколько брошюр НТСНП, полученных мною осенью 1941 года от Д. Каменецкого и Н.Ф. Алферчика. Всё остальное было на месте, через некоторый промежуток времени мы обнаружили пропажу наручных часов «Заря», принадлежавших моей жене и лежавших на подзеркальнике, около которого стоял Карл. Очевидно, он и украл их.

Утром 19 февраля Ранке объявил мне, что он прекращает дело в отношении меня, но советует мне держаться подальше от НТСНП, так как его члены — люди нехорошие. В чем это выражается, он не конкретизировал. Здесь же он просил меня прислать к нему на допрос Б.В. Базилевского, В.А. Меландера[2] и Г.Я. Гандзюка. Двое первых вызывались в связи

---

[1] Одним из первых распоряжений Меньшагина на посту главы города было распоряжение №5 от 22 августа 1941 г. о том, что все граждане города Смоленска обязаны сдать имеющуюся у них коммунистическую литературу. Как видим, бургомистр игнорировал собственное распоряжение.

[2] Меландер Владимир Алексеевич (14 октября 1890 г., с. Козлово Ельнинского уезда Смоленской губ. — ?), зав. музеем г. Ельня, доцент и и. о. профессора на кафедре зоологии СГПИ (1930–1941), зав. Естественноисторическим музеем Смоленска, председатель правления общества краеведения, зав. биостанцией естественно-географического факультета СГПИ на Сокольей Горе, около ж. д. станции Колодня. В городской управе Смоленска был начальником жилищного отдела, а с января 1942 г. — отдела социального обеспечения; затем директором театра. В октябре 1944 г. вместе с женой и сыном эвакуировался сначала в Ригу, а оттуда в Третий

с помещенными в газете «Рабочий путь» в один из первых дней войны заявлений научных работников Смоленска, резко осуждавших Гитлера за нападение на СССР; среди ряда подписей на этом заявлении были и подписи Базилевского и Меландера, являвшихся профессорами Смоленского педагогического института[1].

рейх, в Вену, где, предусмотрительно изменив фамилию (на Меландерс), работал уборщиком. В 1945–1949 гг. — в лагерях для перемещенных лиц (Лоэнгрин, Функ-Казерне и, в 1949 г., Шлезхайм-Фельдмохинг). Преподавал в Мюнхенском университете, а в лагерях был не рядовым ДиПи, а сотрудником УНРРА и ИРО. Первоначально Меландер планировал эмигрировать в Канаду, затем его целью стали Венесуэла или Парагвай, где ему предлагали место в Ботаническом саду в Асуньсоне, но материальные условия были крайне ненадежными. Пока отрабатывался этот вариант, пророчилось разрешение в США, куда Меландер в конечном счете всё же и попал. В эмиграции он зарабатывал на жизнь таксидермией, участвовал в «Гарвардском проекте». См. о нем в статье М. Дэвида-Фокса, в «Живом журнале» И. Петрова (https://labas.livejournal.com/882786.html) а также в персоналии М. В. Иванова на сайте «Культурное наследие Земли Смоленской» (2005; в сети: http://nasledie.admin-smolensk.ru/personalii/m/melander-vladimir-alekseevich/).

[1] После 22 июня 1941 г. вышло всего три номера «Рабочего пути»; последний, № 148, — 25 июня. Именно в нем, на первой странице, под заглавием «Будем защищать Родину до последней капли крови» опубликовано открытое письмо интеллигенции города Смоленска:

> Обнаглевшая фашистская банда, упоенная легкими успехами в войне с малыми государствами, протянула свою окровавленную руку к священным рубежам страны 200-миллионного советского народа. На этот раз фашисты просчитались! Великий советский народ, народ-богатырь, встал во весь рост. Со спокойным сознанием своей несокрушимой силы и правоты своего дела граждане Советского Союза по призыву партии и правительства, как один, поднялись на защиту свободы и чести своей солнечной родины.
>
> Исключительная выдержка, железная дисциплина, готовность в любой момент отдать свои силы и даже самую жизнь в борьбе с кровавым чудовищем Гитлером, — вот что показали первые дни Великой Отечественной войны, которую ведет наш народ.
>
> Враг будет уничтожен.
>
> Не впервые наш народ встречает грудью врага. Печенеги, половцы, татары, немецкие псы-рыцари, Наполеон с двунадесятью языков — все они находили себе могилу в русских необозримых просторах или откатывались от границ нашей родины, повторяя, подобно былинному царю Калину:
>
> Закажу я внукам и правнукам
> Ездить ко городу, ко Киеву.
>
> Немало героизма в борьбе с врагами родной земли проявили и наши предки смоляне: их тяжелую руку почувствовала немецкая крестоносная сволочь еще в битве под Грюнвальдом, когда соединенные силы славян нанесли ей сокрушительный удар.
>
> Уроки истории ничему не научили Гитлера, ему нужен новый урок, и он его получит!

Все трое ходили к Ранке 20 февраля. Б. В. Базилевский по возвращении с возмущением рассказывал, что Ранке сперва заставил его ждать минут 20, а потом позвал, и когда Базилевский шел в его комнату, закричал: “Schnell!” и шлепнул его по спине по шубе резиновой палкой; больно не было, но сделан был этот удар с целью унизить его. Разговор был короткий, после чего Базилевский был отпущен.

Когда я увидел Меландера, то спросил его, что было в SD, на что Меландер только смеялся. Гандзюк же ограничил свой ответ словами: «Ранке мерзавец и сволочь!» Я слышал, кажется от Гандзюка, что Ранке был близким человеком к руководителю «германского трудового фронта» Лея[1] и пользовался в SD авторитетом.

В субботу 21 февраля вечером он в сопровождении переводчика SD Э. Бека, пленного лейтенанта Советской армии, был сперва у В. И. Мушкетова, которому заказал картину с видами Смоленска, а от него явился к нам, вытащил бутылку коньяка и сказал, что хочет поближе познакомиться со мной. Просидели они у нас часа два, ели квашеную капусту и огурцы, пили коньяк и чай.

Васильевы оба исчезли. По словам начальника полиции Г. К. Умнова и Н. Ф. Алферчика, их расстреляли[2]; по словам же вышеупомянутого переводчика SD Э. Бека, их отправили в Германию. Чья версия соответствовала действительности — не знаю.

Советская интеллигенция вместе со всем героическим народом отдаст свои силы, а если потребуется, и кровь до последней капли, чтобы навсегда похоронить фашизм.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!

Мы несокрушимы потому, что нашей героической борьбой руководит всепобеждающая Коммунистическая партия и гениальный преобразователь мира товарищ Сталин.

Письмо подписали: профессора П. М. Соболев, Б. В. Базилевский, Я. Я. Алексеев и В. А. Меландер, доктор химических наук С. Ф. Юшкевич, декан истфака И. В. Ковалев, доценты и преподаватели Д. П. Маковский, Н. П. Овандер и Д. Г. Карасик, писатели В. Е. Горбатенков, Н. И. Рыленков, В. Ф. Шурыгин, театральные деятели Н. А. Покровский, Е. Т. Асеев, Э. Л. Экслер, Н. А. Зиновьева, Ф. М. Волгин и В. С. Нельский. Это письмо, по-видимому, не что иное как подготовленная П. М. Соболевым и Д. И. Погуляевым резолюция митинга сотрудников СГПИ, состоявшегося в тот же день в Актовом зале института (*Махотин Б.* Право быть незабытым // Край Смоленский. 1995. №5–6. С. 13). Но судя по тому, что резолюция вышла в газете едва ли не раньше самого митинга, она была подготовлена заранее и другими людьми.

[1] Имеется в виду доктор Роберт Лей (1890–1945), рейхсляйтер и обергруппенфюрер СА, зав. Орготделом НСДАП, руководитель Немецкого Трудового Фронта.

[2] О расстреле Романа Васильева, агента НКВД, и его жены, дома у которых были обнаружены литература НКВД, детские текстильные изделия на продажу и взрывчатка, сообщается в отчете Айнзатцгруппы В за 16–28 февраля 1942 г. (РГВА. Ф. 500к. Оп. 1. Д. 770. Л. 22).

Садков и Вольские

Еще в декабре 1941 года во время одного из моих посещений оберрата Грюнкорна, тот передал мне, пересланную ему из редакции смоленской газеты «Новый путь», заметку под заглавием: «Скапен из городского управления» (Скапен — главный персонаж комедии Мольера «Проделки Скапена») и сказал: «Разберитесь в этом».

Заметка эта предназначалась для опубликования в газете; в ней шла речь о заведующем столовой №1 Н. И. Садкове. Автор характеризовал его как жулика, пробравшегося к теплому месту и пользующегося благами его; он писал, что дом Садкова сейчас представляет полную чашу, в хлеву у него жирные свиньи и всё это за счет столовой; упоминал он и том, что в прошлом Садков был коммунистом, что и сам он не скрывал в разговоре со мною, но добавлял, что исключен из партии и уволен с работы в НКВД, где был фельдъегерем, за моральное разложение. Заметка была подписана каким-то псевдонимом.

По возвращении к себе я вызвал редактора газеты К. А. Долгоненкова и спросил, кто автор заметки, и почему он отправил ее не ко мне, а в комендатуру. Долгоненков отвечал, что заметку писал Вольский, агент-заготовитель этой же столовой № 1, а отправить ее в комендатуру ему велел зондерфюрер из Пропаганды доктор Шюле, наблюдающий за газетой. Тогда я вызвал к себе Вольского. Он был смущен, но никаких конкретных фактов хищений Садкова привести не мог, отделываясь общими рассуждениями, что Садков человек аморальный, сожительствует с молоденькой официанткой Надей, всегда был нечист на руку и т. п.

Я поручил ревизору финансового отдела Г. А. Арсеньеву произвести тщательную ревизию столовой. Ревизия ничего криминального не обнаружила. Дома у Садкова вместо «жирных свиней» был всего лишь один поросенок, что было тогда явлением довольно распространенным. Когда я сказал самому Н. И. Садкову, что о нем написано в газету, он сразу же заявил: «Это Вольский писал», а на мой вопрос, почему он думает так, стал рассказывать, что они с Вольским раньше были друзьями, вместе служили, но однажды Вольский судился со своим учреждением, а Садков был свидетелем и дал показания не в пользу Вольского, который с этого момента его возненавидел. Он писал на него доносы и в советские органы. Я помнил, что Вольский был принят на работу в столовую по рекомендации самого Садкова и спросил его, почему он просил меня принять Вольского на работу, если знал, что тот мерзавец. На это Садков ответил, что Вольский хороший работник; кроме того, он думал, что с переменой власти изменится и Вольский. На этом дело тогда и кончилось.

В марте 1942 года, как я уже упоминал, я с 9 до 16 болел карбункулом. В один из этих дней замещавший меня Г. Я. Гандзюк сообщил, что SD

Сотрудник местной полиции (окрестности Смоленска). *Осень 1941*

Сотрудник местной полиции на Нижнем рынке. *1942*

Н. Ф. Алферчик (кадр из кинофильма «Образцовый полицейский»). *1942*

Н. Ф. Алферчик (фото из его «Нансеновского паспорта»). *1950*

Г. К. Умнов / О. Уманский. *1950-е*

Г. К. Умнов / О. Уманский. *1950-е*

Район Садки, северо-восточная окраина Смоленска рядом с Гурьевским кладбищем. На склоне холма находилось еврейское гетто

Восточная окраина Смоленска, Крестовоздвиженская церковь, использовавшаяся как склад соли. Рядом (севернее) — Садки

Вязовеньский лес рядом с д. Магаленщина — место казни узников гетто

Памятный камень у входа в мемориал со стороны шоссе. *2016*

Обелиск и мемориальные плиты с именами убитых евреев. *2018*

Альберт Валуев и Владимир Хизвер — суворовцы. *1945*

В.И. Хизвер. *Нач. 1960-х*

В.И. Хизвер (кадр из интервью Фонду Спилберга). *1996*

В.И. Хизвер. *2001*

Колонна военнопленных на Витебском шоссе (ул. Витебской). *Август 1941*

Колонна военнопленных на пл. Смирнова (Комендантской). *Август 1941*

Колонна военнопленных на 1-й Краснинской (Краснинской) ул.

Из района Вязьмы военнопленных везут через Смоленск в открытых вагонах в шталаги. Западная окраина Смоленска, район Витебского шоссе (ул. Витебской). *Ноябрь 1941*

Дулаг № 240. Лагерь «Южный». *Осень 1941*

Дулаг № 240. Лагерь «Северный», окрестности пос. Печерск

Дулаг № 126. «Большой» лагерь на 1-й Краснинской улице. *Осень 1941*

Personalkarte I: Personelle Angaben 20.7.43 aus Dulag 126 Smolenssk nach

Kriegsgefangenen-Stammlager: Litzmannstadt

Beschriftung der Erkennungsmarke: Nr. 2552 Lager: Kgf. Lg. 2 d. Lw.

Des Kriegsgefangenen

Name: Ljaschenko Ляшенко

Vorname: Nikolaj Николай Кириллович

Geburtstag und -ort: 8.1.20 Geb. Woroschilowgrad Dorf Schpotin Ворошиловград

Religion:

Vorname des Vaters: Kyrill

Familienname der Mutter: Maria?

Staatsangehörigkeit: Russe

Dienstgrad: Hfw. солдат

Truppenteil: 32. Selbst.st. Fernaufklärerflg. Rgt. Komp. usw.: 1. Esk. 2. Kette

Zivilberuf: Ohne Beruf Berufs-Gr.:

Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatstaates): Fp. Nr. ?

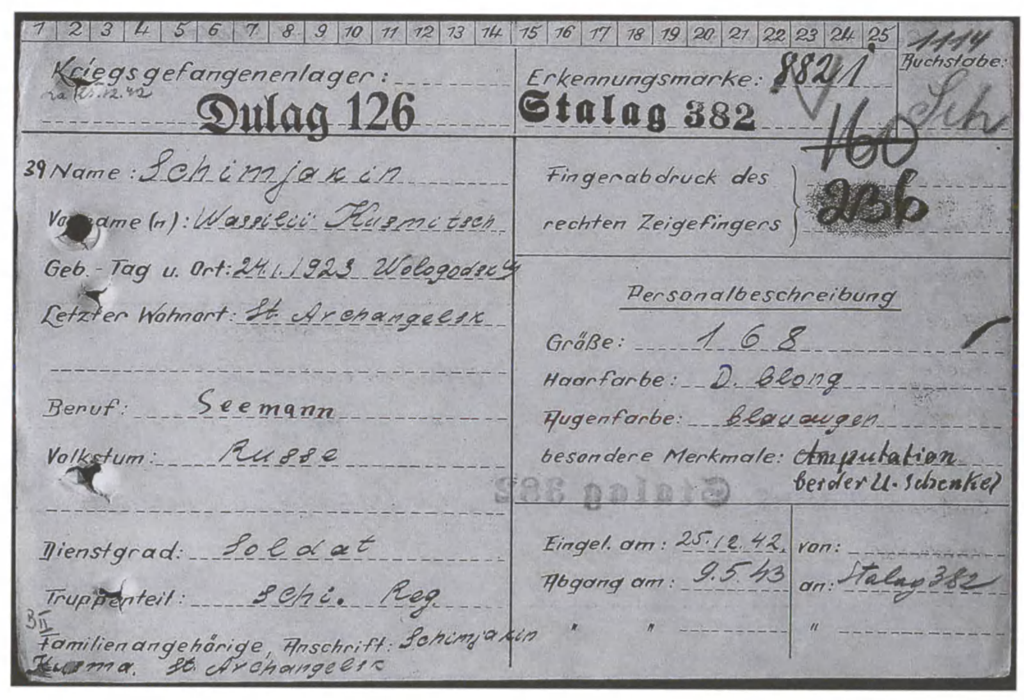
Gefangennahme (Ort und Datum): 15.7.43 b. Brjanssk

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert:

Kriegsgefangenen-Durchgangslager

Lichtbild	Nähere Personalbeschreibung		
	Größe	Haarfarbe	Besondere Kennzeichen:
	1,68	brünett	Augen gr u-grün, etwas Sattelnase, hohe Stirn, etwas Sattelnase,
Kgf. Lg. 2 d. Lw. 2552 N. Ljaschenko	Fingerabdruck des rechten! Zeigefingers		Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen: Hat keine.

Wenden!

Kriegsgefangenenlager: Dulag 126

Erkennungsmarke: Stalag 382 8821

Buchstabe: Sch

39 Name: Schimjakin

Vorname(n): Wassilii Kusmitsch

Geb.-Tag u. Ort: 24.1.1923 Wologodsk

Letzter Wohnort: St. Archangelsk

Beruf: Seemann

Volkstum: Russe

Dienstgrad: Soldat

Truppenteil: Schi. Reg.

Familienangehörige, Anschrift: Schimjakin Kusma, St. Archangelsk

Fingerabdruck des rechten Zeigefingers: 236

Personalbeschreibung

Größe: 168

Haarfarbe: D. blond

Augenfarbe: blau augen

besondere Merkmale: Amputation beider U.-Schenkel

Eingel. am: 25.12.42 von:

Abgang am: 9.5.43 an: Stalag 382

Документы военнопленных (Дулаг №126)

Документы военнопленных
(Дулаг №126)

48

ANTRAG
AUF ~~ENTLASSUNG~~/BEURLAUBUNG
(ehemal. russ. Soldaten)
AUS DER KRIEGSGEFANGENSCHAFT

Name Aleksandr Chrunow
National. Russe
Geburtstag u. Ort 1908 D. Prudi Ray. Holow Geb. Tula
Wohnort vor dem 22.6.41 D. Prudi Ray. " Geb. "
Jedziger Aufenthaltsort Ray. Geb.
bzw. Kriegsgefangenenlager 126 Smolensk
Erlernter Beruf Zimmerer Ausgeübter Beruf Zimmerer
Verheiratet Kinder
Ausweispapiere vorhanden?
~~Entlassung~~/ Beurlaubung beantragt nach Smolensk
bzw. zur Arbeit einzusetzen in s. Infektionskrankenhaus als Zimmerer
Grund der Antragstellung er ist für die Arbeiten im Infektionskrankenhaus nötig, da Arbeitskräfte in der Stadt fehlen
Name des Antragstellers Stadtverwaltung Smolensk
Beziehung zum Gefg. (Eltern, Frau usw.)

Beschreibung d. Krgf.
Größe Haare
Augen Gestalt
Bes. Kennz.

Bürgschaftserklärung
Die Richtigkeit der obigen Angaben bescheinige ich. Der Chrunow Aleksandr wird sich den deutschen interessen nicht entgegenstellen. Ich bürge für seine politische Zuverlässigkeit.

Der Bürgermeister
Ort u. Datum 12. August 1942. Smolensk

Nur für deutsche Dienststellen!
Obiger Antrag wird befürwortet von
Begründung Mangel an Fachkräften

(Dienststempel u. Unterschritt)
Kriegsverwaltungsrat

Der Antrag wird durch die Kommandantur Smolensk befürwortet.

Für die Kommandantur:
Der Chef des Kommandostabes
A. B.

21.8.42

Oberkriegsverwaltungsrat.

41

УПРАВЛЕНИЕ
[ГО]РОДА СМОЛЕНСКА

Удостоверение № 1769
(Действительно до 1 октября 1942 г.)
Г-н Толкачев Николай Васильевич
[пр]оживающий(ая) в г. Смоленске при инф. больнице №
[сс]остоит на работе в управлении г. Смоленска „15“ июля 1942 г.
шофер
Заместитель начальника города (Гандзюк)
Начальник отдела

Stadtverwaltung Smolensk
Stadtarzt.

Bescheinigung № 1769
(Gültig bis zum 1. Oktober 42)
Der (die) Tolkatschew Nikolai Wassiliewitsch
wohnhaft in Smolensk bei dem Infektionskrankenhaus №
ist als Arbeiter bei der Stadtverwaltung Smolensk beschäftigt
„15“ Juli 1942.
Stellvertreter des Bürgermeisters (G. Gandsjuk)
Leiter der Abteilung
Stadtarzt.

Железнодорожная станция Катынь

Эксгумация польских офицеров. *Апрель 1943*

Эксгумация польских офицеров.
Апрель 1943

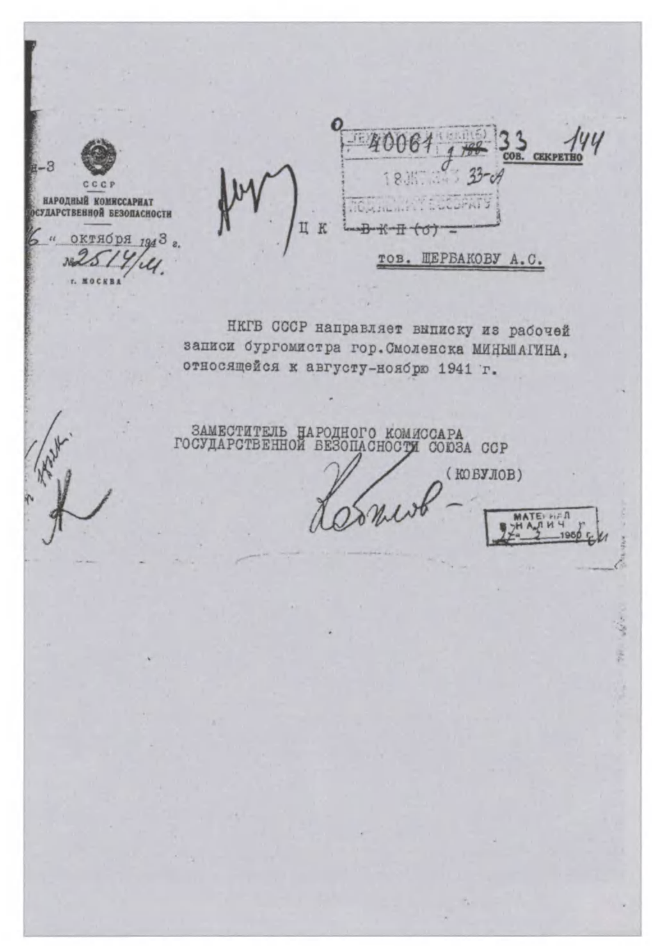

Генерал Бронислав Богатыревич

Генерал Мечислав Сморавинский

н-3

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

16 « октября 1943 г.
№ 2514/м.
г. Москва

40061 33 144
СОВ. СЕКРЕТНО

18 ОКТ 1943 33-А

ЦК ВКП(б) —
тов. ЩЕРБАКОВУ А. С.

НКГБ СССР направляет выписку из рабочей записи бургомистра гор. Смоленска МИНЬШАГИНА, относящейся к августу-ноябрю 1941 г.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗА ССР
(КОБУЛОВ)

Кобулов

МАТЕРИАЛ
НАЛИЧ
1960 г.

Б. В. Базилевский в Нюрнберге. Кинокадр. *1946*

Письмо Б. З. Кобулова А. С. Щербакову об обнаружении «блокнота Меньшагина». *16 октября 1943*

Допрос Б. В. Базилевского в Катыни. Кинокадр. *22 января 1944*

11

15 августа 1941 г.

Сп. отд. – [illegible]

Адм. отд.

[illegible]

Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру.

Комендантов на бол. здания, заменить жильцами, на все здания, заменить немцами.

1. машины к. Сабуровка Глинка
2. шофер Дмитров
3. ~~лошадь [illegible]~~

~~[illegible] молокозавода~~

~~[illegible]~~

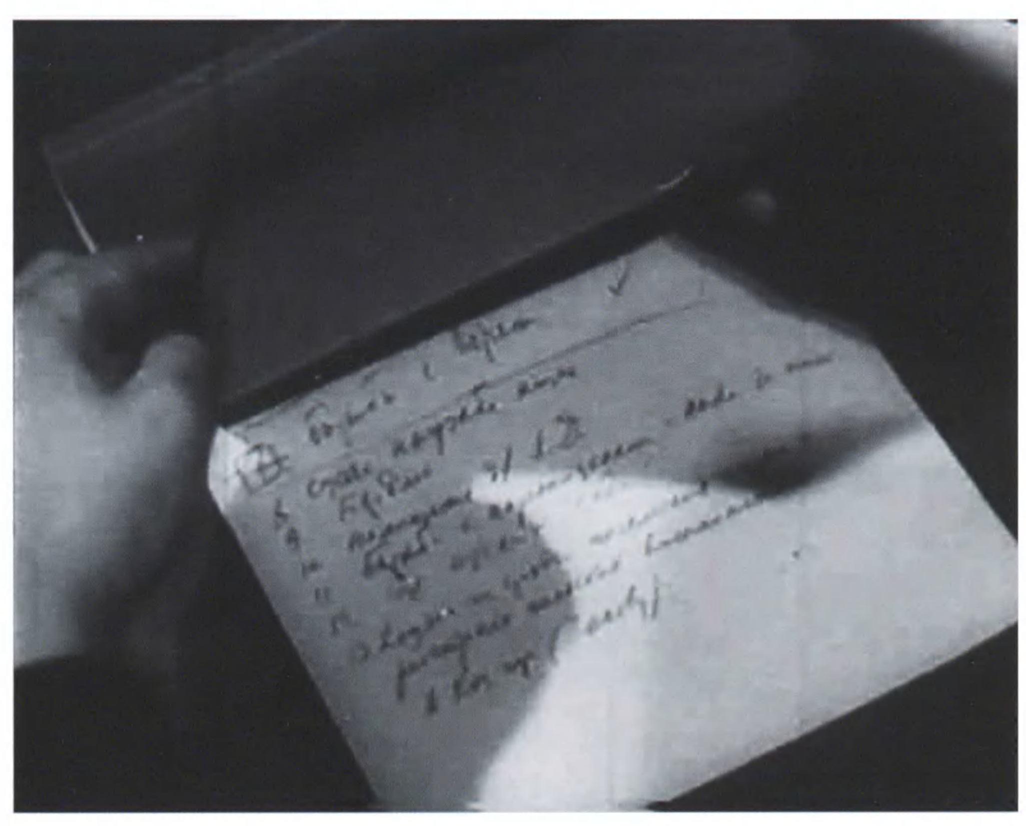
Дрова –

О работе [illegible] адвокатуры

Охрана города

1. разбор строений и борьба с ним
2. меновая торговля
3. ~~[illegible] о [illegible]~~
4. конфискация лошадей
5. ~~[illegible] молокозавода~~
6. ~~[illegible]~~
7. борьба с ворами
8. [illegible] награды [illegible]
9. бордели
10. помещение д/ S.D.
11. борьба с партизанами [illegible]
12. где изъятые седла?
13. Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз. гор. (Умнову).

Блокнот Меньшагина.
Фотостат страниц 11 и 13

Блокнот Меньшагина. Кинокадр.
22 января 1944

арестовала Н. И. Садкова, взяв его прямо с работы, и он, Гандзюк, заведование столовой № 1 поручил Вольскому. Мне было это очень неприятно, так как я не сомневался, что арест произведен по доносу Вольского, направленному теперь уже не в газету, а в SD. Но другой подходящей кандидатуры на должность заведующего столовой у меня не было, и, скрепя сердце, я подтвердил назначение Вольского. Когда я снова вышел на работу и стал справляться в полиции о Садкове, мне сказали, что он уже расстрелян.

О дальнейшей работе Вольского, бывшего действительно неплохим работником, и о моих с ним взаимоотношениях будет сказано в соответствующем месте, а пока хочу сказать несколько слов о его дочери Майе.

Она в 1942 году поступила среди трех молодых девушек ученицей для подготовки в чертежники в отдел городского архитектора. Через год эта подготовка была успешно окончена, и эта девушка назначена чертежником. Вскоре после этого городской архитектор И. П. Райский представил мне заявление Вольской о ее желании перейти на работу в крейсландвиртшафт, почему она просит уволить ее из горуправления. При этом Райский сказал: «Обидно, мы учили, выучили, а работать идет в другое место». Поэтому я написал на заявлении Вольской: «За учение надо поработать. В увольнении отказать».

На следующий день ко мне пришел начальник политического отдела Окружной полиции Н. Ф. Алферчик и спросил — очень ли мне нужна Вольская, может я отпущу ее, так как она в крейсландвиртшафте должна выполнять работу по наблюдению за некоторыми лицами? Услышав это, я пообещал выполнить просьбу Алферчика. Когда я рассказал Райскому о разговоре с Алферчиком, тот сразу же стал говорить: «Давайте отпустим ее, от таких лучше быть подальше». В итоге Вольская была уволена, а я предупредил заместителя главного агронома крейсландвиртшафта И. В. Пасника о скрытом амплуа его новой сотрудницы. Воистину яблоко от яблони недалеко катится. Каков отец, такова оказалась и дочь!

Я уже писал о собрании волостных старшин и агрономов, проводившемся 21 марта 1942 года в связи с передачей должности начальника Смоленского района от меня В. М. Бибикову. Когда мы расходились с собрания, при выходе из горуправления был арестован полицией главный агроном крейсландвиртшафта Ильин. Оказалось, что пока шло собрание, на квартире у Ильина был арестован сотрудник этого же крейсландвиртшафта Лошадкин, которого уже несколько дней разыскивала полиция, как советского капитана, заброшенного сюда с какими-то заданиями, поступившего на работу и скрывшегося перед тем, как его должны были арестовать.

Оказалось, что он скрывался у своего непосредственного начальника Ильина. Теперь их арестовали обоих. Что сталось с Лошадкиным, я не

знаю. Ильин же появился месяца через 3–4 после ареста. Освобождение его мотивировалось «хорошим поведением в тюрьме». Это говорил начальник городской полиции Н. Г. Сверчков. «В чем заключалось хорошее поведение?», — спросил я его. «Он подметал двор, выполнял другие работы», — отвечал тот. По освобождении Ильин работал в том же крейсландвиртшафте, но на меньшей должности.

Визит к Дёнике

В первых числах марта за мною явился солдат, но вызов был не в 7-й отдел, как обычно, а к незнакомому мне лейтенанту Корецу. Он оказался уроженцем Риги, хорошо говорил по-русски и сказал мне, что со мною хочет познакомиться штадткомендант Смоленска генерал-лейтенант Дёнике, к которому мы сейчас и пойдем. При этом Корец добавил, что, если я позволю дать ему свой совет, то он посоветовал бы не стесняться, а говорить всё о тяжелом положении в городе. После этого мы с ним отправились в кабинет генерала.

Там, кроме хозяина, находился и начальник 7-го отдела комендатуры оберрат Рот. Но за всё время моей беседы с генералом он не проронил ни слова. На вопрос Дёнике, как нам живется сейчас после занятия города германской армией, я сказал, что живется нам очень тяжело и привел в доказательство крайне низкие нормы выдачи продовольствия, очень частые требования об освобождении для нужд армии занимаемых местным населением домов, тогда как расселять жителей этих домов негде. Выселение же в деревню, чего требует комендатура, вообще для нас неприемлемо, ибо люди, всю жизнь проведшие в городе и не имеющие родных в деревне, обречены на медленное умирание, так как работы там для них нет и к деревенской жизни они не приспособлены. Поэтому я не считаю для себя возможным применять принудительные меры для их выселения и прошу об отмене этого распоряжения. Указал я и на эпидемию тифа, являющегося объективным подтверждением моих слов о тяжелой жизни горожан.

Дёнике внимательно слушал перевод моих слов Корецом и сказал, что он постарается в пределах возможного облегчить наше положение. Затем он спросил, чем я могу объяснить обилие доносов на меня, обвиняющих меня в прокоммунистических симпатиях и соответствующей им деятельности. На это я отвечал, что для того, чтобы высказаться о причинах подобных доносов, надо знать, от кого они поступают. «Они анонимные», — сказал Дёнике.

«Тем более трудно сказать, чем вызваны эти доносы. Может быть, их писали люди, недовольные каким-либо моим действием в отношении их самих. В частности, мне пришлось удалить с работы в горуправлении ряд

лиц, изобличенных во взяточничестве, в хищениях; конечно, эти люди недовольны. Возможны и доносы со стороны агентов противной стороны, желающих, чтобы было больше недовольных властью, поставленной немцами, а так как я стараюсь всегда соблюдать справедливость и учитывать законные нужды жителей, то являюсь неподходящим для них лицом. Могут быть и еще какие-либо причины».

После этого Дёнике пожелал мне успеха в дальнейшей работе, и я ушел к себе.

Непосредственным результатом этой беседы была отмена выселения смолян в деревни, сокращение требований об освобождении жилых домов и вскоре и полное прекращение их. Мне же Корец впоследствии говорил, что приглашение меня к генералу Дёнике было вызвано представлением оберрата Рота о снятии меня с работы начальника города и района и о назначении на мое место В. А. Ясинского, бывшего бургомистра города Калинина. Дёнике же пожелал сперва меня увидеть, и наша беседа произвела на него хорошее впечатление, почему он отверг домогательства Рота о моем увольнении. Тогда Рот придумал для Ясинского должность инспектора по гражданскому управлению, учитывая же мой неподатливый характер, решили, во избежание недоразумений, город Смоленск в ведение этой инспекции не включать, а Смоленский район от меня изъять.

Доносы Генделя

В связи с моими жалобами генералу было и то, что ко мне зачастил новый крейсландвиртшафт, советник Рейсхоф. Первое, что мне удалось от него получить, была выдача нам продуктов только с городских складов, главным образом с Мелькомбината, а не с районных мельниц, как практиковалось до сих пор. Это имело для нас существенное значение, ввиду наших затруднений с транспортом, с горючим и т. п. Затем Рейсхоф обещал нам давать мясопродукты и спросил, есть ли у нас подходящий магазин для продажи этих продуктов населению.

Я был очень обрадован этим обещанием Рейсхофа и сказал, что за магазином остановки не будет, лишь было бы что продавать. В этот же день я с начальником торгово-промышленного отдела Н. Г. Генделем[1] ездил подбирать помещение для этого магазина. Но на другой день выяснилось, что Рейсхоф дает нам наряд на мясные субпродукты, остающиеся на их бойне после убоя скота, которые мы и до этого, но без всякого наряда, а за взятку яйцами смотрителю бойни, получали и расходовали на приготовление обедов в городских столовых. Их для этой цели едва хватало, а, следовательно, ни о какой продаже населению думать не приходилось. Я сказал об этом

[1] Гендель Николай Григорьевич (1879–1942).

Генделю, но тот встал на дыбы и начал кричать, что вопросы о сапожниках, извозчиках и т. п. поручаются Генделю, а когда дело идет о мясе, то тут находятся другие, более близкие люди. Меня очень возмутили эти дурацкие слова, не имевшие к тому же решительно никакого основания, а поэтому я выгнал Генделя из своего кабинета. Через несколько минут пришел ко мне мой заместитель Б. В. Базилевский с поданным на его имя заявлением Н. Г. Генделя об увольнении с работы в горуправлении. Я немедленно написал на этом заявлении: «Уволить по собственному желанию».

Вскоре я узнал, что Гендель поступил на ту же должность в Смоленское районное управление, а еще через несколько дней ко мне пришел какой-то чин из SD и показал мне для отзыва заявление Генделя, поданное им в SD с обвинением меня в создании с целью дальнейших злоупотреблений семейственной обстановки. В подтверждение этого Гендель ссылался на то, что получение мяса с бойни поручено не ему, а начальнику снабжения Н. П. Андрееву, которого Гендель называл «моим» человеком. Указывал он и на то, что бухгалтером продовольственного отдела является мой шурин Н. К. Жуковский. Прочитав это заявление, я рассказал, как проходило дело с убоем, которого для продажи не оставалось, почему и Гендель остался в стороне; Андреева я узнал еще позже, чем Генделя; Жуковский же вообще к этому делу никакого отношения не имеет и материальных ценностей никаких не получает. Чин из SD сказал на это: «Гендель дурак» — и ушел.

Не помню хорошо, тогда же или это было в другой раз SD предъявила мне еще анонимный донос, будто бы начальник отдела городских предприятий П. С. Наумов, с моего ведома, с целью вредительства уклоняется от пуска в работу хлебозавода № 1 по Староленинградской улице. Я показал ему акт технической комиссии под председательством городского архитектора И. П. Райского, осматривавшего по моему заданию этот завод, сгоревший в июле 1941 года во время боев в Заднепровье. Комиссия признала восстановление завода для горуправления в то время непосильным. SD удовлетворилось этим актом.

Доскажу о судьбе Н. Ф. Генделя. В мае 1942 года он столкнулся по какому-то вопросу с новым начальником Смоленского округа Р. К. Островским[1], повздорил с ним и был уволен без права поступления в органы местного управления. После этого его большой приятель Ст. Н. Борисенко, бывший учитель, в то время работавший комендантом зданий горуправления[2], зашел ко мне и спросил, не возьму ли я на какую-либо работу Генделя.

Я несколько удивился этому, но, так как в то время мы хотели организовать профессионально-техническое училище и подыскивали штат для

---

[1] См. о нем в статье М. Дэвида-Фокса.

[2] Возможно, Борисенков. Позднее сменил арестованного Дьяконова в должности начальника административного отдела горуправы.

него, Гендель же до войны работал по профтехобразованию, то я сказал Борисенко, что могу предложить ему должность директора этого училища. Борисенко очень обрадовался и сказал, что Гендель завтра придет сам. Так и было. Гендель явился и подал заявление с просьбой о работе. Я написал о назначении его директором профтехучилища и направил его для дальнейших шагов к Б. В. Базилевскому, в непосредственном ведении которого находился отдел просвещения. Никаких разговоров между нами не было. Но работать Генделю больше не пришлось, так как дня через два-три после назначения он скоропостижно умер[1].

«Полковник» Бердяев

В феврале 1942 года кто-то из сотрудников управления мне рассказал, что на пивном заводе, находящемся в ведении хозяйственной комендатуры, произошла какая-то кража, и начальник охраны завода Бердяев, о котором я уже рассказывал здесь, публично высек заподозренных в краже рабочих завода[2]. Меня это сообщение очень возмутило, и я приказал вызвать Бердяева ко мне.

Он явился, когда я о чем-то совещался со своими сотрудниками. Войдя в кабинет, Бердяев заявил: «По вашему приказанию прибыл». Каюсь, что я, будучи уже предубежден против Бердяева еще по первым его шагам в Смоленске в октябре 1941 года, — увидев его, сразу же пришел в состояние сильного раздражения и резко спросил его, кто дал ему право сечь людей. Когда же он стал говорить, что это воры и кто-то из хозкомендатуры посоветовал ему так поступить, я закричал: «Если что-либо подобное повторится еще раз, тогда я прикажу разложить вас перед горуправлением и высечь. Запомните это и можете уходить». Бердяев ответил: «Есть, могу уходить!», — козырнул и ушел.

Но с этого времени он превратился в моего ярого врага. Мне неоднократно говорили, что он с возмущением заявлял: «Меня, полковника, обещал высечь! И кто же? какой-то адвокатишка, советский холуй».

Партизаны

С начала 1942 года в Смоленской области началось партизанское движение. Основу ему положила советская воинская часть, просочившаяся во время зимнего советского наступления лесами в довольно глубокий

---

[1] См. некролог в газете «Новый путь» за 15 июля 1942 г. Похоронен на Тихвинском кладбище в одной могиле с И. Е. Ефимовым (см.: http://www.smolnecropol.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=463:efimov&catid=22&Itemid=54).

[2] Судя по Документу № 6, этот инцидент получил широкую огласку в городе.

немецкий тыл — Демидовский, Касплянский районы в северной лесистой части области, отряды из армии Белова[1], зимой даже временно занявшей город Дорогобуж[2], — в Кардымовский и Монастырщинский районы центра области. Летом 1942 года партизанские отряды встречались уже и в Смоленском районе.

В связи с этим зимой побывал у меня начальник Касплянского района Сильницкий, пленный подполковник советской армии, принявший от немцев должность начальника района. Сильницкий рассказал мне о партизанах (кажется, я впервые от него и узнал о них), о том, что они подходят к самой Каспле, почему он просит меня дать квартиру его жене в Смоленске. Я исполнил его просьбу и дал его жене комнату в одном из домов по Мееровскому шоссе (улица Нахимсона).

Потом я узнал, что эта жена, Савицкая, артистка одного из ленинградских театров, летом 1941 года приехавшая в гости к своим родным в Касплю, из-за начавшейся войны не смогла выехать из Каспли, сошлась здесь с Сильницким, назначенным начальником Касплянского района. Сильницкий большую часть времени проводил с нею в Смоленске, пока не был арестован немцами. В комендатуре мне говорили, что причиной ареста послужила большая растрата средств района, обнаруженная при ревизии специальным финансовым советником штаба тыловой области Mitte, который проводил ревизии и у нас.

Сильницкий потом был заключен в лагерь, но остался жив, так как меня во время следствия подробно о нем расспрашивал майор Б.А. Беляев, особенно интересовавшийся причинами его ареста немцами. Что же касается его «жены» Савицкой, то она поступила на работу в наш городской театр и сразу же после ареста Сильницкого сошлась с агрономом Карловым, приехавшим в Смоленск из Калинина и поступившим на работу в крейсландвиртшафт. Судьба их после моего выезда из Смоленска мне неизвестна.

Расскажу еще о двух эпизодах, связанных с партизанским движением.

В феврале месяце, немцы, осуществляя карательные меры в местах, где побывали партизаны, в частности, в деревнях Кардымовского района, забрали в лагерь военнопленных в Смоленске всех «чужих», то есть до войны не живших здесь граждан. И вот ко мне на прием пришла женщина лет

---

[1] Белов Павел Алексеевич (1897–1962), генерал-майор (впоследствии генерал-лейтенант и генерал-полковник), Герой Советского Союза (1944). Во время Ржевско-Вяземской наступательной операции 1-й Гвардейский кавалерийский корпус под его командованием оказался в окружении и около 5 месяцев сражался в глубоком тылу врага. Его действия как командира уважительно отмечены в дневниках начальника Генерального штаба сухопутных войск Вермахта Ф. Гальдера. С июня 1942 г. — командующий 61-й армией.

[2] Город в Смоленской области, в 110 км к востоку от Смоленска.

30–35[1] с просьбой об освобождении из лагеря военнопленных ее мужа, забранного немцами, как чужого в одной из деревень Кардымовского района. На мои вопросы она рассказала, что до войны ее муж Алексей Николаевич Смирнов[2] работал в Ленинграде врачом-венерологом, был членом ВКП(б). С началом войны его призвали в армию. Она, не желая расставаться с ним, тоже поступила санитаркой в часть, где работал муж. Под Вязьмой их часть попала в окружение, но они с мужем, чтобы избежать плена, пробрались проселками в Кардымовский район и поселились в одной из деревень[3], где муж стал работать портным, пока его не забрали немцы.

Я сказал ей, что я не вправе ходатайствовать об освобождении ее мужа, так как он ни до войны, ни теперь никакого отношения к Смоленску не имел. Тогда она стала так сильно плакать, что я не выдержал и обещал просить комендатуру об освобождении ее мужа, но предупредил ее, чтобы она больше никому не говорила, что ее муж состоял в Коммунистической партии.

Через дня три после этого, она снова пришла ко мне, но не плачущая, а радостная, так как привела с собой мужа, отпущенного по моему ходатайству из лагеря. Я назначил его врачом в городскую венерологическую больницу, предоставил им комнату в одном из домов по Музейной (Краснознаменной) улице[4].

Осенью 1942 года у меня на почве нарушенного обмена веществ появились на руках многочисленные нарывчики. Горврач К.Е. Ефимов прислал ко мне для лечения этого самого Смирнова, как специалиста по кожным болезням. Он делал мне уколы, проводил сеансы электролечения. Я выздоровел. А.Н. Смирнов бывал у меня в связи с лечением, познакомился со всей семьей, всем понравился, и между нами установились дружеские отношения. Он и после окончания лечения частенько приходил к нам в гости.

В дни эвакуации Смоленска он просил меня дать ему лошадь для отъезда в одну из деревень, где хотел дождаться прихода наших войск. Я выполнил его желание. Когда осенью 1945 года я сидел во внутренней тюрьме

---

1 Русинова Ольга Алексеевна, по основной профессии школьная учительница.

2 См. его свидетельство о дулаге № 126, данные ЧГК (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 14. Л. 10–11).

3 Деревня Гевино.

4 Сам Смирнов (1905 г.р.) на допросе 28 сенября 1943 г. дал совершенно иные показания как о своем знакомстве с Меньшагиным, так и о своей работе после освобождения из дулага: «Прибыв в город Смоленск 15-16 июня 1942 г., я сразу же был арестован начальником города, который направил меня в гестапо. Там я правдоподобно рассказал о своей службе в качестве военврача и о своей партийности, после чего гестапо был направлен в лагерь русских военнопленных № 126, который находился на Краснинской улице» (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 1090. Л. 29).

Смоленского УГБ, то А.Н. Смирнов тоже был там. Майор Б.А. Беляев расспрашивал меня, почему я хлопотал об освобождении Смирнова и какие услуги он должен был оказывать.<...>[1]

Полиция правопорядка: назначение Сверчкова

Я уже говорил, что так называемая Ordnungs-Dienst, то есть городская вспомогательная полиция, бывшая до осени 1941 года на городском иждивении, хотя в оперативном отношении подчиненная SD и фельджандармерии, была в очень незавидном положении в смысле дисциплины и законного несения службы[2]. Я много раз говорил начальнику ее, Г.К. Умнову, о необходимости удаления из нее явных безобразников и более осторожного подхода к приему новых полицейских, но никаких практических результатов от этих разговоров не было.

Среди же прибывших из Калинина работников его горуправления и полиции, мне показался заслуживающим внимания Н.Г. Сверчков, работавший там тоже в полиции. Мне нравилось, что он не держится за хвостик В.А. Ясинского, а наоборот, проявляет недовольство, когда тот кличет его «корнет»! Поэтому я спросил его, не согласен ли он работать в городской полиции Смоленска, он согласился, и я, по предложению Г.Я. Гандзюка, вместе с ним 22 марта 1942 года посетил знакомого Гандзюку нового начальника Смоленского SD (фамилию не помню, так как пробыл он в Смоленске очень мало) и высказал ему свою точку зрения о состоянии городской полиции и о желательности замены Умнова Сверчковым.

Это было на другой же день выполнено. Умнов остался при SD для особых поручений[3].

Фольксдойче и инфекционная больница

В октябре 1941 года SD произвела учет так называемых «фольксдойче», то есть советских граждан немецкой национальности[4]. Им немцы сами выдавали дополнительное питание. Мне было объявлено, что

---

[1] Выпущен во избежание повтора фрагмент о провокаторе (профессиональном «свидетеле») Ковалькове (см. в наст. изд., с. 324–327.).

[2] По состоянию на февраль 1942 г. насчитывала 100 чел., из них с оружием 27. См. Документ № 4.4.

[3] Согласно немецким данным, эта замена была произведена 23 февраля, т.е. ровно на месяц раньше (РГВА. Ф. 500к. Оп. 1. Д. 770. Л. 27).

[4] Выявление и учет немцев и прочих арийцев входили в стандартный мандат СД на оккупированной территории. В воскресенье 21 декабря состоялось первое собрание граждан немецкого происхождения (НП. 1941. № 13. 18 декабря. С. 4). Всего в Смоленске было выявлено 116 фольксдойче (РГВА. Ф. 500к. Оп. 2. Д. 773. Л. 343).

фольксдойче изымаются из моей юрисдикции, и наказывать их может лишь либо комендатура, либо SD. Для представления их интересов в этих органах, а также в городском управлении назначен староста фон Глен, родом из Курска, пленный, освобожденный самими немцами из лагеря и работавший в Пропаганде. Он был неглупый человек, видел, насколько пострадал Смоленск и как трудно было нам работать, и никаких претензий к нам не предъявлял. Зимой 1942 года он женился на работнице нашей столовой, тоже фольксдойче, беженке из Звенигорода, и уехал с нею в Германию.

Его сменил пожилой уже фельдфебель, беженец Петерсон. Через месяц он умер от тифа. Кто был старостой после него, я даже не могу вспомнить, что говорит за то, что хлопот он мне не причинял.

Зато я хорошо помню фольксдойче Вершинскую А. Ф., до войны учительницу одной из смоленских школ, лет 45–50. Однажды является она ко мне на прием и начинает что-то говорить по-немецки. Я и до этого ее видел в связи с каким-то квартирным скандалом. Тогда она еще не числилась фольксдойче и разговаривала по-русски. Теперь я велел позвать переводчицу. Пришла М. Л. Гринцевич и, не видя в кабинете немцев, удивилась, зачем я ее позвал. Я сказал, что надо перевести слова этой гражданки. Оказывается, они до войны работали в одной школе, поэтому удивление Марии Львовны еще более возросло, и она воскликнула: «Агнесса Федоровна! В чем дело?», а та ответила, что ей так опротивел подлый русский язык, что она больше не желает разговаривать на нем.

Вершинская пришла требовать от меня мануфактуры, еще каких-то предметов, получить которые она, по разъяснению SD, имеет право. На мое заявление, что просимого у меня нет, она заявила, что ей до этого дела нет, раз ей полагается, то должны найти. Разговаривать с ней было бесполезно, а потому я сказал ей, что она ничего не получит и может идти жаловаться, куда ей угодно. Она с ворчанием удалилась.

Приходили ко мне с жалобами на нее уличный комендант, соседи по квартире; всем она осточертела, и я был очень рад, когда она в марте 1943 года уехала вместе с остальными фольксдойче в Лодзь[1].

---

[1] Лицманштадт (Лодзь) — центр округа Лицманштадт рейхсгау Вартегау, включенной в состав Третьего Рейха после оккупации Польши в сентябре 1939 г. Назван в честь генерала Первой мировой войны К. Лицмана, захватившего Лодзь в конце 1914 г. В Лицманштадте находилось EWZ, или Einwanderungszentralstelle (Центральное Бюро по иммиграции), подчиненный СД орган Главного управления имперской безопасности (РСХА). Эта организация занималась переселением «фольксдойче» в Третий Рейх (кампания “Heim ins Reich”, или «Домой в Рейх»). Одним из основных ареалов, заселявшихся фольксдойче с востока, как раз и являлось Вартегау, из-за этого «освобождавшаяся» не только от евреев, но и

Уже когда я был сам в Германии зимой 1944–1945 гг., то встретился в Берлине с уехавшей тогда же вместе с Вершинской Е. Гофман[1], тоже смоленской учительницей, и она рассказала мне, как Вершинская приставала с разными капризами к ехавшим вместе с нею, а по приезде в Лодзь стала предъявлять разные требования СС-овцам, в ведении которых находился лагерь фольксдойче. Так продолжалось, пока один из СС-овцев не побил ее резиновой дубинкой, после чего она присмирела.

Но если поведение бывшей учительницы Вершинской, показавшей свое истинное лицо совершенно некультурной, глупой, зазнавшейся «свиньи под дубом»[2], носило в основном комический характер, то действия другой женщины-фольксдойче Пичман, по профессии медицинской сестры, прибывшей в Смоленск как беженка из Подмосковья, приняли характер кровавой трагедии. По приезде в январе 1942 года эта Пичман была назначена медсестрой инфекционной больницы. Она скоро стала постоянной посетительницей немецкого врача комендатуры Хампеля и осведомительницей его обо всем, что попадало в поле ее зрения, а в первую очередь о положении в инфекционной больнице.

Как я уже писал, отдельные вспышки сыпного тифа, начавшиеся осенью 1941 года, с начала 1942 года, с наплывом беженцев, превратились в эпидемию. Инфекционная больница была полна тифозными больными, смертность была велика. Кроме ранее упомянутых мною сотрудников горуправления, умерших от тифа, умерла кассир Елизавета Васильевна Головкина, жена бывшего моего коллеги по адвокатуре, а потом юрисконсульта горкомхоза П. И. Головкина[3], арестованного осенью 1937 года и расстрелянного по постановлению особой тройки по Смоленской области.

Такое тяжелое положение инфекционной больницы требовало от всего ее персонала четкой, слаженной, самоотверженной работы. В особенности это касалось руководящих лиц. Фактическое же состояние дел заставляло желать лучшего. И мои личные наезды в эту больницу, обычно

от поляков. Именно это и означало, скорее всего, выражение Меньшагина «уехала в Лодзь».

1 Гофман Елена Александровна (1917–1996), в конце войны оказалась в Чехословакии, а в первые послевоенные годы — в Бельгии. Вышла замуж за Михаила Дмитриевича Свинцова (1914–1990), офицера РОА.

2 Парафраз одноименной басни И. А. Крылова.

3 Головкин Павел Ильич (1883–1938) — уроженец поселка Поречье Демидовского района Смоленской области, до ареста юрисконсульт Смоленского облкомхоза. Арестован 29 января 1938 г. УГБ УНКВД по Смоленской области по ст. 58, пп. 2, 8 и 11. Приговорен к расстрелу тройкой УНКВД Смоленской области 25 марта 1938 г., расстрелян 29 марта 1938 г. Реабилитирован 22 ноября 1956 г. (Книга памяти Смоленской области. Номер дела: 1060-с).

совместно с горврачом К. Е. Ефимовым, и финансовая ревизия, произведенная по моему распоряжению и подтвердившая неблагоприятное впечатление, сложившееся о порядках в больнице, говорили о слабости руководства со стороны главврача И. М. Семенова. В январе я объявил ему выговор, а завхоза Александрова уволил.

Но положение не улучшилось, а доходившие до меня слухи говорили о том, что Семенов, женившийся в это время на враче этой больницы Максимовой, до войны бывшей женой завгорздравотделом и состоявшей в компартии, при слабом с его стороны контроле за питанием больных, отнюдь не забывал свое собственное хозяйство. Поэтому я заменил его, как главного врача, Яновским, врачом нашей 1-й больницы, а когда тот вскоре стал отказываться от этой должности, то главврачом был назначен врач инфекционной больницы Овсянников, осенью освобожденный из плена.

И. М. Семенов оставался до мая 1942 года рядовым врачом этой больницы. В мае он и его жена Максимова просили меня уволить их, так как их приглашают работать в больницу города Красного Смоленской области, где материальные условия работы значительно лучше, чем в Смоленске. Я удовлетворил их просьбу, и они уехали в Красный. В ноябре 1942 года я узнал от К. Е. Ефимова, что И. М. Семенов и Максимова в Красном арестованы якобы за связь с партизанами и расстреляны[1].

Возвращаюсь к инфекционной больнице. К. Е. Ефимов, возвращаясь с совещаний, проводившихся гарнизонным врачом Хампелем, всегда говорил мне, что Хампель знает о положении в инфекционной больнице всё до самых мелочей включительно и придирается к нему и к главврачу этой больницы.

В ночь на одно из воскресений 1942 года произошел налет на Смоленск советской авиации, а в понедельник утром я узнал, что SD арестовала в воскресенье главврача инфекционной больницы Овсянникова, завхоза Мартыненко и кладовщика, тестя Мироевского, фамилию забыл, якобы подававших во время налета световые сигналы советским самолетам.

Узнав об этом, я поехал в больницу, на территории которой жили рабочие, освобожденные зимой из плена, о чем я уже писал, чтобы расспросить их, что происходило ночью. Я узнал, что в больнице во время налета дежурила медсестра Пичман, что Овсянников, направляясь в убежище, ввиду сильной темноты на минуту включил карманный электрофонарь, никаких сигналов вообще не было, а завхоз и кладовщик в больнице ночью вообще не находились. О результатах своей проверки я написал SD, с просьбой освободить арестованных. На это SD мне ответила, что они все

---

[1] Это же сообщает и П. И. Кесарев (ГАСО. Ф. 1630с. Оп. 2. Д. 19. Л. 33).

расстреляны за хищение продуктов, что мне известно было, но должных мер я не принял. Но хищение это было при главвраче Семенове и завхозе Александрове, которых я уволил, а Овсянников и Мартыненко в это время не служили в этой больнице и только кладовщик был причастен к хищению. Всё это произошло по доносу Пичман.

После этого трагического случая главврачом инфекционной больницы был назначен врач 1-й горбольницы Ашитков[1], а завхозом Корнеев. Последний поработал очень немного, видимо, меньше месяца. Следуя примеру завхоза 1-й горбольницы Мироевского В. Е., Корнеев решил сам поехать на автомашине в деревни Монастырщинского района для обмена там соли на разные продукты. Я очень одобрил это намерение, отпустил ему соли, и Корнеев уехал. Вскоре мне говорит К. Е. Ефимов, что по всем расчетам Корнеев уже должен был вернуться, однако его нет.

Прошло еще несколько дней. И вот однажды утром, я только что приехал в управление, секретарь А. А. Симкович сказала, что меня ждет шофер из инфекционной больницы Н. Толкачев. Он рассказал мне, что в день выезда его машины с Корнеевым, машина была остановлена группой партизан, которые стали ругать Корнеева и его, называть предателями, немецкими прислужниками и т. п. В ответ Корнеев стал их ругать, доказывая, что он-то не предатель, так как обслуживает больных русских людей, а они лесные волки. Тогда они застрелили Корнеева, машину сожгли, а его увели в лес с собою.

Когда, по прошествии некоторого времени надзор с их стороны за ним ослабел, он выбрал момент и ночью бежал из леса, добрался до Смоленска в больницу и затем явился ко мне. Я подробно расспросил его, рассказ не вызвал у меня никаких сомнений, и я отпустил его; он же обещал доставить с Соловьева перевоза еще одну машину и отремонтировать ее.

Через полчаса Толкачев снова появился у меня и сказал, что в больницу за ним уже приехала городская полиция, чтобы арестовать его, о чем его предупредил вышедший ему навстречу один из рабочих больницы.

Тогда я вместе с Толкачевым поехал в полицию. Начальник ее, Н. Г. Сверчков, подтвердил, что они намерены арестовать Толкачева, так как он подозревается в том, что он подослан партизанами. Я категорически возражал против ареста и сказал, что лично допрашивал его и убедился в правдивости его рассказа. Полиция оставила его в покое, и Толкачев выполнил свое обещание о доставке другой автомашины, работал на ней до эвакуации Смоленска, на ней же эвакуировался в Борисов,

---

[1] Ашитков Владимир Михайлович, до оккупации — зав. 2-й амбулатории. Упоминается в: *Домбровская Е.* Одиннадцать дней в городской больнице // НП. 1943. 11 июля. Допрашивался после освобождения Смоленска (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 41. Л. 34).

затем переехал со мной в Бобруйск, работал там до эвакуации на этой же машине — вез беженцев из Бобруйска до Граево[1]. Он был один из лучших шоферов в подведомственных мне гаражах и всегда очень хорошо относился ко мне.

Пичман же я назначил завхозом больницы. Мне это посоветовал К. Е. Ефимов. Мы считали, что когда она сама займется этим делом, то отпадет повод к постоянным ее кляузам доктору Хампелю. Проработала она до начала марта 1943 года, когда вместе с остальными фольксдойче уехала в Лодзь. О дальнейшей ее судьбе ничего не знаю.

Столкновение с этим доктором Хампелем в апреле 1942 года я имел из-за врача К. П. Зубкова. Я уже упоминал, что этот Зубков, в прошлом судебно-медицинский эксперт, с которым я иногда встречался в судебных заседаниях и обычно был им недоволен за формализм и постоянный обвинительный уклон в его заключениях, оказался в плену в смоленском лагере. По просьбе его родных, я истребовал его оттуда и назначил районным врачом Смоленского района. В марте я оставил этот район и вскоре после этого главврач К. Е. Ефимов сообщил мне, что на совещании Хампель беспричинно напал на Зубкова, уволил его и запретил работу врачом. Потом пришел сам Зубков, просил заступиться за него. Так как у нас в инфекционной больнице несколько врачей болели тифом, я назначил Зубкова в эту больницу, хотя К. Е. Ефимов боялся, что Хампель нападет за это на него.

Я посоветовал Ефимову заявить Хампелю в этом случае, что назначил Зубкова не он, а я. Он так и сделал. Хампель злился, а Зубков продолжал работать.

Военнопленные женщины и опасение провокации

В марте или апреле ко мне привел немецкий фельдфебель из Дулага нескольких женщин военнопленных, работавших в советских госпиталях и штабах. Через сопровождавшего его переводчика, тоже пленного врача И. Н. Каменева[2], он спросил меня, не возьму ли я этих женщин себе; тогда они приготовят им отпускные свидетельства и завтра передадут их мне. Я задал этим женщинам несколько вопросов. Среди них была аптечная работница Будкина, медсестра Овчинникова, машинистка и три или четыре санитарки. Я сказал, что беру их всех, и на следующий день они были отпущены. Будкина была назначена заведующей вновь организованной горaптекой, машинистка на эту же работу в административ-

---

[1] Город в Польше, место перевалки с советской колеи на европейскую.

[2] Вскоре он стал начальником окружного отдела здравоохранения. В качестве городского врача упоминается в: *Яковенко, 2015*.

ный отдел горуправления, Овчинникова медсестрой в 1-ю горбольницу, а остальные в инфекционную больницу.

Через некоторое время начальник административного отдела И. В. Репухов сказал мне, что эта машинистка многократно заводит разговоры с работниками отдела, в которых ругает и немцев, и русских «предателей», причем делает это громко, вызывающе, как бы бравируя своей смелостью. Репухов высказал опасение, что это может повлечь для нас неприятности.

Я велел прислать эту машинистку ко мне. Это была комсомолка лет 20–22, честная, но жизненно неопытная. Она не отрицала того, что ругала немцев и предателей, думая, что находится среди своих и дальше это не пойдет. Я сказал ей, что так думать нельзя, что как было и в советское время, так и сейчас: доносы, даже совсем ложные, очень распространены, и она может погибнуть ни за что. Кроме того, ругая «предателей», она несправедлива, ибо если бы мы не работали здесь, то ей и ее подругам пришлось бы томиться в лагере, а так, хотя и плохо, но живет на свободе. На это она с горячностью стала говорить, что она под «предателями» не имела в виду меня и смоленское горуправление вообще, почему она открыто и говорила, но что мы — исключение, а большинство работающих с немцами думают только о себе. В заключение беседы я посоветовал ей перестать разговаривать вообще на эту тему. Она обещала выполнить это.

Через месяц она пришла ко мне и просила отпустить ее в город Красный, где ей предлагают работу в районном управлении и где продовольственные условия лучше. Я не возражал выхлопотать ей пропуск в Красный, и она туда уехала, поблагодарив меня за хорошее к ней отношение. Помню, что фамилия ее очень распространенная, но какая именно — забыл (кажется, Семенова, но не уверен).

Остальные освобожденные с нею женщины благополучно дожили до ухода немцев из Смоленска. Слышал, что Овчинникова была кем-то убита в дни эвакуации Смоленска, и ее тело видели лежащим на улице.

А вот другой аналогичный случай и тоже с молодой девушкой кончился не так благополучно, как с нашей машинисткой. Летом 1942 года ко мне пришел работник SD Рой и спросил, не могу ли я указать какое-либо вполне надежное лицо, у которого можно было бы поселить работающую у них молодую русскую девушку. Кто такая эта девушка и почему ей нужна квартира, он не сказал.

Я вспомнил, что незадолго до этого вернувшаяся после тифа моя секретарь Е. К. Юшкевич говорила мне, что у нее освободилась комната, ввиду отъезда проживавшего там [постояльца]. Поэтому я направил Роя к Юшкевич. Потом мне она сказала, что к ней поселили сотрудницу SD, молодую, очень бойкую девушку, которая в разговоре с нею и с ее матерью, а также с соседями на улице постоянно ругает немцев, говорит, что

их скоро разобьют, а также что соседи боятся ее и сама Юшкевич чувствует себя очень неудобно, слушая ее разговоры. Я тоже был смущен такой необычной и подозрительной ситуацией: сотрудница SD в роли советской патриотки и бравирует этим.

Возможность провокации с ее стороны была очень вероятна. К такому предположению приводили и обстоятельства ее вселения к Юшкевич: SD, которое смотрело на меня всё время очень косо, вдруг просит устроить жилье их сотрудницы у какого-либо надежного человека. Напрашивалась мысль о провокации, затеянной SD против меня. Поэтому я одобрил мысль Е. К. Юшкевич сказать приведшему эту девушку немцу и после навещавшему ее об ее разговорах. Она это вскоре и сделала. После этого девица, ушедшая на работу, больше не вернулась, а пришел этот немец и, в оплату за квартиру, отдал Е. К. Юшкевич платья квартирантки.

Что сталось с нею — неизвестно, и Е. К. Юшкевич и я были озадачены: может быть, эта девица была просто большой дурой, не умевшей владеть своими чувствами и болтавшей что вздумается с первым встречным незнакомым человеком, в результате чего пропавшей ни за что. Но не исключена возможность и того, что, увидев провокацию неудавшейся, SD отправила ее в какое-либо другое место, и для маскировки этого ее платья были даны Е. К. Юшкевич.

Помимо пленных женщин, тот же фельдфебель Дулага-126 в сопровождении того же переводчика И. Н. Каменева приводил ко мне еще две группы пленных мужчин, которых немецкий врач признал непригодными к дальнейшей военной службе, почему их тоже предложили мне. Все они были приняты и устроены работать в отделах по очистке снега и дорожном, а переводчик И. Н. Каменев тоже обратился ко мне с просьбой выхлопотать его из лагеря. О себе он объяснил, что до войны жил в Москве, работал врачом-венерологом, попал в плен в октябре 1941 года под Вязьмой. Я возбудил ходатайство об его освобождении с поручительством за его поведение, и он был тоже освобожден и назначен мною врачом в венерологическую больницу.

Нередко в эту зиму с просьбами об освобождении пленных ко мне обращались местные женщины, заявлявшие, что возьмут освобожденного себе в мужья. Были случаи, когда они о кандидате в мужья ничего не знали, кроме имени и фамилии. Тогда я поручал им выяснить нужные для возбуждения ходатайства сведения, и когда они это исполняли, проводил дальнейшую процедуру освобождения. Таким путем был освобожден Дмитрий Ипполитович Суходольский[1], о котором потом я еще буду говорить. Пришла парикмахер, работавшая в частной парикмахерской, открытой по нашему патенту на Ленинской улице, имя ее Мария, фамилию

[1] Впоследствии зам. начальника отдела снабжения.

забыл, и стала просить себе в мужья пленного. По освобождении он женился на ней; вместе они жили и по выезде из Смоленска вплоть до окончания войны.

Лютик

Вечером 8 января 1942 года, на второй день Рождества, раздался стук в наши ворота. Оказалось, стучали две молодые девушки, одна из которых спросила:

— Вы меня не узнаете? Я Лютик, то есть Люция Васильева.

Мы вспомнили Лютика, маленькую девочку шести лет, дочь нашей соседки Анны Павловны Васильевой, с которой в одной квартире в доме №4 по улице Воровского мы жили с 1928 по 1933 г., когда Васильеву, партийную активистку, работавшую на швейной фабрике, назначили начальником политотдела МТС в районе городе Великие Луки. Лютик часто тогда прибегала в нашу комнату, ее все любили.

Теперь Лютик, уже взрослая 19-летняя девушка, рассказала, что перед войной они жили в Брестской области, где ее мать была на партийной работе; она и теперь находится там, а ей и ее подруге стало скучно, и они решили пойти в город Ярцево Смоленской области (км 80 к востоку от Смоленска), где живут родители и сестры Анны Павловны. И вот они пешком, в страшный холод пришли из Брестской области в Смоленск. Здесь из объявления на стене узнали, что я являюсь начальником города, у встречных выяснили адрес и пришли.

Наши женщины были очень рады приходу Лютика, стали угощать их, а все рассказы приняли за чистую монету. У меня же были большие сомнения в правдивости рассказа Лютика, но я не хотел смущать ни гостей, ни своих, а потому не стал допытываться до истины. Гости отдыхали у нас два дня, а затем пожелали идти дальше в Ярцево. Дошли ли они до него и какова их судьба, я не знаю. Если они были в Смоленске по партизанским делам, то хорошо придумали, остановившись у начальника города.

Очистка города и подготовка к наводнению

Весна 1942 года была довольно ранняя. Таяние снега началось уже в марте, а вместе с ним перед нами остро встал вопрос о санитарном состоянии города. Особенно беспокоили многочисленные пожарища, многие из которых были превращены в импровизированные уборные, в свалки всякого мусора вплоть до трупов павших лошадей. Я созвал у себя совещание моих заместителей, начальников отделов жилищного, транспортного и очистки, санитарного врача городских предприятий, уличных комендантов. Мы обсуждали два вопроса: об очистке города и о мерах

в связи с возможным наводнением. Было решено установить на Днепре ежедневное наблюдение за подъемом воды; очистку дворов при жилых домах производят жители их под наблюдением уличных комендантов с привлечением в нужных случаях городского ассенизационного обоза; очистку пожарищ, площадей, набережных производит отдел очистки по составленному календарному плану.

Всё должно быть закончено к 15 апреля. Общее руководство этой работой возложено на моего заместителя Г.Я. Гандзюка. Дня через три после этого совещания ко мне приходит из инспекции при 7-м отделе комендатуры «поручик» Тебеньков и заявляет, что он пришел по поручению В.А. Ясинского, чтобы помочь нам в деле очистки города. «Очень хорошо, — сказал я, — будете осуществлять контроль на месте за выполнением календарного плана, за качеством очистки». «Нет, — отвечал Тебеньков, — я прислан для общего руководства. Вы отведите мне помещение, где я буду принимать доклады о ходе работ». «Для общего руководства у нас своих хватает; повседневная проверка на местах — дело другое. Если вы не хотите этим заняться, то можете быть свободны», — и на этом «помощь» Тебенькова была закончена.

К моему большому удивлению, очистку закончили в срок и вполне удовлетворительно. Пожарища избавились от куч навоза и мусора.

Уничтожение цыган и душевнобольных

В апреле из разговора с начальником городской полиции Н.Г. Сверчковым я узнал, что в первых числах этого месяца немцами были убиты все цыгане, проживавшие в с. Александровском, где до войны существовал специальный цыганский колхоз[1]. Я был поражен и спрашивал: «За что?» — «Как цыгане», отвечал Сверчков. Оказывается, немцы преследовали не только евреев, о чем у нас и до войны было известно, но и цыган. О том, что еще в январе были убиты все больные в психиатрической больнице в Гедеоновке, в то время я еще не знал. Это стало известно тоже от Сверчкова в июле 1942 года.

Апрельские 1942 года аресты и Околович

В начале апреля SD произвела большие аресты среди смоленского населения, в том числе из служащих горуправления были арестованы: техник отдела городского архитектора Бобров[2], уличные коменданты Розова и Плотников, артист Растеряев. Бобров и переводчица Пропаганды

---

[1] См. в наст. изд., с. 40–42.
[2] Бобров Н.Ф. (не путать с М.С. Бобровым-Голубовским — см. ниже).

О. Ковалева, а также невеста Г.Я. Гандзюка Калерия (фамилию я не помню)[1] вскоре были освобождены, а про остальных ничего известно не было. По слухам, их расстреляли.

Мне было очень жаль Розову, ей было между 40 и 50 лет. Из уличных комендантов она была одна из лучших: очень исполнительная, толковая, заботливая, неоднократно обращалась ко мне с просьбами за разных лиц, и всегда ее просьбы были основательными и удовлетворялись мною.

В штате горуправления в начале 1942 года появились новые отделы: очистки — во главе с Вл. В. Мочульским, транспортный — во главе с Г.С. Околовичем, соцобеспечения — во главе с В.А. Меландером, бывшим до этого начальником жилищного отдела. Последнюю должность после перевода В.А. Меландера занял А.А. Дилигенский[2], прибывший из города Калинина, где был заместителем начальника полиции.

В 50–60-х гг. мне пришлось читать в газете «Известия», а также в журнале «Москва», №6 за 1971 год, очень плохие отзывы об Околовиче, который в то время возглавлял НТС. Говорилось, что во время войны Околович участвовал в карательных мероприятиях оккупантов, убивал, истязал и т.п. мирных граждан; вообще он изображался как какой-то изверг. То же писал в своих «Записках следователя Гестапо», опубликованных в №6–8 журнала «Москва», 1971 года, неизвестный мне автор, фамилию которого не помню[3]. Поэтому со своей стороны я хочу сказать здесь всё, что мне известно об Околовиче.

Мысль о выделении транспортного отдела мне подсказал мой заместитель Г.Я. Гандзюк. Я согласился с этим и, по рекомендации Гандзюка, назначил начальником этого отдела Г.С. Околовича, а его заместителями П.Н. Ярышкина — по автотранспорту и Полторацкого — по конному транспорту. Когда Г.Я. Гандзюк рекомендовал мне (заочно) Околовича, то говорил, что он его давно знает, как активного члена НТСНП, что он очень энергичный, дельный и честный человек. Здесь же рассказал он, что Околович еще задолго до войны перешел советскую границу,

---

1 Калерия (Лара, Валерия-Катарина) Гандзюк (урожд. Умнякова) родилась 22 апреля 1922 г. в Смоленске (см.: https://digitalcollections.MCP-arolsen.org/03020101/name/zoom/1980929/2024765).

2 Дилигенский (Делигенский, Дилегенский) Аполлон Александрович (ок. 1892 — ?), бывший царский офицер. Во время оккупации Калинина — зам. начальника полиции, затем в полиции во Ржеве, Смоленске (где разоблачил Л. Дринкера) и Борисове (см. о нем: *Федоров Е.* Вторжение. Стражи «нового порядка» // Тверская жизнь. 2001. 21 декабря). См. о нем и о снятии его с должности в управе в наст. изд., с. 468–469.

3 *Владимиров С.* Записки следователя гестапо // Москва. 1971. №6. С. 210–219; №7. С. 174–205 (журнальная версия); *Владимиров С.* Записки следователя гестапо. М.: Изд-во Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом, 1970). Подлинная фамилия автора в публикациях не раскрывалась.

совершал диверсии в Ленинграде (но что именно он сделал, не могу вспомнить) и благополучно вернулся обратно. На следующий день он привел ко мне самого Околовича.

Георгий Сергеевич Околович родился, кажется, в 1906 году, попал, следовательно, в поле моего зрения в феврале 1942 года и с этого момента, вплоть до отъезда его из Смоленска 22 сентября 1943 года занимался исключительно работой в транспортном отделе, не пропустив ни одного дня, а поэтому участвовать в каких-либо карательных акциях в это время он никак не мог и не участвовал. Это я подтверждаю со всей категоричностью. Работой его в городском управлении я был вполне доволен; он проявил себя как инициативный и добросовестный работник. Что делал Околович с начала войны и до февраля 1942 года и где в это время он был, не знаю.

После же Смоленска он с 8 октября 1943 года был в Орше в качестве заместителя бургомистра, которым являлся тогда Г.Я. Гандзюк. Там он рассорился с Гандзюком, из-за чего не знаю, и уехал в Минск. Здесь он в начале 1944 года был арестован SD и находился в заключении до апреля 1945 года, когда был освобожден, как я слышал, по ходатайству генерала А. А. Власова. В первых числах апреля 1945 года я видел Г. С. Околовича в городе Карлсбаде (ныне Карловы Вары в Чехословакии). Он говорил, что собирается ехать к жене, находящейся в Германии (где именно, я забыл). Женился он в Смоленске на Разгильдяевой, работавшей бухгалтером транспортного отдела горуправления. Эта Разгильдяева обращалась ко мне как к адвокату году в 1939–1940 в связи с тем, что ее первый муж был репрессирован в 1938 году.

Причиной ареста Околовича SD в 1944 году, как я слышал вскоре же после ареста, была составленная им и выпущенная НТС в Белоруссии весной 1944 года листовка с призывом: «Без Гитлера, без Сталина!» Это подтвердил и сам Околович при нашем разговоре в апреле 1945 года.

Замена Рота на Краатца

В первой половине апреля 1942 года произошла смена руководства в 7-м отделе комендатуры: бестолкового Рота заменил переведенный в Смоленск из Брянска оберрат Краатц. Я впервые увидел его вместе с Ротом 11 апреля 1942 года на открытии «офицерского собрания», то есть столовой районного управления. Краатц был значительно моложе Рота, умнее его, лучше ориентировался в делах, чем Рот, но много уступал в этом Грюнкорну. И Рот, и Краатц были членами национал-социалистической партии и до войны занимали должности ландратов, то есть начальников небольших округов, и оба любили, чтобы их и здесь называли ландратами. Краатц обладал большим самомнением и являлся немецким

шовинистом, считавшим, что и плохой немец лучше хорошего русского. В Смоленск он прибыл со своим штатом: два инспектора, из которых один возил его на автомашине как шофер, переводчик-зондерфюрер Зейдлер, приличный человек, родом из Прибалтики.

Вместе с Краатцем, вернее, вслед за ним приехали Р. К. Островский и его племянники Дмитрий Космович[1] и Михаил Витушко[2]. Роман Константинович Островский, как он отрекомендовался мне при знакомстве, он же Ромуальд Казимирович Островский-Калиш — для знавших его раньше, он же Родислав Островский в своих объявлениях в Белоруссии, бывший учитель Слуцкой гимназии до революции, затем один из организаторов партии «Белорусская Громада» в Вильнюсе. В 20-х гг. его судил вместе с другими деятелями этой Громады польский суд, и он был выслан в Лодзь, где и жил до прихода немцев в 1939 году. Что же он делал до начала войны между Германией и СССР, не знаю.

А затем он — спутник Краатца. В начале войны был с ним короткое время в Минске, затем переехал с ним в Брянск, где занял должность управляющего округом. Теперь он приехал в Смоленск, и Краатц назначил его на вновь учрежденную должность начальника Смоленского округа, в который включены те же восемь районов, подведомственных комендатуре, которые были в начале года подчинены Ясинскому, как инспектору

---

[1] Космович Дмитрий Денисович (1909, Несвиж — 1991, Штутгарт), белорусский военный и политический деятель, начальник антисоветского «Белорусского освободительного фронта». После аннексии СССР Восточной Польши и присоединения ее к БССР — бургомистр г. Несвиж Барановичской области, делегат сессий Верховных советов БССР и СССР, принимавших законы о присоединении аннексированных территорий. В 1940–1941 гг. — студент Минского политехнического института. После оккупации Минска — начальник ряда отделов горуправы, организатор белорусской национальной полиции Минска. Член ЦК «Белорусской незалежницкой партии», участник Автокефального собора Белорусской православной церкви. Придерживался той точки зрения, что Брянская и Смоленская области должны принадлежать Белоруссии. В апреле 1942 г., вместе с Р. А. Островским и М. Витушко, приехал в Смоленск, где был начальником Смоленской окружной полиции. До этого или после — на руководящих должностях в полиции Минска, Брянска и Могилева. Активно боролся с партизанами, в частности в Касплянском районе, за что награждался орденом «За храбрость» II класса в бронзе с мечами и др. знаками отличия (см. Документ № 14). В 1945–1952 гг. жил в Германии. Служил в УНРРА, представлял в Германии Белорусскую центральную раду.

[2] Витушко Михаил, зам. начальника Смоленской окружной полиции. До 1939 г. жил в Польше и служил в польской полиции. Во время оккупации служил на руководящих должностях в полиции Минска, Брянска и Могилева — всегда заместителем Д. Д. Космовича. Активно боролся с партизанами, в частности в Касплянском районе, за что награждался орденом «За храбрость» II класса в бронзе с мечами и другими знаками отличия (см. Документ № 14).

при 7-м отделе. Теперь эта инспекция упразднялась, сам В. А. Ясинский назначен начальником Лепельского округа, а сотрудники частью уехали с ним, частью вошли в штат Окружного управления. Заместителем начальника Окружного управления стал Н. Н. Никитин, бывший до этого начальником Починковского района и ушедший оттуда из-за боязни бомбардировок[1].

Племянники Р. К. Островского приехали в Смоленск из Брянска на своем автомобиле-пикапе. Д. Космович был назначен начальником Окружной полиции, а М. Витушко — его заместителем. На какую-то должность в Окружную полицию был назначен Г. К. Умнов, бывший начальник городской полиции; вскоре туда зачислен и Бердяев, уволенный с пивного завода после того как вместо К. Г. Трофимова его директором стал В. Ф. Гроссе, беженец из Калуги, а Трофимов остался там техноруком. Вот о Д. Космовиче и М. Витушко нельзя отрицать, что они участвовали в многократных карательных выездах против партизан. В Польше они работали до 1939 года полицейскими в городе Несвиже.

Р. К. Островский, приступая к обязанностям начальника Смоленского округа, просил меня «уступить» ему из своих сотрудников лиц, подходящих для занятия должностей начальников отделов просвещения, здравоохранения и ветеринарного. Я рекомендовал ему проф. К. Е. Ефимова в качестве начальника отдела просвещения, а на соответствующую должность в городском управлении назначил его заместителя И. И. Соловьева; начальником Окружного отдела здравоохранения — врача И. Н. Каменева, недавно освобожденного из плена; начальником ветеринарного отдела — городского ветеринарного врача Лугового, а на его место назначил ветврача Лютова, освобожденного из плена. Из этих лиц К. Е. Ефимов и Луговой сохраняли вполне лояльное отношение к горуправлению, что же касается Каменева, то он оказался подхалимом и сперва подпевал гарнизонному врачу Хампелю, занимавшему враждебную позицию в отношении города и его врачей, а потом в остром конфликте, возникшем в начале 1943 года между Р. К. Островским и мною, был на стороне первого.

Во главе Окружного финансового отдела был поставлен Гурьев, бывший старший налоговый инспектор городского финансового отдела, уволенный мной за взятки; во главе Окружного суда — А. Н. Колесников, бывший бургомистр Тарусы, именовавший себя профессором.

---

[1] После перевода Островского в Могилев Никитин был временно исполняющим обязанности начальника округа. См. его темпераментный месячный отчет по округу за июль 1943 г., дающий о нем как о человеке представление, контрастирующее с меньшагинской характеристикой (Документ № 4.13).

По специальности он юрист, работал в Московском университете; в энциклопедии советского права, изданной в 20-х гг., есть его статьи по вопросам административного права, в начале 30-х гг., то есть в пору массовых репрессий, он был арестован и, по постановлению Коллегии ОГПУ, сослан на 3 года в Мариинск[1]. По возвращении оттуда в Москве прописан не был и поселился в Тарусе, откуда и прибыл после отступления оттуда немцев в Смоленск. Здесь он сперва примазывался к В. А. Ясинскому, потом — к Р. К. Островскому.

Если Р. К. Островский — прожженный политикан, для которого провозглашенная им идея «Великой Белоруссии» являлась в конечном счете путем к своей личной карьере, человек очень неглупый, но аморальный, не брезгующий в борьбе со своими политическими противниками никакими средствами, то А. Н. Колесников обладал такими же отрицательными качествами, как и Островский, но в более мелком, исключительно личном масштабе, и к тому же он был лишен положительных качеств, имевшихся у Островского. Он представлял из себя религиозного человека, но религиозность его была чисто внешняя, носила характер пустого ханжества, духу же христианства он был совершенно чужд, он был весь пропитан лицемерием.

Скажу, кстати, и о третьем «ките» Окружного управления — заместителе начальника его, Н. Н. Никитине. Это был небольшой чиновник с кругозором среднего обывателя, недалекий, довольно трусливый, упрямый, вероятно, сказывалось на нем и то, что он 10 лет перед войной пробыл в заключении, попав туда в тот же период массовых репрессий и так же без суда, как «кондратьевец» (он был агрономом)[2]. Он не имел таких пороков, как Островский и Колесников, но и достоинства его были мелкие.

Я не видел причин к антагонизму с Окружным управлением и старался, чем мог, помочь им в первый организационный период. Городская стройконтора произвела ремонт предоставленного Окружному управлению помещения по улице Маяковского, о чем меня просил Островский.

Мне говорили, что Р. К. Островский усиленно сманивал многих работников горуправления к переходу на работу в Окружное управление, обещал им лучшие материальные условия и допускал при этом личные выпады против меня. Но успеха в этом он не имел; к нему перешли только секретарь жилищного отдела В. С. Петров[3] и машинистка Яновская. Переход этот никакого ущерба горуправлению не причинил.

---

[1] Город в Кузбассе, очаг концентрации лагерей ГУЛАГа, в том числе для лиц с ограниченной трудоспособностью или нетрудоспособных.

[2] От Николая Дмитриевича Кондратьева (1892–1938), выдающегося экономиста-аграрника, теоретика НЭП и автора теории экономических циклов. Расстрелян НКВД 17 апреля 1938 г.

[3] Муж Э. Р. Варик.

Угон населения: добровольцы

К апрелю 1942 года относится и первая отправка в Германию лиц, добровольно изъявивших к этому желание. Я из этих лиц знаю двоих. Это, во-первых, Савашкевич, юноша лет 17, из семьи, жившей с нами в доме № 4 по улице Воровского, сгоревшем, как я уже писал об этом, 29 июня 1941 года. Из многочисленной семьи Савашкевичей остался в Смоленске только один младший сын, кажется, Юрий. Он работал в какой-то немецкой части. Теперь он пришел ко мне проститься. Когда я услышал, что он хочет ехать в Германию, то попытался его отговорить от такого намерения, но безуспешно. Он говорил, что хочет посмотреть Германию, что здесь ему надоело, и просил меня, если увижу кого из родных, сказать им о его отъезде в Германию.

Второй случай — жена инспектора торгового отдела горуправления Н. И. Поча — Т. Б. Поч[1]. Она в это время нигде не работала, а до войны была чертежницей. Я ее знал с февраля 1939 года, когда она, по моему ходатайству, была вызвана свидетелем в Смоленский облсуд, по делу обвинения техника электростанции Острейко в антисоветской агитации. Она должна была опровергнуть показания своего мужа Н. И. Поча, но тот и сам отказался от них, объяснив неправильной записью его показаний следователем. Я очень удивился, услышав об отъезде в Германию Т. Б. Поч, но потом узнал, что здесь сыграла роль романтическая причина — влюбленность ее в какого-то русского эмигранта, возвращавшегося в Германию.

При следующем наборе для работы в Германии летом 1942 года добровольцев уже не было, уже было известно, что поехавшие туда весной встретили далеко не радушный прием и живется им несладко. Теперь биржа труда производила насильственную отправку лиц, состоявших у нее на учете и по возрасту и состоянию здоровья годных для тяжелых работ. В городе таких было мало, и в 1942 году отправка производилась из районов, находившихся в ведении Смоленской комендатуры.

Освидетельствование же их производилось медицинской комиссией при горотделе соцобеспечения, в которой участвовали врачи 1-й горбольницы и амбулатории при ней. В 1943 году, когда районные ресурсы, очевидно, были исчерпаны, биржа труда обратилась к городу. Я получил предложение освободить от работ в горуправлении и его предприятиях молодежь в возрасте от 16 до 25 лет.

Я отказался это сделать, и возник затяжной конфликт, в который вмешалась комендатура. Мотивом моего отказа было то, что городскому управлению приходилось проводить большие работы по поддержанию

---

[1] Николай Иванович и Татьяна Борисовна Почи. Группа смоленских граждан характеризовала Н. И. Поча как взяточника и вымогателя (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 15. Л. 29 об.). О Т. Б. Поч см. в наст. изд., на с. 510–511.

городских дорог в состоянии, пригодном для проезда автотранспорта. Я указывал, что в результате большого движения тяжелых автомашин асфальтовое покрытие дорог быстро изнашивается, почему ремонт его производится непрерывно. Вступив в этот конфликт с инспектором биржи труда Фелензином в конце 1942 года, я очень опасался того, что могут быть потребованы поименные списки молодежи с указанием, где кто работает. Тут сразу бы выяснилось, что большая часть молодых работает отнюдь не на дорогах и так называемых тяжелых работах. Но всё обошлось благополучно. Мое мотивированное письмо было доложено новому коменданту генерал-майору Полю, который согласился с ним.

Таким образом из Смоленска было отправлено в Германию в 1943 г. лишь незначительное число лиц, работавших непосредственно у немцев и переданных ими бирже труда, согласно ее требованиям. Из работавших или числившихся на работе в горуправлении и его предприятиях ни один человек отправлен в Германию не был. По моим сведениям, такого положения не было в других городах, подчиненных командованию группы Mitte. Я вижу в этом свою личную заслугу.

Бессель вместо Бока

Асессор Бок, являвшийся связным между 7-м отделом комендатуры и горуправлением, видимо, не сработался с новым начальником 7-го отдела Краатцем и в конце мая 1942 года покинул Смоленск. Его заменил переведенный из Могилева асессор К. Бессель. Это был молодой еще человек, говоривший по-русски, хотя и с ошибками, принявшийся за дело очень рьяно. По примеру Могилева он стал непосредственно ходить по отделам горуправления, требовать от них различные сведения, бывал на рынке, в частных закусочных и кустарных мастерских; в общем совал свой нос везде и всюду. Но какой-либо пользы от этого не было, так как нашей жизни, наших дел он не знал и не понимал, подходил к ним исключительно формально.

Вскоре ко мне посыпались от него бумажки такого содержания: начальника продовольственного отдела Богарева, за непредоставление мне сведений о наличии продуктов в указанный мною срок, оштрафовать на 50 руб., управляющего стройконторой Глухова за то же оштрафовать на 50 руб.; его же за невыполнение моего указания об очистке от строймусора такого-то места арестовать при полиции на 5 дней с исполнением служебных обязанностей, для чего его под конвоем приводить на работу и по окончании ее таким же образом отводить в полицию. Штрафы и другие взыскания были наложены и на инженера Мочульского, на рыночных контролеров Пономарева и Гудкова, еще на кого-то. После каждой бумажки я писал свои возражения, не выполняя его взысканий. И вот, 20 июня 1942 года я получил бумагу, что за это я оштрафован на 50 руб.

Тогда я собрал все эти бумажки Бесселя и в воскресенье 21 июня 1942 года пошел с ними к оберрату Краатцу. Краатц, вскоре после своего вступления в должность, слушал мою устную информацию о положении в городе, а потом два дня ездил со мной по объектам наших строительных работ: баня на Витебском шоссе, соборный двор, пожарный двор, где мы продолжали восстанавливать теперь правую сторону его для устройства там гаражей для нашего растущего автотранспорта, и сгоревшую школу рядом с основным зданием горуправления.

По окончании объезда Краатц сказал мне, что у него создалось хорошее впечатление о работе городского управления, и он удивляется, почему его предшественник Рот давал ей отрицательную оценку.

21 июня, придя к Краатцу, я сказал ему, подавая бумажки Бесселя, что при таком положении я работать не могу, что совершенно бесполезное для дела мелочное вмешательство Бесселя в работу отделов лишь дезорганизует ее, нервирует людей, нарушает установившийся с первых дней оккупации порядок, по которому немецкие власти имеют дело только со мной и не вмешиваются непосредственно в работу отделов горуправления. Поэтому я прошу либо запретить Бесселю такое вмешательство, либо освободить меня от должности бюргермейстера. Выслушав перевод моих слов зондерфюрером Зейдлером, Краатц разорвал бумажки Бесселя и сказал: «Он еще молод. Мы заменим его другим лицом, которое не будет вмешиваться в вашу работу». Я остался доволен этим сообщением и ушел.

На другой день ко мне пришел асессор Бессель и сказал: «Я Вам очень благодарен, господин бюргермейстер, за Ваше обращение к оберрату Краатцу. Он на меня нажимал, почему и я требовал различные сведения, а теперь я знаю, что делать этого не надо, и у нас с вами в дальнейшем не будет никаких столкновений». Я выразил свое согласие с этими словами.

Но вскоре вместо Бесселя для связи с горуправлением был назначен вновь прибывший советник Фурманс, а Бессель остался в 7-м отделе на какой-то другой работе. Фурманс напоминал Бока: он никуда не лез, занимался лишь писаниной. Пробыл он до декабря 1942 года, когда уехал, кажется, на Кавказ, а его заменил советник Ремпартс.

Строительные работы

С наступлением весны оживились и наши строительные работы. Наиболее крупные из них я уже назвал, когда писал об объезде их в апреле 1942 года совместно с новым начальником 7-го отдела комендатуры Краатцем. Возглавлял строительную контору теперь инженер В. В. Мочульский, заменивший уволившегося с работы и уехавшего, кажется, в Полоцк Е. И. Будько. Работой Мочульского я был более доволен, чем

Будько, так как тот постоянно ворчал, ничто его не удовлетворяло, совершенно не желал считаться с тяжелым положением города, требовавшим проявления максимума инициативы от всех работавших в нем.

К осени были закончены работы в бане по Витебскому шоссе, и она начала функционировать[1]. Восстановлено было и здание школы (бывшего до революции городского училища), и в нем разместили ряд отделов горуправления, находившихся в непосредственном ведении моего заместителя Г. Я. Гандзюка и кабинет самого Гандзюка.

Все принадлежавшие горуправлению автомашины к осени 1942 года помещались в закрытом помещении. Была отремонтирована и предназначавшаяся для меня легковая машина М-1, но фактически я ею не пользовался, исходя из соображений экономии бензина. Привезли с Соловьева перевоза легковую машину и для Гандзюка, отремонтировали ее и тоже оставили на всякий случай.

Был произведен и ремонт еще двух школьных зданий, освобожденных от немецких постоев: техникума связи по Красногвардейской улице и школы №26 по 2-й линии Солдатской слободы[2]. Эти здания было решено использовать по прямому назначению — организовать в них школы и начать в них занятия с детьми. Кроме этих двух школ открыли еще школу на Северном поселке в здании барачного типа, школу на торфоразработках «Красный Бор» и ремесленное училище, тоже в здании барачного типа по Красногвардейской, рядом со школой № 1.

Б. В. Базилевский и И. И. Соловьев подобрали штат учителей для всех этих школ, и 15 июля была открыта учительская конференция, предшествующая началу школьных занятий. Конференцию эту открыл я небольшим приветственным словом, обращенным к собравшимся учителям. После меня с аналогичными приветствиями выступили прибывшие в зал горуправления на открытие конференции начальник 7-го отдела комендатуры оберрат Краатц и начальник Смоленского округа Р. К. Островский. Практической работой конференции руководил мой заместитель Б. В. Базилевский. Занятия в школах начались 14 августа[3].

---

[1] Городская баня на Витебской улице открылась 5 августа 1942 г. (НП. 1942. 6 августа). Она работала все дни, кроме воскресенья (с 9 до 19 ч., но часы работы периодически менялись). Мужские дни — вторник, четверг и суббота, женские — понедельник, среда и пятница.

[2] Адрес школы №26 указан ошибочно, на самом деле она находилась на 1-й Краснинской улице. Примечательно, что Меньшагин вновь использует дореволюционный топоним (2-я линия Солдатской слободы). Перед войной это была 2-я линия Красноармейской слободы, во время оккупации переименована в ул. Коннозаводскую.

[3] Согласно газете «Новый путь», в 1942 г. занятия начались только в двух школах Смоленска. Одна из них была в здании бывшего техникума связи, вторая, предположительно, в здании школы №28 на ул. Коммунальной.

Концерты и театр

23 августа 1942 года произошло открытие постоянного городского театра[1]. Попытки к организации такого театра начались еще с весны 1942 года, но тормозом на пути к осуществлению этого было недоброжелательное отношение к нашим начинаниям со стороны начальника Отделения пропаганды доктора Кайзера. Весной в распоряжении этого отдела находился ряд артистов из числа военнопленных, освободившихся из лагеря по линии Пропаганды.

Один из них (фамилию забыл[2]) оперный артист, взялся по договоренности с В. И. Мушкетовым подготовить к постановке отдельные номера из оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». В. И. Мушкетов приводил его ко мне. Я приветствовал его замысел и обещал свое посильное содействие в осуществлении его. И вдруг узнаю, что этот артист посажен Кайзером под арест за то, что, будучи отпущен из лагеря военнопленных в распоряжение Кайзера, он без его разрешения договаривался с горуправлением. За повторение этого Кайзер обещал отправить его снова в лагерь.

Годовщину работы горуправления — 25 июля 1942 года — В. И. Мушкетов хотел отметить концертом в зале горуправления. Программа его заблаговременно была сообщена Пропаганде, но ответа долго не было. Так как отношения В. И. Мушкетова с Пропагандой были очень плохие, я поручил Б. В. Базилевскому съездить в Пропаганду и выяснить вопрос о концерте. И вот 24 июля, то есть накануне намеченного дня, ко мне приходят Базилевский вместе с помощником Кайзера (фамилии его я не помню), и последний заявляет мне, что они не могут дать свое согласие на этот концерт, так как не знают его идейного содержания, и им нужно предварительно самим прослушать его. Кроме того, он обращает внимание на то, что в программе предусмотрены произведения исключительно русских авторов и совсем нет немецких.

Я взял программу, бросил ее на стол, прихлопнул рукой и в повышенном тоне сказал: «Довольно! Мне надоели вечные придирки Пропаганды. Никакого празднования не будет, я отменяю его, а в очередном месячном докладе за июль отмечу, что намеченное празднование годовщины сорвано по вине Пропаганды». Базилевский страшно испугался и стал

---

1 Народный театр находился на ул. Красногвардейской (в годы оккупации — ул. Крепостная), в здании бывшего Латышского клуба, созданного в 1928 г. С 1937 г. это был детский кинотеатр, после войны и по сей день — детский кинотеатр «Смена».

2 По всей вероятности это был именно упоминаемый ниже В. П. Мирсков. Его и пианиста В. В. Топилина концерт, включавший произведения Рахманинова и Чайковского, состоялся в середине июня 1943 г. и был назван лучшим концертом в Смоленске по серьезности программы и по мастерству (НП. 1943. 17 июня).

лепетать: «Б. Г., Б. Г. — спокойнее», а немец сразу же потерял свой важный вид и заговорил: «Ну, хорошо, я подпишу программу, не сердитесь». Он тут же взял программу и подписал свою визу.

25 июля, в субботу, занятия были окончены на два часа раньше. Все сотрудники собрались в большой зал, куда явились и советник Фурманс с зондерфюрером Гессе. Фурманс обратился к нам с коротким приветствием и выразил от имени комендатуры благодарность мне и Г. Я. Гандзюку. После этого начался концерт, прошедший очень успешно[1].

Особенно выделялись оперные арии, исполненные тенором В. П. Мирсковым[2]. По имевшимся сведениям, он до войны пел в музыкальном театре им. Станиславского на Большой Дмитровке, в составе московского ополчения попал в окружение и в плен под Вязьмой в октябре 1941 года, освобожден по линии Пропаганды. Мирсков — псевдоним, избранный им на период оккупации; настоящей его фамилии узнать я так и не удосужился. Голос у него был прекрасный. До юбилейного концерта он устраивал свой концерт, в котором почти всю программу исполнял сам. Перед этим своим концертом он приходил ко мне и просил посетить его. При уходе немцев из Смоленска Мирсков остался и, как я слышал, был арестован советскими органами, но что последовало дальше, я не знаю.

На открытии городского театра были поставлены два водевиля А. П. Чехова «Предложение» и «Медведь». Играли артисты, зачисленные в штат театра, в том числе артисты довоенного Смоленского областного театра В. В. Либеровская, М. А. Луговая, артисты из пленных Спорышев, Гульковский, из местных жителей Гришин, Зеленеев, бывший сотрудник НКВД Иванова, из подмосковных беженцев Туманов и Алферова[3]; были и еще несколько человек, но вспомнить их сейчас не могу.

Директором театра был, по рекомендации В. И. Мушкетова, назначен его приятель Н. Е. Скряков, мой товарищ по первому классу гимназии; но он потом отстал от меня года на три, хотя возрастом был старше меня на два года. Вскоре на него напал доктор Кайзер, придравшийся к каким-то его упущениям.

Пришлось его заменить рекомендованным Кайзером артистом А. Кесаевым, из освобожденных пленных, по национальности осетином. Кесаев тоже пробыл в должности директора театра недолго. Чувствуя

---

1 Ср. в отчете о праздновании: «Затем был дан музыкально-вокальный концерт в 2-х отделениях, причем наряду с известными уже зрителям оркестром духовых и народных инструментов, а также мастерами вокального искусства, впервые выступил оркестр под управлением Ивановича и хор под управлением Степанова, имевшие заслуженный успех» (Годовщина организации городского управления // НП. 1942. № 59 (80). 30 июля. С. 4).

2 Мирсков Виктор Петрович.

3 Начальник одного из районов Гомельской области.

поддержку Кайзера, он не желал считаться с горуправлением, самовольно производил из кассы театра не предусмотренные планом расходы, за что я объявил ему выговор и при повторении уволил. Все жалобы его ни к чему не привели.

Директором театра я назначил профессора В. А. Меландера, бывшего до этого начальником отделов горуправления: сперва жилищного, а затем — социального обеспечения. В октябре 1942 года тот же помощник Кайзера явился ко мне и просил согласия на постановку в городском театре пьесы «Волк», написанной двумя писателями, состоявшими при Смоленском Отделении пропаганды: Р. Березовым[1] и С. Широковым[2]. Первый из них — псевдоним советского писателя Р. М. Акульшина, попавшего в плен вместе с московским ополчением в октябре 1941 года и освобожденного по линии Пропаганды. Несколько лет тому назад я читал в «Известиях», что он живет в США и работает клоуном, а второй — псевдоним С. Максимова, он же С. Пасхин, беженца из Калуги, где он поселился после освобождения из заключения; слышал, что он умер.

---

[1] Березов Роман (Акульшин) Родион Михайловияч (1896–1988) — крестьянский поэт и прозаик, член группы «Перевал», друг С. Есенина и автор мемуаров о нем. В начале войны записался в ополчение и попал в плен. Сотрудничал в «Новом пути». С 1948 г. в США.

[2] Широков — один из псевдонимов Сергея Сергеевича Максимова (1916–1967, Лос-Анджелес; два других псевдонима: в СССР — С. Пасхин, а в эмиграции — Пашин). В 1936–1941 гг. — в ГУЛАГе. В оккупированном Смоленске был директором городского кинотеатра. Автор антисоветских пьес «Волк», «Дитя Европы» и «Голубое небо». Пьесу «Волк» он написал вместе с Р. Березовым (Акульшиным). Она была поставлена в Смоленском народном театре режиссером А. Г. Кессом (см. беседу с ним об этой пьесе в: НП. 1942. №78. 4 сентября. С. 4). Главный герой «Волка» — молодой красноармеец Бывалов, случайно становится партизаном, т. е. членом «бандитской шайки», отчего его мучит совесть. Сердцем же он тянется к любимой девушке Наде, оставшейся в родном селе. Однажды с другим партизаном, бывшим секретарем райкома Ползунковым, Бывалов уходит на задание, но встречается с Надей и решает порвать с коммунистическим прошлым. Безоружный староста пытается проверить документы у переодетого Ползункова, но тот ранит его ножом в спину. В это время появляется Бывалов, набрасывается на вероломного коммуниста, которого связывают и отправляют в тюрьму. Бывалов принимает сторону новой власти и остается с невестой: он счастлив! По пьесе была создана и радиопостановка, регулярно выходившая в смоленский эфир. Кроме Смоленска «Волка» ставили в Пскове, Орше, Борисове, Минске и Локте. Содержание постановки «Голубое небо»: главный герой, Степанов, не считает СССР своей родиной. Образ «голубого неба» в пьесе символизирует 22 июня 1941 г. как день освобождения России. 18 апреля 1943 г., вместе с Меньшагиным, ездил в Катынь на место эксгумации трупов польских офицеров. В 1943–1945 гг. в Берлине, в Восточном отделе Министерства пропаганды. После войны жил в Гамбурге и Камберге, входил в редколлению журнала «Грани»; с 1949 г. — в США.

Тема пьесы «Волк» антипартизанская; главный герой ее «Волк» — секретарь подпольного райкома партии, терпящий фиаско в своих попытках поднять население оккупированной местности на партизанскую борьбу. Я дал просимое согласие, и пьеса была поставлена 1 ноября 1942 года.

Через некоторое время после этого В. А. Меландер принес мне две бумаги, адресованные Кайзером на его имя, с предписанием выплатить авторский гонорар Р. Березову и С. Широкову за постановку «Волка» и возместить Пропаганде расходы на покупку костюма и другой одежды артисту театра Гульковскому. На обеих бумажках я написал: «Оплате не подлежит».

Вскоре после этого меня вызвал советник Фурманс, у которого я застал доктора Кайзера. Фурманс сказал, что оберрат Краатц поручил ему разобрать жалобы Пропаганды по поводу моего отказа оплатить расходы, произведенные для театра, и спросил, почему я не хочу платить. Я ответил, что пьеса «Волк» — вещь малохудожественная, и если она попала в репертуар театра, то лишь потому, что я пошел на уступку Пропаганде, преследовавшей агитационные цели.

Но когда речь шла о постановке этой пьесы, то помощник доктора Кайзера, договаривавшийся со мной об этом, ничего не говорил, что театру придется[1] еще платить за эту постановку. Я же, если бы знал об этом, не дал бы своего согласия на постановку. Так же обстоит дело и об оплате одежды для артиста Гульковского. Пропаганда должна была прежде договориться об оплате, а потом покупать, а так как этого сделано не было, то я не считаю горуправление обязанным покрывать расходы Пропаганды, сделанные без его ведома и согласия. Фурманс сказал Кайзеру, что я прав, и дело на этом окончилось. Больше Кайзера я не видел. Но еще до этого мы сумели причинить ему некоторую неприятность.

Музей, библиотека, церкви, кино

Еще в первые месяцы 1942 года в Смоленске появился представитель так называемого «Штаба Розенберга»[2]. Он был у В. И. Мушкетова, тот писал для него картину с видом Смоленска, и в одном из разговоров,

---

[1] Далее текст по тетради № 4.

[2] Правильно: «Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга» (Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg, или ERR) — организация, занимавшаяся выявлением, конфискацией и реквизицией культурных ценностей на оккупированых Германией территориях. Основные архивные фонды ERR находятся в Москве (РГВА. Ф. 1401; Ф. 1402) и Киеве (ЦДАВО. Ф. 3674; 3676). Отделение ERR имелось и в Смоленске. О вывозе церковных архивов из Смоленска в Вильно см.: ЦДАВО. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 144.

касавшихся городского музея[1], Мушкетов рассказал о продаже Кайзером части музейного имущества немецким офицерам в виде сувениров. Тот, когда услышал об этом, рассвирепел. Оказалось, что «Штаб Розенберга» и Министерство пропаганды, как и их руководители А. Розенберг и И. Геббельс, находятся друг с другом в состоянии вражды. Каждый из них считает музеи, библиотеки и т.п. имущество на оккупированных территориях своей вотчиной, и потому представитель «Штаба Розенберга» Ульрих возбудил против доктора Кайзера судебное дело.

Однажды летом меня и В.И. Мушкетова вызвали в военный суд в качестве свидетелей по делу Кайзера. Я рассказал в заседании суда всё, что здесь написано по вопросу продажи музейного имущества. Так как сразу после этого я удалился к себе в управление, то не слышал, что говорил Мушкетов. Военный суд признал Кайзера виновным и лишил его очередного производства в следующий чин. В конце 1942 года Кайзер из Смоленска уехал, кажется, в Нежин.

Областная библиотека, находившаяся «у часов», в бывшем доме Кувшинникова[2], сгорела 29 июня 1941 года[3]. Я сам видел 30 июня, как она догорала. Когда мы стали понемногу осваивать городские строения, уцелевшие и сгоревшие, так как в последних иногда можно было найти что-либо нужное и полезное (например, в развалинах сгоревшего 16 июля и обрушившегося «Дома печати»[4] нашли исправную типографскую машину, которую и использовали в сооруженной нами типографии), то обнаружили, что подвал под областной библиотекой уцелел и был наполнен книгами. Видимо, там хранился запасный фонд. Я распорядился эти книги перевезти на соборный двор в помещение бывшей Предтеченской церкви, помещение которой до войны принадлежало музею, как и помещения Успенского и Богоявленского соборов.

Теперь здания этих двух храмов стали использоваться по своему прямому назначению[5]. Богослужения в Успенском соборе начались, как

---

1 См. Документ №4.2.

2 Находился на улице Большой Советской, в годы оккупации — Главной.

3 Об этой библиотеке в Харькове сохранился интересный архивный источник на немецком языке — своего рода образчик национал-социалистической “oral history”: «История центральной библиотеки г. Смоленска по рассказам библиотекаря Валентины Шороховой на 11 листах», записанный 4 сентября 1943 г. сотрудником «Штаба Розенберга» фон Крузенштерном (ЦДАВО. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 109). См. публ.: Очерк истории центральной библиотеки г. Смоленска библиотекаря Валентины Шороховой // Край Смоленский. 2015. №7. С. 39–44.

4 Судя по характеру разрушений (обрушение несущих стен), здание «Дома печати», вероятно, было взорвано 15 июля 1941 г. при оставлении Смоленска советскими войсками.

5 В 1937 г. в Смоленске были закрыты почти все церкви, а накануне войны здесь действовала лишь одна — Тихвинская.

я уже писал, 10 августа 1941 года[1], а так называемый «зимний» Богоявленский собор был освящен 18 января 1942 года, и в нем соборный причт совершал зимой повседневные службы, так как в огромном Успенском соборе зимой было очень холодно, и служили там до весны лишь в большие праздники, когда собиралось много народа.

В бывшей Предтеченской церкви я намерен был открыть публичную библиотеку. Но о наличии там книг стало известно «Штабу Розенберга». Мне кажется, что причиной этого послужила излишняя откровенность В.И. Мушкетова. «Штаб Розенберга» заявил, что предварительно книги должны быть подвергнуты цензуре, и лишь одобренные ими могут быть использованы в публичной библиотеке, а остальные подлежат изъятию.

25 января 1942 года я увидел мальчиков, несших пачки книг. Я спросил, что за книги и откуда они. Они объяснили, что сзади бывшего областного театра на пожарище немцы выбросили очень много книг, откуда желающие и берут себе. Я пошел туда и увидел на пустыре по улице Пржевальского рядом со зданием Смоленского педагогического института огромные кучи книг из библиотеки этого института. От Б.В. Базилевского я знал, что хорошая библиотека института была замурована в одном из помещений института. Оказалось, что немцы из госпиталя, занимавшего это здание, разрушили кирпичную кладку, укрывавшую книги, и выбросили их на свалку. Я приказал транспортному отделу срочно перевезти книги со свалки в бывшую Предтеченскую церковь. То, что уцелело, было 26–27 января свезено туда. Вот с этими остатками двух библиотек и стали заниматься человек 10–12 женщин, нанятых «Штабом Розенберга» для разборки и просмотра их. Работа их шла очень медленно, продолжалась до лета 1943 года, то есть больше года.

Книги, признанные «вредными», были отправлены в Германию, а остальные остались в ведении городского библиотекаря Л.И. Студитовой. В сентябре 1943 года библиотека должна была быть открыта для

---

[1] О реставрации Успенского собора (в частности, заделке пробоин от снарядов в куполе) и воозобновлении службы в нем Меньшагин — и «не без гордости» — рассказывал журналисту Виктору А. Ларионову (Смоленск. От специального корреспондента «Нового Слова» // Новое слово (Берлин). 1942. № 69. 30 августа. С. 3). В соборе до оккупации находился Музей атеизма, так что для организации богослужений потребовался вынос его экспонатов. Первая служба в соборе состоялась 3 августа 1941 г. и была лютеранской, для немецкой армии: ее совершил молодой пастор, прибывший вместе с войсками. Первая православная служба состоялась 10 августа, в день празднования Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии. Протоиереи Тимофей Глебов и Павел Смирягины освятили собор и отслужили литургию. К 15 августа при соборе был организован церковный хор из профессиональных певцов под управлением Михаила Ивановича Андреева (*Обозный К.П.* История Псковской православной миссии 1941–1944 гг. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2008).

общего пользования, но подошла эвакуация Смоленска. Книги остались в указанном помещении, оставшемся в целости.

Там же, на соборном дворе в помещении бывшей епархиальной консистории до войны находилось областное архивное управление с частью архива и небольшой библиотекой редких книг. Еще в августе 1941 года мы приняли это имущество в свое ведение. Заведующим архивом был назначен И. Морозов, старый архивный работник, осужденный в 1930 году Коллегией ОГПУ за шпионаж в пользу Германии[1]. Рассказывая мне об этом, он смеялся и говорил, что если бы сидел тогда за дело, то теперь бы получал какие-либо награды от немцев, но так как фактически никакого шпионажа не было, то и сейчас ничего нет, а 10 лет отсидел ни за что.

Морозов был хорошим добросовестным работником, и сохранившийся архив как на соборном дворе, так и в бывшей Покровской церкви (архив ЗАГСа), бывшем Авраамиевском монастыре, был в порядке и выдавал нуждающимся требуемые ими справки. Архив в бывшей Петропавловской церкви, построенной князем Ростиславом Мстиславовичем[2] в 1147 году,

---

[1] Морозов Илья Авксентьевич (1889, по др. данным 1887 — ?). Выпускник Московского археологического института (1918) и военного училища. В РККА служил начальником учетно-распределительного управления штаба БВО. После демобилизации в 1926 г. приехал в Смоленск, где работал с декабря 1926 по май 1930 г. инструктором, а с мая 1930 по февраль 1931 г. научным сотрудником Западного архивного бюро Смоленской губ. (после 1929 г. — Западной области). 13 февраля 1931 г. арестован постоянным представительством ОГПУ Западной области, 29 января 1932 г. Коллегией ОГПУ Западной области обвинен по статье 58-6 («принадлежность к агентуре латвийской и польской разведок») и приговорен к 10 годам ИТЛ. Накануне войны вернулся в Смоленск. Оккупационными властями был назначен заведующим архивным бюро; работал в историческом архиве и архиве ЗАГСа. Сотрудничал с ERR. В сентябре 1943 г. Морозов покинул Смоленск и транзитом через Минск и Вильнюс в конце лета 1944 г. попал в Плёсс, где обрабатывал фонды захваченного немцами бывшего Смоленского партийного архива (Verschleppt und verschollen / Hrsg. U. Hartung. Bremen: Themmen, 2000. S.197). «Наступление советских войск помешало дальнейшей работе над архивом. Тем не менее не исключено, что именно отобранные Морозовым "важные папки" были вывезены из Плёсса в Баварию, и затем попали к американцам. По информации С. Солодовниковой, попал к американцам и сам И. А. Морозов, но позже был выдан советским властям по договору о репатриации. Затем он вернулся в Смоленск, где был арестован и осужден за пособничество нацистам на 25 лет тюрьмы (по всей видимости, арестован не сразу, по крайней мере приговор датирован лишь 1949 г.) Больше никаких сведений о Морозове нет, предполагается, что он умер в тюрьме или в лагере» (*Петров И.* Судьба русского офицера, или Снег в штанах. URL: http://labas.livejournal.com/889938.html). Реабилитирован 27 августа 1959 г. Верховной коллегией ВС СССР.

[2] Князь Ростислав Мстиславич (в крещении Михаил; ок. 1107/1109 — 1167), князь смоленский (1127–1167), новгородский (1154), великий князь киевский (1154–1155, 1159–1161, 1161–1167).

сгорел вместе с внутренностью этой церкви в 20-х числах июля 1941 года. Архив бывшей Всесвятской церкви (обкома ВЛКСМ) увезен «Штабом Розенберга». Сохраненные нами архивы остались в целости на соборном дворе.

Летом 1942 года было открыто и постоянное городское кино[1]. Директором его был назначен упоминавшийся выше писатель С. Пасхин (он же С. Широков, он же С. Максимов). Кинокартины получали напрокат за плату, конечно, от немцев. Я собирался, но так ни разу и не побывал в этом кино. Судя по приносимому им доходу, посещаемость кино была большая. Точно так же и театра, дававшего по 3 спектакля в неделю. Я был, кажется, на всех его постановках, и всегда зал был полон. Иногда в театре проходили концерты труппы Гаро[2], состоявшей при Пропаганде из русских артистов, из которых мужчины — освобожденные пленные. На концертах этих зрительный зал всегда был заполнен.

Качество спектаклей, на мой взгляд, было не хуже, чем в довоенном областном театре. Кроме агитационного «Волка», все спектакли в репертуаре театра были из русской классики — Гоголя, Островского, Чехова, старые водевили. Музей имени М. А. Тенишевой в январе 1942 года был занят немцами под постой какой-то части, а музейное имущество было собрано в нескольких комнатах, запечатанных печатью комендатуры. Здание это было возвращено горуправлению лишь в феврале 1942 года. Всё имущество сохранилось в исправности. Я сам присутствовал вместе с В. И. Мушкетовым и другими музейными работниками при вскрытии запечатанных комнат.

Вскоре после приведения музейного имущества в состояние, годное для обозрения его, немцы потребовали его вывоза из Смоленска в более подходящее для его сохранности место. На мои возражения приводились доводы опасности от предстоящих воздушных бомбардировок Смоленска. Я настаивал на том, чтобы имущество музея сопровождал бы В. И. Мушкетов. Вопрос этот немцы затянули, и разрешился он в положительном

---

1 Кинотеатр «Луч» (1-я Краснинская ул., д. 26).

2 Гаро Г. А., московский артист и художник-монументалист (см.: *Гайдабура В.* Театр між Гитлером і Сталиним. Україна. 1941–1944. Долі митців. Київ, 2004. С. 53–54), руководитель эстрадного ансамбля и сотрудник БОКС (Бюро организации культурных событий). Считалось, что 26 мая 1943 г. он погиб в Краснинском районе от рук партизан (см.: *Зверева, 2016.* С. 145; *Близнюк М.* «Войной навек проведена черта...»: Вторая мировая война и русские артисты: под оккупацией, в Рейхе, в лагерях Ди-Пи. М.: Старая Басманная, 2017. С. 62–64). На самом деле он после войны попал в ГУЛАГ, отсидел срок, был освобожден, потом снова арестован и уже окончательно пропал (*Гольдштейн М.* Записки музыканта. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1970. С. 44–45).

смысле значительно позже вывоза имущества в Вильнюс, где оно было помещено в здание бывшего Антониевского католического монастыря. Туда, по получении пропуска, и уехали Мушкетовы.

В апреле–мае 1942 года была открыта музыкальная школа. Инициатором этого был освобожденный из плена артист-скрипач Вдовенко, ставший ее директором. Преподавателями были местные учителя довоенной музыкальной школы. Учились в ней одни девушки.

Ликвидация гетто

16 июля 1942 года, в первую годовщину занятия Смоленска германской армией, я, как всегда, в восемь часов утра приехал в горуправление. Не успел я сесть за свой стол, как ко мне вошел мой заместитель Г. Я. Гандзюк, обычно он приезжал с некоторым опозданием, почему я был удивлен его раннему появлению.

Поздоровавшись, Гандзюк сказал: «Сегодня ночью ликвидировано гетто, его имущество передается нам. Вы сами изволите поехать туда или разрешите мне принять это имущество?» — «То есть как это ликвидировано?» — спросил я. Гандзюк несколько замялся и, жестикулируя руками и заикаясь, сказал, что евреи умерщвлены. — «Как, все? А Пайнсон?» — «И Пайнсон тоже». — «А куда же дети?» — «И дети тоже». — «Нет, я не поеду». — «Тогда разрешите мне?» — «Да, да!»

Таков был дословный обмен фразами между мной и Гандзюком. Да, я еще спросил его: откуда это ему известно? На что он ответил также с некоторым замешательством: «Это достоверно». Но откуда он узнал об этом вопиющем злодеянии, он так и не сказал[1].

После этого Гандзюк вышел от меня и уехал в Садки. Я же пошел к другому своему заместителю Б. В. Базилевскому и рассказал ему о сообщении Гандзюка. Оба мы были в полном смысле слова ошеломлены. Сказал я еще своему секретарю А. А. Симкович. Она пришла в ужас и высказала опасение за свою дочь, мою крестницу, отец которой еврей. Слава Богу, она пережила войну и гибель изуверского гитлеровского режима.

Помню, какая тяжелая атмосфера возникла у меня дома, как плакала моя покойная жена, когда я рассказал о происшедшем в предшествующую ночь. По данным паспортного отдела, убито было 1003 человека, проживавших в гетто[2].

Добавлю к этому тяжелому воспоминанию о разговоре между мною и начальником 2-го управления Министерства госбезопасности генералом, фамилии которого я не знал, но, по словам бывшего замминистра

---

1 В интервью Н. П. Лисовской Меньшагин повторил этот рассказ почти буквально.

2 В это число, очевидно, вошли только евреи — коренные жители Смоленска.

внутренних дел СССР С.С. Мамулова, эту должность в то время занимал Федотов[1]. Ночью 25 января 1946 года я был вызван к этому генералу. Среди некоторых других вопросов, он спросил меня: было ли мне заранее известно о предстоящем умерщвлении евреев или нет и, если нет, то от кого я узнал об этом. Я рассказал ему то, что написал сейчас.

Тогда генерал сказал, что нам известно, что вас в момент убийства не было, присутствовал Гандзюк, принимавший в нем участие. При этом генерал поинтересовался, было ли в практике взаимоотношений горуправления и немецких властей непосредственное обращение их, помимо меня, к другим сотрудникам. Я пояснил, что немцы обычно очень строго соблюдали иерархическую субординацию и обращались всегда ко мне. Почему сделано отступление от этого правила в данном случае, я не знаю и думаю, что причиной этого было недоброжелательное отношение ко мне со стороны SD, руководившей убийством евреев; в ее глазах я был недостаточно благонадежен. На этом разговор на данную тему был закончен.

Дело Дринкера

Как-то в июне 1942 года начальник жилищного отдела А.А. Дилигенский сказал мне, что сейчас ко мне за разрешением на прописку в Смоленске придет очень интересный человек, переброшенный советской разведкой через фронт и добровольно явившийся к немцам.

Вскоре этот человек появился сам и в разговоре со мной заявил, что он Дрикслер[2] (за точность фамилии не ручаюсь, но в первых моих воспоминаниях я ее еще хорошо помнил), во время НЭПа имел в Москве какое-то торговое предприятие, за что в период ликвидации НЭПа подвергся репрессиям. По отбытии срока назначенного ему заключения в Москве прописки не получил и вынужден был поселиться в Калуге. Там и застала его война. После прихода немцев в Калугу, он открыл там комиссионный магазин, при изгнании немцев из Калуги уехать не успел, был арестован советскими органами безопасности, которые и предложили ему загладить вину путем разведывательной работы за линией фронта.

Он согласился и был в районе станции Фаянсовая[3] проведен в немецкий тыл, где сразу же заявил о себе. После некоторого времени, проведенного во время расследования дела в заключении в г. Спас-Демянске

---

[1] Имеется в виду сотрудник 2-го управления НКГБ полковник П.В. Федотов (1914–1965).

[2] Неточность: правильно — Дринкер Леонид Михайлович. О его и Е.Е. Бунескула деле см. в «Живом журнале» И. Петрова: https://labas.livejournal.com/1157811.html.

[3] Ныне станция в г. Кирове совр. Калужской области.

и Рославле, его привезли в Смоленск и освободили. По профессии он скорняк и просит разрешения на прописку в Смоленске и на выдачу патента на открытие скорняжной мастерской. Я задал ему ряд вопросов, на которые он отвечал довольно правдоподобно, во всяком случае явной нелепицы в его ответах не было.

Однако и сам Дрикслер произвел на меня неблагоприятное впечатление, и весь рассказ его о себе казался мне очень сомнительным. Об этом я тогда же сказал А. А. Дилигенскому, принимавшему в судьбе Дрикслера большое участие.

Документ ему я всё же выдал, а также и патент на скорняжную мастерскую. Мастерская эта была открыта на Магнитогорской улице; были наняты для работы в ней несколько человек. Работа в ней производилась в основном для немецкого Викадо, то есть хозяйственной комендатуры, но были и частные заказы.

Вскоре до меня стали доходить слухи о систематическом пьянстве и кутежах Дрикслера, пока в сентябре или начале октября стало известно, что Дрикслера арестовали немцы, якобы за то, что получаемый от Викадо паек для всех работающих в его мастерской он присваивал себе и пропивал.

Через несколько дней после ареста Дрикслера немецкая абвергруппа арестовала всех калужских беженцев, за исключением бывшего бургомистра Калуги С. Н. Кудрявцева, работавшего теперь начальником Смоленской городской пожарной охраны. Были арестованы: бывший редактор калужской газеты при немцах Бунескул[1] и журналист Гронский[2], оба работавшие в немецкой Пропаганде, директор городского кинотеатра С. Пасхин-Широков-Максимов, а также пианистка городского театра С. М. Ермолова (это псевдоним, правильная ее фамилия, как я узнал из своего следственного дела, — Виноградова[3]), за которой ухаживал Бунескул.

---

[1] Бунескул Евгений Евгеньевич, редактор оккупационных изданий — калужской газеты «Новый путь» и смоленского журнала «На переломе». См. о нем в «Живом журнале» И. Петрова: https://labas.livejournal.com/1157811.html.

[2] Неточность: правильно — Горский, псевдоним Игоря Зубковского, довоенного приятеля А. К. Гладкова. О раскрытии псевдонима см. подробней в: *Равдин Б.* На полях комментария (в поисках И. Горского и др.) // Псевдонимы русского зарубежья. Материалы и исследования. М.: НЛО, 2016. С. 257–284. Следует отметить, что под своей фамилией Зубковский опубликовал довольно гнусную антисемитскую статейку «Воскресение из мертвых» (Новый путь. Калуга. 1942. №3. 13 декабря. С. 2) и был информатором Отдела пропаганды (см. записку зондерфюрера д-ра Шюле «О деятельности НТСНП» от 27 апреля 1942 г.: BA-MA. RW. 4/254. Bl. 369–372).

[3] По сообщению С. Зверевой, Виноградова Софья Михайловна (1916–?). В заметке С. Ш. [Сергея Широкова] «Большой концерт» приводится ее сценический псевдоним: Н. Н. Ермолова (НП. 1942. №46, 14 июня).

В конце октября эта Ермолова и Пасхин были освобождены, а остальные, и в том числе сам Дрикслер, якобы расстреляны. По словам начальника городской полиции Н. Г. Сверчкова, Дрикслер работал на две стороны — и на немцев, и на советских, в чем ему помогали Бунескул и Гронский.

Дело Сидоровой

Еще раньше, летом 1942 года полицией был задержан в Красном Бору человек с паспортом, на котором моя подпись была подделана и очень неумело и заметно, но бланк и печать горуправления были подлинные. Этому человеку удалось скрыться от сопровождавшего его полицейского, но на следующий день полиция нашла его снова, спрятавшимся в цистерне на Витебском шоссе около сгоревшего завода им. Калинина. На допросе в полиции он указал лицо, продавшее ему этот паспорт за 500 марок.

Тот тоже был арестован и указал, что бланки чистых паспортов с печатями горуправления ему передала сотрудница паспортного отдела А. С. Сидорова[1]. Последнюю тоже арестовали[2]. Она показала, что взяла в паспортном отделе несколько чистых бланков паспортов, а заменяя с 13 по 16 мая 1942 года секретаря начальника города А. А. Симкович, отсутствовавшую тогда ввиду смерти ее матери, она поставила печать на эти бланки, которые и отдала для снабжения ими лиц, бежавших из лагерей военнопленных. Сделала это она бесплатно из патриотических побуждений и не знала, что человек, получивший от нее эти бланки, торгует ими.

Антонина Севастьяновна Сидорова до войны работала секретарем Нарсуда Сталинского района г. Смоленска, была дружна с А. А. Симкович и в хороших отношениях со мной, много раз занимала у меня «до получки». С 1 сентября 1941 года она стала работать в паспортном отделе горуправления. Теперь, пока А. С. Сидорова находилась под арестом в городской полиции, А. А. Симкович ходила к ней, носила нашу совместную ей передачу и разговаривала с ней. Сидорова говорила, что ей неприятно оттого, что она злоупотребила нашим доверием, просила передать мне ее благодарность за хорошее отношение, но, когда А. А. сказала, что я тоже собираюсь зайти к ней, просила не делать этого, так как ей было бы тяжело меня видеть. Затем всех арестованных передали в SD, и, по словам Н. Г. Сверчкова, они были расстреляны.

В связи с этим делом через первого задержанного была раскрыта подпольная организация молодежи в Красном Бору. Из арестованных там был сын железнодорожного мастера Ковалева, которого я знал

---

[1] См. о ней в наст. изд., с. 208–209.

[2] См. Документ № 4.10.

с 1938 года, как свидетеля по делу обвинения его предшественника Гороса В. С.[1] во вредительстве. Горос тогда был оправдан.

Теперь Ковалев обратился ко мне с просьбой ходатайствовать за сына. Я это сделал. Как мне было сообщено, сына Ковалева, вместо расстрела, отправили в Германию. Дальнейшую судьбу его не знаю. Хочу заметить, что в книге Котова «В смоленском подполье» о подвиге А. А. Сидоровой ничего не сказано, как не сказано и о другом хорошем человеке — уличном коменданте Розовой, о которой я говорил раньше.

Левикин

[2]14 августа начались занятия в школах, а я с 15 августа получил отпуск до 1 сентября. Отпуск свой я проводил в Красном Бору у Василия Ивановича Космовского, своего товарища по гимназии, работавшего теперь заведующим Красноборским дачеуправлением. Погода стояла хорошая. Я купался по 3 раза в день в Дубровинском озере, ел овощи и рыбу, пил парное молоко, неплохо отдохнул от повседневной трепки нервов. К концу чувствовал себя значительно бодрее. Заменял меня во время отпуска Г. Я. Гандзюк.

Еще до отпуска в одно из воскресений, кажется, июня месяца я как обычно зашел в управление, где дежурный (кто, не помню) доложил мне, что утром в управление явилась семья, состоящая из мужа, жены и сына, приехавшая из-за границы на жительство в Смоленск, но не имеющая здесь никого знакомых. Он поместил ее в одной из комнат управления. Я вместе с дежурным пошел в эту комнату.

Приехавший назвался Левикиным[3], уроженцем Смоленска, где ему до революции принадлежали три или четыре дома, точно не помню. Кроме того, он являлся владельцем леса в междуречье Днепра и Волги. После революции он эмигрировал и жил в Югославии, с трудом выхлопотал пропуск в Смоленск с целью принять во владение принадлежащее ему имущество. Он уже обошел свои дома и увидел, что из них уцелел только один, остальные же сгорели. Он просит меня завтра же возвратить ему уцелевший дом, выселить из него живущих там лиц, а также указать ему время для переговоров о порядке и размере возмещения ему городским управлением стоимости сгоревших домов.

Я слушал этого человека, имевшего на вид 50 лет, и удивлялся тому, что сохранились еще подобные зубры, которых прожитые после революции

---

[1] В первоисточнике — С. С. Гороса.

[2] С этого места текст — по тетради № 4 (л. 15), где ему предшествовал подзаголовок «1942».

[3] Предположительно Николай Васильевич Левыкин (1888 — 1963, Нью-Йорк), сын купца-лесоторговца В. М. Левыкина.

25 лет ничему не научили. Его самоуверенность и апломб, с которым он говорил о своих требованиях, были и смешны, и жалки. Дослушав его, я сказал, что должен его огорчить, так как все его требования являются совершенно неосновательными, никаких прав на сохранившийся дом он не имеет и возвращен ему этот дом не будет. Он взволновался, заявил, что у него на все дома имеются документы, подтверждающие его право на собственность и, если я ему не верю, то он мне их сейчас предъявит.

Я прервал его и просил не трудиться доставать документы, так как они меня и не интересуют, ибо, согласно распоряжения главнокомандующего тыловой области Mitte, на оккупированной немецкой территории сохраняются гражданские правоотношения, существовавшие здесь на 22 июня 1941 года[1], а поэтому бывшие собственники национализированного имущества права на возврат его не имеют. Я советовал бы ему ехать обратно, если же это для него невозможно, то завтра я дам указание жилотделу предоставить ему какое-либо жилье, но предупреждаю, что это будет одна комната и, вероятно, без всяких удобств.

Он закричал: «Это большевизм! Я буду жаловаться!». На этом я разговор с ним прекратил и ушел. В дальнейшем его жена, молчавшая во время первого разговора моего с Левикиным, устроилась переводчицей в Смоленское районное управление, жилищный отдел дал им комнату в одном из домов по Музейной улице, мальчик поступил в школу № 1.

Сам же Левикин еще несколько раз приходил ко мне с требованиями уплатить ему за порубленный лес, за сгоревшие дома и т. п. Он писал на меня жалобы в разные немецкие инстанции, обвинял в большевизме и т. п. Затем приходил ко мне с предложением восстановить в городе трамвайное движение, для чего я должен был выдать ему колоссальный аванс. Предложения его так же отвергались, как и требования.

Уехал из Смоленска Левикин с семьей при отступлении немцев в сентябре 1943 года. О дальнейшей его судьбе ничего не знаю.

Дилигенский

Летом я стал замечать, что начальник жилищного отдела А. А. Дилигенский зачастую бывает на работе в нетрезвом состоянии. Я несколько раз делал замечания.

Потом кто-то мне сказал, что все просители, обращающиеся в жилищный отдел, должны приносить с собой какую-то выпивку, без чего никакие просьбы не удовлетворяются. Узнав об этом, я пошел в жилотдел, где

---

[1] См. об этом в разделе В-1 «Общей инструкции по восстановлению хозяйства и задачам городских и сельских управлений» (NARA. T-501. Reel 72. Frame 1055–1062. Без даты).

за столом начальника отдела увидел спящего Дилигенского, положившего голову на стол и сладко похрапывающего. Я сейчас же вызвал к себе Г.Я. Гандзюка, в непосредственном ведении которого находился жилотдел и сказал ему, что я увольняю Дилигенского за пьянство на работе и взяточничество. Гандзюк не возражал и в качестве приемника Дилигенского предложил кандидатуру инспектора торгового отдела Н.И. Поча, с чем я согласился. Когда Дилигенский проснулся, то узнал, что он больше не начальник жилотдела. Через некоторое время его взяли на работу в полицию следователем.

Слияние городского и окружного управления

В сентябре 1942 года начальник 7-го отдела немецкой комендатуры оберрат Краатц спросил меня, как я смотрю на предположение влить город Смоленск в состав Окружного управления. Мотивировал он это стремлением унифицировать систему управления по образцу остальных комендатур тыловой области Mitte. Я остался очень недовольным подобным предположением, но возражать против этого посчитал и неудобным для себя, и бесполезным, и потому сказал: не возражаю.

Б. В. Базилевский и И. П. Райский были очень недовольны этой мерой и пеняли мне за то, что я не воспротивился ей. И сам я впоследствии жалел об этом. Краатц при этом разговоре заверял меня в том, что никакого вмешательства в дела горуправления со стороны Окружного управления не будет.

Действительно, прямого вмешательства не было. Р.К. Островский вначале поставил себе целью устранить из городского управления меня. Однажды, зайдя ко мне, он завел разговор о довоенной жизни и, в связи с этим, спросил, какая работа была мне больше по душе — прежняя ли адвокатская или же настоящая моя работа.

Когда же я сказал, что прежняя работа мне больше нравилась, Островский заявил: «Мы решили организовать Окружной суд, который будет кассационной инстанцией для городского и районных судов. Не согласитесь ли Вы стать его председателем?» Я ответил отрицательно, мотивировав это тем, что все наши суды являются лишь слабым подобием настоящего суда, права их очень небольшие и работа там не может дать нравственного удовлетворения. Кроме того, я не вижу никого, кто бы на моем настоящем месте работал бы с той же пользой для населения, хотя я призна*ю*, что работа наша далеко не удовлетворительна. На этом разговор был закончен.

Вскоре Островский пригласил меня и Г.Я. Гандзюка на организационное заседание Окружного комитета взаимопомощи. Кроме нас и Островского на этом заседании присутствовали заместитель начальника

Окружного управления Н.Н. Никитин, начальник Смоленского района В.М. Бибиков, его заместитель (фамилию забыл), начальник Управления торфоразработок при Викадо М. Александрович, лесничий П.А. Беловский.

С докладом об организации Комитета взаимопомощи выступил сам Островский. Необходимость его создания он мотивировал тем, что немцы по своей тупости препятствуют хозяйственной деятельности местных русских управлений. Их надо обмануть и действовать под флагом Комитета взаимопомощи, куда должны вступить организации, руководители которых здесь присутствуют. Комитет будет заниматься коммерческой деятельностью, будет иметь свои предприятия, а его участники — получать доходы.

Я внимательно слушал Островского, наговорившего в адрес немцев много нелестных характеристик и прямых ругательств. Практической ценности проекта Островского я не видел. За год с лишним работы в условиях оккупации городское управление в хозяйственном отношении делало то, что могло. Этого было мало, но на большее, увы, не было сил, прежде всего не было людей, способных к этой деятельности. Но, по сравнению с остальными представленными на этом совещании организациями, мы были богачами, ведь недаром различные «деятели» из Окружной инспекции, Окружного управления и других с завистью смотрели на городское управление и старались по мере своих сил запустить лапу на его склады.

Поэтому затея Островского мне казалась утопичной, но он был достаточно рационалистичен, чтобы понимать это.

Следовательно, у него есть какая-то другая, скрытая цель; его резкие выпады против немцев в присутствии мало знакомых и даже совсем незнакомых людей (Александровича и Беловского он видел первый раз) навели меня на мысль о провокации, задуманной им в отношении нас и в первую очередь в отношении меня. Поэтому я решил молчать. Когда Островский закончил свое выступление, желающих что-то сказать еще не нашлось. Островский предложил тогда считать Комитет взаимопомощи созданным в составе присутствующих и для текущей работы учредить должность управляющего делами. Возражений против этого не было. Кого Островский назначил на эту должность, сейчас вспомнить не могу. Организация эта, как я и думал, оказалась мертворожденной и никакой работы не вела; заседаний комитета больше не было. Подтвердилась и моя догадка об истинной цели Островского, о чем будет рассказано ниже.

Числа 16–17 октября Островский зашел ко мне проститься и сказал, что уезжает в двухмесячный отпуск в город Лодзь к своей дочери, проживающей там, а 20 октября я получил из комендатуры подписанное оберратом Краатцем письмо о целом ряде перемещений руководящего состава

горуправления. Так, мой заместитель Б. В. Базилевский назначался директором вновь создаваемой гимназии, а на должность моего заместителя — начальник строительной конторы В. В. Мочульский. Вместо него в строительную контору переводился начальник отдела городских предприятий Н. С. Наумов. Его прежнюю должность по совместительству занимал заместитель начальника города Г. Я. Гандзюк. Начальника паспортного отдела Г. И. Дьяконова предлагалось уволить из-за отсутствия доверия к нему. Инспектор торгового отдела Г. Н. Хоменко[1] назначался начальником административного отдела[2] вместо Репухова, подлежащего увольнению. Кроме того, в письме оберрата Краатца предлагалось произвести демуниципализацию жилищного фонда, сдав дома в аренду желающим частным лицам.

Прочитав это письмо, я был возмущен таким беспрецедентным вмешательством в дела горуправления. Перевод с понижением Базилевского, начавшего работу в горуправлении еще раньше меня, я считал неделикатным и обидным для него. Если же его всё же переводить, то на должность заместителя начальника города следовало бы назначить горархитектора И. П. Райского, знающего и инициативного человека, оказывавшего мне неоднократно ценную помощь и по вопросам, не относящимся к его прямой компетенции по должности горархитектора. Совершенно неоправданно было перемещение начальника отдела горпредприятий Наумова в строительную контору, так как он не был специалистом-строителем, а являлся инженером-механиком. Когда он замещал весной 1942 года горархитектора Райского, болевшего тогда тифом, то со всей очевидностью выявилась его непригодность для руководства строительным делом. Несправедливым я считал и увольнение Г. И. Дьяконова.

Я показал эту бумагу Б. В. Базилевскому и И. П. Райскому и сказал им о своей оценке ее и о намерении протестовать против предложенных ею изменений в кадрах горуправления. Базилевский заявил, что он очень рад своему перемещению, и очень просил меня не затрагивать в своем протесте вопроса о нем. Райский одобрял идею протеста, но просил не выдвигать его кандидатуры на должность заместителя начальника города.

Поэтому в своем протесте я оспаривал лишь перемещение Наумова и увольнение Дьяконова и Репухова, которых я решил переместить одного на место другого, то есть Дьяконова — начальником административного, а Репухова — паспортного отдела. Г. Н. Хоменко назначался на должность второго судьи, так как дел в суде было довольно много.

Решительно возражал я и против передачи нашего жилищного фонда в аренду частным лицам, подчеркивая, что в условиях крайне стесненного

---

1 Был вместе с Меньшагиным в Карлсбаде.
2 Впоследствии назначен судьей.

положения с жилищем такая мера очень осложнит эту проблему и создаст массу конфликтов между арендаторами и жильцами, вызовет сильное недовольствие населения, не дав решительно ничего положительного горуправлению.

С этим протестом я сам пошел к оберрату Краатцу. Когда тот посмотрел его, то сказал: «Я удивляюсь: все эти перемены предложил Островский, который сказал мне, что он согласовал их с Вами, а теперь Вы протестуете». На это я ответил, что никакого разговора об этом у меня с Островским не было, и я был очень удивлен, получив его письмо. Тогда Краатц сказал: «Раз так, то поступайте, как считаете нужным». На этом разговор закончился.

В итоге Б. В. Базилевский стал директором гимназии, размещенной в здании школы, выходящей фасадом на бульвар им. М. И. Кутузова, которая перед этим была освобождена немцами; начальник строительной конторы В. В. Мочульский назначен заместителем начальника города, а его прежнее место занял директор лесопильного завода А. В. Иванов; директором этого завода — техник отдела городских предприятий Клейменов. Г. И. Дьяконов, И. В. Репухов, Г. Н. Хоменко получили назначения в соответствии с вышеуказанным моим планом. Никакой сдачи в аренду жилых домов не производилось. Все были довольны, я же еще раз убедился в коварстве Островского, желавшего исподтишка нарушить ход работы горуправления. Но это ему не удалось.

В том же октябре, незадолго до вышеописанных волнений, вызванных письмом Краатца, немецкий крейсландвиртшафт произвел изъятие наших пригородных хозяйств. Я, конечно, тоже протестовал, ссылаясь на тяжелое продовольственное положение города. В результате нам оставили лишь Тихвинку и Рачевку, а Семичевку, Миловидово, Свиролы[1], Поповку изъяли. Изъятие мотивировалось плохим ведением хозяйства. В личной беседе со мной немецкий зондерфюрер на мой вопрос, в чем выражается плохое ведение хозяйства, сослался на некрасивый внешний вид, отсутствие цветников, дорожек и т. п. Я отверг его доводы, указав, что голодным людям не до цветов, что нам нужны продовольственные культуры, овощи, а не цветы.

Церковная жизнь

До осени 1942 года в Смоленске действовал лишь Успенский собор, а по будням служба происходила в зимнем Богоявленском соборе. По воскресеньям и праздникам в соборе бывало много народа, а соборный двор

[1] Так в первоисточнике — явный дефект перепечатки. Такого топонима в окрестностях Смоленска нет. Предположительно Скралевка, Синьково или Свибилево.

был заставлен деревенскими подводами, на которых жители деревень Смоленского района приезжали крестить детей. За лето было открыто несколько церквей в селах Смоленского района. 13 июня у меня были несколько человек с Рачевки и Шейновки с просьбой об открытии так называемой Окопной церкви. Название это произошло оттого, что церковь эта была построена на месте окопов московского войска во главе с боярином М. Б. Шеиным[1], которое в 1634 году вело осаду Смоленска, захваченного Польшей в 1611 году. Осада эта кончилась тогда неудачей.

Церковь эта была закрыта в 1937 году и там помещена аккумуляторная мастерская, почему здание церкви требовало значительного ремонта. Просители обещали произвести ремонт здания своими силами, а меня просили снабдить их необходимыми материалами. Просьба эта была удовлетворена. Открытие и освящение Окопной церкви состоялось 4 октября 1942 года. Для совершения богослужений в ней были назначены архимандрит Феодосий, до 1937 года служивший в городе Рославле Смоленской области, и священник Николай Домуховский[2]. Последнего я знал еще мирянином, постоянно посещавшим собор. В 1922 году его и брата его Бориса Домуховского судил Верховный суд РСФСР вместе с тогдашним смоленским епископом Филиппом Ставицким[3] и рядом

---

[1] Шеин Михаил Борисович (конец 1570-х — 1634), русский полководец и государственный деятель, воевода, окольничий и боярин, первый воевода Смоленска (1607–1611). В 1611–1619 гг. — в польском плену, руководитель осады Смоленска в 1632–1634, за неудачу каковой в 1634 г. был казнен на Красной площади.

[2] Домуховский Николай Андреевич (1897–1978), из дворян. В 1922 г. окончил 3-годичный Пастырский семинар в Смоленске. В марте 1922 г. арестовывался по обвинению в организации сопротивления изъятию церковных ценностей, приговорен к 2 годам тюрьмы. В 1924–1929 гг. служил дьяконом в Одигитриевской церкви, а затем в Вознесенском монастыре в Смоленске. В 1929 г. арестован по обвинению в принадлежности и руководстве «контрреволюционной церковно-монархической организацией», в 1930 г. осужден на 10 лет. Возвратившись из заключения перед войной, работал огородником в с. Антошино Вяземского района Смоленской области. В 1942–1944 гг. служил в оккупированных районах СССР, в том числе в храме Нерукотворного Спаса на Ржевке в Смоленске. В 1944–1948 гг. служил в различных православных храмах на территории Чехословакии. В г. Моравская Острава арестован 6 ноября 1948 г., а 7 мая 1949 г. приговорен Военным трибуналом войск МВД по Смоленской области к 25 годам лишения свободы по статье 58-1а. 15 ноября 1955 г. освобожден по амнистии и еще около года служил в различных храмах. Реабилитирован 20 марта 1992 г. (см. в сети: http://podvigvery.ru/kniga-pamyati/nikolaj-domuhovskij/. См. также: Книга памяти Смоленской области. Номер дела: 25305-с).

[3] Филипп (в миру Виталий Степанович Ставицкий; 14.04.1884, Новоград-Волынский — 12.12.1952, Москва) — архиепископ Астраханский и Саратовский. Участвовал в Поместном соборе 1917–1918 гг. В 1917–1919 гг. жил в Москве оставаясь епископом Аляскинским. В апреле–октябре 1919 гг. временно управлял

смоленских священников и мирян. Их обвиняли в противодействии изъятию церковных ценностей. По делу было вынесено, кажется, два смертных приговора — инженеру Залесскому[1] и еще кому-то, не помню. Епископ Филипп был оправдан. Братья Домуховские осуждены к каким-то не очень большим срокам лишения свободы. Во второй половине 20-х гг. Николай Домуховский стал священником Одигитриевской церкви, после ее закрытия — Вознесенского монастыря. В 1930 году он был арестован и Коллегией ОГПУ осужден к 10-летнему заключению. Возвратившись из него перед войной, отец Н. Домуховский жил в Вязьме, откуда в 1942 году приехал в Смоленск. Он был еще не стар, к своим священническим обязанностям относился как искренне религиозный человек, почему и пользовался популярностью среди верующих.

Иного рода отношение к своим пастырским обязанностям я заметил среди соборного причта, к которому с начала 1942 года относились настоятель собора протоиерей Николай Шиловский, беженец из Ржева[2], протоиерей П. Беляев[3], священники Тимофей Глебов[4], Павел Смиря-

---

Смоленской епархией, с 19 октября 1920 г. — епископ Смоленский. В 1921 г. был приговорен к двум годам условного заключения и к высылке из Западной области по обвинению в хранении контрреволюционной литературы. 9 мая 1922 г. вновь арестован по этому же обвинению. В июне 1922 г. дело было прекращено, но сразу же возбуждено новое — о сопротивлении изъятию церковных ценностей. Был отправлен в Москву, содержался в Бутырской тюрьме, в августе 1922 г. освобожден. Впоследствии многократно бывал репрессирован.

[1] Залесский Владимир Евгеньевич — профессор. По неподтвержденным данным, преподавал в СГПИ. Работал в Смоленском губсовнархозе. Член комиссии по регистрации церковного имущества при кафедральном Успенском соборе (1922), фигурант «Процесса смоленских церковников» весны–лета 1922 г., приговорен к расстрелу. Приговор изменен по ходатайству. Дальнейшая судьба неизвестна.

[2] Арсений (в миру Шиловский Николай Николаевич; 1894, Смоленск — 1969, Вена), сын протоиерея Смоленского кафедрального собора, выпускник Новгородской духовной семинарии. Священнослужитель с 1918 г., в 1940–1941 гг. — настоятель Покровской церкви во Ржеве, в 1941–1943 — Успенского кафедрального собора в Смоленске. Позднее в Вильно — в Свято-Духовом монастыре, вместе с сыном Виктором перебрался на Запад (*Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник. М.–Париж: Русский путь — YMCA/Preess, 2007. С. 83; *Обозный К.П.* История Псковской православной миссии. 1941–1944. М., 2008. С. 551; *Амельченков, 2012.* С. 86). Как участник внутриобщинного конфликта Шиловский упоминается в докладе Меньшагина СД от 9 мая 1942 г. (см. Документ № 4.6).

[3] Беляев Петр Петрович (1874, с. Росица Дрисского у. Витебской губ. — ?).

[4] Тимофей Глебов также был протоиереем. После изгнания немцев он остался в городе, поселился в соборной сторожке, охранял Успенский собор от разграбления и продолжал совершать богослужения в соборе и в Спасо-Окопной церкви (*Амельченков, 2012.* С. 144–146, со ссылкой на: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 6. Л. 30–32).

гин[1], А. Колесников, тоже беженец из Ржева, и дьякон, фамилии которого не помню. Двое последних из вышеназванных священников допускали излишнюю торопливость при совершении богослужений и треб, торговались о гонораре за требы, служили без должного благоговения.

Как-то зимой 1942 года я пригласил весь соборный причт к себе, высказал им свое мнение об их службе и предупредил, что если они не прекратят ссор между собой, иногда проявляющихся открыто перед богомольцами, то виновные будут удалены из собора. В 20-х числах марта мне стало известно о драке, происшедшей в алтаре собора во время богослужения: священник А. Колесников несколько раз ударил священника П. Смирягина за его медлительность с выходом. Я лично расследовал это дело и запретил Колесникову дальнейшую службу в Соборе. Он просил меня подождать с увольнением, пока пройдет Пасха, но я отказал ему в отсрочке. Этот случай произвел должное впечатление на остальных. Отец Колесников вскоре уехал в город Красный Смоленской области, где и стал служить в местной церкви.

Летом 1942 года происходило открытие церквей в ряде сел Смоленской области, для которых требовались иконы и другая утварь. Представители верующих приезжали в Смоленск, обращались ко мне за содействием в приобретении нужного имущества. Кое-что им давалось из запасного фонда соборной ризницы.

Хорошо помню радостное чувство, испытанное мною в пасхальное утро 5 апреля 1942 года, когда, придя с семьей в собор к пяти часам утра, мы еле смогли протиснуться внутрь собора: весь огромный храм и двор были наполнены людьми.

Учитывая большую тягу и горожан, и сельского населения к Богу и церкви, необходимость создания порядка в церковных делах и неканоничность административного вмешательства в эти дела гражданских властей, я начал выяснять возможности приезда в Смоленск епископа. По доходившим до нас сведениям, мы знали о двух крупных центрах православной церкви на оккупированной территории — в Риге, где пребывал патриарший экзарх в Прибалтике митрополит Литовский Сергий[2],

---

[1] Смирягин Петр, священник Сычевской церкви.

[2] Сергий (Воскресенский Дмитрий Николаевич; 1897–1944), митрополит Виленский и Литовский, экзарх Прибалтийский. В конце 1940 г. объехал православных епископов аннексированных СССР территорий, взяв у них расписки в верности Московской патриархии и лояльности советской власти. К тому времени как Эстонская Православная Церковь и Латвийская Православная Церковь находились в юрисдикции Константинопольского патриархата, в отличие от Литовской — епархии РПЦ. 24 февраля 1941 г. был учрежден Прибалтийский экзархат (на территории Литвы, Латвии и Эстонии), во главе которого и был поставлен владыка Сергий. Во время войны отказался от эвакуации, был арестован

и в Минске — митрополит Белорусский Пантелеймон[1]. Мои желания тяготели к первому. Согласен со мной был и протоиерей Петр Беляев.

Однажды я обратился по этому вопросу к начальнику 7-го отдела комендатуры Краатцу. Тот, выслушав мои доводы о необходимости иметь в Смоленске епископа, сказал: «Ну что же, и назначьте епископом Шиловского». Мне стало смешно от такого прямолинейного решения Краатцем вопроса о епископе; я стал разъяснять ему порядок назначения епископа по канонам православной церкви. В конце концов Краатц предложил мне письменно изложить свои доводы. Через некоторое время мы получили пропуск на поездку в Минск протоиерея П. Беляева, который по прежней службе в Витебске знал митрополита Пантелеймона, бывшего тогда викарием Витебской епархии.

По возвращении из этой поездки отец Петр рассказал, что митрополита Пантелеймона ему видеть не пришлось, так как он находится в монастыре на положении заключенного, поскольку чем-то прогневал немецкого генерального комиссара Белоруссии Кубе[2]. Что всеми церковными делами заправляет архиепископ могилевский Филофей[3], что

гестапо, но сумел убедить в том, что является антикоммунистом и что им выгоднее сохранить на северо-западе епархии Московского, а не Константинопольского патриархата — «союзника» англичан. Под руководством митрополита Сергия в дальнейшем на занятых землях была развернута широчайшая катехизаторская деятельность. В августе 1941 г. на территории Псковской, Новгородской, Ленинградской, Великолукской и Калининской областей была создана духовная миссия, которой удалось к началу 1944 г. открыть около 400 приходов, на которые были поставлены 200 священников. Поддержал выборы патриарха и избрание 8–12 сентября 1943 г. патриархом Московским митрополита Сергия (Страгородского). Немцы были недовольны размахом церковного возрождения и отказом митрополита выполнять их требования и признать выборы патриарха неканоничными. 29 апреля 1944 г. был расстрелян неизвестными в машине.

[1] Митрополит Пантелеймон (Рожновский, 1867–1950). См. о нем: *Амельченков В.Л.* Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Свиток, 2006. С. 72–80.

[2] Кубе Вильгельм (1887–1943), обер-фюрер СС, с 17 июля 1941 г. — генерал-комиссар генерального округа Белоруссия (со столицей в Минске) в составе рейхскомиссариата Остланд (со столицей в Риге). Культивировал белорусский вопрос и покровительствовал Р. Островскому и другим белорусским националистам. Тормозил этноцид евреев, руководствуясь экономическими соображениями. Был убит в результате партизанского теракта 22 сентября 1943 г.

[3] Филофей (в миру Владимир Евдокимович Норко, или Норка; 1905–1986, Гамбург), выпускник Виленской Духовной семинарии и Юогословского факуультета Варшавского университета. В 1928 г. пострижен в монахи и рукоположен в сан иеромонаха. Архимандрит (1934). В 1942–1944 гг. епископ Могилевский и Мстиславский, глава автокефальной Белорусской церкви. В 1944 г. эвакуировался в Германию, в 1946 г. вошел в состав клира РПЗЦ. В 1971–1982 гг. архиепископ Берлинский и Германский.

еще весной 1942 года митрополитом Пантелеймоном поставлен в епископы вдовый священник Стефан Севба[1], ранее служивший в Западной Белоруссии, а теперь назначенный епископом Смоленским и Брянским.

Отец Петр видел его, и тот жаловался на то, что немцы не дают ему пропуска для приезда в свою епархию — в Смоленск, почему он просит меня похлопотать у немцев о разрешении ему приехать в Смоленск. Я, конечно, сразу же возбудил соответствующее ходатайство, но удовлетворено оно было лишь в декабре 1942 года, и 21 декабря епископ Стефан приехал в Смоленск и поселился в подготовленной для него двухкомнатной квартире на соборном дворе, в здании архива.

23 декабря я посетил его и беседовал о церковных делах в Смоленске. Произвел он на меня хорошее впечатление. Он рассказал мне, что до 1939 года служил в Новогрудском уезде. В 1939 году был арестован польскими властями по обвинению в антипольской деятельности, освобожден из заключения занявшими Новогрудок советскими войсками.

Оказалось, что епископ Стефан хорошо знает Островского как бывшего директора Виленской гимназии, в которой учились его дети; но знает его не как Романа Константиновича, как он рекомендовался нам, а как Ромуальда Казимировича. Сам Островский вернулся из отпуска за неделю до приезда епископа Стефана. По приезде он зашел ко мне и в присутствии находившегося в тот момент в моем кабинете городского

---

1 Стефан (в миру Симеон Иосифович Севбо; 1872, д. Телуша под Минском — 1965, Зальцбург), архиепископ. В 1891–1894 гг. учился в Минской духовной семинарии, в 1896 г. рукоположен в священники и служил в Минской епархии. В 1919 г. был приходским священником в Польше. Боролся против неканоничной автокефалии Польской Православной Церкви, отказывался ее признать, за что в 1924 г. был арестован и до 1940 г. находился в разных тюрьмах. После освобождения в 1940 г. присоединился к Автономной Белорусской Церкви, служил протоиереем в Ракове. В течение Минского Собора, в 1942 г., пострижен в монашество с именем Стефан; после возведения в сан архимандрита в этом же году хиротонисан в Минске в епископа Смоленского и Брянского. Чин хиротонии совершали: митрополит Минский Пантелеимон, епископ Гродненский Венедикт и епископ Могилевский Филофей (см. об этом: *Архиепископ Афанасий* (*Мартос*). Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. Буэнос-Айрес, 1966. С. 275). О встрече епископа Стефана с клиром и паствой Смоленской епархии см.: НП. 1943. №2 (124), 3 января. С марта 1943 г. был временно управляющим Полоцко-Витебской епархией. Летом (не позднее июля) 1943 г. уехал из Смоленска в Раков под Минском в видах приобретения необходимых предметов культа (BA/MA. RH. 23/155. Bl. 9). Позднее эвакуировался в Германию, где в 1946 г. вошел в юрисдикцию РПЗЦ (*Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 520). В 1946 г. назначен архиепископом Венским и Австрийским.

архитектора И. П. Райского стал рассказывать о партизанском движении в Польше и Белоруссии, о том, как немцев всюду бьют, и они боятся показывать свой нос за пределами своих казарм. Говорил он это со злорадством и руганью по адресу немцев. По его уходе Райский заметил мне: «Как он неосторожно говорит».

Падение Андреева

В 20-х числах декабря я услышал, что городской полицией были арестованы заведующий конторой «Заготзерно» Панкратов[1], его заместители и ряд работников этой конторы, в том числе заведующий мельничным отделом Дмитроченков. Начальник полиции Н. Г. Сверчков при встрече со мной говорил, что этот арест вызван крупными злоупотреблениями работников «Заготзерно», продажей ими на сторону больших количеств похищенных ими хлебопродуктов[2].

Так как контора «Заготзерно» находилась в непосредственном ведении немецкого крайсландвиртшафта, я сообщение Сверчкова лишь принял к сведению. К тому же оно было вполне правдоподобно. Вскоре по этому делу был арестован волостной старшина Шейновской волости Терехович, а 13 января 1943 года пришедший ко мне Н. Г. Сверчков стал рассказывать мне о преступных связях арестованных работников «Заготзерна» с начальником отдела снабжения горуправления Н. П. Андреевым и рядом его сотрудников, от которых в большом количестве получалась соль, реализовывавшаяся в деревнях. Сверчков показал мне несколько записок Андреева, подтверждающих его незаконные действия и просил моего согласия на арест Н. П. Андреева, заведующего складом № 2 отдела снабжения Степочкина, кладовщика этого склада Баландина и агента-заготовителя отдела снабжения Воронкова[3], непосредственно участвовавших в хищениях соли и ее реализации.

Я был очень удивлен и расстроен услышанным. К Н. П. Андрееву я относился с симпатией, был доволен его работой; нравился мне и стиль его, всегда спокойный, резко контрастировавший со стилем его предшественника Р. П. Васильева. Я бывал в гостях у Андреева в дни Пасхи, Рождества и его именин, сам принимал его с женой в эти праздники и в день своих именин. Мне не хотелось верить в то, что Андреев занимался крупными хищениями нашей «валюты» — соли, зная, с какой экономией

---

[1] Панкратов Пармен.

[2] Одним из «рынков сбыта» для Дмитроченкова было Смоленское гетто! Краденую муку он обменивал на золотые вещи евреев, причем каналом этого «бартера» был Е. И. Вакулюк, о чем тот подробно рассказал в интервью Фонду Спилберга (URL: https://youtu.be/uuksHw_uj94).

[3] Воронков Дмитрий Андреевич.

относился я к ее расходованию. Но представленные Сверчковым доказательства подтверждали факт хищений, а потому, хотя и неохотно, я согласился на арест Андреева и других вышеназванных лиц.

Сразу стал вопрос, кем заменить Андреева? Его заместитель по должности Буйнов был несолиден и мало мне известен. Я предлагал должность начальника отдела снабжения завхозу 1-й городской больницы В. Е. Мироевскому, работа которого мне очень нравилась, но он категорически отказался. Так же поступил и заведующий Семичевским пригородным хозяйством А. Е. Мартынов. Больше кандидатов у меня не было и пришлось согласиться на предложенную моим заместителем Г. Я. Гандзюком кандидатуру С. Н. Галанина, работавшего в горполиции в должности завхоза. Деловые его качества мне казались подходящими, но сам он не нравился.

Пока шли переговоры о замещении должности начальника отдела снабжения, дела его подверглись проверке ревизором городского финансового отдела Г. А. Арсеньевым, к участию в которой, по просьбе Сверчкова, был допущен и следователь горполиции Ковальчук[1], которого я знал до войны как калининского адвоката. 19 января утром мне было показано несколько писем из «Заготзерно» к нам с просьбой об отпуске соли. На первом из них по времени была моя надпись: «Отказать», а ниже резолюция Андреева: «Отпустить 1 тонну»; на последующих были резолюции только Андреева: «Выдать» и указывалось количество.

По установленному же мною порядку Андреев имел право отпускать соль только предприятиям, находившимся в ведении горуправления, как наши столовые, пекарня, больницы. Отпуск же на сторону мог производиться только с моего разрешения. Порядок этот Андреев грубо нарушал, а бухгалтер П. Н. Калитин молчал и проводил эти незаконные операции по своим книгам, тогда как год тому назад он сразу же поставил меня в известность о незаконных выдачах нашего имущества Р. П. Васильевым — предшественником Андреева на должности начальника снабжения. Увидев всё это, я был очень рассержен и согласился на арест П. Н. Калитина.

Война с Островским

20 января ко мне зашел управляющий округом Р. К. Островский и стал говорить, что он очень удивлен моему согласию на арест Андреева, работой которого я был доволен, что таких знающих дело и старательных

---

[1] Ковальчук Михаил — до войны инспектор уголовного розыска в Калинине, во время оккупации Калинина в полиции там же (См. о нем: *Федоров Е.* Вторжение. Плененный город // Тверская жизнь. 2001. 13 ноября).

работников у нас очень мало и имеющимися надо дорожить: полиция же, дай ей только волю, пересадила бы всех. Поэтому Островский советовал мне предложить полиции закончить дело в двухдневный срок, а при невыполнении этого освободить арестованных[1].

Так как с просьбами за Андреева ко мне обращались очень многие сотрудники городского управления, включая уборщиц, и все хвалили его как доброго, отзывчивого человека, приходила и плакала его жена, мои домашние тоже были настроены в его пользу, то слова Островского пали на подготовленную почву. Я написал Сверчкову, предложив в 2–3-дневный срок закончить дело или же изменить арестованным меру пресечения, освободив их из заключения.

22 января вечером Н. Г. Сверчков принес мне мое отношение с резолюцией начальника окружной полиции Дм. Космовича: «Освобождение арестованных не разрешаю». Зная, что Космович является племянником Островского и живет вместе с ним, я пошел в Окружное управление, где они и жили. Островский был уже на квартире; там же с ним сидел и Космович. Когда я показал Островскому упомянутую бумагу и стал говорить, что поступил согласно его совету, но встретил препятствие со стороны сидящего здесь Космовича, Островский заявил: «Никаких советов я Вам не давал и вообще об этом деле с Вами не разговаривал». Я никак не ожидал такой наглости; она меня страшно возмутила, и я, сказав ему: «Мерзавец», хлопнул дверью и удалился.

Островский после этого, видимо, тоже не сидел дома, а побывал в комендатуре у своего друга оберрата Краатца, так как утром 23 января ко мне явилась из Окружного управления комиссия во главе с ранее упоминавшимся председателем Окружного суда А. Н. Колесниковым и предъявила приказ о назначении ревизии городского управления. Я написал на этом приказе, что до моих переговоров в комендатуре приступать к ревизии не разрешаю.

Когда Комиссия удалилась, я стал диктовать своему секретарю А. А. Симкович письмо в комендатуру. В этом письме я довольно подробно изложил историю с провокацией Островского, указал, что, не возражая по существу против ревизии горуправления, я не могу согласиться с участием в ней Колесникова, которого знаю, как лживого пристрастного человека, который в данное время находится со мной в неприязненных отношениях. В заключение я просил об освобождении меня от обязанностей начальника города, так как при создавшихся условиях работать не могу. Печатавшая это письмо А. А. Симкович плакала и говорила, что ни одного дня больше не будет работать в горуправлении.

---

[1] Далее текст — по тетради № 5.

Через некоторое время после передачи этого письма в комендатуру ко мне пришел зондерфюрер 7-го отдела М. Гессе и стал уговаривать меня взять это письмо обратно. Он говорил, что, находясь в Смоленске больше года, он видит, как за это время положение в городе изменилось к лучшему, его наблюдения приводят его к выводу, что улучшения связаны с моей деятельностью, и ему больно, что без меня всё это пойдет прахом, так как, по его мнению, нет подходящего человека для моей замены, а своей просьбой я лишь облегчу положение своих врагов, желающих избавиться от меня. Он рекомендовал мне просить лишь отпуск на время ревизии. Я уступил доводам Гессе и изменил свое заявление.

Просьба моя была удовлетворена: я получил отпуск, а во главе ревизионной комиссии вместо Колесникова был назначен заместитель Островского Н. Н. Никитин; временное же исполнение обязанностей начальника города возложено на 2-го моего заместителя В. В. Мочульского, так как Г. Я. Гандзюк, увидев, что конфликт разгорается, срочно уехал в отпуск к матери в Прагу, получив от Островского заверение, что он будет назначен моим преемником. Но Островский обманул и его и сразу же после начала работы ревизионной комиссии вызвал к себе начальника Касплянского района Наронского, привезенного им из Западной Белоруссии в числе своей свиты. Он был так уверен в моем падении, что открыто рекомендовал его как нового начальника города.

Слух о моем уходе быстро распространился по городу. Уже вечером 25 января ко мне пришел владелец новой мельницы по Староленинградской улице Н. Н. Мельников. Он спросил, правда ли, что я ухожу. Я рассказал ему об обстоятельствах дела, и он, приглашая меня на именины своей жены 27 января, сказал, что там будет начальство из абвергруппы[1], он сейчас проинформирует их, и они будут мне полезны.

27 января я был у Мельникова, и находившийся у него в гостях заместитель начальника абвергруппы майор Эрдман спросил меня, смогут ли они застать меня в горуправлении завтра в четыре часа дня. Я ответил утвердительно, и в указанное время явился Эрдман в сопровождении зондерфюрера Куглера и еще одного своего сотрудника, фамилию которого забыл. Я подробно рассказал им о своих отношениях с Островским, о его неоднократных попытках спровоцировать меня на антинемецкие высказывания, так как я никогда не поверю, чтобы человек, ездящий по оккупированной территории в обозе оберрата Краатца, был антинемецки настроен.

Вся борьба Островского против меня вызвана его стремлением включить Смоленщину в состав «Великой Белоруссии», против чего

---

[1] По советским данным, квартира Мельникова в пер. Декабристов была одной из конспиративных квартир абвергруппы №303 (*Структура и деятельность, 2011.* С. 196).

я категорически возражал в разговорах с ним. Эрдман просил меня составить обо всем рассказанном подробный меморандум, за которым он приедет завтра в это же время. Так и было сделано.

В городском управлении большая часть сотрудников, особенно рядовых, открыто была на моей стороне. Очень активны были горархитектор И. П. Райский и начальник дорожного отдела В. А. Миронов. Последний, будучи старым знакомым Никитина, ходил к нему и стыдил его за подрыв русского дела, которое я всегда и с успехом защищал.

Приходили трое рабочих из типографии и спрашивали, не буду ли я возражать, если они заявят своему начальству, что они хотят, чтобы я по-прежнему оставался бы начальником города, так как всем известен как местный человек и пользуюсь доверием жителей? В соборе и в Окопной церкви, 31 января в первом и 7 февраля во второй, происходили, по распоряжению епископа Стефана, выборы церковных советов, причем в обоих случаях я был избран почетным председателем указанных церковных советов, хотя и в соборе, и в Окопной против этого выступал А. Н. Колесников, заявлявший о том, что я уже не являюсь начальником города.

Не скрою, что меня очень утешали эти проявления симпатии и сочувствия мне и моей деятельности. В. В. Мочульский держал себя по отношению ко мне очень корректно, безоговорочно выполнял мои советы. Из начальников отделов оппозиционные настроения проявил лишь новый начальник снабжения С. Н. Галанин.

Ревизия же шла своим чередом. Обревизованы были отделы снабжения, продовольственный, финансовый, пригородные хозяйства Тихвинка и Рачевка, дачеуправление Красный Бор, то есть всё то, где можно было поживиться и что притягивало вожделения Ясинского, Островского и их компаний. За исключением злоупотреблений Андреева с солью, которые мы установили сами после его ареста, ничего предосудительного, несмотря на все старания ревизоров, обнаружено не было.

Но еще до окончания ревизии пришедший ко мне на квартиру вечером в субботу солдат передал записку с приглашением меня утром 7 февраля в комендатуру. Принял меня там новый начальник 7-го отдела советник [оберрат] Кеслер. Он любезно разговаривал, расспрашивал меня о городских делах и в заключение сказал, что главнокомандующий войсками тыловой области Mitte генерал Шенкендорф приказал отозвать меня из отпуска.

8 февраля я вернулся юридически к исполнению своих обязанностей, которые фактически исполнять я и не прекращал, ежедневно бывал в Управлении и давал указания Мочульскому. Одновременно Островский, лишь в декабре 1942 года вернувшийся из отпуска, снова отбыл из Смоленска в отпуск, из которого больше сюда не вернулся, а через

некоторое время получил назначение в Могилев, куда из Смоленска был переведен начальник 7-го отдела комендатуры Краатц. Временное исполнение обязанностей управляющего округом было возложено на Н. Н. Никитина.

Таким образом затяжной конфликт между Островским и мною, приведший к альтернативному требованию Островского в комендатуре: «Или я, или он», — закончился моей победой. Предназначенный Островским на мое место Наронский остался не у дел: для него в Окружном управлении ввели должность «для особых поручений», а так как поручений там никаких не было, то и он ничего не делал.

Приведу один мелкий эпизод, характерный для той обстановки интриг, которую создал Островский. 21 декабря 1942 года зашедший ко мне зондерфюрер Гессе спросил, почему я не был на сегодняшнем поздравлении Краатца с днем его рождения? Я сказал, что мне ничего не известно об этом. Гессе удивился и рассказал, что на поздравлении были Островский, Никитин, начальник Смоленского района Бибиков со своим заместителем, а из городского управления — Гандзюк. Они преподнесли Краатцу какой-то подарок, приобретенный ими в комиссионном магазине по подписке. То, что я остался в стороне и от подписки, и от поздравления, Гессе объяснял желанием Островского и Гандзюка вызвать неудовольствие Краатца ко мне. Гессе добавил, что Краатц обратил внимание на мое отсутствие, и, так как он очень честолюбив, то он, то есть Гессе, советует мне зайти к Краатцу и поздравить его.

Я посоветовался с И. П. Райским насчет подарка и тот предложил подарить Краатцу что-то из находившихся в складе еврейских вещей, что именно — сейчас вспомнить не могу, как не помню и того, что подарили Островский и К° (в первых моих воспоминаниях всё это указано). В конце занятий я зашел к Краатцу, поздравил его и передал ему вазу (сейчас вспомнил).

При выходе из кабинета Краатца я столкнулся с Островским и тот спросил: «Побывали с данью у хана?» — На что я ответил: «Следовал Вашему примеру».

Колесников

Здесь же остановлюсь немного на личности А. Н. Колесникова. По приезде в Смоленск из Тарусы зимой 1942 года он поддерживал со мной хорошие отношения. Перелом произошел в ноябре 1942 года, когда он обратился ко мне с просьбой выгнать из собора протоиерея Н. Шиловского и запретить ему службу в Смоленске. Я был очень удивлен такой просьбой, тем более что знал об их дружбе, и спросил о причинах просьбы.

Колесников объяснил, что по просьбе Шиловского он хлопотал в немецкой Пропаганде об издании составленного Шиловским православного календаря на 1943 год. Календарь этот был издан, Шиловский получил гонорар, из которого уделил ему очень малую, на его взгляд, сумму. Поэтому Колесников теперь считает Шиловского своим врагом и очень просит меня изгнать его из собора. Конечно, я отклонил его просьбу, а он зачислил и меня в число своих врагов.

Через несколько дней после разговора с Колесниковым Краатц спросил меня, не считаю ли я нужным удаление Шиловского со службы в соборе, так как, по имеющимся у него сведениям, он получил за освящение церкви в одной из деревень три пуда муки и присвоил их себе. Я разъяснил Краатцу, что ничего предосудительного в этом поступке Шиловского нет, так как определенной зарплаты священники не получают, а живут за счет доходов, получаемых от верующих за выполнение церковных треб. Краатц этим удовлетворился, а я подумал, что Колесников действует против Шиловского по поговорке «не мытьем, так катаньем», всеми средствами стремясь причинить вред Шиловскому.

Таким же путем он действовал против меня. Я уже упоминал о его выступлениях против избрания меня почетным председателем церковных советов собора и Окопной церкви. Затем он явился на квартиру арестованного Н. П. Андреева и уговаривал его жену, М. П. Андрееву[1], убедить мужа показать следователю, что плодами его злоупотреблений пользовался я. За это он обещал добиться освобождения ее мужа без всяких дальнейших последствий для него. М. П. Андреева рассказала об этом визите Колесникова и его предложении моей жене.

1 марта 1943 года М. П. Андреева пришла к моей жене в очень расстроенном состоянии и рассказала, что учительница 1-й городской школы О. А. Петрова[2] узнала от своего любовника, служащего SD Кляйна, о передаче дела всех арестованных работников горотдела снабжения и немецкого «Заготзерно» из городской полиции в SD с заключением о необходимости всех расстрелять. Она просила о моем вмешательстве и помощи, причем соответствующее мое письмо Петрова обещала передать Кляйну, которому поручено рассмотреть это дело.

Я немедленно написал письмо в SD, в котором указал, что Н. П. Андреев, Степочкин, П. Н. Калитин, Баландин и Воронков работают в городском управлении с августа 1941 года, то есть с момента его организации, что в крайне тяжелых условиях зимы 1942 года благодаря их самоотверженной работе удалось избежать перерывов в снабжении населения продовольствием. И, что, хотя Андреев и допускал незаконные выдачи соли,

---

[1] Андреева Мария Петровна (1900–?).
[2] Петрова Ольга Афанасьевна.

но значительная часть этих выдач производилась низшим сотрудникам горуправления, обремененным семьями, старухам и т.п. без извлечения им для себя какой-либо корысти. Я просил всё это учесть при решении участи арестованных.

3 марта, когда я приехал домой обедать, я застал там Н.П. и М.П. Андреевых. Оказалось, что на основании моего письма начальник SD Торман распорядился освободить всех арестованных по этому делу, а дело передать для разрешения в 7-й отдел комендатуры. Там его поручили рассмотреть асессору Бесселю, а тот направил его ко мне для заключения.

Я написал, что считаю достаточным ограничиться отбытым ими предварительным заключением. Это мнение мое и было принято комендатурой. Н.П. Андреев работал до конца оккупации у немцев в организации, занимавшейся добычей рыбы. Он остался в Смоленске и в 1945 году находился одновременно со мной во Внутренней тюрьме Смоленского УГБ. О дальнейшей судьбе его не знаю.

Смоленское воззвание[1]

14 декабря 1942 года часа в два дня зашедший ко мне зондерфюрер М. Гессе сказал, что сегодня в пять часов вечера меня просят зайти в штаб главнокомандующего войсками тыловой области Mitte к майору Шубуту. На мой вопрос о причинах этого приглашения Гессе ответил: «Не знаю».

Когда я пришел в указанный штаб, находившийся в здании Электротехникума на Запольной улице[2], то меня провели в комнату, где сидели два немецких офицера, хорошо говоривших по-русски. Они сказали, что майор Шубут сейчас меня примет, а пока просили ознакомиться с одним документом. Это было обращение к народам России от имени организационной группы «Комитета по освобождению народов России»[3]. Подписано оно было генерал-лейтенантами Власовым и Жиленковым и генерал-майором Малышкиным.

О первом из них я читал летом 1942 года в смоленской газете «Новый путь», где сообщалось о пленении на Волхове большой группы советских войск, попавших в окружение, во главе с командующим

---

1 О контексте и обстоятельствах подписания Меньшагиным «Смоленского воззвания» см. в наст. изд., с. 67–69.

2 Совр. ул. Твардовского. Штаб дислоцировался в Смоленске между октябрем 1941 и июлем 1943 г. Само здание было взорвано немцами при отступлении в сентябре 1943 г. Вторым зданием штаба была средняя школа № 27.

3 В действительности воззвание написано от имени не КОНР, а некоего — совершенно фиктивного — «Русского комитета».

армией генералом Власовым, скрывавшимся в лесу[1]. Теперь я увидел, что Власов вместе с двумя неизвестными для меня генералами формирует Комитет, долженствующий стать зародышем будущего русского правительства, и призывает народы России к прекращению борьбы с немцами и к свержению советского правительства. Точного содержания этого обращения я не помню, но его антисоветская направленность несомненна[2].

Вскоре я был приглашен в соседнюю комнату — кабинет майора Шубута, являвшегося начальником разведывательного управления этого штаба, а до войны бывшего военным атташе при германском посольстве в Москве. Шубут встретил меня как старого знакомого. Мы с ним до этого встречались 11 апреля 1942 года у В. А. Ясинского на открытии столовой Смоленского районного управления.

После нескольких вопросов о здоровье и т. п. Шубут спросил, согласен ли я с мыслями, содержащимися в обращении Власова и, если да, то не подпишу ли я его? Я подтвердил свое согласие и подписал обращение. На этом наш разговор окончился, и я ушел.

Аресты Никулина, парашютистки и Дубасова

В конце февраля 1943 года начальник городской полиции Н. Г. Сверчков информировал меня о раскрытии подпольной организации и о произведенных в связи с этим арестах. В числе арестованных был и директор городского водопровода инженер Никулин. Этот Никулин в 1942 году находился в Смоленском лагере военнопленных. Выходя на работы в город, он каким-то путем познакомился с начальником Отдела городских предприятий П. С. Наумовым, и тот стал просить у меня выхлопотать освобождение Никулина из плена. Я это сделал, хотя вовсе не видел его. Вскоре директор городской водопроводной станции Лебедев ушел от нас на работу в какую-то немецкую организацию, а директором водопроводной станции, по рекомендации Наумова, я назначил Никулина. Родом он был из Ростова-на-Дону.

Арест его как подпольщика смутил меня, так как, возбуждая ходатайство о его освобождении из плена, я дал поручительство в его благонадежном поведении. Смущение мое особенно усилилось после того, как дня через три после ареста, ко мне пришел зондерфюрер из абвергруппы Куглер и спросил меня, каким путем Никулин был освобожден из плена и какие документы имеются об этом в горуправлении.

---

[1] Имеется в виду анонимная заметка «Взятие в плен советского генерала Власова» (НП. 1942. 17 июля). А. А. Власов был взят в плен 12 июля в д. Тухевичи.

[2] См. Документ № 8.

По моему распоряжению, было принесено дело с копией моего ходатайства и отпускного свидетельства. Куглер просмотрел эти бумаги, что-то записал себе, поблагодарил за справки и ушел. Несколько позднее я спрашивал о судьбе Никулина у Н. Г. Сверчкова и у Куглера, первый из них сказал, что Никулина расстреляли, а второй, что он отправлен в Ригу.

Что соответствовало действительности, я не знал до ознакомления с моим следственным делом 9–10 сентября 1948 года во 2-м управлении МГБ СССР в Москве. Там я прочитал показания какого-то лейтенанта советской армии, оказавшегося в немецком плену и работавшего в Смоленске в абвергруппе. Я его не знал и фамилии сейчас не помню. На вопрос, что ему обо мне известно, он сказал, что по моему ходатайству был освобожден из плена инженер Никулин, который потом, по их заданию, проник в подпольную просоветскую группу, о времени и месте собрания таковой предупредил их, и в результате вся группа была арестована. Для того чтобы у арестованных не возникло подозрение в отношении Никулина, он тоже был арестован и посажен в камеру с лицом, вымазанным клюквой, что показывало избиение его. Впоследствии Никулин был ими переправлен для дальнейшей работы в другое место[1].

Еще в ноябре 1942 года я получил из 7-го отдела комендатуры извещение о том, что лица, прибывающие в Смоленск и получившие от меня разрешение на проживание в нем, прежде их прописки в паспортном отделе, должны получить визу городской полиции. Там это дело было поручено инспектору Александрову, находившемуся со мной в довольно неприязненных отношениях на почве отклонения мною претензий его отца на возврат муниципализированного дома, принадлежавшего ему до 1931 года.

И вот, на следующий день после получения этой бумаги на прием ко мне пришла молодая девица с просьбой прописать ее в Смоленске где-то на Рачевке. Я спросил ее, откуда она прибыла, — «из плена», был ее ответ. Когда я просмотрел ее паспорт, но не обнаружил отметок о ее прописке, я спросил о причинах этого.

«Потому что я приехала из СССР», — ответила девица. Я не понял сразу смысла этого ответа, и на дальнейшие мои вопросы она рассказала, что до войны жила в Ильине, потом эвакуировалась в Горький. Там ей надоело, и она решила вернуться на родину, поездом доехала до Торопца,

---

[1] Согласно Л.В. Котову, Стефан Никулин, бывший офицер-сапер, попал в плен в ноябре 1941 г. и был завербован немцами. Начав игру с подпольщиками, он сообщил им, что бургомистр Смоленска предложил ему должность начальника управления городского водопровода. Подпольщики были арестованы, когда готовились взорвать электростанцию. В конце мая 1943 г. они были казнены, в Никулин после войны был разоблачен как провокатор (*Котов, 1966*. С. 170–174).

затем пешком перешла фронт; так как Ильино сгорело, решила идти в Смоленск, куда и добралась тоже пешком. Рассказ этот мне показался совершенно неправдоподобным, и я стал задавать ей дополнительные вопросы: где она работала в Горьком, почему не прописана там, через какие станции проезжала из Горького и т.д. Ответы на эти вопросы еще более убедили меня в лживости ее объяснений; так, она сказала, что в Горьком нигде не работала, через какие станции ехала, не помнит и т.п. Зная советские правила, усложнившиеся в период войны, я совершенно убедился, что она врет и притом неумело. Об этом я ей и сказал. Тогда она стала кричать и ругаться по моему адресу.

Это лишь укрепило меня в мысли, пришедшей еще в начале разговора после того, как она сказала, что приехала из Горького. Я решил, что она подослана ко мне полицией с целью провокации. Ведь, если бы я ей разрешил прописку в Смоленске, то от меня она должна была пойти в полицию, и там изобличили бы меня в прописке подозрительных элементов. Поэтому я вызвал полицейского, дежурившего в горуправлении, и приказал отвести ее в полицию для ареста на три или на пять дней, сейчас я числа дней не помню, за хулиганство. Я хотел показать им, что попытки спровоцировать меня не пройдут, и лишь пострадают их агенты.

Когда часа в два дня я вернулся с обеда, то меня ждал заместитель начальника политического отдела городской полиции Н.Р. Миллер, спросивший меня: «Как Вам удалось задержать эту особу?» — «Какую особу?» — удивился я. Оказалось, что речь идет об этой самой девице. По словам Миллера, она парашютистка, переброшенная через фронт самолетом, которую они давно разыскивают. Я был очень удивлен сообщением Миллера.

Мне стало жаль эту дуру. Ведь если бы она не расшумелась, то ушла бы от меня хотя и без прописки, но целой. Дальнейшей судьбы ее я не знаю. Возможно, что она погибла. В этом случае за гибель ее ответственны люди, пославшие для такой деликатной работы, как разведка в тылу противника, требующей большой выдержки, тактичности, находчивости, — человека глупого, раздражительного, агрессивного, не снабдив его даже всесторонне разработанной легендой.

В феврале 1943 года, а может быть и позднее, сейчас не помню, в числе подпольщиков был арестован Дубасов. Его я знал, как свояка нашего адвоката Попова. До войны он работал бухгалтером педагогического института. В августе 1941 года обращался ко мне с просьбой о работе и был назначен бухгалтером в городской финансовый отдел. Проработав там непродолжительное время, он просил отпустить его для работы в какой-то немецкой организации, где материальные условия оплаты были лучше. Просьба была исполнена. Вскоре Дубасов снова пожелал вернуться

на работу в горуправление и, хотя начальник финотдела В.А. Василевский был недоволен его летунством, я принял его на прежнюю работу. В начале 1942 года он опять просил уволить его и дать патент на торговлю, — и эту просьбу я удовлетворил.

И вот теперь Н.Г. Сверчков сказал, что арестованные подпольщики намеревались убить меня, старшего судью А.Ф. Пожарисского и начальника Жилищного отдела Н.И. Поча: в частности, Дубасову было поручено убить меня. Я и тогда отнесся к этому сообщению скептически и сейчас мало верю ему. Дубасов имел доступ ко мне всегда, когда хотел; относился я к нему хорошо, мне и в голову не приходила никогда мысль о возможности каких-то агрессивных акций со стороны Дубасова. Поэтому при желании он легко мог осуществить замысел убийства меня, если бы он у него был.

Мне кажется, что Сверчков придумал это с целью поднять себе цену в моих глазах. Совершенно неправдоподобно и сообщение его в отношении намеченного якобы убийства А.Ф. Пожарисского. Это был исключительно кроткий, никогда никого не задевавший человек; в политическом отношении он никакой активности не проявлял; по своей должности разбирал только жилищные и алиментные дела и вряд ли мог кому насолить. Убийство его было бы бессмысленно. Что сталось с Дубасовым, не знаю.

С Никитиным у Кеслера

В марте 1943 года я как-то был приглашен к начальнику 7-го отдела комендатуры советнику Кеслеру. У него я застал исполняющего обязанности начальника Окружного управления Н.Н. Никитина и зондерфюрера Гессе. Никитин стал жаловаться на меня за неисполнение решений Окружного суда, за игнорирование Окружного управления вообще. Как пример он сослался на два опротестованных мною судебных дела, одно из них на признание права собственности на дом и другое — о вещах, оставшихся в квартире одного профессора (фамилию забыл), уехавшего из Смоленска в начале войны и сохраненных его домашней работницей, которая и требовала закрепления их за нею, тогда как я распорядился часть этих вещей изъять для передачи их беженцам, лишенным всякого имущества. Я легко парировал доводы Никитина, который после этого заявил, что отказывается от включения города в подчинение Окружному управлению. Я поддержал его в этом, после чего Кеслер сказал: «Ну что же, так и сделаем». В процессе разговора Гессе поддерживал меня.

После этого Окружное управление, которое вскоре возглавил Ю.Н. Алексеевский, никаких попыток к вмешательству в городские дела не предпринимало.

И снова мельница

В зиму 1942–1943 гг. продовольственное положение города улучшилось. Ограничительный лимит на отпускаемое городу продовольствие был отменен. Зерно отпускалось теперь немцами в городе с элеватора, а размалывали мы его на своей мельнице, которая по окончании годового срока ее аренды Н. Н. Мельниковым снова перешла в непосредственное владение отдела городских предприятий. Заведующим ее был назначен В. С. Горос. Н. Н. Мельников продолжал работу по помолу для лагеря военнопленных на своей новой мельнице, сооруженной им при немецкой помощи на пожарище по Староленинградской улице.

В марте мой заместитель Г. Я. Гандзюк и начальник снабжения С. Н. Галанин чуть ли не ежедневно жаловались мне на задержки с помолом муки для городских пекарен по причине технических неполадок на мельнице. Я говорил об этом начальнику отдела городских предприятий П. С. Наумову. Тот сердился и оспаривал доводы Гандзюка и Галанина. Однако заведующий мельницей Горос, подтверждая факт неполадок на мельнице, считал виновником их самого Наумова, который постоянно вмешивается в повседневную работу мельницы, но устранить дефекты в ее работе не может.

В середине марта я собрал у себя совещание по этому вопросу с участием обоих заместителей Г. Я. Гандзюка и В. В. Мочульского, начальников отделов П. С. Наумова, С. Н. Галанина и Ф. Ф. Бочарова[1] и заведующего мельницей В. С. Гороса. Были выслушаны мнения всех их, после чего я объявил о передаче мельницы из отдела городских предприятий в непосредственное ведение отдела снабжения. Заведующим мельницей я назначил беженца Антошина, которого Г. Я. Гандзюк рекомендовал как большого специалиста по мельничному делу, а так как я его не знал, да и к отделу снабжения вообще большого доверия не имел, то ввел в штат продовольственного отдела должность контролера на мельнице, которым был назначен бывший заведующий мельницей В. С. Горос, которого я знал с 1919 года как очень честного человека.

Это решение было для всех присутствующих неожиданным. Гандзюк и Галанин были смущены, так как теперь ответственность за исправную работу ложилась на них самих. Очень возмутился моим решением П. С. Наумов, сразу же подавший заявление об увольнении его с работы в горуправлении. Несмотря на мои уговоры, он остался непреклонным и был уволен. На должность начальника отдела городских предприятий, по рекомендации В. В. Мочульского и И. П. Райского, назначен инженер Бухтеев, незадолго до этого освобожденный по моему ходатайству

---

[1] Начальник продотдела Горуправления.

из плена. Решение в отношении мельницы оправдало себя, и больше заниматься ею не приходилось.

Однажды, тоже в весенние месяцы 1943 года, на очередном докладе мне о продовольственном положении города Г. Я. Гандзюк в присутствии начальников отделов С. Н. Галанина и Ф. Ф. Бочарова заявил, что советник Бер[1], ведавший нарядами на отпускаемые городу продукты — зерно, растительное масло, соль, спички, — срывает снабжение города, задерживает выдачу нарядов, что может создать перерывы в обеспечении населения хлебом и другими вышеназванными продуктами, которые мы регулярно выдавали по карточкам. Поэтому он просит меня обратиться к коменданту Смоленска генерал-майору Полю с жалобой на Бера; при моем согласии на это, он подготовит проект соответствующего письма. Я согласился, и Гандзюк, Галанин и Бочаров удалились.

Но минуты через две Галанин и Бочаров вернулись и стали говорить мне, что Гандзюк не прав, что Бер только спросил справку о количестве довольствующегося населения. Гандзюк же в резком тоне отказал в этом и намеренно пошел на обострение отношений горуправления с Бером. Причина этого, по словам Галанина, в том, что у Бера в качестве переводчицы работала жена Гандзюка, на которой он женился в феврале 1943 года, а Бер якобы имел на нее тоже какие-то поползновения, что и вызвало ревность Гандзюка. Теперь он хочет через мою жалобу генералу причинить Беру неприятности. Галанин и Бочаров советовали мне вместо жалобы самому повидаться с Бером и договориться с ним о порядке дальнейшего снабжения города. Оба они были уверены, что мое посещение Бера будет вполне успешным.

Я согласился и вместе с начальником продовольственного отдела Ф. Ф. Бочаровым и переводчицей М. Л. Гринцевич, кажется, в тот же день сходил к Беру. Тот встретил меня очень любезно; мы быстро договорились о порядке выдачи нарядов горуправлению. Я сказал ему, что в дальнейшем дело с ним будет иметь Бочаров, а в случае каких-либо недоразумений просил обращаться непосредственно ко мне. Никаких недоразумений в дальнейшем не было.

Март 1943: беженцы с востока

В марте месяце 1943 года началось отступление немцев на их центральном фронте. Были оставлены ими города Ржев, Гжатск, Вязьма, Белый, Сычевка, Дорогобуж. В связи с этим в Смоленск снова хлынул поток беженцев из этих городов и прилежащих к ним районов Смоленской

---

[1] Чиновник Викадо.

области. Большая часть этих беженцев проходила Смоленск лишь транзитом, направляясь дальше на Запад. Но часть их оседала в Смоленске.

Всё это создавало новые заботы, новые нагрузки на наш аппарат. Непосредственным обслуживанием беженцев ведал заместитель начальника отдела социального обеспечения Е. И. Белявский. Неплохо поработал на этом деле заведующий Заднепровским общежитием Семенов. Некоторые беженцы получили работу в горуправлении. В числе их были упоминавшийся здесь Антошин, ставший заведующим городской мельницей; бывший бургомистр города Вязьмы Шалдыкин, назначенный начальником торгового отдела; Лукашевич — инспектором того же отдела и др., фамилий которых уже не помню.

В эти дни вместе с беженцами из Дорогобужского района частенько приходил Матвей Павлович Скоржинский. В прошлом офицер русской армии, затем офицер Белой армии, эмигрант, живший в Югославии, наконец, переводчик какого-то немецкого штаба, находившегося в городе Дорогобуже. Он близко к сердцу принимал бедствия своих соотечественников, вызванные войной, и старался по мере сил своих облегчить их. Бывая у меня на приеме, он всегда просил за кого-нибудь.

Уезжая в мае 1943 года из Смоленска, он дал мне свой берлинский адрес и, когда я осенью 1944 года сам находился в незавидном положении беженца и попал в огромный Берлин, то разыскал его и встретил с его стороны сочувствие и помощь, благодаря которой мне удалось получить нужный статус для жизни в Берлине[1]. Я не знаю, жив ли он и какая его судьба по окончании войны, но я навсегда сохраню к нему чувство симпатии и благодарности.

Из того же Дорогобужа прибыл в Смоленск начальник Дорогобужского района Капранов[2]. Это человек совершенно другого склада, чем М. П. Скоржинский. Познакомился с ним я еще в ноябре 1941 года, когда однажды он явился ко мне с просьбой отпустить для нужд Дорогобужского районного управления гвоздей, железа и еще кое-какого материала. В тот же день, но порознь с Капрановым, побывал у меня иеромонах Иоанн, служивший во вновь открытом Дорогобужском соборе[3], с просьбой о выдаче из запасов ризницы Успенского собора некоторых предме-

---

[1] См. в наст. изд., с. 76–77.

[2] Капранов Яков Яковлевич. См. Постановление Президиума Верховного Совета СССР и материалы по ходатайству о помиловании осужденного к высшей мере наказания Капранова Якова Яковлевича и Гвоздева Ивана Яковлевича, 1961 г. (ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 95-а. Д. 210; имя-отчество «Яков Яковлевич» подтверждается повестью о дорогобужских партизанах: http://www.molodguard.ru/heroes5503.htm).

[3] Петропавловская церковь — единственная действующая в Дорогобуже во время войны церковь. После войны использовалась под склад. Ныне действующая.

тов культового имущества для Дорогобужского собора. Просьбы обоих были удовлетворены. Вечером в этот день, вернувшись домой, я узнал, что туда заезжал Капранов, оставивший для меня тушку гуся с запиской: «Чем богаты, тем и рады».

В марте 1943 года Капранов вновь появился в Смоленске уже в качестве беженца. Об этом я узнал от Г. Я. Гандзюка, отозвавшегося о нем очень нелестно. На мой вопрос о причинах такого отзыва Гандзюк объяснил, что зимой 1942 года в момент временного занятия Дорогобужа советскими войсками, прорвавшимися в немецкие тылы, Капранов бежал, захватив одну лишь свою любовницу и бросив на произвол судьбы всех своих сотрудников, которые и были расстреляны, как и иеромонах Иоанн. В дальнейшем Г. Я. Гандзюк неоднократно говорил мне, что Капранов прибыл в Смоленск с лошадьми и другим имуществом Дорогобужского районного управления, которое по справедливости должно принадлежать Смоленскому городскому управлению, несущему значительные расходы по обслуживанию дорогобужских беженцев. Гандзюк убедил меня написать Капранову предложение передать лошадей Смоленскому горуправлению, поскольку оно несет заботы о дорогобужских беженцах. После повторного вручения Капранову указанного предложения он явился ко мне со словами: «Дались вам мои лошади» и подал удостоверение Смоленского SD о том, что лошади необходимы Капранову для разъездов по заданиям SD. На этом вопрос этот был исчерпан.

После ухода немцев из Смоленска Капранов жил в Барановичах, а осенью 1945 года одновременно со мною находился во Внутренней тюрьме Смоленского УГБ. Меня допрашивали как свидетеля по его делу, а потом от майора Беляева слышал, что он был осужден Военным трибуналом на 15 лет[1].

Городской врач

5 декабря 1942 года в зале Смоленского театра перед началом эстрадного концерта ко мне подошел городской врач К. Е. Ефимов и показал отношение гарнизонного врача Хампеля на его имя с сообщением об освобождении его от обязанностей горврача и с выражением ему благодарности за проделанную им работу. При этом К. Е. Ефимов добавил, что его преемником по должности горврача Хампель назначил врача Попова[2]. Я очень рассердился, узнав об этом, и сказал, что

---

[1] Приговорен к смертной казни.

[2] Он же, как и его забеременевшая жена — заведующая прачечной в лагере, фигурируют в: *Яковенко, 2015*.

опротестую действия Хампеля, не имеющего права производить самостоятельно перемещения в аппарате горуправления. К. Е. Ефимов испугался, услышав это, и стал просить меня ничего не предпринимать по этому вопросу, так как он всё равно не останется горврачом, что смещение его Хампелем очень устраивает его. Неохотно я согласился с просьбой Ефимова.

Врач Попов осенью 1941 года, будучи военнопленным, стал работать в Смоленском госпитале для военнопленных, находившемся на Киевском шоссе в здании Физкультурного техникума[1]. В ноябре или декабре 1941 года ко мне обратилась с просьбой об его освобождении из плена Базилевич, ранее мне незнакомая. Она говорила, что работает медсестрой в этом госпитале, сошлась с Поповым, забеременела и хочет, чтобы у ребенка был отец, почему и просит об освобождении его из плена. Я выполнил ее просьбу. Попов был освобожден и назначен работать в нашу инфекционную больницу. Вскоре он попал на вид к гарнизонному врачу Хампелю, понравился ему и был назначен заместителем окружного врача. Теперь Хампель назначил его городским врачом. Ко мне он являлся только по вызову и к работе относился небрежно. Зато перед Хампелем подхалимствовал. Будучи на елке, устроенной на Рождество в городской больнице, мне пришлось слышать его восторженно пресмыкательский тост в честь присутствовавшего здесь Хампеля. Наши врачи относились к Попову отрицательно и были очень недовольны его поведением.

Поэтому я, вернувшись к управлению городом после[2] конфликта с Р. К. Островским, решил уволить его, а городским врачом назначить заместителя горврача Эльзу Р. Варик. Попова после этого Хампель назначил районным врачом Починковского района. Там он пробыл очень недолго. Хампеля в Смоленске уже не было, и Попову пришлось обратиться ко мне с просьбой о работе и получить назначение заведующим санитарной лабораторией на одном из смоленских рынков. При эвакуации Смоленска он остался в нем.

Во Владимире меня дважды допрашивали в качестве свидетеля по его делу. При первом допросе я рассказал о том, как был освобожден из плена Попов и как он потом работал. Второй допрос был вызван тем, что Попов, находившийся в это время где-то в Сибири, подтверждал только свою работу в качестве военнопленного врача в госпитале для военнопленных, где, по его словам, он видел и меня; освобождение же свое из плена и всю дальнейшую работу он отрицал.

Я снова повторил свое первое показание, добавив, что в госпитале для военнопленных я никогда не бывал. Оказалось, что Попов был членом

---

[1] См. о нем в наст. изд., с. 58–59.

[2] Далее текст — по тетради № 6.

ВКП(б), до плена являлся главным врачом военного госпиталя, хотя он окончил Ростовский мединститут только в 1937 году, будучи уже в солидном возрасте. Допросы по его делу в конце 50-х или в начале 60-х гг. были вызваны его просьбой о реабилитации, так как в 40-х гг. он был осужден за измену. Чем кончилось его дело, не знаю.

Грузин и Дьяконов

В январе 1943 года, подписывая однажды заявки в комендатуру на выдачу пропусков на поездки городских жителей за пределы города, я обратил внимание на заявку для поездки какого-то грузина в Брянск. Я спросил принесшего мне эти заявки начальника административного отдела Г. И. Дьяконова, кто такой этот грузин и зачем он едет в Брянск. Дьяконов ответил, что грузин живет в Брянске и сюда приезжал для покупки на рынке соли.

Я подписал заявку и просил Дьяконова сказать грузину, что пропуск дается ему в последний раз и чтобы больше он сюда не ездил. Однако 14 апреля 1943 года, подписывая такие заявки, я снова увидел на одной из них фамилию этого грузина, снова едущего в Брянск. Я перечеркнул заявку красным карандашом и сказал Дьяконову: «Я ведь предупреждал, что больше не дам пропуска, зачем же Вы выписали его?»

На следующий день я со своим заместителем Г. Я. Гандзюком и начальником топливного отдела Г. А. Руденко ездил на машине М-1 на Соловьев переезд в 60 км от Смоленска на границе Ярцевского и Дорогобужского районов. Там мы производили заготовку дров и строительного леса, затем сплавляли его по Днепру в Смоленск. Заготовка и вывозка к Днепру была закончена, и предстоял сплав.

Я хотел посмотреть на месте результаты работ и премировать солью лучших лесорубов. Стоял хороший солнечный весенний день; на Днепре и впадающей в него Вопи льда уже не было, но вода была еще высокая. Ехать по ней в небольшой лодке от одного склада вывезенной древесины к следующему и т. д. было и жутко, и приятно. Впечатление от произведенных работ у меня сложилось хорошее. Но радость омрачало то, что на месте находившейся здесь деревни оставалось лишь пожарище, так как все дома были сожжены немцами зимой 1942 года в связи с появившимися и этой местности партизанами из состава прорвавшихся, а затем отрезанных войск генерала Белова. Уцелевшие жители жили в землянках, а средством существования для них служила работа на наших лесосеках и получаемый за нее паек. Сердце сжималось при виде этих землянок и живших в них худых, изможденных людей, особенно детей. Поблагодарив собранных людей и объявив им о выдаче им в виде премии по 10 кг

соли, мы, перекусив у прораба Кошелева, ведавшего этими заготовками, уехали в Смоленск, куда и вернулись вечером этого дня.

На следующий день я зашел в комендатуру и случайно увидел на столе зондерфюрера Розенвальда стопку наших заявок на пропуска, причем сверху лежала заявка с фамилией грузина. Я нагнулся и прочел ее. Заявка была выписана 15 апреля и подписана моим заместителем В. В. Мочульским.

Вернувшись к себе, я вызвал Мочульского и спросил его, говорил ли ему Дьяконов, давая ему на подпись заявку на пропуск в Брянск для грузина, что я отклонил выдачу этого пропуска. «Конечно, нет, если бы я знал об этом, то не подписал бы его», — отвечал Мочульский. После его ухода, я вызвал Дьяконова и спросил его, почему он дал Мочульскому на подпись пропуск грузину, зная, что я накануне запретил его выдачу. Дьяконов очень покраснел и молчал. Тогда я сказал: «Чтобы это было в последний раз, иначе нам придется расстаться». На этом разговор с Дьяконовым был закончен.

5 мая 1943 года Дьяконов принес мне письмо начальника городской полиции Н. Г. Сверчкова на его имя с просьбой выдать пропуск в Брянск этому же грузину, совершающему поездки по их заданию. Я на этой бумаге написал «Выдать» и сказал Дьяконову: «Видите, какая сволочь этот грузин — и спекулянт, и шпион, провокатор». Дьяконов отвечал: «Да, да».

6 мая, когда я вернулся с обеда, секретарь Е. К. Юшкевич сообщила мне, что в мое отсутствие городская полиция арестовала Г. И. Дьяконова. Я сейчас же потребовал к себе начальника городской полиции Сверчкова. Тот вскоре явился и объяснил, что, по имеющимся у него сведениям, Дьяконов брал взятки за выдачу заявок на пропуска. С грузина он взял 500 марок, но номера этих денег были записаны в полиции, и, когда грузин вручил их Дьяконову в обмен на пропуск, то ожидавшие в коридоре полицейские вошли в кабинет Дьяконова, обнаружили у него марки с записанными номерами, после чего арестовали его.

Я указал Сверчкову на нелепость этого обвинения, так как грузину не было никакой необходимости давать взятку, поскольку пропуск ему дан на основании письма самого Сверчкова и моей резолюции, что всё происшедшее я не могу рассматривать иначе как провокацию. Сверчков говорил, что Дьяконов брал взятки и в паспортном отделе, и здесь, и что я напрасно его защищаю.

10 мая утром ко мне пришел брат Г. И. Дьяконова Борис[1] и сказал, что он узнал в SD о предстоящем сегодня расстреле брата. Он заплакал

[1] По сообщению Ю. Г. Дьяконова, сына Г. И. Дьяконова, Борис Иванович Дьяконов потерял на войне левую руку и умер в 1990-х гг. Третий брат, Павел, погиб под Сталинградом: его имя высечено на памятнике «Родина-мать» на Мамаевом Кургане.

и просил меня спасти брата. Я сейчас же продиктовал секретарю письмо в SD, в котором оспаривал обвинение Дьяконова во взяточничестве и положительно характеризовал его как работающего в горуправлении с самого его основания. Пока переводили это письмо, ко мне зашел зондерфюрер Розенвальд из 7-го отдела комендатуры. Я был под впечатлением сообщения о предстоящем расстреле и поделился этим с Розенвальдом. Тот предложил свои услуги в доставке моего письма к начальнику SD Торману. Возвратившись от него, он сообщил мне, что расстрел Дьяконову заменен заключением в лагере. Попал он на торфоразработки в Гранках Руднянского района Смоленской области.

В июле–августе Борис Дьяконов принес мне два письма от Григория Ивановича из Гранок, в которых тот писал, что умирает медленной смертью и просил меня выручить его. 8 августа городская полиция отмечала вторую годовщину своего существования. По этому поводу у них был устроен банкет, на который приглашен и я. На банкете мне пришлось сидеть рядом с новым начальником SD, фамилии его не знаю. Он провозгласил тост за мое здоровье, а я, воспользовавшись случаем, сказал ему, что мне надо поговорить с ним по одному вопросу, и просил назначить время для этого. Он отвечал, что могу приехать к нему в любое время, когда будет мне удобно.

На следующий день я побывал у него со своей переводчицей М. Л. Гринцевич и рассказал всё вышеизложенное о деле Дьяконова, прося о его пересмотре. Он обещал мне это. Через несколько дней у меня побывал незнакомый следователь из SD. Я повторил и ему рассказ о Дьяконове, а также показал письмо Сверчкова с моей резолюцией о выдаче пропуска грузину. Следователь взял его с собой, сказал, что оно имеет очень важное значение. Вскоре я узнал, что Дьяконова перевезли из Гранок в Смоленск, а затем дней через 10 увидел и самого Дьяконова у себя.

После его ареста 8 мая его заменил по должности начальник административного отдела Ст. Н. Борисенко, работавший до этого комендантом зданий, а до войны — учителем.

Дела церковные

Внутренние церковные дела после приезда в Смоленск епископа Стефана перешли к нему. В 1943 году в Смоленске были открыты три церкви: 28 февраля Всехсвятская, 4 апреля Гурьевская в Садках и 10 июня Тихвинская на кладбище по Витебскому шоссе[1]. 12 мая в Смоленске в епархиальном управлении было проведено епархиальное совещание

---

[1] Перед войной Тихвинская была единственной действующей церковью Смоленска. Но в июле 1941 г. она оказалась в самом центре двухнедельных ожесточенных боев за северную часть города и была серьезно повреждена.

духовенства Смоленска, Брянска, Рославля и других мест. На открытии его я выступил с приветствием и призывом к духовенству быть проводниками Христова учения о любви и милосердии к ближнему, изжив встречающееся еще в их среде корыстолюбие, взаимную вражду, интриги и т. п. поступки, несовместимые с учением Христа, и явившиеся в значительной степени причиной упадка церкви в послереволюционное время. При дальнейшей работе совещания я не присутствовал.

Поездка в Козьи Горы

12 или 13 апреля бывший у меня с докладом управляющий Краснoборским дачеуправлением В. И. Космовский сообщил, что невдалеке от Красного Бора на территории Катынской волости Смоленского района в лесу обнаружено захоронение большого количества убитых поляков и что немцы ведут там дальнейшие раскопки. На мои вопросы, что это за поляки, кто и когда их убил, и т. д., Космовский ничего не мог сказать. 17 апреля уже после окончания работы в горуправлении, когда я собирался отправиться ко всенощной в Собор по случаю праздника Вербного воскресенья, ко мне явился зондерфюрер Смоленского отделения пропаганды доктор Ремпе[1] с приглашением завтра в 2 часа дня поехать на их машине в Катынский лес, где ими обнаружены захоронения нескольких тысяч польских офицеров, убитых, по его словам, в 1940 году советскими органами. Ремпе сказал, что я могу пригласить с собой сотрудников горуправления по своему усмотрению. В горуправлении в это время находились только городской архитектор И. П. Райский, начальник административного отдела Г. И. Дьяконов и комендант зданий С. Н. Борисенко, которым я и передал приглашение Пропаганды.

18 апреля к двум часам мы, за исключением Райского, приславшего мне записку о своей болезни, собрались в здании Пропаганды на улице Крупской и оттуда на автомашинах Пропаганды поехали на Витебское шоссе. Вместе с нами были зондерфюрер Ремпе, редактор газеты «Новый путь» К. А. Долгоненков и бывший военнопленный старший лейтенант Горшколеп[2] с нарукавной нашивкой «РОА», то есть начавшей тогда формироваться армии Власова.

---

[1] Ремпе (или, по Котову, Ремке) — зондерфюрер, сотрудник отдела пропаганды СД, переводчик, родом из Познани, к русским относился хорошо (*Котов, 1966*. С. 188). Вместе с тем в эпизоде с посещением эксгумационных работ в Катыни в издании 1988 г. в качестве приглашающего назван не Ремпе, а начальник отдела пропаганды зондерфюрер Шюле.

[2] По другой версии, Бршолей, или Бржолей (см. Документ № 16).

Проехав по Витебскому шоссе до столба с отметкой 15 км от Смоленска, наша машина свернула налево в лес, и сразу же в нос ударил отвратительный смрад, стало нечем дышать. Вскоре мы увидели трупы, лежавшие штабелями по краям длинной зигзагообразной траншеи. Все трупы были одеты в серую форму польских военнослужащих; на головах были специфические головные уборы — шапочки с кокардами. У некоторых вместо кокард были красные кресты; лица у всех были черные, руки завязаны веревкой сзади спины. На затылке у каждого была дыра от пистолетного или ружейного выстрела. Отдельно от штабелей лежали два трупа, отличавшиеся от остальных красными лампасами на брюках. Позади штабелей валялся выкорчеванный молодой сосенник, которым была засажена вся площадка вокруг траншей, как и их поверхность до вскрытия ее.

В траншеях еще копались русские военнопленные, а на площадке стояло несколько немецких солдат с винтовками. Пленные выбрасывали из траншей котелки, кружки, ложки. Один из котелков, выброшенный вблизи нашей группы, раскрылся и из него вывалилась большая копченая селедка типа «залом». Когда после этого был выброшен еще один котелок, не раскрывшийся при ударе, я нагнулся и поднял, и раскрыл его, но он оказался пустой. Мое любопытство было наказано тем, что хорошие кожаные теплые перчатки, бывшие у меня на руках, пришлось выбросить, так как они сразу же пропитались трупным запахом, избавиться от которого было невозможно. В некотором отдалении от этого кошмарного зрелища находилась еще одна небольшая тоже разрытая могила, на краю которой находилось два трупа, бывших в состоянии значительного разложения. Судя по материалу брюк из домотканной материи, которую мне раньше часто приходилось видеть на крестьянах, эти мертвецы когда-то были русскими крестьянами.

По окончании осмотра мы на автомашине тем же путем выехали из леса и остановились на шоссе. Ремпе пригласил нас к киоску, стоявшему на правой стороне шоссе, если ехать из Смоленска, то есть напротив поворота в лес. Здесь на его прилавке были разложены письма, фотографии, находившиеся, по словам Ремпе, в карманах убитых поляков. В их числе были документы генералов Сморавинского[1] из Люблина и Богатеревича[2] из Модлина. Остальных фамилий я не помню,

---

[1] Сморавинский Мечислав-Макары (1893–1940), бригадный генерал. Находился в лагере для интернированных поляков в Козельске. Командующий Корпусным округом № 11 в Люблине (Убиты в Катыни. Книга памяти польских военнопленных — узников Козельского лагеря НКВД, расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года. М.: Мемориал–Звенья, 2015. С. 693).

[2] Богатеревич Бронислав (1870–1940) — бригадный генерал в отставке (Там же. С. 175).

но хорошо помню, что на лежавших здесь письмах всюду был один адрес: СССР, Козельск Смоленской области, почтовый ящик № 12, а почтовый штемпель тоже на всех был одинаковый: Москва, Главный почтамт. Я интересовался датами писем, наиболее поздняя относилась к началу апреля 1940 года. По словам Ремпе, убийство было совершено тоже в апреле 1940 года, когда на станцию Гнездово были доставлены эшелоны с пленными.

На мой вопрос, откуда он это знает, Ремпе сослался на местных жителей, но фамилий их он не назвал. Самому мне слышать какие-либо сведения об этом убийстве не приходилось. Я знал только, что в Козельске действительно находились пленные поляки, жили они в бывшем монастыре Оптина пустынь. Мне об этом говорил ездивший в Козельск по судебным делам в январе 1940 года адвокат А. Ф. Пожарисский.

...В тяжелом угнетенном состоянии вернулся я из Катынского леса 18 апреля 1943 года, и, когда в мае того же года Пропаганда снова организовала экскурсию туда для сотрудников горуправления, я туда больше не поехал, а возглавлять ехавших поручил Г. Я. Гандзюку.

Впоследствии я услышал, что советская сторона обвиняет в этом убийстве немцев, что к такому выводу пришла чрезвычайная комиссия в составе академика Н. Бурденко, писателя А. Н. Толстого, митрополита Николая и других. Какими данными они располагали, мне неизвестно.

Скажу лишь, что занимавшиеся следствием по моему делу майор Беляев в Смоленске, подполковники Меретуков, Козырев, Рыбельский в Москве спрашивали меня, что я знаю о Катынском деле, я рассказывал им всё то, что сейчас написал здесь, после чего они говорили: записывать сейчас ничего не будем, так как еще вернемся к этому вопросу. Но сделать этого они так и не удосужились, хотя я на положении подследственного пробыл с 28 мая 1945 года по 30 сентября 1951 года, то есть 6 лет и 4 месяца.

Уже проживая в Княжегубском доме-интернате для престарелых мне пришлось в начале 1971 года услышать от жившего там А. П. Охотникова, 1905 года рождения, судимого за хулиганство и снова проявлявшего его в повседневной жизни в доме инвалидов, на почве чего он и столкнулся со мной, обвинение в моем соучастии в Катынском убийстве. Крича об этом, хулиган ссылался на третий том протоколов Нюрнбергского процесса[1].

Я заинтересовался и взял в Зеленоборской библиотеке эту книгу. Там я обнаружил показания своего бывшего заместителя профессора

---

[1] 3-й том «Нюрнбергского процесса» (7-томное издание 1958 г.). Г. Суперфин посылал этот том Меньшагину в 1971 г. Он также просил послать ему книгу Л. В. Котова «Смоленское подполье» (М., 1966), где упоминалась листовка с призывом «Убей предателя Меньшагина!» (с. 43). По прочтении книги Меньшагин откликнулся на нее сдержанно, сказав, что такой листовки никогда прежде не видел.

Б.В. Базилевского, о которых я уже упоминал. Базилевский заявил международному трибуналу о том, что будто бы слышал от меня в сентябре 1941 года, что все пленные поляки будут убиты немцами, а через несколько дней, что они уже убиты. Мне от души жаль этого несчастного лжесвидетеля, бывшего до этого порядочным человеком и купившего себе относительную свободу ценой клятвопреступления. Характерно, что при допросе меня ни один из следователей даже мельком не упомянул о показаниях Базилевского и к делу моему они не приложены. Это лучше всего доказывает их происхождение и цену.

Вообще мои показания о Катынском деле в более-менее приблизительном изложении впервые были зафиксированы на бумаге следователем КГБ при Совете министров СССР Пархоменко при допросе в качестве свидетеля по делу Святослава Караванского 28 августа 1969 года. Они были мною повторены на заседании Владимирского облсуда по этому делу 17 апреля 1970 года, за месяц до окончания 25-летнего срока моего заключения.

[1]Ну, о Катынском убийстве спрашивали и Беляев, и все следователи, у которых я только был, и Васильченко, который сопровождал меня в Москву, и Евграфов, все спрашивали, был ли я там. Я говорю:

— Был, 18 апреля 43-го года.

— Что я видел? — Я рассказывал то, что я видел.

Правда, я не добавил только одно из того, что действительно видел... Во-первых, я не назвал фамилии — там два генерала отдельно лежали. Я сказал:

— Там два генерала отдельно лежали.

Но фамилий я их не назвал, будто бы я не помню, хоть я помнил: один — Сморавинский, из Люблина, другой — Богатеревич, из Модлина.

И потом я не сказал о том, что возле них валялся сосенник. Могилы эти были засыпаны сосенником. Вот это я им не сказал. Молодые сосенки, которые росли на этих могилах. А немцы там ни одного деревца не посадили, они только рубили[2].

Немецкий пряник

В 1943 году, очевидно под влиянием больших неудач, испытанных немцами под Москвою и Сталинградом, в отношениях немцев к местному русскому населению произошли некоторые изменения. Если раньше основным принципом этих отношений был кнут, то теперь в дополнение к нему появляется пряничек.

---

[1] Начало добавленного сюда фрагмента из интервью Н. П. Лисовской.

[2] Далее Н. П. Лисовская спросила Б. Г. М., почему он не назвал генералов. На что он ответил: «Да ну! Очень хорошо много помнить — тоже плохо...»

Сюда можно отнести декрет А. Розенберга о роспуске колхозов, изданный с целью задобрения крестьянства. Практически, мне кажется, он ничего не дал.

Сюда же следует причислить и введение орденов за храбрость и за заслуги 3 степеней: в бронзе, в серебре и в золоте, которыми награждались лица из местного населения, сотрудничавшие с немцами. В Смоленске первыми были награждены этим орденом в бронзе в конце января 1943 года начальник окружной полиции Д. Космович и его заместитель М. Витушко.

Следующее награждение было проведено в день рождения Гитлера 20 апреля 1943 года на ужине у коменданта города генерал-майора Поля, на который из русских были приглашены: исполняющий обязанности начальника округа Н. Н. Никитин, начальник района В. М. Бибиков, упомянутые выше Д. Космович и М. Витушко, начальник политического отдела окружной полиции Н. Ф. Алферчик и я. Во время ужина Поль вручил орден и грамоту о награждении Алферчику.

На 3 июня 1943 года, в день Вознесения, начальник Пропаганды майор Коста пригласил меня в деревню Скралевку[1] на освящение церкви и открытие клуба. Церковь была оборудована в приспособленном для этого доме. Чин освящения церкви и кладбища совершали настоятель Смоленского собора протоиерей П. Беляев и священник И. Зайцев.

По завершении крестного хода на кладбище был обед в помещении нового клуба, а затем приглашенные, в числе которых, кроме меня, были начальник района В. М. Бибиков, редактор газеты «Новый путь» К. А. Долгоненков, писатель Р. М. Березов, заведующий типографией Прикот, метранпаж Котов, в сопровождении зондерфюрера доктора Ремпе отправились в бывший совхоз Слобода, где нас ждал начальник Пропаганды майор Коста. Здесь нас водили по хозяйству, показывали сельскохозяйственные машины, а потом позвали закусить.

С закуской оказалось плохо, но выпивки было изобилие. Это особенно обрадовало К. А. Долгоненкова, сразу же уделившего ей много внимания, так что, когда Коста объявил, что за заслуги награждаются орденом он, Долгоненков, Березов, Прикот и Котов и вручил им ордена, то Долгоненков выступил с речью, в которой стал говорить, что вы, немцы, плохо понимаете русского человека, его душу, и на этом застрял. Так как Коста не знал русского языка, Ремпе должен был переводить, но, услышав слова Долгоненкова, смутился. Я посоветовал ему сказать майору Косте, что Долгоненков благодарит за награду, но подвыпил и говорит несвязно. Так тот и сделал, а Долгоненкова нам удалось посадить. Вскоре он здесь и заснул, а я вместе с Бибиковым попрощались и уехали. Остальные продолжали пить.

---

[1] Имеется в виду так называемая «образцовая деревня» Скрылевщина.

В эту поездку, помимо вышеуказанных лиц, был приглашен и писатель С. С. Широков (Пасхин-Максимов). Он тоже пришел к зданию Пропаганды в Смоленске и уже сидел в машине, когда кто-то спросил Ремпе, что будет в Скралевке, тот ответил, что после освящения церкви будет награждение орденами некоторых лиц. Услышав это, Широков спросил: «Меня тоже будут награждать?». — «К сожалению, пока нет», — ответил Ремпе. «Тогда мне здесь нечего делать», — заявил Широков и выпрыгнул из машины. Ремпе был очень шокирован этим поступком Широкова.

Проявлением «пряничного» духа было и празднование 1 мая. В 1942 году этот день ничем отмечен не был, кроме раздачи брошюр бывшего немецкого коммуниста Альбрехта, прожившего в Москве несколько лет, а затем бежавшего обратно через германское посольство в Москве. В брошюрах Альбрехт разоблачал сталинские репрессии, в том числе и против иностранных коммунистов[1].

В 1943 году 1 мая было объявлено нерабочим днем[2], устроено шествие работающих в предприятиях и учреждениях как городских, так и немецких в городской Парк культуры (бывший Лопатинский сад), где была устроена трибуна. Демонстранты шли колоннами по отдельным организациям во главе с их руководителями, шедшими впереди колонн. Колонну городского управления возглавлял Г. Я. Гандзюк. Я же вместе с незнакомым мне генералом и советником Викадо Бером, являвшимся в комендатуре чем-то вроде парторга, и зондерфюрером Гессе стоял на трибуне. Все

---

[1] Альбрехт Карл Иванович (настоящее имя Карл-Маттеус Лёв, 1897–1969) — бывший немецкий коммунист, а позднее национал-социалист, ветеран Первой мировой войны. В 1923 г. был приговорен к 2,45 годам тюрьмы за совращение несовершеннолетних. В 1924 г. по фальшивому паспорту бежал в СССР, работал в лесоводстве. С 1928 г. — инспектор, а затем заведующий лесным отделом Рабоче-Крестьянской инспекции. В 1932–1933 гг. под арестом по обвинению в шпионаже и развращении несовершеннолетних. В 1933 г. помилован и вернулся в Германию, где был посажен в тюрьму отбывать свой «немецкий» срок. При покровительстве Й. Геббельса выпустил книгу «Преданный социализм. 10 лет» (Der verratene Sozialismus. Zehn Jahre als höher Staats/Beamte in der UdSSR. Berlin–Leipzig: Nibelungen Verlag, 1938), распространение которой было приостановлено после заключения пакта Молотов–Риббентроп. Но после нападения на СССР книга была выпущена массовым тиражем (ок. 2 млн экз.) и широко распространялась на оккупированных территориях. Сам Альбрехт во время войны работал в Министерстве пропаганды, в Организации Тодт, с 1944 г. в Ваффен-СС, где сотрудничал с Г. Бергером. После войны — в американском плену, прошел денацификацию, активист антикоммунистической пропаганды. Умер в Тюбингене (см. подробнее: *Петров И.* От звезды к свастике: история Карла Лева-Альбрехта // Неприкосновенный запас. 2017. №6. С. 219–245).

[2] В нацистской Германии 1 мая с 1933 г. являлся официальным государственным праздником — «Днем национального труда».

мы произнесли маленькие речи[1], а Гессе переводил их. Текст моей речи накануне был затребован в 7-й отдел комендатуры, и Гессе внес в него незначительные изменения, сущности которых я не помню.

По окончании речей демонстранты прошли мимо трибуны, с которой генерал и я приветствовали их. Помню, что я с нетерпением ожидал конца демонстрации, так как день был хмурый и холодный, и я озяб.

Экскурсия в Германию

В феврале 1943 года, в первые же дни моего возвращения к работе после конфликта с Р. К. Островским, 7-й отдел комендатуры сообщил мне, что командование группы армий Mitte организует экскурсии в Германию для руководящих работников местных русских управлений с целью ознакомления их с жизнью в Германии и с работой ее муниципальных органов, что право на участие в экскурсии предоставляется в виде поощрения лучшим местным управлениям и что Смоленскому городскому управлению предоставлено одно место. Так как уезжать из Смоленска при неразрешенном еще окончательно конфликте с Островским я считал невозможным, ехать с первой экскурсией было предложено моему заместителю В. В. Мочульскому. Но он отказался, опасаясь попасть под англо-американские бомбардировки. Отклонил мое предложение и И. П. Райский. Тогда я предложил ехать начальнику паспортного отдела И. В. Репухову, работавшему в Управлении с первого же дня его основания. Репухов согласился. Одно место получило и Смоленское окружное управление, от которого поехал председатель Окружного суда А. Н. Колесников. Экскурсия проездила около месяца. Репухов был доволен своей поездкой.

Во вторую поездку от горуправления я выделил начальника отдела просвещения, бывшего моего учителя в Смоленской гимназии И. И. Соловьева. От окружного управления ездил управляющий контрольной палатой Головин.

В июне для участия в третьей экскурсии из трех смоленских управлений — окружного, городского и районного — одно место получило лишь городское, и я решил сам съездить познакомиться с Германией.

Сбор всех экскурсантов был назначен в Брянске, куда я и выехал утром 13 июня. Там собрались начальник Монастырщинского района Смоленской области Бороздин, начальник Оршанского района Витебской области Любименко, начальник Озерского района той же области (фамилию забыл), начальник Дриссенского района той же области Козловский, начальник Руднянского района Смоленской области Жвирблис,

[1] См. Документ № 5.3.

заместитель начальника города Брянска Щорс — племянник известного героя Гражданской войны Щорса, начальник Жиздринского округа Калужской области Анцишкин, начальник одного из отделов Орловского районного управления Петухов, начальник одного из районов Гомельской области (название района забыл) Алферов, начальник одного из районов под Минском (название района и фамилию его забыл), начальник Екимовичского района Смоленской области Филипченко. Всего было 12 экскурсантов, для сопровождения которых были прикомандированы начальник 7-го отдела Бобруйской комендатуры оберрат Толки и переводчик 7-го отдела штаба группы армий Mitte лейтенант Р. Вагнер, уроженец Орла, репатриировавшийся в Германию в первые годы революции. Старшиной экскурсионной группы эти офицеры назначили меня.

После санобработки, то есть, говоря попросту, после мытья в бане в Борисове, мы 15 июня выехали из него, вечером 16 июня приехали в Варшаву, где была пересадка, и утром 17 прибыли на берлинский вокзал «Фридрихштрассе». Поблизости от него нас и разместили в «Центральотеле» по два человека в комнате. Я жил с начальником Монастырщинского района Бороздиным. Столовались мы три раза в день в ресторане этого же отеля, относившегося, судя по его оборудованию и удобствам, к 1-му классу.

После обеда в этот же день мы отправились в Министерство по делам Востока, размещенное по улице Унтер ден Линден. Там нас приветствовал какой-то министериалрат, пожелавший нам приятной и успешной поездки по Германии. В ответ я сказал несколько слов с благодарностью за приветствие и хорошие пожелания. После этого нам раздали по книжечке на немецком языке, названия которой не помню, а я, кроме того, получил большой альбом с видами немецких городов. Вечером мы были в Народном доме на спектакле оперетты «Как было в мае» какого-то современного немецкого автора.

После завтрака 19 июня ездили осматривать районную ратушу Шенебергхаус. Теперь, кажется, там находится сенат Западного Берлина[1].

После обеда были в зоопарке, где осматривали террариум и аквариум, после чего я один уехал на квартиру своего знакомого по Смоленску Н. А. Шевчука, бывшего эмигранта, служившего в какой-то немецкой части в Красном Бору в качестве переводчика, а теперь находившегося в отпуске. У него я провел вечер, а остальные экскурсанты были в кино.

19 июня с утра нам был подан автобус, в котором поехали по Берлину осматривать город, а сопровождавший нас гид давал объяснения.

---

[1] Ратуша в Западном Берлине (здание возведено в 1914 г.), в 1945–1993 гг. местопребывание Сената Западного Берлина, а с 1949 по 1991 г. и правящего бургомистра Берлина. С ее балкона в 1963 г. президент США Джон Кеннеди произнес свою знаменитую речь «Я — берлинец».

Местами попадались разрушенные здания — следы воздушной бомбардировки, но их было мало, город еще был цел.

После довольно продолжительной поездки автобус остановился, наконец, около здания, которое гид назвал «ратхаузом». Это была берлинская ратуша. Оберрат Толки попросил нас выйти из автобуса, и мы направились в здание. В одной из зал нас встретил бюргермейстер Берлина[1] с несколькими чиновниками. Он обратился к нам с приветствием и выразил надежду, что Берлин нам понравится. В ответной речи я поблагодарил его за приветствие и сказал, что мы с интересом знакомимся с жизнью германской столицы. Затем нам раздали гипсовые изображения герба Берлина и попросили пройти в соседний зал, где были сервированы столы для обеда. Посреди их сел бюргермейстер, а напротив его я, все расселись согласно билетам с написанной фамилией; билеты лежали около обеденных приборов. За обедом бюргермейстер и я обменялись тостами. Обед состоял из трех блюд; на второе была жареная утка, которой бюргермейстеру и мне дали по две порции, а всем остальным — по одной. Такая неравномерность в распределении еды мне показалась странной. Бутылки с вином разных сортов стояли на столах, и наши молодые экскурсанты Козловский, Щорс, Жвирблис, сидевшие по краям стола, приналегли на вина столь усердно, что оказались не в состоянии по окончании обеда ехать с остальными экскурсантами в цирк, и лейтенанту Вагнеру пришлось отвозить их в «Центральотель».

Когда я уезжал в эту поездку, начальник Жилищного отдела горуправления Н. И. Поч[2] просил меня отвезти посылку с салом его жене, добровольно уехавшей в Германию в первый набор в 1942 году. Он дал мне номер телефона ее квартиры, и я по приезде звонил ей и договорился встретиться с нею утром в воскресенье 20 июля в вестибюле «Центральотеля». В этот день в два часа мы должны были ехать в Гамбург, утро же было свободное, я пожелал съездить в какую-либо берлинскую православную церковь, и Т. Б. Поч предложила сопровождать нас туда. Желающих было 3–4 человека; помню, что ездил с нами Анцишкин, а кто еще — забыл. Мы побывали сперва в церкви св. Владимира на Находштрассе, а затем, по предложению Т. Б. Поч, поехали в Воскресенский собор на Гогенцоллерндам. Там служил литургию епископ Потсдамский Филипп[3].

---

[1] Бургомистром Берлина в 1939–1945 гг. был Людвиг Штиг (Ludwig Schteeg) из НСДАП.

[2] О Н. И. Поче и об обстоятельствах отъезда Т. Б. Поч из Смоленска см. в наст. изд. на с. 451.

[3] Гарднер Иван Алексеевич (1898, Севастополь — Мюнхен, 1984), историк русского церковного пения. В эмиграции с 1920 г. Служил на Святой Земле (1934–1938), в Вене (1938–1942) и Берлине (1942). В 1942–1944 гг. епископ Потсдамский

В обеих церквах было много молящихся, в том числе и так называемых «остовцев», то есть русских, белорусов и больше всего украинцев, вывезенных немцами на работу в Германию. Т. Б. Поч жила на частной квартире в семье старых русских эмигрантов, а работала чертежницей в какой-то немецкой организации. К этому времени она хорошо уже освоилась с Берлином, ориентировалась в его улицах и транспорте, но, мне кажется, скучала по родине. Она с удовольствием водила нас в церкви, а при прощании просила позвонить ей, когда мы вернемся из поездки по Германии. Я так и сделал. Она каждый вечер приезжала ко мне, и мы с ней ездили по Берлину, бывали в русских ресторанах «Медведь», «Тройка», «Ориент».

Утром 6 июля она провожала нас при отъезде на родину. Специально для нее я устроил участие ее мужа Н. И. Поча в следующую экскурсионную поездку, ставшую последней. Но, кажется, это не принесло радости ни ей, ни ему. О дальнейшей судьбе ее ничего не знаю.

20 июня после обеда мы уехали в Гамбург, куда и прибыли к вечеру. Я вечером походил по городу. Новым для меня здесь было значительное количество аэростатов, висевших над городом и портом. Как мне объяснили, это было одним из средств противовоздушной обороны. До Гамбурга я его нигде не видел.

21 июня нас в автобусе, как и в Берлине, возили по городу, обратили внимание на его архитектурные памятники, сохранившиеся от средних веков, как кирха св. Михаила и др. Потом мы заехали в больницу, осмотрели ее, и оттуда нас повезли в ратушу, красивое здание позднего средневековья. Здесь нас встретил бюргермейстер Гамбурга[1] со своими помощниками. Произошел обмен речами между ним и мною, причем я в своей речи сказал, что нам, работникам муниципальных органов, особенно приятно посетить Гамбург — город классического самоуправления. Этим я намекнул на историю Гамбурга, являвшегося, начиная от средних веков и до 1933 года, так называемым «вольным городом», своеобразной республикой, управляющейся верхушкой местной торговой буржуазии. Эти слова произвели большой эффект. Когда лейтенант Вагнер перевел их, бюргермейстер и другие немцы заулыбались, зашушукались. В местной газете на следующий день появилось сообщение о приеме в ратуше нашей группы и приведены эти мои слова.

Филипп, викарий Берлинской и Германской епархии РПЗЦ. Находился в конфликте с митрополитом Берлинским и Германским Серафимом (Альфредом Ляде). Сохранилось благодарственное обращение к нему настоятеля Смоленского собора протоиерея Н. Н. Шиловского от 18 мая 1942 г. (FSO. 01-034)

[1] Им, начиная с 30 июля 1936 г. и до 3 мая 1945 г. был обергруппенфюрер СС Карл Кауфман (1900–1969).

За обедом мы сидели в том же порядке, как и в Берлине; ели суп из черепахи, жареную камбалу, какое-то сладкое пили вино, коньяк, а вечером были в театре на оперетте на сюжет жизни в Шенбрунне при австрийском дворе сына Наполеона I, ее названия и автора не помню.

22 июня утро мы провели на рыбокоптильном заводе, где работали в основном польки и украинки. Поговорить с ними не пришлось, так как мы были окружены немцами из администрации завода. Там нас угощали продукцией завода и вином.

Затем мы поехали в знаменитый зоопарк Гагенбека[1]. На меня этот парк произвел хорошее впечатление. Обедали в ресторане при зоопарке, а вечером ездили на взморье. Я забыл название этой местности, но по своим природным качествам — море, много зелени — мне там очень понравилось.

23 июня, часов в 12 мы уехали из Гамбурга в Ганновер, где нам показывали новый парк «Машзее», устроенный уже в гитлеровское время. 24 июня с утра ездили в небольшой городок Пайне, где осматривали местную больницу. Затем посетили большой завод, работавший на военные надобности. Работали там главным образом голландцы, принудительно вывезенные из своей страны[2]; они открыто выражали недовольство своим положением. На заводе мы и обедали в заводской столовой. Обед здесь был не такой, каким нас кормили в Берлине и Гамбурге. Он состоял только из одного блюда: порции, правда, были большие. Вечером в этот день мы были в оперном театре на «Трубадуре» Дж. Верди.

25 июня наша группа приехала в Гильдесхейм. Обедали мы на железнодорожном вокзале, а затем осматривали город. Это поистине город-музей. Чуть ли не целиком он сохранил свой средневековый вид. Церкви, жилые дома, фонтаны выдержаны в готическом стиле. Всё сохранилось с тех пор, когда этот город являлся резиденцией Гильдесхеймского епископа, одного из многочисленных феодальных властителей средневековой Германии. Посещение этого города доставило мне большое удовольствие.

Пробыв в Гильдесхейме часа три, мы поехали в город Гослар. Это тоже старинный город, бывший в XI–XII вв. при франконской династии центром Священной Римской империи германской нации. Дворец и могила первого императора из этой династии Генриха III там сохранились, и мы побыли там 26 июня. Мировую известность получил сын Генриха III — Генрих IV своим конфликтом с одним из знаменитейших

---

[1] Основан в 1907 г. Карлом Гагенбеком (1844–1913), ученым и торговцем зверями.

[2] Степень принудительности их вербовки не шла ни в какое сравнение с принудительностью угона остарбайтеров.

римских пап — Григорием VII. Конфликт этот закончился так называемым «путешествием в Каноссу» смирившегося перед папой Генриха IV[1].

В Госларе кроме упомянутых дворца и гробницы остался еще собор тех времен — небольшой, приземистый, мало соответствующий нашему понятию о соборе. Но в целом город не имеет того специфично-средневекового облика, как Гильдесхейм, представляющий в этом отношении уникальное явление.

26 июня утром мы посетили городскую ратушу, где бюргермейстер и чиновники знакомили нас с работой городского магистрата и его органов, включая пожарную команду. После обеда мы ходили по городу; осматривали его достопримечательности, а 27 июня утром ходили в одну из местных лютеранских церквей, а затем на автобусе совершили поездку по Гарцу — невысоким горам, прилегающим к городу. Поездка по Гарцу вызывала в памяти одноименное произведение знаменитого поэта Г. Гейне, имя которого в гитлеровской Германии было под запретом, а его сочинения сжигались на площадях. Я знал об этом еще до войны, а потому делиться с кем-либо своими воспоминаниями признал неуместным. Сама поездка по Гарцу оставила хорошее впечатление. Особенно понравился мне водопад.

28 июня утром мы покинули Гослар и направились в Брауншвейг. По прибытии туда знакомились с городом, смотрели памятники одному из его феодальных властителей герцогу Генриху Льву, а вечером сидели в кафе и слушали эстрадный концерт.

29 июня происходила поездка в деревню. Было показано несколько крестьянских дворов и одна большая усадьба, в которой работало несколько сербов и украинцев. Мне и еще некоторым экскурсантам удалось поговорить с этими людьми. Они жаловались на дискриминацию их по сравнению с другими иностранными рабочими в Германии: ношение нарукавных знаков «Ост», более грубое обращение. Обедали мы в так называемом «деревенском кабачке», и я с удовольствием ел цветную капусту, а многие из нашей группы и не притронулись к ней. Зато они были довольны пивом, впервые встретившимся за нашу поездку.

Вечером лейтенант Вагнер и я были приглашены в городской ресторан на «стакан вина» кем-то из местного начальства. Оберрат Толки еще из Гослара уехал один в Берлин под предлогом подыскания помещения для размещения нас по возвращении в Берлин. Фактически, как говорил мне Вагнер, он поехал туда для того, чтобы подольше побыть с женой в Берлине.

---

[1] «Хождение в Каноссу» — датированный январем 1077 г. эпизод из истории борьбы императоров Священной Римской империи и римских пап. Эпизод знаменовал победу папы Григория VII над императором Генрихом IV, отлученным папой от церкви и вынужденным отправиться из Шпейера в Каноссу и униженно покаяться перед папой.

Все мы уехали из Брауншвейга в Берлин 30 июня. Но когда вечером мы приехали туда на Потсдамский вокзал, то оказалось, что помещения для нас не подготовлены, оберрата Толки дома нет. Вагнер долго названивал в разные места по телефону, но безуспешно. Тогда он уехал по гостиницам, разыскивая свободные комнаты, а мы сидели на вокзале и ждали, пока поздно вечером вернулся Вагнер и повез нас в гостиницу около Лертербанхоф, где нас приняли на одну ночь. Утром 1 июля явился Толки и вскоре раздобыл ордер в гостиницу «Фюрстенвальд» на Потсдамской площади, где мы с удобством и разместились; я получил даже отдельную комнату.

1 июля мы были в кино, где шел фильм о приключениях барона Мюнхгаузена. 2 и 3 июля посещали лагерь «восточных» рабочих при каком-то заводе, были в музее, но это посещение почему-то сохранилось в памяти очень туманно.

Вообще эти дни я помню плохо за исключением такого эпизода: 4 июля, в воскресенье, мы ездили в Потсдам. В пути по городской железной дороге я сел отдельно от остальных экскурсантов; в вагоне рядом стояли две молодые девушки, разговаривавшие между собой по-русски. И вот одна из них сказала второй: «Смотри “Ост” свой не потеряй». — «Нет, он у меня в кармане», — отвечала вторая. Я спросил их: «Куда же вы едете?» Услышав от меня русскую речь, девушки испугались, одна из них даже вскрикнула. Они стали извиняться, что сняли остовский нарукавный значок. Я успокоил их, сказав, что они хорошо сделали, что сняли этот значок.

Они рассказали, что едут гулять в какое-то пригородное место, где живут их подруги; они же работают в Берлине на заводе, живут в бараке при заводе, откуда отлучаться могут только по воскресеньям и праздникам и при этом на рукаве должны иметь значок “Ost”, а польки “Polen”, рабочие же из других стран никаких значков не имеют. Обе они были из одной деревни с Украины.

В Потсдаме мы осматривали дворец, гуляли по парку Сан-Суси. Мне они напоминали Останкинский и Кусковский дворцы и парки, принадлежавшие Шереметевым.

5 июля вечером нам должна была быть прочитана лекция о современном политическом положении. Помню, что мы ездили куда-то в Тиргартен, но было ли то какое-либо учреждение или кафе, восстановить в памяти не могу, но хорошо помню, что мы сидели за столиками, что-то ели и пили, а небольшую лекцию на хорошем русском языке провел офицер из ОКВ (Oberkommando der Wehrmacht) Дирксен. Он говорил, что сейчас начинается большая наступательная операция германской армии, от развития которой многое будет зависеть в дальнейшем ходе войны.

По окончании лекции Толки представил меня как старшину экскурсионной группы, и Дирксен, услыша мою фамилию, сразу же спросил, не я ли подписывал заявление вместе с Власовым, Жиленковым и Малышкиным. Услышав мой утвердительный ответ, Дирксен сказал, что это заявление находится у него, и выразил сожаление о том, что он раньше не знал о моем приезде в Берлин, так как мы могли бы с ним съездить к Власову, который находится в Дабендорфе под Берлином, но стоит вопрос о его переезде на занятую немцами русскую территорию.

Утром 6 июля мы приехали на Силезский вокзал и покинули Берлин. Вечером были в Варшаве, где и ночевали в гостинице на Иерусалимской аллее. С утра 7 июля мы выехали в Волковыск, там пересели с поезда на поезд и к вечеру приехали в Минск. Там снова ночевка в бараках вблизи станции.

Как мне объяснил Вагнер, ночного движения поездов на оккупированной польской и советской территориях сейчас не производится из-за опасения партизан. Действительно, проезжая 8 июля железнодорожный участок между Минском и Оршей, я видел в окно в нескольких местах железнодорожные вагоны, лежавшие под откосом — следы партизанской работы. В Варшаве на вокзале, когда мы ехали еще в Германию, один поляк говорил мне, что в Варшавском гетто происходит восстание живущих там евреев[1], начавшееся еще на Пасху и до сего времени (16 июня) не подавленное.

Официальных сообщений об этом восстании не было, о партизанской войне в Белоруссии было лишь сообщение об уничтожении немецкими войсками города Глубокое[2], что рассматривалось как наказание за содействие партизанам. Кроме того, мне приходилось неоднократно видеть выезды полиции во главе с Д. Космовичем и М. Ватушко на операции против партизан в Касплянский, Кардымовский и Монастырщинский районы. Приходилось слышать от разных лиц устные сведения о партизанских налетах на отдельные деревни.

Помню, как однажды были у меня на приеме две женщины, из которых одну я знал до войны как вагоновожатую трамвая. Они просили выдать им новые паспорта, взамен отобранных у них партизанами во время их похода из Смоленска в деревню. Я выполнил их просьбу, но потом узнал, что обе они арестованы полицией, узнавшей от их соседей, что паспорта свои они сами отдали партизанам. Вообще у меня в отношении партизан сложилось отрицательное мнение, так как я считал, что они приносят вред не столько немцам, сколько оставшемуся русскому населению.

---

[1] Восстание в Варшавском гетто началось 19 апреля, окончательно подавлено 16 мая 1943 г.

[2] Город в Витебской области.

Но я отвлекся от темы своего путешествия, которое благополучно закончилось вечером 8 июля. При ознакомлении со своим следственным делом 10 сентября 1946 года я узнал из показаний одного из участников этого путешествия, начальника Руднянского района Жвирблиса, что ему перед началом экскурсии было поручено немецкой полицией SD наблюдение за участниками экскурсии и, в частности, за мной. Показания об этом Жвирблис дал Смоленскому УГБ. В период нашей поездки я об этом ничего не подозревал.

Снова в Смоленске: юбилеи и ордена

Утром 9 июля я уже вернулся к своим обязанностям. Первое, что я услышал от замещавшего меня Г.Я. Гандзюка, — о предстоящем 16 июля праздновании взятия Смоленска немцами и о награждении в связи с этим ряда лиц из работников горуправления, в том числе и бывшего моего заместителя, ныне директора гимназии Б.В. Базилевского. Вскоре явился и сам Б.В. Базилевский, прослышавший об этом. Он начал меня усиленно просить аннулировать сделанное Гандзюком представление о его награждении. Я сказал ему, что мне неудобно отменять это представление, так как это будет выглядеть как бы порицанием его деятельности. Но Базилевский убеждал меня, что, поступив так, я сделаю ему большое одолжение, и я согласился. Церемониал празднования, по согласованию 7-го отдела комендатуры с Гандзюком, был следующий: утром — молебен в Успенском соборе, затем сбор всех сотрудников перед зданием горуправления, куда прибывает комендант генерал-майор Поль и производит награждение орденами; после этого торжественный обед в большом зале городского управления, затем народное гулянье, в том числе концерт в саду «Блóнье» и киносеанс в здании недостроенного кинотеатра возле Молоховской площади. Вход бесплатный.

Епископ Стефан в то время был в отъезде на родине в Новогрудском районе Западной Белоруссии. Молебен служило соборное всё городское духовенство во главе с настоятелем собора протоиереем П. Беляевым. Проповедь говорил священник Всехсвятской церкви Тесельский[1]; говорил он нудно, повторялся, и я вынужден был передать ему через иподиакона, чтобы он заканчивал.

Ордена «за заслуги» в бронзе получили я, мой заместитель Г.Я. Гандзюк, городской архитектор И.П. Райский, начальник отдела

---

[1] Тесельский Николай (1901–?), священник Александро-Невской церкви в Минске. Арестован 24 декабря 1944 г., 15 декабря 1945 г. приговорен к 8 годам ИТЛ. Освобожден 6 сентября 1952 г., реабилитирован 8 сентября 1967 г.

просвещения И. И. Соловьев, начальник финансового отдела В. А. Василевский, начальник пожарной охраны С. Н. Кудрявцев, главный врач 1-й горбольницы Е. И. Неверович, переводчица М. Л. Гринцевич, заместитель начальника Смоленского окружного управления Н. Н. Никитин, начальник окружного финотдела Гурьев, председатель окружного суда А. Н. Колесников и начальник Смоленского района В. М. Бибиков, всего 12 человек.

Обедали за тремя большими столами, места за которыми были распределены по билетам. Из сотрудников горуправления были приглашены все начальники отделов и ветераны, начавшие работу в 1941 году[1]. Во время обеда играл оркестр и танцевали ученицы балетной школы. Я и генерал Поль обменялись тостами.

По окончании обеда, вино для которого Г. Я. Гандзюк получил от немцев, я с двумя сотрудниками прошелся по городу и был удивлен праздничному настроению, царившему на улицах. И сад «Блóнье», в котором играл оркестр, и улицы Ленинская, Декабристов, Советская на участке от часов до Молоховской площади были полны народа, в саду танцевали. В кино, как мне говорили, тоже было полно зрителей; шел какой-то приключенческий фильм с сюжетом из индийской жизни.

В воскресенье 25 июля, в годовщину организации городского управления, тоже был устроен торжественный обед только для сотрудников горуправления. На обеде я произнес небольшую речь, в которой благодарил присутствующих за работу.

В этот день в местной газете «Новый путь», как и в 1942 году, была помещена моя статья[2]. В ней я отчитывался перед населением города о проделанной за истекший год работе.

Должен сказать, что продовольственное положение в городе во второй половине 1942 и 1943 гг. было много лучше, чем в первый год оккупации. Значительную роль в этом сыграло то обстоятельство, что большая часть семей стала иметь свои огороды. Участки для этих огородов отводило городское управление всем желающим на пустующих в результате пожаров местах. Призывы к созданию таких огородов мы публиковали в местной газете и зачитывали по радио, а 21 марта 1943 года я лично говорил об этом в своем выступлении по радио. Все эти обращения пали на хорошую почву.

Еще больший размах приняла наша меновая торговля с деревней на соль. В городе была открыта наша коммерческая столовая № 7, где всё продавалось без карточек.

Но работе нашей подходил конец.

---

[1] Далее текст — по тетради № 7.
[2] См. Документ № 5.4.

Радиоложь

Еще в марте 1943 года немцы, несмотря на мои возражения, вывезли в Вильнюс имущество музея, о чем я уже писал. Тогда же произошла эвакуация из Смоленска так называемых «фольксдойче», то есть советских граждан немецкой национальности. Их увезли в Лодзь, переименованную немцами в Лицманштадт.

Уже в феврале 1943 года в связи с поражением немцев у Сталинграда, о чем стало известно из немецких газет (в местной газете об этом умалчивалось), в городе возникло тревожное настроение, пошли слухи о предстоящем в ближайшие дни уходе немцев из Смоленска, некоторые хотели теперь же уехать на Запад, другие — в деревни. В связи с этим я был приглашен в 7-й отдел комендатуры к оберрату Кеслеру, который спросил меня, не соглашусь ли я выступить по местному радио с успокаивающим заявлением о том, что эвакуации Смоленска не предвидится. Я согласился, и Кеслер сказал, что ко мне придет офицер из Пропаганды, с которым следует договориться о времени моего выступления. В тот же день ко мне явился из Пропаганды зондерфюрер Кох, и мы условились, что выступление состоится в шесть часов вечера 18 февраля, о чем радиоузлы предварительно уведомят население. Так и было сделано.

Я сказал, что по полученным мною от немецкого командования сведениям оставление Смоленска немцами не предвидится, и просил всех исполнять свою работу.

На время слухи заглохли, но в марте возобновились с новой силой. Поводом к этому послужило оставление немцами ряда районных городов Смоленской области — Вязьма, Гжатск, Сычевка, Дорогобуж, Белого, а также отъезд из Смоленска фольксдойче.

Снова Кеслер обратился ко мне с просьбой об успокоении населения, заверив, что отступление из указанных городов было заранее запланировано в целях сокращения фронта, который будет проходить теперь восточнее Ярцева и Духовщины, Смоленску же опасности не грозит. Выступление мое было анонсировано по радио дня за три и состоялось в 12 часов дня в воскресенье 21 марта. Передав полученные от Кеслера сведения, я призвал всех смолян не верить слухам, а заняться обработкой огородов, чтобы в предстоящем году жить лучше, чем в прошлом. Я заявил, что нужный участок земли будет предоставлен каждому желающему.

Когда я шел на радиоузел, то видел довольно большую толпу, собравшуюся около громкоговорителя, установленного возле городского управления. При выходе из радиоузла по окончании выступления собравшиеся слушатели приветствовали меня и благодарили за хорошие сведения.

На другой день мне рассказывали, что, когда началось мое выступление, на Заднепровском рынке наступила полная тишина: все слушали находившийся там громкоговоритель.

Помидоры в обмен на остовок

Наступившее после этого спокойствие продолжалось до августа. 6 августа радио объявило об оставлении Орла, а вслед за тем начался выезд из Смоленска разных немецких частей. Работавших у них наших горожан, главным образом женщин, они частично брали с собой, частично увольняли с передачей на биржу труда, а та молодых отправляла в Германию.

Помню, что, приехав в одно августовское утро в Управление, я увидел сидевшую в приемной вместе с моими секретарями делопроизводителя административного отдела Анисимову, женщину уже немолодую, тихую и скромную, — плачущей. Она тут же подошла ко мне и с плачем стала просить спасти ее дочь Ольгу, лет 18, от отъезда в Германию, куда ее направляет биржа труда. Я взял у нее распоряжение биржи и сказал, что схожу туда. Только я сел на свой стул, как вошла переводчица О. К. Солтан, тоже плачущая и тоже по той же причине: ее дочь Софью, лет 17–18, отправляют в Германию. Я решил сейчас же идти к начальнику биржи Криге, а зашедший ко мне в этот момент мой заместитель Г. Я. Гандзюк взялся сопровождать меня в качестве переводчика.

Инспектор Криге встретил нас очень приветливо, но, когда узнал о цели моего визита, воскликнул: «О нет, Вы свою молодежь не даете, да еще и моих хотите отобрать. Я не могу исполнить Вашу просьбу». Я пытался уговорить его, но он уперся. Случайно увидев на окне два помидора, я похвалил его за употребление этих вкусных овощей, на что он стал жаловаться, что ему лишь изредка попадаются помидоры, которые он очень любит. Услышав это, я пообещал сегодня же прислать ему помидоров прямо с грядки. Криге стал благодарить, а я снова заговорил об отмене поездки в Германию Солтан и Анисимовой, на что Криге заявил, что от отправки на работу в Германию освобождаются лишь дети лиц, награжденных орденами. «Ну вот и прекрасно, — сказал я, — сегодня же оформлю в ЗАГСе усыновление этих девочек, а так как я награжден орденом, то Вы снимете их с Вашего учета». Криге засмеялся и наложил резолюцию о снятии их с учета биржи и передаче в распоряжение начальника города. Я поблагодарил и удалился.

В коридоре стояла в ожидании своей судьбы Оля Анисимова, которой я и отдал ее карточку для снятия с учета. Обе матери были счастливы, и я радовался их радости. Конечно, я сразу же велел отправить для Криге несколько килограмм помидоров из нашего пригородного хозяйства.

Город и лес

21 августа 1943 года утром зашел заведующий Красноборским дачеуправлением Василий Иванович Космовский и сказал, что его вызывает SD; причину вызова он не знал. Вечером инспектор 7-го отдела комендатуры Штейнбах сообщил мне, что им SD сообщило по телефону об аресте Космовского за связь с партизанами.

В понедельник 23 августа я поехал в SD и был принят начальником, у которого незадолго до этого был по делу Г. И. Дьяконова. Я говорил ему, что с детства знаю Космовского, что он два года просидел в лагерях за антисоветскую агитацию, что мне хорошо известно его отношение к партизанам, в чем он гораздо радикальнее, чем я сам, хотя я тоже не одобряю их деятельность.

Начальник SD обещал отпустить Космовского. Но когда до конца занятий Космовский не явился ко мне, я попросил инспектора 7-го отдела комендатуры Штейнбаха, всегда доброжелательно относившегося к русским, позвонить в SD, что тот и сделал: он сказал, что ему нужен Космовский сейчас же, а не завтра, как пообещали в SD. Через полчаса Космовский был у меня и рассказал, что какой-то задержанный немцами партизан заявил им, что он скрывался у бургомистра Красного Бора. Это и послужило причиной ареста Космовского. Свою версию партизан поддерживал и на очной ставке с Космовским.

Если В. И. Космовский пробыл в заключении неполных три дня, то аналогичный случай с заведующим немецким пригородным хозяйством «Серебрянка» А. Кожеуровым обошелся ему много дороже. Он тоже был арестован немецкой ГФП, то есть тайной полевой полицией, по обвинению в связи с партизанами в марте 1943 года. Поводом к этому послужило то, что, возвращаясь однажды из Смоленска в Серебрянку, он подвез на своей грузовой машине человека, оказавшегося партизаном и рассказавшего немцам при аресте об этом случае. По просьбе его тети, П. А. Гусевой, работавшей инспектором в городском жилищном отделе, я написал свое ходатайство об освобождении Кожеурова, дав ему положительную характеристику. Его жена ходила с ней в ГФП; там характеристику взяли, но никаких последствий она не имела.

И лишь летом 1943 года (не помню, до моей поездки в Германию или после нее) ко мне пришел какой-то чин из ГФП с просьбой об улучшении жилья их сотрудницы, и я высказал ему свою обиду на ГФП за оставление без удовлетворения и даже без ответа моей просьбы об освобождении Кожеурова. Тот извинялся, объяснял это загруженностью в работе и обещал срочно разобраться в деле. На другой день Кожеуров был отпущен.

В августе 1943 года, когда возможность изгнания немцев из Смоленска перешла в неизбежность этого, стали известны случаи ухода

некоторых жителей города к партизанам. Так было с осетином М. И. Уртаевым, которого в январе 1939 года я защищал по обвинению его и ряда других работников Смоловощторга в числе девяти человек в злоупотреблениях по работе. Уртаев тогда был оправдан. В первые дни работы городского управления в августе 1941 года он был назначен заведующим одним из складов отдела снабжения, но вскоре перешел на более выгодную для него работу к немцам.

В августе 1943 года Уртаев взял у меня пропуск для поездки в деревню за продуктами, а потом я услышал, что из поездки этой он не вернулся. Я высказал беспокойство о его судьбе, на что присутствовавший при этом разговоре Н. П. Андреев сказал: «Он уехал в лес». Я не понял смысла этой фразы, и Андреев пояснил, что Уртаев перешел к партизанам.

В те же дни я узнал от горврача Э. Р. Варик, что к партизанам ушли врач инфекционной больницы Ланг, освобожденный в 1942 году из лагеря военнопленных по моему ходатайству и под мое поручительство, его сожительница — лаборантка этой же больницы Иванова — и ее сын-подросток.

Тогда же ко мне на прием явились две молодые девушки, из которых одну, бывшую вагоновожатую трамвая, я когда-то защищал в суде. Они говорили, что, когда ходили в деревню за продуктами, им встретились партизаны и отобрали у них паспорта. Я выдал им новые. Но вскоре узнал от начальника городской полиции Сверчкова, что с их паспортами задержаны какие-то партизанки и что паспорта они отдали добровольно.

В августе же была абвергруппой арестована упоминавшаяся уже в этих записках С. М. Ермолова-Виноградова, пианистка нашего театра. На мои вопросы о ее судьбе начальник городской полиции Сверчков сказал, что она расстреляна, а зондерфюрер Куглер, — что она отправлена в концлагерь в городе Ченстохове в Польше. При этом Куглер выражал свое сожаление об этом и говорил, что ее погубил русский пленный офицер, работавший в абвергруппе и оговоривший ее на почве ревности.

На следствии по моему делу майор Б. А. Беляев интересовался причинами моего хорошего отношения к этой Ермоловой, а при ознакомлении со своим делом 10 сентября 1946 года я прочел ее показания обо мне, где она говорила, что я очень хорошо относился к ней. Я объяснил Беляеву, что, кроме сочувствия в несчастной судьбе Ермоловой, других причин не было.

Накануне эвакуации — прощание с Базилевским

В середине сентября стало ясно, что нашей работе в Смоленске остались считанные дни. 16 сентября меня посетил Н. Н. Мельников, сообщивший о своем предстоящем отъезде на Запад вместе с оборудованием своей мельницы и мастерской при ней, для вывоза которых немцы дают

ему несколько вагонов. Мельников советовал мне воспользоваться этим случаем и отправить с его эшелоном мою семью с некоторыми вещами, так как в дальнейшем может не представиться такого случая. На семейном совете было решено воспользоваться предложением Мельникова, и 17 сентября вечером моя семья переселилась в вагоны Мельникова на железнодорожной станции Смоленск.

18 сентября я был вызван в 7-й отдел комендатуры, где его начальник оберрат Райшбёк сообщил о предстоящем оставлении Смоленска немецкой армией и просил объявить об этом населению города, предписав ему покинуть город, здания которого будут уничтожаться, и пешком идти на Запад по дороге на город Красный.

Одновременно со мною это сообщение выслушали начальник Смоленского округа Ю. Н. Алексеевский и начальник Смоленского района В. М. Бибиков. Я резко возражал против такого способа эвакуации населения, которое, по существу, обрекалось на гибель, и сказал, что не уеду из Смоленска, и моя гибель будет на совести немцев. Протестовали, хотя и в более умеренной форме, и Алексеевский и Бибиков. Райшбёк выражал нам свое сочувствие, но говорил, что это зависит не от него, такое распоряжение поступило от штаба 4-й армии, находящегося в Красном Бору[1].

Вернувшись в горуправление, я поручил Г. Я. Гандзюку оповестить по радио об эвакуации города, а сам вместе с Ю. Н. Алексеевским и В. М. Бибиковым на своей легковой машине М-1 поехал в Красный Бор в штаб 4-й армии.

Там нас принял начальник штаба армии, и я повторил ему свое заявление о том, что не уеду из Смоленска, если не будут предоставлены транспортные средства для всех желающих покинуть город. Я ссылался на то, что население Смоленска всегда корректно относилось к германской армии, в городе за всё время оккупации не было никаких эксцессов, а потому оставить смоленских жителей на произвол судьбы будет недостойным поступком.

Кстати, рассказ в уже упоминавшейся здесь книжонке Татьяны Логуновой «В лесах Смоленщины» (1950) об убийстве партизанкой Нюрой-рыженькой генерала-коменданта Смоленска и ее счастливом бегстве в партизанский лагерь является наглейшей выдумкой. Ничего похожего на описанные у Логуновой события в действительности не было.

---

[1] Командующим 4-й армии Вермахта перед оставлением Смоленска был генерал-полковник Готхард Хейнрици (Gotthard Heinrici), в меру сил противившийся исполнению означенных приказов. См.: Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици / Под ред. Й. Хюртера; пер. с нем., предисл. и коммент. О. И. Бэйды и И. Р. Петрова. СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. Начальником штаба 4-й армии в это время — полковник С.-Г. Риттер.

Выслушав перевод моего заявления, начальник штаба пообещал предоставить для эвакуации желающих железнодорожный эшелон 19 сентября и колонну автобусов 20 сентября. Мы поблагодарили и поехали обратно, но через несколько минут раздался стук в моторе, и машина стала. Мы снова пошли в штаб армии, где дежурный, узнав о нашей беде, дал нам легковую машину, и мы на ней благополучно доехали до комендатуры Смоленска. Но в 7-м отделе, к моему удивлению, кроме дежурного унтер-офицера, никого не было. После настойчивых расспросов дежурного выяснилось, что начальник отдела и инспектор находятся в клубе в здании бывшей гостиницы на Молоховской площади. Там мы и нашли их за распитием вина. Увидев нас, эти офицеры почувствовали себя неудобно и стали угощать нас вином. Я был в таком расстроенном состоянии, что ничего в горло не лезло. Мы рассказали Райшбёку о результатах поездки и просили их проследить за исполнением данных нам обещаний.

19 сентября с утра у меня делалось что-то невообразимое. Люди шли потоком. Одни спрашивали, что им делать, другие — куда и как им уехать; третьи — каким образом безопаснее остаться в Смоленске или в какой-либо ближней деревне. Я давал справки о том, что знал сам, а знал я очень мало. Что я мог сказать на вопрос, что делать, если сам не знал, что мне делать? Было большое желание умереть, мелькала мысль о самоубийстве, благо в кармане лежал браунинг, подаренный Г. К. Умновым в 1942 году. Утешало лишь то, что от множества приходивших людей, большинство которых я вовсе не знал, не пришлось услышать ни одного неприятного для себя слова. Очень приятно было слышать совет нескольких рабочих электростанции не уезжать из Смоленска, что их коллектив отстоит меня от наказания, засвидетельствовав мою полезную для жителей работу. Конечно, было бы верхом наивности последовать этому совету, но сам по себе он доставил мне радость и придал бодрости.

Из других посещений помню прощание с Б. В. Базилевским, бывшим моим заместителем. Он сказал, что не хочет покидать Смоленск, так как боится навеки потерять сына, находящегося на советской территории. Опасаясь насильственного увоза его немцами, он просил меня дать ему лошадь с подводой, на которой он смог бы уехать с женой в село Дрюцк и укрыться в находившемся там доме инвалидов. Я выполнил его просьбу, мы расцеловались и простились навечно. Я слышал, что по возвращении в Смоленск советских органов Базилевский некоторое время сидел в тюрьме; затем выступал по радио с разоблачением немецких жертв и лжесвидетелем на Нюрнбергском процессе, о чем я упоминал выше. Умер он в Омске в 1953 году[1].

---

[1] Б. В. Базилевский умер в Новосибирске в 1955 г. См. о нем подробнее в наст. изд., с. 25–26 и 82–86.

Врач-гинеколог 1-й городской больницы П.И. Кесарев тоже желал остаться в Смоленске и для безопасности от немцев просил меня дать ему удостоверение о том, что ему городское управление поручает медицинский надзор за больными смолянами, не могущими выехать из города. Такое удостоверение ему было дано. О последующей его судьбе ничего не знаю.

Возивший меня в Смоленске кучер А.Д. Дмитриев получил мое согласие уехать на этой же лошади в деревню. Также получила лошадь моя секретарь А.А. Симкович, но та с мужем и дочерью — моей крестницей — уехала самостоятельно в Минск.

Существенное значение для освобожденных в свое время из плена имела замена имевшихся у них лагерных отпускных свидетельств на обычные гражданские документы. Замену эту я произвел в августе 1943 года, когда уход немцев из Смоленска стал вполне вероятным. Сделано это было из опасения того, что при отступлении немцы могут их вновь забрать в лагерь военнопленных. Опасения эти, по-видимому, не оправдались.

В середине дня 19 сентября был подан эшелон товарных вагонов для желающих уезжать гражданских лиц. Я ездил на вокзал удостовериться в этом и проститься с уезжающими с этим эшелоном моим коллегой по адвокатуре и другом А.Ф. Пожарисским с женой и сыном, секретарем Е.К. Юшкевич с матерью и дочерью и со многими другими работниками городского управления.

Вечером 19 сентября перед уходом домой я, как обычно, обошел помещение горуправления и в нижнем этаже в комнате городской кассы обнаружил пожар. Кто-то, уходя с работы, зажег бумаги, и теперь горела стоявшая там мебель. Хорошо, что водопровод еще работал, и мне вместе со сторожем-китайцем удалось залить пожар водой.

Немцы требовали уничтожения при отступлении всего имущества, но у меня не могла подняться на это рука. И здание горуправления, и дом, где я жил, остались неприкосновенными[1]. Что здание нашего Управления уцелело в почти уничтоженном Смоленске, я убедился сам, проезжая мимо его в легковой машине 30 ноября 1945 года по пути из Смоленска в Москву.

Из Смоленска в Бобруйск

Мой отъезд из Смоленска был намечен, по настоянию Г.Я. Гандзюка, на 20 сентября. Я дождался прибытия к зданию горуправления колонны автобусов, наблюдал погрузку в них большей части сотрудников

[1] Г.К. Умнов, впрочем, утверждал обратное (см. наст. изд., с. 93).

горуправления и духовенства, после чего поехал впереди этой колонны на городской 3-тонной машине вместе с шурином Н. К. Жуковским, его женой, семьей шофера Павлова, сидевшего за рулем, и некоторыми другими лицами.

Вынужденная остановка в пути из-за неисправной резины оторвала нашу машину от колонны, и в Оршу мы приехали уже поздно вечером, и перед нами стала проблема — где ночевать. Я стал спрашивать прохожих о местонахождении комендатуры, и меня по голосу узнали проходившие мимо сотрудницы немецкой рейхскредиткассы, уехавшие из Смоленска недели за две до нас. Они повели меня в здание, занимавшееся этой кассой и служившее жильем для ее служащих. Там немец — директор кассы, любезно предложил мне и моим спутникам переночевать в этом здании, чем мы и воспользовались.

Утром я пошел в комендатуру узнать, проезжала ли колонна автобусов и куда направлена. Немца, который имел дело с колонной, в тот момент налицо не было, и мне пришлось с полчаса подождать его. Сидя в комендатуре, я наблюдал, как туда приходили разные посетители из местного населения по делам, которые у нас обычно решало городское управление. Здесь же всё делала непосредственно комендатура, а в ней переводчица, молодая, довольно интересная женщина, к которой все обращались, называя ее «мадам». При мне приходили и полицейские и тоже обращались к «мадам», и она бойко давала им распоряжения. Пришедший наконец немецкий офицер сообщил мне, что колонну автобусов он отправил в Шклов, чем я остался недоволен, так как согласно указаний Смоленской комендатуры базой для эвакуируемых смолян был намечен Борисов, находящийся на главной авто- и железнодорожной магистрали на западе. Шклов же расположен на боковой дороге между Оршей и Могилевом.

Затем я зашел в районное управление Оршанского района с целью повидаться со своим спутником по поездке в Германию начальником Оршанского района В. Любименко. В разговоре с ним я упомянул о переводчице из комендатуры, на что Любименко сказал, что она имеет большую власть, так как сожительствует с комендантом.

Часов в 11 мы выехали из Орши, но добраться до Борисова в этот день так и не смогли: резина заставляла останавливаться несколько раз. Уже наступал вечер, когда мы подъехали к городу Крупки, и я решил заночевать в нем. Мы свернули в город, и там я начал спрашивать о комендатуре. К машине подошли несколько человек и стали спрашивать, откуда и куда мы едем. Я ответил: «Из Смоленска в Борисов едут работники Смоленского горуправления». Тогда один из этих граждан спросил: «А Меньшагин уехал?» Я удивился и в свою очередь спросил, знает ли он его. «Лично не знаю, — был ответ, — но много слышали, что он выручил

многих пленных, даже от нас бывшие солдаты ездили туда за документами и получили их».

Когда я сказал, что я и есть Меньшагин, то спрашивавший обрадовался и сказал, что комендатура нам не нужна, он сам разместит нас на ночлег. Меня с шурином и его женой он пригласил к себе, а остальных отвел в соседний дом. Наш хозяин оказался местным учителем. Он угостил нас хорошим ужином и даже с водкой. Узнав о наших затруднениях с резиной, он утром 22 сентября свел нашего шофера Павлова с каким-то немцем, у которого удалось достать две камеры для автомашины. После этого мы, поблагодарив любезного хозяина, поехали до Борисова. После встречи с крупкинским учителем и разговора с ним настроение мое исправилось, гнетущее чувство жизненного краха прошло, снова явились бодрость и сознание приносимой людям пользы.

В комендатуре города Борисова, куда я подъехал со своей машиной, меня встретили очень любезно. Начальник 7-го отдела оберрат Шеренберг сказал, что он слышал обо мне много хорошего, что со мной хочет познакомиться генерал — комендант Борисова, к которому мы и пошли. Свидание с генералом было очень коротким; он тоже был любезен и сказал, чтобы в случае надобности я обращался бы к нему. Затем я договорился с Шеренбергом о том, что всеми делами, связанными со смоленскими беженцами, буду заниматься я сам, для чего организую бюро Смоленского горуправления; нам будет предоставлено помещение для пункта раздачи продуктов смоленским беженцам. Шеренберг указал помещение для размещения смолян и квартиру для меня, а также место для стоянки машин.

После этого мы поехали на указанную квартиру. В этом же доме разместились прибывшие накануне начальник Смоленского окружного управления Гурьев с женой, окружной врач И. Н. Каменев и председатель Смоленского окружного суда А. Н. Колесников. Теперь в двух свободных еще комнатах поселились мой шурин с женой и я, а во флигеле — шофер Павлов с семьей, а потом еще две семьи шоферов.

23 сентября в Борисов прибыла колонна из 15 грузовых и двух легковых автомашин, принадлежащих Смоленскому горуправлению. В их числе была и моя легковая машина М-1, брошенная мною на Витебском шоссе при поездке в штаб 4-й армии 18 сентября; ее притащили теперь на буксире. С этой колонной прибыл мой заместитель Г. Я. Гандзюк, начальник транспортного отдела А. А. Василевский, начальник топливного отдела Григорий Руденко и много других сотрудников горуправления.

24 сентября начали работать бюро Смоленского горуправления и магазин. Г. Я. Гандзюк привез убитых свиней, откармливавшихся при столовой № 1. Мясо их мы раздали смолянам, зарегистрированным в нашем

бюро. Еще в Смоленске 18 и 19 сентября мы выплачивали выходное пособие в размере двух месячных окладов. Теперь, когда спустя несколько дней после нашего приезда сюда приехала рейхскредиткасса, в которой хранились наши финансовые средства, я с А. В. Василевским забрали их остатки и раздали наличным смолянам в виде суточных за пребывание в Борисове и зарплаты тем, кто работал в бюро, магазине и по ремонту нашего автотранспорта, так как все машины после переезда в Борисов были поставлены в ремонт.

25 сентября утром меня вызвали на квартиру начальника Смоленского округа Ю. Н. Алексеевского, который до работы в Смоленске с июня 1943 года был начальником Борисовского округа, и семья его так и не переехала из Борисова в Смоленск. Придя к Алексеевскому, я нашел там начальника 7-го отдела штаба Центрального фронта министериальрата Тесмера и его помощника Ротера, знавших меня по Смоленску. Они приехали сюда из Орши для распределения бывших руководящих работников Смоленска.

За завтраком у Алексеевского они предложили мне должность начальника города Бобруйска, сказав, что нынешний начальник его[1] очень слаб как работник и не соответствует должности. Алексеевскому они предложили прежнюю должность начальника Борисовского округа; начальнику Смоленского района Бибикову В. М. — должность начальника района, соседнего с Борисовским (название забыл); моему заместителю Г. Я. Гандзюку — должность начальника города Орши. Мне было сказано, что я могу брать с собой в Бобруйск сотрудников Смоленского горуправления и вывезенное нами городское имущество, уделив часть его Гандзюку. Все названные лица приняли предложенные им назначения, кроме В. М. Бибикова, боявшегося ехать в предложенный ему район из-за партизан и просившего дать ему какую-нибудь работу в Борисове.

Пробыли мы в Борисове до 9 октября 1943 года. В первый же день приезда я ездил на железнодорожный вокзал справляться об эшелоне Н. Н. Мельникова, с которым ехала моя семья. При отъезде из Смоленска 18 сентября он имел направление в Борисов. На станции мне сказали, что эшелон отправлен был дальше — в Минск. Поэтому мне пришлось хлопотать пропуск для поездки в Минск, так как западнее Борисова кончалась тыловая область фронта Mitte и начиналось генерал-губернаторство Белоруссия, управляемое уже не военными властями, а чиновниками германского Министерства по делам Востока[2]. Пропуск я получил без затруднений и в воскресенье 3 октября ездил в Минск вместе с директором

---

[1] Одинцов.

[2] Неточность. Правильно — Генерал-бецирк Белоруссия в составе Рейхскомиссариата Остланд.

Смоленского пивного завода В. Ф. Гроссе на его автомашине. В Минске я выяснил, что эшелон направлен в Барановичи.

Заведывание магазином я поручил Семенову, который неплохо выполнял аналогичную работу для беженцев в Смоленске весной 1943 года. Но уже на 2-й или 3-й день я поймал его с украденной свининой, целый окорок, который он тащил домой, и уволил его.

В Борисов во время моего пребывания там прибыли следовавшие конным транспортом санитарный врач Смоленска Г. В. Никольский; муж городского врача Э. Р. Варик — В. П. Петров, тоже работавший врачом в городской амбулатории Смоленска по освобождении его из плена по моему ходатайству; заведующий городским конным двором Н. В. Ярышкин с большой семьей, в том числе с сыном П. Н. Ярышкиным, заместителем начальника транспортного отдела горуправления; заведующий Красноборским дачеуправлением В. И. Космовский. Последние два семейства, за исключением П. Н. Ярышкина и его сестры Ольги, из Борисова поехали дальше в Барановичи; Э. Р. Варик, приехавшая раньше на автомашине, хлопотала через меня об отъезде на родину ее матери в городе Верро[1] в Эстонии; остальные присоединились ко мне. Я объявил всем смолянам, бывшим в то время в Борисове, что желающие могут ехать со мной в Бобруйск, или с Г. Я. Гандзюком в Оршу, или устраиваться самостоятельно.

Так и было сделано. На следствии по моему делу из показаний бывшего инспектора торгового отдела Смоленского горуправления Лукашевича я узнал, что всем членам НТСНП было предложено в порядке партийной дисциплины ехать с Г. Я. Гандзюком в Оршу, куда и отправились Г. С. Околович, Лукашевич, начальник торгово-промышленного отдела Шалдыкин и еще несколько человек, которых я не помню.

В Бобруйск, кроме моего шурина Н. К. Жуковского, пожелали ехать начальник финансового отдела А. В. Василевский, П. Н. Ярышкин с сестрой, врачи Г. В. Никольский и В. П. Петров, инспекторы жилищного отдела Дубов и Матвеев, бухгалтер Бронский, заместитель начальника отдела снабжения Д. И. Суходольский, шофера И. Павлов, Н. Толкачев, Гуров, Титов, Комаров и еще четыре человека, фамилии которых забыл; санфельдшер Пияль, медсестра Алексеева с матерью, два уличных коменданта — Деркачев и Митрофанов.

Вероятно, были еще кто-то. Желали ехать со мной также работник полиции Бердяев, высекший в феврале 1942 года рабочих пивзавода, о чем я писал, и заведующий столовой № 8 Вольский, по доносу которого в марте 1942 года был расстрелян немцами заведующий столовой № 1 Н. И. Садков; об этом я тоже писал в своем месте. Но личности Бердяева и Вольского мне были антипатичны, особенно большое

---

[1] Выру.

отвращение я испытывал в отношении Вольского: поэтому я отказался взять их с собой.

С Борисовским горуправлением в бытность в Борисове мы совершенно не сталкивались. Уже в первые дни я убедился, что это учреждение авторитетом ни у немцев, ни среди жителей не пользуется. Характерен такой факт: однажды во время одного из моих посещений 7-го отдела комендатуры его начальник Шеренберг спросил меня, не смогу ли я предоставить свою легковую машину на время нахождения здесь местному начальнику города (фамилии не помню) для поднятия его авторитета. Мне было смешно это слышать, и я сказал Шеренбергу, что машина моя в ремонте, что соответствовало действительности, и добавил, что я в Смоленске никогда не пользовался ею для поездок по городу и всё же как будто имел авторитет.

Выехали мы из Борисова автоколонной из восьми грузовых и одной легковой автомашин утром 9 октября и без происшествий к четырем часам дня добрались до Минска. Ехать дальше было нецелесообразно, и я стал в Минске разыскивать учреждение, которое смогло бы предоставить нам ночлег, но оказалось, что занятия везде по случаю субботы оканчивались в два часа и искать кого-либо, могущего нам помочь, бесполезно. Я уже совсем было растерялся, как ко мне подошел А. П. Петров, с которым в 1928 году я работал вместе в адвокатуре, позже он стал юрисконсультом, а во время оккупации был старшиной одной из волостей Смоленского района. Сейчас он остановился в одной из ближних деревень, куда советовал и нам направиться. Я еще не кончил разговор с Петровым, как к нам подошел незнакомый мне молодой человек, тоже из Смоленска, остановившийся в той же деревне, и предложил быть нашим проводником. Я с радостью ухватился за это предложение. Наша колонна повернула назад и через час все мы при содействии этого молодого человека, фамилию которого, к сожалению, забыл, устроились на квартире в какой-то подгородней деревне.

Утром 10 октября мы выступили в дальнейший поход. Из Минска в Бобруйск существовала прямая шоссейная дорога, по которой за один дневной переезд можно было доехать до Бобруйска. Но Борисовская комендатура предупредила меня, что дорога эта блокирована партизанами, а потому ехать надо кружным путем: из Минска на юг до Слуцка и оттуда на восток до Бобруйска. Поэтому, не делая больше остановки в Минске, мы выехали на Слуцкое шоссе и направились к югу.

По дороге легковая машина, на которой я ехал, стала, отказало зажигание. Водитель Комаров стал возиться с мотором, но дело у него не шло на лад, пока через час к месту аварии вернулась одна из грузовых машин, на которой приехал обеспокоенный моим долгим отсутствием П. Н. Ярышкин. Водитель этой машины Гуров быстро устранил неисправность, и мы поехали дальше. Вскоре мы доехали до нашей колонны,

стоявшей на обочине шоссе. Мне сказали, что немцы из находившегося поблизости укрепленного поста предупредили о необходимости ночлега в близрасположенном селе Озеры, так как участок дороги до Слуцка подвергается нападениям партизан и движение по нему происходит лишь по утрам в сопровождении военного конвоя. Делать было нечего, и мы повернули направо, где вскоре доехали до села Озеры. Все волостные начальники и полицейские по случаю воскресенья были пьяные, но один местный житель взялся помочь нам и развел на ночлег наших людей.

Ночью я проснулся от выстрелов, произведенных где-то поблизости. Я думал, что это стреляли партизаны, и долго не мог заснуть, но утром узнал, что стрельбу подняли спьяна полицейские.

В семь часов утра я приказал выезжать на шоссе, где уже стояло несколько немецких грузовиков. Наконец, прибыли два танка, и вся колонна выехала по направлению к Слуцку. Один из танков шел впереди колонны, другой — замыкал ее. Я очень боялся, как бы какая-либо из наших автомашин, а то и несколько, не остановились бы по какой-либо неисправности. Но всё обошлось благополучно, и в 11 часов дня мы остановились на пустой базарной площади Слуцка. Я поехал разыскивать комендатуру для разрешения вопросов ночлега и питания, хотя в последнем был не уверен. Вскоре я нашел комендатуру, но там только что начался двухчасовой обеденный перерыв. Пришлось долго ждать. В комендатуре мне дали наряд на хлеб и брынзу, а по вопросу ночлега направили к бургомистру города. Им был учитель в прошлом, по национальности немец, советский подданный, средних лет. Мы договорились с ним о том, что я подъеду к горуправлению со всеми своими людьми, а он выделит сотрудников, которые разведут их по квартирам.

Когда я вернулся на площадь, меня обступили мои спутники и наперебой стали делиться новостями. Оказалось, что: 1) они все уже устроились на ночлег в ближних домах; подыскали квартиру и мне; 2) мимо проезжала колонна с артистами Пропаганды, работавшими раньше в Смоленске, так называемая «труппа Гаро». Я забыл в своем месте рассказать, что на эту труппу 26 мая 1943 года при проезде ее из города Красного в Смоленск было совершено нападение партизан, в результате которого баянист Никонов[1] и еще один артист, муж А. Кубицкой, фамилию его забыл, были убиты, а сама Кубицкая[2] и еще человека два-три ранены. Их

---

[1] Никонов А. Н., пианист в Смоленске (*Зверева, 2016*. С. 138).

[2] Кубицкая (Комарова-Кубицкая) Агнесса Ивановна (1922, Катынь Смоленской губ. — ?), танцовщица. После войны — в Горьком. Арестована 10 марта 1950 г., приговорена 26 июня 1950 г. к 25 годам заключения и 5 годам поражения в правах. 11 ноября 1954 г. срок был снижен до 5 лет (*Зверева, 2016*. С. 141; *Близнюк М*. «Войной навек проведена черта...»: Вторая мировая война и русские артисты. С. 29, 239).

похороны 30 мая собрали как в соборе, где их отпевали, так и на улицах, по которым везли, и на братском кладбище большое стечение народа. Над открытыми еще могилами были произнесены речи; говорили я, редактор газеты К. А. Долгоненков и еще человека два, но кто, не могу вспомнить. Помню лишь, что моя скорбная речь контрастировала с последующими речами, выдержанным в обычном советском тоне предвоенных лет: отомстим, уничтожим и т. п.

Так вот теперь эти самые артисты рассказали нашим, что едут из Бобруйска, который уже эвакуируется; что, кроме них, в Слуцк уже приехала бобруйская Пропаганда и газета. Естественно, что такое сообщение вызвало волнение в моей колонне: стоит ли ехать в Бобруйск, если он эвакуируется? Прельстили их и слухи о дешевой жизни в Слуцке, об обилии базаров здесь. Выслушав всех, я сказал, что завтра один поеду в Бобруйск, где на месте всё выясню. Если слухи об эвакуации Бобруйска не подтвердятся, то вернусь за ними; в противном случае — тоже вернусь и будем решáть, что делать дальше. Все одобрили такое решение.

Я не окончил еще разговора с моими спутниками насчет ночных дежурств по охране автомашин, как ко мне пришли немецкий офицер и некто в штатском. Это были начальник бывшего Бобруйского отделения Пропаганды Миллер и бывший редактор бобруйской газеты «Новый путь» Бобров, настоящая фамилия которого Голубовский[1]. Я много лет до войны читал его статьи и заметки в газете «Известия». Они сказали, что им ничего не известно об эвакуации Бобруйска, отъезд же их вызван передислокацией частей Пропаганды, причем в Бобруйск вместо них прибыла Пропаганда из Орла, а также и газета «Речь» оттуда же.

Мое намерение поехать в Бобруйск сперва одному для выяснения обстановки на месте они одобрили, причем Бобров предложил сопровождать меня в этой поездке. Мне, конечно, было гораздо удобнее ехать в незнакомый город вместе со знающим его человеком и не тратить лишнее время на поиски нужных мест. Правда, мне пришлось в августе–сентябре 1925 года побывать в Бобруйске и провести там несколько дней, но это были военные маневры, и я так был занят работой в Головной авиабазе, что, кроме железнодорожной станции, где стоял поезд с нашей базой, я ничего в Бобруйске не видел.

---

[1] Голубовский Михаил Степанович (1908–1979). До войны журналист «Известий», попал в плен в 1941 г. Под псевдонимом Михаил Бобров редактировал оккупационную газету «Новый путь» (Бобруйск), после войны публиковался в журнале «Возрождение», автор книги «Записки советского военного корреспондента» (Нью-Йорк, 1954; под псевдонимом Михаил Соловьев).

В Бобруйске

Утром 12 октября я с Бобровым и двумя шоферами, Комаровым и Гуровым, выехал в Бобруйск на своей легковой машине. На дороге в нескольких местах видели объявления о необходимости не съезжать с проторенной колеи из-за опасения партизанских мин. Хотя каждое утро дорогу проверяли, но уверенности в отсутствии мин, видимо, не было. Всё же мы доехали вполне благополучно, и, по указанию Боброва, направились в областное управление к его начальнику С. И. Ведринскому, бывшему белому офицеру, проживавшему до войны в Югославии.

С. И. Ведринский, полный, солидный мужчина лет 50, сказал нам, что ему известно еще с сентября о моем назначении начальником города Бобруйска, но так как меня долго не было, они решили рекомендовать на эту должность бывшего начальника города Брянска Крупеню[1], в связи с чем начальник 7-го отдела Korück-9, то есть тылового управления 9-й армии, поехал в 7-й отдел группы армии Mitte; сегодня он должен был вернуться, а до этого он ничего больше сказать не может. После этого Ведринский представил нам человека, сидевшего здесь же за столом Ведринского и оказавшегося упомянутым Крупеней. Мы лишь успели поздороваться с Крупеней, как в кабинет вошли три немецких офицера. Это были начальник 7-го отдела Korück-9, фамилию которого забыл, начальник 7-го отдела Бобруйской комендатуры Эльшлегер и переводчик зондерфюрер Капп.

Узнав от Ведринского о моем приезде, первый из этих офицеров попросил Ведринского и меня выйти в соседнюю комнату для конфиденциальных переговоров, после чего он заявил нам, что начальником Бобруйска буду я, но если у меня нет своего кандидата на должность заместителя начальника, то он очень просил бы меня согласиться на назначение на эту должность бывшего брянского начальника Крупени. Я сразу же дал на это свое согласие. Тогда зондерфюрер Капп вызвал из кабинета Крупеню, а начальник 7-го отдела Korück объявил, что вопрос о его назначении начальником Бобруйска отпадает в связи с моим приездом, но он может быть назначен заместителем ко мне. Крупеня немедленно согласился на это, после чего офицер из Korück простился и ушел, а Эльшлегер поехал со мной показывать приготовленную для нашего временного размещения квартиру в доме инвалидов по Костельской улице. Инвалиды из него были переселены в один из корпусов городской больницы.

После этого мы с Бобровым поехали к его теще, где нам предстояло ночевать. Пообедав там, Бобров повел меня пешком показывать Бобруйск. Город почти не пострадал от военных действий. Были разрушены

[1] На самом деле не Брянска, а «всего лишь» Бежиц.

авиабомбой лишь два дома в центре города, на месте которых устроен сквер. Боброва потянуло на место его прежней работы, где теперь находилась редакция газеты «Речь». Мы зашли туда, и Бобров познакомил меня с редактором ее М. А. Октаном.

Я одно время в 1942 году получал из Смоленской комендатуры эту газету, издававшуюся тогда в Орле, и, сравнивая ее с другими газетами оккупированной зоны, считал ее лучшей. Обратил я тогда внимание и на то, что перед подписью редактора Октана стояло звание «дипломированный инженер». Всё это создавало заочное представление о нем как о человеке серьезном, солидном, и вдруг я увидел молодого вертлявого хлыща, всецело занятого собою и всячески старающегося придать себе позу важного лица. Все его ужимки, кривлянье были очень смешны.

По пути в редакцию мы встретились с женой начальника городского строительного отдела Янушкевича, Бобров рекомендовал меня ей как нового начальника города, и она пригласила нас к себе на ужин. Когда Октан узнал, что мы от него направляемся к Янушкевичу, то заявил, что он отвезет нас туда на своей машине и сам приедет позже.

Действительно, он на маленьком пикапе, сидя за рулем, доставил нас к Янушкевичу. Уже мы кончали ужинать, когда раздался звонок, и явился Октан, а минут через 10 снова звонок, и Октан, смотря на меня, сказал: «Это за мною, ни минуты не могут обойтись без меня». В комнату вошел лейтенант РОА, то есть власовской армии, из пленных, татарин, фамилию забыл. Обратившись к Октану, он сказал: «За Вами, шеф, без Вас там всё дело стало». Говоря это, он смеялся, а Октан нахмурился и заявил: «К сожалению, вынужден Вас покинуть. Всё дела, не дают совсем отдыха», простился и уехал. Приехавшего офицера он отрекомендовал мне как своего адъютанта, на что тот снова засмеялся.

Сам Октан в редакции был в форме немецкого обер-лейтенанта пехоты, а к Янушкевичу приехал в форме немецкого танкиста того же чина. На обоих мундирах были прикреплены планки от девяти орденов, полученных им от немцев, по три в бронзе, серебре и золоте, все «за храбрость». При мне в Бобруйске он получил еще орден «в серебре» за «заслуги» и орден, дававшийся только немцам, тоже «за заслуги». Мне не приходилось больше видеть никого с таким количеством орденов. В чем заключалась его «храбрость», за которую он получил девять орденов, я не знаю и в наличии у него храбрости без кавычек очень сомневаюсь. Сам он говорил, будто бы ездил в карательные экспедиции против партизан...[1]

---

[1] Помета в ДРЗ: «На этом записи обрываются».

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Допрос о Шламовиче

...До 1964 и по 8 ноября 1966 года[1]. А остальные 18 лет до и потом четыре с половиной года я сидел в одиночках[2], так что двадцать два с половиной года я один просидел.

— *А когда же вы попали?*

— В 45-м году. И шесть лет на Лубянке просидел, потому что дело моё было приостановлено. Я сидел с 22 мая 1945 года, а на Лубянке — с 30 сентября 1945 года, и 8, 9, 10 сентября 46-го года мне объявили об окончании следствия по какому-то указу Президиума Верховного совета от 19 апреля 43-го года[3]. Но так я этого указа и не видел. Когда я просил следователей, мне говорили:

— Под рукой нет. Потом покажу.

И так и не показали, несмотря на то что следствие длилось шесть лет, шесть лет я там просидел. Во Владимире мне один из политвоспитателей подарил «Уголовный кодекс» 1950 года издания. Я стал смотреть. Там был целый ряд указов, принятых Сталиным: об ответственности за разглашение тайн, потом — в отношении краж, домашние кражи, кражи с хищением социалистической собственности — все указы были, а этого указа нет. Так до сих пор я и не знаю, что это за указ.

...Там, где я сейчас нахожусь[4], сложно разговаривать, там народу много, иногда нуждаешься даже в тишине, но разговоры там обычно на такие темы: в какую стоимость в магазине есть сегодня вино? И есть ли эта... как там говорится... бормотуха. Эти вопросы интересуют жителей.

— *За что же вас осудили? За то, что вы в Смоленске при немцах были?*

— Да. Официально — да, за это.

— *А почему такие особые условия?*

---

[1] Очевидно, обрыв пленки или текста. Из контекста понятно, что имеется в виду время нахождения Меньшагина не в одиночной камере, а в камерах с соседями (2,5 года).

[2] Слово реконструировано по контексту. В оригинале: «в Подлипках».

[3] См. Документ №9.

[4] Интернат для престарелых.

— Конечно, тут... уже тогда я понимал, что не за это. Тем более, что следователи очень хорошо были осведомлены о моей деятельности. Ведь от двух до четырех тысяч военнопленных было освобождено под мое поручительство.

Потом, следователь, Б. А. Беляев, например, задает вопрос:

— Вы Шламовича[1] помните?

— Александра Владимировича?

— Да.

— Помню.

— Вы знали, что он еврей?

— Знал.

— А почему вы дали ему документ, что он русский?

— Если бы я написал, что он еврей, то его бы... Уже в это время было известно, что немцы убивают евреев. Его бы убили.

— Ну, так какое вы ему задание дали?

Я говорю:

— Я его больше никогда не видел в глаза после того, как он получил документ от меня.

— Так вы же рисковали?

— Конечно, риск известный был, не без этого.

— Ну, так для чего же вы это делали?

— Разве спасти жизнь человеку — это не хорошее дело, не доставляет удовольствия человеку?

Он так плечом пожимает, удивляется.

— Борис Георгиевич, а почему вы ему выдавали справку?

— Он попал в окружение...

— Нет, а какое отношение вы имели к справкам?

— А я начальник города был. Так что все документы я выдавал... Или вот Рейтузов[2].

— Вы защищали Рейтузова?

— Да, защищал.

— А вы знали, что он партийный?

— Знал.

— А в паспорте вы ему не пометили?

Я говорю:

— Я никому не помечал. Немцы запрашивали меня. Я ответил: «Так как я в партии не состоял, мне неизвестно. Знаю, что все высшие ушли, а рядовых партийцев я не знал. Поэтому никого из известных мне здесь я не встречал».

---

[1] О Шламовиче см. в наст. изд., с. 394.

[2] Работал в отделе снабжения помощником зав. складом № 2. В 1940 г. Б. Г. М. защищал его как адвокат.

Да. Вот так вот удивляется. Удивляется следователь.

Ну, вообще-то надо сказать, уже то хорошо, что меня не били никогда[1]. Это первое. И второе — такие, ну, эксцессы, что ли, только два раза были. Первый раз, это когда меня привезли в Смоленск 9 августа 45-го года и в ночь на 13 августа вызвали на допрос.

Помещен я был во внутренней тюрьме областного управления государственной безопасности. Это раньше было НКВД. На этой улице один только этот дом и остался. Потому что когда Смоленск горел 29 июня 41 года, то все пожарные команды были брошены на этот дом, и его всё время обливали. Он один только и остался. С одной стороны, с другой стороны, сзади — всё сгорело, а этот дом остался. На улице Дзержинского в Смоленске. Во внутренней тюрьме, я там сидел у них. Меня привели, следователь отрекомендовался: майор Беляев. Я знал эту фамилию по делам, по которым я выступал защитником, но самого лично я его не видел никогда. Он меня повел этажом выше к начальнику областного управления государственной безопасности Смоленской области полковнику Волошенко[2]. Вошли. Большая комната такая. Он встает из-за стола, выходит.

— А, здравствуйте, здравствуйте, господин мэр!

А потом подошел на такое расстояние, как я от вас, вдруг вздрогнул:

— У вас руки в крови!

Знаете, так естественно у него получилось, что я посмотрел на руки. Но потом сообразил, что это аллегория, и говорю:

— Нет, я крови не проливал. Руки у меня чистые.

Он тогда застучал кулаком об стол:

— Если не будете сознаваться, мы на вашей шкуре выспимся! Вот это имейте в виду!

Вот такой разговор был — краткий, но выразительный! Это было в ночь на 13 августа 45-го года.

Ну а потом, значит, ночью я имел дело с Беляевым, а днем с разными следователями, которые меня допрашивали в качестве свидетеля о разных людях, находившихся там.

---

[1] Битье и другие методы физического воздействия вернулись на Лубянку в декабре 1952 г., когда Меньшагина там уж не было (см. протокол допроса бывшего начальника Внутренней тюрьмы МГБ СССР А. Н. Миронова от 23 декабря 1955 г. В сети: http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/55575).

[2] Волошенко Константин Сидорович (или Исидорович; 1905–1988). С 22 ноября 1944 по 27 ноября 1950 г. начальник УНКГБ–УМГБ Смоленской области.

Допрос о церковниках

И вот, в частности, несколько раз вызывал меня в качестве свидетеля капитан Евграфов, такой был там следователь. Он занимался церковными делами. Он вызывал меня, спрашивал, как открылся собор, ведь он был закрыт. Ну, я сказал, что это была моя инициатива. В сущности, я организовал это открытие собора, получил согласие немцев, и собор был открыт в день праздника Смоленской Божьей Матери, которая находится в этом соборе и сейчас, 10 августа 41-го года[1]. Потом он меня расспрашивал, имели ли священники дела с немцами.

Я говорю:

— По-моему, нет. Я не замечал. Они имели дела со мной, а у меня было от комендатуры распоряжение, чтобы я имел надзор за ними с тем, чтобы там никакой антинемецкой деятельности не проводилось.

— Кого поминали?

Я говорил, что поминали Вселенского патриарха[2] и местоблюстителя, митрополита Сергия, Московского и Коломенского[3]. Это по моему распоряжению делалось. Это всё вроде не представляло для них такого плохого.

И вот однажды, помню, он опять меня спрашивает об архимандрите. Он думал, что он был в Смоленске, а оказывается, он, архимандрит этот, в Смоленске не работал. Там два Серафима было. Один Серафим был в Смоленске, а другой Серафим был в Монастырщине[4]. Вот речь шла об этом Серафиме, монастырщинском, который ко мне отношения не имел. А этот Серафим, смоленский, он сам с Западной Украины. Его посадили, он сидел и немцами был освобожден. Он сидел в Московской области, там в каком-то лагере, был в Верее, а когда отступать стали немцы, он приехал в Смоленск. И вот некоторое время он был у нас, служил в смоленском соборе вместе с местными священниками. А потом он стал просить, и я выхлопотал ему пропуск, и он уехал в Галицию, во Львов, на родину.

Это я всё следователю рассказывал, он записывал. Вдруг входят три человека.

— Да! Пошли, Евграфов! Давай скорей!

---

[1] См. в наст. изд., с. 390, 472–478, 497–498.

[2] Имеется в виду Вселенский патриархат Константинополя, первая по чести автокефальная церковь православного мира. В 1936–1946 гг. патриархом Константинопольским был Вениамин (1871–1946).

[3] Митрополит Сергий (Иван Николаевич Страгородский, 1867–1944), с 18 марта 1924 г. — митрополит Нижегородский; с 1 января 1937 г. — патриарший местоблюститель, будущий (с 12 сентября 1943 г.) Патриарх Московский и Всея Руси.

[4] Поселок-райцентр Монастырщинского района Смоленской области.

Тот:

— Подождите, сейчас. Вот с Борисом Георгиевичем кончу.

— С каким Борисом Георгиевичем? — один из них.

— Да вот, с Меньшагиным.

— Меньшагин? Да что с ним кончать? Я сейчас кончу!

И кобуру расстегивает. Ну, тут остальные двое его схватили. Евграфов выбежал из-за стола, вытолкали его. Не знаю, то ли он это просто в шутку, попугать хотел, то ли на самом деле, но только Евграфов закрыл дверь на ключ и говорит:

— Вы извините. Тут у нас собрание было, а потом ребята подвыпили.

Я и говорю:

— А кто это?

— Это начальник Сычевского районного отдела государственной безопасности Гусаров[1].

Вот. Это второй случай был.

Встреча с секретарем обкома

А 29 ноября, в ночь на 30 ноября еще меня вызвали в 11 часов ночи, это Беляев уже, и что-то он всё торопился. Обычно каждую ночь вызывали, но часов до трёх, и в три часа уже — спать. А тут и три, и четыре, и пять часов... Сперва, вначале еще, как привели, он со мной пошел наверх, опять в кабинет этого начальника областного управления полковника Волошенко. За столом сидит какой-то в штатском, очень полный мужчина, а Волошенко сбоку.

Оказывается — первый секретарь Смоленского обкома ВКП(б) Попов[2] пожелал увидеть. Он меня спросил, почему я остался? Что, у меня была цель какая?

Я сказал:

— Нет, это только потому, что сводки были неправильные. 15 июля утром еще была сводка о том, что бои идут в Борисово-Бобруйском направлении. Я знаю, что Борисов — это за 400 км от Смоленска. В этот день я увидел, что все из города уходят. В частности, штаб маршала Тимошенко стоял там в бывшей духовной семинарии, где штаб военного округа был — пустой дом и сняты караулы. Ну, мне стало ясно, что уже уходят. Я провожал еще до этого днем двух наших адвокатш — Гайдамак и Гольцову. Они зашли в консультацию с вещами. Я помог им вещи нести

---

[1] Гусаров Тихон Павлович (1912 — не ранее 1983), в 1939 г. оперуполномоченный Сычевского райотдела милиции, в 1941–1956 гг. сотрудник НКВД. В годы оккупации командир партизанского отряда «Родина», оперировавшего в Сычевском районе.

[2] См. в наст. изд., с. 96.

на вокзал и, в частности, сказал, что уже ясно, что отступают, потому что я увидел, что повозки с ранеными едут по улице. Если за 400 км, то раненые на повозках не попадут сюда. И сказал им, что Гайдамак обязательно надо идти, потому что она — еврейка. Ну, еще Гольцовой — ничего, а ей... Они обе остались на вокзале, а я ушел к себе на ту квартиру, где я имел местопребывание после того, как наша квартира сгорела 29 июня при бомбардировке Смоленска[1]. Ну вот я ему и говорю, что если бы я знал, то, конечно, мы бы уехали. Но так как сводки были неверными, то вводили в заблуждение.

— Вы что, министром хотели быть?

Я говорю:

— Нет, я министром быть не хотел.

Вот такие вопросы он задал мне. На этом беседа с ним кончилась.

Из Смоленска в Москву

А Беляев до шести часов почти меня додержал. Вернулся я в камеру и лег. Вдруг сейчас же открывается камера — начальник тюрьмы, капитан Михалёв. И говорит:

— Вот вам полушубок, вот вам валенки. Вы сейчас поедете. Да, и потом вам сейчас продукты принесут.

Принесли хлеба и селедок.

— Сейчас поедете.

И действительно, минут через 15:

— С вещами!

Но — ни обыска не было, ничего. Вышел я во двор. Около подъезда стоит легковая машина. В легковую машину садятся два офицера. Один из них — следователь Васильченко, он меня допрашивал один раз, а второго видел там, но не знаю, кто он. Сели. Один с шофером сел, другой — со мной, и мы поехали.

Говорю:

— Куда это мы едем?

— В Москву.

И вот мы ехали. По дороге сделали остановку, чтобы перекусить. Я хотел есть свою селедку, а они говорят:

— Это вам там пригодится.

Отрезали мне сала и дали своего хлеба. Значит, я ел. И доехали до Москвы — на Лубянку.

---

[1] В семье адвоката А. Ф. Пожарисского (см.: *Меньшагин, 2017*. С. 35–37).

На Лубянке. Допрос о ликвидации гетто

Вечером приехали на Лубянку, и вот — с 30 ноября 45-го года я там пробыл до 30 сентября 51-го года.

Первый раз меня вызвали 21 декабря 45-го года, подполковник Меретуков. Потом он еще несколько раз меня вызывал. 25 января 46-го года ночью вызвали меня к генералу. Там же сидел Меретуков сбоку, а центральное место занимал начальник следственного управления министерства государственной безопасности. По словам Мамулова, это был генерал Федотов, но я не знаю, он своей фамилии не называл. Он спрашивал меня:

— Мы знаем, что, когда убивали евреев, вас не было при этом убийстве. Почему? Знали вы заранее?

Я говорю:

— Нет.

— Там был ваш заместитель Гандзюк. Это с вашего ведома?

Я говорю:

— Нет. Я узнал об убийстве уже после[1].

...Последний раз меня вызывали в феврале 47-го года.

Хлеб и книги

Потом прошёл 47-й, проходит 48-й, 49-й. И помню, 28 июля 49-го года произошел такой инцидент. 27 июля, накануне, был обмен книг. Эта процедура происходила так: открывалась дверь, в камеру вбегал лейтенант, заведующий библиотекой, бросал на стол несколько книжек, обычно пять или четыре, схватывал те книги, которые на столе лежат, выскакивал пулей из комнаты. Ну, тут... от долгого молчания... ведь один... не успеешь прийти в себя. Значит, невозможно ничего сказать ему было. Стал я смотреть книги. Те книги, которые две недели назад я ему отдал, в таком же порядке, как у меня они лежали, он мне принес опять. Значит, на две недели. А ведь там подъем в шесть часов. Отбой в десять. Прогулка — 20 минут — на крыше. Причем часто прогулку ночью делали за счет сна. Целый день — с шести до десяти. Утром завтрак — кипяток. Хлеб и кипяток. А потом обед и ужин. А что целый день делать? Когда 28 июля мне принесли хлеб, я говорю:

— Я не беру.

Раздатчик посмотрел, повернулся и ушел. Минуты через две открывается дверь, старший по корпусу:

---

[1] Далее в интервью следовал разговор с Г. Я. Гандзюком, только что приехавшим после ликвидации гетто.

— Почему вы не взяли хлеб?

Я говорю:

— Потому что у меня вот с книгами так получилось.

— Так какое отношение это — книги и хлеб? Одно с другим не связано.

Я говорю:

— Для меня связано. Книги для меня не менее важны, чем хлеб. Даже, пожалуй, я без хлеба один день обойдусь, а вот без книг две недели мне никак не обойтись. Что мне, лбом стучать о стенку здесь?

— Так это же можно всегда другим путем урегулировать.

Я говорю:

— Я не знаю, каким путем.

— Ну, к начальнику тюрьмы обратитесь. Я вас запишу.

Я говорю:

— А когда это будет?

— Сегодня он вас вызовет.

— Обязательно?

— Да, да, сегодня вызовет. А хлеб вы возьмите.

Ну, я говорю:

— Хорошо.

— Сейчас вам принесут хлеб.

Принесли хлеб. Я взял.

И действительно, днем, часу в первом дня открывается дверь — к начальнику тюрьмы. Как всегда там, на Лубянке один схватывает за левую руку, другой — за правую руку, а третий — сзади. Потащили по коридорам, там переходы разные — к начальнику тюрьмы. Я его видел, он как-то был, но я не знал, что это начальник тюрьмы.

— Полковник Миронов[1].

Пожилой человек, полный такой, спокойный сидит:

— Проходите, садитесь.

Я прошел, сел.

— Что это вы, говорят, хлеб не хотели брать сегодня?

Я говорю:

— Вот, с книгами у меня...

— Ну, разве можно. Ведь вы же немолодой человек. Ведь если вы не будете есть, вы же своему здоровью повредите. Я надеюсь, что... Что там с книгами?

Я говорю:

— Вот. Те книги, которые я отдал, он мне опять принес. Когда он бросил книги, я не успел ничего посмотреть.

---

[1] Миронов Александр Николаевич (1896–?), полковник госбезопасности, начальник Внутренней тюрьмы МГБ СССР в 1937–1953 гг.

— Ну, это всегда можно урегулировать. Вам обменяют книги. Нельзя так делать. Еще какие вопросы у вас ко мне?

Я говорю:

— Вот вопрос какой. У меня 16 июля был сердечный приступ. Было очень плохо. Я позвонил, просил сестру. Ко мне пришел подполковник медицинской службы, начальник санитарной части. Он меня посмотрел и велел лечь. А там категорически запрещалось ложиться. Это уже доказывает, что, действительно, у меня были налицо ненормальные явления какие-то. И сказал — это была суббота — чтобы в понедельник, 18 июля я явился к нему на прием, чтобы я записался у старшего. Ну, я 18 июля записался, и свели меня туда: опять один, конечно, слева, другой справа, третий сзади. Он послушал меня, прописал лекарства, помню, он шиповник мне прописал пить, еще какие-то капли. Я стал просить его больничное питание, потому что, сказал я, я с 45-го года, я истощен совсем, ни передач, ничего нет, денег у меня нет, никто не знает, где я...

— Больничное питание полагается только больным язвой, а у вас язвы нет. Поэтому вам больничное питание не положено.

Ну, ладно, увели. Мне принесла сестра шиповник пить. Вот я и хотел бы это больничное питание получить.

— Так. Хорошо. Еще что?

— Потом, вот у нас сейчас 28 июля 49-го года. Последний раз меня вызывали на допрос в феврале 47-го года, то есть два с половиной года тому назад. Почему я нахожусь здесь? В каком положении мое дело?

— На это я вам ничего сказать не могу. Я не знаю. Это зависит от следователя. Но я спрошу следователя. Скажу ему, что вы интересовались. А так, если какие-нибудь у вас будут недоразумения, то вы всегда запишитесь, мы разберем. А так нельзя, чтобы не есть. Это же вы себе вред делаете.

Я встал. Потащили обратно в камеру. Но я был доволен, потому что говорил он нормально, как люди разговаривают. Только я сел на стул, открывается дверь, влетает лейтенант, как пуля:

— Вот эти книги подойдут вам?

Я взял, посмотрел:

— Подойдут.

Тогда он схватил те и убежал. И уж дальше, когда приходил, всегда ждал, когда я посмотрю.

Вечером стал я ложиться спать, в десять часов отбой дают там: свет выключают и включают раза два, это означает, что отбой. Стал ложиться спать, открывается дверь:

— К врачу!

Потащили в медицинскую часть. Женщина-врач:

— На что вы жалуетесь?

Ну, я сказал, что у меня 16 июля был приступ сердечный, начальник санитарной части велел мне лечь, прописал лекарства, но мне нужно больничное питание, потому что я совсем истощал.

— Так. Дайте, я вас послушаю.

Ну, что ж. Она меня послушала, давление измерила:

— Собирайтесь, идите.

Я ушел. Утром, когда приносят хлеб, смотрю, у меня половина черного, половина белого. Это признак того, что дали больничное питание. Значит, два моих желания уже исполнено. Я считал, что хорошо сделал, что добился этого.

Допрос у Гребельского

И прошел почти месяц. Я спал уже ночью, 24 августа 49-го года, вдруг дверь открывается:

— На допрос!

Я оделся. Потащили. Следователь — это был третий у меня — подполковник Рыбельский[1]:

— Проходите. Садитесь. Что это вы хлеба не берете?

Я говорю:

— Да вот, с книгами у меня получилось дело такое.

— Так это же всегда можно урегулировать, сказать, что вот, мне надо книги.

— Не особенно-то скажешь, да мало слушают.

— Сколько же вам лет? Ведь вы немолодой человек, вы себе здоровье расстроите.

Я говорю:

— Я уже расстроил. У меня вот сердечный приступ 16 июля был.

— Ну, конечно, будет.

— Так это еще до этого случая было.

— Нельзя так... надо... Ведь вам больничное питание сейчас дали?

— Дали.

— Вот видите. Всегда мы пойдем навстречу. Если кто никаких нарушений здесь не делает, мы всегда на уступки пойдем тому человеку. Так что вы хотели?

Я говорю:

[1] Гребельский Дмитрий Владимирович (1914–1986), впоследствии зав. кафедрой организации оперативно-розыскной деятельности Академии МВД СССР. Меньшагин, по-видимому, не разобрав звучание его фамилии, упорно называет его Рыбельским.

— Меня интересует вопрос, почему я последний раз у вас был в ноябре 47-го, а сейчас у нас 24 августа 49-го.

— Видите ли, мы ваше дело приостановили.

— А почему? Ведь 132-я статья Уголовно-процессуального кодекса говорит: дело приостанавливается в двух случаях — если неизвестно местонахождение обвиняемого, — а я перед вами здесь сижу, второй случай — если есть основания предполагать, что обвиняемый болен психической болезнью. Тогда дело приостанавливается для производства психиатрической экспертизы. Но ведь, вроде, я не подавал?..

— Нет, у вас очень хорошая голова.

— Тогда почему же?

— Ну, признали целесообразным.

Признали целесообразным. Я говорю:

— И долго так будет?

— Я сам не знаю. Сам не знаю. У вас ведь там особенного ничего нет. Не исключена возможность, что мы вас отпустим. Ну, а если нет, тогда будет много. Тут два варианта: либо совсем отпустим, либо будет много... А, может быть, вы газету хотите?

Я говорю:

— Конечно, я ведь с 45-го года не видел газет, не знаю даже, что в мире делается.

— Вот, я тут своим делом займусь, а вы почитайте, — и подает мне «Вечернюю Москву».

Ну, я взял «Вечернюю Москву», стал читать.

Тут звонит телефон. Он поднимает трубку. Он такой, знаете, солидный, полный, лет 45, под 50 так. Берет трубку, такой голос у него:

— Подполковник Рыбельский слушает.

И вдруг он подскакивает на месте:

— Здравия желаю, товарищ генерал! Так точно, товарищ генерал!

Уже вид у него совершенно другой. Такое лицо глупое сделалось. Он подпрыгнул на месте...

Я посмотрел, и сразу мне вспомнился рассказ Чехова «Толстый и тонкий». Когда два приятеля встретились, и один узнал, что другой — тайный советник, а он еще только титулярный, такое у них отношение появилось друг к другу. Я посмотрел и думаю: да, далеко поехала советская власть. В сторону, которая не была предусмотрена, когда она начиналась.

Ну, дочитал я газету, потом его спросил, а он мне сказал, что у нас стала социалистическая система, что режимы народной демократии во главе с коммунистическими партиями в Польше, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Албании. Вот эти государства он назвал.

Потом позвонил. Конвоиры вошли. Меня потащили обратно. Вот так, ни особенной радости, ни горя я не испытывал от этого разговора.

Встреча с заместителем начальника тюрьмы

И сидел я, значит, весь остаток 49-го, весь 50-й, а в 51-м году, день именин моих[1] был, думаю: дай я попробую сделать себе подарок. И говорю утром, когда старший пришел:

— Запишите меня к начальнику тюрьмы.

Хотел к этому полковнику Миронову. Еще набралось у меня несколько просьб. Он записал. В конце дня, вскоре после десяти часов, открывается дверь:

— К начальнику тюрьмы!

Повели меня, но, смотрю, не в ту сторону. Оказалось, не к начальнику Миронову, а к его заместителю, подполковнику, не знаю фамилии его. Вошел я в комнату. Сидит подполковник этот. Один раз я его видел, он ходил с обходом. Я вошел в комнату, он там в глубине сидит:

— Что вам надо?

Я говорю:

— Я совершенно обносился. Одежда, которая на мне, превратилась в лохмотья. Мне даже стыдно постовых, когда я выхожу на прогулку.

— Еще что?

— Я очень истощал. Мне начальник тюрьмы, полковник, давал, по его указанию давали мне больничное питание в августе 1949 года. Месяц я получал. Но уже почти два года прошло с того времени. Я чувствую себя очень плохо.

— Еще что?

— Потом я хотел почитать сочинения Ленина. Я обращался по этому поводу к заведующему библиотекой. Но он сказал, что сочинений Ленина нет. Не могу поверить, чтобы в Советском Союзе имелась бы библиотека, в которой не было бы сочинений Ленина.

— Еще что?

— Больше ничего.

— Идите.

На этом аудиенция окончилась. Меня потащили обратно в камеру. Сел и думаю: на этот раз получилась осечка. Вместо удовольствия и именинного подарка получился плохой такой разговор, и только настроение испортил себе.

В это время открывается дверь, вбегает лейтенант библиотечный:

— Первый и второй том сочинений Ленина! Прочитаете, дам следующие.

Ну, думаю, — с паршивой овцы хоть шерсти клок. Минут пять прошло, — вошел какой-то старшина с костюмом. Костюм такой шевиотовый, нормальный.

---

[1] 15 мая.

— Померьте, пожалуйста, подойдет он вам или нет.

Я померил, говорю:

— Подходит.

— Оставьте себе.

Видно, с какого-нибудь расстрелянного остался.

Вторая встреча с Мироновым: объявление приговора

После этого разговора меня больше не вызывали до 29 сентября 1951 года, когда вызвали к начальнику тюрьмы, опять к этому полковнику Миронову.

Опять:

— Проходите, садитесь.

Я прошел, сел. Он сидит, и какой-то молодой человек сидит, лет так, может, около 30, в штатской одежде. Ну, Миронов спрашивает, как я себя чувствую, больше никаких не было, значит, ненормальностей? Я говорю, что нет.

— Как у вас с книгами?

— С книгами сейчас всё хорошо.

А штатский мне даёт бумагу:

— Прочтите и распишитесь.

Я посмотрел: выписка из Постановления Особого совещания при Министерстве государственной безопасности СССР от 12 сентября 1951 года. Слушали: дело Меньшагина Бориса Георгиевича, по указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года. Постановили: заключить в тюрьму сроком на 25 лет. Срок считать с 7 июня 1945 года. Ну, меня-то арестовали 28 мая, но я уже не стал ничего говорить, потому что при 25 годах говорить о десяти днях — это просто смешно было бы.

— Так. Понятно вам?

— Понятно, что ж.

— Распишитесь.

Я расписался: «Читал».

Миронов говорит:

— Вам придется уехать отсюда, видимо, завтра. Как у вас с вещами?

Я говорю:

— Костюм мне дали, а из верхней одежды у меня ничего нет.

Сейчас же он вызвал подполковника, у которого я был, сказал:

— Надо ему дать пальто, шляпу, белье, всё, в общем, снабдите.

Тот ушел, меня обратно в камеру, и принесли пальто демисезонное с бархатным воротником, серую шляпу, голубую рубашку верхнюю и пару трикотажного белья.

Из Москвы во Владимир

30 сентября после обеда, я еще не успел пообедать:

– Собирайтесь с вещами!

Вывели. Обыск был уже генеральный. Потом — в воронóк, и привезли на Рогожскую. Я, когда вышел, увидел Рогожское кладбище[1].

На путях стоял вагон, пассажирский, но с решетками, так называемый столыпинский вагон. Меня сопровождали два офицера с Лубянки. Завели в самое последнее купе, закрыли. Один офицер сел на скамеечку возле этого купе, второй куда-то пошел. Потом слышу топот ног, и многочисленные пассажиры входят. Их по всем купе стали загонять и, наконец, кто-то перекличку делает.

— Иванов! — Я! — Срок! — 25! — Петров! — Я! — Срок! — 25! — И всё слышу: 25, 25. — Ну, думаю, значит, мода сейчас такая, с 25-ю годами. Мы поехали. Я взял и лег на скамейку в купе. Ничего. Эти офицеры потом заменились, другой сел. Ничего, ничего.

— *А офицер в купе ехал?*

— Нет, за дверью. Потом вдруг постучал мне:

— Вставайте, собирайтесь с вещами, подъезжаем.

Уже вечер. Остановился поезд, открыли это купе, пошли по коридору, смотрю: как селедок в бочке, все эти купе набиты народом! А я один ехал. И конвой у меня отдельный, офицерский, а там были солдаты. Вышли.

Станция освещенная, народ садится в поезд. Пассажирский был поезд, один только арестантский вагон. Прошли по перрону, воронóк стоит. Проехали недолго, остановились, вылез я. Зашли в какое-то помещение. Вышел старший лейтенант, посмотрел на меня:

— Как ваша фамилия?

Я называю ему.

— Почему же вы называете фамилию?

Я говорю:

— Вы же спросили.

— Вы же лишены фамилии.

— Как?

— Разве вам не сказали об этом?

Я говорю:

— Первый раз слышу.

— Так вот, имейте в виду: вы никому фамилию свою называть не имеете права. Если вас будут спрашивать, отвечайте: № 29.

---

[1] Старообрядческое кладбище, расположенное вблизи станции Курская-Товарная, где формировался арестантский вагон.

— Борис Георгиевич, а об этом в решении, которое вам предъявили на Лубянке, ничего сказано не было?

— Нет. Ничего.

— А как это юридически оформлено было?

— Не знаю как.

— А почему с вами так по-особому обращались?

— Я так подозревал, что следователи ко мне относились более или менее, потому что там один работник ихний был, из НКВД смоленского. Я ему отметил документы без всяких придирок, что он из НКВД, никому не сообщал, так он и пережил. Потом вот он спрашивал про этого коммуниста — то же самое. Они знали, что немцы освобождали пленных под мое поручительство.

Я ему говорю:

— Запишите это, пожалуйста, в протокол допроса.

— Это вам никакой пользы не принесет. Вы освобождали врагов народа, вы изменников родины освобождали. Вы хлопотали у немцев за изменников родины и брали их себе на поруки. Это никакой пользы вам не принесет, — следователь говорил.

И про этого Шламовича то же самое. Я говорю:

— Запишите в протокол, что он спасся, остался жив.

— Он изменник родины, поэтому это никакого значения не имеет.

Но всё-таки они обходились без применения каких-нибудь мер. Вот, помню, Беляев всё приставал ко мне, был ли я членом НТС.

Я говорю:

— Не был.

Он опять.

Я говорю:

— Слушайте, если вы уж хотите очень, запишите, что был. В конце концов, не сделает это погоды.

— Нет, нам надо точно знать, действительно были вы или нет.

Я говорю:

— Если действительно, я вам говорю — не был. А если вы хотите, чтобы был — ну, запишите, что был.

— Нет, нам надо знать действительно.

И он так и записал.

Спрашивал меня и генерал [Федотов] про это:

— Были ли вы в НТС?

Я говорю:

— Нет, не был. — Это уже после, в Москве. — Не был.

— А почему?

— Мне, говорю, никто не предлагал, а сам я никакой инициативы в этом не проявлял.

— А почему вам не предлагали?

— Ну, — я говорю, — я же не могу на этот вопрос ответить. Если так, мое мнение, то я думаю потому, что НТС там возглавлял мой заместитель Гандзюк. Он знал меня как начальника по работе и знал, что если я там буду, то вряд ли я войду в подчинение к нему, и поэтому он не хотел. Но это лично мое мнение, а так я не знаю, почему мне не предлагали.

Допрос о блокноте Меньшагина

И третий вопрос, который и в Смоленске интересовал Беляева, и здесь генерала даже: откуда у меня взялся блокнот с грифом «Начальник Смоленского областного управления государственной безопасности»?[1]

...Но, якобы, я и сейчас не знаю сам, не видел, но мне Гандзюк прислал письмо, это когда я был в Чехословакии, в Карлсбаде, а он был в Праге, он мне прислал письмо и написал, что в Советском Союзе опубликовали акт комиссии, в которой участвовал академик медицины Бурденко и митрополит Крутицкий Николай и другие лица, в котором упоминается какой-то блокнот, где якобы я записывал об убийстве польских офицеров в Катыни.

О блокноте со мной говорил и Беляев в Смоленске, и генерал Федотов в Москве, и потом после этого Меретуков вызывал днем, не ночью, а днем, и пришла стенографистка и стенографически записала эти показания, откуда этот блокнот.

Потом они всё время спрашивали:

— В какой комнате это было? — Не помню ли я комнату?

Я говорю, что не обращал внимания, был ли там номер, но вот от входа по коридору и потом направо. И это всё стенографистка записывала. Единственный случай за все эти годы, что я там просидел, один раз только вызывали стенографистку для дословной записи вот этого показания о блокноте. И у меня создалось впечатление, что это они тянут кого-то из своих. А это будет обвинительный документ против того сотрудника, потому что ко мне они никаких придирок с блокнотом не делали.

Без фамилии

— Борис Георгиевич, а Вы мемуаров не пишете?

— Я писал. Писал во Владимире[2]. Помню, в 52-м году. Значит, туда я прибыл вечером 30 сентября. Вот тогда этот офицер встречал и сказал, что фамилии вы лишены.

---

[1] Далее в интервью Н. П. Лисовской следовал текст главки «Блокнот Меньшагина», помещенный в раздел «Во время войны».

[2] Во Владимирской тюрьме.

Ну, меня посадили в 3-м корпусе. Камера на 32 человека, но я один. Страшный холод был. Помню, что очень мучился от холода. На другой день одежду, которую выдали на Лубянке, это самое пальто и костюм, и шляпу, и белье, и рубашку — всё отобрали. Повели в баню, а когда я вышел из бани одеваться, то ничего не обнаружил, а лежала бязевая пара белья, полосатые брюки и полосатая куртка, синий бушлат. Ну, всё равно, было холодно там. Я в этой камере пробыл до 3 декабря того же 51-го года. Значит, октябрь, ноябрь и вот три дня декабря.

А после этого:

— С вещами! — и повели в корпус больничный, так называемый. Там — маленькие камеры на двух человек. И вот в одной из них заперли. Земляной пол был там. Так, полуподвальное помещение. И в этой камере я пробыл с 3 декабря 51-го до 10 июня 55-го. Три с половиной года.

А 10 июня 55-го пришел заместитель начальника тюрьмы по режиму Малыгин[1], спросил, есть ли вопросы, я говорю:

— Нет.

— Я вас переведу в другую камеру. Там вам лучше будет.

— Ну, если лучше, то, конечно, хорошо.

Он ушел, старший по корпусу сейчас:

— Собирайтесь с вещами, я вас в хорошую камеру переведу.

Ну... На третий этаж, 48-я камера была. Эта — седьмая, снизу. Тоже на два места камера. Но там, во-первых, светлее, теплее. Теплая камера. И потом это было в прилив либерализма, так что сняли козырьки с окон, и постовых прежде было два в каждом коридоре, поэтому один идет в одну сторону, а другой в другую, и всё время смотрят, а тут сократили, одного оставили.

И вот когда он по телефону разговаривал, — слышно, что он по телефону разговаривает, — я делал так: становился на табуретку и смотрел в форточку. А под окнами — прогулочные дворы. Таким образом я увидел людей: Андреева Даниила[2] увидел, Вы спрашивали меня про него, знаю ли я его, вот я видел, как он босой ходил зимой по снегу.

---

1 Правильно: Лавыгин, майор. По состоянию на 26 августа 1953 г. был даже врио начальника Владимирской тюрьмы (ГА РФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 51. Л. 116).

2 Андреев Даниил Леонидович (1906–1959), поэт и философ-мистик. В 1947 г. арестован и осужден на 25 лет. Во Владимирской тюрьме находился с 1948 г. до освобождения из-под стражи 23 апреля 1957 г. В тюрьме он работал над трактатами «Роза мира» (его главное сочинение) и «Железная мистерия», поэмами «Навна» и «У демонов возмездия» и другими произведениями. 10 ноября 1954 г. Андреев в заявлении на имя председателя СМ СССР Г.М. Маленкова писал: «Не убедившись еще в существовании в нашей стране подлинных, гарантированных демократических свобод, я и сейчас не могу встать на позицию полного и безоговорочного принятия советского строя». 10 августа 1956 г. из лагеря освобождают его жену А.А. Андрееву, 24 августа — их первое после его и ее арестов свидание. Накануне,

Потом, Шульгина я узнал, Василия Витальевича[1], бывшего члена 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум, которого советские украли в Югославии ночью. Схватили его, взяли на самолет и привезли в Москву — дали 25 лет и тоже на Особом совещании.

Он сидел там с грузином Беришвили[2]. Их группа была: Гогиберидзе[3],

---

23 августа, Комиссия Президиума Верховного Совета СССР снизила ему меру наказания до 10 лет тюрьмы. 21 июня Пленум ВС пересмотрел дело Д.Л. Андреева и отменил обвинения в его адрес. 11 июля 1957 г. Андреева реабилитировали.

1 Шульгин Василий Витальевич (1878–1976), депутат Госдумы и публицист, эмигрант. Арестован в январе 1945 г. в г. Сремски Карловцы. Во Владимирской тюрьме содержался в 1945–1956 гг. (приговорен к 25 годам, освобожден по амнистии), писал воспоминания.

2 Беришвили Шалва Несторович (1898–?), племянник министра правительства Грузии при меньшевиках Н. Рамишвили. Меньшевик, эмигрант (Париж), в 1930-е гг. неоднократно нелегально посещал Грузию с заданиями от Н. Жордания. В 1942 г. вновь проник в Грузию и добровольно сдался пограничникам. Почти два месяца проживал в Тбилиси на явочной квартире под контролем наркома внутренних дел ГССР А.Н. Рапавы. Арестован 13 января 1943 г. Осужден за участие в контрреволюционной группе по ст. 58-1а, 58-11 к 25 годам заключения. В 1952–1953 гг. полтора года пребывал во внутренней тюрьме МГБ в Тбилиси как свидетель по «мингрельскому делу» (Рапава и др.). Его показания использовались на процессе против Л. П. Берии. По п. 53 УПВС от 14 сентября 1956 г. он и Гогиберидзе (см. ниже) были досрочно освобождены. Но 26 октября того же 1956 г. та же инстанция отменила свой указ (ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 4414). Окончательно освобожден из тюрьмы около 1967 г. (сокамерник К. И. Осьмака на момент его смерти 16 мая 1960 г. См. URL: // HYPERLINK «https://web.archive.org/web/20070312084148/http:/forum.ottawa-litopys.org/documents/dos0201_u.htm» \t «_blank» https://web.archive.org/web/20070312084148/http://forum.ottawa-litopys.org/documents/dos0201_u.htm).

3 Гогиберидзе Симон Леванович (1900, с. Хидистави Озургетского у. Кутаисской губ. — 07.12.1970, Тбилиси), грузинский социал-демократ (меньшевик), участник вооруженной борьбы с турками в 1920, большевиками в 1921 и восстания в 1924 гг. В эмиграции парижский шофер, таксист. Автор мемуаров «Борьба за родину» (Париж, 1938, на груз. яз.). Был послан Н. Жордания в 1942 г. в Грузию через Турцию для рекогносцировки политической ситуации. Арестован 20 октября 1942 г. Осужден ОСО 30 сентября 1944 г. на 25 лет по ст. 58-1а, 58-11. Во Владимирской тюрьме — сокамерник С.О. Газаряна, Д. Андреева, В. Шульгина и Р. Пименова. Привлекательный образ Гогиберидзе запечатлен его сокамерниками (*Газарян С.О.* Это не должно повториться: Док. повесть // Литературная Армения. 1988. № 8. С. 45–46; *Пименов Р.И.* Воспоминания: В 2 т. М.: Панорама, 1996. (Документы по истории движения инакомыслящих; Вып. 6–7). Т. 2. С. 244–245; *Романов Б.Н.* Вестник, или Жизнь Даниила Андреева: биографическая повесть в двенадцати частях. М., 2011. С. 457–459). Согласно картотеке заключенных Владимирской тюрьмы, в 1952 г. на несколько месяцев этапировался в Грузию (по-видимому, в качестве свидетеля по делу А.Н. Рапавы). По п. 53 УПВС от 14 сентября 1956 г. он и Беришвили (см. выше) были досрочно освобождены. Но 26 октября 1956 г. снова арестованы (ГА

Беришвили и Папаридзе[1], кажется. Они из Франции уехали, когда началась война с Советским Союзом, в Турцию, в Турции перешли границу советскую. Их там поймали. Вот им, значит, шпионам, по 25 лет дали, тоже на Особом совещании. Они сидели там.

Потом этих украинок[2] узнал, и они узнали меня. Потом стали перестукиваться. Нет, перестукиваться — это я еще внизу сидел. Это 54-й год был. Стали стучать, а я не понимаю: знаю, что это азбука Морзе, но сам я азбуки не знаю. Поэтому так — тук-тук-тук — постучишь, и всё. Что, дескать, слышу. И вот однажды я гулял на дворе прогулочном, из соседнего спрашивают:

— Какая гуляет?

Я говорю:

— Седьмая.

И вдруг — шлеп — какой-то пакетик. Привязана к камушку бумажка, и на ней написана азбука Морзе. И вот, когда я вернулся, сразу застучали, и я смотрел на азбуку и отвечал им.

Был украинец Гнатюк. Он и второй, фамилию его не называли, он не по этому делу. Они отбывали наказание в Воркуте. И вот когда Берию посадили, там произошел мятеж, забастовка этих заключенных-украинцев. В них стреляли, они оба, которые в камере, ранены были там, и привезли их сюда, заменили тюремным заключением лагерь. Вот поместили их в больничный этот корпус, в полуподвальный этаж. А одного была фамилия Гнатюк, Иван Николаевич. Он так себя рекомендовал. Я спросил, за что́ он. Он сказал, что был партизаном. Значит, которые идут у нас под названием «бандеровцы». Я назвал себя тоже.

Потом их перевели. Помню, это было 11 мая, как раз день, когда со мной катастрофа произошла в 45-м году. В этот день их переводили. Помню хорошо. Я как раз сказал, что сегодня у меня такой траурный день. Ну, и пошло дело до Петрова дня, значит, 12 июля 54-го года.

Вдруг приходит в этот день заместитель начальника по оперчасти Крот[3]. И говорит:

РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 4414). Окончательно освобожден около 1967 г. См.: *Куталадзе Г.* Симон Гогиберидзе // Народное просвещение (Тбилиси). 1990. 23 сентября. С. 7–8.

[1] Фамилия «Папаридзе» в доступных нам сведениях о заключенных Владимирской тюрьмы не встречалась. В косвенной информации ЦРУ на 1954 г. значится Патаридзе Арчил Елисеевич (1900–?; ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 35902), но отождествить его с журналистом-эмигрантом нет оснований.

[2] На том же третьем этаже, где и Меньшагин, в конце 1960-х гг. сидели женщины-политзаключенные, в том числе и оуновки-«западэнки» — Дидык, Зарицкая и Гусяк (р. 1924). Далее речь идет об украинцах-«бандеровцах».

[3] О Д.И. Кроте, вернувшем Д. Андрееву рукопись «Розы Мира», см. в наст. изд., с. 211–212.

— Вы же знаете, что вы фамилии лишены, что вам нельзя называть фамилию свою! Зачем же вы перестукивались и называли свою фамилию? Если бы были еще такие же люди, как вы, [тогда] еще другой разговор, а те — бандиты! Убийцы! Вот сейчас они перешли в корпус и всем рассказали, что вот сидит человек, лишенный фамилии!

Ну что ж, ничего не скажешь. Действительно, было такое дело, что я рассказывал. Значит, я ничего ему не ответил.

— *Никаких кар не применяли?*

— Нет. «Не надо так делать! Не надо так делать!»

— *И сколько времени Вы были без фамилии?*

— Без фамилии я был до декабря 54-го года. Значит, ровно три года. С 1 октября 51-го года до декабря 54-го. А в 54-м году зашел один офицер и говорит: — Вам возвращена фамилия, вы можете пользоваться ею.

Мемуары

А еще в 52-м году начальник тюрьмы Журавлёв как-то делал обход Владимирской тюрьмы и говорит:

— Ну, что вы делаете?

Я говорю:

— Читаю вот.

— Вы бы мемуары писали.

Я говорю:

— Так на чем же я писать буду?

— Если вы хотите, я дам приказание, чтобы вам давали бумагу. Будут давать по пять листов три раза в месяц. 15 листов в месяц.

Ну, и давали. И вот, помню, в день своих именин, 15 мая 52-го года, ровно через год после того случая, я начал эти мемуары писать[1].

[2]С этого момента я начинал свои воспоминания, писавшиеся в камере №7 корпуса №2 тюрьмы №2 города Владимира с 15 мая 1952 года по 6 июня 1955 года.

Воспоминания эти были посвящены моей жизни, работе и переживаниям за время с 22 июня 1941 и по 30 сентября 1951 года, то есть по день моего прибытия во Владимирскую тюрьму № 2[3]. Я тогда еще очень живо сохранял в памяти всё пережитое в эти годы во всех его деталях и переложил его на бумагу, придерживаясь правила писать правду и только

---

[1] Работа над ними закончилась 6 июня 1955 г., спустя 3 с лишним года. Всё это время Меньшагин находился в камере 2-7.

[2] Следующие пять абзацев — фрагмент из «Воспоминаний о пережитом».

[3] В интервью Н. П. Лисовской называлась другая дата — 28 мая 1945 г. (явка в следственные органы в Карлсбаде).

правду, ничего не выдумывая, не скрывая своих ошибок и заблуждений, но в то же время избегая и лицемерного осуждения себя.

Записки эти хранились у меня в камере, а в марте 1970 года их взял у меня в связи с предстоявшим освобождением начальник тюрьмы В. Ф. Завьялкин. Когда я освобождался 28 мая 1970 года, он был в отъезде, а замещавшие его сказали, что об этих записках им ничего не известно. На мой письменный запрос в июне 1970 года было сообщено, что, «по заключению компетентных органов», моя рукопись возвращению не подлежит.

Поэтому я снова попытаюсь восстановить содержание тех записок, хотя, конечно, за истекшие после их окончания 17 лет некоторые детали, фамилии, даты и т. п. ушли из памяти.

Многое из моей адвокатской практики может, на мой взгляд, представлять некоторый общественный интерес, но как тогда, так и сейчас я обращаюсь к годам войны для осуществления своего права на защиту, гарантированного Конституцией СССР — статьей 11-й. Хотя я пробыл на положении подследственного с 28 мая 1945 года по 12 сентября 1951 года, то есть 6 лет и $3^1/_2$ месяца, письменного документа, фиксирующего точно мои собственные слова, в деле нет, ибо все они вжимались в определенные, заранее установленные штампы и формулировки, одинаково подходящие и ко всем и ни к кому.

[1]Я начал с предвоенной ситуации, войну, как я в первый день войны, 22 июня 41-го года уехал в Москву на процесс, что там я видел, какие разговоры там слышал, что уже «взяты» и Варшава, и Хельсинки, и Бухарест. Эти разговоры происходили в магазине. Помню, я зашел пол-литра взять: я у шурина своего останавливался. Там очередь стояла, и разговор такой был, что́ мы уже взяли. А наутро, там еще был, я услышал, что оставлены Брест и Ломжа[2]. Вот, значит, далеко не Варшава и не Хельсинки.

Это я всё писал и потом — [всю] свою деятельность...

Целая такая папка получилась, довольно толстая, лежала у меня в камере.

Улучшение режима и тюремная библиотека

....Уже в это время я жил там в сносных условиях. Во-первых, с 1 октября 55-го года я получал больничное питание, причем безо всякой своей просьбы, мне дали врачи. Потом два часа прогулки мне дали вместо часа, который... И обхождение было со мной — я не могу пожаловаться:

[1] Далее и до конца главки — текст из интервью Н. П. Лисовской.
[2] Брест был оккупирован Вермахтом 22 июня, а Ломжа — 24 июня 1941 г.

никаких таких притеснений, оскорблений не встречал. Отношение было хорошее со стороны этих надзирателей, они вступали в разговор, особенно во время прогулок. Остановится, значит: «Ну, что там сегодня слышно по радио? Вы слушаете ведь радио?» Или: «Что в газетах там?»

Радио с 57-го поставили в камеру. Так что это было большое дело.

Сначала в 56-м поставили громкоговоритель. И вот о венгерских событиях я громкоговоритель слушал. Причем, когда он очень сильно кричит, то получается, что плохо слышно. Плохая слышимость. А в 57-м году, в июне, провели в камеру. Репродуктор стоял, так что я всегда уже в шесть часов слушал последние известия — что́, ка́к.

А в общем жить еще можно было, тянуть.

Потом я стал работать. С Рождества, 7 января 57-го года, для библиотеки.

В декабре ходил начальник тюрьмы Козик с обходом.

— Ну, что? Какие вопросы есть?

Я говорю:

— Очень плохо стало с книгами, потому что все книги, которые более или менее явственно записаны, я уже перечитал. А многие там так, что не поймешь. Вот возьмите даже такой пример — Пушкин. Ведь он многотомный, разные издания. А записано всё в одну графу, и номера проставлены. А что, вот если я хочу «Евгения Онегина» прочесть, то я даже не знаю — какую книгу мне надо выписать? И так вот в отношении всех многотомных. Потом иногда редактор записан вместо автора...

— А вы бы нам помогли.

— Ну, так это, — я говорю, — не от меня же зависит. Если будет возможность, я пожалуйста, с удовольствием.

— Я дам распоряжение заведующему библиотекой, чтобы он с вами переговорил, и, чтобы, какие вам нужны материалы, все бы вам предоставил сюда. А вы займитесь.

Ну, и вот 7 января он мне притащил каталоги, все инвентарные книги. Значит, делать новые каталоги.

И я занялся этой работой. Сделал, потом кто-то их отпечатал в нескольких экземплярах, и они ходили. Ну, к 63-му году они уже обветшали, так что я смотрел, что надо было бы их возобновить. Правда, я всё вписывал после. Все новые книги приносили ко мне, я их приходовал, ставил штампы, записывал в инвентарную книгу. И платили за это 2 рубля 50 копеек в месяц.

И на 2 рубля 50 копеек в месяц разрешалась выписка из ларька, так что я, помимо этого, стал получать [дополнительное питание]. Я брал, значит, конфеты, купил, потом белую булку купил, это батон такой, потому что хлеб нам давали буханками — серый, а это батоны и вкусные, и свежие. Брал, допустим, сто-двести грамм...

Мне пришлось три раза делать инвентаризацию, так что все книги я видел сам. Туда в свое время передали библиотеку Суздальского политизолятора[1]. Когда-то в Суздале, в Спасо-Евфимиевском монастыре, был концлагерь специально для политических. Потом этот расформировали, а в Спасо-Евфимиевом монастыре чуть ли не музей какой-то сделали, не знаю, что сейчас, а библиотеку эту передали во Владимирскую тюрьму.

Владимирская тюрьма — старой постройки, за исключением первого корпуса, где обычно пятьдесят восьмая сидела. Значит, четвертый корпус — бывшая церковь. И камеры есть, и церковь там была. Церковь — большое помещение; я-то не был, но рассказывали мне постовые эти, дежурные. И в этой церкви сидел один человек только. Да, это сын вождя народов — Василий Иосифович Сталин[2].

Этого Сталина посадили в сентябре 53-го года. За дебош, который он устроил в заседании Политбюро ЦК КПСС. Он туда явился пьяный, стал стучать кулаком по столу, накричал на Хрущева, Маленкова: «Я вам покажу! Вы отца моего уморили!» Ну, вот его, значит, забрали, посадили и поместили во Владимирскую тюрьму, привезли, но поместили его отдельно ото всех вот в эту церковь, в помещение бывшей церкви тюремной. Ну, туда привозили к нему (или сами они приезжали) — его, так сказать, жен. Среди них была дочка маршала Тимошенко, который, значит, недавно умер, и еще несколько человек. Они там, значит, дня по три, по четыре жили с ним в этой церкви; ну и, значит, посылки, передачи ему всякие передавали. Ограничений в этом отношении для него не было.

Режим в тюрьме ухудшился, правда, с 61-го года существенно ухудшился. Ухудшения начались с 58-го.

С 54-го до 58-го — это был период улучшений. Улучшалось всё.

---

1 Суздальский политизолятор (спецтюрьма) размещался в Спасо-Евфимиевом мужском монастыре в Суздале в 1923–1939 гг. Впоследствии здесь содержались различные другие пенитенциарные учреждения СССР. В 1968 г. в монастыре открылся музей.

2 Более точные сведения сообщены Светланой Аллилуевой в «Двадцати письмах к другу»: арестован 28 апреля 1953. Приговором Военной Коллегии ВС СССР осужден на 8 лет тюрьмы. Во Владимире пробыл с 1955 (?) до января 1960 г. Срок был сокращен до фактически отбытого, но в апреле 1960 г. Генеральный прокурор внес протест на неоправданное сокращение срока, протест был удовлетворен, а В. И. Сталин возвращен отбывать срок до конца. Василий Сталин женился на Екатерине Семеновне Тимошенко ок. 1945 г. (Веч. Москва. 1988. 8 октября). По устному рассказу Юрия Романовича Шухевича, сидевшего во Владимире в конце 1960-х гг., В. И. Сталин действительно содержался в камере на третьем этаже 4-го корпуса тюрьмы (рядом с библиотекой, устроенной в бывшей церкви) и значился под фамилией «Васильев». Умер через год после освобождения — 19 марта 1962 г. в Казани (о его жизни в Казани см.: *Литвин А.* Последний год Василия Сталина // Известия. 1993. 2 октября).

В 58-м году, помню, ко мне пришел старший по корпусу, говорит:

— Может быть, вы телевизор хотите посмотреть?

Я говорю:

— Конечно, хочу! Я в жизни своей не видел телевизора еще.

— Ну, так вот: тогда сейчас я зайду, минут через двадцать, и пойдем телевизор смотреть.

Ну, и правда. Вот так я видел телевизор.

Через некоторый период другой тоже приходит:

— Хотите телевизор?

Но я один смотрел. Уже никого там не было. Обычно там по камерам или даже соединяли некоторых, а я смотрел всегда один, потому что общение с другими лицами было запрещено. Почему вот и фамилии был лишен.

Фамилию вернули в декабре 54-го года. Разрешили теперь под своей фамилией быть! А до этого был — вот с 1 октября 51-го и до декабря 54-го — номер 29. А тут, значит, восстановили. Ну, потом, в сентябре 54-го года вдруг принесли шляпу, пальто, костюм, белье, которые отобрали тогда.

— А это вы отдайте, сдайте нам — полосатое всё.

И уж я ходил потом в своей одежде, как человек. Это было в сентябре 54-го года.

В декабре 54-го вернули фамилию. Теперь: в апреле 55-го года дали второй час прогулки, с 1 октября 55-го года — больничное питание (врачи относились ко мне там хорошо; большинство считало, что я там — ну, незаконно нахожусь, потому что никаких судов — ничего не было).

Амнистия 1955 года и отказ в ее применении

17 сентября была амнистия 55-го года — лицам, сотрудничавшим с немцами. Причем было сказано, что амнистия не применяется только к осужденным за убийства и истязания советских граждан.

Ну, ко мне пришел заместитель начальника тюрьмы по оперчасти Крот[1] и сказал:

— Мы применили к вам амнистию, она сейчас послана на утверждение. Так что, вероятно, в этом месяце вы от нас поедете.

Так все шло вроде, значит, к лучшему, но — нету, и нету, и нету. Я стал спрашивать про это утверждение.

— Мы запрашивали. Никакого ответа нет.

Потом начальник тюрьмы Козик пришел и говорит, что «нам сообщили, что сюда прибудет комиссия Президиума Верховного Совета СССР

---

[1] Крот Давид Иванович.

для пересмотра всех вот этих политических дел. И ваше дело будет пересматриваться. Вас вызовут в эту комиссию». Потом я слышу от постового, когда гулял. Подходит.

— Комиссия приехала. Разгрузочная, освобождать будут.

Значит, несколько раз [спрашивал]:

— Ну, еще не вызывали вас?

Я говорю:

—Нет, не вызывали.

Потом однажды подошел:

— Что же вас? Отказали вам?

Я говорю:

— Да нет, меня не вызывали.

— Не вызывали совсем? А они уже уехали!

Я тогда пошел к старшему, говорю:

— Попросите ко мне заместителя начальника тюрьмы по оперчасти.

Пришел Крот этот, заместитель начальника тюрьмы по оперчасти, и говорит:

— Мы разбирали и предлагали ваше дело. Они сказали, что это дело им неподведомственно, и отправили на разрешение к секретарю ЦК КПСС Аристову[1]. Вот вам надо написать Аристову.

Я написал Аристову. И 4 декабря 56-го года пришел ответ из Прокуратуры СССР, где сказано, что «амнистия к вам применена не будет».

Я писал: «Почему?». В Указе прямо сказано — «за исключением»: если убить я кого убил или истязал. Пусть напишут, кого я [убил или истязал]. Ведь у меня же никакого суда не было. Ничего — и впоследствии не было. [2]Ведь я-то знаю, что внесудебным порядком тех лиц разбирают, для которых нет достаточных доказательств. Никакого толку, ничего, так и до самого конца. Так и не сказали, почему не применена амнистия.

— А когда 25-летний срок был заменен 15-летним максимальным, тоже вы этого никак не почувствовали?

— Тогда большие ожидания были, но мне не верилось. И вот почему. 26 декабря мы получили газету «Известия» с текстом основ уголовного

---

[1] Аристов Аверкий Борисович (1903–1973) — советский и партийный деятель, дипломат. В 1952–1953 и в 1955–1960 гг. — секретарь ЦК КПСС. В 1955–1957 гг. в сферу его компетенции входило курирование отдела административных органов ЦК КПСС, контролировавшего работу КГБ, МВД, судебной системы, прокуратуры, а также Вооруженные Силы. Аристов руководил процессом реабилитации осужденных за политические преступления, входил в созданную по предложению Н. С. Хрущёва на заседании Президиума ЦК 31 декабря 1955 г. рабочую комиссию по воссозданию общей картины репрессий 1930-х гг., отчет которой Хрущёв использовал в своем секретном докладе на XX съезде КПСС.

[2] Далее и до конца главки — текст из интервью Н. П. Лисовской.

законодательства, которые приняли на сессии Верховного Совета в декабре 58-го года[1]. Я сразу посмотрел вводный закон. Там сказано: обратной силы не имеет.

Потом я имел привычку читать и книги конспектировал себе некоторые... такого философского характера, или Ключевского[2] я законспектировал, Соловьёва. Они были куплены библиотекой по моей рекомендации.

— *Где, во Владимире куплены?*

— Во Владимире.

— *Соловьёв?*

— Да, Соловьёв Сергей Михайлович[3].

— *И сейчас в библиотеке есть эти книги?*

— Есть. Должны быть, если не порвали их. По-моему, его могила на Новодевичьем кладбище, около монастыря. Сергей Михайлович там, Владимир Сергеевич[4], потом вот эта поэтесса, как её... Поликсена Аллегро[5], вся семья их там.

Когда подходить стал срок к концу, во-первых, я предпринял такую еще акцию. Я написал заявление, что фактически я явился с повинной, как написано там, в следственном деле, 28 мая 1945 года. А срок мне признан с 7 июня, с того дня, когда прокурор дал санкцию на арест. А до этого я без санкции. Но фактически-то я сидел, это видно в деле. Десять дней, да. И что вы думаете? Прокуратура внесла представление в Верховный суд РСФСР, и Верховный суд РСФСР в закрытом заседании рассматривал это дело и вынес определение: изменить постановление Особого совещания, и срок считать не с 7 июня, а с 28 мая. Так что эти десять дней я оттягал.

— *И все 25 лет вы пробыли?*

---

[1] См.: Закон об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик // Известия. 1958. 26 декабря. С. 2.

[2] Ключевский Василий Осипович (1841–1911) — великий русский историк. Среди конспектов Меньшагина встречаются следующие работы Ключевского: «Курс русской истории» в 5 т., «Боярская дума Древней Руси», «Императрица Екатерина Вторая», «Петр Великий среди своих сотрудников», «Лекции по русской историографии», «С. М. Соловьев как преподаватель», «Памяти С. М. Соловьева», «Памяти А. С. Пушкина», «Подушная подать и отмена холопства в России. Отмена крепостного права», «Курс лекций по источниковедению», «Терминология русской истории», «История сословий в России» (*АММ*).

[3] Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) — великий русский историк. Среди конспектов Меньшагина встречается и работа Соловьёва «История России с древнейших времен» (*АММ*).

[4] Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) — русский религиозный философ, сын С. М. Соловьёва.

[5] Соловьева (Allegro) Поликсена Сергеевна (1867–1924), поэтесса, дочь С. М. Соловьёва.

— День в день, день в день. С 28 мая 1945 года и до отправки из Смоленска 30 ноября 45-го года я был все-таки с людьми еще. А уже с 30 ноября 45-го года, на Лубянку когда прибыл, здесь — одиночка, и до 26 июля 63-го года, до Мамулова. Потом Мамулов с 26 июля по 10 ноября того же 63-го года, значит, три с половиной месяца. Потом я опять один. До 22 января 64-го года, когда меня — к Штейнбергу.

Письмо Хрущеву и отказ от командировки в Минск

...Когда прибыл [в 1939 году] после отбытия десятилетнего заключения священник Домуховский Николай[1], я смотрел как на чудо: десять лет провел в заключении!

Шутка сказать! А потом побил [рекорд] — 25 пробыл. День в день. С 28 мая 45-го по 28 мая 70-го.

С 26 июля по 10 ноября шестьдесят третьего года с Мамуловым я был, бывшим заместителем министра внутренних дел СССР. И потом с 22 января 64-го по 8 января 66-го со Штейнбергом, а потом опять один.

А почему они ко мне посадили этих лиц — тут так получилось. 63-й год был объявлен каким-то юбилейным годом в честь Декларации Прав Человека, которую приняла в 48-м году Организация Объединенных Наций. И в «Правде» была статья[2], что вот «Декларация» Организации Объединенных Наций о Правах Человека, статья 11 которой говорит, что законно осужденным является тот, кто осужден открытым судом с обеспечением прав на защиту; а вот в Испании, Португалии и Греции эта статья систематически нарушается.

Ну, когда прочитал эту статью, я написал Хрущеву, что вот с удовольствием прочел в «Правде» статью в таком-то номере о «Декларации прав человека» и о нарушениях ее в Испании, Греции, Португалии. Но должен сказать, что нарушения не только в этих упомянутых странах, но и в Советском Союзе, причем я являюсь живым доказательством этих

---

[1] См. о нем и о его брате в наст. изд., с. 473–474.

[2] Такой статьи в «Правде» (а также о «Известиях») за период времени с октября 1962 по май 1963 г. обнаружить не удалось. Во второй половине декабря 1962 г. газеты печатали материалы о процессе над компартией США, которая отказывалась зарегистрироваться в качестве «агента иностранной державы». Процесс совпал с объявленной президентом Дж. Кеннеди Неделей прав человека — с 10 декабря, даты провозглашения Всеобщей декларации прав человека, до 17 декабря. В советских газетах говорилось о том, что «в случае объявления президентом чрезвычайного положения могут быть заключены без следствия и суда любые лица, которые, по мнению министра юстиции, могут в будущем угрожать “национальной безопасности”» (*Михеев И.* Позорная неделя // Известия. 1962. 19 декабря). Об отсутствии «квалифицированного и надежного адвоката» писали в апреле 1963 г. в связи с процессом испанского коммуниста Хулиана Гримау, казненного 20 апреля 1963 г.

5

№ 160/23.

НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ

УКАЗ ПРЕЗИДІЇ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
УКАЗ ПРЭЗІДЫУМА ВЯРХОЎНАГА СОВЕТА СССР
SSRI BAŞ SOVETI PREZIDIUMUNUN FØRMAKЬ

SSSR JOKARЬ SOVETI PREZIDIUMЬNЬŅ UKAZЬ
SSSR ALIJ SOVETI PREZIDIUMINIŅ UKAZI
UKAZI PREZIDIUMI SOVETI OLIJI SSSR
SSSR ÖLЬ SOVETJ PREZIDIUMЬNЬŅ UKAZЬ
SSSR ÇOQORQU SOVETI PREZIDIUMUNUN UKAZЬ

экз. № 1

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников.

В освобожденных Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков городах и селах обнаружено множество фактов неслыханных зверств и чудовищных насилий, учиненных немецкими, итальянскими, румынскими, венгерскими, финскими фашистскими извергами, гитлеровскими агентами, а также шпионами и изменниками родины из числа советских граждан над мирным советским населением и пленными красноармейцами. Многие десятки тысяч ни в чем неповинных женщин, детей и стариков, а также пленных красноармейцев зверски замучены, повешены, расстреляны, заживо сожжены по приказам командиров воинских частей и частей жандармского корпуса гитлеровской армии, начальников гестапо, бургомистров и военных комендантов городов и сел, начальников лагерей для военнопленных и других представителей фашистских властей.

Между тем, ко всем этим преступникам, виновным в совершении кровавых расправ над мирным советским населением и пленными красноармейцами, и к их пособникам из местного населения применяется в настоящее время мера возмездия, явно не соответствующая содеянным им злодеяниям.

Имея в виду, что расправы и насилия над беззащитными советскими гражданами и пленными красноармейцами и измена родине являются самыми позорными и тяжкими преступлениями, самыми гнусными злодеяниями, Президиум Верховного Совета СССР п о с т а н о в л я е т:

6

2.

о немецкие, итальянские, румынские, вен-
истские злодеи, уличенные в совершении
гражданского населения и пленных красно-
ионы и изменники родины из числа совет-
я смертной казнью через повешение.

естного населения, уличенные в оказании
совершении расправ и насилий над граж-
пленными красноармейцами, караются ссыл-
ты на срок от 15 до 20 лет.

ел о фашистских злодеях, виновных в рас-
д мирным советским населением и пленными
акже о шпионах, изменниках родины из чис-
и о их пособниках из местного населения возложить на военно-полевые суды, образуемые при дивизиях действующей армии в составе: председателя военного трибунала дивизии (председатель суда), начальника особого отдела дивизии и заместителя командира дивизии по политической части (члены суда), с участием прокурора дивизии.

4. Приговоры военно-полевых судов при дивизиях утверждать командиру дивизии и приводить в исполнение немедленно.

5. Приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов при дивизиях – повешение осужденных к смертной казни – производить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и кто предает свою родину.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР –
(М.Калинин)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР –
(А.Горкин)

А. Горкин

Москва, Кремль
19 апреля 1943 года.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943. Оригинал

1

ПРОТОКОЛ № 40

Заседания Особого Совещания при Министре Государственной безопасности Союза ССР

от 12. сентябр…

Председатель Зам. Министр Государственной безопасности Союза ССР — тов. ОГОЛЬЦ…

Заместитель Генеральный прокурор Союза ССР — тов. ХОХЛОВ

Члены совещания:

Заместители Министра Государственной безопасности Союза ССР — тов. ГОГЛИДЗ…, тов. МИРОНЕН…, тов. САВЧЕН…, тов. КОНДАК…

Присутствовали: Военные прокуроры войск МГБ СССР т.т. АНДРЕ… НОВИКОВ, ВИТИЕВСКИЙ, ЛУКАШОВ, КУРАСКУА, ЕМ… САМОЙЛОВ.

Прокуроры отдела по спецделам Прокуратуры С… т.т. ТЕФАЕВ, СИМОНЯН, ШАХОВСКАЯ, ШАРУТИН, С… ЛЕОНТЬЕВ, ДОРОН, ВАСИН.

Заместитель Нач. секретариата Особого Совещания — тов. БОРОВ…

№№ п/п	СЛУШАЛИ	ПОСТАН…

- 83 -

№№ п/п	СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
233.	Дело № 10035 2 ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР- по обвинению - МЕНЬШАГИНА Бориса Георгиевича 1902 года рождения, уроженец гор. Смоленска, русского, гр. СССР, из дворян, беспартийного, с высшим юридическим образованием. Обвиняется по части 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.1У.1943 года.	МЕНЬШАГИНА Бориса Георгиевича за измену Родине и предательскую деятельность, заключить в ТЮРЬМУ сроком на ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ лет, считая срок с 7 июня 1945 года.

Председатель Зам. Министра Государственной безопасности Союза ССР — / С. ОГОЛЬЦОВ /

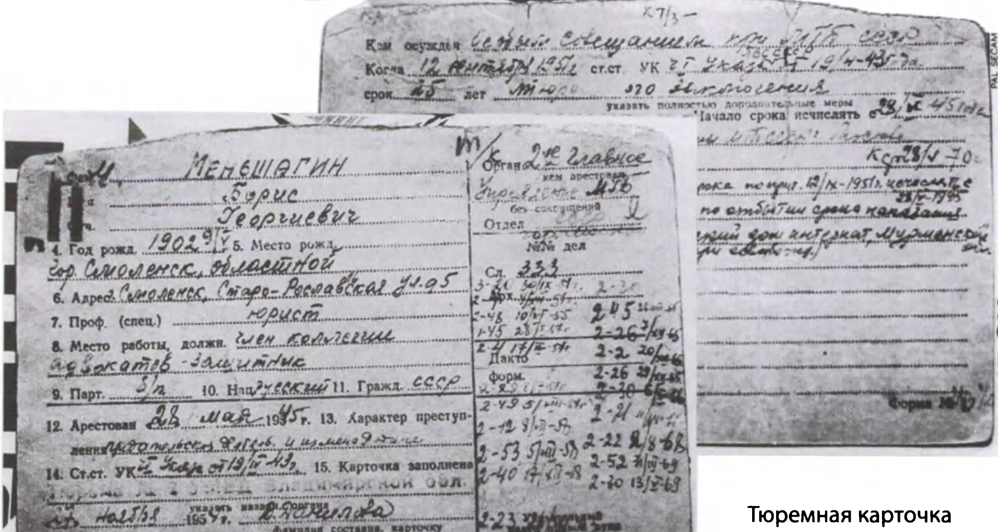
Заместитель Генеральный прокурор Союза ССР — / Н. ХОХЛОВ /

Члены совещания:

Заместители Министра Государственной безопасности Союза ССР — / С. ГОГЛИДЗЕ / / П. МИРОНЕНКО / / И. САВЧЕНКО / / П. КОНДАКОВ /

Заместитель - Нач. секретариата Особого Совещания — / И. БОРОВКОВ /

Выписка из протокола Постановления Особого совещания при МГБ СССР от 12 сентября 1951

Кем осужден Особым Совещанием при МГБ СССР
Когда 12 сентября 1951 г. ст.ст. УК 1 ч. Указа от 19/IV-43 г.
срок 25 лет тюрьмы
Начало срока исчислять с 28/V 45 г.

Меньшагин
Борис
Георгиевич
4. Год рожд. 1902 5. Место рожд. гор. Смоленск, областной
6. Адрес г. Смоленск, Старо-Рославльская ул. 95
7. Проф. (спец.) юрист
8. Место работы, должн. член коллегии адвокатов-защитник
9. Парт. б/п 10. Нац. русский 11. Гражд. СССР
12. Арестован 28 мая 1945 г. 13. Характер преступления
14. Ст.ст. УК 1ч. Указа от 19/IV-43 г. 15. Карточка заполнена
Орган 2-е главное управление МГБ
Отдел
№№ дел
Сл. 233
Дакто
форм.
Форма № 1

Тюремная карточка Б. Г. Меньшагина

Владимирская тюрьма. *1955*

Внутренний двор Владимирской тюрьмы. *1956*

Тюремный коридор больничного корпуса. *1956*

Камера

Т. М. Козик, начальник тюрьмы в 1955–1958 гг.

В. Ф. Завьялкин, начальник тюрьмы
в 1964–1976 гг.

Собрание личного состава Владимирской тюрьмы

ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

П Р О Д О Л Ж А Е Т С Я

Х Р О Н И К А   ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

> Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.
>
> Всеобщая Декларация Прав Человека, ст. 19

31 декабря 1970 года.

Выпуск № 17

СОДЕРЖАНИЕ: СУД над Амальриком и Убожко. Последнее слово Андрея Амальрика
Суд над Валентином МОРОЗОМ.- Письма СОЛЖЕНИЦЫНА НОБЕЛЕВСКОМУ ФОНДУ. - Комитет Прав Человека в СССР.- Общественные выступления вокруг процесса ПИМЕНОВА, ВАЙЛЯ И ЗИНОВЬЕВОЙ.- -Ленинградский процесс "самолетчиков".-Процессы прошлых лет: дело УНФ.-Преследования евреев, желающих выехать в Израиль. -О РИГЕРМАНЕ, американском гражданстве и Советской милиции. -О судьбе Фрида МЕНДЕРА.-Политзаключенные мордовских лагерей.-Краткие сообщения.-Новости самиздата.

22. В конце мая 1970 г. из Владимировской тюрьмы освободился Борис Георгиевич МЕНЬШАГИН, 1902 г.р. С 1945 по 1951 гг. он содержался в следственной тюрьме КГБ на Лубянке. После этого – 10 лет во Владимире.

В 1941 г. находился в Смоленске и, по непроверенным источникам, был свидетелем "Катынской трагедии".

После освобождения был поселен в пос. Княжия Губа, Мурманс.обл., в доме для престарелых.

23. 5 ноября прекращено дело ТЕЛЬНИКОВА-ВИШНЕВСКОЙ, обвинявшихся по ст. 191-1 УК РСФСР. Они были задержаны 7 июля у здания мосгорсуда во время процесса над Н.ГОРБАНЕВСКОЙ /см."Хронику" 15,16/.

24. 29 декабря 1970 г. закончилось следствие по делу А.Э.ЛЕВИТИНА-КРАСНОВА /см. "Хронику" 15/. Ему инкриминируется ст. 190-1 и ст. 142-1 УК РСФСР /клевета на советскую действительность и подстрекательство к нарушению законов об отделении церкви от государства/ Дело передается в Мосгорсуд. С августа ЛЕВИТИН находился на свободе, с него была взята подписка о невыезде.

25. По многочисленным просьбам читателей Хроники сообщает известные имена, дни рождений и адреса детей политзаключенных и политических ссыльных:
Айдова Марина, 13 июня 1962 г.-г.Кишенев, ул.Ленина 64 кв.87
Горбаневский Ясик 5 сент.1961 г., Горбаневский Ося, 14 мая 1968 г. Москва, Новопесчаная ул. 13/3 кв.34.
Габай Алеша, 13 фев.1968г. - Москва, Новолесная ул.18 корп. д.2 кв.6
Красины: Шурик, 15 июня 1960г., Петя, 20 окт. 1961г., Алеша, 10 окт.

Публикация новости о выходе Б. Г. Меньшагина на свободу в «Хронике текущих событий»

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

РАБОТА ДЛЯ ПОЛУЧАТЕЛЕЙ «ВЕЛФЭР»

О ТОМ – О СЕМ

Советские документы

Движение в защиту прав человека в Советском Союзе продолжается

21. В конце мая 1970 года из Владимирской тюрьмы освободился Борис Георгиевич Меньшагин, 1901 г. р. С 1945 по 1951 гг. он содержался в следственной тюрьме КГБ на Лубянке. После этого — 18 лет во Владимире.

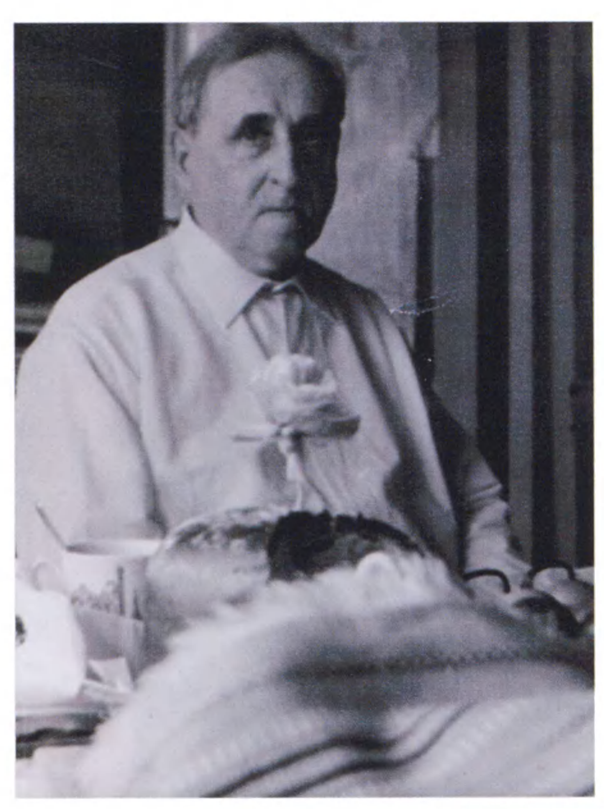
В 1941 г. находился в Смоленске и, по непроверенным источникам, был свидетелем «катынской трагедии».

После освобождения был поселен в пос. Княжая Губа, Архангельской обл., в доме для престарелых.

Публикация новости о выходе Б. Г. Меньшагина на свободу в «Новом русском слове» (Нью-Йорк)

Б. Г. Меньшагин. *1972*

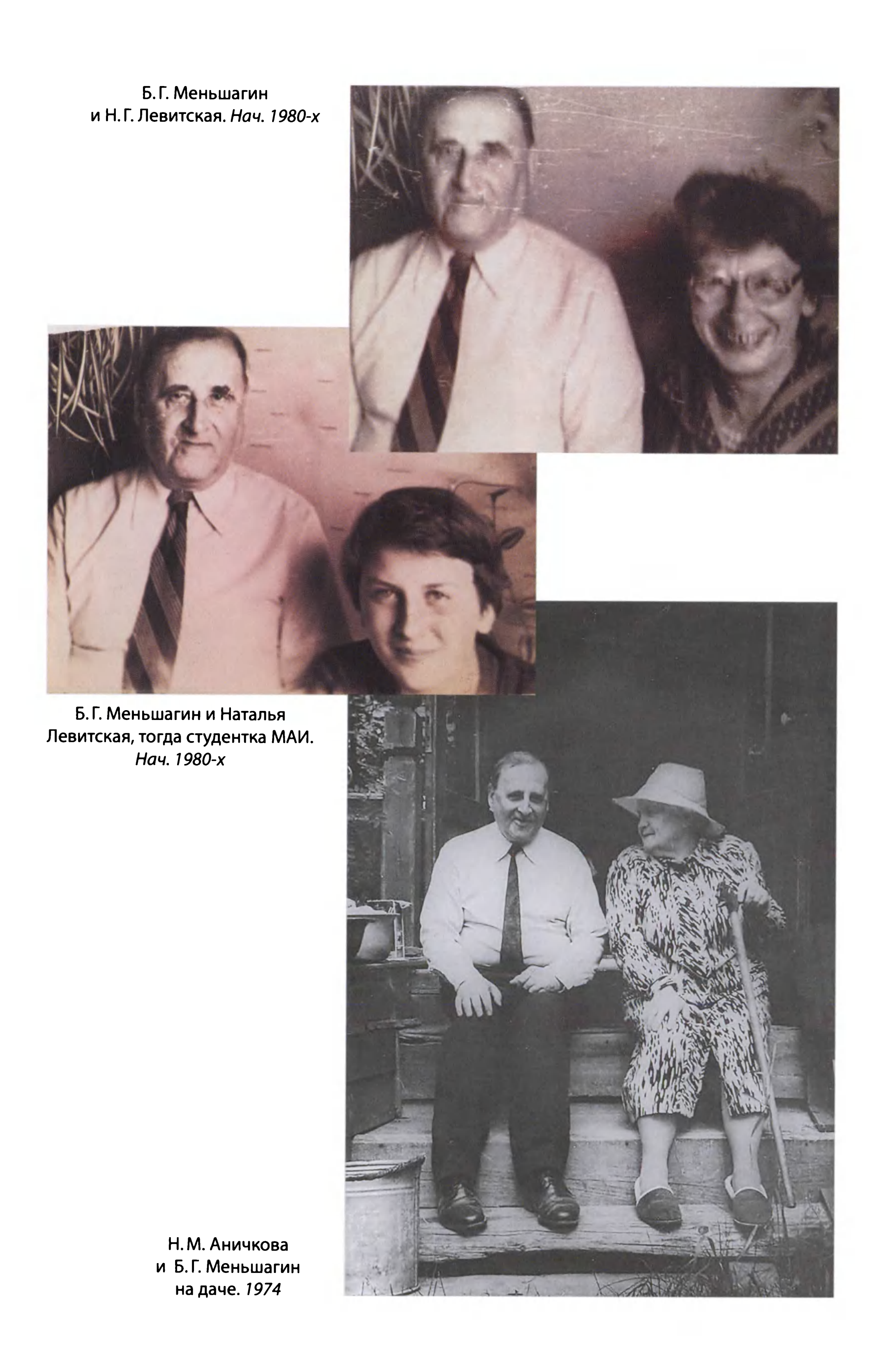
Б. Г. Меньшагин. *Нач. 1980-х*

Б. Г. Меньшагин
у Н. Г. Левитской
на Б. Пироговской.
1980, на Пасху

Б. Г. Меньшагин.
Нач. 1980-х

Б. Г. Меньшагин
и Н. Г. Левитская. *Нач. 1980-х*

Б. Г. Меньшагин и Наталья
Левитская, тогда студентка МАИ.
Нач. 1980-х

Н. М. Аничкова
и Б. Г. Меньшагин
на даче. *1974*

С архиепископом
Саратовским Пименом,
Саратов. *1982*

Б. Г. Меньшагин и Г. Т. Дидык.
1973

Б. Г. Меньшагин
и И. В. Дороднова. *1983*

Г. И. Дьяконов после войны

Н. Г. Левитская. *1985*

A.E.F. D.P. REGISTRATION RECORD

(1) Registration No. 9 1 0 6 5 0 3 9 9 024.190 Original ☐ Duplicate ☐

For coding purposes A. B. C. D. E. F. G. H. I. J.

Adaption: Klein Nadejda
~~Menschagina~~ Nadia

M. ☐ F. ☑ Single ☑ Widowed ☐ Married ☐ Divorced ☐

(2) Family Name — Other Given Names — (3) Sex — (4) Marital Status — (5) Claimed Nationality

29 X 40 Riga Latvia orthodox

(6) Birthdate — Birthplace — Province — Country — (7) Religion (Optional) — (8) Number of Accompanying Family Members:

(9) Number of Dependents: — (10) Full Name of Father — Marija — (11) Full Maiden Name of Mother

(12) Desired Destination — City or Village — Province — Country

(13) Last Permanent Residence or Residence January 1, 1938. — City or Village — Province — Country

(14) Usual Trade, Occupation or Profession — (15) Performed in What Kind of Establishment — (16) Other Trades or Occupations

(17) Languages Spoken in Order of Fluency a. b. c. — (18) Do You Claim to be a Prisoner of War Yes No — (19) Amount and Kind of Currency in your Possession

(20) Signature of Registrant: Menschagina — (21) Signature of Registrar: — Date: 12/11/ — Assembly Center No.

(22) Destination or Reception Center: — Name or Number — City or Village — Province — Country

(23) Code for Issue 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28

(24) Remarks

Stepfather: Viktor
mother: Maria
sister: Elena

Tr. to R.C. for emigr. to USA 11.4.50, R. 213

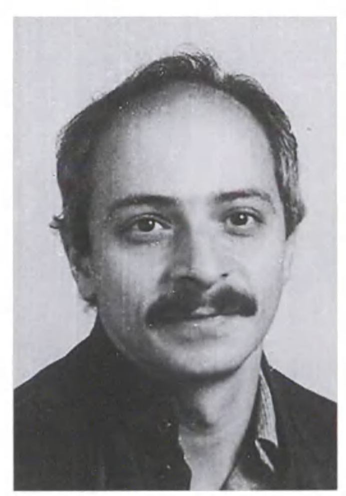
Registration
Munich
DP-2

Н. Б. Кляйн-Меньшагина. Регистрационная карточка ДиПи. *1945*

В. И. Лашкова. *Ок. 1970.*

Г. Г. Суперфин. *1978*

Г. Г. Суперфин. *1990-е*

Рейх, редактор газеты „Новый п(уть)“ военнопленный ст. лейтенант Га(...) „РОА“, т.е. начальник тоже 9. Проехав по Витебскому шоссе от Смоленска, наша машина сразу же в нос ударил от... нём запах. Вскоре мы увиде(ли) ямы на краям длинной з... Все трупы были одеты в ... служачик; на головах были ст... кокардами, у некоторых вмест(о) кресты. Лица у всех были ч... ровной сзади спины. На заты(лке) от пистолетного или ружейного в(ыстрела) штабеля лежали 2 трупа, отличав(шиеся) красными лампасами на брюках.

Б. Г. Меньшагин. Факсимиле микрофильма фрагмента рукописи «Воспоминаний»

Архив Международного Мемориала
Ф. 147, оп. 1, д. 19, лл. 1–68.
Ф. Лисовской Н. П.

-I-

Рассказ Б.Г.Меньшагина, записанный на магнитофонную плёнку
10 июня 1978 года.

Я с 1928 года работал адвокатом. Я в Смоленске начал, но потом ушёл, потому что был донос. Я ходил постоянно на всенощные, на обедни, в Успенский собор. Потом только, через несколько лет я узнал, кто это написал. Оказывается, написала дочка священника соборного. Она стала потом адвокатом и работала в нашей коллегии. Так как отношение начальства /президиума коллегии/ было ко мне хорошее, то советовали, чтобы я куда-нибудь перевёлся. Я перевелся в декабре 1928 г. в орловскую коллегию, но только не в Орёл, а в район, в Глоднево. Там я проработал месяц и 2 дня, потом перевели в Тросненский район, где проработал я с 31-го января 1929 г. до сентября, 9 месяцев. Потом – в Кромском, там я проработал 2 года. Это был уже маленький город, там более культурные условия жизни были, но семья жила в Смоленске и я снова перешёл опять в смоленскую коллегию, и работал там с октября 1931 до 15 июля 1941 года. А 16 июля уже немцы были в городе.

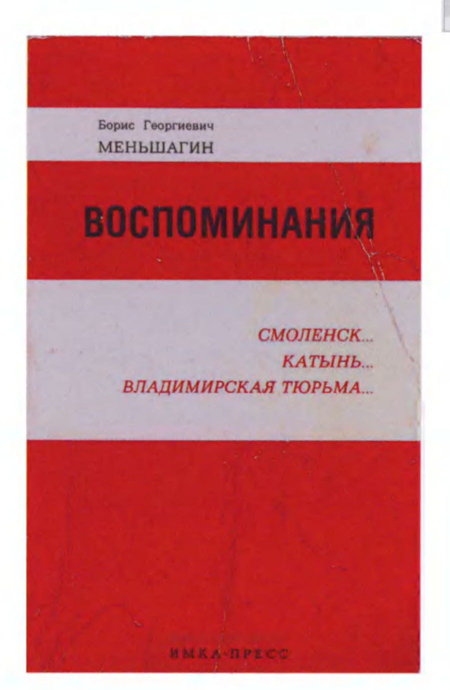
В моей работе защитника первое политическое дело было дело Петракова, директора треста хлебопечения, обвинявшегося по 58-14 и по 154 статье бывшего уголовного кодекса. Это значит – контрреволюционный саботаж и принуждение зависящих от него по работе лиц к сожительству. Председательствовал сам председатель областного суда, Анохин. Обвинение поддерживал помощник областного прокурора Кузнецов, а защищал я.

Это был первый в Смоленске показательный процесс, до этого все процессы по ст. 58 УК проходили на закрытых заседаниях, а этот – в зале областного суда, народ присутствовал желающий, к концу вечера был полный зал народу.

– Борис Григорьевич, а при закрытых разбирательствах адвокат

Раньше Б.Г. рассказал, что об этом деле ...

Б. Г. Меньшагин. Факсимиле первой страницы машинописи интервью, данного Н. П. Лисовской, с его правкой

Б. Г. Меньшагин. Воспоминания. Париж, 1988. Обложка

Инвалидный дом в Кировске

Стопка меньшагинских конспектов

Могила Б. Г. Меньшагина

нарушений. Потому что никакого суда мне не было, не говоря уже о какой-нибудь защите. А просто дали расписаться, что состоялось постановление Особого совещания, — и всё.

И послал, передал, значит, дежурному. Потом мне принесли бумажечку — расписаться, что мне объявлено, что мое письмо к Хрущеву отправлено по назначению такого-то числа. В апреле месяце заходит начальник тюрьмы Мельников:

— Вы писали кому-нибудь насчет себя?

Я говорю:

— Писал Хрущеву.

— А, теперь понятно. К нам пришел запрос о вас. Ну, мы дали хорошую характеристику.

Вот наступает июнь. 21 июня того же 63-го года. Уже поужинали. Шесть часов было. Вдруг открывается дверь, старший по корпусу говорит:

— Вас вызывают в административный корпус.

Я говорю:

— Кто и почему?

— Не знаю. Позвонили, чтобы пришли туда.

Ну, мы пошли. Пошли туда, я там не был до этого времени, хотя во Владимирской я уже с 30 сентября 51-го. Почти двенадцать лет там пробыл, но там не был. Выходим на второй этаж. Кабинет — заместитель начальника тюрьмы по оперативной части, подполковника Белова.

Заходим в этот кабинет, сидит Белов (его я знал) и трое еще — один уже пожилой, а два еще молодые. Все в штатской одежде. Пожилой оказался начальником Владимирского областного отдела государственной безопасности полковником Шевченко[1]. А кто были те — не знаю, но так, по некоторым догадкам, один был из Комитета государственной безопасности в Москве, а второй — из такого же комитета в Минске, который помоложе был.

— Ну, как вы тут живете?

Ну, я откровенно:

— Как можно в тюрьме жить, так и живу.

— Да, ну мы думаем, что вам достаточно уже.

Я говорю:

— А я давно так думаю.

— Вот мы попросим вас выполнить нам одну работу, после которой мы вас с благодарностью отпустим.

---

[1] Шевченко Владимир Иванович (1914–1998), полковник (генерал-майор) гб, в 1957–1965 гг. зам. начальника Управления КГБ по Владимирского области (*Одинцов М.* Разменявший Пауэрса и опекавший Шульгина // Призыв-ТВ. 2018. Апрель. URL: http://prizyv.tv/2018/04/razmenyavshij-pauersa-i-opekavshij-shulgina/).

Я говорю, что я работать начал в пятнадцатилетнем возрасте и никогда от работы не уклонялся, но посильна ли мне эта работа будет?

— Посильна, посильна!

Я говорю:

— Что же это за работа?

— Вам придется поехать в Минск. Ну, конечно, не этапом, а на легковой машине. Здесь очень хорошая дорога от Владимира до Москвы и от Москвы.

Я говорю:

— Я знаю, я ездил по этим дорогам — и по этой, и от Москвы до Минска. Знаю, что дорога действительно хорошая.

— Ну, вот видите. Вы сами знаете, что за удовольствие будет эта поездка.

Я говорю:

— Пожалуй, с этим можно согласиться; действительно, будет удовольствие поездка...

— Ну, там, правда, придется немного посидеть. Там вам придется посидеть с одним человеком, и то, что он будет рассказывать, вы потом нашему представителю будете передавать.

Я говорю:

— Я думаю, что мне эта работа не подойдет.

— Почему?

— Ну, — я говорю, — вы сами посудите: вот я уже восемнадцать лет сижу один. Совсем не вижу людей. Отвык даже, можно сказать, от человеческого голоса. А тут попаду; быть может, человек отнесется ко мне похорошему, сердечно отнесется, а я ему буду гадости делать[1].

— Нет, нет. Никаких гадостей. Только то, что он скажет.

— Ну, — я говорю, — ведь он скажет-то не для того, чтобы я передавал кому-то, а просто по-товарищески.

— Вот как вы смотрите. Ну, не надо тогда этого. Тогда вы просто уговорите его, чтобы он сознался.

— А он мне скажет: вот ты сознавался, так 18 лет потом в одиночке просидел.

---

[1] А. Б. Грибанов, просмотрев подшивку «Советской Белоруссии», резонно предположил, что Меньшагина хотели привлечь к работе с арестованным ранее Дмитрием Ивановичем Добрыниным, которого осудил военный трибунал БВО в декабре 1963 г. вместе с другими девятью обвиняемыми (*Орищук Н.* Пособники фашистских палачей получили по заслугам // Сов. Белоруссия. 1963. 18 декабря; ср. также: *Адамович А.* Каратели // Роман-газета. 1981. № 5. С. 7). Им инкриминировалось участие в массовых расстрелах и пытках советских граждан во время войны. «Наседка» был, очевидно, необходим, так как все, кроме Добрынина, признали свою вину. До ареста Добрынин жил под своей фамилией в своих родных местах (Свердловская область), работал шофером (*Меньшагин, 1988.* С. 211).

— А нет, этого нельзя говорить. Надо легенду придумать.

Я говорю: — Я с детства не люблю врать и боюсь, что если буду врать, то я запутаюсь.

— Ну, хорошо. Мы завтра к вам зайдем, а вы подумайте.

На этом разговор кончился. Меня обратно — во второй корпус, в свою камеру.

И вот в 63-м году, я Хрущеву когда написал, то приехали вот эти самые люди, пришли, на другой день они пришли ко мне, уже в наш корпус. В кабинет старшего вызвали меня. Значит, они там все трое сидят уже. Белова не было — этого нашего заместителя по оперчасти. Только эти чужие.

— Ну как, вы думали?

Я говорю:

— Думал. Всю ночь не спал.

— Вот это хорошо. Это показывает, что вы серьезно относитесь к делу. Ну, и что же вы решили?

Я:

— Я решил, что мне эта работа не подходит.

— Мы благодарим вас за то, что вы нам откровенно сказали. Было бы хуже, если бы вы взялись, и получилась бы какая неувязка. Мстить вам мы не будем.

Ну, значит, они ушли, я вернулся к себе. Если они раньше думали, что мне довольно, то теперь они так думать перестали.

Обитатели тюрьмы: Василий Шульгин

Прошел ровно месяц. 22 июля 63-го года вдруг приходит ко мне в камеру Белов, заместитель по оперчасти.

— Я получил распоряжение улучшить ваше положение.

— Ну, — я говорю, — это приятно слышать. В чем это будет заключаться?

— Мы посадим к вам еще одного человека в камеру.

— Я не знаю, будет ли это улучшением, потому что уже я, так сказать, привык. Никто меня не тревожит, не мешает, не с кем ругаться. Так что уже к переменам [не тянет].

— Нет, нет, мы хорошего человека к вам приведем. Он тоже культурный человек и тоже некурящий, как вы. Так что он подойдет вам.

— Ну, хорошо.

Проходит четыре дня.

Вот одно из улучшений заключалось также в том, что я гулял всегда в одно и то же время — с восьми до десяти. Я уже знал, что в восемь часов— не так это: сиди целый день, [жди], а иногда и ночью, — на прогулку. А в восемь часов утра, когда начинается только, первая очередь, я иду

на прогулку. Всегда в один и тот же двор, и гуляю до десяти часов, а в десять возвращаюсь и, если библиотечная была работа, я сажусь...

Соседей я не вижу, но с корпуса, если на верхние этажи, то видно.

<...>[1]

И потом в полуподвале темно, а там светло. А я ведь занимался только чтением. И, наконец, за год, в 54-м, были сняты эти самые так называемые «намордники»[2] были сняты. Внизу окна все стеклами такими непроницаемыми заставлены, а вверху — тоже непроницаемые, но форточки, и форточку можно открыть и смотреть. А внизу прогулочные дворы.

Потом постовых уменьшили: вместо двух — стал один, на прогулку вместо двух водит один. На прогулке на парапете ходит вместо двух один. Всё это такие хорошие были обстоятельства.

И вот, когда я слышу, что по телефону постовой, коридорный, разговаривает, я тогда на табуретку — в форточку. И вот таким образом я познакомился со многими там находившимися тогда.

В частности, с Василием Витальевичем Шульгиным. Он ездил к Николаю II получать отречение от престола — Гучков[3] и он, во Псков, в марте, 3 марта 1917 года. Ну, очень культурный человек. Он сам из помещиков Волынской губернии; был членом Второй, Третьей и Четвертой Думы, от Киевской губернии[4] его избирали, но там он принадлежал к фракции националистов, правый был. Ну, вот, он, значит, ездил отречение получать, а потом он в составе Комитета Государственной Думы[5] был.

И вот однажды, когда Ленин там выступал на каких- то собраниях или митингах и рассказывал, как будет хорошо жить, когда они придут к власти и будет установлен коммунизм, то Шульгин выступил и высмеял его: дескать, это бред и прочее.

А Ленин ему крикнул:

— Нет, господин Шульгин! Даже вы будете жить с полным, так сказать, удовольствием![6]

И вот это послужило потом ему на пользу, эти слова. Потому что — значит, его украли, Шульгина. Он выпустил книги «Дни» и «1920 год». В книге «Дни» он описывал Февральскую революцию, как он ездил к Николаю II и как работал в Думе до этого. Очень интересная книга,

---

[1] Опущен повтор о переводе в более теплую камеру 48 на третьем этаже (см. ниже).

[2] Металлические планки под углом 45°, своего рода жалюзи.

[3] Гучков Александр Иванович (1860–1935), один из основателей партии октябристов, глава комитета Всероссийского Земского союза. Вместе с Шульгиным принимал участие в акте отречения Николая II от престола.

[4] Неточность: от Волынской губ.

[5] Так называемый Временный комитет — первая версия Временного правительства.

[6] Выступление Ленина со словами: «Не запугивайте, господин Шульгин!..» состоялось 4 мая 1917 г.

она у меня была в моей библиотеке, довоенной, конечно. Я тогда еще — во время НЭПа была выпущена, и я увидел в магазине, купил. Две книги его: «Дни» и «1920 год». А «Двадцатый год» — описывалась борьба на юге белогвардейцев, последнее — Одесса, откуда уж он эвакуировался за границу в Галлиполийский лагерь. С Врангелем, когда Врангель отступал, Одесса, потом Крым, потом Галлиполийский лагерь, Париж. Все это он описывал, как происходили события. Очень интересные книги.

В 44-м году, в ноябре, кажется, Шульгин жил с женой в городе Нише в Югославии. И вот ночью приехала советская команда (когда уже советские вошли в Югославию, но туда они не проникали), ночью вот заявились, — как союзники, — и захватили Шульгина. На самолет — и в Москву. Сталин же страшно мстительный был. Он считал, что никто не должен уйти от его карающей десницы. И Особое совещание дало Шульгину 25 лет. И посадили его во Владимирскую тюрьму. И потом он там сидел...

Вышел Шульгин в субботу... 56-го года, 22-го числа сентября. Вышел он. Я, помню, посмотрел в окно. Он, значит:

— Я уезжаю.

Комиссия эта разгрузочная, которая меня признала негативным, она постановила его за отсутствием состава преступления освободить. И его направили в дом инвалидов.

Но Хрущев вспомнил (или ему кто-то подсказал) слова Ленина — что Ленин сказал, что «даже вы, господин Шульгин, будете благоденствовать в нашем государстве». И тогда он приказал предоставить ему квартиру, дать ему пенсию. Ему 120 рублей пенсии дали, квартиру дали во Владимире.

И он жил. Вместе с Солоухиным[1] он ездил в поездки, на машине Солоухина на Украину ездил. Еще бодрый старичок был. Он там, во Владимирской тюрьме, писал — это он сам говорил, что пишет. Что он писал, не знаю. Маленького роста, большая белая борода, лысый... Сперва умерла его жена, приехала к нему жена после того, как он квартиру получил, из Югославии — или нет, она уже в Венгрии жила, — из Венгрии. И они жили во Владимире. Жена умерла в 69-м году, а он умер вот в 75-м или 74-м году во Владимире.

Но я его помнил, когда он еще членом Государственной думы был...

Изменения тюремного режима

Я читаю газеты с 1910 года — за исключением того периода с 45-го и до 51-го, пока я на Лубянке был. Там только один раз следователь давал «Вечерку», а так газет не читал.

---

[1] Солоухин Владимир Алексеевич (1924–1997), писатель и публицист, родом из Владимира.

А во Владимире стали давать с двухмесячным опозданием, двухмесячной давности газеты. До сентября 53-го года — ежедневную газету владимирскую, а с 1 января 54-го года «Правду» стали давать. А когда я стал работать для библиотеки, то мне стали давать еще «Известия». «Правда» и владимирский «Призыв» — это общие были (с меня начинали, я прочитывал и отдавал), а «Известия» себе оставлял. Потом отдавал в библиотеку — читать.

Ну, и журналы стали попадать. Потом, по моей рекомендации, библиотека выписала «Новый мир», выписала «Знамя» (журналы). Потом книги покупались, тоже много хороших книг было закуплено. Как прочтешь в «Новом мире» — есть новые книги, и выписываем. Так им в магазине давали только то, что магазин считал для себя ненужным, спихивали. Когда деньги шли, библиотекарь туда шел, ему пихали то, что не нужно. А так я стал писать ему потом записку, и он туда приходил и спрашивал.

Вот эти годы — более или менее сносные. С 55-го стал гулять. С 57-го я стал тогда работать для библиотеки. Ничего еще. А в 58-м — даже кино стали тоже показывать. Кино примерно раз в две недели было, и тоже я один только смотрел. Можно было бы и чаще, но тут приходилось им уже остальных всех отметать — я один. Иногда телевизор приходили эти надзиратели смотреть. Тоже сидели. А из заключенных никого не было...

...Он один — восемь дворов. Значит, моя камера с краю. Те дворики, которые внизу, и кто там гуляет, я вполне вижу, что постовой пошел в ту сторону, значит, я с ними вступаю в разговор. И они то же самое — видят, что человек смотрит, спрашивают: кто? Давно ли? Откуда? Какая статья? Сколько сидишь? Так что вот таким образом.

Потом вот украинки там сидели, женщины. Целая группа их была. Помню, на Пасху 6 мая 1956 года я, как обычно, форточку не закрывал, слышу звон Успенского собора. И вдруг слышу — в камерах запели: «Христос воскресе!». Заключенные там были — женщины, какие-то старухи, вот они запели: «Христос воскресе!». Значит, ночью почти, первую половину ночи не спали.

На другой день я посмотрел в окно, смотрю — эти украинки в хороших платьях (не так, как всегда) ходят. Я, значит, говорю: «Христос воскресе!» Значит, они мне запевали: «Воистину воскресе!» Руками стали махать. Потом посмотрел: Шульгин ходит и с ним грузин Бериашвили. Я, значит, опять сказал: «Христос воскресе!» А Шульгин снял шляпу: «Воистину воскресе!» — махает шляпой. Ну вот, так что эти годы были сравнительно ничего.

Ухудшение началось с 58-го года. Первое: отменили телевизор, так как какой-то прокурор приезжал проверять, соблюдается ли законность в тюрьме. И нашел: законность нарушается тем, что показывают телевизор. Вот в чем он его углядел — нарушение законности. А других он никаких нарушений не нашел. Ну, а потом с каждым годом что-нибудь отпадало, ухудшалось. Но резкое ухудшение — это в 61-м году.

Во-первых, сократили... Меня-то оно мало коснулось, потому что писем я не писал (переписка была запрещена); посылок никаких, передач я не получал. Так что непосредственно меня это не затронуло. Но вот тех, кто получал, кто писал, их всех коснулось. Сократили. Там одно письмо в месяц, одна посылка в полгода, не свыше такого-то веса. Раньше этих ограничений не было никаких. Это было проведено в сентябре — нет, в октябре 61-го года.

Потом, перед самым съездом XXII партии... На XXII съезде, вот когда Хрущев выступал, добивая Сталина, рассказывая — в частности, он говорил (правда, он не поставил точки над i), но из всего его разговора выходило, что убийство Кирова было организовано именно Сталиным, Киров был убит по инициативе Сталина. Ну, и потом там вот удалили тогда тело Сталина из мавзолея.

Выступила Лазуркина, старый член партии с дореволюционного времени, которую Жданов в 35-м году посадил как принадлежавшую к зиновьевской оппозиции, и она, значит, с 35-го и до 54-го — двадцать лет отдежурила в лагерях[1]. Ее освободили и даже направили делегатом на XXII партийный съезд. И вот она там выступила в прениях по докладу Хрущева и сказала, что она считает неправильным, что вместе с Лениным лежит Сталин, что Сталин — злодей, и это является оскорблением для памяти Ленина. И съезд единогласно постановил удалить Сталина. Причем за это и Брежнев голосовал, и все остальные, включая Суслова. А на другой день, когда утром пришли, уже Сталина не было в мавзолее; ночью его вытащили и закопали. Все это, так сказать, еще подходящее было.

Но вот тюремные правила были уже ухудшены, как раз перед самым съездом; съезд был в ноябре, а это в октябре проходило.

Сокамерники: Мамулов

В одиночке во Владимирской тюрьме сидел только я. Еще при жизни Сталина один сидел и потом все время один сидел, до самого конца, за исключением того, что, когда я написал, что я чемпион мира по одиночному заключению, тогда вот подсадили этих бериевцев.

---

[1] Лазуркина Дарья (Дора) Абрамовна (урожд. Клебанова; 1884–1974), заведующая отделом школ Ленинградского горкома ВКП(б). В 1928–1932 гг. ректор ЛГПИ им. А.И. Герцена, в 1934–1937 — заведующая отделом школ Ленинградского горкома ВВКП(б). Арестована 8 августа 1937 г., в ссылке и лагерях провела в общей сложности 18 лет. Освобождена в 1955 и реабилитирована в 1956 г. Делегат XXII съезда КПСС. 30 октября 1-й секретарь Ленинградского обкома КПСС И. Спиридонов внес предложение о выносе Сталина из Мавзолея, после чего Лазуркина поведала съезду, что ей приснился Ленин, сказавший: «Не хочу лежать рядом с ним» (см.: XXII Сьезд КПСС. 17–31 октября 1961 года. Стеногр. отчет. Т. III. М., 1962. С. 119–120). Перезахоронение Сталина состоялось в ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 г.

А в 63-м году, значит, через два года после этого, про изошли эти события, когда я написал Хрущеву и когда мне предложили поехать в Минск, а потом сделали распоряжение об улучшении моего положения. Да, я вот что еще написал Хрущеву: «Вряд ли я ошибаюсь, если скажу, что я являюсь чемпионом мира по одиночному заключению». Вот это их задело, что нам такие, дескать, чемпионы не нужны. И поэтому, значит, ликвидировать одиночное заключение.

И 26-го числа, значит, я возвращаюсь с прогулки, в десять часов, смотрю — санитарка моет камеру... Ну, это в порядке вещей было. И вдруг вижу: кровать стоит еще, вторая. А постовой этот, коридорный, подошел:

— Сейчас приведут товарища[1].

Она закончила, ушла, закрыли камеру. Не успел я еще ни о чем подумать — вдруг щелк замок! Входит человек. Пожилой.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Мамулов.

Ну, мне фамилия эта ничего не сказала. Я спросил, как его имя-отчество.

— Степан Соломонович.

Ну, я назвал себя, говорю:

— А вы давно в наших местах?

— С декабря 1953 года.

Я говорю:

— Надолго?

— Осужден на пятнадцать лет.

Ну, я говорю:

— Так чем раньше занимались?

— Заместитель министра внутренних дел СССР. Генерал-лейтенант.

О-хо-хо! Да, я спросил еще:

— А как у заместителя какие у вас функции были?

Ведь там заместители делятся. Один ведает одним делом: ведь в наркомате внутренних дел там были — и геодезическое управление[2] тоже относилось к ним, и места лишения свободы, и милиция, и всякие пункты.

— Мне подчинены были все лагеря.

Ага-а-а. Так-так. Ну, не в первый день, а вскоре я спросил, читал ли он «Один день Ивана Денисовича»? А «Один день Ивана Денисовича» был

---

[1] Дата перевода Мамулова к Меньшагину — 26 июля 1963 г. — день в день совпадает с датой освобождения из тюрьмы Револьта Ивановича Пименова (Память. Ист. сборник. Вып. 3. Л., 1978 (Париж, 1980). С. 1181), помилованного летом 1963 г. и до этого сидевшего с Мамуловым.

[2] Главное управление по геодезии и картографии было выделено из НКВД в отдельное Главное управление при СНК СССР 14 сентября 1938 г.

опубликован в 61-м году в «Новом мире»[1], который мы, по моей рекомендации, получали. А что же? Все журналы давали мне первому, потому что я их приходовал. Я их читал, а когда прочитаю, говорил постовому: «Когда придет библиотекарь, пусть зайдет ко мне». И отдавал ему. И говорил:

— Я уже прочел, давайте дальше.

Значит, я прочел «Один день Ивана Денисовича» самым первым и спросил Мамулова, читал ли он «Один день Ивана Денисовича»?

— Читал.

— Ну, и как ваше впечатление?

— Так это разве художественное произведение? Это пасквиль.

Я говорю:

— Почему пасквиль? Там все правдиво описано, как жизнь шла в лагере.

— А откуда вы знаете, что там происходило? Вы же в лагере не были?

Я говорю:

— Сам я не был в лагере, но, работая защитником, я встречался с людьми, которые несколько лет пробыли в лагере, и потом, по моим, так сказать, хлопотам, им отменялись дела — на новое рассмотрение. И при новом рассмотрении, когда их судили, я с ними разговаривал. Вот они и рассказывали мне... В большинстве случаев их оправдывали при новом рассмотрении. Так что я в курсе дела.

Ничего он мне на это не ответил.

Потом был такой случай. У нас там имелся в библиотеке стенографический отчет XVIII партийного съезда, который проходил в марте 39-го года. Доклад Сталина, все выступления в прениях. Выступало много народа. И вот я так просматривал, а потом заинтересовался тем, что все выступавшие: Сталин, Сталин, Сталин, Сталин. Я стал подсчитывать, кто в своем выступлении (а оно, видимо, не превышало полчаса) сколько раз упомянул имя Сталина. И вот эта статистика дала такой результат, что рекордсменом оказался Емельян Ярославский[2], автор «Библии для верующих и неверующих»: он 57 раз упомянул имя Сталина в своем выступлении. На втором месте стоял Лаврентий Павлович Берия, он упомянул 48 раз. А на третьем месте — третье место занял (с бронзовой, так сказать, медалью, если б их так награждали) Никита Сергеевич Хрущев — 44 раза[3]. Я вот и говорю: — Я тут от нечего делать занялся подсчетом, и оказались

---

[1] Неточность: повесть Солженицына была опубликована в № 11 «Нового мира» за 1962 г.

[2] Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич; 1878–1943) — политический деятель, академик.

[3] Неточности: у Ярославского — 54 упоминания «Сталин» или «сталинский», у Берии — 30, у Хрущева — 26 раз.

вот такие результаты: рекордсмен — первым оказался Ярославский, надо дать золотую, Берии — серебряную, а Никите — бронзовую.

...Как-то зашел разговор о его детстве. Он рассказывает, что он учился в тбилисской гимназии. Он сам армянин по национальности. В тбилисской гимназии был преподаватель Закона Божия (ведь Закон Божий раньше учили во всех учебных заведениях) для армян (там много было армян); значит, священник не православный, а армяно-григорианской религии.

И вот он мне как-то опять говорит: «Мамулянц, ты опять не выучил урок?»

А я говорю:

— А почему он вас так назвал — Мамулянц, когда вы Мамулов?

— Видите ли, Борис Георгиевич, по отцу моя фамилия Мамулянц, но так как товарищ Сталин очень не любил армян, то, чтобы не напоминать ему о себе, я изменил фамилию на Мамулов.

Это вот такой был разговор. Потом он рассказывал. Говорили о том, что было во Владимирской тюрьме раньше. Ведь я-то поступил туда еще при Сталине.

— Да, я знаю — тут у меня тесть сидел, отец моей жены. Ну, правда, мы с ним не имели отношений, потому что я запретил жене писать ему или какую-нибудь помощь оказывать.

Я говорю:

— Почему же? Все-таки дочка должна же отцу.

— Видите ли, Борис Георгиевич, я верил каждому слову товарища Сталина, а товарищ Сталин говорил, что к врагам народа необходимо быть беспощадным. Поэтому, значит, проявлял беспощадность и запретил жене.

А после, значит, так события развивались. На другой день после того, как его привели ко мне, 27 июля, ко мне в камеру пришел Мельников, начальник тюрьмы, обращается ко мне:

— Ну как, вы довольны? Вам теперь веселее?

Я говорю:

— Доволен.

— Ну, все-таки вам теперь есть с кем слово сказать! Все-таки веселее будет! Товарищ есть!

Конечно.

— (Не вам же предстоит [мыкаться].)

А этот, Мамулянц:

— Гражданин начальник, я человек бедный. И семья моя бедная, у меня не так, как у некоторых.

А потом я понял, что «некоторые» — это бывший генерал-лейтенант Судоплатов, который работал начальником контрразведывательного

управления (он всей заграничной агентурой ведал), и Людвигов[1], который был помощником первого заместителя председателя Совета министров — Берии (по существу — главный секретарь). Они получали — у них жены там зарабатывали. Пенсию персональную получала Судоплатова[2] за старые революционные заслуги. Жена Людвигова в бассейне работала. Так что слали им, а он будто бы не может так, потому что его семья бедная.

— Мне нужно самому работать. Я работал, а вот сейчас... надо работать.

Мельников:

— Ну ему помогайте. У вас найдется что-нибудь?

А я и говорю:

— Вот я только вчера узнал, что те каталоги, которые я сделал, перепечатывал он; а они уже пришли в ветхость — хорошо было бы их заново перепечатать.

— Вот правильная мысль! Я прикажу, чтобы вам машинку дали. Печатайте здесь.

Ну, так и стали делать. Принесли машинку, и он сидел, печатал. Узнал он о том, что я люблю радио, — стал выключать. Да-да, стал выключать.

Потом приходит врач.

— Лариса Кузьминична[3], я вас очень прошу — отправьте меня обратно в корпус.

Та:

— Что вы здесь глупости говорите? Что вам, плохо здесь?!

— Я вас очень прошу.

— Не выдумывайте!

...Мы находились в больничном. Я потому находился, что мне на одного человека большую камеру, на 36 мест, нецелесообразно было давать. Если я был в ней — только два месяца, значит, с 1 октября 1951 года и до 3 декабря того же 51-го года. А потом вот попал в этот корпус внизу.

А потом уже этот Ловихин[4] 10 июня 55-го переселил меня наверх. Там корпус — для больных считались. И питание мне в том же году, тоже с ок-

---

[1] Людвигов Борис Александрович (1907–?), с 1936 г. помощник секретаря Закавказского крайкома ВКП(б) Л. Берии, с апреля 1953 начальник секретариата МВД СССР. Арестован 27 июня 1953 г. как «бериевец», осужден за измену Родине по ст. 17-58-1б. Во Владимирской тюрьме с 18 октября 1954 г. Сокамерник Р. И. Пименова и автор камерного доноса на него. Освобожден 18 октября 1965 г. на основании Указа ПВС СССР о помиловании от 30 сентября 1965 г.

[2] Об Эмме Карловне Судоплатовой (Кагановой, С. С. Кримкер, 1905–1989), подполковнике гб, см.: *Судоплатов, 1996*. С. 13–18, 350–351, 367.

[3] Лариса Кузьминична Сухарева, врач-терапевт тюремной больницы

[4] Правильно: Лавыгин.

тября 55-го года, дали больничное. И его, Мамулова, как бы посчитали больным и привезли сюда.

Да.

Может быть, мне можно и больничное питание получать? Раз я в больничном корпусе?

Но его перевели, потому что более подходящей кандидатуры ко мне не было. Надо было такого человека, который бы — ну, ихний был бы человек. Вот его перевели — заместителя министра внутренних дел. Так что если какие-нибудь беззакония творились, то он прекрасно сам знает это, еще лучше меня. Если творилось что. Так что его не удивишь, а если посторонние будут люди, будут узнавать то, что не полагается знать.

Ну вот, он стал проситься в корпус. Но ему отказывали. Потом тогда он стал просить операцию:

— Лариса Кузьминична, хочу воспользоваться, покамест я нахожусь в этой тюрьме, чтобы сделали мне операцию аневризмы; сделала бы такой хороший хирург, как Елена Николаевна[1].

А Елена Николаевна — это начальник санитарной части. И он ей то же самое:

— Я очень хочу воспользоваться, покамест я тут, чтобы вы, Елена Николаевна, я знаю, какой вы прекрасный хирург, на воле я не найду такого, — да, сделали ему операцию.

— Да вам не нужна никакая операция!

Но он всё настаивает. Потом однажды Мельников зашел, начальник:

— Ну, как вы тут?

— Гражданин начальник, я вот узнал, что мой товарищ никогда не получал ни передач, ни посылок — ничего. — Обо мне, значит. — Я бы хотел его угостить. Не разрешите ли вы мне внеочередную посылку, дополнительную, чтобы я мог его угостить?

— Хорошо, хорошо, я разрешаю. Запишите ему...

Там было сказано в правилах, что в отдельных случаях, по особому разрешению, лицам, которые показали себя как такие дисциплинированные, примерные заключенные, начальник места заключения может разрешить, помимо этой очередной — двух посылок в год, еще одну посылку. Ну вот, ему разрешили, значит. Под видом того, что он хочет меня угостить. Он получил посылку и дал мне яблоко... Дрянной человек...

Пожалуй, из этой всей группы (потом я расскажу, как я до остальных добрался) он был самый худший.

10 ноября его все-таки взяли на операцию. А он был в хороших отношениях с заместителем начальника тюрьмы по политико-воспитательной

---

[1] Елена Николаевна Бутова, врач-хирург, начальник санчасти тюрьмы. Умерла в 1994 г.

части Хачикяном[1]. Армянин Хачикян ему покровительствовал — как своему соотечественнику. Он приходил неоднократно к нам в камеру, сидел, разговаривал.

Он и со мной разговаривал, но никогда до этого он не приходил вот так. Приходил по-служебному — какие вопросы есть? А так, чтобы прийти, сесть и разговаривать, — этого никогда не было. А здесь он, значит, сядет, разговаривает с ним и ко мне обращается. Говорил по-русски. Ничего плохого сказать нельзя про это. Но там он стал иметь возможность с ним говорить по душам, потому что его перевели в операционную камеру одного. Ну, и пошло.

Его забрали от меня 10 ноября 63-го года, то есть он просидел немного со мной с 26 июля по 10 ноября. Да, август, сентябрь, октябрь — три с половиной месяца, можно считать. Вот я один остался. 22 января мы с ним гуляли вместе. Значит, гуляли меня и его вместе. 22 января вдруг приходит старший и говорит:

— Приказано вас перевести в другую камеру, а вещи все эти библиотечные оставить здесь.

Оказывается, он обратно вернулся сюда, этот Мамулянц. И с ним прибыл вот этот Людвигов, который был помощником у Берии, старший секретарь его. Тоже. И ведение этих каталогов всех передали им. Не знаю, то ли это последовало в результате просьбы Мамулова? Потому что, когда в первый день тогда он был, вдруг заведующий библиотекой приносит стопку книг — они купили. Приносит, положил мне их. Он ушел, а этот:

— Зачем это он вам книги принес?

Я говорю:

— Ну, так я сейчас буду оформлять их, значит, приходовать. В инвентарную книгу, проштемпелюю их.

— Ах, какая хорошая работа! Мы видели, что к вам в камеру носят книги, но мы думали, что это вы переплетаете их.

— Нет, — говорю, — я не умею переплетать, я вот веду это...

И, значит, эту работу передали ему. Значит, я два с полтиной уже больше получать не должен был и не получал. Не знаю, то ли это по его инициативе, скорей всего так. А может быть, это работники государственной безопасности, хотя они и обещали не мстить, но тоже возможно.

...Я вызвал этого Хачикяна. Он так сказал:

— Видите ли, тут Комитет государственной безопасности....

Он сослался на них.

Ведь кто знает? «Новый мир» выписывали с шестьдесят — да, с 61-го года. Нет, с 60-го года стали выписывать, с 60-го, а это 63-й был. Не знаю, насчет «Ивана Денисовича» не поминали, а вот получилось так.

---

[1] Хачикян Александр Мартынович.

И уже больше я ничего не делал и никаких денег не получал и сидел так, вместе со Штейнбергом. Штейнберг очень желчный был человек, он на четыре года был моложе меня. Тот, Мамулов, — на год моложе. Но так он много — ему присылали «Юманите» и это, «Нойес Дойчланд», газеты разные. Значит, я тоже читал их все. Помню, про Насера там «Юманите» писала, как он коммунистов голодом заморил... В наших газетах этого не сообщали, а вот французские коммунисты писали об этом, как Насер коммунистов голодом переморил в пустыне. Им перестали давать еду и подвозить воду. Они в страшных мучениях умирали. Получилась такая история.

Ну, Штейнберг говорил:

— Ах, какой подлец этот Степка Мамулов! Ему надо морду набить за то, что у человека последние гроши отнял!

Так как считали, что это он, поскольку его обратно в камеру посадили эту, и он стал вести всю работу. И всё испортил!.. Это все-таки надо иметь усердие, я знаю, и знания кое-какие.

А когда вот они гуляли — да, и с того момента, как посадили со Штейнбергом, на прогулку выводили, значит, меня, Штейнберга, Мамулова, Людвигова и Судоплатова. Вот так я познакомился с этими.

Судоплатова перевели третьим в ту же камеру. Поставили кровать поперек еще одну, и вот они там втроем сидели: Судоплатов, Мамулов и Людвигов.

Сокамерники: Судоплатов

Но насчет Судоплатова интересно вот что. Он, значит, был начальником контрразведывательного управления Министерства государственной безопасности СССР. Последняя его такая крупная деятельность — это усмирение восстания на Украине, Западной Украине, так называемого «бандеровского» восстания. Он был во Львове, и вот эти украинки им арестовывались, которые там сидели.

И вот, помню, как-то мы идем с прогулки, а они идут по коридору. Кажется, на работу они направлялись. Они там шили для баннопрачечного комбината — там они белье гладили, чинили... И Судоплатов снял шапку и так низко поклонился. Мы посмотрели. Он их арестовывал. Но он знал, что они там находятся.

Когда он увидел, как оборачивается дело, — он шел по главному делу; эти шли по вспомогательным делам, отдельно. А по главному делу шел Берия сам, Меркулов[1], который был министром государственной

[1] Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953), нарком госбезопасности СССР (1941, 1943–1946), входил в число приближенных к Л. П. Берии лиц.

безопасности после Берии первым, потом Деканозов[1] — заместитель министра государственной безопасности (в момент объявления войны он был послом в Берлине), потом Кобулов[2] — начальник следственного аппарата министерства государственной безопасности, Гоглидзе[3] — начальник государственной безопасности Закавказья, а потом заместитель министра у этого самого, у Берии. Вот сколько народу их шло. И Судоплатов, который был начальником контрразведывательного управления.

И он стал проявлять признаки идиотизма. Перестал понимать людей, мычит. Значит, его отправили в Ленинградскую спецпсихбольницу на исследование. И в этой Ленинградской спецпсихбольнице он пробыл с конца 53-го года (а дело приостановили, согласно Уголовно-процессуальному кодексу, поскольку на психиатрическое исследование отправлен)[4]. Остальных судили в декабре месяце. Председательствовал на суде тогда Шверник, а в составе, помню, Громов был, который у нас заместителем председателя областного суда был, и еще ряд... И приговорили всех их к расстрелу... До одного. И расстреляли. Причем они сидели в штабе Московского военного округа, потому что не было доверия этим органам. Там все его люди были.

Ведь тогда вот этот, Булганин, распорядился ввести танковую дивизию, Жуков провел всю эту операцию, ночью забрали Берию и арестовали [остальных], потому что якобы, как вот рассказывали они, вернее, Штейнберг это рассказывал, но с их слов: меня они считали враждебным элементом, поэтому со мной таких разговоров конспиративных не вели, а Штейнберга — своим человеком; ну, он, значит, был членом коммунистической партии и в разведке работал. Так вот, Берия должен был использовать премьеру в Большом театре постановки оперы Шапорина «Декабристы»[5]. Предполагалось, что на постановку этой оперы придет всё начальство, то есть политбюро всё во главе с Маленковым, который тогда возглавлял: Маленков, Хрущев там и все прочие, — и их отвезут после этого спектакля не по домам, а на Лубянку. А наутро Берия выпустит обращение к народу о том, что это он раскрыл заговор, что эти оказались

---

1 Деканозов Владимир Гергиевич (1898–1953), министр внутренних дел Грузинской ССР (1953), входил в число приближенных к Л. П. Берии лиц.

2 Кобулов Богдан Захарович (1904–1953), 1-й зам. министра госбезопасности (1953), входил в число приближенных к Л. П. Берии лиц.

3 Гоглидзе Сергей Арсеньевич (1901–1953), 1-й зам. министра госбезопасности СССР 1952–1953 гг., входил в число приближенных к Л. П. Берии лиц.

4 См. *Прокопенко А. С.* Безумная психиатрия: секретные материалы о применении в СССР психиатрии в карательных целях. М.: Совершенно секретно, 1997.

5 Премьера «Декабристов» состоялись 23 июня 1953 г. Президиум (так в 1952–1966 гг. именовалось политбюро) ЦК ВКП(б) посетил второе представление оперы в субботу, 27 июня (Правда. 1953. 28 июня), т.е. в тот самый день, когда был арестован Берия.

империалистическими агентами, а он, можно сказать, все это разузнал и теперь это ликвидировал, предупредил перерождение на империалистический лад. А кто-то из его окружения донес...

И вот Булганин приказал танковую дивизию из лагеря сюда ввести; ночью ввели. Лубянку окружили, забрали Берию. И вот, значит, сидел он в штабе Московского военного округа, в подвале. Там их и расстреляли.

А Судоплатова дело было приостановлено, и он находился в Ленинграде пять лет на психиатрическом исследовании. Причем проявлял себя как идиот. Когда привозили жену к нему (видимо, нарочно), она ему: «Паша! Пашенька!» А он только: «Му-у-у!» Выведут на прогулку — он ложится на землю, начинает есть землю. Уборную не признавал, а где находился, — там: на кровати — на кровати, так — так. И создали в 58-м году комиссию психиатров каких-то, и признали, что он неизлечим и подлежит направлению в Казанскую психиатрическую больницу. А Казанская больница — это их больница была, куда они людей неугодных сажали. И знали, какие там порядки.

Когда он услышал об этом, то он заговорил русским человеческим языком. Ну, не знаю, как врачи восприняли это, но признали его здоровым и направили обратно в Москву в Бутырскую тюрьму. Дело было возобновлено; рассмотрела его военная коллегия Верховного суда СССР, но так как уже одиозность это дело потеряло свою — пять лет прошло с того момента, как его посадили, — то его приговорили только к пятнадцати годам лишения свободы и направили во Владимирскую тюрьму. Ну, вот он остальные годы, с 58-го до 68-го, провел во Владимирской тюрьме.

Вначале он сидел вместе со своим заместителем, который шел по дополнительному делу, генерал-майором Эйтингоном[1]. Этот Эйтингон в 1940 году по заданию, видимо, Сталина самого организовал убийство Троцкого в Мексике. Там одного из членов мексиканской этой партии троцкистов — значит, его наняли, и он заколол этого самого Троцкого. У него на квартире, потому что Троцкий его знал, как своего однопартийца, принимал его, и он его укокошил.

Эйтингон — я на него обратил внимание, еще когда я их не знал всех. Вот так посмотришь в окно: внизу ходит один хорошо одетый, пальто хорошее, кепка. Быстро ходит взад-вперед. Как оказалось, это Штейнберг, который со мной потом сидел, а другой с ним — немного ниже ростом,

---

[1] Эйтингон Наум Исакович (1899–1981), советский разведчик и диверсант, генерал-майор гб, руководитель операции по ликвидации Л. Троцкого. Арестовывался в октябре 1951 и 20 августа 1953 г., осужден за измену Родине и приговорен к 12 годам заключения. Во Владимирской тюрьме с 16 марта 1957 г., освобожден в 1964 г.

стоит носом в угол, как будто его наказали — поставили в угол носом, а он и стоит так.

Я даже как-то постовых спрашивал:

— Чегой-то он стоит?

— Не знаю.

Никто не знал. Ну, Штейнберг объяснял так, что он хотел обратить на себя внимание, что вот он не совсем нормальный, его надо отпустить, значит, актировать, из тюрьмы освободить. Он надеялся, что его актируют и освободят из тюрьмы. Но он досиживал свой срок и только — значит, ему 12 лет было.

Но он был арестован Рюминым[1] — вот тем Рюминым, который провел следствие о врачах Кремлевской больницы и пришел к выводу, что врачи Кремлевской больницы убили Жданова, убили маршала Толбухина[2] (какого-то из этих) и еще кого-то. Они, мол, покушаются на жизнь Сталина. И тогда, значит, Сталин предоставил Рюмину право личного доклада, хотя он был только полковник и занимал должность старшего следователя. Но начальства над ним никакого не было.

И вот этот Рюмин стал подкапываться под Берию: будто бы он открыл, что в Абхазии существует заговор для отделения Абхазии от Советского Союза[3], и в этом заговоре участвует помощник Берии по научным вопросам и секретарь ЦК компартии Грузии одновременно Шария[4], потом — генерал-майор Эйтингон, заместитель Судоплатова, вот этот, который Троцкого организовал убийство, и еще кто-то. И они были арестованы.

Но не успело это дело развернуться, как последовала смерть этого самого Сталина. Причем — это Людвигов сам мне рассказывал, что Берия последнее время прямо дрожал. Опасался, что его самого посадят, что Сталин посадит его. Однажды, говорит, вызывает меня: «Поезжай сейчас, Борис, в Третьяковскую галерею — там какой-то дурак повесил мой портрет. Еще Сам узнает, что портрет повесили». А «Сам» очень ревниво относился, потому что только он может выдвигать.

---

1 Рюмин Михаил Дмитриевич (1913–1954), зам. министра гб СССР в 1951–1952 гг. Эйтингон не мог быть арестован Рюминым, так как тот еще в ноябре 1952 г. был уволен из МГБ.

2 Толбухин Федор Иванович (1894–1949), маршал Советского Союза.

3 Имеется в виду так называемое «Мингрельское дело», направленное на дискредитацию Берии (апрель 1952 г.).

4 Шария Петр Афанасьевич (1902–1983), партийный и государственный деятель, сотрудник НКВД, секретарь ЦК КП(б) ГрузССР по пропаганде и агитации (1943–1948), входил в число приближенных к Л. П. Берии лиц. Арестован 27 июня 1953 г. как «бериевец», осужден за измену Родине и приговорен к 10 годам тюрьмы. Во Владимирской тюрьме с 18 октября 1954 г., освобожден в 1963 г.

Вот я помню, когда праздновали в 39-м году шестидесятилетие Сталина, то в «Правде» — или в «Известиях»? — нет, это в «Известиях» — была помещена статья писателя Алексея Николаевича Толстого под заглавием «О скромности товарища Сталина», где Толстой в таких подлейших своих выражениях распинался, какой Сталин скромный. Какой он великий и какой скромный!

Так вот этот самый Берия боялся, как бы не приревновал бы Сталин, что он стал популярностью пользоваться и даже портрет повесили в Третьяковской галерее. И этот Людвигов поехал туда и приказал, чтобы портрет сняли. Потому что он очень боялся последнее время. И тогда вот это Хрущев говорил на XXII съезде, что Берия улыбался, когда Сталин лежал мертвый.

Снятие Хрущева: эхо в тюрьме

А интересный был вот случай какой. 15 октября 64-го года, в 6 часов заработало радио. Штейнберг сидит, стал уже одеваться, а я еще лежу на кровати.

«...Передаем информационное сообщение о состоявшемся 14 октября Пленуме Центрального комитета КПСС. Пленум заслушал ходатайство первого секретаря ЦК Хрущева Никиты Сергеевича об освобождении его от должности ввиду преклонного возраста и ухудшившегося состояния здоровья. Пленум избрал первым секретарем Брежнева Леонида Ильича».

Ох, как он забегал, Штейнберг, как подскочил!

Ох, как бы хуже не было! Все-таки Никита связан тем, что он разоблачал; он уже не может позволить себе того, что позволяли раньше, а этот может. Хуже будет!

Значит, триумвират получился: Брежнев, Косыгин и Микоян.

Борьба между ними может начаться, а в борьбе будут страдать посторонние люди. Мы можем пострадать!

Ох, он волновался!

Ну, я говорю:

— Возможно, конечно. Давайте будем ждать — бесполезно расстраивать себя пока не стоит. Будем ждать, присматриваться...

С восьми до десяти гулять. Уже мои часы так и перешли на Мамулова тогда, а теперь на этого, на Штейнберга.

[Штейнберг:]

— Ну, сегодня я пойду на прогулку. Посмотрю, как эти типы будут реагировать.

Выводят нашу камеру, значит, меня и Штейнберга. Выводят Мамулова, Людвигова и Судоплатова. Выходим на дворик прогулочный.

И Людвигов сразу на Штейнберга, как когда-то Коршаков[1] на меня, — обнимает его.

— Поздравляю, Матвей Азарович! Поздравляю! Наконец-то этого ренегата сбросили!

А до этого всегда — «Никита Сергеевич». Если мы со Штейнбергом говорили, так «Хрущев», а они — нет: «Никита Сергеевич». А здесь уже, значит, «ренегат».

— Ну, сегодня домой поедем! Дома сегодня будем!

Да. А этот, Судоплатов:

— Вероятно, сегодня. Ну уж, думаю, если сегодня не успеют как-нибудь, то завтра — наверное.

Мамулов ходит. Обычно ходили так на прогулке: Штейнберг — Людвигов, я — Судоплатов, Мамулов отдельно.

Мамулов останавливается, поворачивается к нам:

— Я, когда услышал это сообщение, сразу же вспомнил вас, Борис Георгиевич.

Я говорю:

— Почему? Я тут при чем? Какое отношение к отставке Хрущева и замене его Брежневым?

— Вы правильно определили тогда, какой это негодяй!

— Не понимаю...

— А вот вы подсчитывали, сколько раз он упомянул имя товарища Сталина, а потом предал его...

Значит, конечно, я делал это, чтобы показать, что он подхалим. Подхалим был и, как все они, низкопоклонничал перед Сталиным. Вот они друг перед другом старались — один 48 раз, другой — 44 раза, там и сорок были. Ну, остальных я уже не запоминал, потому что трех рекордсменов выявил, а он истолковал, что это я особое внимание Хрущеву — какой он неискренний человек. Ну, это, конечно, так.

Я говорю:

— Но я же не говорил, что он негодяй.

— Но это можно подразумевать было.

Подразумевать! И они — возвращаемся с прогулки, входим в коридор: там сестра ходит, носит лекарства для больных. Больничный же корпус был, грипп в то время свирепствовал даже хуже, чем теперь...

Он увидел сестру, Людвигов:

— Анна Михайловна! Вы мне как-то рассказывали, что вам что-то не зачли и приходится лишнее работать? Сегодня приедем обратно, я сделаю распоряжение, и вам всё засчитают.

---

[1] Один из довоенных подзащитных Меньшагина.

Ну, другой день наступил. Штейнберг уже не идет, я ходил с ними, и ничего. Дней пять прошло, Штейнберг говорит:

— Сегодня пойду, разыграю их.

Вот. Когда выходим мы, их ведут. Штейнберг:

— Вы еще здесь? ...

Людвигов:

— Да, что-то такое. Не знаю.

Судоплатов:

— Конечно, вы знаете, у новых людей, у них столько сейчас забот всяких. Так что до нас не дошло. Я думаю, не напомнить ли нам о себе?

Мамулянц поворачивается:

— Вы совершенно правильно говорите, Павел Анатольевич. Нам надо о себе напомнить.

И, значит, решили они написать властям жалобы. И написали, и сдали. Послали. И недели через две, может, две с половиной, пришел ответ: «Ваша жалоба оставлена без последствий». Они были очень разочарованы. Они считали, что это полная реставрация того режима, который, по сути, их всех вскормил и вспоил. Оказалось, что нет. Хотя Никиту выгнали, но их оставили досиживать.

Людвигов вышел летом, раньше их, когда кончилось двенадцать лет, а эти вышли в 68-м. Мамулов — 30 июня, когда он был арестован, а Судоплатов — 21 августа, когда был арестован.

Сокамерники: Штейнберг

А я со Штейнбергом был. Штейнберг ходил на прогулку редко. Он болел грыжей... Потом вообще он такой очень желчный был человек. Очень удивлялся, когда я рассказывал ему про свои процессы.

— Я никогда не думал, что так может быть.

Потому что, когда его судили, значит, сперва арестовали в 56-м году его любовницу. Что-то она называла — как я понял, хотя точки над i не ставились, это все связано было с венгерскими событиями. Когда проходили события, он работал в разведывательном управлении Министерства обороны. И что-то он там своей любовнице передал, а она кому-то. И ее посадили, а потом и его посадили. И судили их по ст. 58-1б — измена родине. Ему дали 10 лет, ей дали 8 лет. И, значит, он отказался от защиты. «Потому что я считаю, что защитник ни к чему, что это только проформа одна...»

— Нет, — говорю, — смотря как, бывает, что проформа одна, а бывает, что и пользу принесет.

— Так что, вы советуете жаловаться?

Я говорю:

— Конечно.

И он подал жалобу, и ему переквалифицировали с 58-16 на 193-17 (это — преступление военнослужащего) и наказание сократили до фактически отбытого. Он был девять лет и его выпустили в 66-м году, меньше девяти лет, ну, около девяти. Выпустили, и он мне прислал 10 рублей за то, что я его подтолкнул на это дело. Гонорар.

...31 декабря 1965 года, последний день 65-го года, значит, мы собирались Новый год встречать... Он достал елку, такую пластмассовую, у него была, ему когда-то передали, и за моей кроватью поставил эту елку. А вечером — такие были у него всякие штучки, всякие украшения на эту елку — вдруг щелкнул глазок. А уже последнее время я сидел — почти никогда не смотрели (редко-редко когда кто-нибудь идет с обходом, а так они не трогали). И открывается кормушка. Я думаю: значит, заметили елку, и будет сейчас разговор.

Старший по корпусу:

— Штейнберг! Вам телеграмма.

Оказывается, телеграмма от дочки, что она узнала, что пленум Верховного суда по протесту председателя Верховного суда СССР приговор изменил, переквалифицировал обвинение с 58-16 на 193-ю через 17-ю[1]. Меру наказания снизить до практически отбытой, из-под стражи освободить. Ну, он почти десять лет отсидел. Значит, ему оставалось еще около года...

Он, конечно, был очень рад. Сейчас полез в чемоданы, вытащил там свои, что у него было припрятано из посылок, которые ему присылали. И мы стали есть и встречать Новый год, 66-й. Надо сказать, я тоже очень был доволен. Во-первых, произошло это в результате наших разговоров. Ну, он был очень желчный человек и так на все мрачно смотрел. Пессимист был. И к ним относился так, не ахти.

Штейнберга освободили, я опять остался один. И до конца продолжал один.

Сокамерники: на свободе

Прежде всего, с детства как-то у меня сложились такие христианские воззрения, убеждения. Поэтому вот, ну, я считал, что раз Христос терпел и мучился, должны терпеть и мы нужду и всякий голод.

В основном это потому, что не было — вот я когда их видел: они ж страшно озлоблены были, они друг на друга были злы. Вот Мамулянцу делали операцию аппендицита. Уже потом, когда они отдельно жили, Людвигов рассказывал про этот случай:

---

[1] Меньшагин называет статью прежнего (до 1958) УК: «халатное отношение к службе лиц начальствующего состава РККА».

— Вы знаете, его тесть здесь сидел... Он запретил посылать ему, тесть голодал, здесь сидел. Ведь тогда паек какой давали им! Ничего нельзя было получать! Ну, вот нас посадили, а тестя выпустили. И вдруг однажды от тестя приходит посылка... Вы представляете себе его вид, когда он получил посылку от этого тестя, которому — он запретил жене своей с ним вообще отношения иметь. А тот взял и прислал ему посылку. ...А ведь этот [Степан Соломонович] — он пишет в анкете: «Образование — домашнее». А он заместитель министра, генерал-лейтенант! А я окончил педагогическую академию имени Крупской — и только полковник, [а вот он] — в секретарях у Берии. Почему?..

Ну, а когда Людвигов не выходил на прогулку, а был только один Мамулянц, он так говорил:

— Борис Людвигов? Так это негодяй. Это же низкий человек — он отца родного продаст.

Ну, я думаю, что они оба правду говорили.

Судоплатов о своих родных всегда с любовью рассказывал. Он гулял обычно тогда: Штейнберг с Людвиговым, Мамулов один, а Судоплатов со мной. Он рассказывал, что Военно-юридическую академию окончил заочно, получил диплом. Но если какие-нибудь юридические вопросы, он всегда меня спрашивал. Ничего не понимал! Ну, ему, видимо, дали диплом, потому что боялись его. Он же получил диплом, будучи там. Ну, боялись и дали диплом.

Очень он любил рассказывать, как он после парада Победы присутствовал на приеме в Кремле. И он сидел, значит, — адмирал Исаков[1], патриарх Алексий[2] и он. И вот подошел Сталин и чокнулся с Исаковым, но близко находился от Судоплатова уже. Хотя он с ним и не чокался.

Но он о семье своей заботился. Вот всегда рассказывал, какая у него бабушка, какая религиозная... М-да, и много вопросов задавал мне, вот что это значит из церковных слов, а я объяснял ему.

...Мамулов уехал в Сухум, там его жена жила. А вот Людвигов, Судоплатов — эти в Москве. Причем вот с нами, в доме инвалидов[3], живет один кагебист, осужденный на восемь лет, он был осужден за изнасилование несовершеннолетней. А после отбытия шести лет досрочно освобожден, но в Москве ему прописки не дали. А Судоплатов на пятнадцать лет был осужден, и преступление такое — по рангу гораздо худшее, однако, он получил в Москве прописку.

---

[1] Исаков Иван Степанович (1894–1967), адмирал флота СССР.

[2] Алексий I (в миру Симанский Сергей Владимирович, 1877–1970), патриарх Московский и Всея Руси с 1945 г.

[3] Имеется в виду интернат в пос. Княжая Губа.

В заполярном интернате

...Какой хороший котишко! У меня в Княжой Губе есть кот, то же самое, собственный[1].

Скажите, Борис Георгиевич, а вы можете отлучаться надолго из дома престарелых, вас не лишат?

Дом престарелых дается не из любезности, а потому что бродяжничество ведь запрещено. И престарелые должны находиться в доме. Почему меня поместили? Как объяснил Завьялкин, что я должен благодарить.

— Куда же вы пойдете?

Я говорю, что ночь я переночевал бы во Владимире где-нибудь, даже на вокзале, а потом я поеду в Москву разыскивать чьи-нибудь следы.

— Нет, это так нельзя. Вам жить негде, и у вас денег нет. На какие средства вы будете ездить? Мы хлопотали о вас, чтобы вам дали пристанище, и дали, вот, Княжегубский дом престарелых и инвалидов, в пригороде города Кандалакша Мурманской области.

По правилам распорядка, утвержденным Министерством социального обеспечения инвалидов и престарелых, отпуск разрешается на месяц. Ну, а так... ведь им даже выгодно. Я там являюсь председателем культурно-бытовой комиссии по выбору коллектива этих жителей и участвую в составлении меню питания, что неохотно, очень неохотно принимают служащие, которые занимаются этим делом. И потом, там, конечно, в большинстве — люди, давно потерявшие всякий смысл человеческий. Ну, есть некоторые.

Вот один, в прошлом году прибыл, сотрудник Комитета государственной безопасности СССР из Москвы. У него семья здесь живет, жена и дети. Теплый переулок, недалеко от Парка культуры, Кропоткинской. Он был осужден на восемь лет за изнасилование несовершеннолетней. Отбыл шесть лет, досрочно его освободили, но в Москве ему не дали прописки. А так как он уже в возрасте, то направили его в дом престарелых и инвалидов. Чтобы добиться прописки, ему нужно ждать восемь лет — погашения судимости. Это 57-я статья Уголовного кодекса СССР[2], действует еще и сейчас.

«История — мое любимое занятие»

...История — мое любимое занятие. Я очень любил историю. Даже когда кончал гимназию, там мне записали, что проявлял склонность к анализу исторических процессов и пониманию их.

---

[1] О своем коте, Барсике, Меньшагин с нежностью писал в письмах В. И. Лашковой и Г. Г. Суперфину в первой половине 1970-х гг.

[2] На самом деле 57-я статья УК 1926 г. трактовала вопросы погашения судимости только для несовершеннолетних преступников. Восемь лет — срок, достаточный для погашения судимости за особо тяжкие преступления.

Борис Меньшагин
ПИСЬМА

ПИСЬМА НАВЕРХ

1955

Г. М. Маленкову, 29 января 1955 года[1]

29 января 1955 года

Председателю Совета Министров СССР
Г. М. Маленкову
заключенного во Владимирской тюрьме МВД СССР
Меньшагина Бориса Георгиевича

Жалоба

Постановлением Особого Совещания при Министре Государственной Безопасности СССР от 12 сентября 1951 года я на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года осужден к заключению в тюрьме на 25 лет, считая срок с 7 июня 1945 года. Поданная мною в ноябре 1953 года жалоба на имя Министра Внутренних Дел СССР[2], как мне сообщил начальник тюрьмы[3], оставлена без последствий.

Я не могу согласиться с правильностью этого и, учитывая Ваши слова о необходимости строго соблюдать законность и не допускать никаких злоупотреблений в отношении граждан[4], обращаюсь к Вам с просьбой о пересмотре дела по следующим основаниям:

---

1 ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 17–18 (с об.). На л. 17 в самом верху проставлены входящий № (2-172) и дата: «5 февраля 1955». Регистрируя и переправляя 31 января это письмо, начальник Владимирской тюрьмы подполковник Бегун указал номер тюремного дела Меньшагина (№ 333) и обозначил письмо как «закрытое» («гриф», который получали, очевидно, все жалобы заключенных).

2 В это время им был генерал-полковник С. Н. Круглов (1907–1977).

3 С. В. Бегун.

4 *Предположительно* имеется в виду выступление Г. М. Маленкова на собрании избирателей Ленинградского избирательного округа г. Москвы 12 марта 1954: «Жизнь предъявляет новые высокие требования ко всему нашему государственному аппарату. Между тем в его работе до сих пор имеют место бюрократические извращения, с которыми наша партия ведет решительную борьбу. Советский государственный аппарат обязан <...> строго соблюдать советскую законность, не допускать никаких злоупотреблений властью в отношении советских граждан» (Правда. 1954. № 72, 13 марта. С. 2; Известия. 1954. № 61. 13 марта. С. 2).

1) Сущность моего дела в том, что в период оккупации германской армией г. Смоленска, где я до войны работал в качестве адвоката, я занимал должность бургомистра этого города; после отступления немцев из Смоленска был бургомистром в г. Бобруйске, а затем выехал в Германию (своей виновности перед Родиной за указанные действия я никогда не отрицал и по окончании войны я добровольно явился 28 мая 1945 г. к советским властям в г. Карлсбаде в Чехословакии, куда специально для этого пришел пешком из гор. Ауэрбаха в Баварии, находящегося в американской зоне). Я рассчитывал, что теперь, по окончании войны, расследование моей деятельности сможет быть проведено с достаточной полнотой и будут установлены обстоятельства, не только изобличающие мою вину, которой, повторяю, я никогда не отрицал, но и говорящие в мою пользу, положительно рисующие мою деятельность, ради которой, в сущности, я и занялся ею в 1941 году.

2) Но эти предположения мои совершенно не оправдались: благодаря допущенному в процессе расследования нарушению ряда требований УПК РСФСР материал расследования принял односторонний, не отвечающий истинному положению вещей характер.

Незначителен сам по себе, но символичен уже тот факт, что сам срок моего заключения считается не с 28 мая 1945 года, когда я фактически был заключен под стражу, а лишь с 7 июня 1945 г, когда это заключение было санкционировано прокурором. Таким образом формальное соблюдение этой нормы, установленной Конституцией СССР как гарантия граждан от незаконных задержаний, превратилась в свою противоположность, так как форма оторвалась от содержания.

3) Закон требует записи подлинных показаний обвиняемого; следователи же вкладывали мои показания в свои трафаретные формулы, отчего смысл их существенно изменялся. Кроме того, в прямое нарушение ст. 111 УПК РСФСР[1], в протокол допросов совершенно не включены все показания, касавшиеся положительных моментов моей деятельности, а отдельные инкриминируемые мне факты, вырванные из жизни, изолированы от сопутствовавших им обстоятельств, не отражают действительного положения вещей и искусственно создают видимость виновности. До чего этот односторонний обвинительный подход довлел мышлением (sic!) следователя, показывает хотя бы такой факт: он упорно не хотел внести в протокол моих показаний упоминания о моем добровольном

[1] Вот ее текст: «Статья 111. Явка с повинной. В случае явки с повинной устанавливается личность явившегося и составляется протокол, в котором подробно излагается сделанное заявление. Протокол подписывается явившимся с повинной и лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или судьей, составившим протокол» (УПК РСФСР, введено Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г.).

возвращении и самостоятельной явке в особый отдел 48-й дивизии[1], хотя в деле имелся протокол от 28 мая 1945 года о явке с повинной, подтверждающий это обстоятельство.

4) У допрашивавших меня следователей подполковника Пузикова[2], капитана Богданова[3], майора Беляева[4], подполковника Меретукова[5], Козырева[6] и Рыбельского[7] я просил показать мне Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., по которому мне предъявлено обвинение, однако я так и не смог этого добиться: все они заявляли, что у них нет данного Указа при себе и обещали показать в будущем.

5) На содержание следствия, которое в основном производилось в Управлении Государственной Безопасности Смоленской области, существенно повлияло следующее обстоятельство. В день начала следствия, 13 августа 1945 года следователь майор Беляев провел меня к начальнику этого Управления полковнику Волошенко, который при входе воскликнул: «А, смоленский мэр. Пожалуйте, садитесь», потом подошел ко мне вплотную и вдруг отпрянул назад, и воскликнул: «У вас все руки в крови!» Этот прием был им настолько мастерски проделан, что я невольно посмотрел на руки прежде, чем понял аллегоричность этого возгласа, сказал: «Нет, руки мои чисты, и крови я не проливал». Эти мои слова вызвали приступ ярости у Волошенко; он затопал ногами, ударил кулаком по столу и закричал: «Если вы не будете сознаваться, мы на вашей шкуре выспимся!»

По своей большой практике защитника по политическим делам в предвоенные годы, а также из многочисленных рассказов заключенных, которые мне пришлось слышать во время следования по этапу через тюрьмы Праги, Лигнице, Львова, Киева, я знал, что это обещание легко может выйти за пределы аллегорий и в той или иной форме превратиться в действительность, а потому впоследствии неоднократно говорил майору Беляеву, при его настаиваниях по различным вопросам: «Ну, как хотите, мне всё равно». Надо отдать справедливость, что он не всегда пользовался этим

---

[1] По всей видимости, 48-я гвардейская стрелковая Криворожская Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова дивизия, в составе 28-й армии 1-го Украинского фронта. Между 10 мая и 17 июня дислоцировалась в Чехии и занималась прочесыванием местности и задержанием военнопленных и подозрительных лиц.

[2] Пузиков Николай Иванович (1907, Ростов-на-Дону — ?), начальник(?) Особого отдела 149-й стрелковой дивизии 3-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта, подполковник гб. Допрашивал Меньшагина в Карлсбаде (Карловых Варах).

[3] Следователь, допрашивавший Б. Г. Меньшагина в Праге. См. о нем в наст. изд., с. 603.

[4] См. о нем в наст. изд., с. 43.

[5] См. о нем в наст. изд., с. 94.

[6] См. о нем в наст. изд., с. 94.

[7] Правильно – Гребельский. См. в наст. изд., с. 94.

моим согласием, спрашивая иногда: «А фактически-то было это?», и когда я снова повторял: «Нет», он удовлетворялся и прекращал свои настояния, но по ряду моментов поступал иначе. В частности, он вложил в мои уста заявление о якобы отрицательном моем отношении к евреям, как нации революционной. Вздорность этого отвергается как тем, что у меня в довоенное время был целый ряд приятелей-евреев среди моих коллег по адвокатуре, с которыми я находился в лучших отношениях, чем со многими русскими, так и моим поведением по отношению к евреям в период оккупации: радикальной помощи я им оказать не мог, но по мере моих возможностей помогал, нарушая этим данную мне немецким SD инструкцию. Так, я не привел в исполнение постановления Комендатуры (немецкой) о взыскании с евреев по солидарной ответственности 50 000 рублей[1] единовременного налога в пользу Городского Управления в октябре 1941 года. Несмотря на запрещение, я регулярно выдавал им соль с соляного склада, которую они и обменивали затем на продукты у крестьян, что значительно облегчало им продовольственное положение; отпустил строительные материалы для ремонта поврежденных при воздушной бомбардировке в апреле 1942 г. строений, в которых они проживали, на что я тоже не имел права. Об убийстве евреев 16 июля[2] 1942 года я узнал post factum от своего заместителя Гандзюка, который, по словам генерала из 2-го Управления М. Г.Б. (фамилии его не знаю)[3] на допросе в ночь 25 января 1946 года, якобы присутствовал при этом убийстве. Мне кажется, что этот факт сам по себе характерен: немцы, придерживавшиеся всегда строгой субординации, на этот раз обратились в обход меня непосредственно к Гандзюку, не считая меня, видимо, пригодным для этого дела.

6) При объявлении мне 10 сентября 1946 года об окончании следствия, я в порядке ст. 206 УПК[4] просил дать мне возможность написать дополнительные собственноручные показания, имея при этом в виду внести коррективы к своим прежним показаниям, изуродованным благодаря вышеупомянутым приемам следователя. Предъявлявший мне дела подполковник Козырев заявил, что ходатайство мое будет удовлетворе-

---

1 Вместе с тем он наложил на гетто штраф на вдесятеро меньшую сумму — в 5000 рублей (Документ №4.10).

2 Аберрация памяти: ликвидация Смоленского гетто состоялась в ночь с 14 на 15 июля 1942 г. См. в наст. издании, с. 46–52. См. также: *Полян П.* Борис Меньшагин и Смоленское гетто // Лехаим. 2019. № 6. С. 21–26.

3 Имеется в виду генерал-лейтенант П. В. Федотов. См. о нем в наст. изд., с. 101.

4 Ее текст: «Следователь направляет дело для придания обвиняемого суду после того, как установлены: событие преступления, имя, отчество и фамилия виновного, его возраст, обстоятельства, дающие основания для предания обвиняемого суду, судимость, классовая принадлежность и социальное положение, место, время и мотивы совершения преступления, если установить их было возможно».

но; подтверждал это потом и подполковник Рыбельский, к которому мое дело перешло от Козырева. Однако, несмотря на то что после объявления окончания следствия я пробыл на положении подследственного во Внутренней тюрьме М.Г.Б. СССР еще 5 лет, так и не удосужились исполнить это обещание.

7) Как естественное, в силу законов диалектики, последствие такого нарушения формы следственного процесса является недоброкачественность его содержания в смысле неадекватности его фактическому положению вещей. Как пример приведу следующий случай. По словам одного из моих следователей подполковника Меретукова, всё дело мне портит случай с арестом мною девушки-разведчицы, по-видимому, расстрелянной немцами. В протоколе допроса коротко записан самый факт, но все обстоятельства, при которых он произошел, опущены, а сводятся они к следующему. В ноябре 1942 г. ко мне на прием явилась молодая девушка с просьбой разрешить ей проживание в Смоленске; на мой вопрос, откуда она прибыла, она ответила: «Из Горького». Такой ответ озадачил меня, и я стал расспрашивать подробно. Девушка заявила, что она жительница Ильинского района Смоленской области[1]: с началом войны эвакуировалась в г. Горький, но там ей было скучно, и она решила вернуться на родину. Поездом доехала до г. Торопца, пешком дошла до линии фронта, перешла его, пришла в Ильино, но оно всё выгорело, и она решила идти в Смоленск и жить там. Я спросил ее, чем она занималась в г. Горьком, через какие станции ехала до Торопца, был ли у нее пропуск от советских властей, на что та ответила, что в Горьком ничего не делала, пропуска не было, а через какие станции ехала — не помнит. Я плохо знал о положении вещей в СССР в это время, но поверить, чтобы в это трудное время молодую, здоровую девицу кормили бы и не заставили работать в течение более года, я никак не мог, а самый рассказ о поездке был совершенно неправдоподобен; было ясно, что она лжет, но причину этой лжи я истолковал неверно.

Дело в том, что у меня в это время был острый конфликт с начальником Смоленского Окружного Управления Р.К. Островским, белоэмигрантом, впоследствии Президентом так называемой Белорусской Рады; Островский усиленно добивался у немцев снятия меня с должности бургомистра г. Смоленска, не гнушаясь при этом различных провокаций; особенно активную роль играли в этом деле его племянники Д. Космович и М. Витушко, до войны польские полицейские в г. Несвиже, а в то время возглавлявшие Смоленскую окружную полицию. Так как дня за 3 до этого я получил распоряжение немецкой комендатуры о том, что все лица, которым я даю

---

[1] Сейчас территория бывшего Ильинского района входит в состав Западнодвинского и Жарковского районов Тверской области.

разрешение на проживание в Смоленске, должны после этого получить в окружной полиции визу об их благонадежности, у меня сразу мелькнула мысль, что эта девушка подослана ко мне окружной полицией; эта мысль еще более укрепилась во мне, когда девушка на мое предложение перестать рассказывать сказки, а говорить серьезно, откуда она и почему у нее в паспорте нет никакой послевоенной[1] прописки, стала кричать и ругать меня, что в свою очередь рассердило меня, и я подверг ее аресту при полиции на 3 дня и через дежурного полицейского отправил в арестное помещение, будучи совершенно уверен, что это полицейский агент, которые в надежде на защиту полицией часто держали себя дерзко. Но часа через 2 ко мне пришел заместитель начальника политического отдела полиции Миллер и спросил, как мне удалось задержать эту особу, которую они уже давно разыскивают как разведчицу, переброшенную через линию фронта на самолете.

Для меня это было полной неожиданностью; никакого умысла губить ее я не имел; если бы таковой был, то, конечно, я не отправил бы ее к своим врагам в русскую полицию, а [отправил бы] к немцам, где мое положение вообще, а в то время в особенности, было шатко, но я этого[2] никогда не делал. Об этом случае знали только я и Миллер, находившийся в последнее время войны в Линце в Западной Австрии. Я сам рассказал об этом эпизоде на следствии, чего, конечно, не могло бы быть, если бы он в самом деле был предательством, а не злосчастной ошибкой, о которой я тогда же горько сожалел[3].

8) Я не только не занимался предательством, но делал всё, что мог, чтобы помочь бедствующим соотечественникам. Когда получил распоряжение проставить на паспортах проживающих в Смоленске коммунистов — букву «К», а список их прислать в комендатуру, я сообщил, что известных для меня коммунистов в Смоленске нет, хотя они не только были, но и в большом количестве работали в подведомственных мне учреждениях и предприятиях, а некоторые под мое личное поручительство были освобождены из плена, с укрытием, конечно, их бывшей принадлежности к партии.

Вообще же по моим ходатайствам и поручительствам было освобождено из плена и лагеря для интернированных, а также снабжено паспортами убежавших от 3000 до 4000 человек, 99 % из коих были мне лично совершенно неизвестны. Всю эту работу я проделал лично, так как

---

1 Имеется в виду Гражданская война.

2 Имеется в виду отправка просителей в полицию.

3 См. об этом эпизоде подробнее в наст. изд., с. 487–488. Допрос, во время которого Меньшагин рассказывал о нем следователю, состоялся 17 августа 1945 г. Имя женщины не приведено и в протоколе допроса, но отмечено, что ее отправили в «Абверкоммандо-303» (Из ответа зам. начальника ЦА ФСБ Н. А. Иванова Г. Г. Суперфину от 22 марта 2019 г.).

необходимо было в каждом индивидуальном случае подобрать соответствующую мотивировку для ходатайства им для решения о выдаче документов беспаспортным, чтобы не навлечь подозрения немцев. Насколько мне известно ни один бургомистр, по крайней мере в зоне, охватывающей Белоруссию, Орловскую и Брянскую области, не мог сравниться в этом отношении со мной.

9) Совершенно несправедливо и голословно и обвинение в пособничестве моем в отправке немцами русских на работу в Германию. Я не только не содействовал этому, но всячески противился, создавая для укрытия молодежи от немецкой биржи труда всевозможные должности и организации, как балет, оркестр, хоры — исключительно для того, чтобы эти люди считались занятыми на городской службе и таким образом избежали бы обязательного труда; для этой же цели я организовал общественные работы с сокращенным 5-часовым рабочим днем. Когда же биржа труда предложила мне уволить 3 молодых возраста[1], передав их ей, я отказался под предлогом невозможности их заменить. В результате из числа жителей Смоленска было отправлено в Германию лишь незначительное число лиц, работавших непосредственно в немецких частях и учреждениях, в отношении которых я был бессилен. Ни один человек из более 5000 работавших под моим ведением отправлен не был ни в Смоленске, ни в Бобруйске; я даже не позволил себе увольнять за проступки людей, которые по возрасту подходили для отправки в Германию.

10) Отношения мои с немецкой полицией SD с начала и до конца были плохие; в феврале 1942 г. у меня был произведен обыск и изъята политическая литература (сочинения Маркса, Энгельса, Ленина и др.; никаких связей, кроме представления месячных информаций о положении в городе, я не имел; даже в ходатайствах за арестованных сотрудников (Андреев, Дьяконов и многие другие) мне приходилось прибегать к чьему-либо посредничеству, так как лично меня там очень недолюбливали. К контрразведке, действительно, я дважды обращался через посредство владельца мельницы Н.Н. Мельникова: во время борьбы своей с упомянутым выше Р.К. Островским, когда я в январе 1943 г. был фактически отстранен, по его требованию, от должности, и в отношении бывшего начальника Дорогобужского района Я.Я. Капранова; благодаря этим моим контрмерам оба они были разоблачены в их провокационной деятельности как агенты SD и переведены из Смоленска в другие районы. О Капранове в этой связи я давал показания в заседании военного трибунала по его делу в ноябре 1945 года. Никаких других связей у меня не было.

11) Вот основные мои обвинения. О ряде других моментов, касающихся, как обвинения, так и положительной деятельности, я не могу

---

[1] Имеются в виду три годовые возрастные когорты.

касаться в этой короткой жалобе; отмечу лишь, что из разговоров со следователями и в Смоленске, и в Москве я узнал, что довольно хорошо были информированы о ней, хотя в деле, которое я видел, это и не отражено. Но во всяком случае я считаю, что в моих действиях совершенно нет тех квалифицирующих признаков, которые предусмотрены 1 частью Указа от 19/IV-1943. Мне неоднократно в процессе следствия приходилось слышать лестную оценку своих способностей и деловых качеств; и мне кажется, что при таком положении психологически невозможен был бы факт моего добровольного возвращения в СССР, если бы я действительно запятнал бы себя предательством и тому подобными преступлениями. Я вернулся потому, что, хотя и был виноват, но ничего отягощающего вину за собой не чувствовал. Между тем я уже 10-й год нахожусь в одиночном заключении. Переписка с родными мне запрещена; до декабря 1954 года я не мог даже употреблять свою фамилию. Применение такого исключительного режима к человеку, добровольно явившемуся с повинной, я считаю совершенно несправедливым и прошу Вас, Георгий Максимильянович, о распоряжении пересмотреть мое дело и понизить наказание.

29 января 1955 года, г. Владимир. Б. Меньшагин.

Н. А. Булганину, 20 сентября 1955 года[1]

20 сентября 1955 года

Председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину.
[от] Меньшагина Б. Г., заключенного во Владимирской тюрьме МВД

13 сентября при переговорах с представителями Германской Федеральной Республики Вы заметили, что те советские граждане, которые возвратятся из Западной Германии на Родину, не будут строго наказываться за совершённые ими против Советского Государства проступки. После прихода немецкой армии уехал в Германию, но еще в мае 1945 года при 1-й возможности я добровольно вернулся, перейдя из Ауэрбаха в Западной Германии в советскую зону, где сразу же явился в органы Государственной безопасности с повинной. Мне кажется, что такой факт не мог бы иметь места, если бы я был отягчен каким-либо особо тяжкими преступлениями из тех, что предусмотрены 1-й частью указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, да и продолжавшиеся более 6 лет предварительные следствия являются, на мой взгляд, косвенным доказательством этого.

Тем не менее, постановлением Особого совещания при бывшем Министерстве государственной безопасности СССР от 12 сентября

[1] АММ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 274 об.

1951 года я осужден в силу 1-й части указа Президиума Верховного совета СССР от 19 апреля 1943 г. к заключению в тюрьму на 25 лет, что в условиях моего возраста (я родился в 1902 г.) является пожизненным заключением.

Помимо этого, ко мне не применяется обычный режим, установленный правилами МВД СССР для срочных заключенных в тюрьмах МВД СССР. Более 10 лет я нахожусь в одиночном заключении, лишен переписки, передач, посылок и т. п.

Мне кажется логически совершенно бесспорным, что, если не будут строго наказываться те, кто сейчас будет возвращаться в СССР, то тем более это должно быть применено к человеку, сделавшему это более 10 лет тому назад.

Поэтому я прошу Вашего распоряжения о пересмотре моего дела и соответствующем облегчении моей участи.

Более подробные соображения о неправильности вынесенного в отношении меня судебного решения я привел в жалобе, поданной мною в январе 55 на имя Г. В. Маленкова, бывшего в то время председателем Совета Министров СССР.

20 сентября 1955 г., г. Владимир.

1958

Председателю Верховного суда РСФСР А. Т. Рубичеву[1], 15 ноября 1958 года[2]

15 ноября 1958 года

Председателю Верховного Суда РСФСР
Меньшагина Бориса Георгиевича
по делу Особого Совещания при быв. МГБ СССР по обв. по 1 ч. Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г.

Жалоба ОУ8-146[3]

Постановлением Особого Совещания при бывшем Министерстве Государственной безопасности СССР от 12 сентября 1951 г. я осужден на основании ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. к заключению в тюрьму на 25 лет, считая срок с 7 июля 1945 г. (следствие по делу заканчивалось во 2-м Управлении МГБ СССР).

---

[1] Рубичев Анатолий Тимофеевич (1903–1973), председатель ВС РСФСР в 1939–1945 и 1957–1962 гг.

[2] ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 39–40. Надпечатка вверху: «Подано 19/IX-1958 г. тюрьмы № 2».

[3] Номер вписан представителями адресата.

Указанное Постановление я считаю неправильным и прошу о пересмотре его Верховным Судом РСФСР в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1956 г.[1]

Сущность моего дела в том, что, находясь в оккупированном германской армией Смоленске, где я проживал до войны, работая в Коллегии адвокатов, я занимал по назначению германского командования должность бургомистра города Смоленска, эвакуировался при отступлении германской армии на запад, где и находился до окончания войны, после чего добровольно явился с повинной 28 мая 1945 г. в г. Карловы Вары в Чехословакии, куда в этот день перешел из г. Ауэрбаха в Западной Германии. С этого дня я нахожусь в заключении, причем с 30 ноября 1945 г.[2] и до сегодняшнего дня — в одиночном заключении. Начиная с момента моей явки с повинной, я никогда не отрицал своей вины перед Советским государством, выразившейся в факте моей работы с оккупантами, однако квалификация по 1 ч. Указа от 19 IV 1943 г. является неправильной.

Квалификация эта возникла в Особом отделе дивизии, находившейся в Карловых Варах, сразу же после моей явки с повинной, когда в распоряжении этого органа никаких данных обо мне, кроме моих личных показаний, не было. Эта квалификация закреплена при оформлении моего ареста 7 июня 1945 г. и автоматически следовала на протяжении предварительного следствия вплоть до Постановления Особого Совещания, хотя в мотивировочной части его сказано, что я осужден за измену Родине и предательскую деятельность. Сам я с содержанием Указа от 19. IV.1943 г. не знаком, так как, несмотря на мои многократные просьбы показать мне текст этого Указа, 6 следователей, последовательно сменявших друг друга при проведении следствия, неизменно отвечали, что у них нет его под руками, обещая показать его в другой раз, что так и осталось в нарушение ст. 135 УПК невыполненным. Между тем для меня ознакомление с содержанием Указа имело большое значение. После того, как в 1956 г. при допросе меня в качестве свидетеля следователь местного отдела Комитета Государственной Безопасности выразил удивление

---

1 Указ «О подсудности дел о государственных преступлениях». Ср.: «1. Установить, что все дела о государственных преступлениях, совершённых гражданскими лицами, кроме дел о шпионаже, подсудны областным, краевым и Верховным судам автономных и союзных республик, а также Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР. <...>; 2. Предоставить указанным выше судебным органам право рассматривать протесты на приговоры, определения или постановления, вынесенные по делам данной категории, до издания настоящего Указа. <...> Приговоры других военных трибуналов, а также постановления, вынесенные во внесудебном порядке, могут быть пересмотрены президиумами областных, краевых и Верховных судов автономных республик».

2 То есть от даты перевода из Смоленска в Москву.

по поводу осуждения меня по этому Указу особым совещанием, тогда как, по его словам, эти дела подсудны лишь Военным трибуналам и относятся только к тем случаям пособничества немцам, которые сопровождались особо отягчающими обстоятельствами.

После этого я предпринял попытки ознакомиться с Указом, но в официальных изданиях Уголовного Кодекса РСФСР 1950 г., 1953 г., которые мне удалось видеть, этот Указ помещен не был, а помощник Владимирского областного прокурора по надзору за местами лишения свободы, обещавший мне в марте разыскать текст данного Указа, в конце концов сказал, что ни в областной прокуратуре, ни в области, ни в коллегии адвокатов его не нашлось.

Но уже само Постановление Особого Совещания говорит об отсутствии в действиях каких-либо особо отягчающих обстоятельств, ибо мотивировочная часть его говорит лишь: «За измену Родине и предательскую деятельность»; последней же, как мне приходилось слышать, выступая в 1945 г. свидетелем по нескольким делам[1], подразумевается всякая работа с оккупантами. Таким образом, мотивировочная часть Постановления находится в противоречии с квалификацией обвинения.

Да совершенно ясно, что если бы были установлены какие-либо тяжелые преступления, то не было бы надобности тянуть следствие более 6 лет и всё же заканчивать дело келейным образом через особое совещание, а не через суд, как были осуждены за подобные дела виновные в них в Орле, Великих Луках, Людинове[2] и др.

---

[1] Имеются в виду не процессы, а допросы во время нахождения в следственном изоляторе.

[2] Первым бургомистром Орла был А. А. Шалимов, в марте 1942 г. расстрелянный за связь с партизанами. Вторым и последним — Александр Сергеевич Старов (наст. фамилия Старых), офицер царской армии, до войны работавший завхозом в Орловской областной конторе Сельхозснаба. В городской управе возглавлял также Главный отдел просвещения, культуры и культа, а его жена ведала распределением продовольствия среди малоимущих (см.: *Ковалев Б.Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009. С. 137, 140). См. о нем также в воспоминаниях В.Д. Соколова (псевдоним «Владимир Самарин»), сотрудника орловской оккупационной газеты «Речь» (*Будницкий, Зеленина,* 2012. С. 264, 277). Сыскное отделение полиции (или «Русское гестапо») в Орле возглавил Михаил Букин, отличавшийся особой жестокостью по отношению к подпольщикам, схваченным полицией. В апреле 1943 г. он был награжден оккупационными властями орденом «За храбрость». Комиссар гестапо г. Орла дал ему такую характеристику: «Букин был одним из злейших врагов коммунистов и советской власти. Точно выполнял все задания гестапо, сам проявлял большую инициативу в деле преследования мирного советского населения, выступающего против немцев». 20–26 ноября 1957 г. в Орле состоялся суд над М. Букиным. По приговору суда он был расстрелян как изменник Родины (см.: http://xn---57-qdd4aqo.xn--p1ai/pages/aadress.php?page=245).

Сам по себе срок между началом моего дела и окончанием его настолько чудовищен, настолько не соответствует срокам, установленным ст. 116 УПК, что ставит под вопрос законность и правильность осуждения. Да и психологически невероятно, чтобы человек, знающий за собою кровавые дела, мог бы добровольно вернуться сразу же по окончании войны, фактически при первой к этому возможности.

Нет никаких сомнений, что если бы подобные дела с моей стороны действительно имели бы место, то о них знали бы в Смоленске, а между тем в свидетельских показаниях о них нет речи.

Мои показания в нарушение ст. 138 УПК не только не записывались дословно, но вкладывались в стандартные, штампованные формулы, искажавшие дух, а иногда и смысл этих показаний, причем всё, служившее в оправдание или ограничение ответственности, исключалось вовсе.

Например, я по своей инициативе рассказал случай, как в ноябре 1942 г. ко мне на прием явилась девушка и заявила, что она уроженка Ильинского района Смоленской обл., в 1941 г. эвакуировалась в г. Горький, но там ей не понравилось, и она вернулась на родину, где обнаружила, что ее дом сгорел, а потому хочет жить в Смоленске и просит ее прописать; задав ей ряд вопросов, я установил, что это само по себе неправдоподобное объяснение является бесспорной ложью, о чем и сказал ей. В ответ на это она стала шуметь, ругаться, за что я арестовал ее на 3 дня; при этом я был уверен, что она явилась ко мне с провокационной целью по поручению Окружной полиции, во главе которой стоял В. Космович, бывший польский полицейский из Несвижа, племянник начальника Смоленского округа Р. К. Островского, белорусского националиста и в будущем президента так называемой «Белорусской рады». Этот Островский и раньше прибегал в отношении меня к провокационным приемам, как лично делая различные антинемецкие предложения, так и засылая своих агентов;

О бургомистре Великих Лук Б. И. Чурилове см. в наст. изд., с. 97. В центральной печати сведения о послевоенной судьбе бургомистров и членах управ, как правило, не публиковались. Источником сведений для Меньшагина могли послужить разве что спорадические разговоры со следователями, несколько раз допрашивавшими его по делам третьих лиц.

Первым бургомистром Людиново в Калужской области был Сергей Алексеевич Иванов, бывший нэпман, вторым — Аким Павлович Василевский. 20–22 марта 1957 г. в Людиново, проходил открытый судебный процесс над изменником Родины и бывшим людиновским полицейским Дмитрием Ивановичем Ивановым, в течение около 15 лет скрывавшимся под чужими именами на территории СССР. Приговорен к расстрелу, расстрелян 21 июня 1957 г. (см. в сети: http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/safonov-valerij/ne-svolochi-ili-deti-razvedchiki-v-tilu-vraga/2). См. его надзорное дело: ГА РФ. Ф. А-461. Оп. 2. Д.8098 (обвинен по ст. 58-1а УК РСФСР). См.: *Фетисов Г.* Процесс в Людинове // Известия. 1957. 23 марта. С. 4.

он всячески добивался снять меня с должности, так как я препятствовал задуманной им «белорусизации» Смоленска. Предположение о провокаторской роли данной девушки были тем вероятнее, что за несколько дней до этого случая немецкая комендатура предложила мне всех лиц, которым я разрешу проживать в Смоленске, направлять в окружную полицию для проверки их благонадежности. И для меня явилось совершенно неожиданным, когда вечером этого дня я услышал, что в доставленной для отбытия ареста девушке в полиции опознали разыскиваемую ими парашютистку. Если бы я мог подозревать это, то просто отказал бы в прописке, как делал это неоднократно и до и после этого случая в отношении лиц, сообщавших о себе ложные сведения, но никогда не задерживал их. Из всего сказанного выше в протокол допроса записали лишь, что я арестовал девушку, оказавшуюся парашютисткой, что придает делу совершенно другое освещение.

Кроме этого случая на допросе шла речь о 3 случаях массовых убийств, совершённых немецкой полицией SD: душевнобольных, цыган и евреев, а также о вывозе советских граждан на работу в Германию.

Первые 2 случая массовых убийств имели место не в г. Смоленске, а в дер. Гедеоновке и Александровском Смоленского района, который ко мне не имел отношения. Об убийствах этих я узнал спустя 3–4 месяца после совершения их. Полная моя непричастность к этому была настолько очевидна, что следователь без дальнейших рассуждений вкратце записал мой ответ, и вопрос этот больше не поднимался. Об убийстве евреев, происшедшем в ночь на 16 июля 1942 г., я узнал утром этого дня от своего заместителя Г.Я. Гандзюка, который, по словам генерала (фамилии не знал), допрашивавшего меня во 2-м Управлении М.Г.Б. СССР в ночь на 25 января 1946 г. (протокол допроса не составлялся), — присутствовал якобы при убийстве, лично я этого не знаю. Как я, так и 2-й мой заместитель профессор Б.В. Базилевский восприняли сообщение Гандзюка совершенно одинаково — как страшное злодеяние. Неосведомленность моя о предстоящем убийстве отражена в протоколе, но в какой-то туманной формулировке (содержание ее и сейчас уже не помню). Совершенно не записаны мои показания о том, что я, начиная с сентября 1941 г., ежемесячно выдавал еврейской общине, вопреки запрещению SD, соль для товарообменных операций на рынке, где соль была в большой цене; что, не имея никакой возможности сделать это в отношении всех, я отдельным евреям выдал документы как русским. Следователь Беляев говорил мне, что из числа таких спасенных мною лиц он видел Шламовича, но ни допроса его, ни записи моего показания в деле нет, как нет и протокола допроса бывшего начальника снабжения Смоленского Городского Управления Н.П. Андреева, хотя сам Беляев говорил мне, что Андреев не только подтвердил мое показание о систематическом отпуске соли

евреям, но и рассказал, как сотрудники отдела снабжения исправляли в документах количество отпущенной соли в сторону увеличения и разницу сбывали в свою пользу, рассчитывая, что если бы даже я и узнал бы об этом, то смолчал бы, опасаясь неприятностей себе за запрещенное снабжение евреев.

Что же касается отправки граждан на работу в Германию, то я не только не содействовал этому, но всеми средствами протестовал «не без успеха». Я создал при Городском Управлении ряд культурных организаций, как то: балет, 3 оркестра, 2 хора, музыкальную школу исключительно для того, чтобы зачисленную туда молодежь освободить от биржи труда, которая всех незанятых молодых отправляла в Германию. С этой же целью в отделе общественных работ состояли в списках столько народа, что, не имея возможности занять всех полный день, я установил для них сокращенный 4-часовой рабочий день, чтобы избежать увольнений и связанного с ними перехода на учет биржи труда. В результате из жителей города в Германию было отправлено только несколько человек из числа работавших непосредственно в немецких частях. Иное положение было в Смоленском районе, откуда отправлено было довольно много народа. Но в отношении их я мог лишь сочувствовать и негодовать, служебного же отношения к Смоленскому району я никакого не имел. Следственные органы знали эти факты, но всё же в протокол допроса записали только то, что отправляемых свидетельствовали подчиненные мне враги, хотя в данном случае они выполняли это за отдельную плату от биржи труда по совместительству, а не как городские служащие.

Совершенно не отражены в протоколах допросов такие обстоятельства, как: а) освобождение по моим ходатайствам и моим личным поручительствам более 3000 человек из лагеря военнопленных, из которых 99% я лично не знал; б) отсутствие отдельного учета коммунистов, причем на соответствующее распоряжение комендатуры с предложением отметить паспорта быв[ших] коммунистов буквой «к» я сообщил, что известных мне коммунистов в городе нет, хотя ряд их состоял даже на службе в городском управлении; в) энергичное сопротивление запланированному немецким гарнизонным врачом открытию дома терпимости, в результате чего это не состоялось.

Не записаны и мои объяснения по показаниям свидетеля священника Горанского[1] о якобы данном ему поручении передавать немцам полученные им, как священником, сведения о настроении населения. Само это

---

[1] Горанский Александр Михайлович (1881–1945), русский, беспартийный, священник в с. Новый Двор. Арестован 14 сентября 1945 г., содержался в тюрьме № 1 Смоленска. Осужден 10 июня 1946 г. ОСО. Приговор: 5 лет ссылки. Реабилитирован 31 октября 1992 г. (Книга памяти Смоленской области).

показание вызвано именно тем, что я не разрешил Горанскому службу в церквах г. Смоленска в связи с его открытым отречением от сана и от христианской религии в 1936 г. в местной газете. И если я не мог воспрепятствовать службе его в с. Новый Двор Смоленского района, так как это не входило в мою компетенцию, то тем меньше я мог давать какие-либо задания. Следователь Беляев заметил: «Мы так и думали, что он врет». Однако протокол показаний Горанского в деле имеется, а моих объяснений нет.

Всё это достаточно убедительно говорит о полном отсутствии необходимой объективности при ведении следствия и полном игнорировании требований ст. 111–112 УПК. На ход следствия наложило печать обстоятельство, происшедшее в самом начале его 13 августа 1945 г., когда майор Беляев при первом свидании со мною предложил пройти к начальнику Смоленского обл. Управления гос. безопасности полковнику Волошенко. Когда мы вошли в его кабинет, Волошенко сказал: «А, мэр Смоленска! Пожалуйте!» Затем подошел ко мне, вдруг отшатнулся и воскликнул: «У вас руки в крови!» Когда я ответил: «Нет, я ничьей крови не проливал», Волошенко затопал ногами, застучал кулаком по столу и закричал: «Если вы не будете сознаваться, то мы на вашей шкуре выспимся».

И действительно спорить о чем-либо было бесполезно, да и к тому же полуголодному, измученному недосыпанием из-за ежедневных ночных допросов в течение 3 ½ месяца, всё было безразлично.

30 ноября 1945 г. мое дело было передано для дальнейшего ведения во 2-е Управление МГБ СССР, и сам я перевезен во Внутреннюю тюрьму МГБ СССР в Москве. Здесь первые года полтора иногда вызывали на допросы, но протоколы их писали только при допросах в качестве свидетеля о других лицах, а показания обо мне самом не записывались вовсе.

10 сентября 1946 г. мне было предъявлено для ознакомления 3 тома дела, я просил дать мне возможность написать собственноручное показание, имея в виду по возможности восполнить указанные выше дефекты в протоколах моих допросов. Подполковник Козырев, предъявивший дело, сказал, что эта просьба будет удовлетворена, но, хотя я пробыл там после этого еще 5 лет и несколько раз вызывался на допросы, обещание осталось невыполненным.

После издания 17 сентября 1955 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР об амнистии осужденным за пособничества врагу администрация Владимирской тюрьмы № 2, где я нахожусь с 30 сентября 1951 г., наметила применение ко мне ст. 2 этого Указа; однако Прокуратура СССР после проволочки, длившейся более года, отказала в применении ко мне амнистии, хотя в ст. 4 Указа прямо записано, что амнистия не применяется только к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан, я же осужден за измену и предательскую деятельность,

и карателем никогда не был, кроме того, я добровольно явился с повинной, что в силу ст. 8 нового же Указа является смягчающим обстоятельством.

Осенью 1956 г. в тюрьме здесь работала особая Комиссия Президиума Верховного Совета СССР по пересмотру дел о политических преступлениях; однако мое дело совсем не рассматривалось этой комиссией.

Имея в виду, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1956 г. пересмотр дел, разрешенных в свое время Особым совещанием, возложен на Верховные суды республик и Президиумы областного суда, учитывая, что следствие по моему делу заканчивалось 2-м Управлением МГБ СССР[1], я прошу об истребовании моего дела из КГБ СССР и о принесении протокола на предмет изменения квалификации обвинения на ст. 58-1-а УК РСФСР с освобождением от дальнейшего наказания в силу амнистии согласно ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г.

15 ноября 1958 г.
Б. Меньшагин.

1962

Н. С. Хрущеву, 21 ноября 1962 года[2]

21 ноября 1962 года

Многоуважаемый Никита Сергеевич!

Мне очень неудобно обращаться к Вам, так как хорошо понимаю Вашу занятость и перегруженность государственными делами, и, если я всё же позволяю себе это, то только потому, что испробовал все другие средства и потерял надежду найти другим путем справедливое к себе отношение.

Я, Меньшагин Борис Георгиевич, в данное время заключенный тюрьмы № 2 в г. Владимир. Во время последней войны я сотрудничал с немецкими оккупантами, работая бургомистром в г. Смоленске, где проживал до войны, а после изгнания немцев оттуда — в той же должности в Бобруйске; летом 1944 г. бежал в Германию. По окончании войны, 28 мая 1945 г. перешел из американской зоны оккупации в советскую и явился с повинной, был арестован, привлечен по 1-й части Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19/IV-1943 г. и препровожден во Внутреннюю тюрьму МГБ СССР, где просидел до 30 сентября 1951 г., когда мне объявили постановление особого совещания при МГБ СССР от 12 сентября

[1] Контрразведка.
[2] ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 55–56.

1951 г. об осуждении меня к 25 годам тюремного заключения и отправили во Владимирскую тюрьму, где нахожусь до сего дня.

Вины своей перед Советским Государством я никогда не отрицал и наказание нес без ропота. Но после того, как был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17/IX 1955 г. об амнистии лиц, сотрудничавших с немецкими оккупантами, это наказание потеряло свой законный и справедливый характер. Администрация тюрьмы после издания Указа от 17/IX 1955 г. применила его ко мне, но вопрос этот заглох в Прокуратуре, куда был передан на согласование и, лишь после моей жалобы Вам в ноябре 1956 г., Прокуратура СССР 30/IX 1956 г. ответила, что амнистия на меня не распространяется.

В последующие годы я еще раза 3 обращался с жалобами, приводил веские и бесспорные, на мой взгляд, юридические доводы о несправедливости отказа в применении ко мне амнистии, указывал на грубые нарушения закона при расследовании дела, но всегда следовал один ответ: объявите Меньшагину, что амнистия к нему, как совершившему тяжкое преступление, не применима. В августе 1960 г. я обратился с жалобой по этому поводу к Вам, Никита Сергеевич, но мое обращение было отослано в Прокуратуру СССР, откуда пришел тот же трафаретный ответ.

Конечно, измена Родине (а в постановлении особого совещания МГБ СССР сказано, что я осужден за измену Родине) — тяжкое преступление. Однако, Указ от 17/IX 1955 г. и имеет в виду эти тяжкие преступления, за исключением оговоренных в ст. 4 этого Указа: карателей, осужденных за убийства и истязания советских граждан. Я всегда утверждал и со всей ответственностью повторяю сейчас, что никогда не участвовал ни в каких убийствах или истязаниях и не был карателем, а, следовательно, и не подпадаю под действие ст. 4 Указа; расширять же рамки этой статьи, конечно, никто, в том числе и Прокуратура, не вправе. Указ от 17/IX 1955 определяет как особо смягчающее вину обстоятельство явку с повинной. В моем деле имеется специальный протокол, составленный 28 мая 1945 г. следователем особого отдела, кажется, 48-й дивизии Клестовым о моей явке с повинной. Однако это обстоятельство, имеющее важное отношение к решению вопроса об амнистии, упорно игнорируется.

Я родился в 1902 г.; по окончании средней школы добровольцем вступил 19 июля 1919 года в Красную Армию, где и служил до 1 июня 1927 г. В дальнейшем работал в адвокатуре. В 1937 г. меня как одного из наиболее квалифицированных защитников стали назначать для участия в проходивших тогда в Смоленске показательных процессах «вредителей». Вскоре вообще 70–75% моей работы проходило в закрытых заседаниях суда, рассматривавшего политические дела. То, что я увидел

там, потрясло всё мое существо, вызывало гнев и возмущение. Хорошо помню 1 сентября 1939 г. Мне пришлось при подобных обстоятельствах встретиться с бывшим моим командиром по службе в Красной Армии комбригом П. М. Ступиным. Я знал его как боевого, энергичного, всецело преданного делу командира, орденоносца, а сейчас видел издерганного, с дрожащими руками, плачущего человека. Слушая рассказ о насилиях и издевательствах, которыми вынуждено было его признание в участии в заговоре летчиков, якобы намеревавшихся бомбардировать Кремль, слушал и сам еле удержался от слез. Правда, мне удалось помочь Ступину и ряду других моих подзащитных выкарабкаться из беды, но это была капля в море беззакония, развившегося в те годы.

Я говорю об этом сейчас не для оправдания себя, а для объяснения того, как я, доброволец — участник Гражданской войны, без упреков совести принял 24 июля 1941 г. предложение немецкой комендатуры и стал бургомистром Смоленска, я был очень измучен и возмущен той атмосферой, в которой я провел последние годы. Работая бургомистром, я не участвовал в злодействах и делал всё, что мог, чтобы помочь обращавшимся ко мне; я очень много вытащил из лагеря военнопленных, давая за них свое поручительство, хотя большинство из них я вовсе не знал; от многих отвел смертную угрозу; сообщил немцам об отсутствии в Смоленске лиц, состоявших в Коммунистической партии, хотя ряд таких лиц работал в подведомственных мне организациях; многих спас от отправки в Германию. Конечно, делал я это не по тайным соображениям, а просто по-человечески сочувствуя людям.

О ряде подобных случаев мне вспоминали во время следствия сами следователи (надо сказать, что лично они относились ко мне хорошо), но в протоколы это не заносилось как «несущественное».

А между тем именно эти обстоятельства и дали мне силу явиться с повинной, чего, конечно, не могло бы случиться, если бы я запятнал себя кровавыми преступлениями. Отсутствие их подтверждает и то, что предварительное следствие, хотя и продолжалось более 6 лет, однако ничего нового по сравнению с моими показаниями не установило и дело до суда так и не дошло, а закончилось внесудебным порядком, а ведь и в те годы немецких пособников, как правило, судили военные трибуналы[1].

Уже 17 ½ лет нахожусь я в одиночном заключении, не имея возможности ни с кем обменяться словом или мыслью. Мне думается, что я уже стал чемпионом мира по одиночному заключению.

Несмотря на то, что я за 17 ½ лет не имел ни одного замечания от администрации тюрьмы, мое положение не только не улучшилось, но,

---

[1] Случай Меньшагина уникален и в этом отношении.

по сравнению с 1955–1959 гг., ухудшилось, так как тюремный режим с 1961 г. стал более суровым, пища меньше и хуже, сокращено время радиовещания (а в условиях одиночного заключения это серьезное лишение).

Конечно, я понимаю, что эти ухудшения направлены не лично против меня, а касаются всех заключенных, однако это утешение плохое.

Для меня ясно, что обращаться снова в Прокуратуру СССР бесполезно, так как всё, что мог, я сказал, нового ничего придумать не могу; на мои бесспорные, как мне кажется, доводы внимания не обращают.

Поэтому я и решил еще раз обратиться к Вам, Никита Сергеевич. Я очень прошу Вас — помогите! Пусть внимательно и без предвзятого подхода рассмотрят мою просьбу. Если же Вы не найдете нужным или возможным поддержать ее, то очень прошу не отсылать это письмо на усмотрение Прокуратуры, а просто выбросить его. Я пойму, что просьба моя не удовлетворена, и больше беспокоить не буду.

Может быть, Вам не понравится содержание моего письма, то прошу извинить. Я писал совершенно искренне то, что думаю, так как считаю, что кривить душой и прибедняться недостойно ни Вас, ни меня.

Еще раз прошу простить за непосредственное обращение к Вам.

21 ноября 1962 г., г. Владимир
Б. Г. Меньшагин.

1965

Председателю КГБ В. Е. Семичастному, 4 апреля 1965 года[1]

4 апреля 1965 года

Председателю Комитета Государственной безопасности
при Совете Министров СССР [от]
Меньшагина Бориса Георгиевича (тюрьма № 2 Владимирской обл.)

Постановлением Особого Совещания при бывшем Министерстве Государственной безопасности СССР от 12.IX.1951 года я осужден на основании ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.IV.1943 г. к тюремному заключению на 25 лет, считая срок с 7.VI.1945 года.

Беседы, которые я имел в июне 1963 года с сотрудниками Владимирского областного отдела КГБ, показали, что я продолжаю находиться с поле зрения Вашей организации. Это обстоятельство и внушило мне мысль обратиться к Вам с настоящим письмом.

С 28 мая 1945 г., когда я добровольно явился с повинной в особый отдел одной из Советских дивизий в г. Карловы Вары в Чехословакии и был заключен под стражу, прошло уже почти 20 лет.

---

[1] ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 65–66.

Я не буду останавливаться на обстоятельствах моего дела, так как, во-1-х, уверен, что Вы легко сможете ознакомиться с ним из имеющихся у Вас материалов, а во 2-х, я и сам не знаю, какие конкретные факты вменены мне в вину, так как в постановлении Особого Совещания сказано лишь, что я осужден за измену Родине и предательскую деятельность. Из многочисленных же допросов меня по делам разных лиц я знаю, что понятие «предательская деятельность» носила в практике тех лет самый широкий и всеохватывающий характер, начиная от оказания каких-либо услуг оккупантам и до предательства в узком смысле слова.

Свою вину перед нашим Государством я никогда не отрицал, но с момента издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17. IX.1955 г. об амнистии лиц, сотрудничавших с немецкими оккупантами, продолжение своего заключения я считаю неправильным и несправедливым. В процессе следствия по моему делу насилиям и оскорблениям я не подвергался, за исключением сцены, разыгранной начальником Смоленского областного УГБ полковником Волошенко 13/VIII-1945 г., о подробностях которой я писал в одной из своих жалоб прокурору СССР. Моя беда была в том, что мои показания втискивались в штампованные по определенному трафарету фразы, от чего зачастую менялся их смысл. Кроме того, все обстоятельства, говорившие в мою пользу, вовсе не отражались в протоколах, как «не имеющие существенного значения», по словам следователя Б. А. Беляева. А надо сказать, что Беляев и помимо меня был хорошо информирован о многих положительных сторонах моей деятельности.

Этот крупный недостаток я пытался исправить 10/IX-1946 г. при предоставлении мне дела для ознакомления, но предъявлявший мне дело полковник Козырев сказал, что записывать моего ходатайства в протокол не надо, так как он на днях вызовет меня, покажет текст Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19/IV-1943 г., по которому мне предъявлено обвинение и даст мне возможность написать свои дополнительные показания. Я привык верить людям и согласился с предложением Козырева. Однако, несмотря на то, что я после этого пробыл во внутренней тюрьме МГБ в положении подследственного еще 5 лет, ни Козыревым, ни сменившим его подполковником Рыбельским, также повторившим это обещание, оно выполнено не было, Указа от 19/IV-1943 г. я так и не видел до сих пор и показаний дать не смог.

Не может быть 2 мнений о том, насколько вредно для полного и правильного освещения моей деятельности в период войны отразилась такая односторонность предварительного следствия, во много раз усугубившаяся в результате того, что мое дело так и не дошло до суда, а было разрешено во внесудебном порядке. На страницах прессы много

и обстоятельно писалось о невозможности установлении истины при наличии подобных нарушений; напомню хотя бы статью Председателя Верховного Суда СССР А.Ф. Горкина в газете «Известия» от 2/XII-1964 г.[1]

Бесспорно, что в отношении меня грубо нарушены ст. 111 Конституция СССР и ст. 11 декларации Организации Объединенных Наций от 10 декабря 1948 г. о правах человека.

Начиная с 19/VII-1919 г., когда я добровольно вступил в ряды Красной Армии, до 15/VII-1941 г. — последнего дня моей работы в Советском учреждении — я был лояльным советским гражданином и добросовестным тружеником. Однако, работая членом Коллегии адвокатов, мне пришлось, начиная с 1937 года, вплотную столкнуться с беззакониями, видеть их жертв, слышать о недопустимых издевательствах и насилиях над ними с целью получения их сознания в несовершенных преступлениях. По мере своих сил и возможностей я старался помочь им; порою это удавалось. Но во всяком случае эта эпоха наложила на меня очень тяжелый отпечаток. Об этом я говорил еще в июне 1945 г. на допросе меня в Праге следователем Богдановым, когда «несогласие с карательной политикой правительства» (так, мне помнится, записано в протоколе) было не смягчающим, а скорее отягчающим обстоятельством. И смоленские работники не сомневались в связи между моим преступлением и прежней работой. Недаром постановление о предъявлении мне обвинения начинается с пункта о том, что, будучи защитником, я подстрекал обвиняемых к отказу от показаний на предварительном следствии, в такой редакции. Это неверно, но я всегда советовал говорить суду правду, хотя бы она и расходилась с прежними показаниями.

Сам я по своему делу тоже следовал этому правилу, показывал правду, не прибегая к хитростям, недоговоркам и т.п.

Другим обстоятельством, облегчившим в моральном отношении мое поступление на службу к немцам, явилось возмущение нераспорядительностью и бездействием смоленских властей, способствовавших паническому бегу населения за город, благодаря чему 1/3 части города, включая весь центр, сгорела от воздушной бомбардировки в ночь на 29/VI-1941 г.

Я всегда верил в мощь Красной армии, считал несерьезным страхи возможности прихода немцев в Смоленск, и вдруг 15/VII своими глазами увидел отступающие войска, хотя в сводках говорилось о боях на Борисовском и Бобруйском направлениях; в ночь же на 16/VII в Смоленске уже были немцы. Всё это я пишу не в оправдание себя, а для объяснения

---

[1] *Горкин А.* О социалистическом правосудии // Известия. 1964. №287. 2 декабря. С. 3 (дата по владимирскому изданию; московское вышло 1 декабря).

обстоятельств, в которых произошло мое преступление, и чувств, под властью которых я тогда находился.

Кода был издан Указ от 17/IX-1955 г. об амнистии, я был убежден, что я буду освобожден, так как в силу ст. 4 этого указа амнистия не применяется лишь к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан, я же карателем не был, в убийствах и истязаниях не участвовал, и в постановлении особого совещания об этом ничего не сказано.

Да и нет сомнений, что если бы я действительно совершил бы подобного рода злодеяния, то о них знали бы в Смоленске, а между тем ни один из допрошенных по моему делу свидетелей ничего в этом отношении не говорил.

И всё же после проволочки, продолжавшейся целый год, мне было отказано в применении амнистии.

Это обстоятельство, 6-летнее продолжение предварительного следствия, окончание дела во внесудебном порядке, одиночное заключение, в котором на продолжении ряда лет находился только я один, привели меня к мысли, что в моей судьбе решающую роль играет какое-то привходящее обстоятельство.

Я много думал об этом и, учитывая некоторые замечания 2 бывших начальников здешней тюрьмы, пришел к выводу, что эту роль сыграло так называемое Катынское дело, жертв которого я видел 18.IV.1943 г. Это предположение я откровенно высказал 20.VI.1963 г. в разговоре с представителем Владимирского отдела КГБ.

Я даю честное слово, что в случае освобождения я никаких суждений по этому вопросу высказывать не буду.

Все, кто знал меня до тюрьмы, знают, что я всегда был хозяином своего слова.

Во всяком случае тем, кто посодействует о моем освобождении, сожалеть об том не придется, и я прошу вас о таком содействии. Это будет вполне справедливо. Я отбыл уже 20 лет, то есть много больше максимума, установленного законом от 25.XII.1958 г., и совершенно не представляю себе, чтобы дальнейшее 5-летнее мое пребывание в тюрьме было кому-то полезным. Я терпеливо нес назначенное мне наказание, но участь моя не только не улучшается, но ухудшается.

Через месяц после упомянутой выше беседы с сотрудниками Владимирского областного отдела КГБ окончилось мое одиночное заключение. Конечно, я понимаю, что формально это можно признать «улучшением» моего режима, как мне это и преподнесено тюремной администрацией, однако по существу оно носит совершенно противоположный характер: прожив 18 лет один, я отвык от людей, и проживание теперь с другими заключенными является теперь для меня большой тяжестью. Самое же главное в том, что, сидя один, я в течение 7 лет работал для тюремной

библиотеки. Работа эта приносила известную пользу, что неоднократно признавала тюремная администрация, давала мне моральное удовлетворение и, кроме того, с 1959 г. я получал вознаграждение по 2 р. 50 к. в месяц, благодаря чему получил возможность покупать продукты в тюремном ларьке, несколько пополняя довольно скудный паек. Теперь же этой возможности меня лишили, объяснив это переводом в камеру к другому заключенному.

Свое возвращение на Родину в 1945 г. я начал с явки в органы государственной безопасности. Хочется верить, что и мое настоящее обращение к вам явится прологом к действительному возвращению меня в наше общество.

Если потребуются от меня какие-то дополнительные пояснения или действия, я готов их дать в любой момент.

4 апреля 1965 года
Б. Меньшагин.

1968

Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко, 12 мая 1968 года[1]

12 мая 1968 года

Генеральному прокурору СССР
Меньшагина Бориса Георгиевича,
заключенного в тюрьме № 2
ОМЗУООП по Владимирской области

Жалоба

В связи с тем, что 1968 год, в ознаменование 20-летия со дня приема Организацией Объединенных Наций Декларации прав человека от 10 декабря 1948 года, объявлен годом прав человека, что и в нашей стране проходят по этому поводу выступления как теоретиков правовой науки, так и практических работников судебно-прокурорских органов, и основываясь на ст. 11-ой этой Декларации, гласящей: «Каждый обвиняемый в совершении преступления имеет право считаться невиновным, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности защиты», я хочу вновь обратить внимание прокуратуры на мое дело.

Постановлением Особого Совещания при министре Государственной Безопасности СССР от 12 сентября 1951 года я был осужден на основании ч. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. к заключению в тюрьме на 25 лет, считая срок с 7 июня 1945 года.

---

[1] ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 80 – 80 об.

Этот факт уже сам по себе говорит о нарушении в отношении меня требований приведенной выше ст. 11 Декларации прав человека.

Люди, решившие мою судьбу, не только не видели меня, не слышали моих объяснений, но по существу и вовсе не знали их, так как те показания, которые составлялись следователями и подписывались мною, лишь частично отражали то, что я говорил, ибо всё, что в той или иной степени было в мою пользу, вовсе опускалось, то есть были опущены все мои объяснения о причинах событий и об обстоятельствах, при которых они происходили, сами же факты втискивались в определенные трафаретные формулы и снабжались соответствующими им эпитетами, которые я сам не употреблял и употреблять не мог.

Даже текста Указа от 19/IV-1943 г., по которому мне предъявляли обвинение еще в Карловых Варах, когда никаких сведений обо мне, кроме моих собственных объяснений о моей личности, в распоряжении следственных органов не было, — мне так и не удалось увидеть: на все мои просьбы все следователи — Пузиков в Карловых Варах, Богданов в Праге, Беляев в Смоленске, Козырев и Рыбельский в Москве — неизменно отвечающие, что его у них под руками нет, покажут в другой раз; но меня водили за нос следователи, прошло более 6 лет, пока 29 сентября 1951 года мне объявили о Постановлении особого Совещания, но Указа я так и не увидел; не нашлось его и во Владимире. Не может быть и спора, что это обстоятельство серьезно ущемило мои права на защиту, особенно учитывая то, что я сам по специальности юрист. Я добровольно явился 28 мая 1945 г. с повинной в Особый отдел дивизии, находившейся тогда в г. Карловы Вары, куда я перешел из американской зоны оккупации Германии. И в дальнейшем, вплоть до 1966 года, я давал исчерпывающие и откровенные показания об всем, мне известном и касавшемся как меня, так и других лиц.

Я никогда не отрицал и не отрицаю своей вины перед Советским государством, выразившейся в лояльном сотрудничестве с оккупационными властями в 1941–1944 гг. Но одновременно я всегда говорил, что, работая бургомистром в Смоленске и Бобруйске, делал что было в моих возможностях, для облегчения положения моих соотечественников; по моим ходатайствам и под мое поручительство было освобождено из лагеря около 3 тысяч военнопленных, большая часть которых осталась в Смоленске при освобождении его Советской армией в сентябре 1943 г.; разными уловками я избавил от отправки в Германию значительное число молодых людей; на оккупированной территории не было такого низкого налогового обложения, как в Смоленске, а потом и в Бобруйске после моего перехода туда; систематически выдавал соль еврейскому совету для обмена ее на продукты питания, хотя это прямо было запрещено и я рисковал своей головой; в результате моего

вмешательства и заступничества удалось спасти от расстрела ряд граждан. Многие из этих фактов были известны Смоленскому управлению Государственной Безопасности не только от меня, сам следователь Б. А. Беляев говорил о них мне. Однако в материалах дела всё это никакого отражения не нашло.

Но логика самих фактов говорит в мою пользу; добровольная явка с повинной без всяких ухищрений сразу же по окончании войны; ни один из допрошенных по моему делу свидетелей о каких-либо злодеяниях с моей стороны не показал, что совершенно немыслимо, если бы они имели место; следствие продолжалось больше 6 лет и всё же дело окончилось во внесудебном порядке, чего, конечно, не было бы при установлении каких-либо тяжких преступлений. Поэтому после издания Указа Президиума Верховного совета СССР от 17 сентября 1955 г. об амнистии лиц, сотрудничавших с немцами, за исключением осужденных за убийства и истязания, я считаю свое заключение незаконным.

Если мне не верят, то должны доказать где, когда, кого я убил или истязал, или же в чем выразилось мое участие в этих преступлениях. «Попытки наделения правом признания лица виновным внесудебные органы неизбежно приводят к нарушению социалистической законности», писал председатель Верховного Суда СССР, ссылаясь на подобную практику по делам о государственных преступлениях («Известия» №287)[1]. Это авторитетное свидетельство полностью применимо к моему делу. Я еще раз прошу Прокурора СССР о восстановлении законности в отношении меня и об освобождении меня от оставшихся 2-х лет заключения.

12 мая 1968 г. Б. Меньшагин.

1970

В. Ф. Завъялкину, 21 января 1970 г.

Начальнику тюрьмы №2 ОМЗ УВД Владимирского облисполкома
[от] Меньшагина Бориса Георгиевича

Ввиду приближающегося срока окончания моего заключения и учитывая, что я не имею никого из родных, к кому бы я мог приехать после освобождения, о судьбе же своей семьи никаких сведений не имею и даже предположить о ней ничего более-менее определенного не могу, я на основании ст. 47 основ исправительно-трудового законодательства

---

[1] Цитируется та же статья, что и в письме 1965 г.: *Горкин А.* О социалистическом правосудии // Известия. 1964. №287. 2 декабря. С. 3.

СССР, обращаюсь к Вам с просьбой оказать мне содействие в необходимом устройстве моей дальнейшей судьбы. Со своей стороны сообщаю, что мне хотелось бы остаться в г. Владимире.

Хотя мне в мае с/г минет 68 лет, я чувствую себя еще способным к работе, не физической, конечно.

По специальности я юрист, но мог бы с пользой для дела, как мне кажется, поработать в архиве, или в библиотеке, или на другой какой-либо близкой к этому работе.

Если это невозможно, то прошу устроить в дом престарелых; опять-таки хотелось бы поближе к г. Владимиру.

Я прошу учесть, что 25-летнее лишение свободы безусловно наложило свою печать как на весь организм в целом, так и на психику, в частности; мне просто страшно пуститься в какое-либо путешествие, хотя бы и недалекое. Надо немного освоиться и прийти в себя.

21 января 1970 г. <Подпись>
г. Владимир

ПИСЬМА ДРУЗЬЯМ

1971

В. И. Лашковой, 5 июля 1971 г.

Дорогая Верочка!

Письмо Ваше от 28 июня получил вчера.

Я получил приглашение погостить в г. Брянку Ворошиловградской области на Украине[1]. Это устроила Галина Дидык[2], о которой Вы, вероятно, знаете. Место это мне знакомо. Я собираюсь туда выехать 8 июля. Ездил на днях на станцию Княжая узнать расписание. Мне сказали, что на скорый поезд сесть трудно, рекомендовали пассажирский № 143, уходящий в 8 час. вечера. Когда он придет в Москву, не знаю. Сюда я ехал от Москвы до Княжой 35 часов скорым. Кроме Москвы, пересадка в Харькове.

Поездка эта меня немного волнует, так как ездить по железной дороге я отвык. В прошлом году со мной был провожатый, старший лейтенант, так как врачи признали это необходимым. Всё же я надеюсь, что всё пройдет благополучно. Состояние здоровья у меня сейчас хорошее. С Ленинградского вокзала перебраться на Курский на метро затруднений не представит.

Сколько придется ждать в Москве, не знаю. Если долго, то попытаюсь позвонить Вам или Арине[3], хотя прекрасно понимаю, что застать Вас можно будет лишь при счастливом случае.

Пробыть в Брянке я предполагаю около месяца, а в августе, когда вернется из пионерлагеря жена покойного брата моей жены, я приеду на недельку в Москву, прежде чем вернуться в Княжую Губу. По приезде в Брянку я напишу Вам, Арине и Г. Г.[4]

То, что вы часто ездите отдыхать за город, очень хорошо, но покупка мотоцикла...[5] Мне даже страшно стало. Работая в 1922–1923 в авторотe штаба Западного фронта, я пробовал ездить на мотоцикле «Дуглас»,

---

[1] По приглашению Валентины Семеновны Санагиной.

[2] Галина Томовна Дидык (1912–1979), бывшая связная Романа Шухевича.

[3] Арине Гинзбург.

[4] Г. Г. Суперфина.

[5] Об отношении В. Лашковой к мотоциклам и, шире, к технике см. в интервью «Вера Лашкова — живой голос русской истории», данном корреспонденту французского радио Ярославу Горбаневскому 14 ноября 2011 г. (http://ru.rfi.fr/rossiya/20111113-vera-lashkova-zhivoi-golos-russkoi-istorii).

но на меня каждая поездка очень действовала на нервы, а ведь тогда такой ездок был в диковинку, транспорта на улицах вообще было мало, а сейчас... Нет, мне жутко становится при мысли о езде на мотоцикле в Москве 1971 г.

Приезд Алика[1] в Москву может иметь и хорошие последствия, и дурные. Сказать что либо, не зная в чем дело, конечно, невозможно. Но досрочное возвращение А. Д. С.[2] — хороший признак.

Вчера ходил гулять к морю. Когда смотришь на него в окно из своей комнаты, то кажется, что оно совсем близко. Оказалось иное. В лес сейчас показаться совсем нельзя из-за комаров и мелкой мошки, кишащих там. Даже в комнате от комаров нет покоя. Я весь искусан.

До свидания. Будьте здоровы и осторожны при езде на мотоцикле, а также простите меня за это замечание. Привет Арине и Г. Г.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 24 сентября 1971 г.

Дорогая Верочка!

Поздравляю Вас с днем Ваших именин и желаю Вам всего доброго.

Посылаю это письмо на офис Арины, так как не знаю, вернулись ли Вы из Коктебеля, и боюсь, что письмо пропадет, если оно придет на Кропоткинскую в Ваше отсутствие. Как прошла Ваша поездка в Смоленск?[3] Что там нового? Как отдохнули в Коктебеле? Ведь Вы ездили туда «дикарем»?

У нас сейчас 6° мороза; окна в комнате замерзли. Но поднимается солнце, так что скоро потеплеет.

Я хорошо не помню, писал ли я уже Арине, что получил из Министерства социального обеспечения отказ в назначении пенсии из-за отсутствия документов, подтверждающих стаж; просьба же моя о замене гос. обеспечения в доме для престарелых выплатой пенсии в размере гос. минимума, не может быть удовлетворена, так как это не предусмотрено законом. Что же касается перевода в более лучший дом и в более подходящей местности, то мне лично в министерстве сказали, что за исключением

---

1 Гинзбурга.

2 Имеется в виду Андрей Донатович Синявский (1925–1997). Его помиловали и досрочно освободили в июне 1971 г.

3 В Смоленске у В. И. Лашковой жил отец — Иосиф Максимович Белогуров (1899–1974), служивший на железной дороге. В конце 1950-х гг. у него случился инфаркт, и мама — Анна Семеновна Лашкова (1913–2002) уехала в Смоленск выхаживать отца, собираясь, когда он поправится, вернуться в Москву. Но оказалось, что по доносу соседей ее лишили московской прописки, поскольку она отсутствовала более шести месяцев. И как она ни билась о казенные пороги, восстановить право жить в Москве не удалось. Вера училась в школе, она осталась жить под присмотром маминой подруги, жившей в той же квартире.

Княжегубского, во все дома инвалидов существует очередь желающих попасть туда и ожидающих открытия вакансии.

Передайте, пожалуйста, Арине, что журнал «За рубежом» мне уже выписали, о чем сообщила Наталья Мильевна.

Да, я забыл поблагодарить Вас за хлопоты по приобретению для меня железнодорожного билета.

Как дела с Вашим мотоциклом? Успеете ли Вы попользоваться им в этом году?

Очень мне жаль, что на обратном пути с Украины мне так мало пришлось видеть Вас. Я чувствую себя после отпуска много лучше, чем раньше, и поездкой своей очень доволен.

По существу, за эти 2 месяца я впервые после 26-летнего перерыва приобщался к настоящей жизни, к жизни, к которой я привык, и приятно мне то, что я не чувствовал себя, как говорится, «не в своей тарелке», а вполне нормально.

Ну, до свидания, дорогая Верочка. Да, благословит Вас Бог!

Привет Арине. Я ей писал после получения ее открытки.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 22 октября 1971 г.

Дорогая Верочка!

Вчера получил Ваше письмо от 10/X и с удовольствием читал его.

Очень хорошо, что Вам, наконец, удалось отдохнуть и поправиться[1].

В городе Старый Крым я не бывал, но на Южном берегу Крыма прожил с 8 сентября по 7 октября 1938 г. Жил я в санатории в Алуште, но побывал в Ялте, Алупке, Ливадии, Симеизе, Кучук-Ламбате[2] и Кара-Даге. Тоже ел много винограда и пил местное Козское[3] вино. И сейчас, когда вспоминаю эти дни, становится как-то отрадно. Черное море оставило очень хорошие впечатление, причем именно у Крымских берегов. В 1940 я прожил с 20 сентября по 20 октября в Новом Афоне, бывал в Сочи, Гагре, Сухуми; тоже купался ежедневно в море, было хорошо, но такой радостной памяти, как от Крыма, не осталось. Причина, вероятно, в окружавших людях.

Доволен я и тем, что Вы устроились на работу, тем более удобную для Вас[4].

---

[1] Летом 1971 г. Лашкова традиционно отдыхала «дикарем», в палатке, в окрестностях Карадага, но не в Коктебеле (поселок Планерское), а в Отузах (поселок Щебетовка).

[2] Татарское село под Алуштой, ныне поселок Утес городского округа Алушта.

[3] От названия татарского села Ко́зы (ныне Солнечная Долина) близ Судака.

[4] Имеется в виду официальное оформление домработницей у отца Ларисы Иосифовны Богораз (1929–2004) Иосифа Ароновича Богораза (1896–1985) и его жены Аллы Зиминой (Ольги Григорьевны Олсуфьевой, 1904–1986). Такой вид

Милая Верочка, Вы напрасно беспокоитесь об одежде для меня. Во-1-х, зима здесь точно такая же, как в Москве; не холодная. Только наступает она раньше, а кончается позднее. Во-2-х, у меня есть казенные валенки черные и пальто ватное с меховым воротником, а также шапка-ушанка. В прошлую зиму я прекрасно обошелся и никакого холода не чувствовал. В-3-х, ведь я нигде не бываю, никого не вижу; ведь это не Москва, и даже не Брянка, где все-таки из чувства престижа хочется выглядеть прилично. Здесь же я даже и в том виде, как Вы меня видели, несколько выделяюсь среди других.

Поэтому, дорогая Верочка, я прошу Вас подумать над этим и не предпринимать лишних хлопот и расходов.

Ваша симпатия к Наталье Милиевне[1] взаимна. И лично мне в Москве и в письме, полученном здесь, она говорила, что Вы ей очень нравитесь.

Она сама тоже достойная и хорошая женщина. Я, прожив у них 8 дней, всё время чувствовал себя, как дома.

Я благодарю Бога, что на старости мне пришлось столкнуться не только с такими мерзавцами, как Охотников[2] и еще некоторые жители дома инвалидов, но и с многими благородными, добрыми, чудесными людьми, от одного общения с которыми становится легче жить.

Кстати, сейчас вернулись с завтрака из столовой мои соседи (я не ходил, так как был молочный суп, который я никогда не ем) и рассказали, что в столовой один недавно прибывший сюда из лагеря инвалид пробил костылем голову немому, живущему в соседней комнате. Прямо кошмар какой-то!

После 3-дневной оттепели, согнавшей весь снег, сегодня 2° мороза и снова выпало много снега. Я на днях получил 2 посылки: от Натальи Милиевны с яблоками малоярославскими и из Брянки — с вареньем. Вот все мои новости.

До свидания, милая Верочка. Желаю Вам всего хорошего.

<Подпись>

1972

Г. Г. Суперфину, 26 февраля 1972 г.

26 февраля 1972

Дорогой Гарик!

Прошу извинить меня за долгое молчание. Письмо Ваше я получил 7.I, собирался отвечать, но вдруг неожиданно нас выселили из наших

трудоустройства, как официально оформленное секретарство у академика или члена творческого союза, считалось тогда легитимным и освобождало от обвинения в тунеядстве (так, В. Буковский был одно время секретарем В. Е. Максимова, А. Гинзбург — секретарем А. Д. Сахарова).

[1] Аничковой.

[2] Враждебно расположенный к Меньшагину сосед по интернату.

комнат в связи с ремонтом. Чтобы не жить в комнатах с 9-10 жителями, я с 2 еще нашими жителями занял комнату без отопления (оно там имеется, но не действует). Хотя погода стояла не особенно холодная — 10–12° мороза, всё же было очень холодно. На 3-й день нам установили для обогревания электрический рефлектор. Стало более-менее терпимо. Затем дальнейшие переселения по ходу ремонта. Правда, я отказался переходить куда-либо, пока не будет готова моя постоянная комната. Но весь этот хаос, суматоха действовали на нервы, выбивали из колеи привычной жизни. Сейчас я уже живу на старом месте, но ремонт еще продолжается.

Кроме того, меня очень раздражает бесхозяйственность, бестолковщина, которые сопровождают все эти работы.

Еще со времен Гражданской войны, когда я служил в авточастях и частенько ломал голову, как из ничего сделать что-то, чтобы машины смогли бы выйти по наряду, я привык ценить вещи и бережно относиться к имуществу. Поэтому мне очень неприятно видеть, как без толку расходуются средства и гибнут хорошие еще вещи.

2-е, пожалуй, еще большее зло нашей жизни — хулиганство — следствие очень распространенного здесь пьянства. Я выбран председателем культурно-бытовой комиссии и как таковой сталкиваюсь сейчас чаще, чем раньше, с этими безобразиями.

На здоровье пока обижаться не могу, материалом для чтения обеспечен, даже из-за ремонта попал в цейтнот.

Ну, а как Ваши дела? Как здоровье? Занятия?

Мне очень хочется, чтобы Вы нашли занятие по душе и смогли бы с успехом использовать свои знания и способности.

От души желаю Вам этого.

Если будет соответствующее настроение, черкните мне о своих делах.

Ваш <Подпись>

В. И. Лашковой, 6 марта 1972 г.

Дорогая Верочка!

В субботу 4/III я был обрадован получением Вашего письма и радостными сообщениями.

От души рад возвращению Н. Г.[1] Я хорошо помню сущность ее дела, Вашу поездку к ней. Слава Богу, что она снова с детьми. От Арины[2] я не

---

[1] Имеется в виду освобождение в феврале 1972 г. Натальи Евгеньевны Горбаневской (1936–2013) от принудительного лечения в Казанской спецпсихбольнице.

[2] Гинзбург-Жолковская (Лаврова) Арина (Ирина) Сергеевна, жена А. И. Гинзбурга. В настоящее время живет в Париже.

особенно давно имел письмо с припиской Алика[1]. Таким образом, я уже знал о приезде их в Тарусу и болезни Алика, о квартирном устройстве до лета. Мне кажется, что это неплохой вариант устройства, и уверен, что при надлежащем уходе и заботах о нем он выздоровеет.

Полностью согласен с Вами в отношении В. Б.[2] Подавал ли он кассацию? Судился ли раньше? Был ли у него защитник? По некоторым признакам, в частности, и по недавнему постановлению ЦК КПСС о праздновании 50-летия образования СССР, я предполагаю, что в декабре перед праздником 50-летия будет амнистия[3]. Правда, я сомневаюсь в том, что она будет распространяться на такие дела, как у В. Скорее она затронет Алика в отношении снятия судимости. Но всё это, конечно, лишь мои предположения, вытекающие из анализа опыта прежних подобных актов.

Я чувствую себя пока неплохо. Мерзавца, досаждавшего мне пришлой зимой, уже нет — сбежал, испугавшись новой отсидки. Правда, хулиганов и помимо его здесь достаточно, и пьяные они безобразничают вовсю. 11 февраля[4] в 11 час. вечера я буквально в последнюю минуту предотвратил убийство: выбежал в коридор на шум, увидел, как пьяный, окровавленный бывший москвич, уголовник 43 лет занес стул над головой глухонемого. Я подскочил к нему и схватил стул за ножку. Удар был предотвращен, а покушавшийся потерял равновесие и упал. Недавно еще один, тоже бывший уголовник 42 лет, хотел зарезать дежурную санитарку, и та убежала в другой корпус и всю ночь не могла прийти на свое место.

---

[1] Алик — Александр Ильич Гинзбург (1936–2002) — советский диссидент, журналист и активист Самиздата (составитель поэтического альманаха «Синтаксис»), впоследствии член «Московской Хельсинкской группы» и первый распорядитель солженицынского «Русского общественного фонда помощи преследуемым и их семьям», более известного как «Фонд помощи политзаключенным». Сам Гинзбург провел в местах заключения за три своих срока в общей сложности более 9 лет (в 1960–1962, 1967–1972 и 1977–1979 гг.). Здесь же имеется в виду его освобождение 23 января 1972 г. после второго срока (из Владимирской «крытки») и возвращение в Москву, а точнее, за 101-й километр от нее — в Тарусу, где Александр и Арина Гинзбурги прожили несколько месяцев в доме у Николая Давидовича Оттена (Поташинского, 1907–1983) и Елены Михайловны Голышевой (1906–1984).

[2] Имеется в виду один из основателей и активистов диссидентского движения в СССР Владимир Константинович Буковский (р. 1942). Очередной процесс над ним состоялся 5 января 1972 г. и закончился максимально возможным по статье 70 ч. 1 УК РСФСР сроком — 7 лет заключения, из них первые два года в тюрьме и 5 лет ссылки. В общей сложности в местах заключения и на принудительном лечении провел около 12 лет, в том числе в 1972–1973 и 1974–1976 гг. — во Владимирской тюрьме. 18 декабря 1976 г. был обменян на лидера чилийских коммунистов Л. Корвалана. В настоящее время живет в Кембридже.

[3] Меньшагин ошибся в своем прогнозе. 50-летие образования СССР, датируемого 30 декабря 1922 г., амнистией отмечено не было.

[4] Дата ежемесячных выдач пенсий.

Всё это, конечно, очень противно.

Не помню, писал ли я Вам, что меня избрали в культурно-бытовую комиссию — своеобразное представительство живущих в доме перед администрацией. В результате мне приходится участвовать при составлении ежедневных меню на питание, контролировать убой свиней и т.п. Само по себе это неплохо, но приходится иной раз делать кое-какие замечания работникам дома, среди которых царит безответственность и пренебрежительное отношение к делу. А люди этого не любят.

Наталья Мильевна планирует на лето дачную жизнь, в том числе и для меня. Очень возможно, что так и будет. Осенью, может быть, проеду в Брянку. Пока это всё предположения. Если они осуществятся, то увидимся и поговорим. Мне не надо будет спешить, как в прошлом году, хотя я о прошлогоднем своем путешествии вспоминаю с большим удовольствием.

Всё свободное время здесь я употребляю на чтение. Кстати, Вы писали, что читаете о Л.Н. Толстом. Если еще не прочли, то рекомендую прочесть книгу воспоминаний Валентина Булгакова «Толстой в последний год его жизни» (изд. ГИХЛ, 1960). Автор был в 1910 г. секретарем у Л.Н.; после революции жил в Праге. Книга написана хорошо и объективно. Мне она понравилась.

Верочка, проведайте как-нибудь Наталью Мильевну. Она хорошая старушка и очень к Вам расположена.

У меня к Вам опять просьба: если у Вас есть географические карты, прилагаемые к школьному учебнику (мне кажется, что я видел такой учебник у Вас), то пришлите мне их. Меня частенько спрашивают, где находится Вьетнам или еще какая-нибудь страна; была бы карта, я сразу бы показал. Достать же карту здесь негде. Но покупать их не надо, если же есть и не нужны, то пришлите.

Желаю Вам всего хорошего. Оставайтесь бодрой и энергичной. До свидания, может быть, в конце мая-июня.

<Подпись>

Г.Г. Суперфину, 21 марта 1972 г.

21 марта 1972

Дорогой Гарик!

Вчера получил Ваше письмо от 14.III.

Порадовало меня Ваше сообщение о выходе из печати некоторых Ваших работ[1]. Буду очень благодарен за присылку мне одной из них.

---

[1] В 1971–1972 гг. у Г. Суперфина вышло несколько статей и публикаций: *Суперфин Г.* Б. Пастернак — критик формального метода // Труды по знаковым системам. V. Тарту, 1971. С. 528–531; *Пастернак Б.* Ремесло («Когда я, кончив, кресло отодвину...») // Новый мир. 1971. №8. С. 108. Публ. стих. (первонач. в газ. «Tartu Riiklik Ülikool. Русская страница». 1969, 26 дек.); *Суперфин Г.* К истории

Я надеюсь, что это положительно скажется на Вашем настроении.

Меня интересует Ваш status на сегодняшний день.

Арина писала, что Вы гостили у них[1].

Такое разнообразие, вносимое в повседневную жизнь, полезно.

Вы пишете, что за последнее время стали чувствовать себя повзрослевшим и что это коробит Вас.

Последнее напрасно. Такие психологические изменения вполне естественны. Всему свое время, и Вы сами признаете, что опыт последних месяцев пошел Вам на пользу.

Наталья Мильевна планирует пребывание на даче с 1 июня по 1 сентября, в том числе и для меня.

Очень возможно, что это осуществится.

В мае я буду, видимо, здесь.

Я думаю, что мы с Вами еще успеем обменяться письмами до этого времени. А летом надеюсь не один раз повидаться с Вами и поговорить. Потребность в последнем, у меня по крайней мере, очень большая. Ведь здесь окружают люди с очень низкой культурой и крайне узкими интересами. Последние сосредоточены главным образом на том: как бы выпить и побольше выпить.

Последние дни у нас весенние. Вчера было 4° тепла; ночью было 9° мороза, но светит солнце и быстро теплеет.

Проходящая зима у нас не была особенно холодной. Снега порядочно выпало в ноябре, а потом было мало, но снежный покров значительный. Средняя t° за эту зиму вряд ли отличается от московской. Судя по сообщениям радио, там зачастую было холоднее, чем здесь.

Стоящие теперь солнечные дни заметно повышают мое настроение.

На всякий случай сообщаю Вам № телефона Натальи Мильевны[2]: 246-07-10.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего, особенно — бодрости.

Пишите

Ваш <Подпись>

неосуществленной постановки драмы А. Блока «Роза и Крест» // Блоковский сборник. II. Тарту, 1972. С. 411–415. Совм. с Р. Тименчиком; *Бернштейн С.И.* Голос Блока // Там же. С. 454–525. Публ. и примеч., совм. с А. Ивичем; *Суперфин Г.* Три заметки о Блоке // Quinquegenario. Сборник статей молодых филологов к 50-летию профессора Ю.М. Лотмана. Тарту, 1972. С. 202–208; *Суперфин Г.* Письма А.А. Ахматовой к В.Я. Брюсову // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 33. М., 1972. С. 272–279. Совм. с Р. Тименчиком.

[1] Имеется в виду пребывание Г. Суперфина в Тарусе в доме Оттена-Голышевой, где в это время жил А.И. Гинзбург, освободившийся из заключения в январе 1972 г., и куда приезжала его жена Арина (И.С. Жолковская).

[2] Аничковой.

В. И. Лашковой, 24 марта 1972 г.

Дорогая Верочка!

Вчера я получил Ваше письмо от 14/III. Разница на 6 дней.

Очень благодарен Вам. Вы всегда быстро и аккуратно выполняете все мои просьбы.

От Арины я не особенно давно имел письмо и тогда же ответил. Я очень доволен, что им удалось устроиться[1]. Даст Бог, и язва Алика заживет.

А с Володей дело плохо. Я пока никакого выхода и возможности улучшения его положения не вижу.

Я вчера, одновременно с Вашим, получил письмо от Галины Т.[2] Вы, вероятно, слышали о ней. В прошлом году она была у Арины, когда возвращалась с Украины в Караганду. В конце прошлого года она сделала глупость, бросила Караганду, где имеет и жилье у подруги по прошлым испытаниям и приличную работу в библиотеке, и уехала к сестре в Тернопольскую область. Там ее не прописали и предложили в 24 часа уехать. И вот теперь она всё хлопочет по разным инстанциям, а пока мыкается во Львове. Я очень не советовал ей уезжать из Караганды. Но она человек очень эмоциональный, подчиняется только чувству, тогда как разум всегда должен контролировать чувства. Меня очень огорчает ее теперешнее положение. Она очень добрый, хороший человек.

Я советовал ей, если уж не хочет снова ехать в Караганду, то поехать пока в Брянку, где я был прошлым летом. Это очень милый, тихий городок и тоже на Украине. Не знаю, что с ней будет дальше.

Ездили ли Вы в Смоленск? Что там нового?

У меня пока ничего нового нет. Окружение здесь, конечно, очень плохое. Подавляющее большинство страдает алкоголизмом. Много буянов и хулиганов. Иногда дело доходит до драк и членовредительства. Большинство служащих относится к делу небрежно, недобросовестно. Среди них тоже много пьяниц. Особенно плоха медицинская часть: ленивые, грубые, даже наглые медсестры считают своей обязанностью лишь присутствовать на работе, но если кто обращается к ним, то это их уже раздражает.

---

[1] Имеется в виду устройство в Тарусе, где А. И. Гинзбург, по словам В. Лашковой, «снял маленький домик в саду у Зелениных, там они с Ариной жили до лета, а потом Алька купил полдома в Лесном переулке и стал его готовить для того, чтобы в нем можно было жить». Ср. также: «Мы говорили тогда, что Алька жил в домике у “вдовы капель Зеленина”: домик был совсем крохотный — одна комнатка, но с круглой железной печкой; посередине стоял круглый стол, на котором очень любил лежать пес Тема, к страшному негодованию Арины, которая покрывала стол красивой скатертью. Но Тема занимал стол, только когда никого не было дома, и так сладко спал, что иногда не слышал, когда кто-нибудь приходил» (из писем В. И. Лашковой П. М. Поляну от 27 февраля и 6 марта 2018 г.).

[2] Галина Томовна Дидык (1912–1979), бывшая связная Р. Шухевича. Жить ей разрешили в с. Христиновка Черкасской области.

Большая бесхозяйственность. Всё это мне очень противно. Я всю жизнь свою считал, что если взялся за дело, то должен выполнить его, как следует.

Я не согласен с Вами, что Булгаков необъективен по отношению к Черткову. Последний своей неуступчивостью, непримиримостью, фатализмом много осложнял жизнь Л. Н. Несомненно, что Чертков любил и уважал Л. Н., желал, чтобы он был на высоте своего положения, являясь образцом для своих последователей. Но всё, что доводится до крайности, превращается в свою противоположность. Так и у Черткова христианская любовь превратилась в ненависть по отношению к Софье Андреевне, а Льву Николаевичу причиняла излишние страдания и неприятности. Читали ли Вы книгу [М. В.] Муратова «Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке». Она вышла в 30-х гг. Если не читали, советую прочесть, как и двухтомник А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого».

Спасибо, Верочка, за открытку. Мне она нравится, хотя она не в нашей традиции.

Читаю я по-прежнему много. Благодаря всем вам, моим московским друзьям, я получаю много журналов, да и в библиотеке бываю. Так что в этом отношении очень хорошо.

У нас тоже начинается весна. Днем тает снег, лужи, капель. Всё это я очень люблю.

До свидания, Верочка. Всего Вам доброго.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 24 апреля 1972 г.

Дорогая Верочка!

Письмо Ваше от 19/IV получил 22/IV.

У меня в Вам просьба: позвоните, пожалуйста, Наталье Мильевне и узнайте, как ее здоровье. Я после Великой субботы ничего от нее не получал. О том, что она были в больнице (около Новодевичьего монастыря) я знал, но она собиралась выходить из нее. О результатах Вы мне напишите.

Вы правы, что в такой обстановке, как у нас, жить очень тяжело. В субботу, например, за обедом мне приходилось раза 3 схватывать за руку своего соседа по столу (москвич, 43 лет, около 20 лет провел в разное время в лагерях за кражи), пытавшегося бежать драться с другим пьяным, недавно лишь отсидевшим 15 суток за хулиганство. Так подраться им в этот раз не пришлось, так как того тоже соседи не пустили, но шум, крики, ругань действуют очень тяжело. Вчера же вечером 2-й из этих лиц ворвался с ножом в палату к 1-му, соседи вытолкали его. Дежурная санитарка прибежала ко мне с вопросом: что делать? Я посоветовал вызвать милицию. Но виновник, услышав, что стали звонить в милицию, оделся и ушел. Вернулся только утром. Да и в соседней с моей комнате, проходной, где

когда-то жил Охотников, живет некий Бирюков, 65 лет, по кличке «Поп». Говорят, что он был некоторое время священником в Мурманске, но изгнан за пьянство. Здесь он сошелся с одной старухой, живущей здесь, бывшей местной колхозницей. Он нещадно эксплуатирует ее, пропивает ее пенсионные 5 руб., пропивает квартплату, получаемую ею за дом, находящийся неподалеку, заставляет ее вязать рыболовные сети, которые продает, а деньги пропивает. Пьяный куражится, как бывший замоскворецкий купчишка в пьесах А. Н. Островского, ругает свою «жену» самыми последними словами, а она беспрекословно служит ему. Через стенку всё это слышно в нашей комнате, и становится омерзительно.

Рад за Алика, что ему выпало все-таки более-менее удачное местожительство.

У нас после сравнительно хорошей погоды 22 и 23/IV целыми днями шел снег, а сегодня ночью мороз 9°; зато солнце хорошо светит.

Мне жаль, что ломают Волхонку и Пречистенку[1]. Ну, может быть, и хорошо устроят сквер.

Мне тоже хочется хотя на время вырваться отсюда и побыть среди нормальных людей.

Пока до свидания. Всего Вам хорошего.

Если увидите, передайте привет Арине, Алику, Гарику.

Читаете ли вы «Литературную газету»?

Я на днях прочел книгу К. Федина «Горький среди нас». Мне кажется, что это самое лучшее у Федина. Я почерпнул в этой книге много интересного. Читали ли вы эту книгу?

Ваш <Подпись>

Г. Г. Суперфину, 15 сентября 1972 г.

15 сентября 1972

Дорогой Гарик!

Итак, я снова возвратился в «пределы своя». Доехал хорошо и здесь пока чувствую себя хорошо. Пока живу в карантине[2], что выражается

---

[1] К визиту президента США Р. Никсона в Москву 22–30 мая 1972 г. сломали несколько домов на месте, где расходились Пречистенка и Остоженка (в то время улицы Метростроевская и Кропоткинская). По воспоминаниям В. И. Лашковой, «всё это проделали буквально за несколько дней, и я, возвратившись из Смоленска, выйдя рано утром из метро, увидела уже сквер с зеленой травой и растущими деревьями; еще позже там чуть ли не год рыли глубочайший котлован, никто не знал — подо что, в итоге там и по сию пору стоит Энгельс. В одном из снесенных домов жила моя школьная подруга, она рассказывала, как всё происходило. Ну, по части выселения-переселения у нас много было мастеров этого дела».

[2] По-видимому, чисто формальное нормативное требование изоляции тех, кто длительное время отсутствовал в интернате.

лишь в том, что живу один и не в своей комнате, да еще обедать и т.д. не хожу в столовую, а мне приносят сюда.

Ну а как Вы поживаете?

Благодарю Вас за разные услуги, которые Вы мне делали, и желаю Вам всего хорошего, а главное здоровья и бодрости.

Ваш <Подпись>

Г. Г. Суперфину, 27 октября 1972 г.

27 октября 1972 г.

Дорогой Гарик!

Открыточку Вашу получил уже давно, но как-то сразу не ответил, а потом задержался.

Очень мне печально, что у Вас никак не наладится хорошее самочувствие и соответствующее ему настроение[1].

Мне кажется, что Вы еще преувеличиваете упреки себе. У меня остались от Вас самые светлые воспоминания и никаких оснований в чем-либо упрекнуть Вас.

Чем Вы сейчас занимаетесь? Продолжаете ли работу в «Новом мире»?[2]

Я думаю, что Вы еще живете на старом месте, если же переедете, то черкните мне новый адрес[3].

У меня жизнь идет по-старому. Занимаю здесь свое прежнее место вместе со своим котиком Барсиком, родившимся в дни моего приезда сюда в 1970 г. Он и сейчас спит на моей кровати.

---

1 Вероятно, реакция на письмо Г. Суперфина к Б. Г. М., содержавшее намеки на проведенный у него в начале сентября 1972 г. обыск по делу №24 (литерное дело «Хроники текущих событий», ведшееся в союзном КГБ).

2 После возвращения в конце 1969 г. из Тарту, где Г. Суперфин, по представлению КГБ, был отчислен из университета, он проработал в 1970 г. библиографом в филиале Фундаментальной библиотеки общественных наук им. В. П. Волгина (совр. ИНИОН) в Институте русского языка, а с марта 1972 по март 1973 г. договорником в отделе проверки «Нового мира». В следственном деле Г. Суперфина сохранился ответ ответственного секретаря «Нового мира» Ф. К. Видращку на запрос №6/454 от 1 марта 1974 г. начальника Отделения спецотдела УКГБ при СМ СССР по г. Москве и Московской области майора А. И. Бардина: «Редакция журнала “Новый мир” сообщает Вам, что Суперфин Габриэль Гаврилович в наших штатах не состоял. В марте и сентябре 1972 года дважды привлекался в качестве нештатного сотрудника для проверки библиографических данных, публикуемых в журнале. В связи с тем, что Суперфин Г. Г. в редакции работал непродолжительно, эпизодически охарактеризовать его не представляется возможным. Ф. Видрашку» (на бланке «Нового мира»).

3 В начале 1973 г. Г. Суперфин с мамой и тетей переехали в Теплый Стан — тогда на отдаленной юго-западной окраине Москвы.

За исключением столовой и почты почти нигде не бываю, а, как обычно, провожу время в своей комнате за чтением. Слава Богу, что его хватает с избытком.

Новое разве только то, что появились контакты с милицией на почве борьбы с хулиганством в нашем «богоугодном заведении». За последний месяц 3 хулиганов удалось пристроить на 15-дневный отдых от пьянства[1].

В смысле здоровья и настроения пока жаловаться нельзя. Все-таки за лето я хорошо отдохнул и телом, и душой. Поэтому и местные безобразия не так чувствительны.

Желаю Вам, дорогой Гарик, всего хорошего, особенно здоровья и бодрости. Пишите мне.

Ваш <Подпись>

Г. Г. Суперфину, 23 декабря 1972 г.

23 декабря 1972 г.

Дорогой Гарик!

Поздравляю Вас с Новым Годом и желаю Вам здоровья, бодрости духа, успехов в жизни.

Как Вы поживаете? Здоровы ли? Чем занимаетесь? Продолжаете ли какую работу для «Нового мира»? Прервите свое молчание и напишите мне.

Я живу по-прежнему. Читаю, занимаюсь общественными делами нашего дома.

Жду ответа, любящий Вас <Подпись>

1973

Г. Г. Суперфину, 12 января 1973 г.

12 января 1973 г.

Дорогой Гарик!

Письмо Ваше получил 10.I и был рад, что Вы работаете, живете в новой квартире и более-менее всё у Вас по-прежнему.

Ухода Вашего 1-го зама[2] жалеть, конечно, не приходится, а насчет его новой деятельности можно лишь сказать «рыбак рыбака видит

---

[1] Иными словами, посадить их на 15 суток.

[2] Изгнанию А-Твардовский А. Т.ого из «Нового мира» (со 2 марта 1970 г. его сменил В. А. Косолапов) содействовало назначение секретариатом Союза писателей 3 февраля 1970 г. ему в заместители без его согласия Дмитрия Григорьевича Большова (1925–1974) и членом редколлегии — А. И. Овчаренко; оба писали против Твардовского, первый, будучи редактором газеты «Советская культура», — в виде доноса в ЦК КПСС в 1966 г. В 1972 г. Большов, с которым у Косолапова

издалека». О рождении сына у Арины[1] узнал сразу из 3 одновременно полученных писем: Вашего, Натальи Мильевны и Веры. Ну что же, слава Богу, родился новый человек в мир. От души желаю ему быть здоровым, хорошо расти и жить более спокойно, чем его родители. О смерти «доброго и бедного» Юры[2] узнал с месяц тому назад. Все это очень горько и печально.

С Вашим мнением о П. Я.[3] согласен. Все крайние оценки, как правило, несправедливы. Его можно только пожалеть.

Где Вы думаете печатать заметки о смерти Гоголя?[4] Я с большим интересом прочел бы их. До известной степени он тоже был жертвой крайних оценок. Какие еще литературные планы у Вас? Я знаю, что Вы большой знаток русской литературы начала нашего века. Этот участок в истории великой и славной русской литературы сравнительно мало исследован и плохо известен в широких кругах читающей публики.

Прежняя Ваша квартира[5] была ближе к Тверскому бульвару или же к Садовой?

В каком районе Москвы находится Теплый Стан? Как туда добираться? Есть ли телефон? На каком этаже квартира? Я в 1-й раз встречаю это название «Теплый Стан».

были давние нелады, ушел в заместители к А. В. Софронову в журнал «Огонек», имевший в те годы дурную репутацию. О Большове в «Новом мире»: о навязывании его еще Твардовскому в начале 1970 г. — см. в дневниках А. И. Кондратовича, В. Я. Лакшина и — после — в дневнике А. К. Гладкова: «В “Новом мире” хозяйничает Большов. Он снял цикл стихов Евтушенко, очерк Гранина и повесть Семина» (запись от 23.09.1971; опубл.: *Гладков А.* Дневниковые записи. 1971 г. / Публ. и коммент. М. Михеева // Знамя. 2015. № 6. С. 148).

1 Арина (Ира, Ирина) Сергеевна Жолковская. Ее и Алика Гинзбурга сын, Александр, родился 30 декабря 1972 г. Ныне — французский поэт и бард.

2 Поэта и правозащитника Юрия Тимофеевича Галанскова (1939–1972). Он умер 4 ноября 1972 г. от заражения крови после операции в лагерной больнице в Барашово (Дубровлаг) в Мордовии.

3 Якире. В письме, вероятно, говорилось о поведении П. И. Якира на следствии (после его ареста в июне 1972 г.).

4 Г. Суперфина в это время сводил воедино отзывы московских славянофилов о «Выбранных местах из переписки с друзьями» и о последних годах жизни Гоголя, в том числе по архивному фонду Самариных. В июне 1973 г. он обнаружил неизвестное письмо Н. В. Гоголя к В. А. Панову. Арест прервал эту работу о Гоголе и славянофилах. После возвращения из заключения и ссылки Г. Суперфин довел найденное им письмо Гоголя до публикации. См.: *Черныш Г. Г.* (псевд.) Неизвестное письмо Гоголя // Finitis duodecim lustris: Сб. статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 109–116.

5 На Малой Бронной, д. 15 (несуществующие ныне корпуса дома 15, ближе к бульварам).

Праздники Новый год и Р. Х.[1] я провел более-менее хорошо и спокойно, а вот вчера, 11.I, измучился. 11-го каждого месяца пенсионеры получают на «карманные расходы» 10% своей пенсии, но не менее 5 руб. Большинство их сразу же полученные деньги пропивает. Поэтому пьяных в этот день бывает очень много. Так было и вчера. Меня вчера в 12 час. ночи подняли с постели для усмирения хулигана. Я избран был на общем собрании в декабре прошлого года председателем культурно-бытовой комиссии и, как таковой, являюсь законным представителем коллектива так называемых «обеспечиваемых»[2] перед администрацией дома. Да и помимо этого я среди этих «обеспечиваемых» пользуюсь известным авторитетом, чему способствует то, что я живу другой жизнью, сижу у себя в комнате среди книг и журналов, не участвую в их повседневных ссорах и других занятиях. Поэтому я единственный здесь из 141 проживающего здесь всеми именуюсь «Борис Георгиевич», а остальные называются «Сашка», «Яша», «Лиза», «Паня» и т. п. уменьшительными и уничижительными кличками.

Здоровье мое пока в удовлетворительном состоянии.

Зима исключительно теплая: 31.XII было 5° тепла, 1 — 2° тепла, 6 и 7.I — 14° мороза, сегодня 2° мороза, и в Москве 15°, снега порядочно. Скользота лишает возможности прогулок. Это, конечно, плохо. С питанием в нашем доме по-прежнему вполне прилично, даже хорошо. То же и с одеждой, но с порядком очень плохо. В комнате почти всегда излишне жарко, хотя форточка не закрывается целые сутки. О предстоящем лете пока не думаю. Всего Вам хорошего, и главное — бодрости.

Ваш <Подпись>

В. И. Лашковой, 13 января 1973 г.

Дорогая Верочка!

Оба Ваших поздравления с Новым Годом и с Р. Х. я получил и благодарен за хорошенькую открытку.

Очень рад, что роды у Арины (ох, как не соответствует это якобы русифицированное имя ее и внешности, и сущности!) прошли благополучно[3]. Будут ли крестить мальчика? Не Вы ли будете его крестной матерью?[4]

2-я Ваша новость очень печальна. Все слова соболезнования и сочувствия в этих случаях беспомощны[5].

---

[1] Рождество Христово.

[2] Имеется в виду, что все постояльцы инвалидного дома находились на социальном обеспечении государства.

[3] Имеется в виду старший сын Гинзбургов Александр (род. в декабре 1972 г.), младший, Алексей, родился в 1976 г.

[4] Крестной матерью стала Наталья Дмитриевна Светлова — жена А. И. Солженицына.

[5] Вероятно, речь идет о смерти Юрия Тимофеевича Галанскова.

Чем Вы больны и лечитесь ли? Плохо, когда человек помимо своей особы больше ничем не интересуется и не занимается, но плохо и когда он себе уделяет очень мало внимания, пренебрегает своим здоровьем; а мне кажется, что Вы в значительной степени относитесь к последней категории.

Были ли Вы у Натальи Мильевны? Если еще нет, то сходите.

Там Вас любят, и Вы можете чувствовать себя как дома, без всякого стеснения.

Я понял, что Арина родила в Москве. Где она сейчас? На своей московской квартире или же в Тарусе? Думаю, что во всяком случае Вы ее видите часто, почему мое поздравление ей решил приложить к этому письму и просить Вас передать ей его.

Я провел дни Нового года и Р. Х. хорошо, спокойно; хотя пьяных в эти дни было много, но больших безобразий не было. А вот 11 и 12 января вечером было очень неспокойно. 11 числа каждого месяца живущим здесь пенсионерам выплачивают на «карманные расходы» 10 % их пенсии, но не менее 5 рублей. И всегда в этот день происходит большая пьянка, а после нее и всё остальное. В 11 час. вечера, как всегда, я лег спать. Вскоре пришли 2 женщины с просьбой унять одного пьяного хулигана. Пришлось одеться и утихомиривать пьянчугу — инвалида 57 лет. Конечно, разволновался и не мог долго уснуть. Вчера после ужина часов в 7 слышу у себя в комнате омерзительную ругань, а также мычанье немого, живущего в соседней проходной комнате. Я вошел и увидел в фойе нашего 2-го этажа возмущенного немого и наступающего на него пьяного, только в октябре отсидевшего 10 суток за мелкое хулиганство. Я потребовал, чтобы он шел вниз в свою палату и ложился спать. Тут же подошла дежурная санитарка, начавшая его теснить вниз по лестнице. Он ударил ее своей палкой. Я вырвал ее и вместе еще с одним мужчиной 61 года стал вытеснять его с лестницы. Он снова ударил санитарку, — она кувырком полетела с лестницы до самого низа. Я думал, что она не поднимется, но обошлось лишь ушибами. Хулиган был вытеснен на 1-й этаж, пытался через некоторое время снова взобраться к нам, но немой его так ударил, что он свалился с лестницы и успокоился. В милицию дозвониться не смогли. Сегодня я все эти происшествия оформил и после выходных передам в милицию. Хулигана этого поит его приятельница Надя, продающая свои вещи (платья, пальто, платки и т. п.) и покупающая ему «Лесную воду» (сорт одеколона). Таковы мои свежие впечатления.

Вообще же я за исключением походов в столовую и на почту сижу у себя в комнате и читаю свои газеты и журналы, не входя в соприкосновение с живущими здесь. Это — одна из причин авторитета моего среди них. Будьте здоровы и бодры, дорогая Верочка.

<Подпись>

Г. Г. Суперфину, 27 февраля 1973 г.

27 февраля 1973

Дорогой Гарик!

Вашу открытку получил 19.II. Как сейчас Ваше здоровье? Чем Вы болели? Я тоже в январе в 20-х числах переболел гриппом дней 8; всё время с большой t°: вечером до 39,7°, утром 38° с лишним, а потому сразу спала, как раз пришла повестка с вызовом в суд в качестве свидетеля по делу о хулиганстве одного из наших инвалидов.

Пришлось ехать в Кандалакшу автобусом 1 ½ часа в один конец. Дорога очень извилистая, и я порядком устал.

Вообще же жизнь идет по обычному руслу, и разнообразие в нее вносят лишь разные хулиганские выходки наших жителей мужского и женского пола, происходящие «по пьянке».

С интересом прочел я в №9 «Нового мира» воспоминания А. И. Микояна «В Нижнем Новгороде»[1]. Многое там весьма примечательно и может послужить источником для будущего историка. Но мне кажется, что там допущено 2 грубых ляпсуса: во-1-х, рассказывая о IX Всероссийской партконференции, автор останавливается на выступлении Ленина и упоминает, что Ленин говорил об ультиматуме Керзона. Но этот ультимум имел место в мае 1923 г.[2], а IX партконференция проходила, как правильно указано в воспоминаниях, в сентябре 1920 г. Вывод отсюда ясен.

Во-2-х, там же говорится об уже окончившейся гражданской войне, тогда как в это время еще существовал на юге врангелевский фронт, который был ликвидирован лишь в ноябре 1920 г.

Понравились мне воспоминания Вал. Катаева «Разбитая жизнь» о своем детстве[3]. Мне кажется, что это лучшее из всего написанного Катаевым, так как написано искренне, а в других его произведениях есть какая-то

---

[1] *Микоян А.И.* В Нижнем Новгороде // Новый мир. 1972. №9. С. 170–235; №10. С. 152–183; №11. С. 177–208.

[2] Скорее всего, здесь не ошибка, а смешение двух разных фактов. Летом 1920 г. Керзон как министр иностранных дел Великобритании послал наркому Чичерину телеграмму с требованием не переступать «линию Керзона» при наступлении советских войск на Польшу. Ленин на партконференции в сентябре 1920 г. сказал: «Когда английское правительство предъявило нам ультиматум, то оказалось, что надо сперва спросить об этом английских рабочих. А эти рабочие, из вождей которых девять десятых — злостные меньшевики, ответили на это образованием “Комитета действия”» (*Ленин В.И.* Полное собр. соч. Изд. 5-е. Т. 41. М.–Л. 1981. С. 283). Вместе с тем известный «ультиматум Керзона» — действительно датирован маем 1923 г. Отметим, что журнальная главка о партконференции (1972. №9. С. 172–173) в книжном издании целиком переделана, и этот пассаж выброшен: *Микоян А.И.* Так и было: Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999.

[3] Имеется в виду: *Катаев В.* Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона // Новый мир. 1973. №7. С. 3–142; №8. С. 8–202).

искусственность, что-то неискреннее. Конечно, это впечатление сугубо субъективное. И стиль Катаева, похожий на «живой поток», в «Разбитой жизни» уместен. Может быть, воспоминания Катаева понравились мне и потому, что напоминали мне мое детство. Хотя он на 3–4 года старше меня, но наши семьи по социальному и имущественному положению близки. Я жил примерно в таких же условиях, только не был двоечником и порядочным шалопаем, как Катаев, судя по его воспоминаниям. Некоторые события, о которых он пишет, я помню по газетам того времени. Газеты я читаю регулярно с 1910 г. за исключением периода с августа 1945 г. до начала 1952 г. Заметил я у Катаева одну ошибку: вместо амвона написал «клирос»[1].

А воспоминания В. Кетлинской[2] мне не понравились, вернее, не сами воспоминания, а личность автора.

Как нравится Вам Ваша новая квартира?

Я не представляю себе, где находится Теплый Стан. Как поживают Ира и Алик?[3] Где они находятся? Как их сын? Как его назвали?

Жду Вашего обещанного письма и желаю Вам здоровья, бодрости и успехов в работе.

Продолжаете ли Вы работу в «Новом мире»? В каком положении Ваши работы?

Ваш <Подпись>

Г. Г. Суперфину, 10 апреля 1973 г.

10 апреля 1973 г.

Дорогой Гарик!

Вчера получил Вашу открытку от 5.IV.

Очень горько, что Вы и физически больны, хотя удивляться этому, конечно, не приходится.

Милый Гарик, старайтесь быть спокойнее, занимайтесь своей работой для «Нового мира». По себе знаю, как работа отвлекает от разных тревог и благодетельно действует на душу. Лечитесь, не запускайте болезнь. Гуляйте, пользуйтесь весной. Ведь это самое лучшее время года, и надо не пропустить его. В общем возьмите себя в руки.

Пусть вас не печалит, что Вы не достали для меня календаря. Это пустяки!

Я живу по-прежнему. Появились было фурункулы сперва на подбородке, потом на правой щеке. Объясняют их нарушением обмена веществ.

---

[1] Амвон — возвышение перед иконостасом; клирос — боковые места для певчих на возвышении перед алтарем.

[2] Имеется в виду: *Кетлинская В.* Вечер. Окна. Люди // Новый мир. 1973. №3. С. 3–103; №4. С. 91–152; №5. С. 96–139; №6. С. 108–134.

[3] Гинзбурги.

Наталья Мильевна прислала кое-каких лекарств. Теперь они уже зажили и новых не заметно. Даст Бог, больше не будет.

Раза 2–3 было плохо с сердцем под влиянием пьяных хулиганств и драк, участником которых был и один из живущих в моей комнате. Сейчас он собирает свои вещи и переселяется во флигель, куда переселили наиболее стойких пьяниц, собирающих средства на выпивку путем сбора пустых бутылок около магазинов в Княжой Губе и Зеленом Боре. Может быть, будет немного спокойнее, так как переселяемый 62 лет в трезвом виде вполне терпим; он еще крепкий мужчина, любит труд и выполняет кое-какие работы для нашего дома (чистка снега и т. п.). Но когда выпьет, делается совсем другим человеком, придирчивым, вернее, задиристым; на каждом шагу омерзительно ругается, лезет драться, грозит убийством. Пьет же он ежедневно, главным образом одеколон; терроризирует свою приятельницу из местных жительниц нашего дома, 55 лет, особу, довольно отрицательную, склонную к воровству.

Я, как избранный на общем собрании председателем культурно-бытовой комиссии нашего заведения, составляю с фельдшерицей меню на завтраки, обеды и ужины; разбираю разные конфликты среди живущих здесь, главным образом женщин.

Но основное мое занятие — чтение.

За последнее время мне очень понравился роман Ф. Абрамова «Пути — перепутья», опубликованный в № 1–2 «Нов[ого] мира» 1973 г. Очень правдивое произведение. В № 1 «Нового мира» понравились и письма покойного акад. Ухтомского[1], а в «Вопросах философии» № 12-72 г. и № 1-73 г. статья Кантора, ценная в познавательном отношении[2], как и статья Ю. Островитянова и А. Стербаловой «Социальный генотип Востока...» в № 12 «Нового мира» 1972[3].

В Брянке Ворошиловградской области, где я гостил летом 1971 г., одна из хозяек[4] умерла, а 2-я предлагает мне переехать к ней на постоянное жительство. С одной стороны, это привлекательно во многих отношениях; может быть, и в матерьяльном отношении я обошелся бы, нашел бы там какую-либо работу, но что меня очень пугает: надо носить воду и на довольно значительном расстоянии, я же к физической работе, которой вообще никогда не занимался, сейчас совсем не пригоден. Я задыхаюсь даже при наклоне. Не знаю сам, как быть с этим предложением.

---

1 *Ухтомский А. А.* Письма / Публ., ввод. ст. и примеч. Е. И. Бронштейн-Шур // Новый мир. 1973. № 1. С. 251–266.

2 *Кантор К. М.* Мировой революционный процесс и международное рабочее движение (I–II) // Вопросы философии. 1972. № 12. С. 77–88; 1973. № 1. С. 96–111.

3 *Островитянов Ю., Стербалова А.* Социальный «генотип» Востока и перспективы национальных государств // Новый мир. 1972. № 12. С. 197–220.

4 Предположительно, В. С. Санагина.

А в каком районе Москвы находится «Теплый Стан»? Есть ли у Вас телефон?

Итак, еще раз желаю Вам здоровья, бодрости душевной, спокойствия. Всё проходит, пройдут и неприятности. Берегите себя.

Любящий Вас <Подпись>

В. И. Лашковой, 17 сентября 1973 г.

Дорогая Верочка!

Так в этом году мне и не пришлось Вас повидать.

Приехал я в Москву 7 июня и в тот же день звонил Вам и Ире[1], которая сказала, что Вас нет в Москве.

Потом я месяц жил почти безвыездно на даче[2]. 11 июля уехал в Брянку тем же поездом, на который Вы провожали меня в 1971 г. в этот же день.

В Брянке я прожил до 9 августа, а потом снова на даче до 24 августа, хотя 18 и 19 на Преображение был в Москве и причащался в Новодевичьем монастыре. С 24 августа из-за холодов и дождей переехали в Москву.

2 сентября ездил в Загорск в Троице-Сергиеву лавру, а 12 августа на машине одного знакомого совершил туристическую поездку в Волоколамск и находящийся в его окрестностях Иосифо-Волоколамский монастырь.

Учитывая, что я приехал в июне, как оказалось, с незалеченным воспалением легких, а вернулся в сентябре к себе здоровым, надо признать, что мой 3-месячный отпуск был нужным и полезным.

Сейчас я снова окунулся в болото пьянства и хулиганства. Уже в 1-й день, то есть 6 сентября пришлось отправлять в милицию глухонемого, лет 40, напившегося на похоронах и потом безобразничавшего. 11 сентября у нас было общее собрание, на котором я председательствовал. На это собрание, на котором обсуждалось поведение 6 человек наших «обеспечиваемых»[3], был приглашен участковый инспектор милиции. Уже это говорит о многом. В итоге двоих исключили совсем, остальным предупреждение.

Ну а как Ваши дела? Где Вы побывали летом? Что делаете сейчас? Мне говорили, что Вы в конце августа были в Коктебеле. Так ли это?

Я посылал Вам письмо из Брянки — получили ли Вы его?

Когда я уезжал оттуда, Валентина Семеновна просила передать Вам ее привет и сказать, что Вы в любой момент можете приехать к ней пожить временно или постоянно. Ее адрес: 349790 Ворошиловградская

---

[1] Корсунской.

[2] Именно тогда, судя по всему, Меньшагин и писал свои воспоминания. Г. Г. Суперфин вспоминает, что читал их тогда, когда Меньшагин на день-два приехал в Москву.

[3] То есть тех, кто не получал пенсию, а был на так называемом «гособеспечении», как и Меньшагин.

область, г. Брянка, 3, ул. Дзержинского, 10, Санагиной Валентине Семеновне.

Ехать туда надо с Павелецкого вокзала до ст. Коммунарск Донецкой ж. д. (поезд № 115 до Ясиноватой идет туда без пересадки). С вокзала надо ехать автобусом, идущим на Кадиевку. Сходить на остановке «Павловка», идти вперед, за мостом поворот по дороге направо, а там спросить ул. Дзержинского.

Как получите это письмо, отвечайте. Я решил послать его по адресу Иры, у которой Вы часто бываете и которая, конечно, знает, где Вы находитесь в данный момент.

Меня тревожит состояние здоровья Наталии Мильевны: она очень ослабела и всё время чем-то недомогает.

Было бы очень хорошо, если бы Вы позвонили, а еще лучше, если бы зашли к ней. Она Вас любит, и это было бы ей приятно.

Передайте мой сердечный привет Ире, Алику и маленькому Саше[1].

Желаю Вам всего хорошего, а главное — здоровья и бодрости.

Ваш <Подпись>

6 октября 1973 г.[2]

Вчера это письмо вернулось обратно. Когда мне вручили его на почте, я было встревожился, но оказалось, что я послал его по адресу: Калужская область, Садовая, 2, не указав вовсе города. Как это получилось, не представляю себе.

Посылаю снова туда же. Чувствую себя удовлетворительно. От Натальи Мильевны давно ничего не слышно. Очевидно, больна.

Еще раз приветствую всех Вас и жду ответа.

<Подпись>

1974

В. И. Лашковой, 10 января 1974 г.

Дорогая Верочка!

Вчера получил Ваше поздравление с праздником Р. Х. Провел я его хорошо. Накануне 6.I после обеда пошел по дороге по направлению к морю. И по дороге исполнял Великое Повечерие и утреню, положенные в этот вечер. На дороге встретил только одного человека — охотника, шедшего с ружьем. По сторонам — слева еловая роща, справа — канал, идущий от Княжегубской ГЭС к морю. Мороз был 28°, так что я немного замерз. Но настроение было хорошее и я был доволен.

---

[1] Дома Александра Гинзбурга-младшего звали Саня, Санька, Санюшка.

[2] Приписка к письму в целом.

Утром 7.I я завтракать не ходил, оставался один и таким же путем исполнил обедню. Весь день провел хорошо.

Последние дни перед Новым годом у меня было довольно много хозяйственных дел. Но пока есть еще силы и энергия, я с удовольствием занимаюсь каким-либо делом. Плохо лишь то, что вечерами часто беспокоят пьяные. Администрация дома очень плохая — трусливые, ленивые люди, среди которых тоже очень много пьяниц; дисциплина отсутствует.

Всё это раздражает.

Зима у нас в этом году очень неустойчивая, напр. 6.I было 28° мороза, а 7.I — 4°, сегодня — 12°, даже на протяжении дня t° меняется очень значительно. Снега в этом году много.

Мне часто приходится ссориться с завхозом насчет расчистки и дороги от 1-го корпуса ко 2-му и посыпки ее угольным шлаком.

В комнате у нас очень жарко, хотя 2-я рама в 4 окна нашей комнаты не вставлены, а единственная форточка открыта круглые сутки и служит ходом на двор и обратно для моего Барсика.

Вот, кажется, описал Вам свое житье.

Желаю Вам по-прежнему быть бодрой и здоровой.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 16 апреля 1974 г.

Дорогая Верочка!

Вчера получил Ваше письмо. Благодарю за поздравление.

Чувствую себя я более-менее удовлетворительно. Грипп проходит; стенокардических пристуов с 3/IV не было, лишь сегодня ночью были колики в сердце, прекратившиеся после приема валидола.

Панангин[1] я принимаю по рецепту московского врача, полученному в прошлом году. Как я писал Вам, перерыв в приступах у меня был почти 9-летний. Может быть, и теперь опять заглохнет. С врачебной помощью здесь значительно хуже, чем было во Владимире. Но пока я не особенно нуждаюсь в ней.

Расстраиваться здесь приходится помимо желания: как можно равнодушно относиться к тому, что 45-летний пьяный хулиган побил 82-летнюю старуху? А такие факты чуть ли не ежедневно случаются.

Такое же положение и в соседнем Кандалакшском доме инвалидов.

Верочка, у меня к Вам такая просьба: я получил извещение от Внешторгбанка (Москва, Копьевский пер., 3/5) о поступлении на мое имя перевода в сумме 20 долларов. Это послала дочь.

Внешторгбанк указывает, что я могу: а) получить их наличными в сумму 15 р. 20 к. в Кандалакшском отделении Госбанка (проезд туда стоит 1 р.

---

[1] Лекарство, применяемое при аритмии сердца.

10 к. в один конец); б) открыть текущий счет в долларах во Внешторгбанке; в) перевести их на счет Внешпосылторга, который расплатится сертификатами на 65% этой суммы, и на сертификаты можно приобрести товары в одном из 8 московских магазинов, в том числе в магазине № 19 на Кропоткинской, 31. Может быть, Вы знаете, что там можно приобрести?

Я прошу Вас дать совет, какой из этих способов реализации перевода мне следует избрать.

Если Вы признаете, что 3-й способ выгоднее 1-го, то нельзя ли будет выслать на Ваше имя доверенность на получение сертификатов из Внешпосылторга (Москва, Кутузовский проспект, 7/4)?

Только очень прошу, если Вас по какой-либо причине это не устраивает, прямо сказать об этом. Я приму это как дружеский откровенный разговор и ни о какой обиде, конечно, не может быть речи.

Я писал об этом своем затруднении Нат. Мил. Но сама она может лишь дать совет.

Я очень прошу дать мне ответ без замедления.

Пасху я встретил хорошо. Начиная со Страстного четверга, я выполнил все службы. Неоценимую помощь мне в этом оказали подаренные Вами Евангелие и присланный в 1971 г. календарь.

Привет Ире и Алику.

Всего Вам хорошего. Будьте здоровы и бодры.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 17 октября 1974 г.

Дорогая Верочка!

Вот уже скоро 1 ½ месяца как я вернулся домой. Жил я в этом году большей частью на даче, лишь изредка наезжая в Москву. С 6 по 20 августа прожил в Волочиске у Екатерины Мироновны. Кстати, она спрашивала об Арине и просила передать ей ее адрес: 281370, Хмельницкая обл., г. Волочиск I, Железнодорожная ул., 48, Екатерине Мироновне Зарицкой.

Мне это место понравилось: беленькая украинская хатка (вернее, ½ хатки), кругом зелень, сквозь которую виднеется несколько таких же белых хаток; некоторые из них крыты еще соломой. У нее в это время гостили мать и внучка Соломийка 3 лет.

Отдохнул за 3 месяца я хорошо. Хотя, конечно, болезнь Натальи Мильевны наложила свою печать. Положение ее и сейчас тяжелое.

Возвратившись сюда, я сразу же втянулся в свою обычную жизнь, составление меню, умиротворение пьяных и т. п. Пьяных за это время было особенно много, так как многие жители нашего дома-интерната ходили в лес, собирали бруснику, которую продавали на заготпункте по 80 коп., а потом — по 1 руб. за килограмм и деньги пропивали. Кроме этого,

пьянствуют санитарки. Почему дом стал часто оставаться без всякого обслуживания, полы не мыты, чаю нет и т. п.

Недавно 2 санитарки 30 и 34 лет ночью вызвали, будучи пьяными, милицию, позвонив туда о том, что якобы взломали склад. Милиция быстро приехала и, естественно, стала упрекать их за ложный вызов, на что они отвечали матерной руганью. Вчера Народный судья назначил одной из них 1 месяц принудительных работ, а 2-й (у нее 5 детей без мужа) 30 руб. штрафа. Всё это, хотя лично меня непосредственно не затрагивает, всё же очень противно.

Перед отъездом я реализовал в магазине «Березка» на Большой Грузинской свои сертификаты, приобретя разные вкусные вещи.

Ну а как Вы живете? Как отдохнули в Крыму? Как поживают Алик с Ариной? Работает ли он? Передайте им мой привет.

Что слышно о Г.[1]? Где он сейчас?

Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы как-нибудь заехали бы к Нат. Мил. и написали бы мне о ее состоянии.

Осень в этом году и у нас хорошая. Я лишь 5.X стал одевать демисезонное пальто, а то ходил в костюме или в плаще. И сейчас еще 3–5° тепла.

Снег выпал 11/X, но на следующий день растаял.

Вечерами 14 и 15/X я наблюдал северное сияние.

Красивое зрелище.

Желаю Вам здоровья, бодрости, успеха в делах.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 15 ноября 1974 г.

Дорогая Верочка!

Вчера был обрадован, получив Ваше письмо, а то я начинал беспокоиться, да и не знал, где Вы и получили ли мое письмо.

Вы и Арина пришли мне на помощь, когда я еще не освоился с возобновленной своей жизнью, и этого я никогда не забуду.

Очень сочувствую Вам в постигшем Вас горе[2], но для самого отца Вашего смерть была лучшим исходом. Я здесь вижу много парализованных и молю Бога, чтобы мне умереть не испытавшим этого несчастья.

Нового токаря[3] мне очень жаль, но, если он нашел в себе силы приспособиться к новой обстановке, слава Богу. Адрес его Вы мне напишите, а также сообщите Ваше мнение, следует ли мне написать ему.

---

1 Гарике (Г. Суперфине).

2 Отец В. И. Лашковой, Иосиф Максимович Белогуров, умер в августе 1974 г. Перед этим он три месяца был парализован в результате инсульта и лежал дома.

3 С сентября 1974 по апрель 1975 г. Г. Суперфин (лагерный № ВС-389/35) работал токарем.

У Вас, конечно, тесно для 2 человек. Посмотрите, как будет чувствовать себя Ваша мама и в зависимости от этого решите вопрос о ее переезде к Вам.

Я уже летом видел плохое состояние Натальи Мильевны. Она мне тоже пишет (еще из больницы), что ей стало лучше. Дай Бог!

Я живу без существенных перемен. Последние дни с 8/XI приходится много волноваться в связи с безобразиями в нашем доме: пьянство и так называемых «обеспечиваемых» и обслуживающего персонала, прогулы их, хулиганство некоторых инвалидов, шум, ругань... Окружающие идут ко мне, жалуются... Администрация слабая, да и директор сейчас в отпуске, заменяет его завхоз, женщина довольно глупая и крикливая. Из обеспечиваемых считаются только со мной, так как побаиваются, что напишу в высшие органы. За суматохой в последние дни не выполняю свой план чтения.

Привет от меня Арине и Алику. Желаю ей благополучно принести нового человека в мир.

Будьте здоровы и бодры, как всегда, и не забывайте меня.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 16 декабря 1974 г.

Дорогая Верочка!

Я опять обращаюсь к Вам с просьбой. В тот день, когда я писал Вам последнее письмо, я получил извещение Внешторгбанка о поступлении для меня 20 долл. Я послал им заявление о желании получить сертификаты.

Теперь пришло извещение о выполнении этой просьбы и о перечислении Посылторгу 19,34 долл. = 14 р. 60 к. Я прошу Вас как-нибудь получить эти сертификаты. Я сейчас не помню, сколько нам дали 5/VI: не то 9 руб., не то 12 руб. Видимо, так будет и сейчас.

Но если вам по какой-либо причине неудобно выполнять это мое поручение, то я очень прошу без всякого стеснения написать мне об этом. Никакой обиды в этом не будет.

Срочности в этом деле нет. Как их лучше реализовать, я не знаю. Если у Вас есть потребность для себя или для кого-либо нуждающихся, то располагайте по своему усмотрению. Я буду только рад этому.

Прошлую получку я реализовал в конце августа в магазине «Березка» на Большой Грузинской, 63. У меня осталось еще 12 коп. Я их могу Вам прислать.

Наталья Мильевна после Вашего посещения снова болела — воспаление легких. Сейчас, как она пишет, поправляется. Я тоже поболел с 6/XII: кашель, насморк, головная боль, сильная слабость, но t° — 36,2–36,4°. Сейчас почти поправился, улучшение началось с 10/XII после бани. В постели не лежал совсем и обычного своего распорядка дня не нарушал.

Сейчас воюю с одним 40-летним хулиганом, требую от директора его исключения. Этот негодяй обирает здесь всех старух, побирается и в поселке, ко всем привязывается, оскорбляет, а меня обещался убить. Конечно, это пустая болтовня, но нервы он портит изрядно. Я потребовал от директора, чтобы 18/XII его здесь не было. Посмотрим, что будет.

В остальном всё по-прежнему.

Погода стоит теплая (около 0°), но тяжелая, много больных гриппом, и ходить тяжело, скользко.

Что у Вас нового? Что слышно о новом токаре? Не были ли в Смоленске?

Привет мой Арине и Алику.

Желаю Вам всего доброго, а главное — здоровья и бодрости.

<Подпись>

Г. Г. Суперфину, 27 декабря 1974 г.

27 декабря 1974

Дорогой Гарик!

Поздравляю Вас с Новым Годом и желаю Вам здоровья, бодрости, душевного покоя, исполнения Ваших желаний.

Я живу по-прежнему. Здоровье, учитывая мои 73 года, удовлетворительно. Воюю с нашими пьяницами и хозяйственными неполадками, всё свободное время читаю. Зимы у нас в этом году, по существу, еще нет, хотя снега много.

Бодритесь, мой дорогой! Да сохранит Вас Бог!

С любовью <Подпись>

1975

В. И. Лашковой, 15 января 1975 г.

Дорогая Верочка!

Вчера получил Ваше письмо от 4/I (почт. штемпель Москва 7/I) а 26/XII получил Ваше поздравление с Новым годом.

Мое пропавшее письмо было послано Вам 16/XII заказным письмом за № 593 Княжегубского отделения связи. В нем были извещение Внешторгбанка от 29/XI-74 г. № 44156-3 о перечислении ими Внешпосылторгу 19,34 амер. долларов для выдачи мне сертификатов на 14 руб. 60 коп. и доверенность моя на Ваше имя, заверенная, согласно закону о Государственном нотариате, директором Княжегубского дома-интерната для престарелых и инвалидов. Я думаю, что письмо это пришло во время Вашего отсутствия и сейчас находится в почтовом отделении Г-34. Если же письмо пропало, то я предъявлю здесь претензию, согласно Устава связи, доверенность можно выслать новую, конечно, если Вы согласны на это.

В пропавшем письме я писал, что полученными сертификатами Вы можете распорядиться по своему усмотрению. Если есть кто-либо в острой нужде, то можете использовать их на это. Всё это остается в силе.

Я живу в общем по-старому. Время после Октябрьских праздников очень беспокойное. Чуть ли ни каждый день какой-либо инцидент то с инвалидами, то с обслуживающим персоналом. Так же по характеру своему я не могу оставаться равнодушным при виде безобразий, да к тому же я опять избран председателем культурно-бытовой комиссии нашего дома, то приходится принимать меры к ликвидации безобразий и, конечно, волей-неволей волноваться при этом.

Под Рождество в 5 часу вечера я пошел гулять по Кандалакшскому шоссе и наедине с природой отслужил рождественскую службу, что создало хорошее настроение.

Гарику послал новогоднее поздравление по указанному Вами адресу[1].

Как поживает Ирина Владимировна Корсунская?

Что нового у Иры и Алика? Привет им.

Зима в смысле морозов проявила себя у нас только с Рождеством. На днях были 31° мороза. Но сегодня опять тепло — градуса 3–4 мороза. С 7/I солнце в 1-м часу дня появляется над горизонтом.

О болезни Натальи Мильевны я знаю. Боюсь, что мне не придется больше ее увидеть.

Желаю Вам всего наилучшего.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 13 февраля 1975 г.

Дорогая Верочка!

И письмо, и открытку Ваши я получил. С получением сертификатов спешки нет. Когда бы ни получили, хорошо. Что купить на них, предоставляю на Ваше усмотрение. Никаких претензий с моей стороны быть не может. Если что-либо нужно Вам, берите. Я, кажется, писал, что в августе те сертификаты, которые мы получили вместе с Вами 5/VI, я реализовал в магазине на Бол. Грузинской на покупку шоколада, вина и еще кое-чего вкусного.

После получения Вашей открытки от 1/II я послал Арине поздравление по московскому ее адресу. Получила ли она его?

Очень мне жаль Надежду Григорьевну[2]. Зачастую даже родные дети не живут с родителями так дружно, как жила она с покойной Натальей Мильевной[3]. По собственному опыту знаю, как тяжело иной раз бывает одиночество.

---

[1] На зону: Всесвятская Пермской обл.

[2] Левитскую.

[3] Н. М. Аничкова скончалась 26 января 1975 г.

Крестили ли маленького Алешу?

У меня новое только то, что один 40-летний негодяй, мордвин, получивший инвалидность из-за того, что пьяный заснул с папиросой и от возникшего от нее пожара обгорела у него одна нога[1], 4 февраля вечером около 7 час., ударил меня 2 раза сзади по голове железной пластиной. Удалось это ему лишь потому, что он спрятался за дверью, и я его не видел.

В нашем доме он с X.1973 г.; сразу он занялся вымогательством денег у старух и пьянством, ходил по окрестностям, выпрашивал деньги.

Летом его отправили в Мурманск в больницу для пересадки кожи на обгоревшее место, но оттуда выписали за систематическое пьянство. Год тому назад он вечером ворвался в нашу комнату, избивал живущего здесь глухонемого 70 лет. Мне пришлось при помощи палки изгнать его из комнаты. С тех пор он ненавидит меня.

2 раза его поведение обсуждалось на собраниях, я требовал его исключения, но так как он обещал исправиться, дело ограничивалось предупреждением. Наконец, 4/II врач подала заявление об увольнении, ссылаясь на оскорбления и угрозы от этого мерзавца. Мне он тоже неоднократно угрожал убийством. И когда узнал, что 5/II утром должен покинуть наш дом, и, считая главным виновником этого меня, решил осуществить свой замысел. Голова у меня всё еще забинтована; одна рана уже поджила, а другая еще кровоточит. Кроме того, из-за большой потери крови я чувствую большую слабость, головокружение, тяжесть на сердце, но продолжаю свой прежний образ жизни.

Вчера еще исключили 2 женщин и 1 мужчину за безобразия, учиненные 11/II поле получки пенсионерами «карманных денег». Тяжело, но ничего не поделаешь. Я хорошо понимаю причины Вашей хандры, но крепитесь, дорогая Верочка, и надейтесь на лучшее. Один из древних мудрецов, кажется Сенека, говорил при аналогичном случае: Гордись, что судьба избрала тебя своим партнером, достойным нести тягости жизни. Бодритесь! Да хранит Вас Пресвятая Владычица!

<Подпись>

В. И. Лашковой, 25 февраля 1975 г.

Дорогая Верочка!

Вчера получил Ваше письмо от 16.II. Думаю, что и Вы получили мое письмо от 13.II. Письмо это я послал утром, а днем получил телеграмму. Так как в письме я писал и о сертификатах, и о своих новостях, то по получении телеграммы я больше ничего не писал. Я очень благодарен Вам за Ваши хлопоты. Думаю, что вы не пеняете на меня за них, так как, кроме Вас, мне некого просить о выполнении таких поручений.

---

[1] По фамилии Берников (см. ниже).

Жалобу на Вашу почту я написал сгоряча, возмущенный лживым ответом по телеграфу нашему почтовому отделению о том, что письмо вручено адресату. Ответ был за подписью Соколовой. К этому письму я прилагаю заявление на имя начальника Московского городского Управления связи (ему я посылал жалобу) об оставлении жалобы без последствий. Если Вы найдете нужным, используйте это заявление[1].

Если Вы получили письмо от 13.II, то знаете, что на меня 4.II было произведено покушение. Сейчас раны уже зажили, только в передней части головы остался шрам. Может быть, и он пройдет. Общее состояние лучше, чем в 1-е дни. Таких головокружений уже нет. Но всё же чувствую я себя хуже, чем раньше.

Вечером в воскресенье на 1-м этаже началась драка 2-х пьяных, и дежурная санатория позвала меня. Мне довольно быстро удалось прервать драку и разъединить окровавленных драчунов. При этом я совсем не волновался, и всё же у меня началось ненормальное сердцебиение, дрожь в руках. И так постоянно.

В начале марта уезжает из Мордовии последняя из моих владимирских друзей[2]. Я этому очень рад.

На днях получил письмо от матери Гарика[3] с благодарностью за поздравление его с Новым Годом. Но адреса и фамилии своей она не указала. Та же фамилия, что и Гарика, или нет? Адрес — Теплый Стан? Здесь идут разговоры о ликвидации нашего дома-интерната и о распределении людей по другим. Думаю, что это не серьезно.

У нас тоже несколько дней стояла холодная погода. Мороз 20–23°, потом пара дней отменные, солнце, с крыш течет, на дорогах лужи,

---

[1] См.: «Начальнику Московского Городского Управления связи Меньшагина Бориса Георгиевича (184021, Мурманская область, Княжая губа). Поданную мною жалобу на Ваше имя на недоставление по назначению заказного письма, посланного мною из Княжой губы 16.XII.1974 г. №593 по адресу 119034, Москва, Г-34, ул. Кропоткина, 13, кв. 9, В. И. Лашковой, прошу оставить без последствий. 25 февраля 1975 г.».

[2] Гусяк Дарья Юрьевна (Дарія Юріївна Гусяк; род. 1924).

[3] Ср. в письме Г. Суперфина матери — Басе Григорьевне Позиной (1909–1978): «Еще раз придется тебе по прежнему адресу написать Борису Георгиевичу. Он уже приехал к себе. Я получил от него 22-го августа. Сообщи ему о моем близящемся переезде, адрес он, должно быть, знает. Бор. Георг. написал, что 26 января еще умерла Надежда Мильевна. Никто из вас это мне не писал. <...> Сама — прекрасный (я знал ее очень мельком), твердый человек, православная. Как Надежда Григорьевна? Бор. Георг. напиши, что рад им переданному привету от Галины Томовны. Было с кем ее вспомнить, к взаимной хорошей памяти о ней. Как ее подруги? До нас очень скупо всё доходит, и то уже давно ничего нет. Еще ему напиши, что все, кто знает о нем хоть понаслышке, относятся к нему с неизменным и глубоким уважением» (Машинописные копии писем в домашнем архиве Г. Г. Суперфина).

а сегодня снова мороз 6°. День у нас так увеличился, что и на завтрак, и на ужин можем ходить при дневном свете. Читаю без света до половины 6-го вечера.

Покушавшийся на меня алкоголик скрылся и местонахождение его неизвестно.

Как чувствуют себя Арина и маленький Алеша?

Привет ей и Алику.

Желаю Вам здоровья, бодрости, хорошего настроения.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 3 марта 1975 г.

Дорогая Верочка!

Письмо Ваше от 25/II получил 1/III. Меня очень трогает Ваша забота обо мне в связи с нападением на меня 4/II. Раны уже зажили, остался только небольшая припухлость и шрам на передней части головы. Местонахождение подонка, ударившего меня по голове 2 раза железной пластиной, неизвестно. Куда-то скрылся. В 1-е дни я чувствовал сильную слабость, головокружение. Сейчас это прошло. Но при малейшем раздражении начинается усиленное сердцебиение, дрожь в руках. А помимо воли, раздражаться приходится часто. Различные безобразия происходят ежедневно по несколько раз на день, особенно по выходным и по вечерам. Администрации в это время нет, санитарки боятся, а иногда и сами бывают пьяные, вот люди и идут ко мне как единственному здесь человеку, могущему что-то сделать. Зато пьянчуги-хулиганы (их здесь из 140 человек 12) недовольны.

Я свою трудовую деятельность начал в июле 1917 (на Казанскую!) и всегда делал то, что считал нужным и полезным и сейчас на старости лет было бы стыдно прятаться в кусты, не используя возможности пресечь безобразие. Я никогда не любил тех, кто придерживается правила «моя хата с краю», и подражать им считаю недопустимым. Находясь в 25-летнем одиночестве, я имел привычку во время прогулки вспоминать год за годом, что я делал в этот день, где был и чем занимался.

И, пожалуй, самым счастливым днем моей жизни было 21 июня 1939 г., когда закончилось дело 8 работников животноводства Смоленской области, начавшееся 24/XI-1937 г. показательным процессом во Дворце труда на Ленинской ул. по обвинению их во вредительстве. 28/XI-1937 всем им был вынесен смертный приговор без права обжалования. Их жены стали просить меня ехать в Москву «спасать их». Мои коллеги, услышав об этом, стали говорить, что нельзя идти против мнения всей области, так как на всех предприятиях, колхозах и т. п. были проведены митинги, потребовавшие от суда «уничтожить гадов». Да мне и самому было страшно. Но я преодолел страх, 3/XII.1937 был в прокуратуре СССР на Большой

Дмитровке, 4/XII меня принял тогдашний прокурор СССР Вышинский. Он по телефону приостановил исполнение приговора, потребовал дело к себе. 25 января 1938 приговор был отменен с передачей дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. 31/V-1938 одного из обвиняемых, научного сотрудника Всесоюзного института экспериментальной ветеринарии[1], отпустили с прекращением дела за отсутствием состава преступления. После нового суда с 27/II по 3/III-1939 остались под стражей только трое со сроками 20, 8 и 6 лет, остальные оправданы. И, наконец, 21/VI-1939 г. Верховный суд РСФСР по кассации признал этих троих виновными в халатности, срок — 1 год 6 мес. каждому и с зачетом предварительного заключения освободить. Во мне всё ликовало, когда член Верховного суда Канаев[2] прочитал определение кассационной комиссии.

Утром 22/VI-1939 г. я отправился в тюрьму и сообщил им о предстоящем освобождении. Они плакали, обнимали меня, и я плакал вместе с ними. Воспоминания об этом деле поддерживали меня, улучшали настроение, питали чувство гордости в период горестного 25-летия. Даже сейчас эти строки вызвали слезы и дрожь рук.

О получении телеграммы и письма я Вам уже писал. Как можете сами судить по этому письму, лекарства мне не нужны. Шоколад я люблю, как и вообще люблю с детства сладкое.

У нас тоже уже пахнет весной. Днем на солнце с крыш капает, на дорогах лужи. Ночью мороз был 10 до 15°. Так что разница в погоде с Москвой очень небольшая. С 8 час. утра до 6 час. вечера читаю при дневном свете.

Не пришлось ли видеть Надежду Григорьевну? Как она себя чувствует?

Желаю Вам здоровья, бодрости, успеха в делах.

<Подпись>

Г. Г. Суперфину, 26 апреля 1975 г.

26 апреля 1975.

Дорогой Гарик!

Поздравляю Вас с праздниками и желаю Вам здоровья и бодрости. От Вашей матери знаю, что прошлое мое письмо Вы получили.

Я завтра вечером еду в Москву, где проведу праздники, а во 2-й половине мая думаю поехать в Черкасскую область[3]. В последнее время чувствую себя плохо. Может быть, поездка и новая обстановка пойдут

---

[1] В 1938–1939 гг. Меньшагин добился сначала смягчения, а потом и отмены приговора обвиненному во вредительстве А. П. Юранову, известному ветеринару и специалисту по бруцеллезу (см. подробнее в: *Меньшагин, 2017*. С. 10–11).

[2] Устойчивая аберрация памяти. См. примечание на с. 309 наст. изд.

[3] В Черкасской области в с. Христиновка жила, по освобождении, Г. Дидык.

на пользу. Но не надо забывать и того, что 9 мая мне пойдет 74-й год. Кругом более молодые выглядят большими стариками, чем я.

От всей души желаю Вам всего хорошего.

<Подпись>

Г. Г. Суперфину, 14 августа 1975 г.

14 августа 1975[1]

[№ 3][2]

Дорогой Гарик!

12.VIII я вернулся из своей летней поездки, которую начал 27.IV. По месяцу прожил я в Москве, в Хмельницкой и Черкасской областях УССР и последние дни снова в Москве.

Уезжая из нее, вспоминал Вас, как Вы провожали меня при отъездах в прошлые годы.

Другое изменение против прежнего: Наталья Милиевна умерла 26 января с/г.

Правда, я не могу пожаловаться на отсутствие к себе внимания со стороны лиц, с которыми жил и общался, но Наталья Милиевна, как Вы, вероятно, помните, была особенно заботлива.

Отдохнул я хорошо, плохо только то, что немного пополнел — это ни к чему, я и так страдаю одышкой.

Галина Томовна[3] просила передать Вам ее сердечный привет.

Желаю Вам, дорогой Гарик, здоровья, мужества, бодрости, исполнения Ваших желаний.

Любящий Вас <Подпись>

В. И. Лашковой, 29 августа 1975 г.

Дорогая Верочка!

Будучи в Москве по возвращении с Украины, несколько раз звонил Вам и к Арине, но Вас не заставал, а там, видимо, никого не было. Я за лето хорошо отдохнул, но сейчас уже почти ничего не осталось. Такого

---

1 Получено адресатом 22 августа.

2 По-видимому, третье письмо от Б. Г. М в лагерь. Первое, поздравительное с Новым годом, от 27.12.1974, поступило адресату в учр. ВС 389/35 15.01.1975. Второе — от 26.04.1975 поступило туда 06.05.1975.

3 Галина Томовна Дидык (Дідик) (1912–1979), участница освободительной партизанской войны на Украине против советской власти. Связная командующего УПА Романа Шухевича (1907–1950). Арестована органами МГБ/МВД в 1950. До 1969 г. находилась в тюрьме (19 лет из 21). В 1969–1971 в женской политической зоне в Мордовии. По освобождении (об освобождении см. «Хронику текущих событий» № 19 (1971)) побывала в Москве. У матери А. И. Гинзбурга она познакомилась с несколькими его друзьями, в том числе и с Г. Суперфином. Впоследствии поддерживала нерегулярную почтовую переписку с ним.

безобразия, как сейчас, в нашем доме еще никогда не было. Вдобавок в последние дни прибыли с путевками 3 негодяя: Охотников, исключенный в XII.1971, Ягодкин, исключенный в V.1973, и Берников, исключенный 4.II и тогда же пытавшийся убить меня. Всё это действует на нервы и сердце.

Как живете Вы?

Желаю Вам всего доброго. Привет Арине и Алику.

<Подпись>

Г. Г. Суперфину, 23 декабря 1975 г.

23 декабря 1975

Дорогой Гарик!

Поздравляю Вас с наступающим Новым Годом и желаю Вам здоровья и исполнения желаний.

Мне к концу года что-то не везет. С 3–4 ноября болею с малыми перерывами. Врач признает катар дыхательных путей. Выражается это в приступах сильного кашля, сопровождаемых удушьем. Ослабел, пропал аппетит. На последней неделе заметно улучшение, может быть, всё обойдется к весне. Еще раз желаю Вам всего хорошего, не унывайте!

Ваш <Подпись>

1976

В. И. Лашковой, 19 апреля 1976 г.

Христос Воскресе!

Дорогая Верочка!

Поздравляю Вас с праздником Воскресения Христова и желаю провести его радостно и спокойно.

Завидую Вам, что Вы сможете по-христиански провести эти дни, которые, начиная с четверга, всегда очень благотворно действуют на мою душу.

Как Вы поживаете? Как живут Ира, Алик и их детки?

Давно ли были в Смоленске? Что там нового?

Я недавно пришел из столовой. Дорога — сплошной лед. Шел в таком напряжении, что никак не прекращается сердцебиение и дрожь рук.

В начале зимы я болел, но с января физическое состояние стало лучше. Зато с 9 января лишился покоя. Я жил на 2 этаже 2 корпуса в большой, светлой, очень теплой комнате, находящейся на некотором удалении от остального помещения. 9 января начался ремонт 1-го этажа 1-го корпуса. В связи с этим произведено переселение группы старух, еще способных к движению внутри дома, в наш корпус, а мужчин со 2 этажа нашего корпуса переселили на 1-й этаж. Я с теми же 3 соседями по комнате попал в тесную холодную комнату, выходящую в телевизионный зал.

Там всегда народ, всегда оттуда доносится матерщина, шум и я, хотя и ложусь, как обычно, к 11 часам, но долго не могу заснуть из-за шума пьяных зрителей, хотя сидят в это время лишь 3–4 человека. Всё это очень действует на нервы. Директор уже более 2 месяцев болеет в связи с обострением гипертонической болезни. В доме полная анархия. Пьянство среди обслуживающего персонала колоссальное. Еще слава Богу, что основных хулиганов из инвалидов в январе отправили в новый дом инвалидов в г. Обояни Курской области.

Когда закончится ремонт в 1-м корпусе, никто не знает. Это задержать может отъезд мой на лето, так как если меня не будет здесь, то прежнюю самую хорошую комнату могут занять.

До свидания. Привет Ире и Алику.

Всего Вам хорошего.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 7 мая 1976 г.

Дорогая Верочка!

Спасибо за поздравление. Я его получил 24.IV. Вы, вероятно, тоже получили мое.

Я в этом году живу хуже прошлых лет.

12 сентября 1975 г. на меня были произведено нападение 2 жителей нашего дома. Оба они были исключены от нас при моем участии: один в 1974, а 2-й 4.II.1975 г., после чего он в этот же день исподтишка нанес мне 2 удара по голове железной пластиной. В августе 1975 г. Облсобес снова прислал их к нам. Один из них 55 лет лишен одного глаза, художник, а второй — 39 лет по пьянке обжег себе ногу (пьяный курил и заснул). Когда люди ушли на ужин, они вошли в мою комнату, схватили меня за руки и со словами «молись, сейчас умрешь», младший вытащил нож. Я, воспользовавшись, что в этот момент он выпустил мою левую руку, толкнул его в грудь — он упал на мою кровать, и я ударил по руке 2-го, вырвался и убежал в 1-й корпус, где сперва со мной был сердечный приступ, а потом я вызвал по телефону милицию, и их забрали в вытрезвитель, так как оба были пьяные.

Здесь перепуганы были все старухи, однако директор никаких мер к негодяям не принял, а поэтому я написал жалобу в министерство соцобеспечения, подписанную 10 нашими жителями. Ее оттуда переправили в Мурманский облсобес. Туда вызвали директора, и мне предложили перейти в Кандалакшский дом инвалидов, от чего я отказался, так как от негодяев страдают здесь многие беспомощные люди. В итоге обоих перевели в новый дом инвалидов в г. Обоянь Курской области, а на меня страшно обозлились и облсобес, и директор за «вынесение сора из избы». Сказалось это в том, что в связи с начавшимся ремонтом хорошую светлую и теплую комнату, в которой я жил с июня 1970 г. вместе с 3 другими лицами, заселили 5

старухами, переехавшими из ремонтируемого 1-го корпуса, а нас перевели на 1-й этаж в холодную и темную комнату, гораздо меньшего размера. Это был благовидный предлог, так как старух, еле двигающихся и часто падающих на лестнице, когда идут в уборную, там помещать не следовало.

За 4 месяца удалось покрасить лишь комнаты на 1-м этаже 1-го корпуса, ко 2-му этажу еще не приступили; все живут стесненно.

В доме вообще хаос, так как директора 2 месяца не было по болезни. Пьянство и среди инвалидов, и среди обслуживающего персонала процветает. Прогулы санитарок повседневные. Я вначале болел катаром дыхательных путей, а потом стало давать о себе знать сердце. Сильных проявлений, как было во Владимире, нет, но тяжесть, дрожь в руках часты, а при более сильном волнении — удушье.

Так всё надоело. С удовольствием бы умер, но Бог смерти пока не дает.

Затянувшийся ремонт препятствует отъезду в отпуск, так как хочу дождаться возвращения в прежнюю комнату.

Надеюсь, что к 1.VI удастся это сделать и уехать в те же места, что и в прошлом году.

Такова грустная картина моей жизни в этом году.

Желаю Вам всего доброго. Не унывайте!

Привет Арине, Алику, Ирине Корсунской.

Как детишки Арины?

До свидания.

<Подпись>

Г. Г. Суперфину, 20 июня 1976 г.

20 июня 1976 г.

Дорогой Гарик,

17.VI был в Вашей квартире, смотрел Вашу прекрасную библиотеку, беседовал о Вас с Вашей мамой.

Мне очень приятно было узнать из Ваших писем домой о сохранившемся у Вас интересе к книгам, о продолжающейся интеллигентской жизни.

Пусть будет так же и дальше.

Я 27.VI уезжал в Хмельницкую область, где поживу с месяц. Обе хозяйки там чувствуют себя хорошо.

Галина Томовна недавно писала, что лежала месяц в больнице ввиду осложнившегося тромбофлембита. Если она выздоровела, то я заеду к ней в августе.

Сам я для своих лет чувствую себя удовлетворительно, только одышка за последний год усилилась и уставать при хольбе стал больше.

В Москве из-за дождей больше сижу дома. Я приехал 7.VI и до вчерашнего дня ни одного дня не было без дождя.

14.VI по традиции ездил в Загорск. Хотел съездить в гости в Звенигород, но мешают дожди.

Желаю Вам здоровья, бодрости, успеха в Ваших занятиях.

Всегда помнящий Вас и любящий, <Подпись>

Г. Г. Суперфину, 13 сентября 1976 г.

13 сентября 1976.

Дорогой Гарик!

Поздравляю Вас с днем рождения[1] и желаю Вам здоровья, исполнения Ваших желаний, и главное — бодрости.

1.IX я вернулся на зимнее место жительства. Перед отъездом был у Вас, читал Ваше большое письмо. Видел Иру Корсунскую[2]. Она говорила, что не писала Вам потому, что Вы и без нее много получаете писем, так что Вам некогда их читать. Она обещала на днях написать Вам.

Я живу по-старому, но чувствую себя неважно, хуже, чем в прошлые годы.

С наилучшими пожеланиями, <Подпись>

В. И. Лашковой, 5 октября 1976 г.

Дорогая Верочка!

Вчера получил Вашу открытку от 30.IX. Очень рад, что Вам удалось летом хорошо отдохнуть. Такого плохого лета не только Вы, но и я не помню. Сейчас здесь погода мало разнится от Москвы, даже иногда здесь теплее, чем там.

Я очень благодарен Вам за беспокойство о моем здоровье. Но оно не так уж плохо. Летом я чувствовал себя хуже. Кроме того, лечиться совсем не хочется. Я так устал от окружающей меня жизни, что с радостью расстался бы с нею. Конечно, болеть, превратиться в такого «лежака», каких много здесь, не дай Бог.

Очень хорошо, что главных хулиганов отослали в Обоянь, но есть они еще и здесь. Всё происходит на почве пьянства. Вот в субботу двое — он, 48 лет, и она, 56 лет, — ушли за ягодами с ночевкой. Вернулись на другой день в 2 часа дня. Ягоды продали. Напились. Потом она залезла к нему в кровать; через некоторое время он стал ее гнать, она не идет, тогда он «врезал» ей по морде. И вот часов в 9 вечера слышу за стенкой какой-то дикий вой. Выхожу и вижу, что вся дорога в соседнюю

[1] Г. Суперфин родился 18 сентября.

[2] Корсунская Ирина Владимировна (р. 1935), искусствовед, живет в США. Подробнее о ней см.: http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-dissid/smysl/1058065392/1153646560.html.

женскую палату залита кровью; открываю туда дверь: на полу возле большой лужи крови валяется эта баба и воет. Узнав от других обстоятельства этого дела, хотел позвонить в милицию и в скорую помощь. Все просят этого не делать, так как «ей так и надо». Прошел с час, затихло и вдруг резкий женский крик в той же палате. Иду туда и вижу, что «потерпевшая» бьет соседку, легшую уже спать. Я закричал на нее, а она отвечает: «Меня били, и я буду бить». Вызвал милицию, и около 12 час. ночи забрали ее в вытрезвитель. У меня же долго дрожали руки и ноги, усилилось сердцебиение. Любое лечение при такой жизни не дает результатов.

Очень много пьяниц и среди обслуживающего персонала.

С Гариком плохо в смысле здоровья или от придирок начальства? Когда я уезжал из Москвы, мать собиралась ехать к нему. Видела она его?[1]

Желаю Вам здоровья и бодрости.

Привет Арине и Алику. Как они живут?

<Подпись>

В. И. Лашковой, 19 ноября 1976 г.

Дорогая Верочка!

Вашу открытку от 10.XI получил 15.XI.

Прошла ли Ваша болезнь? В этом году стоит такая плохая погода, что заболеть очень легко. Лето и в Москве, и на Украине было очень плохое, дождливое, тепла было мало. Осень ранняя, небывало холодная и дождливая.

У нас погода мало разнится от московской, даже иногда у нас немного теплее, чем в Москве. Сегодня 0°, как и в Москве.

Плохо у нас то, что наш корпус стоит на горке, чтобы попасть в столовую, надо спуститься вниз, при мокром снеге это очень скользко, а за дорогами никто не смотрит, я уж один раз упал, но благополучно.

Жаловаться на питание и вообще на материальные условия было бы грешно, но порядка в доме никакого. На днях прибыл новый инвалид с одной ногой из лагеря с деньгами. По его словам, он художник. Он находится на карантине, который превратился в распивочное заведение. Услужливые обитатели нашего дома с радостью выполняют его задания по покупке водки, вина, пива и потом пьют с ним. За 4 дня

---

[1] Г. Суперфин прибыл во Владимирскую тюрьму в ночь на 20 сентября 1975 г. Первые четыре месяца его держали на строгом режиме (уменьшенные норма питания и время ежедневной прогулки, запрет на получение бандеролей, запрет на свидания, возможность отправки не более чем одного письма в два месяца), завершившемся 20 или 21 января 1976 г. Единственное свидание с матерью длительностью в 40 минут состоялось около 23 января 1976 г.

только водки выпито 23 бутылки. Через стенку из той комнаты слышен один мат.

Всё это действует на нервы. В остальном здоровье мое более-менее удовлетворительно.

О Гарике мать его писала, что он стал очень некрасивым, но возмужал и стал шире в плечах. Болит душа за него.

В отношении Володи Б.[1] появилась надежда.

Как растут Аринины дети?

Я, когда уезжал из Москвы, думал, что это моя последняя поездка, но сейчас снова появилась надежда, что будущим летом смогу опять уехать на некоторое время и пожить в нормальных условиях.

До свидания. Желаю Вам здоровья, бодрости и всего хорошего.

<Подпись>

1977

В. И. Лашковой, 8 января 1977 г.

Дорогая Верочка!

Вчера получил Ваше письмо с московским штемпелем «4-I», а 4.I получил Ваше новогоднее поздравление.

Сам я писал Вам, кажется, 27.XII. Удивительно, что до 4.I Вы его не получили. Хотя в период праздников бывают случаи опоздания из-за большой перегрузки.

Я в декабре чувствовал себя плохо.

Сперва болел — что-то вроде гриппа, потом с 20.XII в связи с ремонтом 2-го этажа нас уплотнили. В комнате, в которой нахожусь я после возвращения из отпуска, живут теперь 7 человек, из которых двое — пьяницы, склонные к хулиганству. Они целый день валяются на кроватях, а интересуются только выпивкой. То, что я весь день занимаюсь чтением или пишу письма, им непонятно и раздражает их.

Меня, кроме комнатной обстановки, раздражает беспорядок, царящий в доме в целом. На питание жаловаться, по-моему, грешно. Мясо у нас бывает ежедневно, но в последние время в магазинах мясо бывает очень редко, и сразу образовывается огромная очередь. На нас это влияет тем, что заметно возросли кражи мяса. Директор сам, по-моему, не участвует в этом, но должной борьбы с воровством не ведет, ограничиваясь благочестивыми разговорами. Ему до пенсии остался один год, и он всё пустил на самотек. Отсюда каждый делает, что хочет; санитарки пьянствуют на работе, кухонные работники, свинарки — тоже, а свиньи не кормлены.

---

[1] Буковского.

Очень обрадовала меня весть о перемене в жизни Б.[1] Еще за Гарика болит душа; он такой слабый...

Вчерашний день[2] у меня прошел спокойно. И накануне, и утром в праздник, который я очень люблю еще с детства, мне удалось выполнить все рождественские службы. В прошлые годы я ходил для этого гулять, но в I всё таяло, в валенках идти было нельзя, а в ботинках очень скользко. Поэтому пришлось сидеть дома. Всё же праздник провел хорошо.

Желаю Вам здоровья, бодрости, душевного покоя. Привет нашим знакомым.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 26 января 1977 г.

Дорогая Верочка!

Вчера получил Вашу открытку.

Сообщенные Вами новости я уже знал, за исключением болезни Алика[3].

Гарику в больнице, конечно, лучше во всех отношениях. Я в этом здании прожил с 3.XII.1951 и до 28.V.1970 г. Комнаты там на 2 человека[4].

Радостного, конечно, во всех последних событиях нет, и всё же...

У нас здесь страшные холода: 24.I было 42° мороза, 25.I — 40°, сегодня 36°. За 7 лет моей жизни здесь такой холод впервые.

В доме ремонт, в соседнем коридоре разобрали пол, так что чтобы попасть в другую комнату или в уборную нужно выйти во двор, обогнуть дом и войти в другой ход.

Вдобавок замерз водопровод 22.I, а разобрали только вчера, 3 дня нельзя было рук вымыть. Это тоже впервые.

Единственный успех за последнее время: 24.I удалось выселить из нашей комнаты самого матерого хулигана 64 лет, так что хотя внутри комнаты стало спокойнее, меньше матюков слышится, остались 6 чел., включая меня.

В связи с ремонтом наша радиосеть не работает с 20.XII, только я слушаю по своему транзистору утром и вечером.

По разгильдяйству бухгалтерии, забывшей перечислить деньги за газеты и журналы на 1977 год, дом наш остался без таковых, лишь я получаю свои «Известия», «Неделю» и «Лит. газету». Завхоз проворовалась: украла 2 зеркала от шкафов. В общем безобразия кругом.

---

[1] В. Буковского обменяли на Л. Корвалана 19 декабря 1976 г.

[2] Рождество Христово.

[3] Имеется в виду арест А. И. Гинзбурга 3 февраля 1977 г.

[4] В декабре 1976 г., когда Буковского уводили из тюрьмы, Г. Суперфин был в больнице. Попал он в нее после карцеров.

Только с едой пока еще неплохо.

Мне в сильные морозы трудно ходить в столовую и особенно обратно: задыхаюсь.

Других недугов пока не чувствую.

Желаю Вам здоровья, бодрости.

Привет всем.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 15 марта 1977 г.

Дорогая Верочка!

Вчера получил Вашу открытку.

Происходящие у Вас события мне известны. С болью встречаю весть о них — от всего сердца сочувствую бедной Арине[1]. Ведь у нее двое детей?

Но учитывая все обстоятельства, как положительные, так и отрицательные, я всё же не теряю надежды на более-менее благополучный исход. Был бы счастлив, если бы это чувство не обмануло меня.

Сам я нахожусь в удовлетворительном состоянии. Правда, 4 и 9 марта после очень длительного промежутка (несколько лет), у меня были приступы стенокардии. Но сейчас опять ничего нет.

Раздражают меня поразительная бесхозяйственность, царящие в нашем доме, какая-то безответственность администрации и обслуживающего персонала. Завхоз, большая бездельница и лодырь вообще, недавно была изобличена в краже 2 зеркал, принадлежащих нашему дому. И что же? Вместо ожидавшегося всеми увольнения узнаём, что ей дали путевку в Кисловодск. Кажется, дальше ехать некуда!

Идет уже 4-я неделя поста. Скоро будет и Пасха, мой любимый Праздник.

3 последних дня у нас стоит хорошая солнечная погода, с крыш течет вода, валится снег. Может быть, будет ранняя весна.

В конце мая — начале июня думаю, как и в прошлые годы, сделать себе передышку от здешнего удушливого быта. Тогда увидимся.

Желаю Вам здоровья и бодрости.

Сердечный привет Арине.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 5 апреля 1977 г.

Христос Воскресе!

Дорогая Верочка!

Поздравляю Вас с Светлым Праздником Воскресения Христова.

Будете ли где в церкви в пасхальную ночь?

---

[1] Намек на арест А. Гинзбурга.

Помнится, в прошлые годы Вы ходили к Илье Обыденскому[1].

Я, будучи лишен возможности побыть на страстных и пасхальных службах и зная большую часть их наизусть, в одиночестве совершаю их для себя сам. Сейчас мое желание провести эти дни спокойно и осуществить свою традицию.

Хотя в нашем доме сейчас нет такого хулиганства, как раньше, так как всех злостных хулиганов в 1976 г. отправили во вновь построенный дом инвалидов в г. Обояни Курской области, но бесхозяйственность очень раздражает, да вдобавок значительно усилилось воровство продуктов, предназначенных для нашего питания; воруют работники кухни и санитарки. Влияет на это обстоятельство то, что в магазинах перебои с продуктами, очереди.

Как Вы живете? Давно ли были в Смоленске? Что там нового?

Арина сейчас живет с детьми в Москве?

Передайте ей мой пасхальный привет и искреннее сочувствие ее горю.

В Москве сейчас уже тепло, а у нас на Вербное Воскресенье весь день шел снег, а сегодняшней ночью было 21° мороза, но утро было солнечное и красивое, всё же весна!

О Гарике давно ничего не знаю.

Желаю Вам здоровья, бодрости, душевного покоя.

<Подпись>

Б. Г. Позиной, 11 апреля 1977 г.

11 апреля 1977

Уважаемая Бася Григорьевна!

Письмо Ваше от 6.IV получил 9.IV.

Благодарю за поздравление.

Гарику тоже напишу сейчас.

Ваше предположение о пропаже моего письма неверно. Я давно не писал.

До сих пор не окончился ремонт нашего корпуса, что влечет те или другие неудобства. Вышел из строя водопровод (заморозили), даже руки вымыть было негде, но 8.IV, наконец, наладили и сейчас вода есть, но с кипятком всё еще неполадки: старый титан проржавел, его сняли, а новый еще не установили; работает одна маленькая электроплитка, которая еле успевает приготовлять чай на 40 человек, живущих в нашем корпусе.

Вчера хотел сделать себе кофе, но не смог из-за отсутствия кипятка.

Проворовался завхоз; ее уличили в краже 2 зеркал, купленных для нашего дома. И что же? Вместо исправительно-трудового учреждения ее отправили на курорт в Кисловодск.

---

[1] Храм Илии Пророка во 2-м Обыденском переулке — приходской храм В. Лашковой. Прихожане звали его «Илия Обыденный».

Моими усилиями вскрыто большое воровство продуктов, получаемых для нашего питания — мяса, сметаны, конфет, печенья и белого хлеба. Воровство производили работники кухни и санитарки и в таком размере, что нам стало не хватать. Причина этого в том, что в магазинах перебои с продуктами.

Всё это неприятно и отражается на повседневном настроении.

Вообще этот год после моего последнего возвращения с летнего отдыха — самый тяжелый для меня.

Грустные вести приходят и извне, но всё же я думаю, что в конце октября — начале ноября будет издана амнистия в ознаменование 60-летия Октябрьской революции, причем в отличие от предыдущих амнистий она будет носить широкий характер и распространится и на так называемых «государственных преступников». Думаю, что я вряд ли ошибаюсь в своих предвидениях.

Вообще же я согласен с Вашей позицией: «лишь бы хуже не было». Я никогда не был максималистом и всегда соблюдал умеренность, что в значительной степени и помогало переживать тяжелые испытания жизни и сравнительно благополучно дожить до 75 лет.

Если в здоровье не будет ухудшений, то по примеру прошлых лет надеюсь в конце мая — начале июня поехать на отдых, пока же желаю Вам здоровья и бодрости, не подайте духом.

Привет Вашей сестре[1].

Г. Г. Суперфину, 11 апреля 1977 г.

11 апреля 1977 г.

Дорогой Гарик!

Благодарю Вас за переданные мне Вашей мамой поздравления.

Я поздравляю Вас с весной. Судя по сообщениям радио, она у Вас в полном разгаре, а мы всё еще никак не разделаемся с зимой. 7, 8 и 9.IV целыми днями шел снег, а вчера и сегодня ночью мороз 16°. Правда, вчера день был очень солнечный, красивый, дороги были мокрые и очень скользкие; сегодня тоже день обещает быть хорошим, но сильные ночные морозы задерживают таяние снега и ухудшают состояние дорог.

Эта зима для меня была самой тяжелой из всех проведенных здесь.

Главная причина этого — ремонт, начавшийся в ноябре и до сих пор полностью не законченный. Хотя я с 1.II живу в отремонтированной комнате, но в коридорах еще много грязи, водопровод часто выходил из строя; в последний раз пустили его только 8.IV; титан еще не поставили,

---

[1] Имеется в виду родная сестра адресата — Позинова (так в документах передавалась ее фамилия) Сарра (Софья) Гершевна (Григорьевна) (1898 или 1900 — 1993), жила с семьей Б. Г. Позиной и Г. Суперфина.

с кипятком кризис. Усилилось воровство продуктов кухонными работниками и санитарками.

Всё это влияет на настроение.

В марте после длительного перерыва у меня вновь появились приступы стенокардии, очень досаждавшие мне в 1961–1965 гг. Пока было 4 приступа 4, 9, 23, 29.III.

Всё же я надеюсь, если, конечно, не будет хуже, в конце мая поехать на летний отдых в Москву и на Украину.

Желаю Вам здоровья и бодрости. Не падайте духом!

Ваш <Подпись>

Б. Г. Позиной, 25 апреля 1977 г.

25 апреля 1977 г.

Уважаемая Бася Григорьевна!

Ваше письмо от 19 апреля получил 22.IV.

Я всё же остаюсь при своем мнении и надеждах. Правда, в последний раз распространялась на «особых» амнистиях от 2 ноября 1927 г., изданная в честь 10-летия Октябрьской революции. Больше такой широкой, всеохватывающей амнистии не было. Но по некоторым признакам мне кажется, что амнистия к 60-летию Революции коснется и так называемых «государственных» преступлений.

Я тоже не люблю злопыхательства, но плохие, даже омерзительные поступки никак не назовешь хорошими.

Получил ли Гарик мое письмо, посланное одновременно с последним моим письмом к Вам?

Я поражаюсь колоссальным ростом пьянства в наше время. До войны этого не было. Здесь пьют все, включая молодых женщин и даже детей.

К работе относятся плохо. Меня это очень раздражает. С детства привык к тому, что раз взялся за какое-либо дело, то должен сделать его как можно лучше, чтобы не было потом стыдно. Здесь же совсем другие взгляды.

На отдых я думаю ехать в конце мая, когда Над. Григ. вернется из Средней Азии.

Тогда позвоню Вам.

Желаю Вам всего наилучшего. Передавайте сердечный привет Гарику и сестре.

Г. Г. Суперфину, 25 июня 1977 г.

25 июня 1977

Дорогой Гарик!

Вот уже месяц, как я уехал из Княжой Губы.

3 недели пробыл в Москве, а сейчас живу на Украине.

Будучи в Москве, побывал у Вашей мамы, читал Ваши последние письма.

Очень рад, что Вы не теряете интереса к жизни, к науке, к прежним занятиям, показывая собой пример настоящего человека.

Я чувствую себя сейчас лучше, чем в 1-е месяцы этого года, когда у меня вновь появились приступы стенокардии. Конечно, удивляться этому не приходится, ведь как-никак, а идет 76-й год. Хорошо, что других недугов нет, только уставать стал при ходьбе.

Галина Томовна просила передать Вам привет, а также сообщить, что Евгения Васильевна[1] умерла.

Желаю Вам, дорогой мой голубчик, здоровья, бодрости; берегите себя, ведь жизнь у Вас еще впереди.

Всегда помнящий Вас, <Подпись>

Г. Г. Суперфину, 18 августа 1977 г.

18 августа 1977 г.

Дорогой Гарик!

С 10.VIII я снова в Москве. На днях пил кофе из Вашей чашки и любовался обилием книг в Вашей комнате. Одну из них, а именно книгу покойного академика Н. И. Конрада «Запад и Восток», с разрешения Вашей мамы, взял для чтения. Она, конечно, будет возвращена в полной исправности. С детства люблю книги, и даже вид их доставляет мне удовольствие.

Очень одобряю Вашу мысль заняться Гоголем и влиянием на него матери.

Я пробыл в Христиановке до 29.VI., потом поехал в Кременец Тернопольской области, полазил там по горкам на развалинах средневековых замков, ездил в Почаевскую лавру. С 7.VII по 9.VIII был в Волочиске. Чувствую себя в общем неплохо, хотя и слабее предыдущих лет, что вполне естественно, ведь всё же идет 78-й, духом не падаю.

Вы в письме ко мне высказали некоторое удивление, что я в свое время не заразился привычкой к ругани. Да, с детства сохранил отвращение к матерщине и куренью. Хотя, кажется, был случай осенью 1954 года, когда после 3-летней тишины[2] я услышал мат и обрадовался этому новому для себя явлению.

То, что Вам неприятно сейчас вспоминать, как Вы «обкрадывали» меня, то это пустяки. Как бы рад я был, если бы сейчас Вы сидели здесь и курили, хотя вообще-то от души советую Вам бросить курение.

На 28.VIII заказал я железнодорожные билеты, и, если заказ будет выполнен, то 30.VIII утром вернусь к своему жительству и поцелую своего котика, который сейчас поручен соседу по комнате

---

1 Сведениями не располагаем.

2 Имеется в виду снятие с Б. Г. М. режима «номерного заключенного».

В ноябре сего года надеюсь получить непосредственно от Вас письмо, а пока желаю Вам здоровья, душевного покоя и бодрости.

Всегда помнящий Вас <Подпись>

P.S. Надежда Григорьевна, Галина Томовна, Екатерина Мироновна и Дарья Юрьевна шлют Вам свой привет и наилучшие пожелания. Все они живут неплохо.

Г. Г. Суперфину, 25 октября 1977 г.

25 октября

4-33[1]

Дорогой Гарик!

Вчера из письма Вашей мамы узнал кое-что о Вас, и захотелось послать Вам свой привет и пожелание здоровья и бодрости.

Я всё же не теряю надежды, что к новому 1978 г. Вы сами напишете мне письмо.

Галина Томовна сейчас в Кременце[2], ухаживает за больной сестрой, Екатерина Мироновна и Дарья Юрьевна[3] тоже благополучны. 1-я сейчас гостит у сына, 2-я работает.

Вы удивили меня, что культивировали мат; мне никогда не приходилось слышать от Вас эти глупые и противные слова. Мне пришлось столкнуться с массовым употреблением их во время Гражданской войны, когда я в июле 1919 г. добровольцем вступил в Красную армию, а так как я служил в автомобильных частях, где шоферы чуть ли на каждом слове сопровождала этими присказками и в разных вариантах, то научиться было очень легко, и всё же я сам никогда не употреблял этих слов. И так до сих пор, хотя и сейчас приходится слышать их не меньше, чем тогда.

С питанием у нас неплохо, но шум, междоусобные скандалы очень действуют на нервы. Переезжать отсюда в другое такое же место считаю нецелесообразным, так как подобная обстановка, насколько я знаю, существует и в других домах.

В Почаевской лавре[4] и сейчас служат монахи. Это я сам видел, когда был там 3 июля сего года.

Здесь сейчас плохо с дорогой. Снег выпал рано и в большом количестве, а потом настала оттепель. Начал ходить с палкой и всё же очень скользко. На днях упал и расшиб колено левой ноги и сейчас оно болит. По радио слышу, что и в Москве гололедица.

---

[1] Здесь и далее «4-33» — карандашная помета на конверте, сделанная сотрудником тюремной администрации и означающая: «Корпус 4, камера 33».

[2] Город в Тернопольской области.

[3] Зарицкая и Гусяк.

[4] Православный мужской монастырь в Тернопольской области.

Такая незадачливая погода в этом году.

Еще раз желаю Вам всего доброго.

Мужайтесь!

Ваш <Подпись>

Б. Г. Позиной, 11 ноября 1977 г.

11 ноября 1977 г.

Уважаемая Бася Григорьевна!

Вчера получил Ваше письмо от 5.XI.

Да, амнистия[1] не оправдала моих ожиданий. Я, старый дурак, считал авторов этой амнистии более умными, чем они есть. Нет никаких сомнений, что они причинили себе больший вред, нежели тот, который мог бы произойти при освобождении так называемых «инакомыслящих».

Набросал я проект просьбы о помиловании, которую Вам следует подать сейчас от своего имени. Посмотрите, если есть что-либо существенное, то можно добавить. Откровенно говоря, у меня мало надежды на успех этой просьбы, но, может быть, я снова ошибусь. Дал бы Бог, чтобы это случилось. Во всяком случае хуже от подачи просьбы о помиловании не будет.

То, что Вы продолжаете с своей рукой физиотерапевтические процедуры, хорошо, но старайтесь не перетруждать ее.

Нога у меня больше не болит. 6 и 7 ноября было исключительно скользко. Очень многие из наших жителей падали. Я очень боялся, особенно когда ходил на почту, ведь я оба раза в этом году падал на подходе к почте. Но всё обошлось хорошо.

8.XI весь день шел дождь, и снег согнали, стало пока хорошо ходить.

Ботинок с рифленой подошвой нет, но когда установится зима, возьму валенки, в них не так скользко ходить.

А вот то, что у Вас скользко, — совсем безобразие. Я уверен был, что в Москве за дорогами хорошо смотрят. Оказывается, и в этом ошибаюсь!

Скандалистку нашу отправили[2]. 7 ноября прошли спокойно. Напился до полной потери сознания мой сосед по комнате, но он не скандалит, а спит. На этот раз он свалился в столовой и проспал в вестибюле с 3 до 10 ч. вечера; потом добрался домой, упал на постель, не раздеваясь, и проспал до утра. Мне он всё же праздник испортил, так как я боялся, как бы он не умер, и настроение у меня поэтому было плохое. О Хотаевич[3] в предыдущем письме Вы не упоминали; сам я ее не знаю, но спрошу Г. Л.[4] в ближайшем письме.

---

1 Ее попросту не было.

2 Сведениями об этой истории не располагаем.

3 Сведениями не располагаем.

4 Или Г. П. Сведениями не располагаем.

Получили ли очередные письма от Гарика?

Привет ему. Я ему послал письмо одновременно с прошлым письмом к Вам.

Желаю Вам скорейшего излечения руки и всякого благополучия.

Б. Г. Позиной, 25 ноября 1977 г.

25 ноября 1977 г.

Уважаемая Бася Григорьевна!

Письмо Ваше от 20.XI получил 23.XI.

Повторяю свой совет — не перетруждать руку.

В отношении просьбы о помиловании я тоже не имею надежды на успех, но как говорит старая поговорка: «Чем черт не шутит», подать можно, а вдруг... Это не исключено! Во всяком случае хуже не будет, повредить это заявление не может.

То, что Вы сказали «воспитатели», совершенно справедливо, но, конечно, бесполезно.

Сапожных мастерских у нас нет. Но сейчас установилась погода с большим количеством снега и небольшими морозами, хотя сегодня радио сообщило, что у нас 16° мороза и окна в нашей комнате замерзли. Я взял валенки и хожу в них в столовую и на почту (больше я никуда не хожу). Идти в валенках не скользко, и я снова хожу без палки.

Состояние здоровья сейчас более-менее удовлетворительное, только одышка при ходьбе больше, чем раньше, и часто случается дрожь рук. Это, видимо, уже необратимо. В нашем доме из мужчин я самый старый, а из женщин есть одна 97-летняя и порядочно — больше 80 лет. Женщин у нас в 2 раза больше, чем мужчин.

Сегодня у нас баня. Надо идти за бельем. На завтрак не иду, так как будет рисовая каша, а чашку чая выпил дома.

Будете писать Гарику, передайте ему мой привет.

Всего Вам хорошего.

P. S. Благодарю за календарь.

Г. Г. Суперфину, 23 декабря 1977 г.

23 декабря 1977

Дорогой Гарик!

Поздравляю Вас с Новым 1978 годом и желаю здоровья, бодрости, исполнения Ваших желаний.

Я живу без перемен. Хотя стал слабее, чем в прошлые годы, но, учитывая возраст, считаю, что жаловаться на здоровье мне нельзя. Всего хорошего.

<Подпись>

1978

Г. Г. Суперфину, 26 апреля 1978 г.

26 апреля 1978 4-33

Дорогой Гарик!

Поздравляю Вас с праздниками и желаю провести их в добром здоровье и душевном покое.

В конце мая думаю поехать на отдых, а пока радуюсь, что зима кончается.

Крепитесь, мой дорогой!

Любящий Вас <Подпись>

1979

Г. Г. Суперфину, 4 сентября 1979 г.

4 сентября 1979 г.

Дорогой Гарик!

Итак, 1.IX я возвратился из своей летней поездки, которой доволен.

Выехал я отсюда 18.V; с 20.V по 13.VI был в Москве, с 14 по 30.VI — в Ростове-на-Дону, с 1.VII по 4.XIII в Волочиске Хмельницкой области, с 5 по 30.VIII снова в Москве.

Отдохнул духовно среди культурных и расположенных ко мне людей, по праздникам и воскресеньям ходил в церкви. Из Москвы ездил в Звенигород и Загорск, а из Ростова — в Новочеркасск.

По сравнению с прошлыми годами я стал значительно слабее, быстро устаю и задыхаюсь при ходьбе, руки стали дрожать постоянно.

Ничего не поделаешь, сказываются годы, а когда посмотришь на жителей нашего дома, которые в большинстве моложе меня, но по здоровью много хуже, то благодаришь Бога.

В Москве видел Веру и Корсунскую (в мае).

Ну, а как Вы поживаете? Как Ваше здоровье? Чем Вы сейчас занимаетесь? Последняя от Вас весть ко мне — поздравительная телеграмма к моим именинам. Слышал, что летом от Вас было письмо Галине Томовне.

Жду от Вас письма.

Будьте здоровы, дорогой, Гарик.

Да хранит Вас Господь!

Ваш <Подпись>

Г. Г. Суперфину, 4 октября 1979 г.

4 октября 1979

Дорогой Гарик!

Вчера получил Вашу открытку от 27.IX, а за несколько дней до этого вернулось уведомление о вручении Вам моего письма от 4.IX. Я очень

рад, что Вам удалось побыть в Москве. Это была радость и для Вас, и для тех, кому удалось увидеть Вас.

На всякий случай запишите себе новый № телефона Надежды Григорьевны[1] — 248-11-16. Может быть, я буду еще в силах совершить в 1980 г. свою традиционную летнюю поездку, и мы сможем увидеться. Корсунского[2] я знаю, летом 1978 г. он заходил ко мне.

Вы упоминаете Руденко. Это имеете в виду Эрика[3]? Он умер еще в 1976 г.

В новой его квартире живет его вдова Софья Ивановна[4]. Ее телефон 431-83-80.

Видели ли Вы Веру?

Ну а как Вы сейчас живете?

Что делаете?

Когда предполагаете покинуть Степной край? (До революции эта местность входила в состав Степного генерал-губернаторства[5].)

Я живу по-старому. В одиночку веду борьбу с бесхозяйственностью, пьянством, хулиганством в нашем доме и работающих, и живущих в нем. Иногда призываю на помощь милицию. На почве этого после долгого перерыва возобновились стенокардические боли. Хорошо, что после приема валидола быстро проходят. Желаю Вам здоровья и бодрости, обнимаю и целую.

Ваш <Подпись>

Г. Г. Суперфину, 1 ноября 1979 г.

1 ноября 1979 г.

Дорогой Гарик!

Вчера получил Ваше письмо от 21.X (штамп почты 23 X).

Как поживаете? Был ли суд? Какое решение? Я понял, что Вы просите изменить формулировку увольнения[6].

Я живу по-старому. Много читаю, местные дела расстраивают. На днях вечером приходит мой сосед по комнате глухонемой 77 лет, весь в крови. Оказывается, его избил 40-летний пьяный инвалид с 3 судимостями, продолжавший ругаться и грозить. Я вызвал по телефону милицию и его

---

[1] Левитской.

[2] Корсунский Александр Александрович (1936–2005), переводчик с английского, эмигрировал в США.

[3] Эрик Титович Руденко, переплетчик-любитель, самиздатчик.

[4] Софья Ивановна Молчанова (1920–?).

[5] Имеется в виду Тургай, место ссылки Г. Г. Суперфина, Степное генерал-губернаторство со столицей в Омске существовало в 1882–1918 гг.

[6] В октябре 1976 г. Г. Суперфин был уволен с работы садовником с нарушением трудового законодательства. Добился в суде восстановления и выплаты в январе 1980 г. компенсации.

забрали в вытрезвитель. Я же сам уже ничем не мог больше заниматься: всё тело дрожит, боль в сердце.

После моей летней поездки, здесь за 2 месяца умерло 18 человек, а всего живет 101 человек. Такой большой смертности при мне еще не было.

Очень плохо обстоит с санитарками: много вакансий, а работающие — пьяницы, часто прогуливают и на работе пьют, а заменить некем.

С питанием в нашем доме хорошо.

Вот меню на сегодня: завтрак: каша манная, масло — 15 гр. (ежедневно), чай, сахар — 10 кусков на день; обед — щи со свининой, рулет картофельный с мясом, кисель; ужин — рагу овощ[ное] с мясом, молоко — кружка, печенье — 6 штук.

В общем обижаться на питание нельзя, но с порядком очень плохо.

Сегодня ночью впервые в эту зиму мороз 20°, но снега еще нет.

Желаю Вам всего хорошего и надеюсь, если буду еще жив, увидеть Вас будущим летом.

Ваш <Подпись>

Г. Г. Суперфину, 29 ноября 1979 г.

29 ноября 1979

Дорогой Гарик!

Вчера получил Ваше письмо от 14 XI (почтовый штемпель Тургая 21 XI).

Спасибо за хорошие слова в отношении меня.

Был ли уже суд по Вашему иску и каково его решение?[1]

О событиях наших дней слышал по радио. Сам я ни Татьяну Михайловну[2], ни о. Глеба[3], ни других лично не знаю, но слышал о них раньше.

Сравнение с 1937 г. неправильно. Я в то время стоял близко к развернувшимся событиям и был в курсе дел. Лучшим делом в своей жизни, которым я буду гордиться до последнего своего вздоха, я считаю дело, окончившееся 28 ноября 1937 г. после 5-дневного разбирательства в областном суде. По ст. 58-7 и 58-11 УК, то есть во вредительстве

---

[1] См. предыдущую сноску.

[2] Великанова Татьяна Михайловна (1932–2002), математик, правозащитница, многолетняя издательница «Хроники текущих событий». Арестована 1 ноября 1979 г. Срок заключения — 4 года (Дубравлаг) и ссылка — 5 лет (Казахстан). По возвращении из ссылки в 1987 г. работала учителем математики в школе.

[3] Якунин Глеб Павлович (1934–2014) — религиозный и общественный деятель, диссидент. В 1962–1966 г. священник Русской православной церкви; лишенный сана в 1966 г., стал основателем и лидером неканонической Апостольской православной церкви. В ноябре 1979 г. был арестован, а 20 августа 1980 г. осужден за антисоветскую агитацию. Лагерный срок отбывал в Перми-36, ссылку — в Якутии.

и участии в антисоветской организации обвинялись 8 человек: Кадетский — белорус, 1-й зам. начальника областного управления сельского хозяйства, Коршаков — русский, начальник областного ветеринарного управления, Фомин — русский, начальник конеуправления, Юрмальнек — латыш, член партии с 1905 г., 1-й секретарь райкома, Райхлин — еврей, главный зоотехник областного сельхозуправления, Ургорчеев — зоотехник Смоленского сельхозуправления, болгарин, Рокачевский — украинец, ветеринарный врач, Юранов — научный работник экспериментального ветеринарного института в Москве. Все они были приговорены к расстрелу; согласно закону от 14.IX.1937 г. приговор по данному делу о вредительстве кассационному обжалованию не подлежал. Можно было просить Президиум ВЦИК о обжаловании. 29.XI я писал им ходатайства, 30.XI носил их в тюрьму на подпись. 1.XII ко мне пришли 8 жен осужденных и стали просить ехать в Москву «спасать их мужей». Это было новое, и я растерялся и сказал им, чтобы пришли завтра, я подумаю.

Когда жены ушли, мои коллеги по адвокатуре набросились на меня: «Что, у вас 2 головы? Разве Вы не понимаете, что это за дело и один хотите идти против всей области?» Действительно, везде проведены митинги и трудящиеся требовали от суда «уничтожить гадов!». Ночь с 1 на 2.XII я не спал и мучился вопросом «что делать?»

С одной стороны, я боялся за себя, с другой — считал своей обязанностью помогать людям, нуждающимся в юридической помощи, и я решил выполнять эту обязанность до конца. 2.XII я весь день писал жалобы прокурору СССР в порядке надзора; вечером отнес в тюрьму на подпись, ночью уехал в Москву. 3.XII был у старшего помощника прокурора СССР Тадевосяна, который предложил прийти утром 4.XII за ответом. 4.XII он провел меня к Прокурору СССР Вышинскому. Тот стал упрекать защитников в пассивности при рассмотрении дел в 1-й инстанции, я возражал, говоря, что я 3 раза просил суд о возвращении дела к доследованию для производства научной экспертизы. Вышинский сказал, что он приостановит исполнение приговора и дела проверят в Прокуратуре СССР. В январе 1938 г. по его протесту Верховный суд СССР отменил приговор и направил дело на доследование.

31.V.1938 следственные органы освободили Юранова в результате проведенной белорус[ским] академиком Вышелесским экспертизы. С 27. II по 3.III.1939 дело вновь рассматривалось в облсуде в отношении 6 человек. Кроме освобожденного Юранова отпал Юрмальнек, расстрелянный внесудебным порядком по делу «латышского центра». В ночь на 4. III вынесли приговор: Фомин оправдан полностью, Рокачевский и Ургорчеев осуждены за халатность на 1 ½ года лишения свободы и за отбытием срока освобождены; Райхлин осужден на 6 лет, Коршаков — на 8 лет,

Кадетский — на 20 лет с правом обжалования. Жалобы трех последних рассматривались в Верховном суде РСФСР 21.VI 1939 г., все были признаны виновными в халатности, осуждены на 1 ½ года и за отбытием освобождены. Когда член Верхсуда Канаев читал это определение, я дрожал от ликования[1].

Утром 22.VI я пошел в тюрьму и сообщил результаты 3 узникам; они плакали, обнимали меня, и я плакал с ними, я был счастлив в полном смысле слова.

Сейчас положение иное и всё же я считаю, что жаловаться мне было бы грешно; сыт, в тепле, да и кое-какую пользу еще приношу; вот вчера вечером пьяный инвалид 48 лет побил немую старуху 64 лет, та вскочила в мою комнату, он за ней, но я приказал ему сейчас же ложиться спать, иначе отправлю его в вытрезвитель. Так как он знал, что так и будет, ругаясь, ушел спать.

Плохо одно, что не с кем поговорить, так как единственный интерес окружающих: в какую цену есть вино в магазине.

Читаю ежедневно «Правду», «Известия», «Полярную правду», еженедельники «За рубежом», «Литературную газету», «Огонек», «Крокодил», «Литературную Россию», ежемесячники «Социалистическая законность», «Мировую экономику и международные отношения», «Новый мир», «Иностранную литературу», «Америку». Занят этим бо́льшую часть дня.

На днях были письма от Веры и Корсунской.

Время идет для меня очень быстро.

«Былое и думы» мне очень нравятся. Вообще Герцен был благородный человек, и общение с ним радостно.

Вы извините меня за воспоминания о деле 1937, на которые меня натолкнуло Ваше письмо, полученное как раз 28.XI.

Ноябрь у нас стоял теплый, только вчера было 15°, а сегодня 11° мороза.

Будьте здоровы и добры. Не забывайте меня.

Ваш <Подпись>

Г. Г. Суперфину, 21 декабря 1979 г.

21 декабря 1979

Дорогой Гарик!

Поздравляю Вас с Новым 1980 годом и желаю, чтобы этот год принес Вам избавление от всех Ваших бед и напастей. Я живу по-старому, чувствую себя удовлетворительно. Всего хорощего.

Ваш <Подпись>

---

[1] См. примечание на с. 309 наст. изд.

1980

Г. Г. Суперфину, 18 января 1980 г.

18/I-80
Изъято 30.1.80
Возвр. 21.4.80[1]

4 января 1980 г.

Дорогой Гарик!

Письмо Ваше от 8.XII (штемпель Тургая 16.XII) получил 28.XII.

С Вашей мыслью о распространенной мещанской морали я согласен.

Одиноким себя я не чувствую и вообще считаю, что жаловаться на проведенную мною жизнь было бы грешно. Я обладал хорошей памятью, получил довольно много знаний в различных областях гуманитарной науки, все члены семьи меня любили, и в армии в 1919–1927 гг., и потом на судебной работе я чувствовал себя на своем месте и успешно выполнял свою работу. Не всякий сможет поставить себе в актив спасение от смерти 11 человек с риском для себя, не считая случаев замены смертной казни без такого риска; да и возвращение нескольким тысячам людей свободы, в том числе в годы войны более 3 тысяч[2], всегда приносило мне радость. Что же касается несчастий, то редкий человек может избежать их. Да и теперь, когда у меня не осталось родных по рождению и по браку, я встретил столько хороших, отзывчивых людей, столько заботы о себе.

Нет, я был бы неблагодарным, бессовестным, если бы жаловался на жизнь.

О публикациях из Смоленского архива я ничего не слышал.

«Америку» мне присылает жена умершего Эрика, которого Вы знали; я помню Ваш иронический отзыв о нем!

Зима в этом году у нас небывало теплая. Перед Новым годом было 3° тепла, на Новый год — 2° мороза, сегодня 10° мороза.

Слушалось ли дело по Вашему иску?

Новый год у меня начался не совсем хорошо. Вечером 1.I 2 пьяных инвалида, 40 и 46 лет, устроили дебош, избили глухонемого старика 77 лет. Я пытался позвонить в милицию, но один из них оборвал телефон и с палкой накинулся на меня, но я вырвал палку, и с ½ часа оборонялся ею, пока

---

1 Задержку с отправкой Г. Суперфин объясняет подготовкой его ареста. 30 января 1980 г. у него был произведен обыск, и параллельно на его переписку был наложен негласный арест. Поскольку в Тургае перлюстрировать было некому, его корреспонденция пересылалась в областной центр (Аркалык), а оттуда, после вскрытия, просмотра и копирования, отсылалась назад, в Тургай, где штемпелевалась и шла по назначению.

2 Имеются в виду советские военнопленные в Смоленске, освобождению которых Меньшагин способствовал.

посланный мною не позвонил с другого телефона и милиция не приехала. После этого ночь и день 2.I я был совсем болен, но сейчас чувствую себя, как обычно.

Желаю Вам всего доброго, обнимаю и целую Вас.

Ваш <Подпись>

Г. Г. Суперфину, 30 января 1980 г.

30 января 1980 г.

Дорогой Гарик!

Вчера я получил письмо от Дарьи Гусяк с припиской на Ваше имя. В нем она сообщает, что Галина Томовна умерла 23 декабря 1979 в Христиновской больнице и похоронена в Бережанах Тернопольской области.

Ну а как Вы живете? Что у Вас нового? Как прошло дело по Вашему иску? Очень ли холодно у Вас?

Я в начале января поболел гриппом, но не ложился, ходил, как обычно, в столовую и на почту. Сейчас грипп прошел, но почти постоянно находишься в состоянии нервного напряжения. В доме полная распущенность и со стороны живущих, и со стороны работающих: прогулы, пьянство на работе, халатное отношение к своим обязанностям, а у жителей — пьянство и хулиганство. Всё это противоречит моим взглядам и привычкам. Сидел бы у себя в комнате, да все обиженные идут с жалобами ко мне.

Если к маю мое состояние не ухудшится, то поеду передохнуть.

Зима у нас до 20-х чисел января стояла мягкая, как никогда, но теперь морозы от 20 до 32°, сегодня — 18°, может быть, опять потеплеет.

Если Вы захотите ответить Дарье, сообщаю ее адрес: 281370, Хмельницкая область, г. Волочиск I, Железнодорожная, 48 Дарье Юрьевне Гусяк.

Будьте здоровы, дорогой Гарик, обнимаю Вас

Ваш <Подпись>

<В конверт вложено письмо от Д. Ю. Гусяк (л. 2 — конец письма Д. Ю. Гусяк к Б. Г. Меньшагину. Л. 2 — 2 об. Письмо Д. Ю. Гусяк к Г. Г. Суперфину>:

...же праздники омрачены тем что нет Галины. Мы условились быть здесь вместе на Крещение. В последнем письме даже упоминала о нашей договоренности, да не пришлось вместе праздновать. Надежда Витальевна[1] очень опечалена. Грустное письмо написала. Она с Галиной очень сбли-

[1] Н.В. Суровцева (1896–1985) деятельница украинского национально-культурного возрождения 1920-х гг., политзаключенная (1927–1954). Автор воспоминаний. После реабилитации жила в Умани вместе со вдовой расстрелянного брата — Е.М. Олицкой (1900–1974), репрессированной в 1924–1959 гг., автором воспоминаний, распространявшихся в самиздате и тамиздате.

зились, часто были вместе, а теперь — пустота. Прошу сообщить Гарику о смерти Галины Т[омовны] или же послать этот мой листок, в котором я напишу еще несколько слов от себя. У меня нет его адреса, поэтому вынуждена через Вас это сделать. Прошу только не задерживать это письмо.

Уважаемый Гарик! Не знаю ни Вашего полного имени, ни отчества, поэтому называю Вас, как и все Ваши друзья.

Есть у меня письмо Юры Шухевича[1] и даже не знаю, когда оно написано, так как оно только часть письма, а дали мне, когда приехала я во Львов. Пишет он о Владимире Балахонове[2], у которого плохо в материальном отношении. Как будто деньги высылают, но до него они не доходят. Такое безденежье длится целый год, о чем Юра просит сообщить Вам.

Вы интересуетесь его здоровьем (имею в виду Юру). Пишет, что такое, как весной, когда вы были вместе. Насморк цепляется (по-видимому, хронический). В сентябре длился 3 недели, в октябре две. Полагает он, что это из-за перемены погоды — нестабильна она. Не его одного мучает этот насморк.

Весной Вам писали, кто получает незаслуженно переводы. Он к этому не имеет отношения, и не вмешивается в эти дела. Очень сожалеет, что эта писанина вообще к Вам дошла.

Нет в живых Галины Томовны и это гнетет невыносимо. Умерла она 23.XII в больнице в Христиновке. Похоронена в Бережанах, где живут ее родственники.

Как Вам живется далеко от родных? Мы вместе с Екатериной Мироновной[3] живем уже 5 лет. Хорошо нам вдвоем. Пишите. Всего Вам хорошего. Одарка

Г. Г. Суперфину, 27 февраля 1980 г.

27 февраля 1980 г.

Дорогой Гарик!

Письмо Ваше от 31.I получил только вчера.

Очень печально всё то, что произошло с Вами в минувшем январе.

По существу этого я хочу дать Вам несколько юридических советов:

---

[1] Шухевич Юрий Романович (р. 1933) — сын командующего УПА. Многолетний узник советских тюрем и лагерей, ныне политический деятель Украины.

[2] Балахонов Владимир Федорович (1935–1995), советский переводчик, служащий международной метеорологической организации (Швейцария). Объявил себя в 1972 г. политическим эмигрантом, но через некоторое время вернулся в СССР. Осужден за измену Родине на 12 лет. Заключенный Пермского лагеря и Владимирской тюрьмы и других мест лишения свободы. В 1985 г. осужден еще на 3 года. В 1990 г. смог вернуться в Швейцарию, где и скончался.

[3] Зарицкой.

1) для подачи кассационной жалобы копия решения не требуется; если Вы знаете суть дела, то можете подавать жалобу в Народный суд в 2-х экземплярах, а нарсуд отошлет ее вместе с делом в Обл. суд.

2) Взыскивание присужденных денег производится не по копии решения, а по исполнительному листу, который в силу ст. 340 Гражданского процессуального кодекса выдается истцу по вступлении решения в законную силу, то есть через 10 дней после суда, если решение не было обжаловано, а если была кассационная жалоба, то по утверждении решения областным судом.

3) В силу ст. 171 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (я указываю №№ статей Кодекса РСФСР, у Вас другие, но отличаются только №№ статей, но суть та же) изъятию при обыске подлежат лишь вещи и документы, имеющие отношение к делу или запрещенные к обращению. Ни Библия, ни Новый Завет таковыми не являются и тоже вновь изданные церковным издательством. Не запрещены и такие книги, как письма Ю. Ф. Самарина, жившего в XIX веке, брошюра о Магомете Вл. Соловьева, умершего в 1900 г., сказки, собранные Афанасьевым[1], немецкого литературоведа 1-й половины XIX века Варнгагена фон Энзе[2], умершего 150 лет тому назад, незаконно и изъятие радиоприемника. Для меня ясно, что причины этих безобразий — недостаточная культурность лиц, производивших обыск. Вам надо подать жалобу Прокурору Казахской ССР.

Не знаю, когда придет мое письмо и пригодятся ли Вам мои совет.

Я сейчас более-менее здоров с учетом моих 78 лет, но так дрожат руки, что разобрать мои писания трудно. Продолжаю здесь борьбу с хулиганами и с удовлетворением отмечаю, что некоторые результаты есть.

Дни у нас стали больше, с 8 ч. 30 м. и до 18 ч. пишу и читаю без электричества. Днем на солнце появляются лужицы. В общем, весна дает себя знать.

Обнимаю Вас и желаю здоровья и душевной крепости.

Ваш <Подпись>

Г. Г. Суперфину, 10 марта 1980 г.

10 марта 1980 г.

Дорогой Гарик!

3.III получил от Вас письмо, датированное Вами 18.II с почтовым штемпелем Тургая 28.II.

---

1 Было изъято репринтное издание «Заветных сказок» А. Н. Афанасьева (Париж, 1975), впервые анонимно изданное в Женеве в 1878 г. Книга не была возвращена, а якобы по акту уничтожена.

2 Названа часть изъятых у Г. Суперфина книг. Варнгаген (Фарнгаген) фон Энзе (1785–1858), писатель, пропагандист русской литературы в Германии. Интерес к нему был вызван подготовкой публикации неизвестного письма Гоголя. Большая часть книг была возвращена.

Так как 27.II я послал Вам письмо — ответ на Ваше от 31.I, полученное мною 26.II, то с ответом несколько задержался.

В прошлом письме я давал Вам несколько юридических советов в связи с неприятностями, обрушившимися на Вас. Пожалуй, пока дойдет письмо, то и советы эти уже устареют.

Но в отношении книг, таких как Библия, Новый завет, сочинения русских писателей XIX в., Варнгагена фон Энзе и т. п. жалуйтесь в Прокуратуру Казахской ССР, а если не поможет, в Прокуратуру СССР (Москва, ул. Пушкина, 15а). Я считаю изъятие этих книг незаконным и думаю, что в конце концов их должны возвратить.

Относительно аналогии времен и событий, то, учитывая поправку в последнем письме, я согласен с Вами.

Я живу по-старому. По мере своих возможностей веду борьбу с хулиганами в нашем доме, за что один недавно прибывший инвалид, 59 лет с 5 судимостями, обещал меня убить. Но думаю, что для этого у него руки будут коротки.

В мае надеюсь совершить свою традиционную поездку и немного отдохнуть от местных безобразий.

Радует наступление весны: утром встаю регулярно в 7 часов, и уже светло, вечером включаю электросвет в 7-м часу, так как становится трудно читать. Морозы по ночам порядочные (сегодня было 20°), но днем на солнце сильная капель и дорога сырая.

Желаю Вам здоровья и успехов в делах.

Обнимаю и целую Вас

Ваш <Подпись>

Г. Г. Суперфину, 3 апреля 1980 г.

3 апреля 1980

Дорогой Гарик!

Вчера получил Ваше письмо от 21.III.

Рад, что удачно закончилось Ваше судебное дело[1], а «изоляцией» огорчаться не стоит: вряд ли представляет какую-либо ценность общение с такими людьми, в лучшем случае глупцами.

И у нас наступающая весна встречает ожесточенное сопротивление зимы: 1 и 2.IV шел снег при t° 2–4° мороза; сегодня утром мороз 9°, зато светит солнце и днем будет мокро. В прошлые годы я 1.IV менял зимнюю шапку на шляпу, но в этом году этого не получилось. Хотя бы на Пасху потеплело бы, хотя осталось до нее 3 дня.

---

[1] Дело об увольнении из Тургайского комхоза в связи с окончанием сезонной работы (садовником), хотя закон и предусматривал перевод на постоянную работу.

У нас в доме по-прежнему царит беспорядок, приходится много нервничать. В остальном здоровье удовлетворительно.

С отъездом на лето думаю отказаться от своей общественной работы — председателя культурно-бытовой комиссии, которая при плохой администрации, как у нас, берет много времени и нервов, что при моем возрасте становится трудным.

Когда точно кончается срок Вашей ссылки?[1] Надеюсь увидеть Вас, а пока желаю Вам здоровья, душевного покоя и счастливого устройства у нас на Родине.

Ваш <Подпись>

1981

В. И. Лашковой, 1 января 1981 г.

Дорогая Верочка!

Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и желаю Вам бодрости и оптимизма. Наряду с плохим есть и хорошие признаки. Вчера днем всех нас пригласили в Красный уголок, где стояла хорошо убранная елка, но без освещения, так как его запретили пожарные. Директор поздравила с Новым Годом, и были розданы подарки: плитка шоколада, 3 мандарина, яблоко каждому. Вечером раздавались пьяные пения, вернее, крик пьяных старух. Я в компании всех пятерых спокойно встретил Новый Год у себя в комнате.

Безобразий вообще не было. Сегодня мороз 33°, а у Вас 1 тепла.

Всего хорошего, <Подпись>

В. И. Лашковой, 8 января 1981 г.

Дорогая Верочка!

Вашу открытку получил 5.I; Вы, вероятно, тоже получили мое поздравление, посланное дней за 12 до Нового года.

Да, 1980-й високосный год был тяжелым, начиная с погоды. Будем надеяться, что 1981 год будет лучше.

В связи с визитом незваных гостей[2] Вам надо иметь в виду, что Ваши прежние судимости погасятся и в силу ст. 57 Уголовного Кодекса РСФСР Вы имеете право в анкетах писать «не судима», так как у лиц, осужденных к лишению свободы до 3 лет включительно, судимость погашается

---

[1] Срок ссылки Г. Суперфина по приговору — два года (дата окончания заключения — 3 июля 1980 г.) с учетом месяца, проведенного на этапах из Владимирской тюрьмы в ссылку, истекал в конце апреля 1980 г. Из Тургая Г. Суперфин убыл в 20-х числах апреля, а из Казахстана (Целиноград) — 30 апреля. Май 1980 г. он провел в Москве, откуда переехал в Тарту, где, получив административный надзор, всё же смог прописаться.

[2] Вероятно, обыск.

после 3 лет с момента отбывания наказания, а у осужденных свыше 3 и до 6 лет включительно — 5 лет.

Это на всякий случай надо иметь в виду.

У меня возобновились приступы стенокардии в тяжелой форме; их не было лет 12, а в декабре было 4 — 3, 9, 13 и 29.XII. Это не первый пинок от пьянства, которым охвачены и жители дома, и обслуживающий персонал, а с пьянством связаны и различные безобразия.

Вообще мне жаловаться на здоровье грешно: ведь прожил 79 лет и, хотя здесь я самый старый из мужчин, но большинство их развалины, а я хожу даже без палки.

Погода у нас очень неустойчивая: 5.I было 27° мороза, 6.I — 15°, 7.I — 6°, а сегодня — 21° и так всё время.

В Смоленске давно не были?

Желаю Вам здоровья и бодрости.

P. S. Одновременно с Вашим получил письмо от Гарика; он жалуется на состояние депрессии, охватившее его.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 14 марта 1981 г.

Дорогая Верочка!

Месяц тому назад получил Вашу открытку. За это время успел поболеть гриппом. Сейчас в смысле здоровья чувствую себя более-менее удовлетворительно, только приходится много нервничать. Дом наш за ветхостью должен быть закрыт, а жители его переселены. Когда это будет и куда нас направят, пока неизвестно.

За 11 прожитых здесь лет уже привык, да и процедура переезда с насиженного места пугает, хотя хорошего здесь тоже мало, а при новом директоре — женщине 29 лет всё пришло в упадок, дисциплины никакой, пьянство, воровство служебного персонала!

В этом году зима у нас тоже была мягкая, но последние дни ударили морозы. 9.III был шторм с ураганным ветром, бьющим в окна комнаты, где живу. Впервые за много лет я замерз. С 11.III мороз больше 30°, сегодня 29°.

Ну а как Вы живете? Что нового? От Гарика было новогоднее поздравление. Недоволен он своей работой[1].

Я свое время провожу, как и раньше, за чтением газет и журналов.

Хожу только на почту в 12 ч. 30 м. и обедать в столовую в 13 ч. 30 м., а остальное время с 6 час., когда просыпаюсь, и до 23 час., когда ложусь спать, читаю. Людей, подходящих по образованию и развитию, здесь нет, интерес сосредоточен главным образом на выпивке.

Желаю Вам всего хорошего. <Подпись>

---

[1] Имеется в виду работа в газетном киоске в Тарту.

В. И. Лашковой, 21 апреля 1981 г.

Христос Воскресе!

Поздравляю Вас с праздником Воскресения Христова и желаю провести его в радости и покое.

Как Вы поживаете?

У меня новости нерадостные. Наш дом за ветхостью закрывается к 25 мая, и из живущих здесь сейчас 97 человек 16 переводится в г. Кировск (бывший Хибиногорск), а остальные в Кандалакшу в дом, занимаемый сейчас детьми, которые переводятся во вновь построенный дом в Мончегорск.

Но дом этот еще не сдан строителями, а общеизвестно, как строители неисправны в окончании сдачи построенных ими объектов. Так что вполне возможно, что к 25 мая ничего сделано не будет и мой летний отдых пропадет, а он мне нынче необходим больше, чем в прошлые годы.

Каких-либо болезней у меня нет, и, учитывая, что мне 80-й год, нельзя жаловаться на здоровье. Но нервы расстроены до предела, так как таких безобразий, как в этом году, здесь еще не было. Вот 8.IV вечером слышу за дверью какой-то грохот, выхожу и вижу я пьяных — Ягодкина, двоюродного брата бывшего секретаря МК КПСС[1], 61 года, и 2-го, инвалида 59 лет, валяющихся на полу и душащих друг друга, причем у 2-го ободрано всё лицо, и кровь льется потоком. Я заставил 4 мужчин, любовавшихся этим зрелищем, разнять их. На самом деле мне от вида крови стало плохо; я хотел позвонить медсестре, но не смог подняться на 2 этаж, так тряслись ноги и все внутренности. После этого проболел 2 дня.

В общем переезд для меня тягостен. За 11 лет я уже привык здесь, пользуюсь авторитетом, поэтому настроение сейчас плохое.

Простите, что в такой радостный праздник, которому я и сам радуюсь, вынужден портить Вам настроение своими невзгодами.

Всего Вам наилучшего,

<Подпись>

Г. Г. Суперфину, 23 апреля 1981 г.

23 апреля 1981

Дорогой Гарик!

Наступило время весенних праздников: Пасхи, которую с раннего детства очень люблю, дня 1-го мая. Приветствую Вас и поздравляю, желаю спокойно и радостно провести их.

---

[1] Ягодкин Владимир Николаевич (1928–1985), в 1971–1976 гг. — секретарь Московского комитета КПСС по идеологии и член ЦК КПСС, представитель ультраконсервативного крыла в партии.

Что это от Вас давно ничего не слышно? От Вали и Иры[1], посетивших Вас этой зимой, знаю, что жизнь Ваша текла в прежнем русле. Что нового случилось с тех пор?

У меня новости нерадостные: дом наш закрывается за ветхостью, а живущие в нем переводятся — 16 человек в Кировск (бывший Хибиногорск) и 81 человек в Кандалакшу. Для меня этот переезд очень тягостен. За 11 лет, прожитых здесь, я привык, обжился, пользовался авторитетом, да и вообще менять условия жизни человеку на 80-м году жизни тяжело. Особенно боюсь я, что благодаря этим переездам, срок которых определен к 25 мая, а потом всякие оформления, прописки на новом месте затянут и сорвут мой традиционный летний отдых, а он мне сейчас необходим как никогда раньше, так как благодаря безобразиям, усилившимся за последний год, нервы напряжены до крайности. Летом же, находясь в нормальной обстановке среди людей, которых и я люблю, и они отвечают взаимностью, я возвращаюсь бодрым и здоровым.

Жду от Вас вестей о Вашей жизни, обнимаю и целую Вас.

Да благословит Вас Бог!

Ваш <Подпись>

P. S. Очень дрожат руки, не знаю, разберете ли Вы написанное.

В. И. Лашковой, 1 мая 1981 г.

Дорогая Верочка!

29.IV получил Ваше поздравление. Вероятно, и Вы получили мое.

Так как я не знаю, есть ли у Вас телефон, то сообщаю, что я приеду на ½ недели 5.V поездом 181 в 11 ч. 17 м. Заходите, звоните. Всего хорошего.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 25 мая 1981 г.

Дорогая Верочка!

Итак, я на новом месте. До Княжой доехал хорошо и еще на вокзале от сотрудницы, встречавшей дочь, узнал, что переезд отложили на 29.V. Откладывался он и дальше, пока 22.V, то есть на Николин день, в 9 часов подали 2 автобуса и после большой сумятицы и бестолковщины по вине администрации в 10 ч. 20 м. мы, то есть 49 человек, выехали и около 2 часов дня приехали в Кировск. Я поселился на 2 этаже в комнате на 4 человека с теми же тремя, с которыми жил раньше.

---

[1] Валентин Николаевич Костин, специалист по акустическим приборам, сотрудник Института психологии АН СССР, и его жена Ирина — друзья Б. Г. М. — посетили Г. Суперфина в Тарту. Г. Суперфин работал тогда в киоске Союзпечати.

Помещение здесь несравнимо с Княжегубским: чистота, блеск стен и мебели, хорошие постели, еда такая же, персонал вежливый, не слышно от них матерщины, как там. Но природа здесь хуже: там рядом был лес, а в окно — вид на Белое море, здесь же крутые горы, покрытые снегом, отчего многие дороги мокрые; на склонах гор многоэтажные дома. Наш дом на окраине; до почты, там же и автобусная станция, я вчера шел минут 20–25. Большое удобство: в умывальнике вода и холодная, и горячая; под душ можно идти, когда хочешь. Не знаю, как будет дальше, увидим.

Сегодня должен иметь беседу с директоршей; 22.V она сказала, что в понедельник хочет поговорить со мной.

На этой неделе хочу найти церковь, чтобы в субботу и воскресенье сходить туда.

Есть у меня желание съездить на отдых, но надо осмотреться, а потом поговорить с директоршей.

Ночи сейчас здесь нет совсем. T° сегодня утром была 9° тепла, а днем обещают 19–20°. День солнечный.

Очень благодарю Вас за внимание ко мне в Москве и желаю всего хорошего.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 11 июля 1981 г.

Дорогая Верочка!

Вчера получил Вашу открытку от 5.VII. Да, видимо, в этом году мне так и не придется съездить и побыть в общении с нормальными людьми. Здешняя культработница в отпуску, и всей почтовой корреспонденцией ведаю я; правда, большая часть журналов, да и газет, писем приходится на мое имя. Здесь есть церковь, сегодня вечером и завтра утром хочу сходить туда, здоровье пока удовлетворительное. Но вот Вам надо подлечиться. Желаю Вам хорошо отдохнуть и окрепнуть после болезни[1]. Всего доброго.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 18 августа 1981 г.

Дорогая Верочка!

Позавчера приехал в Москву. Ирина Владимировна[2] говорила, что Вы болели воспалением легких. Как сейчас себя чувствуете? Если выздоровели, приезжайте, звоните. Буду рад Вас видеть. Привет от Надежды Григорьевны. С лучшими пожеланиями, <Подпись>

---

[1] Воспаление легких.

[2] Корсунская.

Г. Г. Суперфину, 14 сентября 1981 г.

14 сентября 1981

Дорогой Гарик!

Поздравляю Вас с днем Вашего рождения и желаю Вам здоровья, счастья, успехов в делах и душевного покоя.

Как Вы поживаете? Чем занимаетесь?

Как чувствует себя Ваша Ирочка[1] и ее мама[2]? Как обстоят Ваши жилищные дела? мне всё же удалось выбраться отдохнуть от нашей бестолковщины и окружающего пьянства. С 15 августа по 4 сентября я побыл в Москве, а с 5 сентября нахожусь в Волочиске у Екатерины Мироновны и Дарьи.

17 уезжаю в Москву, а 24 рассчитываю вернуться в Кировск.

Я чувствую себя более-менее удовлетворительно. Конечно, стал значительно слабее, чем в прошлые годы, и сильно дрожат руки. Но учитывая, что живу уже 80-й год, обижаться было бы грешно.

Еще раз желаю Вам хорошо и радостно провести свой день рождения и не забывать любящего Вас <Подпись>

<в конверт вложено письмо от Дарьи Гусяк>

14.IX.81 г.

Уважаемый Габриель Гаврилович!

Лишь теперь от Бориса Георгиевича узнала немного о Вас. Радует, що у Вас семья, следовательно, и семейный уют ест. Теперь Вам легче будет бороться с разными препятствиями, без которых, — увы! — жизни не бывает.

Итак, поздравляю Вас с прибылью — дочкой Ириной. Поздравляю, конечно, Вас и жену. А также желаю Вам по случаю дня рождения хорошего здоровья, семейного благополучия, по возможности больше солнечних дней, удовлетворения от роботы и жизни вообще. Дай Вам Бог, чего желаете.

Будьте здоровы.

Одарка

В. И. Лашковой, 24 сентября 1981 г.

Дорогая Верочка!

Поздравляю Вас с днем именин и желаю всего наилучшего. Сегодня приехал домой из Москвы, и очень дрожали руки. Получили ли Вы мое московскую открытку?

<Подпись>

---

[1] Ошибка. Имя дочери — Мария, она родилась 11 июля.

[2] Ольга.

В. И. Лашковой, 2 ноября 1981 г.

Дорогая Верочка!

Ваше письмо от 27.X получил 31.X. Да, моя августовская открытка, пришедшая к Вам в 20-х числах сентября, вероятно проделала кругосветное путешествие. Бывают же чудеса! Рад, что Вы отдохнули и сейчас чувствуете себя хорошо.

У меня в последние дня 4 что-то вроде гриппа, но t° 36,2°. Климат здесь значительно хуже, чем в Кандалакше. Не для стариков, а ведь мне через ½ года пойдет 9-й десяток лет жизни. Живу я по-старому. Хожу мало, большую часть дня читаю газеты (4 шт.), 2 еженедельника, 6 журналов.

Снабжают нас продуктами пока неплохо. Мясо, рыба, масло ежедневно.

Плохо то, что не с кем поговорить; люди, с которыми общался, умерли, остались пьяницы да полуидиоты.

У меня постоянно стали дрожать руки, даже писать стало трудно.

У Вас еще сравнительно тепло, а здесь уже недели 2, как лежит снег. Сегодня 20° мороза. Но в комнате тепло, можно сидеть без пиджака.

Желаю Вам всего хорошего.

<Подпись>

Г. Г. Суперфину, 2 ноября 1981 г.

2 ноября 1981 г.

Дорогой Гарик!

29.X получил Ваше письмо от 22.X. Рад, что Ваши квартирные затруднения на некоторый период урегулированы. Конечно, надо устроить и вопрос с квартирой в Теплом Стане.

Здесь положение с продуктами тоже плохое, но нас снабжают удовлетворительно; и мясо, и масло получаем ежедневно. Я стал есть мало, своих порций не съедаю; только сахар приходится докупать. И с вещевым снабжением нас обстоит хорошо. Но климат здесь значительно хуже, чем в Кандалакше. Сегодня 20° мороза; снег лежит уже недели 2; ветры. У меня сейчас что-то вроде гриппа, но t° 36,2°. Очень дрожат всё время руки, даже писать трудно. Но обижаться мне грешно, ведь в мае начнется 9-й десяток лет моей жизни.

За что Вы ругаете Гоголя? Я его люблю. Последний роман Ч. Айтматова[1] читал, неплохой.

Более близкие мне и толковые люди здесь умерли, остались пьяницы и полу-идиоты.

---

[1] Имеется в виду роман «И дольше века длится день» (1980), за которую Айтматов получил вторую Государственную премию.

Не с кем слова сказать. Весь день занят чтением. Мой привет Вашей жене и маленькой Маше. Обнимаю Вас и целую.

Ваш <Подпись>

В. И. Лашковой, 17 декабря 1981 г.

Дорогая Верочка!

Поздравляю Вас с Новым Годом и желаю здоровья, счастья, душевного покоя. Как живете? Я живу по-старому. Из-за снежных заносов почти не выхожу из дома. Время провожу за чтением. Здоровье пока терпимо.

Всего хорошего.

<Подпись>

1982

В. И. Лашковой, 10 апреля 1982 г.

Христос Воскресе!

Дорогая Верочка! Поздравляю Вас с праздником Светлого Христова Воскресения и желаю в добром здоровье и радости встретить и проводить его. Как Вы живете? Что у Вас нового? Имеете ли какие сведения от Арины? Я живу по-старому. На здоровье, учитывая мои 80 лет, жаловаться было бы грешно. Судя по сообщениям радио, зима от Вас уже ушла, а здесь всё еще полно снегом, дороги плохие и скользкие. Сейчас идет дождь.

Вечером сегодня собираюсь ко всенощной в местную церковь. Она не так далека, но из-за плохой дороги сильно устаю.

В мае хочу поехать на свой «традиционный» отдых. Учитывая, что здесь из-за пьянства жителей нашего дома и обслуживающего персонала и халатного их отношения к работе приходится часто раздражаться, такой отдых необходим.

Всего Вам хорошего.

<Подпись>

Г. Г. Суперфину, 10 апреля 1982 г.

10 апреля 1982

Дорогой Гарик!

Поздравляю Вас с праздниками весны — св. Пасхой и днем 1-го мая и желаю Вам и семейству Вашему спокойно и радостно провести их.

Как Вы поживаете? Что у Вас нового? Как растет Ваша Маша?

Я живу по-старому. На здоровье, учитывая свои 80 лет, жаловаться было бы грешно. Надеюсь в мае по примеру прошлых лет поехать на отдых. Мне он необходим, так как частенько приходится нервничать из-за безобразий, происходящих в нашем доме и со стороны живущих в нем и от обслуживающего персонала.

В феврале как-то пришел ко мне молодой человек и отрекомендовался Вашим знакомым, получившим от Вас поручение навестить меня[1]. Мне он понравился, и потом 14 и 21 февраля я ездил к нему в гости в г. Апатиты.

В марте он заходил и сообщил, что вскоре уедет в Ленинград, так как его должность в Кольском ботаническом саду с 1.IV сокращается. 6.IV вечером Михаил Николаевич заходил, но не застал меня, так как я ходил ко всенощной. У меня сложилось о нем очень хорошее мнение.

Будьте здоровы, привет Вашей жене и маленькой Маше.

Ваш <Подпись>

Г. Г. Суперфину, 24 апреля 1982 г.

24 апреля 1982

Дорогой Гарик!

Вчера получил Ваши письмо и открытку от 20.IV. Благодарю за присланную фотографию Вашей семьи.

6 мая вечером я должен ехать в отпуск, так что приеду накануне своего 80-летия.

В смысле еды, одежды здесь неплохо, жаловаться было бы грешно, но жители дома на редкость глупы; если их что-либо и интересует, то за какую цену можно купить вино, а газету «Правду» кроме меня никто не читает, только двое еще возьмут ее, взглянут на последнюю страницу и отдают; местную газету смотрят эти же двое и еще 4 человека.

Так что поговорить о чем-либо, выходящем за пределы нашего быта, не с кем.

У Миши я был в феврале 2 раза, в марте он был у меня и говорил, что попал под сокращение и собирается ехать к родным. После этого он заходил вечером в апреле, но я был в это время в местной церкви на всенощной под Благовещение. Уехал он уже или еще нет, не знаю.

В смысле здоровья, учитывая мои 80 лет, жаловаться нельзя. Конечно, приходится частенько пользоваться валидолом. Досаднее всего постоянная дрожь рук, особенно правой. Надеюсь, что уже недолго осталось жить и худшего состояния удастся избежать.

В прошлом году в день моего рождения Вы были у меня. Может быть, и в этом году сможете сделать то же. Был бы очень рад. После Москвы я собираюсь посетить Саратов, Ростов-на-Дону и Украину, пока еще физически способен к этому. Ведь в этом году я чувствую себя более слабым, чем был в прошлом году.

---

[1] Имеется в виду Михаил Николаевич Костоломов (1953–2016), по образованию биолог, поэт-переводчик, выборгский краевед; в 1974–1982 научный сотрудник Полярно-альпийского ботанического сада-института в Кировске. Познакомился с Г. Суперфином в Тарту в 1980 г.

В церкви здесь я был в четверг, пятницу и субботу страстной недели, но к пасхальной службе в 12 час. ночи не рискнул идти, так как боялся, что из-за обилия пришедших не смогу войти в храм.

У нас в последние дни стоят хорошие солнечные дни, но снега еще очень много. Ну будьте здоровы, мой дорогой.

Всего Вам хорошего. Оле[1] и маме привет и пожелание счастливого пути в Тургай.

Ваш <Подпись>

В. И. Лашковой, 23 июня 1982 г.

Дорогая Верочка!

Сегодня получил Ваше письмо от 15.VI. Отдых мой, слава Богу, проходит хорошо. С 29.V до 7.VI был в Саратове, с 8.VI в Ростове, а 26.VI уезжаю в Волочиск.

В Саратове 5 раз был на богослужениях, которые совершил архиепископ Пимен. 6 раз ездили мы с ним на автомашине в лес километров за 70–80, а один раз — за 192 от города. Там он собирал грибы, а я сидел на раскладном стуле и читал. Мы с ним много беседовали, вспоминали общих знакомых по Смоленску. Здесь тоже живется неплохо. Радует доброе, сердечное отношение ко мне.

Здоровье в общем удовлетворительно, по сравнению с прошлыми годами чувствую себя значительно слабее: ноги не ходят так бойко, как в те годы; службу в день Троицы еле выстоял; руки дрожат, особенно правая. Погода и в Саратове, и в Ростове теплая, но не жаркая, и из Кировска получил письмо от соседа по комнате; там продолжается еще зима, каждый день идет снег, дуют холодные ветра. Слава Богу, что мне удалось уехать.

Свободное от бесед время, как всегда, провожу за чтением. У архиепископа Пимена имеется более 3 ½ тысяч томов книг, да и здесь — близко к этому.

С печалью принял я сообщение об отъезде Корсунских[2]. Не завидую им. А как они намучаются с Ириной Михайловной[3], с ее сломанной ногой? Мне страшно за них.

От Гарика ничего не слышно? Надо б завтра ему написать. 1.VII будет год дочке[4].

---

1 Жена Г. Г. Суперфина.
2 25 июня 1982 г.
3 Ирина Александровна Чарноцкая (1908–1988, США), мать Александра Александровича Корсунского (1936–2005), мужа И. В. Корсунской, балерина Большого театра.
4 Дочь Суперфина родилась в Тарту 11 июля 1981 г.

Московская погода пока не блещет, по сообщениям радио, там дождливо, и тепла пока нет.

Когда поеду обратно, пока не знаю.

Думаю, что если захотите черкнуть мне в Волочиск, то успею получить.

Желаю Вам здоровья и всего хорошего.

До свидания. <Подпись>

В. И. Лашковой, 25 августа 1982 г.

Дорогая Верочка!

С 20.VII по 19.VIII пробыл в Москве. Приехал туда с тромбофлебитом правой ноги и подвергся ограничению в передвижениях, врачебным осмотрам, различным анализам. Пока 19.VIII врач кардиоцентра в олимпийской деревне вызвала скорую помощь для госпитализации меня в какой-то московской больнице. Еле отбился от этого и вечером уехал, а уже утром 21.VIII был в Кировске. Чувствую себя неважно.

Ну а Вы как поживаете? Что нового, что слышно о Корсунских? В Москве мне всё же удалось причаститься 14.VIII. Здесь холодно: от 5 до 11° тепла, каждый день дождь.

Желаю Вам всего хорошего и жду от Вас весточки.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 23 сентября 1982 г.

Дорогая Верочка!

Поздравляю Вас с днем ваших именин и желаю Вам здоровья и душевного покоя. Я живу по-старому, воюю с пьяницами и хулиганами. В последние дни у нас стоит хорошая солнечная погода — компенсация за небывало дождливое лето. Как Вы провели его?

Пишите. <Подпись>

Г. Г. Суперфину, 4 октября 1982 г.

4 октября 1982 г.

Дорогой Гарик!

Значит Вы сейчас устроились за городом[1]. Конечно, досадно ездить каждый день поездом, вставать рано, но если там удобно и спокойно жить, то, по-моему, это окупается.

<...>

---

[1] Выдавливание Суперфина из СССР началось с давления на его квартирную хозяйку: ее вынудили выписать его из квартиры. Через приятелей ему удалось снять комнату в Эльве (недалеко от Тарту). Ежедневно он ездил в Тарту, в Исторический архив, из которого его тоже уволили в начале 1983 г.

Одиночество можно перенести. Вокруг меня много людей, в комнате со мной живут еще 3 человека, но ни с одним из них поговорить нельзя: глухонемой, глухой и дурноватый, разговаривающий сам с собой: пропившийся и сейчас находящийся в последней стадии, видимо, скоро умрет.

Про юбилей Вашего университета[1] читал в газетах.

На будущий год подписался на «Известия», «Литературную газету», «За рубежом», «Мировую экономику и международные отношения», «Социалистическая законность», «Новый мир» и казенные «Правда», «Полярная правда», «Огонек», «Крокодил». Читаю целыми днями. Нога моя не проходит, что ограничивает подвижность. Е. В. Аничковой читал разные статьи по литературоведению[2].

Будьте здоровы. Всего хорошего. Обнимаю Вас.

Ваш <Подпись>

В. И. Лашковой, 8 декабря 1982 г.

Дорогая Верочка!

Письмо Ваше от 21.XI получил 26.XI.

Да, очень печально, когда из жизни уходят друзья, люди достойные уважения[3]. Но в конце концов все мы смертны и рано или поздно умрем. У меня здесь тоже люди, с которыми я имел общение, поумерли. Так что я, хотя нахожусь среди людей, но по существу одинок. В комнате со мной живут сейчас глухонемой, глухой и дурковатый, плохо говорящий, спившийся, еще не старый, но, видимо, тоже скоро будет заканчивать свою жизнь. Вообще люди здесь ничем не интересуются, за исключением того, где можно найти подешевле выпивку. Газеты, кроме меня, смотрят еще 2 человека. Я время свое провожу за чтением газет и журналов. Кормят здесь нас неплохо. Я свой рацион съедаю на ½, так как порции большие.

Опухоль на правой ноге сошла, но тромб, видимо, остался; временами покалывает, но хожу я нормально. Из дома выхожу редко, устаю. Погода в этом году много теплее, чем в прошлом — сегодня 4° мороза.

Желаю Вам здоровья и душевной бодрости.

Не падайте духом. <Подпись>

В. И. Лашковой, 21 декабря 1982 г.

Дорогая Верочка!

Поздравляю Вас с Новым Годом и желаю здоровья, душевного покоя, исполнения Ваших желаний. Недавно послал Вам письмо. После того

---

1 Имеется в виду 350-летие Тартуского (Дерптского) университета.

2 Г. Суперфин писал Б.Г. Меньшагину о подготовке архивной публикации о студенческом объединении и участии в нем Сергея Константиновича Шварсалона (1887–1941; расстрелян). Он готовил поездку в Тарту Вяч. И. Иванова для публичного выступления.

3 Имеется в виду Петр Ионович Якир, умерший 14 ноября 1982 г.

нового у меня ничего нет. Сейчас у нас очень короткий день. С 11 до 14 часов, морозов больших нет, но снега очень много, так что ходить трудно, устаю. От Ирины Владимировны есть какие-либо вести?

<Подпись>

1983

Г. Г. Суперфину, 5 марта 1983 г.

5 марта 1983 г.

Дорогой Гарик!

Как Вы поживаете? Что у Вас нового? Чем Вы сейчас заняты? Где сейчас Маша?

Я живу по-старому. Здоровье в общем удовлетворительно; бывают боли в пояснице и на правой ноге в районе образовавшегося в прошлом году тромба, но это пустяки. Если не будет хуже, думаю в начале мая поехать в Москву. Мне необходим такой нравственный отдых, так как обстановка здесь тяжелая, не с кем слова сказать: кругом либо рамолики[1], либо пьяницы, я же, несмотря на свой 81 год, не утратил интереса к жизни.

Занятие мое здесь — чтение с утра до ночи. Ложусь в 11 часов, встаю в 6 часов, днем не сплю.

Желаю Вам здоровья и всего наилучшего, обнимаю моего бедного друга.

Ваш <Подпись>

Г. Г. Суперфину, 20 апреля 1983 г.

20 апреля 1983 г.

Дорогой Гарик!

Прошу простить меня за задержку с ответом на давно полученную Вашу открытку.

Как сейчас обстоят Ваши дела? Чем Вы занимаетесь? Что намерены делать?

Машенька Ваша, значит, сейчас находится с матерью?[2]

---

[1] Слабоумные.

[2] В январе 1983 г. Г. Суперфин по указанию КГБ был лишен места жительства (сначала в Тарту, а затем и в Эльве, под Тарту) и уволен с работы (реставратор в Эстонском историческом архиве, перестал допускаться в архивные учреждения Москвы и Ленинграда). Эти мероприятия КГБ в плане работы на 1983 г. называл «склонением Суперфина Г. Г.» к эмиграции по еврейской линии. Его попытки (поездка в Москву в центральный КГБ, встреча там с главой 9-го, антидиссидентского, отдела 5-го управления циничным тов. А. В. Барановым, о котором один его коллега-мемуарист написал: «спокойный худощавый человек с огромными грустными глазами. Он возглавлял группу “разработчиков”, занимавшихся “антисоветчиками”») остаться в СССР оказались бесплодными, и в апреле 1983 г. началось оформление документов на выезд. К этому же времени распалась семейная жизнь

Я 27.IV уезжаю на свою традиционную летнюю поездку. Надо отдохнуть нервами.

По своему возрасту — 82-й год, мне жаловаться на свое здоровье было бы грешно. Конечно, есть старческие недуги — дрожь рук, под вечер опухоль ног и т. п., но я вижу здесь других, более молодых, чем я, но не передвигающихся, или же передвигающихся с трудом, и по сравнению с ними я выгляжу молодцом. Но обстановка в доме плохая: пьянство, перебранки, шум — чуть ли не повседневные явления; меня они затрагивают в столовой и хотя ко мне прямого отношения не имеют, но на нервы действуют, а потому я с радостью покидаю на некоторое время наш дом престарелых.

Вообще же время течет незаметно, с утра до 11 час. вечера читаю газеты, журналы, смотришь и дня нет. Днем я не ложусь никогда, зато ночью сплю хорошо до 6 часов, когда начинаю слушать радио.

Пишите. Меня очень беспокоит Ваше несчастное положение.

Обнимаю и целую Вас, желаю здоровья и душевной бодрости.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 11 мая 1983 г.

Христос Воскресе!

Дорогая Верочка, хотя с опозданием поздравляю Вас с Праздником Воскресения Христова. Я некоторое время еще пробуду здесь. 15 мая хочу съездить в Загорск. В 20-х числах поеду в Саратов.

Как Вы живете? Давно нет от Вас вестей. Наконец, старость добралась до меня: стало трудно ходить, ноги к вечеру сильно распухают. Но обижаться не приходится: 82-й год жизни дает о себе знать.

Заходите, буду рад Вас видеть.

Всего хорошего.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 10 августа 1983 г.[1]

Дорогая Верочка!

Вчера вернулся из Москвы и застал Ваше письмо от 31.VII. Оно ошеломило меня. Бедная Верочка! И ничего не придумаешь, чтобы помочь. Возмутительное беззаконие![2]

Работа, конечно, тяжелая, да и с хатой хлопот много. Радует и внушает надежду лишь душевный покой. По себе знаю, как много в жизни он значит.

А как обстоит дело с материальными условиями, с питанием?

Г. Суперфина. Его полуторагодовалая дочь с 1982 г. жила у родителей ее матери в Тургае.

[1] Письмо адресовано в Калининскую обл., Бологовский район, п/о Тимково, д. Котлованово.

[2] См. об этой репрессии против В. И. Лашковой в наст. изд., с. 140–143.

Летней поездкой своей я доволен. Побывал, кроме Москвы, в Саратове, Ростове, Волочиске (на Украине). Везде было хорошо. Боюсь только, что эта поездка будет последней.

По сравнению с прошлыми годами мне передвигаться стало труднее, чувствую усталость. И в церкви, где я раньше без труда выстаивал службу, сейчас ноги уже вскоре дают себя знать.

Нога к концу дня сильно отекает, особенно правая; за ночь левая приходить в норму, а на правой остается небольшая припухлость. Но сегодня она осталась значительной. Кроме того, беспокоит меня дергание правого глаза. В остальном недугов не чувствую. Для моего возраста состояние здоровья надо считать удовлетворительным и обижаться нельзя — ведь идет 82-й год.

Здесь погода еще хорошая; t° 15–17°. Ложился вчера в 11 час. вечера, было светло, и я читал при дневном свете, — просыпался сегодня в 4 утра — светло, как в Москве днем.

Желаю Вам здоровья, бодрости, душевного спокойствия.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 22 сентября 1983 г.

Дорогая Верочка!

Поздравляю Вас с днем Ваших именин и желаю здоровья и счастья. Как Вы живете? Как с работой? Как здоровье?

Я живу по-старому. В ногах слабость, отеки; вне дома без палки ходить уже не могу. В остальном, учитывая мои годы, жаловаться было бы грешно.

Всего хорошего. Пишите.

<Подпись>

Н. Г. Левитской, 25 сентября 1983

25 сентября 1983

Дорогая Надежда Григорьевна!

Обращаюсь к Вам с несколько необычной просьбой: в случае моей смерти, о которой Вам должен сообщить наш дом-интернат, в свою очередь сообщите указанным ниже лицам. Оговариваюсь, что я не собираюсь умирать и делаю это, желая, чтобы люди, знакомые мои, знали о случившемся.

Итак, 1) архиепископ Пимен: 410002, Саратов, Первомайская, 27 а. П. Хмелевскому, обращаться к нему: Ваше Высокопреосвященство.

2) 281370, Хмельницкая обл., Волочиск 1, Зализнична, 48. Гусяк Дарье Юрьевне.

3) 344019, Ростов-на-Дону, 19, ул. Налбандяна, 58/56. Григорян Светлане Николаевне.

4) 171061, Калининская обл., Бологовский район, п/о Тимково, дер. Котлованово. Лашковой Вере Иосифовне.

5) 470006, Караганда, ул. Кривогуза, 17, корп. 4, кв. 5. Керсновской Ирине Николаевне

6) G. Djakonow <...> Detroit Michigan 48234 U.S.A.

По телефону сообщить:

Жуковский Юрий Константинович (или жена его Зина) — № 492 8971.

Цесевич Владимир Платонович — № 282 4176.

Извините меня за могущее быть беспокойство.

Пока же жизнь моя идет по-старому: сижу читаю, в 12-м и 4-м часу получаю почту, раздаю ее.

Не особенно давно вечером отправил в вытрезвитель одного пьяницу, а через несколько дней усмирял пьяных старух, в том числе и ту, которая стирает мне. На днях получил новый костюм темно-коричневого цвета. Сегодня 1-й день у нас ночью был мороз 9°. Ну а у Вас что нового? Вернулась ли Наташа? Живы ли Валя и Ира Костины?

У меня стали сильно дрожать руки, трудно писать. Как поживает Качественный[1]? Погладьте его от моего имени.

Будьте здоровы. Всего хорошего. Привет Кире и Наташе.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 20 октября 1983 г.

Дорогая Верочка!

Письмо Ваше от 4.X получил еще 8.X.

Как Ваша работа, уменьшилась уже или еще держится без всяких норм?

Какова у Вас погода? У нас для этого времени необычно тепло, весь выпавший снег растаял, даже на горах, окружавших город, не осталось, но дожди идут каждый день.

Я выхожу из дома редко, в церкви давно не был; собираюсь туда на Казанскую — 4.XI, так как во-1-х, престольный праздник в нашей церкви, а во-2-х, в этот день 61 год тому назад я женился.

Весной 1984 г. предполагают наш дом перевести в Кандалакшу. Само по себе это не плохо, так как Кандалакша южнее, климат там лучше, нет таких ветров, как здесь. Но переезд — это ломка устоявшегося образа жизни, а в мои годы это тяжело.

Я чувствую себя более-менее удовлетворительно; легкие стенокардические приступы ежедневно, но после приема валидола проходят и особого беспокойства не приносят.

Как Вы на зиму запаслись необходимым топливом и продовольствием — картошкой, капустой? Магазин у Вас есть? Хлеб где достаете?

Желаю Вам здоровья и успешной зимовки, которая уже недалеко.

<Подпись>

---

[1] Очевидно, кот Н. Г. Левитской.

В. И. Лашковой, 17 ноября 1983 г. [1]

Дорогая Верочка!

Открытку Вашу получил 10.XI. Слава Богу, что жизнь Ваша течет спокойно, хотя без забот, конечно, не обойтись.

У меня тоже жизнь идет довольно однообразно. 12.XI были 2 довольно сильных приступа стенокардии, в связи с чем 15.XI меня возили в городскую больницу, где сняли кардиограмму.

Думаю, что причиной послужило то, что 11, 12 и 13.XI отопление наших помещений не действовало, в комнате было очень холодно, и настроение у меня было плохое. Вчера лицам, получающим 10 % назначенной им пенсии, почтальон принес эти деньги, и я помогал ей в раздаче их. В связи с этим было много пьяных и шума, а часов в 10 вечера меня позвали к одному из них, лежавшему в луже крови на полу в коридоре, — я организовал перенос его в комнату, где он живет, на кровать.

Всё это действует на нервы, на настроение, хочется поскорее умереть.

Я давно уже не выхожу из дома. Много снега, идти трудно, в ногах слабость, так что хожу только внутри дома.

Сегодня 9° мороза, светло, пишу при дневном свете. Большую часть дня занимаюсь чтением газет, журналов. Это отвлекает от дрязг, одолевающих жителей нашего дома. Они хотя в большинстве старые, но ведут себя как дрянные дети. Из мужчин здесь я самый старый, а из женщин есть и старше меня — лет 85–90.

Об Арине, Алике, Гарике — ничего не слышно?

Желаю Вам здоровья, терпения и душевного покоя.

<Подпись>

В. И. Лашковой, 21 декабря 1983 г.

Дорогая Верочка!

Поздравляю Вас с Новым годом и желаю, чтобы он был более удачным, чем 1983 г.

Я живу по-старому, внутри дома чувствую себя хорошо, но вне его быстро устаю, ходить стало трудно, старость дает себя знать. Всего Вам хорошего.

<Подпись>

1984

В. И. Лашковой, 1 января 1984 г.

Дорогая Верочка!

Поздравляю Вас с Праздником Рождества Христова и желаю провести его в душевном покое и радости.

---

[1] Изменение в адресе: Калининская обл., Бологовский район, п/о Тимково, д. Дмитровка.

Вчера я беспокойно проводил 1983 год: было много пьяных, шума, ругани. Мне долго пришлось уговаривать не шуметь и лечь спать. В конце концов, мужчины уложились и уснули, а 2-х женщин в возрасте за 60 лет, ругавшихся матом и не желавших успокоиться, пришлось отправить в вытрезвитель. Откуда они вернулись сегодня утром, и одна из них пришла поздравлять меня с Новым годом.

Все эти происшествия вредно отражаются на здоровье, и мое искреннее пожелание себе на Новый год, чтобы он был последним в моей жизни.

Ну а как Вы встретили 1984 год?

Как Ваши дела, как здоровье? Есть ли у Вас с кем поговорить? Я очень болезненно ощущаю этот недостаток у себя. Какая у Вас погода? Не мешает ли она Вашим обязанностям?

У нас вчера и сегодня впервые в эту зиму t° ниже 20° мороза. Я сижу дома, никуда не выхожу, читаю.

Всего Вам хорошего. Пишите. <Подпись>

В. И. Лашковой, 22 февраля 1984 г.

Дорогая Верочка!

Вчера получил Ваше письмо от 16.II.

Очень хорошо, что Вам удалось неожиданно отдохнуть в Пятигорске[1]. Это очень красивые хорошие места. Я там бывал в 1939, имел путевку в Кисловодск. Там можно отдохнуть и телом, и душой.

По-моему, неплохо, что на новом месте отношение к Вам доброжелательное у одних, безразличное — у других. Досадно, что в духовном отношении Вы одиноки, но я в таком же положении: поговорить здесь не с кем.

Вчера, услышав по радио сообщение о смерти Шолохова[2], я передал об этом нашим наиболее развитым жителям, так те удивились: какой Шолохов?

В марте-апреле начинается переезд нашего дома в Кандалакшу, но я, видимо, не доживу до этого переезда. Уже недели 2 я ничего не ем, ни завтракаю, ни обедаю, ни ужинаю, только пью чай с печеньем и ем только конфеты. Совсем лишился аппетита. Но чувствую себя нормально: хожу, встаю, как всегда, в 6 часов, ложусь — в 11 часов вечера; днем не ложусь. Как всегда, время провожу за чтением, но во время его стал засыпать на 1–2 минуты и так неоднократно.

Своего конца жду спокойно. Отсюда сообщат Надежде Григорьевне, а та известит Вас и других моих корреспондентов.

Пока же я желаю Вам здоровья и душевного покоя. Да хранит Вас Бог!

<Подпись>

---

[1] В. И. Лашкова получила от своего колхоза путевку в санаторий.

[2] Умер 24 февраля 1984 г.

Н. Г. Левитской, 22 февраля 1984 г.

23 февраля 1984

Дорогая Надежда Григорьевна!

Письмо Ваше от 13.II получил 17.II.

Значит, жулики были и в Книжной палате, учреждении, где, казалось бы, делать им совсем нечего. Покойник все-таки проявил себя, начав борьбу с этим, к сожалению, повсеместным нынче явлением. За 18 лет правления нашего выдающегося и т.д. Леонида Ильича[1] они очень расплодились.

На днях слышал от директорши, что переезд в Кандалакшу, вероятно, задержится, так как там не готово помещение. Мне, вероятно, ехать не придется. Мой рацион сейчас уже несколько недель таков: в 9 часов стакан кофе с 3 печеньками, в 13 часов 30 минут — 2 или 3 ложки борща или супа и стакан компота, в 15 часов 30 минут стакан чая с вафлями, в 18 часов стакан чая с вафлями и до утра ничего (кроме конфет, их ем много). Никакого чувства голода, желания поесть нет, хожу по дому нормально, голова работает, как всегда. Но как-то ходил на почту, очень устал, пришел весь мокрый от пота, долго сидел, пока отдышался, хотя шел не быстро, с палкой. Образ жизни у меня прежний: с 6 до 7 утра слушаю радио, в 8 часов встаю, моюсь, одеваюсь и принимаюсь за чтение, которым занимаюсь весь день до 11 часов вечера, когда ложусь.

У меня для Вас лежит «Новый мир» № 12-83 и 1-84 г., м. ш. п.[2] № 10-83 г. На днях соберусь на почту.

У нас опять много снега, ходить тяжело; сегодня похолодало — 15° мороза, а те дни было 3–8°.

Если со мной что-нибудь случится, то Вас администрация должна известить, а Вас я прошу сообщить об этом[3]:

1) Жуковский Юрий Константинович — тел. 492 8971.

2) Цесевич Владимир Платонович — тел. 282 4176.

3) Гусяк Дарья Юрьевна — 281370 Хмельницкая обл., Волочиск, Зализничная, 48.

4) Керсновская Ирина Николаевна — 470006 Караганда, ул. Кривогуза, 17, корп. 4, кв. 5.

5) Григорьян Светлана Николаевна — 344019 Ростов-на-Дону, ул. Налбандяна, 56/58.

6) Лашкова Вера Иосифовна — 171061 Калининская обл., Бологовский район, п/о Тимково, Дмитровка.

---

[1] Брежнева.

[2] Машинопись (?). Точное значение этой аббревиатуры раскрыть не удалось.

[3] Далее следуют имена, телефоны и адреса нескольких близких Б. Г. Меньшагину друзей. Все они по отдельности зачеркнуты: зачеркивала, очевидно, Н. Г. Левитская — по мере того, как уведомляла этих людей о его смерти.

7) архиепископ Пимен — П. Хмелевской — 410002 Саратов, Первомайская 27а (обращаться к нему следует: Ваше высокопреосвященство).

Недавно было письмо от Веры, она по курсовке побыла в Пятигорске, довольна.

21.II вечером по новостям я услышал о смерти Шолохова и сказал об этом нашим жителям, наиболее культурным, и в ответ услышал: «Какой Шолохов?»

Да... Надоело жить.

Желаю Вам всего хорошего. Привет Наташе, Софье Ивановне, Кире, Вале с Ирой, Толе, Качественному.

<Подпись>

P. S. Пасха не поздняя — 22.IV.

Я давно не был в церкви, боюсь — не дойду.

В. И. Лашковой, 5 апреля 1984 г.

Дорогая Верочка!

Вашу открытку получил 2.IV. Спасибо за Ваш хороший отзыв обо мне.

Когда мы будем переезжать в Кандалакшу, пока неизвестно. Вообще подобные переезды и столь частые (сюда мы приехали из Княжьей Губы 22 мая 1981 г.) — плод бюрократического недомыслия чиновников из Мурманской области и из Министерства социального обеспечения РСФСР.

Где придется провести Пасху 23.IV, неизвестно. Хотелось бы здесь, так как обстановка неплохая, со мной живут 2 человека: глухонемой 79 лет, живет со мной уже более 10 лет, и лодырь 56 лет с парализованной левой рукой, всё время валяющийся на кровати, что совсем не вызывается состоянием его здоровья.

У нас сейчас тоже похоже на весну: ярко светит солнце, t^{o} днем 3° тепла, хотя всё еще покрыто снегом.

Я чувствую себя плохо; сегодня всю ночь тошнило, хотя вечером я выпил только чашку чая, а в обед ложек 10 щей и кружку компота.

Сильная слабость, голова кружится, хожу по дому с трудом, а вне его давно не был. Если доживу до мая, хотелось бы еще раз съездить в Москву.

Когда переедем в Кандалакшу, немедленно сообщу новый адрес.

Есть ли какие сведения о Гарике? Где он?

Желаю Вам здоровья и бодрости. Хорошо было бы, если на Страстной и Пасхе удалось бы Вам побывать в Москве.

Всего хорошего.

P. S. Имеете ли Вы переписку с Ариной? Где они?

<Подпись>

ДОКУМЕНТЫ

№ 1. ИНСТРУКЦИИ И НАСТАВЛЕНИЯ БУРГОМИСТРАМ
(Лето–осень 1941 г.)

<1>
Инструкция для бургомистров, волостных старшин и сельских старост

[Не ранее 15 июля 1941 г.]

Бургомистр назначается германскими военными властями. Он является представителем волости и начальником всех лиц, работающих при волости. Он получает указания [германских] военных властей и отвечает за соблюдение спокойствия и порядка в своей волости. Его управление должно иметь вывеску на немецком и русском языках.

I

1. Бургомистр обязан отдавать в распоряжение германской армии нужные квартиры со всеми принадлежностями, [а также] и рабочую силу. Квартирные списки должны быть приготовлены [заранее].

2. Оружие и амуниция [должны] сдаваться германским властям. О военной добыче и складах обязательно докладывать. Бургомистр обязан арестовывать бродячих русских солдат и отдавать их в распоряжение полевой комендатуры. Несоблюдение этих распоряжений карается германскими военными законами.

II

3. Бургомистр отвечает за размещение населения.

4. Бургомистр составляет списки всех жителей, которые проживали в волости до июня 41 года.

5. Каждому жителю старше 16 лет должно быть выдано удостоверение личности. (Согласно с плакатом «Объявление для занятой области».)

6. Возвращение беженцев в местности восточнее Березины пока запрещено.

7. О всех иностранцах и их имуществе докладывать с указанием имени и фамилии местным комендатурам (плакат «Объявление для занятой области» от 15 июля 1941 г.).

8. По указанию местных комендатур формируется вспомогательная служба порядка с известными полицейскими полномочиями. Белые повязки затребовать в местной комендатуре.

9. Работа в обществах и союзах и основание новых — воспрещено.

10. Всякие собрания запрещены, за исключением служебных совещаний в учреждениях. Всякие шествия запрещены. В религиозные праздники шествия могут разрешаться полевой комендатурой.

11. Все эмблемы Советской власти и знаки Коммунистической партии должны быть устранены.

12. Запрещается держать голубей. Все голуби, находящиеся на территории волости, должны быть собраны и сданы.

13. Собаки должны быть на цепях. Бродячие собаки будут убиваться.

14. Всякое печатание без особого разрешения запрещено. Для содержания типографии также требуется разрешение.

15. Каждый бургомистр обязан содержать в порядке улицы и дороги своей территории. Назначается дорожная служба. Белые повязки затребовать в местной или полевой комендатуре. Жители населенных местностей отвечают за чистоту улиц. Каждый домовладелец отвечает за чистоту улицы против своего дома.

16. На важнейших пунктах населенных местностей должны быть сооружены подвесные доски, где обязательно вывешиваются все объявления. Доски должны быть известной величины.

17. Пожарные команды должны содержаться в работоспособном состоянии, а где таковые не существуют, должны быть основаны. Красные повязки затребовать в полевых или местных комендатурах.

18. С наступлением темноты до света обязательно полное затемнение.

19. Школы остаются закрытыми.

20. Бургомистр должен составить бюджет волости (с приходами и расходами волости) на каждые три месяца вперед, кроме того, обязательно вести бухгалтерию текущих приходов и расходов.

21. Евреи обозначаются желтыми пятнами. («Объявление для Занятой области»). В волостях выбирается еврейский совет («Объявление для занятой области» от 15 июля 1941 г.). Евреям запрещена перемена местожительства.

22. При венерических и заразных болезнях лечение обязательно. Врачи обязаны заявлять о случаях заболевания. («Объявление для занятой области» от 27 июля 1941 г.).

23. Частному населению охота запрещена. За браконьерство — смертная казнь.

24. Все радиоприемники и отправители должны быть немедленно отданы местной или полевой комендатуре.

III

А) 1. Совхозы и колхозы пока продолжают существовать.

2. Уборка урожая, поскольку еще не проведена, должна быть немедленно закончена, в случае надобности при содействии всего населения. Медлительность проведения работы и саботаж караются военными законами. Урожай охраняется вспомогательной службой порядка. Самовольная выдача запрещается.

3. Осенняя подготовка полей к посеву должна начаться немедленно. Бургомистр отвечает за содержание в порядке сельскохозяйственных машин, принадлежностей и т. п. их владельцами.

4. Самовольный убой скота строго запрещен.

5. Нарушение этих постановлений карается германскими военными законами.

6. Рубка и перевозка леса для местных нужд запрещены («Объявление для занятой области» от 27 июля 1941 г.).

Б). 1. Бургомистры обязаны немедленно составить список всех находящихся на их территории сельскохозяйственных, лесопромышленных, ремесленных и промышленных предприятий с указанием:

а) род предприятия; б) величина и производственная способность; в) местонахождение; г) работоспособно ли предприятие и когда может начать работу.

2. При сельскохозяйственных предприятиях, кроме того, должен составляться список имеющихся машин: тракторов, повозок, автомашин и скотоводства.

Перепись скота проводится отдельно по каждому роду и разделению на:

а) рабочий скот (покинутые военные лошади, лошади и рабочие быки);

б) племенной скот;

в) убойный скот.

3. Об эпидемических заболеваниях животных немедленно сообщается полевой комендатуре.

Эта инструкция является только кратким очертанием задач бургомистра. В общем считаются обязательными приказы, распоряжения и объявления германских военных учреждений. Для выяснения возможных сомнений бургомистр обращается к соответствующей местной комендатуре. Для переговоров в полевой комендатуре обращаться к соответствующим делопроизводителям.

Германская армия — враг большевизма, но она поддерживает и покровительствует каждого русского гражданина, в особенности бургомистра, который противодействует большевизму.

<2>
Наставление бургомистрам

<Без даты>

I. Выдача разрешений на поездки

Для всех поездок необходимы специальные разрешения. Эти разрешения выдаются Местной или Полевой Комендатурой и должны быть подписаны офицером или чиновником в офицерском чине. Выдача этих разрешений производится только в особо срочных обоснованных единичных случаях и принципиально только тогда, когда поездка в интересах Германской Армии (например, поездка рабочего-специалиста на место промышленности). Все до сих пор выданные разрешения недействительны, они забираются и отдаются соответствующей Местной Комендатуре.

II. Железнодорожное сообщение для частных лиц

Бургомистры обязаны немедленно вывесить в городах и местностях объявления нижеследующего содержания:

«до особого распоряжения запрещается частным лицам:

а) ездить по железной дороге.

б) находиться на железнодорожных путях сообщения и зданий. (Лица, занятые на железной дороге, исключены.)

в) Вспрыгивать в поезд на ходу.

г) Влезать в поезд во время стоянки.

В случае нарушения этого запрета Германской охране дано распоряжение пользоваться огнестрельным оружием.

III. Поставка подвод для дорожного строительства

Бургомистры и районные бургомистры должны позаботиться, чтобы затребованные дорожно-строительной управой подводы для исправления военно-важных дорог были бы непременно поставлены. В случае, если волости, находящиеся у названных дорог из-за продолжения начатых сельскохозяйственных работ сами не в состоянии предоставить все затребованные подводы, районные бургомистры притягивают к этой повинности тогда ближайшие волости. В отдельных волостях следует составить для дорожных работ гужевую повинность для отдельных владельцев подвод с тем расчетом, что отдельные владельцы подвод могли бы чередоваться и друг друга сменять.

IV. Борьба с бешенством

Для борьбы с бешенством введено следующее вступившее в силу распоряжение:

1. Собак частных лиц следует держать на цепи или водить на привязи.

2. Свободно бегающие собаки и кошки расстреливаются.

3. В случае обнаружения бешенства у животных следует их немедленно умертвлять. Это же относится к животным, заподозренным в бешенстве.

4. Павшие животные сжигаются или закапываются в такой глубине, чтобы не могли быть вырыты другими живвотными.

Бургомистры оповещают во всех городах и местностях настоящее распоряжение, путем вывешивания объявлений или другим обычно принятым способом.

Полевая Комендатура Отд. VII. Военное Управление

<3>
Наставление бургомистрам

<Без даты>

I. Удостоверения личности

1) Вскоре пересылаются бургомистрам новые формуляры с немецким и русским текстом для выдачи удостоверений личности, которые должны провести бургомистры.

По получении их воспользоваться для выдачи названных удостоверений исключительно этими новыми формулярами.

2) Лицам, имеющим русские паспорта, новые удостоверения личности не выдаются, но в паспортах делается следующая отметка на немецком и русском языках:

Der...wurde am...........................
Фамилия, имя, отчество
von der Meldeabteilung der Gemeinde ....
ведомственным отделом Волости
unter Registernummer ....erfasst.
взят на учет под №
(Ort).............., den.......
число
Stempel
Печать
Unterschrift des Bürgermeisters
Подпись бургомистра

Кроме этих данных, в русском паспорте вписываются сведения, требующиеся в новых формулярах, а также указываются прочие сведения о семейном положении, если о них не упоминается в старом паспорте.

3) Если прописывающий[1] имеет свою фотокарточку, то ее надо вклеить в удостоверение личности и пропечатать, а если последней нет, то на место вклеивания фотокарточки вписывают следующие слова: Фото не может быть предоставлено.

4) Формуляры для удостоверений личности должны быть пронумерованы.

При выдаче удостоверений личности бургомистрами составляются списки соответственно нумерации выданных удостоверений.

По мере возможности владелец удостоверения должен представить другую фотокарточку для контроля, которая хранится у бургомистра под номером удостоверения личности.

5) Удостоверения личности выдаются сроком на 3 месяца и могут быть продлены только волостью, выдавшей это удостоверение.

6) На удостоверениях личности, выданных лицам неоккупированной территории, ставится буква «F» и начальная буква русского слова «чужой».

7) Выдача удостоверений личности жидам не разрешается.

8) Формуляры для удостоверений личности постоянно должны храниться под замком.

II. Запрещение переходов

1) Переход за границу данной волости в другую категорически запрещается.

Допускается переход только в следующих исключительных случаях:

а) Поездка в округа, находящиеся в ведении Главнокомандующего округа, разрешается местной или полевой Комендатурой, дающей проездное разрешение в исключительно уважительных случаях.

б) Поездка за пределы округа, находящегося в ведении Главнокомандующего округа, разрешается только при ходатайствовании начальника местной или полевой Комендатуры; проездной билет выдается в пропускном пункте ОСТ.

в) Для выполнения служебных обязанностей разрешается езда и ходьба на место службы (на производство, при оказании врачебной помощи, на рынок и т.д.). Любой немецкий офицер или назначенный в округе немецкий сельскохозяйственный советник имеет право выдать местный пропуск по следующему образцу:

Местный пропуск.

Имя и фамилия

Род. ______________ в ______________

национальности____________________

право перехода из волости____________в волость___________ и обратно

---

[1] По смыслу должно быть: «прописывающийся».

Цель перехода____________________

Местный пропуск годен по_________

Место выдачи и число_____________

(Служебная печать)   Подпись

2) Бургомистры выдают особые удостоверения на немецком и русском языках согласно прилагаемому при сем формуляру в тех случаях, если для получения упомянутых в п. 1 разрешений на проезд в пределах и за пределы округа понадобятся поездка либо переход за пределы волости. Такие удостоверения разрешается, однако, выдавать лишь лицам, получившим удостоверения личности за подписью бургомистра или имеющим паспорта с дополнительными отметками согласно 1, п. 2.

III. Дорожно-строительное дело

1) Для содержания в исправности главных проходных дорог Полевыми Комендатурами в некоторых городах учреждены «Дорожно-строительные управления».

Служащие этих управлений Полевыми Комендатурами снабжаются особыми удостоверениями (свидетельствами о состоянии на службе)

2) Для содержания всех остальных дорог в районных управлениях устраиваются «дорожно-строительные отделы», пользующиеся в переписке заголовком:

Районный бургомистр

(место расположения):

— Дорожно-строительный отдел.

Дорожно-строительные отделы подлежат техническому руководству соответствующих дорожно-строительных управлений, в остальных же отношениях они подведомственны Полевым Комендатурам.

Служащие и рабочие дорожно-строительных отделов оплачиваются районными управлениями по нормам, которые применялись к 22.6.1941.

Полевая Комендатура Отд. VII. Военное Управление

<4>
Наставление бургомистрам

<Без даты>

I. Борьба с партизанами

1) Так как партизаны и бродяжничающие красноармейцы всё еще продолжают тревожить некоторые районы, оказывается необходимым, чтобы частное население принимало бы более интенсивное участие

в преодолении этих нарушителей спокойствия. Без сомнения, само частное население в высшей степени заинтересовано в том, чтобы окончательно избавиться от партизан, постоянно беспокоящих и подвергающих его опасности.

Поэтому каждый обязан активно содействовать в борьбе с ними.

Уклоняющихся от такого содействия будут считать приверженцами большевизма и с ними будут обращаться соответственно.

В связи с этим бургомистрам заботиться об охране своих волостей от партизан посредством надлежащего привлечения к сему населения.

В объявлении, уже разосланном бургомистрам, Главнокомандующий областью постановил:

а) Все бургомистры и деревенские старшины несут ответственность за безопасность и спокойствие в пределах своих волостей и деревень, причем соответствующая охрана должна производиться денно и нощно при помощи службы порядка и, по мере надобности, путем привлечения добавочных сил из числа обитателей данных участков.

б) Под угрозой высшей мерой наказания [бургомистры] волости привлекаются к ответственности за случаи набегов партизан в пределах порученной им сторожевой службы.

в) Смертной казнью наказывается тот, кто без разрешения на то бургомистра приютит непринадлежащие к волости лица либо вспомоществует таковым предоставлением съестных припасов или же каким-нибудь иным способом.

2). Для выполнения данного Главнокомандующим областью постановления бургомистрам следует распорядиться следующим образом:

а) Привлеченные к сторожевой службе местные жители для отличия снабжаются обычной белой повязкой службы порядка с добавочным словом “Hilfspersonal” (**дополнительный обслуживающий персонал**). Удостоверений же они не получают. В связи с этим разрешается использовать их лишь внутри пределов селения, в котором они проживают либо в ближайшей его окрестности.

б) В случае, если отражение партизанского набега силами самой волости невозможно (например: из-за превосходства количеством или боевым вооружением нападающего отряда), сейчас же, не прекращая своего сопротивления, следует известить ближайшую воинскую часть о присутствии партизан.

в) Если в случае обнаружения партизан по близости дорог их уничтожение местными силами охраны не удается, выставляются у рубежей находящихся в области партизанских действий дорожных участков **посты для предостережения** проезжающих германских военнослужащих. Эти посты дают им указания о месте действий партизан.

Жителям, получающим сведения насчет местопребывания партизан и местонахождения запрятанного ими оружия либо другого их снаряжения, вменяется в обязанность немедленно доносить об этом ближайшей немецкой воинской части, своему бургомистру или начальнику службы безопасности.

II. Запрет хождения за пределы волости

1) Еще раз указывается на то, что запрещается ходить за пределы волости. Всякие частные лица, расхаживающие вне границ волости, не обладая предусмотренным пропуском, будут заподозрены в партизанстве. Их заберут и отправят для проверки в ближайший лагерь для беженцев или военнопленных. Бургомистрам вменяется в обязанность донести населению своих волостей соответствующие разъяснения, настоятельно предостерегая их отправляться за пределы волости без предусмотренного на торазрешения и пропуска.

2) Если проверка отправленных в лагеря вышеуказанных частных лиц обнаружит их благонадежность в политическом и криминальном отношении, то их передадут ближайшему бургомистру для регистрации, выдачи удостоверений личности, определения на работу и для назначения им квартиры.

III. Права бургомистров по наложению административного взыскания

Для охраны общественного порядка и безопасности право наложения взысканий в административном порядке предоставляется бургомистрам в следующих случаях и размерах.

1) Наложение названных взысканий разрешается лишь за более или менее незначительные проступки, которые никоим образом не должны касаться интересов германской армии. Исключаются также проступки насильственного характера (например: грабеж, расхищения и пр.). В этих случаях требуется немедленное извещение Полевой либо Местной Комендатуры.

2) Взыскания могут быть следующие:

а) Денежный штраф в размере до 1000 рублей,

б) заключение на срок до 14 дней,

в) принудительная работа сроком 14 дней,

3) Решение относительно наложения взыскания должно выноситься письменно и подлежать вместе с краткой докладной немедленному препровождению соответствующей Полевой или Местной Комендатуре на утверждение.

4) Приведение взыскания в исполнение разрешается лишь после утверждения со стороны Полевой или Местной Комендатуры.

5) Бургомистры обязаны вести описи наложенных в административном порядке взысканий по следующей форме:

ВЕДОМОСТЬ ВЗЫСКАНИЙ
волости
Имя и фамилия нарушителя
Поступок
Взыскание
Приведение в исполнение, да-нет
Дата вынесения постановления о наложении взыскания

IV. Ящур

1) В случаях возникновения ящура или заподозривания в заболевании им скота бургомистры и ветеринарно-медицинский персонал обязаны сейчас же заявить об этом ближайшей воинской части.

2) В отдельных дворах в др. сельскохозяйственных единицах с воцарившимся в них ящуром безотлагательно устанавливается карантин, т. е. объявляется запрет посещения их посторонними за исключением ветеринарно-медицинского персонала и остановки в них проходящих [воинских частей].

Для селений, охваченных ящуром, объявить запрет ввоза, вывоза и прогона рогатого скота ("Sperrbezirke" — **запретная зона**).

Жителям отдельных дворов и. др. сельскохозяйственных единиц, находящихся под карантином, посещение чужих дворов запрещается. Также запрещен совместный выгон на пастбище зараженного скота запретной зоны. Зараженный скот следует держать в хлеву. Запретные зоны и находящиеся под карантином дворы обозначить соответствующими вывесками с надписями.

2) Запрещен увоз молока, продуктов его обработки, корма, средств для подстилки животным и навоза из находящихся под карантином дворов и др. сельскохозяйственных единиц. Молоко разрешается использовать только лишь для себя и то — **после кипячения**.

4) Ликвидация ящура объявляется на основании расследований ветеринарных врачей Полевых Комендантур либо уполномоченных этими же комендатурами местных ветеринарных врачей. Лишь после этого разрешается удаление вывесок с надписями.

V. Введение немецкого языка в служебной переписке

Бургомистрам городских волостей снова напоминается, что объявления местных учреждений полагается составить не только на русском, но и на немецком языке, причем немецкий текст должен помещаться по отношению к читателю на левой, а русский — на правой стороне.

В случае возникновения затруднений с переводом заявить об этом подлежащей Местной или Полевой Комендатуре.

Полевая Комендатура. Отдел VII. Военное управление

<1>:

Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. 1941–1943. Документы и материалы. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1962. С. 484–486. Со ссылкой на: ГАСО. Ф. 2739. Оп. 1. Д. 1. Л. 66. Типографский экземпляр на немецком и русском языках. Здесь: с сохранением лексики перевода и коньектур публикатора, но без его примечаний и с исправлением датировки (было: «не ранее 27 июля»).

<2>–<4>:

ГАСО. Ф. Р-2573. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–10. Печатный текст. Стилистика оригинала сохранена.

№ 2. «МЕНЬШАГИНСКИЙ БЛОКНОТ»[1]. (Август 1941 – июль 1946 г.)

<1>
Рабочие записи из блокнота Меньшагина

Август–ноябрь 1941 г.

ВЫПИСКА

из рабочей записи бургомистра города Смоленска МИНШАГИНА, относящейся к августу–ноябрю 1941 года

1. Образовался евр. комитет под упр. ПРИНСОНА
2. В этот комитет будут входить 5 евреев, которые 1/VIII[2] в 13 час.[3]
3. Комитет находится под упр. н-ка города.
4. Весь город, кроме евр. квартала, должен быть до 16 час. 5/VIII освобожден евреями.
5. Все евреи, которые после этого срока останутся в городе, будут арестованы и расстреляны.
6. Из района поселения евреи не имеют права выходить без особого разрешения, выдаваемого комендантом города или полицией.
7. Район евр. поселения должен быть огражден проволокой и в дальнейшем должно быть выстроено массивное ограждение.
8. Квартиры, освобожденные от евреев, поступают в распоряжение начальника города для заселения.
9. Еврейский комитет обязан представить список освобожденных евреями квартир гор. управе.
10. Все бежавшие евреи, возвратившиеся в город после указанного выше срока, не имеют права выносить из ранее занимавших ими квартир имущества.
11. Всем евреям в Смоленске запрещено иметь непосредственное сношение с управлением н-ка города и равно с русским населением. Эти отношения осуществляются лишь через еврейский комитет.
12. Все евреи, достигшие 10-летнего возраста, обязаны нашить на одежду красный знак из толстой материи[4] – длина 10 сантим. Эти знаки по-

---

[1] В настоящем документе орфография и пунктуация оригинала сохранены.
[2] В оригинале не 1, а 4 августа.
[3] Очевидно, дата вызова Пайнсона и др. членов юденрата в комендатуру.
[4] Неверное прочтение оригинала. Надо: «круглый знак из желтой материи».

мещаются на правой стороне груди и на правой стороне спины. Евреи, обнаруженные после 16 час. 5/VIII без указанных знаков должны быть задержаны и препровождены немецкой полиции (здание б. НКВД) для расстрела.

13. Снабжение евреев продовольствием и другими товарами производится ими собственным попечением.

I. Гор. управа должна иметь:

1. Специалиста по электр.
2. — “ — по водопроводу
3. — “ — по организации и восстановл[ению] фабрик
4. — “ — по мелкой промышлен. и ремеслам.
5. — “ — по строит. и благоустройству города.
6. — “ — по снабжению продовольствием и общ. питанием
7. — “ — по сельскому х[озяйст]ву
8. — “ — по распределению рабочей силы.

Жители, приехавшие после 28[1] из деревни, подлежат возвращению в свои деревни, на что они получают от управы города предписание.

II. Об’явить населению, что все жители старше 16 лет указанием комендатуры и управл. городом подлежат трудовой повинности до посл. распоряжения, причем отказ преследуется по законам военного времени.

III. Для предотвращения пожаров и грабежей организовать городскую охрану в количестве 10-и чел.

1V. Найти помещение с обширным залом для публики, устроить доску для объявлений и приказаний, регулировать прием и дачу справок.

V. Организовать типографию для выпуска газеты.

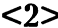
VI. Немцев и лиц немецкого происхождения командировать в полицию.

VII. Организовать таксировку помещений д[ля] квартплаты.

VIII. О большевиках, комиссарах немедленно сообщать полиции.

IX. Священники в понед. в 15 час.

Из письма Б. Кобулова А. Щербакову
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 174. Л. 144–146. Машинопись, копия).

<2>

Из «справки о результатах предварительного расследования так называемого “Катынского дела”»

Январь 1944

<П. 1–3 пропущены в публикации>

4. Весь город, кроме евр[ейского] квартала, должен быть до 16 часов освобожден евреями.

---

[1] Очевидно, июля.

5. Все евреи, которые после этого срока останутся в городе, будут арестованы и расстреляны.

6. Из района поселения евреи не имеют права выходить без особого разрешения, выдаваемого комендантом города или полицией.

7. Район евр[ейского] поселения должен быть огражден проволокой и в дальнейшем должно быть выстроено массивное ограждение.

8. Квартиры, освобожденные от евреев, поступают в распоряжение начальника города для заселения.

<Далее – пропуск в публикации>

11. Всем евреям Смоленска запрещено иметь непосредственное сношение с Управлением начальника города и равно и с русским населением. Эти отношения осуществляются лишь через Еврейский комитет.

12. Все евреи, достигшие 10-летнего возраста, обязаны нашить на одежду круглый знак из желтой материи диаметром 10 см. Эти знаки помещаются с правой стороны груди и на правой стороне спины. Евреи, обнаруженные после 16 часов 5.8 без указанных знаков, должны быть задержаны и препровождены в немецкую полицию (здание бывшего НКВД) для расстрела.

Объявить населению, что все жители старше 16 лет по указаниям комендатуры и Управления городамподлежат трудовой повиннности до распоряжения, причем отказ преследуется по законам военного времени.

VI. Немцев и лиц немецкого происхождения командировать в полицию.

VIII. О большевиках, комиссарах немедленно сообщать полиций.

О работе суда, прокуратуры, адворкатуры.

Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру.

<Далее – пропуск в публикации>

11. Борьба с партизанами и наблюдение за ними...

13. Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз[ьих] Гор[ах] (УМНОВУ).

Сообщение специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров. М.: Государственное издательство политической литературы, 1944. С. 19–20. Одновременно и фрагмент-цитата из «Справки о результатах предварительного расследования так называемого "Катынского дела"» (ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 114. Д. 6. Л. 21–22. Машинопись).

<3[1]>

«Фотоснимки некоторых собственноручно сделанных б. начальником гор. Смоленска Б. Меньшагиным записей в своем блокноте»

Август–ноябрь 1941, октябрь 1943 – январь 1944

<1, л. 5>

1. Образовался евр[ейский] комитет под упр[авлением] Пайнсона.

2. В этот комитет будут входить 5 евреев, которые 4-/VIII в 13 часов.[2]

3. Комитет находится под управл[ением] н[ачальни]ка города.

4. Весь город, кроме евр[ейского] квартала, должен быть до 16 час. 5/VIII освобожден евреями.

5. Все евреи, которые после этого срока останутся в городе, будут арестованы и расстреляны.

6. [В еврейском квартале] Из района поселения евреи не имеют права выходить без особого разрешения, выдаваемого комендантом города или полицией.

7. Район евр. поселения должен быть о[граж]

<2, л. 6>

ден проволокой и в дальнейшем должно быть выстроено массивное ограждение.

8. Квартиры, освобожденные от евреев, поступают в распоряжение Н[ачальни]ка города для заселения.

9. Еврейский Комитет обязан представить список освобожденных евреями квартир в гор[одское] управление.

10. Все бежавшие евреи, возвратившиеся в город после указанного выше срока, не имеют права выносить из ранее занимавшихся ими квартир имущества.

11. Всем евреям Смоленска запрещено иметь непосредственное сношение с Управлением Н[ачальни]ка города, и равно и с русским населением. Эти отношения осуществляются лишь через Евр[ейский] комитет.

---

[1] В угловых скобках — индексация страниц фотостата: номера — страницы в архивной единице хранения; номера с указанием листа («л.») — пагинация блокнота или отобранной для пересъемки выборки; номера с указанием страниц — сводная пагинация первоисточника, известная нам из «Сообщения ЧГК». Двойными квадратными скобками выделены фрагменты, по каким-то соображениям не включенные в подборку фотографий. Подозреваемые в фальсификации фрагменты выделены полужирным шрифтом.

[2] Очевидно, дата вызова Пайнсона и других членов юденрата в комендатуру.

<3, л. 7>

12. Все евреи, достигшие 10-летнего возраста, обязаны нашить на одежду [же[1]] круглый знак из желтой материи — длина 10 сантим[етров]. Эти знаки помещаются на правой стороне груди и на правой стороне спины. Евреи, обнаруженные после 16 час. 5/VIII без указанных знаков, должны быть задержаны и препровождены немецкой полиции (здание б. НКВД) для расстрела.

13. Снабжение евреев продовольствием и другими товарами производится ими собственным попечением.

<4, л. 8>

[[I. Горуправа должна иметь: 1. Специалиста по электр[ичеству]; 2. Специалиста по водопроводу; 3. Специалиста по организации и восстановл[ению] фабрик; 4. Специалиста по мелкой промышлен[ности] и ремеслам; 5. Специалиста по строит[ельству] и благоустройству города; 6. Специалиста по снабжению продовольствием и общ[ественному] питанию;]] 7. Специалиста по сельскому х[озяйст]ву; 8. Специалиста по распределению раб[очей] силы.

(Жители, приехавшие после 28[2] из деревни, подлежат возвращению в свои деревни, на что они получают от управл[ения] города предписание).

II. Объявить населению, что все жители старше 16 лет указанием комендатуры и управл[ения] городом подлежат трудовой повинности до посл[едующего] распоряжения, причем отказ преследуется по Законам военного времени.

<5, л. 9. Поле фотографии срезано значительно ниже, чем обычно>

[[III. Для предотвращения пожаров и грабежей организовать городскую охрану в количестве 10 чел.

1V. Найти помещение с обширным залом для публики, устроить доску для объявлений и приказаний, регулировать прием и дачу справок]].

V. Организовать типографию для выпуска газеты.

VI. Немцев и лиц немецкого происхождения командировать в полицию.

VII. Организовать таксировку помещений д[ля] квартплаты.

VIII. О большевиках, комиссарах немедленно сообщать полиции.

[[IX. Священники в понед[ельник] в 15 час.]]

---

[1] В этом месте стояло зачеркнутое «же» — очевидно, это начало отброшенного слова «желтый».

[2] Очевидно, июля.

<6, л. 10>

Райский — 1. Схему аппарата
2. цыгане, коммун[исты], <нрзб>, склад
3. Полиция
4. Не слова, а дела
5. Укомплектование

Ефимов Н. Е.[:] оказание мед[ицинской] помощи — в каком порядке?

Меландер[:] первоочередные задачи — полиция и изд[ания].

Базилевский, — создать управу.

Ефимов И. Е. — 1. Схему аппарата
2. Распред[еление] обязанностей: неск[олько] работ-ник[ов]
3. Объявить о выселении прибывших из деревни и о квартплате.

<7, л. 11 — с. 10>

15 августа 1941 г.[1]

Строит[ельный] отдел — найдены матер[иалы] пр[ошлогоднего] бюдж[ета].

Отремонт[ировать] здание управы АДМ[ИНИСТРАТИВНЫЙ] ОТД.

Сооружение уборных

Ремонт обсерватории

Расп[ределительный] отд[ел] — эл[ектро]ст[анция], водопровод, механ.<нрзб>, баня, молокозавод, промыслы

с[ельско]х[озяйственный] отд[ел], <нрзб> предпр[иятия].

Торг[овля] и промышл[енность].

Адм[инистративный] отд[ел][2].

Всех бежавших **поляков**[3] военноплен[ных] задерживать и доставлять в комендатуру.

Комендантов на бол[ьшие] здания, занятые жильцами, и на все здания, занятые немцами.

1. Машина ок[оло] Сабуровки. Глинк. р.[4]

---

1 Запись на печатной строке-заготовке для даты (цифры 194 набраны типографским способом). Случай попадания в кадр фотостата части фирменного колонтитула блокнота («Начальник Смоленского областного управления государственной безопасности»).

2 Эта запись размещена на листе выше и возле правого края страницы.

3 Место фальсификации: замена словом «поляков» слова «советских».

4 За скобкой. Относится ко всем нумерованным строкам.

2. Шофер Демидов.
~~3. Лошадь «Верный путь»~~[1]
~~Осмотр. Хлебозавода № 1.~~
~~Эл. станция — на Рачевке.~~
Дрова.
О работе суда, прокуратуры, адвокатуры[2].

<8, л. 12>
29 VIII 1941 г.
~~Кто был быв[ший] председатель уголовного [суда] в Смоленске — Ни<нрзб>]~~
Волков Ив. Степ.
Ст. Росл., 8 Трофимов
Завод № 2. Анищенков Андрей — (коммунист).
Костенко Ст[арший] инсп. Ефим (канд[идат] ВКП(б) и жена-депутат).
~~по делу Александрова объяснения~~
~~Чертеж театра — т. Райский~~
Списки — расход.
Либеровская — Шевченко
~~Райский — кража дров.~~
~~“ — [ремонт мостов[]~~
19 — 5 тыс. Кр[асной] Армии
30 [тыс.] — нас.
Зарплата занижена.

<9, л. 13, с. 15>
<u>Охрана города</u>
1. разбор строений и борьба с ним
2. меновая торговля
3. ~~дознание Петрова о незак[онных] изъятиях~~
4. конфискация лошадей
5. <нрзб> молокозавода
6. охрана кассы
7. борьба с ворами
8. сдача награбл[енного] имущ[ества]
9. Бердиев
10. помещение д[ля] S. D.
11. борьба с партизанами и набл[юдение] за ними.

---
1 Предположительно, название довоенного колхоза.
2 Эта фраза взята в овальную рамку.

12. где изъяты седла?

13. Ходят ли среди населения слухи о расстреле **польских** военнопленных в Коз[ьих] Гор[ах] (Умнову).[1]

ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 114. Д. 12. Л. 4–13. Фотостат страниц 1–9 оригинала — записей в блокноте с типографским грифом: «Начальник смоленского областного управления государственной безопасности» и даты: «...1941 г.» на каждой странице. На фотостатах страниц грифы блокнота повсюду обрезаны.

Известный из Документа № 2.2 фрагмент — «3. Священников, старосту, Алферчика и др. командировать в СД и Буевича, ком. 218» — в число перефотографированных страниц не попал.

---

[1] П. 13 — предполагаемая вписка.

№ 3. Б. Г. МЕНЬШАГИН. РАСПОРЯЖЕНИЯ (12 августа 1941 — 15 декабря 1942 г.)

Распоряжения начальника г. Смоленска и начальника Смоленского района

№	Даты	Содержание
		1941
1	12.08	Об очистке и улиц и площадей
2		<Не выявлено>
3	19.08	О регистрации населения и выдаче удостоверений личности
4	21.08	О сдаче личных велосипедов
5	22.08	О сдаче коммунистической литературы
6	25.08	О порядке приема граждан на лечение в городскую больницу
7	26.08	О предотвращении уничтожения архивных материалов
8	29.08	О порядке проведения регистрации населения (дополнение к распоряжению № 3)
9	28.08	О налогообложении
10	29.08	О стоимости медицинских услуг городской больницы
11	30.08	О введении комендантского часа
12	01.09	О порядке очистки улиц и площадей (дополнение к распоряжению № 1)
13	01.09	О введении трудовой повинности
14	02.09	О регистрации работников железнодорожного транспорта
15		<Не выявлено>
16	03.09	О взимании квартплаты
17	05.09	О порядке регистрации населения (дополнение к распоряжению № 8)
18	16.09	О порядке убоя скота на мясо
19	16.09	О профилактике пожаров
20	22.09	О порядке простоя лошадей на соборном дворе
21	19.09	О стоимости ветеринарных услуг
22	19.09	О введении вывесок на русском и немецком языках
23	24.09	О порядке регистрации лошадей, повозок, саней и упряжи
24	24.09	О порядке регистрации частных домовладений
25	26.09	Об обеспечении сохранности водопроводных и канализационных люков
26	27.09	О рыночной торговле
27	04.10	О запрете меновых операций. Приложение: Расценки продажных твердых цен на важнейшие сельскохозяйственные продукты
28	07.10	О стоимости стоматологических и лабораторных услуг
29	08.10	О приведении города в надлежащее санитарное состояние

№	Даты	Содержание
30	14.10	О возврате имущества, незаконно присвоенного жителями в первые дни занятия Смоленска немецкими войсками
31	15.10	Об ответственности за рубку или порчу древесных насаждений
33	17.10	О сдаче и учете противопожарного инвентаря
34	28.10	О завершении переписи населения и введении прописки и выписки
35	12.11	Об изменении порядка убоя скота на мясо (изменение распоряжения № 18)
36	10.11	О введении санитарно-ветеринарного контроля на рынке и прейскуранта цен осмотра и исследования продуктов
37	14.11	О величине платы за посещение врачом по вызову (дополнение к распоряжению № 10)
38	15.11	О мерах по экономии электроэнергии и о светомаскировке
39	20.11	О запрете хищения стройматериалов на развалинах зданий
40	17.11	О ставках квартирной платы (дополнение к распоряжению № 16)
41	26.11	Об обязательной сдаче лыж и принадлежностей к ним
42	24.12	О введении прейскуранта цен на дезинфекцию помещений
43	29.11	О запрете продажи мяса частными лицами и запрете убоя скота на мясо (дополнение к распоряжению № 18)
1*	20.11	О порядке выбраковки лошадей
**	12.12	О порядке учета населения для обеспечения хлебным и прочим довольствием с 01.01.1942 г.
Без №	18.12	Обращение к жителям г. Смоленска и крестьянам о помощи военнопленным
44	13.12	О переименовании улиц, переулков, площадей и парков города Смоленска
45	19.12	О порядке использования электроэнергии гражданским населением
2*	29.12	Об оплате ветеринарных услуг
46	30.12	О порядке привлечения местных жителей к расчистке железнодорожных путей
Без №	30.12	Положение о дворниках
		1942
1	16.02	О налогообложении
3–4	10.01	О социально-страховых взносах на 1942 г.
8	31.01	Об очистке гражданами улиц и тротуаров от снега
10	18.02	О принудительной госпитализации инфекционных больных
12	24.03	О порядке получения разрешений на поездки за черту города
13	07.04	О комендантском часе в апреле–сентябре 1942 г.
14	11.04	Об обязательной регистрации бывших железнодорожных служащих
15	20.04	О составлении подомовых списков жильцов
20	06.05	О перерегистрации могил
22	12.05	О сдаче советского военного обмундирования
24	20.05	О порядке регистрации рождений, смертей и браков
28	28.05	О продлении срока сдачи советского военного обмундирования
29	11.06	Дополнение к требованиям о сдаче советского военного обмундирования
32	18.06	О введении и использовании регистрационных листков

№	Даты	Содержание
33	26.06	О проведении сплошной проверки наличия жильцов и уточнения данных об их прописке
35	10.07	Об обязательной регистрации всех бывших военнослужащих РККА
37	09.07	О наклейках «Русский дом»
38	11.07	О введении рабочих возобновляемых удостоверений
39	19.07	О подушном налоге на 1942 год
44	13.08	О переименовании Католической улицы в Липовую
45	07.08	О налогообложении
47	31.08	О прекращении захоронений на Католическом кладбище и начале на Братском
48	02.09	О недопустимости воровства продуктов с частных огородов
49	09.09	О порядке продажи лошадей
52	16.09	О запрете использования и хранения предметов немецкого военного обмундирования
53	22.09	О сдаче бесхозного огнестрельного оружия
55	23.09	Об установлении комендантского часа в октябре 1942 г.
57	14.11	О регистрации неработающего населения на бирже труда
61	09.12	О прописке и выписке
62	15.12	Об очистке гражданами от снега улиц и тротуаров

* Нумерация со звездочкой — распоряжения Меньшагина как начальника Смоленского района.

** Приказ по управлению Начальника города Смоленска.

Источники: ГАСО. Ф. 2573. Оп. 1. Д. 1; публикации в газете «Новый путь», Смоленск. Подборка некомплектна (не охваченные ею №№ распоряжений по отдельности не оговариваются). Нестыковки в номерах распоряжений и датах вызваны, предположительно, разными сроками их согласования в немецкой комендатуре. Факсимиле нескольких распоряжений см. в: Амелин С.А., Ивочкин Д.А., Трапезников И.А. Смоленск в оккупации. Фотоальбом. СПб.: Историченская иллюстрация, 2015. 436 с.

№ 4. ИЗ СЛУЖЕБНОЙ ПЕРЕПИСКИ СМОЛЕНСКОГО ГОРОДСКОГО И ОКРУЖНОГО УПРАВЛЕНИЯ (Ноябрь 1941 – июль 1943)

<1>

Распоряжение полевой комендатуры местной комендатуре, 6 ноября 1941

Полевая комендатура № 813
Местной комендатуре.
Касательно работы евреев.
Копия: Смоленск, 6.Х1.41 г.
Бирже труда

Согласно распоряжению Хозяйственной инспекции за № 50023/41 от 22.10.41 г., должно быть немедленно проведено исключение евреев из списков безработных.

Настоящим я прошу Вас предписать воинским частям немедленно уволить работающих у них евреев. Если бы в некоторых отдельных случаях возникли затруднения, соответствующая воинская часть должна письменно сообщить об этом в Биржу труда. Биржа труда вынесет в данном случае окончательное решение.

После исключения из списков, у евреев должны быть отняты все находящиеся у них инструменты и взяты на сохранение Управлением Начальника города. Бургомистр должен, согласовав это с Биржей труда, отдать инструменты ремесленникам-арийцам. Конфискация инструментов должна быть сделана местными комендатурами через органы полиции.

Найденное у евреев сырье, которое может быть обработанным, конфискуется и сохраняется. Все евреи должны быть размещены в гетто.

Согласно постановлению № 3 Главнокомандующего тыловой областью от 26.07.41 г., евреям запрещается: без письменного разрешения местной комендатуры менять свое местожительство или квартиру и выходить куда-либо за границы своей общины. Нарушение этого постановления будет сурово наказываться.

В дальнейшем евреи должны быть собраны в отряды для принудительных работ и получать наиболее тяжелые работы. Принудительный труд вводится настоящим распоряжением.

Я прошу Вас коротко сообщать мне, как только будет произведена конфискация инструментов.

Советник Военного Управления — Феллензик.

Господин бургомистр Смоленска получает копию для сведения[1].

<2>
Доклад Начальника города Б. Г. Меньшагина Начальнику полиции безопасности и СД «Смоленск» обершарфюреру СС Масскову, не ранее 21 ноября 1941 г.

К исполнению обязанностей начальника города Смоленска я приступил 25 июля 1941 г., хотя фактически оказалось возможным начать работу лишь с 29 июля, после окончания бомбардировки города со стороны советских войск, занимавших до этого северную часть города (Покровку, Лестровку[2] и Шкляную гору) и обстреливавших оттуда город. Одновременно со мной в Городской Управе начали работать: профессор Базилевский, назначенный моим заместителем, доцент Ефимов К. Е. — ныне городской врач, профессор Ефимов И. Е. — начальник просвещения области, доцент Соловьев И. И. — его помощник и художник Мушкетов В. И. Указанные шесть человек с 29 июля и по 1 августа 1941 г. организовали Городское Управление в настоящем виде.

Смоленск в это время представлял собой покинутое жителями пожарище, на котором ежедневно сгорали и рушились всё новые и новые здания. Жителей на улицах почти не было видно. По нашим ориентировочным прикидкам, их оставалось в городе не более 10 тысяч (вместе с детьми), а до войны Смоленск имел население 160 тысяч, исключая гарнизон военных...

Из учебных заведений сохранились помещения мединститута, пединститута и сельхозинститута, техникумов связи, электротехникума и фармакологического, педучилище и 8 общих школ. Все эти здания сейчас заняты воинскими частями. В Смоленске уцелели музеи: художественный, исторический, историко-революционный и антирелигиозный. Последние два музея ликвидированы, а музеи художественный и исторический приведены в надлежащий вид и охраняются. Для

---

1 На документе пометка рукой Меньшагина красным карандашом: «ТО [Торговому отделу]. Доложить о патентах, выданных евреям. 9.XI.41 г. Б. М-н. Вход. №61. 10/ Х1.41 г.».

2 Обиходное название района на восточном склоне Шкляной горы — примерно между Шкляной горой и Покровкой. Сейчас практически не используется. О топониме напоминают ряд Лестровских переулков в районе современной ул. Лавочкина.

публики они закрыты. Осмотр их производится лишь с разрешения Полевой комендатуры. 15 октября Городская управа стала издавать свою газету «Днепровский вестник»[1]. Газета выходит два раза в неделю, тираж сейчас достиг 8 тысяч.

С 10 августа с. г. с разрешения немецкого командования был открыт для богослужения Успенский Кафедральный собор. Богослужение совершают три священника, в отношении которых нет никаких данных об их связи с большевиками. В соборе и в костеле вначале были образованы церковно-приходские советы, которые моим распоряжением от 21 ноября распущены.

...При управлении города в первых числах августа организован отдел Охраны... На основании распоряжения Полевой комендатуры произведена перерегистрация населения с выдачей удостоверений личности. На 1 ноября в городе значится населения 37 276 человек, из них 11 826 детей. Произведена перерегистрация частных домовладений, зарегистрировано 1574 домовладельца.

Евреи, оставшиеся в городе, были переселены 5 августа в гетто. Евреями управляет Совет, во главе которого стоит зубной врач Пайнсон. Выход евреям из гетто, а также вход туда неевреям воспрещены. Ежедневно 100 евреев работают на очистке улиц.

Начальник города Меньшагин

<3>

Доклад Начальника города Б. Г. Меньшагина Начальнику полиции безопасности и СД «Смоленск» обершарфюреру СС Масскову, 13 декабря 1941 г.

На основании распоряжения Полевой комендатуры от 21 ноября с. г. закрыта частная торговля мясом и колбасными изделиями, производившаяся четырьмя предприятиями. На основании распоряжения Полевой комендатуры от 2 декабря с. г. резко сокращены нормы хлебного довольствия, выдававшегося городским Управлением. Вместо 500 грамм на работающего установлена норма в 200 гр., правда, введена выдача хлеба членам семей работающих в немецких частях, в городском Управлении и на его предприятиях из расчета: 150 гр. на взрослого и 75 гр. на ребенка до 14 лет. Сокращение хлебной нормы вызвало неудовольствие среди работающих и снижение производительности труда на предприятиях...

---

[1] «Днепровский вестник» (неточно: правильно — «Смоленский вестник») — название газеты Смоленской горуправы (позднее «Новый путь» — см. в наст. изд., с. 371–373).

Выселение жителей из квартир в связи с занятием их войсками в истекший период продолжалось. Возвращение в Смоленск жителей, бежавших из него, продолжается в довольно большом количестве. Это обстоятельство, учитывая отсутствие в городе жилой площади, питания и возможности обеспечения всех работой, заставляет меня применять рекомендацию бывшего начальника Полиции безопасности Закса: отказывать в разрешении проживать в городе и высылать их вновь в деревню.

В части личного состава городского Управления считаю необходимым обратить внимание на директора водозаборной станции Большакова, о котором я уже докладывал доктору Манке[1]. Указанный Большаков в анкете, составленной в советское время, считал себя революционером, громившим помещичьи усадьбы, красным партизаном, участником борьбы с Колчаком, членом Коммунистической партии, выбывшим из нее по болезни как инвалид 2-й группы. Сейчас он предоставил новую автобиографию, в которой указывает, что его фамилия Большаков вымышленная, а фактически он Жингель: бывший царский офицер, участник армии Колчака, скрывавшийся от большевиков и переменивший в связи с этим 20 фамилий. Сопоставляя настоящую автобиографию с русской действительностью, я пришел к выводу о ложности автобиографии Большакова. Учитывая это обстоятельство, а также его практическую работу — ничегонеделание, прикрываемое громкими фразами о преданности новому порядку, я вошел с представлением в Полевую комендатуру о невозможности оставления его в качестве директора водопровода[2].

Начальник города Меньшагин

<4>

Доклад Начальника города Б. Г. Меньшагина в Гарнизонную комендатуру, 12 февраля 1942 г.

Городское управление испытывает недостаток в руководящих кадрах. Вторым, исключительно важным обстоятельством, тормозящим нормальный ход работы, является исключительная бедность материальных ресурсов. Так, все продовольственные склады, магазины были разбиты и уничтожены. Никаких денежных средств в распоряжении города не осталось. Жилой фонд города уничтожен в результате пожара на 75%. Склады с различными хозяйственными материалами частично были уничтожены, частично растащены, в результате бомбежек

---

[1] Сотрудник Полиции безопасности.

[2] См. о нем в наст. изд., с. 423–424.

и пожаров выведены из строя все предприятия, в том числе электростанция и водопровод.

Что сделано? По распоряжению Полевой комендатуры (август 1941 г.) проведена регистрация населения по предложенной форме. На 1 февраля с. г. зарегистрировано 29 114 взрослых и 13 119 детей. Восстановлены и пущены в ход жизненно необходимые предприятия — электростанция, водопровод, хлебопекарня, бойня, типография и бани. Однако часть этих предприятий изъяты Полевой комендатурой для нужд германской армии: баня, бойня, мельница, типография. Электростанция восстановлена при помощи технических частей германской армии (турбина и распределительный щит) в сентябре 1941 г. и обслуживает, в первую очередь, воинские части гарнизона. Оборудован радиовещательный узел, восстановлена проводная радиосеть в юго-восточной части города. Уцелевшая от пожара жилая площадь взята на учет, в августе был учрежден институт уличных комендантов, установлены налоги на население. С августа по 1 декабря 1941 года население снабжалось хлебом по норме 500 гр. на человека (мукой). 1 декабря распоряжением комендатуры были установлены нормы: 200 гр. работающему, 150 гр. неработающему, 75 гр. ребенку. Выдача муки была прекращена.

Однако эти нормы постоянно нарушались из-за отсутствия муки. Город вначале был прикреплен к Кардымовскому району, откуда по нарядам «Заготзерна» (учреждение Германского земельного управления — «Крайсляндвирдшафт») должен был поступать гарнцевый сбор с мельниц. Не получилось. Затем наряды стали выдаваться на мельничное хозяйство Монастырщинского и Краснинского районов. Наряды на Красный, Рудню и Кардымовский районы были возвращены без удовлетворения. Из Красного и Рудни якобы ввиду отсутствия у них излишков мельничного сбора, а из Кардымова из-за непредоставления транспорта из Смоленска...

В данное время положение с обеспечением хлебом населения обстоит совершенно неудовлетворительно. Так, в январе на городском довольствии состояло 26 194 чел., для которых требовалось 105,7 тонн хлеба, а вывезено по нарядам — 47,5 тонн. На 11 февраля на довольствии 24 395 чел., а вывезено — 14,7 тонн. Имеется неиспользованных нарядов на 150 тонн ржи, но как доставить ее в город? Для ее перевозки потребуется 450 лошадей. Получить же такое количество лошадей невозможно. Снабжение овощами населения производилось через специальные магазины от пригородных хозяйств «Поповка», «Миловидово» и «Семичевка». Потребность в овощах на зиму удовлетворена только в масштабе столовых и больниц самозаготовками в Кардымовском районе. Осталось осенних запасов овощей на сегодняшний день — 40 тонн, которые обеспечат потребности столовых числа до 20 марта с. г.

Потребность в мясе тоже для столовых и больниц удовлетворяется сегодня получением сбоя[1] с бойни в Красном Бору. Среднее ежедневное количество получаемого сбоя — 150 кг. Этого недостаточно.

Для поддержания порядка в городе организованы по предписанию Комендатуры: отдел охраны, пожарная команда и охрана предприятий. В страже порядка[2] на сей день состоит 100 чел., из них имеют оружие 27 чел. Работа стражи порядка проходит неудовлетворительно. Дисциплина крайне слаба, опытных работников до последнего времени не было. Имели место случаи злоупотреблений отдельными работниками отдела Охраны, вызывавшие справедливое неудовольствие населения. Для изжития недостатков необходима смена начальника отдела Охраны, согласие на которую получено в Комендатуре.

Пожарная команда имеет 80 чел., работа ее также в неудовлетворительном состоянии...

Школьный отдел. Обучение детей не производится за отсутствием помещений для школ, однако подготовительные работы к этому проведены. Учтены преподаватели, могущие быть использованными, проведена регистрация детей в возрасте от 8 до 15 лет, коих зарегистрировано 3535 чел. Составлены программы и планы по предметам, намеченным Комендатурой школ к весне...

Здравоохранение. Медпомощь населению осуществляется через три больницы: Городскую по Университетской ул. на 130 коек, Инфекционную по Рославльскому шоссе на 90 коек и Венерологический диспансер по Кронштадтской ул. на 30 коек. Имеются две амбулатории.

Финансы. С августа по декабрь 1941 г. был намечен по бюджету доход в 2142 тыс. рублей, выполнен в объеме 2977 тыс. рублей. Расходы составили 2459 тыс. рублей. Получен кредит в 25 000 марок. В данный момент в городской кассе в наличии 624 000 рублей.

<5>

Доклад Начальника города Б. Г. Меньшагина Полиции Безопасности, 25 марта 1942 г.

Начальник города Меньшагин — в Полицию Безопасности.

25 марта 1942 г.

Касательно: Настроение населения в городе.

Общее настроение населения по отношению к Германской армии благожелательное. Однако антинемецкие настроения в городе продолжают иметь место: это относится, главным образом, к неработающей

---

[1] Требуха, хвосты, ноги и прочие мясные отходы.

[2] Городская полиция.

части населения, женщинам, чьи мужья находятся в Красной Армии. Слухи об успехах большевиков[1], хотя еще и имеются, но идут на убыль: сказывается наступление весны, с ней пропадет вера в большевистские успехи.

Необходимо отметить, что в районе, даже в местностях близлежащих к городу, правильное представление о положении вещей отсутствует. Идут слухи об окружении Смоленска, об уничтожении его воздушными бомбардировками и т. п. Поэтому необходимо обратить внимание на усиление пропаганды в сельской местности. Желателен выпуск отдельных брошюр, увеличение количества газет для деревни, посылка агитаторов для устной пропаганды.

Продовольственный вопрос. Несмотря на все старания, городскому управлению удалось достаточно регулярно снабжать только хлебом. По хлебным карточкам обеспечено 26 тыс. человек. Мясо (сбой): администрация боен игнорирует распоряжения Комендатуры о передаче городскому Управлению сбоя.

Обеспечение беженцев[2]. Через Смоленск ежедневно проходят крупные партии беженцев, доставляемые военными транспортами и насчитывающие иногда сотни человек в день. Создан специально отдел по обеспечению беженцев. Отдел осуществляет соответствующую проверку, потом юридически оформляет беженцев... Санитарное состояние города. Заболевания тифом идут на убыль. Сейчас в инфекционной больнице 82 человека (против 110 чел. в начале марта). Пущена в ход баня Кудрявцева по Московской улице. С 30 марта начнет работать санпропускник.

О работе Охраны правопорядка. Начальник Охраны города о своей работе в Полицию Безопасности доклады представляет ежедневно. В марте получен хороший отзыв от гарнизонного коменданта генерал-лейтенанта Денеке[3], который объявил благодарность Пожарной команде.

Начальник города Меньшагин

---

[1] Примечание Л. Котова: «В оккупированном Смоленске в марте — мае 1942 г. подпольно работало около 10 радиоприемников (нами точно установлено 8 радиоприемников). Принятые сводки Совинформбюро и другие передачи распространялись подпольщиками в виде “слухов”. Полиция безопасности и СД с помощью Меньшагина, Умнова и др. предателей, выискивала эти радиоприемники. Меньшагин через комендантов уличных участков, а также тайную агентуру городской полиции охотился за распространителями “слухов”, регулярно докладывал о них гестаповцам» (*Котов, 1994*. С. 72).

[2] Имеются в виду беженцы-коллаборанты из районов, освобожденных Красной армией в декабре 1941 г.

[3] Дёнеке.

<6>
Доклад Начальника города Б. Г. Меньшагина Полиции Безопасности, 9 мая 1942 г.

Меньшагин — в Полицию безопасности.
9 мая 1942 г.
Касательно: Общего положения в г. Смоленске.

За истекший период изменений в общем положении в городе нет. Настроение населения удовлетворительное. Сведениями о враждебной пропаганде, враждебных слухах не располагаю. День Национального Труда — 1 мая был отмечен проведением собраний, где выступали руководители предприятий. В Городском Управлении выступил я — Меньшагин, в редакции газеты «Новый путь» — Долгоненков и т. д.

...В Кафедральном соборе имеют место ссоры и конфликты между священниками, а также настоятелем собора Шиловским, с одной стороны, и старостой Лидовым. Настоящим виновником в этой склоке является Колесников. Сами по себе эти эпизоды незначительны, но они быстро делаются достоянием масс и служат на пользу большевикам. <...>

Снабжение. За апрель было выдано хлебопекарням 68,4 тонн муки. В настоящее время запасы зерна на складах кончились, город ощущает острую нужду в хлебе. Вопрос с картофелем стоит особенно остро. Зима не позволила доставить картофель из деревни, весенняя распутица также лишила возможности доставки. Небольшое количество картофеля, закупленное в Монастырщинском районе, до сих осталось не вывезенным. Город ощущает острую нужду в картофеле... Общая удовлетворенность населения хлебом составляет 77 %. До конца апреля вопрос со снабжением города мясом обстоял совершенно неудовлетворительно. Персонал бойни распродавал мясо (сбой) по спекулятивным ценам. В последнее время удалось достигнуть более благоприятных условий, и в настоящее время город, вернее его столовые и больницы, имеющие 2,5 тыс. столующихся, нормально обеспечиваются мясными отходами. Общая мясная потребность в мясных отходах составляет 31 тонну, за апрель было выдано только 9 тонн, таким образом, город был удовлетворен только на 43 %...

Транспортный отдел. С разрешения Военной комендатуры приступили к сборке из старых частей 3–4 автомобилей. Первая 3-тонная машина была собрана в начале мая. Во время монтажных работ в гараж прибыла военная машина, солдаты погрузили части моторов и 11 колес, приготовленных к собираемым автомашинам, увезли...

Гужевой транспорт. В апреле было зарегистрировано в городе 197 лошадей, находящихся в работе, из коих 92 лошади закреплены за германскими воинскими частями, 29 за отделами городского управления,

4 за владельцами. В мае органы Военной комендатуры произвели полную перерегистрацию лошадей. Начало весенних полевых работ неблагоприятно сказывается на городском транспорте.

Жилищный вопрос. Квартирный вопрос продолжает оставаться обостренным. Всякое освобождение новой квартиры происходит каждый раз за счет уплотнения населения. В апреле месяце жилотделом было очищено для нужд воинских частей и их канцелярий 75 комнат общей площадью 1218 кв. метров. Работа по переселению включает трудности не только в квартирном отношении, но и в смысле транспорта, ввиду отсутствия перевозочных средств.'

Заслуживает внимания возможность расширения квартирной площади для населения Смоленска за счет выселения еврейского гетто за пределы городской черты. Таким образом, будет не только представлена новая жилая площадь гражданам, и будет обеспечено освобождение ее для воинских нужд, но русское население получит возможность на территории бывшего гетто развести большие огороды, каковые сейчас находятся в необрабатываемом состоянии.

Начальник города Меньшагин

<7>
Доклад Начальника города Б. Г. Меньшагина Гарнизонной комендатуре, 11 мая 1942 г.

Меньшагин — в гарнизонную комендатуру.
11 мая 1942 года.

В апреле проведена проверочная перерегистрация населения через участковых комендантов, которые представили поименные списки всех жителей. В результате учтено 29 160 человек: взрослых мужчин — 6361 чел., женщин — 14 817, детей-мальчиков — 3989, девочек — 4093. Эти цифры не окончательные, в учет не вошли гражданские лица, работающие в немецких воинских частях и проживающие у них, а также лица, работающие на железной дороге, и лица, проживающие в пригородах Смоленска и работающие в пригородных хозяйствах «Семичевка», «Миловидово» и «Гедеоновка». Надо полагать, что численность населения будет около 35 000 человек.

Текущей регистрацией прибывших в город в апреле было охвачено 458 человек. Регистрация эта происходит под моим личным наблюдением. В сомнительных случаях документы не выдаются, а соответствующие лица направляются в Комендатуру, Полицию Безопасности или в Тайную полицию — в зависимости от обстоятельств, вызывающих сомнения.

Отдел регистрации актов гражданского состояния зарегистрировал в апреле: рождений — 39, браков — 5, смертей — 107.

...Городской радиоузел обслуживает 600 точек для германских воинских частей и 1070 для гражданского населения.

Начальник города Меньшагин

<8>
Доклад Начальника города Б. Г. Меньшагина Полиции Безопасности, 7 июня 1942 г.

Меньшагин — в Полицию Безопасности.
7 июня 1942 г.
Касательно: общего положения в г. Смоленске.

При налете советских самолетов сброшены листовки «Вести с советской Родины» за 1-е, 11–15-е апреля с. г. Экземпляры этих листовок переданы мною в VII отдел комендатуры. Среди населения продолжают передаваться исподтишка различные слухи обывателями друг другу, но в меньших размерах, чем зимой.

За отчетный период существенных изменений в общем положении нет... Нормы продовольственного снабжения прежние: работающими в Охране города, на электростанции, водопроводе, строительным рабочим — 300 гр., всем остальным работающим — 200 гр., иждивенцам работающих и инвалидам — до 150 гр., детям до 14-летнего возраста — по 75 гр. Всего было охвачено довольствием 23 808 человек с месячной потребностью 102 тонны, а выдано хлеба в мае 62 тонны, то есть не додано 60 тонн.

Начальник города — Меньшагин

<9>
Доклад Начальника города Б. Г. Меньшагина в Военную Комендатуру, 20 июня 1942 г.

Меньшагин — в Военную комендатуру.
В подотдел Комендатуры при Управлении города.
20 июня 1942 г.

Доклад

Политические условия:

Каких-либо серьезных изменений в положении города за время с 20 мая не было. Партизанских и каких-либо активных действий против немецких интересов на территории г. Смоленска не замечалось. Настроение населения вообще удовлетворительное, хотя, безусловно, часть населения симпатизирует советской власти и ждет ее возвращения. Как уже отмечалось в прошлом докладе, это, в основном, женщины, мужья которых находятся на более или менее приличных местах. Настроения этих людей выражаются в передаче разных слухов, сведений о предстоящих

бомбардировках и т. д. Сведения передаются большей частью тайно, иногда в очередях за хлебом, у водоразборных колонок и других местах.

В недавнем налете советских самолетов было сброшено довольно большое количество листовок, образцы их получены от участковых комендантов и мною переданы господину асессору Бесселю.

В Смоленске выходят, издаваемые Отделом пропаганды, газеты «Новый путь» — 2 раза в неделю, «Колокол» — 2 раза в месяц. Киносеансов для русского населения не было совершенно, за исключением выставки «Содействуйте возрождению Родины». Значительную роль в пропаганде идей строительства нового порядка играет Радиоузел.

Предполагается передача городу освободившегося от войск здания «Детского кино» для устройства в нем центра, в котором была бы сосредоточена культурная жизнь города. Устройство такого центра весьма желательно, причем главное место в его работе должно быть представлено кино. Это желательно с политической стороны — как проводника новых идей, посредством которого население сможет ознакомиться с условиями жизни в Германии, так и с экономической стороны, так как при отсутствии кино содержание его будет нерентабельным. Хозяйственное руководство за деятельностью этого центра считаю необходимым сосредоточить в руках Германского управления с тем, чтобы за Отделом пропаганды сохранилось наблюдение за идейно-политической стороной дела.

Все оставшиеся в городе библиотечные фонды свезены на Соборный двор, где под наблюдением сотрудника «Штаба Розенберга» доктора Нерлинга[1] происходит рассортировка книг. Желательно эту работу как можно более ускорить с тем, чтобы разрешенные к употреблению книги были возвращены городу для устройства публичной библиотеки.

Религиозная община православной церкви пользуется для своих богослужений Успенским кафедральным собором — одним из лучших церковных зданий, сохранившихся в Советской России. Жизнь этой общины идет нормально. Богослужения в истекший период совершали три священника и дьякон.

Взимание налогов происходит удовлетворительно. Налоги, падающие на 2-й квартал, выполнены. Следует отметить, что регламентирующее взимание налогов, в соответствии с Предварительным постановлением Командующего областью «Центр» от 18 февраля с. г., распоряжение по городу нами подготовлено и представлено в Полевую комендатуру (VII отдел) 20 апреля с. г. и до сих пор нам не возвращено. Также не получено еще с утверждения распоряжение об установлении тарифа на медицинскую помощь. Проект этого распоряжения представлялся три раза (последний

---

[1] Штурмбанфюрер доктор Отто Нерлинг (1904–1997). С августа 1942 г. — госкомиссар HAG «Остланд». В Смоленск был командирован из Вильно.

раз 23 мая), первые два проекта были утеряны, последний также не получил своего разрешения. Считаю нужным отметить желательность ускорения проведения в жизнь подушного сбора с населения, проект распоряжения о введении которого нами представлен в комендатуру 23 мая с. г.

Начальник города Меньшагин

<10>
Доклад Начальника города Б. Г. Меньшагина в Полицию безопасности, 5 июля 1942 г.

Меньшагин — в Полицию безопасности.
5 июля 1942 г.
Касается: общего положения в г. Смоленске.

Изменения положения в г. Смоленске с 25 июня не было. На территории города Охраной были изобличены и арестованы ряд лиц, занимавшихся бандитизмом, имевших связь с партизанами и проживавших в Смоленске по подложным документам, а также выявлено и арестовано лицо, снабжавшее их подложными документами[1]. Это лицо работало в Паспортном отделе городского управления. Подробные сведения по этому вопросу доставлялись в Полицию безопасности начальником Охраны ежедневно.

В гетто по распоряжению Комендатуры изъято 60 комплектов постельных принадлежностей и швейных машин. За несвоевременную сдачу постельных принадлежностей еврейский совет гетто оштрафован на 5000 рублей.

Начальник города Меньшагин.

<11>
Доклад Начальника города Б. Г. Меньшагина в Военную Комендатуру, 8 июля 1942 г.

Меньшагин — в военную комендатуру.
8 июля 1942 г.

Доклад

Политические условия: Каких-либо изменений в общем положении города за истекший месяц не наблюдалось. Проявления враждебной пропаганды с той стороны фронта мне неизвестны. Необходимо отметить открытие большой организации, связанной с партизанскими бандами, которая имела в Смоленске свой центр, снабжавший членов организации подложными документами.

---

[1] Имеется в виду А. А. Сидорова.

Поводом к открытию этой организации послужило задержание лично мною одного из ее участников с подложным паспортом. В процессе дальнейшего расследования, произведенного 2-м отделом СД, был выявлен ряд других участников, а также установлено, что бланки для изготовления подложных документов передавались сотрудницей Паспортного отдела горуправления Сидоровой.

Пресса. Помимо газеты «Новый путь» и «Колокол», за истекший месяц издательством выпущено два журнала — «Бич» и «Новая жизнь».

Городское управление имеет намерение в ознаменование освобождения Смоленска от большевиков 16 июля и своего годичного существования 25 июля устроить концерт.

Управление. В истекшем месяце имели место следующие изменения: <...> Вновь организован Отдел по заготовке топлива, во главе которого поставлен Околович.

Еще раз считаю необходимым просить об ускорении дачи санкции на перепечатку распоряжения, изменяющего порядок введения налогов, в соответствии с постановлением командующего зоной «Центр» от 10 февраля 1942 г.

15 июня открылись курсы по подготовке учителей для г. Смоленска и Смоленского района.

Начальник города Меньшагин

<12>
Доклад и. о. начальника города Гандзюка в Полевую комендатуру, 20 августа 1942 г.

Гандзюк —в Полевую комендатуру (УП-й отдел).
20 августа 1942 г.

Доклад

Политические условия: — Никаких крупных событий в политической жизни города Смоленска не наблюдалось. Деятельность тайных партизанских организаций в г. Смоленске продолжает успешно пресекаться органами стражи (СД). В последние недели были захвачены новые партизанские группы, члены которых работали в городском управлении. Можно полагать, что эти группы вели замкнутую шпионскую деятельность, не пользуясь поддержкой со стороны населения. Новые успехи победоносного германского оружия убеждают население в том, что победа над большевизмом становится вопросом скорого времени.

Пресса. — Выходящая в Смоленске газета «Новый путь» пользуется популярностью и живо раскупается. Наблюдается живой интерес к статьям о жизни и работе в Германии, о положении на фронте и о положении на еще не освобожденной территории советов. Журналы, выходящие

в Смоленске, — «Бич», «На переломе» и «Новая жизнь» — пользуются большим вниманием читателей.

Культура. — 28 августа с. г. в Смоленске состоится открытие Народного театра.

С 15 августа выбыл в отпуск начальник города Б. Г. Меньшагин. К исполнению должности начальника города вступил я, его заместитель Г. Я. Гандзюк.

По статистическим данным, число жителей Смоленска на 15 августа равно 29 717 чел.

Начальник города — Гандзюк

<13>
Месячный отчет управляющего Смоленским округом Н. Н. Никитина за июль 1943 г., 20 июля 1943 г.

Месячный отчет за июль 1943 г.

Настроение населения. — За отчетный месяц в Округе не произошло крупных событий, которые бы могли резко изменить настроение населения.

Но проводилось одно мероприятие, которое усилило недовольство населения немецким Командованием. Речь идет о вербовке на работы. Поставив перед собой задачу собирать рабочих для работ в Германии и в занятых областях, исполнительные органы Германской Армии не стесняются в способах проведения этой меры. Благодаря чему это иногда проводилось так: в деревню въезжает наглухо закрытый автомобиль, деревню окружают солдаты и начинается вербовка людей. Каждого встречного ловят и сажают в машину. Набрав таковую, отправляют в неизвестном направлении.

Такой способ вербовки привел к тому, что на протяжении более чем двух недель всё мужское население Монастырщинского района проживало в кустах и не могло работать. В других районах вербовка протекала не в таких безобразных формах, но все-таки были неправильности, когда забирали, например, кормильца семьи, а более зажиточный и одинокий оставался. Были даже случаи попытки к самоубийству. Были также случаи ухода куда-то (вероятно, к партизанам), но только чтоб не ехать в Германию. Все эти факты ведут к недовольству и озлоблению населения против немцев.

Угнетает также население отсутствие перспектив у молодежи. Дети, окончившие 7-летки или должны ехать в Германию, или идти в пуцфрау[1].

Другого выхода нет.

---

[1] От нем. глагола putzen — чистить, убиратья.

В городах жизнь дорожает с каждым днем. Все живут только за счет рынка, так как по твердым ценам получается только 200–300 грамм хлеба, а остальное покупается на базаре. А в то время, как в прошлом году булка хлеба стоила 4–5 марок, теперь она стоит 22–25 марок. Картофеля пуд (16 кг) стоит 30–32 марки.

Заработная плата осталась прежней. Сало и масло дороже 100 марок за килограмм.

Все читали в газетах и слышали, что весной должно быть большое немецкое наступление. Но ввиду того, что немцы и до сих пор не пошли в наступление, люди делают заключение, что немцы бессильны и поэтому ожидают прихода красных. Этого очень боятся, но и от немцев хорошего не ожидают. Да и как может быть иначе, если имеются случаи даже избиения русских на работах.

Всех пугает эвакуация, которую все наблюдали и пережили прошлой зимой. Наконец, русские люди получают полное разочарование от нового строя, когда они видят и слышат о полном бесправии, злоупотреблениях и безобразиях — особенно со стороны полиции, и человеку некуда жаловаться, негде искать правды. Хорошо и привольно живется только тем, кто занимается спекуляцией, проституцией или тем, кто так или иначе пристроился к немцам.

Общее мнение русских таково, что победа немцев невозможна без активного вмешательства всего русского народа. А для этого необходимо немецкому командованию признать русских равноправным народом, который, как и другие народы Западной Европы, пользуются обычными гражданскими правами, а не считать их людьми низшей расы. Это имело бы громадное значение для хода войны. Без этого же те полумеры, которые сейчас проводятся Германским Командованием, не дадут реальных результатов, и большевизм не будет раздавлен.

Опыт волостных и районных Управлений. — Волостные и районные управления работают всё время, но только за последние месяцы обстановка в работе изменилась. Это касается и окружного Управления. Ранее начальник Управления обладал известной самостоятельностью, был хозяином района. Он сам подбирал работников, сам организовывал работы, устраивал предприятия. Теперь это всё отошло к немецкому Командованию. Всем распоряжается Комендатура, все предприятия взяты в руки Немецкого Командования. Начальник района является только исполнителем распоряжений коменданта, не имея никаких прав, никакой самостоятельности. Дело доходит до того, что, если начальник района, после тщательного выяснения качества работника и признания его негодным, увольняет с работы, комендант дает приказание принять его вновь на работу.

Не бóльшим правом и авторитетом пользуется окружное Управление. В то время, как раньше начальника района назначало и увольняло

окружное Управление, теперь это проделывает Комендатура и совершенно не принимает во внимание ни возражения, ни предложения окружного Управления. Если же окружное Управление предлагает своего кандидата, то комендант на это не обращает внимания. Далее, ранее окружное Управление имело возможность писать и получать корреспонденцию непосредственно начальникам района и обратно, теперь — ее переписка возможна только через коменданта, с его разрешения.

Мы не возражаем против контроля, но существование Окружного и районных управлений при таком положении является бесцельным.

Это же подтверждается и фактами из судебных дел. Еще с прошлого года в Округе организован Окружной Суд, куда поступают из районных судов все дела в случае, если одна из сторон обжалует решение суда. Но Комендатура в Монастырщине постановила: все решенные мировым судом дела поступают на рассмотрение Коменданта и вступают в силу только по утверждении решения Комендантом. Решение Коменданта окончательно и никакому обжалованию не подлежит. Этот вопрос вносит в судебные дела неразбериху.

Школьные дела. — Закончен учебный год, который прошел нормально и удовлетворительно. Теперь идет подготовка школьных зданий к новому учебному году. Но встречаются большие трудности вследствие недостатка гвоздей и стекла. Без помощи Немецкого Командования мы не сможем справиться с этой работой.

Дело здравоохранения. — Работали 14 больниц и 48 амбулаторий. Врачей — 81, фельдшеров — 142. За месяц было принято 19949 амбулаторных больных и 872 стационарных больных. Сыпной тиф сократился, но случаи заболевания еще наблюдаются. Всего за месяц 416 случаев. Было сделано прививок против оспы 1129, против брюшного тифа 994. Продезинфицировано 4224 комплекта одежды.

Ветеринария. — Работало 18 врачей и 68 фельдшеров. Оказана помощь 2362 животным. Сделано 920 прививок. Чесотка несколько сократилась, было 516 случаев новых. Но недостаток медикаментов, биопрепаратов и диагностических средств является большим тормозом в деле выздоровления животноводства.

Финансовое дело. — Тормозом в работе районов по исполнении бюджета в отчетном периоде являлось отсутствие достаточных средств для полного финансирования, намеченных по бюджету мероприятий (медицинская, школьная сети и др.).

Причинами являются: неплатеж Центральным торговым обществом «Восток» налога с оборота сельского хозяйства, а также по́зднее проведение подушного сбора (разрешение VII Отдела Комендатуры на взимание последнего было получено только в первых числах июля).

Несмотря на своевременное представление в Комендатуру на утверждение смет доходов и расходов по районам и Окружному Управлению, об утверждении таковых до настоящего времени Окружное Управление никаких распоряжений от Комендатуры не имеет.

Проведено обследование финансовой работы в Монастырщинском и Краснинском районах, помимо Контрольной палаты, личным выездом заведующего Финансовым отделом.

Управляющий Смоленским округом Н. Н. Никитин
20 июля 1943 г.

№ 1–11. Впервые: Котов Л., 1994. С. 62–71. Здесь — с исправлением явных дефектов публикации. № 12 — по: BA/MA. RH 23/155. Bl. 24–29.

№ 5. Б. Г. МЕНЬШАГИН. СТАТЬИ В ОККУПАЦИОННОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ (16 июля 1942 — 4 января 1944 г.)

<1>
Славная годовщина

16 июля исполняется год захвата Смоленска немецкими войсками, а 25 июля — день основания русского городского самоуправления.

Эти события имеют исключительно большое значение в истории нашего города. Как карточный домик развалилась советская оборона в Смоленске, ведь еще 14 и даже 15-го июля советские газеты сообщали лишь о боях где-то далеко в Борисовском районе, еще 15-го июля работали советские учреждения; вся их работа заключалась лишь в том, что сотрудники сидели большую часть дня в «окошках», но официально всё было хорошо, и лишь тянувшиеся по дорогам вереницы отступающих красноармейцев да гул артиллерийской канонады доказывали, что это не так, что Красная армия отступает, что немцы вовсе не под Борисовым, а значительно ближе и вот-вот будут в Смоленске[1].

---

[1] О соотношении сводок Союзного информбюро и реальности см. в статье С. Амелина. Вот выдержки из сводок за 14 и 15 июля, касающегося западного направления: «Утреннее сообщение 14 июля: В течение ночи на 14 июля крупных боевых действий не велось и существенных изменений в положении войск на фронте не произошло. <...>»; «Вечернее сообщение 14 июля: В течение 14 июля продолжались бои на Северо-Западном, Западном и Юго-Западном направлениях. Наши войска противодействовали наступлению танковых и моторизованных частей противника и неоднократными контратаками наносили врагу тяжелые потери. На Западном направлении в результате действий наших войск и авиации уничтожено до 100 танков и много автомашин противника. <...>»; «Утреннее сообщение 15 июля: В ночь на 15 июля продолжались упорные боевые действия на Северо-Западном и Западном направлениях. На остальных направлениях и участках фронта крупных боев не велось и существенных изменений в положении войск на фронте не произошло. <...>»; «Вечернее сообщение 15 июля: В течение дня 15 июля продолжались крупные бои на Псковско-Порховском, Витебском и Новоград-Волынском направлениях. На Псковско-Порховском направлении с утра в ходе боев наши войска окружили группу мотомехчастей противника и уничтожили ее по частям, захватив значительное количество танков, машин и разного оружия. Остатки противника отбрасываются на запад. На Витебском направлении весь день шли ожесточенные бои против мотомехчастей противника, безуспешно пытавшихся прорваться на восток. Бои продолжаются. Обе стороны несут тяжелые потери. <...>».

И на примере нашего родного Смоленска мы еще раз прекрасно могли убедиться, что большевики остались себе верными: до последнего момента они скрывали правду, давая заведомо ложные сообщения в своих сводках, рассказывая ужасы о «немецких зверствах», чтобы в последнюю минуту крикнуть «спасайся, кто может».

Многие сотни и тысячи людей благодаря такой большевистской лжи лишились последнего имущества, а некоторые и жизни.

Что же оставили после себя так неожиданно и с таким позором бежавшие советские властители? Пылающие в разных концах города пожары, зажженные уходящими горе-вояками и их оставшимися в городе прихвостнями; взорванные мосты, разрушенная электростанция, поврежденный водопровод, разрушенное городское хозяйство, — вот что осталось после большевиков.

Но и этого им казалось недостаточно. В течениие 12 дней, укрепившись на Покровке, Шкляной горе и др. холмах в северной части города, они обстреливали артиллерией оставшиеся в городе здания, преследуя одну цель — причинить как можно больше разрушений.

Мертвым казался в эти дни город; за исключением торопливо проезжавших немецких мотоциклистов, никого не было на улицах; лишь разрывы снарядов да треск пожаров прерывали их мертвую тишину; казалось, что конец наступил Смоленску и неизбежная смерть суждена тем, кто в нем остался. Но командование немецких частей, занявших город, заботилось не только о закреплении своей победы на фронте, но и о том, чтобы вернуть занятый ими город к жизни, вызвав инициативу самих жителей, на деле показав им, что немецкая армия воюет не с мирным русским народом, а с его поработителями — большевиками.

И русская интеллигенция Смоленска откликнулась на этот призыв. Профессор Базилевский Б. В., профессор Ефимов И. Е., доцент Соловьев И. И., доцент Ефимов К. Е., художник Мушкетов В. И. и автор этой статьи уже 25 июля, под грохот большевистских снарядов, образовали первое городское управление Смоленска. Неясны были перспективы деятельности этого управления, неизвестно было, как и с кем работать, с чего начать, какую структуру избрать, в каких формах проводить работу. Горячая любовь к многострадальной родине и родному городу, жгучая боль при виде его разорения, страстное желание всемерно помочь ему, — вот с чем начали свою работу члены городского управления. Никто из них не имел опыта по управлению, по административной или хозяйственной деятельности, и непреодолимые, казалось, трудности стали перед ними с первых же часов работы.

Но вот прошел год, год тяжелой трудной работы в условиях войны, в условиях разоренного войной города. Эта дата невольно требует обратиться назад, окинуть взором прошедшее, посмотреть, каковы же его

результаты, есть ли признаки жизни в этом древнем, как будто бы совершенно убитом в прошлогодних боях городе или он окончательно умер. И вот, обращаясь к прошедшему за этот год и оценивая его результаты, мне кажется совершенно справедливым сказать: нет, город Смоленск не умер, он жив, живет и будет жить новой жизнью, жизнью, открывающей заманчивые перспективы перед каждым, кто не хнычет, кто понимает, что переживаемые нами недостатки и невзгоды являются временным неизбежным следствием войны, что там, по ту сторону фронта, эти недостатки еще больше, еще сильнее, да и, кроме того, там и до сих пор дают себя чувствовать все «прелести» большевистского «рая», вроде предательства, доносов, тюрем, лагерей, расстрелов за каждое случайно оброненное слово и т.д.

Конечно, есть недостатки, и довольно большие и в деятельности городского управления, но итоги этого первого года существования в Смоленске нового порядка всё же нельзя не признать положительным. Восстановлены под руководством немецких технических частей и уже в сентябре 1941 г. пущены в эксплуатацию городские электростанция и водопровод; пущен в работу кирпичный завод № 1; из развалин восстановлен пивоваренный завод; создан радиоузел, который регулярно проводит работу по культурному обслуживанию населения; оборудована типография, создана наша русская газета «Новый путь», основанная в октябре 1941 г. Смоленским городским управлением. Еще в августе 1941 г. буквально из ничего организована городская больница на базе одного из уцелевших корпусов бывшего туберкулезного диспансера; вслед за нею появились инфекционная и венерологическая больницы, 2 амбулатории; сейчас больничное хозяйство имеет уже солидную основу, что доказывает успешно преодоленная эпидемия сыпного тифа. Достраивается и в ближайшем будущем вступит в работу баня на Витебской улице. С 15 июля открываются курсы для учителей, и с этого времени начинает работать одна школа, а по окончании курсов открываются нормальные школьные занятия; создана музыкальная студия. Для населения устраиваются еженедельные концерты, которые в ближайшее время, с открытием в здании бывшего детского кино «Дома культуры», будут организовываться гораздо чаще; на днях предстоит открытие кино. С огромными трудностями преодолены были продовольственные затруднения прошедшей зимы: созданы 10 столовых, 2 пекарни; идут работы по оборудованию 2-х новых столовых на 2–3 тысячи обедов с тем, чтобы снабжать ими, помимо работающих, также и неработающую часть населения (инвалиды, многодетные и т.п.). В переданных городу 6 пригородных хозяйствах план посева выполнен на 100 проц[ентов].

Несмотря на ограниченные финансовые и материальные ресурсы города, в кассе которого после большевиков не осталось ни одной копейки,

городским управлением оказывалась посильная помощь нуждающимся: 6277 человек получают бесплатно хлебный паек, имеется дом инвалидов, в котором содержится 100 человек, детский дом на 90 детей, неимущим оказывается бесплатная медицинская помощь.

Наконец, проведена большая работа по очистке города, так как его загрязнение вызвало опасность появления эпидемий.

Значительно развилась за этот год и частная инициатива, как всем известно, совсем задушенная большевиками. За год открылось 10 торговых, 7 довольно крупных промышленных и 389 мелких кустарных производств.

Таковы итоги первого года жизни в освобожденном Смоленске. Большие задачи стоят перед нами, и для их выполнения нужно, чтобы каждый житель Смоленска отдал все свои силы делу восстановления города, чтобы каждый добросовестно выполнял бы то, что от него требуется.

Я уверен, что население Смоленска окажется достойным своих великих предков, мужественно хранивших свой город в годы великих испытаний, которые ему неоднократно приходилось переживать, и что и на этот раз, при содействии великого немецкого народа и его славной армии, наш город выйдет из той разрухи, в которую его бросили большевики, и займет достойное место среди культурных европейских городов.

Б. Меньшагин, начальник города Смоленска

Новый путь (Смоленск). 1942. №55 (76). 16 июля. С. 3. Перепечатано: Новое Слово (Берлин). 1942. №59. 26 июля. С. 5. Дайджест: М. З<ацкой>. Год освобождения Смоленска. [По статье Меньшагина в газ. «Новый путь» (Смоленск)] // За родину (Рига). 1943. №17. 17 янв. С. 5.

<2>

Оправданные надежды

Год тому назад — 15 октября 1941 г. — вышел первый номер газеты, основанной Смоленским городским управлением. Ограничены были в тот момент материальные ресурсы городского управления. Отсутствовала типография, где бы можно было печатать газеты; невелик был запас бумаги. Но велико было желание организаторов этого дела дать населению города возможность после 24-х лет марксистской лжи, которою изо дня в день пичкали русский народ наглые жидовские писаки, услышать правдивое слово; прочитать на газетных страницах вместо опостылевших всем славословий кровопийце-Сталину, вместо заведомо ложных сообщений о «достижениях» немногочисленные, но зато соответствующие истине сообщения о жизни на земле, узнать правду о положении на фронте.

В результате — желание победило материальные затруднения. Была в срочном порядке сооружена пристройка к зданию городского управления; на пожарищах и развалинах были собраны уцелевшие машины. Появилась новая типография, неизвестная до этого жителям Смоленска, и вышла газета, носившая скромное название «Смоленский вестник». Оправдала ли эта газета те цели, которые были перед нею поставлены, о которых говорилось в передовой статье первого номера газеты?

Да, оправдала. Другого ответа не может быть на этот вопрос.

Доказательством этого является и успех газеты, рост ее формата, тиража, числа ее сотрудников, территории, на которой она распространяется, и то нетерпеливое ожидание, с которым встречает население города выпуск каждого очередного номера.

Достаточно увидеть очереди людей, ожидающих в дни выхода газеты у газетных киосков ее появления, чтобы сказать, что она нужна ему, что она сделалась первой необходимостью в жизни граждан города Смоленска.

Итак, первый год существования нашей газеты оправдал надежды ее основателей, оправдал то обещание, которое газета дала в передовой статье первого номера.

Пожелаем же ей существования на многие годы, пожелаем ей в будущем быть светочем правды и борцом с большевистским изуверством и никогда не отступать от тех целей, которые ею были объявлены 15 октября 1941 года в статье «Правдивому слову — широкий простор».

Б. Меньшагин, начальник города Смоленска

Новый путь (Смоленск). 1942. №81 (102). 15 октября. С. 2.

<3>

1 мая 1943 г. Граждане города Смоленска!

1 Мая 1943 г. мы празднуем день труда. Сейчас на полях сражений решаются судьбы народов всего мира. Льется народная кровь за национальную независимость и свободу всех народов не только Европы, но и других стран света.

Мы знаем, что немецкий народ, ставший во главе этой борьбы народов за национальную независимость, воюет не в интересах только своей страны, не в интересах одной нации, он ведет борьбу и проливает кровь своих лучших сынов за благо и счастье народов всего мира.

Мы знаем, что кровожадный большевизм и его иудоплутократические союзники угрожают порабощением всему миру, и задача окончательного уничтожения жидовско-большевистской власти является первоочередной задачей нашего времени.

Мы, русские люди, на себе испытавшие всю тяжесть и варварство большевистского управления, прекрасно понимаем цели, которые поставил себе немецкий народ в деле спасения народов от грозящей им опасности. В его борьбе за благо и счастье всех народов мы стоим рядом с немецким народом.

В день 1 Мая мы еще теснее сплотимся с немецкой армией, принесшей уже нашему городу избавление от гнета и террора большевиков.

Я призываю вас, граждане, вместе с немецкой армией принять участие в торжественном праздновании дня 1 Мая и демонстрировать этим участием свою солидарность с ее высокими задачами.

1 Мая в 9 часов 30 минут утра в Наполеоновском саду (бывшем Лопатинском) состоится парад городской стражи совместно с трудящимся населением города.

Я надеюсь видеть вас, граждане, во время этого парада в Наполеоновском саду.

Да здравствует 1 Мая — Праздник национального труда!

Начальник города Б. Меньшагин

Новый путь (Смоленск). 1943. №34 (156). 1 мая. С. 1. Рядом напечатано обращение начальника Викадо Смоленска (фамилия не указана).

Первое мая — праздник труда

Первого Мая трудящиеся всей Европы демонстрируют свое участие в трудовом фронте, ведущем борьбу против большевизма.

Все трудящиеся Смоленска собираются 1 МАЯ в 10 часов утра на большое собрание в Наполеоновском (бывш. Лопатинский) саду.

Предприятия являются во главе со своими начальниками. Учреждения и школы также принимают участие в собрании. Приглашается принять участие в собрании и остальное население Смоленска.

Директоры заводов, учреждений и школ ответственны за то, чтобы их подчиненные или ученики между 9 и 9 часами 30 минутами заявляли о своем прибытии и занимали места в парке.

С 9 часов утра — концерт в парке.

Виртшафтскомандир. Группа Б

<4>
Два года

Наступила 2-я годовщина с того момента, когда наш родной город Смоленск освободился от большевистского ига. Годы терзаний и тяжкого гнета, давивших на Смоленск наравне с другими местами России, исчезли, как дым, и на опустошенной пожарами и бомбардировкой земле повеяло свежим воздухом новой жизни и связанного с ней хозяйственного режима.

Торжественен и вместе с тем велик был тот момент: 24-летнее язычество большевиков закончилось. Еще не отгремели советские пушки, еще не закончился варварский обстрел большевиками своего же города с целью его окончательного уничтожения согласно изданного приказа Сталина, как здесь стала зарождаться новая жизнь.

Преданные Родине и любящие город люди, отбросив всякие опасения, взялись за устройство жизни на новых началах. Их пример вскоре дал богатые результаты: если на 28 июля — день окончания битвы за Смоленск — состав городского управления был равен 6, то на 1 августа было уже 25, а на 10 августа в городских организациях работало около 250 человек. Так быстро и уверенно строилась новая организация управления городом, пришедшая на смену городскому совету якобы «рабочих» депутатов, трусливо разбежавшемуся еще в момент пожара 29 июня 1941 года, не более чем за две недели до прихода германских войск.

И когда мысленным взором окидываешь прошедшие два года, то мне кажется справедливым сказать, что эти два года прошли недаром, что Смоленск сегодняшнего дня далеко ушел вперед по сравнению со Смоленском июля–августа 1941 года.

Если в то время Смоленск представлял из себя дымящиеся развалины, среди которых попадались редкие жители, с опаской пробиравшиеся с ведрами в руках к какому-нибудь ручейку за водой, или, гремя колесами, в тишине, казалось, мертвого города проезжала одинокая подвода, увозя в одну из недалеких деревень остатки еще уцелевшего имущества, то сейчас, приезжая в Смоленск, вы на восстановленном после пожара вокзале видите представителя городской полиции, четко и толково дающего справки по интересующим вас в городе вопросам и направляющего уставшего пассажира на отдых в расположенное поблизости общежитие. В городе уже нет грабежей, процветавших в первые дни; имеется вполне налаженный аппарат городского управления; есть полиция, имеющая уже немало заслуг в борьбе с встречающимися пока большевистскими агентами, старающимися так или иначе задержать ход новой жизни; действует суд на основе общепризнанных истин морали и права, разрешающий споры граждан между собой. Уже нет надобности ходить в поисках воды во рвы и овраги, так как городской водопровод действует нормально. Значительная часть населения пользуется электрическим светом. Очень неплохо работают городские больницы и амбулатории, и заболевшие жители не только города, но и прилегающих районов имеют полную возможность получить квалифицированную медицинскую помощь и надлежащий больничный уход.

Обеспечена помощь и больным животным, и восстановленная среди пожарищ на Богословской улице ветеринарная лечебница пользуется известностью как в городе, так и в деревнях.

Успешно пережиты две тяжелых в продовольственном отношении зимы. Трудность их будет очевидна сама собой, если мы вспомним, что при советской власти, даже в мирное время, положение с продовольствием было всегда очень острым, а в такие моменты, как война с Финляндией, несмотря на то что она проходила далеко от Смоленска, была полная продовольственная разруха, и очереди за хлебом устанавливались чуть ли не с вечера и притом часто бывали безрезультатными.

Большую радость доставляет вид зеленеющих огородов, покрывших как никогда густо площадь города. Это является наглядным доказательством того, что мой весенний призыв к населению не поддаваться панике, а заняться обработкой огородов, дошел по назначению, и я льщу себя надеждой, что не один хозяин, вскоре убирая урожай, помянет этот призыв добрым словом...

10 августа 1943 г.

Б. Г. Меньшагин, начальник города Смоленска

Новый путь (Смоленск). 1943. № 55 (177). 15 июля. С. 5.

<5>

Мы строим свою жизнь по нашему свободному желанию

Речь начальника города на праздновании двухлетия
со дня организации смоленского городского управления

Благодарю Вас от имени всех сотрудников, а также от своего имени за оказанную нам честь и признание работы до сего времени.

Мы сознаём, что нам не следует останавливаться в нашей работе, пока не будет достигнута окончательная победа, победа, которая безвозвратно повергнет большевизм и не только нам здесь, но и всей России принесет долгожданную свободу.

Что значит свободно распоряжаться своими силами, показали нам последние два года. Позволю себе вкратце указать на то бедственное положение, которое мы приняли в наследство от большевизма. Наш исторический Смоленск был превращен в груду развалин; население разбежалось в разные стороны; наше незначительное имущество было уничтожено пожаром и разграблено.

Везде царствовали голод, бедность и разруха!

С того времени прошло всего лишь два года, но, я полагаю, мы можем гордиться переменами жизни в нашем городе, вызванными нашей совместной работой.

Город вновь населен живыми людьми, и люди снова заняты работой. Из их заработка поступают в нашу кассу налоги, на средствах которых основано наше городское управление. Это управление заботится

о предоставлении населению продовольствия; оно следит за чистотой и порядком в городе; оно содержит лечебницы и заботится о престарелых; оно открывает школы и воспитывает нашу молодежь. И в этих школах растет новое, здоровое и свободное поколение русского народа.

С гордостью следим мы за только что проходившей перед нашими глазами стражей. Это — уже наше новое поколение. Ведь они не мобилизованы или принуждены к этой службе. Все они добровольцы и по собственной воле они борются против большевизма и сумеют умереть, если это понадобится для достижения победы над большевизмом.

Мы знаем, что только благодаря храбрости ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ нам представилась возможность строить нашу жизнь по нашему свободному желанию.

В знак нашей благодарности мы просим Вас сегодня быть нашими гостями.

Господин Генерал! Поднимаю свой бокал за Ваше здоровье и за здоровье присутствующих представителей Германской армии!

Да здравствует ГЕРМАНСКИЙ НАРОД И ЕГО ВОЖДЬ АДОЛЬФ ГИТЛЕР!

Новый путь (Смоленск). 1943. №56. 18 июля. С. 1. Без указания автора.

<6>
Письмо в редакцию

Г-н редактор!

3-й батальон пехотного стрелкового полка Добровольческой Армии собрал и передал в пользу детского дома в гор. Смоленске 9.870 руб. добровольных пожертвований. Одновременно он обратился к другим добровольческим частям, работающим в рядах Германских вооруженных сил по борьбе с большевизмом, с призывом помочь сиротам, оставшимся без родителей.

Управление начальника города через Вашу газету отмечает отзывчивость русских людей в таком сложном деле, как устройство судьбы малолетних детей, остающихся по обстоятельствам военного времени без крова, без родителей и родственников — отзывчивость, которая облегчает работу самому управлению города в этой области.

«Воспоминание о детях, наших братьях и сестренках — в наших сердцах ежедневно», — как пишут добровольцы в своем письме, сопровождающем их денежное пожертвование детскому дому. Они уверены в том, что дети, находящиеся здесь, в областях, оккупированных немецким командованием, получат надлежащее воспитание и выйдут хорошими работниками в новой культурной России, что «путь в Новую Европу им будет открыт».

Но их думы в то же время постоянно с детьми, еще остающимися «за каменной иудо-большевистской стеной»; совершенно естественно, что судьба этих детей волнует и беспокоит наших добровольцев, так как их собственные дети остались там без «приюта на произвол судьбы и там их не воспитывают, а только постепенно калечат».

Городское управление полно желания и прилагает все усилия тому, чтобы воспитать детей, попадающих в детский дом, так, как рисуется это дело отзывчивыми жертвователями 3-го батальона стрелкового полка.

Поэтому, принося через Вашу газету жертвователям сердечную благодарность за проявленную заботу о детях-сиротах, управление начальника города высказывает уверенность в том, что дети детдома вырастут деятельными работниками для нашей дорогой Родины, Новой России, причем их природные дарования будут встречать постоянно со стороны руководителей дома должные поддержку и направление.

Начальник гор. Б. Меньшагин
Начальник отдела просвещения И. Соловьев
23 августа 1943 г.

Новый путь (Смоленск). 1943. № 67 (189). 26 августа. С. 4.

<7>
Новые жертвы большевистских палачей (Кровавый террор палачей)

Сообщения, полученные из оставленного немцами Смоленска, принесли весть о беде многих наших сограждан, в том числе бывшего заместителя начальника города, а затем директора учительской семинарии профессора Бориса Васильевича Базилевского, врача Павла Ивановича Кесарева, инспектора 2-й школы Александра Михайловича Корнеева, артистки А. Бальчевской[1] и др. Эти люди были казнены на виселице вернувшимися в наш город большевистскими палачами как «изменники родины» и «враги народа».

Виноваты ли эти люди в этих приписываемых им преступлениях? Каждый мало-мальски знающий названных выше лиц отдает себе отчет, что ни изменниками своей, русской родины, ни врагами своего русского народа они не были.

Б.В. Базилевский, бывший до войны профессором астрономии Смоленского педагогического института, являлся типичным представителем интеллигенции дореволюционного периода. Он был чужд политике в полном смысле этого слова; если политика для него и существовала, то только

---

[1] Слух о такой публичной казни не подтвердился. О судьбе Базилевского и Кесарева см. выше; А.М. Корнеев и Бальчевская не упоминаются в воспоминаниях Б.Г.М.

лишь как предмет для беседы в часы досуга со своими друзьями. Во всяком случае, жизнь небесных светил представляла для него неизмеримо больший интерес, чем события на земле. Он раньше верил лицемерным заявлениям большевиков, что они уважают науку и ценят ее деятелей, и поэтому считал, что ему большевики ничего не сделают, что ведь он стал заместителем начальника города только потому, что кому-то необходимо же было приводить в порядок разрушенный войной город, чтобы облегчать положение оставшихся в нем русских жителей, и что при первой возможности он освободился от этой должности. Но горько обманулся Базилевский: он оказался среди повешенных на Молоховской площади в Смоленске.

Павел Иванович Кесарев, известный в Смоленске врач-гинеколог, эвакуировался из города в июле 1941 года вместе с отступавшими большевиками, но его эшелон был разбит, и он вернулся в занятый германской армией Смоленск. Занявшись работой в городской больнице, много добра в общечеловеческом смысле этого слова сделал этот всегда и ко всем приветливый, отзывчивый к нуждам своих пациентов человек. И вряд ли найдется кто-либо, пользовавшийся услугами врача Кесарева, кто не помянет его добрым словом. Будучи совершенно аполитичным, мечтал лишь соединиться поскорее с детьми, находившимися по ту сторону фронта, Кесарев решил остаться в Смоленске, при этом он взял на себя попечение над больными, оставшимися в городской больнице.

Но этого человека большевики повесили, так же, как и молодую 20-летнюю артистку Бальчевскую, вся вина которой заключалась в том, что она участвовала в работе городского театра, обслуживавшего русское население Смоленска и дававшего ему несколько часов отдыха в эти тяжкие суровые годы. Они пострадали, как и многие другие русские люди, брошенные в свое время удирающими большевиками на произвол судьбы и, вопреки уверениям большевиков, всё же благополучно просуществовавших без них целых два года.

Склоняя свою голову перед памятью невинно погибших сограждан, я хочу сказать всем бывшим жителям города Смоленска, разбросанным сейчас по многим городам и деревням Западных областей: мужайтесь, помните всегда, что в борьбе с большевизмом не может быть никаких компромиссов, ибо большевизм жесток, подл и коварен. И если даже вы придете к нему с распростертыми объятьями, то всё же вас ждет ничто иное, как виселица или пуля.

Б. Меньшагин, бывший начальник г. Смоленска

Новый путь (Барановичи). 1944. № 1. 4 января. С. 2. Публикация открывается неразборчивой редакционной заметкой, начинающейся так: «Не верить большевикам, не ждать от них добра, а бороться с ними всеми силами — вот задача каждого человека, к чему и призывает печатаемая статья» (далее — нрзб).

№ 6. АГЕНТУРНЫЕ ДАННЫЕ О ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ В СМОЛЕНСКЕ (Июнь–июль 1942 г.)

Секретно
25 июля 1942 г.
ЦК ВКП(б)
Тов. АЛЕКСАНДРОВУ

Направляю агентурные данные о политико-экономическом положении в районе Смоленск на 28.6.42 г.

Приложение: Упомянутое на 9 листах (только адресату)

Начальник 2 Управления Главразведуправления
Генштаба Красной Армии
полковник РАТОВ
Военный Комиссар 2 Управления Главразведуправления Генштаба Красной Армии
бригадный комиссар КИСЕЛЁВ
Начальник 1 Отдела 2 Управления ГРУ полковник ХЛОПОВ

Агентурные данные о внутреннем положении на временно-оккупированной территории в районе Смоленска на 28.6.42 г.

I. Управление областью и городом Смоленск

1. В г. Смоленск функционируют следующие учреждения: военная комендатура (в помещении быв[шего] Госбанка), окружное управление, германское областное и районное земельное управление, городское управление, гестапо, русская полиция.

2. В городском управлении функционируют отделы: промышленный, народного образования, здравоохранения, строительный, финансовый, жилищный, паспортный.

3. Начальник города подчинен военной комендатуре. Все его приказы и распоряжения исходят «по согласованию» с военной комендатурой. Полиция н[ачальни]ку города не подчинена, подчиняется гестапо.

4. Начальник города — Меньшагин Борис Георгиевич; старший агроном земельного управления — бывший агроном облзо Левченко; начальник райфо — Григорьев Алексей, быв[ший] член партии; начальник паспортного отдела — Диаконов; редактор газеты «Новый Путь» — Долгоненко только подписывает газету, фактически работает в гестапо.

II. Промышленность

1. Бывший керамический завод перестраивается в чугуннолитейный.

2. Отремонтирован и пущен в строй 1-й кирпичный завод.

3. Работает СмолГЭС, энергия отпускается только для помещения войсковых частей и учреждений.

4. Работают: молокозавод, вязальная, чулочно-тапочная мастерские, одна водокачка.

Незначительная часть населения занялась организацией частных кустарных мастерских: жестяно-скобяных, сапожных, часовых, портновских.

5. Кустарная промышленность восстанавливается медленно, из-за отсутствия сырья. Кустари работают только из материала заказчика. В частности, стоимость пошивки сапог — 50 марок (или 500 рублей).

III. Труд, использование раб[очей] силы

1. Издан приказ, все трудоспособные от 14 до 60 лет обязаны работать. Мужской труд применяется больше в учреждениях и предприятиях, женский труд — по очистке города. Зачастую на разборке сгоревших и разрушенных зданий можно встретить врачей, медсестер, учителей, бухгалтеров и работников других квалифицированных групп. Зарплата на предприятиях и в учреждениях от 240 до 600 рублей, по очистке города 150 рублей в месяц совзнаками. Введен подушный налог на городское население. Каждый проживающий в городе, в возрасте от 16 до 60 лет, вне зависимости от его трудоспособности обязан платить 120 рублей в год.

2. Рабочий день на предприятиях и в учреждениях введен с 7 часов утра до 5 часов вечера, с перерывом для обеда на 1 час.

3. На работу в предприятия и учреждения принимаются только «благонадежные» — антисоветские элементы.

4. Массовая безработица в городе возродила проституцию, женщины вынуждены продавать свое тело немецким солдатам и офицерам. 50–60 % русских девушек «торгуют» телом на дому, в таком же положении находятся и женщины-матери. В здании гостиницы открыт постоянно действующий дом терпимости. Официальные браки немцев с русскими воспрещены, разрешаются только с украинками.

5. В официальных документах немцы называют русских «туземцами». В специальном положении о работе на ж[елезной] д[ороге] воспрещен самовольный уход, рабочие караются по законам военного времени.

6. В городе циркулируют упорные слухи об эвакуации в Германию мужского населения от 16 до 60 лет. Очевидно, для этой цели по городу производится перепись мужского населения.

7. На предприятиях города имеют место телесные наказания. Так, в начале апреля с. г. на пивзаводе 5 человек рабочих «высекли» за то, что они во время работы самовольно выпили по бокалу «хозяйского» пива. Этот случай особенно возмутил население города. В результате даже от антисоветски настроенных элементов зачастую можно услышать реплики: «поскорей бы пришли свои».

IV. Сельское хозяйство

1. Немцы широко пропагандируют о том, что областные и районные немецкие земельные управления проводят политику «раскрепощения крестьян от большевистского ига». Немцы пропагандируют, что Гитлер-освободитель передал землю крестьянам в частную собственность и наделил крестьянство «бесплатным приусадебным участком». Земля распределена, нарезаны полосы одинаковые для каждого двора, вне зависимости от наличия семьи и трудоспособных членов семьи.

2. Введены налоги с каждого крестьянского двора: военный налог 400 рублей, поземельный — 200 рублей. Обязательные поставки: молоко — 500 литров с коровы, яиц — 35 шт. с курицы, 50 кг мяса с каждого двора, вне зависимости от наличия скота. Кроме перечисленных обязательств, 60 % нового урожая крестьяне обязаны сдать «государству». За невыполнение поставок молока, яиц отбирают корову и кур, а «саботажника» хозяина наказывают розгами. (Случай в деревне Рясино).

V. Железнодорожный транспорт

1. На ж/д ст. Смоленск 4 линии перешиты на европейскую колею, из них 2 — запасные. На 1-й сортировочной — перешито 6 запасных путей. На Московском, Минском, Витебском, Рославльском направлениях ж[елезной] д[ороги] сообщение функционирует. В направлении Елань ж[елезно]д[орожная] линия не работает, рельсы сняты.

2. Восстановлено депо ст. Смоленск. Там же работает водокачка.

3. Для работы на ж[елезной] д[ороге] мобилизовано большинство русских. Ведущие профессии в поездах и на станциях выполняют немцы.

VI. Народное образование

1. В городе школы не работают, но занятия предполагаются в последних числах июля месяца. Согласно объявления в газете от 25.6.42, по городу с 25.6. по 5.7. проводится регистрация детей школьного возраста от 7 до 15 лет.

2. Из неопубликованного проекта имеются сведения о порядке обучения детей. Обязательному обучению подлежат дети от 7 до 15 лет. Три года общее бесплатное обучение, четыре года специального обучения и непосредственно на производстве в качестве ученика и три года в качестве подручного. За проступки детей в школах вводятся телесные наказания детей и родителей.

3. В городе открыта музыкальная школа, где обучается до 40 чел. молодежи «антисоветских элементов».

4. Театр не работает. Приступило к работе БОКС (бюро организации концертов). За всё время оккупации дано 5 концертов.

VII. Здравоохранение

1. В городе работает одна городская больница, лечение платное. За каждый амбулаторный прием взимается 5 рублей. За больных, находящихся на стационарном лечении, взимается 10 рублей в сутки.

2. На весь город, с населением по данным на 1 мая 1942 г. в 24 328 человек, работает одна баня на 50 мест владельца Кудрявцева.

VIII. Снабжение

1. На хлеб введена карточная система. В городе открыто всего 3 хлебных магазина. Один — в Заднепровском, второй — в Сталинском и третий в Красноармейском районах. Работают 2 частные чайно-закусочные, стоимость обеда — 10 марок (100 рублей).

2. Установлен паек для рабочих, служащих предприятий и учреждений: 200 грамм хлеба стоимостью 1 рубль за килограмм.

3. Рабочие и служащие предприятий и учреждений пользуются столовыми, в которых готовятся только первые блюда; суп постный, вызывающий только отвращение.

4. Неработающие по каким-то причинам (по болезни, инвалиды, престарелые, матери, имеющие детей) получают 150 грамм хлеба. Никаких пособий и пенсий для инвалидов не выделяется.

5. Население города питается как попало и чем попало. Мяса в городе нет с момента его оккупации. Никаких продуктов, кроме хлеба по карточкам, в магазинах нет. Очень многие семьи питаются из помоек немецких кухонь.

IX. Торговля

1. В городе функционирует частная торговля, причем специальным распоряжением запрещено продавать на рынке: мясо, масло, муку, табак и вино. Все остальные продукты питания и личного обихода свободно продаются на рынке, но по слишком вздутым спекулятивным ценам. Установлен прейскурант цен, но его никто не придерживается.

2. Прейскурант цен:

Товар	Единица измерения	Установлено	Фактически	
		в сов. рублях	в марках	в сов. рублях
Хлеб	1 кг	1	10	100
Молоко	1 литр	1	3	30
Яйца	1 шт.	0,6	1–1,5	10–15
Картофель	1 кг	0,5	1	10
Сахар	1 кг	6	20	200
Крупа гречн[евая]	1 кг	4,5	15	150

3. Рабочие и служащие на свою зарплату не могут обеспечить себя хотя бы скромным прожиточным минимумом. Поэтому большинство честных советско-настроенных людей прожили и проели все запасы одежды, обуви и других предметов личного обихода. Всё забирает деревня за кусок хлеба, килограмм картофеля.

4. Часть населения занимается спекуляцией и меняет яйца в немецких кухнях на крупу, песок, табак, вино. Так, за 10 яиц стоимостью 10 марок немецкий повар дает 10 стаканов крупы. За стакан крупы спекулянт на рынке получает 3 марки и имеет в результате обмена 30 марок.

5. Советские деньги котируются по номиналу одна марка равна 10 рублям. Зарплата во всех учреждениях выдается в совзнаках, за исключением германского земельного управления и немецких госпиталей, где 50% выплачивается марками. Расчеты населения с учреждениями и квартплата принимается в совзнаках.

6. На рынке совзнаки буквально игнорируются и никаких продуктов или предметов личного обихода купить невозможно. Рынок торгует исключительно на марки. Из статьи в газете «Новый Путь» за апрель месяц видно, что на Украине совзнаки заменены украинскими карбованцами.

X. Почта, телеграф

1. Почта и телеграф население не обслуживают.
2. Работает радио.

XI. Печать

1. Выходящие в свет фашистские газеты «Новый путь», «Колокол» и журнал «Новый путь» ратуют за победу над большевиками, призывают население жестоко расправляться с коммунистами и коммунистически настроенными лицами, призывают к уничтожению партизан. Об освобождении регулярными частями Красной армии ряда северо-восточных районов фашистские газеты продолжают упорно молчать. Единственная статья в газете «Новый Путь» сообщала, что в лесах Ильинского, Велижского, Слободского и ряда других районов слишком много развелось

партизанских «банд», которые сжигают села, расстреливают население и уничтожают скот. Газета «Новый путь» поместила подвальную статью о 2-м фронте «Большевики просчитались», где пишет, что большевики создания 2-го фронта не дождутся, так как Америка и Англия не в состоянии создать его за отсутствием людских резервов и вооружения.

XIII. Городской режим

1. Приказом военной комендатуры — движение по городу разрешается на июнь–август с 5 часов утра до 9 часов вечера. Нарушителей установленного порядка забирают в полицию и ведут следствие о причинах появления на улицах в неустановленное время. Выход из квартир в ночное время при налетах авиации воспрещен. Появившиеся в это время на улицах рискуют жизнью, так как полиции разрешается по нарушителям стрелять без предупреждения.

2. Все улицы города, за исключением Ново-Московской, переименованы.

XIV. Внутренняя охрана города

1. Организована усиленная охрана города. Кроме штатной полиции, агентов и скрытой агентуры имеется сеть комендантов домов, на каждые 15–20 домов — один комендант, а в домах уполномоченные, подобранные из антисоветских элементов.

В функции уполномоченных входит:

а) Сбор квартирной платы (Квартплата установлена по нашим максимальным ставкам 1 р. 32 коп. за кв. метр жилплощади).

б) Наблюдение за движением квартиросъемщиков.

в) Наблюдение за появлением новых лиц в квартирах.

г) Наблюдение за пропиской жильцов.

д) Охрана территории от большевистских листовок.

XVII. Порядок выдачи документов

Выдачей документов на право жительства в городе ведает непосредственно начальник города Меньшагин Б. Г., на имя которого подаются заявления с приложением документов, подтверждающих личность.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 92. Л. 102–111. Машинопись. Впервые в составе публикации: «Поскорей бы пришли свои» Об оккупационном режиме в Смоленске в начальный период Великой Отечественной войны / Публ. А. Лукашина; вст. заметка А. Сорокина // Родина. 2013. № 9. С. 121–124.

№ 7. ОБ УВОЛЬНЕНИИ ИЗ ПЛЕНА БЫВШИХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ

<1>
ПРОШЕНИЕ
об увольнении военнопленного (бывшего красноармейца)

Имя и фамилия военнопленного: *Александр Ковалев*
Национальность: *русский* Время рождения: *1905 года*
Место рождения: *хутор Хорновка* Район: *Успенский* Область: *Орловская*
Место жительства до войны: *хутор Хорновка* Район: *Успенский* Область: *Орловская*
Место жительства в настоящее время: Район: Область:
или назв. и № лагеря военнопл.: *В лагере 126 в городе Смоленске*
Профессия: *кузнец-молотобоец* Род занятий: *кузнец-молотобоец*
Семейное положение: Число детей:
Документы военнопленного, предъявленные при ходатайстве:
Куда испрашивается увольнение: *в город Смоленск*
Или куда испрашивается назначение на работу: *в инфекционной больнице городского Управления* В качестве кого: *кузнеца*
По какой причине испрашивается увольнение: *Военнопленный весьма нужен для дальнейшей работы в инфекционной больнице из-за недостатка рабочих в городе*
Имя и фамилия ходатайствующего: *Смоленское Городское Управление*
Степень родства с военнопленным (отец, мать, жена):

Приметы военнопленного

Рост: Фигура: Глаза: Волосы: Особые приметы:

Поручительство

Свидетельствую правдивость вышеперечисленных показаний, а также ручаюсь за благонадежность вышеназванного военнопленного: *Александра Ковалева*, который не будет вредить германским интересам.

Бургомистр: *Меньшагин*
Город: *Смоленск, 12 августа* 1942 г.

ANTRAG
auf Entlassung/Beurlaubung (ehemal. russ. Soldaten)
aus der Kriegsgefangenschaft

Name: *Alexander Kowalew*
National.: *Russe*
Geburstag u. Ort: *1905, ch. Chornovka* Ray. *Uspensk* Geb.: *Orel*
Wohnort vor 22.6.41: *ch. Chornovka* Ray. *Uspensk* Geb.: *Orel*
Jetziger Aufenthaltsort: Ray. Geb.:
bzw. Kriegsgefengenenlager: *126 Smolensk*
Erlernter Beruf: *Schmied-Hammerschläger* Ausgeübte Beruf: *Schmied-Hammerschläger*
Verheiratet: — Kinder: –
Ausweispapiere vorhanden:
Entlassung/Beurlaubung beantragt nach: *Smolensk*
bzw. zur Arbeit einzusetzen in: *Infektionskrankenhaus* als: *Schmied*
Grund der Antragstellung: *der Kriegsgefangener ist für weitere Arbeit im Infektionskrankenhaus nötig, da es Mangel an Arbeiter in Smolensk gibt*
Beziehung zum Gefg. (Mutter, Frau usw.) –

Beschreibung d. Krgf.:

Größe: Haare: Augen: Gestalt: Bes. Kennz.:
Bürgerschaftserklärung
Die Richtigkeit der obigen Angaben bescheinige ich. Der *Kowalew Alexander* wird sich den deutschen Interessen nicht entgegenstellen. Ich bürge für seine politische Zuverläßigkeit.
Der Bürgermeister: *Menschagin* Ort u. Datum: *Smolensk, 12. August 42*

Nur für deutsche Dienststellen!
Obiger Antrag wurde bevorwörtet von: Außenstelle der Kdtr Abt. VII Kr.Gef. bei der Stadt Smolensk
Begründung: *Mangel an Facharbeiter*
Dienststelle u. Unterschrift:
Der Antrag wurde durch die Kommandatur Smolensk befürwortet.
Für die Kommandatur
Der Cheff des Kommandostabes A. B. Oberkriegsverwaltungsrat:

ГАСО. Ф. Р-2573. Оп. 1. Д. 4. Л. 44–45. Печати: Бургомистра Смоленска — на русском варианте, бургомистра и комендатуры Смоленска — на немецком.

Впервые: «...Все судьбы в единую слиты...» По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков / Авт.-сост.: Н.Г. Емельянова, А.М. Дедкова, О.В. Виноградова, Г.В. Гаврилова, В.А. Кононов. Смоленск: Маджента, 2003. С. 18–19 (Факсимиле).

<2>
ПРОШЕНИЕ
об увольнении военнопленного (бывшего красноармейца)

Имя и фамилия военнопленного: *Николай Толкачев*
Национальность: *Русский* Время рождения: *1914 года*
Место рождения: *село Кичанино* Район: *Арзамасский*
Область: *Горьковская*
Место жительства до войны: *село Кичанино* Район: *Арзамасский*
Область: *Горьковская*
Место жительства в настоящее время: Район: Область:
в гор. Смоленске в инфекционной больнице
или назв. и № лагеря военнопл.:
числится за лагерем № 126 в гор. Смоленске
Профессия: *Шофер* Род занятий: *Шофер*
Семейное положение: *Женат* Число детей: *двое*
Документы военнопленного, предъявленные при ходатайстве:
Куда испрашивается увольнение: *в город Смоленск*
Или куда испрашивается назначение на работу: *в инфекционной больнице городского*
В качестве кого: *шофера*
По какой причине испрашивается увольнение: *Военнопленный весьма нужен для дальнейшей работы в инфекционной больнице из-за недостатка рабочих в городе*
Имя и фамилия ходатайствующего: *Смоленское Городское Управление*
Степень родства с военнопленным (отец, мать, жена):

Приметы военнопленного

Рост: *средний* Фигура: *стройная* Глаза: *карие* Волосы: *шатэн*
Особые приметы: —

Поручительство

Свидетельствую правдивость вышеперечисленных показаний, а также ручаюсь за благонадежность вышеназванного военнопленного: *Николая Толкачева*, который не будет вредить германским интересам.

Бургомистр: *Б. Меньшагин*
Город: *Смоленск, 12 августа* 1942 г.

<3>

Управление города Смоленска

УДОСТОВЕРЕНИЕ № *1769*

(Действительно до *1 октября 1942 г.*)

Г-н *Толкачев Николай Васильевич*, проживающий(ая) в г. Смоленске *при инфекционной больнице*, состоит на работе в управлении г. Смоленска *«15» июля* 1942 г. *шофер автомашины.*

~~Заместитель~~ начальник~~а~~ города *Б. Меньшагин* ~~(Гандзюк)~~

Начальник отдела Городской врач <Подпись>

ГАСО. Ф. Р-2573. Оп. 1. Д. 4. Л. 39–41. Немецкие эквиваленты документов <2> и <3> опущены.

№ 8. «СМОЛЕНСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ»

27 декабря 1942 г.

«СМОЛЕНСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ»: ОБРАЩЕНИЕ РУССКОГО КОМИТЕТА К БОЙЦАМ И КОМАНДИРАМ КРАСНОЙ АРМИИ, КО ВСЕМУ РУССКОМУ НАРОДУ И ДРУГИМ НАРОДАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Друзья и братья!

Большевизм — враг русского народа. Неисчислимые бедствия принес он нашей Родине и, наконец, вовлек Русский народ в кровавую войну за чужие интересы. Эта война принесла нашему Отечеству невиданные страдания. Миллионы русских людей уже заплатили своей жизнью за преступное стремление Сталина к господству над миром, за сверхприбыли англо-американских капиталистов. Миллионы русских людей искалечены и навсегда потеряли трудоспособность. Женщины, старики и дети гибнут от холода, голода и непосильного труда. Сотни русских городов и тысячи сел разрушены, взорваны и сожжены по приказу Сталина.

История нашей Родины не знает таких поражений, какие были уделом Красной Армии в этой войне. Несмотря на самоотверженность бойцов и командиров, несмотря на храбрость и жертвенность Русского народа, проигрывалось сражение за сражением. Виной этому — гнилость всей большевистской системы, бездарность Сталина и его главного штаба.

Сейчас, когда большевизм оказался неспособным организовать оборону страны, Сталин и его клика продолжают с помощью террора и лживой пропаганды гнать людей на гибель, желая ценою крови Русского народа удержаться у власти хотя бы некоторое время.

Союзники Сталина — английские и американские капиталисты — предали русский народ. Стремясь использовать большевизм для овладения природными богатствами нашей Родины, эти плутократы не только спасают свою шкуру ценою жизни миллионов русских людей, но и заключили со Сталиным тайные кабальные договоры.

В то же время Германия ведет войну не против Русского народа и его Родины, а лишь против большевизма. Германия не посягает на жизненное пространство Русского народа и его национально-политическую свободу.

Национал-социалистическая Германия Адольфа Гитлера ставит своей задачей организацию Новой Европы без большевиков и капиталистов, в которой каждому народу будет обеспечено почетное место. Место Русского народа в семье европейских народов, его место в Новой Европе будет зависеть от степени его участия в борьбе против большевизма, ибо уничтожение кровавой власти Сталина и его преступной клики — в первую очередь дело самого русского народа.

Для объединения Русского народа и руководства его борьбой против ненавистного режима, для сотрудничества с Германией в борьбе с большевизмом за построение Новой Европы, мы, сыны нашего народа и патриоты своего Отечества, создали Русский Комитет.

Русский Комитет ставит перед собой следующие цели:

а. Свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма.

б. Заключение почетного мира с Германией.

в. Создание, в содружестве с Германией и другими народами Европы, Новой России без большевиков и капиталистов.

Русский Комитет кладет в основу строительства Новой России следующие главные принципы:

1. Ликвидация принудительного труда и обеспечение рабочему действительного права на труд, создающий его материальное благосостояние;

2. Ликвидация колхозов и планомерная передача земли в частную собственность крестьянам;

3. Восстановление торговли, ремесла, кустарного промысла и предоставление возможности частной инициативе участвовать в хозяйственной жизни страны;

4. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа;

5. Обеспечение социальной справедливости и защита трудящихся от всякой эксплуатации;

6. Введение для трудящихся действительного права на образование, на отдых, на обеспеченную старость;

7. Уничтожение режима террора и насилия, введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности и жилища;

8. Гарантия национальной свободы;

9. Освобождение политических узников большевизма и возвращение из тюрем и лагерей на Родину всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма;

10. Восстановление разрушенных во время войны городов и сел за счет государства;

11. Восстановление принадлежащих государству разрушенных в ходе войны фабрик и заводов;

12. Отказ от платежей по кабальным договорам, заключенным Сталиным с англо-американскими капиталистами;

13. Обеспечение прожиточного минимума инвалидам войны и их семьям.

Свято веря, что на основе этих принципов может и должно быть построено счастливое будущее Русского народа, Русский Комитет призывает всех русских людей, находящихся в освобожденных областях и в областях, занятых еще большевистской властью, рабочих, крестьян, интеллигенцию, бойцов, командиров, политработников объединяться для борьбы за Родину, против ее злейшего врага — большевизма.

Русский Комитет объявляет врагами народа Сталина и его клику.

Русский Комитет объявляет врагами народа всех, кто идет добровольно на службу в карательные органы большевизма — Особые отделы, НКВД, заградотряды.

Русский Комитет объявляет врагами народа тех, кто уничтожает ценности, принадлежащие Русскому народу.

Долг каждого честного сына своего народа — уничтожать этих врагов народа, толкающих нашу Родину на новые несчастья. Русский Комитет призывает всех русских людей выполнить этот долг.

Русский Комитет призывает бойцов и командиров Красной Армии, всех русских людей переходить на сторону действующей в союзе с Германией Русской Освободительной Армии. При этом всем перешедшим на сторону борцов против большевизма гарантируется неприкосновенность и жизнь, вне зависимости от их прежней деятельности и занимаемой должности.

Русский Комитет призывает русских людей вставать на борьбу против ненавистного большевизма, создавать партизанские освободительные отряды и повернуть оружие против угнетателей народа — Сталина и его приспешников.

Русские люди! Друзья и братья!

Довольно проливать народную кровь! Довольно вдов и сирот! Довольно голода, подневольного труда и мучений в большевистских застенках! Вставайте на борьбу за свободу! На бой за святое дело нашей Родины! На смертный бой за счастье Русского народа! Да здравствует почетный мир с Германией, кладущий начало вечному содружеству Немецкого и Русского народов! Да здравствует Русский народ, равноправный член семьи народов Новой Европы!

Председатель Русского Комитета
Генерал-лейтенант А. А. Власов
Секретарь Русского Комитета
Генерал-майор В. Ф. Малышкин

27 декабря 1942 г.
г. Смоленск

№ 9. УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 19 АПРЕЛЯ 1943 г.

<1>

19 апреля 1943 года

Указ Президиума Верховного Совета СССР
№ 160/23 от 19 апреля 1943 года
«О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников»

Не для печати

В освобожденных Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков городах и селах обнаружено множество фактов неслыханных зверств и чудовищных насилий, учиненных немецкими, итальянскими, румынскими, венгерскими, финскими фашистскими извергами, гитлеровскими агентами, а также шпионами и изменниками родины из числа советских граждан над мирным советским населением и пленными красноармейцами. Многие десятки тысяч ни в чем неповинных женщин, детей и стариков, а также пленных красноармейцев зверски замучены, повешены, расстреляны, заживо сожжены по приказам командиров воинских частей и частей жандармского корпуса гитлеровской армии, начальников гестапо, бургомистров и военных комендантов городов и сел, начальников лагерей для военнопленных и других представителей фашистских властей.

Между тем, ко всем этим преступникам, виновным в совершении кровавых расправ над мирным советским населением и пленными красноармейцами, и к их пособникам из местного населения применяется в настоящее время мера возмездия, явно не соответствующая содеянным ими злодеяниям.

Имея в виду, что расправы и насилия над беззащитными советскими гражданами и пленными красноармейцами и измена родине являются самыми позорными и тяжкими преступлениями, самыми гнусными злодеяниями, Президиум Верховного Совета СССР **постановляет**:

1. Установить, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение.

2. Пособники из местного населения, уличенные в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, караются ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.

3. Рассмотрение дел о фашистских злодеях, виновных в расправах и насилиях над мирным советским населением и пленными красноармейцами, а также о шпионах, изменниках родины из числа советских граждан и о их пособниках из местного населения возложить на военно-полевые суды, образуемые при дивизиях действующей армии в составе: председателя военного трибунала дивизии (председатель суда), начальника особого отдела дивизии и заместителя командира дивизии по политической части (члены суда), с участием прокурора дивизии.

4. Приговоры военно-полевых судов при дивизиях утверждать командиру дивизии и приводить в исполнение немедленно.

5. Приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов при дивизиях — повешение осужденных к смертной казни — производить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и кто предает свою родину.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

Москва, Кремль. 19 апреля 1943 года

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 67. Л. 5–6. Экз. № 1. Из двух подписей наличествует только одна — Горкина. Публикуется по оригиналу. Впервые: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Сост. Г.А. Зайцев. М.: Республика, 1993. С. 148–149 (только преамбула и часть 1). Впервые полностью, но без указания номера: Zeldner M. Stalinjustitz contra NS-Verbrechen. Die Kriegsverbrechenprozesse gegen deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR in den Jahren 1943–1952. Kenntnisstand und Forschungsprobleme. Dresden, 1996. S. 52–54. Со ссылкой на: BA Koblenz. Bt. 305. Bd. 515. Die Quellen sind aus der Zentralen Rechtsschutzstelle des Auswärtigen Amts: Aussagen von Heimkehrern zu den Prozessen in der UdSSR. Впервые полностью: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. II / Ред. Г. Ф. Весновская. Курск: Курск, 1999. С. 236–237. Действие Указа было прекращено УПВС от 11 января 1983 г.

<2>
Совместная директива НКВД и НКГБ СССР № 494/94 от 11 сентября 1943 года

Сов. секретно

Народным комиссарам внутренних дел
союзных и автономных республик
Начальникам управлений НКВД краев и областей
Народным комиссарам государственной безопасности
союзных и автономных республик
Начальникам управлений НКГБ краев и областей
Начальникам транспортных и водных отделов НКГБ
Начальнику управления войск НКВД по охране тыла
действующей Красной армии (по списку)

В дополнение к данным ранее указаниям о порядке производства арестов в районах, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков, полицейских, сельских старост и других ставленников и пособников оккупантов, предлагается руководствоваться следующим:

1. Из лиц, состоявших на службе в полиции, а также в «Народной страже», «Народной милиции», «Русской Освободительной Армии», «Национальных легионах» и других подобных организациях, созданных немецко-фашистскими захватчиками на оккупированной территории, — впредь арестовывать:

а) руководящий и командный состав органов полиции и всех перечисленных организаций. Лица, оказывавшие помощь партизанам, военнослужащим Красной Армии, находившимся в плену или в окружении противника, или помогавшие населению в саботаже мероприятий оккупационных властей — аресту не подлежат;

б) рядовых полицейских и рядовых участников перечисленных выше организаций, принимавших участие в карательных экспедициях против партизан и советских патриотов или проявлявших активность при выполнении возложенных на них оккупантами обязанностей;

в) бывших военнослужащих Красной армии, перебежавших на сторону противника или добровольно сдавшихся в плен, изменивших Родине, а затем поступивших на службу в полицию, «Народную стражу», «Народную милицию», «РОА», «Национальные легионы» и другие подобные организации, созданные немецко-фашистскими захватчиками;

г) бургомистры и другие крупные чиновники созданного немцами административно-хозяйственного аппарата в городах, а также гласные и негласные сотрудники гестапо и других карательных и разведывательных органов противника подлежат аресту в ранее установленном порядке.

2. Из сельских старост аресту подлежат те, в отношении которых будут установлены факты активного пособничества оккупантам: связь с карательными или разведывательными органами противника, выдача оккупантам советских патриотов, притеснение населения поборами и т. п.

3. Лиц призывного возраста, работавших при немцах в качестве сельских старост, рядовых полицейских, а также являвшихся рядовыми участниками «Народной стражи», «Народной милиции», «РОА», «Национальных легионов» и других подобных организаций, в том числе бывших военнослужащих Красной Армии, если в отношении их отсутствуют данные об изменнической и предательской работе, направлять в специальные лагеря НКВД для фильтрации в порядке, установленном для лиц, вышедших из окружения и находившихся в плену у немцев.

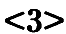
Лиц непризывного возраста этих же категорий немецко-фашистских пособников, не подлежащих аресту в соответствии с пунктами 1 и 2 настоящей директивы, органам НКГБ брать на учет и под наблюдение.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Генеральный Комиссар Госбезопасности Л. Берия
Народный комиссар госбезопасности Союза ССР
Комиссар Госбезопасности 1-го ранга В. Меркулов

№ 494/94 11 октября 1943 года.

ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 734. Л. 53–54.

Впервые: Дюков А. Р. Советские репрессии против прибалтийских коллаборационистов Гитлера: Новые документы // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2007. Т. 5. С. 118–120; Дюков А. Р. Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). М., 2007. С. 121–123.

<3>

Постановление № 22/м/16/у/сс Пленума Верховного суда СССР «О квалификации действий советских граждан по оказанию помощи врагу в районах, временно оккупированных немецкими захватчиками»

25 ноября 1943 года

Судебная практика военных трибуналов показывает, что военные трибуналы квалифицируют как измену Родине всякое содействие, оказанное советскими гражданами немецким захватчикам в период временной оккупации той или иной местности, независимо от характера этого содействия.

Такая квалификация в ряде случаев является неправильной и не соответствует Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., который проводит различие между изменниками Родины и пособниками врага.

Пленум Верховного суда СССР **постановляет** дать судам следующие указания:

1. Советские граждане, которые в период временной оккупации той или иной местности немецкими захватчиками служили у немцев в органах гестапо или на ответственных должностях (бургомистры, начальники полиции, коменданты и т. п.), доставляли врагу сведения, составляющие военную или государственную тайну; выдавали или преследовали партизан, военнослужащих Красной Армии, советских активистов и членов их семей; принимали непосредственное участие в убийствах и насилиях над населением, грабежах и истреблении имущества граждан и имущества, принадлежащего государству, колхозам, кооперативным и общественным организациям, а равно военнослужащие, перешедшие на сторону врага, — подлежат ответственности за измену родине по ст. ст. 58-1а или 58-1б УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, а в случаях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., по ст. 1 этого Указа.

2. Лица, выполнявшие задания немецких захватчиков по сбору продовольствия, фуража и вещей для нужд германской армии, по восстановлению предприятий промышленности, транспорта и сельского хозяйства или оказавшие иное активное содействие, при отсутствии в их действиях признаков, указанных в п. 1, — подлежат ответственности как пособники, по ст. 58-3 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других республик, а в надлежащих случаях по ст. 2 Указа от 19 апреля 1943 г.

3. Не подлежат привлечению к уголовной ответственности:

а) советские граждане, занимавшие административные должности при немцах, если будет установлено, что они оказывали помощь партизанам, подпольщикам и частям Красной Армии или саботировали выполнение требований немецких властей, помогали населению в сокрытии запасов продовольствия и имущества или другими способами содействовали борьбе с оккупантами;

б) мелкие служащие административных учреждений, рабочие и специалисты, занимавшиеся своей профессией (врачи, ветеринары, агрономы, инженеры, учителя и т. п.), если они не совершили преступных действий, подпадающих под пункты 1 и 2 настоящего постановления.

4. Добровольная явка с повинной, при отсутствии тяжких последствий преступной деятельности обвиняемого, должна рассматриваться как смягчающее вину обстоятельство.

Председатель Верховного суда СССР — Голяков.
Секретарь Пленума Верховного суда СССР — Смолицкий.

Оригинал: ГА РФ. Ф. Р-9474. Оп. 1. Д. 136. Л. 24–25. Постановление, как и ограничительный гриф на нем, признаны утратившими силу Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 30 ноября 1990 г.

№ 10. Б. В. БАЗИЛЕВСКИЙ. СВИДЕТЕЛЬСТВА И ДОПРОСЫ

<1>
Собственноручные показания Б. В. Базилевского, сделанные им назавтра после ареста

28 сентября 1943 года

Обшая картина жизни в Смоленске во время немецкой оккупации

Через десять дней после оккупации немцами города Смоленска немецкие власти в лице комендатуры приступили к организации «Управления города» для налаживания жизни оставшегося в городе населения; по требованию немецких властей заняться этим делом должна была находящаяся в городе интеллигенция.

В этот момент в городе находились: адвокат Меньшагин, профессор Базилевский, профессор Ефимов, доцент Ефимов и художник Мушкетов, доцент Соловьев. Названные лица и составили правление города, причем Начальником города был назначен адвокат Б. Г. Меньшагин, его заместителем Б.В. Базилевский, И.Е. Ефимов и К.Е. Ефимов, В.И. Мушкетов и И. И. Соловьев заняли места членов правления. В городе царили полнейший хаос и безвластие в смысле внешнего порядка. Несмотря на продолжающийся обстрел города русскими (из-за Днепра), окрестные крестьяне массами наполнили город и стали грабить и грузить на возы имущество граждан, покинувших город. Масса немецких солдат и офицеров с насмешками на лицах фотографировала эту тяжелую картину, и сознательным русским людям было стыдно проходить в это время по улицам города. Грабились не только частные квартиры, но некоторые казенные здания, и в том числе театр, откуда увозились столы, стулья, кровати, костюмы из гардеробной театра; остановить этот грабеж не было никакой возможности, по крайней мере, в первые дни по «организации» Управления города.

Некоторый порядок в этом отношении удалось навести лишь постепенно.

Обязанности между членами городского Управления распределились так: профессор И. Е. Ефимов возглавил «отдел просвещения», первой

задачей которого было учесть учительский состав города и в меру возможности помочь ему устроиться на работу для возможности существования; доцент И.И. Соловьев занял должность зам. начальника отдела просвещения, и его непосредственному ведению была поручена забота о научных библиотеках и обсерватории с целью сохранения этих учреждений; последней задаче не суждено было осуществиться, так как книги позже частью были уничтожены немцами или увезены ими из Смоленска, а обсерватория за день или за два до оставления немцами Смоленска была сожжена, когда выяснилось, что проф. Базилевский и проф. Ефимов в обсерватории не нашлись и где-то скрываются, ожидая прихода русских, так как одному из принимавших участие в поджоге обсерватории было известно, что названные профессора (в городе) и не выехали по эвакуации. Доцент К.Е. Ефимов возглавил заботы об оказании русскому населению хотя бы самой элементарной медицинской помощи, так как говорить в тот момент о более серьезной помощи не приходилось, ибо в городе не было ни больницы, ни аптеки, Художнику В.И. Мушкетову была поручена забота о сохранении имущества театра и музеев, так как последние также не избежали участи разграбления; этими мерами было положено начало «отделу искусств».

Совершенно очевидно, что перечисленные отделы отнюдь не исчерпывали всех насущных вопросов жизни города в части его русского населения.

Возникал существенный вопрос о распределении сохранившегося жилищного фонда между прибывающим из деревень и с разбитых эвакуационных эшелонов населением. Пришлось организовать «жилищный отдел», руководство которым бургомистр (начальник города) поручил пришедшему в то время в Смоленск (с биостанции) проф. В.И. Меландеру. Параллельно был создан и аппарат этого отдела в лице уличных (участковых) комендантов, через которых и производился потом учет и распределение жилищ. В период между 25–31/VII пришел в Управление инженер И.П. Райский, которому и была предоставлена должность городского архитектора и при нем организована строительная контора, выполнявшая потом ремонт и восстановление некоторых домов.

Чрезвычайно сложную задачу представлял вопрос о снабжении города водой, о пуске в ход мельниц и т.п.; пришлось создавать «отдел городских предприятий»; этот отдел возглавил инженер П.С. Наумов.

В итоге организации всех этих отделов пришлось организовать отделы: «административный» (нач. И.В. Репухов), «финансовый» (нач. А.В. Василевский), «ветеринарный» (фамилии начальника не помню). Жизнь в городе, вопреки утверждениям начальника города, налаживалась медленно и с большим трудом, так как немцы всюду совали свой нос, требовали от городского управления краски, гвоздей, посуды, котлов и проч., словом, всего того, чего в городе не было или было очень мало,

так как все запасы были уничтожены пожаром. Никаких резонов во внимание не принималось, немецкие солдаты всюду хозяйничали, брали в домах что хотели, у жителей снимали чугунные плиты и переносили их к себе, оставляя жителей в безвыходном положении.

Еще ужаснее было поведение фашистов в отношении еврейского населения. Приблизительно 28 или 30 июля комендант фон Швец отдал распоряжение о создании в Смоленске «гетто», для которого были отведены так называемые «Садки», всё русское население должно было бросить свои насиженные места и переселяться в другие части города, а на их места должны были переселиться евреи.

Переселение это немецкие жандармы осуществляли не просто со своей обычной грубостью, а с форменным издевательством. Лицам не давали транспорта, и они должны были на ручных тележках перевозить тяжелую мебель. В связи со срочностью этого переселения (вначале был срок к 3/VIII) сталкивались на узком временном мосту потоки из «Садков» и в «Садки».

Старостой (или старшиной) гетто комендатура назначила известного в Смоленске дантиста, д-ра Пайнсона; в частых разговорах со мной доктор Пайнсон неоднократно жаловался на эту тяжелейшую обузу, которую он должен нести в интересах еврейского населения без всяких перспектив на благополучный исход. Несколько раз гетто подвергалось «налогам», при которых население гетто должно было снабжать немцев теплой, в особенности меховой, одеждой, так как приближалась зима. По рассказам часто бывавшей у меня Берты Ильиничны Гейвашович (до войны много лет работавшей секретарем деканата физмата), женщины очень правдивой и культурной — эти налоги «собирались» немецкими жандармами и сопровождались неописуемой грубостью, а весьма часто и побоями стариков, женщин и детей.

Посадив население города на голодный паек (без снабжения неработающих), немцы и население гетто всё полностью оставили без пайка, предоставив ему изыскивать пропитание неведомыми путями. Пока население гетто направлялось на работу по уборке улиц города (чтобы удобно было ездить немецким автомобилям), работающие получали только скудный хлебный паек (кажется, 200 г); когда же, по распоряжению комендатуры, население гетто прикрепили к работе на железной дороге, положение с питанием работающих получило какой-то хаотический характер — в одном месте (дальше от вокзала) иногда ничего не давали, а в другом (ближе к вокзалу) давали суп, которого хватало не только работающему, но и его домашним; однако чаще всё же не хватало, и скромная и деликатная Гейвашович, несмотря на всё свое стеснение, вынуждена была брать тот хлеб, которым я и жена, с полной искренностью могли с нею поделиться.

В Смоленске евреи работали в городе, а потом почти исключительно на вокзале; отдельных специалистов — плотников, столяров, слесарей — я лично видел работающими в гестапо, когда в январе 1942 г. часами дожидался в морозном коридоре (−25°) назначенного допроса с криком, бранью и пинками (этим допросам я подвергался четыре раза). Глядя на этих работающих евреев, я со страхом каждый раз думал об их участи, так как среди русских людей (не являвшихся немецкими сторонниками и прихвостнями) всё больше шепотом говорилось о диких зверствах немецких разбойников над еврейским населением в разных городах. Б. И. Гейвашович каждый раз, как навещала меня и жену, говорила, что у нее плохие предчувствия, что ей придется погибнуть; утешать ее было очень трудно, так как уверенность в конечной победе над варварами не гарантировала, что эта победа придет раньше, чем проклятые насильники успеют совершить свое гнусное дело. Так, к несчастью, и случилось; весной 1942 г. и в Смоленске разразилась ужасная драма, о каких мы слышали из других городов. В один из ужасных дней (числа не помню) гетто было оцеплено жандармами; жителей выгоняли из домов: эмигрант Гандзюк, назначенный в январе 1942 года заместителем начальника города, по слухам (о которых мне передал д-р Никольский) стоял в гетто с револьвером в руке — очевидно, «для порядка» — я упоминаю об этом потому, что хочу отметить, кого тянули за собой звери-завоеватели. В этом кошмаре, в числе 1200 человек, погибли и Б. И. Гейвашович, вероятно, и д-р Пайнсон, и некоторые другие, кого я знал как честных и добросовестных работников (врачей, оптиков, ремесленников).

О драме в гетто я узнал через два дня после происшествия. Слухи о способе убийства были противоречивы — по одним, несчастных людей расстреляли, по другим, отравили газами, пущенными в закрытый автобус. Известие об этой драме, шепотом передававшееся, производило на русских людей гнетущее впечатление, и, несомненно, многие из тех, кто относился к немцам без должной ненависти, сделались ярыми ненавистниками немецких палачей. Мне ни разу не пришлось слышать, чтобы об этом разбое говорили без возмущения и омерзения.

«Люди», совершившие эти беспримерные злодеяния во многих городах, позволили себе, однако, поднять нелепую шумиху о «Катынском деле». Не повторяя содержания нелепых писаний германских газет на немецком и на русском языках, я кратко остановлюсь на том, что я слышал об осмотре «Катынских могил» во время организованных туда экскурсий. По мнению д-ра Никольского, осмотревшего ужасное зрелище не в качестве поверхностного зрителя, а с точки зрения медицинской критики, «Катынское дело», приписываемое немецкою пропагандою советскому правительству в лице органов НКВД, представляет грубейшую ложь. По состоянию трупов или скелетов и найденных при них документов надо

предположить, что это трупы польских офицеров, расстрелянных немцами после «покорения» ими Польши в 1939 г.[1]. Еще более убедительным обстоятельством оказывается то, что у трупов руки связаны (по заключению д-ра Никольского) немецкими веревками, а не русскими; спрашивается — что же, НКВД специально выписывало из Германии веревки для этого дела!

Весьма характерным является то, что официально все должны были признавать несомненность «Катынского дела», в немецком освещении, и потому говорить противное вслух было весьма рискованно.

Продажные «литераторы» — Долгоненков, «Березов» и «Широков» наперебой старались подпевать в тон немецким газетам и раздувать это дело. Надо сказать, что только Долгоненков «выступал» под своей настоящей фамилией.

«Березов» и «Широков» — это псевдонимы Окульшина и Пасхина (если и это их настоящие фамилии!); при этом и у того, и у другого, как я слышал, имеется не по одному, а по нескольку псевдонимов для создания впечатления, что пишут многие, а не два-три. Официально, как мне передавали посвященные люди, это множество псевдонимов объясняется правилом, по которому в платежной ведомости на авторский гонорар не может быть больше определенной суммы на одно лицо. В действительности же, по моему мнению, это объясняется тем, что эта почтенная «немецкая пресса на русском языке» не может еще найти продажных лиц, которые согласились бы писать явную ложь и нелепость или фигурировать в органе, участие в котором для них принципиально абсолютно неприемлемо. Например, редактор журнала «Школа и просвещение»[2] «проф. Сошальский» (в действительности Кончаловский[3]) неоднократно и настойчиво

---

[1] Расстрел не заморенных в Германии голодом польских офицеров (о чем так же шепотом говорилосн), проведенное в 1941 г., как надо полагать (Примеч. Б. В. Базилевского).

[2] Неточность: подразумевается журнал «Школа и воспитание», сведения об основании которого встречаются в прессе только в 1943 г. Известно 2 номера журнала.

[3] Кончаловский (Сошальский, Сучальский) Дмитрий Петрович (1892–1952), сын художника, корреспондент Б.Л. Пастернака. В прошлом приват-доцент древней истории в Московском университете. Проживал под Можайском, а с откатом немцев от Москвы в декабре 1941 г. перемещался с ними на запад, пока не оказался в Смоленске, где служил в группе активной пропаганды Отдела пропаганды в Смоленске. Открыто позиционировал себя как русский националист и панславист, в будущем правительстве России видел себя на посту министра культуры и религии. См. подробнее: Интеллигенция // Радио Свобода. 2011. 11 и 14 октября. URL: https://www.svoboda.org/a/24356783.html и https://www.svoboda.org/a/24361347.html, а также в «Живом журнале» И. Петрова: https://labas.livejournal.com/880835.html и https://labas.livejournal.com/941583.html.

приставал ко мне, к проф. В.К. Гречишникову[1] и проф. И.Е. Ефимову по поводу написания научных или методических статей для его журнала; никто из нас не согласился ни на какие убеждения, и злополучный редактор должен был писать сам или обращаться, по его собственному выражению, «к шантрапе». Не могли ни от кого получить статей и представители «штаба Розенберга», искавшие «правдивого описания» Советской системы народного образования или статей по педагогическим и научным вопросам. Из известных мне лиц только лесовод Авситидийский написал для журнала «Школа и воспитание» статейку о практических занятиях в школе по садоводству, но эта статейка вышла бесцветной и вряд ли удовлетворила редактора: о читателях я уже не говорю.

Таковы общая атмосфера и процветание «культуры» под пятою немецких оккупантов.

Не лучше обстояло дело и с «театром», где ставились какие-то неизвестные пьески (в 1-м или 2-х действиях) или так назваемое «кабаре». Убогие по содержанию пьесы и, насколько можно судить по слухам, такое же убогое исполнение могли воспитывать лишь антихудожественные вкусы, Подробностей я в этом отношении сообщить не могу, так как посетителем этого «театра» не был, но молодежь за неимением других развлечений этот «театр» посещала. Из советских артистов, известных до войны, большую роль в этом «театре» и в выступлениях по радио играла В.В. Либеровская, пользовавшаяся признанием у отдела пропаганды, которому надлежало контролировать все представления — сценические и эстрадные, и по радио.

Из лиц, выступавших на эстраде и по радио, следует выделить пианистку Ермолову, про которую говорили, что она была спущена, как парашютистка, имела контакт с партизанами, была дважды арестована и после второго ареста расстреляна. Насколько эти сведения верны — сказать затрудняюсь.

Вообще же, по сведениям, которые мне передавали д-р Никольский и бывший лаборант педагогического института К.Н. Рыкалов, в Смоленске постоянно происходили массовые убийства и расстрелы русских людей; говорили, что около Гедеоновки два раза в неделю расстреливали по 35–40 человек, утверждали, что все больные из Гедеоновки, отправленные якобы в направлении Витебска, никуда не прибыли, а были расстреляны на том основании, что в Германии душевнобольных и сумасшедших не лечат, а расстреливают.

---

[1] Гречишников Владимир Константинович (1897(?)–?), советский литературовед, автор книги «Творчество Панферова» (М., 1934). Во время войны сотрудник подпемецкой печати (печатался под псевдонимами: «А. Никифоров» и «Ф. Никифоров») и редактор смоленского журнала «На перепутье». Ср.: «Так погиб расстрелянный после прихода в Смоленск Советской армии, проф. Владимир Гречишников, редактор журнала "На переломе", издававшегося в Смоленске» (*Самарин Вл.* Две эмиграции // Голос Зарубежья. 1976. №2. С. 35) (сообщено Б. Равдиным).

Первый год немецкой оккупации прошел без всякой школы, и дети были предоставлены власти улиц и базарной спекуляции, что не могло не отразиться и в них разлагающим образом. Поэтому работниками школьного отдела были приложены все старания к тому, чтобы с началом 1942–43 учебного года занятия начать, привлечь детей к учению и влиять на них в воспитательном отношении. Путем больших усилий удалось открыть три школы-семилетки, построенных по типу Советской школы; среднее образование немцы, думавшие управлять русским народом, не разрешили; поэтому полную среднюю школу, как продолжение семилетки, удалось провести под видом Учительской Семинарии.

Программы преподавания в школе и в Семинарии представляли сколок с программы Советской школы и были весьма близки к содержанию советских школьных учебников; в меру наличия этих учебников учащиеся ими пользовались дома, так как немцы не разрешили употреблять советские учебники, в особенности по русскому языку и географии. Открывая школу и Семинарию, работники просвещения преследовали не только задачи обучения, но в гораздо большей мере задачи — вырвать учащихся из тлетворного влияния немецкого окружения и влиять на них в духе советского воспитания; поэтому вопреки теоретическим требованиям немцев о палочной дисциплине, в школе фактически царили советские порядки, а в Семинарии были даже старосты классов (то есть академработники).

Благодаря твердой позиции окружного школьного отдела (начальник проф И. Е. Ефимов) и директора Смоленской Семинарии (проф. Базилевский) удалось не осуществить попытку начальника окружного административного отдела Колесникова (выступал в печати под именем «проф. Мариинский») ввести еще в конце 1942–43 учебного года в школах и в Семинариях преподавание «Закона Божьего». Дело свелось к крупному разговору проф. Базилевского с Колесниковым, в результате которого Колесников угрожал в кабинете зам. управляющего округом Никитина «сообщить кому следует, так как Базилевский и Ефимов поставили себе целью передать Советской власти в неприкосновенности Советскую школу». Из этих угроз, в связи с окончанием учебного года, ничего не вышло, но сам эпизод характерен как пример того, в каких условиях приходилось работать и делать нечто положительное на территории, оккупированной губителями всякой культуры и просвещения.

г. Смоленск, 28.IX.43 г. Профессор Базилевский

Впервые: Илькевич Н. Смоленск во власти неприятеля: 26 месяцев оккупации // Смена (Смоленск). 1994. 18 июня. С. 4; 25 июня. С. 4; 2 июля. С. 4. Со ссылкой на: АО ФСБ СО. Д. 9856-с. Л. 21 — 27 об. Автограф, химический карандаш. Здесь с небольшими исправлениями по оригиналу.

<2>
Фрагмент Протокола № 6 заседания Специальной комиссии под председательством Н. Н. Бурденко от 23 января 1944 г., Смоленск

<...>

Особо важное значение в вопросе о том, что происходило на даче в «Козьих Горах» осенью 1941 года, имеют показания профессора астрономии, директора обсерватории в Смоленске — Базилевского Б. В.

Профессор Базилевский в первые дни оккупации немцами Смоленска был насильно назначен ими (25 июля 1941 г.) заместителем начальника города (бургомистра), в каковой должности состоял до 1 октября 1942 года, а начальником города (бургомистром) был назначен немцами адвокат Меньшагин Б. Г., впоследствии ушедший вместе с ними, предатель, пользовавшийся особым доверием немецкого командования, и, в частности, у коменданта города Смоленска фон Швеца.

В начале зимы[1] 1941 г. Базилевский обратился с просьбой к Менъшагину ходатайствовать перед комендантом фон Швецем об освобождении из лагеря военнопленных № 126 педагога Жиглинского. Выполняя эту просьбу, Менъшагин обратился к коменданту Смоленска фон Швецу и затем передал Базилевскому, что его просьба не может быть удовлетворена, так как, по словам фон Швеца, «получена директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый жесткий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе».

«Я невольно возразил, — сказал свидетель Базилевский. — Что же может быть жестче существующего в лагере режима?» Меньшагин странно посмотрел на меня и, наклонившись ко мне, ответил: «Может быть! Русские, по крайней мере, сами будут умирать, а вот военнопленных поляков предложено просто уничтожить».

«Как так? Как это понимать?» — воскликнул я.

«Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина, — ответил Менъшагин и тут же попросил меня “ради всего святого” никому об этом не говорить...»

Недели через две после описанного выше разговора с Меньшагиным я, будучи снова у него на приеме, не удержался и спросил: «Что слышно о поляках?» Меньшагин помедлил, а потом всё же ответил: «С ними уже покончено. Фон Швец сказал мне, что они расстреляны где-то недалеко от Смоленска».

---

[1] В окончательном тексте: «сентября». Другие разночтения с окончательным текстом не несут смысловых отличий. Отметим только указания на номера тех двух страниц, где были упомянуты поляки (10 и 15).

«Видя мою растерянность, Меньшагин снова предупредил меня о необходимости держать это дело в строжайшем секрете и затем стал объяснять мне линию поведения немцев в этом вопросе. Он сказал, что расстрел поляков является звеном в общей цепи проводимой Германией антипольской политики, особенно обострившейся в связи с заключением русско-польского договора»[1].

Базилевский также рассказал Специальной комиссии о своей беседе с зондерфюрером 7-го отдела немецкой комендатуры Гиршфельдом — прибалтийским немцем, хорошо говорившим по-русски.

«Гиршфельд с циничной откровенностью заявил, что исторически доказана вредность поляков и их неполноценность, а потому и уменьшение населения Польши послужит удобрением почвы и создаст возможность для расширения жизненного пространства Германии. В этой связи Гиршфельд с бахвальством рассказал, что в Польше интеллигенции не осталось совершенно, так как она повешена, расстреляна и заключена в лагеря».

Показания Базилевского подтверждены опрошенным Специальной комиссией свидетелем — профессором физики Ефимовым И.Е., которому Базилевский тогда же осенью 1941 г. рассказал о своем разговоре с Меньшагиным.

Объективным документом, подтверждающим показания Базилевского и Ефимова, является находящаяся в материалах Специальной комиссия собственноручная запись Меньшагина, сделанная им в своем блокноте. В этот блокнот он заносил указания и распоряжения, полученные им от немецкого командования.

Принадлежность указанного блокнота Меньшагину и его почерк удостоверены показаниями Базилевского, хорошо знающего почерк Меньшагина, а также и графологической экспертизой. Записи Меньшагина относятся к осени (август–ноябрь 1941 г.). На странице блокнота, помеченной 15 августа 1941 г. значится: «Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру».

---

[1] Имеется в виду так называемый Договор Сикорского–Майского — двусторонний договор, подписанный 30 июля 1941 г. премьер-министром польского правительства в изгнании генералом В. Сикорским и послом СССР в Великобритании И.М. Майским в здании МИД Великобритании в присутствии британского министра иностранных дел Э. Идена и премьер-министра У. Черчилля. Договор восстанавливал прекращенные 17 сентября 1939 г. в одностороннем порядке дипломатические отношения, СССР признавал советско-германские договоры 1939 г. утратившими силу в части территориальных изменений в Польше и соглашался на формирование на своей территории польской армии под польским командованием, в оперативном отношении подчиненной советскому Верховному Командованию (будущая армия Андерса). Кроме того, более чем 400 тыс. польским военнопленным и репрессированным в СССР польским гражданам предоставлялась амнистия.

На одной из следующих страниц блокнота записано:

«Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Козьих Горах. (Умнову)».

Из первой записи явствует, во-первых, что 15 августа 1941 г. военнопленные поляки еще находились в районе Смоленска и, во-вторых, что они арестовывались немецкими властями.

Вторая запись свидетельствует о том, что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершенном им преступлении в среду гражданского населения, специально дало указание о проверке этого своего предположения. Умнов, который упоминается в записи, являлся начальником русской полиции Смоленска.

<...>

Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / Сост. Н.С. Лебедева, Н.А. Петросова и др. М.: Весь мир, 2001. С. 521–523, со ссылкой на: ГА РФ. Ф. Р-7445. Оп. 114. Д. 8. Л. 317–348. Окончательный текст см.: Правда. 1944. 26 января.

<3>
Допрос Б. В. Базилевского Л. Н. Смирновым, июнь 1946 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

Помощник Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе по обвинению главных военных преступников старший советник юстиции Смирнов допросил в качестве свидетеля нижепоименованного, который на поставленные ему вопросы показал:

БАЗИЛЕВСКИЙ Борис Васильевич, 1885 года рождения, уроженец города Каменец-Подольска УССР, по национальности русский, гражданин СССР, образование высшее (физико-математический факультет Петербургского университета), по специальности астроном, профессор астрономии Новосибирского педагогического института и Института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, женат, имеет сына, проживает в гор. Новосибирске, Красный пр., д. 59.

Перед началом допроса Базилевский Б.В. предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний по ст. ст. 95, 92 Уголовного Кодекса РСФСР. Ему разъяснено, что его показания будут представлены Международному Военному Трибуналу.

На поставленные ему по существу дела вопросы свидетель показал:

<u>1. Вопрос</u> При каких обстоятельствах вы были назначены немцами заместителем бургомистра города Смоленска?

<u>Ответ</u>: До начала немецкой оккупации я в течение 22 лет являлся профессором астрономии Смоленского университета и Смоленского педагогического института.

В 1941 году я был одновременно заместителем директора института по научно-учебной части и директором Смоленской обсерватории.

При приближении немцев к Смоленску я был занят как административное лицо руководством работами по замуровыванию в подвалы библиотеки института и ценного научного оборудования. Вследствие этого при внезапном быстром продвижении немцев я не мог эвакуироваться и остался на оккупированной территории.

Уже 20 июля 1941 года ко мне явились два немецких офицера и повели в комендатуру. Там, по выяснении моей личности, мне предложили участвовать в так называемом самоуправлении и занять должность бургомистра.

Я категорически отказался, мотивируя отказ тем, что мне, как научному работнику, чужд такой род деятельности.

Тогда один из офицеров угрожающе заявил, что немцы заставят работать всю интеллигенцию. Меня предупредили о том, что через некоторое время я буду вызван в постоянную комендатуру.

Примерно через пять дней ко мне явился ранее совершенно неизвестный мне человек в штатской одежде, заявивший, что он адвокат Меньшагин и прислан за мною из немецкой комендатуры. Меньшагин пришел за мной с немецким жандармом и таким образом уклониться от явки в комендатуру я никак не мог.

В немецкой комендатуре мне в совершенно категорической форме заявили, что решено назначить меня городским бургомистром, а заместителем моим сделать адвоката Меньшагина. Я вновь возразил на это, что вряд ли могу подойти к должности бургомистра, как из-за отсутствия соответствующих навыков, так и по возрасту. При этом я высказал предположение, что может быть более подойдет к этой должности адвокат Меньшагин как юрист по профессии.

Мне приказали прийти за окончательным ответом 31 июля 1941 г. и когда я пришел в немецкую комендатуру в этот день (может быть, следует указать, что немцы у меня отобрали паспорт и таким образом я никак не мог уклониться от явки), то узнал, что Меньшагин назначен бургомистром Смоленска, а я его заместителем. При попытке отказаться и от этого назначения мне пригрозили наказанием за саботаж, т.е. расстрелом (по городу были расклеены объявления, вводившие за саботаж только одно наказание — расстрел).

Так я стал заместителем бургомистра города Смоленска.

<u>2. Вопрос:</u> Что известно вам об уничтожении гитлеровцами военнопленных польских офицеров в Катынском лесу?

<u>Ответ</u>: О замышленном гитлеровцами физическом уничтожении военнопленных поляков я узнал раньше, чем это преступление было ими совершено. Впоследствии я узнал, что немцы выполнили свои преступные

планы и расстреляли польских военнопленных где-то вблизи от Смоленска (где именно, я тогда еще не знал).

Об уничтожении немцами польских военнопленных я узнал при следующих обстоятельствах. Я был заместителем бургомистра Смоленска, т. е. Меньшагина, по разделам просвещения, искусства, здравоохранения и жилищному отделу. Кроме того, по роду моей прежней деятельности я знал многих смоленских педагогов. В самом начале оккупации немцы создали в Смоленске известный своими крайне жестокими условиями содержания заключенных, лагерь для военнопленных и гражданского населения, так называемый ДУЛАГ-126. Попавшие в этот лагерь советские люди рано или поздно обрекались немцами на смерть. Среди заключенных в лагере находился знакомый мне лично смоленский педагог Георгий Дмитриевич Жиглинский.

Я хотел попытаться спасти от смерти этого человека и с этой целью обратился к Меньшагину с просьбой ходатайствовать перед комендантом Смоленска фон Швецем об освобождении Жиглинского из лагеря как педагога, в услугах которого нуждалось городское самоуправление.

Разговор мой с Меньшагиным имел место в начале сентября 1941 года.

Нужно сказать, что Меньшагин вообще весьма быстро сделался «своим человеком» в немецкой комендатуре. Мне трудно высказаться о причинах этого быстрого завоевания Меньшагиным авторитета у немцев. Может быть этому способствовало то, что сам Меньшагин был пьяницей и очень быстро нашел себе собутыльников в немецкой комендатуре, причем особенно сблизился с неким зондерфюрером Гиршфельдом, остзейским немцем, отлично владевшим русским языком и практически занимавшимся рядом вопросов, связанных с городским самоуправлением.

Как бы то ни было, но к моменту моего разговора с Меньшагиным об освобождении Жиглинского из-под стражи ко мнению Меньшагина в немецкой комендатуре уже весьма прислушивались, он был там своим человеком, и я мог рассчитывать что его просьба будет удовлетворена.

После небольшого колебания Меньшагин согласился подписать ходатайство об освобождении Жиглинского из-под стражи, но заметил: «Одного спасем, а тысячи всё равно погибнут».

Я высказал мысль, что было бы хорошо поставить вопрос перед немецким командованием о режиме в лагере и о разгрузке его, чтобы создать несколько более человеческие условия для заключенных. Далее я заметил, что, пользуясь доверием фон Швеца, Меньшагин, может быть, смог бы добиться некоторого улучшения санитарных условий лагеря, так как в настоящее время ДУЛАГ-126 представляет постоянную угрозу возникновения эпидемий среди городского населения.

Примерно через два дня Меньшагин вызвал меня в свой кабинет и с раздражением заметил, что из-за моей просьбы он попал в неудобное

положение. Меньшагин сообщил, что фон Швец категорически отказал ему в освобождении Жиглинского из лагеря и при этом сослался на инструкции из Берлина, предписывающие самый жестокий режим для заключенных в лагерях.

Я невольно ответил Меньшагину: «Что же может быть жестче режима установленного в ДУЛАГ'е-126?»

Меньшагин немного промедлил с ответом, а потом как-то странно посмотрел на меня. Затем Меньшагин наклонился ко мне и тихо сказал: «Может быть! Русские по крайней мере будут сами умирать, а вот польских военнопленных предложено уничтожить».

Это сообщение показалось мне настолько невероятным, что я воскликнул: «Как это надо понимать?!»

Меньшагин ответил: «Понимать следует в буквальном смысле. Из Берлина прислана директива, в которой предписывается умертвить польских военнопленных».

После этого Меньшагин обратился ко мне с просьбой «ради всего святого» хранить в строгой тайне наш разговор и ни при каких обстоятельствах не рассказывать кому-либо о том, что мне известно о задуманном немцами умерщвлении польских военнопленных.

Я дал такое обещание Меньшагину.

Признаюсь, сперва я не поверил Меньшагину. К этому времени я знал уже о массовой смертности в ДУЛАГ'е-126, но мысль о хладнокровном убийстве нескольких тысяч человек только за то, что они являются польскими военнопленными, всё же казалось мне невероятной. Вопрос о судьбе поляков очень мучил меня, и я решил получить ответ на этот вопрос.

В конце сентября 1941 года я, будучи на одном из приемов у Меньшагина, прямо спросил его: «Что слышно о поляках?»

Нужно сказать, что в это время Меньшагин в общем еще доверял мне. Позднее наши отношения испортились.

На мой вопрос о судьбе поляков Меньшагин ответил неохотно. Однако, после паузы, он всё же сказал: «С ними уже покончено. Фон Швец сказал мне, что они расстреляны где-то недалеко от Смоленска».

Этот ответ Меньшагина крайне взволновал и расстроил меня. Очевидно, Меньшагин заметил мое [психологическое][1] состояние и вновь предупредил о том, что расстрел польских военнопленных является величайшим секретом, о котором я никому не должен говорить. Затем Меньшагин стал объяснять мне причины, по которым немцы перешли к физическому истреблению польских военнопленных. Он сказал, что, насколько ему известно из частных разговоров в комендатуре, этот расстрел определяется общей политикой немцев по отношению к полякам.

---

[1] Слово зачеркнуто.

По словам Меньшагина, антипольская политика немцев особенно обострилась после заключения русско-польского договора.

Через несколько дней я получил полное подтверждение этих соображений Меньшагина в случайной беседе с зондерфюрером 7-го отдела немецкой комендатуры Гиршфельдом. Разговор с Гиршфельдом происходил в кабинете Меньшагина. Когда я вошел в кабинет, то Гиршфельд уже высказывал свои соображения по польскому вопросу, которые я тогда воспринял, как официальную точку зрения немцев.

Гиршфельд цинично заявил, что поляки более всего пригодны для удобрения почвы, так как вполне доказана их неполноценность. Польской интеллигенции по словам Гиршфельда уже не существует, — она либо физически истреблена, либо находится в концлагерях. С одобрением Гиршфельд высказывался о том, что полякам немцы запрещают ездить в трамваях и поездах, заходить в рестораны, кафе, сады и другие общественные места, отведенные для немцев.

Прослушав эти высказывания Гиршфельда, я мысленно согласился с тем, что истребление польских военнопленных является лишь одним из звеньев немецкой политики, направленной на уничтожение польского народа.

3. Вопрос: В период немецкой оккупации рассказывали ли вы кому-либо из своих знакомых об уничтожении гитлеровцами польских военнопленных в Катыни?

Ответ: Я был глубоко возмущен и потрясен тем, что мне стало известно о преступном уничтожении немцами польских военнопленных близ Смоленска. Поэтому, хотя я понимал, что разглашение этих случайно ставших мне известными сведений, может иметь для меня роковые последствия, я всё же поделился своим возмущением со старым знакомым по совместной педагогической работе — профессором физики Ефимовым. Насколько мне известно, Ефимов до сих пор проживает в Смоленске. Кроме того, я говорил об убийстве немцами польских военнопленных санитарному врачу Никольскому. Оказалось, что Никольский как-то уже знает об этом.

Более я об убийстве немцами военнопленных поляков никому не говорил.

Записано верно и мною прочитано. Базилевский.

Допросил помощник Главного обвинителя от СССР,
ст. советник юстиции: Л. Смирнов.

ГА РФ. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 132. Л. 260–268. Список рукой Л. Смирнова, авторизованный Базилевским внизу каждой страницы. Синие чернила. С припиской внизу: «В стр. 17-й сверху вычеркнуто слово “психологическое”. Ст. советник юстиции: Л. Смирнов».

<4>
Допрос Б. В. Базилевского Л. Смирновым, Нюрнберг, 2 июля 1946 г.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕНОГО ТРИБУНАЛА. ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ ОБВИНЕНИЯ:

2 июля 1946 г.

Помощник главного обвинителя от СССР Смирнов: Господин председатель, я прошу о вызове для допроса в качестве свидетеля бывшего заместителя бургомистра города Смоленска во время немецкой оккупации — профессора астрономии Базилевского.

Председатель: Да, пожалуйста, приведите свидетеля.

(Вводят свидетеля.)

Назовите Ваше имя и фамилию.

Свидетель: Базилевский Борис.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги в следующей форме:

«Я, гражданин Советского Союза, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, перед лицом Высокого Суда торжественно обещаю и клянусь говорить всё, что мне известно по данному делу, ничего не утаить и ничего не прибавить».

(Свидетель повторяет слова присяги.)

Вы можете сесть.

Смирнов: Разрешите приступить к допросу, господин председатель?

Председатель: Да, пожалуйста.

Смирнов: Скажите, свидетель, чем занимались Вы до начала немецкой оккупации города Смоленска и Смоленской области и где проживали?

Базилевский: Я до оккупации Смоленска и Смоленской области проживал в городе Смоленске и занимал должность профессора сначала Смоленского университета, затем Смоленского педагогического института, одновременно был директором астрономической обсерватории. В течение 10 лет был деканом физико-математического факультета, в последние годы — заместителем директора института по учебной части.

Смирнов: Сколько всего времени Вы жили в Смоленске до начала немецкой оккупации?

Базилевский: С 1919 года.

Смирнов: Известно ли Вам, что представлял собой так называемый Катынский лес?

Базилевский: Да. По существу, это была скорее роща — излюбленное место, в котором жители Смоленска проводили праздничные дни, а также летний отдых.

Смирнов: Являлся ли этот лес до начала войны какой-либо особой территорией, охраняемой вооруженными патрулями, сторожевыми собаками или, наконец, просто отгороженной от окружающей местности?

Базилевский: За долгие годы моего проживания в Смоленске это место никогда не ограничивалось в смысле доступа всех желающих. Я сам многократно бывал там и в последний раз в 1940 году и весной 1941 года. В этом лесу находился и лагерь для пионеров. Таким образом, это место являлось свободным, свободно-доступным для всех желающих.

Смирнов: Я прошу Вас несколько задержаться на этом ответе. В каком году там помещался пионерский лагерь?

Базилевский: В последний раз Смоленский лагерь пионеров был в районе Катынского леса в 1941 году.

Смирнов: Следовательно, я правильно понял Вас, что в 1940 и 1941 годах, до начала войны во всяком случае (Вы говорите о весне 1941 года), Катынский лес не был особо охраняемой территорией и доступ туда был совершенно свободен?

Базилевский: Да, я утверждаю, что это именно так.

Смирнов: Вы это показываете как очевидец или из вторых уст?

Базилевский: Нет, как очевидец, бывавший там.

Смирнов: Я прошу Вас рассказать Суду, при каких обстоятельствах Вы оказались первым заместителем бургомистра города Смоленска в период немецкой оккупации? Говорите медленнее.

Базилевский: Ввиду того, что я был административным лицом, я не имел возможности своевременно эвакуироваться, так как был занят руководством по замуровыванию весьма ценной библиотеки института и ценного оборудования. Я имел возможность, в силу сложившихся обстоятельств, сделать попытку выехать только 15 числа вечером. Попасть на поезд мне не удалось, и мне была назначена эвакуация на 16 июля утром. Но в ночь с 15 на 16 июля Смоленск неожиданно для меня был занят немецкими войсками, мосты через Днепр взорваны, и я в силу обстоятельств оказался в плену. Через некоторое время, 20 июля, на обсерваторию, где я проживал как директор ее, явилась группа немецких солдат, которые заявили, что они должны записать, что здесь, на обсерватории, имеется ее директор в моем лице и проживавший там же профессор физики Ефимов. Вечером 20 июля ко мне явились два немецких офицера и повели меня в штаб части, которая заняла Смоленск. После проверки моих документов и небольшого разговора мне было предложено занять должность начальника города, т. е. бургомистра. На мой отказ, мотивированный тем, что я — профессор астрономии, совершенно неопытен в подобного рода делах и не могу взять на себя этой должности, мне было категорически и даже

угрожающе указано, что «мы всю русскую интеллигенцию заставим работать».

Смирнов: Таким образом, правильно ли я Вас понимаю, что немцы заставили Вас угрозами быть заместителем бургомистра этого города?

Базилевский: Это еще не всё. Мне было указано тогда, что через несколько дней я буду вызван в комендатуру. 25 июля ко мне на квартиру в сопровождении немецкого жандарма явился неизвестный мне человек в штатском платье, который отрекомендовался смоленским адвокатом Меньшагиным и заявил, что по поручению немецкой комендатуры он прислан за мной и что я должен немедленно с ним отправиться в комендатуру, уже постоянную.

Смирнов: Скажите, свидетель, кто был бургомистром Смоленска?

Базилевский: Адвокат Меньшагин.

Смирнов: В каких отношениях Меньшагин находился с немецкой администрацией и, в частности, с немецкой комендатурой города?

Базилевский: В очень хороших. Эти отношения становились более тесными с каждым днем.

Смирнов: Можно ли сказать, что Меньшагин был у немецкой администрации доверенным лицом, которому они считали возможным доверять секреты?

Базилевский: Несомненно.

Смирнов: Я прошу Вас ответить, — Вам известно, что в Смоленске находились польские военнопленные, вернее, близ Смоленска?

Базилевский: Да, очень хорошо.

Смирнов: Что делали польские военнопленные близ Смоленска и в какое время?

Базилевский: Весной 1941 года и в начале лета они работали по ремонту дорог Москва–Минск и Смоленск–Витебск.

Смирнов: Что известно Вам о дальнейшей судьбе польских военнопленных?

Базилевский: О судьбе польских военнопленных мне, в силу занимаемой мною должности, стало известно даже несколько ранее.

Смирнов: Я прошу Вас рассказать об этом суду.

Базилевский: В связи с тем обстоятельством, что в лагере для русских военнопленных, известном под именем «Дулаг 126», существовал чрезвычайно жестокий режим, при котором военнопленные сотнями ежедневно умирали, в силу этого обстоятельства я старался по возможности всех, по отношению к кому можно было найти повод, освобождать из этого лагеря. Вскоре я получил сведения, что в лагере находится известный в Смоленске педагог Георгий Дмитриевич Жиглинский. Я обратился к Меньшагину с просьбой возбудить ходатайство перед германской комендатурой Смоленска, в частности, перед фон Швецем об освобождении Жиглинского из лагеря, мотивируя...

Смирнов: Я прошу Вас не задерживаться на этих деталях и не терять на них времени, а рассказать суду о беседе с Меньшагиным, о том, что Вам сообщил Меньшагин.

Базилевский: Меньшагин сказал на мою просьбу: «Что же, одного спасем, а сотни всё равно будут умирать». Однако я все-таки настаивал на ходатайстве. Меньшагин после некоторого колебания согласился войти с таким ходатайством в немецкую комендатуру.

Смирнов: Может быть, Вы будете короче говорить, свидетель, и расскажете, что Вам сказал Меньшагин, вернувшись из немецкой комендатуры?

Базилевский: Через два дня он мне сообщил, что из-за моей просьбы он попал в неловкое положение. Фон Швец ему отказал, сославшись на существующую директиву из Берлина проводить самый жестокий режим в отношении военнопленных.

Смирнов: Что сказал он Вам о военнопленных поляках?

Базилевский: Относительно военнопленных поляков он мне сказал, что русские по крайней мере сами будут умирать в лагере, а вот поляков военнопленных предложено уничтожить.

Смирнов: Далее, какой разговор имел место между вами?

Базилевский: Я на это, естественно, довольно громко возразил: «Как так? Как это надо понимать?» На это Меньшагин ответил, что понимать надо в самом прямом смысле слова, и тут же обратился ко мне с указанием и просьбой — ни под каким видом об этом никому не говорить, так как это представляет собой большой секрет.

Смирнов: Когда имела место точно эта Ваша беседа с Меньшагиным, в каком месяце, в какой части месяца?

Базилевский: Эта беседа имела место в начале сентября, точно число сейчас не помню.

Смирнов: Но Вы помните, что это было в начале сентября?

Базилевский: Да.

Смирнов: Возвращались ли Вы когда-нибудь далее в беседах с Меньшагиным к вопросу о судьбе военнопленных поляков?

Базилевский: Да.

Смирнов: Когда это было?

Базилевский: Недели через две, т. е. в конце сентября.

Смирнов: Медленнее.

Базилевский: В конце сентября я не удержался и задал вопрос, какова же судьба военнопленных поляков. Сначала Меньшагин помедлил, а затем в некоторой степени нерешительно сказал: «С ними уже покончено».

Смирнов: Он сказал что-нибудь о том, где с ними покончено, или нет?

Базилевский: Да, он сказал, что ему фон Швец сказал, что они расстреляны близ Смоленска.

Смирнов: Но точного места им названо не было?

Базилевский: Да, мне он это место не назвал.

Смирнов: Скажите, Вы рассказывали, в свою очередь, кому-нибудь об умерщвлении гитлеровцами польских военнопленных близ Смоленска?

Базилевский: Я об этом рассказал жившему в одном доме со мной профессору Ефимову, и, кроме того, через несколько дней об этом же зашел разговор с санитарным врачом города доктором Никольским. Но оказалось, что Никольский из каких-то других источников уже знал об этом злодеянии.

Смирнов: Вам говорил что-нибудь Меньшагин, в силу каких причин были произведены эти расстрелы?

Базилевский: Да, когда он мне сообщил, что с военнопленными покончено, он еще раз подчеркнул необходимость во избежание больших неприятностей хранить это в глубочайшей тайне и стал мне пояснять линию немецкого поведения в отношении поляков-военнопленных. Он указал, что это является одним из звеньев общей системы по отношению к военнопленным полякам.

Смирнов: От кого-нибудь из служащих немецкой комендатуры Вам приходилось слышать относительно уничтожения поляков?

Базилевский: Да. Дня через два или три, войдя в кабинет к Меньшагину, я застал там переводчика зондерфюрера седьмого отдела немецкой комендатуры, ведавшего русским отделом. Он вел с Меньшагиным разговор относительно поляков. Это был Отзейский[1].

Смирнов: Может быть, Вы кратко расскажете о том, что он говорил?

Базилевский: Его разговор сводился в тот момент, когда я его застал, к тому, что поляки — неполноценная нация, уничтожение которой может послужить хорошим удобрением и расширением жизненного пространства для Германии.

Смирнов: Меньшагин говорил Вам о расстреле польских военнопленных со слов коменданта фон Швеца?

Базилевский: Да, кроме того, насколько я вынес впечатление, он ссылался на фон Швеца. Но, по-видимому, — это мое глубокое убеждение из частных разговоров, — в комендатуре он имел об этом разговор.

Смирнов: К какому времени относится разговор с Меньшагиным, когда он сказал, что польские военнопленные уже уничтожены близ Смоленска?

Базилевский: Это относится к концу сентября...[2]

Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Юридическая литература, 1954. С. 483–487.

---

[1] Так в тексте. Имеется в виду: «Это был остзейский немец Гиршфельд».

[2] Так в тексте публикации.

№ 11. СПРАВКА ПО СЛЕДСТВЕННОМУ ДЕЛУ Б. Г. МЕНЬШАГИНА

21 октября 1945 г.

СПРАВКА
по следственному делу № 10035
на арестованного бывшего бургомистра города Смоленска
МЕНЬШАГИНА Бориса Георгиевича

Управлением НКГБ Смоленской области в 1943 году был объявлен во всесоюзный розыск бывший бургомистр города Смоленска МЕНЬШАГИН Борис Георгиевич, 1902 года рождения, уроженец города Смоленска, русский, гр-н СССР, из дворян, беспартийный, имеющий высшее юридическое образование, работавший с 1928 по 1941 год членом коллегии защитников в городе Смоленске.

Находясь на территории Чехословакии, занятой американскими оккупационными войсками» МЕНЬШАГИН в городе Фишери (в районе Карлсбада) 11 мая 1945 года был задержан американскими патрулями и водворен в американский лагерь для военнопленных в гор. Ауэрбах (Бавария), откуда 25 мая 1945 года был освобожден.

7 июня 1945 года МЕНЬШАГИН в городе Карловы Вары (Германия) был задержан работниками контрразведки «СМЕРШ» 149 СД[1] 1-го Украинского фронта, как проходивший по всесоюзному розыску, и этапирован в распоряжение УНКГБ Смоленской области.

В ходе расследования по делу МЕНЬШАГИНА устанавливается следующее:

1. МЕНЬШАГИН встал на антисоветский путь с 1930 года и с этого времени проводил активную антисоветскую деятельность. Как адвокат вступал в сговор со своими подзащитными, обвиняемыми в антисоветской деятельности и инструктировал их, как провалить дело в судебных инстанциях.

2. В июле 1941 года, при захвате немцами города Смоленска, МЕНЬШАГИН, в силу антисоветских убеждений, преднамеренно не эвакуиро-

---

[1] Здесь — стрелковой дивизии.

вался в Советский тыл и спрятался с семьей в нише крепостной стены, где и дождался прихода в город немецких войск.

3. 24 июля 1941 года через своего знакомого ВАСИЛЬЕВА, бывшего подзащитного, также преднамеренно оставшегося в Смоленске и с первых дней оккупации работавшего в Смоленской немецкой комендатуре переводчиком, установил связь с немецким комендантом, которым 29 июля 1941 года был назначен на должность бургомистра города Смоленска, а в ноябре того же 1941 года по совместительству бургомистром Смоленского района.

Останавливаясь на данных обстоятельствах, МЕНЬШАГИН на допросе показал:

«В силу своей враждебности к Советской власти, я остался проживать в оккупированном немцами гор. Смоленске и с удовлетворением принял предложение коменданта о назначении меня бургомистром, решил всецело посвятить себя деятельности против Советской власти и службе Германии».

Согласно полученному от 7 отдела немецкой комендатуры указанию, МЕНЬШАГИН лично создал к 30 июля 1941 года городское управление и к 1 ноября того же 1941 года Смоленское районное управление, укомплектовав аппараты этих управлений за счет известного ему еще до войны антисоветского элемента и ряда белоэмигрантов, прибывших в Смоленск вместе с немецкими войсками. Возглавив, таким образом, оккупационное управление города и по совместительству Смоленскую районную управу и получив тем самым неограниченные возможности для всесторонней борьбы против Советского Союза, МЕНЬШАГИН активно проводил в жизнь приказы и распоряжения германского командования, направленные на физическое истребление партизан и патриотической части населения, вынужденно оставшейся в захваченном немцами Смоленске.

4. Свою изменническую деятельность в гор. Смоленске МЕНЬШАГИН начал с установления особо жестокого режима для еврейской части населения города, а затем по прямому заданию начальника «СД» — полковника ЗИКСА[1] организовал в августе–сентябре 1941 года еврейское гетто, в котором было уничтожено 1400 человек евреев, в том числе женщины, дети и старики.

После ликвидации гетто, в целях полного уничтожения еврейского населения, провел мероприятия по усилению паспортного режима и двукратную перерегистрацию населения, проживавшего в гор[оде] Смоленске. Кроме этого, дал личное распоряжение заведующему

---

[1] Предположительно — капитана Цунса («Зикс» как неправильная транскрипция фамилии Zuns и ошибка при переводе слова «Hauptmann»: «капитан», а не «полковник»).

кожно-венерологического диспансера РАЕВСКОМУ (осужден Военным Трибуналом к расстрелу), начальнику отдела городского врача горуправы ЕФИМОВУ (осужден к 20 годам каторжных работ) и врачу-венерологу СМИРНОВУ (арестован и находится в Смоленской тюрьме) производить медицинское освидетельствование задерживавшихся полицией и «СД» евреев в целях определения их национальности. Эта же работа проводилась в Смоленске по заданию немцев и судмедэкспертом ЗУБКОВЫМ (проживает в Смоленске).

Объясняя эти обстоятельства своей гнусной деятельности, МЕНЬШАГИН на допросе 27 августа сего года показал:

«Я явился сторонником физического уничтожения советских граждан еврейской национальности, свободное существование которых я связывал с советской действительностью и считал, что борьба против Советской власти вообще немыслима без физического уничтожения как партизан и других советских патриотов, так и евреев, как нации».

И далее:

«Этими соображениями я руководствовался в своих действиях при организации по заданию "СД" еврейского гетто и в дальнейшей своей предательской работе.

Зная, что после ликвидации гетто евреев, скрывавших свою национальность, в полиции и "СД" расстреливали, я продолжал лично выявлять и изобличать их в сокрытии национальности, а затем передавал полицейским и немецким карательным органам».

5. В январе 1942 года на основании заключения начальника отдела городского врача горуправы ЕФИМОВА немцами в «душегубках» было умерщвлено до 100 человек так называемых «безнадежно» душевнобольных, оставшихся в период оккупации Смоленска на излечении в психиатрической лечебнице Гедеоновка, находившейся в ведении горуправы.

6. В апреле того же 1942 года городской полицией, находившейся в подчинении МЕНЬШАГИНА, как бургомистра Смоленска, были арестованы и затем в «СД» физически уничтожены цыгане, в том числе дети, женщины и старики национального колхоза, располагавшегося в Михновском совете, Смоленского района.

7. В целях наиболее эффективной борьбы с партизанским движением и выявлением лиц, не внушающих с его точки зрения доверия, МЕНЬШАГИНЫМ был установлен порядок, обязывающий всех прибывавших в город являться лично к нему для беседы и получения разрешения на прописку. Таким образом МЕНЬШАГИН собирал данные, могущие интересовать германские разведорганы, а явно подозрительных лиц направлял под конвоем в «Абверкоманду-203».

8. Им лично была создана при городской управе «экспертная комиссия» для отбора советских граждан на каторжные работы в Германию.

В течение 1942 и 1943 гг. из города Смоленска в Германию было насильно отправлено несколько тысяч советских граждан.

9. МЕНЬШАГИН лично сам комплектовал городскую полицию, которая до 20 мая 1942 года была подчинена лично ему. Полиция производила массовые аресты советских граждан, дела на них передавала в «СД». Арестованные по этим делам в большинстве случаев расстреливались.

10. Наряду с этим, лиц, виновных в нарушении оккупационного режима и подозревавшихся в саботаже, МЕНЬШАГИН по своему усмотрению подвергал штрафу и отбытию принудительных работ в специально организованном им лагере. Таким образом им было наказано свыше пяти тысяч человек.

11. МЕНЬШАГИН, работая в тесном контакте с «СД» (немецкая полиция безопасности), «ГФП» (немецкая полевая фельджандармерия) и будучи в январе 1943 года завербован заместителем шефа немецкой контрразведывательной «Абверкоманды-303» майором ЭРДМАНОМ, оказывал последним значительную помощь в их контрразведывательной работе как по линии обеспечения конспиративными квартирами и фиктивными документами и бланками паспортов, предназначавшихся для оседавшей в Смоленске немецкой агентуры, так и по линии разработки интересовавших указанные выше контрразведывательные органы советских патриотов, выполнив в связи с этим ряд специальных поручений органов «СД», «ГФП» и «Абверкоманды-303».

Объясняя эту свою активную предательскую деятельность, МЕНЬШАГИН на допросе показал:

«Я, работая в тесном контакте с полицией и “СД”, на протяжении всего периода времени принимал активные меры к выявлению партизан и других лиц, с моей точки зрения являвшихся подозрительными. Против их я решил вести и вел активную борьбу всеми доступными мне в период моей работы бургомистром средствами и путями».

12. МЕНЬШАГИН показал, что в 1942 году он вошел в организационную тройку так называемого «Русского комитета», созданного изменником Родине ВЛАСОВЫМ, и как член данного «комитета» в декабре 1942 года подписал впоследствии выпущенную «комитетом» декларацию, призывавшую население, оставшееся на временно оккупированной немцами советской территории, вести активную повстанческую деятельность и борьбу против партизан.

13. Наряду с изложенной изменнической деятельностью, МЕНЬШАГИН в период работы в Смоленске неоднократно выступал по радио, а также в издававшейся в Смоленске газете «Новый путь» и на митингах с пошлыми контрреволюционными выпадами против Советской власти и руководителей ВКП(б) и Советского правительства, призывал жителей города к оказанию активной поддержки и помощи немецким

оккупационным органам и немецкие войскам в их борьбе против Советского Союза.

14. 18 сентября 1943 года, в связи с отступлением немецких войск из Смоленска, МЕНЬШАГИН был вызван в 7-й отдел комендатуры и был поставлен в известность о принятом немецким командованием решении покинуть Смоленск, угнать всех трудоспособных жителей в тыл Германии и подвергнуть город полному уничтожению. Тогда же МЕНЬШАГИНУ было поручено подготовить город и население к эвакуации, сохранить аппарат городского управления в целях использования его на работе в тыловых областях оккупированной территории, а также уничтожить все архивы и переписку городского управления и его учреждений и предприятий. В соответствии с этим заданием МЕНЬШАГИН лично провел узкое совещание начальников отделов горуправы и дал последним соответствующее указание.

По этому поводу МЕНЬШАГИН на допросе показал:

«18 сентября 1943 года по радио было передано мое распоряжение об обязательной эвакуации из города всего населения. В этом распоряжении я счел нужным сделать провокационное заявление о том, что в случае, если кто пожелает остаться в Смоленске, то их органы Советской власти будут расстреливать и вешать».

В связи с этим и дополнительно принятыми немцами и по их распоряжению городской полицией мерами население Смоленска 19 и 20 сентября 1943 года было угнано в западном направлении, а строения города подвергнуты уничтожению.

7-м отделом немецкой комендатуры в Смоленске была оставлена городская полиция, которая под руководством начальника полиций СВЕРЧКОВА и заместителя бургомистра города ГАНДЗЮКА разыскивала укрывавшихся в домах жителей, не желавших покидать Смоленск и следовать в тыл Германии. Полицейские, наряду с действиями специальных немецких подрывных команд, поджигали факелами городские строения.

Как показал далее МЕНЬШАГИН, он, 20 сентября 1943 года из Смоленска с аппаратом городского управления сбежал в город Борисов, установил там связь с местной немецкой комендатурой и по заданию последней в течение 10-ти дней производил фильтрацию угнанного из Смоленска населения, в целях выявления среди последних партизан и других советских патриотов.

В конце сентября 1943 года 7-м отделом немецкого штаба среднего участка фронта, МЕНЬШАГИН был назначен бургомистром города Бобруйска, куда по личному распоряжению начальника 7-го отдела штаба среднего участка фронта — министерского советника ТЕСМЕРА выехал 6 октября 1943 года и, приняв дела горуправы, с 21 октября 1943 года

по 26 июня 1944 года работал бургомистром города Бобруйска. МЕНЬШАГИН и в Бобруйске продолжал активную пособническую и предательскую деятельность, поддерживал непосредственную связь и контактировал свою работу с органами «СД» (немецкая полиция безопасности), «ГФП» (германская полевая фельджандармерия), «Корюк-532» (комендатура тыла 9-й армии) и с немецкими контрразведывательными «Абверкомандами», дислоцировавшимися в городе Бобруйске.

Наряду с изложенным, МЕНЬШАГИН 4 марта 1944 года вошел в созданную по линии разведывательного отдела «1-С» немецкого штаба 9-й армии повстанческую антисоветскую организацию, именуемую «Союзом борьбы против большевизма», и принял деятельное участие в выработке программы и устава данного «союза». По заданию руководителя «союза борьбы» ОКТАНА М. А., в прошлом жителя города Одессы (устанавливается), МЕНЬШАГИН создал и возглавил Бобруйский окружной филиал «Союза борьбы против большевизма» и лично осуществлял активную вербовочную работу среди жителей города Бобруйска и Бобруйского района.

Как окружной руководитель Бобруйского филиала «союза борьбы» МЕНЬШАГИН значительный период времени руководил «союзом молодежи», созданным немцами в январе 1944 года и затем в марте того же 1944 года вошедшим в Бобруйский окружной филиал «союза борьбы».

Своей активной деятельностью в «союзе борьбы против большевизма» МЕНЬШАГИН ставил целью подготовить широкие повстанческие кадры для проведения активной вооруженной борьбы против партизан в условиях оккупации и против восстановления Советской власти на территории, освобождавшейся Красной Армией от немецких захватчиков. С этой целью МЕНЬШАГИН лично создал в ряде учреждений и предприятий города Бобруйска серию периферийных групп «Союза борьбы против большевизма», во главе которых поставил лично им завербованных членов «Союза борьбы против большевизма» из числа наиболее проверенных и преданных немцам лиц.

В целях распространения идей «Союза борьбы против большевизма» МЕНЬШАГИН написал в газете «Речь», являвшейся печатным органом «Союза борьбы против большевизма» ряд программных и агитационного характера статей, а также выступал в городе Бобруйске на открытых митингах с антисоветскими речами, призывая население вступать в «союз борьбы против большевизма» и вести борьбу против Советской власти и Красной Армии.

После бегства 26 июня 1944 года из Бобруйска в Берлин, МЕНЬШАГИН установил связь с работавшими во власовском «Комитете освобождения народов России» («КОНР») генерал-майором МАЛЫШКИНЫМ и заместителем начальника главного управления пропаганды

«КОНР» полковником МЕАНДРОВЫМ Михаилом Алексеевичем, через которого был зачислен на работу в качестве инспектора отдела «КОНР» по работе с военнопленными.

Работая на означенной должности с 11 ноября 1944 года по 15 апреля 1945 года, МЕНЬШАГИН разработал «положение об инспекторах по работе с военнопленными», а затем, по заданию начальника главного гражданского управления «КОНР» — генерал-майора ЗАКУТНОГО Дмитрия Ефимовича занимался организацией так называемого института уполномоченных «КОНР» и подбирал этих уполномоченных для использования их на работе среди русского населения и военнопленных, находившихся в Германии.

За активную работу в пользу фашистской Германии, МЕНЬШАГИН немецким командованием был награжден по Смоленску орденами II-го класса в бронзе и за работу в городе Бобруйске двумя орденами II-го класса в серебре.

В первом случае МЕНЬШАГИНУ ордена были вручены 16-го июля 1943 года комендантом города Смоленска генерал-майором ПОЛЕМ, 21-го октября 1943 года комендантом гарнизонной комендатуры — генерал-майором ГАМАНОМ. Во втором случав 1 января 1944 года начальником комендатуры тыла 9-й армии («Корюк-532») генерал-лейтенантом БЕРНГАРТОМ и 20 марта 1944 года комендантом города Бобруйска генерал-майором ГАМАНОМ.

Наряду с этим, МЕНЬШАГИНУ 14 марта 1944 года приказом главного командования 9-й армии по представлению начальника 7-го отдела 9-й армии старшего советника РИТТЕРА было присвоено звание майора немецкой армии.

Следствие по делу продолжаем в направлении наиболее полного выявления предательской деятельности МЕНЬШАГИНА. Одновременно устанавливаем лиц, проходящих по его показаниям.

И. о. начальника управления НКГБ Смоленской области
(АРЕНКИН)

21 октября 1945 года, гор. Смоленск.

ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1845. Л. 192–204.

№ 12. ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ Б. Г. МЕНЬШАГИНА (12 сентября 1951 г.)

ПРОТОКОЛ № 40
ЗАСЕДАНИЯ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ МИНИСТРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ Союза ССР
От 12 сентября 1951 г.

Председатель
Зам. Министра Государственной безопасности Союза ССР
тов. ОГОЛЬЦОВ С. И.
Заместитель Генеральный прокурор Союза ССР
тов. ХОХЛОВ Н. И. Члены совещания:
Заместители
Министра Государственной безопасности Союза ССР
тов. ГОГЛИДЗЕ С. А.
тов. МИРОНЕНКО П. Н.
тов. САВЧЕНКО И. Т.
тов. КОНДАКОВ П. П. Присутствовали: Военные прокуроры войск МГБ СССР т.т. АНДРЕЕВ, ФРОЛОВ, НОВИКОВ, ВИТИЕВСКИЙ, ЛУКАШОВ, КУРАСКУА, ЕМЕЛЬЯНОВ, САМОЙЛОВ
Прокуроры отдела по спецделам Прокуратуры Союза ССР т.т. ТЮФАЕВ, СИМОНЯН, ШАХОВСКАЯ, ШАРУТИН, СМИРНОВ, ЛЕОНТЬЕВ, ДОРОН, ВАСИН
Заместитель нач. секретариата Особого Совещания
Тов. БОРОВКОВ И. И.

№№ п/п	Слушали	Постановили
233	Дело № 100352 ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР — по обвинению — МЕНЬШАГИНА Бориса Георгиевича 1902 года рождения, уроженец гор. Смоленска, русского, гр. СССР, из дворян, беспартийного, с высшим юридическим образованием	МЕНЬШАГИНА Бориса Георгиевича за измену Родине и предательскую деятельность, заключить в ТЮРЬМУ сроком на ДВАДЦАТЬ
	Обвиняется по части 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.IV.1943 года	ПЯТЬ лет, считая срок с 7 июня 1945 года

Председатель Зам. Министра Государственной
безопасности Союза ССР
С. ОГОЛЬЦОВ
Заместитель Генеральный
Прокурор Союза ССР
Н. ХОХЛОВ
Члены совещания:
Заместители Министра Государственной
безопасности Союза ССР
С. ГОГЛИДЗЕ
П. МИРОНЕНКО
И. САВЧЕНКО
П. КОНДАКОВ
Заместитель —
Нач. секретариата Особого Совещания
И. БОРОВКОВ

Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. № 6534. Л. 1, 83.

№ 13. АМНИСТИЯ: УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР (17 сентября 1955 г.)

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР «ОБ АМНИСТИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН, СОТРУДНИЧАВШИХ С ОККУПАНТАМИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.»

Москва, Кремль, 17 сентября 1955 г.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны советский народ добился новых больших успехов во всех областях хозяйственного и культурного строительства и дальнейшего укрепления своего социалистического государства.

Учитывая это, а также прекращение состояния войны между Советским Союзом и Германией и руководствуясь принципом гуманности, Президиум Верховного Совета СССР считает возможным применить амнистию в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по малодушию или несознательности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами.

В целях предоставления этим гражданам возможности вернуться к честной трудовой жизни и стать полезными членами социалистического общества Президиум Верховного Совета СССР **постановляет**:

1. Освободить из мест заключения и от других мер наказания лиц, осужденных на срок до 10 лет лишения свободы включительно за совершенные в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. пособничество врагу и другие преступления, предусмотренные ст. ст. 58^{1}, 58^{3}, 58^{4}, 58^{6}, 58^{10}, 58^{12} Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик.

2. Сократить наполовину назначенное судом наказание осужденным на срок свыше 10 лет за преступления, перечисленные в ст. 1 настоящего Указа.

3. Освободить из мест заключения независимо от срока наказания лиц, осужденных за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Освободить от дальнейшего отбывания наказания лиц, направленных за такие преступления в ссылку и высылку.

4. Не применять амнистии к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан.

5. Прекратить производством все следственные дела и дела, не рассмотренные судами о преступлениях, совершенных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., предусмотренных ст. ст. 58^{1}, 58^{3}, 58^{4}, 58^{6}, 58^{10}, 58^{12} Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик, за исключением дел о лицах, указанных в ст. 4 настоящего Указа.

6. Снять судимость и поражение в правах с граждан, освобожденных от наказания на основании настоящего Указа.

Снять судимость и поражение в правах с лиц, ранее судимых и отбывших наказание за преступления, перечисленные в ст. 1 настоящего Указа.

7. Освободить от ответственности советских граждан, находящихся за границей, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Освободить от ответственности и тех ныне находящихся за границей советских граждан, которые занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в том числе и вовлеченных в антисоветские организации в послевоенный период, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины или явились с повинной.

В соответствии с действующим законодательством рассматривать как смягчающее вину обстоятельство явку с повинной находящихся за границей советских граждан, совершивших в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. тяжкие преступления против Советского государства. Установить, что в этих случаях наказание, назначенное судом, не должно превышать пяти лет ссылки.

8. Поручить Совету Министров СССР принять меры к облегчению въезда в СССР советским гражданам, находящимся за границей, а также членам их семей, независимо от гражданства, и их трудоустройству в Советском Союзе.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Ворошилов
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н. Пегов

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 72. Д. 522. Л. 110–112. Опубликовано в: Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 17. Стб 345.

№ 14. ИЗ ПОКАЗАНИЙ Б. Г. МЕНЬШАГИНА (24 января 1968 г.)

СПРАВКА № 13/3-5757-58 О ПОКАЗАНИЯХ Б. Г. МЕНЬШАГИНА О Д. Д. КОСМОВИЧЕ, М. ВИТУШКО, Н. Г. СВЕРЧКОВЕ И Н. Ф. АЛФЕРЧИКЕ

СЕКРЕТНО
Экз. № 2

СПРАВКА

Осмотром уголовного дела № ОС-101424 по обвинению МЕНЬШАГИНА Бориса Георгиевича установлено, что по его показаниям проходят следующие лица: Космович Д. Д., Витушко М. (без отчества), Сверчков Н. Г. и Алферчик Н. Ф.

В отношении КОСМОВИЧА Д. Д. Меньшагин показал:

— Космович Дмитрий Денисович, начальник окружной полиции, житель г. Несвижа, Барановичской обл., до 1939 г. проживал в Польше и был на службе в польской полиции. В период оккупации работал в Минске по организации полиции, затем с октября 1941 г. работал по апрель 1942 г. в Брянске начальником окружной полиции.

С мая 1942 г. по сентябрь 1943 г. работал в Могилеве начальником полиции. В первой половине 1944 г. Космович работал при штабе среднего участка фронта в качестве инспектора по полиции, проживая в то время при штабе в г. Минске. В конце 1944 г. я его встречал в Берлине, в форме немецкого майора.

За работу у немцев в Смоленске Космович получил у немцев в феврале 1943 г. ордена «За храбрость» II класса в бронзе с мечами в связи с активной его борьбой против партизан Смоленщины. После этого Космович имел еще ряд орденов.

Меньшагин также показал, что летом 1942 г. Космович в Смоленском окружном управлении на совещании районных начальников и начальников районных полиций выступал с информацией об успешных действиях окружной стражи против партизан на территории Касплянского р-на.

На этом же совещании было принято решение выпустить листовку в целях разложения партизан и боевых групп, в которых участвовали бойцы и командиры Красной Армии, находившиеся в тылу у немцев.

В числе других лиц эту листовку подписал и Космович.

Других показаний на Космовича в деле не имеется.

О ВИТУШКО Меньшагин показал:

— Витушко Михаил (отчество не знаю), заместитель начальника окружной полиции. В прошлом также житель Польши, служил раньше в польской полиции, являлся заместителем Космовича по полиции в Минске, Брянске, Смоленске и Могилеве. В первой половине 1944 г. также работал по полиции при штабе среднего участка фронта в г. Минске. Встречал его впоследствии в Берлине.

Витушко является родственником Космовичу и Островскому.

В феврале 1943 г. Витушко получил также орден «За храбрость» II класса в бронзе с мечами за активную борьбу против партизан, оперировавших в Касплянском районе.

Витушко вместе с Космовичем организовывал и насаждал полицейские батальоны, которые и инспектировал.

Других показаний не имеется.

На СВЕРЧКОВА Меньшагин дал следующие показания:

— Сверчков Николай Георгиевич — начальник окружной полиции с июня по сентябрь 1943 г. До этого времени работал с марта 1942 г. и по сентябрь 1943 г. по совместительству начальником Смоленской городской полиции. В прошлом житель г. Калинина, работал в театре художником. В период оккупации был зам. начальника городской полиции г. Калинина.

После выезда из Смоленска работал с октября 1943 г. по июнь 1944 г. включительно заместителем начальника вспомогательной полиции «СД» в г. Минске, а впоследствии работал в г.г. Сосновицы, Ченстохове и др. местах в качестве начальника особой команды «СД».

За работу у немцев награжден 3-мя орденами «За храбрость» II класса в бронзе и в серебре с мечами. Один из орденов он получил 22 июня 1943 г. в Смоленске.

Сверчков имеет звание гауптштурмфюрера (капитана) войск «СС». Принял немецкое подданство.

Далее Меньшагин показал, что по указанию руководства «СД» в августе 1941 г. им была создана городская полиция, находившаяся в его личном подчинении до мая 1942 г. Позднее и весь последующий период деятельности городской полиции контролировалась и направлялась «СД». Однако начальник полиции Сверчков информировал его о работе в целом.

Полиция свои карательные функции особенно активно развернула с января 1942 г. Дела на партизан и на других арестованных советских

патриотов после их изобличения в полиции передавались в «СД», где часть из них расстреливалась или ссылалась в лагеря.

Меньшагин заявил, что он сообщил Сверчкову о Дринкере, подозревавшемся в связях с немецкой разведкой. Сверчков заинтересовался Дринкером, и вскоре он был арестован, а затем расстрелян. С Дринкером были также расстреляны Бонескул и Горский[1]. Меньшагин назвал в числе арестовывавшихся Сверчковым Ильина, его сестер и других лиц, фамилий которых не помнит, Сидорову Антонину.

Сверчков принимал непосредственное участие в уничтожении цыган в Александровском колхозе Михневского р-на.

При отступлении немцев Сверчков вместе с полицейским аппаратом остался в городе Смоленске для выполнения задания по уничтожению города.

Других показаний не имеется.

Об АЛФЕРЧИКЕ Меньшагин показал:

— Алферчик Николай Федорович, белоэмигрант, в прошлом уроженец и житель г. Пинска (Польша). Со слов самого Алферчика мне известно, что он в 1939 г., по приходе Красной Армии в г. Пинск, бежал в Варшаву, где установил тесную связь с «русским комитетом», возглавлявшимся Войцеховским.

В Смоленск Алферчик прибыл из Варшавы в октябре 1941 г. При явке ко мне с группой других белоэмигрантов, в частности с Каменецким, Калякиным, Тарасовым и др., Алферчик предъявил мне документ, исходивший от «Русского комитета» Войцеховского и немецкий пропуск. В декабре 1941 г., согласно моему распоряжению, начальник Смоленской городской полиции Умнов принял Алферчика на должность следователя полиции. С мая 1942 года Алферчик был назначен и работал по сентябрь 1943 г. начальником 2-го отдела городской полиции, а с февраля 1942 г. окружной полиции (так записано в протоколе допроса).

По работе в полиции Алферчик характеризовался как активный разоблачитель партизан и патриотических организаций и групп в Смоленске.

Алферчик лично сам вел дела на партизан и на советских парашютистов и отличался при допросах особой жестокостью, избивая при допросах, а это было однажды и в моем присутствии, арестованных советских патриотов, дела на которых велись во 2-м отделе и затем передавались в «СД».

Алферчик за работу в Смоленске был немецким командованием дважды (20 апреля 1943 г. в моем присутствии и 22 июня 1942 г.) награжден

---

[1] См. о деле Дринкера (Меньшагин запомнил его как Дрикслера), Бунескула и Горской в наст. изд., с. 463–466.

орденами II класса в бронзе. Второй орден Алферчик был вручен по линии «СД», первый орден ему вручил генерал-майор Поль, являвшийся комендантом Смоленска.

О принадлежности Алферчика к НТСП мне стало известно с его слов, когда он мне давал читать программу и брошюры организации «НТСП» примерно в ноябре 1941 г.

Алферчик вместе с начальником городской полиции Сверчковым после моего выезда 20 сентября 1943 г. с аппаратом городского управления на запад в сторону отступающих немецких войск, оставался в Смоленске и руководил поджогами в городе полицейскими городских строений.

Примерно 25 сентября 1943 г. Алферчика я встретил в Борисове, где он мне заявил об уничтожении немцами Смоленска и о сожжении полицией почти всех деревянных строений.

В последующее время Алферчик работал начальником одного из отделов вспомогательной полиции при «СД» в Минскае, именовавшейся среди жителей Минска, как Смоленская «СД». За работу в Минске Алферчик был немцами награжден орденами II-го класса в серебре и в золоте. Эти ордена я лично видел у Алферчика при встрече с ним в Минске 13 мая 1944 года.

После эвакуации Белоруссии и отступления немцев Алферчик работал в «СД» в г. Брауншвейге в качестве следователя по русским делам, о чем он говорил мне лично в Берлине в декабре 1944 г., будучи у меня в квартире в день рождения моей племянницы Клышейко Станиславы Францевны.

Последний раз Алферчика я видел в Берлине в метро в феврале 1945 г., когда он мне сообщил, что он работает в отделе безопасности «Комитета освобождения народов России», возглавлявшегося генерал-лейтенантом Власовым. Подробностей о своей работе в «комитете» Алферчик мне не рассказывал. О дальнейшей судьбе его мне не известно.

Справку составил —
Прокурор Отдела по надзору за следствием
в органах Госбезопасности Прокуратуры Союза ССР
Старший советник юстиции Гусев.

ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 85085. Л. 73–77. Рассекречено. С пометами: «Справка доложена т. Терехову Г.А. Дано указание передать 1 экз. в УКГБ при СМ СССР по Смоленской обл. 23.I-68» и «24.I.1968 года. № 13/3-5757-58. Первый экземпляр справки получил следователь УК ГБ по Смоленской обл. ст. лейт. Мокра Валентин Николаевич 24 января 1968 г. Удостоверение № СМ 0459. Подпись».

№ 15. С. КАРАВАНСКИЙ. ПРОШЕНИЕ ОТ ИМЕНИ БОРИСА МЕНЬШАГИНА (9 декабря 1968 г.)

ПРОШЕНИЕ БОРИСА МИНЬШАИНА

В Международный комитет Красного Креста и Красного Полумесяца.
От белорусского гражданина МИНЬШАИНА Бориса Федоровича,
беспартийного, по национальности белоруса, осужденного в 1945 году
постановлением ОСО на 25 лет тюремного заключения
и содержащегося в тюрьме № 2 г. Владимира.

Я, белорусский гражданин, МИНЬШАИН Борис Федорович, 24-й год содержащийся в тюрьме без вины, прошу Международный Красный Крест заинтересоваться моей судьбой помочь мне добиться элементарного человечного к себе отношения, в котором мне бессердечно и безапелляционно отказано.

Моя просьба вытекает из моей трагической биографии, а поэтому я должен познакомить Вас с ней.

Я — уроженец Белоруссии — в 1941 г. оказался на оккупированной немцами территории СССР и в 1942 г. был приглашен как местный житель для участия в международной комиссии по расследованию массового зверского убийства 10 тысяч польских военнопленных в Катынском лесу. В качестве члена комиссии я участвовал в ее работе, и моя подпись стоит под целым рядом документов, а также под заключением, опубликованном Комиссией в 1942–1943 гг. и устанавливавшем прямых виновников массового бесчеловечного убийства безоружных пленных. Как неопровержимо показано комиссией, виновником этих злодеяний являются советские репрессивные органы НКВД. Поставив свою подпись под документами комиссии, я поступил, как должен поступить всякий честный патриот, и сейчас, спустя 27 лет после участия в комиссии, готов подписать эти документы вторично. Опасаясь за свою судьбу, так как я был знаком с правосудием, распространенном в СССР, я в 1944 г. выехал на Запад и к моменту окончания войны в 1945 году находился

в Югославии (Белград). Летом 1945 г. мне стало известно, что репрессивные органы в СССР арестовывали мою жену и дочь. Возмутившись таким чудовищным актом злобной мстительности по отношению к ни в чем не повинным членам моей семьи, я обратился в Советское посольство в Югославии с протестом... Посол, выслушай меня, обещал разобраться в случившемся, но буквально через несколько дней я был схвачен на улицах Белграда и под конвоем отправлен в СССР. Здесь меня ждал «суд» ОСО (без судьи, прокурора и защиты). ОСО вынесло приговор — 25 лет тюрьмы. С тех пор и поныне я нахожусь в одиночном заключении во Владимирской строгой тюрьме. Все долгие годы заточения я не раз пытался узнать, где мои жена и дочь, чтобы хотя бы перед смертью обменяться весточкой с родными мне людьми, но всё бесполезно. Я содержусь один, и никто из моих родных не знает, где я. Я не получаю ни писем, ни посылок — никакой связи с внешним миром. Это трагическое положение и заставляет меня обратиться в Международный Красный Крест [с просьбой] разыскать мою жену и дочь и передать им, что их муж и отец, МИНЬШАИН Борис Федорович находится во Владимирской тюрьме № 2. [Адрес] таков: г. Владимир, ГСП, Учреждение 0540-2, МИНЬШАИНУ Борису Федоровичу.

9.12.68. <Подпись>

Отраслевой государственный архив Службы безопасности Республики Украина (Киев). Ф. 1. Д. 976. Л. 330–336. URL: http://avr.org.ua/index.php/viewDoc/25130/.

№ 16. Г. Г. СУПЕРФИН. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ 1971

[Г. Г. СУПЕРФИН.] ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый г-н редактор!

В № 104 Вашего журнала, в статье В. Позднякова, приведены некоторые неверные сведения. Покойный Сергей Максимов (Широков, в Смоленске говорил, что его настоящая фамилия — Пасхин), на которого ссылается В. Поздняков, преувеличил участие профессора Базилевского в освещении обстоятельств, сопутствующих обнародованию трагического события: Базилевский в Катынь не ездил, в актовом зале Смоленского мединститута (в помещении которого находилось городское управление) не выступал. В поездке в лес 18 апреля 1943 года участвовали: редактор газеты «Новый путь» Долгоненков; ст. лейтенант РОА Бршолей[1]; бургомистр Меньшагин; сотрудник управления Борисенко; зав. паспортным отделом управления Дьяконов. Поездка была совершена на немецкой машине по инициативе сотрудника отдела пропаганды СД Ремпе. Отчет о поездке появился в «Новом пути», автор его — Долгоненков.

Также неправ Умнов, говоря, что поляки были в Катыни в 1940 году. Они находились в Оптиной пустыни (Козельск).

Но вернемся к Базилевскому. Вряд ли справедливо утверждение, что он был информатором НКВД, — по крайней мере, во время оккупации Смоленска материалами об этом никто, в первую очередь бургомистр, чьим заместителем Базилевский был до октября 1942 года, не располагал. Борис Васильевич Базилевский относился к разряду вечно испуганных людей: боязнь из-за происхождения (близкий родственник предводителя московского дворянства П. А. Базилевского), подозрительное отношение в институте, где он был профессором, и «проработка» его на собрании там в 1937 году способствовали развитию у него нерешительности, утрате мужества и рассудительности. Став в июле 1941 года бургомистром, он быстро от этого поста отказался, стал заместителем бургомистра, а после открытия гимназии в городе ушел из управления туда директорствовать. Боясь прихода советских войск, но также боясь уйти с немцами, он уехал из Смоленска в дом инвалидов в село Дрюцк. Нам неизвестно,

---

[1] В «Воспоминаниях» Меньшагин привел иное звучание фамилии: Горшколеп.

когда Базилевский был арестован. Нам неизвестно, ценой каких моральных волнений Базилевский взял на себя груз лжесвидетельства в советской комиссии и на Нюрнбергском процессе. После процесса Базилевский в Смоленск не возвращался и умер в Новосибирске около 1955 г., работая преподавателем в местных институтах.

Все эти, вполне достоверные, сведения сообщил один человек, репатриировавшийся из России в Израиль в 1971 году.

П. Р.[1]

Впервые: Новый журнал (Нью-Йорк). 1972. Кн. 108. С. 262–280. Перепечатано: Меньшагин, 1988. С. 158–159.

---

[1] За криптонимом П. Р. скрывался Г. Г. Суперфин, нелегально отправивший это письмо как своего рода отклик Меньшагина на публикацию статьи В. Позднякова «Новое о Катыни» (Новый журнал. 1971. Кн. 104. С. 262–280). Находясь под следствием в Орле в 1973–1974 гг., Суперфин раскрыл свое авторство и дал показания о передаче письма за границу (Показания Г. Суперфина от 4 октября 1973 г. // Следственное дело № 27 по обвинению Суперфина Г. Г. в совершении преступления по ч. I ст. 70 УК РСФСР. Начало 3 июля 1973, завершено 28 марта 1974: В 8 т. Т. 3. Л. 168.). Однако следствие предпочло пройти мимо этого пункта, и Меньшагин по этому вопросу даже не был допрошен.

№ 17. Г. Г. СУПЕРФИН. О СМОЛЕНСКИХ АДВОКАТАХ ПЕРИОДА «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА» (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «РАБОЧИЙ ПУТЬ»)

Воспоминания Б. Г. Меньшагина о довоенном времени сконцентрированы на его профессиональной адвокатской деятельности. В частности, выделяются его рассказы о так называемых «показательных процессах» 1937 г. над работниками сельского хозяйства.

В августе–сентябре 1937 г. такие процессы прокатились по всей стране — во исполнение секретной директивы Политбюро ВКП(б) за подписью И. В. Сталина, разосланной шифротелеграммами во все регионы 3 августа 1937 г. Директива требовала «организовать в каждой области по районам 2–3 открытых показательных процесса над врагами народа — вредителями сельского хозяйства...»[1]

Первым из показательных процессов этой череды в Западной области стал суд над землеустроителями и др., работавшими в Андреевском районе. Судила их выездная сессия спецколлегии Облсуда (судьи П. М. Онохин, А. Г. Оглоблин, Игнатьев; обвинитель — зам. прокурора области А. М. Тимошин; защитник К. С. Сентюрин; секретарь суда А. Т. Петухов). Процесс проходил 24–26 августа. Соответствующая газетная информация обрывалась на процедуре допросов свидетелей и резолюциях собраний трудящихся района: расстрелять «эту банду мерзавцев»[2]. Вечером того же дня, без пятнадцати девять, и. о. первого секретаря обкома Коротченков отрапортовал Сталину телеграммой: «Вечером ожидается приговор»[3].

На следующий день, 27 августа, областная газета «Рабочий путь» вышла без упоминания о процессе. Зато была напечатана заметка «Всё ли благополучно в коллегии защитников?» (автор — М. К<репский>): «...здесь работают опороченные и прямо-таки враждебные люди, изгнанные в свое время из органов суда и прокуратуры». «Не так давно Фокиным были приняты» «снятые с работы в органах юстиции». Среди них — и Сентюрин, и Г. М. Рыжиков, который 11 августа выступил на процессе

---

1 ТСД, 2004. С. 394.
2 РП. 1937. 26 августа. С. 3.
3 ТСД, 2004. С. 400–401.

в Рудне «с явно антисоветской речью», и П. Е. Иванов, пользующийся в своей работе «политически вредной литературой».

Случайно ли появился материал об адвокатах с упоминанием Сентюрина и где же сам приговор? Вот, в пересказе, определение судебной коллегии: после речи обвинителя защитник Сентюрин, член ВКП(б), при публике «выступил с явно антипартийной и антисоветской речью, а именно, несмотря на бесспорность доказательств виновности Мясоедова и Сергеева в контрреволюционной агитации — Сентюрин требовал от суда их оправдания. В ответной речи продолжал отстаивать свои антипартийные и антисоветские выступления, заявляя, что нет никакого состава преступления со стороны указанных обвиняемых и пал в обморок». Приговор после такого пассажа состоялся, наверное, за полночь. Были даны максимально большие тогда сроки: 10 и 8 лет заключения. Одновременно суд вынес определение (вряд ли оглашенное в суде) в отношении защитника Сентюрина. Оно было отправлено в Коллегию защитников и в Обком «для обсуждения вопроса о невозможности дальнейшего оставления [Сентюрина] на работе... и в обком ВКП(б) на распоряжение»[1]. Сам приговор был пересказан в «Рабочем пути» спустя неделю — 2 сентября.

Напомним: Коротченков дал отчет о ходе процесса Сталину 26 августа еще до вынесения приговора. И только в 9 час. 45 минут следующего дня, 27 августа, она была расшифрована в ЦК, в его Особом секторе (шифрование и дешифровка спецкорреспонденции). Предположительно Сталин ознакомился с ней не раньше второй половины дня (известно, что он начинал работу со второй половины дня). Его ответ гласил: «Советую приговорить вредителей Андреевского района к расстрелу, а о расстреле опубликовать в местной печати». Ответ ушел в Смоленск в 17 часов 27 августа.

Иначе говоря, приговор был провозглашен прежде, чем пришел «совет» Сталина. Наверное, как только он был получен, приговор был опротестован облпрокуратурой в следующую судебную инстанцию, Верховный суд РСФСР. Прокурор СССР А. Я. Вышинский протест поддержал, и Верховный суд молниеносно приговор облсуда «за мягкостью отменил».

---

[1] Определение суда, ТСД. 2004. С. 400. Уточнить дальнейшую судьбу защитника К. С. Сентюрина можем лишь гипотетически и частично. Он был назван среди «вычищенных» из Коллегии защитников (РП. 1937. 20 сентября. С. 4). В 1939 г. некий Константин Стефанович Сентюрин — помощник прокурора Дятьковского района (тогда Орловской области), а в 1941 г. — он же руководитель диверсионной группы НКВД в том же районе (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док-тов. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября — 31 декабря 1941 года. М.: Русь, 2000. С. 47).

3–5 сентября состоялось новое слушание облсудом в Андреевском (ныне село Днепровское) — при ином составе суда и частично при закрытых дверях[1]. Обвинитель — и. о. прокурора области Г.И. Мельников. Защитник — С.С. Малкин. И закончилось оно расстрельными приговорами[2], приведенными в исполнение 3 октября 1937 г.[3]

«Рабочий путь» освещал (разумеется, искривленно и с умолчаниями) два показательных процесса, в которых принимал участие Б.Г. Меньшагин, в частности процесс восьми ветеринаров-вредителей в конце ноября 1937 г.[4] Вот образцы газетных заголовков, приуроченных к датам процесса: к открытию (24 ноября) — «Враги народа просчитались», а все остальные дни (26, 27, 28 и 29 ноября) — «Враги народа перед советским судом: Судебный процесс над троцкистско-бухаринской бандой вредителей из отдела животноводства Облзу». Имена Меньшагина и Малкина как защитников в корреспонденциях упомянуты дважды, оба раза протокольно и без конкретизации их позиций.

О самих процессах и об адвокатской деятельности на них Меньшагина см. в тексте его воспоминаний.

2019

---

[1] РП. 1937. 6, 7 и 8 сентября.
[2] РП. 1937. 7 сентября. С. 3; 8 сентября. С. 4.
[3] РП. 1937. 6 октября. С. 4.
[4] См. в наст. издании, с. 288–303, 306–310.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Научное издание

БОРИС МЕНЬШАГИН
Воспоминания. Письма. Документы

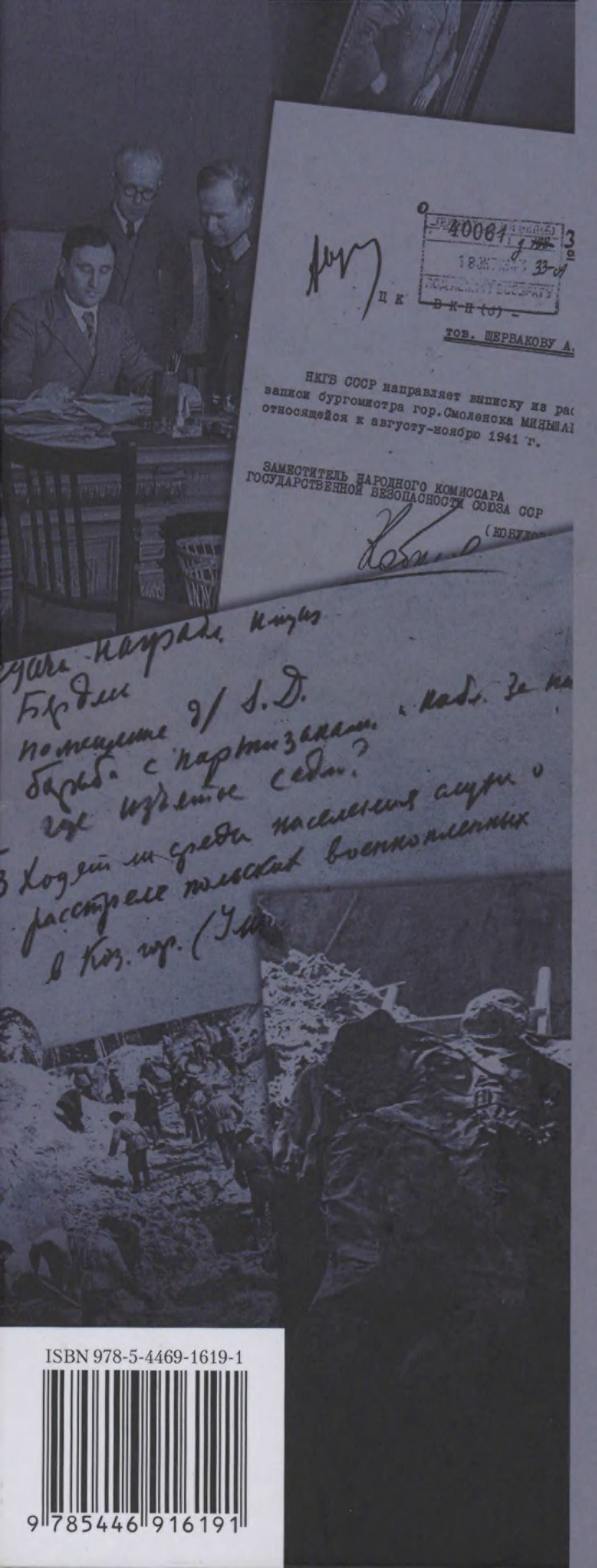
Составление и подготовка текста *П. М. Полян*

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*. Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 30.09.2019. Формат 70×100 $^1/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 66,4. Заказ № 1820. Тираж 1000 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Долгом своей совести считаю нужным запечатлеть на бумаге свои воспоминания о пережитом.

Борис Меньшагин

Борис Георгиевич Меньшагин (1902–1984) — интереснейшая историческая личность с уникальной судьбой. Успешный смоленский адвокат в довоенные годы, бургомистр Смоленска и Бобруйска в годы немецкой оккупации, осужденный за это к 25 тюремным годам, которые отсидел полностью и почти исключительно в одиночке. Он стал невольным заложником Катынской трагедии — расстрела польских военнопленных офицеров НКВД весной 1940 года: при попытке переложить ответственность за это на Третий Рейх Сталин пытался опереться на сфальсифицированные его «свидетельства», устные и письменные. Дошедшие же до нас подлинные высказывания Меньшагина — воспоминания, интервью, письма — без преувеличения памятники эпохи и истинный клад для исследователя советских репрессий, немецкой оккупации и советского коллаборационизма.

Павел Полян

Меньшагин в высшей степени соответствовал своему назначению: он был адвокатом, защитником. И первый естественный импульс в любых условиях и обстоятельствах для него заключался в том, что надо защищать людей. Он старался выполнить эту задачу в период массовых репрессий тридцатых годов, он принял на себя эту миссию, когда пришли немцы

Александр Грибанов

…Эти мемуары являются тщательно подготовленной речью защитника на гипотетическом судебном процессе против него самого.

Сергей Амелин

…Мемуарист стремился достичь того уровня детализации, которая бы подкрепляла общую достоверность текста и приукрашенную картину его собственных мотивов.

Майкл Дэвид-фокс

…О своей жизни он рассказывал очень просто, но чрезвычайно подробно, у него была феноменальная память.

Вера Лашкова

ISBN 978-5-4469-1619-1

9 785446 916191